ИСТОРІЯ РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ,

ДРЕВНЕЙ И НОВОЙ.

ИСТОРІЯ

РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ,

ДРЕВНЕЙ И НОВОЙ.

Сочиненіе

А. Галахова.

Томъ I.

(ИСТОРІЯ ДРЕВНЕЙ РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ.—ИСТОРІЯ НОВОЙ ДО КАРАМЗИНА).

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи главнаго управленія военно-учебныхъ заведеній.

1863.

Одобрено цензурою.
С. Петербургъ, 23 Апрѣля, 1863 года.

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ,

ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ

АЛЕКСАНДРУ НИКОЛАЕВИЧУ

Всеподданнѣйшее приношеніе.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Составленное мною руководство къ Исторіи Русской Словесности раздѣлено на два тома: первый, предлагаемый теперь публикѣ, содержитъ въ себѣ древній ея періодъ и отдѣлъ новаго, по XIX-ое столѣтіе (до Карамзина) (*); второй, находящійся въ печати, излагаетъ ея исторію въ XIX-мъ столѣтіи (отъ Карамзина до нашего времени). Пособіями при изученіи этого руководства служатъ: для древняго періода, «Историческая Христоматія церковно-славянскаго и древне-русскаго языковъ», Ѳ. И. Буслаева, а для новаго, изданная мною «Историческая Христоматія новаго періода Русской Словесности».

Я смотрю на мой трудъ, какъ на опытъ, не болѣе. Задачею его было воспользоваться наличнымъ матеріаломъ историко-литературныхъ изслѣдованій, необходимыхъ для соотвѣтственнаго имъ, возможно-полнаго изложенія той науки, которая служитъ его предметомъ. За нѣсколько лѣтъ передъ симъ, началась у насъ усиленная разработка древне-русской литературы, какъ прежде того господствовало усиленное движеніе въ критикѣ литературныхъ произведеній XVIII и XIX вѣковъ. То и другое принесло свои плоды. Сочиненія г.г. Буслаева, Пыпина и Тихонравова, открывъ новые отдѣлы въ исторіи нашей словесности, не только обогатили ея содержаніе, но и самый вопросъ о ея значеніи и объемѣ поставили яснѣе и правильнѣе. Результаты ихъ изслѣдованій я старался ввести въ мою книгу, чтобы она не представляла пробѣловъ по самымъ виднымъ и существеннымъ статьямъ науки. На сколько и какъ выполнена означенная задача, предоставляю судить людямъ знающимъ.

Согласно двумъ сторонамъ словесныхъ произведеній (§ 6), послѣднія разсматриваются мною съ двухъ точекъ зрѣнія: исторической и литературной. Читатель увидитъ, что книга моя даетъ перевѣсъ первой точкѣ зрѣнія, особенно въ новомъ періодѣ словесности, которымъ я больше занимался. Критика историческая, опредѣляющая дѣятельность автора по ея отношенію ко времени, въ которое она имѣла мѣсто, гораздо любопытнѣе и плодотвор-

(*) Онъ доведенъ до того же времени, которымъ оканчивается первый томъ моей Исторической Христоматіи.

нѣе. Главное ея вниманіе обращено на взаимнодѣйствіе литературы и современной эпохи: она показываетъ, какъ эта эпоха отражается въ литературѣ, и какъ литература, въ свою очередь, дѣйствуетъ на понятія эпохи. Въ словесныхъ произведеніяхъ она по преимуществу цѣнитъ ихъ образовательную силу, тѣ понятія и убѣжденія, которыя были ими вносимы въ оборотъ жизни и посредствомъ которыхъ возвышался умственный уровень общества. Авторское достоинство измѣряетъ она не одною степенью литературнаго искуства, но качествомъ образа мыслей, который сообщаетъ сочиненіямъ извѣстное направленіе. Она требуетъ, чтобы явленія слова, удовлетворяя эстетическому чувству, въ тоже время содѣйствовали распространенію идей истины и правды, чтобы художественная форма соединялась въ нихъ съ просвѣтительнымъ содержаніемъ. На основаніи этого я далъ больше простора изложенію отечественной литературы двухъ послѣднихъ столѣтій: въ это время, виднѣе чѣмъ когда-либо, она была орудіемъ культуры, усвоивая и передавая русскому обществу начала западно-европейской цивилизаціи. Но отсюда не слѣдуетъ однакожъ, чтобы я не питалъ сочувствія къ древнему періоду нашей словесности. Напротивъ, книга моя постоянно обнаруживаетъ уваженіе къ прошлому, постоянно выставляетъ заслуги нашихъ писателей умственнымъ и художественнымъ интересамъ родной страны, постоянно даетъ знать, что если наша словесность еще не имѣетъ всемірно-историческаго значенія, то она имѣетъ великое значеніе для успѣховъ русской мысли, русскаго слова, русскаго изящнаго вкуса, что изучать ее, для каждаго изъ насъ, есть дѣло обязанности и любви.

Можетъ статься, критика найдетъ объемъ моей книги слишкомъ обширнымъ для учебника. Допускаю справедливость этого замѣчанія, но подъ извѣстнымъ ограниченіемъ. Уже давно забытъ обычай смотрѣть на учебное руководство, какъ на такое сочиненіе, которое необходимо слѣдуетъ изучать сплошь, отъ первой страницы до послѣдней. Ни одна еще книга, написанная для классическаго употребленія, не могла похвалиться, чтобы цѣлый составъ ея остался безъ какихъ-нибудь перемѣнъ въ рукахъ опытнаго, понимающаго свое дѣло преподавателя. Дополненія или сокращенія всегда будутъ имѣть въ ней мѣсто, какъ и во всякой другой книгѣ. Что было обязательно для автора, по его взгляду на полноту и послѣдовательность изложенія, то можетъ быть необязательнымъ для наставника, по его педагогическимъ соображеніямъ. Сверхъ того, исторія словесности преподается въ томъ возрастѣ, который давно разстался съ указкой. Учащіеся съумѣютъ и сами, при легкомъ пособіи преподавателя, извлекать изъ книги то, что требуется ихъ уроками, и отбрасывать лишнее.

Двоякій шрифтъ (крупный и мелкій) служитъ внѣшнимъ различеніемъ двухъ текстовъ книги: главнаго, заключающаго въ себѣ существенное содержаніе науки, и второстепеннаго, къ которому отнесены библіографическія, біографическія и другія дополненія и указанія. Преподаватель не долженъ

стѣсняться этимъ различеніемъ: отъ его разумной воли зависитъ исключать статьи, напечатанныя крупнымъ шрифтомъ, передвигая ихъ въ примѣчанія, или, на оборотъ, пополнять параграфы нѣкоторыми подробностями, заимствуя ихъ изъ примѣчаній.

По многимъ обстоятельствамъ, изданіе моей книги длилось долгое время. Въ слѣдствіе этого она неизбѣжно должна представлять значительные недостатки, особенно въ первой своей половинѣ, т. е. въ исторіи древней словесности. Нѣкоторыми матеріалами она еще не могла пользоваться; другіе, о которыхъ она говоритъ какъ о рукописяхъ, явились уже въ печати; третьи вышли новыми изданіями или уступили свое мѣсто инымъ, болѣе вѣрнымъ и свѣжимъ матеріаламъ, и т. п. Гдѣ оказывалась возможность своевременныхъ перемѣнъ и дополненій, тамъ это сдѣлано. Все же прочее оставлено до втораго изданія книги, если только она его удостоится. Тогда постараюсь сгладить неровность ея изложенія, съ одной стороны внеся въ нее существенно важныя дополненія, а съ другой опустивъ кой-какія лишнія указанія.

Оканчиваю предисловіе тѣмъ же самымъ, чѣмъ заключено предисловіе къ «Исторической Христоматіи»—искреннею благодарностью всѣмъ лицамъ, трудами которыхъ я пользовался при сочиненіи моего опыта Исторіи Русской Словесности. Считаю долгомъ принести особенную признательность профессору московскаго университета, Ѳ. И. Буслаеву: его совѣты и замѣчанія оказали большое содѣйствіе моему труду.

А. Галаховъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ВВЕДЕНІЕ.

НАРОДНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

1. Пѣсни.

2. Сказки.

3. Пословицы.

ИСКУСТВЕННАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

ДРЕВНІЙ ПЕРІОДЪ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ (IX—XVI в.).

X ВѢКЪ.

XI ВѢКЪ.

XII ВѢКЪ.

XIII вѣкъ.

XIV вѣкъ.

XV вѣкъ.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ (XVI и XVII в.).

XVI вѣкъ.

XVII вѣкъ.

XVIII вѣкъ.

А. Эпоха Петра I.

Б. Отъ Кантемира до Ломоносова.

НОВЫЙ ПЕРІОДЪ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ (ОТЪ ЛОМОНОСОВА ДО КАРАМЗИНА)

А. Царствованіе Елисаветы.

Б. Царствованіе Екатерины II.

ДОПОЛНЕНІЯ.

ВВЕДЕНІЕ.

§ 1. Слово «Словесность» имѣетъ двоякое значеніе: въ первомъ, оно показываетъ науку о словесныхъ произведеніяхъ; во второмъ — совокупность этихъ произведеній. Такъ совокупность словесныхъ произведеній русскаго народа образуетъ «словесность русскую», совокупность словесныхъ произведеній французскихъ — «словесность французскую», и проч. Въ послѣднемъ смыслѣ, Словесность называется также «Литературою».

§ 2. Словесность, принимаемая въ значеніи литературы, обнимаетъ всѣ словесныя произведенія, изображающія жизнь и характеръ народа. Такъ какъ это изображеніе преимущественно является въ краснорѣчіи и поэзіи; то исторія краснорѣчія и поэзіи занимаетъ главнѣйшее, но не единственное, мѣсто въ исторіи литературы. Всѣ другія сочиненія, не смотря на то, что въ нихъ преобладаютъ или научныя или практическія цѣли, также разсматриваются исторіею литературы по отношенію ихъ къ народной жизни и народному характеру, или по вліянію на развитіе краснорѣчія и поэзіи, или по изящной формѣ, въ которую облечено ихъ содержаніе. Такимъ образомъ объемъ литературы есть объемъ всѣхъ отраслей духовной дѣятельности, выражаемыхъ словомъ.

§ 3. Литература состоитъ въ тѣсной связи съ жизнію народа, какъ внѣшнею, такъ и внутреннею. Въ ней выражаются и факты общественнаго быта, и сознаніе этихъ фактовъ. Природа страны, національный характеръ, религія, состояніе образованности, умственное и нравственное направленіе, короче: всѣ элементы и стороны общества находятъ свое представленіе въ литературныхъ памятникахъ. Поэтому выраженіе Бюффона: «слогъ есть человѣкъ», можно примѣнить къ литературѣ, сказавъ, что «литература есть народъ». Какъ въ слогѣ выражается «личность» писателя, такъ въ словесности выражается личность народа — «народность».

Отношеніе литературныхъ произведеній къ общественной жизни двоякаго рода: въ однихъ видно «прямое» выраженіе дѣйствительности, съ ея мѣстными и временными отличіями; въ другихъ раскрывается духовное настроеніе эпохи, идеи и потребности общества, общественное сознаніе, хотя при этомъ можетъ и не быть прямаго указанія на дѣйствительность, вѣрнаго воспроизведенія событій и характеровъ. Исторія литературы обязана разъяснять оба отношенія.

Чѣмъ сильнѣе въ словесномъ произведеніи выразилось направленіе жизни, чѣмъ яснѣе въ немъ раскрылась какая-нибудь сторона народнаго духа, тѣмъ оно

значительнѣе. Важность его, въ этомъ смыслѣ, опредѣляется не столько литературнымъ достоинствомъ, сколько степенью отношенія къ общественной жизни.

Объемъ понятія «общество» различенъ: и цѣлый народъ есть общество, и разные классы народа образуютъ особые общественные круги, и въ каждомъ кругу находятся многія степени, которыя тоже носятъ названіе обществъ. Есть высшее и низшее общество, есть общество образованныхъ и необразованныхъ, есть большинство и меньшинство публики. Словесное выраженіе каждаго изъ разнообразныхъ общественныхъ круговъ принадлежитъ къ литературѣ, потому что дѣло здѣсь не въ величинѣ круга, а въ томъ, что этотъ кругъ дѣйствительно существуетъ и что онъ своимъ появленіемъ и бытіемъ обязанъ историческому развитію. Авторъ, по своему образованію, можетъ принадлежать къ лучшей, избранной части общества; можетъ и возвышаться надъ цѣлымъ обществомъ, сознавая такія потребности жизни, которыя другимъ не являются даже въ видѣ темныхъ предчувствій. Если онъ въ твореніяхъ своихъ представитъ образъ этого избраннаго, хотя и малочисленнаго, общества, или изобразитъ свои идеальныя стремленія; то его творенія займутъ законное мѣсто въ литературѣ, какъ выраженіи того, что въ большей или меньшей степени выработалось развитіемъ гражданственности, ходомъ исторіи.

§ 4. Если литература есть выраженіе жизни, то развитіе первой условливается развитіемъ второй. Успѣхи словесности зависятъ отъ успѣховъ просвѣщенія: чѣмъ ниже степень народнаго образованія, тѣмъ и словесность незначительнѣе, бѣднѣе; чѣмъ совершеннѣе состояніе общества, тѣмъ и словесность его важнѣе, богаче. У народовъ дикихъ, или недавно выступившихъ на историческое поприще, существуютъ только произведенія естественной поэзіи — пѣсни и сказки; у народовъ, достигшихъ высокой степени гражданственности, литература является въ пышномъ цвѣтѣ разнообразныхъ твореній.

Съ другой стороны, и литература оказываетъ вліяніе на жизнь. Исходя изъ просвѣщенія, она вмѣстѣ съ тѣмъ служитъ и средствомъ для просвѣщенія: знакомитъ читателей съ новыми знаніями, распространяетъ въ обществѣ идеи, раскрытыя наукою и жизнію Одолженныя своимъ появленіемъ умственно-нравственному состоянію эпохи, литературныя произведенія, въ свою очередь, обращаются къ дѣйствительности и находятъ въ ней приложеніе, иногда полезное, а иногда вредное. Отсюда понятно, почему историки, изображая прошлую жизнь народа, обращаютъ большое вниманіе на развитіе его литературы. Они не только представляютъ, какъ общественная жизнь дѣйствовала на литературу, принимавшую, въ слѣдствіе этого, то или другое направленіе, но и показываютъ, какъ литература дѣйствовала на жизнь, которая, въ слѣдствіе этого, также обнаруживала нѣкоторыя особенности въ своемъ направленіи.

Примѣровъ взаимодѣйствія между литературою и жизнію не мало. Наиболѣе разительный изъ нихъ—Французская литература XVIII вѣка, произведенная обстоятельствами времени и долго управлявшая общественнымъ движеніемъ. Сентиментализмъ, поэтически воспроизведенный во многихъ повѣстяхъ и романахъ, посредствомъ нихъ оказалъ замѣтное вліяніе на дѣйствительность: для многихъ молодыхъ людей Вертеръ сдѣлался образцомъ. Романтическая поэзія, какъ отраженіе господствовавшаго духа времени, наложила свой отпечатокъ на цѣлое поколѣніе. Байронизмъ, поэзія переходной эпохи, обнаружилъ свое дѣйствіе многими явленіями, составляющими принадлежность тѣхъ героевъ, которые выведены главнымъ представителемъ этой поэзіи—Байрономъ. Случалось, что поэтическіе типы становились идеалами для читателей, которые не только соотвѣтственно имъ настраивали свое воображеніе, но и старались по нимъ устроить свою жизнь.

§ 5. Предметъ Исторіи Словесности—постепенное развитіе литературы, отъ ея начала до настоящаго времени, въ связи съ общественною жизнію. Исторія

Русской Словесности разсматриваетъ русскія словесныя произведенія въ связи съ жизнію общества русскаго.

§ 6. Словесныя произведенія должны быть разсматриваемы съ двухъ точекъ зрѣнія: «исторической» и «литературной.»

А) Такъ какъ литература есть «выраженіе жизни», то каждое словесное произведеніе относится, въ большей или меньшей степени, къ тому времени народной жизни, въ которое оно явилось. Отношеніе литературныхъ памятниковъ къ современному имъ состоянію общества образуетъ ихъ историческое значеніе. Опредѣлить это отношеніе значитъ разсмотрѣть памятникъ съ исторической точки зрѣнія.

Въ сужденіе о словесныхъ произведеніяхъ съ исторической точки зрѣнія входятъ:

а) *Отношеніе ихъ къ жизни писателя*, потому что его природныя свойства, воспитаніе, семейныя обстоятельства и общественное положеніе необходимо отражаются въ его литературной дѣятельности. Такъ развитіе таланта Державина совершилось подъ вліяніемъ врожденныхъ его способностей и обстоятельствъ жизни: поэтическими шагами его, какъ онъ самъ говоритъ, управляли «природа, нужда и враги». Такъ литературная дѣятельность Карамзина во многомъ опредѣлилась начальнымъ его образованіемъ, обществомъ Новикова и путешествіемъ за границу.

б) *Отношеніе къ характеру народа*, потому что отъ болѣе или менѣе тѣснаго сродства личности автора съ духомъ національнымъ зависитъ болѣе или менѣе значительный интересъ его произведеній для публики. Примѣромъ служатъ басни Крылова, который по своей природѣ и жизни былъ истинно-русскимъ человѣкомъ.

в) *Отношеніе къ современному обществу*, въ которомъ писатель живетъ и дѣйствуетъ и которое онъ изображаетъ въ своихъ сочиненіяхъ или безсознательно, или сознательно. Такъ комедіи Фонъ-Визина: Бригадиръ и Недоросль, представляютъ картину невѣжественнаго общества и вмѣстѣ понятія общества образованнаго временъ Екатерины II, а въ комедіи Грибоѣдова: Горе отъ ума, выведены старое и новое поколѣнія временъ Александра I.

г) *Отношеніе къ состоянію общечеловѣческой жизни*, потому что ея вліяніе отражается на жизни отдѣльнаго народа, особенно такого, для котораго, по многимъ историческимъ причинамъ, періодъ заимствованій, подражательности, имѣлъ и имѣетъ несомнѣнную значительность и силу.

д) *Отношеніе къ предъидущимъ и послѣдующимъ литературнымъ явленіямъ*, потому что словесныя произведенія возникаютъ не какъ отдѣльные, въ самихъ себѣ заключенные факты, безъ причинъ и слѣдствій, но какъ необходимые члены постепеннаго развитія словесности. Такъ сатирическая поэзія Екатеринина вѣка ведетъ свое начало отъ Кантемира и въ свою очередь производитъ сатириковъ царствованія Александра I. Кромѣ того русская словесность, на ряду съ другими отраслями умственной жизни, находилась и теперь еще находится подъ вліяніемъ литературъ иноземныхъ: поэтому, при сужденіи о нашихъ литературныхъ памятникахъ, необходимо опредѣлять качества и степень подражательности, то есть, указывать ихъ отношеніе къ иностраннымъ образцамъ — французскимъ, нѣмецкимъ, англійскимъ и пр.

в) *Отношенiе къ успѣхамъ просвѣщенiя*, на которомъ основывается литература и за развитiемъ котораго слѣдуетъ въ своемъ собственномъ развитiи. Такъ появленiе при Петрѣ 1-мъ многихъ переводовъ и оригинальныхъ сочиненiй, съ цѣлью чисто-практическою, объясняется характеромъ тогдашняго образованiя, которое требовало отъ науки матерiальныхъ выгодъ, приложенiя къ жизни.

Такимъ образомъ, въ обсужденiе литературнаго памятника съ точки зрѣнiя исторической, входятъ три элемента: «личный» — отношенiе памятника къ жизни писателя; «нацiональный» — отношенiе его къ современному состоянiю народнаго быта; «общечеловѣческiй» — отношенiе къ общественному состоянiю другихъ государствъ.

Указанные элементы можно уподобить концентрическимъ кругамъ, у которыхъ средоточiе одно и тоже — литературный памятникъ, но которыхъ окружности не одинаковы. Откуда бы ни начали мы осматривать памятникъ — изъ ближайшаго ли къ нему или изъ отдаленнѣйшаго отъ него круга — результатъ выйдетъ одинъ и тотъ же: историческое опредѣленiе литературнаго памятника. Изслѣдованiе, правильно произведенное, покажетъ, какимъ образомъ развитiе общечеловѣческой и народной жизни, вмѣстѣ съ развитiемъ личности автора, обусловило характеръ его дѣятельности; и на оборотъ, разумное знакомство съ характеромъ этой дѣятельности опредѣлитъ, какъ именно отразилися на ней всѣ три дѣйствующiе элемента: личный, нацiональный и общечеловѣческiй. Отраженiе бываетъ иногда такъ ярко, что исторiя сочиненiй раскрываетъ вмѣстѣ исторiю того времени, въ которое они явились. Бальбо и Вегель, представляя характеристику Данта, тѣмъ самымъ характеризуютъ и вѣкъ его. Ломени, бiографъ и критикъ Бомарше, имѣлъ право назвать свою книгу: Beaumarchais et «son temps».

Б) Такъ какъ литература есть выраженiе мысли «въ словѣ», то, кромѣ историческаго значенiя, словесныя произведенiя представляютъ еще значенiе «литературное», состоящее въ отношенiи ихъ къ требованiямъ теорiи, къ законамъ словеснаго искуства. Здѣсь литературный памятникъ, какъ явленiе особое, сличается съ общимъ (родовымъ и видовымъ понятiемъ), и чрезъ это сличенiе обнаруживаются его достоинства и недостатки, его приближенiе къ началамъ и требованiямъ искуства или удаленiе отъ этихъ началъ и требованiй.

По двумъ родамъ словесныхъ произведенiй, прозаическому и поэтическому, литературная критика распадается на критику сочиненiй прозаическихъ и критику сочиненiй поэтическихъ. Первыя оцѣниваются на основанiи теорiи прозы, вторыя на основанiи теорiи поэзiи.

Но литературныя теорiи подлежатъ также развитiю и слѣд. имѣютъ свою исторiю: поэтому, при сужденiи о словесныхъ произведенiяхъ съ точки зрѣнiя литературной, необходимо держаться также метода историческаго, т. е. показывать ихъ отношенiе къ требованiямъ современной имъ литературной теорiи, а не произносить надъ ними рѣшительный приговоръ на основанiи позднѣйшихъ, въ наше время господствующихъ теорiй. Такимъ образомъ опредѣлится «временная», или «относительная» важность литературныхъ явленiй и вмѣстѣ съ тѣмъ покажется, какъ одни изъ нихъ безусловно подчинялись установленнымъ началамъ, нерѣдко одностороннимъ и ложнымъ, тогда какъ другiя, освобождаясь отъ ихъ влiянiя, представляли генiальные образцы, послужившiе основанiемъ для постройки болѣе истинныхъ теорiй. Такъ трагедiи Сумарокова и эпическiя поэмы Хераскова вѣрны господствовавшимъ въ ихъ время понятiямъ о драмѣ и эпосѣ. Напротивъ, Державинъ, во многихъ лирическихъ пiесахъ, освободился отъ правилъ ложно-классической лирики, которыя въ его время почитались непреложными.

§ 7. Исторія Русской Словесности дѣлится на два періода: древній и новый. Древній простирается отъ начала нашей письменности до Петра I; новый — отъ Петра I до нашего времени. Границею, отдѣляющею одинъ періодъ отъ другаго, служитъ такъ называемое преобразованіе Россіи.

§ 8. Литература древняго періода представляетъ два отдѣла: первый простирается отъ начала письменности до XVI столѣтія, второй заключаетъ въ себѣ столѣтія XVI и XVII.

§ 9. Въ новомъ періодѣ различаются слѣдующіе отдѣлы:

а) Первый — отъ начала преобразованія Россіи до Ломоносова (царствованія Петра I и Анны): это—періодъ вступительный, или переходный отъ прежняго направленія литературы къ новому.

б) Второй — отъ Ломоносова до Карамзина (царствованія Елисаветы и Екатерины II). Ломоносовъ есть представитель литературы въ царствованіе Елисаветы; Державинъ и Фонъ-Визинъ — главнѣйшіе представители ея въ царствованіе Екатерины II.

в) Третій—отъ Карамзина до Пушкина (вѣкъ Александра I). Здѣсь главные дѣятели: въ литературѣ вообще—Карамзинъ; въ поэзіи въ частности—Жуковскій.

г) Четвертый (царствованіе Николая I) имѣетъ, въ поэзіи, своими представителями — Пушкина и Гоголя.

НАРОДНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

---

§ 10. Прежде чѣмъ возникаетъ у народа литература искуственная, или письменность, требующая извѣстной степени образованія, онъ обнаруживаетъ свою духовную дѣятельность безъискуственными произведеніями ума и фантазіи, которыя передаются изустно отъ одного поколѣнія къ другому, и потому называются словесностью «изустною». Какъ самородный плодъ непосредственнаго, естественнаго творчества, изустная словесность противополагается литературѣ искуственной, или художественной, требующей творчества сознательнаго, управляемаго размышленіемъ. Это—литература по преимуществу «народная», потому что творецъ ея—народъ, вполнѣ выражающій себя въ своихъ поэтическихъ сказаніяхъ.

§ 11. Народная поэзія (иначе: самородная, естественная, безъискуственная) возникла изъ творческой способности цѣлаго народа, въ незапамятную эпоху его существованія, называемую также эпохой доисторической, или миѳической. Въ теченіе многихъ вѣковъ она возрастала не отдѣльно, а вмѣстѣ съ образованіемъ національности. Ея исторія идетъ нераздѣльно съ исторіею всей народной жизни. Духовное развитіе народа начинается съ процесса миѳологическаго — съ созданія миѳовъ, которыми выражаются вѣрованія. Но въ это же время и тою же силою создаются и народный языкъ, и народная поэзія. Послѣдняя есть таже миѳологія, только выраженная въ художественномъ словѣ. Поэтому отличительное свойство первобытнаго эпоса, какъ главной формы народной поэзіи, состоитъ въ единствѣ вѣрованья и творческаго одушевленія.

Возникшая и образовавшаяся вмѣстѣ съ началомъ и постепеннымъ образованіемъ національности, народная поэзія обнимаетъ не одну художественную дѣятельность, но и всѣ другіе элементы жизни—религіозные, умственные и нравственные. Это—художественное воспроизведеніе всецѣлой національности въ словѣ.

§ 12. Народная поэзія, по своему происхожденію и характеру, существенно отлична отъ поэзіи искуственной. Первая есть произведеніе и общее достояніе народа, обнимающее всѣ интересы его жизни, тогда какъ во второй отдѣльныя лица выражаютъ свои особенныя чувствованія, свой особенный взглядъ на людей и природу.

Въ періодъ господства наивныхъ вѣрованій и юношеской фантазіи, когда народъ еще не распадался на образованные и необразованные классы, на высшія и низшія сословія, когда всѣ принимали равное участіе въ подвигахъ, совершаемыхъ не замысломъ и волею одного какого-либо человѣка, а инстинктомъ и

силою цѣлаго народа, въ этотъ періодъ каждый испытывалъ одинаково возбужденное и одинаково направленное духовное настроеніе. Одна и таже степень развитія приносила съ собою не только одни и тѣ же чувства и понятія, но даже одинъ и тотъ же способъ выраженія чувствъ и понятій. При такомъ состояніи народнаго быта, поэзія имѣла своимъ предметомъ не изобрѣтенное фантазіею, а данное самимъ бытомъ, испытанное и пережитое всѣмъ народомъ. Она представляла народную жизнь въ совершенной истинѣ и простотѣ.

Въ народной поэзіи пѣвецъ относится къ поэтическимъ произведеніямъ совершенно иначе, нежели въ поэзіи искуственной. Отдѣльный человѣкъ, одаренный сравнительно высшею силою безсознательнаго вдохновенія, былъ не что иное, какъ пѣвецъ народный, то есть органъ, голосъ своего народа. Онъ не творилъ чего-либо новаго, а выражалъ лишь то единственно, что извѣстно было каждому; хранилъ національное сокровище поэзіи, но не владѣлъ имъ. Единственная обязанность его состояла въ томъ, чтобы передавать сказаніе въ томъ видѣ, какъ оно было передано ему самому. Такъ какъ въ немъ болѣе, чѣмъ въ другихъ, являлось поэтическое настроеніе, то онъ могъ, конечно, при передачѣ сказанія обнаружить въ извѣстной мѣрѣ самодѣятельность; но она ограничивалась прибавленіемъ немногихъ подробностей, при описаніи лица или при разсказѣ о событіи, и выборомъ того, что казалось пѣвцу важнѣйшимъ въ сказаніи. Никогда не имѣла она возможности создать событія, лица, вообще то, что называется сюжетомъ или баснею поэтическаго произведенія. Даже внѣшнее выраженіе зависѣло не отъ разскащика: онъ употреблялъ только обычные слова и обороты, какъ они сложились народомъ и, однажды сложенные, остались неприкосновенными. Личность пѣвца никогда не выставлялась въ пѣснѣ: она сливалась со всею массою народа въ единствѣ поэтическаго одушевленія, въ единствѣ чувствъ и понятій.

Отсутствіе личности поэта въ народныхъ произведеніяхъ причиною того, что они чужды всякой цѣли и преднамѣренности. Нѣтъ въ нихъ ни лирическихъ изліяній, принадлежащихъ собственно пѣвцу или разскащику, ни сатиры, обнаруживаемой смѣхомъ или негодованіемъ. Они не ставятъ себѣ задачею изобразить характеръ того или другаго класса народа, отнестись сочувствіемъ или неодобреніемъ къ какому либо общественному вопросу, противопоставить прошлое современному въ ущербъ одного и въ выгоду другаго. Нѣтъ въ нихъ никакого покушенія увлекать умъ и воображеніе чѣмъ нибудь новымъ и неожиданнымъ. Увѣренный въ сочувствіи своихъ слушателей, пѣвецъ не допускаетъ никакихъ украшеній и эффектовъ. Въ поэзіи народной жизнь созерцается, какъ она есть, равно всѣмъ понятная, одинаково на всѣхъ дѣйствующая, безъ малѣйшей зависимости отъ личныхъ воззрѣній и, слѣдовательно, безъ малѣйшаго разнообразія, налагаемаго на нее разнообразіемъ творческихъ талантовъ.

Не таковы происхожденіе поэзіи искуственной и ея отношеніе къ жизни. Образованность, достигнувъ извѣстнаго развитія, дозволяетъ отдѣльнымъ личностямъ возвышаться надъ согражданами силою труда и размышленія, усвоивать опредѣленный, собственно имъ принадлежащій взглядъ на міръ. Поэзія является тогда, какъ результатъ индивидуальныхъ соображеній человѣка, одареннаго большею или меньшею степенью творческой способности. Въ поэтическомъ произведеніи ощутительно выступаетъ личность автора, котораго образованіе и внутреннее настроеніе иногда бываютъ совершенно иныя, чѣмъ образованіе и настроеніе народа въ совре-

менную ему эпоху. Поэтъ можетъ изобрѣтать собственный матеріалъ, или въ матеріалъ данный влагать собственную душу; онъ можетъ въ малозначительномъ предметѣ выказать великое искуство, какъ мастерскою обработкою частей, такъ и художественнымъ устройствомъ цѣлаго, по личному своему замышленію и плану. Такимъ образомъ въ искуственной поэзіи представляется не самая жизнь, а отраженіе жизни въ умѣ автора, не вѣковая опытность народа, а опытъ отдѣльнаго лица. На каждое явленіе изъ жизни человѣка и природы смотритъ авторъ не глазами народа, а съ личной точки зрѣнія. Здѣсь находятъ себѣ мѣсто всѣ элементы, устраняемые поэзіею народною: восторженное сочувствіе, сатирическое раздраженіе, горькая или шутливая иронія. Здѣсь поэтическое произведеніе не скрываетъ заранѣе предначертанной себѣ цѣли: видишь и постановку политическихъ или нравственныхъ вопросовъ, и сочувственное или порицающее раскрытіе духа времени. Желая возбудить въ читателяхъ участіе къ своему труду, сочинитель пользуется всѣми способами изящнаго представленія—трогательнымъ повѣствованіемъ, живописными изображеніями, разительными эффектами. Въ языкъ входятъ нерѣдко искуственные, даже чужеземные обороты и формы. Особенныя свойства автора отражаются и на внѣшнемъ поэтическомъ выраженіи, образуя отличительный слогъ, принадлежащій ему, какъ отдѣльной личности.

§ 13. Изъ происхожденія и объема народной поэзіи само собою открывается, что она служила и служитъ народу не однимъ только предметомъ эстетическаго удовольствія. Народъ понимаетъ ее не какъ особую сферу духовной дѣятельности — сферу искуства, которое образованный человѣкъ отличаетъ явственно отъ другихъ областей жизни—религіи, гражданской дѣятельности, науки. Естественная поэзія касается всего народнаго быта: обнимаетъ и религіозные, и нравственные, и умственные его интересы. Ее нельзя отдѣлить ни отъ вѣрованій, ни отъ убѣжденій, съ которыми она составляетъ одно цѣлое. Поэтому народъ видитъ въ своей поэзіи драгоцѣнное достояніе, которое, въ теченіе многихъ столѣтій, одни поколѣнія завѣщевали другимъ. Она имѣетъ смыслъ священной старины, неприкосновеннаго преданія, которое должны усвоивать люди молодые съ тѣмъ, чтобы, въ свою очередь, передать его потомкамъ.

Въ періодъ образованности, различныя способности духа выясняются, и каждая изъ нихъ получаетъ право отдѣльнаго, самостоятельнаго существованія: искуство, какъ произведеніе способности творческой, имѣетъ своимъ предметомъ удовлетворять чувству изящнаго; другія цѣли предоставлены способностямъ познающей и дѣятельной. Но такое разъединеніе духовныхъ элементовъ человѣческой природы не могло имѣть мѣста въ эпическій періодъ народной жизни, въ эпоху наивной художественной дѣятельности.

§ 14. Народная поэзія нравственна, принимая слово нравственность не въ смыслѣ современныхъ намъ свѣтскихъ приличій, а въ смыслѣ задушевнаго, истиннаго отношенія поэтическихъ произведеній къ жизни. Въ ней нѣтъ ни малѣйшаго намѣреннаго уклоненія отъ добра и правды. Она ничѣмъ не оскорбляетъ ни чувство нравственнаго человѣка, ни пониманіе человѣка разумнаго. Простой народъ справедливо называетъ пѣсню «правдой». Въ памяти народной пѣсня сохраняется вдвойнѣ — и какъ преданіе, и какъ поученіе. Поучаетъ же она преимущественно вѣрно-простодушнымъ изображеніемъ жизни, возбуждая сочувствіе къ ея добрымъ явленіямъ и антипатію ко всякой лжи и обману. Поэтому въ заклю-

ченіи нѣкоторыхъ народныхъ пѣсенъ поется: «старымъ людямъ на послушанье, а молодымъ людямъ для памяти». Такъ называемое безнравственное направленіе входитъ въ поэзію позднѣе, при развитіи образованной литературы. Оно есть дѣло личнаго произвола, а не общаго народнаго настроенія. Общее настроеніе народа въ эпическій періодъ его существованія всегда нравственно.

Народная поэзія представляетъ добро разумнымъ, а зло глупымъ. Такъ въ сказкахъ люди добродѣтельные дурачатъ и обманываютъ колдуновъ, вѣдьмъ, великановъ и вообще издѣваются надъ нечистою силою. Въ ней умъ всегда уступаетъ доброму сердцу: напримѣръ, меньшой сынъ, обыкновенно неопытный и небывалый, и потому только глупый, т. е. нехитрый, простотою сердца выигрываетъ предъ своими старшими братьями, завистливыми и злыми. Таковые братья изображены въ сказкѣ: «Норка—звѣрь.» Несчастіе, бѣдность, сиротство постоянно возбуждаютъ народное участіе. Цѣлый рядъ сказокъ преслѣдуетъ ненависть мачихи къ падчерицамъ и пасынкамъ и зловредную привязанность ея къ собственнымъ дѣтямъ (напр. въ сказкѣ о Бабѣ-Ягѣ). Всякая неправда терпитъ наказаніе, а добро торжествуетъ. Сказка «о правдѣ и кривдѣ» рѣшаетъ вопросъ, какъ лучше жить—правдою или кривдою, въ пользу правды. Съ точки зрѣнія ложнаго стыда, но не съ исторической точки зрѣнія, можно осудить грубую простоту, рѣзкую откровенность и забавную наивность самородной поэзіи. Народъ, простодушный во всемъ, простодушенъ и въ поэтическомъ творчествѣ, какъ ребенокъ. Что показалось бы оскорбительнымъ въ дѣйствіяхъ и словахъ человѣка совершеннаго и образованнаго, то нисколько не возмущаетъ и не соблазняетъ въ рѣчахъ и поступкахъ ребенка. Если въ народной поэзіи и появлялись пѣсни, оскорблявшія нравственное чувство, то онѣ не выходили за предѣлы того мѣста, гдѣ были впервые сложены, и не дѣлались никогда общимъ преданіемъ народа.

§ 15. Главнѣйшій видъ народной поэзіи есть эпосъ. Основою его послужили миѳы. О миѳахъ составлялись сказанія, которыя выражались въ художественномъ словѣ. Это поэтическое выраженіе народныхъ преданій и образуетъ содержаніе эпоса.

Эпосъ, какъ цѣлое, обнимавшее собою всѣ элементы первобытнаго періода народной жизни, разбился въ послѣдствіи на отдѣльныя части, которыя можно назвать «разрозненными членами эпическаго преданія». Главнѣйшіе изъ этихъ членовъ—пѣсни и сказки. Но ими не исчерпывается вся масса эпическаго преданія: оно является, кромѣ того, въ пословицахъ и поговоркахъ, въ клятвахъ и заговорахъ, въ примѣтахъ и загадкахъ, въ отдѣльныхъ изреченіяхъ и даже словахъ, ибо языкъ, какъ выше замѣчено, произведенъ тою же силою народнаго творчества, которою порождены и миѳы, и преданія о миѳахъ, и поэзія, выражающая миѳическія преданія.

1. ПѢСНИ.

§ 16. Тѣсно связанныя между собою единствомъ основанія, пѣсня и сказка различаются содержаніемъ, развитіемъ или изложеніемъ сюжета, и внѣшней формой.

Содержаніемъ пѣсни служитъ событіе изъ внѣшней или внутренней жизни народа. Къ національному преданію присоединяетъ она, какъ произведеніе поэзіи, что-нибудь необыкновенное, фантастическое; но отъ этого не исчезаетъ ея отношеніе къ дѣйствительности. Разсказывая о какомъ либо подвигѣ, она опредѣляетъ его время и мѣсто; выводя какую либо личность, изображаетъ ее болѣе или менѣе ясными чертами. Поэтому пословица называетъ пѣсню былью: «пѣсня—быль»' «изъ пѣсни слова не выкинешь». Народъ любитъ пѣсню, какъ вѣрную хранитель-

ницу національнаго преданія. Пѣвцы, въ заключеніе своихъ эпическихъ разсказовъ, говорятъ: «то старина, то и дѣянье», то есть, пѣсня передаетъ старину, историческій фактъ. Напротивъ, въ сказкѣ больше вымысла, нежели историческаго. Міръ, ею создаваемый, теряетъ уже ясное отношеніе къ жизни. Ей неизвѣстны опредѣленно ни время, ни мѣстность, ни лица; все представляется въ фантастическомъ полусвѣтѣ. Поэтому пословица справедливо называетъ сказку «складкой», показывая тѣмъ, что народъ видѣлъ въ сказкѣ не дѣйствительное дѣянье, а сложеніе, то есть сочиненіе. Слагатель сказокъ обращался свободнѣе съ содержаніемъ, т. е. дозволялъ себѣ измѣненія въ старинномъ эпическомъ преданіи, которое разсказывалъ.

Развитіе сюжета въ сказкѣ имѣетъ также свои особенности. Если пѣсня открывается по возможности точнымъ опредѣленіемъ времени и мѣста событія, то сказка, вращаясь въ сферѣ вымысловъ, не имѣетъ нужды въ подобной опредѣленности. Въ сказкѣ господствуютъ особенные эпическіе пріемы. Въ приключеніяхъ героя являются нѣкоторыя требованія, не представляемыя пѣснію: такъ онъ достигаетъ своей цѣли большею частію послѣ третьей попытки. Развязка сказки нерѣдко поражаетъ своею эффектностью.

Пѣсня сопровождается пѣніемъ. Форма ея — стихотворная рѣчь, благодаря которой слова пѣсни твердо и надолго сохраняются въ памяти народа. Форма сказки — преимущественно мѣрная прозаическая рѣчь. Сказка служитъ переходомъ отъ эпоса къ прозѣ. Сюжетъ ея часто бываетъ древнѣе сюжета пѣсенъ, но пѣсня древнѣе по формѣ.

§ 17. Въ развитіи своемъ, народныя пѣсни представляютъ нѣсколько историческихъ моментовъ.

Такъ какъ миѳъ есть начальная основа эпоса, то и начальныя пѣсни — *миѳическія*, въ которыхъ господствуетъ языческое чудесное и дѣйствуютъ боги. Онѣ выражаютъ глубокую, таинственную связь человѣка съ сущностью и силами природы, которыя являются живыми существами въ борьбѣ между собою и въ господствѣ надъ людьми.

По мѣрѣ того, какъ нравы смягчаются и народъ принимаетъ участіе въ великихъ событіяхъ, производящихъ важное вліяніе на жизнь, миѳическія сказанія о богахъ смѣняются *героическими* или *богатырскими*. Въ нихъ къ подвигамъ боговъ присоединяются подвиги людей; чистый миѳъ смѣшивается съ историческимъ повѣствованіемъ. Герои, какъ дѣйствующія ихъ лица, составляютъ переходный членъ отъ сверхъестественныхъ существъ къ существамъ обыкновеннымъ. Уступая въ силѣ и власти богамъ, они превосходятъ людей многими преимуществами, которыя даются имъ по волѣ высшаго, божескаго могущества.

Наконецъ третій періодъ пѣсенъ—*пѣсни историческія*, сложенныя по поводу какого-нибудь историческаго лица или событія.

§ 18. Славянская миѳологія состоитъ въ тѣсной связи съ миѳологіей индоевропейскихъ народовъ. Исходя изъ общаго источника, языческія вѣрованія каждаго славянскаго народа развивались потомъ своеобразно и достигали большей или меньшей зрѣлости, по степени духовныхъ силъ его и вслѣдствіе разныхъ обстоятельствъ, мѣстныхъ и историческихъ, благопріятствовавшихъ или враждебныхъ развитію. Поэтому древне-русская миѳологія сложилась, безъ сомнѣнія, изъ трехъ элементовъ, не приведенныхъ еще въ полную извѣстность и не различенныхъ

между собою съ должною ясностію: общаго или индоевропейскаго, племеннаго или славянскаго, и собственно-русскаго.

Хотя византійскій лѣтописецъ VI. в., Прокопій, свидѣтельствуетъ о значительномъ развитіи славянской миѳологіи, однакожъ она не представляетъ такихъ типическихъ созданій, какими богата миѳологія Грековъ или Скандинавовъ. Изъ преданій о божествахъ, народная фантазія не успѣла выработать у насъ полныхъ и самостоятельныхъ образовъ, въ родѣ Зевса, Нептуна, Меркурія, Одина, Тора, Бальдера. Опредѣленный характеръ слагается изъ многихъ свойствъ и дѣйствій лица, находящихъ свое выраженіе въ миѳахъ, которые потомъ воплощаются въ поэтическихъ сказаніяхъ: такой опредѣленности русскія языческія божества не имѣютъ; мы мало знаемъ объ ихъ подвигахъ и похожденіяхъ, которые, у Грековъ, дали содержаніе цѣлымъ поэмамъ. Мы знаемъ только, что въ языческихъ божествахъ древней Руси народъ олицетворялъ силы и явленія природы. Къ такимъ божествамъ принадлежали: Перунъ, богъ молніи, верховное миѳологическое существо, Сварогъ, Волосъ или Велесъ—богъ скота, Дажьбогъ или Хорсъ—солнце, Стрибогъ—богъ вѣтровъ, Рожаницы—богини судьбы, соотвѣтствующія греческимъ Паркамъ, Русалки и нѣкоторыя другія.

Отъ неразвитости русской миѳологіи произошло то, что въ народныхъ русскихъ пѣсняхъ выступаютъ не самостоятельные и великіе образы языческой религіи, а мелкія и раздробленныя миѳологическія явленія, которыя по отношенію къ цѣлой религіозной системѣ тоже, что разрозненные члены народнаго эпоса (загадки, заговоры, пословицы) по отношенію къ цѣлому эпическому сказанію. Сверхъестественныя существа не занимаютъ въ нашихъ пѣсняхъ передняго плана: они играютъ роль служебную или подчиненную, важную только по связи съ подвигами дѣйствующихъ лицъ. Всѣ мѣста народныхъ поэтическихъ произведеній, въ которыхъ они являются или только упоминаются, имѣютъ значеніе намековъ на миѳическія вѣрованія, можетъ быть отрывковъ миѳическаго эпоса. Возстановить по этимъ, тамъ и здѣсь разсѣяннымъ указаніямъ, полный составъ миѳологіи, или даже ясные образы отдѣльныхъ божествъ, если таковые и существовали— невозможно.

Перунъ и Волосъ были главными божествами: клятвою передъ ними скрѣплялись заключаемые договоры, напримѣръ договоръ Святослава съ Греками. «Слово о полку Игоревѣ», поэтическій памятникъ XII в., величаетъ пѣвца Бояна «Велесовымъ внукомъ», соединяя такимъ образомъ понятіе о вещественномъ богатствѣ, которое даруется Велесомъ, покровителемъ жизни пастушеской, съ понятіемъ о богатствѣ духовномъ, именно о поэтическомъ творчествѣ, нисходящемъ также отъ Велеса. Тотъ же памятникъ называетъ Русь внукомъ Дажьбога, а вѣтры-внуками Стрибога. Получивъ образованіе въ эпоху родоваго быта, славянская миѳологія ставитъ въ родственныя отношенія не только однихъ боговъ къ другимъ, но и людей и стихіи природы къ богамъ: Дажьбогъ — сынъ Сварога (Сварожичъ) и вмѣстѣ дѣдъ Руси; другой сынъ его — огонь, какъ свидѣтельствуетъ «Слово нѣкоего христолюбца» (XIII в.), осуждающее остатки идолопоклонства у нашихъ предковъ: «огневи молятся, зовутъ его Сварожичемъ»; Волосъ—дѣдъ Бояна, Стрибогъ—дѣдъ вѣтровъ. Поклоненіе Рожаницамъ и Роду (въ которомъ олицетворялась также идея судьбы) состояло въ моленіи и безкровномъ

обѣдѣ—хлѣбѣ, сырѣ и медѣ. Жертвы, которыя имъ приносили, называются въ Словѣ христолюбца «беззаконной трапезой». Русалки, по народнымъ повѣрьямъ, живутъ въ водѣ, имѣютъ зеленыя, длинныя косы, которыя расчесываютъ, сидя на деревьяхъ; выходятъ изъ могилъ при весеннемъ разлитіи водъ, чтобы насладиться воскресшею природою, и остаются на землѣ до Петрова поста. Онѣ находятся въ связи съ подобными миѳическими существами другихъ народовъ : Эльфами у Нѣмцевъ, Вилами у Сербовъ, Полудницами у Лужичанъ.

Въ языческой религіи Славянъ установлены были особенные праздники, отправленіе которыхъ сопровождалось извѣстными обрядами, и въ томъ числѣ пѣснями: поэтому въ «обрядныхъ» пѣсняхъ сохранилось наиболѣе слѣдовъ миѳологіи. Безъ сомнѣнія , эти пѣсни существуютъ теперь не въ первоначальномъ своемъ видѣ: съ теченіемъ времени язычество дѣлало бóльшія и бóльшія уступки христіанству; древніе обычаи и понятія смѣнялись новыми или смѣшивались съ ними; и эта смѣсь двухъ вѣрованій, названная въ «Словѣ христолюбца» «двоевѣріемъ», не осталась безъ вліянія на созданія народнаго творчества. Истинный смыслъ обрядныхъ пѣсенъ утраченъ теперь для народа , который поетъ ихъ по привычкѣ , какъ старину, не разумѣя подлиннаго значенія совершаемыхъ или упоминаемыхъ обрядовъ , видитъ въ нихъ обычную забаву, а не эпическое выраженіе миѳологіи , не можетъ развивать ихъ содержанія , потому что, съ принятіемъ христіанства , пресѣклось движеніе языческаго вѣрованія , изъ котораго возникла безъискуственная поэзія. Пастыри церкви , имѣя въ виду нравственное совершенствованіе народа , заботились единственно о водвореніи истинной религіи и объ уничтоженіи ложной: все, что напоминало и поддерживало послѣднюю, было ими раскрываемо, обличаемо и искореняемо. Дѣло христіанства не отдѣляли они отъ дѣла образованности, просвѣщенія: народная поэзія, вмѣстѣ съ другими отраслями народной языческой жизни, возбуждала ихъ преслѣдованія , какъ элементъ не только противохристіанскій, но и противообразовательный.

Славяне, будучи народомъ по преимуществу земледѣльческимъ , въ религіозныхъ празднествахъ своихъ наиболѣе чествовали то божество, отъ котораго зависятъ успѣхи земледѣлія. Это божество—Солнце, Дажьбогъ. Чествованія ему происходили три раза въ годъ: зимою, наканунѣ Рождества (24 декабря) , во время такъ называемаго поворота солнца на лѣто; весной, на Ѳомину недѣлю, при общемъ оживленіи природы; и лѣтомъ, наканунѣ Иванова дня (23 іюня), въ эпоху наибольшей силы благотворнаго свѣтила. Первый праздникъ получилъ названіе Коляды, второй—Красной Горки, третій—Ивана Купалы.

Слово Коляда производятъ отъ латинскаго (calendae — первое число каждаго мѣсяца), какъ и значится въ Кормчей XIII в. Существенные обряды праздника, въ его древнемъ смыслѣ, безъ сомнѣнія, зависѣли отъ времени его отправленія , когда солнце , совершивъ поворотъ на лѣто , входило, такъ сказать, въ силу, и дни начинали прибывать. Такъ и теперь у Славянъ въ Галиціи, передъ каждымъ участникомъ въ праздникѣ кладутъ за столомъ луковицу чесноку, для охраненія отъ болѣзней и колдуновъ , и этимъ обычаемъ объясняется одно мѣсто въ «Словѣ христолюбца», укоряющее тѣхъ , которые, слѣдуя языческимъ вѣрованіямъ, даже въ XIII в. «творили чеснокъ богомъ» ; кромѣ того ставятъ по угламъ снопы и гадаютъ по нимъ о будущемъ урожаѣ; да-

лѣе, кладутъ на столѣ рукоять плуга, которая служитъ для избавленія нивы отъ мышей и кротовъ, почему въ одномъ актѣ XVII в. строго запрещается «на вечери Рождества Христова и Богоявленія кликать коледъ и плугъ»; наконецъ водятъ волка, который имѣетъ отношеніе къ упирямъ и оборотнямъ и къ мѣсяцу декабрю, называемому вмѣстѣ съ другими двумя мѣсяцами (ноябремъ и январемъ)—волчьимъ. Въ Великороссіи Коляда справлялась еще въ XVII в., а въ Малороссіи справляется и теперь такимъ образомъ: наканунѣ Рождества или и цѣлую рождественскую недѣлю молодые люди «колядуютъ», т. е. поютъ подъ окнами домовъ, называя по имени хозяевъ и дѣтей его, особыя пѣсни, гдѣ упоминается слово «коляда», и которыя потому называются «колядками» или «колядскими». Одна изъ такихъ пѣсенъ, указывая время праздника, вмѣстѣ съ тѣмъ указываетъ и нѣкоторые бывшіе при томъ обряды:

Уродилась Коляда
На канунѣ Рождества
За рѣкою за быстрою.
Въ тѣхъ мѣстахъ огни горятъ,
Огни горятъ великіе;
Вокругъ огней скамьи стоятъ,
Скамьи стоятъ дубовыя;
На тѣхъ скамьяхъ добры молодцы,
Добры молодцы, красны дѣвицы,
Поютъ пѣсни колюдушки;
Въ серединѣ ихъ старикъ сидитъ,
Онъ точитъ свой булатный ножъ,
Котелъ кипитъ горючій,
Возлѣ котла козелъ стоитъ,
Хотятъ козла зарѣзати, и пр.

Другая, карпатская, пѣсня, прося Бога «уродить жито, пшеницу и всякую пашницу», усвоиваетъ этому празднику прямую мысль о будущемъ урожаѣ. Нѣкоторые изъ языческихъ обрядовъ, съ теченіемъ времени, совсѣмъ исчезли или осмыслены въ духѣ христіанства: если хорутанское слово «колядовати» (приносить жертву) напоминаетъ древній обычай славить божество (солнце) и сбирать подаяніе для общей ему жертвы; то въ тверскомъ нарѣчіи слово «коледа» (дневной сборъ милостыни нищими) показываетъ уже позднѣйшую перемѣну, по которой понятіе о языческомъ жертвоприношеніи перешло въ понятіе о христіанскомъ вспоможеніи бѣднымъ.

Весенній праздникъ справляется на «красной горкѣ», т. е. на холмѣ, покрытомъ первою весеннею травою, отъ чего и дано ему такое названіе. Начинаютъ его съ Ѳомина воскресенья и продолжаютъ всю Ѳомину недѣлю. Въ пѣсняхъ, которыя поются при этомъ случаѣ, ясно отношеніе праздника къ земледѣльческому быту и къ солнцу, величаемому дидомъ (дѣдомъ) и ладою (радостью); такова, наприм., хороводная пѣсня:

А мы сѣчу чистили,
Чистили;
Ой диди — ладу, чистили,
Чистили.
А мы просо сѣяли,
Сѣяли;
Ой диди — ладу, сѣяли,
Сѣяли, и т. д.

Пѣсни, которыми встрѣчаютъ весну, называются веснянками, какъ зимнія — зимнянками, осеннія — осянками или оснянками. Одна изъ веснянокъ имѣетъ форму вопроса и отвѣта:

Весна красна!
На чемъ пришла?
На чемъ пріѣхала?
На сошечкѣ,
На бороночкѣ.

Другая, привѣтствуя весну, молитъ ее объ урожаѣ:

Весна, весна красная!
Приди, весна, съ радостію,
Съ радостію, радостію,
Съ великою милостію:
Уроди ленъ высокій,
Рожь, овесъ хорошій.

Наступленіе весны есть вмѣстѣ время для заключенія брачныхъ союзовъ и для поздравленія молодыхъ супруговъ. Поздравленіе, называемое вьюнитствомъ, отъ словъ: вьюнъ и вьюница (молодой и молодая), состоитъ въ пѣніи особыхъ пѣсенъ — «вьюничныхъ».

Весною же происходили игры въ честь русалокъ, которыя, по языческому преданію, съ весенняго разлитія рѣкъ до Троицына дня живутъ въ водахъ, а съ Троицына дня до Петрова поста на землѣ, именно на деревьяхъ, отъ чего въ нѣкоторыхъ мѣстахъ воскресенье передъ первымъ понедѣльникомъ Петрова поста называлось русальнымъ заговѣньемъ, а самый понедѣльникъ—русальнымъ провожаньемъ: въ это время русалки падаютъ съ деревъ и уходятъ въ могилы. Завивая вѣнки и вѣшая ихъ на деревья, молодые люди поютъ:

Русалочки, земляночки,
На дубъ лѣзли, кору грызли,
Свалилися, забилися.

Седьмая недѣля отъ Пасхи называлась русальною, самыя забавы — русальи или скоморошскія, потому что онѣ сопровождались переряживаніемъ, масками. Семикъ, т. е. четвергъ седьмой недѣли, считается главнымъ днемъ русалокъ. Въ этотъ день дѣвушки плетутъ вѣнки и бросаютъ ихъ въ воду русалкамъ, чтобъ онѣ добывали имъ жениховъ. Парень, задумавшій жениться, долженъ вытащить изъ воды вѣнокъ для той, которую хочетъ просить за себя. Огни, свѣтящіеся ночью на могилахъ, суть огни русальные и разводятся для того, чтобъ заманить людей и потомъ бросить ихъ въ рѣку. Народъ страшится русалокъ, какъ выходцевъ съ того свѣта, когда онѣ бьютъ въ ладони и пляшутъ на кладбищахъ. Поэтому существуетъ заговоръ на русалокъ, который разгоняетъ ихъ. Между эпическими народными сказаніями сохранились загадки русалокъ, которыя загадываются краснымъ дѣвушкамъ: при неумѣньѣ отгадать ихъ, русалки отгадываютъ сами, а дѣвушку щекотятъ до смерти. Одна изъ загадокъ слѣдующаго содержанія: «Бѣжитъ, бѣжитъ красная дѣвица, а за нею русалка. Ты послушай меня, красная дѣвица, загадаю тебѣ три загадки. Коли отгадаешь, отпущу домой, а коли не отгадаешь, возьму къ себѣ. Что ростетъ безъ корня? что бѣжитъ безъ повода? что растетъ безъ всякаго цвѣту? Камень ростетъ безъ корня, вода бѣжитъ безъ повода, папоротникъ ростетъ безъ всякаго цвѣту. Дѣвица загадки не отгадала, русалка ее защекотала.»

Празднество Купалѣ, въ ночь на Ивановъ день, сопровождалось собираніемъ травъ, купаньемъ, зажиганьемъ костровъ и прыганьемъ черезъ нихъ. Всѣ эти обряды имѣютъ прямое отношеніе къ солнцу, которое, достигая высшей силы въ эпоху лѣтняго своего стоянія, даетъ также особенную силу растеніямъ и водѣ. Отсюда обычай собирать травы и приписывать имъ чудесное дѣйствіе, особенно папоротнику, который будто бы цвѣтетъ однажды въ годъ, именно въ ночь на Ивановъ день, огненнымъ цвѣтомъ; отсюда же вѣра въ чудесную цѣлительность купанья. Прыганье черезъ зажженные костры значило очищеніе, такъ какъ огонь, по языческому повѣрью, предохранялъ отъ заразы и болѣзней. Отправленіе Купалы теперь совершается въ разныхъ мѣстахъ различно. Въ Бѣлоруссіи, накануне Иванова дня, по захожденіи солнца, вбиваютъ колъ въ землю, обкладываютъ его соломой и коноплей, а на самый верхъ кладутъ пукъ соломы, называемый «Купало»; когда смеркнетъ, солому зажигаютъ и, бѣгая вокругъ, бросаютъ въ нее березовые сучья и приговариваютъ: «еслибъ мой ленъ былъ такъ великъ, какъ эта хворостина!» Молодые люди при этомъ поютъ:

Купала на Ивана!
Гдѣ Купала ночевала?
Купала на Ивана
Ночевала у Ивана, и пр.

Другая купальская пѣсня, въ Могилевской губерніи, говоритъ, что «у Пана Ивана середи двора стояла верба, на вербѣ горѣли свѣчи, съ той вербы капля упала, озеро стало, въ озерѣ самъ Богъ купался съ дѣтками и поддѣтками.»

Обрядными пѣснями сопровождаются обряды, имѣющіе мѣсто при всѣхъ явленіяхъ простонароднаго быта, почему онѣ могутъ быть названы также «бытовыми», къ которымъ относятся колыбельныя, свадебныя, хороводныя и пр. Самое видное между ними мѣсто занимаютъ свадебныя, по знаменательности брака и въ язычествѣ, и въ христіанствѣ: свадебный обычай отражаетъ въ себѣ и основныя начала вѣрованія, и основные вопросы объ устройствѣ семьи, важномъ во всѣ періоды народной жизни, и особенно важномъ въ періодъ быта родоваго, когда не развились еще потребности общественнаго и государственнаго устройства.

Въ дѣйствіяхъ и принадлежностяхъ свадьбы надобно различать древніе, собственно языческіе ея обряды, передаваемые лѣтописными разсказами, отъ обычаевъ позднѣйшихъ, которые или совершенно отмѣнили старину, или частію сохранили ея преданія, но въ болѣе или менѣе измѣненномъ видѣ.

Первый свадебный обычай — похищеніе невѣсты (умыканіе). Оно было двухъ родовъ: насильственное или враждебное, противъ воли дѣвушки, и полюбовное или мирное, по взаимному съ нею соглашенію. Первый родъ умыканія, какъ свидѣтельствуетъ Несторъ, существовалъ у Древлянъ, отличавшихся между славянскими племенами грубостію нравовъ и обычаевъ; второй — у Сѣверянъ, Радимичей и Вятичей. Память о враждебномъ умыканіи сохранилась въ подобномъ обычаѣ у Сербовъ, называемомъ «отмицею» и состоящемъ въ войнѣ двухъ селъ за похищеніе невѣсты, и въ свадебныхъ преданіяхъ Малороссіи, гдѣ женихъ и его сватъ называются въ пѣсняхъ Литвою, въ смыслѣ врага. Тѣмъ же воспоминаніемъ объясняются заключительныя слова хороводной пѣсни, въ которой одна по-

ловина хора поетъ: «у насъ въ полку убыло», а другая отвѣчаетъ: «у насъ въ полку прибыло».

Второй обычай — продажа невѣстъ, происходившая съ символическими обрядами — тѣсно связывался съ ея похищеніемъ: похитители, безъ сомнѣнія, платили пеню, которую опредѣлялъ судъ и которую брали отецъ и братъ дѣвицы, а можетъ быть и цѣлое село, гдѣ она жила, какъ свидѣтельствуетъ обычай, и теперь существующій у лужицкихъ Славянъ. Въ современныхъ свадебныхъ обычаяхъ поселянъ покупка невѣстъ, при продажѣ косы, не имѣетъ прежняго значенія: большею частію она обратилась въ простую игру, въ безсознательное указаніе старины. Когда женихъ хочетъ садиться подлѣ невѣсты, братъ ея или другой родственникъ не допускаетъ его; дружко вступаетъ съ нимъ въ торгъ; сестра проситъ брата не продавать ее или продать дорого:

Братецъ, постарайся,
Братецъ, поломайся!
Не продавай сестру
Ни за рубль, ни за золото.

Братъ отвѣчаетъ:

Брату мила сестра,
А золото милѣй.

Дѣвушки, послѣ продажи, поютъ:

Братецъ Татаринъ,
Продалъ сестру за талеръ,
Русу косу за полтину.

Въ другой пѣснѣ, невѣста, встрѣчая отца, который воротися домой съ подарками, говоритъ ему:

Кормилецъ мой батюшка,
Ужъ долго ты гулялъ!
Не на меня ли красну дѣвицу?
Не на мою ли дѣвью красоту?
Не на русу ли косу, ленту алую,
Запоручалъ меня, родимый,
Запоручалъ меня горькую?
Батюшка-то родной!
Ты торгомъ торговалъ,
Моей волнистой косой.

Въ иныхъ мѣстахъ (въ Малороссіи) обрядъ покупки невѣсты имѣетъ значеніе платы за ея прокормленіе и одѣваніе (содержаніе). Въ городѣ Нерехтѣ (костр. губ.) продаютъ невѣсту за деньги, и продажная цѣна называется «калымомъ». Чѣмъ выше калымъ, тѣмъ больше чести дѣвушкѣ. Плата, которую женихъ давалъ за невѣсту отцу или ея сродникамъ, называлась «вѣно» (откуда вѣнити — продавать).

Особенное религіозное значеніе на свадьбѣ имѣли вода и огонь. Въ предѣлахъ новгородскихъ невѣсты хаживали къ водѣ, что строго запрещало «Правило митрополита Кирилла» (XIII в.), повелѣвавшее предавать проклятію ослушницъ. Въ Бѣлоруссіи и теперь соблюдается обычай, по которому женихъ съ поѣздомъ перескакиваютъ черезъ кучу зажженной соломы, разложенную передъ избой невѣсты. Славяне язычники величали огонь «возвѣстителемъ правды»; самый обрядъ вѣнчанія назывался «Божьимъ судомъ»:

Я возьму тебя по праву руку,
Поведу тебя къ суду Божьему,
Къ суду Божьему, къ златому вѣнцу,
Отъ злата вѣнца къ себѣ на дворъ!

Къ жертвеннымъ предметамъ на свадьбѣ принадлежали: коровай (круглый большой хлѣбъ), жареная курица и каша. «Слово христолюбца» говоритъ, что, при жертвоприношеніи богамъ, ломали передъ ними коровая и рѣзали куръ. Короваемъ угощаютъ и теперь новобрачныхъ, какъ видно изъ слѣдующей (короваиной) пѣсни:

Ужъ какъ коровай
Для всей семьи годенъ!
Молодой княгинѣ (*т. е. новобрачной*)
Завтра кушать,
Молодому князю (*т. е. новобрачному*)
Да княгиню любить.

Мѣстомъ совершенія брака, по древнѣйшему обычаю, былъ лѣсъ: жениха и невѣсту водили кругомъ дерева, на что указываютъ многія пѣсни богатырскія, говоря, что богатырь вѣнчался съ своею невѣстою «кругъ ракитоваго куста». По обычаю позднѣйшему, женихъ и невѣста обходили вокругъ стола. Обряды свадебные, вѣроятно, совершались жрецомъ, котораго въ послѣдствіи замѣнилъ дружко, и теперь выбираемый, преимущественно изъ колдуновъ и знахарей, для охраненія молодыхъ отъ напасти.

Исторія Россіи, Соловьева, т. I; Письмо Буслаева къ Соловьеву, въ дополненіи ко 2 т. Ист. Рос.; Святилища и обряды языческаго богослуженія древнихъ славянъ, Срезневскаго; Роженицы у Славянъ, егоже (Архивъ Калачева, книги 2-ой половина 1-ая); О значеніи Рода и Рожаницъ, А. Аѳанасьева (ib.); Рус. простонародные праздники, Снегирева; Сказанія рус. народа, Сахарова; Бытъ рус. народа, Терещенки.

§ 19. Если миѳологическій русскій эпосъ не представляетъ полныхъ и опредѣленныхъ типовъ божествъ, потому ли, что народное творчество не успѣло еще воплотить языческихъ вѣрованій въ яркіе образы (какъ сказано выше), или потому, что въ памяти народа удержались только малые остатки типовъ, которые были нѣкогда сформированы; то героическія, или богатырскія, русскія пѣсни не уступаютъ въ достоинствѣ такимъ же пѣснямъ другихъ народовъ.

Въ русскомъ героическомъ эпосѣ различаются два цикла: южный, или кіевскій, и сѣверный, или новгородскій. Особенности того и другаго опредѣляются какъ ихъ содержаніемъ и характеромъ, такъ и мѣстомъ ихъ появленія.

Въ южнорусскомъ циклѣ воспѣваются князь Владиміръ Красное-Солнышко и богатыри его: Дунай Ивановичъ, Михайло Потокъ Ивановичъ, Волхъ Всеславичъ, Добрыня Никитичъ, Дюкъ Степановичъ, Алеша Поповичъ, Иванъ Гостиной сынъ, Соловей Будиміровичъ, Илья Муромецъ, Чурила Пленковичъ, Михайло Казарянинъ, Иванъ Годиновичъ и другіе. Между ними на первомъ планѣ стоитъ Илья Муромецъ, любимый герой народа, соединяющій съ необычайною тѣлесною силою благодушіе и спокойствіе. Подвиги ихъ состоятъ въ оборонѣ русской земли отъ враговъ внутреннихъ и внѣшнихъ, въ отраженіи кочевыхъ племенъ: Обровъ, Печенѣговъ, Половцевъ и Татаръ, играющихъ главнѣйшую роль. Кромѣ героевъ, русскій эпосъ изображаетъ и героинь, которыя тоже совершаютъ чудесные подвиги, не уступая мужчинамъ ни въ силѣ, ни въ храбрости; таковы: Василиса Микулишна, жена боярина Ставра, знаменитая умомъ и физическою силою, и На-

стасья Королевишна, жена Дуная, сестра Афросиньи Королевишны (обѣ онѣ дочери Етмануйла Етмануйловича, короля Золотой Орды).

Богатырскія пѣсни сложились уже въ историческую эпоху, при водвореніи началъ государственной жизни. Но по всей вѣроятности имъ предшествовалъ болѣе древній героическій эпосъ, не говоря уже объ эпосѣ миѳологическомъ. Дружина Владиміра могла отнести къ своему князю то, что древнѣйшая поэзія относила къ иному герою, который назывался или величался Краснымъ–Солнышкомъ. Съ другой стороны, пѣсни, воспѣвавшія Владиміра, при дальнѣйшемъ своемъ существованіи, захватывали въ себя многое изъ послѣдующихъ событій. Такимъ образомъ на ряду съ собственнымъ своимъ достояніемъ — повѣстью о Владимірѣ и богатыряхъ его — южно-русскій циклъ героическихъ пѣсенъ содержитъ въ себѣ и отголоски болѣе древней старины и указанія на времена позднѣйшія. Такъ, по крайней мѣрѣ, оказывается при разсмотрѣніи состава пѣсенъ въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ дошли до насъ. Одно и тоже преданіе, при устномъ переходѣ отъ поколѣнія къ поколѣнію, видимо совмѣщало въ себѣ различныя эпохи, обнимало нѣсколько вѣковъ. И эти слои преданій, это смѣшеніе лицъ, временъ и мѣстъ, по которому въ пѣсняхъ о Владимірѣ являются: Іерусалимъ, Греція, Золотая Орда, Татары и народы восточной Сибири–Чюкчи и Олюторы, по которому Илья Муромецъ выступаетъ на сцену то какъ богатырь кіевскаго князя, то какъ атаманъ разбойниковъ или сибирскій казакъ, — это смѣшеніе служитъ вмѣстѣ поэтическимъ свидѣтельствомъ измѣняющихся движеній жизни: оно указываетъ на особенные народные интересы, возникавшіе и смѣнявшіе другъ друга въ извѣстныя эпохи.

Отъ древнѣйшаго эпоса, который уступилъ свое мѣсто пѣснямъ о Владимірѣ, уцѣлѣли въ послѣднихъ вѣрованія въ таинственную связь героевъ съ міромъ сверхъестественнымъ. Дунай Ивановичъ женится на Настасьѣ Королевишнѣ, дѣвѣ-воительницѣ, древне-русской Амазонкѣ, искусно стрѣлявшей изъ лука; отъ него получила свое названіе рѣка, которая слѣдовательно въ немъ олицетворялась. Супруга Потока Михайлы Ивановича была вѣщею дѣвой, чародѣйкой, имѣвшей силу обращаться въ бѣлую лебедь. Волхъ Всеславичъ родился отъ лютаго змія; самъ онъ чародѣй, оборотень: обертывался яснымъ соколомъ, сѣрымъ волкомъ, туромъ-золотые рога и превращалъ свою дружину въ нечеловѣческіе образы. Сестра Владиміра, Марья Дивовна (дочь Дива, чудовищнаго великана) похищена зміемъ, отъ котораго спасаетъ ее Добрыня Никитичъ. Племянница его, Запава Путятишна, выходитъ замужъ за Соловья Будиміровича, который пріѣхалъ изъ дальнихъ странъ, изъ какого-то города Леденца, и въ одну ночь построилъ великолѣпныя палаты въ саду Запавы. Змѣй Горынчищъ, дышащій огнемъ и пламенемъ, послужилъ народному творчеству для олицетворенія въ немъ злой татарщины. Кромѣ того, за столомъ Владиміра, въ обществѣ богатырей, является другой змій — Тугаринъ Зміевичъ (сынъ змѣя), котораго поразилъ Алеша Поповичъ. Вѣнчаніе богатыря съ невѣстою вкругъ ракитоваго куста есть обрядъ языческаго бракосочетанія. Сраженіе Ильи Муромца съ Соловьемъ–Разбойникомъ и Добрыни Никитича съ Бабою Горынинкою, вѣроятно, относятся къ первобытному эпосу. Самыя имена нѣкоторыхъ дѣйствующихъ лицъ: Потокъ, Дунай, Волхъ, Соловей Разбойникъ могли перейти въ богатырскія пѣсни изъ старыхъ языческихъ преданій.

Позднѣйшій элементъ въ составѣ богатырскихъ пѣсенъ выказывается или историческими данными, не имѣвшими мѣста въ эпоху Владиміра, или тономъ и направленіемъ, которые могли возникнуть при условіяхъ дальнѣйшаго развитія народной жизни. Сюда относятся: сословныя различія богатырей (Добрыня—княжескаго рода, Дюкъ Степановичъ— боярскій сынъ, Алеша Поповичъ—духовнаго званія, Иванъ Гостиной сынъ и Соловей Будиміровичъ—купцы, Илья Муромецъ—крестьянинъ изъ Мурома); превосходство Ильи Муромца предъ другими богатырями, какъ представителя народныхъ интересовъ и защитника ихъ отъ господства другихъ классовъ и преобразованіе его въ сибирскаго казака; ироническая характеристика Алеши Поповича, направленная противъ его сословія и по самому существу своему противорѣчащая духу наивнаго эпоса, чуждаго намѣренной ироніи; война Владиміра съ Татарами и другіе подобные тому анахронизмы.

Главнѣйшіе богатыри сѣверно-русскаго эпоса: Садко и Василій Буслаевъ. Здѣсь также остатки древнѣйшаго эпоса сходятся съ позднѣйшими данными мѣстнаго, новгородскаго быта. Отношеніе Садки къ Морскому Царю составляетъ элементъ миѳическій: Садко приноситъ ему жертвы, какъ божеству, и платитъ дань, какъ царю; онъ женится на одной изъ тридцати дочерей этого царя, именно на рѣкѣ Волховѣ. Въ послѣдствіи, народная фантазія представила въ Садкѣ купца и въ его богатствѣ—особенное развитіе новгородской торговли, подобно тому какъ пѣсня о Соловьѣ Будиміровичѣ указываетъ на торговыя сношенія Кіева съ Греціею. Другая пѣснь, о Василіи Буслаевѣ, ярко выражаетъ духъ свободы и разгула, которымъ гордился древній Новгородъ, на ряду съ своею торговлею; хожденіе же его къ св. мѣстамъ есть элементъ позднѣйшій.

О народной поэзіи въ древне-русской литературѣ, Буслаева, стр. 5—7; Русскія народныя пѣсни, собранныя Якушкинымъ, его же (Лѣтописи Русской Литературы и древности, 1859, № 2, стр. 17—20). Богатырскія пѣсни—въ «Древнихъ россійскихъ стихотвореніяхъ», изданныхъ К. Калайдовичемъ (1818); собраніе ихъ приписывается Киршѣ (Кириллѣ) Данилову, сибирскому казаку, жившему въ началѣ XVIII в.; пѣсни записаны были въ Сибири, со словъ сибирскихъ людей, для П. А. Демидова (Письмо П. А. Демидова къ Миллеру, Москвитянинъ 1854, № 1). Подъ именемъ «Народныхъ былинъ» напечатаны онѣ Сахаровымъ въ 1 т. «Сказаній русскаго народа». Двѣ пѣсни: про Илью Муромца и Василья Казиміровича, помѣщены въ 1 т. «Московскаго Сборника» (1852). Дополненіе къ сборнику Кирши Данилова представляютъ помѣщенныя въ «Памятникахъ великорусскаго нарѣчія (1855). О другихъ отдѣлахъ народныхъ пѣсенъ: историческихъ и духовныхъ, будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ.

Источниками при обзорѣ народной поэзіи вообще и пѣсенъ въ частности служили: Вильмара «Geschichte der deutschen National-Literatur»; Карьера «Das Wesen und die Formen der Poesie»; Буслаева, кромѣ указанныхъ его сочиненій: «Эпическая поэзія» (Отеч. Зап., 1851, №№ 7 и 8), «Русская поэзія XVII вѣка (Москов. Вѣдомости, 1852), «Повѣсть о Горѣ и Злочастіи (Рус. Вѣстникъ, 1856, №№ 13 и 14).

2. СКАЗКИ.

§ 20. Народная сказка, въ теперешнемъ ея видѣ, значительно уклонилась отъ вида первобытнаго. Исторія ея развитія представляетъ внутреннія и внѣшнія измѣненія. Внутреннія относятся къ содержанію, внѣшнія къ изложенію и составу.

По содержанію своему, нѣкоторыя сказки утратили свѣжесть и наивность миѳическихъ воззрѣній, подвергшись вліянію христіанскихъ идей и раціональныхъ объясненій.

Коренною основою сказки служили миѳическія понятія и вѣрованія, которыя удержались въ ней такъ же, какъ удержались они въ обрядныхъ пѣсняхъ, преданіяхъ, обычаяхъ, т. е. низошли на степень поэтическаго образа или суевѣрнаго представленія. Съ утратою внутренняго смысла древнихъ миѳовъ, сказка сосредоточила свой интересъ на поэтической сторонѣ его: она обставляетъ главную мысль разнообразными эпическими подробностями, связываетъ между собою приключенія не по естественному ихъ ходу и однородности, а единственно по волѣ фантазіи.

Новыя воззрѣнія, противоположныя языческимъ, были причиною, что миѳическія существа въ сказкѣ замѣнились сначала только сверхъестественными, потомъ перешли въ другія формы, болѣе сообразныя съ господствующими понятіями, и нѣкоторыя сказки приняли характеръ легенды. Отъ медленнаго и постепеннаго дѣйствія христіанства произошло то, что въ однихъ случаяхъ сказка сохранила прежній свой видъ, а въ другихъ уступила напору новыхъ идей. Такъ наша сказка «о правдѣ и кривдѣ» имѣетъ характеръ легендарный, тогда какъ такія же сказки другихъ народовъ доказываютъ, что первоначальное ея содержаніе было иное: въ сербской сказкѣ, вмѣсто нашихъ дѣйствующихъ лицъ, являются миѳическія (Вилы), а въ норвежской звѣри (медвѣдь, волкъ, лиса и заяцъ).

Такъ какъ съ теченіемъ времени исчезли многія понятія и обычаи прежней жизни, то современная сказка представляетъ нерѣдко раціональныя объясненія, посредствомъ которыхъ непонятные предметы древняго сказанія замѣняются новыми и понятными: напримѣръ, вмѣсто чудеснаго существа, приносящаго герою необыкновенную помощь, выходятъ на сцену люди, помогающіе ему обыкновенными средствами.

По изложенію и составу, сказка, во-первыхъ, лишилась первоначальной своей цѣлости: переходя отъ поколѣнія къ поколѣнію, она разбилась на отрывки, которые, при дальнѣйшемъ обращеніи въ устахъ народа, распались на отдѣльныя, болѣе мелкія части. Каждый отрывокъ древняго сказанія получаетъ, однакожъ, самостоятельный смыслъ, дополняется разными обстоятельствами и становится особенной сказкой. Этимъ объясняется множество варіантовъ одного и тогоже основнаго преданія, каковы, напримѣръ, варіанты сказокъ о Лисѣ. Разъединенію сюжета на независимые отрывки, противополагается другое явленіе — сліяніе родственныхъ преданій въ одинъ сюжетъ, отъ чего еще болѣе увеличилось разнообразіе первобытныхъ сказокъ, отличавшихся простотою и немногосложностью.

Во вторыхъ, сказка приняла въ себя многое, существенно несродное ея характеру. Она или смѣшалась съ другими направленіями народной поэзіи, или впала въ юморъ и сатиру, противорѣчащіе спокойному, ровному ходу народнаго эпоса, чуждаго всякихъ отношеній къ современности. Эти два элемента: сатира и юморъ, показываютъ, что сказка служитъ переходомъ эпоса къ лирикѣ и поэзіи къ прозѣ. Въ послѣдствіи, становясь забавой и средствомъ отъ скуки и подчиняясь отношеніямъ къ современности, сказка явилась орудіемъ юмора и сатиры: отсюда разрядъ сказокъ сатирическихъ—о Шемякиномъ Судѣ, о Ершѣ Ершовичѣ, и пр.

Наконецъ, въ третьихъ, старинная сказка подвергалась вліянію книжныхъ сказочныхъ произведеній: такова сказка о Бовѣ Королевичѣ, заимствованная изъ италіянскаго романа; такова же сербская сказка о Дивлянинѣ (дивьемъ, дикомъ человѣкѣ), содержащая въ себѣ приключенія Одиссея у циклопа Полифема.

§ 21. Сказки народовъ, не только сосѣднихъ, но и раздѣленныхъ одинъ отъ

другаго пространствомъ и временемъ, представляютъ разительное сходство, которое заключается частію въ основной мысли, частію въ изображеніи характеровъ, частію же въ завязкѣ и развязкѣ. Сходство это не случайное и заимствованное, а естественное и самостоятельное; оно возникло не посредствомъ перехода сказокъ отъ однихъ народовъ къ другимъ, но совершенно независимо. Оно произошло, во-первыхъ, отъ единства воззрѣнія на природу, обожаніе которой легло въ основаніе религіозныхъ и нравственныхъ убѣжденій народа, въ доисторическую эпоху его жизни. Въ этомъ отношеніи, сказки можно уподобить словамъ звукоподражательнымъ, которыя встрѣчаются даже въ языкахъ разноплеменныхъ, потому что источникъ ихъ одинъ и тотъ же — подражаніе звукамъ, слышимымъ въ природѣ и производящимъ одинаковое впечатлѣніе на слухъ. Вторая причина сходства—единство древнѣйшаго происхожденія народовъ, живущихъ нынѣ столь разною жизнію. Отдѣляясь отъ роднаго племени, переходя въ другую страну и начиная жить собственною жизнію, народъ удерживалъ при себѣ племенныя вѣрованія, преданія и поэзію. Родная старина не исчезала въ дальнѣйшемъ, самостоятельномъ развитіи поэтическихъ сказаній: она только облекалась въ иной видъ, обособлялась тѣмъ или другимъ образомъ. Конечно, въ иныхъ случаяхъ должно признать возможность, даже дѣйствительность перехода сказокъ изъ одного мѣста въ другое, въ слѣдствіе какихъ-либо международныхъ отношеній; но нѣтъ никакой возможности объяснить повсемѣстное распространеніе общаго достоянія простымъ переходомъ, случайнымъ заимствованіемъ.

Русскія сказки относятся къ сказкамъ индоевропейскаго племени. Онѣ очень близки къ нѣмецкимъ. Сходство замѣтно не только въ отдѣльныхъ чертахъ, но и въ цѣломъ содержаніи, которое впрочемъ обставлено иначе и потому удерживаетъ свою самостоятельность. Еще сильнѣе родственное отношеніе нашихъ сказокъ къ славянскимъ, такъ какъ единство сказочнаго эпоса Славянъ не успѣло еще раздробиться на своеобразные варіанты. Но наибольшее единство сохраняется въ самой Россіи: сказки великорусскія, малорусскія и бѣлорусскія различаются только тѣмъ, что въ иной мѣстности въ большемъ ходу одни сказочные мотивы, а въ другой другіе.

Примѣровъ сходства между сказками очень много. Приведемъ изъ нихъ важнѣйшіе. Чародѣйственное усыпленіе на многія лѣта (въ сказкѣ объ Иванѣ царевичѣ и сѣромъ волкѣ) восходитъ до пѣсенъ древней Эдды. Золотыя яблоки и жаръ-птица (въ той же сказкѣ) напоминаютъ нѣмецкую о золотой птицѣ (Der goldene Vogel). — Сказка «о злой женѣ», находится у Сербовъ (Зла жена) и Нѣмцевъ (Столикъ, накрывайся — Tischchen, deck dich); одинаковаго съ ней содержанія и червонорусская легенда: «Чортова яма». — «Семь Семіоновъ, семь родныхъ братьевъ» соотвѣтствуютъ нѣмецкимъ «четыремъ братьямъ-художникамъ»; «Вѣдьма и Тельпушокъ»—нѣмецкой: «Hänsel und Grethel», и бѣлорусской: «Три сестры»; есть подобная норвежская сказка. — «Баба-Яга», дѣйствующее лице многихъ сказокъ, принадлежитъ къ числу тѣхъ «вѣщихъ» женъ (вѣдьмъ), которыя играли весьма замѣтную роль въ нашей старинѣ. Преданія о ней, владѣющей иногда доброю, иногда враждебною человѣку силою, одинаковы у всѣхъ Славянъ. Нѣкоторыя сказки о Бабѣ Ягѣ изображаютъ ненависть мачихи къ падчерицамъ и пасынкамъ—любимый мотивъ народныхъ сказокъ; таковы: норвежская—«Дочь мужа и дочь жены», буковинская—«Двѣ дочери», нѣмецкая—«Замарашка» (Aschenputtel).—Другой обычный сюжетъ сказочнаго эпоса—разсказъ о трехъ братьяхъ, изъ которыхъ двое умныхъ, но злыхъ, а третій — простодушный и довѣрчивый; онъ есть у Славянъ, Норвежцевъ, Нѣмцевъ и другихъ народовъ.—Сказка «о трехъ царствахъ» родственна норвежской: «Der Vogel Dam» и «Подземному краю», записанному г. Боричевскимъ въ «Повѣстяхъ и преданіяхъ народовъ Славянскаго племени». — Сказка: «Правда и кривда» у Сербовъ имѣетъ такое же названіе; подобная

валахская сказка называется «Чародѣйское зеркало».— «Марко богатый»—у Сербовъ «Усудъ», у Нѣмцевъ: «Der Teufel mit den drei goldenen Haaren».—Одни и тѣ же преданія у насъ и другихъ индоевропейскихъ народовъ о предметахъ, составляющихъ важнѣйшую и почти постоянную принадлежность эпическаго сказанія, каковы: мечъ-кладенецъ, шапка-невидимка, драчунъ-дубинка, скатерть-самобранка, вѣщій конь, и проч.

§ 22. Въ нѣкоторыхъ пѣсняхъ и сказкахъ, вмѣстѣ съ главнымъ героемъ, выводятся дѣйствующими лицами животныя, которымъ приписывается умъ, чувство, даръ слова и разныя сверхъестественныя или человѣческія свойства. Они болѣе или менѣе являются для услугъ человѣку, поставляемому на первомъ планѣ. Но есть сказки, въ которыхъ главный интересъ сосредоточивается на животныхъ, преимущественно на звѣряхъ: они не просто служебныя дѣйствующія лица, но независимые герои, каждый съ своимъ особымъ характеромъ. Такія сказки называются «сказками о звѣряхъ», или «животнымъ эпосомъ» (Thierfabel, Thierepos).

Источникъ животнаго эпоса одинъ и тотъ же съ источникомъ другихъ отраслей народной поэзіи — миѳологія и поэтическое созерцаніе природы. Преданія о животныхъ принадлежатъ первобытной эпохѣ народной жизни: они возникли въ то время, когда народъ не выходилъ еще изъ звѣроловнаго и пастушескаго быта, когда онъ, по наивному сочувствію къ природѣ и по своимъ занятіямъ, не только принималъ живое участіе въ существованіи животныхъ, но и допускалъ ихъ къ участію въ своемъ собственномъ существованіи. Состоя въ близкихъ отношеніяхъ къ животнымъ, человѣкъ знакомился съ ними, изучалъ ихъ свойства и находя въ нихъ съ одной стороны нѣчто отъ себя отличное, съ другой находилъ нѣчто съ собою сходственное. Это сходство заставило его приписать звѣрямъ человѣческія дѣянія, мысли, чувства и даже даръ слова. Повѣрье о говорѣ звѣрей, который будто бы могутъ понимать ученые, сохранилось въ выраженіи баснописцевъ: «когда животные говорили». Въ грубомъ быту своемъ, человѣкъ или чувствовалъ къ звѣрямъ мирное расположеніе, или остерегался и страшился ихъ. Пастухъ видѣлъ въ волкѣ товарища, не уступавшаго ему въ силѣ и ловкости и имѣвшаго на стада одинаковыя съ нимъ права, а въ медвѣдѣ— героя, превосходившаго его могуществомъ и господствовавшаго въ лѣсахъ и пустыняхъ. Для охотника, волкъ, пробѣжавшій по полю, лисица, пробиравшаяся по окраинѣ лѣса, были такими же охотниками, какъ и онъ самъ, почему онъ давалъ имъ человѣческія прозвища. И пастухъ и охотникъ желали жить въ дружбѣ съ лѣсными товарищами не столько изъ страха внѣшней опасности, сколько изъ страха демонической силы, обитавшей въ животномъ. Лѣсной звѣрь былъ болѣе, чѣмъ простое существо, подчиненное человѣку: онъ воплощалъ въ себѣ невидимую, мрачную, чародѣйственную силу природы, и потому, будучи съ одной стороны равенъ человѣку, съ другой превосходилъ его и не могъ быть укрощенъ одною физическою силою.

Существенное условіе сказокъ о звѣряхъ заключается въ томъ, что звѣри съ инстинктами и дѣйствіями животными соединяютъ свойства и дѣйствія человѣческія, исходящія изъ извѣстныхъ побужденій и направленныя къ извѣстной разумной цѣли. Животныя въ сказкахъ не просто звѣри, чуждые человѣку и всякой психической съ нимъ связи; они также не люди, на которыхъ произвольно надѣты звѣриныя личины. Въ первомъ случаѣ, животная жизнь не могла бы слу—

жить предметомъ поэзіи, по крайней мѣрѣ лишилась бы истинно-поэтическаго содержанія—дѣйствія; во второмъ, всякій разсказъ о животныхъ былъ бы только скучною аллегоріею. Цѣльное, живое сочетаніе человѣчности съ животностью и составляетъ главную прелесть сказокъ о звѣряхъ.

Какъ въ героической поэмѣ дѣйствіе совершается человѣческими героями, такъ въ животной—героями животными. Предметы растительнаго царства и бездушные предметы природы, какъ лишенные свободной воли, не имѣютъ мѣста въ сказкахъ о звѣряхъ. Не всѣ также звѣри могутъ занимать въ нихъ одинаковую роль: животныя, тѣсно связанныя съ человѣкомъ и подчиненныя ему, птицы, слишкомъ далеко отъ него отстоящія, или другія второстепенныя твари того же животнаго царства, не выбираются въ главныя лица. Героями бываютъ животныя свободныя, хищныя и въ тоже время имѣющія близкое отношеніе къ охотнической и пастушеской жизни человѣка. Таковы: волкъ, лисица и медвѣдь, которому принадлежала верховная власть въ животномъ царствѣ нѣмецкихъ лѣсовъ, какъ у Грековъ принадлежала она льву, носящему и теперь названіе царя звѣрей. Всѣ прочія животныя имѣютъ значеніе побочныхъ лицъ, никогда не пользуясь самостоятельною дѣятельностью. Еслиже гдѣ это случалось, тамъ сказка переходила за предѣлы народнаго животнаго эпоса и вступала въ область искуственной поэзіи, какъ напримѣръ, въ Батрахіомахіи (Войнѣ мышей и лягушекъ), приписываемой Гомеру, или въ область аллегоріи и сатиры, какъ въ Войнѣ комаровъ и муравьевъ, сочиненной нѣмецкимъ сатирикомъ Фишартомъ.

Первобытный животный эпосъ Индѣйцевъ и Грековъ потерянъ. Басни, приписываемыя Эзопу, составляютъ только отрывки стариннаго сказанія. Въ нихъ уже исчезли мѣстныя указанія, которыя такъ любитъ животная эпопея, наравнѣ съ поэмой героической. Онѣ стали простыми аллегоріями, имѣющими цѣлью нравственный выводъ. Эзоповы басни воспроизведены Федромъ, у котораго первобытное сказаніе еще болѣе утратило свою форму, и все дѣло ограничено сухимъ разсказомъ чисто-дидактическаго направленія. Со времени Федра въ искуственной литературѣ водворилась классическая форма басни. Баснописцы или передѣлывали басни Эзопа и Федра, или избирали предметомъ какой нибудь случай, обращая главное вниманіе на «моральный выводъ». Такимъ образомъ утвердилось въ баснѣ господство дидактическаго элемента, при которомъ нравоученіе считается сущностью, а самый разсказъ прибавочнымъ украшеніемъ. Самые лучшіе баснописцы новыхъ временъ, Лафонтенъ и Крыловъ, не избѣгли этого направленія. Первобытный животный эпосъ, утраченный древне-классическою литературою, сохранился въ средневѣковомъ, чисто-германскомъ преданіи. Онъ принадлежитъ по преимуществу Франкамъ. Родина его—западная Германія, сѣверная Франція и Фландрія. Онъ дошелъ до насъ, уже переработанный, въ спискахъ XII и XIII вѣковъ, подъ названіемъ «Reinhart Fuchs,» и содержитъ въ себѣ разсказы о жизни и похожденіяхъ Лисы (Рейнгарта), Волка (Изенгрима) и Медвѣдя (Бруно). Въ XV в., эти разсказы явились на нижне-саксонскомъ нарѣчіи, подъ именемъ «Reineke Fuchs» и получили сатирическое направленіе, не намѣренное и не сознательное, что было бы противно характеру первобытной поэзіи, а условленное естественнымъ отношеніемъ поэтическаго произведенія къ современной жизни, которая въ немъ отражается. Въ концѣ среднихъ вѣковъ развитіе животнаго эпоса остановилось, и позднѣйшее время пред-

ставляетъ только подражаніе и передѣлки стараго матеріала съ дидактической или аллегорической точки зрѣнія.

Русскія сказки о звѣряхъ, преимущественно о Лисѣ и Волкѣ (Лиса и Волкъ, Лиса и Пѣтухъ, Лиса и Заяцъ, Лиса на ночлегѣ, Лиса—плачея, Мужикъ, Медвѣдь и Лиса, и проч.), суть также разрозненныя части древняго эпическаго сказанія, которое изображаетъ въ забавныхъ сценахъ перевѣсъ хитрости, ловкости и ума, при недостаткѣ физическихъ силъ, надъ тупостью и слабоуміемъ, при большой физической силѣ. Существуя только въ устной передачѣ, русскій животный эпосъ уцѣлѣлъ въ несвязныхъ, отрывочныхъ басняхъ, въ которыхъ иногда неясно выражается самая мысль сказанія. Главныя дѣйствующія лица, какъ и въ нѣмецкомъ эпосѣ—лисица и волкъ; всѣ другіе звѣри второстепенны: между ними преимущественно являются заяцъ, коза и козелъ, собака, быкъ; изъ птицъ дѣйствуетъ пѣтухъ. Отъ устной передачи, русскій животный эпосъ потерялъ многое, что принадлежало ему встарину: въ немъ нѣтъ уже мѣстныхъ примѣненій событія. Притомъ отрывки древняго эпоса получали самостоятельное значеніе, развивались отдѣльно и снова соединялись, отъ чего произошло значительное количество варіантовъ и иногда непонятность раздробившейся сказки.

Многія пословицы заимствовали свой матеріалъ изъ древнихъ воззрѣній на животную природу, или прямо принадлежатъ сказкамъ о звѣряхъ; напр.: «битый небитаго везетъ», «ему мѣста не много надо: самъ на лавочку, а хвостикъ подъ лавочку», «оглядывается, какъ волкъ на хвостъ», и проч. Нѣкоторыя нравственныя наблюденія выражены пословицею примѣнительно къ характеру звѣрей: «отольются волку овечьи слезы», «лиса лисой—такъ въ ухо и лѣзетъ», «въ старину бывало, собака съ волкомъ живала», и др. (Народныя русскія сказки, изд. Аѳанасьевымъ, 4 выпуска, 1855—58; О рус. народ. сказкахъ, Пыпина, въ 4 и 5 №№ Отеч. Зап. 1856; Kinder-und Hausmärchen gesam. durch die Brüder Grimm). Кромѣ нѣсколькихъ сказокъ, помѣщенныхъ въ журналахъ, только два сборника заслуживали вниманіе: «Русскія народныя сказки, собранныя Бронницынымъ (1838)» и «Русскія народныя сказки», изд. Сахаровымъ. ч. 1 (1841). Самое удовлетворительное изданіе сказокъ принадлежитъ Аѳанасьеву.

Есть лубочныя сказки, издаваемыя грамотными простолюдинами и украшаемыя грубыми картинками ихъ собственнаго издѣлія. Начало ихъ относится къ XVII в., когда появилось у насъ искуство гравированія. Названіе «лубочный», вѣроятно, происходитъ отъ «луба», «лубка», на которомъ вырѣзывали выпукло (обронно) разныя картинки изъ священной и отечественной исторіи. Лубочныя изданія народныхъ сказокъ служили продолженіемъ старинной сказочной литературы, сохранявшейся въ рукописныхъ сборникахъ XVII и второй половины XVIII столѣтій. Изъ рукописей перешли въ эти изданія многія повѣсти, переведенныя большею частію съ польскаго, напримѣръ: «о Бовѣ Королевичѣ», «о Петрѣ Золотыхъ-ключахъ», «о принцѣ Одольфѣ Лападійскомъ и объ островѣ вѣчнаго веселія», и пр. Такія повѣсти и сказки, перешедшія къ намъ отъ другихъ народовъ, не должны быть смѣшиваемы съ чисто-народными сказками: онѣ составляютъ особый отдѣлъ письменной литературы въ древнемъ періодѣ. Съ другой стороны, лубочныя изданія подверглись вліянію печатныхъ сказочныхъ сборниковъ и заимствовали изъ нихъ тексты сказокъ, или испорченные книжнымъ изложеніемъ, или и вовсе ненародные: такова «сказка о Добрынѣ Никитичѣ, служившемъ князю Владиміру», взятая изъ сборника Чулкова. Наконецъ, нѣкоторыя сказки вошли въ лубочныя изданія помимо сказанныхъ двухъ источниковъ, каковы, напримѣръ, сказки: «о семи Семіонахъ», «объ Иванѣ Царевичѣ, Жаръ-Птицѣ и Сѣромъ Волкѣ», и проч., и только въ нихъ можно видѣть отраженіе народной русской сказки, хотя поправки грамотѣевъ и книжниковъ и здѣсь много повредили простотѣ и оригинальности изложенія (О лубочныхъ картинкахъ Русскаго народа, Снегирева, въ 1-мъ т. Сборника статист. и истор. свѣдѣній о Россіи, изд. Д. В. 1845; О рус. народ. сказкахъ, Пыпина).

3. ПОСЛОВИЦЫ.

§ 23. Пословицы суть краткія изреченія, въ которыхъ выражаются народныя вѣрованія и убѣжденія, какъ плодъ здраваго смысла и многовѣковой житейской опытности. По нимъ можно видѣть свойственный народу складъ ума, его характеръ, бытъ, нравы и обычаи, господствующія понятія о Богѣ, человѣкѣ и природѣ, однимъ словомъ: полный взглядъ его на міръ и жизнь.

Въ старину пословица имѣла значеніе болѣе обширное, чѣмъ теперь. Отъ нея не отдѣлялись тогда притчи, поговорки, присловья, даже загадки, клятвы, наговоры. Вотъ почему всѣ эти предметы находятся вмѣстѣ въ старинныхъ сборникахъ пословицъ. На томъ же основаніи, многіе издатели пословицъ помѣщаютъ между ними краткія заклятія, примѣты и т. п. Съ теченіемъ времени, соединенные члены одного и того же народнаго эпическаго сказанія были разрознены, и пословица приняла смыслъ болѣе ограниченный: подъ нею стали разумѣть изреченіе, преимущественно нравственное, выражающее какую нибудь общую мысль иногда просто, иногда въ фигурной одеждѣ. Опредѣленнаго различія между пословицею и притчею въ старину не было: Несторъ и Даніилъ Заточникъ, приводя пословицы, называютъ ихъ «притчами». Притча (церковно-славянское «притъча», областное «притка») въ народномъ языкѣ употребляется въ смыслѣ случая, событія, несчастія, судьбы, напримѣръ: «безъ притчи вѣку не изживешь», «на вѣку живетъ притчей много». Слово «пословица» первоначально употреблялось въ смыслѣ согласія, условія, совѣщанія, мира (не быша пословици Псковичемъ съ Новгородци). Отъ юридическаго понятія она перешла къ понятію литературному и стала означать уподобленіе, сравненіе: ибо между членами уподобленія должно быть согласіе. Кромѣ того пословица имѣла смыслъ и отдѣльнаго реченія, выраженія (скимни рыкающе—эллинская *пословица*, т. е. реченіе, выраженіе; многія *пословицы* приходили новгородскія) и всякой поговорки и примолвки (такъ въ Запискахъ Данилова 1771 г: «у Митрофана Осиповича была пословица *южъ*».)

§ 24. Въ историческомъ развитіи пословицъ различаются два періода: древнѣйшій и позднѣйшій.

Древнѣйшія пословицы составлены при обстоятельствахъ давноминувшей жизни народа, въ миѳическій періодъ ея. Какъ старинныя эпическія преданія, отъ вліянія христіанства, съ успѣхами просвѣщенія теряютъ свое языческое значеніе и остаются въ памяти потомства только какъ художественная забава: такъ и старинныя пословицы, съ теченіемъ времени, утрачиваютъ свой собственный смыслъ, удерживая только смыслъ переносный и слѣдов. не оскорбляя никого суевѣрными намеками. Такъ, наприм., пословицу: «солнце днемъ работаетъ, а ночью отдыхъ беретъ», никто теперь не толкуетъ такъ, что солнце есть особенное существо изъ породы божествъ. Пословицы такого рода образуютъ циклъ «миѳическихъ» пословицъ.

Второй циклъ пословицъ—пословицы позднѣйшія, получившія начало при обстоятельствахъ жизни, не чуждыхъ и теперешнему образу жизни: поэтому онѣ свободно примѣняются къ современному быту и столько же понятны въ ихъ прямомъ, первоначальномъ смыслѣ, какъ и въ переносномъ. Такъ какъ этотъ циклъ отдѣляется отъ предъидущаго распространеніемъ въ народѣ христіанскихъ идей, то онъ носитъ на себѣ характеръ «христіанскій».

Между древнѣйшей, миѳической притчей и позднѣйшими, христіанскими пословицами занимаютъ мѣсто собственно «историческія», указывающія на какое-нибудь событіе, лице или учрежденіе. Историческія пословицы относятся къ древ-

нимъ эпическимъ точно также, какъ народныя историческія пѣсни относятся къ пѣснямъ миѳическимъ.

§ 25. Образованіе пословицъ условливается обстоятельствами и эпохами народнаго быта. Древнѣйшія изъ нихъ относятся къ тому времени, когда славянскія племена вели жизнь звѣролововъ и пастуховъ. Поклоненіе деревамъ и заповѣднымъ лѣсамъ идетъ, вѣроятно, отъ этой отдаленной эпохи. Остатки языческаго вѣрованія сохранились въ пословицахъ о дуплахъ, оврагахъ и болотахъ, какъ жилищахъ бѣса, о поклоненіи пнямъ, обрядѣ бракосочетанія: «изъ пустаго дупла—либо сычъ, либо сова, либо самъ сатана»; «горы да овраги — чортово житье»; «всякому чорту вольно въ своемъ болотѣ бродить»; «жилъ въ лѣсѣ, молился пнямъ»; «вѣнчали вокругъ ели, а черти пѣли». Такъ какъ водяной демонъ живетъ по преимуществу въ омутѣ, потому и говорится: «изъ омута въ адъ, какъ рукой подать». Кровавыя жертвоприношенія, приличныя пастухамъ и звѣроловамъ, произвели пословицы: «обреченная (*на жертву*) скотинка ужъ не животинка»; «моленой баранъ отлучился, инъ гулящей прилучился» (т. е. не попалъ на убой баранъ обреченный, такъ вмѣсто его убьемъ, какой попадется). Повѣрье о пожираніи небесныхъ свѣтилъ волкомъ выразилось пословицею: «сѣрый волкъ на небѣ звѣзды ловитъ». Опасеніе, чтобы словомъ не призвать волка или и самаго бѣса въ его образѣ, дало начало пословицѣ: «сказалъ бы словечко, да волкъ не далечко».—Земледѣльческій бытъ, слѣдовавшій за звѣроловнымъ и пастушьимъ, выразился во многихъ пословицахъ: «земля кормитъ, а лугъ портитъ» (указывающая превосходство земледѣлія предъ жизнію пастуха), «не за сохой ходишь» (т. е. твое дѣло не такъ трудно, какъ дѣло пахаря), «дорогой товаръ изъ земли ростетъ» (обильное вознагражденіе земледѣльческихъ трудовъ), и пр. Вмѣстѣ съ осѣдлою жизнію племена узнали и родной кровъ. Здѣсь установились и упрочились семейныя связи. Дѣти привыкли любить и уважать своихъ родителей и вообще всѣхъ старшихъ: «безъ стараго пня и огнище сиротѣетъ». Такъ какъ семья держится старшими, то пословица говоритъ: «всякой домъ по большую голову стоитъ». Рядомъ съ уваженіемъ старшихъ возникло и укрѣплялось благоговѣніе къ старинѣ и преданію: «встарь люди бывали умнѣй»; «что старѣе—то правѣе»; «что изстари ведется, то не минется». По мѣрѣ развитія и установленія понятій о мірѣ или обществѣ, опредѣляется понятіе о собственности и владѣніи, согласно съ мѣстностью и образомъ жизни; такъ земледѣлецъ ведетъ свою собственность отъ земли: «чья земля, того и хлѣбъ». При неопредѣленности понятій надобно было оградить и упрочить собственность правдою и судомъ: «чужое добро страхомъ огорожено».

§ 26. Переходъ пословицъ изъ періода миѳическаго въ христіанскій выразился нѣкоторыми ясными намеками. Къ числу такихъ переходныхъ пословицъ принадлежатъ тѣ, въ которыхъ миѳическое божество замѣняется словами: «врагъ», «бѣсъ», «чортъ», или же намѣренно унижается, какъ напр.: «взялъ боженьку за ноженьку, да и о полъ».—Съ принятіемъ христіанства, понятія и вѣрованія, противоположныя язычеству, произвели множество пословицъ «религіозныхъ», относящихся къ вѣрѣ и благочестію, выражающихъ премудрость, всемогущество и благость Творца, упованіе на Промыслъ, соединенное съ собственною дѣятельностью, покорность высшей волѣ, обязанность довольствоваться своимъ состояніемъ: «богатъ Богъ милостью», «на Бога положишься, не обложишься», «на

Бога надѣйся, а самъ не плошай», «не такъ живи какъ хочется, а какъ Богъ велитъ», и проч. Въ древніе сборники пословицъ внесены многія изреченія изъ Священнаго Писанія, наприм.: «много званыхъ, мало избранныхъ», «своя своихъ не познаша», и проч.

§ 27. Историческія пословицы обнимаютъ цѣлый рядъ народныхъ изреченій, начиная отъ Несторовыхъ притчей о Родиѣ, Волчьемъ хвостѣ и до позднѣйшихъ намековъ на событія и лица. Въ нихъ отражаются различныя эпохи отечественной исторіи. Нѣсколько такихъ пословицъ сохранилось въ лѣтописи Нестора. При разсказѣ о гибели Аваровъ говорится: «погибоша аки Обрѣ». Разбитіе Радимичей на рѣкѣ Пищанѣ Владиміровымъ воеводою, по прозванію Волчій Хвостъ, произвело притчу: «Радимичи волчья хвоста бѣгаютъ». Когда Новгородцы, возмущенные тысяцкимъ Угонаемъ и жрецомъ Богомиломъ, не захотѣли креститься, тогда воевода Владиміровъ Путята, предводительствуя Ростовцами, вступилъ въ битву съ Новгородцами, а Добрыня велѣлъ зажечь ихъ домы; отсюда пословица: «Путята крести мечемъ, а Добрыня огнемъ». По сказанію лѣтописца, Владиміръ отвѣчалъ дружинѣ своей на ея укоризну за то, что не было серебряныхъ ложекъ при столѣ: «сребромъ и златомъ не имамъ налѣзти (найти, пріобрѣсти) дружины, а дружиною налѣзу сребро и злато». Время удѣловъ оставило пословицы: «съ добрымъ думцею (совѣтникомъ) князь высока стола додумается, а съ лихимъ думцею и малаго стола лишенъ будетъ»; «миръ стоитъ до рати, а рать до мира». Время татарскаго владычества означено многими пословицами и поговорками: «не во время гость хуже Татарина», «тутъ словно Мамай воевалъ». Новгородцы, гордые своею силою, говорили: «кто противъ Бога и великаго Новагорода»? О союзѣ Новгорода съ Псковомъ, какъ старшаго брата съ младшимъ, говорилось: «душа на Великой, а сердце на Волховѣ». Уничтоженіе крестьянскихъ переходовъ, совершавшихся въ Юрьевъ (Егорьевъ) день, произвело пословицу: «вотъ тебѣ, бабушка, Юрьевъ день». Объ освобожденіи Россіи отъ Поляковъ, въ XVIII столѣтіи, говорится: «пришли казаки съ Дону, погнали Ляховъ съ дому». «Пословицы: «пропалъ какъ Шведъ подъ Полтавою», «голодный Французъ и воронѣ радъ», указываютъ на пораженіе Карла XII и на бѣдствія Французовъ во время бѣгства изъ Россіи.

Пословица, вышедшая изъ древнѣйшаго періода, приняла въ послѣдствіи иной видъ. Какъ въ исторіи литературы, съ успѣхами образованности, по мѣрѣ раскрытія общественныхъ недостатковъ, становится ощутительнѣе потребность легкаго осмѣянія, а потомъ и сильнаго негодованія—въ сатирѣ, баснѣ, комедіи: такъ и позднѣйшія пословицы отличаются отъ древнѣйшихъ своимъ ироническимъ тономъ. Утративъ свое ровное, эпическое теченіе, отъ строгаго и безпристрастнаго изреченія суда и правды, старинная пословица ниспустилась до насмѣшки и порицанія. Она соотвѣтствуетъ сатирѣ и комедіи. Въ пословицахъ подобнаго содержанія (ироническихъ), какъ въ краткихъ комедіяхъ или сатирахъ, подмѣчаются оттѣнки характера, образующагося подъ вліяніемъ жизни общественной. Онѣ по преимуществу заимствуются комиками изъ устъ народа.

Главнѣйшіе сборники пословицъ: А) *Письменные*: «Повѣсти или пословицы всенароднѣйшія по алфавиту», въ скорописномъ сборникѣ конца XVII вѣка (въ Москов. Архивѣ Министерства Иностран. Дѣлъ); «Сборникъ пословицъ Погодинскій» (въ И. П. Б), подъ названіемъ: «Книга о всенародныхъ пословицахъ» (обозначенъ 714-мъ г.); «Россійскія пословицы, собранныя по алфавиту въ Москвѣ Яньковымъ», рукоп. 1749 г. Б) *Печатные*: «Собраніе 4291 древнихъ русскихъ пословицъ» (1770 г.); «Сборъ разныхъ пословицъ и поговорокъ въ Письмовникѣ Курганова» (1769 г.); «Русскія пословицы, собранныя и переложенныя въ стихи Богдановичемъ, по порученію Императрицы

Екатерины II» (1785); «Полное собраніе русскихъ пословицъ и поговорокъ Д. К.» (Дмитрія Княжевича) (1822 г.); «Русскіе въ своихъ пословицахъ, И. Снегирева», 4 ч. (1831—34); «Русскія народныя пословицы и притчи», егоже (1848); «Русскія пословицы и поговорки», Буслаева, служащія дополненіемъ къ изданію Снегирева 1848 г. (во 2-мъ т. Архива историко—юридическихъ свѣдѣній, относящихся до Россіи, Калачова, 1854). Статья Буслаева, кромѣ сборника пословицъ, содержитъ въ себѣ подробное изслѣдованіе о ихъ значеніи въ историческомъ развитіи. Изъ нея заимствовано наше изложеніе.

§ 28. При естественномъ, ничѣмъ невозмущаемомъ развитіи жизни и просвѣщенія, народная литература служитъ основаніемъ литературы искуственной: послѣдняя возрастаетъ изъ первой, какъ изъ своего роднаго корня. Такое нормальное явленіе видимъ у Грековъ: религіозные хоры въ честь Вакха сдѣлались у нихъ источникомъ богатой драматической поэзіи. Но если, по какимъ-либо обстоятельствамъ, нарушено правильное отношеніе начальнаго поэтическаго творчества къ дальнѣйшему его ходу, тогда народная литература становится предметомъ отдѣльнымъ отъ литературы искуственной: онѣ идутъ врозь, не оказывая надлежащаго взаимнаго вліянія. Такая судьба выпала нашей словесности на ряду съ литературами соплеменныхъ намъ Болгаръ и Сербовъ. Причина тому въ особыхъ историческихъ условіяхъ нашего просвѣщенія. Принятіе христіанской вѣры было у насъ вмѣстѣ и началомъ духовной литературы, имѣвшей единственною цѣлію водворять и распространять христіанскія начала. Духовныя лица, какъ первые грамотные люди въ нашемъ отечествѣ, все свое вниманіе обращали на удовлетвореніе потребностей, вызванныхъ новою вѣрою. Сочиненія ихъ, отличавшіяся строго-религіознымъ характеромъ, заботились исключительно о распространеніи въ народѣ первыхъ началъ просвѣщенія. Такая литература чисто-образовательнаго направленія не только заняла первое мѣсто, но и стала въ непріязненное отношеніе къ народной поэзіи, воспитанной на язычествѣ и проникнутой его суевѣрными понятіями. Въ пѣсняхъ и сказкахъ духовенство видѣло языческую старину; оно обличало и преслѣдовало ихъ, какъ темную сторону прежней народной жизни, вмѣстѣ съ другими слѣдами язычества. По этой-то причинѣ народная поэзія, въ теченіе всего древняго періода, запрещалась, наравнѣ съ «бѣсовскими игрищами».

Кромѣ обстоятельствъ чисто-историческихъ, дѣйствію народной поэзіи на искуственную много препятствовали ложныя литературныя теоріи, которыя въ произведеніяхъ естественнаго творчества видѣли только плодъ дѣтской и пустой фантазіи, недостойный не только подражанія, но и вниманія людей образованныхъ. Съ такой точки зрѣнія, пословицы, пѣсни и сказки являлись не болѣе, какъ лепетомъ младенца, и Тредьяковскій, въ «Разсужденіи о древнемъ, среднемъ и новомъ россійскомъ стихотвореніи», называетъ народныя пѣсни «подлыми», т. е. низкими, забывая, что если можно допустить сравненіе первоначальнаго состоянія народа съ младенческимъ состояніемъ человѣческой жизни, то у этого, такъ называемаго народа-младенца, есть уже и религія, и извѣстная философія, и вѣковыя преданія, и богатая поэзія.

Въ послѣдствіи, когда историческія обстоятельства теряютъ свое прежнее значеніе, и ложныя литературныя теоріи смѣняются истинными понятіями объ искуствѣ и развитіи народа, правильное соотношеніе между литературами народною и искуственною возстановляется. Тщательное изученіе памятниковъ отечественной исторіи и словесности, короткое знакомство съ европейской на—

укой, разработавшей вопросъ о естественномъ поэтическомъ творчествѣ, даютъ образованному таланту прочное основаніе для собственнаго творчества въ духѣ народа. Народная поэзія вступаетъ въ свои права, которыя такъ долго не признавались. Писатели или художественно воспроизводятъ ее, или создаютъ собственныя произведенія, запечатлѣнныя коренною національностью. Такъ въ поэзіи Пушкина ясно замѣчаются бодрость и крѣпость духа, принадлежащія къ внутреннимъ отличіямъ народныхъ пѣсенъ, равно какъ въ сочиненіяхъ Гоголя замѣчаешь также существенныя принадлежности этихъ пѣсенъ—юморъ и иронію, состоящую не въ пустой, легкомысленной насмѣшкѣ, а въ свободномъ пареніи духа надъ самимъ собою.

Свидѣтельства о запрещеніяхъ и преслѣдованіяхъ, которымъ, въ XVI и XVII вѣкахъ, подвергалась народная поэзія наравнѣ съ суевѣрными обычаями, обрядами и играми, указаны Буслаевымъ, въ «Русской поэзіи 17-го вѣка.»

§ 29. Стѣсненное въ своемъ развитіи, народное творчество не осталось однакожъ безъ всякаго вліянія на письменность. Книжная ученость примирялась съ безъискуственной поэзіей, заимствуя у нея нѣкоторые элементы и потомъ сама производя на нее извѣстное вліяніе. Примиряющею средою служило искреннее вѣрованіе, въ которомъ органически сливались два враждебные элемента: миѳологическій, свойственный народному эпосу, и христіанскій, принадлежащій литературѣ письменной. Къ памятникамъ древней словесности нашей, свидѣтельствующимъ ея отношеніе къ народной поэзіи, относятся, во первыхъ, такъ называемыя «отреченныя (апокрифическія) книги», въ которыхъ христіанскія понятія перемѣшаны съ миѳами, суевѣріями и вымыслами и о которыхъ будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ. Хотя у насъ мало самобытныхъ повѣствовательныхъ произведеній, въ которыхъ ощутительно выказывается сила естественнаго эпоса, и хотя «Слово о Полку Игоревѣ» служитъ, въ этомъ случаѣ, почти единственнымъ исключеніемъ; однакожъ элементы народной поэзіи, большею или меньшею частію, входятъ въ историческія и вымышленныя сказанія. Лѣтопись Нестора представляетъ нѣкоторыя старинныя преданія и сказки. Слово Даніила Заточника исполнено народныхъ поговорокъ и пословицъ. Повѣствовательная литература духовнаго содержанія, состоящая въ житіяхъ русскихъ угодниковъ, въ описаніяхъ основанія монастырей и сооруженія храмовъ, въ разсказахъ о чудесахъ, содержитъ также источники возвышенной поэзіи. Изображая дѣйствительныя событія и личности, она подвергалась вліянію иностранныхъ и своеземныхъ повѣствовательныхъ источниковъ: иностранные приходили сначала изъ Византіи, а потомъ изъ Польши; своеземные были плодомъ народныхъ убѣжденій и вѣрованій и придавали поэтическій колоритъ многимъ подробностямъ, не нарушая впрочемъ историческаго правдоподобія. Такимъ образомъ взаимодѣйствіе народной поэзіи и письменности сообщило послѣдней признаки поэтическаго характера. Оно сблизило, въ нѣкоторой мѣрѣ, образованную литературу съ литературой безъискуственной.

О народ. поэзіи въ древне-рус. литературѣ, Буслаева.

ИСКУСТВЕННАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

§ 30. Литература письменная, какъ видно изъ самаго названія, является въ то время, когда народъ имѣетъ уже письмена, азбуку, посредствомъ которой можетъ выражать все разнообразіе звуковъ своей рѣчи. Азбука, употребляемая нами въ церковныхъ книгахъ, изобрѣтена Кирилломъ для Болгаръ, отъ которыхъ мы и получили ее въ послѣдствіи. Ему и брату его, Меѳодію, Россія обязана своей первоначальной грамотой, послужившей основаніемъ письменности.

§ 31. Кириллъ, въ свѣтскомъ званіи Константинъ (р. 827, у. 869), и Меѳодій родились въ Солуни (Салоникѣ). Меѳодій сначала служилъ въ военной службѣ и былъ нѣсколько лѣтъ правителемъ славяногреческой области, а потомъ постригся въ монахи на горѣ Олимпѣ. Кириллъ, младшій братъ, вызванный послѣ смерти отца своего въ Константинополь родственникомъ своимъ, логоѳетомъ, воспитывался при дворѣ вмѣстѣ съ малолѣтнымъ царемъ Михаиломъ. Здѣсь онъ учился словеснымъ, философскимъ и математическимъ наукамъ и узналъ много языковъ. Хотя дарованія, образованность и покровительство открывали ему путь къ почестямъ, но онъ вступилъ въ духовное званіе и получилъ мѣсто библіотекаря при Софійскомъ соборѣ. Любовь къ отшельнической жизни заставила его удалиться въ пустыню, откуда онъ, только по настойчивому желанію другихъ, воротился въ столицу и принялъ должность учителя философіи.

Подвиги свои на пользу вѣры Кириллъ началъ еще на 24 году жизни. По волѣ императора Михаила, онъ отправился къ милитенскому эмиру для борьбы съ магометанствомъ. Успѣшно кончивъ порученіе, онъ отошелъ къ Меѳодію на Олимпъ но мирныя упражненія братьевъ были прерваны новымъ вызовомъ царя—идти въ Крымъ къ Козарамъ, которые просили Михаила прислать къ нимъ людей свѣдущихъ, чтобы оградить ихъ съ одной стороны отъ Евреевъ, а съ другой отъ Сарацинъ, усилившихся обратить ихъ въ свою вѣру. И это порученіе увѣнчалось полнымъ успѣхомъ: въ преніяхъ съ іудейскими и магометанскими учителями, Кириллъ и Меѳодій показали ложность ихъ ученія и истинность христіанства. Важнѣйшее дѣло ожидало Кирилла и Меѳодія, по возвращеніи ихъ въ Царьградъ: греческіе и болгарскіе Славяне, не имѣя священныхъ книгъ на языкѣ народномъ, оставляли христіанство и снова становились язычниками; надлежало дать имъ славянское богослуженіе. Для этого Кириллъ изобрѣлъ славянскую азбуку и потомъ, вмѣстѣ съ братомъ, перевелъ, съ греческаго на славянскій, самыя необходимыя богослужебныя книги. Такимъ образомъ славянская литургія, во второй половинѣ IX-го столѣтія, распространилась сначала у греческихъ Славянъ, а потомъ у болгарскихъ.

Славяне, населявшіе Моравію и Паннонію, обязаны были христіанствомъ латинскому духовенству южной Германіи; богослуженіе ихъ совершалось на языкѣ латинскомъ. Въ 862 году моравскій князь Ростиславъ, съ подвластными ему князьями и народомъ, желая и въ своей землѣ слышать на родномъ языкѣ богослуженіе и ученіе о вѣрѣ, просилъ императора Михаила прислать къ нему учителей. Михаилъ отправилъ Кирилла и Меѳодія. Четыре года съ половиною занимались они устройствомъ богослуженія на славянскомъ языкѣ: строили церкви, обучали грамотѣ учениковъ, переводили Священное Писаніе. Имъ надлежало бороться и съ остатками язычества и съ недоброжелательствомъ латинскаго духовенства, которое доказывало, что только на трехъ языкахъ достойно славить Бога: еврейскомъ, эллинскомъ и латинскомъ, такъ какъ надпись на крестѣ Спасителя была начертана на этихъ трехъ языкахъ. Папа Николай, которому нѣмецкое духовенство представляло дѣйствія славянскихъ учителей въ неблагопріятномъ видѣ, потребовалъ ихъ къ себѣ. Кириллъ и Меѳодій отправились въ Римъ, неся съ собою часть мощей Св. Климента, обрѣтенныхъ Кирилломъ въ Корсуни въ то время, когда онъ находился въ Крыму у Козаръ. По Николая они уже не застали въ живыхъ. Преемникъ его, Адріанъ, принялъ ихъ благосклонно, не уваживъ обвиненій ихъ противниковъ. Кириллъ, изнуренный трудами, заболѣлъ въ Римѣ, гдѣ и скончался 42-хъ лѣтъ отъ роду.

По смерти своего брата, Меѳодій воротился къ Славянамъ, во время войны между Ростиславомъ и племянникомъ его Святополкомъ: онъ прибылъ къ Коцелу, князю той части Моравіи, которая лежитъ за Дунаемъ, и посвященъ былъ папою въ епископа паннонскаго; но происки нѣмецкаго духовенства не давали ему покоя. Осужденный зальцбургскимъ архіепископомъ и соборомъ его духовенства за мнимыя отступленія отъ догматовъ римской церкви, онъ былъ заключенъ въ темницу, въ которой содержался два года съ половиной. По желанію Моравцевъ, папа Іоаннъ VIII, преемникъ Адріана, возвратилъ ему свободу и власть и поставилъ моравскимъ архіепископомъ. Но черезъ нѣсколько лѣтъ, вопреки прежней своей волѣ, папа запретилъ богослуженіе на славянскомъ языкѣ и вызвалъ Меѳодія въ Римъ. Обвиняемый въ неправотѣ ученія, Меѳодій совершенно оправдался на соборѣ. Послѣдніе годы жизни терпѣлъ онъ скорби и гоненія за свою ревность къ распространенію и укрѣпленію славянскаго богослуженія. Ум. 885 г. въ Велеградѣ. Церковь причислила Кирилла и Меѳодія, какъ «первоучителей славянскихъ», къ лику святыхъ.

Расцвѣтъ славянской письменности въ Болгаріи, Шафарика, въ Чтеніяхъ Общ. Ист. и Древн. Рос. 1848, № 7; О Кириллѣ и Меѳодіи, Горскаго, Москвит. 1843, № 6; Кириллъ и Меѳодій, арх. Филарета, Чтен. 1846, №№ 4 и 5; О времени происхожденія славянскихъ письменъ, Бодянскаго, 1855.

§ 32. Славянская азбука составлена Кирилломъ въ Царьградѣ, около 862 г. Въ основаніе принятъ имъ алфавитъ греческій, по тому начертанію, какое имѣлъ онъ около того времени. Но какъ 24-хъ буквъ греческаго алфавита недоставало для изображенія всѣхъ звуковъ славянской рѣчи, то Кириллъ прибавилъ еще другія буквы, частію образованныя изъ тѣхъ же греческихъ буквъ, частію же заимствованныя изъ алфавитовъ: еврейскаго, армянскаго и коптскаго. Такимъ образомъ установилъ онъ славянскія письмена, бывшія у насъ въ общемъ упо-

треблеиіп до XVIII вѣка, т. е. до окончательнаго ихъ преобразованія въ нынѣ употребительную азбуку русскую или гражданскую. Послѣ того кирилловскую азбуку стали отличать именемъ церковной или славянской, такъ какъ ея употребленіе ограничилось книгами церковнаго содержанія.

Точное число буквъ первоначальнаго, кирилловскаго алфавита неизвѣстно. Черноризецъ Храбръ, жившій въ X или IX в. и написавшій «Сказаніе, како состави св. Кириллъ Словеномъ письмена», приписываетъ ему изобрѣтеніе 38 буквъ. Разные славянскіе народы (Болгары, Сербы, Русскіе, а изъ романскаго племени Румуны или Валахи), принявъ кирилловскую азбуку, позволяли себѣ прибавлять и убавлять буквы. Да и у одного народа число буквъ измѣнялось, потому что одинъ и тотъ же звукъ, смотря по мѣсту своему въ словѣ, изображался различно, частію по произволу писцовъ, частію для означенія тонкостей въ правописаніи. Такъ въ Остроміровомъ Евангеліи всѣхъ буквъ 46. Кириллица чрезвычайно походила на греческій алфавитъ, послужившій ей основаніемъ: формы греческихъ буквъ съ VIII вѣка до XIII-го мало чѣмъ отличались отъ формъ церковно-славянскихъ уставныхъ буквъ.

Кромѣ кирилловской азбуки была у Славянъ другая, такъ называемая «глагольская», или «глаголица». Въ ней названія буквъ тѣже, что и въ Кириллицѣ, но начертаніе знаковъ болѣе затѣйливое и кудрявое. Время и мѣсто изобрѣтенія глаголицы до сихъ поръ не опредѣлены положительно. Древнѣйшее указаніе глагольской письменности есть глагольская подпись 982 г. эрисскаго священника Георгія на договорѣ основателя иверскаго аѳонскаго монастыря, Ивана Ивера, съ жителями сосѣдняго города Эриссы (Herissos) о землѣ, принадлежащей обители: договоръ этотъ открытъ и списанъ, въ 1846 г., архимандритомъ Порфиріемъ Успенскимъ. Въ своемъ послѣднемъ сочиненіи: Ueber den Ursprung und die Heimath des Glagolitismus (1858), Шафарикъ приходитъ къ тому убѣжденію, что именно глаголица и есть первоначальная славянская азбука, изобрѣтенная Кирилломъ, а такъ называемая Кириллица изобрѣтена Климентомъ, епископомъ величскимъ, ученикомъ Кирилла и Меѳодія (Изв. Ак. Н. по 2 отд., VII, вып. 2, разборъ мнѣнія Шафарика Срезневскимъ, и Слѣды глаголицы въ памятникахъ X в., записка Срезневскаго, ib. вып. 5). Г. Срезневскій говоритъ, что глаголица есть явленіе IX—X в,, послѣдовавшее за кириллицею (О глаголитской письменности, въ «Изслѣдованіяхъ и замѣчаніяхъ о древ. памятникахъ старослав. литературы»). Г. Бодянскій относитъ появленіе глаголицы къ одному и томуже вѣку съ кириллицей. Вопросъ: въ силу какихъ обстоятельствъ появились почти одновременно двѣ азбуки? при настоящихъ данныхъ не можетъ быть рѣшенъ удовлетворительно. Но не подлежитъ никакому сомнѣнію взаимное вліяніе ихъ въ первые годы принятія нами христіанства (О врем. изобр. слав. письменъ; Новыя открытія въ области глаголицы, Рус. Вѣст. 1856, № 5).

Были ль у Славянъ письмена до введенія христіанской грамоты? Въ чешскомъ стихотвореніи: «Судъ Любуши», которой рукопись относится къ IX вѣку, говорится о «доскахъ правдодатныхъ», на коихъ начертаны были законы. Въ Сказаніи Черноризца Храбра есть извѣстіе, что Славяне, будучи язычниками, «чертами» и «рѣзами» читали и гадали. По свидѣтельству Дитмара Мерзебургскаго, писавшаго въ XI вѣкѣ, на кумирахъ языческихъ Славянъ имена боговъ были вырѣзаны. Христіанскіе учители Славянъ, знавшіе ихъ языкъ и приходившіе къ нимъ изъ греческихъ и западныхъ предѣловъ, по необходимости должны были передавать имъ свое ученіе или устно, или посредствомъ своихъ латинскихъ и греческихъ буквъ. Но того, что собственно называется грамотою (письменами), Славяне не имѣли до Кирилла и Меѳодія.

§ 33. По изобрѣтеніи азбуки, Кириллъ и Меѳодій занялись переводомъ священныхъ книгъ съ греческаго на славянскій. Они перевели главнѣйшія книги, необходимыя для богослуженія: Избранныя чтенія изъ Новаго Завѣта, Паремейникъ (чтенія изъ книгъ Ветхаго Завѣта), Псалтирь, Часословъ, Служебникъ, Требникъ, Октоихъ. По смерти брата своего, Меѳодій переводилъ Св. Писаніе, также Номоканонъ (собраніе церковныхъ правилъ) и отеческія книги (творенія св. отцевъ), но какія именно—неизвѣстно. Безъ сомнѣнія, въ этихъ трудахъ принимали дѣятельное участіе сподвижники Кирилла и Меѳодія: Климентъ, Наумъ,

Ангеларъ, Савва, Гораздъ, которые, и по кончинѣ славянскихъ первоучителей, продолжали заниматься распространеніемъ богослуженія на славянскомъ языкѣ.

Когда, по смерти Меѳодія, воздвиглось гоненіе на славянское духовенство, всѣ вышеисчисленные сподвижники Кирилла и Меѳодія были заключены въ темницу, подверглись мученіямъ и выгнаны изъ Моравіи. Они удалились въ Болгарію, гдѣ царь Борисъ (въ крещеніи Михаилъ) принялъ ихъ съ честію. Извѣстнѣйшіе изъ нихъ: Гораздъ, родомъ Моравецъ, и Климентъ, родомъ Булгаръ. Гораздъ, котораго Меѳодій назначилъ было своимъ преемникомъ, трудился преимущественно въ юго-западной части Болгаріи — отдаленной области охридской. Онъ былъ признанъ архіепископомъ болгарскимъ. По мнѣнію Шафарика, ему принадлежитъ древнѣйшее, такъ называемое, паннонское сказаніе о Меѳодіи. Климентъ, возведенный сыномъ царя Бориса, Симеономъ, въ санъ епископа величскаго, трудился также въ Охридѣ, проповѣдуя Слово Божіе, образуя чтецовъ, діаконовъ, священниковъ и разсылая ихъ въ разныя болгарскія области. Изъ сочиненій и переводовъ его извѣстны: проповѣди и поученія, житія святыхъ и часть тріоди, именно цвѣтная. Творенія его (въ числѣ 15) собраны и приготовлены къ изданію Ундольскимъ.

§ 34. Языкъ, на который переведено Св. Писаніе, есть языкъ «древнеболгарскій», одного происхожденія и состава съ нынѣшнимъ, хотя уже измѣненнымъ, новоболгарскимъ. Онъ былъ въ Македоніи, Болгаріи, Ѳракіи, Ѳессаліи народнымъ языкомъ Славянъ, по имени которыхъ, въ обширномъ смыслѣ, назывались Славиніей древняя—верхняя и нижняя—Мизія и Дарданія, а въ тѣсномъ—край, лежащій въ Македоніи и въ предѣлахъ Албаніи и Ѳессаліи. Въ послѣдствіи, когда упомянутыя земли покорены были Болгарами, именемъ Болгаръ покрылось прежнее, собственное имя Славянъ. Языкъ этотъ называется еще «церковно-славянскимъ», какъ языкъ Церкви, «кирилловскимъ», по имени Кирилла, переложившаго на него богослужебныя книги, и просто «славянскимъ».

Что церковно-славянскій языкъ есть языкъ древне-болгарскій, это доказывается филологическими и историческими розысканіями Шафарика и Бодянскаго. Мнѣніе Шафарика, изложенное въ «Славянскихъ древностяхъ» (т. 2, кн. 1), приведено выше. Оно подкрѣпляется двумя историческими свидѣтельствами, найденными г. Бодянскимъ. Первое свидѣтельство—«Пересопницкое Евангеліе», перевед. на южно-русскій языкъ и принадлежащее библіотекѣ переславской семинаріи (полтав. губерніи): оно писано на Волыни, въ Пересопницкомъ монастырѣ, 1556—1561 г. Переписчикъ говоритъ, что это Евангеліе переведено «изъ языка болгарскаго на мову (рѣчь) русскую» (Журн. Мин. Народ. Просв., 1858, № 5). Другое свидѣтельство—Молитвенникъ или служебникъ (1546), хранящійся въ вратиславской (бреславской) библіотекѣ: въ концѣ его помѣщено лѣтосчислительное сказаніе отъ сотворенія міра, гдѣ, въ заключеніи, сказано, что Кириллъ и Меѳодій божественное писаніе съ греческихъ книгъ на «славянскій языкъ на болгарскій» переложили (О древнѣйшемъ свидѣтельствѣ, что церковно-книжный языкъ есть славяно-болгарскій, въ Жур. Мин. Нар. Пр., 1843, № 6). Признаки старо-болгарскаго или церковнославянскаго языка исчислены Шафарикомъ въ «Славянскомъ народописаніи.» перев. Бодянскаго; отличіе языка новоболгарскаго см. въ «Болгарскихъ пѣсняхъ», издан. Безсоновымъ (Временникъ, кн. 21).

§ 35. Священное Писаніе внесено въ Россію, вѣроятно, еще до Владиміра, при первыхъ началахъ христіанства, относящихся ко второй половинѣ IX в. Въ Кіевѣ были христіане при Оскольдѣ и Дирѣ, потомъ при Олегѣ, Игорѣ и Ольгѣ, имѣвшіе, конечно, надобность въ богослужебныхъ книгахъ. Получили мы переводъ Св. Писанія и богослужебныхъ книгъ изъ Болгаріи, съ которой находились въ сношеніяхъ до всенароднаго крещенія нашего отечества. Послѣ этого книги, переведенныя Кирилломъ и Меѳодіемъ, списывались у насъ, что доказывается древними списками книгъ Ветхаго и Новаго Завѣта.

§ 36. Церковнославянскій языкъ не должно смѣшивать съ древнерусскимъ. Переводъ Священнаго Писанія и богослужебныхъ книгъ совершенъ внѣ Россіи, для Задунайскихъ Славянъ, во второй половинѣ IX вѣка, когда эти Славяне и Русь были уже самостоятельными народами, слѣдов. при значительномъ различіи странъ, которыя они занимали, и сосѣдей, съ которыми находились въ сношеніяхъ, необходимо должны были отличаться одни отъ другихъ по языку. Церковнославянскій языкъ принятъ на Руси, какъ языкъ соплеменный, со внесеніемъ богослужебныхъ книгъ; но народъ, и прежде и послѣ того, говорилъ не имъ, а собственнымъ своимъ языкомъ, который, въ отличіе отъ нынѣшняго, новорусскаго языка, называется языкомъ древнерусскимъ.

§ 37. Древнѣйшій памятникъ церковно-славянскаго языка, уцѣлѣвшій на Руси до нашего времени, съ означеніемъ года, есть Остроміровъ списокъ Евангелія. Онъ написанъ, въ 1056—57 гг., въ княженіе Изяслава Кіевскаго, въ Новгородѣ, для посадника Остроміра (въ крещеніи Іосифа), діакономъ Григоріемъ. Хотя писецъ былъ русскій, однако онъ въ наибольшей чистотѣ сохранилъ особенности болгарскаго текста, съ котораго списывалъ. Нѣкоторыя русскія формы встрѣчаются какъ описки или невольныя отступленія отъ общихъ правилъ кирилловскаго письма. Остромірово Евангеліе содержитъ въ себѣ Евангеліе не въ обыкновенномъ порядкѣ главѣ у евангелистовъ, а только чтенія евангельскія на извѣстные дни и праздники. Такъ расположены всѣ древнѣйшіе списки евангелій, называемыхъ «апракосъ» (*недѣльное*, т. е. расположенное по недѣлямъ, начиная съ Пасхи).

Рукопись Остромірова Евангелія первоначально находилась въ новгородскомъ софійскомъ соборѣ. Я. А. Дружининъ нашелъ ее въ покояхъ Императрицы Екатерины II, послѣ ея кончины, и поднесъ въ 1806 г. Императору Александру, который повелѣлъ хранить ее въ И. П. Библ. Въ 1843 г. она издана Востоковымъ, который приложилъ къ изданію греческій подлинникъ, грамматическія особенности языка Остромірова Евангелія и указатель всѣхъ встрѣчающихся въ немъ словъ. Къ особенностямъ древнѣйшаго болгарскаго текста принадлежатъ: большею частію правильное, какъ въ корняхъ, такъ и въ окончаніяхъ словъ, употребленіе носовыхъ и полугласныхъ буквъ и буквы *ѣ*; несокращеніе формъ склоненія прилагательныхъ полныхъ; продолженное окончаніе преходящаго времени. Остромірово Евангеліе могло быть третьимъ или четвертымъ у насъ спискомъ съ начальной рукописи Кирилла и Меѳодія. Были, безъ сомнѣнія, памятники древнѣе этого, въ Кіевѣ и Новгородѣ; но они до насъ не дошли или до сихъ поръ не отысканы. Такъ издатели Острожской Библіи (1581) въ предисловіи говорятъ, что имъ доставленъ былъ изъ Москвы отъ Іоанна Грознаго списокъ Библіи временъ Владиміра I. Зиновій монахъ, ученикъ Максима Грека, въ 52 словѣ на ересь Ѳеодосія Косаго, пишетъ, что онъ видѣлъ древняго перевода книги о правилахъ (Номоканонъ), переписанныя при Ярославѣ и при епископѣ Іоакимѣ (ум. 1030), въ началѣ крещенія нашей земли. Но эти свидѣтельства не принадлежатъ къ числу несомнѣнныхъ: несомнѣннымъ доказательствомъ древности нашихъ памятниковъ служатъ сохранившіяся копіи, XV вѣка, съ рукописи, писанной въ 1047 г. для новг. кн. Владиміра Ярославича: это—книги Пророковъ, съ толкованіями (Остром. Евангеліе, изд. Востоковымъ).

Древнѣйшія рукописи Св. Писанія и богослужебныхъ книгъ, кромѣ Остромірова Евангелія:

XI-го вѣка: Толковая Псалтирь, Евгеньевскаго списка (И. П. Б.), Служебныя Минеи 1096 и 1097 (Синод. Библ. и Библ. Синод. Типографіи).

XII-го в. Евангеліе Мстиславово, или Новгородское, писанное Алексою для новгород. кн. Мстислава Владиміровича, 1125—1132 г. (И. П. Б.)

Евангеліе Синодальное, или Галицкое, 1144 г. (Син. Биб.), древнѣйшее изъ Евангелій, расположенныхъ по порядку евангелистовъ (*тетръ*). Мѣстечко «Крылосъ», упоминаемое въ припискахъ, находится близь Галича, въ монастырѣ Успенія Богоматери.

Стихирарь мѣсячный, 1157 г. (Син. Биб.), содержащій въ себѣ стихиры избраннымъ святымъ и праздникамъ, расположенные по порядку мѣсяцеслова, съ 1-го сентября по 31-ое августа.

Евангеліе 1164 г. (Рум. Муз.), писанное дьякомъ Константиномъ, въ свѣтскомъ званіи Добрило, для попа Семена.

Паремейникъ по рукописи, найденной въ монастырѣ Хиландарскомъ (у проф. Григоровича).

Служебникъ Антонія Римлянина, содержащій въ себѣ чинъ литургіи Іоанна Златоустаго (Син. Биб.).

Апостолъ, 1195 (П. П. Б.).

Минея служебная (Син. Биб.).

XIII в. Апостолъ толковый, 1220 (Син. Биб.).

Евангеліе, относимое Востоковымъ къ 1215 или 1230 г. и писанное въ Новгородѣ попомъ Домкою, повелѣніемъ Милятина Лукиница (П. П. Б.).

Трефолой, 1260 г. — книга, содержащая въ себѣ службы праздничныя (Рум. Муз.).

Евангеліе, 1270 г., писанное Георгіемъ, сыномъ попа Лотыша, по заказу чернеца Симона (Рум. Муз.).

Паремейникъ 1271 г. (П. П. Б.).

Псалтирь слѣдованная или съ возслѣдованіями, т. е. съ присовокупленіемъ службъ вечерни и утрени, и другихъ дополненій, 1296 г. (Син. Биб.).

Служебникъ Варлаама Хутынскаго (Син. Биб.).

Откровеніе св. Іоанна (Рум. Муз.).

XIV в. Евангеліе Поликарпово, 1307 г., названное такъ по имени переписчика (Син. Биб.).

Евангеліе 1355, написанное нѣсколькими лицами для новг. архіеп. Моисея (Син. Биб.).

Сборникъ, содержащій въ себѣ книги Іисуса Навина, Судей, Руѳь и Эсфирь, съ нѣкоторыми другими статьями (Библ. Троицкой Лавры).

Служебникъ митр. Кипріана (Син. Биб.).

Новый Завѣтъ (въ Чудовѣ Монастырѣ).

XV-го в. Евангеліе 1409 г., писанное дьякономъ Лукою, на Завеличьи въ Псковѣ (Син. Биб.).

Книги Пророковъ съ толкованіями, по копіи со списка, сдѣланнаго попомъ Упиремъ Лихимъ для новг. кн. Владиміра Ярославича въ 1047 г. (Син. Биб.).

Пятикнижіе Моисеево, списокъ съ рук. 1136 г., писанной въ Новгородѣ (Рум. Муз.)

Сборникъ, содержащій въ себѣ книги Соломона: Пѣснь пѣсней, Притчи и Премудрость, и Книгу премудрости Іисуса сына Сирахова (Биб. Моск. Общ. Ист. и Древ. Рос.).

Библія Синодальная, 1499 г., написанная при царѣ Иванѣ Васильевичѣ, митр. Симонѣ, архіеп. новг. Геннадіи, въ Новгородѣ, повелѣніемъ архіепископскаго архидіакона инока Герасима (Син. Биб.).

§ 38. Принятіе христіанства Россіею было вмѣстѣ и началомъ ея просвѣщенія. Образованіе въ древнемъ періодѣ совершалось подъ непосредственнымъ руководствомъ Церкви и имѣло цѣлію съ одной стороны приготовить ея служителей, а съ другой научить людей догматамъ Вѣры и нравственности. Главными предметами ученія были: Св. Писаніе, богослужебныя книги, творенія св. отцевъ и житія святыхъ. Духовенство, какъ сословіе высшее по своему образованію и нравственнымъ качествамъ, служило важнѣйшимъ орудіемъ въ дѣлѣ народнаго просвѣщенія. Всего болѣе заботясь о распространеніи и утвержденіи христіанства, объ удовлетвореніи духовныхъ потребностей нашего отечества, оно сообщило «религіозное» направленіе его умственному движенію. Это религіозное направленіе служитъ главнымъ характеромъ нашего просвѣщенія не только въ первые вѣка государственнаго состоянія Руси, когда не существовало еще высшихъ учебныхъ заведеній, но и въ XVI и XVII вв., когда уже основаны были академіи, въ которыхъ преподаваніе обнимало достаточно-обширный кругъ наукъ.

Сообразно характеру древняго русскаго просвѣщенія, и въ русской словесности древняго періода господствуетъ преимущественно начало «религіозное». Первое развитіе образованности нашей началось посреди духовныхъ, главнѣйшимъ образомъ въ монастыряхъ; изъ среды духовенства вышла большая часть писателей; въ сочиненіяхъ своихъ они имѣли преимущественною цѣлію—распространеніе христіанскихъ идей въ народѣ, оставляя въ сторонѣ всѣ иныя литературныя цѣли, опредѣляемыя потребностями народа уже образованнаго и развитаго: и потому естественно, что сочиненія эти, по содержанію и направленію, относятся къ словесности духовной. Творенія свѣтскихъ лицъ всегда почти выражаютъ тоже направленіе, по единству началъ въ образованіи и по тождеству источниковъ, къ которымъ авторы обращались. Опредѣленное, рѣзкое разграниченіе между литературою духовною и литературою свѣтскою явилось уже въ послѣдствіи, съ окончаніемъ древняго періода. Не смотря однакожъ на это, есть въ древнемъ періодѣ литературные памятники, относящіяся собственно къ отдѣлу свѣтской словесности.

§ 39. Литературныя произведенія наши въ каждомъ столѣтіи древняго періода дѣлятся на три отдѣла: а) отдѣлъ литературы духовной, къ которому относятся не одни сочиненія, имѣющія содержаніемъ своимъ предметы догматическаго и нравственнаго богословія, но и сочиненія историческія и описательныя, каковы, наприм., лѣтописи и путешествія, выражающія то религіозное направленіе, которымъ преимущественно обозначается характеръ древней письменности: это—литература въ строгомъ смыслѣ наставительная и поучительная, сообщавшая читателямъ основныя познанія и служившая такимъ образомъ орудіемъ христіанскаго просвѣщенія; б) отдѣлъ литературы свѣтской, образуемый съ одной стороны законодательными и юридическими актами, которыми устроивался бытъ государственный и гражданскій, а съ другой повѣствовательными и другими произведеніями, которыя имѣли интересъ литературный и удовлетворяли поэтическимъ наклонностямъ читателя; в) отдѣлъ словесности собственно-народной.

§ 40. Какъ литература народа, позднѣе другихъ народовъ выступившаго на историческую дѣятельность, русская словесность съ самаго начала своего подвергалась и теперь подвергается иноземнымъ вліяніямъ. Въ древнемъ періодѣ такихъ вліяній было два: византійское и польское, къ которымъ присоединяются болгарское и сербское.

§ 41. Христіанство, какъ основу просвѣщенія, приняли мы отъ Грековъ, и потому, какъ просвѣщеніе, такъ и словесность русская въ древнемъ періодѣ подчинились вліянію «греческому», или «византійскому.» Еще до Владиміра были у насъ съ Греціею сношенія, которыя со введеніемъ христіанства сдѣлались постоянными. Русская земля, составивъ особую эпархію, была подвѣдомственна, въ церковномъ управленіи, патріарху константинопольскому. Большую часть митрополитовъ, до половины XV го вѣка, т. е. до завоеванія Константинополя Турками, получала она изъ Греціи. Даже епископы, въ начальное существованіе нашей церкви, избирались и рукополагались константинопольскимъ патріархомъ. Вмѣстѣ съ архипастырями приходили къ намъ многіе греческіе духовные, приносившіе съ собою разныя рукописи; равнымъ образомъ Русскіе отправлялись въ Грецію или для богомолья, или для списыванія книгъ. Кромѣ этихъ, собственно церковныхъ сношеній, были и другія—торговыя и политическія. Къ послѣднимъ

относятся брачные союзы нашихъ князей съ византійскими императорами. Всѣ эти обстоятельства, болѣе и болѣе укрѣпляя нашу связь съ Византіею, поставили древнюю литературу нашу въ сильную зависимость отъ византійской. Произведенія греческой христіанской словесности служили для насъ и предметомъ для переводовъ, и образцомъ для собственной литературной дѣятельности; они переходили къ намъ и непосредственно—изъ Византіи, и посредственно—въ южнославянскихъ (болгарскихъ и сербскихъ) переводахъ.

Періодъ греческой словесности отъ Юстиніана до взятія Константинополя Турками (529 - 1453 г.) называется «византійскимъ», потому что Византія была въ это время главнымъ средоточіемъ литературы. Такъ какъ эта литература оказала сильное вліяніе на древне-русскую словесность, то не лишнимъ считаю представить о ней вкратцѣ мнѣніе, заимствованное изъ «Grundriss der Griechischen Litteratur, v. Bernhardy», 1852, t. I.

Почва византійской словесности—христіанство. Всѣ ея произведенія носятъ на себѣ печать религіозности. Писатели этого періода суть какъ бы члены одного семейства, не только потому, что они проникнуты были однѣми и тѣми же идеями и употребляли однѣ и тѣже формы, но и потому, что состояли подъ вліяніемъ одинаковаго школьнаго образованія, слѣдовали одинаковымъ преданіямъ въ жизни, и никто изъ нихъ не выступалъ за предѣлы начертаннаго круга. Самое значительное участіе въ литературѣ принимали духовныя особы: онѣ были не только преимущественными хранителями священныхъ и языческихъ книжныхъ сокровищъ, которыя распространялись ими во множествѣ списковъ, но и представляли цвѣтъ образованности; изъ ихъ среды выходило наибольшее число писателей. Преподаваніе и библіотеки перешли въ ихъ руки, и христіанскій элементъ пускалъ болѣе и болѣе глубокіе корни. Выборъ древнихъ авторовъ опредѣлялся взглядомъ духовенства: что имѣло близкое отношеніе къ его занятіямъ, то чаще переписывалось, и образованные люди до позднѣйшихъ временъ сохранили привычку цитовать мысли и фразы классиковъ. Вмѣстѣ съ языческими писателями давали юношамъ читать Библію и творенія св. отцевъ: отсюда образовался двойственный составъ византійскаго языка, въ которомъ восточныя краски, преимущественно заимствованныя изъ Ветхаго Завѣта, сливались съ древне-классическимъ стилемъ. На основѣ христіанскаго образованія и древнихъ классиковъ утвержденъ былъ кругъ дѣятельности византійскихъ школъ. Предметами чтенія и толкованія были грамматика, риторика и философія. Грамматика заключалась въ ученіи о формахъ; риторика состояла въ отвлеченномъ комментаріи на Гермогена и Афтонія и въ особенныхъ упражненіяхъ (progymnasmata), имѣвшихъ мало практическаго достоинства; философія, служа догматикѣ, занималась исключительно толкованіемъ Аристотеля. Изъ классиковъ въ преподаваніи удерживались Гомеръ, Гезіодъ, Теокритъ, Пиндаръ, нѣкоторыя трагедіи Эсхила, Софокла и Эврипида, Аристофанъ, Менандръ и другіе комики; изъ прозаиковъ цѣнились Геродотъ и еще болѣе Ѳукидидъ, Демосѳенъ и Ливаній, Плутархъ и Діонъ Кассій. Отъ смѣшенія древнихъ классиковъ съ твореніями духовныхъ писателей образовался византійскій слогъ, соединявшій въ себѣ грамматическія и риторическія средства разныхъ временъ и стилей. Слогъ этотъ отдѣлилъ сочинителей отъ народа и разорвалъ связь между языкомъ письменнымъ и языкомъ народнымъ. Основы византійскаго образованія не могли не отразиться и въ художественномъ творчествѣ; условія древней поэзіи: метръ и риѳмъ, миѳологія и чувственное созерцаніе природы, уничтожились новыми воззрѣніями и потребностями. Простое выраженіе религіознаго чувства мало нуждалось въ художественныхъ формахъ и стихотворныхъ размѣрахъ, которыя употреблялъ еще Синезій (V-го вѣка): оно легче замыкалось въ такты ямбическаго стиха, служившаго также и для историческихъ сочиненій, какъ это видимъ у Георгія Писида (VII в.). Скоро пали законы древней просодіи: метрическое стихосложеніе уступило мѣсто стихамъ тоническимъ, которыми излагались исторіи и новеллы, равно какъ медицинскія, риторическія и филологическія правила. -- Далѣе Бернгарди, раздѣливъ время съ VIII до XV вѣка, на четыре отдѣла: первый — правленіе императоровъ — иконоборцевъ (718 — 867), второй — правленіе македонской династіи (867 — 1028), третій — правленіе Комниновъ, преимущественно съ 1081 по 1180, четвертый, послѣ промежутка, занятаго латинскою имперіею (1204 — 1261) — правленіе Палеологовъ (1261 — 1453), разсматриваетъ каждый особенно и произноситъ строгій

приговоръ всей византійской словесности,—приговоръ, раздѣляемый и другими учеными: онъ видитъ въ ней литературу упадка и безсилія, всякое отсутствіе самодѣятельности и творчества, замѣненныхъ сухимъ компиляторствомъ, мертвую схоластику, при которой нѣтъ мѣста свободному развитію мысли и чувства. Такой же неблагопріятный отзывъ, по отношенію къ собственно-духовнымъ произведеніямъ византійской словесности, встрѣчаемъ въ Ист. Рус. Церкви, Филарета (изд. 1850 г., ч. I).

§ 42. Посредствующимъ звеномъ между литературою греческою и нашею служила письменность южно-славянская, преимущественно болгарская и частію сербская.

Смежность границъ, сродство языковъ и единство вѣры скрѣпляли связь Россіи съ Болгаріею. Сношенія эти, конечно, были преимущественно церковныя, хотя завязались еще до принятія нами христіанства. Первые наши епископы, священники, діаконы и пѣвчіе были несомнѣнно Болгаре, говорившіе на языкѣ, понятномъ для Рускихъ. Болгарія доставляла намъ и первыхъ учителей въ заведенныя училища, и первыхъ переводчиковъ съ греческаго, и переписчиковъ южнославянскихъ литературныхъ памятниковъ. Отъ нея получили мы переводы Св. Писанія, богослужебныхъ книгъ и твореній св. отцевъ и нѣкоторыя книги по предметамъ риторики, философіи и исторіи. Такимъ образомъ уцѣлѣли у насъ Изборникъ, написанный для болгарскаго царя Симеона, Сказаніе о славянскихъ письменахъ черноризца Храбра, переводы и сочиненія Іоанна экзарха болгарскаго, и проч. Съ утратою, въ концѣ XIV-го вѣка, политической самостоятельности Болгаріи, кончилось и ея содѣйствіе нашей письменности. Такъ какъ Болгарія приняла вѣру и просвѣщеніе отъ Греціи, то характеръ ея письменности опредѣлялся характеромъ письменности греческой: слѣдовательно, перенося къ себѣ памятники древне-болгарской словесности, мы оставались подъ вліяніемъ Византіи относительно духа и направленія литературы.—Инокамъ аѳонской горы принадлежитъ важная дѣятельность въ этомъ просвѣщенномъ посредничествѣ между Греціею и Болгаріею съ одной стороны и между Россіею съ другой. Русскіе часто совершали туда благочестивыя путешествія, равно какъ и аѳонскіе иноки посѣщали Россію для содѣйствія ея духовенству въ укрѣпленіи вѣры и благочестія. Въ монастыряхъ аѳонскихъ переводились греческіе писатели, и переводы переписывались Русскими, проживавшими тамъ именно съ этою цѣлью.

Не столь значительны были наши сношенія съ другимъ одноплеменнымъ народомъ—Сербами, хотя сербскія рукописи, у насъ сохранившіяся, свидѣтельствуютъ о томъ, что и сербская письменность, служа посредствующимъ членомъ между литературами византійскою и русскою, не осталась безъ нѣкотораго вліянія на послѣднюю. Литературное развитіе Сербіи прекратилось съ подчиненіемъ ея турецкому владычеству, во второй половинѣ XV-го вѣка. За отсутствіемъ собственныхъ сочиненій и переводовъ, Болгарія и Сербія получали русскія словесныя произведенія, или даже и памятники своей собственной литературы, только въ спискахъ русской редакціи.

Въ болгарской письменности различаются три періода: первый съ 862 по 927 г., второй съ 927 по 1018, третій съ 1018 по 1389 г. Первый, важнѣйшій, періодъ начался переводомъ богослужебныхъ книгъ Кирилломъ и Меѳодіемъ и въ теченіи 65 лѣтъ обогатился произведеніями разнообразнаго содержанія, относящимися къ богословію, проповѣдному слову, философіи, исторіи, описанію природы. Число памятниковъ свидѣтельствуетъ о значительной умственной дѣятельности, которая возникла въ слѣдъ

за водворенiемъ письменности: переводы почти всѣхъ церковныхъ книгъ и большаго числа творенiй св. отцевъ совершены были въ Болгарiи въ концѣ княженiя Борисова и въ царствованiе его сына Симеона. Вѣкъ Симеона, прозваннаго «книголюбцемъ», былъ для болгарской письменности своего рода золотымъ вѣкомъ. Первыми основателями этой древне-славянской письменности были, кромѣ Кирилла и Меѳодiя, вышеупомянутые сподвижники ихъ: Климентъ, Наумъ, Ангеларъ, Савва, Гораздъ, и потомъ ученики ихъ и преемники: епископъ Константинъ, священникъ Григорiй, Iоаннъ эксархъ, черноризецъ Храбръ и самъ царь Симеонъ. О трудахъ св. Климента, епископа величскаго, сказано выше. Епископъ Константинъ перевелъ четыре слова св. Аѳанасiя Александрiйскаго противъ Арiанъ и выборъ бесѣдъ на воскресные дни, большею частiю изъ Iоанна Златоуста. Симеонъ составилъ выборъ изъ сочиненiй Iоанна Златоуста, подъ именемъ «Златоструя». Григорiй священникъ перевелъ хронику Iоанна Малалы, дополнивъ ее событiями церковно-библейской исторiи и исторiею Александра Македонскаго, и разсказъ о покоренiи Трои. Черноризецъ Храбръ написалъ сказанiе объ изобрѣтенiи славянскихъ письменъ. Iоанну эксарху (т. е. надзиравшему за благочинiемъ духовенства) принадлежатъ: Шестодневъ или шесть словъ, т. е. толкованiя Василiя Великаго и Северiана Габальскаго и его собственныя на шесть дней творенiя; переводъ изъ творенiй Iоанна Дамаскина: Богословiя, Дiалектики или Философiи и Грамматики греческаго языка; нѣсколько поученiй на праздничные дни. Всѣ эти труды сохранились не въ подлинныхъ рукописяхъ, а въ спискахъ XII, XIII и позднѣйшихъ вѣковъ, и сохранились не въ самой Болгарiи, гдѣ сначала распри съ Греками, а потомъ вторженiе Турокъ, въ концѣ XIV-го вѣка, положили конецъ письменной дѣятельности, а въ Россiи, имѣвшей сношенiя съ Болгарами еще до принятiя христiанства. Нѣкоторыя изъ исчисленныхъ произведенiй напечатаны, напр.: отрывки изъ трудовъ Iоанна эксарха болгарскаго, К. Калайдовичемъ; Сказанiе Храбра, имъ же и Срезневскимъ; другiя хранятся въ рукописяхъ. Трудно рѣшить, говоритъ Шафарикъ, когда и какими путями болгарскiя книги въ первый разъ явились на Руси. Онъ полагаетъ, что уже въ войнахъ Святослава съ Болгарами нѣкоторыя книги, по опустошенiи болгарскихъ храмовъ и библiотекъ, вывезены были воинами, расположенными къ христiанству. По крещенiи Владимiра, Болгарiя, принявшая труды славянскихъ просвѣтителей, передала ихъ русской церкви. Безъ сомнѣнiя, первые священники наши (при Ольгѣ и Владимiрѣ) были Болгаре, имѣвшiе при себѣ духовныя творенiя. Въ княженiе Ярослава, любителя книгъ, много, безъ сомнѣнiя, пришло къ намъ разными путями болгарскихъ рукописей. Въ печерскомъ монастырѣ, около Несторова времени, между иноками находились и Болгаре. (Расцв. славян. письмен.; Несторъ, Погодина; О сношенiяхъ Русской церкви съ святогорскими обителями до 18-го стол., въ Прибав. къ Твор. св. отц., годъ 6; Начало монашества въ Россiи, тамъ же, годъ 8).

Памятники древне-сербской письменности, до исхода XV-го столѣтiя, дѣлятся на три вида: а) богослужебныя, богословскiя и вообще духовнаго содержанiя книги, писанныя первоначально на древне-болгарскомъ языкѣ, но отъ переписыванiя подвергнувшiяся сербской рецензiи и принявшiя въ себѣ много сербизмовъ, или прямо— переведенныя на сербо-болгарскiй языкъ, напр.: Шестодневъ Iоанна, эксарха болгарскаго, 1263 г. (Син. Биб.), Прологъ XIII или начала XIV в. (Рум. Муз.), Служебникъ 1386 г. (ib.), Григорiя Богослова 16 словъ, XV-го в. (ib.), Iоанна Лѣствичника бесѣды, XV в. (И. П. Б.), Бесѣды Iоанна Златоуста на книгу Бытiя, XV в. (Син. Биб.), Олимпiодора Александрiйскаго и другихъ толкованiе на книгу Iова, 1412 г. (ib.); б) духовныя сочиненiя сербскихъ писателей и отчасти переводы, номоканоны, житiя святыхъ, лѣтописи, медицинскiя сочиненiя и пр., наприм.: Временникъ Георгiя Амартола, XV в. (Рум. М.); в) собственно народные памятники: грамоты, Законникъ Царя Душана, сочиненный на соборѣ 1349 г. и дополненный на другомъ 1354 г. и пр. (Исторiя сербскаго языка, Майкова; Опис. рук. Рум. Муз., Востокова; Опис. рук. Синод. Библ., отд. 2).

Труды Кирилла и Меѳодiя, также сподвижниковъ и учениковъ ихъ, положили, начиная съ IX в., основанiе «древне-болгарской» или «древне-славянской» письменности, весьма важной по ея отношенiю къ христiанству и просвѣщенiю: ибо она служила орудiемъ того и другаго для многихъ странъ восточной Европы. Объемъ ея составляютъ преимущественно переводы книгъ Св. Писанiя и богослужебныхъ, церковныхъ правилъ, творенiй отцевъ церкви, житiй святыхъ и нѣкоторыхъ произведенiй грече-

скихъ писателей, и частію оригинальныя славянскія сочиненія. Начальнымъ и вмѣстѣ наибольшимъ развитіемъ своимъ она одолжена Болгаріи, хотя и не ограничивается одними памятниками, явившимися въ этой странѣ: къ ней относятся труды и другихъ писателей, принадлежавшихъ разнымъ славянскимъ племенамъ. Названіе «болгарской», прилагаемое къ старославянской письменности, показываетъ только, что она, какъ выше сказано, развилась прежде и значительно въ Болгаріи, и что памятники ея написаны на языкѣ древне-болгарскомъ, который сдѣлался общимъ языкомъ для всѣхъ Славянъ, принявшихъ Кирилловскую азбуку. Изъ Болгаріи эти памятники расходились по другимъ странамъ (Сербіи, Россіи); при перепискѣ, текстъ ихъ подвергался измѣненіямъ какъ въ содержаніи, такъ и въ языкѣ, подъ вліяніемъ мѣстнаго нарѣчія. Древняя рукопись могла утрачивать многое подъ перомъ переписчиковъ даже въ мѣстѣ своего появленія, когда прежнія формы языка исчезали, замѣняясь новыми. Чѣмъ позднѣе списки какой либо рукописи, тѣмъ, конечно, они сильнѣе отступаютъ отъ ея начальнаго вида. Поэтому въ памятникахъ старо-славянской письменности надобно различить два элемента: первобытный ея текстъ и перемѣны, внесенныя переписчиками. (Предисловіе Срезневскаго къ «Изслѣдованіямъ и замѣчаніямъ о древнихъ памятникахъ старо-славянской литературы»; Матеріалы для славянской палеографіи изъ «Описанія Румянц. Муз.», Пыпина, въ Учен. Зап. 2 от. Ак. Н., кн. II, вып. 2).

§ 43. До введенія книгопечатанія (въ XVI в.), литературныя произведенія распространялись у насъ посредствомъ списковъ. Посредниками между сочинителями и читателями были писцы, переписчики. Списываніе книгъ въ древнее время стояло на высокой степени искуства и считалось дѣломъ благочестія, которому посвящали себя преимущественно лица духовныя. Иногда они выставляли имена свои въ послѣсловіяхъ, означая время начала и труда своего; имена же сочинителей, по заведенному обычаю, большею частію оставались неизвѣстными. Механическій трудъ списыванія книгъ, требовавшій продолжительнаго времени и цѣнимый высоко, представлялъ два главныя неудобства: рукописи не могли быть доступны многимъ и кромѣ того подвергались отъ невѣжественныхъ писцовъ большимъ ошибкамъ, даже искаженіямъ.

Списываніе книгъ производилось съ особеннымъ тщаніемъ. Заглавныя и начальныя буквы отличались величиною и особеннымъ затѣйливымъ видомъ; онѣ, равно какъ нѣкоторыя строчныя буквы въ книгахъ и всѣ древнѣйшія грамматы, писаны были обыкновенно киноварью (химическимъ составомъ изъ ртути и сѣры), иногда же были раззолоченныя, равно какъ и узорчатыя заглавія, коими обыкновенно украшались книги. Надъ списываніемъ книгъ трудились многія извѣстныя, не только духовныя, но и свѣтскія лица, наприм. св. Евфросинія княжна полоцкая (XII в.), Владиміръ кн. волынскій (XIII в.).

Почеркъ въ рукописяхъ троякій: уставный, полууставный и скорописный. Уставный, или уставъ, смѣшанъ изъ заглавныхъ угловатыхъ и нѣкоторыхъ округлыхъ буквъ. Полууставъ, состоящій болѣе изъ округлыхъ, нежели изъ прямолинейныхъ буквъ и занимающій средину между уставомъ и скорописью, появляется въ концѣ XIV в. и наиболѣе употребителенъ въ XV и XVI-мъ. Съ половины XVI в. входитъ въ употребленіе скоропись, которая наконецъ въ XVII в. дѣлается почеркомъ господствующимъ.

Писали у насъ на веществѣ трехъ родовъ: пергаменѣ, или харатьѣ, отъ чего всѣ древнѣйшія книги и грамматы называются харатейными; хлопчатой бумагѣ (бомбицинѣ), отличающейся толщиною и плотностію: она обыкновенно вылащивалась какимъ нибудь орудіемъ; тряпичной бумагѣ, появившейся у насъ въ XIV в.

Книгописаніе начало падать со введенія книгопечатанія. Типографщики болѣе и болѣе вытѣсняли промышленниковъ, кормившихся списываніемъ книгъ. Однакожъ искуство книгописанія долго еще сохранялось въ народѣ. Академикъ Коль, вызванный въ 1725 г. изъ за границы въ Петербургскую Академію Наукъ, удивлялся множеству людей, снискивавшихъ себѣ пропитаніе перепиской не только рукописей, но и печатныхъ книгъ, замѣчательныхъ по рѣдкости и дороговизнѣ. По сильно-распространенному у насъ списыванію книгъ можно заключать и о количествѣ списковъ, и о любознательности нашихъ предковъ: труды доброписцевъ расширяли въ сильной степени тѣсные предѣлы тогдашняго книгопечатанія. (О литературной собственности, Калмыкова).

§ 44. Въ рукописяхъ надобно различать подлинники отъ списковъ. Всѣ почти памятники древнѣйшей письменности, до насъ дошедшіе, сохранились не въ подлинникахъ, которые утрачены, а въ спискахъ. Сверхъ того между рукописями должно различать означенныя временемъ переписки и неозначенныя. Такъ какъ переписчики большею частію не означали времени труда своего, то древнѣйшихъ рукописей, съ указаніемъ года, не много. Различные списки несогласны между собою иногда по содержанію, иногда по языку, иногда по правописанію, иногда по всѣмъ тремъ предметамъ вмѣстѣ. Это несогласіе произошло отъ сокращеній, дополненій и другихъ перемѣнъ, которыя позволяли себѣ дѣлать переписчики, жившіе въ разныхъ мѣстахъ и въ разныя времена, и увлекавшіеся разными побужденіями.

§ 45. Весьма часто сочиненія, взятыя цѣликомъ или въ отрывкахъ, вносились въ одну рукопись, которая такимъ образомъ являлась «Изборникомъ» или «Сборникомъ», иногда очень обширнымъ по объему и разнообразнымъ по составу. Сборники эти, число которыхъ весьма значительно въ древне-русской литературѣ, или просто переписывались съ болгарскаго, наприм. Изборникъ Святослава, или переводились съ греческаго, наприм. Пчела, или содержали въ себѣ статьи оригинальныя, сочиненныя Рускими, напр. Златая Цѣпь. Большею частію переводныя сочиненія перемѣшивались въ нихъ съ оригинальными; иногда же къ сборнику, переведенному съ греческаго, присоединялись въ послѣдствіи произведенія самостоятельныя, какъ напр. въ Пчелѣ по списку XVII-го в.

Древнѣйшіе сборники оказывали замѣтное вліяніе на литературу. Грамотные люди, читая и переписывая ихъ, пользовались ими какъ источникомъ для собственныхъ сочиненій, которыя, въ свою очередь, поступали потомъ въ новые сборники на ряду съ другими сочиненіями. Отсюда происходитъ замѣтное сходство содержанія какъ разныхъ сборниковъ между собою, такъ и отдѣльныхъ литературныхъ памятниковъ со статьями сборниковъ.

Сборники носятъ разныя названія: иногда просто родовое, т. е. Изборникъ или Сборникъ, иногда же болѣе или менѣе замысловатыя, какъ то: Златая Цѣпь, Пчела, Матица Златая, Златоструй, Измарагдъ, Лебедь съ перьемъ, Купель Душевная, Златой Бисеръ, Странникъ и проч. Нерѣдко при означеніи сборника принимались въ расчетъ: имя его составителя, владѣльца (Румянцовскій), названіе мѣста, гдѣ онъ находится (Синодальный), и пр.

Содержаніе сборниковъ относится или къ одному и тому же предмету, или къ разнымъ отдѣламъ знанія. Изъ сборниковъ однороднаго содержанія извѣстны: «Патерики» (Синайскій, Скитскій, Печерскій и др.), содержащіе въ себѣ жи-

тія святыхъ; такъ называемые «Златоструи», «Златоусты», Измарагды», «Торжественники», составленные изъ поученій и словъ св. отцевъ, преимущественно Златоуста. Изъ сборниковъ содержанія разнороднаго: два «Изборника кн. Святослава» (XI в.), «Златая Цѣпь» (XIV), «Пчела» (XIV—XVII), «Матица Златая» (XV), и пр.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

(IX—XVI вв.)

---

§ 46. Съ принятіемъ христіанства, образованіе Россіи началось и на югѣ (въ Кіевѣ), и на сѣверѣ (въ Новгородѣ). Владиміромъ Великимъ и сыномъ его Ярославомъ заведены были училища, въ которыхъ обучали церковно-славянской грамотѣ, т. е. чтенію и письму. Главная цѣль ученія состояла, безъ сомнѣнія, въ томъ, чтобы приготовить достойныхъ служителей церкви, необходимыхъ для совершенія богослуженія и для наставленія новой паствы въ догматахъ вѣры и въ правилахъ нравственности. Духовенству принадлежала преимущественная, можно сказать, единственная дѣятельность въ распространеніи образованія: подъ его надзоромъ находилось книжное ученіе; духовныя лица были совѣтниками князей въ этомъ дѣлѣ и первыми учителями въ школахъ.

Водвореніе правительственной власти и митрополитской каѳедры въ Кіевѣ дало этому городу первенство надъ другими городами русскими, сдѣлало его главнымъ мѣстомъ русскаго просвѣщенія, успѣхамъ котораго преимущественно содѣйствовали Печерская обитель и другіе южные монастыри: въ нихъ переписывались съ болгарскихъ рукописей разныя духовныя книги и переводились съ греческаго языка на церковно-славянскій. Распространеніе списковъ въ народѣ служило важнымъ средствомъ къ образованію, первыя основы котораго полагались въ училищахъ. Уже отъ XI и XII столѣтій, кромѣ переводовъ, дошли до насъ и собственныя русскія сочиненія: по нимъ можно заключать о достаточныхъ успѣхахъ въ это время.

Нашествіе Татаръ остановило эти успѣхи. Кіевъ, бывшій главнымъ мѣстомъ русской образованности до половины XIII-го вѣка и разрушенный Батыемъ, утратилъ свое прежнее значеніе. Митрополитъ Максимъ окончательно оставилъ его, избравъ для своего пребыванія Владиміръ на Клязьмѣ (1299), куда еще до него удалялся нерѣдко митрополитъ Кириллъ II. Бѣдствія отечества, разоряемаго Татарами и терзаемаго внутренними раздорами, не дозволяли думать не только о заведеніи новыхъ училищъ и приращеніи книжнаго богатства, но даже о сохраненіи того, что было заведено и собрано. Явились безпорядки, какъ въ государственномъ нарядѣ, такъ и въ отправленіи богослуженія. Со второй четверти XIV вѣка устройство начало водворяться въ сѣверо-восточной Руси. Св. Петръ перенесъ митрополитскую каѳедру въ Москву, которая, постепенно возвышаясь, стала для сѣвера тѣмъ же, чѣмъ былъ Кіевъ для юга въ первые вѣка нашего

существованія. Образованность, задержанная въ своемъ развитіи татарскимъ нашествіемъ и начавшая вновь возникать со второй половины XIV-го вѣка на сѣверѣ, нашла себѣ главное содѣйствіе также въ монастыряхъ, основанныхъ въ разныхъ мѣстахъ сѣверовосточной Россіи.

§ 47. Образованіе въ древней Руси началось въ духовномъ сословіи. Главными источниками его были Священное Писаніе, богослужебныя книги и нѣкоторыя творенія св. отцевъ. Первоначальное ученіе заключалось въ азбукѣ, часословѣ и псалтири. Кто изучилъ псалтирь, тотъ считался уже человѣкомъ грамотнымъ, книжнымъ. Въ старину, книжное чтеніе имѣло смыслъ болѣе обширный, чѣмъ оно имѣетъ теперь: подъ нимъ разумѣли «изученіе» читаемаго, потому что чтеніе каждой книги всегда почти продолжалось до заучиванія ея наизусть. Отъ духовенства грамотность, въ томъ же самомъ видѣ, стала переходить въ народъ. Она сохранилась неприкосновенною въ теченіе всего древняго періода, до Петра I, какъ сохраняется и теперь въ средѣ простаго народа. Первоначальное образованіе было однообразно для всѣхъ сословій: дѣти боярина и дѣти простолюдина обучались точно также и по тѣмъ же самымъ книгамъ; тоже, хотя въ бо́льшей полнотѣ, происходило и въ царскомъ быту: дѣти царя Алексѣя Михайловича учили часословъ, псалтирь, Дѣянія Апостольскія. Другія свѣдѣнія, историческія и географическія, служили дополненіемъ или объясненіемъ главной основы или вызваны были новыми потребностями государства. Но вообще изученіе наукъ было дѣломъ особой любознательности и не входило въ кругъ повсемѣстнаго, общаго образованія.

Домашній бытъ русскихъ царей, Забѣлина, Отеч. Зап. 1854, № 12; Черты русской жизни въ 17 в., его же, ib. 1857, № 1; Употребленіе книги Псалтирь въ древнемъ быту русскаго народа, Православный Собесѣдникъ, 1857; О чтеніи книгъ въ древнія времена Россіи, ib. 1858.

Первые иноки въ Россіи явились, безъ сомнѣнія, съ началомъ христіанства. Первымъ монастыремъ русскимъ былъ кіевопечерскій, хотя и до него существовали монастыри, какъ видно изъ нѣкоторыхъ извѣстій. Основаніе Печерской обители положено преподобнымъ Антоніемъ (1051). Возвратясь съ горы аѳонской въ Кіевъ, онъ занялъ небольшую пещеру, которую выкопалъ священникъ села Берестова, Иларіонъ, бывшій въ послѣдствіи митрополитомъ. Въ 1062 г., отшельники, жившіе въ пещерахъ, переселились въ новоустроенный монастырь. Св. Ѳеодосій ввелъ въ него общежительный студійскій уставъ, на основаніи порядка, заведеннаго Ѳеодоромъ Студитомъ. Уставъ этотъ приняли другія русскія обители, почему Ѳеодосій и названъ «начальникомъ общаго монашескаго житія въ Россіи», а кіевопечерскій монастырь «старѣйшимъ изъ всѣхъ монастырей русскихъ». Начавшись на югѣ Россіи, жизнь иноческая стала развиваться потомъ въ среднихъ и сѣверныхъ областяхъ ея. Между монастырями суздальской области главнымъ считался рождественскій, а между новгородскими юрьевскій. Кіевопечерская обитель имѣла важное значеніе и въ исторіи нашей церкви, и въ исторіи нашего образованія. Отсюда другіе монастыри получали настоятелей, отсюда выбирались епископы для епархій, отсюда же распространялась и образованность въ народѣ посредствомъ списыванія рукописей, переводовъ и собственныхъ сочиненій. (Ист. Рус. Церкви, Макарія; Ист. монашества въ Россіи).

§ 48. Литературные памятники въ первомъ отдѣлѣ древняго періода представляютъ нѣсколько разныхъ родовъ и направленій.

На первомъ планѣ стоятъ произведенія духовныя, изъ которыхъ одни имѣютъ предметомъ христіанскую догматику, другія—христіанскую нравственность, третьи—обличеніе ученій, несогласныхъ съ православіемъ и охраненіе единства русской церкви, четвертыя—разсказы о житіи и подвигахъ угодниковъ Божіихъ. Отсюда четыре главныя направленія духовной словесности: догматическое, выражаемое толкованіями Св. Пи-

санія, объясненіемъ догматовъ религіи; нравственное, выражаемое словами, поученіями и посланіями; полемическое, выражаемое тѣми сочиненіями, которыя направлены были противъ другихъ вѣроученій, противъ ересей, возникшихъ у насъ въ XIV и XV столѣтіяхъ, и противъ временнаго отдѣленія кіевской митрополіи отъ московской въ XV вѣкѣ; повѣствовательное, выражаемое житіями святыхъ. За этими памятниками собственно-духовной словесности слѣдуютъ произведенія повѣствовательныя и описательныя, каковы: лѣтописи, отдѣльныя сказанія или повѣсти, хожденія или путешествія. Проникнутыя тоже религіознымъ началомъ, они тѣмъ не менѣе, по содержанію своему, заключаютъ въ себѣ элементы письменности свѣтской.

Область духовной литературы, исключительной и однообразной по характеру, восполняется съ одной стороны произведеніями народной поэзіи, а съ другой произведеніями свѣтской письменности, которыя удовлетворяли потребностямъ мышленія и фантазіи грамотныхъ людей и къ которымъ относятся или собственныя поэтическія сочиненія (наприм. Слово о Полку Игоревѣ), или сочиненія повѣствовательныя, переходившія къ намъ изъ Византіи и южнославянскихъ земель (Болгаріи и Сербіи). Въ этомъ же разрядѣ словесности надобно поставить и апокрифы, то есть подложныя сочиненія о предметахъ Священной Исторіи, разныя суевѣрныя сказанія, волшебныя книги и пр. Наконецъ особый отдѣлъ письменности образуютъ законодательные памятники: церковныя и гражданскія законоположенія, юридическіе акты и т. п.

X ВѢКЪ.

§ 49. Отъ X-го вѣка дошли до насъ «три Договора Рускихъ съ Греками»: при Олегѣ, Игорѣ и Святославѣ, сохранившіеся въ спискѣ Несторовой лѣтописи (XIV в.). Эти договорныя, или рядныя, грамоты важны тѣмъ, что составляютъ древнѣйшій памятникъ русскаго права и содержаніемъ своимъ объясняютъ отношенія Руси къ Грекамъ. Языкъ ихъ представляетъ смѣсь русскаго, старославянскаго и греческаго. Такъ какъ онѣ прежде написаны были по гречески, а потомъ уже переведены; то языкъ ихъ сохранилъ греческое вліяніе и въ оборотахъ, и въ отдѣльныхъ словахъ, каковы, напримѣръ: грамота, епитимія, кубара, литра, спикелъ, хартія.

Договоръ при Олегѣ заключенъ былъ 911 г., при Игорѣ—945, при Святославѣ—971. Г. Срезневскій прибавляетъ къ тремъ договорамъ четвертый (997), сохранившійся въ отрывкѣ. Древнѣйшіе списки договоровъ принадлежатъ XIV в. Въ теченіе четырехъ столѣтій послѣ ихъ появленія, переписчики, безъ сомнѣнія, сдѣлали много въ нихъ перемѣнъ: поэтому невозможно возстановить подлинный видъ современныхъ списковъ. Форма договоровъ и выраженія ихъ съ цѣлью обозначить быть тогдашняго русскаго народа разобраны Срезневскимъ (Изв. Ак. Н. по 2 отд., I и III). Греческое вліяніе на договоры указано Лавровскимъ, въ разсужденіи: «О византійскомъ элементѣ въ языкѣ договоровъ Рускихъ съ Греками». Касательно перевода ихъ должно замѣтить, что онъ или принадлежитъ самому Нестору, имѣвшему въ рукахъ какую-нибудь византійскую хронику, или (и это вѣроятнѣе), что Несторъ внесъ въ свою лѣтопись переводъ уже готовый, современный договорамъ и сдѣланный какимъ-нибудь болгариномъ, какихъ не мало находилось тогда при византійскомъ дворѣ.

XI ВѢКЪ.

§ 50. Въ первое время по принятіи христіанства, главнымъ матеріаломъ для чтенія и орудіемъ образованности служили «памятники письменности», т. е. переводы греческихъ книгъ на славянскій языкъ и славянскія сочиненія. Тѣ и другія приходили къ намъ изъ соплеменныхъ странъ, Болгаріи и Сербіи, списывались и расходились между грамотными людьми во многихъ спискахъ. Къ такимъ памятникамъ письменности относятся книги Священнаго Писанія и богослужебныя творенія церковныхъ учителей, житія святыхъ и другія сочиненія, преимущественно духовнаго содержанія. Одни изъ нихъ дошли до насъ въ современныхъ рукописяхъ, съ означеніемъ или безъ означенія года переписки, другіе въ рукописяхъ позднѣйшихъ.

Изъ важнѣйшихъ памятниковъ письменности XI вѣка, кромѣ вышеуказанныхъ: Евангелія по Остромірову списку (§ 37), Толковой Псалтири и двухъ служебныхъ Миней (§ 37, примѣч.), сохранились еще слѣдующіе: Супрасльская рукопись, найденная въ Супрасльскомъ монастырѣ (мѣстечко Супрасль, недалеко отъ Бялостока) и содержащая въ себѣ житія святыхъ, память которыхъ празднуется съ 4 по 31 марта, и нѣсколько словъ Іоанна Златоустаго, Василія Великаго и патріарха Фотія; тринадцать словъ Григорія Богослова; два Изборника, 1073 и 1076 г.г., переписанные для князя Святослава.

Супрасльская рукопись изд. Миклошичемъ, въ Вѣнѣ: «Monumenta linguae palaeoslovenicae»; отрывокъ изъ Житія св. Кондрата, въ И. П. Б., содержитъ въ себѣ тотъ же текстъ, что и въ Супрасльской рукописи, только съ небольшими перемѣнами въ словахъ; Слова Григорія Богослова въ И. П. Б.; Изборникъ 1073 въ Синод. Библ.; Изборникъ 1076 въ И. П. Б.

§ 51. Изборникъ 1073 г. (сборникъ избранныхъ статей) переписанъ для великаго князя черниговскаго Святослава Ярославича дьякомъ Іоанномъ съ Изборника, который былъ переведенъ съ греческаго для болгарскаго царя Симеона (IX—X в.). Онъ содержитъ въ себѣ статьи преимущественно духовныя, взятыя изъ твореній отцевъ церкви, также историческія (Лѣтописецъ вкратцѣ, патріарха Никифора), философскія (о естествѣ, о собствѣ, о количествѣ и качествѣ, о различіи и пр.), риторическія (о образѣхъ, т. е. о тропахъ и фигурахъ) и др. Этотъ памятникъ письменности важенъ во многихъ отношеніяхъ: во первыхъ, разнообразіемъ своего содержанія онъ соединяетъ въ себѣ элементы духовной и свѣтской литературы; во вторыхъ, философскія статьи его предлагаютъ древнѣйшій опытъ ученой славянской терминологіи; въ третьихъ, языкъ его отличается отъ языка Остромірова Евангелія значительнымъ преобладаніемъ русскаго правописанія.

Греческій подлинникъ Изборника составленъ въ 912. Русскій переписчикъ только перемѣнилъ, въ предисловіи и послѣсловіи, нѣкоторыя слова, примѣнивъ ихъ къ особѣ кн. Святослава. Въ позднѣйшемъ спискѣ этого памятника (XV в., въ Библ. Кирилло-бѣлозерскаго монастыря), вмѣсто имени великаго князя Святослава стоитъ царь Симеонъ. Рисунки, приложенные къ Изборнику и изображающіе Святослава съ супругою и сыновьями, представляютъ древнѣйшій памятникъ нашей книжной живописи. Особенности языка состоятъ въ звукахъ гласныхъ и согласныхъ, въ склоненіи и спряженіи, и въ нѣкоторыхъ словахъ. Звуки гласные: переходъ ъ въ о (*кото, золоба* и *золобь* вм. *къто, зълоба, зълобь*); употребленіе ь вм. *е* (*чьсо* вм. *чесо*) и *о* вм. *е* (*дос-*

ное око, топлота, топлое); полногласныя чисторусскія формы: *полонъ* (плѣнъ), *полоньникъ* (плѣнникъ), *серебро* (сребро). Звуки согласные: *шт* вм. *щ* (*приходяшта, дъштерь, немошть* вм. *приходяща, дщерь, немощь*), *к* вм. *ч* (*прокое* вм. *прочее*). Спряженія и склоненія: усѣченіе окончанія *ть* въ 3 л. един. и множ. числа наст. и буд. временъ (*ся нарицае, бывае, подобае*); въ словѣ *Христосъ* не отметаются буквы *ос* (*при Христосѣ*). Замѣчательнѣйшія слова: *брѣгъ* (склонъ) горы, *бъчела* (пчела), *мимоходъ* (мимоидущій), *русость* (русый цвѣтъ), *третийникъ* (середа). (Описаніе ркп. Рум. Муз. № CCCLVI; Поѣздка въ Кир. бѣл. монастырь, Шевырева, II; Палеографическіе и филологическіе матеріалы для исторіи письменъ славянскихъ, Буслаева).

§ 52. Для того же князя Святослава и тѣмъ же дьякомъ Іоанномъ переписанъ другой Изборникъ (1076), въ составъ котораго вошли статьи преимущественно религіознаго и нравственнаго содержанія, напр. краткія толкованія Св. Писанія, о молитвѣ, о постѣ, поученія: о правой вѣрѣ, дѣтямъ, богатымъ и пр. Такъ какъ первыя произведенія древне-русской словесности отличаются наиболѣе характеромъ назидательнымъ, то статьи эти должны были оказать на нихъ замѣтное вліяніе, отъ чего и произошло сходство между Сборникомъ Святослава 1076 г. съ одной стороны и другими сборниками или отдѣльными литературными памятниками съ другой: Поученіе дѣтямъ нашло себѣ подражаніе въ Поученіи Владиміра Мономаха (XII в.), а толкованія св. отцевъ на Св. Писаніе послужили образцомъ для сборника: Златая Цѣпь, въ которомъ тотъ же предметъ получилъ большую полноту и развитіе.

§ 53. Къ собственно-духовнымъ писателямъ XI в. относятся: Лука Жидята, епископъ новогородскій, Иларіонъ, митрополитъ кіевскій, Феодосій, установитель монастырскаго общежитія, Іаковъ черноризецъ и Іоаннъ II, митрополитъ кіевскій.

§ 54. Древне-русская духовная словесность служила средствомъ къ просвѣщенію народа въ духѣ христіанства, т. е. къ раскрытію догматическихъ основъ и нравственныхъ предписаній истинной религіи. Характеръ ея—религіозно-образовательный. Главною задачею своею поставила она—наставлять, поучать. Отсюда понятно, почему сочиненія наставительныя, слова и поученія, должны были явиться у насъ во главѣ другихъ отдѣловъ духовной литературы. Но христіанское ученіе, почерпая свои понятія изъ обще-христіанскихъ источниковъ—Св. Писанія и твореній отцевъ церкви—въ приложеніи своемъ видоизмѣняется сообразно потребностямъ общества, на пользу котораго дѣйствуетъ, характеру и образованію духовнаго лица, наконецъ развитію литературы, которая, находясь подъ вліяніемъ византійскимъ, могла, на ряду съ самыми простыми поученіями, предлагать образцы краснорѣчія искуственнаго, обставленнаго пособіями учености. Этими данными опредѣляются различія въ свойствахъ содержанія и формы древне-русскихъ наставительныхъ сочиненій.

Какъ новый христіанскій народъ, Русскіе имѣли надобность въ усвоеніи начальныхъ, коренныхъ истинъ вѣры и нравственности и въ безъискуственномъ ихъ изложеніи. Таково, дѣйствительно, «Поученіе къ братіи», приписываемое Лукѣ Жидятѣ и содержащее въ себѣ изложеніе обязанностей христіанина къ Богу, ближнимъ и самому себѣ.

Другаго значенія Слово Иларіона, перваго митрополита изъ Русскихъ, «о законѣ, данномъ чрезъ Моисея, и о благодати и истинѣ, происшедшей чрезъ І. Х», съ присовокупленіемъ похвалы Владиміру и молитвы. Какъ «Поученіе» Жидяты чуждо по содержанію всякой учености, а по изложенію всякаго краснорѣчія,

такъ, напротивъ, въ «Словѣ» Иларіона нельзя не признать значительныхъ богословскихъ свѣдѣній и ораторскаго искуства. Если допустить, что оно не оригинальное сочиненіе, а переведено съ греческаго или, по крайней мѣрѣ, сложено по греческимъ образцамъ, то и при этомъ предположеніи начитанность автора остается несомнѣнною. «Слово» показываетъ сначала, подъ символическими образами Сарры и Агари, Манассіи и Ефрема, отношеніе христіанства къ іудейству, превосходство перваго предъ вторымъ; потомъ излагаетъ основный догматъ христіанства: воплощеніе Спасителя; далѣе объясняетъ превосходство новой, христіанской, вѣры предъ языческою и исчисляетъ блага, дарованныя истинною религіею. Такъ какъ этими благами Русь одолжена Владиміру, то за «Словомъ» слѣдуетъ похвала равноапостольному князю и сыну его Ярославу, который довершилъ начатое отцемъ. Молитва обращена къ Богу отъ лица всей Руси, какъ новаго христіанскаго царства.

«Поученіе» Жидяты (по другимъ ркп. Жиряты, выбраннаго Ярославомъ въ епископы изъ Рускихъ въ 1036 и ум. въ 1060 г.) напеч. въ 1 ч. Рус. Достоп., по спискамъ XVI в. Другой списокъ его, XIV—XV вв., съ нѣкоторыми варіантами, см. въ Ист. Рус. Церкви, Макарія, I, прим. 221.

Иларіонъ былъ священникомъ въ любимомъ селѣ Ярослава — Берестовѣ, откуда удалялся на сосѣднюю гору, гдѣ нынѣ кіевопечерскій монастырь: тамъ выкопалъ онъ себѣ небольшую пещеру для уединенной молитвы. Причину его избранія въ митрополиты (1051 г.) объясняютъ несогласіемъ Ярослава съ Греціею, по случаю послѣдней войны. Сочиненія Иларіона напеч. въ Прибавленіяхъ къ Твор. св. отц. (1844, № 2 и 3). Тамъ же его «Исповѣданіе или Изложеніе Вѣры.» Болѣе полный текстъ «Слова» въ ст.: «Славяно-русскія сочиненія въ пергаменномъ сборникѣ Царскаго» (Чтенія, 1848, № 7). Г. Шевыревъ, подробно разобравшій Слово, видитъ поводъ къ нему въ попыткѣ Іудеевъ и до Владиміра чрезъ Козаръ и при Владимірѣ внести къ намъ свою вѣру. Къ «Слову» Иларіона обращались иногда лѣтописцы, неудачно примѣняя сказанное о Владимірѣ къ другимъ лицамъ (Приб. къ Твор. св. от. 1844)

§ 55. Изъ сочиненій преподобнаго Ѳеодосія извѣстны краткія «Поученія народу и кіевопечерскимъ инокамъ»—о терпѣніи, любви, милостыни, молитвѣ, постѣ и проч., и «Посланіе къ в. к. Изяславу о латинской вѣрѣ». Поученія къ народу, предлагая ему нравственныя наставленія, вмѣстѣ съ тѣмъ указываютъ нѣкоторые современные его недостатки и пороки: остатки язычества, пьянство, непристойное стояніе въ церкви, ненадлежащее соблюденіе постовъ и праздниковъ. Поученія къ братіи обнаруживаютъ слабыя стороны иноческой жизни въ кіевопечерскомъ монастырѣ: нерадѣніе, лѣность, любостяжаніе. «Посланіе къ Изяславу» о латинской вѣрѣ есть полемическое, подобно той части Иларіонова слова, въ которой говорится объ іудействѣ. И Ѳеодосій и Иларіонъ обращались преимущественно къ тѣмъ религіознымъ вопросамъ, которые въ то время занимали русскій народъ.

Ѳеодосій постриженъ въ монахи 1032 г., выбранъ въ настоятели печерскаго монастыря 1062 г. Первыми дѣлами его игуменства были: строеніе большой церкви и введеніе общежительнаго студійскаго устава (введеннаго Ѳеодоромъ Студитомъ въ монастырѣ Студійскомъ, который основанъ Студіемъ, римскимъ патриціемъ). Сочиненія его въ подлинномъ текстѣ напеч. Макаріемъ въ «Изв. Ак. Н. по 2 отд., II, вып 2; см. также: Св. игуменъ Ѳеодосій, Погодина, Москв. 1850, № 23: Житіе св. Ѳеодосія въ переводѣ на современный рус. яз., Филарета, Учен. Зап. А. Н. по 2 отд., кн. 2, вып 2. Макарій замѣчаетъ, что творенія Ѳеодора Студита имѣли наибольшее вліяніе на поученія Ѳеодосія, особенно на его поученія къ иконамъ.

§ 56. Іаковъ Мнихъ написалъ «Житіе св. Владиміра и похвалу ему», «Житіе Бориса и Глѣба» и «Посланіе къ Ярославову сыну—Изяславу» (въ

крещеніи Димитрію). Онъ же предлагалъ митрополиту кіевскому Іоанну II, прозванному «пророкомъ Христа» (въ смыслѣ истолкователя Слова Божія, проповѣдника), письменные вопросы касательно разныхъ предметовъ богослуженія.

Отвѣтное посланіе Іоанна II, извѣстное подъ именемъ Церковнаго Правила, служило руководствомъ по дѣламъ церкви. Но кромѣ своего каноническаго значенія, для исторіи литературы оно важно указаніями на современные нравы и обычаи, еще не очищенные отъ вліянія язычества, каковы: жертвы бѣсамъ, болотамъ и колодезямъ, волхвованіе, браки, совершаемые безъ благословенія церкви, на томъ основаніи, что будто вѣнчаніе нужно только боярамъ и князьямъ (что впрочемъ было согласно съ обычаями, господствовавшими въ Византіи въ X в.), двоеженство и троеженство, оставленіе своихъ женъ и приниманіе къ себѣ другихъ. Кромѣ того, Правило вооружается противъ князей, которые выдавали своихъ дочерей за католиковъ, и противъ купцовъ, которые продавали слугъ-христіанъ жидамъ и еретикамъ. Въ сферѣ иноческой жизни, «Правило» осуждаетъ монастырскія трапезы, переходившія въ пиршества и такимъ образомъ обращавшія дѣла милости и нищелюбія въ дѣло тщеславія и соблазнъ для монаховъ и монахинь.

Кто такой былъ Іаковъ—неизвѣстно. Макарій видитъ въ немъ того самаго инока, котораго Θеодосій предлагалъ вмѣсто себя въ игумены, но который однако не былъ выбранъ, такъ какъ онъ постригся не въ Печерскомъ монастырѣ. Время его жизни также неопредѣлено: одни относятъ его къ XI, другіе къ XII в. Сочиненія его нап. въ Христ. Чт. 1849 г. См.: Іаковъ Мнихъ, Погодина, въ Изв. Ак. Н., I; Еще объ Іаковѣ Мнихѣ, Макарія, ib, II; Ист. Рус. Церкви, его же, II.—Другое посланіе Іоанна II (правившаго русскою церковью съ 1080 по 1088 г.) къ Клименту III, папѣ римскому, «о винахъ или согрѣшеніяхъ латинства», нап., въ церковно-славянскомъ переводѣ, въ Учен. Зап. 2 от. Ак. Н., кн. I. См. еще «Записку о митр. Іоаннѣ II, Неволина», въ Изв. Ак. Н., II.

§ 57. Съ именемъ Нестора, монаха кіево-печерскаго, жившаго въ концѣ XI и началѣ XII вѣка, соединяется обыкновенно имя перваго русскаго лѣтописца. Лѣтопись, означаемая его именемъ, называется «повѣстью временныхъ лѣтъ», «временникомъ». Полное заглавіе ея, по древнѣйшему ея списку, слѣдующее: «Се повѣсти временныхъ лѣтъ, откуду есть пошла Русская земля, кто въ Кіевѣ нача первѣе княжити и откуду русская земля стала есть».

Біографическія извѣстія о Несторѣ чрезвычайно скудны. Род. онъ 1056 г., вступилъ въ монастырь 17 лѣтъ (1073), постриженъ въ иноки игуменомъ Стефаномъ и имъ же поставленъ въ діаконы. Въ 1091 г. ему поручено было отыскать мощи Θеодосія, которыя онъ и открылъ вмѣстѣ съ двумя другими иноками. Ум. послѣ 1113 г., ибо этотъ годъ занесенъ въ хронологическій перечень, помѣщенный въ началѣ лѣтописи. Сколько именно лѣтъ онъ жилъ—неизвѣстно; въ Патерикѣ печерскомъ сказано только, что онъ «по лѣтѣхъ временныхъ довольныхъ преставися въ вѣчность». Касательно образованія его должно замѣтить, что онъ былъ знакомъ съ византійскими источниками, по крайней мѣрѣ въ болгарскихъ переводахъ, и съ духовными писателями древней Руси.—Въ старину не было обыкновенія надписывать имя сочинителя въ заглавіи сочиненія. Изъ списковъ лѣтописи, на одномъ только (Хлѣбниковскомъ) стоитъ имя Нестора. Свидѣтельства же о томъ, что онъ дѣйствительно авторъ лѣтописи, находятся въ Патерикѣ. Г. Казанскій представилъ сильныя возраженія противъ этихъ свидѣтельствъ, основанныя на противорѣчіяхъ между лѣтописью Нестора и его же житіями Θеодосія и Бориса и Глѣба. См: «Еще вопросъ о Несторѣ», «Дополненіе къ вопросу о Несторѣ», «Критическій разборъ свидѣтельствъ Патерика печерскаго о лѣтописи Нестора», «Объясненіе нѣкоторыхъ недоумѣній касательно лѣтописи Нестора» (Временникъ, №№ 1, 3, 7 и 13).

Хотя лѣтопись, приписываемая Нестору, считается древнѣйшею, но, вѣ-

роятно, и до него велись грамотными людьми какія-нибудь лѣтописныя замѣтки или даже и цѣлыя, болѣе или менѣе подробныя, лѣтописи. Историкъ Татищевъ признаетъ первымъ русскимъ лѣтописцемъ Іоакима, епископа новгородскаго, умершаго въ 1030 г. Въ своей «Россійской Исторіи» напечаталъ онъ отрывокъ изъ такъ называемой Іоакимовской лѣтописи, которая долгое время считалась подложною, но подлинность которой не подлежитъ теперь сомнѣнію. Симонъ, епископъ владимірскій (XIII в.), въ посланіи къ Поликарпу говоритъ о какомъ-то старомъ ростовскомъ лѣтописцѣ. Начальная форма лѣтописнаго повѣствованія, состоящаго въ погодномъ записываніи событій, легко объясняется формою пасхальныхъ таблицъ, т. е. такихъ, въ которыхъ вычислены времена пасхи и другихъ подвижныхъ церковныхъ праздниковъ. Нѣкоторые годы въ этихъ таблицахъ имѣютъ при себѣ замѣтки о событіяхъ; другіе же, не ознаменованные ничѣмъ достопамятнымъ, выставлены безъ всякой замѣтки. Точно также большое число годовъ пустыхъ, безъ указанія происшествій, встрѣчается въ древнѣйшихъ спискахъ лѣтописи; кромѣ того, ея свидѣтельства, хотя и болѣе подробныя, согласны съ краткими пасхальными замѣтками. Поэтому пасхальныя таблицы съ краткими историческими замѣтками надобно признать начальною формой, первообразомъ нашего лѣтописнаго повѣствованія, какъ онѣ были первообразомъ византійскихъ хроникъ и средневѣковыхъ анналъ западной Европы.

Изслѣдованія о лѣтописяхъ новгородскихъ, Срезневскаго, въ Изв. Ак. Н. по 2 отд., II; Памятники X в. до Владиміра св., его же, ib. III; О древней русской лѣтописи, Сухомлинова, въ Учен. Зап. 2 отд. Ак. Н., III; Изслѣдованіе о лѣтописи Якимовской, П. Лавровскаго, ib. II, вып. I.

Начальная, или Несторова, лѣтопись не дошла до насъ ни въ подлинникѣ, ни въ отдѣльности. До насъ дошло множество ея списковъ, съ продолженіями. Древнѣйшій изъ нихъ, Лаврентьевскій, написанъ монахомъ Лаврентіемъ для суздальскаго князя Дмитрія Константиновича въ 1377 г.: слѣдов. отстоитъ отъ оригинальной рукописи слишкомъ на два столѣтія съ половиной. Но и этотъ, древнѣйшій, списокъ представляетъ подлинный текстъ не въ томъ видѣ, въ какомъ онъ былъ составленъ самимъ лѣтописцемъ. Какъ въ немъ, такъ и въ другихъ спискахъ, находятся многія мѣста, которыя не могли принадлежать Нестору, а явственно внесены въ его лѣтопись изъ другихъ источниковъ переписчиками или продолжателями, не отдѣлявшими своего труда отъ начальнаго повѣствованія. Кромѣ того, есть повторенія извѣстій, двойные разсказы объ однихъ и тѣхъ же событіяхъ, что прямо указываетъ на позднѣйшія прибавки. Поэтому всѣ списки лѣтописи, и древніе, и позднѣйшіе, имѣютъ видъ сборниковъ, различныхъ между собою не только по языку, но и по изложенію событій. Въ нихъ почти всѣ основныя извѣстія до 1110 года (включительно) безспорно заимствованы изъ «Повѣсти временныхъ лѣтъ», доведенной до этого времени, и должны быть признаны ближайшимъ къ ней текстомъ. Но рядомъ съ начальною лѣтописью вошли въ списки и другіе матеріалы, бывшіе въ рукахъ собирателей. За 1110-мъ годомъ слѣдуетъ уже продолженіе сказаній Нестора. Такимъ образомъ начальная лѣтопись, и въ древнѣйшемъ своемъ спискѣ, есть не что иное, какъ сборникъ, составленный изъ разныхъ источниковъ, принявшій въ себя матеріалы трехъ лѣтописей: кіевской преимущественно, новгородской и волынской.

Пол. Собр. лѣтописей, I; Ист. Рос., Соловьева, III; Изслѣдованія о рус. ист., Погодина, I, и сочиненія, указанныя выше.

Списки Несторовой лѣтописи идутъ съ XIV до XVII в. (включительно). Важнѣйшіе изъ нихъ, кромѣ Лаврентьевскаго: Радзивиловскій, Ипатьевскій, Софійскій, Воскресенскій, Никоновскій. Названія свои получили они или отъ своихъ владѣльцевъ, или отъ мѣстъ, гдѣ хранились, или отъ именъ составителей и переписчиковъ. Сличеніе списковъ, относительно полноты содержанія, показываетъ, что начальная лѣтопись, дошедшая до насъ въ древнѣйшихъ спискахъ, короче въ сравненіи съ тою, которую передали списки позднѣйшіе. Причина этого заключается въ томъ, что составители позднѣйшихъ сборниковъ (каковъ напр. Никоновскій) могли пользоваться древнѣйшими, утраченными для насъ списками.

Ист. Рос., Соловьева, III, 116—117.

Начальная лѣтопись начинается исчисленіемъ странъ, которыя достались потомству сыновей Ноя. За очеркомъ географіи древняго міра слѣдуетъ исторія Славянъ: первоначальный бытъ ихъ на Дунаѣ, разселенія съ Дуная на сѣверъ и сѣверо-востокъ, водвореніе въ Россіи, образованіе въ новомъ отечествѣ разныхъ, другъ отъ друга независимыхъ владѣній, обычаи, нравы. Съ 862 г. идетъ собственно лѣтопись и завершается 1110-мъ г., тамъ, гдѣ находится приписка игумена кіево-выдубицкаго монастыря Сильвестра, списавшаго лѣтопись въ 1116 г. Этотъ списокъ Сильвестра, до насъ не дошедшій, сдѣлался, безспорно, оригиналомъ всѣхъ другихъ списковъ.

Источники Несторовой лѣтописи: византійскіе хронографы, палеи, отдѣльныя сказанія и повѣсти, народныя преданія, свидѣтельства современниковъ и собственное удостовѣреніе.

Византійскіе хронографы (лѣтописцы), или хроники, оказавшіе сильное вліяніе на древнерусскую литературу, въ особенности на лѣтописную, по составу своему суть сборники разнороднаго содержанія, преимущественно историческаго. Они предлагаютъ библейскую и церковную исторію, исторію древнихъ народовъ, въ которой дается наибольшее мѣсто Греціи и Риму, наконецъ исторію византійскую, доводя ее до того или другаго періода времени, или оканчивая ее вполнѣ разсказомъ о взятіи Константинополя Турками (1453 г.). Основный историческій текстъ дополняется богословскими толкованіями, апокрифическими сказаніями, миѳологическими и космографическими свѣдѣніями и многими отдѣльными произведеніями, которыя не всегда имѣютъ внутреннее отношеніе къ повѣствованію, но которыя составитель или переписчикъ сборника вносилъ въ него по своему разумѣнію. Такимъ образомъ хронографы представляли богатый запасъ чтенія занимательнаго и поучительнаго, цѣлую энциклопедію знаній, изъ которой наши предки почерпали то, что имъ было нужно. Списки хронографовъ тянутся у насъ до половины XVIII-го в. Древнерусскіе лѣтописцы неизбѣжно обращались къ хронографамъ, какъ главному своему источнику. Они пользовались ими или въ славянскихъ переводахъ, или въ греческихъ подлинникахъ, выказывая иногда собственную дѣятельность то дополненіемъ, то переработкой рукописи. Къ исторіи византійской присоединялось записываніе отечественныхъ событій, доводимое до разныхъ эпохъ. Чѣмъ позднѣе какой либо лѣтописный сборникъ, тѣмъ онъ богаче заимствованіями изъ хронографовъ: Никоновскій списокъ Несторовой лѣтописи (XVII в.) беретъ въ этомъ отношеніи первенство надъ древнѣйшими ея списками. Начальная часть хронографа называется «Палеею» (отъ греч.

«ветхій», «древній»), которая содержитъ въ себѣ ветхозавѣтную исторію, съ толкованіями отцевъ церкви и съ добавленіями изъ книгъ апокрифическихъ, и которая составляетъ нерѣдко отдѣльное, независимое отъ хронографа сочиненіе. Южнославянскіе переводы хронографовъ явились рано. Въ X в. болгарскимъ пресвитеромъ Григоріемъ переведена хроника Іоанна Малалы. Еще раньше, безъ сомнѣнія, переведенъ другой византійскій лѣтописецъ—Георгій (IX в.), прозвавшій себя по христіанскому смиренію грѣшнымъ (Амартоломъ). Въ лѣтописи его, исторія византійской имперіи доведена до смерти царя Михаила (867 г.); событія же послѣ этого времени, въ томъ числѣ и походы Русскихъ на Грецію, описаны продолжателями его труда. Въ какое именно время перешли хронографы изъ Болгаріи къ намъ—неизвѣстно. По крайней мѣрѣ, знаемъ, что въ Изборникѣ Святослава 1073 г. помѣщенъ «Лѣтописецъ вкратцѣ, Никифора», и что самъ Несторъ свидѣтельствуетъ о заимствованіяхъ своихъ у Амартола. Отсюда въ начальную русскую лѣтопись вошли извѣстія о разселеніи народовъ, описаніе ихъ нравовъ и обычаевъ и первый походъ Руси на Царьградъ. Палея сообщила Нестору изложеніе ветхозавѣтной исторіи, которая включена въ проповѣдь греческаго миссіонера и которая, имѣя библейскую основу, содержитъ въ себѣ много такого, о чемъ не упоминается въ Библіи, но что есть въ палеяхъ.

Къ отдѣльнымъ сказаніямъ и повѣстямъ, внесеннымъ въ лѣтопись Нестора, относятся, наприм., житія: Кирилла и Меѳодія, Св. Владиміра, Бориса и Глѣба. Составленныя, въ первобытномъ своемъ видѣ, независимо отъ лѣтописи, они явились потомъ на ея страницахъ съ тѣми или другими измѣненіями.

Народныя преданія весьма важны по отношенію своему къ древнерусской народности и поэзіи. Посредствомъ ихъ безъискуственная словесность соединяется съ литературою искуственною или книжною. Одни изъ этихъ преданій собственно славянскія и мѣстныя, другія—варяжскія. Таковы: Обры-великаны — чудовищныя миѳологическія существа, Радимъ, Вятко и Кій—родоначальники племенъ, походъ Олега на югъ и водвореніе его въ Кіевѣ, смерть Олега отъ любимаго коня по предсказанію кудесника, смерть Игоря, месть Ольги и другія сказанія.

Изъ современниковъ, которые могли передать лѣтописцу извѣстія о княженіяхъ Святополка, Ярослава и Изяслава (1015—1077), замѣчателенъ сынъ Вышаты, девяностолѣтній старецъ Янъ. Со второй половины XI в., о княженіяхъ Всеволода Ярославича и Святополка Изяславича (1078—1112), Несторъ писалъ какъ современникъ или даже и очевидецъ событій.

Переводъ Малалы дошелъ до насъ въ спискѣ XV в. Хронику Амартола имѣемъ въ двухъ редакціяхъ: болгарской, XIII—XIV в. (Библ. Мос. Дух. Акад.), и сербской, XIV в. (Син. Биб). Въ ст. Строева: «О византійскомъ источникѣ Нестора» (Труды Общ. Ист. и Древ. Рос., IV), въ 1 т. Полн. собр. рус. лѣт. и въ соч. Сухомлинова: О древн. рус. лѣт. приведены мѣста изъ Амартола, перешедшія въ Несторову лѣтопись. Кромѣ того, Сухомлиновъ указалъ и другія заимствованія. Касательно житій Владиміра и Бориса и Глѣба см. Срезневскаго: «Древнія жизнеописанія рус. князей» (Изв. Ак. Н. по 2 от., II); касательно преданій и притчъ народныхъ — Буслаева: «О народности въ древ. рус. литературѣ» (Рус. Вѣст. 1857, № 15).

Характеръ лѣтописи опредѣляется званіемъ лѣтописца, направленіемъ его образованія и взглядомъ его на трудъ свой. Несторъ, лице духовное, проникнутое духомъ христіанской набожности, смотритъ на историческій разсказъ съ

религіозной точки зрѣнія: онъ предлагаетъ повѣствованіе, какъ свидѣтельство о премудромъ промыслѣ Божіемъ, какъ назидательное поученіе. Явленія нравственнаго міра измѣряются у него отношеніемъ къ христіанству, служатъ знаками или наказанія за преступленія заповѣдей, или награды за доброе житіе. Форма изложенія драматическая: лица, иногда и цѣлыя племена, ведутъ между собою разговоръ. Источникомъ такой формы послужили историческія книги Библіи. Впрочемъ драматизмъ изложенія есть обыкновенный способъ разсказа въ начальную эпоху словесности. Рѣчь отличается точностію и простотою, чуждою украшеній. О языкѣ начальной лѣтописи нельзя произнести точнаго сужденія: всѣ ея списки, въ этомъ отношеніи, различаются между собою, и древнѣйшій, лаврентьевскій списокъ, отстоящій на два вѣка съ половиной отъ времени ея появленія, принялъ въ себя много такого, чего не было въ подлинникѣ. Несомнѣнно, что лѣтопись написана на церковнославянскомъ, или древнеболгарскомъ нарѣчіи, но подвергшемся измѣненію подъ вліяніемъ мѣстнаго, южнорусскаго выговора. Русскій элементъ языка является въ рѣчахъ дѣйствующихъ лицъ, въ разсказѣ о текущихъ событіяхъ, въ передачѣ народныхъ преданій и притчъ. Эти составныя части лѣтописной рѣчи: церковно-славянская и русская, соотвѣтствуютъ двумъ элементамъ изложенія: искуственному и безъискуственному. Первая выражаетъ господствующее настроеніе духа лѣтописца, смотрѣвшаго на свой трудъ, какъ на дѣло душеспасительнаго наставленія; вторая выражаетъ отношеніе къ народной фантазіи.

Кромѣ лѣтописи, Несторъ написалъ «Житіе св. Өеодосія» (въ Патерикѣ Печерскомъ) и «Сказаніе о Борисѣ и Глѣбѣ» (въ разныхъ сборникахъ, напр. въ Сборникѣ Рум. Муз., CLII). Критическое изслѣдованіе начальной лѣтописи произведено, впервые, Августомъ Шлецеромъ, который сличилъ ее съ византійскими хрониками и западными анналами. Оно нап. на нѣм. яз., 1802 — 1809; русскій переводъ Д. Языкова, 1809—1819: «Несторъ, русскія лѣтописи на древле-словенскомъ языкѣ, 3 ч.»

§ 58. Несторова лѣтопись удерживаетъ за собою первенство по времени появленія, потому что мы не знаемъ другихъ, болѣе древнихъ лѣтописей. Но нѣтъ сомнѣнія, что лѣтописное повѣствованіе началось одновременно и независимо въ разныхъ мѣстахъ Руси: въ Кіевѣ, на Волыни, въ Новгородѣ. И какъ существуетъ начальная кіевская (Несторова) лѣтопись, такъ, по всѣмъ вѣроятностямъ, существовала начальная лѣтопись новгородская. Можетъ быть, это была та самая, которую приписываютъ епископу Іоакиму и отъ которой остался только отрывокъ, да и тотъ не въ подлинникѣ, а въ спискѣ XVIII в. Лѣтопись, озаглавленная въ изданіи Археографической Коммиссіи «первою новгородскою», не оправдываетъ такого названія: она не сохранилась въ цѣлости; начало ея, до 1016 г. утрачено, и нельзя судить о томъ, что содержалось на затерянныхъ листахъ; можетъ быть, этимъ началомъ и была именно лѣтопись Іоакимовская; извѣстія же о событіяхъ послѣ 1016 г. уже смѣшаны съ извѣстіями Нестора, которымъ слѣдов. новгородскій лѣтописецъ пользовался. По содержанію своему, она отличается отъ начальной кіевской: послѣдняя должна быть названа общею, или всероссійскою, потому что имѣетъ предметомъ отношенія князей Рюрикова дома, тогда какъ первая есть частная, или мѣстная, служащая преимущественнымъ источникомъ для исторіи древняго Новгорода. Предположеніе о старшинствѣ начальной новгородской лѣтописи передъ начальною кіевскою под-

тверждается и составомъ такъ называемой «первой новогородской», въ которую, безъ сомнѣнія, вошли древніе матеріалы: въ ней есть извѣстія о событіяхъ X в. и ранѣе; кромѣ того, она представляетъ много пустыхъ годовъ безъ отмѣтокъ о событіяхъ, слѣдов. ближе къ первообразу лѣтописнаго повѣствованія—пасхальнымъ таблицамъ съ замѣтками при нѣкоторыхъ годахъ.

Различіе въ изложеніи и языкѣ лѣтописей зависитъ во многомъ отъ ихъ содержанія, мѣста и времени появленія, и лицъ, которыми онѣ писались. Если разсказъ Нестора, при всемъ отсутствіи намѣренныхъ украшеній, отличается обиліемъ подробностей, многими выписками изъ разныхъ источниковъ, введеніемъ народныхъ преданій, то разсказъ новгородской лѣтописи—краткій, сухой и оффиціальный, что служитъ новымъ доказательствомъ древности того начальнаго источника, который вошелъ въ нее вмѣстѣ съ другими матеріалами.

Ист. Рос., Сол—ва, III; Изслѣд. о лѣтописяхъ новгор., Срезневскаго (Изв. Ак. Н. по 2 отд., II); Новгор. лѣтописи, Погодина (Ibid., VI).

Списковъ первой новгородской лѣтописи, нап. въ 3 т. Полн. собр. рус. лѣт., три: Синодальный, Академическій и Толстовскій. Она простирается по первому съ 1016 по 1333 г., доводится вторымъ до 1441 г. и оканчивается по третьему 1444 г. Объ авторѣ ея см. ст. Прозоровскаго: «Кто былъ первымъ писателемъ 1-ой новгор. лѣтописи» (Журн. Мин. Нар. Просв., 1852, № 7).

§ 59. Волынская лѣтопись, подобно новгородской, есть также мѣстная: она повѣствуетъ о княжествахъ югозападныхъ. До насъ дошла только вторая ея половина, которая начинается 1201 г.; первая же, до смерти Романа Великаго, потеряна. Но что существовала эта первая часть, доказывается разсказомъ объ ослѣпленіи князя Василька, заимствованнымъ, безъ сомнѣнія, изъ нея и внесеннымъ въ Несторовъ Временникъ. Волынская лѣтопись весьма замѣчательна по множеству подробностей, опускаемыхъ другими лѣтописцами, и по характеру изложенія украшеннаго и нерѣдко поэтическаго. Составитель ея былъ знакомъ не только съ народною поэзіею, но и съ Гомеромъ.

Начинаясь 1201-мъ г., вторая половина Волынской лѣтописи доходитъ до 1292. Напечатана, по Ипатьевскому списку, во II т. «Пол. Собр. рус. лѣт».

§ 60. Древнѣйшій памятникъ гражданскаго законодательства есть «Русская Правда», названный такъ въ отличіе отъ уставовъ греческихъ, которыми, по принятіи христіанства, опредѣлялся юридическій бытъ Руси. Приписываемая обыкновенно Ярославу I, она, въ полномъ составѣ своемъ, образовалась изъ постановленій разныхъ временъ: Ярослава I, сыновей его: Изяслава, Святослава и Всеволода, и Владиміра Мономаха. Основою ея, по всему вѣроятію, послужили народные юридическіе обычаи. Собранные при Ярославѣ, дополненные и измѣненные по требованіямъ времени, они образовали первоначальный законодательный сборникъ, который имѣлъ цѣлію удовлетворить только самымъ необходимымъ потребностямъ народа, недавно вступившаго въ государственныя отношенія: поэтому нельзя искать въ немъ всѣхъ родовъ и видовъ права. Языкъ Русской Правды, какъ сборника постановленій для народа, представляетъ весьма важныя древне-русскія слова и грамматическія формы.

Текстъ Русской Правды имѣетъ два состава: краткій и полный. Краткій, найденный Татищевымъ, содержитъ въ себѣ 17 статей и приписывается Ярославу I, на

томъ основаніи, что онъ далъ Новгородцамъ (1016 г.) грамоту, по которой они должны были ходить; полный, кромѣ этихъ 17 статей, заключаетъ въ себѣ постановленія сыновей Ярослава и Владиміра Мономаха. Списки Правды идутъ съ XIII до XVII в. См.: «Изслѣдованія о Рус. Правдѣ, Н. Калачова». Онъ же издалъ текстъ ея (1846). Другія важнѣйшія изданія — въ I и II ч. Рус. Дост.: послѣднее принадлежитъ Дубенскому.

Въ сферѣ церковнаго управленія, духовенство наше дѣйствовало на основаніи «Номоканона» (сложное греч. слово: «законъ» и «правило», «законоправильникъ» въ нѣкоторыхъ рук.) или Кормчей (отъ глагола «кормити»—управляти), принятой отъ Грековъ вмѣстѣ съ христіанскою вѣрою. Номоканонъ въ Греціи имѣлъ двѣ редакціи: патріарха Іоанна Схоластика (VI в.) и патр. Фотія (IX). Содержаніе его дѣлится на двѣ части: одна есть собраніе правилъ апостольскихъ, опредѣленій соборныхъ и постановленій отцевъ церкви; другая—собраніе гражданскихъ законовъ и постановленій по дѣламъ церкви, которое въ нѣкоторыхъ кормчихъ называется «Мѣриломъ праведнымъ». Кормчая дошла до насъ въ двухъ главныхъ редакціяхъ, имѣющихъ по одному представителю въ спискахъ XIII в.: первая «кирилловская» 1282 (Син. Библ.), списокъ которой сдѣланъ при митрополитѣ Кириллѣ II; вторая «рязанская» (Н. П. Б.), написанная по повелѣнію епископа рязанскаго Іосифа. Первая часть греческаго номоканона, т. е. сводъ собственно-церковныхъ правилъ, принятъ былъ нами, какъ основное церковное законоположеніе. Но вторая его часть, т. е. сводъ гражданскихъ византійскихъ постановленій, подъ вліяніемъ которыхъ церковь получила мѣстное развитіе въ Греціи, не могла быть принята вполнѣ, по различнымъ особенностямъ обществъ греческаго и русскаго. Узаконенія эти измѣняются и дополняются собственно-русскими уставами, которые приписываются Владиміру (996 — 1011) и Ярославу (1051—1054) и которые дошли до насъ въ позднихъ и многочисленныхъ спискахъ, начиная съ XIII в. Статьи ихъ дѣлятся на основныя и дополнительныя: послѣднія внесены въ текстъ въ разныя времена, послѣ Владиміра и Ярослава (Изслѣд. о Рус. Пр., Калачова; О значеніи Кормчей, его же, въ 3 кн. Чтеній 1847; О церковномъ судѣ въ Россіи, Неволина, въ Жур. Мин. Нар. Пр. 1847 г.; Ист. Рус. Цер., Макарія, I и II).

XII ВѢКЪ.

§ 61. Памятники письменности: три Евангелія по Мстиславову, Галицкому и Добрилову спискамъ, Стихирарь, Паремейникъ, Служебникъ Антонія Римлянина (§ 37), Синайскій Патерикъ, т. е. житія святыхъ, прославившихся на горѣ Синаѣ, Богословіе Іоанна Дамаскина въ переводѣ Іоанна эксарха болгарскаго, Бесѣды Іоанна Лѣствичника, Огласительныя поученія Кирилла Іерусалимскаго.

Синайскій Патерикъ и Поученія Кирилла въ Син. Библ., Бесѣды Іоанна Лѣствичника въ Рум. Муз., Богословіе Дамаскина издано К. Калайдовичемъ въ книгѣ: Іоаннъ эксархъ болгарскій.

§ 62. Изъ собственно-духовныхъ произведеній наиболѣе извѣстны сочиненія Никифора, митрополита кіевскаго, и св. Кирилла Туровскаго.

§ 63. Никифоръ написалъ нѣсколько посланій, между которыми главнѣйшія: два посланія къ кн. Владиміру Мономаху—о латинской вѣрѣ и о постѣ.

Первое посланіе относится къ полемическому роду церковной литературы, который на востокѣ, со времени окончательнаго отдѣленія латинянъ отъ вселенской церкви (въ XI в.), развился значительно. Митрополиты наши изъ Грековъ сознавали необходимость указывать Рускимъ, какъ новохристіанскому народу, особенности православія сравнительно съ особенностями латинства. Такимъ указаніемъ

достигали они двухъ цѣлей: предостерегали новую, еще не окрѣпшую церковь отъ покушеній римскаго двора и удовлетворяли любознательности людей грамотныхъ и благочестивыхъ, для которыхъ вопросъ о раздѣленіи церквей былъ вопросомъ первой важности. Поэтому полемическая литература началась у насъ съ самого почти принятія христіанства: митр. Леонтій (X—XI в.) написалъ «объ опрѣснокахъ», митр. Георгій (XI в.)—«стязанье съ латиною», Ѳеодосій—«посланіе къ Изяславу о латинской вѣрѣ», митрополитъ Іоаннъ II—посланіе къ Клименту III «о винахъ или прегрѣшеніяхъ латинства». Сюда же относится и посланіе митр. Никифора, служащее отвѣтомъ на вопросъ князя: «за что отвергнуты латины отъ св. соборной и правовѣрной церкви?» Оно излагаетъ «вины», или заблужденія латинянъ, причинившія отпаденіе западной церкви отъ восточной.

Второе посланіе написано, какъ видно изъ словъ автора, потому, что церковный уставъ требовалъ отъ митрополита, во время великаго поста, поучительныхъ посланій къ представителю свѣтской власти. Оно разсматриваетъ три душевныя стихіи: словесную (разумъ), яростную (чувство) и желанную (волю), и чувственныя способности, которыми душа принимаетъ впечатлѣнія и которыя называются «слугами» души; показываетъ происхожденіе добра и зла и отсюда выводитъ значеніе поста. Изъ пяти чувствъ Никифоръ особенно останавливается на слухѣ и зрѣніи и отдаетъ предпочтеніе второму, какъ менѣе подверженному ошибкамъ. Въ слѣдствіе этого, обращаясь къ чувствамъ князя, онъ совѣтуетъ ему не довѣрять слуху, а все испытывать собственными глазами. Такъ какъ Никифоръ заступается передъ княземъ за обвиненныхъ по слуху, прибавляя, что заступленіе дѣлается не по просьбѣ какихъ-нибудь недовольныхъ лицъ, а по обязанности духовнаго наставника, то можно думать, что причиною посланія были нѣкоторыя дѣйствія Мономаха, довѣрявшаго наущеніямъ. Кромѣ того, въ посланіи есть нѣкоторыя указанія на образъ жизни Мономаха.

Русскій переводъ сочиненія Леонтія «объ опрѣснокахъ» въ 5 кн. Временника. «Стязанье съ Латиною», Георгія, найдено въ рук. сборн. конца XV или начала XVI в. Макаріемъ, который полагаетъ, что Никифоръ, въ посланіи о латинской вѣрѣ, воспользовался сочиненіемъ Георгія. Посланія Никифора, бывшаго митрополитомъ съ 1104 по 1121 г., напечатаны: «о латинской вѣрѣ» въ Памят. Рос. Слов. XII в., «о постѣ» въ 1 ч. Рус. Дост.

§ 64. Кириллъ Туровскій, какъ духовный ораторъ, пріобрѣлъ себѣ такую знаменитую извѣстность, что получилъ названіе «втораго златословеснаго учителя», т. е. втораго Златоуста. Изъ многихъ сочиненій его дошли до насъ слова на праздники, посланія и молитвы. Содержаніемъ словъ служитъ раскрытіе таинственнаго, духовнаго смысла евангельскихъ повѣствованій; содержаніемъ посланій (сказаніе о черноризскомъ чинѣ, притча о человѣкѣ бѣлоризцѣ)—значеніе монашеской жизни. Тѣ и другія показываютъ въ авторѣ значительную силу ораторскаго искуства и поэтическаго воображенія.

Хотя въ словахъ его есть нѣкоторыя указанія на современныя обстоятельства, напримѣръ на равнодушіе паствы къ его поученіямъ и на языческія суевѣрія (вѣру во встрѣчу, въ чиханье, птичій грай и ворожбу); но главный характеръ ихъ—духовносозерцательный, отрѣшеніе отъ современной дѣйствительности. Предметы, въ нихъ развиваемые, относятся къ религіознымъ истинамъ, общимъ и равнозначительнымъ для христіанина во всякое время и у всякаго народа, безъ отношенія

ихъ къ особенному состоянію той или другой эпохи, того или другаго христіанскаго общества.

Форма представленія—символическая, происходящая отъ символическаго воззрѣнія на природу и человѣка, и противоположная простотѣ начальныхъ поученій нашихъ, каково, напримѣръ, Поученіе Луки Жидяты. Такъ въ «Словѣ въ недѣлю новую» христіанство является въ образѣ весны, а язычество и іудейство въ образѣ зимы; грѣховные помыслы принимаютъ видъ бурныхъ вѣтровъ; ветхій законъ, воздающій честь новому, уподобляется лунѣ, смѣняемой солнцемъ. Такъ въ «Притчѣ о бѣлоризцѣ человѣцѣ» умъ, душа, тѣло, монастырскій уставъ, иноческій чинъ и смертная память изображены подъ образами царя, его дочери, города, вертепа и мужа съ женою. Символизмъ Кирилла Туровскаго иногда доходитъ до одушевленнаго, поэтическаго представленія, вѣрно передавая сходство между предметами внѣшняго и внутренняго міра; а иногда, напротивъ, впадаетъ въ искуственность, причина которой или въ произвольныхъ, натянутыхъ сближеніяхъ, или въ желаніи провести символическую параллель не только въ цѣломъ, но и въ частностяхъ, или, наконецъ, въ ненужномъ скопленіи образовъ, которые не уясняютъ, а затемняютъ мысль. Символика, будучи принадлежностью древнехристіанской литературы и живописи и получившая на западѣ обширное развитіе, усвоена нашими духовными писателями отъ Византійцевъ. Очевидное вліяніе, въ этомъ случаѣ, оказано толкованіями отдѣльныхъ книгъ Св. Писанія (Псалтири, Пророковъ, Апостола, и пр.). При объясненіи текстовъ, они указываютъ таинственное соотношеніе между христіанствомъ и ветхимъ завѣтомъ и содержатъ въ себѣ символическій взглядъ на природу и человѣчество. Заимствуя отсюда свѣдѣнія догматическія, духовенство наше заимствовало вмѣстѣ и символизмъ. До Кирилла Туровскаго, въ «Словѣ о законѣ и благодати» Иларіонъ опредѣляетъ ихъ отношеніе рядомъ символическихъ представленій; но Кириллъ далъ символизму обширное развитіе и мѣсто. Изложеніе у Кирилла Туровскаго отъ повѣствовательнаго часто переходитъ къ драматическому: лица, о которыхъ говоритъ слово, становятся какъ бы лицами дѣйствующими, вступаютъ другъ съ другомъ въ бесѣду, выражаютъ мысли и чувства монологами, иногда очень длинными. Хорошая сторона такого литературнаго пріема, имѣющаго свой первообразъ въ библейскихъ книгахъ, состоитъ въ томъ, что онъ служитъ средствомъ, оживляющимъ поученіе; погрѣшность его въ неестественности или въ злоупотребленіи, что также могло зависѣть отъ вліянія схоластической византійской риторики.

Сочиненія Кирилла Туровскаго (отъ города Туровъ, минской губ., мозырскаго повѣта, гдѣ теперь урочище Проковъ или Ковень; ум. около 1182 г.) изданы Калайдовичемъ въ Памят. Рос. Слов. XII в. Макарій исчисляетъ ихъ такимъ образомъ: 9 словъ, произнесенныхъ въ храмѣ передъ народомъ; 3 статьи, изложенныя въ формѣ посланій или наставленій къ инокамъ (двѣ упомянуты выше; третья—посланіе печерскому игумену Василію о монашествѣ); 20 молитвъ и канонъ молебный. Кромѣ того онъ указываетъ его сочиненія потерянныя и сомнительныя, приписываемыя ему безъ достаточныхъ основаній (Св. Кириллъ, епископъ туровскій, какъ писатель, въ Изв. Ак. Н., V; тоже въ Ист. Рус. Церкви, III). Сухомлиновъ издалъ сочиненія Кирилла Туровскаго, всего 26, по рукописямъ гр. Уварова, съ обширнымъ предисловіемъ (Рукописи гр. А. С. Уварова. т. II. Памятники Словесности, вып. 1-ый, 1858). См. еще: Ист. Рус. Слов., Шевырева; Обзоръ Духов. Лит., Филарета; О народности въ древ. рус. литературѣ и искуствѣ, Буслаева (Рус. Вѣст. 1857, № 15).

§ 65. «Вопрошаніе Кирика», іеродіакона Антоніева новгородскаго монастыря,

т. е. вопросы, которые онъ предлагалъ новгородскому епископу Нифонту и другимъ духовнымъ особамъ о разныхъ предметахъ богослуженія, и полученные на нихъ отвѣты, служило руководствомъ если не для всей русской церкви, то по крайней мѣрѣ для новгородской эпархіи. Въ этомъ заключается каноническое значеніе «Вопрошанія», подобно такому же значенію «Правила митрополита Іоанна» (§ 56). Для исторіи литературы оно важно свидѣтельствами о древнѣйшихъ русскихъ обычаяхъ, объ остаткахъ языческихъ суевѣрій и вообще о состояніи народной нравственности. «Вопрошаніе» указываетъ на злоупотребленіе странствій къ святымъ мѣстамъ, говоря, что многія изъ нихъ предпринимались отъ праздности, ради того только, чтобы дорогою ѣсть и пить; на принесеніе въ жертву Роду и Рожаницамъ хлѣба, сыра и меду, какъ мы видѣли при обзорѣ миоическихъ пѣсенъ (§ 18); на вліяніе варяжскихъ, т. е. латинскихъ, поповъ, которымъ родители, какъ бы «двовѣрцы» по словамъ Кирика, приносили новорожденныхъ дѣтей на молитву; на волхвовъ, къ которымъ прибѣгали матери въ болѣзни дѣтей своихъ; на обычай погребать мертвыхъ прежде захожденія солнечнаго, для того, чтобы усопшій видѣлъ послѣднее солнце до общаго воскресенія, и пр.

«Вопрошаніе», напечатанное въ Памят. Рос. Словес. XII в., внесено въ Кормчую 1282 г. О каноническомъ его значеніи см. Ист. Рус. Цер., Макарія, III. Кирику приписывается также «Ученіе о числахъ лѣтъ» (хронологія), написанное въ 1136 г. и нап. въ IV ч. Труд. Общ. Ист. и Древ.—Епископъ Нифонтъ (ум. 1156.) называется въ лѣтописяхъ «ревнителемъ священныхъ и божественныхъ вещей»; онъ былъ, по мнѣнію Татищева, однимъ изъ продолжателей Несторова Временника.

§ 66. Путешествія къ св. мѣстамъ, особенно въ Іерусалимъ, какъ наиболѣе святое мѣсто, начались у насъ вскорѣ по введеніи христіанства. Поклоненіе гробу Господню, сопряженное въ тогдашнее время съ большими трудностями и опасностями, справедливо почиталось подвигомъ особеннаго благочестія, доказательствомъ сильнѣйшей религіозной ревности. Первымъ русскимъ паломникомъ былъ игуменъ печерскій, Варлаамъ, посѣтившій Іерусалимъ около 1062 г. Паломниками (пальмоносцами) назывались, въ средніе вѣка, всѣ путешественники къ св. мѣстамъ, для поклоненія гробу Господню или для участія въ крестовыхъ походахъ, потому что они возвращались домой съ пальмовыми вѣтвями, съ которыми слушали въ церкви гроба Господня заутреню въ вербное воскресенье. Въ XII в., въ княженіе в. к. Святополка Изяславича, вскорѣ послѣ перваго крестоваго похода, совершилъ такое путешествіе или хожденіе игуменъ Даніилъ. Братъ Годфреда, Балдуинъ, бывшій въ то время королемъ іерусалимскимъ, обошелся съ нашимъ путешественникомъ ласково и доставилъ ему средства для обозрѣнія св. мѣстъ. Разсказъ о путешествіи имѣетъ, въ разныхъ его спискахъ, разныя названія: «Паломникъ», «Книга глаголемая Странникъ», «Хожденіе Даніила, русскія земли игумена», и пр. Главный предметъ его—описаніе Іерусалима и его достопримѣчательностей; кромѣ того онъ повѣствуетъ о пути отъ Царьграда до Іерусалима и о странствіи изъ Іерусалима въ окрестныя мѣста. Самый замѣчательный разсказъ о свѣтѣ, сходящемъ къ гробу Господню съ небесъ въ великую субботу. Даніилъ для русскихъ путешественниковъ былъ тоже, что Несторъ для лѣтописцевъ: послѣдующіе паломники вносили его Хожденіе въ свои путевыя записки; русскіе грамотные люди почерпали изъ него свѣдѣнія о землѣ обѣтованной. Множество списковъ Паломника показываетъ, что онъ былъ одною изъ любимѣйшихъ книгъ нашихъ предковъ.

Кто именно былъ Даніилъ, называющій себя «игуменомъ русской земли», неизвѣстно. Думаютъ, что онъ жилъ или по крайней мѣрѣ родился въ Черниговѣ, на томъ основаніи, что онъ сравниваетъ Іорданъ съ рѣкою Сновой, протекающей недалеко отъ этого города. Время его хожденія опредѣляется, хотя не въ точности, временемъ княженія Святополка Изяславича (1093—1113). Подлинная рукопись «Паломника», изданнаго Сахаровымъ въ «Путешествіяхъ русскихъ людей въ чужія земли, ч. 1», утрачена: древнѣйшіе ея списки XV в. Переписчики подновляли, дополняли и вмѣстѣ съ тѣмъ искажали текстъ: ихъ невѣжествомъ объясняются географическія ошибки и несообразности книги, объясненныя Норовымъ въ его «Путешествіи по св. землямъ». Въ послѣдствіи (со второй половины XII в.), страсть къ паломничеству усилилась на Руси до того, что духовенство сочло обязанностію вооружиться противъ вредной крайности: оно внушало богомольцамъ правильное понятіе о достоинствѣ путешествій къ св. мѣстамъ, увѣщевало вести христіанскую жизнь на мѣстѣ жительства и даже налагало епитимью на тѣхъ, которые давали безразсудные обѣты идти на поклоненіе гробу Господню (См. Вопрошаніе Кирика). Въ 1173 г. посѣтила св. мѣста и скончалась въ Іерусалимѣ игуменья, княжна полоцкая, св. Ефросинія. Краткое описаніе ея хожденія, сохранившееся въ житіи ея, напеч. Сахаровымъ во 2 ч. Пут. Рус. людей.

§ 67. Выше (§ 54) была указана важность духовно-назидательной литературы нашей, какъ образовательнаго орудія. Дѣло просвѣщенія совершалось и въ широкомъ размѣрѣ, для всей Руси, ревнителями книжнаго ученія, и въ тѣсномъ кругу заботливыми отцами семейства. За неимѣніемъ общихъ руководствъ для воспитанія чувствовалась потребность въ руководствахъ частныхъ, которыя излагали бы обязанности человѣка и гражданина. Отсюда явились поученія родителей къ дѣтямъ, дававшія совѣты объ устройствѣ жизни и потому имѣвшія значеніе житейскихъ уставовъ. «Поученіе Владиміра Мономаха» есть первый изъ таковыхъ уставовъ. Въ немъ изложены обязанности человѣка относительно религіи, семейства и общества. Сначала Мономахъ говоритъ о братнихъ междоусобіяхъ и клятвонарушеніи — главныхъ бѣдствіяхъ удѣльнаго періода. Примѣръ Василія Великаго, писавшаго поученія юношеству, заставляетъ и князя обратиться съ поученіемъ къ своимъ дѣтямъ. За выписками изъ Псалтири и твореній этого святителя, слѣдуетъ указаніе трехъ добрыхъ дѣлъ, ведущихъ къ царствію небесному: покаянія, слезъ и милостыни. Отъ совѣта о молитвѣ и ночныхъ земныхъ поклонахъ, Поученіе переходитъ къ дѣламъ милосердія и правды, при чемъ запрещается смертная казнь. Далѣе идутъ наставленія касательно общественнаго обхожденія и гостепріимства, въ особенности къ иноземцамъ, обращается вниманіе на изученіе чужихъ языковъ и на уклоненіе себя отъ лѣности. Въ заключеніи описываются дневныя занятія князя, походы Владиміра, охота его за звѣрями и домашняя дѣятельность. Важное, какъ сборникъ правилъ, которыя должны были служить руководствомъ въ жизни, Поученіе важно еще указаніями на современный княжескій бытъ и слѣдов. вообще на русскій бытъ XII-го вѣка, потому что, при отсутствіи рѣзкихъ сословныхъ различій, жизнь всѣхъ и каждаго текла ровнымъ, одинаковымъ строемъ.

Какъ и другія произведенія древнерусской словесности, Поученіе Владиміра Мономаха составлено по образцамъ византійскимъ. Кромѣ поученій юношеству св. Василія, о которыхъ говоритъ самъ Владиміръ, имѣлъ онъ, безъ сомнѣнія, передъ собою и другія подобныя сочиненія. Такъ въ Святославовомъ Изборникѣ 1076 г. помѣщены поученія Ксенофонта своимъ сыновьямъ и св. Ѳеодоры сыну. Ксенофонтъ, также какъ и Мономахъ въ своемъ сочиненіи, приводитъ въ примѣръ дѣтямъ собственную жизнь свою.

Поученіе, находящееся въ Лаврентьевскомъ спискѣ Несторовой лѣтописи, издано гр. А. И. Мусинымъ-Пушкинымъ (1793), подъ именемъ «Духовной», которымъ въ древней Руси означалось не столько распредѣленіе оставшагося имущества, сколько завѣтъ духовный, передача наслѣдникамъ имущества нравственнаго — правилъ для жизни. Такія завѣщанія, какъ увидимъ ниже, писали пастыри церкви, князья, цари и частныя лица, на примѣръ: митр. Кипріанъ, Іоаннъ Грозный, Татищевъ и др.

§ 68. Первый памятникъ русской искуственной поэзіи, относящейся къ историческому эпосу, есть «Слово о полку Игоревѣ» (сказаніе или повѣсть о походѣ Игоря). Оно изображаетъ несчастный походъ новгородъ-сѣверскаго князя Игоря Святославича противъ Половцевъ, совершенный имъ въ исходѣ XII вѣка, вмѣстѣ съ другими князьями, его родственниками.

Какъ поэтическое сказаніе о дѣйствительномъ событіи, Слово представляетъ двѣ стороны: историческую и поэтическую.

Историческая сторона, называемая въ Словѣ «былинами сего времени», согласна съ лѣтописнымъ повѣствованіемъ. Походу Игоря предшествовалъ другой походъ южнорусскихъ князей противъ Половцевъ (1184), подъ начальствомъ кіевскаго князя Святослава, который разбилъ враговъ на берегахъ Угла или Орели. Не имѣвъ возможности, за болѣзнію, участвовать въ этомъ удачномъ подвигѣ, Игорь (въ крещеніи Георгій), сынъ Святослава Ольговича Черниговскаго, на слѣдующій 1185 годъ, съ сыномъ своимъ Владиміромъ путивльскимъ, братомъ Всеволодомъ курскимъ и племянникомъ Святославомъ рыльскимъ собралъ войско и отправился къ Дону. Здѣсь встрѣтили его Половцы. Въ первой битвѣ съ ними Русскіе остались побѣдителями, но потомъ, отрѣзанные отъ воды и окруженные сильными толпами, потерпѣли пораженіе. Князья были взяты въ плѣнъ, изъ котораго Игорь, при помощи своего конюшаго, бѣжалъ въ Россію. Владиміръ женился на дочери половецкаго хана Кончака и черезъ два года воротился въ отечество, вмѣстѣ съ Всеволодомъ.

Изложенное событіе и послужило предметомъ Слова, которое начинается тѣмъ, что авторъ задаетъ себѣ задачу—разсказать «трудную» (скорбную) повѣсть не по замышленію Бояна, стараго пѣснотворца, а по былинамъ своего времени. Затменіе солнца предвѣщаетъ Игорю недобрый исходъ предпріятія; не смотря на то, онъ хочетъ «преломить копье» съ Половцами, сзываетъ дружину въ походъ и ждетъ въ Путивлѣ Всеволода, которому Слово придаетъ эпитетъ «буя тура», т. е. яраго, дикаго вола. По приходѣ Всеволода, князья отправляются въ походъ. Отъѣздъ ихъ сопровождается недобрыми знаменіями: солнце застилаетъ имъ путь тьмою, звѣри воютъ, дивъ стонетъ на деревѣ. Слѣдуетъ описаніе битвъ и плѣна Игоря. Въ негодованіи на «невеселую годину», т. е. на княжескія междоусобія, причинявшія нашествіе иноплеменниковъ на русскую землю, выражается отношеніе Слова къ современности. Извѣстіе о несчастномъ походѣ достигаетъ Кіева. Передъ тѣмъ, Святославъ, князь кіевскій, видѣлъ сонъ, предсказывающій печальное событіе. Послѣ того Слово обращается къ князьямъ, чтобъ они вступились за русскую землю, при чемъ воспоминаются прежнія времена и указываются тяжкія бѣдствія усобицъ. Далѣе слѣдуетъ плачъ Ярославны (Евфросиніи, дочери Ярослава галицкаго), жены Игоря, со стѣнъ Путивля. Природа сочувствуетъ этому плачу: Игорь возвращается изъ плѣна. Половецкіе ханы (Гзакъ и Кончакъ) преслѣдуютъ его, но онъ благополучно достигаетъ отчизны.

Въ поэтической сторонѣ «Слова» надобно различать двѣ части: то, что при-

надлежитъ его автору, и то, что внесено имъ въ пѣснь изъ прежнихъ поэтическихъ преданій.

Прежнія поэтическія преданія являются въ Словѣ, какъ «старыя словеса», какъ «замышленія Бояна», пѣснотворца Святославова (Святослава Ярославича). Кто такой былъ Боянъ, трудно опредѣлить съ точностію по нѣсколькимъ отрывочнымъ на него указаніямъ. Слово называетъ его «вѣщимъ», т. е. знающимъ все и краснорѣчивымъ; «соловьемъ» стараго времени, т. е. пѣвцомъ древнихъ событій; «пѣснотворцемъ Святославовымъ», «внукомъ Велеса», т. е. потомкомъ божества изобилія и богатства, не только вещественнаго, но и духовнаго, къ которому относится поэтическое творчество. Боянъ помнилъ усобицы первыхъ временъ и воспѣвалъ стараго Ярослава (сына Владиміра Великаго), Мстислава, который зарѣзалъ великана Редедю предъ полками косожскими, Святослава и сыновей его: Романа и Олега, князей тмутороканскихъ, изъ которыхъ перваго называетъ онъ Краснымъ, а втораго Гориславичемъ (а не Святославичемъ), наконецъ Всеслава Полоцкаго. Онъ сопровождалъ свои пѣсни музыкою и, начиная ее, растекался мыслію по древу (по мыслену древу), сѣрымъ волкомъ по землѣ, сизымъ орломъ подъ облаками. Подъ словомъ «воспѣвалъ» должно разумѣть поэтическія произведенія, сочиненныя Бояномъ: до насъ они не дошли, но авторъ Слова могъ имѣть ихъ въ свѣжей памяти. Время жизни Бояна относится, безъ сомнѣнія, къ XI вѣку, такъ какъ онъ называется пѣснотворцемъ Святослава, жившаго въ томъ же вѣкѣ. Основываясь на этихъ данныхъ, позволено предположить, что еще до Слова о полку Игоревѣ, именно въ XI вѣкѣ, возникла у насъ историческая поэзія, смѣнившая миѳическій и богатырскій эпосъ и имѣвшая предметомъ княжескіе подвиги. Можетъ быть также, кромѣ Бояна, существовали и другіе пѣвцы, которыхъ не только пѣснопѣнія, но и самыя имена для насъ утрачены.

Къ «старымъ словесамъ» въ Словѣ принадлежатъ прежде всего краткіе намеки на языческія вѣрованія, которыми указывается отношеніе исторической поэзіи къ миѳическому эпосу. Вѣтры называются внуками Стрибога, Русь—внукомъ Даждьбога, Боянъ — внукомъ Велеса. Обида представлена въ образѣ дѣвы, которая плещется на морѣ лебедиными крыльями. Полоцкій князь Всеславъ является какъ оборотень, волкодлакъ, который перебѣгалъ путь богу Хорсу. Сюда же относится и необъясненная личность Трояна. Названіе это встрѣчается въ Словѣ только въ формѣ прилагательнаго: «тропа Трояня», «вѣчи (вѣка) Трояни», «земля Трояня». Исчисленные миѳическіе намеки могли принадлежать или самому автору Слова, или войти въ его пѣснь изъ замышленій Бояна. Во вторыхъ къ старымъ словесамъ Слова относятся собственно замышленія Бояна, т. е. тѣ мѣста, которыя авторъ заимствовалъ у этого пѣвца XI в. Онъ самъ приписываетъ Бояну двѣ припѣвки, имѣющія характеръ притчи или пословицы: «ни хытру, ни горазду, ни птицю горазду, Суда Божія не минути»; «тяжко ти головы кромѣ плечю, зло ти тѣлу кромѣ головы».

Поэтическая часть слова, представляя дѣйствительность въ таинственной связи съ міромъ миѳологическимъ, имѣетъ близкое отношеніе къ народной поэзіи, которое обнаруживается изображеніемъ предметовъ, складомъ рѣчи и даже отдѣльными выраженіями, общими у Слова съ украинскими думами и южнорусскимъ языкомъ. Таковы: представленіе битвы въ образѣ земледѣльческихъ работъ, наступающаго войска въ видѣ грозной тучи, Ярославны въ видѣ кукушки, и пр.

Особенныя красоты Слова заключаются въ картинахъ природы, и всего болѣе южныхъ степей. Оно проникнуто живымъ воззрѣніемъ на міръ народа, проводящаго жизнь въ войнѣ и охотѣ. Природа выступаетъ, какъ лице одушевленное, полное сочувствія къ человѣку, раздѣляющее его волненія. Это сочувствіе сильнѣйшимъ образомъ выражается плачемъ (пѣснію) Ярославны, однимъ изъ лучшихъ мѣстъ Слова, имѣющимъ не одно поэтическое значеніе, но и характеръ чарующей силы, заклинанія, съ которымъ печальная супруга обращается къ Вѣтру, Днѣпру и Солнцу и которое разрѣшилось вождел ѣннымъ исполненіемъ — возвратомъ Игоря. Весьма богата въ Словѣ народно-поэтическая символика птицъ: соколъ—символъ храбрости и быстроты, туръ (буйволъ)—силы, кукушка—сиротства и родственной печали, волкъ—быстраго бѣга, соловей—пѣнія.

См. Максимовича: Критическій разборъ Слова (Журн. Мин. Нар. Просв. 1836, № 4 и 6, и 1837, № 1); Сборникъ украинскихъ пѣсенъ. ч. I; Замѣчанія на Слово въ стихотворномъ переводѣ Гербеля (Москвит. 1855, №№ 1 и 2); Буслаева: Критика на изданіе Слова Дубенскимъ (Москвит. 1845, № 1); Объ эпическихъ выраженіяхъ украинской поэзіи (Ib, 1850, № 18); Русская поэзія XI и начала XII в. (Лѣтоп. рус. Литер. 1859, № I).

Слово о полку Игоревѣ, изданное гр. Мусинымъ-Пушкинымъ (1800), найдено было имъ въ сборникѣ конца XIV или начала XV в. Въ 1812 г. этотъ сборникъ, заключавшій въ себѣ единственный списокъ Слова, сгорѣлъ; другихъ списковъ нѣтъ. Изъ многихъ изданій этого памятника укажемъ на принадлежащее Дубенскому (Рус. достоп., ч. 3). Шевыревъ сличилъ его съ лѣтописнымъ разсказомъ, по Ипатьевскому списку, и обратилъ вниманіе, кромѣ событій историческихъ, на всѣ слова, сходныя у Слова и лѣтописи (Москвит. 1843, № 12, отд. критики).

Кромѣ исчисленныхъ писателей, къ XII вѣку относится инокъ Ѳеодосій, переведшій, по желанію кн. Святоши (Святослава), умершаго въ Печерскомъ монастырѣ 1142 г.), «Посланіе папы Леонтія къ архіепископу константинопольскому Флавіану». Въ предисловіи говорится, что переводчикъ знакомъ «съ эллинскою мудростію — омирскими и риторскими книгами». Филаретъ находитъ это неудивительнымъ; ибо Ѳеодосій былъ Грекъ, что доказывается между прочимъ и темнымъ, неправильнымъ языкомъ перевода, напеч. въ Чтеніяхъ Общ. Ист. и Древн. 1847, № 7 (Предисловіе Бодянскаго къ славяно-русскимъ сочиненіямъ въ Сборникѣ Царскаго, Чтен. 1848, № 7; Обзоръ Духов. Литер.).

Отъ XII же в. сохранилась въ подлинникѣ первая грамота, данная Мстиславомъ Владиміровичемъ, кн. кіевскимъ, новгородскому Юрьеву монастырю, между 1128 и 1132 гг. Она замѣчательна, какъ памятникъ русской рѣчи и русскаго правописанія. Изслѣдованіе о ней митр. Евгенія въ 15 и 16 №№ Вѣст. Евр. 1818 и въ Труд. Общ. Ист. и Древ. Рос., т. III, ч. 1.

XIII ВѢКЪ.

§ 69. Важнѣйшіе памятники письменности: два списка Евангелія, изъ которыхъ одинъ (1215—30 г.) написанъ попомъ Домкою, а другой (1270) Георгіемъ, сыномъ попа Лотыша, Паремейникъ (1271), Псалтирь слѣдованная (1296), Служебникъ Варлаама Хутынскаго, Откровеніе св. Іоанна (§ 37, прим.), Кормчая 1282 г. (§ 60, пр.) и Патерикъ скитскій (1296), т. е. дѣянія и поученія отшельниковъ египетскихъ.

Ркп. Патерика Скитскаго въ Син. Библ.

§ 70. Къ произведеніямъ духовной словесности XIII в. относятся: два посланія—Симона, перваго епископа суздальскаго и владимірскаго, къ кіевопечерскому монаху Поликарпу, и Поликарпа къ кіевопечерскому архимандриту Акин-

дину; правило Кирилла II, митрополита кіевскаго; поученія Серапіона, епископа владимірскаго.

§ 71. «Посланіе» Симона написано съ цѣлью—дать спасительныя наставленія молодому иноку, который увлекался любочестіемъ и проистекавшимъ отсюда безпокойствомъ, несогласными съ духомъ истиннаго отшельничества. Вступивъ въ печерскій монастырь въ юныхъ лѣтахъ и чувствуя свое превосходство предъ другими иноками по уму и нравственности, Поликарпъ началъ высоко цѣнить себя, негодовалъ на малое уваженіе, ему оказываемое, и стремился къ высшимъ іерархическимъ степенямъ. Онъ два раза оставлялъ монастырь, чтобы занять мѣсто архимандрита въ другихъ обителяхъ. Княгиня Верхуслава, супруга Ростислава Рюриковича, хотѣла даже доставить ему санъ епископа; но намѣренію ея воспротивился Симонъ, дружески любившій Поликарпа. Онъ видѣлъ, что душа молодаго инока страдаетъ честолюбіемъ и не достигла еще христіанскаго смиренія. Когда Поликарпъ отъ игуменства въ одномъ монастырѣ воротился въ печерскую обитель, онъ не былъ доволенъ ни настоятелемъ, ни братіею. При такомъ-то безпокойномъ состояніи духа, онъ выразилъ въ письмѣ къ Симону свои огорченія и досады. Симонъ отвѣчалъ ему поучительнымъ посланіемъ, къ которому присоединилъ житія нѣкоторыхъ печерскихъ угодниковъ, какъ примѣры иноческаго самоотреченія. Поэтому въ Посланіи двѣ части: одна состоитъ изъ наставленій, другая подкрѣпляетъ нравственные совѣты образцами христіанскихъ добродѣтелей—постничества, добровольнаго исполненія монашескихъ подвиговъ, терпѣливаго перенесенія обидъ, пожертвованія имуществомъ и пр. Особенная цѣль, которую имѣлъ въ виду Симонъ, сообщаетъ его сочиненію единство и внутреннюю связь: онъ разсказываетъ только тѣ событія изъ жизни печерскихъ угодниковъ, которыя должны были служить Поликарпу утѣшеніемъ или урокомъ. За поученіемъ и примѣрами слѣдуетъ «Сказаніе о построеніи кіевопечерскаго монастыря», проникнутое благоговѣйною привязанностію къ тому мѣсту, гдѣ Симонъ началъ свою иноческую жизнь. Главная мысль Сказанія состоитъ въ томъ, что блаженны удостоившіеся жить и умереть въ печерской обители.

Наставленія Симона достигли своей цѣли: Поликарпъ остался въ печерскомъ монастырѣ, гдѣ, по желанію архимандрита Акиндина, описалъ, въ посланіи къ нему, житія другихъ печерскихъ угодниковъ, какъ онъ слышалъ ихъ отъ Симона, у котораго жилъ нѣкоторое время во Владимірѣ. Задача и, соотвѣтственно ей, форма этого посланія другія, чѣмъ у Симона. Поликарпъ не имѣлъ въ виду раскрыть, посредствомъ поучительныхъ примѣровъ, высокое значеніе иноческой жизни вообще и печерскаго монастыря въ особенности. Онъ только хотѣлъ сохранить дѣянія печерскихъ отцевъ на память потомству и въ назиданіе слѣдующимъ инокамъ. По этой причинѣ Посланіе Поликарпа не представляетъ такого единства и связности, какими отличается Посланіе Симона.

Симонъ, сначала кіевопечерскій монахъ, а съ 1215 г. епископъ владимірскій, ум. 1226 г. Лѣтопись называетъ его мужемъ «учительнымъ и книжнымъ». По словамъ Татищева онъ былъ однимъ изъ продолжателей Несторовой лѣтописи. Посланіе его въ Памят. Рос. Слов. и въ Патерикѣ Печерскомъ; Посланіе Поликарпа также въ Патерикѣ. Различія между обоими посланіями, по цѣли и формѣ, указаны Казанскимъ (Критич. разборъ свидѣтельствъ Патерика о Нестор. лѣтописи, въ 7 кн. Временника). Онъ же кратко изложилъ житія, въ нихъ описанныя (Исторія монашества въ Россіи). См. еще Ист. Рус. Слов., Шевырева. III; Ист. Рус. Цер., Макарія, III.

§ 72. Посланія Симона и Поликарпа, вмѣстѣ съ сказаніемъ Несторовой лѣтописи о первыхъ кіевопечерскихъ инокахъ, послужили основаніемъ «Патерику» (отечнику) печерскому. Къ этимъ основнымъ статьямъ присоединены въ послѣдствіи многія статьи дополнительныя, изъ которыхъ однѣ состоятъ съ ними въ близкой связи, какъ однородныя по идеѣ и содержанію, наприм.: сказаніе о началѣ печерскаго монастыря и о преподобномъ Антоніи, взятое изъ Несторовой лѣтописи, житіе Өеодосія, написанное Несторомъ, и пр., а другія говорятъ о предметахъ и событіяхъ, имѣющихъ только побочное отношеніе къ начальному тексту Патерика, наприм.: о происхожденіи и первоначальномъ состояніи нашей церкви, о крещеніи Славянъ, о переводѣ Св. Писанія на славянскій языкъ, и т. п. Редакцій Патерика значительное количество: древнѣйшія изъ нихъ XV в., позднѣйшія XVII. Различаются онѣ между собою числомъ и размѣщеніемъ статей, перестановкою частей въ статьяхъ, сокращеніями или добавленіями и другими перемѣнами. Самая главная между древнѣйшими рукописными редакціями— Арсеньевская, написанная по мысли тверскаго епископа Арсенія; къ числу позднѣйшихъ редакцій принадлежитъ и печатная, явившаяся въ первый разъ въ 1661 г. Основныя статьи Патерика внесены во всѣ его редакціи, но уже въ измѣненномъ видѣ, болѣе или менѣе отступающемъ отъ первобытнаго ихъ вида; напротивъ, статьи дополнительныя находится только въ нѣкоторыхъ редакціяхъ. Составители редакцій Патерика думали не столько о томъ, чтобы сохранить неприкосновенными посланія Симона и Поликарпа, сколько о томъ, чтобы образовать сборникъ житій печерскихъ угодниковъ, какъ матеріалъ для назидательнаго чтенія.

Житія святыхъ были издавна любимымъ чтеніемъ нашихъ предковъ, удовлетворявшимъ религіозное ихъ чувство и любознательность. Они принадлежатъ къ древнѣйшимъ памятникамъ старославянской письменности: Супрасльская рукопись (XI в.) содержитъ въ себѣ, какъ мы видѣли, житія святыхъ за мартъ мѣсяцъ; отрывокъ изъ житія св. Кондрата, отступающій небольшими перемѣнами отъ текста Супрасльской рукописи (§ 50, прим.), относятъ нѣкоторые даже къ X в.; въ Несторовой лѣтописи повѣствуется о первыхъ печерскихъ инокахъ: Исаакіи, Даміанѣ, Іереміи и Матөіи; кромѣ того Несторъ составилъ житіе Өеодосія; житіе Антонія Римлянина, хотя и подвергшееся новой редакціи въ XVI в., по всему вѣроятію, первоначально явилось въ XII, будучи написано Андреемъ, ученикомъ Антонія и игуменомъ Антоніева монастыря; точно также житія ростовскихъ чудотворцевъ, Леонтія и Исаіи, восходятъ своимъ началомъ къ XII в.; посланіе Симона къ Поликарпу говоритъ еще о житіи Антонія, которое не дошло до насъ; въ первой четверти XIII в. составлено житіе Авраамія Смоленскаго ученикомъ его Ефремомъ; кромѣ того краткія чтенія изъ житія святыхъ, вмѣстѣ съ чтеніями изъ исторіи священной и церковной, помѣщены въ прологахъ, изъ которыхъ одинъ уцѣлѣлъ отъ XIII в. Такимъ образомъ, прежде чѣмъ возникли цѣлые сборники житій святыхъ отцевъ, отечники или патерики, существовали у насъ, конечно, отдѣльныя сказанія о дѣяніяхъ угодниковъ, входившія потомъ въ сборникъ, какъ составныя его части.

И отдѣльныя житія, и цѣлые патерики составлялись у насъ по образцамъ византійскимъ, которые были переводимы въ Болгаріи, еще въ древнемъ періодѣ ея словесности, въ Сербіи, на горѣ Аөонской и наконецъ въ Россіи. Такъ извѣстны: Патерикъ Синайскій, т. е. житія синайскихъ отшельниковъ, въ рукопи-

си XII в., но по языку относимый къ XI-му, и Патерикъ скитскій, т. е. житія отшельниковъ египетскихъ, въ рукописи XIII в. Въ обращеніи къ архимандриту Акиндину, Поликарпъ ясно говоритъ, что онъ подражалъ писанію древнихъ святыхъ, древнимъ патерикамъ. Вліяніе этихъ переводныхъ патериковъ, по всѣмъ вѣроятностямъ, не ограничивалось одною литературою, но и проникало въ самую жизнь: служа первообразомъ при жизнеописаніяхъ русскихъ святыхъ, они служили вмѣстѣ и примѣромъ для иноческихъ подвиговъ. Печерскіе иноки, какъ видно изъ Поликарпова посланія, подражали обычаю древнихъ отшельниковъ—разсказывать другъ другу дѣянія и поученія святыхъ; самъ Поликарпъ слышалъ такіе разсказы отъ Симона, и въ свою очередь долженъ былъ передать ихъ архимандриту печерскому, по изъявленному имъ желанію.

Житія святыхъ образуютъ важный отдѣлъ духовной литературы по многимъ отношеніямъ. Христіанинъ находитъ въ нихъ поучительное и любопытное чтеніе; историку церкви сообщаютъ они многіе факты касательно православія; исторія литературы видитъ въ нихъ, при повѣствуемомъ событіи, отраженіе народныхъ нравовъ, обычаевъ, мыслей и чувствъ. Святой, подвиги котораго описываются въ житіи, дѣйствовалъ въ извѣстное время и въ извѣстныхъ мѣстахъ. Отрекшись отъ міра, онъ обращался однакожъ къ людямъ, когда надобно было дать имъ наставленія, помочь въ духовныхъ или тѣлесныхъ немощахъ, возвѣстить истину словомъ или чудомъ: поэтому характеристика его жизни служитъ вмѣстѣ характеристикой и событій, при немъ происходившихъ, и лицъ, имѣвшихъ къ нему какое-либо отношеніе, и убѣжденій, въ то время господствовавшихъ. Кромѣ того составитель или даже простой переписчикъ житія, сохраняя въ неприкосновенности историческую истину и вѣруя ей искренно, тѣмъ не менѣе налагалъ на свой трудъ, сознательно или безсознательно, печать современныхъ ему взглядовъ и понятій.

Редакціи житій русскихъ святыхъ разнообразны. Первоначальное житіе, большею частію краткое, распространялось въ послѣдствіи различными подробностями, при чемъ иногда измѣнялась самая рѣчь, отступая отъ простоты и переходя къ искуственности. Потомъ распространенное житіе сокращалось, сообразно особеннымъ потребностямъ читателей. Далѣе къ житію собственно присоединялись: похвала угоднику, описаніе чудесъ, совершенныхъ по его кончинѣ, и служба ему. Самое размѣщеніе составныхъ частей не одинаково: похвала слѣдуетъ иногда за житіемъ, иногда за службою. Полное житіе заключаетъ въ себѣ слѣдующіе элементы: службу святому, житіе, похвалу и чудеса.

Изслѣдованія о Патерикѣ Печерскомъ, Кубарева, Журн. Мин. Н. П., 1838 г., № 10, и Чтенія, 1847 г., № 9; Обзоръ редакцій Кіево-печерскаго Патерика, преимущественно древнихъ, Макарія, Изв. Ак. Н. по 2 отд., V; Памятники древнерус. письменности, Буслаева, Лѣт. рус. лит., 1859 г., № 1, при разборѣ Прав. Собесѣд. на 1858 г.

Подлинникъ Синайскаго Патерика—Лимонарь (т. е. Цвѣтникъ), называемый также Духовнымъ Лугомъ, потому что онъ содержитъ въ себѣ повѣствованіе о растеніяхъ небеснаго цвѣтника, и Новымъ Раемъ. Составитель его—Іоаннъ Мосхъ (VI—VII в.). Славянскій переводъ изданъ 1628 г. Содержаніе Скитскаго патерика, по ркп. XVI в., см. въ Опис. Рум. Муз. (№ CCCVI).

§ 73. Вѣроятно, къ эпохѣ до татарскаго нашествія относятся: «Поученіе христіанамъ» и «Слово душеполезное нѣкотораго отца къ сыну» — замѣчательныя произведенія духовно-назидательной словесности, находящіяся въ «Златой Цѣпи», сборникѣ XIV вѣка.

«Поученіе христіанамъ» состоитъ изъ краткихъ словъ или наставленій каса-

тельно разныхъ предметовъ домашней и общественной жизни. Характеръ ихъ по преимуществу религіозный, запечатлѣнный духомъ кротости и человѣколюбія; выраженіе простое, безъискуственное. Въ нихъ говорится о вѣрѣ, молитвѣ, постѣ, монастыряхъ, священникахъ и епископѣ, князьяхъ, сосѣдахъ, рабахъ, волхвахъ и проч. Близкое отношеніе къ современному быту выказывается многими мѣстами Поученія: такъ «слово о князьяхъ» требуетъ сохранять вѣрность своему князю и запрещаетъ боярскіе переходы къ другимъ князьямъ; «слово о храбрости» представляетъ воинственный духъ тогдашней эпохи, по которому, отправляясь съ княземъ на войну, должно было ѣхать и сражаться впереди, чтобы и роду своему добыть чести и себѣ пріобрѣсти доброе имя; «слово о челяди» видитъ въ главѣ семейства не владѣльца только, но и отца челядинцевъ, обязаннаго внушать имъ, грозою и ласкою, правила доброй нравственности; «слово о волхвахъ» заставляетъ блюстись волхвовъ; «слово о снахъ» отвергаетъ вѣру въ сновидѣнія.

«Слово отца къ сыну», по содержанію и направленію, относится къ одному разряду съ Поученіемъ Ксенофонта двумъ сыновьямъ своимъ (въ Святославовомъ Изборникѣ 1076) и Поученіемъ Владиміра Мономаха. Безъименный авторъ совѣтуетъ особенно смиреніе и человѣколюбіе: «будь пониженъ главою и высокъ умомъ; устремляй глаза въ землю, а очи на небо; имѣй сомкнутыя уста и сердце вопіющее къ Богу; не стыдись преклонять главу свою предъ каждымъ, созданнымъ по образу Божію».

И «Поученіе ко всѣмъ крестьяномъ» и «Слово нѣкоего отца къ сыну своему, слово душеполезно» напеч. въ 6 № Москвит. за 1851, по списку, доставленному Филаретомъ, который приписываетъ первое сочиненіе митр. Кириллу I (1223—1233). См. Обзоръ рус. духов. лит. Точное время ихъ появленія опредѣлить трудно: одни относятъ ихъ къ XII, другіе къ XIII в. Такъ какъ въ Поученіи христіанамъ не упоминается о Татарахъ, то, безъ сомнѣнія, оно написано прежде татарскаго нашествія.

§ 74. Во второй четверти XIII-го вѣка (1243 г.) начинается двухсотлѣтній періодъ татарскаго владычества надъ Россіею. Важность этого событія со всѣми его печальными послѣдствіями для юной, не успѣвшей еще окрѣпнуть цивилизаціи, указывается многими словесными произведеніями. Исторія литературы не можетъ пройти молчаніемъ этихъ указаній. Отъ церковныхъ правилъ, которыми устроивался богослужебный порядокъ, до народныхъ пѣсенъ и пословицъ, своеобразно выражающихъ сознаніе историческихъ явленій, видимъ ясныя свидѣтельства о томъ, что нашествіе Татаръ было временемъ тяжкихъ бѣдствій для нашего отечества, что оно произвело потрясеніе въ государственномъ нарядѣ, стѣснило общественный и частный бытъ. Въ постановленіяхъ собора, созваннаго во Владимірѣ на Клязьмѣ (1274) для устройства церковныхъ дѣлъ, митрополитъ Кириллъ II такъ изобразилъ состояніе тогдашней Россіи: «Какой прибытокъ наслѣдовали мы, оставивъ Божіи правила? не разсѣялъ ли насъ Богъ по лицу всей земли? не взяты ли города наши? не погибли ль сильные князья отъ острія меча? не отведены ли въ плѣнъ наши чада? не запустѣли ль святыя Божіи церкви? не томимся ли мы каждый день отъ безбожныхъ и нечестивыхъ язычниковъ?» Почти тоже самое слышимъ въ произведеніяхъ духовнаго краснорѣчія. Поученія Серапіона, епископа владимірскаго (XIII в.), называютъ Татаръ языкомъ лютымъ, немилостивымъ, не щадящимъ ни юной красоты, ни дѣтской молодости, ни немощи старцевъ: «Какихъ казней (говоритъ проповѣдникъ) не приняли мы отъ гнѣва Божьяго, низведеннаго на насъ беззаконною жизнію? не за-

воевана ли земля наша? не взяты ли города? не пали ль въ битвахъ отцы и братья? не отведены ли жены и чада въ плѣнъ? не порабощены ли оставшіеся горькимъ рабствомъ? Разрушены божественныя церкви; осквернены священные сосуды; потоптана святыня; святители преданы мечу; тѣла иноковъ повержены въ снѣдь птицамъ; крѣпость князей и воеводъ исчезла; храбрые бѣжали въ страхѣ; села поросли травою; величество смирилось, красота погибла, богатство наше досталось въ корысть другимъ, трудъ нашъ наслѣдовали поганые, земля наша обратилась въ достояніе иноплеменниковъ, мы стали посмѣяніемъ враговъ нашихъ».—При жизни, исполненной тревогъ отъ повременныхъ татарскихъ погромовъ, не льзя было ни заводить новыхъ училищъ или поддерживать въ порядкѣ заведенные, ни вновь списывать рукописи или спасти прежніе списки. Множество памятниковъ письменности погибло при разореніи монастырей и храмовъ, въ которыхъ они сохранялись. Нашествіе Татаръ и битвы съ ними (на пр. при Мамаѣ, Тохтамышѣ) даютъ содержаніе особымъ историческимъ повѣстямъ или сказаніямъ, которыя сильнѣйшимъ образомъ обнаруживаютъ бѣдственную годину отечества. Одно изъ нихъ (разореніе Москвы Тохтамышемъ) рисуетъ самую мрачную картину московскаго взятія: «Въ городѣ плачъ и рыданіе, вопль и слезы неисчетныя, крикъ неутолимый, стенаніе многое, оханіе сѣтованное, печаль горькая, скорбь неутѣшимая, нужда ужасная, горесть смертная, страхъ и трепетъ, дряхлованіе и исчезновеніе, попраніе, безчестіе, поруганіе, укоръ, студъ и срамота, поношеніе и уничиженіе. Гдѣ красота церковная? престала служба, престала святая литургія, молитва заутренняя и вечерняя, по всему городу замолкли пѣсни. Гдѣ благочестіе и благосостояніе церковное? гдѣ чтецы и пѣвцы, клиросники, церковники и священники? Всѣ лежатъ, уснули и почили, всѣ посѣчены и избіены; нѣтъ болѣе звона въ колокола, ни ударовъ въ било, нѣтъ ни зовущаго, ни текущаго, не слышно славословія и благодаренія — во истинну суета и мятежъ человѣческій». Лѣтописи, въ которыя вносились сказанія, исполнены постоянными жалобами на злую Татарщину, какъ на тяжкое испытаніе, какъ на знаменіе божескаго гнѣва.

Говоря о татарскомъ владычествѣ, на сколько оно касается исторіи словесности, необходимо опредѣлить точный смыслъ его вліянія. Взаимныя сношенія народовъ могутъ производить послѣдствія двоякаго рода: положительныя и отрицательныя. Подъ положительными разумѣется, во-первыхъ, прямое дѣйствіе образованности и литературы одного народа на образованность и литературу другаго, приносящее съ собою что-либо новое. Такой смыслъ, въ исторіи нашего отечества, имѣли вліянія византійское, польское, западно-европейское; но такого смысла не имѣло, конечно, вліяніе татарское. Татары, народъ необразованный, дикій, могли отодвинуть назадъ или и совершенно сломать цивилизацію, но не могли замѣнить ее своей собственной, которой не существовало. Дѣйствія ихъ были дѣйствіями грубой силы, потрясающей устройство, а не силы зиждительной, водворяющей устройство на какихъ-либо новыхъ основаніяхъ. Подъ положительными слѣдствіями разумѣется, во вторыхъ, прямое же дѣйствіе чуждыхъ нравовъ и обычаевъ на жизнь народа, по которому она измѣняется существенно и въ слѣдствіе этихъ существенныхъ измѣненій возникаютъ у народа новыя понятія и убѣжденія, находящія свое выраженіе въ литературѣ. За татарскимъ вліяніемъ не льзя признать и такого характера. Умопредставленія и вѣрованія русскаго народа сохранились тѣже. Ни просвѣщеніе,

ни литература не потерпѣли никакихъ, такъ называемыхъ, преобразованій: они удержали за собою свои прежнія отличительныя свойства. Какъ народная поэзія, такъ и письменность, сколько это извѣстно по обнародованнымъ до сихъ поръ литературнымъ памятникамъ, относились къ Татарамъ враждебно. Объ усвоеніи чего-либо татарскаго нѣтъ и рѣчи: напротивъ, рѣчь постоянно ведется объ отверженіи всего, что означается именемъ татарщины.

Остаются послѣдствія отрицательныя и внѣшнія. Подъ внѣшними разумѣется то, что дѣйствія чуждаго народа даютъ матеріалъ литературѣ, становятся предметомъ мысли и фантазіи: такъ, въ области народной поэзіи, явились у насъ пѣсни о Татарахъ; такъ историческія повѣсти или сказанія, занесенныя въ лѣтописи и другіе сборники, описываютъ разныя событія татарскаго владычества. Смыслъ отрицательнаго вліянія заключается въ томъ, что оно не полагаетъ ничего новаго, но стѣсняетъ и ослабляетъ прежнее. Такого рода и было вліяніе татарское. Литература наша до Татаръ отличается отъ литературы по татарскомъ нашествіи не сущностью, а степенью: это различіе количественное, а не качественное. Оно принадлежитъ къ статистическимъ даннымъ, которыми опредѣляется внѣшняя мѣра предмета, большая или меньшая его сила, большая или меньшая его слабость, а не переходъ изъ одной области въ другую—особую или даже противоположную. Образованность могла ослабѣть, но не приняла инаго направленія. Движеніе литературы могло быть сдержано, но оно совершалось въ той же колеѣ.

§ 75. Митрополитъ Кириллъ II, обозрѣвая епархіи, замѣтилъ многіе безпорядки, вкравшіеся какъ въ отправленіе богослуженія, такъ и въ жизнь духовенства и народа, и происходившіе отъ разныхъ причинъ: отъ смутнаго времени нашествія Татаръ, отъ небрежности самихъ пастырей, которые не посѣщали церквей своихъ, наконецъ отъ невразумительности церковныхъ правилъ, которыми опредѣлялся кругъ пастырской дѣятельности. Для устраненія послѣдней причины, Кириллъ II вытребовалъ изъ Болгаріи полный списокъ Кормчей книги съ толкованіями (§ 60).

Безпорядки въ жизни народа обнаруживались «эллинскими», т. е. языческими обычаями: на праздники творились непристойныя, бѣсовскія игрища, состоявшія въ кулачныхъ бояхъ, при чемъ нѣкоторые были убиваемы до смерти и съ убитыхъ снимали одежду. Все это, говоритъ Кириллъ, дѣлается на укоризну Божьимъ праздникамъ и въ досаду Божьей церкви. Кромѣ того, какъ мы видѣли (§ 18), въ предѣлахъ новогородскихъ сохранялись также нѣкоторые языческіе обычаи.

Желая положить конецъ замѣченнымъ неустройствамъ, Кириллъ II созвалъ соборъ (1274 г.) во Владимірѣ на Клязьмѣ, который часто былъ имъ избираемъ для своего пребыванія, такъ какъ Кіевъ, разоренный Татарами и оставленный князьями, находился въ постоянной опасности отъ покушеній враговъ и потерялъ свое прежнее значеніе со времени основанія новой столицы. Кириллъ открылъ его рѣчью, въ которой, указавъ долгъ пастырей блюсти за исполненіемъ церковныхъ правилъ, изобразилъ въ сильныхъ чертахъ тѣ бѣдствія, которымъ подверглось отечество за отступленіе отъ праваго пути (§ 74). За тѣмъ, по совѣщаніи, постановлены были правила, вошедшія въ составъ Кормчей и извѣстныя подъ именемъ Правила о богослуженіи и благочиніи жизни. Относительно языческихъ народныхъ обычаевъ предписано было слѣдующее: бѣсовскихъ игръ и поединковъ въ праздничные дни не творить; убитыхъ во время

игръ не отпѣвать, а священниковъ, которые совершатъ надъ ними церковные обряды, лишать сана.'

Правило Кирилла II (митрополита съ 1243 по 1280 г.) напеч. въ 1 ч. Рус. Достоп. Болѣе полный списокъ его въ Кормчей Рум. Муз. (Опис. рук. Рум. Муз., № CCXXXVIII). Здѣсь говорится объ упомянутомъ обычаѣ въ новогородской области. См. Кириллъ II, митр. кіевскій, въ Прибав. къ Твор. св. отц. 1843, № 4.

Списокъ Кормчей, гдѣ помѣщено Правило Кирилла II, заключаетъ въ себѣ «Поученіе къ попомъ», принадлежащее, по мнѣнію проф. Горскаго, Кириллу, епископу ростовскому, умершему въ 1262 г. (См. указанную ст. въ Прибав. къ Твор. св. отц.).

§ 76. Свидѣтельства Правила митрополита Кирилла о нестроеніяхъ въ руской жизни дополняются и яснѣе раскрываются Словами Серапіона, которыя произносилъ онъ и въ Кіевѣ, когда былъ архимандритомъ печерскаго монастыря, и во Владимірѣ, во время своего епископства. Въ настоящее время извѣстно семь его поученій, весьма замѣчательныхъ и по содержанію и по языку. Въ нихъ искреннее чувство выражено убѣдительнымъ краснорѣчіемъ. Пастырь скорбитъ о бѣдствіяхъ отечества: нашествіи Татаръ, землетрясеніи, голодѣ и морѣ, но еще болѣе скорбитъ о беззаконіяхъ, которыми привлечены эти Божіи казни, объ ожесточеніи сердецъ, которое не внимаетъ Евангелію, апостоламъ, пророкамъ и свѣтильникамъ церкви: Василію Великому, Григорію Богослову, Іоанну Златоусту. Подобно послѣднему святителю, который въ бесѣдѣ на землетрясеніе, бывшее въ его время, выразилъ ту мысль, что онъ объятъ страхомъ не ради самого бѣдствія, а ради вины бѣдствія, т. е. грѣховъ, привлекшихъ гнѣвъ Божій, Серапіонъ обращается къ причинѣ современныхъ ему бѣдствій—къ грѣхамъ Русскихъ. Слова его становятся словами обличенія, которое всегда находитъ себѣ пищу, когда внутреннія или внѣшнія потрясенія раскрываютъ общественные и частные недостатки. Въ исчисленіи и характеристикѣ беззаконій ярко выступаютъ темныя стороны древнерусской жизни, современной проповѣднику: междоусобіе, лихоимство, пьянство, воровство, грабительство, разбой, неправда, зависть, злоба, немилосердіе... Самыя сильныя черты, въ этомъ отношеніи, принадлежатъ слову «о мятежи житія сего»: люди отнимаютъ другъ у друга имущество и земли, порабощаютъ и продаютъ свободныхъ сиротъ; дѣти безчестятъ своихъ родителей, отцы отрекаются отъ дѣтей, а мужья отъ женъ; богатые, вмѣсто того чтобъ удѣлять отъ избытка бѣднымъ, сами отнимаютъ у бѣдныхъ; правители областей, вмѣсто того чтобы защищать обижаемыхъ, сами обижаютъ и, ради мздоимства, осуждаютъ праваго. Между явленіями грѣховной жизни, Серапіонъ преслѣдуетъ и остатки язычества. Одно изъ его словъ обличаетъ тѣхъ суевѣровъ, которые сожигали людей, подозрѣваемыхъ въ волхвованіи, думая, что волхвы могутъ, по своему произволу, причинять и голодъ, и урожай. Другое (о маловѣріи) говоритъ о суевѣрномъ обычаѣ откапывать похороненныхъ утопленниковъ и удавленниковъ: народъ не дозволялъ хоронить ихъ, приписывая имъ голодъ, моръ, пожары и другія общія бѣдствія.

Свѣдѣнія о Серапіонѣ ограничиваются не многимъ: до 1274 г. онъ былъ архимандритомъ кіево-печерскаго монастыря; въ 1274 г. поставленъ въ епископы владимірскіе и присудствовалъ на соборѣ во Владимірѣ (§ 75); въ 1275 г. ум. Лѣтопись называетъ его «зѣло учительнымъ и сильнымъ въ божественномъ писаніи». Четыре слова его найдены Филаретомъ, авторомъ Ист. Рус. Цер., въ «Златой Цѣпи», пятое—Шевыревымъ въ Паисіевскомъ сборникѣ (XIV в.), два остальныя напеч. въ Правосл. Собес. 1858, за іюль. См.: Прибавл. къ Твор. св. отц., 1843 г.; Поѣздка въ Кир. бѣл. мона-

стырь, Шевырева, II; разборъ Правосл. Собес. за 1858, Буслаева, въ I кн. Лѣтоп. рус. лит. за 1859 г.

§ 77. Указанія на слѣды язычества встрѣчаются и во многихъ другихъ произведеніяхъ. Не смотря на то, что христіанство принято было нами въ концѣ X вѣка, обычаи и преданія прежней вѣры коренились еще долгое время. Въ мѣстахъ, отдаленныхъ отъ кіевской области, по «украйнамъ» (границамъ) Руси, въ XIII и XIV вѣкахъ, господствовало такъ называемое «двоевѣріе», т. е. смѣсь языческихъ и христіанскихъ вѣрованій, такъ что вмѣстѣ съ молитвами истинному Богу совершалось поклоненіе и принесеніе жертвъ идоламъ.

Противъ такихъ-то христіанъ, двоевѣрно живущихъ, направлено «Слово Христолюбца», замѣчательнѣйшій литературный памятникъ, помѣщенный въ двухъ сборникахъ XIV в.: Паисіевскомъ и Златой Цѣпи. Онъ любопытенъ и по свидѣтельствамъ о проявленіяхъ язычества на Руси въ XII и XIII вѣкахъ, и тѣми данными, которыми подтверждаются и дополняются скудныя лѣтописныя извѣстія о славянской миѳологіи, состоящія въ простомъ перечисленіи божествъ. Христіане-двоевѣрцы, говоритъ Христолюбецъ, вѣруютъ въ Перуна, Волоса, Хорса, Мокошь, Сима, Регла и Вилъ — тридевять сестръ; приносятъ имъ жертвы, рѣжутъ куръ и ломаютъ короваи (на что указываетъ также Вопрошаніе Кирика); молятся подъ овиномъ огню, называя его Сварожичемъ, т. е. сыномъ Сварога; поютъ пѣсни и совершаютъ возліянія въ честь Роду и Рожаницамъ. И это дѣлаютъ не одни невѣжды, но и просвѣщенные—священники и книжники; если не дѣлаютъ этого, то по крайней мѣрѣ вмѣстѣ съ двоевѣрцами пьютъ и ѣдятъ незаконныя молебныя брашна; если не пьютъ и не ѣдятъ, то видятъ злыя дѣла; если наконецъ и не видятъ сами, то по крайней мѣрѣ слышатъ объ нихъ и, слыша, не хотятъ поучать правой вѣрѣ. Въ заключеніи «Слово» даетъ христіанамъ совѣты чуждаться преступнаго двоевѣрія и не творить бѣсовскихъ игръ, къ которымъ оно, на ряду съ идольскими жертвами, относитъ пляску, музыку (гудьбу) и мірскія (бѣсовскія) пѣсни, подводя такимъ образомъ подъ одинъ уровень и народную поэзію, и беззаконную трапезу кумирамъ. Мы уже знаемъ источникъ такого безразличія (§ 18): духовные пастыри имѣли въ виду единственно водвореніе христіанства; все, противное христіанскому просвѣщенію, обличалось и преслѣдовалось ими; ревность къ распространенію истиннаго вѣроученія не щадила язычества, въ чемъ бы оно ни проявлялось — въ жертвахъ ли идоламъ или въ памятникахъ народной поэзіи.

Свидѣтельства о томъ, что Русскіе хотя по святомъ крещеніи отвергли Перуна и пріяли Христа, однакожъ и «понынѣ», то есть въ XIII или даже и въ XIV в., въ отдаленныхъ предѣлахъ тайно молятся языческимъ богамъ, сообщаетъ Слово, приписываемое Григорію Богослову, находящееся въ Паисіевскомъ Сборникѣ. Оно содержитъ въ себѣ краткое изложеніе греческой миѳологіи, къ которому присоединены нѣкоторыя извѣстія о миѳологіи славянской. Замѣчательно, что, при исчисленіи греческихъ божествъ, Артемида (Діана) переводится Рожаницей, а съ окончаніемъ мужескаго рода (Артемидъ) — Родомъ: слѣдов., по мнѣнію автора, понятіе Славянъ о Родѣ и Рожаницѣ и поклоненіе имъ ведутъ свое начало отъ другихъ народовъ. Кромѣ того Слово выражаетъ и другія мнѣнія, которыя не должно принимать за выраженіе дѣйствительныхъ фактовъ, именно, что поклоненіе Роду и Ро-

жаницѣ предшествовало у Славянъ поклоненію Перуну, а поклоненіе Перуну предшествовало поклоненію упирямъ и берегинямъ.

«Слово нѣкоего христолюбца и ревнителя по правой вѣрѣ» есть также въ Златоустѣ 1523 г. (Опис. рук. Рум. Муз., № CLXXXI). Часть его нап. въ Архивѣ Калачова (кн. II, ч. I) Срезневскимъ, который относитъ Слово Григорія Богослова къ XIII или XIV в.—Упырь—колдунъ-мертвецъ, выходящій по ночамъ изъ гроба и творящій много зла людямъ; ему же, какъ вампиру, приписывается высасываньe крови у спящихъ дѣтей. Берегиня—русалка, или то, что у Сербовъ Вила.

Указанными словами и поученіями, конечно, не ограничивается отдѣлъ духовнаго краснорѣчія этого времени. Лѣтописцы свидѣтельствуютъ о русскихъ пастыряхъ, которые славились проповѣдываніемъ слова Божія: Кириллѣ I, митрополитѣ кіевскомъ, Кириллѣ, епископѣ ростовскомъ, Симеонѣ, первомъ тверскомъ епископѣ, Аврааміи Смоленскомъ, игуменѣ богородицкаго монастыря. Мы видѣли, какія сочиненія приписываются двумъ первымъ (§§ 73 и 75). Симеону (ум. 1288) принадлежитъ, въ рукописяхъ Мѣрила Праведнаго, поученіе полоцкому князю Константину; одно слово его, по указанію митр. Евгенія, находится въ библіотекѣ Волоколамскаго монастыря. Житіе Авраамія Смоленскаго (ум. 1221), написанное ученикомъ его, инокомъ Ефремомъ, свидѣтельствуетъ о томъ, какимъ даромъ слова владѣлъ его учитель, привлекавшій своими поученіями весь городъ. Авраамій—замѣчательная личность первой четверти XIII в.: человѣкъ начитанный и проповѣдникъ искусный, онъ былъ вмѣстѣ и образованный живописецъ, любившій преимущественно изображать страшный судъ и мытарства. Ему приписываютъ основаніе школы писцовъ и живописцевъ въ Смоленскѣ. Своею славою и любовью къ нему народа возбудилъ онъ зависть и преслѣдованія невѣжественнаго духовенства, которое не только не оцѣнило его просвѣщенныхъ дѣйствій, но и обличало его какъ еретика, читающаго запрещенныя книги. Слово Авраамія о страшномъ судѣ и мытарствахъ находится въ библ. Волоколамскаго монастыря: оно встрѣчается также въ рукописяхъ съ именемъ Кирилла философа и, приписанное Калайдовичемъ Кириллу Туровскому, помѣщено между его сочиненіями (Пам. Слов. XII в.; новое изданіе въ Изв. Ак. Н. по 2 от., IV). Тоже слово о мытарствахъ вошло, какъ составная часть, въ слово на соборъ архистратига Михаила (Чтенія, 1847, № 8), произнесенное, какъ полагаетъ Филаретъ, митр. Кирилломъ II на владимірскомъ соборѣ. Макарій (Ист. Рус. Церкви, III) приводитъ 12 поученій неизвѣстныхъ писателей, въ двухъ Прологахъ (XII—XIII и XIII—XIV вв.) новгор. соф. библ. Къ XIII-му вѣку можно отнести также Слово о постѣ (Правосл. Собесѣдникъ, 1858, № 1), состоящее въ тѣсной связи съ нѣкоторыми поученіями, помѣщенными въ Златой Цѣпи. Замѣтимъ, что, по принятому обычаю въ духовной литературѣ нашей древняго періода, сочинители и переписчики «русскихъ» словъ и поученій озаглавливали ихъ словами и поученіями нѣкоторыхъ отцевъ и учителей восточной церкви: Іоанна Златоуста, Григорія Богослова, Ефрема Сирина и другихъ (Ист. Рус. Слов, Шевырева, III; Буслаева: разборъ Правосл. Собес. за 1858 г., въ 1 кн. Лѣтоп. рус. литер.).

§ 78. «Моленіе Даніила Заточника къ переяславскому князю Ярославу Всеволодовичу», называемое иначе «Словомъ о Даніилѣ Заточникѣ», имѣетъ цѣлію умилостивить разгнѣваннаго князя и получить отъ него прощеніе. Оно написано на озерѣ Лачѣ (олонецкой губерніи), куда былъ заточенъ Даніилъ, неизвѣстно за какую вину. «Слово» содержитъ въ себѣ очень скудныя указанія на личность автора: онъ былъ подданный Ярослава Всеволодовича и жилъ въ Переяславлѣ; о начитанности его упоминается, что хотя онъ выросъ не въ Аѳинахъ и учился не у философовъ, однакожъ, подобно пчелѣ, собиралъ съ книгъ словесную сладость и совокуплялъ мудрость, какъ морскую воду, въ мѣхъ. Имя Даніила и мѣсто его ссылки упоминаются въ лѣтописяхъ, но трудно рѣшить, то ли самое лице разумѣютъ лѣтописцы, которому принадлежитъ «Моленіе». Равно остается неизвѣстнымъ, получилъ ли Даніилъ желаемое освобожденіе: ибо замысловатый разсказъ о томъ, какъ дошло посланіе къ князю, есть видимая прибавка позднѣйшихъ писцовъ, безъ сомнѣнія заимствованная изъ сказочнаго міра. По этому разсказу, Даніилъ закаталъ посланіе въ воскъ и бросилъ свертокъ въ

море; рыба проглотила свертокъ; рыбакъ поймалъ рыбу и принесъ ее къ князю, который такимъ образомъ прочелъ адресованное ему «Моленіе».

По составу своему, «Моленіе» есть сборникъ статей о разныхъ предметахъ, не имѣющихъ между собою внутренней связи: въ немъ говорится объ умѣ и глупости, о богатствѣ и бѣдности, о добрыхъ и строптивыхъ господахъ, о добрыхъ и злыхъ женахъ, и пр. Въ нѣкоторыхъ мысляхъ видно отношеніе къ современнымъ обстоятельствамъ, но большая часть такихъ, которыя не теряютъ своего значенія во всякое время и на всякомъ мѣстѣ. Къ числу современныхъ указаній принадлежатъ: намекъ на княжескія междоусобія (многіе, желая добыть большихъ городовъ, теряютъ свои малые), опасеніе татарскаго владычества (не дай, Господи, земли нашей въ полонъ языкамъ, не знающимъ Бога) и сатирическія выходки противъ бояръ, тіуновъ (судей) и злоупотребленій иноческой жизни: «лучше мнѣ видѣть свою ногу въ лаптѣ, но въ твоемъ, князь, дому, нежели въ красномъ сапогѣ, въ боярскомъ дворѣ; лучше мнѣ тебѣ въ дерюгѣ служить, нежели въ багряницѣ въ боярскомъ дворѣ; лучше мнѣ воду пить въ твоемъ дому, нежели пить медъ въ боярскомъ дворѣ»; «княжаго тіуна боится несчастный, какъ огня, а рядовичей его (простыхъ, нечиновныхъ людей), какъ искръ: если отъ огня устережешься, то отъ искръ уже никакъ не устережешь своего платья», «лучше мнѣ такъ окончить жизнь свою, нежели, принявъ ангельскій образъ, солгать Богу».

Каждая тема или часть «Моленія» излагается въ формѣ притчъ, на что указываетъ самъ Заточникъ словами: «да разверзу въ притчахъ гаданія моя». Съ народными поговорками соединяются библейскія изреченія, заимствованныя большею частію изъ Притчей Соломона, на котораго ссылается Заточникъ, говоря: «Соломонъ рече», и изъ книги Премудрости Іисуса сына Сирахова. Отношеніе «Моленія» къ этимъ ветхозавѣтнымъ книгамъ ясно обнаруживается не только тождествомъ многихъ мѣстъ, но и самымъ выборомъ темъ. Въ одномъ сборникѣ XVII в. помѣщены «Словца, избранныя отъ Мудрости Іисуса сына Сирахова и отъ Премудрости царя Соломона»: это не что иное, какъ собраніе пословицъ и поговорокъ нашихъ древнихъ грамотниковъ, весьма близкое, по содержанію и сцѣпленію изреченій, къ «Моленію Даніила Заточника». Поэтому и самое «Моленіе» должно признать древнѣйшимъ сборникомъ народныхъ притчъ, расположенныхъ не въ алфавитномъ порядкѣ, а по предметамъ. Въ нѣкоторыхъ притчахъ есть риѳмы и аллитерація. Такъ по одному списку «Моленія», Заточникъ, изображая горькую свою участь, говоритъ: «Кому ти есть Переславль, а мнѣ Гореславль». Другой списокъ распространяетъ эту игру словъ слѣдующимъ образомъ: «Кому Любово, а мнѣ горе лютое; кому Бѣло озеро, а мнѣ черныя смолы; кому Лачь озеро, а мнѣ, на немъ сѣдя, плачь горки; кому ти есть Новъгородъ, а мнѣ углы опали».

Библейскій и народный элементы (нравственныя изреченія и притчи), сатирическія выходки противъ темныхъ явленій тогдашняго быта, наконецъ юморъ, состоящій въ сліяніи двухъ противоположныхъ тоновъ: шутливаго и печальнаго, объясняютъ особенный успѣхъ «Слова», доказываемый большимъ числомъ его списковъ. Въ послѣдствіи многое присочинено было къ нему переписчиками, отъ чего и трудно опредѣлить, что̀ именно въ дошедшихъ до насъ спискахъ принадлежало подлиннику.

Характеръ «Моленія» и большая часть его подробностей согласуются со спи-

сками «Пчелъ» — особыхъ сборниковъ, перешедшихъ въ славянскую письменность изъ Греціи. При недостаткѣ собственной производительности, византійскіе писатели поставили себѣ цѣлью сохранить въ точности древнеклассическія произведенія и сдѣлать ихъ общедоступными посредствомъ сокращенныхъ изложеній. Главная дѣятельность ихъ обратилась къ переписыванію и компиляціямъ. Господству такого литературнаго направленія обязаны мы съ одной стороны лучшими рукописями греческихъ и латинскихъ писателей, а съ другой многоразличными сборниками, въ числѣ которыхъ находятся «Пчелы», самымъ названіемъ опредѣляющія характеръ своего состава. Первыми составителями ихъ въ Греціи были иноки Максимъ Исповѣдникъ (VII в.) и Антоній (VIII в.), прозванный Мелиссою (Пчелою). Онѣ заключаютъ въ себѣ нравственныя изреченія, выбранныя изъ Св. Писанія, отцевъ церкви и языческихъ писателей. Изреченія расположены по отдѣльнымъ предметамъ или главамъ: о житейской добродѣтели и злобѣ, о мудрости, о чистотѣ и цѣломудріи, о правдѣ, о дружбѣ и братолюбіи, и проч. Списки Пчелъ идутъ у насъ съ XIV в. по XVII, хотя нѣтъ сомнѣнія, что сборникъ вошелъ въ нашу литературу ранѣе XIV в., какъ доказывается ссылкой на него въ одномъ изъ словъ (о постѣ), которое относятъ къ эпохѣ до XIII в. Они представляютъ два вида: одни переведены съ греческаго, изъ книгъ Максима и Антонія; другіе собственно-русскаго состава. Въ послѣднихъ элементъ свѣтской литературы, т. е. изреченія философовъ, историковъ и поэтовъ, замѣняется или дополняется элементомъ народнымъ: пословицами и притчами. Свѣтская часть Пчелы не мало способствовала къ распространенію между нашими грамотными предками нѣкотораго знакомства съ классическими писателями Греціи и Рима: Пиѳагоромъ, Віасомъ, Димокритомъ, Сократомъ, Платономъ, Аристотелемъ, Плутархомъ, Софокломъ, Эврипидомъ и другими. Въ одномъ изъ позднѣйшихъ списковъ Пчелы (XVII в.), составныя части «Моленія» какъ бы разложены на отдѣльныя главы, имѣющія предметомъ разсужденія: о царѣ и власти, о печали и безпечаліи, о премудрости, о богатствѣ, о безуміи, объ умѣ, о женахъ и пр. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что позднѣйшіе списки Пчелы и Моленія имѣли взаимное другъ на друга вліяніе.

Слово о Даніилѣ Заточникѣ по списку конца XVI или начала XVII в. напеч. въ Памят. Рос. Слов. XII в. К. Калайдовичемъ, по мнѣнію котораго оно написано къ кн. Георгію Долгорукому, сыну Владиміра Мономаха: слѣдовательно относится къ XII в. По другому, болѣе древнему списку (XV в.), принадлежащему г. Ундольскому, оно помѣщено во 2 кн. Рус. Бесѣды на 1856 г. и отнесено къ XIII в. Сочиненій, сходныхъ по содержанію съ Моленіемъ, не мало. Таковы, кромѣ статей Пчелъ, статья въ Златой Цѣпи: «Еже убо имѣти правовѣрную вѣру»; поученіе въ Сборникѣ 1555 г., составленное изъ Притчей Соломоновыхъ; нравственныя изреченія въ Паисіевскомъ Сборникѣ, указанныя Шевыревымъ. Въ особенномъ ходу были разсужденія о женахъ. Еще въ Святославовомъ Изборникѣ 1073 г. помѣщено «Слово о Иродіадѣ и о злыхъ женахъ», получившее новую редакцію въ Паисіевскомъ Сборникѣ; подражаніе ему, съ присоединеніемъ русскихъ поговорокъ, въ Сборникѣ XVI в. (Опис. Рум. Муз., № CCLIX): «ничтоже есть подобно злои женѣ, развѣе огнь да море, да женская злоба». См.: Русскія пословицы, Буслаева, въ Архивѣ Калачова; О народности въ древ. рус. литературѣ, его же; Повѣсть о горѣ и злочастіи, его же; Нѣсколько замѣчаній по поводу Слова Даніила Заточника, Безсонова (Москвит. 1856, №№ 7 и 8).

Касательно Пчелъ см.: Замѣчанія о сборникахъ, извѣстныхъ подъ названіемъ Пчелъ, Сухомлинова (Изв. Ак. Н. по 2 от., II); Книга Пчела, памятникъ древне-русской словесности, Безсонова (Временникъ, кн. 25); О народ. въ древ. рус. лит., Буслаева.—Списокъ Пчелы XIV в. находится въ Син. Библ.

§ 79. Лѣтописное повѣствованіе, начатое въ Новгородѣ, Кіевѣ и на Волыни, продолжалось непосредственно и непрерывно и въ другихъ мѣстахъ. Сказанное о составѣ Несторова Временника относится въ такой же силѣ и къ другимъ лѣтописямъ, за нимъ слѣдовавшимъ, т. е.: всѣ эти лѣтописи суть болѣе или менѣе подробные сборники разныхъ матеріаловъ. Въ концѣ XII в. является лѣтопись Суздальская, доводящая, по Лаврентьевскому списку, описаніе событій до начала XIV в. (до 1305 г.). Она написана въ Суздалѣ и можетъ быть названа сѣверною, или точнѣе сѣверо-восточною, въ противоположность южному происхожденію лѣтописи кіевской. Какъ послѣдняя сложилась изъ нѣсколькихъ мѣстныхъ лѣтописей: кіевской, волынской, новгородской, такъ и въ лѣтописи суздальской многія извѣстія XIII вѣка явственно принадлежатъ лѣтописцамъ ростовскому, переяславскому и тверскому. Отсюда слѣдуетъ заключить, что въ XIII в., въ Ростовѣ, Переяславлѣ-Суздальскомъ и Твери велись особыя лѣтописи. О начальномъ ихъ видѣ нельзя сказать ничего положительнаго, такъ какъ онѣ не дошли до насъ въ полномъ и подлинномъ составѣ, а послужили матеріалами составителю Лаврентьевскаго списка. «Лѣтописецъ русскихъ царей», изданный подъ именемъ «Лѣтописца Переяславля-Суздальскаго», есть сборникъ позднѣйшій (XVII в.), сохранившій только частію сказанія переяславскаго лѣтописца XIII в. Сборникъ, означаемый именемъ «Тверской Лѣтописи», составленъ въ концѣ XVI в., въ Ростовѣ, неизвѣстнымъ лицемъ, которое для нѣкоторыхъ извѣстій пользовалось тверскою лѣтописью.

Начало двухъ Псковскихъ лѣтописей относится ко второй четверти XIII в. Въ нихъ излагаются событія Пскова, преимущественно его отношенія къ Новгороду и Ливоніи: слѣд. это лѣтописи мѣстныя, подобно новгородскимъ.

Изложеніемъ сѣверная, или суздальская, лѣтопись уступаетъ во многомъ кіевской: она молчитъ о причинахъ событій, не выставляетъ связи между дѣйствіями. Разсказъ ея сухой, иногда многорѣчивый, но чуждый красоты; нѣтъ болѣе драматической формы, сообщающей повѣствованію движеніе и живость. Рѣчь псковскихъ лѣтописцевъ, большею частію сухая и сжатая, оживляется въ тѣхъ случаяхъ, когда доходитъ дѣло до предметовъ, наиболѣе интересныхъ въ жизни Псковитянъ: до отношеній ихъ къ Новгороду и Москвѣ.

См. Ист. Рос., Соловьева (IV, стр. 371—384), который прекрасно характеризовалъ отличія сѣверной лѣтописи. Рукопись такъ называемой Тверской лѣтописи хранится въ И. П. Б. Лѣтописецъ Переяславля—Суздальскаго, изданный кн. Оболенскимъ, 1851 г. (также въ 9 кн. Временника), оканчивается 1213-мъ г.; до 1206 г. онъ во всѣхъ почти извѣстіяхъ сходенъ съ Лаврентьевскимъ спискомъ, а съ 1206 по 1214 представляетъ различія и даже противорѣчія. Подробное сличеніе ихъ сдѣлано Полѣновымъ (Учен. Зап. по 2 отд. Ак. Н., I). Первая псковская лѣтопись, доведенная до 1645 г., напеч. въ IV-мъ, а вторая, до 1486 г., въ V т. Собр. рус. лѣт. Первая издана также Погодинымъ (1837). Сверхъ первой новгородской лѣтописи, есть еще три другія: вторая (безъ начала и конца), составленная въ исходѣ XVI в., простирается съ 911 по 1587 г.; третья до исхода XVII в., а по Толстовскому списку до 1716 г. (обѣ онѣ въ III т. Собр. рус. лѣт.); четвертая (ib., т. IV), доходящая до XVI в., есть собственно сборникъ разныхъ лѣтописей, получившій несвойственное ему названіе лѣтописи новгородской.

Къ грамотамъ XIII в., замѣчательнымъ по содержанію и нѣкоторымъ грамматическимъ формамъ, относятся: договорная смоленскаго князя Мстислава Давидовича съ Ригою и готскимъ берегомъ, 1229 г. (Собр. государ. грамотъ и договоровъ, т. II, и Рус. Дост., II); три договорныя (двѣ 1265 и одна 1270 г.) тверскаго князя Ярослава Ярославича съ Новгородомъ (ib., I); правая смоленскаго кн. Θедора Ростиславича по судному дѣлу о нѣмецкомъ колоколѣ, 1284 г. (Грамоты изд. Арх. Ком. 1857).

Договорными грамотами опредѣлялись условія князей между собою и городами; правыя давались лицамъ въ свидѣтельство оправданія ихъ на судѣ.

XIV вѣкъ.

§ 80. Главнѣйшіе памятники письменности: два Евангелія—одно по списку Поликарпову, а другое написанное для новгородскаго архіепископа Моисея; Сборникъ, содержащій въ себѣ книги Іисуса Навина, Судей, Руѳь и Эсфирь; Служебникъ митрополита Кипріана; Новый Завѣтъ Алексія митрополита (§ 37, прим.).

§ 81. Отъ XIV вѣка дошли до насъ разные сборники, изъ которыхъ важнѣйшіе: Златая Цѣпь, Паисіевскій и Пчела.

Златая Цѣпь содержитъ въ себѣ выбранныя мѣста изъ толкованій на Священное Писаніе и поученій отцевъ церкви. Она не переведена съ греческаго, подобно двумъ Святославовымъ Изборникамъ, а составлена изъ статей частію переводныхъ, частію оригинальныхъ русскихъ. Нѣкоторыя изъ нихъ: Поученіе ко всѣмъ христіанамъ, Слово Христолюбца, Слово душеполезное отца къ сыну и четыре слова Серапіона, были уже указаны при объясненіи литературныхъ памятниковъ XIII вѣка. Къ другимъ замѣчательнымъ сочиненіямъ, помѣщеннымъ въ Златой Цѣпи, относятся: Поученіе правой вѣры, нѣсколько поученій о постѣ и о воздержаніи отъ пьянства, О правовѣрной вѣрѣ, какъ основѣ добрыхъ дѣлъ, Слова Златоуста о постѣ и молитвѣ.

«Поученіе правой вѣры», русскаго писателя, имѣетъ нѣкоторое сходство съ Поученіемъ Владиміра Мономаха: оно также исчисляетъ душевные подвиги, необходимые для спасенія—кротость, смиреніе, послушаніе, легкосердіе, безгнѣвіе, любовь, покаяніе, немногоглаголіе, молитву, постъ, милостыню, бодрость, нелѣность, неспаніе.

Къ русскимъ же сочиненіямъ принадлежатъ четыре слова противъ пьянства: «Слово святыхъ отецъ о пьянствѣ», «Слово о подвигѣ душевномъ и о пьянствѣ», «Слово о постахъ: Великомъ, Петровѣ и Филиповѣ», и «Слово о постѣ», хотя послѣднее, по существовавшему въ древнерусской литературѣ обычаю, приписано Василію Великому, на томъ только основаніи, что оно начинается словами: «Василіи рече». Пьянство и сохраненіе языческихъ обычаевъ и преданій были наиболѣе видными недостатками древней Руси, вызывавшими обличеніе просвѣщенныхъ духовныхъ особъ. Поэтому вредныя послѣдствія отъ неумѣреннаго употребленія вина раскрываются во многихъ произведеніяхъ наставительной словесности, начиная съ XI вѣка и до XVII-го. Еще Ѳеодосій Печерскій возставалъ противъ пьянства, предписывая, въ одномъ поученіи, «не пѣть тропарей во время пира, за чашами». На этотъ самый обычай указываетъ и Слово о постѣ, приписанное Василью Великому.

Статья: «Еже убо имѣти правовѣрную вѣру», есть собраніе краткихъ, мѣткихъ и краснорѣчивыхъ наставительныхъ изреченій. Нѣкоторыя изъ нихъ, какъ было замѣчено (§ 78, прим.), одинаковы съ изреченіями Даніила Заточника, вѣроятно потому, что оба сочиненія черпали изъ одного и тогоже источника.

Древнѣйшій текстъ двухъ словъ Златоуста: о постѣ и о молитвѣ, находит-

ся въ Святославовомъ Изборникѣ 1076 г., о вліяніи котораго на древнерусскіе литературные памятники было уже упомянуто (§ 52).

Равнымъ образомъ намъ уже извѣстны нѣкоторыя сочиненія XI, XII и XIII вѣковъ, вошедшія въ Сборникъ Паисіевскій: посланіе Өеодосія Печерскаго къ Изяславу о латинской вѣрѣ, слово Серапіона о маловѣріи, слово св. Григорія объ остаткахъ язычества, слово объ Иродіадѣ и злыхъ женахъ. Другія статьи также замѣчательны, по отношенію къ обычаямъ, нравамъ и вообще внутреннему русскому быту. «Слово о томъ, угодно ли Богу, чтобы монастырямъ дарили села», разсказываетъ, какъ одинъ святый отецъ говорилъ ученикамъ своимъ, что человѣкъ, отдающій имѣніе на раздѣлъ братіи, отдаетъ его во спасенье души своей, а кто отдаетъ его монастырю, тотъ губитъ свою душу. Статья о позорищахъ, подъ названіемъ: «Слово истолковано мудростью», осуждаетъ слабое житіе современниковъ — лѣнивое посѣщеніе храмовъ, неслушаніе божескихъ словесъ и охотное пребываніе въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ музыка, пляска, игры, сборища идольскія. «Поученіе Христіанамъ» увѣщеваетъ ихъ почитать праздники святые не яденьемъ, питьемъ и праздностью, а жизнію по образу святыхъ, не присутствовать на русальихъ или скоморошскихъ играхъ, въ обществѣ пьяницъ, на идольскихъ зрѣлищахъ. «Слово о клятвахъ и суевѣріяхъ» исчисляетъ беззаконія, за которыя Богъ караетъ наше отечество бездождіемъ, войной, пожарами и другими бѣдствіями и къ которымъ относятся: жертвы бѣсамъ, леченіе недуговъ чарами и «наузами» (т. е. амулетами и прочими талисманами, «навязываемыми» на шею). Въ числѣ этихъ чаръ особенное вниманіе обращаетъ на себя леченіе лихорадки какими-то волшебными словами, которыя писались на яблокахъ. Суевѣрное сказаніе о трясавицахъ, или лихорадкахъ, ведетъ свое начало изъ Болгаріи: болѣзни явились въ видѣ живыхъ существъ—дочерей Ирода, съ особыми именами и отличительными качествами. Есть разные заговоры, или заклятія, на лихорадки, и теперь пользующіеся большимъ значеніемъ въ простонародьѣ. Нравственныя изреченія» представляютъ много сходнаго съ Моленіемъ Даніила Заточника. Наконецъ «Слово Ефрема о книжномъ ученьѣ», объясняя, въ чемъ состоитъ правая вѣра и изъ какихъ писаній надобно почерпать истинныя познанія, исчисляетъ такъ называемыя отреченныя (запрещенныя), или еретическія книги, соблазняющія людей неразумныхъ.

О названіи, значеніи и составѣ «Пчелъ» говорилось по поводу Моленія Даніила Заточника. Древнѣйшій списокъ Пчелы относится къ XIV вѣку; но, вѣроятно, были списки и раньше этого времени (§ 78). Сборникъ раздѣленъ на главы, всѣхъ главъ 71. Содержаніе каждой главы (на примѣръ о богатствѣ и убожествѣ) расположено въ такомъ порядкѣ: сначала идутъ изреченія Св. Писанія и святыхъ отцевъ: Григорія Богослова, Златоуста и Нила, потомъ Фотія патріарха, а за тѣмъ изреченія языческихъ мудрецовъ: Плутарха, Исократа, Мосха, Эпикура, Эпиктета, Зенона, Діодора, Ливанія и другихъ. Кромѣ этого есть нѣсколько статей, состоящихъ изъ краткихъ изреченій: Словца избранныя отъ премудрости Соломона, Мудрость Менандра мудраго, и проч.

О Златой Цѣпи (или Чепи) упоминаетъ Ефремъ въ Житіи Авраамія Смоленскаго: слѣдов. она существовала въ XIII в., но въ томъ ли именно составѣ, въ какомъ существуетъ теперь — опредѣлить невозможно. О богатомъ содержаніи сборника дается наглядное понятіе однимъ его оглавленіемъ (Царскаго, № 691). Отрывки изъ

него входили въ другіе сборники, наприм: «Отъ книгъ Златыхъ Чѣній», «Премудрость избранна съ толкомъ отъ Златыя Чѣни» (Опис. рук. Толстова, II, №№ 68 и 276; Царскаго, №№ 353 и 423). Содержаніе Паисіевскаго сборника съ выписками изъ него представлено Шевыревымъ (Поѣздка въ Кир.бѣл. монастырь, II, 32-39). О заговорахъ на лихорадки см. Буслаева: «О народ. поэзіи въ древ. рус. лит.», стр. 38—39, и его же статью въ Архивѣ Калачова, 2-ой книги половина 2-ая. О книгахъ ложныхъ, или отреченныхъ, которыя исчисляются въ «Словѣ Ефрема о книжномъ ученіи», будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ.

§ 82. Изъ писателей XIV вѣка, сочиненія которыхъ относятся къ литературѣ собственно-духовной, болѣе другихъ извѣстны: Кипріанъ, митрополитъ кіевскій, и Кириллъ, основатель и игуменъ кирилло-бѣлозерскаго монастыря.

§ 83. Кипріанъ, родомъ Сербъ, принялъ управленіе русскою митрополіею въ то время, когда она нуждалась въ двухъ существенныхъ предметахъ: однообразномъ совершеніи богослуженія и очищеніи богослужебныхъ книгъ отъ ошибокъ. Труды его на пользу этихъ потребностей изображены въ исторіи русской церкви.

Другая заслуга Кипріана заключалась въ его стараніяхъ о собраніи и переводѣ книгъ, съ цѣлію доставить средства для образованія, упавшаго въ слѣдствіе несчастныхъ обстоятельствъ, въ какихъ находилось наше отечество. Изъ Болгаріи и Сербіи вывезъ онъ многія рукописи, которыя могли тамъ погибнуть, и такимъ образомъ сохранилъ отъ истребленія плоды древнеславянской духовной образованности. Кромѣ того, по словамъ Степенной книги (XVI в.), самъ переложилъ многія книги съ греческаго языка на русскій, напр: Служебникъ, Псалтирь, Лѣствица Іоанна и творенія Діонисія Ареопагита. Собственныхъ сочиненій его два: Житіе митрополита Петра и Прощальная грамота, или духовное завѣщаніе, прочтенное въ слухъ при его погребеніи и содержащее въ себѣ размышленія о суетѣ человѣческой жизни.

Касательно языка Кипріановыхъ переводовъ любопытенъ отзывъ инока Нила Курлятева, одного изъ учениковъ Максима Грека. Въ предисловіи къ Псалтири (XVI в.), Курлятевъ говоритъ, что митрополитъ Кипріанъ не разумѣлъ по-гречески и русскаго языка не зналъ достаточно; что, при исправленіи псалмовъ, слова и рѣчи написалъ по-сербски, то есть употреблялъ сербскіе обороты и реченія; что и нынѣ, т. е. въ XVI в., многіе продолжаютъ писать тоже по-сербски. Такимъ образомъ на Кипріана смотрѣли, какъ на вводителя сербской стихіи въ нашемъ книжномъ языкѣ.

Кипріанъ былъ митрополитомъ съ 1376 по 1407 г. Ученые труды его Татищевъ дѣлитъ на два отдѣла: одни написаны въ наставленіе «душевное», другіе въ наставленіе «плотское». Къ первымъ, по словамъ Татищева, принадлежатъ: изложеніе соборовъ русскихъ, многія житія святыхъ русскихъ и степени великихъ князей русскихъ (т. е. Степенная книга, излагающая русскую исторію по родословному порядку или по «степенямъ» рода великихъ князей); ко вторымъ: «правды и суды» и «лѣтопись русская отъ начала земли русскія вся по ряду». Изслѣдованіе о томъ, какія именно сочиненія Кипріана могъ разумѣть Татищевъ, см. въ статьѣ: Кипріанъ, митрополитъ кіевскій и всея Россіи (Прибавл. къ твор. св. отц., 1848, кн. 2.). Посланія Кипріана касательно богослуженія и благочинія, особенно къ игумену Аѳанасію, въ 1 т. Ист. Акт. и въ 1 т. Акт. Арх. Эксп.; Служебникъ въ Син. библ.; автографы Псалтири, Лѣствицы Іоанна и твореній Ареопагита въ библ. Моск. Дух. Акад.; Житіе Петра Митр. и Прощальная грамота въ 1 ч. Степенной книги; Прощ. грамота также въ V т. Полн. Собр. лѣт. и въ Юридич. актахъ, изд. Калачова. Мнѣніе Курлятева въ Рукоп. Царскаго, № 327.

84. Значеніе духовенства въ древне-русской жизни было весьма важно, по

сильному его вліянію на князей и народъ. Если, какъ сказано выше (54), духовная словесность древняго періода нашей исторіи отличалась религіозно-образовательнымъ характеромъ, служила средствомъ къ просвѣщенію, то просвѣтителями преимущественно и почти единственно были лица духовныя, какъ передовые люди своего времени. Ими сокрушалось язычество и разливался свѣтъ христіанскихъ понятій, смягчающихъ нравы, благотворно дѣйствующихъ на образъ мыслей и поведенія. Отношенія духовенства къ свѣтской власти приносили несомнѣнно полезные плоды: оно участвовало въ княжескомъ правленіи, главными предметами котораго поставляло распространеніе истинной вѣры и вмѣстѣ съ тѣмъ водвореніе новыхъ, цивилизованныхъ началъ въ устройствѣ гражданскомъ, въ жизни общественной, въ быту семейномъ; заботилось объ уничтоженіи грубой силы, о возвышеніи ума и очищеніи сердца; являлось третейскимъ, миротворнымъ судьею въ междоусобіяхъ, укротителемъ неправедной силы, заступникомъ слабости. Поученія его, и въ личныхъ бесѣдахъ съ князьями, и на письмѣ къ нимъ, касались не одного спасенія ихъ души, но и дѣлъ мірскихъ — общественныхъ и частныхъ. Они внушали князьямъ человѣколюбивое обращеніе съ подданными, хвалили ихъ добродѣтели и порицали пороки, утѣшали въ горестяхъ и сочувствовали радостямъ. Отсюда такая крѣпкая связь между свѣтскою и духовною властію въ древнерусской жизни.

Примѣръ такихъ нравственныхъ отношеній духовенства къ правительству представляютъ три посланія Кирилла Бѣлозерскаго, замѣчательныя, сверхъ того, по безъискуственному изложенію и простому языку. Одно изъ нихъ, къ великому князю Василію Дмитріевичу, касается раздоровъ его съ князьями суздальскими и внушаетъ ему мысль о примиреніи; другое, къ можайскому князю Андрею Дмитріевичу, даетъ наставленіе о кроткомъ, человѣколюбивомъ обращеніи съ подвластными; третье, къ звенигородскому князю Георгію Дмитріевичу, утѣшаетъ его въ семейной горести, по случаю болѣзни жены его.

Кромѣ посланій, Кириллъ написалъ два сборника, которые содержатъ въ себѣ выписки изъ правилъ соборовъ и святыхъ отцевъ, относящихся наиболѣе къ церковному уставу и пустынножительству. Въ одномъ изъ этихъ сборниковъ указаны нѣкоторыя народныя суевѣрія: вѣра въ голоса животныхъ, въ полетъ птицъ и бѣгъ звѣрей, запрещеніе ссужать чѣмъ нибудь домашнимъ (напр. огнемъ или сосудомъ) по захожденіи солнца. Обличая суевѣрныя примѣты, какъ еретическія дѣйствія христіанъ, Кириллъ вмѣстѣ и объяснялъ явленія природы, заимствуя объясненія изъ сочиненій Галена, знаменитаго греческаго врача, жившаго во II-мъ вѣкѣ по Р. Х. Въ сборникѣ помѣщены статьи о строеніи земли, о разстояніи ея отъ неба, о землетрясеніи, о четырехъ стихіяхъ, о моряхъ, облакахъ, громѣ, молніи, падающихъ звѣздахъ. Такимъ образомъ раскрытіе предразсудковъ соединялось съ очищеніемъ ихъ посредствомъ книжнаго ученія.

Кириллъ (р. 1337, у. 1427) изъ настоятелей Симонова монастыря удалился на Бѣлоозеро и основалъ Кирилло—бѣлозерскую обитель. Посланія его въ 1 т. Акт. Истор. См. разборъ этихъ Актовъ, Шевырева, (Москвит. 1842, № 1, отдѣлъ Критики); его же Поѣздку въ Кир. бѣл. монастырь, II (здѣсь, на стр. 18—25, изложено и содержаніе сборниковъ Кирилла). О значеніи духовенства см. въ статьяхъ Соловьева: «Взглядъ на состояніе духовенства въ древней Руси» (Чтенія, годъ 2-ой, 1846 и 1847 г.г., кн. 6) и Калачова: «О значеніи Кормчей» (Ib., 1847, № 3).

Наставительныя посланія, или поученія, сочиняемы были и другими пастырями русской церкви. Нѣкоторыя изъ нихъ сохранились до нашего времени; другія или утра-

чены или остаются неизвѣстными. Митрополиту Петру (съ 1308 по 1326 г.) принадлежитъ «Слово» или «Поученіе игуменамъ, священникамъ и діаконамъ» (Приб. къ твор. св. отцевъ, 1844, кн. 3) и «Посланіе предъ наступленіемъ поста (въ Волоколамскомъ сборникѣ, Леонида, рязан. владыки). Первое увѣщеваетъ духовенство служить примѣромъ для мірянъ по своей жизни; второе обращено ко всѣмъ христіанамъ, и въ особенности къ духовенству, съ убѣжденіями проводить постъ въ трезвости и воздержаніи, не заниматься торговлею и отдачею денегъ въ ростъ, запрещаетъ поединки и даетъ наставленія о бракѣ. Митр. Өеогностъ (съ 1328 по 1352) написалъ «Посланіе къ христіанамъ о почтеніи и послушаніи» (въ Син. библ., приписано при книгѣ Щитъ Вѣры). Поученіе Алексія митрополита (съ 1354 по 1378 г.) отъ Апостольскихъ дѣяній къ христолюбивымъ христіанамъ (Приб. къ твор. св. отцев., 1847, кн. 1) содержитъ въ себѣ правила для жизни всѣмъ христіанамъ вообще и разнымъ сословіямъ въ особенности. Кромѣ того отъ XIV в. остались многія поученія неизвѣстныхъ лицъ, исчисленныя въ Обзорѣ рус. духов. литературы, стр. 74—75. Есть также лѣтописныя свидѣтельства о духовныхъ лицахъ, славившихся учительнымъ словомъ: Моисеѣ, архіепископѣ новгородскомъ (съ 1325 по 1360 г.) и Павлѣ Высокомъ, инокѣ нижегородскаго монастыря (ум. 1382). Послѣднему Филаретъ приписываетъ тѣ безъименныя поученія, о которыхъ упомянуто выше.

§ 85. Большею частію посланія имѣли значеніе поученій, предлагая совѣты для благочестивой жизни. Но иногда предметомъ ихъ служило рѣшеніе какого нибудь вопроса, богословскаго или церковнаго, которое выходило тѣмъ оригинальнѣе и любопытнѣе въ историко-литературномъ отношеніи, чѣмъ разнообразнѣе были источники, подкрѣплявшіе мысль автора. Такимъ интересомъ отличается Посланіе новгородскаго архіепископа Василія къ тверскому епископу Өеодору «о раѣ, уцѣлѣвшемъ на землѣ». Оно написано по поводу споровъ объ этомъ предметѣ, происходившихъ въ Твери не только между духовными лицами, но и между простолюдинами. Одни, въ томъ числѣ и епископъ Өеодоръ, думали, что земной рай погибъ, а существуетъ только мысленный; другіе, напротивъ, утверждали, что рай, бывшій жилищемъ первыхъ людей, сохраняется и до сихъ поръ. Послѣдняго мнѣнія держался и архіепископъ Василій, какъ видно изъ его посланія. За доводами обратился онъ преимущественно къ подложнымъ сказаніямъ (апокрифамъ), внесеннымъ въ сборники и житія нѣкоторыхъ святыхъ, къ такъ называемымъ «стихамъ», или духовнымъ народнымъ пѣснямъ, и къ разсказамъ новгородскихъ паломниковъ, которые могли принять отъ Несторіанъ и Яковитовъ, восточныхъ религіозныхъ сектъ, ученіе объ уцѣлѣвшемъ земномъ раѣ. На основаніи такихъ источниковъ, Василій заключилъ, что и теперь на востокѣ существуетъ рай, а на западѣ адъ, который будто бы видѣли многіе Новгородцы: «на дышущемъ морѣ червь неусыпающій, скрежетъ зубный и рѣка молненая Моргъ». Что жъ касается до рая мысленнаго, то онъ, по мнѣнію Василія, не что иное, какъ ожидаемое царство небесное, и наступитъ въ то время, когда «Господь явится на земли въ свѣтлости божества своего». Вліяніе народныхъ духовныхъ пѣсенъ на Посланіе оказывается словами, которыя оно влагаетъ въ уста Адаму, изгнанному изъ рая: «о раю пресвятый, иже мене ради насажденный и Еввы ради затворенный! помоли тебе створшаго и мене создавшаго, да негли твоихъ цвѣтець насыщуся». Въ народномъ стихѣ, извѣстномъ подъ именемъ Адамова Плача, Адамъ, обращаясь къ раю, употребляетъ подобныя выраженія.

Посланіе Василія, арх. съ 1331 по 1352 г., нап. въ 1 т. Степен. Книги и въ VI т. Полн. Собр. Лѣт. См. также Разсужденіе о ересяхъ, Руднева, прим. 71.

§ 86. Съ окончаніемъ владычества латинскихъ императоровъ, занимавшихъ византійскій престолъ въ продолженіе первой половины XIII в. (1204—1261),

Русскіе снова начали посѣщать Царьградъ. Изъ путешественниковъ XIV вѣка, описавшихъ свое хожденіе, извѣстны: инокъ Стефанъ Новгородецъ, дьяконъ Игнатій и дьяконъ Александръ.

Стефанъ Новгородецъ былъ въ Царѣградѣ, въ половинѣ XIV в., въ княженіе Симеона Гордаго. Цѣль путешествія указана имъ въ самомъ началѣ описанія: вмѣстѣ съ другими восьмью Новгородцами онъ хотѣлъ поклониться святымъ мѣстамъ. Исидоръ, патріархъ константинопольскій, принялъ путешественниковъ благосклонно, что заставило Стефана отозваться о немъ такимъ образомъ: «не нашъ бо обычай имѣетъ». Въ хожденіи своемъ, Стефанъ описываетъ достопримѣчательности, видѣнныя имъ въ Царѣградѣ: конную статую Юстиніана, произведшую на него сильное впечатлѣніе («вельми чуденъ, аки живъ, грозно видѣти его»), колонну Константина Великаго, ипподромъ, пристань, храмы: Софійскій, Св. Ирины, Студійскаго и Предтеченскаго монастырей, и проч. Такъ какъ онъ, выбравъ себѣ провожатаго для осмотра Царьграда, довѣрялъ его разсказамъ, то въ описаніе вошли нѣкоторыя басни, напр.: о жабѣ, которая, ходя по улицамъ, пожирала людей; о метлахъ, которыя сами собою мели улицы. Изъ того, что святыни цареградскія сравниваются иногда съ іерусалимскими, слѣдуетъ заключить, что Стефанъ былъ и въ Іерусалимѣ, хотя и не оставилъ записокъ объ этомъ путешествіи.

Игнатій, іеродіаконъ смоленскій, находился въ числѣ тѣхъ, которые сопровождали митрополита Пимена, во время третьей его поѣздки въ Царьградъ (1389). Отсюда отправился онъ одинъ въ Іерусалимъ. Возвратясь, описалъ подробно путешествіе, многіе видѣнные имъ церемоніалы при константинопольскомъ дворѣ и у константинопольскаго патріарха (Антонія), коронованіе императора Мануила (1390), особенно его поразившее, и другія достопримѣчательные предметы и событія.

При томъ же императорѣ Мануилѣ и патріархѣ Антоніи, въ концѣ XIV в., былъ въ Царѣградѣ дьяконъ Александръ. Описаніе его тамъ пребыванія есть простой перечень монастырей, святыхъ мощей и чудотвореній. Всѣ эти предметы онъ или самъ видѣлъ, или слышалъ о нихъ разсказы другихъ.

Путешествія Стефана Новгородца и дьякона Александра напеч. Сахаровымъ, въ 2 ч. «Путешествій Рус. людей»; послѣднее вставлено еще въ IV Новгород. лѣтопись (П. С. Лѣт. IV, въ прибавленіяхъ), Путешествіе Игнатія въ Сказ. Рус. нар., Сахарова, и въ 1-ой Псковской лѣт. (П. С. Л., IV, прибавленія).

§ 87. Въ путешествіи Стефана Новгородца есть извѣстіе о томъ, что двое Новгородцевъ жили въ Студійскомъ монастырѣ, занимаясь списываніемъ книгъ. Другимъ мѣстопребываніемъ русскихъ писцовъ былъ монастырь Іоанна Предтечи. Отсюда, равно какъ изъ двухъ монастырей аѳонскихъ, Пантелеймонова и Хиландарскаго, посылались въ Россію списки книгъ Св. Писанія и богослужебныхъ. Здѣсь же совершались переводы съ греческаго. Митрополитъ Алексій, во время пребыванія своего въ Константинополѣ, исправилъ славянскій переводъ Новаго Завѣта. Мы говорили уже о переводѣ Лѣствицы Іоанна съ толкованіями: Кипріанъ занимался имъ также въ Студійской обители Аѳанасій, игуменъ Высоцкаго Серпуховскаго монастыря, сопровождавшій Кипріана въ Царьградъ, остался въ этомъ городѣ и прожилъ тамъ около 20 лѣтъ, въ монастырѣ Іоанна Предтечи, гдѣ по его благословенію и совѣту написанъ сборникъ, содержащій

въ себѣ нѣкоторыя творенія св. отцевъ: Максима, Марка, Симеона новаго богослова, Златоуста, Исаака, Сирина. Іоаннъ, инокъ аѳонскій, перевелъ Плѣны Іерусалима и Исторію Маккавеевъ. Древнѣйшій списокъ Пчелы, какъ уже намъ извѣстно, относится также къ XIV вѣку.

Въ концѣ XIV в. (1385) Дмитрій Зографъ или Зоографъ (что значитъ живописецъ) перевелъ на славянорусскій языкъ одно изъ многихъ твореній византійскаго писателя, Георгія Писида, жившаго въ VII вѣкѣ — «Шесть дней творенія (Шестодневъ)», или «Похвала къ Богу о сотвореніи всея твари», поэму, написанную въ подлинникѣ ямбическими стихами. Переводъ замѣчателенъ тѣмъ, что онъ сообщалъ грамотнымъ людямъ того времени свѣдѣнія о природѣ. При исключительномъ почти господствѣ духовной словесности, тѣмъ достойнѣе упоминанія тѣ немногіе литературные памятники, которые относились, прямо или косвенно, къ естествознанію и могли удовлетворять любознательность нашихъ предковъ. Нѣсколько такихъ памятниковъ предшествуютъ переводу Зографа. Святославовъ Изборникъ 1073 г. содержитъ въ себѣ статью о камняхъ, любопытную по преданіямъ о чудной ихъ силѣ, статью о различныхъ мѣсяцахъ, предлагающую гигіеническіе совѣты на каждый мѣсяцъ, о составѣ человѣческаго тѣла изъ четырехъ стихій — огня, воздуха, земли и воды. Болѣе разнообразныя и соотвѣтственныя наукѣ свѣдѣнія заключаются въ переводѣ Богословія Іоанна Дамаскина (VIII в.), принадлежащемъ Іоанну эксарху болгарскому, и въ Шестодневѣ самого эксарха или толкованіяхъ на шестидневное твореніе, заимствованныхъ изъ Аристотеля, Василія Великаго, Северіана Габальскаго, съ прибавленіемъ своихъ собственныхъ. Кромѣ того намъ извѣстны сборники Кирилла Бѣлозерскаго, въ которые внесены статьи о естественныхъ явленіяхъ по сочиненіямъ Галена (§ 84). О позднѣйшихъ источникахъ естественныхъ свѣдѣній будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ.

Премудраго Георгіа Писида похвала къ Богу о сътвореніи всея твари, въ рукоп. XV в. (Толст. I, 144). Другіе списки: въ Син. Библ., XVI в., въ Библ. Общ. Ист. и Древ., XVII в. (отд. I, № 194), у Царскаго XVII в. (№ 404), у Буслаева въ рук. XVII в. вмѣстѣ съ Шестодневцемъ.

§ 88. Событія и лица, обращавшія на себя, по своей важности, сильнѣйшее вниманіе современниковъ, вмѣстѣ съ тѣмъ служили предметами особыхъ «сказаній» или «историческихъ повѣстей». Замѣчательные дѣятели и ихъ дѣйствія, выходя изъ ряда обыкновенныхъ, возбуждали въ повѣствователѣ высшее настроеніе духа, которое требовало и соотвѣтственной ему, высшей формы изложенія. Слагатель «повѣсти» не довольствовался уже простымъ, лѣтописнымъ разсказомъ; онъ отступалъ отъ ровнаго, спокойнаго строя рѣчи и пользовался искуственными способами для отличія факта въ ряду текущихъ дѣлъ. Сказанія или повѣсти занимаютъ какъ бы средину между изложеніемъ строго-историческимъ и поэтическимъ представленіемъ исторіи. Это не народная былина, въ родѣ пѣсенъ о Татарахъ, и не произведеніе искуственнаго эпоса, въ родѣ Слова о Полку Игоревѣ. Это украшенное повѣствованіе, въ которомъ иногда встрѣчаются поэтическія частности, но которое въ цѣломъ относится къ области риторической. Здѣсь основный фактъ обставленъ иногда невѣрными подробностями, потому что въ составъ повѣсти входили разнообразныя извѣстія; но большею частью страдаетъ не самый фактъ, а его представленіе, которое, ради риторическихъ

украшеній, допускаетъ гиперболы, и въ слѣдствіе этого являетъ предметъ выше надлежащей мѣры. Особенно въ начертаніи лицъ трудно искать рѣзкихъ опредѣленій, характеристическихъ принадлежностей, по которымъ историкъ могъ бы возсоздать ясные образы историческихъ дѣятелей. Такая неопредѣленность характеристикъ происходитъ отъ многихъ причинъ: во первыхъ, самое теченіе древне-русской жизни, ровное и однообразное, не допускало рѣзко выдающихся отличій; во вторыхъ, господствовало одно и тоже понятіе объ идеальномъ достоинствѣ человѣка, который тѣмъ больше возвышался въ своемъ значеніи, чѣмъ ближе подходилъ къ этому установившемуся, неизмѣнному идеалу; наконецъ, по убѣжденію сочинителей украшенныхъ повѣстей, черты идеальнаго совершенства давно уже были воплощены лицами, изображенными въ Библіи или вообще въ церковныхъ преданіяхъ. Поэтому, восхваляя знаменитыхъ русскихъ людей, сочинители приравнивали ихъ Іосифу Прекрасному, Сампсону, Давиду, Соломону, обращаясь иногда за сравненіемъ и къ исторіи свѣтской, откуда брали имена Ахиллеса, Александра Македонскаго, Веспасіана и другихъ. Не только примѣры—самые отзывы о физическихъ или нравственныхъ качествахъ личности заимствовались изъ Библіи. Какъ заимствованные, постоянно и безразлично употребляемые, эти отзывы сдѣлались обычными литературными или, вѣрнѣе, риторическими пріемами, своего рода общими мѣстами, которыя даже выражались въ одной и той же словесной формѣ, съ небольшими измѣненіями.

Сказанія помѣщены въ лѣтописяхъ и сборникахъ. Нѣкоторыя изъ нихъ относятся къ XIII вѣку, напр: «Убіеніе кн. Михаила черниговскаго и боярина его Ѳеодора въ ордѣ отъ Батыя» и «Повѣсть о житіи и храбрости Александра Невскаго». Въ XIV в. число историческихъ повѣстей умножается и главнымъ предметомъ ихъ становятся столкновенія Руси съ Татарами; таковы: «убіеніе Михаила тверскаго въ ордѣ отъ Узбека»; «рукописаніе Магнуса, короля шведскаго»; «сказаніе о Мамаевомъ побоищѣ»; «о взятіи и разореніи Москвы Тахтамышемъ»; «слово о житіи и преставленіи Димитрія Донскаго»; «слово о томъ, какъ бился Витовтъ съ Темиръ-Кутлуемъ»; «повѣсть о спасеніи Москвы отъ Тамерлана», и проч. Замѣчательнѣйшія изъ повѣстей, по предмету и литературному изложенію—«Сказаніе о Мамаевомъ побоищѣ» и «Слово о житіи и преставленіи Димитрія Донскаго».

«Сказаніе или повѣданіе о побоищѣ Донскаго съ Мамаемъ» существуетъ въ двухъ изложеніяхъ: одно—болѣе простое и краткое, въ которомъ сохранена вѣрность историческая; другое—распространенное и украшенное, гдѣ многія подробности вымышлены. Послѣднее написано Рязанцемъ Софоніемъ, вѣроятно лицемъ духовнымъ, въ концѣ XIV в. Предметъ его—Куликовская битва. Начинается оно описаніемъ сборовъ Мамая, замыслившаго смирить русскаго князя, и оканчивается описаніемъ побѣды и погребенія падшихъ въ сраженіи. Такъ какъ въ немъ изображена побѣда, славная для русскаго оружія, но стоившая большихъ потерь и потому вмѣстѣ съ чувствомъ торжества возбуждающая и жалость, то повѣсть называется «умильною», т. е. трогательною, жалостною. По расположенію и выраженію, Сказаніе о Мамаевомъ побоищѣ сходно съ Словомъ о Полку Игоревѣ, которое послужило ему образцомъ. Многія мѣста ясно доказываютъ, что Софонію было коротко знакомо поэтическое произведеніе XII в.: такъ рѣчь Владиміра Андреевича къ брату его Дмитрію Ивановичу есть подражаніе рѣчи

Всеволода Игорю; знаменія, посылаемыя природой, когда войско подступило къ Дону—подражанія знаменіямъ, при выступленіи Игоря въ походъ; прощальный плачъ Евдокіи, смотрящей изъ терема, вмѣстѣ съ другими княгинями и воеводскими женами, на отъѣздъ своего супруга, напоминаетъ плачъ Ярославны. Но существенное различіе между обоими произведеніями заключается въ ихъ внутренней цѣнности: «Сказаніе о Мамаевомъ побоищѣ» есть памятникъ риторскаго краснорѣчія, тогда какъ его подлинникъ—памятникъ неподдѣльнаго поэтическаго одушевленія. Сжатая, образная рѣчь послѣдняго сдѣлалась растянутою и слабою въ первомъ.

Будучи подражательнымъ сочиненіемъ, «Сказаніе о Мамаевомъ побоищѣ», въ свою очередь, не осталось безъ подражаній: въ XV вѣкѣ явилось «Слово о великомъ князѣ Дмитріи Ивановичѣ и братѣ его Владимірѣ Андреевичѣ», которое, въ другомъ, сокращенномъ спискѣ носитъ названіе «Задонщины». Въ этомъ словѣ есть многія, почти пунктуальныя заимствованія какъ изъ Сказанія о побоищѣ, такъ и изъ Слова о полку Игоревѣ.

«Слово о жизни и преставленія Димитрія Донскаго», состоящее изъ двухъ частей—изображенія дѣлъ умершаго князя и похвалы ему, самымъ виднымъ образомъ выказываетъ недостатки украшенныхъ историческихъ повѣствованій: искуственность, гиперболизмъ, общность представленія. Въ словахъ Евдокіи, оплакивающей своего супруга, слышишь не голосъ искренняго чувства, а хитросложенную рѣчь книжника, который думалъ о подборѣ антитезъ и выраженіи одной и той же мысли разными украшенными оборотами.

Первоначальное Сказаніе о Мамаевомъ побоищѣ въ 4-й Новг. и въ прибавленіяхъ къ 1 Софійской лѣтописи (Пол. Собр. Л., IV и VI). «Сказаніе о Побоищѣ Донскаго», Софонія, издано Снегиревымъ въ 1829 г. «Слово о в. к. Дмитріи Ивановичѣ и братѣ его Владимірѣ Андреевичѣ» въ 14 ч. Временника. «Задонщина»—въ Изв. Ак. Н. по 2 отд., VI. «Слово о житіи и преставленіи Димитрія» въ Прибав. къ 1-й Псков. и 1-й Соф. лѣт. (П. С. Л., IV и VI). Подробный обзоръ украшенныхъ сказаній XIII и XIV в. см. въ Ист. Рос., Сол—ва (IV, 360—371).

§ 89. Несомнѣнно-полезное вліяніе духовной словесности выразилось важными послѣдствіями: утвержденіемъ христіанскихъ началъ въ народѣ и его образованіемъ, въ духѣ строго-религіозномъ. Характеръ ея, какъ было уже сказано, христіанско-просвѣтительный. Но при всей своей важности, она составляла исключительную область, по самому существу предметовъ, которыми занималась. Она почерпала свое содержаніе изъ положительныхъ догматовъ и столько же положительныхъ нравственныхъ правилъ. Какъ догматическое, такъ и нравственное ученіе утверждалось на вѣчныхъ, непреложныхъ истинахъ, не допускающихъ никакого разнообразія и перемѣнъ. Развитіе могло совершаться только въ сферѣ основныхъ началъ, но никакъ не переступать за ея границы. Возвышаясь надъ мѣстными и временными интересами, духовная литература обращала постоянное свое вниманіе на то, что одинаково для всѣхъ странъ и вѣковъ. Національное должно было подчиниться христіанскому, какъ общему для всѣхъ національностей.

Такая строго-исключительная литературная дѣятельность имѣла въ виду только одну сторону народной жизни. Но у народа, при возбужденной охотѣ къ чтенію, являются другія внутреннія потребности, для удовлетворенія которыхъ недостаточно одного и того же матеріала. Умъ и фантазія естественно стремятся къ движенію и многообразному развитію. Любознательность требуетъ новой пищи,

внѣ положительныхъ догматовъ и нравственныхъ предписаній. У простолюдиновъ были пѣсни и сказки, вполнѣ соотвѣтствующія интересамъ ихъ мыслящей и творческой способности. Люди же грамотные, кромѣ произведеній народной словесности, питавшихъ художественное ихъ чувство, имѣли потребность въ такихъ книгахъ, которыя возбуждаютъ пытливость мысли и вмѣстѣ тѣшатъ воображеніе привлекательными поэтическими образами. Такъ какъ пытливость устремлялась почти единственно на религіозные вопросы, то понятно, что литературныя произведенія тѣмъ больше могли выиграть, чѣмъ больше имѣли характеръ легендарный, т. е. излагались въ формѣ священныхъ вымышленныхъ разсказовъ и преданій. Такими религіозно-повѣствовательными произведеніями, отвѣчавшими тогдашнему состоянію просвѣщенія, были «апокрифы».

Апокрифами, въ обширномъ смыслѣ этого слова, называются вообще подложныя сочиненія; въ тѣсномъ же смыслѣ—подложныя, т. е. не каноническія, книги Ветхаго и Новаго Завѣта, въ противоположность каноническимъ, или уставнымъ, признаннымъ истинными на вселенскихъ соборахъ. Онѣ извѣстны были также подъ именемъ тайныхъ (отъ греческаго глагола, означающаго «скрываю»), еретическихъ, богоотметныхъ, отреченныхъ или запрещенныхъ, такъ какъ соборныя постановленія отвергали ихъ, воспрещая ихъ чтеніе и считая «досточтимыми» только книги каноническія.

Исчисленіе апокрифовъ находится въ «статьѣ о книгахъ истинныхъ и ложныхъ», внесенной въ Молитвенникъ митрополитомъ Кипріаномъ (XIV в.), а отсюда въ Церковный Уставъ (1608). Здѣсь, кромѣ списка книгъ, запрещенныхъ соборными постановленіями, указаны и другія ложныя писанія, явившіяся послѣ этихъ постановленій, а равно народныя суевѣрія и преданія, которыя духовенство ставило въ одинъ разрядъ съ апокрифами. Г. Востоковъ думаетъ, что означенная статья была переведена съ греческаго Кипріаномъ, который могъ прибавить къ переводу собственно славянскіе ложные толки и суевѣрія. Даже въ нѣкоторыя истинныя книги, проникла, по словамъ статьи, ложь, насѣянная еретиками на соблазнъ невѣжеству: есть, говоритъ она, толстые сборники, исполненные басенъ, худые номоканонцы, лживыя молитвы по молитвенникамъ.

Въ статьѣ о книгахъ истинныхъ и ложныхъ указаны слѣдующіе апокрифы, относящіеся къ предметамъ библейскимъ: Адамовъ завѣтъ, Сиѳова молитва, Енохъ, Лѣствица Іакова, Завѣтъ двѣнадцати патріарховъ (12 сыновей Іакова), Завѣтъ Моисея, Имена Ангеламъ, О древѣ крестномъ, Хожденіе Богородицы по мукамъ, Дѣяніе Павла, Посланіе Варнавы, Евангеліе отъ Варнавы, Евангеліе отъ Ѳомы, и проч. За тѣмъ слѣдуетъ перечень другихъ запрещенныхъ книгъ и народныхъ суевѣрій: Мартологъ (т. е. Острологъ), Острономія, Землемѣрія, Чаровникъ, Громникъ (о времени, когда бываетъ гроза), Молніяникъ, Коледникъ (о колядахъ или календахъ—своего рода календарь), Сносудецъ (толкованіе сновъ, сонникъ), Волхвовникъ (волхвованіе различными средствами), Путникъ (о встрѣчахъ), Звѣздочетецъ, и проч. Большая часть запрещенныхъ книгъ и суевѣрій оставлена статьею безъ объясненія; другія же сопровождаетъ она объясненіями. Такъ, напримѣръ, «Чаровникъ» толкуется, какъ способность человѣка, силою чародѣйства, превращаться въ разныхъ животныхъ: «въ нихъ же суть вся дванадесять опрометныхъ лицъ звѣриныхъ и птичіихъ, се же есть первое, тѣло свое хранитъ мертво, и летаетъ орломъ, и ястребомъ, и ворономъ, и дятлемъ, рыщутъ лютымъ звѣремъ

и вепремъ дикимъ, волкомъ, летаютъ зміемъ, рыщутъ рысію и медвѣдемъ». При «Волховникѣ» исчисляются разныя средства волхвованія, по суевѣрнымъ примѣтамъ: «храмъ трещитъ, ухозвонъ, воронограй, курокликъ, песъ воетъ, мышеписк, сонъ страшенъ, искра изъ огня прянетъ, кошка мяукаетъ, свѣча погаснетъ, стѣнощелкъ», и проч. О Звѣздочетцѣ говорится: «двѣнадцать звѣздъ, въ нихъ же безумніи людіе вѣрующе, и волхвуютъ, и ищутъ дня рожденія своего, сановъ полученіе, и урока житію, и бѣдныхъ напастей, различныхъ смертей и счастія въ службахъ, купляхъ и ремеслахъ».

Кромѣ статьи о книгахъ истинныхъ и ложныхъ, есть другія о нихъ свидѣтельства. Въ словѣ Григорія Богослова (§ 77) указаны: наузы (амулеты), Остроноумѣя (Астрономія), Родопочитаніе (родословіе, ученіе о родѣ). Статья Ефрема о книжномъ ученіи (§ 81), кромѣ нѣкоторыхъ извѣстныхъ уже апокрифовъ: Звѣздочетья (Астрологіи), Сонника, Чаромѣрья (Чаровника), Колядника, Громника, Птичьихъ чаръ, т. е. гаданья по полету и крику птицъ, прибавляетъ еще новые: Зелейникъ (книга о зельяхъ), Стѣнямъ знаменье, т. е. значеніе тѣнямъ, солнечному и лунному затмѣніямъ. Дальнѣйшія свидѣтельства приведутся въ своихъ мѣстахъ и покажутъ, что списокъ запрещенныхъ книгъ съ теченіемъ времени пополнялся новыми сочиненіями.

Апокрифическія сказанія вошли въ русскую письменность очень рано. Хотя древнѣйшіе ихъ списки относятся къ XIII вѣку, но нѣтъ сомнѣнія, что они существовали у насъ еще прежде. Мы видѣли, что уже Несторъ въ лѣтописи своей пользовался Палеею, содержащею въ себѣ ложныя сказанія. Получили мы апокрифы изъ Византіи, первоначально въ болгарскихъ переводахъ, что доказывается нѣкоторыми, чисто-болгарскими рукописями апокрифовъ, безъ всякаго русскаго вліянія. Болгарія, вѣроятно, имѣла ихъ въ X вѣкѣ, когда попъ Богомилъ, при царѣ Петрѣ, сынѣ Симеона, распространилъ въ ней манихейскую секту, образовавъ въ дуалистическомъ ученіи востока особый толкъ — болгарскій или богомильскій, въ которомъ, при двухъ началахъ, добромъ и зломъ, признается первенство добраго начала въ Божествѣ. Другому болгарскому попу, Іереміи, приписываются, въ статьѣ объ отреченныхъ книгахъ, молитвы о лихорадкахъ (трясавицахъ). Кромѣ готовыхъ переводовъ, приходившихъ изъ Болгаріи, и, можетъ быть, оригинальныхъ болгарскихъ сочиненій въ томъ же отреченномъ родѣ, являлись также собственно русскіе переводы съ греческаго. Грамотный народъ усвоивалъ ихъ, размножалъ ихъ списки, сокращая апокрифъ или дополняя его прибавленіями изъ другихъ сказаній. Къ византійскимъ подложнымъ книгамъ, съ XVI вѣка присоединяются такія же книги западной Европы, какъ видно изъ указаній нашихъ литературныхъ памятниковъ этого времени.

Понятно, почему духовенство преслѣдовало и должно было преслѣдовать отреченныя книги: оно сознавало вредъ, наносимый ими и вѣроученію и просвѣщенію. Въ апокрифахъ положительныя богословскія понятія затемнялись ложными толками, къ разсказамъ Священной Исторіи примѣшивались вымышленныя подробности, вмѣсто истинныхъ научныхъ свѣдѣній выступали фантастическія представленія. Такимъ образомъ между людьми грамотными развивалось двоевѣріе, въ которомъ христіанскія убѣжденія были перепутаны съ языческими миѳами и которое нисходило къ народу, а отъ него поступало опять въ книжный оборотъ съ новыми элементами, въ болѣе разнообразномъ и усложненномъ видѣ. Вотъ по-

чему, начиная съ XIII-го вѣка и до XVIII-го, духовная власть не переставала облпчать ложныя сказанія, и какъ еще Слово на соборъ архангела Михаила (§ 77) запрещало читать отреченныя книги, которыя совращаютъ съ праваго пути, такъ Духовный Регламентъ (1720 г.) предписываетъ духовенству строго смотрѣть за исторіями, противными православному ученію, разсказывающими то, чего не было, достойными смѣху за свое «бездѣльное» содержаніе.

Но это двоевѣріе, противное правому ученію вообще и ученію правой вѣры въ частности, дало многіе элементы поэтическому творчеству. Если исторія русской церкви, наравнѣ съ исторіей русскаго просвѣщенія, справедливо осуждаютъ его; то исторія поэзіи, имѣющей свою собственную область, состоящей на особыхъ правахъ и условіяхъ, видитъ въ апокрифахъ такія произведенія, которыми оживлялся однообразный токъ исключительной литературы. Занимательностію и энциклопедическимъ содержаніемъ, отреченныя книги удовлетворяли многимъ интересамъ людей грамотныхъ, которые, по малой степени образованія, не могли различать истинное отъ ложнаго, точныхъ знаній отъ суевѣрія. Онѣ поставляли и своеобразно разрѣшали религіозные вопросы — главный предметъ тогдашней любознательности; распространяли вымышленными подробностями сухой и краткой историческій разсказъ; олицетворяли явленія и силы природы, которая поэтому являлась живымъ существомъ, исполненнымъ чудесъ. Какъ поэтическія легенды, онѣ представляютъ многіе художественные образы и весьма часто проникнуты искреннимъ одушевленіемъ, хотя это одушевленіе вытекаетъ изъ источниковъ, признаваемыхъ за мутные. Такъ какъ у народнаго мышленія и народной фантазіи много общихъ пунктовъ съ представленіями отреченныхъ книгъ, то послѣднія изъ письменности переходили въ изустную словесность и оказывали на нее болѣе или менѣе сильное вліяніе. Нѣкоторые «стихи» или духовныя пѣсни народа заимствовали свое содержаніе изъ апокрифическихъ сказаній, напримѣръ: стихъ о Голубиной книгѣ, стихъ о Георгіи храбромъ, о Ѳедорѣ Тиронѣ и др. И на оборотъ: народныя представленія и вѣрованія, выраженныя въ пѣсняхъ, сказкахъ, пословицахъ, переходили въ апокрифы. Вліяніе было обоюдное.

Къ XIII вѣку относятся два апокрифа: «Сказаніе Афродитіана (Афродіана) о чудѣ, бывшемъ въ Персидской землѣ» и »Завѣты двѣнадцати патріарховъ», т. е. двѣнадцати сыновей Іакова. Первый касается исторіи Рождества Спасителя; второй содержитъ въ себѣ разсужденія о религіозныхъ и нравственныхъ предметахъ, напримѣръ: завѣтъ Рувима о благоуміи, Симеона—о зависти, Іуды—о мужествѣ, Іосифа — о мудрости, Веніамина — о чистомъ помыслѣ, и проч.

Памятникъ апокрифической литературы XIV вѣка: «Хожденіе Богородицы по мукамъ» (ада), по свойству самаго предмета, долженъ былъ пользоваться и дѣйствительно пользовался большою популярностію. Вопросы о кончинѣ міра, о загробной жизни, съ ея блаженствами для праведныхъ и мученіями для грѣшниковъ, интересовали всѣхъ и каждаго. Грамотный наравнѣ съ неграмотнымъ находилъ въ нихъ обильное содержаніе для ума и фантазіи. Проповѣдное слово брало ихъ нерѣдко своею темою; житія святыхъ также изображали мытарства и казни, уготованныя порочнымъ. Отреченныя книги передавали ихъ по своему, соединяя поэзію описаній съ представленіемъ современныхъ недостатковъ общества. Апокрифъ XIV вѣка, написанный на этотъ сюжетъ, изображаетъ «Хожденіе Богородицы по мукамъ ада», въ сопровожденіи архангела

Михаила, который разсказываетъ ей преступленія мучимыхъ: въ одномъ мѣстѣ казнятся творившіе грѣхъ по воскреснымъ днямъ; въ другомъ—судіи немилостивые и кривосудящіе; въ третьемъ—жестокосердые богачи, князья и господа, мучившіе своихъ рабовъ; далѣе — не ходившіе въ церковь, не поклонявшіеся святымъ иконамъ, смѣявшіеся при чтеніи божественнаго писанія; наконецъ—волхвы и чародѣи, тати и разбойники, плясуны и скоморохи.

«Хожденіе Богородицы» любопытно еще тѣмъ, что сохранило въ себѣ свидѣтельство о древне-русскомъ язычествѣ. Въ числѣ мучащихся грѣшниковъ находятся и такіе, которые поклонялись твари, называли богами солнце и мѣсяцъ, землю и воду, звѣрей и гадовъ, «Трояна», Хорса, Велеса, Перуна. Такимъ образомъ къ именамъ божествъ, извѣстнымъ по другимъ памятникамъ, присоединяется еще имя какого-то Трояна, употребленнаго въ Словѣ о Полку Игоревѣ въ прилагательной формѣ.

См. Пыпина: Древняя русская литература (Отеч. Зап., 1857, № XI); Буслаева: О народ. поэзіи въ древ. рус. литературѣ; Тихонравова: Предисловіе къ Луцидаріусу (Лѣт. рус. лит., 1859, кн. 1). О Богомильской сектѣ: Разсужд. о ересяхъ и расколахъ, Руднева, и Письма объ Исторіи Сербовъ и Болгаръ (Рус. Бес., 1859, № 4, стр. 117—130).

«Преподобнаго отца нашего Никона о глаголемыхъ тайныхъ книгахъ показанія яко еретическая суть писанія» (Уставъ церковный 1608 г., въ Опис. Рум. Муз., стр. 716—717). Въ томъ же Описаніи см. №№ CCCLXII, CCCCXVLII и CCCCLVI, на стр. 519, 714—715, 761. Сказаніе Никона напеч. Калайдовичемъ, по другимъ спискамъ, въ Іоаннѣ экс. болг., стр. 208. «Сказаніе Афродитьяна о бывшимъ въ Персьстѣй земли чудеси» (Рук. Толст. I, 8 и 195; здѣсь же обличеніе Сказанія во лжи, I, 190, II, 241). Завѣтъ 12 патріарховъ, въ спискѣ Малалы XV в., переписанномъ съ текста 1261 г. (Предисл. къ Переяслав. лѣтоп.); другой списокъ въ Рум. Муз., № CCCCLIII. Въ житіи Авраамія Смоленскаго, XIII в., говорится, что онъ читалъ «Глубинныя книги», за что былъ обвиняемъ духовенствомъ. Подъ этимъ именемъ разумѣютъ апокрифическое сочиненіе: «Глубина». Списокъ «Хожденія Богородицы», XIV в., въ Библ. Троицкой Лавры; другой списокъ 1602 г. въ И. П. Б.

§ 90. Когда народъ, подъ вліяніемъ христіанскихъ понятій, утратилъ вѣру въ чудесное языческое, тогда героическія пѣсни смѣнились историческими (§ 17). При новыхъ вѣрованіяхъ не могли уже развиваться миѳы—прежняя основа эпоса; съ другой стороны текущая дѣйствительность болѣе и болѣе обращала на себя вниманіе. Въ этой-то дѣйствительности и нашло себѣ матеріалы поэтическое творчество народа: миѳическія преданія уступили свое мѣсто опредѣленнымъ историческимъ фактамъ. Эпосъ принялъ направленіе историческое, перешедъ отъ Владиміра и богатырей его къ современнымъ происшествіямъ, такъ или иначе связаннымъ съ народными интересами. Такимъ образомъ появились у насъ историческія народныя пѣсни, начиная съ XIV в., или съ эпохи татарскаго нашествія, и простираясь до XVIII.

Но если измѣнилась основа пѣсни, то не измѣнился ея складъ. Свойства стариннаго эпическаго разсказа сохранены новымъ направленіемъ, хотя оно избирало сюжетами не миѳы, а историческія событія. Не смотря на болѣе положительное отношеніе къ дѣйствительности, народъ удержалъ при себѣ прежній взглядъ на человѣка и природу и прежній способъ поэтическаго выраженія. Новые пѣвцы пользовались тѣми же эпическими пріемами и формами, какіе употреблялись изстари. Отъ этого историческія пѣсни даже XVII вѣка представляютъ силу и свѣжесть, свойственныя первобытному эпосу. Въ нихъ ничѣмъ не высказывается личность слагателя, который творилъ въ духѣ народа и налагалъ на свои творенія

печать стариннаго эпическаго строя. Смотря на историческія пѣсни съ этой точки зрѣнія, можно сказать, что, по основанію и сюжету своему, онѣ составляютъ новую степень въ развитіи народнаго эпоса, но по складу и выраженію суть только дальнѣйшее развитіе прежнихъ героическихъ сказаній.

Народное представленіе злой татарщины высказано въ нѣсколькихъ пѣсняхъ, сочиняя которыя народъ дѣйствовалъ двоякимъ образомъ: или, по горячимъ слѣдамъ происшествія, слагалъ новую былину, слѣдуя неизмѣннымъ эпическимъ пріемамъ; или къ стариннымъ преданіямъ присоединялъ новыя лица и событія, отъ чего происходили анахронизмы, смѣсь эпохъ, накопленіе въ одной и той же пѣснѣ разновременныхъ фактовъ. Требовать исторической вѣрности отъ былинъ невозможно: въ нихъ вымыселъ идетъ рядомъ съ тѣмъ, что дѣйствительно существовало. Но несомнѣнное достоинство ихъ въ красотѣ поэтическаго представленія, въ мѣткой нравственной характеристикѣ дѣйствій и дѣятелей, въ искреннемъ сочувствіи къ историческимъ судьбамъ отечества. Самые анахронизмы ихъ поучительны въ томъ смыслѣ, что они ясно показываютъ, какъ событіе воспринималось смысломъ народа и отражалось въ его фантазіи. Объясненныя свойствами этихъ двухъ способностей, историческія невѣрности пѣсенъ становятся не только понятными, но и правильными, естественными явленіями самороднаго творчества. Память о Татарахъ сохранилась въ слѣдующихъ пѣсняхъ: Щелканъ Дудентьевичъ, Михайло Казариновъ, Калинъ царь, Князь Романъ Дмитріевичъ и супруга его Марья Юрьевна.

Первая пѣсня основана на дѣйствительномъ событіи, занесенномъ въ лѣтопись подъ 1327 годомъ. По разсказу лѣтописца, Шевкалъ, посолъ хана Узбека, хотѣлъ сѣсть въ Твери на княженіе, посажать также князей бусурманскихъ по другимъ городамъ русскимъ, привести христіанъ въ татарскую вѣру, а тверскаго князя Александра Михайловича и брата его убить. Князь Александръ вступилъ въ сраженіе съ дружиной Шевкала и одолѣлъ ее послѣ битвы, тянувшейся цѣлый день; самъ же Шевкалъ сгорѣлъ въ дворцѣ, въ которомъ заперся и который былъ зажженъ Русскими. Пѣсня, измѣнивъ Узбека въ Азвяка, Шевкала въ Щелкана, измѣнила и другія обстоятельства событія. Во что̀ обходилось нашему отечеству поведеніе ханскихъ баскаковъ, можно видѣть изъ того, какъ дѣйствовалъ Щелканъ при сборѣ податей въ землѣ Литовской:

Бралъ онъ, младъ Щелканъ,
Дани, невыходы,
Царски невыплаты;
Съ князей бралъ по сту рублевъ,
Съ бояръ по пятидесять,
Съ крестьянъ по пяти рублевъ.
У котораго денегъ нѣтъ,
У того дитя возьметъ;
У котораго дитя нѣтъ,
У того жену возьметъ;
У котораго жены-то нѣтъ,
Того самого головой возьметъ.

Не лучше обращался Щелканъ съ «богатою и старою» Тверью:

Онъ судьею насѣлъ
Въ Тверь ту старую,
Въ Тверь ту богатую;
А немного онъ судьею сидѣлъ:

И вдовы-то безчестити,
Красны дѣвицы позорити,
Надо всѣми наругатися,
Надъ домами насмѣхатися.

Народъ, выведенный изъ терпѣнія, «разорвалъ» гордаго баскака.

Въ пѣснѣ о Михайлѣ Казариновѣ описывается, какъ этотъ богатырь освободилъ изъ татарскаго плѣна одну русскую дѣвицу «полоняночку», въ которой узналъ родную сестру свою. Освобожденная разсказываетъ ему, какъ она досталась Татарамъ:

Я вечоръ гуляла въ зеленомъ саду,
Со своей сударынею матушкою,
Какъ издалеча, изъ чиста поля,
Какъ черны вороны налетывали,
Набѣгали тутъ три Татарина наѣздники,
Полонили меня красну дѣвицу,
Повезли меня во чисто поле:
А я такъ Татарамъ досталася,
Тремъ собакамъ наѣздникамъ.

Другая «русская полоняночка»—княгиня Марья Юрьевна, жена Романа Дмитріевича. Пѣсня о ней извѣстна въ двухъ варіантахъ: по одному варіанту, княгиню берутъ въ плѣнъ Татары къ своему царю Батыю; по другому, она попадаетъ въ плѣнъ къ Мануилу, сыну Ягайлову. Возвращаясь изъ плѣна, княгиня перепpавляется черезъ двѣ рѣки: одна послушалась ея вѣщаго слова и стала женскимъ «переброднщемъ», по которому и перешла плѣнница; черезъ другую рѣку перевезла ее сама собою «колода бѣлодубовая». Эту чудесную колоду вывезли потомъ на святую Русь, рѣзали ее на мелкіе кресты и чудные образа, вызолотили червоннымъ краснымъ золотомъ и разослали по всѣмъ церквамъ.

Въ четвертой пѣснѣ, Илья Муромецъ спасаетъ не плѣнниковъ и плѣнницъ, а цѣлый Кіевъ отъ татарскаго царя Калина, войско котораго обложило городъ со всѣхъ сторонъ на сто верстъ. За неимѣніемъ при себѣ оружія, русскій богатырь схватилъ за ноги Татарина, который пріѣзжалъ въ Кіевъ посломъ отъ Калина,

И зачалъ Татариномъ помахивати:
Куда ли махнетъ—тутъ и улицы лежатъ,
Куды отвернетъ—съ переулками,
А самъ Татарину приговариваетъ:
«А и крѣпокъ Татаринъ, не ломится,
А и жиловатъ, собака, не изорвется».

Побивъ всю татарскую силу, Илья Муромецъ схватилъ самого Калина, ударилъ его о горючъ камень и расшибъ въ крохи.

См. Буслаева: «О русской поэзіи XVII вѣка» (Моск. Вѣд. 1852 г.) и «О русскихъ народ. пѣсняхъ, собранныхъ Якушкинымъ» (Лѣтоп. рус. литературы и древности, 1859, № 2). Въ числѣ этихъ пѣсенъ находятся двѣ пѣсни о кн. Романѣ Дмитріевичѣ и Марьѣ Юрьевнѣ; остальныя три: о Щелканѣ Дудентьевичѣ, Михайлѣ Казариновѣ и Калинѣ царѣ, въ Древн. рос. стих.

Съ XIV вѣка размножаются грамоты разныхъ родовъ: договорныя, уставныя, жалованныя и пр. Изъ договорныхъ извѣстны: грамота в. к. Дмитрія Іоанновича и брата его кн. Владиміра Андреевича съ Новгородомъ (1372 г.) и грамота в. к. Василія Дмитріевича съ братомъ его кн. Юріемъ Дмитріевичемъ (около 1390 г.). Къ уставнымъ, которыми верховная власть учреждала порядокъ суда и расправы въ какомъ-нибудь городѣ, волости и проч., относится грамота в. к. Василья Дмитріевича и митр. Кипріана о церковныхъ судахъ, распорядкахъ и пошлинахъ въ волостяхъ духовнаго вѣдомства (1389 или 1404). Жалованныя содержали въ себѣ права и преимущества, да-

ваемыя отъ кого-либо разнымъ лицамъ, общинамъ и сословіямъ: такова грамота рязанскаго кн. Олега Іоанновича Ольгову монастырю (1356—1387) (Собр. государ. грамотъ и договоровъ, I и II; Акты Истор., I; Дополн. къ Ист. Акт., I). Съ XIV-го же в. начали появляться разные юридическіе акты: записи, купчія, мѣновыя, данныя, отводныя, ввозныя, заемныя, духовныя и др. Важнѣйшія изъ нихъ: новгородскія купчія, духовныя грамоты и памяти Новгородцевъ и Двинянъ (Юрид. Акты, 1838). Изъ духовныхъ замѣчательны написанныя Калитою, Симеономъ Гордымъ и Дмитріемъ Донскимъ. Всѣ эти акты важны по отношенію къ языку вообще, представляя этимологическія и синтаксическія особенности древнерусской народной рѣчи, и по отношенію къ языку юридическому, который получалъ здѣсь свое начальное образованіе.

XV ВѢКЪ.

§ 91. Выше (§ 37) исчислены рукописи библейскихъ и богослужебныхъ книгъ, относящіяся къ XV в. Важнѣйшее между ними мѣсто занимаетъ Синодальный списокъ Библіи (1499 г.), написанный въ Новгородѣ при новгородскомъ архіепископѣ Геннадіи.

Дѣятельность Геннадія принадлежитъ не одной исторіи русской церкви, но и исторіи русскаго просвѣщенія. Образованный пастырь, онъ ревностно заботился о распространеніи духовнаго образованія, которое находилось въ жалкомъ состояніи. Изъ посланія его къ митрополиту Симону видно, что, по малому числу грамотныхъ людей, почти некого было ставить въ священники; ставленники едва умѣли разбирать псалтирь; требованіе книжнаго ученія, необходимаго іерейскому сану, возбуждало ропотъ невѣждъ, не хотѣвшихъ учиться или учившихся лѣниво. Для исправленія зла, причиненнаго нерадѣніемъ, Геннадій билъ челомъ Іоанну III, чтобы онъ, ради своей государской чести, повелѣлъ завести училища для образованія духовенства и чтобы въ этихъ училищахъ обучали сперва азбукѣ, а потомъ слѣдованной псалтири (§ 37), послѣ чего уже легко читать всякія книги. Разумомъ и грозою государя и твоимъ благословеніемъ (пишетъ онъ Симону) дѣло устроится; а то всей русской землѣ позоръ, будто нѣтъ въ ней человѣка, кого можно было бы поставить въ попы.

Другое историческое дѣло Геннадія—борьба съ жидовскою ересью (см. ниже) и, по поводу этой борьбы, первое собраніе книгъ Священнаго Писанія на славянскомъ языкѣ. Раньше этого мы не имѣли полнаго кодекса Библіи. Хотя переводъ ея на славянскій языкъ (кромѣ Маккавейскихъ книгъ) совершенъ братомъ Кирилла, Меѳодіемъ, какъ показываетъ его жизнеописаніе, подтверждаемое свидѣтельствами Несторовой лѣтописи и Іоанна эксарха болгарскаго, который говоритъ, что Меѳодій переложилъ всѣ 60 уставныхъ (каноническихъ) книгъ; но этотъ начальный переводъ былъ утраченъ: иначе Геннадій не сталъ бы отыскивать, по разнымъ мѣстамъ, нѣкоторыхъ библейскихъ книгъ, нужныхъ ему для полемики съ жидовствующими.

Въ Синодальный списокъ Библіи весь Новый Завѣтъ и нѣкоторыя ветхозавѣтныя книги вошли въ переводахъ съ греческаго, при чемъ пятокнижіе Моисеево, книги Іисуса Навина, Судей, Руѳь, Псалтирь и Притчи представляютъ слѣды древняго преложенія, а текстъ книги Іова, Пѣсни пѣсней и 16 книгъ пророческихъ извлеченъ собирателями изъ толкованій на Св. Писаніе; другія книги внесены въ переводахъ съ латинскаго; книга же Есѳирь переведена съ

еврейскаго. Геннадій приступилъ къ собранію священныхъ книгъ въ полномъ ихъ составѣ послѣ того времени, какъ печатное изданіе латинскаго перевода Библіи, совершеннаго св. Іеронимомъ въ IV в. и извѣстнаго подъ именемъ Вульгаты, стало всюду распространяться. Поэтому Синодальный списокъ Библіи подвергся вліянію Вульгаты: изъ нея, кромѣ цѣлыхъ книгъ, переведены пропуски въ нѣкоторыхъ книгахъ, переложенныхъ съ греческаго; изъ нея же заимствованъ порядокъ, въ какомъ ветхозавѣтныя книги слѣдуютъ одна за другими, и порядокъ послѣдованія главъ въ иныхъ книгахъ. Наконецъ предисловія къ книгамъ переведены съ латинскаго или съ нѣмецкаго. Между сотрудниками Геннадія въ этомъ дѣлѣ извѣстны доминиканецъ Веніаминъ, переведшій съ латинскаго Маккавейскія книги, и Дмитрій Герасимовъ, переводчикъ посольскаго приказа.

Геннадій поставленъ въ архіепископы 1485 г., отказался отъ каѳедры 1504-го, ум. 1506-го. Посланіе его къ митр. Симону въ I т. Ист. Акт. Въ Синодальномъ спискѣ Библіи переведены съ латинскаго: книги Паралипоменонъ, 3 книги Эздры, книги Неемія, Товія, Юдиѳь, Премудрости Соломоновой, 2 книги Маккавейскія, равно и пропуски въ книгахъ Исаіи, Есѳири и въ Притчахъ. Какъ первый кодексъ библейскихъ книгъ, Синодальный списокъ не могъ быть вполнѣ удовлетворительнымъ. Недостатки его слѣдующіе: списки нѣкоторыхъ книгъ не принадлежатъ къ лучшимъ и древнѣйшимъ; въ текстѣ, извлеченномъ изъ толкованій, есть опущенія и перестановки, и оставлены по мѣстамъ постороннія слова толкователей; нѣкоторыя ветхозавѣтныя книги или мѣста изъ нихъ переведены не съ греческаго, а съ латинскаго, что произошло, съ одной стороны, отъ потери старинныхъ славянскихъ переводовъ или отъ неизвѣстности объ ихъ существованіи, а съ другой отъ недостатка людей, хорошо знающихъ греческій языкъ. (Опис. слав. рукоп. Син. библ., отд. I, стр. I—XIV и 132-137; Обз. рус. духов. лит.; Шлецеръ и анти-историческое направленіе, Соловьева, въ 8 № Рус. Вѣст. 1857; Палеогр. и филолог. матеріалы для исторіи письменъ славян., Буслаева).

§ 92. Замѣчательнѣйшіе сборники XV в.: Сборникъ, хранящійся въ Библіотекѣ Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, основаннаго при Московскомъ Университетѣ, Румянцовскій Сборникъ, Матица Златая или Жемчугъ.

Сборникъ Московскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ содержитъ въ себѣ древніе переводы съ греческаго языка на славянскій ветхозавѣтныхъ книгъ: Пѣсни Пѣсней, Притчей Соломоновыхъ и Премудрости Іисуса сына Сихарова; выписки изъ Скитскаго Патерика (§ 72); Хожденіе Даніила Паломника; разныя слова противъ латинянъ; Менандра Мудраго, византійскаго писателя VII вѣка, о разумѣ—наставительныя изреченія въ родѣ статей Пчелы или Слова о Даніилѣ Заточникѣ; апокрифическое сказаніе Афродитіана Персянина (§ 89); Синагрипъ, царь Адоровъ и Наливскія страны, или Слово объ Акирѣ премудромъ, и проч. Исчисленныя сочиненія существовали у насъ, конечно, раньше XV в., и большею частію въ древнихъ болгарскихъ переводахъ, что доказывается особенностями языка и правописанія, потерпѣвшихъ значительныя измѣненія отъ русскаго переписчика XV в. Нѣкоторыя книги этого Сборника, именно: Притчи, Менандръ и Іисусъ Сираховъ, указываются, вмѣстѣ съ другими, посланіемъ Геннадія къ ростовскому архіепископу Іоасафу.

Въ Сборникѣ Румянцовскаго Музея, на ряду съ произведеніями собственно-духовными и историческими, каковы: житіе Іоанна Дамаскина и его же о православной вѣрѣ (въ переводѣ Іоанна экзарха болгарскаго), поученіе о пьянствѣ, сокращеніе Несторовой лѣтописи, отъ призванія Рюрика до крещенія Владиміра, добавленное разными вымыслами, помѣщены статьи, заключающія въ себѣ свѣдѣнія о природѣ и повѣсть о мутьянскомъ (молдавскомъ) воеводѣ Дракулѣ.

Подобныя статьи есть и въ Матицѣ Златой, въ которую, кромѣ того, внесены разныя слова и поученія, преимущественно Златоуста, приточное слово св. Варлаама Асафу царю, какъ подобаетъ христіанину подвизаться добрыми дѣлами въ скоропреходящемъ житіи семъ, разсказъ о крещеніи Ольги и другія сочиненія богословскаго, нравственнаго и историческаго содержанія.

Въ число сборниковъ должно помѣстить также Хронографъ или, вѣрнѣе, Палею, писанную въ Псковѣ (1494 г.), при архіепископѣ Геннадіи, Самуиломъ, дьякомъ съ Дубкова (изъ Дубкова). Составъ ея слѣдующій: ветхозавѣтная исторія, со вставками изъ апокрифическихъ книгъ; исторія монархій по Временнику Георгія Амартола; разсказъ о русскихъ происшествіяхъ до Владиміра, въ немногихъ краткихъ выпискахъ. Изъ вымышленныхъ сказаній помѣщены въ Палеѣ повѣсти о Китоврасѣ, о южской царицѣ, о судахъ Соломона и т. п.

Сборникъ Библ. Общ. Ист. и Древ. значится въ каталогѣ ея подъ № 189, отд. I. Сборникъ Румянцовскій въ Опис. рук. Рум. Муз., № CCCLVIII. Здѣсь же Палея (№ CCCCLIII), подробно разсмотрѣнная Востоковымъ, который отнесъ ее къ хронографамъ, и совершенно сходная съ Палеей, принадлежащей Ундольскому и написанной въ 1518 г. Домонтовскимъ попомъ Константиномъ (О времени происх. слав. письменъ, Бодянскаго). Матица Златая въ И. П. Б.: «Сія книга именуется Женчюгъ и Матица Златая». Посланіе Геннадія къ Іоасафу, съ просьбою прислать ему книги, которыхъ у него нѣтъ, но которыя есть у еретиковъ (жидовствующихъ), въ Чтеніяхъ 1847 г. Объ Акирѣ Премудромъ, Дракулѣ, Китоврасѣ и другихъ повѣствовательныхъ сочиненіяхъ см. ниже. Есть еще сборники, означаемые именемъ собственнымъ «Златоуста», а иногда нарицательнымъ «Златоструя»: это—поученія одного Іоанна Златоуста, или же разныхъ отцевъ церкви, но преимущественно Златоуста. Они читались въ теченіе цѣлаго года или только великимъ постомъ, и получали названія Златоустовъ Учительныхъ, Златоустовъ Постныхъ. Намъ уже извѣстенъ «Златоструй» болгарскаго царя Симеона, въ спискѣ XII в. (§ 42), въ И. П. Б.—Златоструй XV в. (1474 г.), въ Библ. Моск. Дух. Ак., судя по языку, переписанъ съ древняго оригинала. Сборники поученій и другихъ духовныхъ статей, большею частію Златоуста, котораго творенія пользовались чрезвычайною славою и были любимымъ чтеніемъ всего христіанскаго міра, имѣли и другія названія: Измарагдъ (Смарагдъ, т. е. Изумрудъ), Маргаритъ (Жемчугъ, Перло) и т. п. Измарадъ XIV в. въ Рум. Муз. (№ CLXXXVI), Маргаритъ XV в., въ рук. Толстаго (I, 29).

§ 93. Статьи о природѣ, помѣщенныя въ указанныхъ сборникахъ: Румянцовскомъ и Матицѣ, сообщали любознательнымъ читателямъ древней Руси такъ называемыя «физіологическія» познанія, потому что въ средніе вѣка словомъ «физіологія» означалось изученіе природы вообще, и натуралисты именовались «физіологами». Онѣ служили дополненіемъ къ однороднымъ статьямъ Святославова Изборника 1073 г. и сборниковъ Кирилла Бѣлозерскаго, къ поэмѣ Георгія Писида и другимъ немногимъ источникамъ, по которымъ можно было пріобрѣтать понятія объ Астрономіи, Физикѣ, Натуральной Исторіи. Не слѣдуетъ, конечно, искать въ нихъ полноты и системы: это—собраніе энциклопедическихъ отрывочныхъ свѣдѣній. Содержаніе ихъ—предметы и явленія природы, возбуждавшіе особенное вниманіе по своему величію и красотѣ, или по близкому отношенію къ обыденной жизни. Такъ въ Матицѣ Златой говорится о кругахъ земномъ, лунномъ и солнечномъ, о звѣздахъ и планетахъ, о знаменіяхъ солнца и луны, т. е. о вліяніи этихъ свѣтилъ на землю, о рыбахъ и птицахъ; въ Румянцовскомъ Сборникѣ—«о широтѣ и долготѣ» земли, о землетрясеніяхъ, стихіяхъ, моряхъ, воздушныхъ перемѣнахъ, составныхъ частяхъ человѣческаго тѣла. Всѣ эти естественныя свѣдѣнія заимствованы изъ источниковъ византійскихъ, къ которымъ въ XVI вѣкѣ присоединяются источники западные. Хотя подобныя

статьи имѣли въ виду передать читателямъ полезныя свѣдѣнія или просто удовлетворить врожденную имъ любознательность, однакожъ онѣ не ограничивались практическимъ и научнымъ интересомъ. И наука, и ея приложенія къ жизни подчинялись господствовавшему въ то время религіозному направленію: почему высшею цѣлію естественныхъ познаній было возвести духъ и мысль отъ творенія къ Творцу, отъ изящества и дивности созданій къ премудрости и благости Создателя. Цѣль эта въ точности выражается названіемъ поэмы Георгія Писида: «Похвала къ Богу о сотвореніи міра».

§ 94. Въ духовной словесности XV вѣка, господствующимъ родомъ были посланія и поученія, написанныя по поводу современныхъ событій и явленій въ русской жизни. Намъ уже извѣстно посланіе Геннадія къ митрополиту Симону о заведеніи училищъ для образованія духовенства. Къ его имени присоединяются еще имена митрополита Фотія и ростовскаго архіепископа Вассіана.

§ 95. Обличительное направленіе словесности, имѣвшее до того дѣло преимущественно съ іудействомъ и латинствомъ или съ языческими суевѣріями и противохристіанскими нравами народа, нашло себѣ, въ XV вѣкѣ, новый предметъ— ереси. Первая изъ нихъ по времени, именно ересь Стригольниковъ, возникла еще въ предъидущемъ столѣтіи (1371 г.) въ Псковѣ, откуда перешла къ Новгородцамъ. Основателями ея были Карпъ, ремесломъ стригольникъ, и дьяконъ Никита. Ученіе стригольниковъ обращалось главнѣйшимъ образомъ къ двумъ пунктамъ: священноначалію и таинствамъ. Они отвергали всякую іерархію. Отдѣлясь отъ Церкви въ общественномъ богослуженіи, они вскорѣ отдѣлились отъ нея и въ совершеніи таинствъ: положили, что приносить покаяніе должно не предъ священниками, а предъ Богомъ, въ сокрушеніи сердца повергаясь на землю; выбирали себѣ учителей изъ своей среды единственно по ея приговору; принимали крещеніе и причащеніе отъ лицъ нерукоположенныхъ; отвергали не только приношенія за умершихъ, но и молитвы о нихъ. Появленіе ереси объясняется двумя причинами: во-первыхъ, возможными уклоненіями церковной власти, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, отъ правильнаго пути; во-вторыхъ, особенностями жизни Новгородцевъ и Псковитянъ, болѣе свободной въ своемъ ходѣ. Извѣстно, что Новгородцы не однажды возставали противъ митрополичьяго суда, которому должны были подчиняться всѣ епископы, а Псковичи возставали противъ новгородскихъ владыкъ, долгое время управлявшихъ псковскою епархіею. И тѣ и другіе хотѣли образовать у себя самостоятельное, независимое духовное управленіе.

Ученіе стригольниковъ было въ началѣ опровергаемо посланіями константинопольскихъ патріарховъ: Нила и Антонія. По смерти основателя ереси, Карпа, брошеннаго народомъ въ Волховъ, волненіе, ею произведенное, затихло, но тайные послѣдователи ея оставались во Псковѣ и открылись при Фотіи. Болѣе чѣмъ полувѣковое ея существованіе свидѣтельствуетъ, что она была распространена значительно и оказывала вліяніе на понятія анти-іерархическія. Посланія Фотія къ Псковитянамъ по этому поводу имѣютъ цѣлію обратить стригольниковъ на путь истинный убѣжденіями, а при недѣйствительности этой мѣры—наказаніями. Кончилось тѣмъ, что одни изъ стригольниковъ отступились отъ своего ученія, а другіе, упорствующіе, приговорены были къ пожизненному тюремному заключенію.

Были и другія обстоятельства, обращавшія особенное вниманіе Фотія на псковскую епархію. По смежности своихъ владѣній съ Литвою и нѣмецкимъ Орденомъ, Псковъ занялъ нѣкоторые иновѣрные обряды: Фотій увѣщевалъ духовенство и народъ строго держаться постановленій православной церкви. Когда повальная болѣзнь, извѣстная подъ именемъ черной смерти, опустошала города и села, особенно Псковъ, Фотій отправилъ къ его жителямъ утѣшительное посланіе. Посланіями своими, Фотій дѣйствовалъ также противъ народныхъ суевѣрій и нехристіанскаго образа жизни: противъ торговли и рѣзоимства (отдачи денегъ въ ростъ), производимыхъ духовными лицами; противъ «поля», или судебнаго поединка, на которомъ тяжущіеся убивали другъ друга; противъ ворожбы, которою занимались многіе, особенно женщины, и которой давали вѣру люди грамотные, на ряду съ простолюдинами; противъ жизни Новгородцевъ съ женами безъ совершенія брака; противъ двоеженства и троеженства, даже при живыхъ женахъ.

Фотій, родомъ Грекъ изъ Мореи, былъ митрополитомъ съ 1410 по 1431 г. Посланія его въ I т. Ист. Акт. и I т. Акт. Арх. Эксп. Прощальная грамота въ VI т. П. Собр. Лѣт. См.: Фотій, митр. кіевскій, въ Приб. къ Твор. св. отц., 1852 г., кн. 2.; Обз. рус. дух. лит.; Ист. рус. Слов., Ш—ва, III. Изложеніе ученія и судьбы Стригольниковъ въ Ист. ересей и расколовъ, Руднева.

§ 96. Два посланія къ Іоанну III написаны по поводу нашествія татарскаго хана Ахмата на Россію: одно—соборное посланіе духовенства на Угру, другое—посланіе ростовскаго архіепископа Вассіана. При вѣсти о походѣ Татаръ, Іоаннъ III послалъ войско къ берегамъ Оки и самъ отправился въ Коломну. По совѣту нѣкоторыхъ бояръ, не хотѣвшихъ войны съ Татарами—злыхъ сребролюбцевъ, богатыхъ и брюхатыхъ предателей христіанства, бусурманскихъ поровниковъ, какъ выражается лѣтопись—царь оставилъ войско и воротился въ Москву. Митрополитъ Геронтій, Вассіанъ и другія духовныя лица просили его стать крѣпко противъ Татаръ. Просьбы подѣйствовали: Іоаннъ отправился къ войску, но не на Угру, гдѣ оно стояло, а въ Кременецъ. Здѣсь, по совѣту тѣхъ же бояръ, началъ онъ думать о мирѣ и вести переговоры съ Ахматомъ. Видя такую боязнь и нерѣшимость, Вассіанъ, духовникъ и довѣренный совѣтникъ Іоанна, отправилъ къ нему посланіе, которымъ убѣждалъ его рѣшиться на битву съ врагомъ. Мысли свои о борьбѣ съ Татарами, какъ необходимомъ средствѣ къ освобожденію отечества, утверждаетъ онъ текстами Св. Писанія, примѣрами изъ отечественной исторіи: Игоря, Святослава и Владиміра, бравшихъ дань съ греческихъ царей, Владиміра Мономаха, бившагося съ Половцами, Димитрія Донскаго, не щадившаго жизни своей ради избавленія христіанскаго, и даже ссылкой на слова философа Димокрита, заимствуя ихъ, вѣроятно, изъ Пчелы: «Слыши, что глаголетъ Димокритъ философъ: первый князю подобаетъ имѣти умъ ко всѣмъ премѣннымъ и на супостаты крѣпость и мужество и храбрость, а къ своей дружинѣ любовь и привѣтъ сладокъ».

Вассіанъ, архіеп. съ 1468 г., ум. 1481 г. Кромѣ посланія, принадлежитъ ему житіе Пафнутія Боровскаго, котораго онъ былъ ученикомъ (въ Четьи-Минеяхъ Макарія и сокращенно въ Чет. Мин. Димитрія Ростовскаго). Соборное посланіе духовенства на Угру—въ I т. Акт. Арх. Эксп. Посланіе Вассіана—въ VI т. Пол. Собр. Лѣт. См.: Вассіанъ, арх. ростов., записка Сухомлинова (Изв. Ак. Н. по 2 отд., II); Ист. Рос., Сол—ва, V.

§ 97. Гораздо важнѣе ереси стригольниковъ, и по характеру ученія, и по си-

лѣ вліянія, была другая, такъ называемая жидовская ересь. Основалъ ее жидъ Схарія, членъ или глава религіознаго литовскаго общества, пріѣхавшій, 1471 г., въ Новгородъ съ братомъ кіевскаго князя, Михаиломъ Олельковичемъ. Ересь распространилась сначала въ духовенствѣ, а потомъ и въ другихъ сословіяхъ: простолюдины принимали ее наравнѣ съ людьми значительными. Для успѣшнѣйшаго дѣйствія, послѣдователи Схаріи старались добывать священническія мѣста и входить въ довѣренность къ сильнымъ лицамъ. Когда Іоаннъ III прибылъ въ Новгородъ (1480 г.), то священники Діонисій и Алексѣй, главные поборники ереси, такъ понравились ему, что онъ взялъ ихъ съ собою въ Москву и поставилъ одного протопопомъ въ Успенскомъ соборѣ, другаго священникомъ въ Архангельскомъ. Съ ними ученіе Схаріево перешло въ Москву и пріобрѣло многихъ вліятельныхъ послѣдователей: симоновскаго архимандрита Зосиму, дьяка Ѳедора Курицына, любимца государева, бывшаго посланникомъ въ Венгріи и въ Вѣнѣ, брата его Ивана Волка, и невѣстку Іоанна III, Елену, мать Димитрія, объявленнаго наслѣдникомъ престола. Самъ Іоаннъ признавался въ послѣдствіи, что его также хотѣли уловить и что онъ зналъ, какую ересь держалъ протопопъ Алексѣй и какую Ѳедоръ Курицынъ.

Архіепископъ новгородскій Геннадій, узнавъ о существованіи ереси, принялъ противъ нея мѣры: одни изъ еретиковъ покаялись, другіе были наказаны гражданскою казнію. Но потомъ раскаявшіеся бѣжали въ Москву, гдѣ ученіе жидовское пользовалось потворствомъ. Геннадій донесъ о томъ митрополиту Геронтію, который однако не рѣшился докучать представленіемъ Іоанну, потому ли, что былъ нерасположенъ къ Геннадію, или потому, что видѣлъ сильное заступничество ереси въ царскомъ любимцѣ, дьякѣ Курицынѣ. Еретики еще больше усилились, когда, по смерти Геронтія, митрополитскую каѳедру получилъ Зосима (1490 г.), обязанный своимъ назначеніемъ сильнымъ при дворѣ людямъ, раздѣлявшимъ мнѣніе жидовствующихъ. Не смотря на то, новый митрополитъ, въ самый годъ своего избранія, долженъ былъ созвать соборъ на еретиковъ, который однихъ присудилъ къ заточенію, а другихъ, бѣжавшихъ изъ Новгорода, отправилъ обратно къ Геннадію. Между тѣмъ ересь въ Москвѣ не ослабѣвала. Напротивъ, особое обстоятельство дало ей новый успѣхъ. Въ то время, въ христіанскомъ мірѣ сильно распространено было мнѣніе, что съ концемъ седьмой тысячи лѣтъ отъ сотворенія міра, то есть въ 1492 году, наступитъ второе пришествіе Христово. Такъ думали и простолюдины, и духовенство. Еще въ XIV вѣкѣ, въ Москвѣ, о переводѣ священныхъ книгъ на пермскій языкъ говорили: «и прежде не было грамоты въ Перми: за чѣмъ замышлять ее въ исходѣ седьмой тысячи, за 120 лѣтъ до кончины міра?» Поэтому и расчисленіе пасхальное производилось только по 1492-ой годъ. Противъ этого года, въ Новгородской Пасхаліи, написано: «здѣ страхъ, здѣ скорбь.... въ сіе лѣто чаемъ и всемірное твое пришествіе». Въ одномъ посланіи митрополита Фотія читаемъ: «послѣдняя времена тяжка суть и дніе лукави, и отступятъ нѣціи отъ вѣры, и время слугъ своихъ поставляетъ». Мнѣніе это утверждалось на Руси и разными невзгодами: частыми пожарами, трехлѣтнимъ повсемѣстнымъ неурожаемъ и голодомъ, моровою язвою. Но 1492-ой г. наступилъ, а втораго пришествія не было: тогда еретики стали издѣваться надъ обманутымъ ожиданіемъ христіанъ, утверждая, что православная Церковь теряла такимъ об-

разомъ одно изъ основаній вѣры въ Спасителя. Самъ митрополитъ находилъ это возраженіе неотразимымъ. Пасхальное расчисленіе, сдѣланное Геннадіемъ еще на 70 лѣтъ (по 1562 г.) и разосланное по епархіямъ, не пособило дѣлу. Соблазнъ болѣе и болѣе усиливался, такъ что споры касательно этого пункта происходили въ Москвѣ не только въ домахъ, но и на торжищахъ.

Тогда Геннадій обратился за помощью къ Іосифу Санину, основателю и игумену Волоколамскаго монастыря, человѣку начитанному, строгому иноку, отличавшемуся твердымъ характеромъ и сильною религіозною ревностію. Дѣятельность Іосифа не ограничивалась монастыремъ, въ которомъ онъ ввелъ строгое общежительство, но простиралась на всю волоколамскую область: князь этой области, Борисъ Васильевичъ, руководствовался его совѣтами, вельможи слушались его указаній, женщины испрашивали его совѣтовъ чрезъ своихъ духовниковъ. Онъ примирилъ князя Юрія Дмитровскаго съ великимъ княземъ, обратилъ вниманіе на жестокое обращеніе господъ съ слугами и помогалъ крестьянамъ во время голода. Первымъ дѣломъ Іосифа, по вызову Геннадія, было удалить Зосиму: для этого писалъ онъ посланія къ епископамъ, приглашая ихъ пресѣчь всякое общеніе съ митрополитомъ, какъ одномышленникомъ еретиковъ. По оставленіи Зосимомъ митрополіи, Іосифъ просилъ Іоанна III принять строгія мѣры противъ еретиковъ: царь обѣщалъ, но медлилъ по свойственной ему нерѣшительности или по вліянію на него приближенныхъ лицъ. Тогда Іосифъ началъ дѣйствовать чрезъ царскаго духовника: такое посредничество имѣло успѣхъ, чему, конечно, много помогла и перемѣна придворныхъ отношеній, именно торжество Софьи и сына ея Василія надъ Еленою, подкрѣплявшею ересь своимъ участіемъ. Въ 1504 г. созванъ былъ второй соборъ, на которомъ еретики рѣшились было защищать свое ученіе, но были обличены Іосифомъ. Опредѣленіемъ Собора, одни изъ нихъ осуждены на сожженіе, другіе разосланы въ заточеніе или по монастырямъ. Съ этого времени ересь ослабѣла, но не исчезла окончательно: ученіе ея, какъ увидимъ ниже, обнаружилось, въ половинѣ XVI вѣка, ересями Матвѣя Бакшина и Ѳеодосія Косаго.

Въ ученіи жидовствующихъ, имѣвшемъ сильное вліяніе на религіозныя понятія, надобно различать два элемента: іудейскій и раціональный. Они отвергали таинство Св. Троицы, Божество Іисуса Христа, необходимость искупленія, евхаристію, почитаніе святыхъ, поклоненіе кресту и иконамъ, посты, монашество. Вліяніе, произведенное ими въ Новгородѣ и Москвѣ, надобно объяснять, конечно, не раціонализмомъ, до котораго не могла еще возвыситься русская образованность XV вѣка, но духомъ свободомыслія, реформы, протеста, который возникъ въ Польшѣ и на Волыни до появленія Лютера, и сущностью ученія каббалистическаго, которое увлекало любознательныхъ, желавшихъ разрѣшить тайны природы и человѣческой жизни, и которымъ плѣнялись въ то время образованные, наравнѣ съ необразованными, по общей наклонности къ чудесному. Въ опроверженіе жидовствующихъ, Іосифъ написалъ книгу «Просвѣтитель»: такъ называются 16 словъ противъ жидовской ереси, содержащія въ себѣ ея исторію и обличеніе. Онъ защищаетъ догматы и постановленія христіанской церкви Св. Писаніемъ, твореніями св. отцевъ и собственными разсужденіями. По поводу того же предмета писалъ онъ посланія къ разнымъ лицамъ. Изъ другихъ посланій его замѣчательно посланіе къ нѣкоему вельможѣ о помилованіи рабовъ: здѣсь онъ, узнавъ о скудости,

голодѣ и наготѣ домашнихъ рабовъ одного господина, напоминаетъ ему христіанскую любовь и даетъ совѣты питать и одѣвать ихъ, заботиться о душахъ ихъ и научать на добрыя дѣла.

Между посланіями Геннадія касательно ереси любопытно писанное имъ къ Зосимѣ, который, по нерасположенію къ нему, не допустилъ его присутствовать на своемъ поставленіи въ митрополиты. Осуждая послабленіе еретикамъ въ Москвѣ, Геннадій ставитъ въ примѣръ Франковъ, крѣпко держащихся своей вѣры: «испанскій король, говоритъ онъ, очистилъ свою землю отъ еретиковъ», указывая этимъ на дѣйствія инквизиціи, сильно возбужденной требованіями Иннокентія VIII.

«Просвѣтитель» Іосифа Волоцкаго (р. 1440, у. 1515 г.) напеч. въ Православномъ Собесѣдникѣ 1856 г. Изложеніе его въ Ист. ересей и расколовъ, Руднева, гдѣ подробно разсмотрѣна жидовская ересь; также въ 14 и 16 ч. Древ. Рос. Вивліоѳики и въ 3 кн. Твор. св. отц. 1847 г.: здѣсь же предложены отрывки изъ нѣкоторыхъ его сочиненій. П. К., въ предисловіи къ «Посланію Іосифа къ иноку иконописцу» (Чтен. 1847, № 1), доказываетъ, что 16 словъ Іосифа противъ жидовствующихъ не были составлены по прежденачертанному плану, но собраны въ одно цѣлое послѣ, вѣроятно, самимъ авторомъ. Посланіе къ вельможѣ о помилованіи рабовъ въ I т. Допол. къ ист. акт., посланіе къ кн. Юрію Дмитровскому въ I т. Ист. акт. (Твор. св. отцевъ, кн. 2 и 3; Чтен. 1847, № 1; Обз. рус. дух. лит.). Посланія Геннадія: къ Нифонту, еп. суздальскому (Толст. II, 341), къ Зосимѣ (Акт. арх. эксп. I), къ Іоасафу, еп. ростовскому (Чт. Общ. 1847 г.).

Слова на воскресные и праздничные дни Григорія Цамблака, родомъ Болгарина, вызваннаго въ Россію митрополитомъ Кипріаномъ и поставленнаго (1416 г.) въ кіевскіе митрополиты, независимо отъ митр. Фотія, соборомъ литовско-русскихъ епископовъ, пользовались большимъ уваженіемъ не только въ юго-западныхъ русскихъ областяхъ, но и въ Великороссіи, гдѣ на самого проповѣдника смотрѣли неблагопріятно, какъ на человѣка, беззаконно принявшаго санъ митрополита. Содержаніе ихъ большею частію догматическое, при чемъ предметы вѣроученія и священныхъ сказаній нерѣдко объясняются въ смыслѣ иносказательномъ или мистическомъ. Въ изложеніи виденъ стиль византійскихъ образцовъ: стремленіе къ витіеватости, сравненіямъ, метафорамъ и антитезамъ, отъ чего рѣчь становится искуственною и холодною. Къ этому недостатку, происходящему отъ подражанія византійскому ораторству, присоединяется другой—отрѣшенность словъ отъ жизни, которая является въ нихъ только въ немногихъ случаяхъ, гдѣ Цамблакъ входитъ въ состязаніе съ Іудеями и Латинянами. Цамблакъ ум. 1419 г. Сочиненія его еще не изданы: они находятся въ рукописныхъ сборникахъ. См.: О Григоріи Цамблакѣ, какъ писателѣ, Макарія (Изв. Ак. Н. по 2 от., VI), Обз. рус. дух. лит. и Ист. рус. слов. Ш—ва, III.

Такъ какъ послѣ поученій митр. Фотія проповѣди на сѣверѣ не было, то недостатокъ живыхъ, устныхъ наставленій духовенство старалось вознаградить учительными посланіями, съ которыми оно обращалось и къ лицамъ, и къ цѣлымъ областямъ. Значеніе этихъ посланій зависитъ преимущественно отъ значенія событій и случаевъ, по поводу которыхъ они писаны. Одни изъ нихъ имѣли цѣлію прекратить междоусобія князей или непокорность отдѣльныхъ областей княжеству московскому, и такимъ образомъ содѣйствовать установленію государственнаго единства; другія обличали народные пороки и нехристіанскіе обычаи. Митроп. Іона (съ 1448 по 1461 г.) писалъ посланія противъ Дмитрія Шемяки за нарушеніе имъ данной клятвы и начатіе новой войны съ в. к. Васильемъ Васильевичемъ; къ Новгородцамъ о прекращеніи междоусобій; къ Псковичамъ о соблюденіи православія во всей его чистотѣ и о вѣрности великому князю; къ Вятчанамъ о признаніи великокняжеской власти, прекращеніи грабежей и разбоевъ и возвращеніи захваченныхъ ими въ плѣнъ, также объ исправленіи отъ пороковъ, именно отъ беззаконной жизни съ женами безъ вѣнчанія, или отъ вступленія въ бракъ до четырехъ, пяти и болѣе разъ, при чемъ укорялось духовенство въ потворствѣ такимъ обычаямъ; къ дѣтямъ, не повинующимся матери, и пр. (Ист. Акт., I; Допол. къ нимъ, I; Акты Арх. Эксп., I). Отъ митр. Филиппа I (съ 1464 по 1474 г.) имѣемъ посланія къ Новгородцамъ о покорности Іоанну III и къ Іоанну III о прощеніи Новгородцевъ, если они изъявятъ покорность (Ист. Акт. I). Митр. Геронтій (съ 1475 по 1488 г.), извѣстный уже по соборному посланію на Угру, склонялъ Вятчанъ къ по-

виновенію великому князю (ib.) Митр. Симонъ (съ 1496 по 1511), въ посланіи къ Пермянамъ, осуждалъ ихъ за несоблюденіе христіанскихъ обязанностей и за приверженность къ язычеству: поклоненіе идолу, вступленіе въ бракъ съ родными по древнимъ, т. е. языческимъ, обыкновеніямъ и т. п. (Ib. и Акт. Арх. Эксп., I.).

§ 98. Нилъ Майковъ, извѣстный болѣе подъ именемъ Сорскаго, былъ сначала инокомъ Кирилло-бѣлозерскаго монастыря, потомъ путешествовалъ къ святымъ восточнымъ мѣстамъ и нѣсколько лѣтъ провелъ на Аѳонѣ.

Въ XIV вѣкѣ, Аѳонскіе монастыри обращали на себя вниманіе иночества разсужденіями о высшемъ духовномъ совершенствѣ, которое достигается путемъ внутренняго очищенія и непрерывной молитвы, совершаемой умомъ въ сердцѣ. Особенно Григорій Синаитъ распространилъ между святогорскими монахами правило внутренней, безмолвной, «умной» молитвы, называемой также «умнымъ дѣланіемъ». Нилъ Сорскій изучалъ его творенія, равно какъ и другихъ подвижниковъ: Исаака Сирина, Іоанна Лѣствичника, Симеона Новаго Богослова, Петра Дамаскина. Возвратясь въ отечество, онъ удалился на рѣку Сору, въ 15 верстахъ отъ Кирилло-бѣлозерскаго монастыря, и учредилъ обитель, на особыхъ правилахъ, по примѣру аѳонскихъ скитовъ, почему и почитается основателемъ скитскаго житія въ Россіи. Посланія и наставленія его отличаются духомъ аскетизма. Въ нихъ излагаются правила внутренней жизни, затрудненія на пути къ духовному совершенству и средства къ его достиженію, между которыми главнѣйшее мѣсто занимаетъ, какъ сказано выше, безмолвная или «умная» молитва. «Преданіе Нила Сорскаго ученикомъ своимъ о жительствѣ скитскомъ» (уставъ скитскій) содержитъ въ себѣ многія заимствованія изъ Григорія Синаита и Симеона Новаго Богослова. Въ немъ даны наставленія, какъ вести мысленную брань, или борьбу съ грѣховными, страстными помыслами: сребролюбіемъ, гнѣвомъ, печалью, уныніемъ, тщеславіемъ, гордостью и проч.

Нилъ Сорскій (р. 1433, у. 1508 г.) былъ ученикъ извѣстнаго по своимъ достоинствамъ игумена Троицкой Сергіевой Лавры, Паисія Ярославова, котораго Іоаннъ III хотѣлъ возвести въ митрополиты, на мѣсто Геронтія. Въ 1490 г. присутствовалъ на соборѣ противъ жидовствующихъ, а въ 1503 г. на соборѣ о вдовыхъ священникахъ и дьяконахъ. На послѣднемъ соборѣ, вѣрный своимъ понятіямъ о строгомъ отшельничествѣ, предложилъ онъ, чтобы монастыри не имѣли селъ и чтобы иноки жили въ пустыняхъ и кормились трудами рукъ своихъ. Іосифъ Волоколамскій былъ противнаго мнѣнія, которое одержало верхъ и было причиною вражды между иноками бѣлозерскими и волоколамскими. Исторія этой вражды раскрывается въ послѣдствіи яснѣе и будетъ изложена въ своемъ мѣстѣ. «Преданіе о жительствѣ скитскомъ» изд. 1849 г. Сочиненія неизданныя: «Посланіе къ кн. Кассіану, вопросившему о помыслахъ» (Кассіанъ, вѣроятно кн. мавнукскій, пріѣхавшій въ Россію съ Софіею Палеологъ, бывшій бояриномъ при ростов. архіепископѣ Іоасафѣ и ум. 1504); три посланія къ неизвѣстнымъ лицамъ; завѣщаніе; «о инокахъ, кружающихъ стяжанія ради». См. Толст. II, 341; Царск. № 274; Рум. Муз., стр. 628.

Изъ книгъ, содержащихъ въ себѣ толкованія Св. Писанія, къ XV в. относятся: Бесѣды Іоанна Златоустаго на книгу Бытія, переведенныя инокомъ Іаковомъ, и Толкованіе Олимпіодора Александрійскаго и другихъ на книгу Іова, переведенное инокомъ Гавріиломъ. Оба перевода совершены на горѣ Аѳонской. Правописаніе ихъ сербское; въ послѣднемъ встрѣчаются и слова сербскія (Опис. слав. рук. Син. Биб., отд. II, стр. IV, 45—46 и 53—59).

Выше (§ 91) упомянуто о сотрудникахъ Геннадія: Дмитріи Герасимовѣ и Веніаминѣ. Герасимовъ, переводчикъ посольскаго двора, былъ съ разными порученіями въ Швеціи, Даніи, Пруссіи и Вѣнѣ, и посломъ въ Римѣ (1526). Онъ перевелъ съ лат., для Геннадія, книги, нужныя въ то время для полемики съ жидовствующими: Николая Делиры противъ Іудейскаго безвѣрія и Самуила Евреина обличеніе Іудеевъ (Цар. № 461). Ему же, вѣроятно, принадлежатъ переводы съ лат. нѣкоторыхъ библейскихъ книгъ

и предисловій. О трудахъ его при Максимѣ Грекѣ будетъ сказано ниже. Священникъ Веніаминъ, «паче же минхъ обители св. Доминика, родомъ славянинъ, а вѣрою латинянинъ», прибывшій въ Россію, 1490 г., съ Андреемъ, братомъ великой княгини Софіи, перевелъ съ лат. Маккавейскія книги (въ Погодинскомъ спискѣ Библіи XV в.). Кромѣ того Ѳедоръ, новокрещенный Еврей, при митр. Филиппѣ 1, перевелъ съ еврейскаго Псалтирь и книгу Есѳирь.

§ 99. Въ XV вѣкѣ, особенно во второй его половинѣ, духовная литература обогащается житіями святыхъ. Іеромонахъ Епифаній, прозванный «премудрымъ», составилъ житіе Сергія Радонежскаго; Вассіанъ, архіепископъ ростовскій (§ 96)— житіе Пафнутія Боровскаго: но главная дѣятельность въ этомъ отдѣлѣ древнерусской словесности, предшествующая дѣятельности митрополита Макарія (XVI в.), принадлежитъ Пахомію Логоѳету, родомъ Сербу, прибывшему въ Россію при великомъ князѣ Васильѣ Васильевичѣ (около 1460 г.) и сначала находившемуся въ Новгородѣ при архіепископѣ Іонѣ, а по смерти его перешедшему въ Троицкій Сергіевъ монастырь. Нѣкоторыя житія сложены имъ впервые; другія только передѣланы или исправлены. Къ числу первыхъ относятся житія Варлаама Хутынскаго, архіепископовъ новгородскихъ Евфимія и Моисея, Кирилла Бѣлозерскаго, Алексія митрополита; къ числу вторыхъ: житія Саввы Вишерскаго, Сергія Радонежскаго (написанное Епифаніемъ) и пр.

Въ составѣ житій различаются слѣдующіе предметы: основный фактъ, принятый Церковью и предлагаемый въ повѣствованіи; историческая обстановка основнаго факта; религіозная идея, выражаемая разсказомъ о подвигахъ святаго; литературная обработка сказанія.

Основный фактъ не подлежитъ историко-литературному разсмотрѣнію: онъ есть достояніе исторіи Церкви. Важность исторической обстановки заключается въ томъ, что она сообщаетъ данныя для опредѣленія древнерусскаго быта, для раскрытія внутренней стороны народной жизни (§ 72). Главная мысль, проникающая повѣствованіе, знакомитъ насъ съ господствомъ религіозныхъ идей въ извѣстныя эпохи и тѣмъ указываетъ на высшіе духовные интересы общества. Въ литературной обработкѣ представляются изслѣдованію какъ постройка цѣлаго и качества изложенія, такъ и понятія и воззрѣнія составителя, вносимыя имъ въ сказаніе и по вліянію эпохи, и по своему личному настроенію.

Такъ составленное въ Ростовѣ житіе Петра Царевича ордынскаго, котораго Кириллъ, епископъ ростовскій (XIII), взялъ изъ орды и обратилъ къ христіанству, имѣетъ цѣлію прославивъ святаго и весь родъ его, выставить законныя права церкви въ противоположность съ своекорыстіемъ и маловѣріемъ ростовскихъ князей, которые покушались отнять у монастыря Петра и Павла земли и озеро, пріобрѣтенныя Петромъ Царевичемъ въ церковное владѣніе. По исторической обстановкѣ, житіе важно своимъ отношеніемъ къ внутреннему быту древней Руси и особенно быту юридическому, указывая на понятія о владѣніи землею и водою. Оно повѣствуетъ, какъ между потомками Петра Царевича и потомками стараго князя ростовскаго завязался споръ о томъ, кому принадлежитъ озеро на монастырской землѣ и кто имѣетъ право на рыбную въ немъ ловлю. «Дѣдъ твой, говорили потомки ростовскаго князя Юрію, Петрову внуку, купилъ у нашихъ прародителей для монастыря землю, на которую есть и грамоты, но на озеро грамоты не взялъ: слѣдовательно оно принадлежитъ намъ, и мы запрещаемъ твоимъ людямъ ловить въ немъ рыбу. Юрій отправился съ жалобой въ орду и привелъ съ собою та-

тарскаго посла для рѣшенія тяжбы. Посолъ, разложивъ передъ собою грамоты, спрашивалъ ростовскихъ князей: «положены ли грамоты на эту куплю? ваша ли вода? есть ли подъ нею земля? и можете ли снять воду съ земли той?» Князья отвѣчали, что грамоты положены, что земля подъ водою есть, но что снять ее съ земли не могутъ. Тогда посолъ возразилъ: если не можете снять воду, то почему называете ее своею? И рѣшилъ онъ спорное дѣло въ пользу внуковъ Петра Царевича и вмѣстѣ въ пользу церкви; по землѣ присудилъ и воду: «какъ есть купля землямъ, такъ и водамъ». Такимъ образомъ изъ житія Петра Царевича видно, что въ XIV вѣкѣ юридическія понятія о владѣніи водою еще не были опредѣлены во всей ясности, и эта неопредѣленность подавала поводы къ тяжбамъ. Житіе Меркурія, составленное въ Смоленскѣ, противополагаетъ христіанство татарскому владычеству. Идея его—спасеніе Смоленска отъ Батыева нашествія заступничествомъ Богородицы и подвигомъ угодника Божія, посланнаго ею противъ Татаръ. Убивъ исполина татарскаго, Меркурій принимаетъ потомъ смерть отъ руки его сына и пріобрѣтаетъ вѣнецъ мученическій.

Кромѣ житій, составлялись каноны, или пѣснопѣнія, и похвальныя слова святымъ. Пахомій Логоѳетъ, написавшій многія житія, извѣстенъ также какъ творецъ каноновъ. Эти молитвенныя славословія, образуемыя похвалами и канонами, составляютъ, въ литературѣ житій, «лирическій» періодъ, тогда какъ самое житіе есть періодъ «собственно-литературный» или «прозаическій».

Смоленская легенда о св. Меркуріи, Буслаева (Лѣт. рус. лит. и древн. 1859, кн. 3).

§ 100. Отъ житій собственно такъ называемыхъ, признанныхъ Церковью и вошедшихъ въ пролога, надобно отличать тѣ духовныя повѣствованія, въ которыхъ народная фантазія, овладѣвая исторической истиною, сообщаетъ ей идеальное представленіе. Самый фактъ, служащій предметомъ повѣствованія, остается неприкосновеннымъ, и благочестивое одушевленіе, имъ возбуждаемое, является во всей силѣ; но народъ передаетъ его по своему, окружаетъ его поэтическими преданіями. Подобные разсказы относятся къ народному эпосу религіознаго содержанія и имѣютъ характеръ легендъ: въ нихъ дѣйствительныя событія перемѣшиваются съ разнообразными вымыслами, отъ чего происходятъ несообразности и противорѣчія.

Даже собственно житія не чужды устныхъ преданій. Указавъ на житія святыхъ, какъ на источники при изложеніи Исторіи Русской Церкви, Макарій замѣчаетъ: въ числѣ этихъ житій, нѣкоторыя, подобно позднѣйшимъ нашимъ лѣтописямъ, не мало искажены многословіемъ, преувеличеніями, даже несообразностями историческими и противорѣчіями (Ист. Рус. Церкви, т. I, стр. XVI предисловія).

Преданія, вошедшія въ народныя духовныя повѣствованія, слагались въ разныя эпохи: одни задолго предшествовали существованію самого предмета сказанія и составляютъ миѳическій элементъ его, въ которомъ доисторическій эпосъ прилагается къ извѣстной исторической личности; другія могли явиться чрезъ многіе годы послѣ разсказываемыхъ событій; третьи возникали одновременно съ эпохою лицъ и событій, о которыхъ повѣствуется. Такимъ образомъ, относительно состава, духовныя народныя повѣствованія, или легенды, повторяютъ тоже самое явленіе, какое видимъ въ народныхъ пѣсняхъ: тѣ и другія заключаютъ въ себѣ разновременные слои преданій.

Народныя преданія въ духовныхъ повѣствованіяхъ составляютъ «эпическій»

періодъ послѣднихъ, предшествующій двумъ позднѣйшимъ періодамъ: лирическому и прозаическому, или литературному. Отвергаемый Исторіею Церкви, какъ произведеніе фантазіи, онъ долженъ разсматриваться Исторіею Литературы, которая видитъ въ немъ свою прямую принадлежность и останавливается на немъ съ особеннымъ вниманіемъ: ибо онъ выражаетъ народныя понятія и убѣжденія. Хотя онъ часто не согласуется съ историческими данными, даже нерѣдко противорѣчитъ имъ, но онъ уже самъ по себѣ есть важный историческій фактъ, проявляющій умственное и духовное состояніе народной жизни въ извѣстную эпоху и въ извѣстномъ мѣстѣ. Редакція духовнаго повѣствованія, записанная по народнымъ преданіямъ какимъ-нибудь книжникомъ, должна быть названа «народною», въ противоположность «литературной» редакціи, очищенной съ одной стороны отъ историческихъ несообразностей и противорѣчій, а съ другой отъ поэтическихъ элементовъ, и потому потерявшей свѣжесть и непосредственность начальнаго сказанія, представляющія особенное достоинство для исторіи народной словесности.

Примѣромъ устныхъ преданій, вошедшихъ въ духовныя повѣствованія, служитъ, между прочимъ, муромское сказаніе о князѣ Петрѣ и супругѣ его Февроніи, не признанное Церковью. Здѣсь къ исторической обстановкѣ присоединены доисторическія преданія, и оба элемента освящаются религіозною идеей.

Къ доисторическимъ преданіямъ относятся: во-первыхъ, борьба князя Петра съ Зміемъ; во вторыхъ, вѣщій характеръ Февроніи. Князь убиваетъ Змія оборотня, подобнаго какъ множеству огненныхъ летучихъ зміевъ въ народныхъ сказкахъ и пѣсняхъ, такъ и змію Фафниру, поражаемому Зигурдомъ, въ пѣсняхъ древней Эдды. Февронія, дочь древолазца (собирающаго въ лѣсу медъ съ деревьевъ) есть идеалъ вѣщей дѣвы, занимающейся тканьемъ и пряжею; она загадываетъ загадки и своею премудростію побѣждаетъ князя, который на ней женится. Состязаніе загадками и задачами между княземъ Петромъ и Февроніею есть обычный эпическій мотивъ какъ народной поэзіи, такъ и средневѣковыхъ сказаній, даже въ литературѣ книжной. Мотивъ этотъ развитъ весьма близко къ муромскому сказанію въ сербской сказкѣ, «какъ дѣвица перемудрила царя».

По отношенію къ историческимъ даннымъ, сказаніе замѣчательно тѣмъ, что выставляетъ смуты бояръ, не любившихъ Февроніи ради женъ своихъ, надъ которыми государствовала дочь древолазца, ставшая княгинею по доброму житію своему, а не по отечеству. Здѣсь боярская спѣсь и мѣстническіе предразсудки негодовали на личныя достоинства, взявшія преимущество.

Наконецъ основная идея сказанія, переданнаго грамотникомъ, есть апотеоза чистой и трогательной любви древнерусской женщины: не смотря на преслѣдованія со стороны бояръ и боярынь, на слабость воли и на равнодушіе князя къ ея высокой преданности, Февронія, лишившись княжеской власти, идетъ съ нимъ въ изгнаніе. При концѣ жизни супруга, она спѣшитъ окончить свою священную работу—вышиванье воздуховъ, и потомъ, не дошивъ, умираетъ вмѣстѣ съ нимъ въ одно и тоже мгновеніе и предается погребенію въ одномъ съ нимъ гробѣ.

См. вышеуказанную статью Буслаева и его же: «Пѣсни древней Эдды о Зигурдѣ и Муромская легенда» (Атеней, 1858, № 30).

§ 101. Историческія повѣсти или сказанія XV вѣка: двѣ повѣсти о Тамерланѣ (Темиръ-Аксакѣ), повѣсть о созданіи и о взятіи Царяграда и повѣсть о походѣ Іоанна III на Новгородъ.

Одна изъ повѣстей о Тамерланѣ разсказываетъ всю его жизнь, отъ рожденія до смерти; другая, кратко говоря о его возвышеніи изъ простаго хищника въ великіе завоеватели, подробно излагаетъ обстоятельства его похода на Русь, при великомъ князѣ Васильѣ Дмитріевичѣ, въ 1395 г., когда онъ, взявъ Елецъ и простоявъ въ Рязанской землѣ 15 дней, повернулъ назадъ, въ день принесенія образа Богородицы изъ Владиміра въ Москву, которая осталась цѣлою и невредимою. Будучи составлена независимо отъ лѣтописныхъ показаній, вторая повѣсть представляетъ передачу устныхъ разсказовъ о Тамерланѣ, ходившихъ на Руси въ первой половинѣ XV века.

По взятіи Царяграда Турками (1453 г.), явились описанія этого событія, весьма важнаго для Руси по ея отношеніямъ къ Греціи и завершающаго въ хронографахъ разсказъ объ иноземныхъ происшествіяхъ. Лѣтописные разсказы отличаются краткостію, но есть одинъ, весьма обстоятельный и подробный, сохранившійся въ значительномъ количествѣ списковъ, подъ именемъ «Повѣсти о созданіи и о взятіи Царяграда». Самое названіе показываетъ, что въ повѣсти двѣ части: одна описываетъ основаніе города, другая разсказываетъ о взятіи его Магометомъ II. Подробности, опущенныя въ другихъ сказаніяхъ и придающія изложенію занимательность, заставляютъ думать, что составитель повѣсти былъ если не очевидецъ, то современникъ событія или, по крайней мѣрѣ, писалъ по разсказамъ современниковъ. Повѣсть нравилась не только описаніемъ событія, къ которому русскіе читатели не могли оставаться равнодушными, по единовѣрію съ Греками, но и предсказаніями о будущемъ паденіи Турокъ и о возрожденіи Византіи, котораго всего ближе должно было ожидать отъ народа единовѣрнаго.

Повѣсть о походѣ Іоанна III на Новгородъ (1471 г.) написана, вѣроятно, сторонникомъ московскаго правительства, какъ можно судить даже по ея заглавію: «Словеса избранна отъ Св. Писанія о правдѣ и смиренномудріи Ивана, о гордости мужей новгородскихъ». Нѣкоторые думаютъ, что она сочинена митр. Филиппомъ I или подъ его надзоромъ и потомъ имъ исправлена. Извѣстно, что Филиппъ входилъ въ посредничество между Новгородцами и московскимъ княземъ, убѣждая Новгородцевъ покориться Іоанну III, а Іоанна III помиловать Новгородцевъ, если они изъявятъ ему покорность.

Повѣсти о Тамерланѣ разсмотрѣны Срезневскимъ въ ст.: «Хожденіе за три моря Никитина» (Учен. Зап. 2 отд. Ак. Н., кн. II, вып. 2). Первая нап. въ IV т. Лѣтоп. по Никон. списку (стр. 246—249); вторая во 2 Соф. лѣт. (Пол. Собр. Лѣт., VI, 124—128).

«Повѣсть о Цареградѣ» нап. въ Царственномъ Лѣтописцѣ, 1772 г., и въ V т. Лѣтописи по Никон. списку. Лѣтописные разсказы о взятіи Царяграда во II и VI т. т. Пол. Собр. Лѣт., подъ 1453 г. См.: «Повѣсть о Цареградѣ», Срезневскаго (Учен. Зап. 2 от. Ак. Н., кн. I) и въ «Очеркѣ литературной исторіи старинныхъ повѣстей и сказокъ русскихъ, Пыпина», стр. 213—215.

«Словеса избранна», и пр. въ VI т. Пол. Собр. Лѣт. (стр. 1—15.).

§ 102. Изъ русскихъ путешественниковъ XV вѣка заслуживаютъ особеннаго вниманія Симеонъ, іеромонахъ суздальскій, и Аѳанасій Никитинъ, тверской купецъ, такъ какъ они, въ своихъ запискахъ, описываютъ не святыя мѣста, съ которыми наши предки были уже знакомы по другимъ описаніямъ или по собственнымъ хожденіямъ, а страны малоизвѣстныя или и вовсе невиданныя: одинъ —Италію и нѣмецкія земли, другой—Индію.

Симеонъ находился при суздальскомъ епископѣ Аврааміи, который, въ 1437 г.,

отправился на Флорентійскій соборъ съ Исидоромъ, послѣднимъ русскимъ митрополитомъ изъ Грековъ. Въ путевыхъ запискахъ своихъ разсказываетъ онъ болѣе всего о достопримѣчательностяхъ нѣмецкихъ и италіянскихъ городовъ: Дерпта, Любека, Люнебурга, Брауншвейга, Лейпцига, Эрфурта, Бамберга, Нюренберга, Аугсбурга, Падуи, Феррары, Флоренціи, Венеціи. Особенно понравилась ему Флоренція—«славный и прекрасный городъ». Понятно любопытство, съ какимъ русскій путешественникъ того времени смотрѣлъ на устройство западныхъ городовъ, столь не похожее на то, что онъ видѣлъ у себя дома. Поэтому онъ нѣсколько разъ отмѣчаетъ различіе между чужеземнымъ и своимъ. Такъ онъ говоритъ, что у насъ нѣтъ такихъ городовъ, какъ городъ Юрьевъ (Дерптъ)—большой и каменный; что шитье на золотыхъ ризахъ въ Любекскомъ монастырѣ не такое, какъ у насъ; что божницы въ Аугсбургѣ писаны «вельми хитро, не яко у насъ», и т. п. Въ Люнебургѣ Симеонъ восхитился хитрымъ проведеніемъ воды: воды, сладкія и студеныя, истекаютъ изъ человѣческихъ фигуръ, стоящихъ среди города—у кого изъ устъ, у кого изъ уха, изъ ока, изъ локтя, изъ ноздрей. Въ одномъ изъ монастырей видѣлъ онъ, какъ самъ говоритъ, мудрость «недоумѣнную и несказанную»: «какъ живая стоитъ Пречистая и держитъ на рукѣ Младенца-Спаса; и вотъ, по звону колокольчика, слетаетъ ангелъ съ верху и кладетъ на Пречистую вѣнецъ; потомъ звѣзда пойдетъ по небу; взирая на нее, идутъ три волхва, а предъ ними человѣкъ съ мечемъ, а за нимъ человѣкъ съ дарами. И принесли дары Христу: злато, ливанъ и смирну, и поклонились Христу и Богородицѣ. Христосъ, обратясь, благословилъ и хотѣлъ взять дары, какъ литя, играя у Богородицы на рукахъ; волхвы поклонились и отдали, и ангелъ возлетѣлъ горѣ, взявъ съ собою вѣнецъ». Понравилась также Симеону иноческая жизнь въ одномъ изъ флорентинскихъ монастырей: «житіе старцевъ неисходно изъ монастыря никогда, и міряне къ нимъ не ходятъ николи же, и сидятъ за рукодѣльемъ: шьютъ златомъ, шелкомъ на плащаницахъ святыхъ». Особенности западной природы также останавливали на себѣ вниманіе русскаго инока. Онъ дивится тирольскимъ горамъ, на которыхъ, отъ самаго ихъ сотворенія, лежитъ снѣгъ, не тая даже во время сильнаго лѣтняго зноя, и на полувысотѣ которыхъ ходятъ облака. Другой диковинкой для Симеона были шелковичные черви во Флоренціи.

Путешествіе Аѳанасія Никитина въ Индію совершено было задолго до открытія туда морскаго пути Васкою де-Гама (1498), и потому записки его, особенно любопытныя для русскихъ читателей, представляли общій интересъ и по извѣстіямъ о той странѣ, съ которою Европа стала знакомиться не прежде XVI в. по разсказамъ Португальцевъ. Особенный случай далъ возможность Никитину странствовать по такой далекой землѣ. Въ 1466 г. пріѣзжалъ въ Москву посолъ отъ владѣтеля Шемахи. Іоаннъ III отправилъ и отъ себя посольство къ шемахинскому владѣтелю, Василья Папина съ товарищами. Аѳанасій Никитинъ и другіе тверскіе торговцы воспользовались этимъ случаемъ: они нагрузили два судна товарами, получили проѣзжую грамоту отъ тверскаго князя и отправились въ Шемаху Волгою. Цѣль ихъ поѣздки была торговая: имъ хотѣлось выгодно сбыть товары въ Персіи и тамъ, на вырученныя деньги, купить товаровъ для продажи въ своемъ отечествѣ. Странствованія Никитина по Персіи и Индіи продолжались съ 1466 по 1472 г. Къ зимѣ 1472 г. онъ воротился на Русь,

но, не доѣхавъ до родины, умеръ въ Смоленскѣ. Купцы доставили его записки въ Москву, къ дьяку Василью Мамыреву.

Путешествіе свое Аѳанасій Никитинъ назвалъ «Хожденіемъ за три моря»: Дербентское (Каспійское) или дорію (море) Хвалитскую, Индѣйское или дорію Гундустанскую, и Черное или дорію Стембольскую (Стамбульскую). Оно можетъ быть раздѣлено на три части: первая описываетъ путешествіе черезъ персидскія земли, отъ южныхъ береговъ Каспійскаго моря до береговъ Персидскаго залива, продолжавшееся болѣе году; вторая—путешествіе по Индіи, въ теченіе трехъ лѣтъ; третья—второе путешествіе чрезъ персидскія и турецкія земли, отъ береговъ Персидскаго залива къ берегамъ Чернаго моря (около полугода). Долгое странствованіе Никитина не обошлось безъ приключеній. Еще у Астрахани Татары ограбили одно его судно, а другое отъ сильной бури разбилось о берегъ у Тарки. Это заставило его, какъ онъ самъ признается, ѣхать дальше: «я пошелъ въ Индію отъ многія бѣды, потому что на Русь не съ чѣмъ было воротиться: не осталося ничего товару.» Въ Чюнейрѣ, въ Индіи (вѣроятно, нынѣшній Джонпръ), ханъ отнялъ у него коня, стоившаго ему 100 рублей, и принуждалъ перейти въ Магометову вѣру, обѣщая не только возвратить отнятое, но и дать ему тысячу золотыхъ, а въ противномъ случаѣ взять съ него тѣже деньги. Хорасанецъ Магометъ выручилъ изъ бѣды нашего путешественника: онъ упросилъ хана отдать ему коня и не требовать отъ него перемѣны вѣры. По этому случаю Никитинъ говоритъ: «братья русскіе христіане! Кто хочетъ идти въ индѣйскую землю, тотъ оставь вѣру свою на Руси, да вскликнувъ Махмета—ступай въ Гундустанскую землю». Но главнымъ неудовольствіемъ для него было то, что онъ обманулся въ купеческихъ расчетахъ: «все налгали мнѣ, будто въ Индіи много всякаго дешеваго товара; анъ нѣтъ ничего на нашу землю; все товаръ бѣлый на бусурманскую землю—перецъ да краски: то дешево; а на русскую землю товара нѣтъ». Особенности такой страны, какъ Индія, возбуждали сильное любопытство и удивленіе въ Никитинѣ, человѣкѣ простомъ, хотя и грамотномъ. Темный цвѣтъ кожи туземцевъ прежде всего бросился ему въ глаза: «и мужчины и женщины—все черные; куда ни пойду я—за мною идутъ много людей: дивятся бѣлому человѣку». Но всего болѣе, конечно, занимала его индѣйская религія. Въ Бедерѣ, мѣстопребываніи хорасанскаго султана, онъ открылъ Индѣйцамъ свою вѣру, а они сказали ему свою: вѣръ у нихъ 84, и поклонники одной вѣры не сближаются съ другой ни въ пищѣ, ни въ питьѣ, ни въ женитьбѣ. Кромѣ того замѣчалъ онъ отличія южнаго неба и климата, разныя породы животныхъ, великолѣпіе султанскаго дворца въ Бедерѣ и великолѣпные султанскіе выѣзды. Наконецъ, послѣ долгаго пребыванія на чужбинѣ, Никитинъ стосковался по родинѣ: «о благовѣрные христіане! (восклицаетъ онъ): кто по многимъ землямъ много плаваетъ, тотъ во многіе грѣхи впадаетъ и лишается вѣры христіанской. И я сжалился по вѣрѣ: вотъ уже прошли четыре великихъ поста и четыре свѣтлыхъ праздника; а я, грѣшный, не вѣдаю ни свѣтлаго праздника, ни великаго поста, ни Рождества Христова, ни другихъ праздниковъ, ни середы, ни пятницы; а книгъ у меня нѣтъ: ихъ отняли, когда ограбили меня». Какъ малообразованный и простодушный человѣкъ, Никитинъ часто вѣрилъ невѣроятнымъ разсказамъ, подобнымъ, напримѣръ, тому, какъ «въ городѣ Аляндѣ (нынѣшній Аллундъ) есть птица гукукъ: на которой хороминѣ сядетъ, то тутъ человѣкъ умретъ, а кто ея хочетъ убити, то у нея изо рта огонь вый-

детъ», или какъ «у обезьянъ есть князь обезьянскій, да ходитъ ратію своею; да кто ихъ замаетъ, и они жалуются князю своему, и онъ посылаетъ на того свою рать, и они, пришедъ на градъ, и дворы разорятъ и людей побиваютъ; а рати ихъ, сказываютъ, вельми много, и языки есть свои», и пр. Разсказъ «Хожденія», чуждый литературнаго достоинства, отличается совершенною простотою.

См. Срезневскаго: «Хожденіе за три моря Аѳанасія Никитина» (Учен. Зап. 2 отд. Ак. Н., кн. II, вып. 2); также Обозрѣніе рус. лѣтописей, Полѣнова (Журн. Мин. Нар. Просв. 1849 г.). «Хожденіе» нап. въ Прибавл. ко II Софійской лѣтописи (Пол. Собр. Лѣт., VI). Примѣчанія къ нему и переводъ словъ и выраженій восточныхъ составлены проф. Казембекомъ

Зосима, монахъ Троицкаго Сергіева монастыря, описалъ свое Хожденіе, въ 1420 г., къ святымъ мѣстамъ Царяграда, Аѳонской горы и Іерусалима. Списокъ Хожденія, подъ названіемъ: «Книга глаголемая Ксеносъ, сирѣчь Странникъ Зосимы діакона», нап. во II т. «Сказаній», Сахарова. Извѣстно еще Хожденіе въ Палестину, 1464 г., московскаго гостя Василія, болѣе краткое, нежели Паломникъ Даніила. Оно находится въ Сборникѣ (XVI в.) житій святыхъ, принадлежащемъ Синод. Библіотекѣ.

§ 103. При раздѣленіи древнерусскихъ литературныхъ памятниковъ на отдѣлы (§§ 39 и 48) было сказано, что область духовной словесности, по преимуществу наставительной, восполнялась съ одной стороны народными пѣснями и сказками, а съ другой произведеніями свѣтской письменности, къ которымъ относятся или собственно-русскія поэтическія сказанія (напр. Слово о полку Игоревѣ), или повѣсти, переходившія къ намъ отъ другихъ народовъ. Слово «повѣсть» должно принимать здѣсь не въ тѣсномъ, современномъ его смыслѣ, какъ названіе особаго вида эпической поэзіи, отличнаго отъ другихъ ея видовъ: поэмы, романа и сказки, а въ смыслѣ обширномъ, означающемъ всякое поэтическое повѣствованіе. Подъ нимъ разумѣются различныя средневѣковыя сказанія, служившія матеріаломъ для чтенія. Какъ произведенія книжныя, они тѣмъ самымъ отличаются отъ безъискуственной, народной поэзіи. Вмѣстѣ съ этимъ отличаются они и отъ апокрифовъ: хотя послѣдніе большею частію входятъ въ разрядъ повѣствованій, но у нихъ есть свои особенности, по которымъ они, заимствуя свои сюжеты изъ Библіи и священныхъ преданій, сближались съ словесностью духовною, чѣмъ и удавалось имъ иногда прикрыть свою отреченность, и, кромѣ того, не только имѣли въ виду одни литературные и эстетическіе интересы, но и давали пищу умственной пытливости грамотныхъ людей, которые, по свойству своего образованія, склонялись преимущественно къ предметамъ религіознымъ.

Самобытная повѣсть не могла развиться въ древнерусской литературѣ. Главная тому причина—разрывъ между народнымъ поэтическимъ творчествомъ и письменностью, явившеюся у насъ въ слѣдъ за христіанствомъ (§ 28). Хотя нѣкоторые элементы народной поэзіи и вошли въ произведенія письменности, которая въ свою очередь дѣйствовала на поэзію народную, но это взаимнодѣйствіе было недостаточно для зарожденія и образованія повѣствовательныхъ сочиненій. Между тѣмъ грамотные люди не удовлетворялись уже одними духовно-назидательными книгами: они требовали чтенія занимательнаго, при которомъ упражнялись бы и чувство и воображеніе. За недостаткомъ русскихъ повѣстей, прибѣгли къ переводамъ повѣстей чужеземныхъ, сильно распространенныхъ на западѣ Европы. Эти переводы сперва явились у южно-славянскихъ племенъ (Болгаръ и Сербовъ), а потомъ перешли въ письменность русскую. Начало ихъ у насъ восходитъ, вѣроятно, къ XI—XII в.: отъ этого времени тянутся они черезъ весь древ-

ній періодъ, подвергаясь извѣстнымъ измѣненіямъ, и изсякаютъ ко второй половинѣ XVIII вѣка, когда въ словесности нашей прочно утвердились новоевропейскія литературныя формы.

Первыя повѣсти занесены къ намъ изъ Византіи, въ южнославянскихъ переводахъ. Византія, по своему серединному положенію между западной Европой и востокомъ, могла и черпать изъ иностранныхъ литературъ, и удѣлять изъ своей литературы другимъ народамъ: она сообщала Арабамъ произведенія древне-классической словесности и сама знакомилась съ восточной поэзіей; по связямъ съ нѣмецкими и романскими племенами, усвоивала своей литературѣ западно-европейскія сказанія. Чрезъ южнославянское посредство, отъ Византіи получили мы повѣствовательныя сочиненія разныхъ родовъ: сказанія классической древности, принявшія средневѣковыя формы и испытавшія на себѣ вліяніе средневѣковыхъ понятій, наприм. баснословную исторію Александра Македонскаго и повѣсть о Троянской войнѣ; сказочныя произведенія востока, извѣстныя и западной Европѣ въ новѣйшихъ обработкахъ, на прим. Стефанитъ и Ихнилатъ (Калила-и-Димна), или знакомыя только въ литературѣ византійской, какъ сказка о Синагрипѣ и его мудромъ министрѣ; средневѣковыя преданія о чудесныхъ странахъ, какъ преданіе о царѣ-пресвитерѣ Іоаннѣ; византійскія героическія сказанія, какъ повѣсть о дѣяніи Девгеньевѣ. Древнѣйшіе списки сказаній, т. е. ихъ южнославянскіе переводы, не дошли до нашего времени: старинныя повѣсти извѣстны большею частію по спискамъ позднѣйшимъ (XVII в.), хранящимся въ сборникахъ, хронографахъ и отдѣльныхъ рукописяхъ.

Въ XVI и особенно XVII вѣкѣ начальный источникъ, откуда приходили къ намъ средневѣковыя повѣсти, смѣнился другимъ—литературою польскою, получившею, относительно нашей словесности, такое же значеніе, какое прежде имѣли литературы византійская и южно-славянская. Нѣкоторыя романическія сказанія могли передать намъ Чехи. Были переводы, хотя и немногіе, съ нѣмецкаго. Одна повѣсть заимствована изъ италіянской средневѣковой литературы. Наконецъ въ исходѣ древняго періода нашей письменности, имѣвшей уже многіе переводы западныхъ повѣстей и романовъ, появляются и начатки самостоятельной русской повѣсти.

Многочисленные списки и разнообразныя редакціи повѣстей убѣждаютъ, что онѣ пользовались значительною популярностью. Чѣмъ долговременнѣе обращалась повѣсть въ кругу читателей и чѣмъ этотъ кругъ былъ обширнѣе, тѣмъ большимъ подвергалась она преобразованіямъ. Поэтому отступленія отъ подлинника въ позднѣйшихъ редакціяхъ гораздо замѣтнѣе, чѣмъ въ старинныхъ. Главное содержаніе оставалось неприкосновеннымъ, но переводчикъ или переписчикъ, по неизбѣжному стремленію претворять заимствованное въ свое собственное, безсознательно и ненамѣренно, не подчиняясь какому-либо воззрѣнію и не имѣя въ виду какой-либо цѣли, какъ это дѣлается въ новой литературѣ, прибавлялъ отъ себя кой-какія замѣтки, въ которыхъ выражаются русскія понятія и черты русскаго быта. Соотвѣтственно такому закону претворенія, списки одного и тогоже сказанія, взятые изъ разныхъ эпохъ, представляютъ особенное направленіе каждой эпохи, служатъ болѣе или менѣе виднымъ ея отраженіемъ. Иногда переводныя повѣсти смѣшивались съ произведеніями народной поэзіи или даже становились народными разсказами: такъ италіянскій романъ XIII-XIV вѣка превратился въ

русскую сказку о Бовѣ Королевичѣ, которая, вмѣстѣ съ другими чужеземными повѣстями: «о Петрѣ Златыхъ-ключахъ», «о принцѣ Адольфѣ Ландійскомъ», перешла въ лубочныя изданія (прим. къ § 22). Чисто-народныя преданія, въ свою очередь, подвергались вліянію переводныхъ повѣстей: такъ въ богатырскихъ пѣсняхъ нашихъ выставляется обрусѣвшій «Полканъ-богатырь»; такъ сказка «о злой женѣ», попавшей въ яму и напугавшей бѣса, могла быть заимствована изъ чужаго разсказа, потому что этотъ сюжетъ весьма извѣстенъ въ средневѣковой западной повѣсти.

Въ рукописяхъ XV вѣка сохранились до нашего времени три повѣсти: «Синагрипъ, царь Адоровъ и Наливскія страны», или, по новѣйшей редакціи: «Сказка о премудромъ Акирѣ и его сынѣ Анаданѣ», «Сказаніе о мутьянскомъ воеводѣ Дракулѣ» и «Исторія Варлаама и Іоасафа».

«Сказка объ Акирѣ премудромъ» помѣщена была между статьями того сборника (XIV в.), въ которомъ находилось также Слово о полку Игоревѣ (прим. къ § 68). Поэтому появленіе ея въ русской литературѣ, вѣроятно, относится къ XII или XIII вѣку. Она есть переводъ арабской сказки изъ «Тысячи и одной ночи». Переводчикъ или переписчики его труда исказили собственныя имена: Гейкаръ превратился въ Акира, Сенхарибъ, царь аравійскій и ниневійскій—въ Синагрипа, царя Адоровъ и Наливской страны, Наданъ—въ Анадана и пр. Содержаніе повѣсти слѣдующее: Гейкаръ, первый министръ Сенхариба, славился мудростью. Не имѣя дѣтей, усыновилъ онъ племянника своего Надана, училъ его наукамъ и житейской мудрости, давалъ наставленія въ нравственности и политикѣ и потомъ представилъ царю, какъ своего преемника. Сдѣлавшись правителемъ, Наданъ возгордился и пересталъ уважать своего благодѣтеля, за что послѣдній отдалъ домъ свой меньшему племяннику. Наданъ рѣшился отомстить Гейкару: оклеветалъ его, какъ измѣнника, вошедшаго въ сношенія съ царями персидскимъ и египетскимъ и хотѣвшаго предать имъ владѣнія Сенхариба. Царь осудилъ Гейкара на смерть, но исполнитель казни, обязанный Гейкару, далъ ему средство спастись. Когда распространилась молва о смерти мудраго министра, египетскій фараонъ требовалъ у Сенхариба прислать въ Египетъ архитектора, который выстроилъ бы дворецъ между небомъ и землею и отгадалъ загадки фараона: за это обѣщалъ онъ Сенхарибу трехлѣтнюю подать съ Египта; въ противномъ случаѣ, Сенхарибъ долженъ былъ прислать трехлѣтніе доходы своего царства. Совѣтники царя не знали что дѣлать. Тогда Сенхарибъ съ горестью вспомнилъ своего прежняго министра. Исполнитель казни открылъ ему спасеніе Гейкара, который отправился въ Египетъ и отгадалъ всѣ загадки, такъ что Фараонъ призналъ себя побѣжденнымъ. Наданъ былъ отданъ въ полную власть Гейкару, который заключилъ его въ темницу и въ каждое свое посѣщеніе осыпалъ упреками за неблагодарность и испорченность сердца. Описавъ смерть Надана, сказка заключается такими словами: «судьба преступнаго Надана оправдываетъ великую истину: наказаніе всегда слѣдуетъ за преступленіемъ, и кто роетъ брату яму, тотъ самъ въ нее падаетъ».

Сказка объ Акирѣ, явившаяся въ переводѣ съ греческаго въ южнославянской литературѣ и отсюда перешедшая въ литературу русскую, нравилась русскимъ читателямъ своими близкими отношеніями къ народной поэзіи и къ книжнымъ произведеніямъ, наиболѣе распространеннымъ въ грамотномъ кругу. Отношенія эти

заключаются въ наставленіяхъ Акира Анадану и въ разрѣшеніи загадокъ. Наставленія, выраженныя въ формѣ краткихъ изреченій и пословицъ, относятся къ одному роду съ поученіями дѣтямъ въ Святославовомъ Изборникѣ 1076 г. и въ Златой Цѣпи и съ статьями Пчелъ и Слова о Даніилѣ Заточникѣ: всѣ эти памятники были уже извѣстны русскимъ читателямъ, которые поэтому находили въ сказкѣ знакомыя мысли и знакомыя формы выраженія. Отгадываніе же загадокъ и вообще рѣшеніе трудныхъ задачъ были обычными мотивами народныхъ пѣсенъ и сказокъ. Отсюда легко объясняются какъ значительныя перемѣны переводной повѣсти въ духѣ русскаго сказанія, такъ и составленіе особаго поученія изъ наставленій Акира Анадану. Уже въ старинной редакціи сказки (XV в.), не смотря на ея близость къ подлиннику, служители фараона названы «тивунами.» Позднѣйшіе списки представляютъ гораздо больше примѣненій къ руской жизни: Акиръ учитъ Надана грамотѣ «русской»; освободившись изъ заключенія, онъ идетъ «париться въ банѣ»; дружина его называется «отроками»; фараона окружаютъ «посадники», и т. п. Въ одномъ спискѣ XVII в. Акиръ и ближайшія къ нему лица получили даже значеніе угодниковъ Божіихъ.

Въ «Сказаніи о Дракулѣ, воеводѣ Мутьянской земли» (Молдавіи), дѣйствуетъ лице историческое—Дракула, побочный сынъ волошскаго воеводы Мильцы, по смерти котораго онъ убилъ его наслѣдника и завладѣлъ Валахіею, въ первой половинѣ XV в. Оно изображаетъ чрезвычайную жестокость молдавскаго воеводы, котораго самое имя значитъ на русскомъ языкѣ «дьяволъ». Преступленія находили въ немъ судію неумолимаго и безчеловѣчнаго: за нихъ присуждалась смерть; даже легкая вина не получала прощенія. И подданные, и чужестранцы трепетали его жестокости; никто въ его землѣ, ради страха, не осмѣливался брать чужаго. Сказаніе, написанное вскорѣ послѣ смерти Дракулы, перешло къ намъ въ южнославянскомъ переводѣ, что видно по особенностямъ правописанія.

«Исторія Варлаама и Іоасафа, или Іоасафата», приписываемая Іоанну Дамаскину, содержитъ въ себѣ повѣствованіе о томъ, какъ мудрый пустынникъ Варлаамъ обратилъ въ христіанство царевича Іоасафа, сына индѣйскаго царя Авенира. Для убѣжденія царевича, Варлаамъ разсказываетъ ему разныя повѣсти и притчи: о звѣрѣ инорогѣ, о трехъ друзьяхъ, о соловьѣ или трехъ совѣтахъ, о царѣ, выбираемомъ изъ чужеземцевъ, о томъ, что надобно почитать человѣка не по одеждѣ, и пр. За разсказомъ слѣдуетъ какое-либо поученіе, догматическое или нравственное. Этими-то притчами исторія особенно интересовала читателей. Такъ какъ онѣ, и отдѣльно взятыя, представляютъ извѣстное значеніе, независимо отъ сюжета, то нѣкоторыя изъ нихъ входили въ сборники и приписывались другимъ лицамъ. Такова, на примѣръ, повѣсть о звѣрѣ инорогѣ, художественно переданная Жуковскимъ, по нѣмецкому переводу Рюкерта. Содержаніе ея, по «Исторіи Варлаама и Іоасафа», состоитъ въ слѣдующемъ: одинъ путникъ, встрѣтивши въ полѣ инорога, побѣжалъ отъ него и упалъ въ пропасть, но успѣлъ ухватиться за дерево, росшее на ея окраинѣ. Онъ посмотрѣлъ въ низъ и увидѣлъ, что двѣ мыши, бѣлая и черная, подгрызали корень дерева, на которомъ онъ держался; что на днѣ пропасти извивался страшный, дышащій огнемъ змѣй, готовый поглотить его, и что изъ стѣны выставлялись четыре аспидовы головы. Въ тоже время путникъ увидѣлъ на деревѣ каплю меда и, забывъ окружающіе его ужасы, захотѣлъ вкусить сладость меда. По нравственному толкованію притчи,

инорогъ изображаетъ смерть; дерево, подгрызаемое мышами—время, уходящее съ каждымъ днемъ и съ каждою ночью; огненный змѣй—адова утроба, которая стремится пожрать человѣка; аспидовы главы—«прелестныхъ стихій составъ», т. е. физическія слабости человѣка; капля меду—краткія пріятности жизни, заставляющія человѣка забывать ужасы смерти и вѣчное спасеніе. Другая повѣсть: «о почтеніи человѣка не по одеждѣ его», находится въ Златой Цѣпи. Отсюда видно, что Исторія Варлаама и Іоасафа появилась въ русской письменности очень рано: по крайней мѣрѣ отдѣльныя ея части или разсказы восходятъ не только къ XIV, но къ XIII и даже XII вѣку, такъ какъ они занесены въ прологи этого времени. Долго обращаясь въ кругу грамотныхъ людей, Исторія Варлаама и Іоасафа перешла потомъ въ народную словесность, что доказывается духовнымъ стихомъ: «Разговоръ царевича Іоасафа (Осафія) съ пустынею».

Очеркъ Ист. рус. повѣстей и сказокъ, А. Пыпина; Вступительная лекція г. Тихонравова (Москов. Вѣдом., 1859, № 232).

Сказка объ Акирѣ въ Сборникѣ Библ. Моск. Общ. Ист. и Древ. (Катал., отд. I, № 189). Русское поученіе, сокращенное изъ поученій Акира Падану, въ рук. Рум. Муз. № 27 (Ветхаго Завѣта книги): «Поученіе отъ святыхъ», и сокращеннѣе въ Сборникѣ того же Музея № 358: «Поученіе отъ святыхъ книгъ о чадѣхъ». Оно изд. Пыпинымъ во 2 № Отеч. Зап. 1855 и Сухомлиновымъ въ Изв. 2 отд. Ак. Н., IV: «О псевдонимахъ въ древней русской Словесности».

Сказаніе о Дракулѣ въ Сборникѣ Рум. Муз., XV в. (№ 358).

Рукописи Исторіи о Варлаамѣ и Іоасафѣ, XV в. у Толстаго (I, 255; II, 89); въ предисловіи къ Лаврент. списку лѣтописи (Пол. Соб. Лѣт. I) указывается списокъ XIV в. Подлинный текстъ исторіи-греческій, перешедшій въ западную литературу въ латинскомъ переводѣ. Извѣстна и еврейская ея передѣлка, подъ названіемъ: «Царевичъ и Дервишъ». Нѣкоторые разсказы ея встрѣчаются въ Декамеронѣ, Боккачіо. Притчею о томъ, что надобно почитать человѣка не по внѣшнимъ одеждамъ, воспользовался Шекспиръ въ Венеціанскомъ купцѣ. Въ XVII в. напечатаны у насъ два изданія Исторіи: одно на польско-русскомъ языкѣ, въ Бѣлоруссіи, при Кутеинскомъ монастырѣ (1637 г.); другое въ Москвѣ, повелѣніемъ царя Θеодора Алексѣевича (1681 г.). Первое изданіе содержитъ переводъ съ греческаго и славянскаго, изъ чего видно, что славянскій переводъ предшествовалъ польско-русскому. Второе изданіе украшено гравюрой, изображающей, какъ Варлаамъ явился къ царевичу подъ видомъ купца, продающаго драгоцѣнный камень, и объяснилъ Іоасафу, что камень изображаетъ царство небесное, которое достигается уединеніемъ и молитвою.

§ 104. Между апокрифами XV вѣка замѣчательны сказанія о царѣ Соломонѣ. Источникъ ихъ—средневѣковая еврейская литература, богатая легендами, основанными на ветхозавѣтныхъ событіяхъ и лицахъ. Наша словесность получила ихъ въ южнославянскихъ переводахъ съ греческаго. Къ такимъ сказаніямъ относятся: «Повѣсть о Китоврасѣ», «Сказаніе о премудрости царя Соломона и о Южской (Савской) царицѣ», «Суды Соломона».

«Повѣсть о Китоврасѣ» состоитъ въ связи съ средневѣковымъ нѣмецкимъ произведеніемъ, въ которомъ заключается исторія Соломона и Морольфа, или Маркольфа, и которое въ главныхъ чертахъ заимствовано также изъ еврейскихъ легендъ. Произведеніе это имѣетъ двѣ различныя редакціи, образующія какъ бы два различныя сказанія. Главная мысль обѣихъ редакцій—споръ о мудрости, обыкновенная тема восточныхъ повѣстей. Въ первой редакціи мудрому и славному царю Соломону противополагается грубый и уродливый поселянинъ Маркольфъ, который остроумно разрѣшаетъ всѣ трудные вопросы царя. Послѣ разговоровъ о разныхъ предметахъ, особенно о характерѣ, добродѣтеляхъ и недостаткахъ женщинъ, Со-

ломонъ началъ преслѣдовать Маркольфа за его рѣзкія истины, но послѣдній умѣлъ искусно избѣгнуть всѣхъ опасностей. Во второй редакціи Маркольфъ является не поселяниномъ, а умнымъ и хитрымъ придворнымъ, исполняющимъ самыя опасныя порученія царя.

Маркольфу соотвѣтствуетъ въ нашей повѣсти Китоврасъ (испорченное греческое: Кентавросъ, Центавръ) — чудесное существо, получеловѣкъ и полузвѣрь. Днемъ царствовалъ онъ надъ людьми, въ городѣ Лукордѣ, а ночью обращался въ звѣря и царствовалъ надъ звѣрями. При всей своей мудрости, онъ былъ обманутъ посланными Соломона, которые налили виномъ и медомъ колодцы, откуда онъ пилъ воду. Опьянѣвшій Китоврасъ былъ заключенъ въ оковы. Соломонъ хотѣлъ узнать отъ него, какъ обтесывать камни безъ помощи желѣза для постройки храма. Въ другомъ, позднѣйшемъ апокрифѣ (XVII в.), мѣсто Китовраса заступаетъ царь Поръ. Это — «Повѣсть царя Давида и сына его Соломона о ихъ премудрости», состоящая изъ двухъ разсказовъ: одинъ передаетъ исторію дѣтства и странствованій Соломона; другой, начиная съ возвращенія его къ Давиду, излагаетъ его споръ съ царемъ Поромъ, надъ которымъ онъ одержалъ верхъ. Послѣдній разсказъ ближе ко второй редакціи нѣмецкаго сказанія о Соломонѣ и Маркольфѣ, нежели повѣсть о Китоврасѣ.

«Сказаніе о Южской царицѣ» повѣствуетъ, какъ она пришла къ Соломону для бесѣды съ нимъ и какъ они предлагали другъ другу загадки, при чемъ побѣда всегда оказывалась на сторонѣ Соломона.

На преданіяхъ о Соломоновой мудрости основаны «Суды Соломона», апокрифъ, содержащій въ себѣ мудрыя рѣшенія царя въ самыхъ затруднительныхъ случаяхъ. Повѣсти о Соломонѣ были у насъ въ большомъ ходу какъ по имени царя, извѣстнаго всѣмъ своею мудростію, такъ и по самому содержанію, представлявшему отгадываніе загадокъ, рѣшеніе трудныхъ задачъ и произнесеніе правдивыхъ приговоровъ. Успѣхъ ихъ условливался тѣмъ же обстоятельствомъ, которое содѣйствовало распространенію «Сказки объ Акирѣ премудромъ». Онѣ не только переписывались и читались, но и обращались въ народѣ путемъ устной передачи, въ слѣдствіе чего подвергались, болѣе чѣмъ другія сказанія, значительнымъ измѣненіямъ и приняли на себя вліяніе народной словесности: одна редакція Китовраса, въ сборникѣ XVII в., имѣетъ характеръ народной сказки.

Всѣ три апокрифа въ Румян. Сбор. XV в. (№ 358). Повѣсть о Китоврасѣ значится въ статьѣ о книгахъ истинныхъ и ложныхъ. Основаніе ея см. въ III Книгѣ Царствъ (гл. VI, ст. 7). Другіе апокрифы XV вѣка: «о Мельхиседекѣ и о Лотѣ» (Рум. Муз., стр. 58); «Посланіе Пилата къ Тиверію» «отъ содѣаныхъ отъ Господа» (Ib., 510); «Хожденіе Іоанна Богослова, описанное будто бы св. Прохоромъ діакономъ» (ib., 722); другой переводъ того же въ рук. XVII или начала XVIII в. (Ib., 724); «О спасеномъ древѣ крестномъ, како бысть и како возрасте, на немъ же Хрістосъ распятся» (Ib., 723); «Житіе Моисея» (726), «О лѣствицѣ — пространное толкованіе сновидѣнія Іаковлева» (726), «Объ Адамѣ» (726), «Исторія объ Авимелехѣ, который, бывъ посланъ пророкомъ Іереміею за смоквами, проспалъ 66 лѣтъ, и далѣе Сказаніе о смерти Іереміи» (729). См. Ист. пов. и ром., Пыпина; Древ. рус. литература, его же (От. Зап. 1857, № XI).

§ 105. Русскій письменный (книжный, литературный) языкъ образовался изъ трехъ элементовъ: церковно-славянскаго, русскаго народнаго, или разговорнаго, и чужеземнаго. Вліяніе этихъ элементовъ было двоякое: лексическое, состоящее во введеніи отдѣльныхъ словъ, и грамматическое, выражаемое усвоеніемъ этимологическихъ и синтаксическихъ особенностей.

§ 106. Языкъ церковно-славянскій послужилъ основою русской литературной рѣчи. Предки наши знакомились съ нимъ и во время богослуженія, и при изученіи грамоты, и чрезъ переписываніе памятниковъ болгарской письменности. На немъ же явились первыя русскія сочиненія. Первоначальныя его особенности сохранились всего болѣе въ Остроміровомъ Евангеліи, а за тѣмъ въ двухъ Святославовыхъ Изборникахъ.

§ 107. Но уже и въ этихъ древнѣйшихъ памятникахъ церковно-славянской письменности замѣтно вліяніе русскаго элемента, потому что переписчики были Русскіе, которые, сознательно или безсознательно, измѣняли текстъ по свойствамъ своего роднаго языка (§§ 37 и 51). Въ послѣдствіи болѣе и болѣе усиливалось присоединеніе русской разговорной рѣчи къ языку церковно-славянскому, почему въ исторіи послѣдняго различаются два періода: древнѣйшій и новѣйшій. Къ первому относятся начальныя рукописи церковно-славянскаго письма; ко второму— тѣ памятники письменности, въ которыхъ церковно-славянскій языкъ потерпѣлъ значительныя измѣненія подъ вліяніемъ языка русскаго. Церковныя книги нашего времени написаны этимъ, уже измѣненнымъ, церковно-славянскимъ языкомъ.

§ 108. Съ своей стороны, языкъ церковно-славянскій оказывалъ вліяніе на разговорную русскую рѣчь, которая принимала отъ него многія слова, грамматическія формы и обороты, и въ слѣдствіе этого болѣе или менѣе измѣнялась. Между тѣмъ и другимъ языкомъ существуетъ обоюдная зависимость. И въ письменной, и въ разговорной рѣчи встрѣчаются у насъ какъ двоякое употребленіе словъ, такъ и двоякія этимологическія и синтаксическія особенности по свойству языковъ церковно-славянскаго и русскаго.

§ 109. Собственно-народный, или разговорный, русскій языкъ сохраняется въ наибольшей чистотѣ своей въ произведеніяхъ народной поэзіи. Такъ какъ эти произведенія дошли до насъ записанныя и притомъ отъ позднѣйшаго времени, то и на нихъ легло вліяніе книжнаго выраженія.

Народная рѣчь измѣнялась по разнымъ областямъ, въ слѣдствіе чего образовались областныя или мѣстныя нарѣчія: кіевское, новгородское, псковское, владимірское, московское и другія. Видоизмѣненія ея очевидны въ литературныхъ памятникахъ, одолженныхъ своимъ появленіемъ той или другой области: такъ новгородскія и псковскія лѣтописи и юридическіе акты представляютъ особенности сѣвернаго нарѣчія, тогда какъ лѣтописи кіевская и волынская и Слово о полку Игоревѣ отличаются особенностями нарѣчія южнаго. Главнѣйшія изъ областныхъ нарѣчій: новгородское, на которомъ написаны древнѣйшіе памятники русской письменности, и московское, наиболѣе участвовавшее въ образованіи современнаго литературнаго языка.

§ 110. Такимъ образомъ въ произведеніяхъ древнерусской словесности сливаются языки церковно-славянскій и русскій разговорный. Нѣтъ ни одного литературнаго памятника, въ которомъ тотъ или другой языкъ господствовалъ бы исключительно. Какъ русскій писецъ внесъ нѣкоторыя особенности своей рѣчи въ Остроміровъ списокъ Евангелія, древнѣйшій памятникъ церковно-славянскаго письма; такъ и чисто народныя произведенія, древнѣйшій памятникъ русской рѣчи, представляютъ, по вліянію грамотника, ихъ записавшаго, нѣкоторыя особенности языка церковно-славянскаго. Поэтому литературная рѣчь древней Руси можетъ быть названа по справедливости славяно-русскою. Различіе между словесными произведеніями, если разсматривать ихъ относительно выраженія, заключается въ преобладаніи какого-либо изъ двухъ означенныхъ элементовъ: церковно-славянскаго и народнаго рус-

скаго. Преобладаніе церковно-славянскаго языка очевидно въ сочиненіяхъ духовнаго содержанія: проповѣдяхъ, поученіяхъ и посланіяхъ, церковныхъ постановленіяхъ и проч.; преобладаніе русскаго народнаго языка—въ сочиненіяхъ содержанія свѣтскаго: лѣтописяхъ, законодательныхъ и юридическихъ актахъ, памятникахъ народной поэзіи, и т. п.

§ 111. Народная стихія въ древнерусскомъ литературномъ языкѣ обнаруживается и отдѣльными словами, и построеніемъ словъ. У лѣтописцевъ она является особенно при передачѣ устныхъ сказаній народа и рѣчей дѣйствующихъ лицъ. Въ законодательныхъ постановленіяхъ и юридическихъ актахъ, имѣвшихъ предметомъ существенныя потребности народа, народный языкъ необходимо занимаетъ видное мѣсто. Сочетаніе двухъ элементовъ: церковно-славянскаго и разговорнаго русскаго, явственно и въ Словѣ о полку Игоревѣ. По отношенію къ церковно-славянскому элементу, языкъ Слова сходенъ съ языкомъ древнихъ литературныхъ памятниковъ и особенно съ языкомъ южныхъ лѣтописей: кіевской и волынской; по отношенію къ народному элементу, Слово имѣетъ близкое сродство съ южнорусскою поэзіею, сохранившеюся въ украинскихъ пѣсняхъ. Такъ какъ сочинитель Слова былъ, безъ сомнѣнія, житель сѣверской области, то слова и обороты, которыми говорили въ его время Сѣверяне, безпрестанно пробиваются сквозь покровъ нарѣчія книжнаго, который употреблялся на письмѣ людьми грамотными.

§ 112. Какъ въ отдѣльныхъ словахъ и этимологическихъ формахъ, такъ и въ строеніи предложеній древнерусскій литературный языкъ представляетъ совокупность двухъ вліяній: церковно-славянскаго и чисто-народнаго. Первое вліяніе было усвоено древнѣйшими церковнославянскими памятниками, переведенными съ греческаго, на примѣръ: Остроміровымъ Евангеліемъ и Изборниками Святослава. Построеніе сложнаго предложенія достигло художественности, т. е. стройнаго соотвѣтствія между частями, у Кирилла Туровскаго. Второе вліяніе является также съ древнѣйшей эпохи въ памятникахъ XI и XII в.в.: въ послѣсловіи къ Святославову Изборнику, въ Евангеліи по списку Добрилы, въ договорной грамотѣ смоленскаго князя Мстислава. Преобладаніе того или другаго начала въ составѣ сложнаго предложенія: или церковно-славянскаго, или собственно народнаго, постоянно замѣтно въ древнерусской письменности.

См. въ Опытѣ Исторической Грамматики Русскаго языка, Буслаева: Предисловіе и Введеніе (ч. I) и Историческое обозрѣніе сложнаго предложенія (ч. II).

§ 113. Такъ какъ большая часть памятниковъ древнерусской письменности дошла до насъ въ спискахъ позднѣйшаго времени, то понятно, что языкъ ихъ потерпѣлъ болѣе или менѣе значительныя измѣненія. Поэтому опредѣлять съ точностію особенности древняго литературнаго языка возможно только въ тѣхъ случаяхъ, когда словесное произведеніе дошло до насъ въ подлинномъ его видѣ, т. е. въ начальной рукописи; о языкѣ же произведеній, знакомыхъ намъ по ихъ позднѣйшимъ спискамъ, нѣтъ возможности произносить положительныя сужденія.

Г. Срезневскій въ «Мысляхъ объ Исторіи русскаго языка» (1850) и за нимъ г. Лавровскій въ разсужденіи «О языкѣ сѣверныхъ русскихъ лѣтописей» (1852) предлагаютъ другой, новый взглядъ (*) на отношеніе письменнаго языка древней Руси къ древнерусскому народному языку. Такъ какъ это воззрѣніе, состоящее въ томъ, что русскій

(*) **Г. Погодинъ называетъ его совершенно новымъ, ни когда никѣмъ прежде у насъ не сказаннымъ.**

народный языкъ XI и XII вв. былъ одинъ и тотъ же съ языкомъ письменнымъ этого періода времени, еще не разъяснено окончательно, то мы ограничимся главными положеніями, приводя ихъ словами самого г. Срезневскаго, частію по вышеуказанному сочиненію, частію по предисловію къ запискѣ г. Погодина «о древнемъ русскомъ языкѣ» (Изв. Ак. Н. по 2 отд., V). Всѣхъ положеній три:

1) Древній народный русскій языкъ отличался отъ древняго церковно-славянскаго очень немногими особенностями употребленія звуковъ и грамматическихъ формъ (слѣдуетъ указаніе русскихъ звуковъ и русскихъ грамматическихъ формъ).

2) Съ такимъ богатствомъ строя оставался русскій народный языкъ до XIV вѣка, впрочемъ не неподвижно, все болѣе удаляясь отъ первобытной правильности употребленія формъ. XIII и XIV вѣкъ были и для него, какъ для нѣкоторыхъ западно-славянскихъ нарѣчій, временемъ рѣшительнаго перехода къ иному строю, высказавшему рѣзко всѣ свои особенности въ XV—XVI вѣкѣ.

3) Книжный языкъ отличался отъ народнаго, безъ сомнѣнія, всегда, но въ X—XIV вѣкѣ отличія одного отъ другаго заключались болѣе въ привычкахъ слога, чѣмъ въ грамматическихъ формахъ. Прочное начало образованію книжнаго русскаго языка, отдѣльнаго отъ языка, которымъ говорилъ народъ, положено было въ XIII—XIV вѣкѣ, тогда же какъ народный русскій языкъ подвергся рѣшительному превращенію всего древняго строя. До XIII вѣка языкъ собственно-книжный—языкъ произведеній духовныхъ, языкъ лѣтописей и языкъ администраціи былъ одинъ и тотъ же, до того что и Слово Луки Жидяты, и поученія Иларіона, и Русскую Правду, и Духовную Мономаха, и Слово Даніила Заточника, и Слово о полку Игоревомъ, и Грамоту Мстислава Новгородскаго нѣкоторые позволяли себѣ считать написанными одинаково на нарѣчіи не русскомъ, а старославянскомъ. Въ XIV вѣкѣ языкъ свѣтскихъ грамотъ и лѣтописей, въ которомъ господствовалъ языкъ народный, уже примѣтно отдалился отъ языка сочиненій духовныхъ. Въ памятникахъ XV—XVI вѣка отличія народной рѣчи отъ книжной уже такъ рѣзки, что нѣтъ никакого труда ихъ отдѣлять.

Г. Лавровскій, въ «Разсуж. о языкѣ сѣвер. рус. лѣтописей», говоритъ: «Мнѣніе, что письменный русскій языкъ въ древнее время былъ церковно-славянскій, что народный языкъ не могъ быть такимъ, какимъ встрѣчаемъ его въ памятникахъ и духовныхъ и свѣтскихъ до XIII вѣка, уже опровергнуто, какъ не имѣющее основанія». Русскій языкъ до XIII в. называетъ онъ «древнимъ», въ отличіе отъ языка «стариннаго», который образовался послѣ забвенія формъ и оборотовъ древнихъ (XIII—XIV в.) и господствовалъ въ письменныхъ произведеніяхъ съ XV в.

§ 114. Вліянія чужеземныя на языкъ нашъ были слѣдствіемъ исторической жизни Руси, ея сношеній съ другими народами. Самое незначительное изъ нихъ— вліяніе варяго-русское, или скандинавское: оно ограничивается очень немногими словами, на прим.: вира, тіунъ, гридень, и пр.

Г. Срезневскій доказалъ, что всѣ почти слова, которыя признавались скандинавскими (бояринъ, безменъ, вервь, гость, князь, мечъ, огнищанинъ, и др.), суть или чисто славянскія, входившія въ составъ русскаго языка до прихода къ намъ Варяго-Руссовъ и принадлежавшія не однимъ Русскимъ, но и другимъ Славянамъ, или, по крайней мѣрѣ, сомнительнаго происхожденія (Мысли объ ист. рус. яз.).

§ 115. Напротивъ того весьма значительно вліяніе греческое какъ на письменную рѣчь, такъ и на рѣчь разговорную. При переводѣ книгъ съ греческаго, въ литературный языкъ нашъ входили грецизмы, состоящіе въ отдѣльныхъ словахъ и преимущественно въ словопостроеніи. Такъ изъ отдѣльныхъ словъ, въ Остромировомъ спискѣ Евангелія, встрѣчаются: спкеръ (вино изъ соку пальмовыхъ плодовъ), кринъ (собственно лилія), литра (фунтъ), муро (масло), алавастръ (алебастръ), карвана (кружка), мамона, трапеза, скинія и др.; изъ грецизмовъ грамматическихъ замѣчательны: членъ, средній родъ прилагательнаго имени во множественномъ, вмѣсто единственнаго, и пр. Греческій языкъ имѣлъ вліяніе и на строеніе сложнаго предложенія, какъ выше сказано (§ 112). Чрезъ посредство греческаго же текста, вошли въ Евангеліе по Остромірову списку

нѣкоторыя слова латинскія: алтарь (жертвенникъ), кентуріонъ (сотникъ), кустодія (стража), легеонъ (полкъ, толпа), сударь (полотенце). Сверхъ того, помимо текста Евангелія, древнѣйшія заимствованія изъ латинскаго языка оказались и въ другихъ словахъ, напримѣръ: комкати (communicare—причащаться), въ Вопрошаніи Кирика и другихъ древнихъ памятникахъ. Такъ какъ нѣкоторыя книги Синодальнаго списка Библіи переведены съ латинскаго (§ 91), то этимъ объясняются многіе латинизмы, состоящіе и въ реченіяхъ, и въ цѣлыхъ выраженіяхъ. Нѣкоторыя слова изъ Вульгаты написаны русскими буквами, иногда съ объясненіями на поляхъ, на прим.: виктимасъ (жертва), дотисъ (приданое), пиктура (образописаніе), тираннусъ (мучитель), темплумъ (церковь), деликатусъ, матерія, публика.

Вотъ примѣры цѣлыхъ выраженій: «вскую яко *колоносъ* пришлецъ еси на земли (quasi colonos); и створить *олекаустумъ* свое (holocaustum suum); нача же съвѣтъ (совѣтъ) Давидъ *кумъ трибунисъ* (cum tribunis—съ законникы); сътворилъ Товіа *вале* (vale) отцу своему и пр. (Опис. слав. рук. Син. Библ., отд. I; Палеогр. и филолог. матеріалы, Буслаева; О вліяніи христіанства на славянскій языкъ, его же).

§ 116. Сосѣдство съ восточными народами и сношенія съ ними, начавшіяся очень рано, были причиною, что въ языкѣ нашемъ, еще до Татаръ, явились нѣкоторыя слова восточныя: персидскія, арабскія, еврейскія, половецкія и др. Такъ въ Словѣ о полку Игоревомъ находятся слова: женчугъ (жемчугъ)—персидское, харалузъ (сталь), харалужный (стальной)—татарское, япончица—турецкое, и пр. Татарское владычество оставило въ языкѣ нашемъ небольшое количество словъ татарскихъ, изъ которыхъ одни сохранились только въ письменныхъ памятникахъ, на прим.: шерть (присяга), откуда шертная грамота, ярлыкъ (указъ или грамота татарскаго хана), тамга (клеймо, пошлина), улусъ (удѣлъ), калта или калита (кошель), а другія перешли въ употребленіе, наприм.: казна, казначей, караулъ, деньга, алтынъ, аршинъ, базаръ, кабакъ, халатъ, колпакъ, кирпичъ, арбузъ, балыкъ, сундукъ, тюфякъ, чемоданъ, алый, карій, и проч.

Ист. Рус. Слов., Ш—ва, ч. 3. Восточныя слова въ Словѣ о полку Игоревомъ объяснены Березинымъ въ 1 т. «Библіотеки восточныхъ историковъ» и въ разборѣ Гербелева перевода «Слова» (Москв. 1854, № 22). Эрдманъ даетъ восточному вліянію большіе размѣры въ сочин.: «Изъясненіе нѣкоторыхъ словъ, перешедшихъ изъ восточныхъ языковъ въ россійскій» (1828), и въ ст.: «Слѣды азіатизма въ Словѣ о полку Игоревомъ» (Журн. Мин. Нар. Пр. 1842, ч. 36).

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

(XVI и XVII вв.)

---

§ 117. Не смотря на заботы Геннадія объ учрежденіи училищъ (§ 91), русское образованіе, въ XVI в., стояло на низкой степени. Вѣрнѣйшее о томъ свидѣтельство даетъ намъ «Стоглавникъ», или «Стоглавъ»—книга, излагающая дѣянія и постановленія такъ называемаго стоглаваго собора (1551). Соборъ былъ созванъ Іоанномъ Грознымъ для изысканія способовъ прекратить неустройства, состоявшія въ совершенномъ недостаткѣ училищъ для образованія священниковъ и церковнаго причта, въ распространеніи невѣжества и суевѣрій въ народѣ и духовенствѣ, въ усилившейся порчѣ богослужебныхъ книгъ, въ разногласіяхъ при отправленіи богослуженія, въ своеволіи при управленіи церковью, въ упадкѣ народной нравственности (*). Въ рѣчахъ при открытіи собора и въ вопросахъ, ему предложенныхъ, царь жаловался на небрежное ученіе, какъ на причину малограмотности ставленниковъ. Соборъ, въ отвѣтѣ своемъ, привелъ свидѣтельства самихъ ставленниковъ, что они учатся у своихъ отцовъ и мастеровъ (учителей), затѣмъ что имъ больше негдѣ учиться, но что родители ихъ и мастера сами мало знаютъ, тогда какъ прежде въ разныхъ городахъ существовали училища, въ которыхъ обучали чтенію, письму и церковному пѣнію. Хотя соборъ и постановилъ устроить училища въ домахъ священниковъ, дьяконовъ и дьячковъ, хорошо обученныхъ грамотѣ, но постановленіе это—еслибы оно и получило надлежащій ходъ и размѣръ—не могло далеко двинуть образованія, потому что имѣло въ виду только первые его начатки, т. е. чтеніе и письмо. Свидѣтельства Стоглава подтверждаются иностранцами, посѣщавшими Россію въ XVI в. По отзывамъ ихъ, во всей Московіи не было школъ, отъ чего отношеніе грамотныхъ къ неграмотнымъ выходило крайне бѣдное.

Разсуждая о плохомъ состояніи ученія, соборъ имѣлъ въ виду духовенство, которое было еще образованнѣе другихъ сословій. Грамота составляла для него необходимость по самому его назначенію. Но тамъ, гдѣ этой необходимости не существовало, отсутствіе образованности сказывалось еще сильнѣе. Изъ нѣкоторыхъ, сохранившихся отъ того времени документовъ видно, что многіе князья и бояре не умѣли писать, почему и не прикладывали рукъ на грамотахъ, записяхъ и другихъ актахъ. Вызовъ иностранцевъ принесъ бы, конечно, извѣстную поль-

---

(*) Исторія русскаго раскола, Макарія, стр. 43 и слѣд. (1855).

зу научному образованію; но въ этомъ намѣреніи своемъ правительство встрѣчало помѣху извнѣ и внутри. Извнѣ враждебные намъ сосѣди, особенно Ливонскій орденъ, опасаясь, что просвѣщеніе возвыситъ могущество державы, и безъ того сильной естественными средствами, не пропускали въ нее ни ученыхъ, ни художниковъ западныхъ. Внутри боялись вліянія иновѣрцевъ на религіозныя понятія, и въ слѣдствіе этой боязни духовенство воспротивилось желанію Годунова вызвать заграничныхъ ученыхъ и основать школы, въ которыхъ они обучали бы Русскихъ разнымъ языкамъ. Предубѣжденіе противъ науки удивляло и оскорбляло еще Курбскаго. Невѣжды, смотрѣвшіе на себя, какъ на учителей, воспрещали юношамъ читать многія книги, указывая имъ на людей, которые отъ чтенія сошли съ ума или впали въ ересь. Они, по словамъ его, отнимали оружіе, необходимое для обличенія еретиковъ, врачевство называли смертоноснымъ ядомъ.

Недостатокъ надлежащаго ученія обнаружился на книгописаніи. Въ числѣ предметовъ, о которыхъ разсуждали на стоглавомъ соборѣ, сильное вниманіе было обращено на искаженіе богослужебныхъ книгъ невѣжественными ихъ списывателями. Исправленіе перевода этихъ книгъ не могло совершиться безъ сличенія ихъ съ подлинниками, для чего требовалось знаніе греческаго языка. Но людей, знавшихъ греческій языкъ, тогда было очень немного. Хотя грамотность, начитанность и уважалась, какъ предметъ нужный во многихъ случаяхъ; но отсюда еще далеко до сознанія необходимости науки, какъ самаго вѣрнаго средства не только для матеріальнаго благосостоянія народа, но и для нравственнаго его улучшенія.

§ 118. Книгопечатаніе, начавшееся въ нѣкоторыхъ славянскихъ земляхъ съ XV в., введено въ Россію слишкомъ черезъ сто лѣтъ по его изобрѣтеніи. Настоятельнымъ къ тому поводомъ служило болѣе и болѣе усиливавшееся искаженіе церковныхъ книгъ писцами, на что Іоаннъ Грозный указывалъ стоглавому собору. Соборъ предписалъ протопопамъ и старѣйшимъ священникамъ имѣть надзоръ за этимъ дѣломъ: править книги по добрымъ переводамъ; продажу и покупку невыправленныхъ книгъ воспретить; въ случаѣ же ослушанія, отбирать ихъ и, по исправленіи, отдавать въ церкви. Такое предписаніе, крайне ограниченное въ своихъ дѣйствіяхъ, не могло остановить зла: для прекращенія его, нужны были иныя мѣры, и одною изъ самыхъ дѣйствительныхъ представлялось правильное, однообразное изданіе книгъ, почему Іоаннъ Грозный, съ совѣта митрополита Макарія, вознамѣрился завести типографію (1553). Черезъ десять лѣтъ послѣ того, два мастера печатныхъ дѣлъ: дьяконъ Иванъ Ѳедоровъ и Петръ Тимоѳеевъ Мстиславецъ, подъ надзоромъ датчанина Миссенгейма, присланнаго къ царю датскимъ королемъ Христіаномъ III, приступили къ работѣ и напечатали Апостолъ (1563—64), а потомъ Часовникъ (1565). Вскорѣ невѣжество и суевѣріе возстали противъ новаго, небывалаго искуства. «Озлобленіе», говоритъ Иванъ Ѳедоровъ, «случилось отъ многихъ священноначальниковъ и учителей; зависти ради, они умыслили на насъ многія ереси, желая благое превратить во зло и погубить въ конецъ Божіе дѣло, по обычаю людей злонравныхъ, неученыхъ, не навыкшихъ въ грамматическихъ хитростяхъ, не исполненныхъ духовнаго разума, но всуе проносящихъ злое слово». Обвиняемые въ ереси и волшебствѣ, Иванъ Ѳедоровъ и Петръ Тимоѳеевъ принуждены были бѣжать изъ Москвы въ Литву. Гетманъ Ходкевичъ далъ имъ убѣжище въ городѣ Заблудовѣ (близь Вильны) и завелъ типографію, въ которой

они напечатали Евангеліе учительное (1569) и Псалтирь (1570). По смерти Ходкевича, Тимоѳеевъ перешелъ въ Вильну, гдѣ устроилъ типографію у двухъ братьевъ Мамоничей и напечаталъ Евангеліе. Ѳедоровъ же отправился въ Львовъ, а отсюда въ Острогъ, къ кн. Константину Острожскому: въ первомъ городѣ издалъ онъ Апостолъ (1573—74), а во второмъ Псалтирь (1580), Новый Завѣтъ (1580) и Библію, извѣстную подъ именемъ Острожской (1581). Черезъ два года послѣ того умеръ онъ въ Львовѣ.

Первая книга славянской печати — Новый Завѣтъ, на чешскомъ языкѣ, 1475 (Русскіе древніе памятники, Сахарова). За тѣмъ древнѣйшія печатныя книги: Слѣдованная Псалтирь (1491 г., въ Краковѣ), нѣкоторыя ветхозавѣтныя книги, переведенныя докторомъ Францискомъ Скориною (1517—19 г., въ Прагѣ) и Апостолъ, его же перевода (1525, въ Вильнѣ). Послѣ бѣгства Ѳедорова и Тимоѳеева къ Ходкевичу, въ Москвѣ напечатана Псалтирь Андроникомъ Невѣжею (1568). Жалобы Ѳедора на зависть и озлобленіе людей недоброжелательныхъ изложены въ послѣсловіи къ Апостолу (1573—74, Львовъ).

§ 119. Югозападная Русь, составившая, вмѣстѣ съ Литвою, великое княжество литовское, образованіемъ своимъ опередила сѣверовосточную. Главнѣйшимъ образомъ содѣйствовали тому два обстоятельства: близость Литвы къ Западной Европѣ и особыя отношенія ея къ Польшѣ, съ которою она при Ягеллѣ соединилась въ одно государство (1386), а потомъ, при Сигизмундѣ Августѣ, была присоединена къ ней окончательно (1569).

Умственное движеніе, происходившее на западѣ въ XV, и особенно въ XVI в., не осталось безплоднымъ для югозападной Руси. Высшее дворянство ея, начиная съ XV в., нерѣдко получало образованіе въ Прагѣ, Краковѣ и другихъ городахъ, гдѣ существовали университеты и академіи, совершало путешествія по Европѣ и такимъ образомъ усвоивало европейскіе обычаи и понятія.

Со времени присоединенія Литвы къ Польшѣ, Русскіе поставлены были въ неблагопріятныя отношенія къ католичеству. Они подвергались, со стороны польскаго правительства, разнымъ преслѣдованіямъ, имѣвшимъ цѣлью склонить ихъ къ уніи, т. е. къ соединенію православной церкви съ церковью католическою, подъ владычествомъ папы. Исполнителями этого намѣренія явились іезуиты, водворившіеся въ Польшѣ при Сигизмундѣ Августѣ. Для достиженія цѣли они начали дѣйствовать преимущественно на молодое поколѣніе. Въ ихъ рукахъ находилось воспитаніе дѣтей аристократическихъ фамилій. Училища, заведенныя въ Вильнѣ, Полоцкѣ и на Волыни, сообщали русскому юношеству образованіе, соотвѣтственное ихъ видамъ. Книги, ими сочиняемыя и издаваемыя, направлены были столько же противъ ученія православной церкви, сколько на разъясненіе или защиту догматовъ и постановленій католическихъ. Передовые русскіе люди того времени сознавали опасность, угрожавшую западно-русской церкви. Князь Курбскій, поселившійся въ Литвѣ послѣ бѣгства изъ отечества, указывалъ своимъ единовѣрцамъ вредъ іезуитскихъ дѣйствій: совѣтовалъ не слушать католическихъ проповѣдниковъ, избѣгать богословскихъ споровъ съ католиками, болѣе образованными, чѣмъ Русскіе, не отдавать дѣтей въ училища, которыми завѣдывали іезуиты. Когда же возникшая Унія (1596) оправдала предвидѣніе людей, подобныхъ Курбскому, тогда, съ усиленіемъ опасности для православія, необходимо было принять рѣшительныя мѣры къ противодѣйствію.

Такъ какъ главная сила іезуитовъ заключалась въ ихъ образованности, то

Русскимъ, для защиты православія, требовалось вооружиться тѣмъ же оружіемъ— основательно воспитывать юношество, заводить училища, готовить людей ученыхъ, способныхъ своими сочиненіями сдерживать католическую пропаганду. Уже Курбскій заботился объ ограниченіи зла: старался размножать книги, написанныя отцами Восточной Церкви, перевелъ творенія Іоанна Дамаскина, сочинилъ исторію Флорентинскаго собора и велъ переписку съ разными лицами, предостерегая ихъ отъ вліяній католическихъ и протестантскихъ.

Въ борьбѣ съ враждебными притязаніями, западно-русская церковь выставила двѣ силы, объединяемыя названіемъ церковнаго патроната: аристократію и городское сословіе, или мѣщанство.

Патронатъ аристократіи состоялъ въ наслѣдственномъ ея правѣ завѣдывать благоустройствомъ извѣстныхъ монастырей и церквей. Со вступленія Баторія на польскій престолъ, когда православные стали подвергаться стѣсненіямъ, высшее дворянство западной Руси рѣшилось защищать свою церковь, не допуская на нее чуждыхъ вліяній. Вельможи усердно трудились на пользу духовнаго образованія. Знатнѣйшій между ними, кн. Константинъ Константиновичъ Острожскій, вступилъ съ этою цѣлью въ ближайшія сношенія съ востокомъ, собиралъ и издавалъ церковныя книги, заводилъ училища, разсылалъ по Литвѣ проповѣдниковъ, даже прибѣгалъ иногда къ сочиненіямъ протестантскимъ для пораженія іезуитовъ. Но этотъ вельможный патронатъ твердо держался только до тѣхъ поръ, пока сохранялась его нравственная основа—привязанность къ православію и сочувствіе къ народности. Онъ палъ, когда іезуиты подорвали ее: нѣкоторые вельможи перестали радѣть о пользахъ своей церкви; другіе сдѣлались даже ея врагами и перешли въ католичество, какъ напр. сынъ кн. Курбскаго и сынъ кн. Острожскаго. Притомъ, и независимо отъ политики іезуитовъ, трудно было русскимъ вельможамъ сохранить самостоятельность и тѣсное между собою общеніе: сословный кругъ ихъ не ограничивался Литвою, но простирался въ Польшу; въ Литвѣ онъ образовывалъ меньшинство, притягиваемое большинствомъ, которое принадлежало къ иной, польской народности, исповѣдывало иную, католическую религію. Поэтому сыновья и внуки западно-русскихъ вельможъ мало по малу становились въ ряды польскаго вельможества какъ по образу жизни, такъ и по религіознымъ убѣжденіямъ.

Прочнѣе была другая сила—городское сословіе, находившееся въ другихъ условіяхъ: его дѣятельность не выступала за предѣлы роднаго города, и потому родной, собственно-русскій интересъ всегда сохранялъ для него свое значеніе. Кромѣ того, оно привыкло къ общественнымъ занятіямъ, потому что многіе города издавна пользовались такъ называемымъ магдебургскимъ правомъ, по которому ремесленные и купеческіе цехи составляли общины, и каждая община имѣла свое особое устройство, свой судъ и управленіе. Общины эти получили названіе «братствъ» и группировались около извѣстныхъ церквей и монастырей, принимая ихъ въ свое вѣдомство. Братства возникли еще въ XV в.: первыми изъ нихъ были львовское (1439) и виленское (1458). За тѣмъ явились: кіевское, луцкое, могилевское, оршанское, брестское и другія. Окончательное устройство дано имъ въ 1588 г. отъ вселенскихъ патріарховъ. Сначала они имѣли цѣль преимущественно филантропическую, почему въ грамотахъ и назывались «братствами любви», «братствами милосердія». Въ послѣдствіи, особенно съ 1588 г., дѣятель-

ность ихъ расширилась, обратившись на охраненіе русской народности и русскаго православія отъ враждебныхъ на нихъ покушеній.

Эти-то братства, имѣя въ виду распространеніе образованія, какъ орудія для борьбы, стали заводить училища. Уже недостаточно было прежнихъ, приходскихъ школъ, въ которыхъ обучали только чтенію и письму. Для новыхъ потребностей надобно было запасаться болѣе значительными и многосторонними знаніями: и потому въ школьное преподаваніе, начиная съ 1580 г., вошли языки греческій, славянскій, русскій, латинскій и польскій, грамматика, риторика, піитика, діалектика, нравственное богословіе и нѣкоторые другіе предметы. Первое изъ новыхъ училищъ основано въ Острогѣ (1580) кн. Острожскимъ; за нимъ слѣдовали львовское, виленское, кіевское, брестское, минское и другія. Кромѣ училищъ, братства заводили типографіи, изъ которыхъ славились львовская, виленская, могилевская и луцкая.

О православныхъ церковныхъ братствахъ, Флерова (1857); Литовская церковная унія, Кояловича (1859); Унія, казачество и расколъ, ст. С. Соловьева, въ 8 № Атенея, 1859 г.

§ 120. Кіевское училище, учрежденное братствомъ при Богоявленской церкви (1589), въ послѣдствіи времени преобразовано было въ академію. Первоначально называлось оно «школою эллино-славянскаго и латино-польскаго письма», вѣроятно по тѣмъ языкамъ, которые въ немъ преподавались. Когда Петръ Могила, митрополитъ кіевскій, далъ ему новое устройство (съ 1631 г.), оно получило названіе «Кіево-могилянской Коллегіи». Съ начала же XVIII в. (съ 1701 г.), коллегія становится извѣстною подъ именемъ «Академіи».

Въ исторіи этой академіи дѣятельность Петра Могилы (р. 1597, у. 1646), сперва настоятеля кіево-печерской лавры (съ 1626 г.), а потомъ митрополита кіевскаго (съ 1631 г.), занимаетъ главное мѣсто. Для приготовленія достойныхъ наставниковъ, онъ на собственный счетъ свой отправилъ нѣсколько иноковъ въ заграничныя академіи; выстроилъ зданія для классовъ и помѣщенія учителей и бѣдныхъ учениковъ; снабдилъ коллегію учебными пособіями; пожертвовалъ вотчины на ея содержаніе; открылъ въ ней курсы философіи и богословіи, и, предоставивъ ей высшее образованіе юношества, основалъ въ Винницѣ низшее, приготовительное къ коллегіи училище.

При основаніи кіевской академіи несомнѣнно приняты были за образецъ высшія учебныя заведенія, существовавшія въ Польшѣ и другихъ европейскихъ странахъ. Все ея устройство: раздѣленіе на классы, курсъ наукъ, метода преподаванія, заимствованы были оттуда. Первые наставники и самъ Петръ Могила получили образованіе или въ иностранныхъ коллегіяхъ и академіяхъ, или въ заведенныхъ, по ихъ примѣру, польскихъ и русскихъ юго-западныхъ училищахъ: въ новое учебное заведеніе перенесли они тотъ же внѣшній и внутренній распорядокъ

Въ коллегіи обучали слѣдующимъ предметамъ: языкамъ латинскому, славянскому и греческому, катихизису, ариѳметикѣ, піитикѣ, риторикѣ, философіи и богословію. Полный курсъ дѣлился на восемь классовъ — шесть низшихъ и два высшихъ (философскій и богословскій). На наставникахъ, кромѣ преподаванія, лежала обязанность говорить проповѣди въ воскресные и праздничные дни, изъяснять катихизисъ, толковать книги Ветхаго и Новаго Завѣта. Характеръ преподаванія былъ «схоластическій», подчинявшій содержаніе формѣ, строго державшійся

установленнаго плана, заключавшій матеріалъ науки въ извѣстныя рамки опредѣленій, раздѣленій, различеній, доказательствъ, пользовавшійся всѣми средствами діалектики. Господство его особенно обнаруживалось въ философіи, богословіи и риторикѣ: здѣсь всего болѣе сущность заслонялась формой; не столько самое содержаніе, сколько предписанные для его изложенія способы обращали на себя заботливость преподавателей.

Богословскіе уроки представляли двоякое направленіе: схоластическое и полемическое. Схоластицизмъ выражался въ двухъ видахъ: и какъ вышеуказанная, общая всему средневѣковому ученію принадлежность—подчинять содержаніе формѣ, и какъ частная принадлежность средневѣковаго преподаванія философіи, по которому эта наука не только состояла въ тѣсной связи съ богословіемъ, но и совершенно ему подчинялась. Трудами Ансельма, Абеляра, Петра Ломбарда, Альберта Великаго, Ѳомы Аквинскаго и другихъ догматическое богословіе, на такой схоластической основѣ, приведено было въ строгую систему, которая преимущественно держалась въ парижскомъ университетѣ и отсюда, какъ изъ средоточія схоластики, расходилась по другимъ мѣстамъ. Полемическая сторона богословія сильно была развита двумя обстоятельствами: общеевропейскимъ направленіемъ этой науки, произведеннымъ борьбою реформаціи съ римскимъ дворомъ, и частною потребностію православія противодѣйствовать католикамъ и уніи. По этой причинѣ въ богословскихъ системахъ діалектика служила преимущественно орудіемъ для споровъ; по той же причинѣ учебники богословія, употреблявшіеся въ академіи и составленные по руководству Ѳомы Аквинскаго, заключали въ себѣ двѣ части: догматическую и полемическую, такъ что за трактатомъ о какомъ-либо пунктѣ православнаго ученія слѣдовали защищеніе этого пункта и опроверженіе противныхъ мнѣній; наконецъ потому же заведены были въ двухъ высшихъ классахъ диспуты частные (классическіе) и публичные, на которыхъ предлагались спорные предметы вѣроученія, дабы воспитанники пріобрѣтали навыкъ и доказывать православныя мнѣнія и отражать нападки противниковъ.

Въ философіи служилъ руководствомъ Аристотель. Метода ея преподаванія представляла рядъ диспутацій, изъ которыхъ каждая дѣлилась на главные вопросы, вопросы подраздѣлялись на второстепенные пункты, а пункты дробились на болѣе частныя положенія. Всѣ эти члены дѣленій и подраздѣленій подвергались возраженіямъ, за которыми слѣдовали опроверженія. Поэтому и здѣсь развивалась сторона полемическая, съ цѣлію пріучить воспитанниковъ искусно владѣть діалектическимъ орудіемъ. Изъ сохранившихся учебниковъ философіи, по которымъ она преподавалась въ академіи, видно, что система этой науки дѣлилась на три отдѣла: логику (философію умственную), физику (философію естественную) и метафизику (философію божественную).

Риторика преподавалась по сочиненіямъ Аристотеля, Цицерона и Квинтиліана. Въ ней главное вниманіе обращено было на искуство сочинять разнаго рода рѣчи, бывшія тогда въ большомъ ходу и почетѣ—поздравительныя, привѣтственныя, благодарственныя, просительныя, прощальныя, надгробныя. Теорія духовнаго краснорѣчія или составляла предметъ особой науки—Гомилетики, или же входила въ Риторику. Такъ называемая «поэзія» (піитика) имѣла значеніе версификаціи: она объясняла строеніе стиховъ, преимущественно латинскихъ, а также славянскихъ и польскихъ.

Изъ языковъ главнѣйшее мѣсто занималъ латинскій, соотвѣтственно тому уваженію, которымъ онъ пользовался во всѣхъ европейскихъ училищахъ. Знаніе его почиталось необходимою принадлежностію каждаго образованнаго человѣка. Кромѣ того, Русскимъ трудно было обойтись безъ него и въ гражданскомъ быту, по ихъ положенію между католиками, по ихъ зависимости отъ польскаго правительства. Этимъ объясняются важное значеніе и усиленное преподаваніе латинскаго языка въ академіи: на немъ излагались науки, кромѣ славянской грамматики и катихизиса, и писались ученическія сочиненія; воспитанники обязаны были говорить на немъ и въ классахъ, и внѣ классовъ. Второе мѣсто, послѣ латинскаго, принадлежало языку славянскому: его употребляли для стихотвореній, поздравительныхъ рѣчей, духовныхъ словъ. Изученію его содѣйствовало въ особенности чтеніе и толкованіе Священнаго Писанія, какъ важнѣйшаго предмета въ занятіяхъ богословскихъ. Напротивъ, преподаваніе греческаго языка, сравнительно съ латинскимъ и славянскимъ, находилось на низкой степени.

Исторія Кіевской Академіи, Макарія (1843); Петръ Могила, митр. кіевскій (Прибав. къ твор. св. отц., 1846, кн. 1).

§ 121. Какъ въ югозападной Руси необходимость противодѣйствовать католичеству и уніи послужила главною причиною къ основанію училищъ, такъ въ Великороссіи необходимость противодѣйствовать расколу привела къ тѣмъ же послѣдствіямъ.

Въ исторіи раскола, извѣстнаго подъ именемъ «старообрядства», различаются два періода: періодъ происхожденія и постепеннаго образованія раскольническихъ мнѣній, преимущественно съ XVI вѣка, и періодъ его раскрытія въ XVII в., когда соборъ 1667 г. опредѣлилъ употреблять богослужебныя книги, исправленныя и напечатанныя въ патріаршество Никона. Первоначальная и главная причина раскола заключалась въ суевѣрной привязанности къ церковнымъ обрядамъ и къ старинѣ. Соотвѣтственно своему происхожденію, онъ сложился изъ двухъ началъ: начала собственно-церковнаго, по которому онъ есть опредѣленная церковно-обрядовая секта, отступившая отъ православной церкви въ нѣкоторыхъ богослужебныхъ обрядахъ, и начала гражданскаго, или противогосударственнаго, по которому онъ есть секта, возставшая противъ нововведеній не только церковныхъ, но и гражданскихъ.

Хотя еще въ теченіе XV вѣка обнаружились нѣкоторыя раскольническія мнѣнія, но особенно развивались и укоренялись они въ XVI-мъ. Главнѣйшимъ образомъ содѣйствовали тому недостатокъ училищъ, упадокъ духовнаго образованія, отсутствіе живаго проповѣднаго слова. Отъ невѣжества и нерадѣнія писцовъ, въ богослужебныя книги вкрались грубыя ошибки; многочисленные сборники распространяли между грамотными людьми странныя понятія и суевѣрія, которыя потомъ усвоивалъ и народъ, придавая имъ въ своемъ представленіи значеніе непреложныхъ истинъ. Мало по малу составилось мнѣніе, что богослужебныя книги, кѣмъ бы то ни было и какъ бы ни было списанныя, должны оставаться неприкосновенными. Буква духовныхъ писаній уважалась исключительно, безъ отношенія ея къ духу вѣры. Максимъ Грекъ пострадалъ, между прочимъ, отъ столкновенія съ возникавшимъ расколомъ: его осудили, какъ еретика, за исправленіе книжное, которое, по мнѣнію большинства, было равнозначительно порчѣ, развращенію книгъ. Съ этого времени, исторія русской церкви представляетъ борьбу

двухъ противоположныхъ стремленій: стремленія церкви исправить богослужебныя книги по древнеславянскимъ рукописямъ и греческимъ подлинникамъ, и стремленія не допустить этого исправленія. На стоглавомъ соборѣ борьба уже ясно высказалась, и нѣкоторыя раскольническія мнѣнія внесены въ Стоглавъ, какъ догматы. Книгопечатаніе, введенное вскорѣ послѣ собора, имѣло двоякую цѣль: во первыхъ, распространять удобнѣйшимъ образомъ значительное количество экземпляровъ одной и той же книги; во вторыхъ, издавать книги по возможности въ исправномъ видѣ. Послѣдняя цѣль могла быть успѣшно достигаема только въ томъ случаѣ, когда бы при типографіи находились образованные «справщики», способные надлежащимъ образомъ просматривать и рукописи и греческіе ихъ подлинники, исправляя ошибки писцовъ и переписчиковъ. Но ученыхъ справщиковъ было очень немного. Большею частію дѣло печатанія поручалось людямъ вовсе къ тому неприготовленнымъ, «мало видѣвшимъ училища», по собственному признанію одного изъ нихъ. Они упорно стояли за чтенія поврежденныя; преслѣдовали тѣхъ, которые исправляли ошибки въ рукописяхъ и первопечатныхъ книгахъ; называли еретичествомъ «грамматическую хитрость и книжное философство»; не знали ни «православія, ни кривославія», какъ отзывался о нихъ инокъ Арсеній Глухой, занимавшійся, при патріархѣ Филаретѣ, вмѣстѣ съ архимандритомъ Діонисіемъ, исправленіемъ требника; едва умѣя грамотѣ, не понимали различія между гласными и согласными буквами, а объ значеніи частей рѣчи и ихъ принадлежностей вовсе не имѣли понятія. Такіе-то справщики, когда началось книгопечатаніе и продолжалось непрерывно при патріархахъ, измѣняли въ богослужебныхъ книгахъ слова и обороты, дѣлали прибавки и сокращенія. Особенно въ патріаршество Іосифа (1642—52), совершенно положившагося на справщиковъ, изданіе книгъ подверглось большому произволу.

Когда противоцерковныя нововведенія обличены были и восточными патріархами, пріѣзжавшими въ Москву, и аѳонскими иноками, сохранявшими церковные чины и обряды въ перво-христіанскомъ ихъ видѣ, тогда Никонъ, сначала митрополитъ новгородскій (съ 1648), а потомъ патріархъ (съ 1652), рѣшился исправить и вновь издать богослужебныя книги, на мѣсто старопечатныхъ, которыя долженствовали быть изъяты изъ употребленія. Патріаршество Никона составляетъ важную эпоху въ исторіи русской церкви: въ это время вполнѣ раскрылась настоятельная потребность внутренняго церковнаго устройства. Дѣло, которое онъ на себя принялъ и для совершенія котораго имѣлъ нужныя къ тому средства: сильный умъ, значительное образованіе и неуклонную волю, было дѣломъ улучшенія, просвѣщеннаго успѣха. Онъ началъ тѣмъ, что собралъ соборъ (1654), который опредѣлилъ править книги по старославянскимъ и греческимъ текстамъ. За тѣмъ повелѣно было выслать въ Москву изъ разныхъ монастырей самыя древнія книги, переведенныя съ греческаго; отправленъ былъ іеромонахъ Арсеній Сухановъ на востокъ и Аѳонскую гору для пріобрѣтенія греческихъ рукописей, которыхъ онъ и привезъ до пяти сотъ. Распоряженіе это, вызванное вопросомъ о книжномъ исправленіи и по отношенію къ нему очень важное, важно еще тѣмъ, что собранныя книги образовали главный составъ Патріаршей или Синодальной Библіотеки (въ Москвѣ), формировавшейся въ періодъ патріаршества и при учрежденіи Синода переданной въ его вѣдомство. На второмъ соборѣ (1655) Никонъ приступилъ уже къ самому дѣлу: исправленный служебникъ напечатанъ былъ въ Москвѣ того же года. Третій соборъ (1656)

занимался, между прочимъ, разсмотрѣніемъ и одобреніемъ книги: «Скрижаль», переведенной съ греческаго Арсеніемъ Грекомъ и напечатанной въ 1656 г.

Соборныя постановленія встрѣчены были сильнымъ ропотомъ и вызвали сопротивленіе. Печатаніе новыхъ книгъ, изъятіе изъ оборота старопечатныхъ, замѣна однихъ церковныхъ обрядовъ другими казались неслыханными новизнами, уничтоженіемъ старой, истинно-православной вѣры и введеніемъ новой, еретической. Уже на соборѣ 1654 г. расколъ обнаружился тѣмъ, что нѣкоторыя духовныя особы, принимавшія въ немъ участіе, отказались подписаться подъ его опредѣленіями. Онъ усилился въ то время, когда Никонъ, по непріятностямъ съ боярами и потерявъ довѣренность царя Алексѣя Михайловича, оставилъ управленіе дѣлами и удалился (1658) въ устроенный имъ Воскресенскій Новоіерусалимскій монастырь. Соловецкій мятежъ, начавшійся еще съ 1656 г., при полученіи въ монастырѣ новоисправленныхъ книгъ, и кончившійся въ 1676 г., былъ первой открытой борьбой раскола съ церковною и гражданскою властію. Окончательное же отпаденіе раскольниковъ относится къ соборамъ 1666 и 1667 г.г., изъ которыхъ на первомъ признаны были всѣ дѣйствія собора 1654 г., а на второмъ, созванномъ для суда надъ Никономъ, была разсмотрѣна и одобрена къ печатанію составленная Симеономъ Полоцкимъ книга: «Жезлъ правленія». Самое низверженіе Никона, происшедшее главнѣйшимъ образомъ отъ его іерархическихъ притязаній и крутаго, неуживчиваго характера (*), имѣло кромѣ того причиною совокупное дѣйствіе бояръ, враждебно къ нему расположенныхъ, и раскольниковъ, ожесточенныхъ на него за книжное исправленіе и находившихъ себѣ опору во многихъ приверженцахъ, между которыми были люди знатные и вліятельные.

Кромѣ преобладанія церковной обрядности надъ духомъ вѣры, въ расколѣ существуетъ начало гражданское, которое выразилось съ одной стороны какъ противодѣйствіе низшаго духовенства строгому управленію Никона, а съ другой какъ противодѣйствіе народа европейскому вліянію, притекавшему въ Москву при Алексѣѣ Михайловичѣ съ югозапада, и потомъ преобразованію Россіи Петромъ Великимъ. Эпоха преобразованія завершаетъ его религіозно-гражданское развитіе и окончательное отпаденіе отъ новой Россіи.

Надежнѣйшее средство противодѣйствовать расколу состояло въ распространеніи образованія, заведеніи училищъ. Первое училище учреждено было еще патріархомъ Филаретомъ около 1633 года, въ Чудовомъ монастырѣ, почему и называлось патріаршимъ, или чудовскимъ, а также школою греко-латинскою. Въ 1649 году, бояринъ Ртищевъ, принадлежавшій съ Ординымъ-Нащокинымъ и Матвѣевымъ къ числу просвѣщенныхъ любителей науки, вызвалъ изъ кіевской лавры, въ устроенный имъ Андреевскій монастырь, нѣсколько ученыхъ иноковъ для перевода книгъ съ греческаго на славянскій и для обученія юношества. Волненія раскольниковъ, по осужденіи Никона, ихъ озлобленіе на переводчиковъ и исправителей книгъ усилили сознаніе необходимости и пользы просвѣщенія. Газскій митрополитъ Паисій Лигаридъ, прибывшій въ Москву въ 1660 г., высказалъ ту мысль, что смятенія церковныя произошли отъ невѣжества и что единственный противъ нихъ оплотъ—училища. Восточные патріархи, вызванные въ Москву для суда надъ Никономъ (1666), убѣждали Алексѣя Михайловича завести

(*) Историческое значеніе царствованія Алексѣя Михайловича, г. Медовикова (1854), стр. 254.

школы. О томъ же просили его прихожане церкви Іоанна Богослова, которые и получили дозволительную грамоту на заведеніе славяно-греко-латинскаго училища.

Другою побудительною причиною къ основанію училищъ были притѣсненія, которыя православіе терпѣло на востокѣ отъ латинянъ. Узнавъ отъ іеромонаха Тимоѳея, проведшаго нѣсколько лѣтъ въ Палестинѣ и на Аѳонѣ, о бѣдственномъ состояніи греческихъ церквей и греческаго образованія, Ѳеодоръ Алексѣевичъ рѣшился завести въ Москвѣ училище, которое приносило бы пользу и Грекамъ и Русскимъ, сближая ихъ между собою, способствуя сношеніямъ нашего отечества съ востокомъ и доставляя образованіе, нужное для противодѣйствія раскольникамъ и латинству. Оно было основано при типографіи (1679), почему и называлось типографскимъ. Вскорѣ царь захотѣлъ дать ему большіе размѣры, преобразовать въ Академію. Грамоту объ ея учрежденіи (1682) написалъ Симеонъ Полоцкій; за наставниками обратились съ просьбой къ вселенскимъ патріархамъ. Исполненіе дѣла задержалось смертью царя и стрѣлецкими смутами. Когда же волненія затихли, тогда чудовскій монахъ Каріонъ Истоминъ и настоятель заиконоспасскаго монастыря Сильвестръ Медвѣдевъ, ученикъ Полоцкаго, просили стихотворными посланіями царевну Софію, соправительницу Іоанна и Петра, о водвореніи наукъ въ Россіи. Въ 1685 г. прибыли изъ Царьграда въ Москву греческіе наставники, двое братьевъ Лихудовъ, Іоанникій и Софроній. Съ открытіемъ ихъ учебной дѣятельности начинается исторія Московской духовной, или славяно-греко-латинской академіи, называвшейся также заиконоспасскими, или спасскими школами, такъ какъ зданіе ея выстроено было въ заиконоспасскомъ монастырѣ. Преподаваніе Лихудовъ и потомъ первыхъ учениковъ ихъ составляетъ начальный періодъ ея существованія (1685—1700), отличающійся преобладаніемъ греческаго языка, такъ что академія была извѣстна подъ именемъ эллино-славянскаго училища.

Лихуды получили многостороннее образованіе сначала въ Греціи, потомъ въ Венеціи и въ Падуанской Академіи. По прибытіи въ Москву открыли они полный курсъ ученія и въ теченіе восьми лѣтъ (1686—94) прошли съ учениками своими грамматику, піитику, риторику, логику и часть физики. Учебныя руководства, ими составленныя, показываютъ, что они знакомы были и съ греческою, и съ италіянскою ученою литературою. Въ риторикѣ, логикѣ и физикѣ слѣдовали они Аристотелю, который, какъ они сами выразились, служилъ для всѣхъ академій вождемъ и главою. Схоластицизмъ выступаетъ на первый планъ, какъ и въ академіи кіевской. Тоже должно сказать объ элементѣ полемическомъ: въ логикѣ, по изложеніи трехъ дѣйствій ума, преподаны правила для діалектическихъ преній; въ комментаріи на Аристотелеву физику за объясненіемъ вопросовъ слѣдуетъ также полемика. Піитика, ничего не говоря о родахъ поэтическихъ произведеній, занимается искуствомъ слагать стихи: поэтому сообщены понятія о размѣрахъ въ греческой поэзіи, о раздѣленіи Пиндаровыхъ одъ на строфы, антистрофы и эподы. Риторическія руководства содержатъ правила для сочиненія словъ разнаго рода: благодарственныхъ, похвальныхъ, надгробныхъ и проч. Кромѣ ученія, воспитанники по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ слушали проповѣди или толкованіе библейской исторіи, и въ опредѣленное время вели между собою диспуты для лучшаго усвоенія діалектическихъ пріемовъ.

Мѣсто Лихудовъ заняли ихъ ученики, изъ которыхъ болѣе другихъ извѣстенъ

Өедоръ Поликарповъ. При нихъ (1694—99) латинскій языкъ, по требованію іерусалимскаго патріарха, былъ вовсе изгнанъ изъ академіи. Въ 1699 г. воротился изъ заграничнаго путешествія іеромонахъ Палладій Роговскій, также ученикъ Лихудовъ. Время его нахожденія въ академіи (1700—1703) можно назвать переходнымъ къ преобразованію ея при Петрѣ Великомъ, границею, отдѣляющею преподаваніе Лихудовъ и учениковъ ихъ, въ которомъ преобладалъ элементъ греческій, отъ преподаванія кіевскихъ ученыхъ, въ которомъ греческій языкъ смѣнился латинскимъ, и академія стала называться школами латинскими или славянолатинскими.

Дальнѣйшая учебная дѣятельность Лихудовъ происходитъ въ Новгородѣ, когда Іовъ, митрополитъ новгородскій, вызвалъ ихъ (1706 г.) къ себѣ и при ихъ содѣйствіи основалъ въ Новгородѣ славяно-греко-латинское училище. Въ теченіе шести лѣтъ Лихуды занимались преподаваніемъ и переводомъ книгъ съ греческаго и латинскаго. Когда Софроній отправленъ былъ съ порученіемъ въ Москву (1708), Стефанъ Яворскій, митрополитъ рязанскій, удержалъ его для преподаванія греческаго языка въ школѣ, открытой на казанскомъ подворьѣ. По смерти Іова, переведенъ въ Москву Іоанникій (1716), гдѣ и умеръ въ слѣдующемъ году. Софроній же снова поступилъ въ академію.

Исторія русскаго раскола, Макарія (1855); Русскій расколъ старообрядства, А. Щапова (1859).—О Никонѣ (р. 1605, у. 1681) см.: Начертаніе житія и дѣяній Никона, соч. архимандрита Аполлоса, изд. 4 (1845); О пребываніи патріарха Никона въ заточеніи въ Өерапонтовѣ и Кирилловѣ бѣлозерскихъ монастыряхъ, соч. архим. Варлаама (Чтен. 1858, кн. 3).

О духовныхъ училищахъ въ Москвѣ въ XVII в. (Прибавл. къ твор. св. отц. 1845, кн. 2); Исторія Москов. славяно-греко латинской Академіи, С. Смирнова (1855).

§ 122. Югозападная образованность, по преимуществу сосредоточенная въ Кіевѣ, и отсюда расходившаяся по другимъ мѣстамъ, оказала сильное вліяніе на русскую литературу и науку. Изъ кіевской академіи вышли люди, способные для разныхъ родовъ службы: духовной, гражданской и ученой. Въ нихъ Петръ Великій нашелъ достойныхъ себѣ сотрудниковъ, просвѣщенныхъ исполнителей своихъ преобразованій. Устройство кіевской академіи принято было въ руководство при учрежденіи академіи въ Москвѣ. Одинъ изъ ея воспитанниковъ, Симеонъ Полоцкій, наставникъ Өеодора Алексѣевича, написалъ уставъ Московской Академіи; другой, Стефанъ Яворскій, преобразовалъ ее, и со времени этого преобразованія наставники, приглашаемые по преимуществу изъ кіевскихъ ученыхъ, сообщили своимъ урокамъ тоже направленіе, какому слѣдовали сами; третій, св. Димитрій Ростовскій, завелъ, по ея примѣру, семинарію въ Ростовѣ. Многія ученыя и литературныя явленія въ кіевской академіи и подъ ея вліяніемъ усвоены Великороссіею. Усиленное развитіе полемическаго богословія обнаружилось и въ сѣверовосточной Руси при спорахъ съ лютеранствомъ и католичествомъ, при обличеніи раскольниковъ. Стефанъ Яворскій и Димитрій Ростовскій подали примѣръ основательной, ученой полемики. Духовное краснорѣчіе, обработанное югозападными проповѣдниками, введено въ Москву Симеономъ Полоцкимъ. Теорія этого искуства дана впервые Іоанникіемъ Галятовскимъ, учившимся въ Кіевѣ. Отъ кіевскихъ ученыхъ ведутъ свое начало силлабическое стихосложеніе и сценическія представленія. Въ сочиненіяхъ югозападныхъ писателей образовался особый литературный языкъ, представляющій смѣшеніе церковнославянскихъ и русскихъ

словъ и оборотовъ съ словами и оборотами польскими и малорусскими. Наконецъ тѣмиже писателями составлены первыя грамматики и первые словари.

Усиленное движеніе просвѣщенія въ Москвѣ началось съ прекращенія польскихъ войнъ и съ присоединенія Малороссіи. Съ этого времени постоянно прибываютъ въ Москву югозападные ученые и привозятъ съ собою книги и рукописи на разныхъ языкахъ. Между лицами, приближенными ко двору, являются такіе люди, какъ Ординъ-Нащокинъ и Матвѣевъ, изъ которыхъ послѣдній отличался европейскимъ образованіемъ и европейскими обычаями въ жизни. Вызовъ Лихудовъ и заведеніе славяно-греко-латинской академіи отвѣчаютъ болѣе и болѣе сознаваемой потребности въ наукѣ. Не смотря однакожъ на замѣтные признаки умственнаго движенія, большинство оставалось ему чуждымъ, боясь въ особенности чужеземныхъ нововведеній, западныхъ вліяній. Большинство смѣшивало науку съ ересью, остерегалось ея, какъ повода и перехода къ иновѣрію, и вмѣсто того, чтобъ видѣть въ ней орудіе для защиты православія, смотрѣло на нее, какъ на орудіе, опасное для православія. Этою боязнію объясняются многія явленія: протестъ противъ дѣйствій Никона, который и самъ, стоя во главѣ исправленія книгъ, негодовалъ на европейскія затѣи нѣкоторыхъ бояръ; недовѣрчивость къ югозападнымъ ученымъ, въ слѣдствіе которой, при учрежденіи академіи въ Москвѣ, обратились за наставниками не въ Кіевъ, а въ Грецію; отчужденіе отъ книгъ, которыя выходили изъ южныхъ типографій, какъ бы отъ искаженныхъ ересью; постоянныя неудовольствія патріарха Іоакима на Симеона Полоцкаго и на ученика его Сильвестра Медвѣдева; даже удаленіе Лихудовъ изъ академіи патріархомъ Адріаномъ. Все западное, особенно западное просвѣщеніе, казалось подозрительнымъ и враждебнымъ. Отзывы восточныхъ патріарховъ еще болѣе возбуждали эту подозрительность. Въ письмѣ къ царю (1686 г.), іерусалимскій патріархъ Досиѳей жаловался на малорусскихъ ученыхъ, которые, учившись въ Римѣ и Польшѣ у латинянъ, разглашаютъ неприличныя мудрованія въ монастыряхъ, и замѣчалъ, что вѣрнымъ не слѣдуетъ прельщаться философіей и суетной прелестію. Относительно взгляда на западъ чрезвычайно любопытно духовное завѣщаніе (1690 г.) патріарха Іоакима, который въ немъ убѣждалъ Іоанна и Петра I изгнать изъ Россіи всѣхъ иностранцевъ, какъ враговъ Божіихъ.

§ 123. Въ какомъ отношеніи Великороссія, по своей образованности, находилась къ югозападной Руси, въ такомъ же отношеніи эта послѣдняя стояла къ Польшѣ. Кіевъ передавалъ Москвѣ то, что самъ заимствовалъ отъ Польши, раньше насъ принявшей западную цивилизацію. Югозападныя училища и кіевская академія, какъ выше сказано, устроены были по образцу училищъ и академій польскихъ. Въ послѣднихъ обучались или довершали свое ученіе многіе Русскіе. Исчисленныя явленія въ литературѣ и наукѣ: развитіе богословской полемики и схоластическаго духовнаго краснорѣчія, мистеріи, сатирическія повѣсти и драмы, силлабическіе вирши, перешли къ намъ отъ Поляковъ. Переводы съ польскаго обогатили нашу литературу произведеніями средневѣковой западной словесности: легендами, повѣстями и сказками. Книжная рѣчь наполнилась полонизмами и образовала особый, польско-русскій языкъ, въ который, также по вліянію Польши и еще задолго до Петровой реформы, вошли многія слова латинскія и западно-европейскія. Польскія сочиненія въ значительномъ количествѣ собирались въ библіо-

теки: такъ большая часть библіотеки славяно-греко-латинской академіи, при Лихудахъ, состояла изъ книгъ на языкахъ латинскомъ и польскомъ.

Въ XVI и XVII в.в. польская литература имѣла для насъ, въ нѣкоторомъ смыслѣ, такое же значеніе, какое имѣла письменность южнославянская, въ начальный періодъ нашей исторіи. Какъ произведенія византійской словесности переходили къ намъ большею частію въ болгарскихъ переводахъ, такъ и Польша служила посредницей между Россіею и средневѣковымъ европейскимъ образованіемъ. До Петра мы не имѣли прямыхъ литературныхъ сближеній съ Европою. И литература, и наука запада приходили къ намъ путемъ польскаго вліянія.

Это непрямое или посредственное знакомство съ схоластическою, средневѣковою образованностью западной Европы разграничиваетъ древній и новый періоды нашей словесности. Послѣдній наступаетъ для югозападной Руси съ конца XVI вѣка — съ появленія училищъ и кіевской Академіи, а для Великороссіи со второй половины XVII в., когда ученые изъ Кіева и другихъ южныхъ и западныхъ русскихъ областей прибываютъ, при Алексѣѣ Михайловичѣ, въ Москву, и одному изъ нихъ, Симеону Полоцкому, ввѣряется ученіе Θеодора Алексѣевича. Москва усвоиваетъ польское вліяніе сначала чрезъ посредство этихъ ученыхъ, а потомъ и независимо отъ нихъ, самостоятельнымъ знакомствомъ съ польскою литературой. Тоже вліяніе, и въ томъ же средневѣковомъ характерѣ, продолжается при Петрѣ. Эпоха преобразованія присоединяетъ къ нему, какъ выше замѣчено, прямыя сношенія съ западной литературой, въ слѣдствіе чего появились у насъ переводы многихъ книгъ, преимущественно учебныхъ, съ нѣмецкаго, голландскаго, шведскаго, французскаго, и въ книжную рѣчь вторглась масса словъ изъ этихъ языковъ. Кантемиръ и Тредьяковскій стоятъ на переходѣ отъ средневѣковой литературы къ новымъ литературнымъ началамъ, которыя утверждаются въ нашей словесности Ломоносовымъ.

XVI ВѢКЪ.

§ 124. Важнѣйшія изъ старопечатныхъ книгъ на церковно-славянскомъ языкѣ слѣдующія: нѣкоторыя ветхозавѣтныя книги (1517—19), Псалтирь (1525) и Апостолъ (1525), переведенныя Скориной, Апостолъ (1564), напечатанный въ Москвѣ Иваномъ Θедоровымъ, и Библія, изданная въ Острогѣ (1581).

Уроженецъ Полоцка, жившій въ Вильнѣ, докторъ Францискъ Скорина, перевелъ на бѣлорусское нарѣчіе съ Вульгаты нѣкоторыя ветхозавѣтныя книги и издавалъ ихъ отдѣльно. Къ каждой книгѣ присоединены предисловіе и послѣсловіе; въ началѣ главъ выставлено ихъ содержаніе. Переводъ украшенъ лицевыми изображеніями, вырѣзанными на деревѣ. Кромѣ того на заглавномъ листѣ книги Іова находится четверостишіе, а въ книгѣ Есѳирь двустишіе, слѣдующее тотчасъ за послѣсловіемъ. Бѣлорусское нарѣчіе перевода относится къ началу XVI вѣка. Сходное съ великорусскимъ по грамматическимъ свойствамъ, оно отличается отъ него многими реченіями, частію мѣстными (напр. «волотъ» въ смыслѣ исполина),

частію заимствованными изъ польскаго языка (напр. клопотъ, откуда хлопоты, нехай—не тронь, посполитый—общій, збройный—вооруженный, праца—работа). Есть слова, употребленныя въ позднѣйшей формѣ (напримѣръ *серга* вмѣсто *усерязь*).

Предисловіе къ Апостолу (1564) излагаетъ начальную исторію московской типографіи. Изложеніе это дополняется «Сказаніемъ о воображеніи книгъ» (XVII вѣка), сочинитель котораго говоритъ, что Иванъ Ѳедоровъ и «клевретъ» его Петръ Тимоѳеевъ приняли «ученіе печатнаго дѣла» отъ фрягъ, хотя, по разсказу нѣкоторыхъ, и сами прежде печатали книги какими-то малыми и неискусными начертаніями, и что книгопечатаніе введено у насъ по примѣру другихъ странъ и между прочими по примѣру Бѣлой Руси и Литовской земли.

Библія, изданная въ Острогѣ кн. Константиномъ Константиновичемъ Острожскимъ, есть первая печатная Библія. Изъ двухъ къ ней предисловій, одно написано самимъ княземъ, другое Герасимомъ Смотрицкимъ. Въ первомъ объясняются цѣль, трудности и способы изданія; второе изображаетъ пользу и святость библейскихъ книгъ. Тому же Смотрицкому принадлежатъ описаніе герба кн. Острожскаго и предисловіе риѳмованными стихами, которые поэтому названы «двустрочными согласіями» и которые служатъ образцемъ силлабическаго стихосложенія, перешедшаго въ югозападную Россію изъ Польши. Нѣкоторые полонизмы въ стихахъ свидѣтельствуютъ также о польскомъ вліяніи. Неизвѣстно, какая именно рукопись принята была текстомъ при изданіи Острожской Библіи. Вѣроятно, это была копія съ Синодальнаго списка Библіи (1499), полученная изъ Москвы отъ Іоанна Грознаго около 1575 г., что доказывается сходствомъ текста рукописнаго съ текстомъ печатнымъ, хотя при изданіи Острожской Библіи были принимаемы къ соображенію и другіе списки. Издатели не всегда исправляли ошибки писцовъ, равно какъ и ошибки перевода. Многія формы удержаны изъ древнѣйшаго текста; многія сохранены въ пророческихъ книгахъ по списку, сдѣланному попомъ Упиремъ Лихимъ (§ 37, прим.). Нѣкоторыя ветхозавѣтныя книги (Товита, Іудиѳи и третья Ездры) переведены съ латинскаго; Пѣснь пѣсней передана въ иномъ переводѣ съ греческаго, отличномъ отъ перевода Синодальнаго списка и весьма близкомъ къ нынѣшнему славянскому; въ текстѣ Новаго Завѣта встрѣчаются исправленія, согласныя съ нынѣ принятымъ, такъ что Острожская Библія составляетъ переходъ отъ древнѣйшихъ церковно-славянскихъ текстовъ къ новѣйшему исправленному, или отъ перваго періода въ исторіи церковно-славянскаго языка ко второму ея періоду (§ 107).

Скорина перевелъ 16 книгъ В. З. Обстоятельное ихъ описаніе, съ большими выписками, равно какъ и описаніе Псалтири и Апостола, см. въ 1 ч. Опыта библ. Сопикова (№№ 72, 108 и 930). Книги пророковъ, его же перевода, остававшіяся неизвѣстными, находятся у Погодина (Москвит. 1844, № 5). Хотя въ предисловіи къ мѣсяцослову, присоединенному къ изданію Апостола, и сказано, что Скорина перевелъ всѣ книги В. и Н. Завѣта, однакожъ печатнаго Евангелія до сихъ поръ не найдено.— «Сказаніе о воображеніи книгъ» въ Описаніи старопеч. книгъ Царскаго, Строева (1836).—На заглавномъ листѣ (или на оборотѣ его) старопечатныхъ книгъ весьма часто изображали гербъ того лица, въ типографіи котораго или по распоряженію котораго печатались книги. Недостатки Острожскаго изданія Библіи указаны въ предисловіи къ Библіи 1751 г. Герасимъ Даниловичъ Смотрицкій былъ подскарбіемъ кн. Острожскаго.

§ 125. Въ исторіи просвѣщенія встрѣчаются лица, ученая дѣятельность которыхъ относится ко всѣмъ важнѣйшимъ явленіямъ современной имъ эпохи. Сочиненія ихъ отвѣчаютъ высшимъ интересамъ общества, религіознымъ и нравственнымъ, и потому служатъ наилучшимъ указателемъ свѣтлыхъ или темныхъ его сторонъ. Такимъ лицемъ у насъ въ XVI в. былъ Максимъ Грекъ (р. около 1480, у. 1556), аѳонскій инокъ, приглашенный для описи греческихъ рукописей, хранившихся въ библіотекѣ в. к. Василія Іоанновича, и для перевода нѣкоторыхъ изъ нихъ на церковно-славянскій языкъ. Время пребыванія его въ Россіи (1518—1556) составляетъ въ русской исторіи періодъ многихъ нестроеній, начало которыхъ восходитъ еще къ XIII в. и которыя, накопляясь и развиваясь въ теченіе двухъ слѣдующихъ столѣтій, вполнѣ обнаружили свою силу въ XVI-мъ, такъ что правительство нашлось вынужденнымъ созвать для разсмотрѣнія ихъ особый соборъ, означаемый именемъ Стоглаваго. Раскрытіе этихъ нестроеній и служило существеннымъ предметомъ дѣятельности Максима. Хотя онъ былъ вызванъ для спеціальнаго занятія—разбора великокняжеской библіотеки, но труды его этимъ не ограничились. Какъ человѣкъ, по образованію стоявшій высоко надъ современнымъ русскимъ обществомъ, онъ внимательно слѣдилъ за всѣмъ, что происходило въ новомъ его отечествѣ, и на каждое замѣчательное событіе отзывался своимъ словомъ. «Разжигаемый», какъ онъ самъ выражается, «божественною ревностію», онъ не могъ не обращать вниманія на ясно сознаваемыя имъ потребности и недостатки. Ему, новому и свѣжему человѣку въ сферѣ чуждой жизни, были замѣтнѣе отступленія отъ христіанскихъ началъ, какъ догматическихъ, такъ и нравственныхъ.

Неустройства, съ которыми пришлось имѣть дѣло Максиму Греку, происходили меньшею частію отъ иноземныхъ вліяній и большею частію отъ внутреннихъ причинъ.

Иноземныя вліянія оказывали свое дѣйствіе преимущественно на религіозныя понятія. Раціонализмъ, католичество, іудейство, Магометово ученіе колебали православныхъ, имѣвшихъ частыя сношенія съ иновѣрцами. Ересь жидовствующихъ, хотя и осужденная на соборѣ 1504 г. (§ 97), считала у себя еще многихъ приверженцевъ. Раціоналистическое начало ея высказалось ясно въ ученіи Матвѣя Бакшина и Ѳеодосія Косаго (§ 128). Притязанія папъ на соединеніе русской церкви съ римскою сдѣлались настоятельнѣе. Въ Москвѣ долго жилъ папскій легатъ, Николай Шомбергъ, бывшій въ послѣдствіи кардиналомъ и архіепископомъ падуанскимъ; сочиненія его въ пользу этого соединенія читались нѣкоторыми Русскими не безъ участія. Иностранцы занесли къ намъ и любовь къ астрологіи, вѣру во вліяніе небесныхъ свѣтилъ на людей и государства, сильно распространенную тогда на западѣ.

Безпорядки, происходившіе отъ внутренней неурядицы, исчислены выше, при указаніи поводовъ къ созванію Стоглаваго собора (§ 117). Общій ихъ источникъ заключался въ отсутствіи образованія, въ невѣжествѣ. Аѳонскій инокъ считалъ своимъ долгомъ противодѣйствовать всѣмъ явленіямъ русскаго быта, которыя шли на перекоръ православнымъ началамъ: повсемѣстный упадокъ нравственности, ослабленіе монашеской жизни, остатки язычества, суевѣріе, не отличаемое отъ истинной вѣры, возведеніе обрядовъ на степень догматовъ, превратныя толкованія тѣхъ и другихъ, смѣшеніе апокрифовъ съ истинными писаніями, ошибочные переводы и искаженные списки богослужебныхъ книгъ, неправильныя отношенія великаго князя къ духовенству и боярамъ, высшихъ духовныхъ лицъ къ низшимъ,

однихъ монастырей къ другимъ, короче: все, чѣмъ возмущалось законное теченіе жизни, онъ обличалъ, какъ мужъ просвѣщенный, понимавшій значеніе истиннаго христіанства и коротко знакомый съ греческими преданіями.

Максимъ Грекъ былъ совершенно приготовленъ къ той дѣятельности, которую судьба предоставила ему въ Россіи. Онъ получилъ многостороннее образованіе у своихъ соотечественниковъ въ Венеціи и Флоренціи. Извѣстно, что Италія XV вѣка первенствовала въ Европѣ по своему просвѣщенію. Еще прежде, чѣмъ Византія завоевана была Турками, многіе Греки, не находя въ родномъ городѣ спокойнаго пріюта ученымъ занятіямъ, уходили въ Италію и перепиской греческихъ рукописей доставляли себѣ средства къ существованію. Съ паденіемъ Византіи, переселенія усилились, обратясь въ средство постояннаго умственнаго общенія Греціи съ западомъ. Переселенцы встрѣчали радушный пріемъ у людей, желавшихъ ознакомиться съ классическою литературою. На нихъ смотрѣли съ уваженіемъ, какъ на истолкователей древнихъ поэтовъ и философовъ, какъ на проводниковъ эллинизма. Государи и города старались привязать ихъ къ себѣ почетомъ и жалованьемъ; университеты предлагали имъ каѳедры; преподаваніе ихъ привлекало многочисленныхъ слушателей. Въ важнѣйшихъ италіянскихъ городахъ заводились библіотеки; греческія рукописи тщательно спасались отъ истребленія; въ Италіи впервые начали печатать греческія книги. Греки выказали разностороннюю дѣятельность, какъ учители, авторы и издатели. Главное направленіе ея было филологическое. Максимъ Грекъ основательно изучилъ греческій, латинскій, французскій и италіянскій языки. Древне-греческихъ писателей называлъ онъ своими первыми наставниками. Филологическое образованіе послужило ему съ пользою при переводахъ, давъ ему средство отличать подлинныя сочиненія отъ подложныхъ. Философіи не придавалъ онъ большой важности: онъ требовалъ отъ нея не самостоятельнаго значенія и первенствующей роли, а служенія религіи. Богословіемъ занимался онъ на Аѳонѣ, гдѣ, по возвращеніи изъ Италіи, постригся въ монахи: здѣсь читалъ онъ творенія Василія Великаго, Григорія Богослова, Златоуста, Максима Исповѣдника, Дамаскина и другихъ.

Не однимъ образованіемъ Максимъ былъ одолженъ Италіи: въ лицѣ Іеронима Савонаролы, знаменитаго доминиканскаго проповѣдника и настоятеля монастыря св. Марка во Флоренціи (1452—1498), она показала ему примѣръ дѣятельности, одушевленной религіознымъ рвеніемъ. Италія XV вѣка, на ряду съ блистательными успѣхами въ наукахъ и искуствахъ, представляла многія явленія, которыми возмущались люди строго-христіанской жизни: слабость вѣры и даже безвѣріе въ образованномъ классѣ, усвоившемъ понятія языческаго міра, посредствомъ знакомства съ произведеніями классической философіи и поэзіи, суевѣріе простаго народа, не имѣвшаго, въ дѣлахъ религіи, заботливыхъ руководителей и предоставленнаго собственнымъ силамъ, безпорядки духовнаго управленія, сильное послабленіе нравственности, высказавшееся роскошью, праздностью, любовью къ чувственности. Савонарола обличалъ эту нравственную распущенность, своеволіе папской власти и зазорную жизнь духовенства. Онъ требовалъ возстановленія древне-христіанскаго духа, и его краснорѣчіе вначалѣ увѣнчалось блистательнымъ успѣхомъ, но потомъ, обвиненный въ ереси и преданный проклятію папою Александромъ VI-мъ, онъ былъ сожженъ на кострѣ. Исторія его напоминаетъ, нѣкоторымъ образомъ, судьбу Максима Грека, которому также пришлось быть обличителемъ современ-

ныхъ нестроеній, также пріобрѣсть уваженіе въ первое время своей дѣятельности, а потомъ пострадать за нее какъ бы еретику. Въ «Повѣсти о совершенномъ иноческомъ жительствѣ», Максимъ ставитъ въ примѣръ русскимъ монахамъ Савонаролу, этого образцоваго инока, который силою проповѣди и строгою жизнію обратилъ къ исправленію современное порочное общество. Между обстоятельствами, сопровождавшими дѣятельность того и другаго лица, существуетъ извѣстная аналогія. Состояніе русскаго общества въ XVI вѣкѣ, при Василіи Іоанновичѣ и Грозномъ, обнаруживаетъ черты сходства съ состояніемъ Флоренціи въ XV вѣкѣ при Медичи: у насъ тоже, какъ выше замѣчено (§ 117), существовали безпорядки церковнаго управленія, языческіе обычаи, суевѣріе, упадокъ нравственности въ духовенствѣ и народѣ. Эти сходственныя явленія имѣли, конечно, своимъ источникомъ другіе, противоположные предметы: что въ Италіи было дѣломъ усиленнаго хода цивилизаціи, то у насъ происходило преимущественно отъ тугаго развитія просвѣщенія, отъ невѣжества. Подобно многимъ ревнителямъ своихъ идей, Савонарола переступилъ за черту надлежащихъ дѣйствій: обличая пристрастіе къ языческимъ представленіямъ, онъ вооружился на классическое образованіе вообще, въ которомъ исторія справедливо признаетъ важный моментъ развитія человѣчества и драгоцѣнное наслѣдіе новаго міра. Такъ и Максимъ Грекъ. Великая заслуга его заключается въ томъ, что онъ раскрывалъ истинныя начала христіанства и точныя научныя понятія; но съ другой стороны, обличая ложные толки въ сферѣ православія и сферѣ науки, онъ относился отрицательно къ такимъ фактамъ, которые на Руси имѣли совсѣмъ другой смыслъ, нежели во Флоренціи. Если религія флорентинскихъ ученыхъ XV в. пострадала отъ ихъ пристрастія къ языческой мудрости, отъ ихъ благоговѣнія предъ Платономъ и Аристотелемъ; если долгое господство схоластики вызвало на западѣ законное ей противодѣйствіе: то, напротивъ, въ Россіи первой половины XVI в. или вовсе не было повода опасаться такихъ вредныхъ пристрастій, или рѣдкіе примѣры какого-либо знакомства нашихъ предковъ съ Аристотелемъ служили знакомъ похвальнаго успѣха, утѣшительнаго движенія впередъ. Схоластика составила бы эпоху въ исторіи нашего научнаго образованія. Самая любовь къ астрологіи должна быть объясняема въ пользу нашихъ старинныхъ грамотниковъ: она говоритъ о ихъ любознательности, о желаніи постигнуть таинственную связь между землей и видимымъ небомъ. Такая любознательность не заслуживаетъ безусловнаго порицанія даже и въ томъ случаѣ, когда она, по силѣ нѣкоторыхъ обстоятельствъ, уклоняется въ сторону отъ прямаго пути.

Предметъ многочисленныхъ сочиненій Максима Грека—раскрытіе ложныхъ понятій и дѣйствій. Существенный характеръ ихъ—обличительный, критическій. Хотя критика не мыслима безъ опредѣленныхъ началъ, но догматическое, положительное ученіе стоитъ въ нихъ не на первомъ планѣ. Главное вниманіе обращено на опровержение мнѣній, противныхъ христіанскому просвѣщенію.

Дѣятельность Максима началась трудами по объясненію Св. Писанія. Онъ перевелъ съ греческаго сводное толкованіе на Псалтирь, составленное изъ объясненій древнѣйшихъ писателей церковныхъ, потомъ толкованіе на Дѣянія апостольскія и Златоустовы бесѣды на Евангелія отъ Матоея и отъ Іоанна. Такъ какъ онъ не успѣлъ еще достаточно освоиться съ церковно-славянскимъ языкомъ, то въ пособіе дали ему двухъ толмачей, знавшихъ языкъ латинскій: Дмит-

рія Герасимова, извѣстнаго уже намъ по своимъ занятіямъ при Геннадіи (§ 98), и Власія, бывшаго посланникомъ въ Даніи и къ Карлу V. Максимъ диктовалъ имъ свой переводъ съ греческаго на латинскій, а они уже переводили съ латинскаго на церковно-славянскій.

Важнѣйшія сочиненія Максима принадлежатъ къ отдѣлу полемико-догматическихъ: здѣсь онъ отвергаетъ ученія евреевъ, язычниковъ, магометанъ, католиковъ и лютеранъ, противопоставляя имъ христіанское православное исповѣданіе. Между ними замѣчательно «Обличительное слово на эллинскую (языческую) прелесть», по своей видимой связи съ пребываніемъ Максима въ Италіи, въ которой, какъ сказано выше, преданность образованнаго класса языческимъ понятіямъ породила равнодушіе къ воззрѣніямъ христіанства. Многіе ученые, въ порывѣ увлеченія дохристіанскимъ міромъ, мечтали воскресить греческую миѳологію. Знакомство съ классической литературой и философіей внушило имъ чрезвычайное уваженіе къ Сократу, Платону, Аристотелю. Во Флоренціи, при Медичи, была основана академія, въ которой уваженіе къ Платону простиралось почти до языческаго ему поклоненія. Испанецъ Вивесъ (Іоаннъ Людовикъ), современный Максиму толкователь Августинова сочиненія: «о градѣ Божіемъ», называлъ Платона «святѣйшимъ» и въ толкованіи смѣшивалъ истины откровенія съ миѳологическими сказаніями. Какъ Савонарола боролся съ этой наклонностью италіянцевъ къ греческой миѳологіи, доходя въ своей ревности до того, что велѣлъ сожигать творенія Данта, Боккачіо и Петрарки, наполненныя миѳологическими вымыслами, такъ и Максимъ Грекъ, подражая ему или желая и дѣйствительно предостеречь русское православіе отъ подобныхъ стремленій, написалъ вышесказанное обличительное слово и кромѣ того опроверженіе на комментарій Вивеса.

Многія сочиненія Максима Грека направлены противъ «льстивыхъ писаній» Николая Шомберга, «родомъ нѣмчина, а вѣрою латинянина», который старался уклонять Русскихъ отъ православія въ латинство. Два слова: «на латинянъ» и «противъ Николаевыхъ главизнъ,» составляютъ одно цѣлое и адресованы какому-то боярину Карпову, который интересовался религіозными вопросами и получилъ особое посланіе отъ нѣмчина. Они замѣчательны взглядомъ автора на философію и ея отношеніе къ богословію: Максимъ осуждаетъ благоговѣніе западныхъ ученыхъ предъ Аристотелемъ и Платономъ, повсемѣстное въ его время господство діалектики и особенно способъ рѣшать вопросы догматическаго богословія математическимъ методомъ, на основаніи котораго старались объяснять тайны Божія существа, раскрывать ученіе о происхожденіи Св. Духа геометрическими фигурами (*). «Обратись мысленно», говоритъ Максимъ Грекъ, «къ италіянскимъ училищамъ: тамъ ты увидишь, на подобіе потоковъ текущихъ или, лучше, потопляющихъ, Аристотеля и Платона, и всѣхъ, которые окрестъ ихъ; по мнѣнію преподавателей въ этихъ училищахъ, никакой догматъ, ни человѣческій, ни божественный, не крѣпокъ, если не утвержденъ на Аристотелевыхъ силлогизмахъ». Авторитетъ философіи, разсуждающей, какъ выражается Максимъ, «по преданію человѣковъ, по стихіямъ міра», былъ для него подорванъ съ того времени, какъ онъ на Аѳонѣ изучилъ творенія святителей церкви. Поэтому, въ «Словѣ къ Николаю Латинянину объ исхожденіи Св. Духа», онъ совѣтуетъ «удовольствоваться богодухновен-

(*) Описаніе славян. рукописей Синод. библіотеки. Книга 3 (1859), стр. 549.

нымъ богословіемъ оныхъ блаженныхъ мужей и не искать новѣйшаго хитрословія; латинское ухищреніе—больше суесловіе, чѣмъ богословіе: оно изобрѣтено вчера и можетъ хвалиться мудростью Аристотелевскою, а не Святымъ Духомъ, свыше возглашающимъ».

Жидовствующіе, упомянули мы выше, имѣли еще тайныхъ приверженцевъ: и Максимъ обличалъ «іудейское зловѣріе», чтобы соблюсти отъ него русскую землю чистою и невредимою. Магометане вступали нерѣдко въ религіозные споры съ православными: Максимъ далъ послѣднимъ по этому поводу нѣсколько совѣтовъ. Не оставлены имъ безъ вниманія народныя суевѣрія, въ которыхъ высказывалось грубое противорѣчіе или догматамъ вѣры или доброй нравственности. Его критика апокрифовъ и подобныхъ имъ сказаній чрезвычайно интересна по ясности взгляда и основательнымъ свѣдѣніямъ. Въ вопросѣ о монастырскихъ имѣніяхъ, самомъ живомъ изъ вопросовъ того времени, Максимъ сталъ на сторонѣ тѣхъ, которые рѣшали его отрицательно, т. е. не признавали за монастырями права владѣть селами и деревнями. Да и не могъ ученый инокъ, видѣвшій образцы совершеннаго иночества и на западѣ, и на Аѳонѣ, сочувствовать тому устройству, которое людей, отрекшихся отъ міра, необходимо втягивало въ міръ и которымъ поэтому ослаблялся аскетизмъ. Не могъ онъ также умалчивать правду при видѣ многихъ неправдъ эпохи Василія Іоанновича и малолѣтства его сына: придворныхъ смутъ, лихоимства, криваго суда, неприличнаго вмѣшательства духовныхъ лицъ въ дѣла свѣтскія, и на оборотъ. Вторая часть Максимова «Слова о промыслѣ Божіемъ» содержитъ въ себѣ рѣзкія обличенія лихоимства начальниковъ, неправосудія сильныхъ людей: «О презѣльное безчеловѣчіе и безуміе наше! благовѣрные христіане, осыпанные богатствомъ и всякими имуществами, получивъ привременную власть и разжигаясь неистовымъ сребролюбіемъ, творятъ обиды, лихоимствуютъ, похищаютъ имѣнія вдовицъ и сиротъ, взводятъ всякія вины на неповинныхъ, не стыдятся живущихъ окрестъ нихъ ляховъ и нѣмцевъ. Хотя ляхи и латинской вѣры, но правосудно и человѣколюбиво правятъ по установленнымъ законамъ. Гдѣ у латиномудрствующихъ найдемъ такой образъ неправосудія, каковъ нынѣ у насъ, православныхъ!» «Слово о нестроеніяхъ и безчиніяхъ царей и властителей послѣдняго вѣка сего» изображаетъ аллегорически смуты, порожденныя боярскимъ самовластіемъ въ малолѣтство Грознаго. Русское царство представлено подъ видомъ скорбной жены, одѣтой въ черную одежду и удалившейся въ пустыню, гдѣ окружаютъ ее дикіе звѣри. Имя ея — Василія (греч. слово—царство). Удаленіе въ пустыню показываетъ, что страна какъ бы лишена была царей. Тоже слово обличаетъ сребролюбіе и роскошь, которая обнаружилась пиршествами и постройками домовъ. Въ заключеніи Максимъ скорбитъ о томъ, что нѣтъ уже болѣе духовныхъ поборниковъ царства, защитниковъ угнетаемымъ, преслѣдователей беззаконія, какими были Самуилъ и Наѳанъ, Амвросій Медіоланскій, Василій Великій, Златоустъ.

Но духовное поборничество навлекло Максиму Греку многихъ враговъ и послужило ему въ осужденіе. Прежде всего возбудилъ онъ ропотъ невѣжества обличеніемъ нравственной безурядицы и ложныхъ ученій. Люди, строго державшіеся старины, не умѣвшіе отличать въ писаніяхъ буквы отъ духа, вооружились на него за указаніе ошибокъ въ церковныхъ книгахъ и за исправленіе ихъ. Вторая причина неудовольствія вытекала изъ отношеній Максима къ митр. Даніилу, бывшему игу-

мену Волоколамскаго монастыря, и вообще къ волоколамскимъ инокамъ, которые, начиная съ царствованія Іоанна III, играли важную роль въ дѣлахъ московскаго двора. Сила ихъ возрасла особенно при Василіи Іоанновичѣ. Курбскій называетъ ихъ «презлыми Осифлянами (по имени Іосифа Волоцкаго), скорыми послушниками и во всемъ зломъ потаковниками», а самого Даніила «прегордымъ и прелютымъ». Между недовольными Даніиломъ находились знакомые Максиму, къ которому они обращались съ вопросами о дѣйствіяхъ высшей духовной власти и ея отношеніи къ цареградскому патріарху, къ великому князю и боярамъ. Мнѣніе о монастырскихъ имѣніяхъ также раздѣляло святогорскаго инока и митрополита: послѣдній отстаивалъ неприкосновенность всѣхъ правъ, какими до того пользовались обители, тогда какъ первый писалъ противъ этихъ правъ. Положеніе Максима на Руси было особенное: его спрашивали о многомъ, что дѣлалось въ правительственной и придворной средѣ. Не мало было людей любознательныхъ и вмѣстѣ недовольныхъ современнымъ порядкомъ, которые желали знать, такой ли порядокъ въ чужихъ земляхъ. Къ кому другому могли они обратиться, съ кѣмъ другимъ бесѣдовать, какъ не съ Максимомъ, строгимъ инокомъ, ученымъ мужемъ, человѣкомъ бывалымъ въ Греціи, на западѣ, на горѣ Аѳонской? Онъ самъ пишетъ, что многіе пытали у него о разныхъ вещахъ. И нѣтъ сомнѣнія, что въ этихъ бесѣдахъ произносились невыгодные отзывы о современномъ состояніи Руси. Скопившіяся неудовольствія выжидали только случая разрѣшиться. Случай представился въ разводѣ великаго князя съ первою его супругою. Когда приверженцы новой супруги, Елены Глинской, взяли при дворѣ перевѣсъ, тогда, разумѣется, Максиму и другимъ, которые не нравились торжествовавшей партіи, стала угрожать невзгода, тѣмъ болѣе, что Максимъ писалъ противъ расторженія брака. Въ 1525 г., подъ предлогомъ подозрительныхъ сношеній съ двумя опальными: Берсенемъ-Беклемишевымъ и Жаренымъ, его заключили въ Симоновъ монастырь и допрашивали обо всемъ, что было говорено о дѣлахъ князя. Когда, по слѣдствіи, онъ оказался невиннымъ, обратились къ трудамъ его по исправленію церковныхъ книгъ. Нѣкоторымъ неточностямъ въ исправленіи, происходившимъ или отъ малаго знакомства Максима съ церковнославянскимъ языкомъ, или отъ невѣрно-переданной мысли его помощниками, придали чрезвычайную важность, созвали для того соборъ (1525), на которомъ и осудили исправителя, какъ еретика, испортившаго Св. Писаніе: Максимъ былъ отправленъ въ Волоколамскій монастырь, подъ надзоръ недоброжелательныхъ ему иноковъ. Послѣ новаго собора (1531) перевели его въ тверской Отрочъ монастырь, а отсюда въ Троицкую Сергіеву лавру (1551), гдѣ онъ и скончался.

Максимъ Грекъ принадлежитъ исторіи русскаго просвѣщенія не только своими сочиненіями, но и вліяніемъ на образованіе многихъ лицъ. Кн. Вассіанъ Косой, кн. Курбскій, Зиновій Отенскій, инокъ Силуанъ, находившійся при немъ въ писцахъ, были его учениками. Кн. Курбскій отзывается о немъ съ великимъ уваженіемъ. Іоаннъ Грозный цѣнилъ его ученость, хотя не хотѣлъ ни освободить его изъ заточенія, ни отпустить на Аѳонскую гору: особымъ посланіемъ просилъ онъ Максима прислать ему отзывъ о новомъ ученіи Матвѣя Башкина. Въ 1554 Максимъ былъ вызванъ на соборъ, созванный для обличенія этой ереси.

Сочиненія Максима Грека сохранялись до сихъ поръ въ рукописныхъ сборникахъ двоякаго состава: полнаго и неполнаго, называемыхъ также Максимовыми книгами— большою и малою. Число ихъ въ полномъ сборникѣ простирается до 140, въ сокра-

щенномъ до 40. Они печатаются въ Православномъ Собесѣдникѣ, съ февраля 1859 г. Николай Нѣмчинъ называется также Николаемъ Германомъ или Николаемъ Латинянином, а иногда и просто Латинянином. Замѣтку о немъ Востокова см. въ Оп. Рум. Муз. стр. 371 (Максимъ Грекъ, Филарета, Москв. 1842, XI; Максимъ Грекъ святогорецъ, Прибав. къ Тв. св. отц., 1859, кн. 2; Прав. Собес., 1859, кн. 2; Опис. рки. Син. биб., кн. 3). См. также: О трудахъ Максима Грека, Терещенко, Журн. Мин. Нар. Пр., 1834, № 3; Преніе Даніила съ инокомъ Максимомъ, Чтен. 1847, кн. 7; Преніе Даніила съ старцемъ Вассіаномъ, ib. кн. 9; Акты, относящіеся до пріѣзда Максима Грека въ Россію, Времен., кн. 5; О сношеніяхъ Рус. Церкви съ святогорскими обителями до 18 го столѣтія, Приб. къ Тв. св. отц. 1848; Рум. Муз., стр. 366 — 380.

§ 126. Вопросъ о недвижимыхъ монастырскихъ имуществахъ, почти съ самаго начала русской церкви, обращалъ на себя вниманіе нашихъ предковъ. Уже митрополитъ Кипріанъ (XIV в.) находилъ владѣніе селами и деревнями несовмѣстнымъ съ обѣтомъ иночества. «Слово о томъ, угодно ли Богу, чтобы монастырямъ дарили села», также XIV в. (§ 81), считаетъ погибшею душу того, кто отдаетъ имѣніе монастырю. На соборѣ 1503 г., созванномъ для разсужденій объ означенномъ вопросѣ, голоса раздѣлились: Нилъ Сорскій и другіе бѣлозерскіе старцы, съ любовью проходившіе скитское житіе, были противъ владѣнія; монахи Волоколамскаго монастыря и представитель ихъ, Іосифъ Волоцкій, стояли за владѣніе. Мнѣніе послѣдняго превозмогло, и митрополитъ Симонъ, въ посланіи къ Іоанну III, выразилъ, что духовенство, вотчинныя права котораго утверждены божественными и царскими уставами, не дерзаетъ и не благоволитъ согласиться на его предложеніе—пожертвовать монастырскими недвижимыми имуществами въ пользу государственныхъ потребностей. Мнѣніе Сорскаго раздѣлялъ и отстаивалъ послѣ его смерти инокъ кн. Вассіанъ Косой, въ мірѣ Иванъ Патрикѣевъ, знатнѣйшій бояринъ при Іоаннѣ III, приговоренный, въ 1499 г., за преданность внуку великаго князя, Димитрію, къ смертной казни, вмѣстѣ съ другими членами своего семейства и Ряполовскими, но прощенный по ходатайству митр. Симона, съ условіемъ постриженія въ монашество. Вассіанъ принадлежалъ къ замѣчательнымъ личностямъ въ русской жизни XVI в.: съ твердымъ умомъ соединялъ онъ смѣлое упорство въ мнѣніяхъ и не хотѣлъ мириться съ тѣмъ, въ чемъ видѣлъ «супротивная жительству святыхъ отецъ». Онъ даже составилъ свою книгу церковныхъ правилъ (кормчую), въ которой иноковъ, владѣвшихъ селами, называлъ «смутотворцами», и написалъ «Слово о иноческомъ житіи и устроеніи церковномъ». Оба сочиненія послужили главными обвинительными пунктами на соборѣ 1531 г., по приговору котораго Вассіанъ былъ сосланъ въ Волоколамскій монастырь, гдѣ и умеръ. Во взглядѣ на монастырскія имѣнія съ Вассіаномъ сходился Максимъ Грекъ (§ 125). Въ повѣсти послѣдняго: «О совершенномъ иноческомъ жительствѣ», строгимъ правиламъ иноковъ картезіанскаго ордена, отрекшихся отъ всякой собственности и собиравшихъ для своего пропитанія милостыню, противополагаются, въ русскомъ монашествѣ, заботы по управленію вотчинами, раздоръ между монастырями, стараніе войти въ милость при дворѣ великаго князя, невоздержность въ пищѣ и питіи. Цѣль моя, говоритъ Максимъ Грекъ, не восхвалять латинскую вѣру, а показать, что и у латинянъ есть попеченіе о евангельскихъ заповѣдяхъ, что имъ должны подражать мы въ строгихъ правилахъ иноческой жизни, «да не обрящемся позади ихъ». Еще рѣзче выставляется несовмѣстимость многосложныхъ дѣлъ управленія съ обѣтами иночества въ «Стязаніи о извѣстномъ иноческомъ житіи», между Филоктимономъ (стяжателемъ) и Актимономъ (нестяжателемъ). Сужденія Максима

расходились въ кругу грамотныхъ людей. Авторитетъ его подкрѣплялъ укоризны русскому духовенству, шедшія съ разныхъ сторонъ, такъ что ученикъ его, Зиновій Огенскій, долженъ былъ ослаблять дѣйствіе этого авторитета показаніемъ различій въ бытѣ западныхъ и русскихъ иноковъ и, на основаніи этихъ различій, оправдывать русское иночество.

Когда въ средѣ образованныхъ людей возникаетъ вопросъ о несостоятельности какого-либо общественнаго факта, тогда обыкновенно литература принимаетъ на себя разъясненіе понятій, относящихся къ возникшему вопросу. Осматривая предметъ съ разныхъ сторонъ, она мало по малу установляетъ правильный взглядъ на спорный фактъ и тѣмъ самымъ подготовляетъ его упраздненіе, которое окончательно совершается дѣйствіемъ правительственныхъ властей или силою времени. Вотъ почему «Слово» Вассіана, какъ голосъ человѣка грамотнаго и начитаннаго о современномъ ему явленіи высокой важности, есть произведеніе литературное. Характеръ его обличительный. Обличеніе принимаетъ иногда сатирическій тонъ, въ силу твердой преданности защищаемому началу или отъ личной вражды съ тѣми, на кого метилъ авторъ. Онъ имѣлъ въ виду преимущественно иноковъ Волоколамскаго монастыря, а потомъ тѣхъ, кто поблажалъ имъ, кто сдавался на ихъ ложныя челобитья, на прим. великій князь. Онъ находитъ предосудительнымъ не только право монастырей на имѣнія, но и вмѣшательство ихъ въ дѣла правительства, при чемъ иноки вводятся въ погибель, будучи отвлекаемы отъ своихъ подвиговъ и сверхъ того какъ бы налагая на себя обязательство за пожалованныя имъ льготы смотрѣть снисходительно на жизнь мірянъ. Царямъ и великимъ князьямъ (такъ разсуждаетъ Вассіанъ) слѣдуетъ собирать доходы съ пощадою, вершить дѣла милосердно, при помощи князей, бояръ и другихъ міряиъ, а не съ иноками. Инокамъ душевредно мястись мірскями суетами. Они должны содержаться урочной годовой милостыней. Святые не запасали на-вѣкъ, а собирали только, что нужно для пищи. Непохвально царямъ жаловать инокамъ села и волости: таковые сдержатели (самодержцы) сами собою не возмогутъ сдержать царства и отдаютъ міръ свой, Богомъ имъ данный, въ подначаліе инокамъ, какъ иноземцамъ; отъ крестьянъ (христіанъ) своихъ, словно отъ чужихъ и невѣрныхъ, все лучшее предоставляютъ монастырямъ. Если иноки не хотятъ питаться собственными трудами, накупаются на мірскія слезы, стараются быть сытыми отъ царя по ложному челобитью, то они не богомольцы, а иконоборцы. Любопытно изображеніе современной монашеской жизни: «Въ иноческомъ образѣ строимъ себѣ каменныя ограды и палаты, позлащенные узоры съ многоцвѣтными травами, кельи украшаемъ на подобіе царскихъ чертоговъ, покоимъ себя брашнами и піянствомъ, пользуемся отъ міра всѣмъ лучшимъ и завиднѣйшимъ, тогда какъ, по настоящему, лучшая пища и лучшее питіе подобаетъ труждающимся на насъ міряпамъ, а не намъ инокамъ, не намъ, и паки речемъ—не намъ».

О недвижимыхъ имуществахъ духовенства въ Россіи, изслѣдованіе Владиміра Милютина (Чтен. 1859, кн. 4). Слово о иноческомъ житіи, Вассіана, нап. Бодянскимъ въ 3 кн. Чтен. 1859 г., подъ заглавіемъ: Разсужденіе инока кн. Вассіана о неприличіи монастырямъ владѣть отчинами. О соборѣ 1531 г. см. въ Преніи Вассіана съ митр. Даніиломъ, Чтен. 1847. кн, 9 Содержаніе сочиненій Максима Грека противъ монастырскихъ имѣній изложено въ ст.: Отношенія иноковъ волоколамскаго и бѣлозерскаго монастырей, Приб. къ Тв. св. отц., 1851, кн. 3.

§ 127. Кирилобѣлозерскіе иноки расходились съ волоколамскими во мно-

гихъ пунктахъ и между прочимъ во взглядѣ на жидовствующихъ. Іосифъ Волоцкій доказывалъ, что правительство не должно принимать во вниманіе раскаянія еретиковъ, послѣ соборнаго о нихъ приговора, такъ какъ это раскаяніе не произвольное, а вынужденное страхомъ смертной казни, слѣд. лицемѣрное. Великій князь послушался Іосифа, который за то подвергся многимъ укоризнамъ. Особенно негодовали на него старцы Кириллова и другихъ вологодскихъ монастырей, гдѣ иначе думали о жидовствующихъ и гдѣ нерѣдко возникали стремленія мысли отрѣшаться отъ нѣкоторыхъ постановленій. Посланіе Волоцкаго «къ инокамъ о повиновеніи соборному опредѣленію относительно еретиковъ» дало имъ поводъ написать сочиненіе, въ которомъ утверждается, что еретиковъ, кающихся и даже проклинающихъ свою ересь, церковь должна принимать съ простертыми объятіями. Сочиненіе, по мѣстамъ довольно колкое, приписываютъ Вассіану, зная, что онъ при дворѣ Василія Іоанновича ходатайствовалъ за жидовствующихъ. По поводу непріязненныхъ отношеній между двумя монастырями явилось письмо «о враждѣ на Іосифлянъ». Оно излагаетъ причины вражды или «нелюбки» между двумя монастырями: первая причина—рѣшеніе собора 1503 г. о монастырскихъ имуществахъ, согласно мнѣнію Волоцкаго и противно мнѣнію Сорскаго; вторая—безуспѣшность Вассіанова домогательства у великаго князя объ отобраніи имуществъ въ казну, объясняемая противодѣйствіемъ Іосифа; третья — различныя понятія о новогородскихъ еретикахъ. Письмо замѣчательно тѣмъ, что указываетъ скрытую для многихъ причину гоненій на Максима Грека и другихъ аѳонскихъ иноковъ, именно: ихъ отзывъ о неприличіи монастырямъ держать села. Замѣчательны также въ немъ окончательныя слова: «воистину сбылось то, что говорили святые отцы: мнѣніе—второе паденіе, матерь всѣмъ страстямъ—мнѣніе».

См. Отношенія иноковъ, и пр.

§ 128. Наклонность къ новымъ мнѣніямъ, которыя, въ XVI в., сильною враждою раздѣляли грамотныхъ людей и въ умѣ многихъ брали превосходство надъ личною непріязнію и личнымъ пристрастіемъ, преимущественно обнаруживалась, какъ мы видѣли, въ Новгородѣ и Псковѣ, и въ сѣверныхъ монастыряхъ, между заволжскими (новгородскими и вологодскими) иноками. «За Волгою», по словамъ Курбскаго, «прозябали руганія», т. е. особенные взгляды на нѣкоторые догматы и церковные уставы. Къ такимъ «руганіямъ», или ересямъ, относятся ученія Матвѣя Бакшина (или Башкина) и послѣдователя его, Ѳеодосія Косаго. То и другое ученіе состоятъ въ тѣсной связи съ жидовскою ересью и суть видоизмѣненія одного и того же начала—тогдашняго раціонализма. Они отвергали божество Іисуса Христа, не признавали таинствъ покаянія и причащенія, считали ненужными храмы, иконы, посты, отеческія преданія, церковные уставы. Ѳеодосій Косой ставилъ Моисеевъ законъ выше Евангелія; пятокнижіе называлъ столповыми книгами, т. е. содержащими въ себѣ истинное ученіе; въ разумѣ видѣлъ единственный источникъ знанія; смерть почиталъ естественнымъ явленіемъ, а не плодомъ вольнаго грѣха, и осуждалъ отверженіе покаявшихся еретиковъ, въ чемъ сходился съ кн. Вассіаномъ. Изъ допросовъ, сдѣланныхъ Башкину на соборѣ (1554), видно, что многіе заволжскіе старцы благопріятствовали его ереси, что ему покровительствовалъ рязанскій епископъ Кассіанъ, и что въ числѣ его послѣдователей находился бывшій троицкій игуменъ Артемій. Ученію Ѳеодосія Косаго также сочувствовали иноки Бѣлозерскаго монастыря, гдѣ онъ постригся въ монахи.

18

Соборъ (1555) за распространеніе еретическихъ мнѣній заключилъ его въ монастырь, откуда онъ бѣжалъ въ Литву.

Ересь Косаго обличалъ Зиновій, инокъ Отенскаго новгородскаго монастыря, сосланный сюда (1526) по заточеніи своего учителя—Максима Грека. Это обличеніе или «Истины показаніе», подобно «Просвѣтителю» Волоцкаго, принадлежитъ къ догматико-полемической богословской литературѣ, но въ немъ отчетливѣе, съ большимъ знаніемъ дѣла раскрыты начала христіанской религіи, чѣмъ въ «Просвѣтителѣ». Любопытно понятіе Зиновія объ отношеніи книжной рѣчи къ народному языку: «я думаю, что это лукавое умышленіе христоборцевъ или людей грубыхъ смысломъ—возводить въ книжныя рѣчи отъ общихъ народныхъ рѣчей, тогда какъ по моему приличнѣе книжными рѣчами исправлять общенародныя рѣчи, а не книжныя народными обезчещивать».

Посланіе Грознаго къ Максиму Греку о ереси Башкина, Ист. Акт. I, № 161; Соборная грамота объ Артеміи, Акты Арх. Эксп. I, № 250 и 253; Записка о соборѣ противъ Башкина, Чтен. 1847, № 3; Разс. о ерес. и раск., Руднева; Ист. Рос., Сол-ва, VII. Автографъ книги Зиновія Отенскаго у Толстаго (III, 64). На соборѣ Башкинъ назвалъ своими «развратителями» латинянъ: Андреяна Хотѣева и литовскаго аптекаря Матвѣя. Ѳеодосій Косой былъ слуга придворнаго боярина, отъ котораго бѣжалъ на Бѣлоозеро.

§ 129. Если въ Максимѣ Грекѣ мы видѣли примѣръ того, какъ дѣятельность одного лица состоитъ въ тѣсномъ отношеніи ко всѣмъ важнѣйшимъ явленіямъ современнаго быта, то и нѣкоторые памятники словесности, по своему многообъемлющему содержанію, даютъ полное понятіе о характерѣ той эпохи, въ которую они явились. Таковъ именно Стоглавъ, заключающій въ себѣ записки о дѣяніяхъ и уложеніи собора 1551 года. Подъ заглавіемъ: «Царскіе вопросы и соборные отвѣты о многоразличныхъ церковныхъ чинахъ» (порядкахъ), онъ содержитъ въ себѣ рѣчи Іоанна Грознаго при открытіи собора, вопросы, имъ предложенные, и соборные на нихъ отвѣты.

Въ Стоглавѣ указаны любопытнѣйшія данныя какъ для исторіи народныхъ нравовъ и обычаевъ, такъ и для исторіи образованія и литературы. Между нимъ и дѣятельностью Максима Грека самая живая связь: что Максимъ Грекъ обличалъ своимъ словомъ, то наконецъ раскрылось во всей ясности передъ глазами свѣтскаго и духовнаго правительства. Іоаннъ Грозный и митрополитъ Макарій сознали болѣзненное состояніе русской жизни и необходимость ея улучшенія. Какъ многоразличные безпорядки современнаго имъ общества возводятъ они къ одному источнику, такъ и за пособіемъ противъ зла обращаются къ одному существенному средству.

Неправильное иконописаніе, ошибочные переводы и ошибочное списываніе книгъ, скудное ученіе, противозаконная жизнь монаховъ и бѣлаго духовенства, безчинное стояніе въ церкви, заимствованіе обычаевъ у невѣрныхъ, суевѣрія и отреченныя книги, волхвованіе и чародѣйство, грубое язычество, судебные поединки — вотъ противъ чего главнѣйше вооружается Стоглавъ. Повсюду видитъ онъ порчу, упадокъ благочестія, ослабленіе религіознаго духа, внутреннее разъединеніе, которое, рано или поздно, должно было разрѣшиться расколомъ, какъ естественнымъ слѣдствіемъ искаженнаго, анормальнаго быта. Причина всѣхъ исчисленныхъ безпорядковъ—забвеніе преданій и древнихъ нравовъ, уклоненіе отъ благочестивой старины. Средство къ уничтоженію зла—возстановленіе старины. Грубость и невѣ-

жество возмутили народную нравственность: только просвѣщеніе можетъ очистить ее, смягчить нравы, познакомить съ духомъ истиннаго, христіанскаго благочестія. Направленіе его, подобно сочиненіямъ Максима Грека, полемическое, даже сатирическое, происходящее отъ его враждебныхъ отношеній къ современному быту.

Историко-литературная важность Стоглава состоитъ въ томъ, что къ нему примыкаютъ многія произведенія словесности, имѣющія предметомъ недостатки и потребности русскаго общества въ XVI в., о которыхъ разсуждалось на соборѣ 1551 г. Показаніями своими онъ дополняетъ характеристику эпохи, раскрываемую въ другихъ памятникахъ; и на оборотъ, эти послѣдніе объясняютъ многое въ вопросахъ и отвѣтахъ Стоглава. Между Стоглавомъ, какъ уложеніемъ цѣлаго собора, и сочиненіями, излагающими мнѣнія отдѣльныхъ лицъ, существуетъ видимое соотношеніе. И въ этомъ случаѣ, онъ снова, по важности своего внутренняго значенія, можетъ быть сравниваемъ съ дѣятельностью Максима Грека, вокругъ которой, равно какъ и вокругъ Стоглава, группируются прочіе литературные факты XVI вѣка. Разсматривая эти факты, мы необходимо должны обращаться и къ сочиненіямъ Максима Грека, и къ Стоглаву. Исчислимъ важнѣйшіе изъ нихъ. Статья «объ училищахъ» показываетъ плохое состояніе русской образованности въ XVI в. (§ 117); статья «объ исправленіи книжномъ и книжныхъ писцахъ» имѣетъ связь съ учрежденіемъ типографіи, исправленіемъ книгъ и расколомъ (§§ 118 и 121); статья «о святыхъ иконахъ и живописцахъ» любопытна для исторіи русской живописи, по отношенію къ «подлинникамъ», т. е. наставленіямъ для живописцевъ, о чемъ будетъ сказано при обзорѣ литературы въ XVII в. Изъ главы «о тафьяхъ безбожнаго Бохмета» (Магомета), т. е. татарскихъ шапочкахъ, вошедшихъ въ моду между Русскими, узнаемъ, что православные приходили въ церковь въ тафьяхъ и шапкахъ и, кромѣ того, чинили ропотъ, всякое прекословіе и бесѣды. Стоглавъ требуетъ стоять на молитвѣ со страхомъ и трепетомъ, не вводить поганскихъ обычаевъ, а сохранять національность въ образѣ жизни и покроѣ платья, на томъ основаніи, что въ каждой странѣ есть свои законы и отчина (преданіе, старина), и слѣдовательно Русскимъ должно держаться собственно русскихъ обычаевъ. Между сочиненіями Максима Грека есть также посланіе о тафьяхъ къ Алексѣю Адашеву. При частыхъ, неизбѣжныхъ сношеніяхъ съ «христіаноборцами измаильтянами», предкамъ нашимъ случалось и заимствовать у нихъ нѣкоторые обычаи, и препираться съ ними о своей вѣрѣ. По поводу послѣдняго предмета, въ «Отвѣтахъ Агарянамъ, хулящимъ православную вѣру», Максимъ Грекъ далъ наставленія, какъ вести споръ, а въ «Словѣ на агарянскую прелесть» показалъ условія, которыми опредѣляется истинность или ложность религіи, и примѣнилъ ихъ къ разсмотрѣнію христіанства. На другія, болѣе возмутительныя уклоненія въ агарянскую прелесть указываютъ посланіе митрополита Даніила къ Грозному, укоряющее его слугъ за разные пороки, и посланіе митрополита Макарія въ Свіяжскъ къ войску, отступившему отъ чистой христіанской жизни. Неблагой слухъ обносится нынѣ, пишетъ Макарій, что нѣкоторые изъ васъ, отвергнувъ страхъ Божій, уклонились въ страсти безчестія и творятъ злое, скаредное, богомерзкое дѣло.

Максимъ Грекъ, какъ было уже замѣчено, дѣйствовалъ своимъ словомъ противъ суевѣрій. Въ одномъ сочиненіи онъ опровергаетъ мнѣніе, что солнце не заходитъ во всю свѣтлую недѣлю, почему и слѣдуетъ считать ее за одинъ день;

въ другомъ, раскрываетъ нелѣпость «сказанія о рукописаніи грѣховномъ», т. е. о письменномъ обязательствѣ на вѣчную работу, которую будто Адамъ далъ прельстившему его дьяволу; въ третьемъ, изобличаетъ тѣхъ, которые думаютъ, что ради погребенія утопленниковъ и убитыхъ случаются плодотлительныя стужи. Въ примѣръ человѣколюбиваго обращенія съ умершими, указываются крымскіе татары, которыхъ видѣлъ Максимъ Грекъ во время поѣздки своей въ Россію: «а мы, христіане (говоритъ онъ), когда весной начинаютъ дуть студеные вѣтры и сѣемое не преуспѣваетъ, вмѣсто того, чтобы молиться Строителю всего, мы отрываемъ недавно похороненнаго убитаго или утопленника и бросаемъ его безъ погребенія». «Слово о промыслѣ Божіемъ» упоминаетъ также о вѣрованьѣ въ оклики, встрѣчи и птичій полетъ. Но любопытнѣйшія данныя для сохранившихся на Руси повѣрій и языческихъ обрядовъ сообщаетъ Стоглавъ. Его свидѣтельствами несомнѣнно подтверждается, что не только въ XIII и XIV вв. по «украйнамъ» Руси господствовало еще «двоевѣріе» (§ 77), но что и въ XVI в. существованіе язычества выражалось грубыми явленіями, которыя, согласно съ другими, болѣе древними памятниками (§ 77), онъ ставитъ на ряду съ музыкой, пляской и народной поэзіей. Такія явленія особенно имѣли мѣсто при народныхъ играхъ въ установленныя для того времена: Стоглавъ, указывая на нихъ, поясняетъ какъ языческій періодъ Руси, такъ и обрядныя пѣсни, нераздѣльныя съ язычествомъ. Обрядъ въ троицкую субботу совершался слѣдующимъ образомъ: сходились мужья и жены на жальникахъ (могилахъ) и плакали съ великимъ крикомъ; но какъ только заиграютъ на гудкахъ и прегудникахъ, они прекращали плачъ, начинали скакать и плясать, бить въ ладони и пѣть сатанинскія пѣсни. Замѣчательно описаніе обрядовъ въ купальскую ночь (23 іюня, на канунѣ Іоанна Предтечи): сходятся мужья, жены и дѣвицы на ночное плрованье, на безчинный говоръ, бѣсовскія пѣсни, плясанье, скаканье и богомерзкія дѣла. Къ исходу ночи, они бѣгутъ къ рѣкѣ съ великимъ крикомъ, словно одержимые бѣсомъ, и умываются водою; а когда начнутъ благовѣстить къ заутренѣ—расходятся по домамъ и отъ великихъ хлопотъ падаютъ, какъ мертвые. Это описаніе пополняется «Посланіемъ Памфила, игумена псковскаго Елеазарова монастыря, къ псковскому намѣстнику и властямъ о прекращеніи народныхъ игрищъ въ день Рожества св. Іоанна Предтечи» (1505). Явите вашу боязнь (пишетъ Памфилъ): когда приходитъ великій праздникъ, день Рождества Предтечева, да еще и прежде этого праздника, мужья и жены чаровницы выходятъ на луга, болота, въ пустыни и дубравы, ищутъ смертныхъ травъ, чревоотравныхъ зелій на пагубу человѣкамъ и скотамъ. Тутъ же собираются дикіе коренья на безуміе мужьямъ. Все это творится дѣйствіемъ дьявола съ сатанинскими приговорами. Когда же наступитъ самый праздникъ Рождества Предтечева, тогда въ святую ту ночь чуть ли не возмятется весь городъ; въ селахъ же забавляются бубнами, сопѣлями, струннымъ гудѣніемъ, и творятся всякія неподобныя сатанинскія игры: плесканіе и плясаніе женъ и дѣвъ, киваніе главами, виляніе хребтомъ, скаканіе и топаніе ногами, страшный вопль и скверныя бѣсовскія пѣсни. Въ это время происходитъ паденіе мужьямъ и отрокамъ, шатаніе женамъ и дѣвицамъ.—Въ другихъ вопросахъ Стоглава говорится объ окликиваньяхъ на свѣтлое воскресенье, о вьюнцѣ (хороводѣ съ пѣснями) на радуницу (во вторникъ Ѳоминой недѣли), о призываніи мертвыхъ въ великій четвертокъ, о хожденіи въ рощи и бѣсовскихъ потѣхахъ въ первый понедѣльникъ Петрова поста (провожанье русалокъ, § 18).

Между разными повѣрьями, Стоглавъ выставляетъ запретъ работать по средамъ и пятницамъ: «по погостамъ, селамъ и волостямъ ходятъ лживые пророки—мужики, жонки, дѣвки и старыя бабы, отростивъ и распустивъ волосы; они сказываютъ, что имъ являются святая Пятница и святая Анастасія и заповѣдаютъ христіанамъ въ среду и пятницу ручнаго дѣла не дѣлать, не прясть и платья не мыть». Съ этими словами связаны нѣкоторыя произведенія народной литературы: «духовный стихъ о пятницѣ» и апокрифическое «сказаніе о двѣнадцати пятницахъ».—Извѣстно, какъ духовныя лица старались поученіями своими ослабить, если не совсѣмъ прекратить, судебные поединки. Въ «Словѣ о промыслѣ» Максимъ возстаетъ противъ тѣхъ судей, которые, вопреки явнымъ уликамъ, открывающимъ виновнаго, присуждали рѣшить споръ «полемъ», при чемъ «полевщики» прибѣгали къ ворожбѣ. Существовали даже особыя для нихъ причитанья или заговоры. Стоглавъ такъ говоритъ объ этомъ обычаѣ: «нѣкоторые непрямо тяжутся: поклепавъ, цѣлуютъ крестъ или образа святыхъ, бьются на полѣ и кровь проливаютъ; а въ тѣ поры волхвы и чародѣйники творятъ пособіемъ бѣсовскихъ поученій: гадаютъ по Аристотелевымъ вратамъ и рафлямъ, наблюдаютъ звѣзды и планеты, смотрятъ дни и часы, и такими дьявольскими дѣйствіями прельщаютъ міръ и отлучаютъ отъ Бога. Надѣясь на чарованія, ябедникъ не мирится, цѣлуетъ крестъ, бьется на полѣ и, поклепавъ, убиваетъ противника». Аристотелевы врата и рафли (гадательныя тетради) отнесены Стоглавомъ къ числу отреченныхъ книгъ, которыя, въ вопросѣ о ересяхъ, называетъ онъ «составами, мудростями еретическими и кобями бѣсовскими» и между которыми значатся также другія: шестокрылъ, воронограй, остромомія, зодій, альманахъ, звѣздочетье. Такимъ образомъ Стоглавъ не остается безъ отношенія и къ исторіи апокрифической литературы.

О значеніи Стоглава въ исторіи Церкви, чего мы не касаемся, см. «Нѣсколько словъ о книгѣ Стоглавъ», Филарета (Москв. 1845, № 12), Ист. рус. раскола, Макарія, также Христ. Чтен. 1854, №№ 24—64; о его значеніи въ исторіи русскаго образованія и литературы: Русскіе подлинники въ литерат. отношеніи, Буслаева (Атеней, 1858, № 19). Посланіе Даніила въ Рум. Муз., стр. 158; Посланіе Макарія въ Ист. Акт. I, № 159; Посланіе Памфила въ 1 т. Доп. къ Акт. Ист. № 22 и въ Чтен. 1846, № 4.

§ 130. Стоглавъ и сочиненія Максима Грека имѣютъ дѣло съ состояніемъ цѣлаго общества: они заняты вопросами государственнаго устройства и народной жизни. Но для полнаго представленія современныхъ нравовъ необходима характеристика частнаго, домашняго быта, о которомъ молчатъ литературные памятники. Лѣтописи заняты описаніемъ важнѣйшихъ событій, предполагая обстоятельства обыденной жизни всѣмъ извѣстными; юридическіе акты входятъ въ подробности внутренняго быта на столько, на сколько онѣ нужны для объясненія изслѣдуемаго дѣла и подведенія его къ закону; мемуары относятся къ позднѣйшему времени, когда оказалась возможность писателю выступить съ своими собственными, личными требованіями. Недостатокъ источниковъ, по которымъ можно было бы составить понятіе о характерѣ частной, семейной жизни въ XVI вѣкѣ, восполняется сочиненіемъ священника Сильвестра, знаменитаго по своимъ отношеніямъ къ Грозному. Сочиненіе это, извѣстное подъ именемъ «Домостроя», т. е. книги домашняго устройства, домашняго устава, принадлежитъ, по своему назначенію, къ одному разряду съ «Поученіемъ Мономаха», которое можетъ быть также названо домостроемъ XII вѣка.

Рядомъ съ наставленіями религіозными, Домострой содержитъ въ себѣ и пра-

вила житейской мудрости, такъ что одна часть его имѣетъ предметомъ высшія потребности человѣка, благочестіе и душевное спасеніе, а другая обыкновенныя, насущныя его нужды. Въ первомъ отдѣлѣ говорится о вѣрѣ въ Бога и святыхъ его, о таинствахъ, о почитаніи духовнаго чина, царя и властей, о повиновеніи родителямъ и старшимъ, о воспитаніи дѣтей, обязанностяхъ жены, отношеніяхъ господъ къ слугамъ, и пр.; во второмъ о хозяйственномъ устройствѣ. Кромѣ интереса бытовыхъ подробностей, Домострой показываетъ пониманіе и сознаніе жизни грамотными людьми того времени: въ формѣ предписанія, какъ жить и вести порядокъ, онъ рисуетъ картину семейнаго счастія—тотъ идеалъ, къ которому Сильвестръ думаетъ возвести дѣйствительность, болѣе или менѣе уклонившуюся отъ составленнаго имъ идеала праведнаго житія. Въ статьяхъ: о воспитаніи дѣтей, обязанностяхъ жены, обращеніи съ прислугой, наглядно представляется положеніе женщины въ древнерусской семьѣ. Наставленіе, «какъ врачеваться христіанамъ отъ болѣзней и всякихъ скорбей», любопытно по отношенію къ народной поэзіи и апокрифамъ: здѣсь, къ богомерзкимъ дѣламъ, на ряду съ чарованіемъ, колдовствомъ и чернокнижіемъ, отнесены бѣсовскія, т. е. народныя пѣсни, пляска, музыка, охота соколиная и псовая. Здѣсь же исчислены суевѣрія и отреченныя книги, между которыми находимъ и новыя противъ прежняго ихъ списка, дошедшаго до насъ отъ XIV вѣка.

Нѣтъ сомнѣнія, что Сильвестръ пользовался древнѣйшими письменными памятниками, по крайней мѣрѣ въ статьяхъ духовнаго содержанія. Такъ «наказаніе отъ отца къ сыну» начинается почти тѣмъ же, чѣмъ начинается «душеполезное слово нѣкоего отца къ сыну», въ Златой Цѣпи (§ 73); наставленіе о почтеніи царей и князей сходно съ «словомъ о князьяхъ» того же сборника; правила, какъ учить дѣтей, съ «словомъ къ родителямъ и чадамъ» въ Златоустѣ XVI в.; примѣръ собственной жизни, выставляемый Сильвестромъ, находится и въ «Поученіи Мономаха» и въ «Поученіи Ксенофонта сыновьямъ», въ Святославовомъ Изборникѣ 1076 г. (§ 67). Рукописи другихъ старинныхъ сочиненій одинаковаго содержанія съ Домостроемъ извѣстны подъ именемъ «Вождя по жизни». Отсюда ясно, что Домострой соединяетъ въ себѣ поученія, заимствованныя изъ разныхъ источниковъ, съ правилами житейской мудрости, добытыми русскимъ здравымъ смысломъ и опытностью.

Отношенія Сильвестра, священника въ Новгородѣ, а потомъ въ московскомъ Благовѣщенскомъ соборѣ, къ Грозному объяснены въ VI т. Ист. Россіи, Сол—ва. Домострой нап. въ 1 кн. Временника, 1849—50 г. Онъ состоитъ изъ вступленія и 63 главъ. Дополненіе къ нему, подъ названіемъ: «Книги во весь годъ въ столъ ѣствы подавать», съ предисловіемъ И. Забѣлина, см. въ 6 кн. Временника (Объ археологическомъ значеніи Домостроя, А. Аѳанасьева, От. Зап. 1850, № 7; Рус. поэзія XVII в., Буслаева, Моск. Вѣд. 1852; его же, разборъ повѣсти о Горѣ и Злочастіи, Рус. Вѣст. 1856, №№ 13 и 14.)

§ 131. Выше было сказано (§ 89), что списокъ отреченныхъ книгъ, перешедшихъ къ намъ изъ Византіи, въ XVI в. пополняется новыми произведеніями того же рода, или вообще книгами свѣтскаго содержанія, заимствованными у западной Европы. Дѣйствительно, Домострой и Стоглавъ говорятъ о стрѣлкахъ громныхъ и топоркахъ, альманахѣ, шестокрылѣ и Аристотелевыхъ вратахъ, чего нѣтъ ни въ статьяхъ: «о книгахъ истинныхъ и ложныхъ», «о книжномъ ученіи», ни въ Словѣ, приписанномъ Григорію Богослову (§ 89). Въ Кормчей

конца XV или начала XVI в. помѣщена статья іерусалимскаго инока Аѳанасія о наузахъ и громной стрѣлкѣ, начинающаяся такъ: «стрѣлки и громные топорки— нечестивая и богомерзкая вещь, если ими лечить недуги и огненныя болести». Указаніе на тѣже предметы находится въ «Луцидаріи» (Просвѣтителѣ), который приписывается разнымъ лицамъ: Ансельму Кантерберійскому (XI вѣкъ), Ѳомѣ Аквинскому (XIII) и другимъ. Здѣсь, на вопросъ ученика: «отъ чего бываетъ громъ и молнія?» учитель отвѣчаетъ: «громъ и молнія происходятъ отъ сраженія облаковъ, когда четыре вѣтра придутъ съ моря и сразятся въ воздухѣ, и когда вмѣстѣ съ ними смѣсится огонь: въ то время бываетъ сильная буря, стукъ великій—громъ, и молнія; въ тоже время падаютъ на землю стрѣлки громныя и топорки сероведные (сѣровидные?). И это творится на устрашеніе демонамъ; ибо демоны наблюдаютъ, на какую страну Богъ напуститъ казнь». Подлинникъ Луцидарія, написанный на латинскомъ языкѣ (Elucidarium), въ формѣ разговора между вопрошающимъ ученикомъ и отвѣчающимъ учителемъ, предлагаетъ схоластико-богословскія свѣдѣнія о Богѣ, человѣкѣ и отношеніяхъ его къ Богу. Въ послѣдствіи, содержаніе книги утратило свою исключительность, допустивъ и другіе предметы, интересные грамотному человѣку. Космографіи, средневѣковыя руководства къ зоологіи, извѣстныя подъ именемъ бестіаріевъ, альманахи, гадательныя тетради (рафли), повѣсти и народныя преданья сообщили разнообразный матеріалъ Луцидарію, который, такимъ образомъ, изъ теологическаго діалога обратился въ энциклопедію общихъ свѣдѣній о Богѣ, мірѣ, человѣкѣ, животныхъ, народахъ, странахъ, и пр. Энциклопедическій характеръ памятника указанъ первыми его строками: «въ этой книгѣ обрѣтаются разныя учительства; отсюда каждый можетъ воспріять мудрость, потому что здѣсь въ сокращеніи собрано все то, что въ другихъ писаніяхъ изложено пространно».

Отреченность Луцидарія, переведеннаго у насъ въ XVI в. и называвшагося также »Златымъ Бисеромъ», его противорѣчія православію и наукѣ обличалъ Максимъ Грекъ, въ «Поучительномъ посланіи къ нѣкоему мужу на обѣты нѣкоего латинянина мудреца». Посланіе начинается укоромъ латинамъ за то, что они прельстились и доселѣ прельщаются ученіями эллинскими и римскими, книгами еврейскими и арабскими. Оно совѣтуетъ отлучаться всею силой отъ такихъ источниковъ и внимать православнымъ наставникамъ: что лучше, говоритъ Максимъ, Дамаскиновой книги: «Небеса» (Слово о правой вѣрѣ, или Богословіе), еслибъ она была переведена исправно, или исполненныхъ мудрости отвѣтовъ Аѳанасія Великаго князю Антіоху? Показавъ нѣкоторыя «супротивныя истинѣ» мѣста въ Луцидаріи, Максимъ прибавляетъ: «латиняне увлеклись внѣшнимъ (не христіанскимъ) просвѣщеніемъ: не слѣдуетъ довѣрять ихъ ученію и переводить ихъ книги на русскій языкъ, а надобно беречься ихъ, какъ злѣйшей коросты и гангрены». Въ слѣдствіе этого, по словамъ Максима, Луцидарію (просвѣтителю) приличнѣе именоваться Тенебраріемъ (Tenebrarium), т. е. темнителемъ. Научное значеніе Луцидарія видно изъ слѣдующаго мѣста о свойствахъ планетъ и звѣздъ и ихъ вліяніи на свойства людей: «какая планета ближе къ душѣ человѣка (долженствующаго явиться въ свѣтъ), отъ той онъ и пріемлетъ рожденіе. Однѣ планеты и звѣзды—студенаго естества, другія влажнаго, третьи сухаго: тѣже самыя естества получаетъ отъ звѣздъ и человѣкъ. Человѣкъ студенаго и сухаго естества бываетъ молчаливъ и невѣренъ, человѣкъ естества студенаго и влаж-

наго—разговорчивъ и высказывается скоро, а сухаго и горячаго—дерзокъ, храбръ и непостояненъ въ любви. Планета Марсъ, будучи горячаго и сухаго естества, производитъ брани и нестроенія», и пр.

Приведенная изъ Луцидарія выписка показываетъ, что въ числѣ источниковъ, которыми онъ дополнялъ или замѣнялъ свой начальный текстъ, находились книги астрологическія, въ особенности такъ называемые альманахи, т. е. календари, явившіеся впервые у аравитянъ (альманахъ—слово арабское) и содержавшіе въ себѣ, по суевѣрной наклонности времени, кромѣ астрономическихъ и метеорологическихъ замѣтокъ, предсказанія о политическихъ событіяхъ. Понятія объ астрономіи, или лучше объ астрологіи, не были чужды нашимъ предкамъ и до XVI вѣка, какъ доказывается названіями нѣкоторыхъ апокрифовъ и суевѣрій: Звѣздочетье, Остропомія, Родопочитанье (ученіе о родѣ, т. е. судьбѣ). Существовали также календари или мѣсяцословы, что видно изъ того-же списка запрещенныхъ книгъ: Громникъ, Молпіянинъ, Колядникъ. На концѣ одного списка Синодальной Библіи, 1499 г. (§ 91), помѣщенъ полный мѣсяцословъ, въ которомъ, сверхъ означенія, когда солнце вступаетъ въ знаки зодіака, прибавлены другія замѣтки, на примѣръ о времени бросанія крови. Вѣроятно, это означеніе соотвѣтствуетъ въ индексѣ запрещенныхъ книгъ Зодѣю или Зодію. Въ томъ же мѣсяцословѣ, послѣ таблицы лунныхъ круговъ, упомянутъ Шестокрылъ, то есть хронологическія таблицы іудеевъ въ числѣ шести. Жидовствующіе имѣли свой шестокрылъ, расположенный по 19-ти лѣтнимъ, луннымъ періодамъ. Геннадій такъ писалъ о немъ ростовскому архіепископу Іоасафу: они (жидовствующіе) изучили «шестокрылъ» и прельщаютъ тѣмъ христіанство, думая, что знаменіе съ небесъ сводятъ; но это не ими составлено. Шестокрылъ взятъ отъ астрономіи, какъ капля отъ моря. Можетъ быть, статьи одного и того же памятника, на прим. календаря, вошли въ индексъ апокрифовъ, какъ разныя книги; можетъ быть также, что статьи, взятыя изъ календаря и пополняемыя другими замѣтками, писались особыми списками и такимъ образомъ получали видъ отдѣльныхъ книгъ.

Въ XVI вѣкѣ астрологическія понятія у насъ распространяются иностранцами преимущественно посредствомъ альманаховъ, имѣвшихъ въ то время большое значеніе на западѣ Европы. Пятнадцатый вѣкъ былъ временемъ суевѣрной привязанности къ астрологіи въ Италіи. Думали, что все въ мірѣ, отъ судьбы царствъ до судьбы человѣка, управляется движеніемъ и вліяніемъ небесныхъ свѣтилъ. Франція раздѣляла съ Италіей уваженіе къ астрологическимъ занятіямъ. Въ одномъ посланіи Максима Грека читаемъ: «есть нѣкоторые, совершенно погибшіе, въ безбожіе совершенно вдавшіеся; сколько въ италійскихъ училищахъ и въ Галліи болятъ этимъ недугомъ!» (т. е. вѣрою въ астрологію). Онъ же говоритъ, что альманахи ежегодно въ великомъ множествѣ списываются въ Венеціи и вездѣ въ Италіи на торжищахъ продаются народу.

Между иностранцами, распространявшими у насъ въ XVI вѣкѣ астрологическое ученіе, замѣчателенъ какой-то Николай Нѣмчинъ. Живучи въ Россіи, онъ сносился съ любознательными Русскими и успѣшно передавалъ имъ астрологическое ученіе, которому, между прочими, поддались: Мисюрь Мунехинъ, дьякъ великаго князя, бывшій псковскимъ намѣстникомъ, бояринъ Θедоръ Карповъ и какой-то игуменъ. Къ Мунехину писалъ Нѣмчинъ, что въ 7032 г. отъ созданія міра (1524 по Р. Х.) будетъ несомнѣнное премѣненіе всѣмъ странамъ и царствамъ, областямъ и гра-

дамъ, обычаямъ и достоинствамъ, скотамъ и бѣлугамъ морскимъ и всѣмъ земпороднымъ, ибо въ то лѣто не узрится солнце. Другое посланіе къ тому же дьяку, принадлежащее иноку псковскаго Елеазарова монастыря, Филоѳею, напротивъ, опровергаетъ вѣру въ могущество небесныхъ свѣтилъ: «не звѣзды, а Богъ управляетъ міромъ. Если Богъ сотворилъ недобрые дни и часы, то за что же люди злые подвергнутся мученію? развѣ они виноваты, что родились въ эти дни и часы? Все идетъ отъ Бога, а звѣзды ничего не могутъ—ни давать, ни отнимать».

Но преимущественно ратовалъ противъ Нѣмчина Максимъ Грекъ, основательно различавшій астрологію «естественную» (астрономическую) отъ «предсказательной», или собственно астрологіи, которую онъ называетъ «художествомъ звѣздозрительнымъ», «прелестью звѣздочетною.» Понятія его объ этомъ предметѣ развиты во многихъ словахъ и посланіяхъ, которыя показываютъ, что авторъ былъ знакомъ и съ исторіей предмета, и съ современнымъ его состояніемъ. Такъ онъ называетъ астрологію преданіями «халдейскими и египетскими», указывая тѣмъ, что эта наука возникла въ Халдеѣ (почему древніе давали астрологамъ имя «халдеевъ»), а отсюда перешла въ Египетъ. Къ халдеямъ присоединяетъ онъ италіянцевъ и нѣмцевъ «прегордыхъ», такъ какъ у этихъ народовъ въ его время астрологія пользовалась особымъ почетомъ. Одно изъ важнѣйшихъ астрологическихъ дѣйствій—составленіе «гороскопа», т. е. предсказаніе о судьбѣ человѣка по времени его рожденія, означено у Максима двумя словами: «родозрительное упражненіе». За ложныя предсказанія и намѣренные обманы правительство нерѣдко принимало строгія мѣры противъ астрологовъ, или «математиковъ» (такъ называли ихъ за производимыя ими вычисленія): поэтому, въ одномъ посланіи, Максимъ замѣчаетъ, что цари гражданскимъ закономъ запрещали учить «математикѣ», и эту науку отдѣляетъ отъ «геометріи», преподаваніе которой не возбранялось. Но съ другой стороны, многія владѣтельныя особы безусловно вѣрили во вліяніе звѣздъ и планетъ, держали при себѣ астрономовъ, постоянно имъ покровительствовали: и Максимъ Грекъ приводитъ въ примѣръ герцога миланскаго Людовика Мора, какъ онъ, обольщенный предсказаніями астролога Амвросія Розады, возмечталъ о всемірномъ владычествѣ, произвелъ движеніе въ Италіи, но принужденъ былъ бѣжать къ императору Максимиліану и потомъ умеръ во Франціи въ темницѣ. Карповъ ссылался на отцевъ церкви, владѣвшихъ знаніемъ астрологическимъ: Максимъ Грекъ отвѣчаетъ, что оно относится къ первому періоду ихъ образованія; когда же эти отцы достигли полнаго вѣдѣнія истины, тогда презрѣли не только астрологію, какъ науку лживую, набивающую умъ множествомъ неправыхъ мыслей, но и другія лишнія ученія.

Въ полемикѣ съ Николаемъ Нѣмчиномъ Максимъ Грекъ противополагаетъ астрологіи религіозное ученіе. Астрологія (такъ разсуждаетъ онъ) признаетъ неизбѣжность звѣздной силы, которая ничѣмъ не разнится отъ слѣпой судьбы и ведетъ къ фатализму. Христіанскій разумъ допустить этого не можетъ: онъ ставитъ во главу угла божественное законоположеніе, промыслъ; всѣ событія объясняетъ не звѣздными перемѣнами, а дѣйствіемъ свободной воли человѣка, его добродѣтельнымъ произволеніемъ или злобнымъ самовластіемъ. Астрологи говорятъ: «все зависитъ отъ планетъ; онѣ направляютъ нашу жизнь къ добру или злу, къ счастію или несчастію; рожденіемъ и нареченной при рожденіи судьбоіі опредѣляется наша земная доля. Колесо счастія приводится въ движеніе звѣздами: од-

нихъ возводитъ оно на высоту почестей и власти, другихъ повергаетъ въ крайнія бѣды и безчестіе. Все даютъ звѣзды: богатство и убожество, славу и безславіе, санъ и позоръ». Максимъ опровергаетъ эти положенія догматами богословскими: если бы дѣла творились по звѣздному отношенію, то они, слѣдовательно, творились бы по необходимости, безъ всякаго участія и сознанія человѣка, не были бы ни добрыми, ни злыми, не заслуживали бы ни похвалы, ни осужденія. Богъ, сотворившій звѣзды и давшій имъ такое могущество на порочныя явленія въ мірѣ, оказался бы виновникомъ зла. Нѣтъ, возвышеніе людей и царствъ служитъ наградой благу, ихъ паденіе—наказаніемъ грѣха. Три предмета подвигаютъ человѣка на недоброе: страсти, бѣсы и злое изволеніе; три предмета подвигаютъ его на доброе: естественныя сѣмена, святыя силы и благое изволеніе. Не колесомъ счастія, а Содѣтелемъ міра Саулъ былъ приведенъ къ Самуилу; не астрологическимъ предвидѣніемъ, а доблественнымъ мудрованіемъ Сципіонъ совершилъ великія дѣла; не наблюденіемъ планетъ и временъ, а силою души, искуствомъ военачальника и благородствомъ нрава Цесарь одержалъ верхъ надъ Галлами. Димитрій Донской, погубившій воинство Мамая, развѣ дѣйствовалъ по звѣзднымъ гаданіямъ? Нѣтъ, онъ вооружился божественною вѣрою.

Лживость астрологическихъ предсказаній обнаруживается, въ одномъ посланіи Максима, тѣмъ, что они обѣщали Константинополю только 626 лѣтъ существованія, тогда какъ онъ, при однихъ христіанскихъ государяхъ, стоялъ 1150 лѣтъ, а съ присовокупленіемъ дальнѣйшаго времени, по взятіи его Турками, всѣхъ лѣтъ его выходитъ 1214. Въ писаніи Нѣмчина: «о началѣ Турковъ», предрекается сокрушеніе турецкаго владычества въ Константинополѣ дѣйствіемъ планетъ, возстановленіе софійскаго собора, преобразованіе царства. Максимъ сопоставляетъ это писаніе съ одной альманачной (астрологической) книгой, назначившей второй всемірный потопъ въ 1524 году и напрасно надѣлавшей много шуму. Когда тотъ же Нѣмчинъ подвергся какому-то внезапному несчастію, Максимъ беретъ несчастный случай въ обличеніе лживой науки: «повинуясь звѣздамъ (говоритъ онъ Николаю Нѣмчину), ты спѣшилъ возвѣстить преставленіе міра, а не могъ предречь разореніе твоего житія, предугадать свое собственное безчастіе».

Знакомство съ астрономіею и астрологіею было дѣломъ обязательнымъ для образованнаго духовенства, вызваннаго на противодѣйствіе жидовской ереси и другимъ связаннымъ съ нею ученіямъ. Мнѣніе о кончинѣ міра съ истеченіемъ семи тысячи лѣтъ отъ его сотворенія (или 1492 лѣтъ отъ Р. Х.) и приписка къ новгородской пасхаліи послѣ 6999 года смущали даже просвѣщенныхъ людей того времени, а послѣдователямъ Схаріи давали поводъ отвергать самые существенные догматы христіанства (§ 97). Надобно было подумать объ усовершенствованіи пасхаліи. Соборъ 1492 г. опредѣлилъ составить ее на восьмую тысячу лѣтъ. Митрополитъ Зосима, вычисливъ пасхальныя таблицы на двадцать лѣтъ (по 1512 г.), отправилъ ихъ къ пермскому владыкѣ Филоѳею, который прислалъ митрополиту свое расчисленіе на 19 лѣтъ. Въ послѣдствіи продолженіе пасхаліи поручено было новгородскому архіепископу Геннадію. Сдѣланное имъ вычисленіе на 70 лѣтъ разослано было по церквамъ при окружной грамматѣ, въ которой даны правила, какъ руководствоваться этимъ расчисленіемъ на будущее время до скончанія міра. При новгородскомъ же архіепископѣ Макаріи и по его порученію священникъ Агаѳонъ составилъ (около 1538 г.) такъ называемый великій міротворный кругъ, т. е.

пасхалію на 532 года. Не смотря на эти труды, недоразумѣнія, возбужденныя жидовствующими, продолжались, такъ что необходимо было по временамъ снова возвращаться къ разъясненію спорныхъ пунктовъ. Съ цѣлію подобнаго разъясненія Зиновій Отенскій написалъ «Слово о премѣненіи пасхи», въ которомъ показываетъ различіе между мѣсяцемъ лунымъ и солнечнымъ, также между годами лунными и солнечными, и наименованія знаковъ зодіака.

«Громникъ», или «Громовникъ», называемый «твореніемъ премудраго Ираклія, царя перскаго», есть не что иное, какъ календарь. Онъ содержитъ въ себѣ указаніе числъ, когда солнце вступаетъ въ зодіакальные знаки, разныя предсказанія по случаю грома, землетрясеній, перемѣнъ луны, и кромѣ того замѣтки о болѣзняхъ и лекарствахъ.

Книга, извѣстная подъ именемъ «Тайная Тайныхъ» и приписываемая Аристотелю, который будто бы сочинилъ ее для своего ученика, Александра Великаго, содержитъ въ себѣ наставленія царю касательно управленія царствомъ и нравственнаго образа жизни, равно свѣдѣнія по астрологіи, хозяйствѣ, медицинѣ и физіогномикѣ. Она состоитъ изъ семи главъ, и каждая глава дѣлится на части, или врата, отъ чего книга называется еще «Аристотелевыми Вратами». Такъ въ первой главѣ — о свойствахъ царскаго нрава — четверо вратъ: о щедрости, о храбрости, о милосердіи, о добрѣ и злѣ. Вторая глава даетъ наставленія, какъ долженъ вести себя царь, чтобы возбудить въ подданныхъ твердую на себя надежду и похвалу своему житію; третья разсуждаетъ о способѣ вѣдать шляхетнымъ народомъ (благороднымъ сословіемъ); четвертая — о правителяхъ, градодержцахъ, собирателяхъ дани, и проч.; пятая — о грядущихъ въ путь, о посланникахъ и ихъ поведеніи; шестая — о боярахъ, слугахъ и воинахъ; седьмая — о военномъ званіи, войнѣ и образѣ царской жизни. Замѣчателенъ почетъ, съ которымъ предисловіе отзывается о мнимомъ слагателѣ Вратъ, т. е. Аристотелѣ: онъ величается преподобнымъ, приличеннымъ (причисленнымъ) къ пророкамъ, законоучителемъ; приводятся разныя мнѣнія о его смерти, изъ которыхъ одни полагаютъ, что онъ умеръ по обычаю всѣхъ земнородныхъ, а другія называютъ его смерть чудесною, сверхъестественною. Подлинникъ апокрифа арабскій (XIII в.), съ котораго онъ переведенъ былъ на латинскій, а съ латинскаго на русскій, вѣроятно не ранѣе XVI в.

Нельзя было Максиму Греку равнодушно смотрѣть на отреченныя писанія: по долгу христіанина, онъ ревниво оберегалъ чистоту православія; по долгу ученаго, онъ защищалъ неприкосновенность добытыхъ наукою истинъ. Нельзя было не помѣстить ихъ въ число ересей и Стоглаву, поставившему себѣ задачей смыть съ лица русской земли всѣ грѣшныя новизны, всѣ отступленія отъ благочестивой старины. Но литературная важность произведеній, подобныхъ апокрифамъ, опредѣляется, какъ было уже замѣчено (§ 89), тѣмъ, что они отвѣчали потребности любознательнаго грамотника, который не ограничивался положительной догматикой, а хотѣлъ имѣть понятіе и о другихъ наукахъ: исторіи естественной, исторіи человѣчества, астрономіи, физикѣ, географіи. Они давали пытливому уму болѣе разнообразную пищу, да и въ сферѣ одного и того же знанія сообщали утвержденнымъ понятіямъ извѣстный просторъ и движеніе. Напрасны были бы попытки искать въ нихъ и требовать отъ нихъ безукоризненнаго соотвѣтствія догматамъ вѣры, правиламъ чистой нравственности, достоинству науки; однакожъ несомнѣнно, что знакомство съ предметами, о которыхъ они разсуждали, свидѣтельствовало о по-

ступательномъ движеніи мысли. Другой интересъ апокрифовъ заключался въ ихъ поэтической сторонѣ: отзываясь на запросы ума, они въ тоже время сильно возбуждали фантазію, а иногда и чувство.

Къ повѣрью, по которому св. Пятница запрещаетъ христіанамъ работать въ середу и пятницу, относится находящееся въ рукописяхъ XVI в., весьма распространенное въ народѣ апокрифическое «Сказаніе о двѣнадцати пятницахъ». Оно повѣствуетъ, что въ нѣкоторомъ городѣ западной страны жиды имѣли жаркое преніе съ христіанами, такъ что споры оканчивались убійствомъ. Поэтому положено было вывести двухъ философовъ—одного отъ христіанъ и одного отъ іудеевъ—на словесное ратоборство. Кто изъ нихъ одержитъ верхъ, тому дадутъ вѣру. Жиды выбрали Тарасія, христіане Елевѳерія (почему апокрифъ называется «Сказаніемъ отъ обрѣтенія Елевѳерія о двѣнадцати петцѣхъ»). На третью сходку іудеянинъ привелъ своего сына Малха. Когда философы вошли въ книжныя глубины, Богъ помогъ Елевѳерію побороть противника. Тарасій призналъ истину христіанскаго ученія, назвалъ Елевѳерія мудрымъ и разумнымъ, но замѣтилъ ему, что онъ не знаетъ двѣнадцати душеполезныхъ пятницъ. Малхъ, котораго спросилъ о томъ Елевѳерій, исчислилъ ему двѣнадцать пятницъ, указавъ притомъ, что именно случилось въ каждую изъ нихъ. Такимъ образомъ апокрифъ пріурочиваетъ къ пятницамъ опредѣленныя ветхозавѣтныя событія: изгнаніе Адама изъ рая, убіеніе Авеля, гибель Содома и Гоморра, ниспосланіе казней на Египетъ и другія, выставляя противъ нихъ, какъ бы въ соотвѣтствіе, событія новозавѣтныя. Сверхъ того въ большей части списковъ означено, какія награды ожидаютъ уважающихъ ту или другую пятницу и какимъ несчастіямъ подвергаются непочитающіе ихъ.

О важномъ значеніи середы и пятницы для простаго народа свидѣтельствуетъ, между прочимъ, духовный стихъ: «Прощанье души съ тѣломъ», который вмѣняетъ умирающему въ большой грѣхъ, что онъ не наблюдалъ ни середы, ни пятницы, и отправлялъ въ нихъ разныя работы. Есть еще особый «Стихъ о Пятницѣ», какъ она явилась святому пустыннику Василію въ Іерусалимѣ и какъ она взываетъ къ русскимъ честнымъ мужамъ и женамъ «о почтеніи середы и пятницы». Кромѣ того и въ письменной литературѣ сохранилось одно Слово (по рукописи XVI в.), въ которомъ правило о постѣ въ середу и пятницу называется тайной спасенія, а самыя середа и пятница олицетворены въ видѣ двухъ ангеловъ, встрѣчающихъ и провожающихъ въ рай тѣхъ, которые почитали эти дни. Оно приписано св. Пахомію (вѣроятно потому, что начинается повѣстью о явленіи ему ангела), явилось, можетъ быть, еще въ XII вѣкѣ, послѣ собора, созваннаго по поводу ученія ростовскаго епископа Леона, который до того простиралъ строгость поста по середамъ и пятницамъ, что не хотѣлъ разрѣшать его даже для Рождества Христова и Богоявленія.

Такъ какъ народъ, по недостаточности своего духовнаго развитія, не способенъ еще къ отвлеченнымъ понятіямъ, то онъ претворяетъ ихъ въ образы и даетъ имъ имена, или сближаетъ ихъ съ извѣстными уже именами и образами. Вслѣдствіе этого онъ олицетворилъ пятницу. Олицетвореніе могло совершиться путемъ знакомства съ житіемъ св. мученицы Параскевы, «нареченныя пятницы», или въ немъ сохранилось общее всѣмъ народамъ миѳическое преданіе объ особой богинѣ-пряхѣ. Въ житіи св. Параскевы повѣствуется, что родители ея чтили пятницу, какъ день страданій Спасителя, постомъ, молитвой и милостыней, за

что Богъ даровалъ имъ дочь, которую они, въ память того, и назвали пятницей. Такимъ образомъ оба имени, греческое и русское (Параскева и Пятница), сдѣлались равнозначительными. По толкованію старинныхъ словарей, или азбуковниковъ, Параскевія значитъ «пятокъ», и церкви, посвященныя св. Параскевѣ, назывались и теперь называются «пятницкими». Но простой народъ раздвоилъ одинъ и тотъ же предметъ: въ образѣ пятницы представилъ онъ лице особой святой, отдѣльной отъ Параскевы, и потому говоритъ, что св. Пятница бываетъ на св. Парасковью.

Въ Домостроѣ исчислены слѣдующіе апокрифы и ереси: наузы, звѣздочетье, рафли, альманахи, чернокнижье, воронграй (вороноград), шестокрылъ, стрѣлки громныя, топорки, усовники, два каменіе (въ др. спискахъ: два каменіе). Ст. Аѳанасія о стрѣлкѣ громной въ Рум. Муз., стр 283. Первая часть Луцидарія нап. въ 1 кн. Лѣт. Рус. Лит., 1859. «Посланіе Максима Грека на обѣты нѣкоего латинянина мудреца» адресовано какому-то Георгію, желавшему знать мнѣніе ученаго инока о только что переведенномъ на рус. яз. Луцидаріи. Г. Тихонравовъ полагаетъ, что это—Георгій Ивановичъ Токмаковъ, составитель повѣсти о Выдрунской иконѣ Богоматери, бывшій намѣстникомъ въ Псковѣ. Сербскій списокъ Громовника или Громника въ Вѣнской Имп. Библ. Въ сборникѣ XVII в. (Цар. № 434) помѣщены «Бесѣды о седми планетахъ небесныхъ» (календарь астрологическій) и въ концѣ: «книга Gromnic, твореніе премудраго Праклія царя перскаго». См. статью Пыпина: «Громовникъ» въ 1 кн. Архива Калачова на 1860—1861 г. Мѣсяцесловъ (на концѣ Синод. списка Библіи) называетъ лунный годъ (употребляемый евреями) «меледійскимъ» лѣтомъ, отъ еврейскаго слова «моледъ»— рожденіе луны. Появленіе еврейскаго наименованія въ памятникѣ XV в. можетъ быть объяснено вліяніемъ жидовствующихъ въ Новгородѣ (Опис. рук. Син. библ., кн. I, стр. 160—162). Выписка изъ посланія Николая къ Мунехину о 7032-мъ лѣтѣ приведена, по Хронографу Соловец. библ., Щаповымъ въ «Рус. расколѣ старообрядства» (стр. 158). Посланіе Филоѳея дьяку Мунехину у Цар. № 139. Предсказаніе о всемірномъ потопѣ сдѣлано было математикомъ Иваномъ Стофлеромъ (1452—1531) въ Эфемеридахъ на 1524. Сочиненія Максима Грека противъ Астрологіи: «Слово противу тщащихся звѣздозрѣніемъ предрекать будущее», «Слово о томъ, что промысломъ Божіимъ, а не звѣздами и колесомъ счастія всяческая устрояются», «Слово поучительное и вмѣстѣ обличительное звѣздочетной прелести», «Посланіе къ нѣкоему иноку о нѣмецкой прелести, глаголемой фортунѣ, и о колесѣ ея», «Посланіе къ Карпову», «Бесѣда души съ умомъ, откуда раждаются въ насъ страсти», и пр. Очеркъ русскихъ пасхалій изложенъ Ундольскимъ въ ст.: Альманахъ, индиктіонъ и проч. (Архивъ Калачова, кн. 1). Объ астрологическихъ познаніяхъ Зиновія Отенскаго см. Опис. Син. библ., кн. 2, стр. 39. «Тайная Тайныхъ» въ рук. Тол. XVI в. (II, 55). Рукопись начинается Планетникомъ (Сказаніе о силѣ и о потугѣ планидной) и оканчивается Луцидаріемъ. Латинскій переводъ (Secretum Secretorum, ad Alexandrum Magnum, de regimine, de sanitatis conservatione, de physiognomia) напеч. въ изданіи Александра Ахиллини, философа и медика болонскаго (1463—1512), знатока схоластики, исключительнаго поклонника Аристотеля, почему его и называли «вторымъ Аристотелемъ». О французскихъ переводахъ «Аристотелевыхъ вратъ» см. въ «Histoire littéraire de la France», т. 21, стр. 216 и дал. Сказаніе о 12 пятницахъ въ Прав. Собес. 1859, ч. I: «Почитаніе среды и пятницы въ древнемъ Рус. народѣ». Здѣсь же Слово, приписанное св. Пахомію. Стихъ: «Прощанье души съ тѣломъ» въ Рус. нар. стихахъ, Кирѣевскаго (Чтен. кн. 9). Стихъ о Пятницѣ въ Пѣсняхъ, собран. Якушкинымъ (От. Зап. 1860, № 4). Другіе апокрифы XVI в.: «Слово св. праведнаго Іоанна Ѳеолога» (Ѳеолога)—вымышленный разговоръ Іоанна Богослова въ раю съ Авраамомъ, который отвѣчаетъ на вопросы о состояніи человѣчества въ будущей жизни (Рум. Муз., стр. 167); «Страсть св. Христова мученика Никиты», или въ спискѣ ложныхъ книгъ: «Никитино мученіе, нарицающа его Царева сына» — римскаго императора Максиміана (ib. стр. 692); въ Златоустѣ 1523 г., въ житіяхъ святыхъ, между чудесами св. Николая разсказывается одно вымышленное о Синагрипѣ царѣ (§ 103), имя котораго и нѣкоторыя обстоятельства взяты изъ «Тысячи и одной ночи» (ib., стр. 229); въ Сборникѣ конца XV или начала XVI в.: «о исповѣданіи Евгинѣ (Еввинѣ), о вопросѣ внучатъ ея и о болѣзни Адамовѣ» (ib., стр. 508). См. Пыпина: Древ. рус. литература (От. Зап. 1857, № XI).

§ 132. Между упреками, которыя во многихъ литературныхъ памятникахъ

расточаются русскому человѣку за его неправду и въ семейномъ быту, и въ общественныхъ дѣлахъ, самымъ горькимъ является сравненіе его съ иновѣрцами. Православный народъ ставится лицемъ къ лицу не только съ лютеранами и католиками, но и съ магометанами: всѣ они больше заботятся о водвореніи правды, о храненіи законовъ, божественныхъ и гражданскихъ. Максимъ Грекъ, мы видѣли, указывалъ на крымскихъ татаръ въ примѣръ обращенія съ мертвыми; хвалилъ католиковъ за ихъ попечительное исполненіе заповѣдей; скорбѣлъ о такомъ неправосудіи на Руси, какого не найдешь у лжемудрствующихъ латинянъ. Мысль, что вѣра безъ добрыхъ дѣлъ мертва, что главная крѣпость государству—правда, положена также въ основу «Сказанія о царѣ турскомъ Магметѣ, како хотѣ сожещи книги греческія». Другое его заглавіе: «Премудрости греческихъ философовъ, и латинскихъ доктуровъ, и Петра Волоскаго воеводы». Оно приписывается Ивану Пересвѣтову и имѣетъ форму наставительнаго письма къ Іоанну Грозному: давая совѣты, авторъ обличаетъ вмѣстѣ современные недостатки. Завоеватель Византіи, турецкій султанъ Магометъ II представленъ какъ образецъ мудраго правителя. Въ дѣйствіяхъ нехристіанскаго царя, въ рѣчахъ волошскаго воеводы читатель видитъ критику неправедныхъ русскихъ явленій при Грозномъ. «Петръ говорилъ о царѣ Магметѣ салтанѣ, что хоть и невѣрный царь, а Богу угодное учинилъ: разослалъ по царству вѣрныхъ судей, всѣ доходы велѣлъ себѣ въ казну собирать, и ни въ одномъ городѣ вельможамъ намѣстничества не далъ, чтобъ не прельщались судомъ неправеднымъ, а пооброчилъ ихъ ежегоднымъ жалованьемъ изъ казны своей». Въ этомъ мѣстѣ, «Сказаніе» сходится съ «Словомъ» Вассіана: оба требуютъ урочнаго годоваго оклада—одно вельможамъ, другое инокамъ. «Магметъ велѣлъ принести книги полныя и докладныя и сжечь ихъ; постановилъ, что рабъ долженъ служить только семь лѣтъ, а если дорого купленъ, то девять; выписалъ изъ христіанскихъ книгъ ту мудрость, что въ которомъ царствѣ люди порабощены, въ томъ царствѣ люди не храбры. Греки хвалятся государевымъ царствомъ благовѣрнаго царя русскаго; другаго христіанскаго царства вольнаго и закона греческаго нѣтъ; и въ спорахъ съ латинами греки на русское царство указываютъ: еслибы къ той истинной вѣрѣ христіанской да правда турецкая была, то съ русскими людьми бесѣдовали бы ангелы ...» Да и того не хвалитъ воевода волошскій, что бояре русскіе крестъ цѣлуютъ и измѣняютъ, и вѣрно государю не служатъ. Еще не хвалитъ, что царь усобную войну на царство свое напускаетъ, даетъ города и волости вельможамъ, и вельможи отъ слезъ и крови рода христіанскаго богатѣютъ нечистымъ собраніемъ.... Вельможи русскаго царя худы: сами богатѣютъ и лѣнивѣютъ, и царство оскужаютъ, и тѣмъ ему слуги называются, что цвѣтно и конно выѣзжаютъ на службу его, и крѣпко за вѣру христіанскую не стоятъ противъ недруга, смертною игрою не играютъ... У Петра Волошскаго служилъ москвитянинъ Васька Мерцаловъ. Воевода спросилъ его: есть ли въ московскомъ царствѣ правда? Мерцаловъ отвѣчалъ: вѣра, государь, на Руси христіанская добра и всѣмъ полна, и красота церковная велика, а правды нѣтъ. И потому Петръ заплакалъ и сказалъ: «коли правды нѣтъ, то и всего нѣтъ».

Въ Сказаніи не только обличается отсутствіе правды, но и совѣтуется строго карать ея нарушителей. Въ этихъ совѣтахъ слышенъ голосъ не стараго боярина, а человѣка новаго, желающаго, чтобы царь устранилъ отъ себя прежнихъ бояръ, а допускалъ близко людей новыхъ и во всемъ имъ вѣрилъ. «Отъ твоей

мудрости и грозы лукавые судьи проснутся, какъ ото сна. Ты, царь грозный, грѣшныхъ приведешь на покаяніе.... Магометъ салтанъ такъ говорилъ: нельзя царство безъ грозы держать; царь Константинъ (Палеологъ) далъ волю вельможамъ— и Богъ разгнѣвался на него, на вельможъ его и на все царство за то, что они правдою гнушались.... Кто просудится, тому смерть по уставу Магметову: возведетъ его высоко, да и пхнетъ его въ зашею на-земь, да скажетъ: не умѣлъ въ доброй славѣ быть и вѣрно государю служить».

«Сказаніе о Магметѣ» помѣщается во многихъ рукописяхъ въ слѣдъ за краткимъ «Сказаніемъ о началѣ Царьграда и взятіи его Турками» (Рум. Муз., стр. 766, 774, 786, 788; Толст. I, 171. II, 212; Цар. № 403), «Премудрости греческихъ философовъ» у Цар. № 490. Петръ Волошскій—Петръ Стефановичъ, господарь молдавскій, искавшій покровительства Россіи: къ нему въ 1535 г. ѣздилъ посолъ нашъ Заболоцкій (Ист. Кар., изд. Смирдина, VIII, стр. 19). Выписки приведены по Ист. Карамзина (IX, прим. 849), по Ист. Соловьева (VII, 238—239) и по Вступит. лекціи Тихонравова (Лит. отд. Моск. Вѣд. 1859, № 232).

133. Литература житій святыхъ, усилившаяся со второй половины XV-го вѣка, въ XVI–мъ достигла высшаго своего развитія. Эпоха Іоанна Грознаго была временемъ обильнаго размноженія и собранія этого рода духовныхъ повѣствованій. Новгородъ выказалъ здѣсь особенную дѣятельность. За Пахоміемъ, писавшимъ при архіепископѣ Іонѣ (§ 99), и Геннадіемъ, заботившимся о составленіи житій соловецкихъ угодниковъ (см. ниже), слѣдовалъ митрополитъ Макарій. Трудами его собраны «Четіи Минеи», называемыя, по своему составу, «великими», въ отличіе отъ «малыхъ» (сокращенныхъ), составленныхъ св. Димитріемъ Ростовскимъ. Въ двѣнадцати книгахъ, по числу мѣсяцевъ въ году, соединилъ онъ «всѣ книги чтомыя, которыя обрѣтались въ русской землѣ». Главное между ними мѣсто занимаютъ житія святыхъ, какъ русской, такъ и греческой церкви, существовавшія при Макаріи. Основаніемъ Миней послужили синаксари, или пролога, которые пополнены словами на праздники, находящимися въ торжественникахъ и сборникахъ; вмѣстѣ съ житіями святыхъ, что либо писавшихъ, внесены и ихъ творенія; разные патерики (синайскій, скитскій, египетскій, іерусалимскій, печерскій, азбучный) на ряду съ цѣлыми книгами Священнаго Писанія и толкованіями на нихъ, съ путевыми записками, актами и другими матеріалами вошли въ огромный Макарьевскій сборникъ, такъ что онъ представляетъ полную энциклопедію тогдашней духовной образованности.

Макарій не переработывалъ матеріаловъ: онъ только изъ многихъ списковъ житій святыхъ выбиралъ лучшіе и по мѣстамъ исправлялъ слогъ, переводя на русскую рѣчь иностранныя (т. е. болгарскія и сербскія) и устарѣлыя слова. Онъ самъ говоритъ, что не щадилъ ни сребра, ни почестей на собраніе книгъ въ теченіе двѣнадцати лѣтъ и что въ особенности положилъ много трудовъ на исправленіе иностранныхъ и древнихъ пословицъ (словъ).

По порученію Макарія также написаны вновь житія нѣкоторыхъ святыхъ русскихъ и службы имъ, или передѣланы прежде написанныя. Большая часть ихъ, по выраженію историка русской Церкви (*), отличаются пышнымъ нарядомъ словъ и бѣдностію мыслей. Вообще время Макарія образуетъ, въ литературѣ житій, переходъ отъ эпической простоты къ искуственной прозѣ. Наивность разсказа смѣнилась литературной обработкой. Простодушная рѣчь казалась недостойною важ-

(*) Филарета, Ист. Рус. Церкви, пер. 3, изд. 2, стр. 139.

ности предмета: требовали рѣчи украшенной, витіеватой. Соотвѣтственно такому понятію, Макарій препоручалъ вновь составлять житія святыхъ, подвиги которыхъ были уже описаны: такъ, по его желанію, бояринъ Михаилъ Тучковъ написалъ житіе Михаила Клопскаго, за тѣмъ что прежнее было очень просто.

Такой же переходъ отъ простоты къ литературной обработкѣ виденъ на житіи соловецкихъ чудотворцевъ, Савватія и Зосимы. Сподвижникъ ихъ, Германъ, велѣлъ клирикамъ писать на память о томъ, чему онъ былъ свидѣтелемъ при жизни основателей Соловецкой обители: клирики писали точно такъ, какъ сказывалъ имъ Германъ, простою, безъискуственною рѣчью. Послѣ Германа трудился надъ тѣмъ же предметомъ и въ томъ же духѣ игуменъ соловецкій Досиѳей: по свидѣтельству Максима Грека, онъ писалъ «неухищренно, ниже доброесловно, а единственно памяти ради». Но житіе, написанное, по просьбѣ Досиѳея, митрополитомъ Спиридономъ, уже отличается стройнымъ изложеніемъ.

Замѣчательны два похвальныя слова Соловецкимъ угодникамъ, сочиненныя сербомъ, черноризцемъ Филологомъ (Аникитою Львомъ). Онъ писалъ ихъ, живучи въ Сербіи, куда, по порученію отъ братіи Соловецкой обители, пріѣзжалъ къ нему инокъ съ просьбою изобразить жизнь и чудеса Савватія и Зосимы. Въ этихъ словахъ, пріемы изложенія обнаруживаютъ знакомство съ образцами и проповѣдническую опытность. Составлены они по руководству сказанія о жизни соловецкихъ чудотворцевъ и подъ вліяніемъ отеческихъ твореній. Такъ у Григорія Богослова заимствовано изображеніе весны, съ небольшими перемѣнами: дельфинъ подлинника, поднимающійся вверхъ и играющій около корабля, замѣненъ, по уваженію къ мѣстнымъ условіямъ, бѣлугой, которая «отъ глубины сладцѣ выскаетъ и корабельники съ благодушіемъ отпущаетъ».

Но каково бы ни было литературное значеніе житій, явившихся въ эпоху митрополита Макарія, всѣ они свидѣтельствуютъ, что искреннее и глубокое вѣрованіе водило перомъ ихъ составителей, которые съ трепетомъ приступали къ своему труду и не разъ оставляли его, помышляя о важности начатаго дѣла: «трепетна ми десница», говоритъ вышеупомянутый авторъ житія Михаила Клопскаго, «яко скверна сущи и недостойна къ начинанію повѣсти». Жизнеописатели смотрѣли на свою работу, какъ на подвигъ особеннаго благочестія, требовавшій не одного книжнаго искуства, но и нравственной чистоты. Образъ святаго носился передъ ихъ умомъ и воображеніемъ, какъ идеалъ духовнаго совершенства, въ сравненіи съ которымъ меркли всѣ достославныя дѣянія языческихъ боговъ и героевъ. Повѣствуя о житіи и чудесахъ угодника Божія, нашъ духовный или свѣтскій грамотникъ переселялся въ высшій, идеальный міръ, стяжаемый полнымъ отреченіемъ отъ міра земнаго, и потому озаряющій своимъ свѣтомъ немногихъ избранныхъ. Во вступленіи къ Житію Михаила Клопскаго, Тучковъ говоритъ слѣдующее: «слышалъ я нѣкогда, какъ читали книгу о разореніи Трои. Въ этой книгѣ сплетены многія похвалы эллинамъ отъ Омира и Овидія. Только ради буйственной ихъ храбрости, память о нихъ сохранилась такъ долговременно. Хотя Геркулесъ былъ храбръ, но онъ погруженъ былъ въ глубину нечестія и тварь почиталъ паче Творца. Также Ахиллъ и сыны троянскаго царя Пріама, будучи эллины, похвалялись отъ эллинъ и сподобились прелестныя славы. Кольми паче мы должны похвалять и почитать святыхъ и преблаженныхъ нашихъ чудодѣлателей, которые показали толикую побѣду надъ врагами и получили отъ Бога толикую благодать,

что не только человѣки, но и ангелы почитаютъ и славятъ ихъ. Мы ли оставимъ эти чудеса втунѣ, не проповѣдуя о нихъ?»

Макарій—архіеп. новгород. съ 1526 г., митрополитъ съ 1542, ум. 1564. Жизнеописаніе его находится въ числѣ неоконченныхъ трудовъ Бередникова (Изв. Ак. Н. по 2 от. III, 359). Единственно полный и исправный экземпляръ Четій-Миней въ московск. успен. соборѣ. Замѣтки о спискѣ въ новгор. соф. библіотекѣ см. въ 1 кн. Лѣт. рус. лит. на 1859 г. О составѣ и разныхъ редакціяхъ миней писалъ Ундольскій въ 11 и 12 №№ Москвит. 1846. Оглавленіе статей ихъ, составленное въ XVII в. монахомъ Евѳиміемъ, нап. въ 4 кн. Чтен. 1847 г. Писатели житій святыхъ при Макаріи исчислены въ Обз. рус. дух. лит. О Черноризцѣ Филологѣ въ Приб. къ твор. св. отц. 1859, кн. 4. Слова Михаила Тучкова, во вступленіи къ житію Михаила Клопскаго, взяты изъ ст. Буслаева: «Идеальные женскіе характеры древней Руси» (Рус. Вѣст. 1858).

§ 134. Какъ въ житіяхъ святыхъ эпохи Макарія, такъ и въ словахъ, поученіяхъ и посланіяхъ духовныхъ особъ (митрополитовъ Даніила и Макарія, патріарха Іова) выраженіе не представляетъ лучшихъ своихъ отличій—задушевности и живой простоты. Оно приняло какое-то оффиціальное направленіе, обратилось къ искуственнымъ украшеніямъ, къ требованіямъ ухищренной обработки. Не духъ и мысль, а форма занимала преимущественно оратора: и потому духовное краснорѣчіе запечатлѣно условною торжественностію, весьма далекою отъ истиннаго одушевленія. Какъ на счастливое уклоненіе отъ общаго ораторскаго строя можно указать на рѣчь патріарха Гермогена при коронованіи Шуйскаго, на воззваніе его къ народу о незаконномъ сведеніи этого царя съ престола и на его граммaты, призывавшія русское царство стать твердо за родное, земское дѣло.

Но гдѣ не было мѣста условному ораторству, тамъ являлись замѣчательныя словесныя произведенія. Къ числу такихъ принадлежатъ два слова: «О денно-нощной молитвѣ», неизвѣстнаго автора, образующія, по мысли, одно цѣлое. Первое изъ нихъ называется «Словомъ отъ видѣнія Павла Апостола», вѣроятно потому, что образно представляетъ ученіе Апостола о суетѣ и страданіи всей твари за грѣхи человѣка (*). Въ немъ изображéно, какъ вся природа обращается къ Творцу съ жалобою на человѣка: солнце, мѣсяцъ, звѣзды, море, рѣки и земля, творящія волю Божію, молятъ праведнаго Судію наказать людей, которые одни преступаютъ его заповѣди:

Солнце много разъ молилось Богу, говоря: Господи Вседержителю! доколѣ будешь терпѣть неправды человѣческія и многія беззаконія? Повели, Господи, да сожгу ихъ всѣхъ, чтобъ зла не творили. И гласъ ему былъ отъ Господа: все это знаю и видитъ око Мое, но терплю имъ, покаянія ради, до времени: если же не покаются, тогда буду судить имъ. Мѣсяцъ и звѣзды молились Богу, говоря: намъ, Господи, далъ ты область свѣтить ночью: доколѣ будемъ смотрѣть мы на разбой и татьбу? Повели намъ, да погубимъ злотворящихъ людей! И былъ имъ гласъ отъ Господа: все видитъ око Мое, но чаю обращенія ихъ; если же не покаются, буду судить ихъ. И море и рѣки вопіяли, молясь Богу: скажи намъ, Господи, да потопимъ злыхъ людей, которые, по насъ плавая, разбоемъ промышляютъ и творятъ зло. И былъ къ нимъ гласъ отъ Господа: все то Я видѣлъ; но если не покаются, буду судить ихъ. И земля возопила, жалуясь на людей: я, Господи, больше другихъ тварей осуждена. Не могу терпѣть разбоя, татьбы и волхвованія, клеветы и прочихъ злобъ, какъ сынъ досаду родителямъ творитъ, а

(*) Православный Собесѣдникъ, 1859, августъ, стр. 599—604.

дочь матери и брать брату: многія неправды люди творятъ. Повели мнѣ, Господи, да не поращу всѣяннаго за злобы ихъ: пусть изумрутъ голодомъ. И былъ ей гласъ: все это Я видѣлъ, и ничто отъ Меня не утаится; все обнажено предъ очами Моими. Если не покаются, буду судить ихъ.

Послѣдняя жалоба образуетъ особое цѣлое въ народномъ стихѣ: «Плачъ земли»:

Растужилась, расплакалась матушка сыра земля
Передъ Господомъ Богомъ:
«Тяжель-то мнѣ, тяжелъ, Господи, вольный свѣтъ!
Тяжеле много грѣшниковъ, болѣ беззаконниковъ!»
Речетъ же самъ Господь сырой землѣ:
«Потерпи же ты, матушка, сыра земля!
Потерпи же ты нѣсколько времечка, сыра земля!
Не придутъ ли рабы грѣшные къ самому Богу
Съ чистымъ покаяніемъ?
Ежели придутъ, прибавлю я имъ свѣту вольнаго,
Царство небесное;
Ежели не придутъ ко мнѣ, къ Богу,
Убавлю я имъ свѣту вольнаго,
Прибавлю я имъ муки вѣчныя,
Поморю я ихъ гладомъ голоднымъ!»

Такое сближеніе служитъ однимъ изъ многихъ другихъ свидѣтельствъ взаимодѣйствія письменной литературы и безъискуственнаго творчества: если понятія и образы первой переходили въ народныя сказки и пѣсни, то и послѣднія сообщали искуственной словесности многія художественныя представленія.

Затѣмъ «Слово» изображаетъ ежедневныя заботы ангеловъ хранителей о душевномъ спасеніи ввѣренныхъ имъ людей: «Когда солнце заходитъ, всѣ людскіе ангелы идутъ къ Богу поклониться, на небо восходятъ и приносятъ дѣла человѣческія, добрыя и злыя. Богобоязливаго человѣка ангелъ, радуясь, идетъ къ Богу на поклоненіе, а злаго человѣка ангелъ, плача, идетъ къ Богу и говоритъ: Господи Вседержителю! повели мнѣ, да не буду съ этимъ злымъ и грѣшнымъ человѣкомъ! только имя Твое нарицаетъ, а угождаетъ плоти, грѣхи къ грѣхамъ прилагаючи, и ни единой молитвы не творитъ отъ сердца ни днемъ, ни ночью, и на подаяніе согбенны руки его: только собираетъ, а не подаетъ. И говоритъ Господь: не оставляйте и тѣхъ: можетъ и тѣ примутъ покаяніе, и если не покаются и не придутъ ко Мнѣ, тогда буду судить ихъ. Также и утромъ въ первый часъ дня ангелы людскіе приходятъ на поклоненіе Богу, давая отвѣтъ о людяхъ, что въ ночи сотворили».

Это мѣсто, какъ видно, развиваетъ вышеприведенный поэтическій мотивъ: тамъ жалуется на грѣшниковъ тварь, а здѣсь ангелъ-хранитель. Но здѣсь и тамъ Господь является съ тою же благостію и долготерпѣніемъ.

Второе слово о денно-нощной молитвѣ служитъ естественнымъ продолженіемъ перваго, представившаго соблазны, которымъ непрерывно подвергается человѣкъ. Для избѣжанія ихъ, оно, подобно Духовной Мономаха, совѣтуетъ христіанамъ вставать по ночамъ на молитву. Сходство въ содержаніи двухъ памятниковъ указываетъ, что древнѣйшій изъ нихъ имѣлъ вліяніе на явившійся послѣ или что оба они обращались за матеріаломъ къ одному и тому же источнику.

Мѣста изъ «Слова отъ видѣнія Павла» приведены по изложенію Буслаева въ критикѣ его на Прав. Соб. 1858 г. (Лѣт. рус. лит., 1859, кн. 1). Стихъ: «Плачъ земли» въ Рус. народ. стихахъ, Кирѣевскаго (Чтен. № 9).

§ 135. Сочиненія Іоанна Грознаго много способствуютъ пониманію русскихъ историческихъ явленій XVI в. и кромѣ того даютъ ясное понятіе о его собственномъ характерѣ. На нихъ лежитъ печать своеобразной личности, чѣмъ они и отличаются отъ другихъ памятниковъ, не отходящихъ отъ общаго строя древней русской словесности. Какъ писатель, Грозный вмѣстѣ знакомитъ съ собою и какъ съ человѣкомъ: черты его рѣзко выступаютъ изъ ряда современныхъ ему личностей. Живой, страстный, воспріимчивый, онъ стремится къ сознательному опредѣленію идеи царя и христіанина. Неурядица въ отношеніяхъ къ нему бояръ строго обличается на основаніи того понятія о правахъ верховной властия которое онъ признавалъ истиннымъ ея образцомъ. Въ повсемѣстномъ упадкѣ нравственности, вызвавшемъ Стоглавый соборъ, онъ видитъ гибельныя уклоненія отъ благочестивой старины: «многіе священные обычаи въ церкви поизшаталис, (говоритъ онъ въ рѣчи къ собору), многіе законы и преданія нарушены, великое и неистощимое богатство въ церкви русской—соборъ новоявленныхъ на Руси святыхъ и чудотворцевъ—предано забвенію (*). Эта благочестивая старина имѣетъ для Іоанна значеніе идеала: онъ проситъ соборъ разсудить о нуждахъ и утвердить по правиламъ святыхъ апостолъ и святыхъ отецъ, и по прежнимъ законамъ его прародителей, чтобы всякое дѣло и всякіе обычаи получили законное устройство въ русскомъ царствѣ. Онъ объявляетъ себя твердымъ исполнителемъ соборнаго уложенія, а въ случаѣ отступленій отъ него—подсудимымъ: «если я самъ буду сопротивенъ божественнымъ правиламъ и общимъ вашимъ согласнымъ постановленіямъ, вы о семъ не умолкните; если преслушникъ буду, воспретите мнѣ, безъ всякаго страха, да жива будетъ душа моя, и всѣ живущіе подъ властію нашею, и не поврежденъ будетъ истинный христіанскій законъ.» Передъ лицемъ идеальнаго христіанскаго совершенства, осуществленнаго подвигами святыхъ, житія которыхъ въ его время тщательно собирались и списывались, онъ не только исповѣдуетъ свои грѣшныя паденія, но и даетъ обѣтъ принять иночество; руководимый тѣмъ же началомъ, караетъ послабленіе твердаго иноческаго устава въ русскихъ монастыряхъ. Вся литературная дѣятельность Грознаго вышла изъ ревности къ идеальнымъ представленіямъ, изъ желанія сознать ихъ, установить и оправдывать. Въ Рѣчахъ и Вопросахъ на Стоглавомъ соборѣ раскрытъ нравственный упадокъ общества, измѣнившаго своему идеалу — благочестивой старинѣ; въ Посланіи къ Максиму Греку (§ 128) изложены основы православной догматики; въ Перепискѣ съ княземъ Курбскимъ оправдываются дѣйствія царя и обвиняются бояре, какъ нарушители того понятія объ отношеніяхъ между властью и подвластными, которое для Грознаго имѣло значеніе идеала; въ Посланіи къ игумену Кирилло-бѣлозерскаго монастыря начертанъ идеальный образъ истиннаго иночества и произнесенъ строгій судъ за отступничество отъ идеала.

«Переписка съ Курбскимъ» относится къ тому періоду царствованія Іоанна Грознаго, когда отношенія его къ приближеннымъ людямъ совершенно измѣнились: когда главные совѣтники его, Сильвестръ и Адашевъ, подверглись опалѣ, и любимый воевода, князь Андрей Михайловичъ Курбскій, страшась царскаго гнѣва, рѣшился покинуть отечество, бѣжалъ изъ Юрьева Ливонскаго (Дерпта) въ Воль-

(*) Стоглавый соборъ, въ іюньской книжкѣ Прав. Собесѣд. 1860 г. (стр. 115).

маръ, занятый литовцами, и передался польскому королю Сигизмунду-Августу. Изъ Вольмара Курбскій написалъ къ Грозному исполненное горькихъ упрековъ письмо; Грозный отвѣчалъ обширнымъ посланіемъ, или, какъ говоритъ Курбскій, «зѣло широкою эпистоліею», и такимъ образомъ между царемъ и бывшимъ его подданнымъ завязалось словесное единоборство, въ которомъ тотъ и другой старались доказать свою правоту, обличивъ съ тѣмъ вмѣстѣ несправедливость противника. Всѣхъ писемъ шесть (съ 1563 по 1579 г.): изъ нихъ два принадлежатъ Грозному, четыре Курбскому. На «зѣло широкую эпистолію» Курбскій послалъ «краткое отвѣщаніе»: онъ смѣется надъ неумѣньемъ Іоанна писать складно, говоритъ о себѣ, что онъ, какъ изгнанникъ, заслуживаетъ не укоризнъ, а утѣшенія, и за тѣмъ все, между ними происходившее, предоставляетъ суду Божію. Когда началась война съ Ливоніею и Польшею и русское войско вступило въ Вольмаръ,—царь отправилъ отсюда грамоту къ Курбскому: смиренно славя успѣхи своего оружія, онъ выражаетъ ту мысль, что эти успѣхи даны ему Богомъ безъ пособія бояръ. Вскорѣ пришла очередь торжествовать Курбскому: изъ Полоцка, завоеваннаго Баторіемъ, онъ написалъ къ Грозному два письма, которыми доказываетъ, что прежнія побѣды Русскихъ были дѣломъ доблестныхъ мужей, какихъ теперь при царѣ нѣтъ.

И обвиненія, и оправданія обращаются около двухъ противоположныхъ предметовъ. Главный обвинительный пунктъ, котораго держится Курбскій, состоитъ въ томъ, что царь началъ управлять самовольно, не внимая совѣтникамъ, или выбирая въ совѣтники злыхъ, себялюбивыхъ ласкателей. «Царю, отъ Бога препрославленному, паче же въ православіи пресвѣтлу явившуся, нынѣ же, грѣхъ ради нашихъ, сопротивъ симъ обрѣтшемуся»: такъ начинаетъ Курбскій свое первое письмо. Отъ чего же Грозный оказался «сопротивнымъ» прежней своей славѣ? Отъ того, что избилъ сильныхъ во Израили — достойныхъ мужей русской земли, предалъ различнымъ смертямъ данныхъ ему отъ Бога воеводъ, пролилъ святую, побѣдоносную кровь ихъ въ церквахъ и на владычныхъ торжествахъ, умыслилъ неслыханныя гоненія и муки на своихъ доброхотовъ, полагавшихъ за него душу, оболгалъ ихъ измѣнами и чародѣйствами, прелагая свѣтъ во тьму и прозывая сладкое горькимъ. Напротивъ, основная мысль Грознаго та, что подданные должны быть вѣрными слугами царю, а не самочинниками, что ихъ первый долгъ—подчиняться верховной власти, а не захватывать въ свои руки непринадлежащаго. Изъ этой мысли Грозный выводитъ и свое оправданіе: онъ хотѣлъ освободиться отъ стѣсненій, наложенныхъ на него боярами. «Ты говоришь, что я «растлѣнный умомъ» (пишетъ онъ Курбскому): ставлю тебя самого судіею между мною и боярами. Я хотѣлъ владѣть вами, а вы не хотѣли быть подъ моей властію, за что и заслуживали мои опалы: кто же растлѣнны — вы или я? Вы растлѣнны, потому что не только не хотѣли повиноваться мнѣ, но и задумали сами владѣть мною; всю власть съ меня сняли и сами государились: я былъ государь именемъ, а на дѣлѣ ничѣмъ не владѣлъ». Не оправдываясь въ своемъ нравственномъ паденіи, Грозный всю отвѣтственность за него слагаетъ на бояръ— на досады, оскорбленія и напасти, отъ нихъ претерпѣнныя. Въ отвѣтѣ на первое письмо Курбскаго указываются интриги и партіи крамольниковъ, погубленіе ими вѣрныхъ подданныхъ, расхищеніе казны, раздача помѣстьевъ боярскимъ дѣтямъ, награда непослушныхъ, желаніе возвести на престолъ Владиміра Старицкаго по-

мимо прямаго наслѣдника—царскаго сына, и многія другія обстоятельства, происходившія особенно въ малолѣтство Іоанна и во время его тяжкой болѣзни.

При той силѣ обоюднаго раздраженія, которое не могло еще затихнуть, переписка между Грознымъ и Курбскимъ могла бы обратиться въ голословное высказыванье неудовольствій, даже въ грубую, ничего не доказывающую перебранку. Вышло, однакожъ, иначе, и это самый замѣчательный фактъ въ характерѣ «Переписки»: противники стараются осмыслить свои укоризны, заботятся о раціональной защитѣ и раціональномъ обвиненіи. Цѣль ихъ—убѣдить противника въ его винѣ и своей справедливости, и силою убѣжденія очистить себя не только въ глазахъ того, къ кому написано письмо, но и въ глазахъ другихъ людей, даже передъ лицемъ своей собственной совѣсти.

Діалектическая ловкость Грознаго сильно выказывается въ этой полемикѣ съ Курбскимъ. Онъ равно умѣетъ и отражать нападки, и наносить удары. Искуство состязанія обличаетъ пріемы книжника, обладающаго большою начитанностію. Положеніе Курбскаго становится затруднительнымъ, когда Грозный уличаетъ его примѣромъ слуги его, Шибанова, который предъ царемъ и всѣмъ народомъ, стоя при смертныхъ вратахъ, соблюлъ благочестіе, не измѣнилъ крестному цѣлованію, хвалилъ своего господина безъ малѣйшаго страха казни, между тѣмъ какъ этотъ господинъ бѣжалъ къ врагамъ отечества, ради единаго гнѣвнаго слова царя. Какъ медленно Грозный пытаетъ противника тѣмъ обвиненіемъ, что онъ измѣною спасъ свое тѣло, но погубилъ душу; что если бы онъ былъ дѣйствительно благочестивъ и праведенъ, то рѣшился бы пострадать отъ строптиваго владыки и страданіемъ наслѣдовать вѣнецъ мученическій; что, возъярився на человѣка, онъ возсталъ на Бога, ибо нельзя угодить Богу измѣной: придется необходимо воевать съ отечествомъ и въ этой неизбѣжной войнѣ и церкви разорять, и иконы попирать, и православныхъ губить. А если гдѣ измѣнникъ и не дерзнетъ руками, то «мыслію яда смертоноснаго» учинитъ много злобы. Понятно, что Курбскій всего болѣе старался объ отраженіи сильнѣйшаго противъ него довода: поэтому онъ ограждаетъ себя примѣромъ Давида, который принужденъ былъ, ради гоненій Саула, воевать израильскую землю въ союзѣ съ иноплеменнымъ царемъ, и авторитетомъ Цицерона, котораго также называли измѣнникомъ и котораго апологія (въ Парадоксахъ) можетъ служить его собственною апологіею. Двѣ главы изъ Парадоксовъ, въ переводѣ на русскій языкъ, Курбскій приложилъ къ одному изъ своихъ писемъ.

Не менѣе ощутительна иронія, которою прикрывается и сдерживается раздражительность. Въ Перепискѣ она весьма обидна, или, употребляя слово Курбскаго, «кусательна», потому что направлена человѣкомъ, возвеличеннымъ успѣхами оружія и своимъ положеніемъ, противъ человѣка, и безъ того уже огорченнаго разлукой съ отечествомъ и родными. Письмо Грознаго изъ Вольмара, прописавъ полный царскій титулъ, «величайшій и должайшій» (по словамъ Курбскаго), и съ притворнымъ смиреніемъ напомнивъ дарованныя свыше побѣды надъ нѣмцами, Литвою и татарами, заключается холодной насмѣшкой надъ Курбскимъ: «Писалъ ты себѣ въ досаду, что мы тебя въ дальноконечные грады, какъ бы опаляючись, посылали: и вотъ нынѣ мы, по Божіей волѣ, своею сѣдиною и далѣ твоихъ дальноконечныхъ градовъ прошли, и коней нашихъ ногами переѣхали всѣ ваши дороги, изъ Литвы и въ Литву, и пѣши ходили, и воду во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ пили: поэтому не льзя уже говорить, что не вездѣ коня нашего ноги

были. И гдѣ ты хотѣлъ успокоиться отъ всѣхъ трудовъ твоихъ, въ Вольмарѣ: и тутъ на покой твой Богъ насъ принесъ. И гдѣ, какъ ты думалъ, отъ насъ ушелъ: мы тутъ, съ Божіею волею, догнали. И ты тогда дальноконечнѣе поѣхалъ».

По изложенію, или формѣ, письма Грознаго нестройны, безпорядочны въ размѣщеніи главныхъ частей и въ подчиненіи однѣхъ мыслей другимъ. Содержаніе ихъ дается какъ сырой матеріалъ, безъ обработки и сортировки. Все высказывается смѣшанно, многословно. Курбскій удачно опредѣлилъ характеръ этой внутренней и внѣшней неустроенности, сказавъ своему противнику, что онъ «хваталъ отъ многихъ священныхъ словесъ, со многою яростію и лютостію». Дѣйствительно, Грозный не умѣлъ «въ краткихъ словахъ замыкать многій разумъ». Писаніе его выходило «широковѣщательнымъ и многошумящимъ», массою мыслей и словъ, гдѣ заимствованное изъ книгъ толпится съ своеобразными понятіями автора. Но съ другой стороны, подъ этимъ литературнымъ неблагочиніемъ, видны природное дарованіе, сильное выраженіе замѣчательной личности, живогрепещущій интересъ. Мысль формируется по горячимъ слѣдамъ событій, овладѣвшихъ вниманіемъ; чувство выливается за-разъ изъ накипѣвшаго имъ воспріимчиваго сердца, являясь какъ оно есть, или прикрывая свою страстность ироніею. Притомъ же, какъ замѣтили мы выше, вездѣ обнаруживается стремленіе свести споръ къ раціональнымъ основамъ, найти оправданіе себѣ самому и осужденіе противнику въ томъ понятіи объ отношеніяхъ власти къ подвластнымъ, которое Грозный почиталъ неприкосновеннымъ, какъ идеалъ.

«Посланіе въ Кирилло-бѣлозерскій монастырь» (около 1578 года) написано по просьбѣ его игумена, Косьмы, который желалъ отвести отъ себя и братіи гнѣвъ государя, раздраженнаго недостойнымъ общеніемъ инокомъ съ боярами. Извѣстно, что этотъ монастырь сдѣлался какъ бы притономъ опальныхъ и недовольныхъ: многіе бояре, по волѣ Грознаго или по собственному желанію, принимали тамъ постриженіе, но въ иноческомъ образѣ не хотѣли покинуть мірскихъ привязанностей къ роскоши, потѣхамъ и празднымъ бесѣдамъ. Съ ними водились монахи и дозволяли себѣ всякое плотоугодіе, въ противность строгимъ правиламъ устава. Слухи о послабленіи иноческихъ обѣтовъ дошли до государя. Игуменъ Косьма нудилъ его (по выраженію самого Грознаго) дать наставленія ему и братіи, какъ вести себя. Іоаннъ воспользовался этимъ случаемъ и въ обширномъ посланіи выговорилъ все, что было у него на душѣ и противъ бояръ, перенесшихъ съ собою въ монастырь развращенные обычаи вельможества, и противъ иноковъ, поблажавшихъ боярамъ въ угоду собственному любострастію. Поэтому историческая важность посланія состоитъ въ рѣзкой характеристикѣ нравственнаго упадка иночества сравнительно съ прежней его крѣпостію. Другое, внутреннее отличіе посланія—проникающая его иронія, которою Грозный владѣлъ въ сильной степени и умѣлъ пользоваться, какъ ловкимъ, опаснымъ для противника орудіемъ. Цѣлью автора было выговорить инокамъ горькую правду: онъ принимаетъ смиренный тонъ, свойственный великому грѣшнику, исповѣдуетъ свое крайнее недостоинство; но, послѣ такого нравственнаго самоуничиженія въ приступѣ, тѣмъ чувствительнѣе становятся смѣлые, ничѣмъ уже не прикрытые и не подслащенные укоры современному иноческому быту.

«Увы мнѣ грѣшному! горе мнѣ окаянному! охъ мнѣ скверному! кто таковъ я, дерзающій на такую высоту? Бога ради, господа и отцы, молю васъ—престаньте

отъ таковаго начинанія (т. е. не требуйте отъ меня наставленія). Я недостоинъ назваться вашимъ братомъ; но, по евангельскому слову, сотворите меня какъ единаго отъ наемникъ своихъ. Тѣмъ же припадаю къ стопамъ честныхъ ногъ вашихъ и милъ ся дѣю. Бога ради, престаните отъ таковаго начинанія. Писано: свѣтъ инокамъ ангелы, свѣтъ же мірянамъ иноки. Поэтому вамъ, нашимъ государямъ, подобаетъ просвѣщать насъ, заблудившихся во тмѣ гордости и сѣни смертной. А мнѣ, псу смердящему, кого учить, чему наставлять, чѣмъ просвѣщать? самъ я всегда въ пьянствѣ, прелюбодѣйствѣ, сквернѣ, убійствѣ, грабленіи, хищеніи, ненависти, всякомъ злодѣйствѣ. Если хотите, есть у васъ дома учитель, великій свѣтильникъ Кириллъ (основатель Кирилло-бѣлозерскаго монастыря): на его гробъ взирайте, отъ него просвѣщайтесь; потомъ есть у васъ великіе подвижники, ученики его, а ваши наставники и отцы, и святой уставъ Кирилловъ. Вотъ вашъ учитель и наставникъ! отъ него учитеся, отъ него наставляйтеся, отъ него просвѣщайтеся, о немъ утверждайтеся; да и насъ, убогихъ духомъ и нищихъ благодатію, просвѣщайте, а за дерзость, Бога ради, простите».

Прикрывшись смиреніемъ и какъ бы уклоняясь отъ просьбы иноковъ по духовной нищетѣ, Іоаннъ Грозный находитъ, однакожъ, возможность совмѣстить свое убожество съ дерзостью. Онъ даже считаетъ себя не въ правѣ отказать въ требуемыхъ совѣтахъ. Такъ какъ въ одно пребываніе мое съ вами (говоритъ онъ) я далъ обѣтъ принять иночество въ вашемъ монастырѣ, не въ другомъ какомъ-либо; такъ какъ игуменъ возложилъ на меня руку и благословилъ меня на данномъ обѣщаніи: то и мнится мнѣ, окаянному, что я уже получернецъ. Если еще и не отложился я всякаго мірскаго мятежа, то уже ношу на себѣ благословеніе ангельскаго образа. Притомъ же, мнится мнѣ, самому Богу угодно было, чтобы я побесѣдовалъ съ вами: я хотѣлъ писать вамъ отъ Василія Амасійскаго, но, разогнувъ книгу, нашелъ посланіе Иларіона Великаго къ нѣкоему брату-иноку, требовавшему отъ него совѣта и утѣшенія. Вы также требуете отъ меня слова, и я изреку вамъ немногое отъ моего безумія, не учительски и съ властію, но рабски, творя послушаніе вашему преподобію, хотя и чувствуя безмѣрную высоту своего недоумѣнія.

За тѣмъ слѣдуетъ самое посланіе, состоящее изъ двухъ частей: общей и частной. Общая, большею частію заимствованная изъ сочиненій Иларіона, рисуетъ образъ истиннаго отшельничества; частная сличаетъ идеалъ съ жизнію кирилло-бѣлозерскихъ иноковъ и находитъ между ними явное противорѣчіе. Если въ первой части высказывается обширная начитанность Грознаго, преимущественно его знакомство съ твореніями отцевъ церкви и житіями святыхъ; то вторая драгоцѣнна по яркому изображенію современныхъ недостатковъ иноческой жизни, возбуждавшей негодованіе самихъ иноковъ (Нила Сорскаго, Вассіана Косаго, Максима Грека), по рѣзкому обличенію боярскаго своеволія и недовольства на ряду съ поблажкой и сочувствіемъ, которое монастырь оказывалъ опальнымъ въ угоду собственному лакомству, наконецъ по вѣрному представленію личныхъ особенностей автора—его ироніи, его способности открывать слабыя стороны противника, его діалектической ловкости предупреждать возраженія и тѣмъ отрѣзывать всѣ пути къ оправданію, его искуства опредѣлять предметы и лица мѣткою рѣчью, въ которой церковно-славянскій элементъ соединенъ съ простыми, но характеристичными русскими выраженіями. Въ составѣ сочиненія нѣтъ должной стройности. Вмѣсто

того, чтобы перейти къ частному отдѣлу посланія, покончивъ прежде съ общимъ, Грозный два раза возвращается отъ одного къ другому: выписки изъ Иларіона и другихъ твореній прерываются разсказомъ объ ослабѣ кирилло-бѣлозерскаго устава; за тѣмъ снова излагаются принадлежности истиннаго отшельничества, и снова противопоставляются имъ темныя черты отшельничества русскаго.

Видите ли—говоритъ Грозный послѣ выписки изъ Иларіона объ уклоненіи монастырскаго быта въ мірскіе соблазны—видите ли, какого плача и скорби достойно послабленіе иноческому житію! По тому вашему ослабленію, ради Шереметева и Хабарова, преступили вы чудотворцево преданіе. И какъ только Богъ благоволитъ намъ у васъ постричься, то монастыря у васъ уже не будетъ, а будетъ царскій дворъ. За чѣмъ послѣ этого идти въ чернецы? Какъ молвить: «отрицаюся міра и всего, что въ мірѣ», когда міръ весь въ очахъ? Шереметеву не льзя называть васъ братіею: у него и десятый холопъ, живущій съ нимъ въ кельѣ, ѣстъ лучше братіи. Великіе свѣтильники: Сергій, Кириллъ, Варлаамъ, Димитрій, Пафнутій, уставили крѣпкіе уставы иноческому житію, а бояре, пришедъ къ вамъ, ввели свои любострастные уставы: не они у васъ постриглися — вы постриглись у нихъ; не вы имъ учители и законоположители — они вамъ учители и законоположители. Да Шереметева уставъ добръ—держите его; а Кирилловъ уставъ не добръ—оставьте его. Сегодня тотъ бояринъ введетъ одну страсть, завтра другой бояринъ введетъ другую слабость: и мало по малу весь монастырскій крѣпостной обиходъ испразднится и всѣ обычаи будутъ мірскіе. Вотъ вы надъ Воротынскимъ церковь поставили, а надъ чудотворцемъ нѣтъ церкви. Воротынскій въ церкви, а чудотворецъ за церковью. И на страшномъ судѣ Воротынскій да Шереметевъ станутъ выше: Воротынскій церковью, а Шереметевъ закономъ, который крѣпче Кириллова ... Нынѣ у васъ Шереметевъ сидитъ въ кельѣ что царь, а Хабаровъ къ нему приходитъ съ чернецами, ѣдятъ и пьютъ что въ міру. Словно со свадьбы или родинъ, Шереметевъ разсылаетъ по кельямъ постилы, коврижки и иные пряные составные овощи; а за монастыремъ дворъ и на немъ всякіе запасы годовые—и вы молчите ему о такомъ великомъ, пагубномъ монастырскомъ безчиніи. Говорятъ, будто и вино горячее потихоньку приносили Шереметеву въ келью: въ монастыряхъ и фряжскія вина зазоръ, не только что горячее. Въ этомъ ли путь спасенія? это ли иноческое пребываніе? Или вамъ нечѣмъ было кормить Шереметева, что онъ завелъ особые годовые запасы? Милые мои! Кирилловъ монастырь до сихъ поръ многія страны прокармливалъ и въ голодныя времена; а нынѣ, въ хлѣбное время, вамъ не только нечѣмъ прокормить Шереметева, но и самимъ приходится помереть съ голоду!... То не путь спасенія, когда въ чернецѣ бояринъ боярства не острижетъ, а холопъ холопства не избудетъ. Въ вашемъ монастырѣ по сіе время держалось равенство холопамъ, и боярамъ, и мужикамъ торговымъ. А нынѣ только и слово: тотъ великъ, а этотъ больше. Значитъ, и братства нѣтъ. Вѣдь братство тогда бываетъ, когда всѣмъ равно; а коли неравно — какому быть братству, какому иноческому житію?... Когда двѣнадцать убогихъ (апостоловъ) начнутъ судить людей, кого тогда поставите выше—Кирилла или Шереметева? Шереметевъ постригся изъ боярства, а Кириллъ и въ приказѣ у государя не былъ. Видите ли, куда васъ слабость завела? Святые не гонялись за боярами, а бояре за ними гонялись; отъ этого обители ихъ распространялись: ибо монастыри стоятъ и неоскудны бываютъ благочестіемъ.

Въ заключеніи Грозный принимаетъ снова смиренный тонъ: «отъ многаго написалъ вамъ малая, ради иноческаго житія и любви моей къ вамъ. Но вы сами знаете больше, и если захотите—найдете въ Божественномъ Писаніи.... Богъ же міра, и Пречистыя Богородицы милость, и чудотворца Кирилла молитвы буди со всѣми вами и нами. А мы вамъ, господа мои и отцы, челомъ бьемъ до лица земнаго».

Переписка съ Курбскимъ въ Сказаніяхъ кн. Курбскаго, изд. 2-ое (1842), Устрялова. Посланіе къ Косьмѣ въ 1 т. Ист. Акт. Другія сочиненія Грознаго: Духовное Завѣщаніе (Доп. къ Ист. Акт., I, № 222); Отвѣтъ на посланіе митр. Макарія о укрѣпленіи на брань съ казанскими татарами (Ист. Акт. I, № 160). Отношенія Іоанна къ боярамъ, въ особенности къ Курбскому, равно къ Сильвестру и Адашеву, обстоятельно изложены г. Соловьевымъ (Ист. Рос., VI и VII).

§ 136. Сочиненія Курбскаго двухъ родовъ: въ однихъ описываетъ онъ дѣйствія Грознаго или излагаетъ свои къ нему отношенія; другія внушены заботой оградить православіе отъ опасностей, угрожавшихъ ему со стороны лютеранъ и католиковъ. Къ первымъ сочиненіямъ, кромѣ переписки съ Грознымъ, относится исторія этого царя; ко вторымъ переводъ твореній Іоанна Дамаскина и нѣкоторыхъ бесѣдъ Златоуста, исторія Флорентійскаго собора и письма къ разнымъ особамъ: кн. Острожскому, Мамонычу, кн. Черторыжской, пану Чаплію и другимъ, имѣвшія цѣлію возбуждать и укрѣплять ихъ дѣятельность на защиту русской церкви.

«Исторія князя великаго московскаго о дѣлѣхъ, яже слышахомъ у достовѣрныхъ мужей и яже видѣхомъ очима нашима», замѣчательна по содержанію и изложенію. Она сохранила для историковъ царствованія Грознаго любопытные факты изъ его жизни и правленія. Курбскій былъ близокъ къ Іоанну и могъ знать многое, остававшееся неизвѣстнымъ для другихъ. По изложенію, исторія его есть опытъ прагматическаго разсказа, представляющаго событія по внутренней ихъ связи между собою, какъ причинъ и слѣдствій. Курбскій показываетъ и поводъ, почему онъ взялъ на себя обязанность историка, и задачу, которую онъ долженъ рѣшить своимъ трудомъ, и понятіе о цѣли исторіи. Основная мысль, проводимая въ рѣшеніи задачи, сообщаетъ его историческому сочиненію единство и послѣдовательность и тѣмъ возвышаетъ его надъ простымъ повѣствованіемъ лѣтописца.

Поводомъ къ сочиненію Исторіи служили многократные вопросы именитыхъ людей: отъ чего произошла такая перемѣна въ царѣ, прежде столь добромъ и нарочитомъ, не щадившемъ своего здоровья за отечество, перенесшемъ въ войнѣ съ врагами христіанства тяжкіе труды и отъ всѣхъ прославленномъ? Отсюда ясна задача, предстоявшая Курбскому: онъ долженъ былъ показать причину непонятной для многихъ перемѣны въ Іоаннѣ.

Исторія великаго князя московскаго рѣшаетъ задачу слѣдующимъ образомъ: царь былъ прежде «добръ и нарочитъ», потому что окружалъ себя разумными совѣтниками, украшенными благочестіемъ и страхомъ Божіимъ, искусными въ военныхъ и земскихъ дѣлахъ. Эти совѣтники назывались избранной радой (думой): названіе согласное съ ихъ дѣлами, ибо своими совѣтами производили они все избранное—праведный, нелицепріятный судъ богатому и бѣдному, назначеніе искусныхъ и храбрыхъ военачальниковъ. А паразиты и тунеядцы, сирѣчь подобѣды или трапезные товарищи, были отгоняемы вмѣстѣ съ скоморохами и лукавыми людьми. Царь оказался «сопротивнымъ прежнему», то есть злымъ и лютымъ, когда, удаливъ отъ себя Сильвестра и Адашева, отворилъ слухъ губителямъ оте-

чества—клеветникамъ и ласкателямъ, между которыми явились и иноки-міролюбцы, не радѣвшіе о богоугодномъ, не дававшіе совѣтовъ по разуму духовному, а думавшіе единственно о томъ, какъ бы угодить царю и властямъ, чтобы чрезъ то выманить имѣнія монастырю. Соотвѣтственно рѣшенію вопроса, сочиненіе дѣлится на двѣ части: въ одной представлена начальная, свѣтлая половина царствованія Іоанна; другая изображаетъ мрачную, грозную его половину, по которой царь и получилъ прозваніе Грознаго.

Говоря о состояніи русской образованности въ XVI в., мы упоминали, что Курбскій тревожился основательными опасеніями за православіе въ Литвѣ и что лучшимъ орудіемъ для его защиты признавалъ науку (§§ 117 и 119). Самое вѣрное средство къ отраженію враждебныхъ замысловъ на русскую церковь состояло, по его убѣжденію, въ переводѣ твореній святыхъ отцевъ на русскій языкъ. Онъ самъ принялся за это дѣло и перевелъ, большею частію съ латинскаго, творенія Іоанна Дамаскина, именно: книгу «Небеса», такъ называемые Фрагменты, т. е. главы о разныхъ предметахъ, и діалектику, или логику. Предисловіе къ переводу весьма любопытно по взглядамъ автора на пользу ученія, на царскихъ ласкателей и угодниковъ, на скудость учительныхъ книгъ,—взглядамъ, въ которыхъ узнается авторъ Переписки съ Грознымъ и его Исторіи, противникъ волоколамскихъ иноковъ, ученикъ и почитатель Максима Грека. Посланіе послѣдняго о Луцидаріи (§ 131), остерегающее какого-то Георгія отъ развращенныхъ письменъ и совѣтующее ему читать Дамаскинову книгу Небеса, дало Курбскому поводъ приняться за переводъ твореній этого святителя. «Я былъ объятъ скорбію (пишетъ Курбскій), что большая часть книгъ учителей нашихъ не переведена на славянскій языкъ; иныя же переведены неправо отъ неискусныхъ переводчиковъ; а иныя въ конецъ испорчены переписчиками». Вина этого, по его мнѣнію, высказанному въ заключеніи одного фрагмента (о ересяхъ)—«лѣность и нерадѣніе властителей нашихъ»: ибо нынѣшняго вѣка мнящіеся учители больше въ болгарскихъ басняхъ или лучше въ бабьихъ бредняхъ упражняются, читаютъ и похваляютъ, нежели наслаждаются разумомъ великихъ учителей». Эти слова о болгарскихъ басняхъ состоятъ въ тѣсной связи съ понятіями Максима Грека объ апокрифахъ, которые большею частію переходили къ намъ изъ Болгаріи (§ 89) и выдавались иногда за твореніе того или другаго отца церкви, подъ авторитетомъ котораго даже поступали въ списокъ истинныхъ книгъ. Дѣйствительность подобныхъ случаевъ засвидѣтельствована посланіями (неизданными) Курбскаго къ старцу въ печерскій монастырь: «противлюся лжесловесникамъ, преобразующимся въ истовыхъ лжеучителей: они пишутъ повѣсть сопротивъ евангельскихъ словесъ; въ избѣжаніе обличеній скрываютъ свои имена, замѣняя ихъ святыми именами, чтобы ложныя писанія ихъ удобно принимались людьми простыми и неучеными». Въ предисловіи, какъ и во всѣхъ своихъ сочиненіяхъ, Курбскій стоитъ на сторонѣ науки: показываетъ ея важность и пользу, предлагаетъ средства къ ея пріобрѣтенію и порицаетъ безумныхъ ея противниковъ: «Молю и совѣтую прочитать прежде божественныя писанія, а потомъ поучаться внѣшнимъ, т. е. философскимъ, искуствамъ. Если не найдутъ въ своей землѣ учителей—пусть не лѣнятся съѣздить въ далекія чужія страны, какъ совѣтуетъ Іисусъ сынъ Сираховъ. Чтобы въ философіи пріобрѣсти что-либо истинное, неотметное, надобно подражать искуснымъ купцамъ, которые истое и чистѣйшее золото собираютъ, а нечистое отме-

таютъ. Но, ради Бога, не будемъ потакать безумнымъ или, вѣрнѣе, лукавымъ, которые запрещаютъ любознательнымъ юношамъ читать книги, указывая на сошедшихъ съ ума и говоря: такой-то въ книгахъ зашелся, а такой-то отъ нихъ въ ересь впалъ. О бѣда! отъ чего бѣсы бѣгаютъ и исчезаютъ, чѣмъ одни еретики обличаются, а другіе исправляются—то самое оружіе отнимаютъ и врачевство смертоноснымъ ядомъ называютъ». Такихъ хулителей ученія было не мало въ русской землѣ: Курбскій самъ слышалъ ихъ доводы, когда еще жилъ «подъ державою московскаго царя». Между замѣтками на поляхъ, находящимися въ рукописи перевода (XVI в.) и, сколько можно судить по ихъ содержанію и выраженію, принадлежащими самому Курбскому, одна касается именно мнѣнія о вредѣ наукъ: «эта ересь носится въ московской землѣ между нѣкоторыми безумными; они говорятъ: не потребно многому учиться, потому что въ книгахъ люди заходятся, т. е. безумѣютъ или въ ересь впадаютъ». Но есть другая, горшая ересь, проповѣдующая, «что не нужно жить по евангельскому закону, ибо родъ человѣческій нынѣ ослабѣлъ; а для избытія вѣчной муки, достаточно, по ученію ереси, отдать имѣніе въ монастырь». Курбскій особенно возстаетъ противъ такихъ толкователей закона Божія, противъ ласкателей и угодниковъ, ризами только украшенныхъ, а не дѣлами. Эти толкователи, говоритъ онъ, возбраняютъ читать и навыкать внѣшнихъ ученій для того, чтобы не открылася всѣмъ ихъ прелесть, которою они прельщаютъ незлобивыя души; они и сами не входятъ, и хотящимъ войти запрещаютъ, и царямъ и властителямъ угождаютъ ласкательными слухами. Относящаяся къ этому мѣсту замѣтка на поляхъ примѣняетъ его къ льстецамъ Грознаго. На вопросъ: для чего цари и князья выбираютъ нынѣ такихъ учителей? она даетъ такой отвѣтъ: для того, чтобы эти учители не обличали ихъ злости, лукавства и лютости, и такъ какъ они не обличаютъ, то и сами исчезаютъ всенародно, и царства погубляютъ, примѣръ чего видимъ на греческомъ, болгарскомъ и сербскомъ, на лютѣйшемъ всѣхъ домашнемъ нашемъ Батыевомъ плѣненіи, на внезапномъ московскомъ пожарѣ, на страшномъ пролитіи крови самимъ московскимъ царемъ. Все это урасло отъ человѣкоугодниковъ: они и самого царя, прежде столь добраго, привели къ неизреченнымъ и неслыханнымъ пагубамъ.

Какъ человѣкъ не только начитанный, но и ученый, Курбскій цѣнилъ хорошія качества изложенія и умѣлъ сообщать ихъ своимъ мыслямъ. Онъ съ гордостью называлъ себя ученикомъ Максима Грека. Связанный съ своимъ учителемъ одинаковыми взглядами на важнѣйшіе предметы, стоявшій, по своимъ симпатіямъ, на сторонѣ Вассіана Косаго, Сильвестра и Адашева, онъ еще въ Россіи пріобрѣлъ многія познанія, которыя, при его сильномъ природномъ умѣ, твердомъ характерѣ и дарѣ слова, сдѣлали его замѣчательнѣйшимъ человѣкомъ своего времени. Потомъ двадцатилѣтняя жизнь въ Литвѣ, знакомство съ западной наукой и образцами западной словесности укрѣпили его литературное искуство. Грустное положеніе изгнанника среди «людей тяжкихъ и негостелюбивыхъ», печальныя семейныя обстоятельства (по второму браку въ Литвѣ) поставили его въ необходимость, совпадавшею впрочемъ съ его собственнымъ влеченіемъ, предаться книжнымъ занятіямъ. На старости лѣтъ выучился онъ латинскому языку и изучалъ философію Аристотеля. Поэтому сказанное Курбскимъ, въ одномъ письмѣ къ Грозному, о польскихъ ученыхъ частію примѣняется къ нему самому: онъ былъ искусенъ «не только въ грамматическихъ и риторскихъ, но и въ діалектическихъ и философскихъ ученіяхъ».

Рѣчь Курбскаго испещрена варваризмами, взятыми изъ языковъ латинскаго и польскаго. Къ латинскимъ словамъ принадлежатъ, напримѣръ: плювія (pluvia—дождь), аеръ (aër—воздухъ), сикованція (sycophantia—обманъ, клевета), фабула (fabula—басня), эпистолія (epistola—письмо), и др. Примѣры польскихъ словъ: або, альбо (или), повѣтренный (воздушный, заразительный), пожиточный (полезный), мѣскій (городской), остатный (остальной), и проч.

«Исторія Грознаго» (доведенная до 1578 г.), «Исторія флорентійскаго собора» и «Письма» къ разнымъ лицамъ нап. въ Сказ. Курбскаго. Біографическія данныя, касательно второй половины жизни Курбскаго, содержатся въ Актахъ, изданныхъ временной кіевской Коммиссіей: «Жизнь кн. Курбскаго въ Литвѣ и на Волыни, съ предисловіемъ г. Иванишева, 2 т. (1849)». Извѣстіе о рукописи перевода Дамаскиновыхъ твореній XVI в. и предисловіе къ нему въ 12 № Библ. Зап. 1858 г. (стр. 355—366). Другая рукопись, XVII в., въ Рум. Муз.: «Іоанна Дамаскина творенія на польско-русскомъ языкѣ, переведенныя большею частію съ латинскаго (стр. 240—244)». Предисловіе помѣщено также въ сборникѣ Рум. Муз., XVII в. (стр. 555—557). Курбскій, вѣроятно, перевелъ, изъ Дамаскиновыхъ фрагментовъ: «Преніе христіанина съ сарациномъ или магометаниномъ», и Геннадія (Георгія Схоларія), архіепископа константинопольскаго: «Діалогъ или бесѣдованіе, нѣкоторое собраніе вѣры христіанскія замыкающее» (Опис. рук. Спб. библ., кн. 3, стр. 567—569). Оба перевода изд. въ Вильнѣ 1585 г. Ему принадлежитъ еще переводъ четырехъ бесѣдъ Златоуста на Евангеліе отъ Іоанна (изд. 1665; Рум. Муз., стр. 250); всѣ другія бесѣды переложены Максимомъ Грекомъ и ученикомъ его Сильваномъ. Сверхъ того, имъ написано «Предисловіе на книгу словесъ Златоустовыхъ, глаголемую Новый Маргаритъ» (нап. во 2 т. Жизни кн. Курбскаго на Литвѣ и Волыни).

§ 137. Кромѣ труда Курбскаго, къ историческимъ сочиненіямъ относится «Степенная книга», названная такъ потому, что событія излагаются въ ней по родословному порядку или по «степенямъ» рода великихъ князей: за княженіемъ отца слѣдуетъ княженіе сына, потомъ княженіе внука, правнука и т. д. по нисходящей линіи. Всѣхъ степеней семнадцать, отъ Владиміра до Іоанна Грознаго. Кратко говорится также о трехъ предшествовавшихъ степеняхъ, отъ Рюрика до Владиміра. Она не есть сочиненіе одного лица: главное участіе въ ея собраніи приписываютъ митрополиту Макарію, послѣ котораго она была дополняема, также какъ и онъ, безъ сомнѣнія, дополнялъ еще до него составленныя «степени». Поэтому существуетъ нѣсколько редакцій Степенной книги: древнѣйшая ближе къ свѣтской лѣтописи и сокращеннѣе, чѣмъ позднѣйшая, въ которую, при митрополитѣ Макаріи, внесены многія житія святыхъ. Въ одномъ ея спискѣ прибавлена восьмнадцатая степень, такъ что разсказъ заключается описаніемъ смерти Алексѣя Михайловича. Точка зрѣнія на событія, особенно въ позднѣйшей редакціи—религіозная: главное вниманіе обращено на лица и дѣянія, имѣвшія ближайшее отношеніе къ церкви.

Священникъ Іоаннъ Глазатый, двадцать лѣтъ жившій въ плѣну у казанскихъ Татаръ и освобожденный по взятіи Казани, написалъ «Исторію Казанскаго Царства»—о его началѣ, о походахъ и битвахъ Русскихъ съ его царями и о завоеваніи его столицы Грознымъ.

Софійскій Временникъ (первая и вторая Софійскія лѣтописи) получилъ свое названіе отъ новгородскаго храма св. Софіи, въ которомъ онъ хранился. Первая часть этого лѣтописнаго сборника идетъ съ 862 г. по 1425; вторая, съ 1425 по 1534, служитъ, по словамъ его издателя въ Полномъ Собраніи русскихъ лѣтописей богатымъ матеріаломъ для исторіи московскаго государства XV и XVI вв., описывая постепенное его возвышеніе, сверженіе татарскаго

нга, возстановленіе единодержавія, и представляя много такихъ извѣстій, какихъ нѣтъ въ другихъ лѣтописяхъ. Въ Софійскій Временникъ внесены отдѣльныя сочиненія, вполнѣ и въ отрывкахъ: повѣсть о житіи Александра Невскаго, сказаніе о подвигахъ Димитрія Донскаго и похвальное ему слово, о взятіи Тохтамышемъ Москвы, описаніе Флорентійскаго собора, путешествіе Аѳанасія Никитина, и пр.

Со времени политическаго преобладанія Москвы, когда ея интересамъ подчинились интересы удѣльныхъ княжествъ, являются лѣтописи съ оффиціальнымъ характеромъ, служащія органомъ правительства и получающія значеніе юридическаго документа, которымъ князья доказываютъ свои права на великокняжескій престолъ, а бояре свои преимущества въ мѣстническихъ спорахъ. На оффиціальность лѣтописнаго повѣствованія указываетъ «опись царскаго архива», въ которомъ находился одинъ ящикъ съ списками, «что писати въ лѣтописецъ».

«Царственный лѣтописецъ», «Царственная книга» и «Древній лѣтописецъ» суть отрывки одного и тогоже лѣтописнаго сборника, получившія, въ разныхъ изданіяхъ, разныя названія. Царственный лѣтописецъ содержитъ въ себѣ описаніе русскихъ событій отъ княженія Владиміра Мономаха до покоренія Новгорода Василіемъ Іоанновичемъ (1114 1427 г.). Продолженіемъ ему служитъ Царственная книга—лѣтопись царствованія Іоанна Васильевича (съ 1534 по 1553 г.), въ составъ которой вошли «памяти» (записки) Алексѣя Адашева. Древній лѣтописецъ повѣствуетъ о событіяхъ 1254—1424 г.г., т. е. отъ Александра Невскаго до Василія Дмитріевича, сына Димитрія Донскаго (включительно).

Степенная книга изд. Миллеромъ (1775), который назвалъ ее историко-методическимъ сочиненіемъ. Конецъ ея, котораго недостаетъ въ этомъ изданіи, нап. въ 1 ч. Рус. Достоп. Академическій ея списокъ доводитъ событія до 1630 г., Толстовскій до 1676. Дополненія къ ней указаны въ Опис. Рум. Муз. (№№ CCCCXIII и CCCCXIV). Изданіе Исторіи Глазатаго (1791)—неисправное, сравнительно съ рукописью, въ Библ. Моск. Общ. Исторіи и Древ. (№№ 74, 77, 127). Софійскій Временникъ имѣлъ нѣсколько изданій: 1-ое—1795 г., 2-ое (Строева)—1820—21 г.г., 3-е—въ V и VI т.т. Пол. Собр. рус. лѣт.—Опись царскаго Архива (1575—84 г.г.) въ 1 т. Акт. Арх. Эксп., № 289. Здѣсь значится: «ящикъ 224. А въ немъ списки, что писати въ лѣтописецъ; лѣта новые прибраны отъ лѣта 7068 до лѣта 7074 и до 76». См. «Обзоръ хода изданія лѣтописей въ Россіи», А. Ѳ. Бычкова (Отчеты о занятіяхъ и изданіяхъ Археограф. Коммиссіи за 25-ти лѣтнее ея существованіе, 1860). Замѣтка объ Адашевѣ, какъ лѣтописцѣ, въ Ист. Петра I, Устрялова, т. 1, XXIX и прим. 4 (стр 251 и 252). Царственная книга изд. кн. Щербатовымъ 1769; Царственный лѣтописецъ имъ же, 1772 г.; Новый лѣтописецъ въ 2 ч.—Глѣбовскимъ и Козицкимъ, 1774—75.

§ 138. Изъ путешествій въ XVI в. заслуживаетъ вниманіе путешествіе московскихъ купцевъ Трифона Коробейникова и Юрія Грекова съ товарищами въ Іерусалимъ, Египетъ и къ Синайской горѣ, въ 1583 г. Они посланы были Іоанномъ Грознымъ къ восточнымъ св. мѣстамъ съ милостынею на поминовеніе царевича Іоанна, убитаго отцемъ своимъ (1581 г.), и на сооруженіе церкви во имя великомученицы Екатерины, на Синайской горѣ, гдѣ лежало, по преставленіи, тѣло ея, хранимое ангелами (какъ сказано во вступленіи къ Путешествію). Описаніе простодушное, содержащее въ себѣ баснословные разсказы о Египтянахъ, о ихъ коняхъ, превращенныхъ въ рыбъ, о магнитѣ, извлекающемъ изъ черноморскихъ кораблей гвозди, почему корабли эти будто строятся безъ желѣза. Многіе списки Путешествія доказываютъ, что оно было значительно распространено между читателями.

Другой источникъ для знакомства нашихъ предковъ съ чужими краями представляютъ «Статейные списки», которыми послы давали отчетъ въ своемъ пребываніи при иностранныхъ дворахъ. Въ нихъ любопытны свѣдѣнія о западныхъ государствахъ, но еще болѣе любопытенъ взглядъ на нихъ русскаго человѣка. Такъ къ одному времени съ путешествіемъ Коробейникова относится посылка Якова Молвянинова къ папѣ Григорію XIII и нѣмецкому императору Рудольфу II. По возвращеніи, Молвяниновъ и бывшій съ нимъ подъячій Васильевъ подали списокъ, какъ у нихъ дѣлалось государево дѣло въ Римѣ и у цесаря. Замѣчательныя мѣста въ этомъ спискѣ: описаніе Венеціи, гдѣ улицы—рѣчки и гдѣ послы наблюдали морской приливъ и отливъ, потомъ представленіе папѣ, причемъ они поклонились «близко его ноги, а въ ногу не цѣловали.»

Путешествіе Коробейникова нап. въ XII ч. Древ. Рос. Вивл., также особою книжкой, изданной В. Рубаномъ (1783), во 2 т. Сказаній Сахарова и съ нѣкоторыми отмѣнами во Временникѣ. Къ 1558 году относится Хожденіе въ Іерусалимъ и инымъ святымъ мѣстамъ купца Василья Позднякова. Онъ и софійскій архидіаконъ Геннадій отправлены были также по волѣ Грознаго съ посланіемъ его къ патріарху Іоакиму, въ Александрію (Библ. Общ. Ист. I, 214, Цар. № 393). Въ 1567 г. казачьи атаманы, Иванъ Петровъ и Бурнашъ Елычевъ, посыланы были въ Китай: сказка ихъ посольства въ ркп. Толст. (IV, 69) и въ Сказан. Сахарова. Донесеніе Молвянинова записано подъ 1583 г. въ Памятникахъ дипломатическихъ сношеній древней Россіи съ державами иностранными.

§ 139. Къ свидѣтельствамъ исторіи о личности Грознаго, къ тѣмъ о ней даннымъ, которыя почерпаются изъ его собственныхъ сочиненій, присоединяетъ свои указанія народный эпосъ. Нѣкоторыя историческія пѣсни выбрали его своимъ героемъ, и онъ является въ нихъ съ наиболѣе крупными особенностями своего характера и дѣйствій. Въ поэтическихъ образахъ, наивная фантазія представила его жестокость, сопровождаемую ироніей, его отношенія къ боярамъ, сыноубійство, завоеваніе Казани и Астрахани, покореніе Сибири.

Пѣсня «о свадьбѣ Грознаго» поетъ, какъ супруга его, царица Софья Романовна, умирая, дѣлаетъ ему завѣщанія. Она завѣщеваетъ ему «не быть ярымъ, а быть милостивымъ» къ дѣтямъ—двумъ царевичамъ и двумъ царевнамъ, къ отцу крестному—Богдану Сирскому, къ князьямъ и боярамъ, войску и всему православному народу; жениться, по ея представленіи, не въ Литвѣ, на Марьѣ Темрюковнѣ, а въ Москвѣ, на Супавѣ татарской. Царь не послушался совѣтовъ: черезъ три мѣсяца вдовства, онъ отправился въ Литву, вывезъ оттуда Марью Темрюковну съ братомъ ея Кострюкомъ и обвѣнчался съ нею въ Москвѣ. На свадебномъ пиру, Кострюкъ вызываетъ московскихъ борцевъ съ нимъ побороться. Никого не случилось на ту пору—только случился Вася хромоногой:

На лѣвую ножку онъ, Вася, припадывалъ,
А правой ножкой подхватывалъ,
И металъ Кострюка о кирпичной полъ:
На брюхѣ его кожа треснула,
На хребтѣ его кожа лопнула.

Тогда Грозный, выведя Марью Темрюковну въ далекое чистое поле, застрѣлилъ ее. Пѣсня любопытна не однимъ изображеніемъ главной черты въ характерѣ Грознаго, по которой получилъ онъ и прозваніе: она даетъ также знать объ отношеніяхъ Москвы къ Литвѣ и Татарамъ, называя Литву «проклятою», а Татаръ «погаными». Софья Романовна совѣтуетъ царю жениться на Супавѣ татарской: этотъ поэтическій вымыселъ надобно понимать, какъ взглядъ народа на дѣйствительно су–

ществовавшій фактъ—на вступленіе съ татарами въ нѣкоторое нравственное свойство занятіемъ ихъ обычаевъ; онъ посредственно обличаетъ то самое, что непосредственно обличали Максимъ Грекъ и Стоглавъ, говоря о тафьяхъ безбожнаго Магомета, и митр. Макарій посланіемъ къ войску въ Свіяжскъ; имъ наглядно указывается темная сторона русскаго быта въ XVI в.—упадокъ православія, пренебреженіе благочестивой старины. Чтобы женитьбу царскую, оскорбительную для вѣры и обычаевъ, примирить съ мыслью о томъ, какъ долженъ поступать православный царь, народная фантазія придумала новый образъ: смерть литвянки, послѣ чего Грозный женится, «въ каменной Москвѣ на Святой Руси». Кромѣ того, Марьѣ Темрюковнѣ приписана чародѣйская сила. Въ одномъ варіантѣ, Софья Романовна говоритъ о ней своему супругу:

Принесетъ она рубашки красна золота,
Не моги надѣть на двухъ ясныхъ соколовъ (*царевичей*),
Надѣнь на двухъ псовъ ядовитыихъ,
Увидишь тутъ чудо великое.

Когда сдѣлали по ея словамъ, «псовъ розорвало».

Борьба царскагѳ шурина съ московскими борцами служитъ предметомъ особой пѣсни: «Мастрюкъ Темрюковичъ». Кромѣ небольшой перемѣны въ имени (Мастрюкъ вм. Кострюкъ), есть и другіе варіанты: Грозный выведенъ не вдовцемъ, а холостымъ; Литва замѣнена Золотой Ордою; Мастрюка одолѣваетъ не Вася хромоногій, а Потанька Борисовъ, подпиравшійся костылемъ. Царь взялъ въ невѣсты дочь Темрюка Степановича, Марью Темрюковну, Купаву Крымскую, царицу благовѣрную. По пріѣздѣ съ нею въ Москву, онъ устроилъ пиръ. На пиру всѣ

Пьютъ, ѣдятъ, потѣшаются,
Зелено вино кушаютъ,
Бѣлу лебедь рушаютъ;
А единъ не пьетъ, да не ѣстъ, царскій гость дорогой,
Мастрюкъ Темрюковичъ, молодой Черкашенинъ.
И за чѣмъ хлѣба-соли не ѣстъ, зелена вина не кушаетъ,
Бѣлу лебедь не рушаетъ? у себя на умѣ держитъ:
Изошелъ онъ семь городовъ, поборолъ онъ семьдесятъ борцовъ—
И по себѣ борца не нашелъ,—
И только онъ думаетъ—ему вѣра поборотися есть
У царя въ каменной Москвѣ,
Хочетъ царя потѣшити
Со царицею благовѣрною, Марьею Темрюковною;
Онъ хочетъ Москву загонять, сильно царство Московское.

По приказу Грознаго, бояринъ Никита Романовичъ приводитъ изъ Александровской слободы двухъ братьевъ: у нихъ «бороды стриженыя, усы торженые, платье саксонское, сапоги съ разструбами». Одинъ, Мишка Борисовичъ, «съ носка бросилъ о землю царскаго шурина»; другой, Потанька, «согнулъ его корчагою, воздымалъ выше головы своей и опустилъ о сыру землю». Мастрюкъ лежитъ безъ памяти; не слыхалъ, какъ съ него платье сняли:

Былъ Мастрюкъ во всемъ, сталъ Мастрюкъ ни въ чемъ.

Когда Марья Темрюковна жаловалась царю, что дѣтина деревенскій наругался надъ любимымъ его шуриномъ, Грозный отвѣчалъ:

....гой еси ты, Царица въ Москвѣ,
Да ты Марья Темрюковна!
А не то у меня честь въ Москвѣ, что Татары-те борются;
То-то честь въ Москвѣ, что Русакъ тѣшится.

Словами о грозномъ нравѣ Іоанна IV начинается пѣсня о томъ, какъ онъ велѣлъ убить своего сына (въ сборникѣ Кирши Данилова она озаглавлена: «Никитѣ Романовичу дано село Преображенское»):

Грозенъ былъ воинъ царь нашъ батюшка,
Первый царь Иванъ Васильевичъ.

На царскомъ пиру расхвастались князья и бояре—кто силою, кто богатствомъ. Грозный остановилъ ихъ похвальбу:

А глупы бояра вы, неразумные!
А всѣ вы бездѣлицей хвастаетесь!
А смѣю я царь похвалитися,
Похвалитися и похвастати:
Что вывелъ измѣну я изъ Кіева,
Да вывелъ измѣну изъ Новагорода,
А взялъ я Рязань, взялъ и Астрахань.

Тогда бывшій въ палатахъ молодой царевичъ Өедоръ Ивановичъ проглаcилъ, словно златая труба протрубила:

А грозный царь Иванъ Васильевичъ!
Не вывелъ измѣны въ каменной Москвѣ;
Что есть у насъ въ каменной Москвѣ,
Что три большіе боярина,
А три Годунова измѣнники.

Грозный ухватился за это слово; онъ требуетъ отъ сына, чтобы тотъ назвалъ измѣнниковъ по имени:

Перваго боярина въ котлѣ велю сварить,
Другаго боярина велю на колъ посадить,
Третьяго боярина скоро велю сказнить.

Царевичъ Өедоръ отвѣчаетъ отцу:

А грозный царь, Иванъ Васильевичъ,
Ты самъ про нихъ знаешь и вѣдаешь,
Про трехъ большихъ бояриновъ,
Про трехъ Годуновыхъ измѣнниковъ:
Ты пьешь съ ними, ѣшь съ еднаго блюда,
Единую чару съ ними требуешь.

Не взлюбился царю отвѣтъ. Онъ вскрикнулъ зычнымъ голосомъ, есть ли въ Москвѣ немилостивые палачи казнить царевича. Всѣ палачи разбѣжались: одинъ только выступилъ—Малюта Скурлатовичъ, готовый исполнить жестокій приказъ Едва вѣсть о томъ достигла Никиты Романовича, какъ онъ прискакалъ на мѣсто казни и остановилъ ее, велѣвъ Малютѣ убить конюха, котораго и похоронили за царевича. Грозный печалился и каялся о смерти сына; бояринъ же задалъ пиръ на радости о его спасеніи. По доносу о томъ, разгнѣванный царь послалъ за Никитой Романовичемъ, ткнулъ жезломъ въ правую его ногу и пришилъ къ сырой землѣ, а самъ приговариваетъ:

Велю я Никиту въ котлѣ сварить,
Въ котлѣ сварить, либо на колъ посадить,
На колъ посадить, скоро велю сказнить:
У меня кручина несносная,
А у тебя боярина пиръ на веселѣ.
Къ чему ты, Никита, въ домѣ добрѣ радошенъ?
Али ты, Никита, какой городъ взялъ?
Али ты, Никита, корысть получилъ?

Узнавъ, въ чемъ дѣло, царь жалуетъ боярину село Преображенское.

Варіанты этой пѣсни частію дорисовываютъ образъ Грознаго новыми чертами, частію замѣняютъ дѣйствующія лица другими: Никиту Романовича Никитою Варламовичемъ или Ѳедоромъ Ивановичемъ Пожарскимъ сыномъ, Скурлатовича—Гурбатовымъ, конюха — клюшникомъ. Царь приказалъ казнить сына не за его слова объ измѣнникахъ Годуновыхъ, а за рѣчь бояръ, что измѣну тотъ выведетъ, «кто за однимъ съ тобой столомъ сидитъ, да хлѣба кушаетъ—милый сынъ твой Ѳедоръ Ивановичъ». Собравъ народъ поголовно на поминки, Грозный

....бояръ повелѣлъ во медвѣжны вшивать,
Во медвѣжны вшивать, по Москвѣ рѣкѣ пущать,
А поповъ приказалъ во кули зашивать,
Во кули зашивать, по Москвѣ рѣкѣ пущать,
Что Царевича не засчюняли.

Такимъ образомъ, одна и таже былина ясно показываетъ народное пониманіе личныхъ качествъ и правительственныхъ дѣйствій грознаго царя: пониманіе, согласное въ сущности съ историческимъ на него взглядомъ. Заинтересованный важнѣйшимъ подвигомъ его царствованія—укрощеніемъ боярскаго самовластія, народъ представилъ этотъ фактъ въ образѣ намѣренія вывести измѣну изъ русскаго царства и сдѣлалъ его мотивомъ особаго поэтическаго сказанія.

Былина про «взятье Казанскаго царства» или, вѣрнѣе, про взятіе города Казани подкопомъ соединяетъ фактическую основу съ поэтическимъ изображеніемъ пророческаго сна казанской царицы Елены. Она видѣла и разсказываетъ мужу своему Симеону,

Какъ отъ сильнаго Московскаго Царства
Кабы сизой орлице встрепенулся,
Кабы грозная туча подымалась,
Что на наше вѣдь Царство наплывала.

Грозный два раза называется «прозрителемъ» за свою мудрость: названіе, приравнивающее его «вѣщему» Олегу. Послѣдніе стихи пѣсни даютъ знать объ историческомъ значеніи такого событія, какъ взятіе казанскаго царства:

И въ то время князь воцарился
И насѣлъ въ Московское царство,
Что тогда-де Москва основалася,
И съ тѣхъ поръ великая слава.

Здѣсь снова народный смыслъ не противорѣчитъ сознательному пониманію факта: самъ Іоаннъ Грозный придавалъ высокую важность завоеванію Казани.

Пѣсни о Ермакѣ въ поэтическомъ достоинствѣ уступаютъ вышеозначеннымъ былинамъ. Онѣ малымъ чѣмъ отличаются отъ лѣтописнаго повѣствованія: содержаніе разсказывается сухо, обращаясь иногда въ перечень лицъ и дѣйствій. Предметъ одной пѣсни (на Бузанѣ Островѣ)—убійство донскими казаками персидскаго посла Коромышева, послѣ того какъ они захватили двѣнадцать турецкихъ кораблей, вызванные на молодецкіе подвиги словами есаула:

А и вы гой еси братцы, атаманы казачіе!
У насъ кто на морѣ не бывалъ,
Морской волны не видалъ,
Не видалъ дѣла ратнаго, человѣка кроваваго,—
Отъ желанья тѣ Богу не маливались.

Другая пѣсня служитъ какъ бы продолженіемъ предъидущей. Боясь отвѣта за убійство посла, Ермакъ держитъ такую рѣчь передъ атаманами:

Въ Астрахани жить не льзя,
На Волгѣ жить—ворами слыть,
На Яикъ идти—переходъ великъ,
Въ Казань идти—грозенъ царь стоитъ,
Грозенъ царь осударь Иванъ Васильевичъ;
Въ Москву идти—перехватаннымъ быть,
По разнымъ городамъ разосланнымъ
И по темнымъ тюрьмамъ разсаженнымъ.

Въ слѣдствіе этого казаки отправились въ усолья къ Строгоновымъ. Здѣсь они начали воевать Сибирь и часть ея покорили русскому царю, который милостиво принялъ Ермака. За тѣмъ описывается возвращеніе Ермака въ Сибирь и гибель его въ рѣкѣ Енисеѣ.

Древ. Рос. Стихотворенія, Кирши Данилова; Рус. народ. пѣсни, собранныя Якушкинымъ, и предисловіе къ нимъ г. Буслаева (Лѣт. рус. лит., 1859, кн. 2); Рус. пѣсни, изъ собранія Якушкина (От. Зап., 1860, № 4). Въ пѣснѣ «Атаманъ польской», т. е. степной (Древ. Рос. Стих., стр. 374), поется о смерти атамана Михаила Черкашенина (изъ Малоруссовъ), извѣстнаго своими битвами съ азовскими турками (Ист. Сол., VI, 422—423).

§ 140. Принявъ новую религію, русскій народъ не легко отрѣшался отъ прежнихъ своихъ вѣрованій, глубоко проникшихъ въ его нравы, обычаи и поэзію. Медленно отступала языческая старина передъ свѣтомъ новаго ученія: она сохранялась между народными массами не только въ первые вѣка по введеніи христіанства, но даже и въ XVI, какъ свидѣтельствуетъ Стоглавъ. Для массъ труденъ переходъ и отъ одного исповѣданія къ другому въ сферѣ той же религіи: еще труднѣе переходъ отъ одной религіи къ другой, прямо ей противоположной—отъ язычества, ограниченнаго національною почвой, до христіанства, независимаго отъ національности,—проводника общечеловѣческихъ идей. Путь убѣжденія, во имя котораго человѣкъ свободно отрекается отъ прошлаго и также свободно принимаетъ новое, доступенъ немногимъ: народъ неспособенъ къ такому сознательному преобразованію своего внутренняго міра. Старина укрѣпляетъ его за собою не однимъ мѣстомъ жительства, но и всѣми духовными интересами, находящими свое средоточіе въ вѣрованіяхъ.

И потому, прежде чѣмъ усвоить христіанскія понятія въ истинной ихъ чистотѣ, народъ примѣнялъ ихъ, по свойственному ему смыслу и фантазіи, къ понятіямъ языческимъ. Этимъ примѣненіемъ, которое пастыри церкви означали именемъ «двоевѣрія», онъ какъ бы мирилъ двѣ религіозныя системы: одну, державшую его въ своей власти нѣсколько вѣковъ, другую, ставшую новою духовною силою, новымъ жизненнымъ идеаломъ. Примиреніе совершалось въ поэзіи: творческая фантазія, не утративъ своего дѣйствія, должна была искать особаго исхода при той внутренней разрозненности, которая оказалась между бытомъ по старинѣ и вѣрованіемъ въ духѣ христіанства, требовавшемъ полнаго отреченія отъ старины. Оно выразилось «духовными пѣснями» или такъ называемыми «стихами». Онѣ поются по домамъ, большею частію стариками (отъ чего извѣстны также подъ именемъ «старческихъ пѣсенъ»), а иногда семейнымъ хоромъ, во время постовъ, когда народъ считаетъ грѣхомъ пѣть мірскія пѣсни; но особенно сохраняются онѣ въ устахъ нищихъ слѣпцовъ, ходящихъ изъ края въ край. Эти странствующіе пѣвцы въ древности назывались «каликами перехожими», а по инымъ рукописямъ—«паломниками», такъ какъ они совершали путешествіе къ св. мѣстамъ. Въ одномъ древне-русскомъ стихотвореніи: «Сорокъ каликъ со каликою», калики отправляются въ Іерусалимъ подъ начальствомъ особаго атамана:

А изъ пустыни было Ефимьевы,
Изъ монастыря изъ Боголюбова,
Начинали калики наряжатися
Ко святому граду Іерусалиму,
Сорокъ каликъ ихъ со каликою,
Становилися во единой кругъ;
Они думали думушку единую,
А едину думушку крѣпкую,
Выбирали большаго Атамана
Молода Касьяна сына Михайловича.
А и молодой Касьянъ сынъ Михайловичъ
Кладетъ онъ заповѣдь великую
На всѣхъ тѣхъ дородныхъ молодцовъ:
«А идтить намъ, братцы, дорога неближняя,
Идти будетъ ко граду Іерусалиму,
Святой святынѣ помолитися,
Господню гробу приложитися,
Во Ердань рѣкѣ искупатися,
Нетлѣнной ризой утеретися.

«Духовныя пѣсни» получили свое начало въ эпоху «двоевѣрія»: поэтому онѣ представляютъ совмѣщеніе христіанскаго элемента съ элементомъ языческимъ. Это—поэзія двоевѣрная или смѣшанная. Въ развитіи народнаго эпоса она составляетъ переходный моментъ отъ поэзіи миѳологической къ собственно-христіанской. Отъ смѣшенія разнородныхъ элементовъ происходитъ въ ней все то, что, по отношенію къ истинной вѣрѣ и истинному знанію, есть смѣшно и нелѣпо, но что объясняется характеромъ наивнаго пониманія и характеромъ наивнаго творчества. Съ этой точки зрѣнія, духовныя пѣсни чужды всякаго внутренняго противорѣчія: напротивъ, онѣ представляютъ цѣльное, органическое сочетаніе частей, свойственное каждому поэтическому памятнику. Слагались онѣ подъ вліяніемъ разныхъ предметовъ: истыхъ христіанскихъ началъ, до-христіанскихъ сказаній, письменной, преимущественно апокрифической, литературы и поэтическихъ примѣненій вымысла къ національной жизни. Различными степенями вліяній опредѣляются и различныя видоизмѣненія стиховъ:

а) въ однихъ, вымыселъ сохраняетъ значительное согласіе съ христіанскими идеями и церковными преданіями: таковы стихи о страшномъ судѣ, о вознесеніи Христовомъ, объ Алексѣѣ Божьемъ человѣкѣ, и др.;

б) въ другихъ, напротивъ, преобладаніе миѳическаго элемента затемняетъ чистоту православныхъ началъ или и вовсе искажаетъ ихъ, какъ напр. въ одномъ стихѣ о Егоріи Храбромъ;

в) третьи, возникшіе подъ вліяніемъ апокрифовъ и потомъ сами послужившіе источникомъ для народныхъ легендъ, доказываютъ обоюдную зависимость памятниковъ изустной и письменной словесности: такъ стихъ объ «Олексафіи» упоминаетъ о царствѣ Рахлинскомъ—вѣроятно «Рахманскомъ», являющемся въ апокрифическомъ сказаніи о Рахманахъ (Врахманахъ, Браминахъ);

г) наконецъ четвертые претворяютъ христіанское преданіе въ національную собственность: лице Егорія Храбраго получило, въ одномъ стихѣ, характеръ русскаго князя.

Случается, что указанныя видоизмѣненія можно прослѣдить въ различныхъ редакціяхъ одного и того же «стиха», напр. «стиха о Георгіи Храбромъ». Иногда, какъ мы видѣли, это лице выводится согласно съ сказаніями его житія или въ чертахъ русскаго князя; иногда же дается ему образъ какого-то особеннаго миѳическаго существа, одареннаго всемогущею силою творить и устроять міръ.

Большая часть «духовныхъ стиховъ» если не возникла, то получила окончательную форму въ XVII в. Такъ, по крайней мѣрѣ, должно заключать по вѣкамъ рукописей, въ которыя они внесены, хотя нѣтъ никакого сомнѣнія, что они гораздо прежде обращались въ народѣ. Есть свидѣтельства, доказывающія ихъ существованіе въ XIV вѣкѣ и ранѣе. Содержаніемъ ихъ преимущественно служатъ разсказы изъ житій святыхъ, представленія о началѣ и концѣ міра, нравственныя и аскетическія чувства и понятія. Говоря объ апокрифахъ (§ 131), мы упоминали о стихахъ: «Прощаніе души съ тѣломъ» и «Плачъ земли». Первый изъ нихъ вмѣняетъ умирающему въ большой грѣхъ, что онъ работалъ по середамъ и пятницамъ. На вопросъ тѣла: «почему ты, душа, себя угадываешь?» душа отвѣчаетъ:

Потому я, тѣло бѣло, себя угадываю:
Что какъ жили мы были на вольномъ свѣту,
Мы на вольномъ свѣту, на прошедшемъ вѣку,
Не имѣли мы ни середы, ни пятницы,
Ни великаго поста, понедѣльничку,
Ни трехденнаго воскресеньица;
Мы по середамъ, по пятницамъ платье золовали,
Платье золовали мы, льны прядовали,
Изъ чужихъ мы коровъ молоко выдаивали,
Мы изъ хлѣба спорынью вынимывали;
Не ходили ни къ обѣднѣ, ни къ завтрени;
Мы не слушали звона колокольнаго,
Мы не слушали пѣнья Божья, церковнаго.

Въ «Посланіи о раѣ, уцѣлѣвшемъ на землѣ» (§ 85), указанъ былъ также, какъ его источникъ, «Адамовъ плачъ». Этотъ стихъ состоитъ изъ двухъ половинъ: разговора между Адамомъ и Евой и примѣненія горькой судьбы первыхъ людей, послѣ изгнанія ихъ изъ рая, къ человѣческой жизни вообще. Адамъ сѣтуетъ о потерѣ блаженства; Ева утѣшаетъ его, возвѣщая о будущемъ рожденіи Искупителя:

Расплакался Адамъ,
Передъ раемъ стоя:
«Ты рай мой, рай!
Пресвѣтлый мой рай!
Меня ради, Адама,
Сотворенъ, строенъ;
Меня ради, Адама,
Рай заключили.
Ева согрѣшила,
Адама прельстила:
Весь родъ нашъ отгнала
Отъ раю святого;
Себе помрачила,
Во тьму погрузила!»
Адамъ вопіяше
Къ Богу со слезами:
«Боже мой, милостивый,
Помилуй насъ грѣшныхъ!
Увы мнѣ, грѣшному!
Увы беззаконному!
Уже я не слышу
Архангельска гласа,
Уже я не вижу
Райскія пищи!»

Во второй половинѣ, стихъ изливаетъ горестныя чувства человѣка, посланнаго на «трудную землю», за тѣмъ чтобы жить правдой и не творить злобы:

Послалъ насъ Господь Богъ
На трудную землю;
Велѣлъ намъ Господь Богъ
Правдою жити,
И зла не творити.
Оставимъ мы злобу,
Воспріемлемъ кротость!
Возлюбимъ мы нищихъ,
Убогую братью!
Накормимъ мы голодныхъ,
Напоимъ мы жадныхъ,
Обуемъ мы босыхъ,
Одѣнемъ мы нагихъ!
Одѣнемъ мы нагихъ
Своимъ одѣяньемъ!
Проводимъ мы мертвыхъ
Отъ двора до церкви,
Съ ярыми свѣчами,
Съ горькими слезами
Послѣдняго свиданья
И послѣдняго прощанья!

Все это, продолжаетъ стихъ, мы знаемъ и помнимъ, а добраго не дѣлаемъ:

Даетъ намъ Господь много—
Намъ кажется мало.
Ничѣмъ мы не насытимся,
Ничѣмъ не наполнимся.
Очи наши—ямы,
Руки наши—грабли;
Глаза завидущи,
А руки загребущи:
Что глазами завидѣли,
То руками заграбили.
А на вторымъ пришествіи
Ничто не поможетъ,
Ничто не пособитъ:
Ни злато, ни серебро,
Ни тьвѣтное (*цвѣтное*) платье,
Ни дружья и ни братья!
Только намъ пособитъ,
Только намъ поможетъ
Постъ и молитва,
Слезы и покаянье!
Слезы покаянья
Душамъ на спасенье!

«Адамовъ плачъ» составляетъ эпизодъ обширной средневѣковой поэмы о началѣ міра и судьбѣ первыхъ человѣкъ. Въ этой поэмѣ библейскія сказанія перемѣшаны съ народными вымыслами и апокрифами, которые Несторъ занесъ въ свою лѣтопись изъ византійскихъ источниковъ, именно изъ Палеи. Къ такимъ легендамъ принадлежатъ, напр., разсказы о томъ, что Адамъ нарекъ имена не только животнымъ, но и ангеламъ; что прародители наши не знали, какъ похоронить тѣло убитаго Авеля, лежавшее нетлѣннымъ тридцать лѣтъ, и какъ научила ихъ этому птичка, которая зарыла въ землю другую умершую птичку. Другой эпизодъ средневѣковой поэмы увидимъ ниже въ стихѣ о Голубиной книгѣ. Одна древне-нѣмецкая поэма объ Адамѣ и Евѣ даетъ Адамову плачу чрезвычайно-поэтическій оборотъ. Тоскуя объ утраченномъ раѣ, Адамъ сорокъ дней стоялъ погруженный въ воды Іордана и говорилъ, обращаясь къ окружавшей его природѣ:

«Молю васъ, воды Іордана, и васъ, рыбы въ водахъ его, и васъ, птицы поднебесныя, и васъ, лѣсные звѣри! Помогите мнѣ плакать и сокрушаться о моемъ великомъ горѣ, по грѣхамъ моимъ! Вы неповинны въ нихъ: я одинъ согрѣшилъ.— Такъ говорилъ Адамъ, и посмотрѣлъ вокругъ себя: звѣри и птицы, и всѣ твари земныя плакали съ нимъ вмѣстѣ, и стихли воды Іордана». Въ этомъ сочувствіи природы къ скорби перваго человѣка—такое же поэтическое представленіе «соболѣзнованія и совоздыханія всей твари», какъ и въ «Словѣ отъ видѣнія Апостола Павла». Еще поэтичнѣе овладѣла сюжетомъ фантазія арабовъ. По ихъ преданіямъ, Адамъ и Ева, послѣ грѣхопаденія, были разлучены. Адамъ плакалъ, и его слезы утоляли жажду звѣрямъ и, падая на землю, выходили изъ нея душистыми растеніями и деревьями. Слезы Евы превращались въ жемчужины и цвѣты. Рыданія Адама и Евы, приносимыя съ востока и запада противными вѣтрами, встрѣчались и свивались другъ съ другомъ. Наконецъ Евфратъ и Тигръ надулись волнами отъ слезъ Адама, и вся природа плакала вмѣстѣ съ нимъ.

См. Буслаева: разборъ повѣсти о Горѣ-Злочастіи (Рус. Вѣст. 1856 г., № 14); его же: Предисловіе къ рус. нар. пѣснямъ, собран. Якушкинымъ (Лѣт. рус. лит., 1859, кн. 2); Тихонравова: Вступит. лекція; Пыпина: критика рус. народ. легендъ, издан. Аѳанасьевымъ (Соврем. 1860, № 4). Духовные стихи собраны П. Кирѣевскимъ (Чтен. 1848, № 9), П. Якушкинымъ (Лѣт. рус. лит 1859, кн. 2, и Отеч. Зап. 1860, № 4) и Варенцовымъ (Сборникъ Русскихъ духовныхъ стиховъ, 1860). Пѣсня: Сорокъ каликъ со каликою въ Др. рос. стих. Кирши Данилова. Миніатюра, изображающая, какъ Адамъ и Ева стоятъ по сторонамъ древа познанія добра и зла, находится, между другими миніатюрами, въ такъ называемой «книгѣ Козьмы Индикоплова (Indicopleustes, т. е. плавающій въ Индіи), избранной отъ божественныхъ писаній» (Толст. I, 51). Книга эта помѣщена въ Синод. спискѣ Макарьевскихъ Четьихъ-Миней, съ означеніемъ времени ея списанія (1542 г.). Надъ миніатюрою надписано:

Раю мой, раю, пресвѣтлый мой раю,
Мене ради насажденъ еси,
Евы ради затворенъ еси

(Лѣт. рус. лит., 1859, кн. 2, смѣсь и библіографія, стр. 151). На этомъ основаніи стихъ объ Адамѣ отнесенъ къ XVI в. Но объ немъ намекаетъ еще моленіе Даніила Заточника: «да не восплачуся рыдая, яко Адамъ (въ) раю». Предположеніе, что Адамовъ плачъ вмѣстѣ съ стихами «о Голубиной книгѣ» и «о Страшномъ судѣ» суть эпизоды цѣлаго цикла средневѣковыхъ религіозно-нравственныхъ произведеній о началѣ и концѣ міра и о тяжкой судьбѣ человѣка на землѣ, высказано г. Буслаевымъ въ статьѣ о Горѣ-Злочастіи. Здѣсь же сличенъ Адамовъ плачъ съ представленіями этого предмета въ поэзіи нѣмецкой и арабской. Одна рукопись, сохранившая означенную поэму въ наибольшой чистотѣ, содержитъ въ себѣ, между прочимъ, «сновидѣніе Адама»—ложную книгу или статью, встрѣчаемую подъ именемъ «Адамова завѣта» съ другими ложными книгами: «Сиѳова молитва», «Исаино видѣніе». Въ лубочной лицевой книгѣ Бытія съ подписями (XVIII в.) изображено погребеніе Авеля: внизу подпись, согласная съ повѣствованіемъ о погребеніи Авеля, внесеннымъ въ Несторову лѣтопись (Лѣт. рус. лит., 1859, кн. 1, стр. 151). Апокрифическія сказанія объ Адамѣ въ Рум. Муз.: «отъ коликихъ частей Адамъ созданъ»; «о созданіи Адама, изгнаніи его изъ рая и погребеніи»; «сказаніе, како сотвори Богъ Адама»; о пребываніи въ раю, о грѣхопаденіи, о главѣ Адамовой, о имени Адамовомъ (Опис. стр. 510, 546, 566, 725). Послѣдній апокрифъ разсказываетъ, что для имени «Адамъ» Богъ повелѣлъ своимъ ангеламъ взять А на востокѣ, Д на западѣ, М на югѣ и Ъ на сѣверѣ. Тоже образованіе слова «Адамъ» находится въ Азбукѣ толковой большой, гдѣ толкованіе каждой буквы начинается словомъ, въ которомъ на первомъ мѣстѣ стоитъ эта буква (Опис. рук. Син. библ., кн. 2, стр. 66). Для объясненія сказаннаго апокрифа нужно замѣтить, что имя Адамъ сложено изъ буквъ, которыми начинаются греческія названія четырехъ странъ свѣта. Переводчикъ бесѣдъ на Шестодневъ Северіана, епископа Гавальскаго, въ синодальномъ сборникѣ конца XV вѣка,

не заботясь о словахъ греческихъ, передалъ ихъ славянскими, и буквы греческія—буквами славянскими (ib., кн. 3, стр. 631).

§ 141. Изъ повѣствовательныхъ сочиненій по спискамъ XVI в. извѣстны: «Сказаніе о Вавилонскомъ царствѣ», «Слово о Динарѣ царицѣ» и «Повѣсть нѣкоего боголюбиваго мужа».

«Сказаніе о Вавилонскомъ царствѣ» занесено къ намъ изъ Византіи. Въ немъ дѣйствуетъ греческій царь Левъ (въ крещеніи Василій), который отправилъ въ Вавилонъ трехъ пословъ: Грека, Обежанина (жителя Абхазіи) и Русина, или Славянина, «взять знаменіе у святыхъ отроковъ: Ананіи, Азаріи и Мисаила». Путь къ городу затруднялся разными препятствіями, а самый городъ обложенъ былъ свившимся въ кольцо чудовищнымъ змѣемъ: его чешуя воздымалась, подобно морскимъ волнамъ; отъ свиста его люди падали на землю, а иные даже умирали. Однакожъ послы, заступничествомъ отроковъ, благополучно избѣгли опасностей и воротились къ царю съ разными драгоцѣнностями: царской багряницей, кубкомъ, дорогими каменьями, золотомъ. Другая редакція «Сказанія» повѣствуетъ, что въ Вавилонѣ царствовалъ Навуходоносоръ, который покрылъ весь городъ желѣзомъ, ярко вызолотилъ кровлю, построилъ стеклянную палату, а въ палатѣ стеклянный престолъ. За тѣмъ велѣлъ онъ сдѣлать большаго змѣя и обложить имъ городъ, также на всѣхъ сосудахъ, перстняхъ и чашахъ сдѣлать змѣй. Всѣ эти змѣи ожили и учинили великое поядѣніе, такъ что Вавилонъ запустѣлъ, преданный во власть гадамъ на многія лѣта. Тогда воздвигся на него греческій царь Василій. Содержаніе сказки, основанное на апокрифическомъ вымыслѣ, въ послѣдствіи связывалось съ русскими преданіями. Въ нѣкоторыхъ стихахъ, между драгоцѣнностями, добытыми въ Вавилонѣ, упоминается Намахова (т. е. Мономахова) шапочка. Эта редакція, вѣроятно, подала поводъ къ составленію другаго сказанія: «о великихъ князьяхъ владимірскихъ», содержащаго въ себѣ исторію о томъ, какимъ образомъ императоръ Константинъ Мономахъ прислалъ русскому князю Владиміру вѣнецъ царскій и кромѣ того «крабицу (ларецъ) сердоличну, изъ нея же Августъ царь римскій веселяшеся, и ожерелье, иже на плещу свою ношаше, и чѣпь отъ злата аравійска искованy, и ины многи дары царскія».

Событіе грузинской исторіи XII—XIII в. послужило предметомъ русскаго сказанія о Динарѣ царицѣ, дочери иверскаго царя Александра Мелеха. Оставившись по смерти отца пятнадцати лѣтъ, она мудро управляла народомъ, съ гордостью отвергла требованіе персидскаго царя о покорности его власти, одушевила робкихъ вельможъ своимъ мужествомъ, разбила Персовъ въ сраженіи и завладѣла многими ихъ городами. Эта сказочная Динара, завоевавшая Тавризъ и Шамаху, есть грузинская царица Тамара, дочь Георгія III. Свѣдѣнія о ней могли быть сообщены русскимъ или самими грузинами, пріѣзжавшими въ Россію, послѣ посольства къ Іоанну III, или греческими монахами, которые долго служили посредниками между обоими народами.

«Повѣсть нѣкоего боголюбиваго мужа» представляетъ примѣръ поучительныхъ вымысловъ. Цѣль ея—нравоученіе, какъ видно изъ словъ самого заглавія: «прочитавъ это, убойтеся, люди, чаръ и волхвованій, творящихъ скверная Богу, грубыя, мерзкія и проклятыя дѣла». Авторъ имѣлъ въ виду Іоанна Грознаго, который боялся чародѣйства и держалъ у себя въ приближеньѣ и любви медика Бомелія, родомъ голландца, довѣрясь его могущему искуству отстранять всякую чародѣйную

напасть. Можно думать, что этотъ Бомелій и выведенъ въ повѣсти навѣтникомъ и обманщикомъ; но вѣроятнѣе предположеніе, что лице навѣтника служитъ представителемъ злыхъ совѣтниковъ, ласкателей-тунеядцевъ, какъ называлъ ихъ Курбскій, отклонявшихъ царя отъ милосердія и правды. Авторъ повѣсти видимо принадлежитъ къ иной, «боголюбивой» партіи, которая, по смыслу его разсказа, взяла или должна будетъ взять верхъ. Былъ (разсказываетъ онъ) нѣкоторый царь правовѣрный, боголюбивый и милостивый, ходившій по заповѣдямъ, возлагавшій упованіе на милость Божію, любившій судъ и правду. Царство его изобиловало всѣми благами. Онъ сіялъ во всей вселенной, какъ солнце; устрашалъ окрестныхъ и сопротивныхъ; воины, словно огнь попаляющій, побѣждали его именемъ. Но, по дѣйствію діавола, прилучился у этого благочестиваго царя злой чародѣй и губительный мужъ. Любимый царемъ, онъ началъ ложно доносить ему и однажды сказалъ: царь, ты не знаешь, сколько лѣтъ продлится твое царствованіе; не знаешь, кто погубитъ тебя быліемъ отравнымъ. Я, разумѣющій философію, и другіе мудрые философы страны твоей вѣдаемъ это; мы одни можемъ избавить тебя отъ былія травнаго и отъ злыхъ чародѣевъ и сотворить тебя безстрашнымъ. По повелѣнію царя, собралъ онъ сорокъ чародѣевъ, по дьявольскому внушенію написалъ книги, отъ которыхъ немногое и сбылось. Царь впалъ въ ихъ сѣти и довѣрился имъ. Они же начали клеветать на невинныхъ, воздвигать царя на подданныхъ, а подданныхъ на царя, который оскорбилъ ихъ разными печалями и самъ предавался печали и страху. Богъ наказалъ его за беззаконіе: окрестные города возмутились противъ него, плѣнили его землю, поразили людей и дошли даже до царствующаго града. Воины его, посланные противъ враговъ, перешли на ихъ сторону. Тогда царь принесъ искреннее покаяніе, и Господь помиловалъ его: враги бѣжали при его появленіи, измѣнники-воины снова приложились къ нему. Онъ побѣдителемъ вступилъ въ городъ, гдѣ былъ встрѣченъ епископами и народомъ. Злые губители явились къ нему, увѣряя, что одолѣніе враговъ произошло отъ ихъ чародѣйства; но онъ повѣдалъ всѣ ихъ прельщенія и приговорилъ ихъ къ смерти. Царь съ епископомъ велѣлъ написать книги, утвердилъ ихъ постановленія, проклялъ чародѣяніе и заповѣдалъ всѣхъ занимавшихся имъ сожигать. За тѣмъ онъ царствовалъ въ безмятежномъ покоѣ. Такъ какъ повѣсть списана при митр. Макаріи, то «повелѣніе написать книги» можетъ соотвѣтствовать постановленію Стоглаваго собора, разсуждавшаго также о средствахъ къ истребленію суевѣрій; или, быть можетъ, она предшествовала собору, какъ голосъ просвѣщеннаго желанія и ожиданія. Повѣсть находится въ нѣкоторомъ отношеніи къ «исторіи великаго князя Московскаго». Курбскій объясняетъ перемѣну Грознаго вліяніемъ злыхъ совѣтниковъ: тоже самое дѣлаетъ и авторъ повѣсти, которая, сверхъ того, возвращаетъ царя на правый путь и тѣмъ примиряетъ съ нимъ боголюбивыхъ читателей. Оба сочиненія ярко выставляютъ блескъ прежняго правленія, чтобы тѣмъ сильнѣе казалось наступившее потемнѣніе.

См. Ист. старин. повѣстей, Пыпина. «Сказаніе о Вавилонскомъ царствѣ» нап. имъ въ III т. Изв. Ак. Н. по 2 отд.; другая ея редакція въ 2 кн. Лѣт. рус. лит. 1859. «Слово о Динарѣ Царицѣ» издано г. Броссе въ 1 ч. Учен. Зап. Ак. Н. по 1 и 3 отд. «Повѣсть боголюбива мужа» въ 1 № Москвит. 1844.

XVII ВѢКЪ.

§ 142. Успѣхи образованія въ югозападной Руси, въ XVII в., произвели успѣшное развитіе литературной дѣятельности. Кіевская академія готовила ученыхъ подвижниковъ за православіе; изъ типографій, заведенныхъ братствами и частными лицами, выходили многія книги, преимущественно духовнаго содержанія. Эта духовная словесность представила въ разныхъ своихъ видахъ: полемическомъ, проповѣдномъ, догматическомъ и наставительномъ, новые элементы, которыми одолжена была вліянію запада, переходившему къ намъ изъ Польши. Важность ея опредѣляется именно тѣмъ содержаніемъ, которое она усвоила себѣ, знакомясь съ западно-европейскою наукою. Какъ и прежде, отцы восточной церкви служатъ ей главнымъ руководствомъ, но вмѣстѣ съ этимъ она пользуется и учителями церкви западной. Не одни духовныя творенія доставляютъ ей матеріалъ и орудіе для богословскаго изслѣдованія: она охотно прибѣгаетъ къ источникамъ свѣтскимъ, почерпая изъ нихъ доказательства, примѣры, сравненія и прочія пособія для ученой обстановки предмета. Догматикѣ, какъ первенствующей доктринѣ, помогаютъ и другія знанія: философія, исторія, астрономія, наука о природѣ, или физіологія. Діалектическими пріемами она заявляетъ самодѣятельность разума, хотя вполнѣ подчиненнаго религіи, но желающаго и съ своей стороны, собственными силами, подкрѣплять истину непреложнаго вѣрованія, участвовать въ пониманіи божественныхъ вещей. Если Максимъ Грекъ осуждалъ обычай западныхъ ученыхъ обращаться за доказательствами каждаго положенія къ неизбѣжнымъ Аристотелевскимъ силлогизмамъ; если русскій инокъ Аѳонской горы, Іоаннъ Вишенскій, въ посланіи къ кн. Острожскому, сыпалъ горячіе укоры тѣмъ учителямъ, которые прибѣгаютъ къ Аристотелю, Платону и другимъ «мошкарникамъ» и «комедіяникамъ»: то югозападные ученые и учители, напротивъ, искали пособій не только въ Аристотелѣ, но и въ его послѣдователяхъ. Для достиженія своихъ цѣлей, они запасались двоякимъ орудіемъ: и богодухновеннымъ богословіемъ святителей восточной церкви, и мудростью Аристотелевскою (§ 125). Въ изложеніи своихъ мыслей, они давали значительное участіе не одному разуму, но и другимъ душевнымъ способностямъ: воображенію и чувству, отъ чего сочиненія ихъ пріобрѣтали извѣстную изобразительность или одушевленіе, иногда искреннее, а иногда и риторическое, вводимое по расчетамъ словеснаго искуства. Самая рѣчь ихъ, въ подражаніе западнымъ образцамъ, приняла особыя отличія: въ ней не льзя не видѣть движенія и жизни, при всей ея неровности, происходящей отъ смѣшенія разнородныхъ тоновъ—возвышеннаго и обыкновеннаго, благороднаго и тривіальнаго, и отъ быстрыхъ, часто неожиданныхъ переходовъ изъ одного строя въ другой, прямо противоположный. Всѣ эти качества, внутреннія и внѣшнія, сообщили духовной словесности на югозападѣ Руси новый характеръ: въ ней меньше пуризма и болѣе разнообразія, меньше исключительности и болѣе простора. Если она не отличается глубиною мысли, то по крайней мѣрѣ выигрываетъ въ широтѣ содержанія.

§ 143. Вышеизложенныя историческія обстоятельства (§ 119 и 120) достаточно показывали, что изъ разныхъ отраслей духовной словесности разовьется прежде всего историко-богословская полемика, отвѣчая настоятельной потребно-

сти православныхъ защищать свое дѣло и ученіе. Начало ея предшествуетъ Уніи, которая, прежде своего совершенія, существовала какъ вопросъ, подлежавшій противоположнымъ сужденіямъ. Брестскій соборъ (1596) далъ ей сильное движеніе. Въ первое время она держалась преимущественно на исторической почвѣ, разъясняя происхожденіе факта. Споры же о догматахъ, отличающихъ православіе отъ латинства, къ которому присоединились униаты, занимаютъ второстепенное мѣсто: главною ихъ цѣлію было доказать чистоту ученія восточной церкви и полное съ нею согласіе церкви западно-русской. Когда же фактъ окончательно совершился и время укрѣпило его своею давностію, тогда отношеніе между двумя сторонами полемики измѣнилось: отъ исторіи она перешла къ догматикѣ. Вопросъ о происхожденіи Уніи, бывшій важнѣйшимъ предметомъ споровъ, получилъ второстепенный интересъ; главное вниманіе обратилось на состязаніе о догматахъ и преданіяхъ латинства. Не смотря, однакожъ, на преобладаніе того или другаго элемента въ полемической литературѣ, оба ея періода внутренно между собою связаны: если въ первомъ періодѣ историческое разъясненіе, служа точкой отправленія и имѣя цѣлію доказать незаконность факта, подкрѣпляется догматикой, то во второмъ догматическія толкованія, какъ исходный пунктъ, приводятъ въ заключительномъ выводѣ къ той же самой цѣли—къ осужденію факта.

Изъ сказаннаго понятно значеніе полемическаго отдѣла духовной литературы: объясняя историческое явленіе, онъ даетъ матеріалы историку русской церкви; толкуя ученіе православнаго христіанства, содѣйствуетъ разработкѣ догматики; защищая начала вселенской церкви и указывая противорѣчія имъ въ латинствѣ, служитъ орудіемъ для развитія полемическаго богословія. Но здѣсь нѣтъ еще мѣста интересу историко-литературному, который выступаетъ въ полемикѣ, имѣвшей дѣло съ другими вѣроученіями: язычествомъ, іудействомъ, лютеранствомъ, магометанствомъ. Самую видную дѣятельность въ борьбѣ съ ними выказалъ Іоанникій Галятовскій, ректоръ кіевской академіи († 1688), написавшій противъ Іудеевъ: «Мессія Правдивый (1669)», противъ мусульманъ: «Лебедь (1679)» и «Алкоранъ Магометовъ (1683)», противъ язычниковъ: «Боги поганскіе (1686)». Сочиненія его представляютъ не одинъ богословскій интересъ: они даютъ ясное понятіе о характерѣ южнорусской учености, и содержаніе ихъ обставлено такимъ обиліемъ разнообразныхъ подробностей, которыя любопытны въ историко-литературномъ отношеніи. Особенно замѣчательна его книга: «Мессія Правдивый». Она передаетъ многія сказанія изъ Талмуда, народныя повѣрья и преданія жидовъ, нашедшія себѣ мѣсто въ произведеніяхъ средневѣковой поэзіи. Галятовскій сочинилъ ее по поводу появленія лжемессіи Сабеѳа-Себе, смирнскаго уроженца, который обѣщалъ разсѣянныхъ Іудеевъ собрать въ одинъ сильный народъ, возвративъ имъ прежнюю ихъ отчизну—Палестину. Лжемессія нашелъ себѣ помощника въ лжепророкѣ Наѳанѣ, который помазалъ его въ Іерусалимѣ на царство іудейское. Обманъ въ началѣ удался, но исходъ его былъ печальный: схваченный и заключенный въ тюрьму, Сабеѳъ, чтобъ избѣжать казни, принялъ исламизмъ. Вѣсть объ успѣхахъ предпріятія взволновала радостію еврейское населеніе Литвы, но смутила христіанъ: тогда-то Галятовскій, въ формѣ полемической бесѣды между христіаниномъ и жидовиномъ, изложилъ ученіе о единомъ истинномъ Мессіи, который есть Іисусъ Христосъ. Изложеніе свое назначилъ онъ православнымъ въ руководство,

что̀ и какъ они должны, при спорахъ съ жидами, отвѣчать на ихъ «фабулы, софизмы и стратагемы». Къ дѣлу своему приступилъ онъ съ большою подготовкой: разъѣзжая по разнымъ мѣстамъ русскаго и литовскаго княжествъ, собиралъ матеріалы и держалъ съ учеными раввинами теологическія диспутаціи. Длинный списокъ богослововъ, восточныхъ и западныхъ, писавшихъ противъ іудейства и сочиненіями которыхъ онъ пользовался, показываетъ его обширную начитанность. Трудъ свой онъ принесъ въ даръ Мессіи Правдивому. Посвященія, согласно съ тогдашнимъ обычаемъ, заимствованнымъ тоже у запада, были важною и любопытною статьею въ общемъ составѣ книги. Авторъ полагалъ на нихъ много труда и искуства: они отчетливо давали знать, въ стихахъ или прозѣ, о поводѣ къ сочиненію, о его содержаніи и цѣли, входили не рѣдко въ подробности касательно самого сочинителя, толковали титулъ книги, затѣйливо сближая различные предметы или щеголяя игрою словъ. Такъ поступилъ и Галятовскій: толкованіе имени, одинъ изъ самыхъ употребительныхъ источниковъ изобрѣтенія въ схоластической реторикѣ, дало ему возможность сблизить имя Ѳеофила, къ которому Евангелистъ Лука написалъ Евангеліе (Еванг. отъ Луки, I, 3; Дѣян. Апостольскія, I, 1), съ именемъ Мессіи Правдиваго: «если (говоритъ онъ) Евангелистъ Лука оферовалъ свою книгу Ѳеофилу, то мнѣ гораздо приличнѣе оферовать мою книгу Тебѣ, котораго могу именовать Ѳеофилъ, т. е. Богу возлюбленный, по гласу небесному, раздавшемуся надъ Тобой въ крещеніи и преображеніи: сей есть сынъ Мой возлюбленный, о Немъ же благоволихъ» (Матѳ. III, 17).

Значительная часть книги занята критикой Талмуда. Христіанинъ выставляетъ его басни, при чемъ касается также другихъ повѣрій іудейства и средневѣковыхъ поэтическихъ представленій. Много данныхъ для этого находится въ статьяхъ: о лжемессіяхъ и лжепророкахъ. Первая статья осмѣиваетъ вымыселъ о посольствѣ жидовъ въ рай, которые будто просили Мессію, чрезъ посредство Иліи пророка, придти въ міръ и освободить ихъ отъ тяжелой жизни среди недружелюбныхъ имъ народовъ, и которымъ будто вручены были писанные артикулы, содержащіе въ себѣ условія или знаменія пришествія Мессіи. Здѣсь же приведены разсказы: объ очкахъ изъ глазъ звѣря Островида, одареннаго такимъ зрѣніемъ, что онъ можетъ видѣть человѣка сквозь толстыя деревья; о райскихъ палатахъ, въ которыхъ живутъ іудейскіе цари и пророки; о бочкѣ стараго вина, сохранившагося отъ всемірнаго потопа; о трубѣ изъ рога Авраамова агнца, принесеннаго въ жертву вмѣсто Исаака, и проч. Далѣе слѣдуетъ народное литовское преданіе о заточеніи солнца въ башню: одинъ царь, въ гнѣвѣ своемъ на солнце, велѣлъ заключить его въ башню, нарочно для того выстроенную. Солнце не свѣтило въ теченіе пятнадцати дней. Двѣнадцать планетъ, лишенныя его свѣта, заказали огромный молотъ, пробили имъ отверстіе въ башнѣ и освободили солнце. Потомъ на этой башнѣ свила себѣ гнѣздо цапля, закрывавшая своими крыльями море. Статья о лжепророкахъ содержитъ въ себѣ, между прочимъ, повѣсть жида о чудесахъ, совершенныхъ Сабеѳомъ: главное изъ нихъ—воскресеніе матери Сабеѳа. Галятовскій не отвергаетъ этихъ чудесъ, но приписываетъ ихъ темной силѣ. Онъ говоритъ: «чаровники обманываютъ людскія очи и летаютъ по вѣтру; читай исторію о Годфридѣ Бульонскомъ»,—и за тѣмъ передаетъ разсказъ о волшебникѣ Исменѣ изъ Тассова Освобожденнаго Іерусалима, по стихотвор-

ному польскому переводу Яна Кохановскаго (1618 г.). «Читай и другія книги: онѣ скажутъ тебѣ, какъ злые духи чинились умершими людьми и вставали изъ мертвыхъ». Также объясняется и Сабеоово чудодѣйствіе: «злой духъ, сформировавъ себѣ тѣло изъ вѣтра или облака, принялъ образъ умершей матери вашего ложнаго царя, который потому и могъ вокресить ее».

Къ первому періоду полемики съ католиками и уніатами, не столько богословской, сколько исторической, относятся: «Эктезисъ, неизвѣстнаго (1597)» — краткое описаніе того, что дѣлалось на помѣстномъ брестъ-литовскомъ соборѣ; «Апокризисъ албо (или) отповѣдь на книжки (т. е. главы, написанныя іезуитомъ Скаргою) о брестскомъ соборѣ, Христофора Филалета (псевдонимъ Христофора Бронскаго), того же 1597 г.»; «Престрога (предостереженіе)», неизвѣстнаго львовскаго священника. Даровитѣйшимъ дѣятелемъ, въ средѣ югозападнаго духовенства, сначала за православіе противъ католиковъ, а потомъ за католиковъ противъ православія, выступаетъ Мелетій Смотрицкій, архіепископъ полоцкій (+ 1633), извѣстный въ литературѣ болѣе своею славянскою грамматикою. Ему принадлежатъ: «Ѳриносъ (плачъ) восточной церкви (1610)»—изображеніе несчастнаго ея положенія въ Литвѣ; «Верификація (оправданіе) невинности (1621)»—отверженіе клеветъ, взводимыхъ на православный русскій народъ, будто онъ хотѣлъ измѣнить Польшѣ и предаться Туркамъ. Захарій Копыстенскій, епископъ владимірскій и брестскій, написалъ «Полинодію (1622)», въ которой разсмотрѣлъ всѣ вопросы касательно происхожденія Уніи. Волненіе, произведенное книгами Смотрицкаго: «Апологія путешествія на востокъ (1628)» и «Протестація (1628)», въ которыхъ онъ высказалъ мысли, противныя прежнимъ его убѣжденіямъ, дало новую пищу полемикѣ. Въ отпоръ ему слуцкій протопопъ Андрей Мужиловскій написалъ «Антидотъ (противоядіе), 1629 г.», отъ котораго Смотрицкій защищался двумя сочиненіями: «Экзетезисъ» (расправа) и «Паренезисъ» (увѣщаніе), вышедшими въ томъ же 1629 году. Апологію Смотрицкаго опровергалъ Евстафій Кисель, подъ именемъ Геласія Диплицкаго, своею «Апологіею» (1632), что̀ значитъ не защита, а «погибель», по производству этого слова отъ греческаго глагола «погибаю». Во второмъ періодѣ полемики, уже не столько исторической, сколько богословской, особенную извѣстность пріобрѣли труды Іоанникія Галятовскаго и Лазаря Барановича, архіепископа черниговскаго. Они дѣйствовали во второй половинѣ XVII в., когда уніаты и католики обвиняли православную церковь въ противорѣчіяхъ истинному христіанству, называя ее новою, схизматическою. По поводу этихъ обвиненій, Галятовскій написалъ два сочиненія: «Бесѣда Бѣлоцерковская (1676)»—изложеніе спора съ іезуитомъ Пекарскимъ, происходившаго въ мѣстечкѣ Бѣлая Церковь, и «Старая восточная церковь новой западной церкви показываетъ исхожденіе св. Духа (1678)»—опроверженіе католическаго ученія о восьмомъ членѣ символа вѣры. Барановичъ на книгу католика Боймы о томъ же догматѣ отвѣчалъ своею книгою: «Новая мѣра старой вѣры (1676)».—Сочиненіе Галятовскаго: «Лебедь съ періемъ своимъ», и пр. см. въ рук. Толст. (II, 26). «Алкоранъ Махметовъ, ученіемъ еретическимъ, жидовскимъ и языческимъ исполненный, отъ Когелеѳа Христова разрушенный», напеч. на пол. яз.; рус. переводъ — переводчика посольскаго приказа Гадзеловскаго (Ib. I, 236). Когелеѳъ, говоритъ авторъ, еврейскимъ языкомъ толкуется экклезіастъ—церковникъ, или соборникъ, или совокупитель (означаетъ также проповѣдника). Цѣль книги — дать христіанамъ руководство въ ихъ религіозныхъ спорахъ съ мусульманами. Форма изложенія разговорная между Алкораномъ и Когелеѳомъ. Любопытно заключеніе книги: «Трудъ и славу чуждую зубами словесъ досадительныхъ угрызающему отвѣщаваетъ Соломонъ во притчахъ, глаголя: кольцо златое въ ноздряхъ свиныхъ—жена благоличная, разума не имущая. Такою свиньею есть зоилъ: имѣетъ въ ноздряхъ своихъ златое кольцо — мудрое ученіе, отъ мудраго человѣка преданное. Но онъ златое свое кольцо бреніемъ сквернитъ, егда чуждое ученіе злословитъ и хулитъ». Въ полномъ заглавіи книги «Души людей умерлыхъ» сказано, что «души, выходящія изъ тѣла, отходятъ въ три мѣста: однѣ на небо, другія въ адъ, третьи на мытарства». (Опис. книгъ Толст. I, 173). Сообразно сему, книга дѣлится на три части. Въ началѣ 1-ой части, Галятовскій исчисляетъ одиннадцать небесъ, по ученію астрономовъ (сличи съ слѣдующимъ §-мъ). Полемика Галятовскаго, выказывая его ученость, вмѣстѣ съ тѣмъ представляетъ многія наивныя черты: такъ, напр., въ Мессіи Правдивомъ, христіанинъ часто обращается къ своему отивнику съ словами: «вложи, слѣпый жидовине, окуляры на носъ». Почти всѣ исчисленныя сочиненія писаны на яз. лат. или польс.

§ 144. Съ развитіемъ богословской полемики въ югозападной Руси соединено было и развитіе проповѣднаго слова. Появленіе обоихъ видовъ духовной словесности почти одновременно, потому что у нихъ общій источникъ—необходимость укрѣплять преданность православію и противодѣйствовать католикамъ. По словамъ Галятовскаго, поученія слагались столько же во славу Божію и на спасеніе души, сколько на устроеніе вѣрныхъ и отпоръ еретикамъ. Лазарь Барановичъ назвалъ одинъ сборникъ проповѣдей своихъ «Мечемъ духовнымъ», «еже есть глаголъ Божій на помощь церкви воюющей, изъ устъ Христовыхъ поданный». Раскрывая смыслъ этого названія, онъ говоритъ въ предисловіи: «Мечемъ устъ своихъ Христосъ убиваетъ начальника ерессемъ (діавола), имущаго въ устѣхъ мечъ зміинъ». О проповѣди, какъ орудіи для защиты или нападенія, заботились въ самыхъ школахъ: наставникамъ кіевской академіи вмѣнено было въ обязанность заниматься, по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ, катехизическими бесѣдами и произнесеніемъ проповѣдей, для слушанія которыхъ собирались не одни воспитанники, но и посторонніе; риторика, послѣ богословія и философіи, пользовалась наибольшимъ почетомъ; правила сочинять духовныя поученія (гомеліи или омиліи) образовали цѣлую науку—гомилетику. Возникла особая должность «проповѣдниковъ», которую отправляли при соборахъ, монастыряхъ и братствахъ духовныя лица, кончившія академическій курсъ. Они гордились этимъ названіемъ, какъ почетнымъ титуломъ, и выставляли его на изданіяхъ своихъ сочиненій. Многіе изъ нихъ пріобрѣли себѣ большую извѣстность: города и монастыри приглашали ихъ къ себѣ для проповѣдыванія. Всѣ почти лица, занимавшія высокія іерархическія мѣста, какъ, напримѣръ, Стефанъ Яворскій и св. Димитрій Ростовскій, начинали съ этого свое поприще.

Практика духовнаго краснорѣчія шла рука объ руку съ его теоріей. Содержаніе и форма проповѣдей проникнуты были характеромъ богословскихъ и риторическихъ уроковъ, преподанныхъ въ школѣ. Вліяніе образцовъ, которымъ могло подчиняться югозападное духовенство, не расходилось съ дѣйствіемъ школьныхъ правилъ, такъ какъ это вліяніе передавалъ намъ латинскій западъ, гдѣ схоластическая проповѣдь возникла еще въ XIII вѣкѣ. Посредство Польши играло здѣсь, какъ и во многихъ другихъ литературныхъ явленіяхъ, важную роль. На него указываетъ Ѳеофанъ Прокоповичъ, порицавшій направленіе югозападнаго проповѣднаго слова въ католическую сторону. Составленный имъ Духовный Регламентъ (1720 г.), излагая въ особой статьѣ правила проповѣдникамъ Слова Божія, совѣтуетъ, между прочимъ, изучать творенія Златоуста, какъ наилучшее руководство къ сложенію чистѣйшихъ и яснѣйшихъ поученій, и за тѣмъ прибавляетъ: «а казнодѣшковъ (*) легкомысленныхъ, каковые наипаче польскіе бываютъ, не читать.

Отличительныя черты югозападныхъ проповѣдей опредѣлились характеромъ научнаго образованія, преимущественно богословскаго, которое сообщало имъ свое содержаніе, и риторическаго, которое предлагало правила давать содержанію форму. Понятіе о проповѣдномъ стилѣ ясно дается книгою Галятовскаго: «Ключъ разумѣнія» (1659), содержащей въ себѣ казанья на праздники Господскіе и Богородичные и вмѣстѣ «Науку, албо способъ сложенія казаній». Книга названа «Ключемъ» потому, что ею отворяются двери священникамъ къ поученію паствы,

(*) Казнодѣй—дѣлающій казанья (поученія, проповѣди).

а посредствомъ поученій—двери небесныя всѣмъ христіанамъ. Въ ней обстоятельно изложены правила касательно выбора темы, дѣленія слова на части, прінсканія матеріаловъ. Латинскіе термины показываютъ, что этотъ своего рода учебникъ составленъ по схоластическимъ руководствамъ, принявшимъ въ основаніе Аристотеля, Цицерона, Квинтиліана.

Проповѣдникъ, учитъ Галятовскій, прежде всего долженъ взять изъ Св. Писанія тему, какъ фундаментъ сочиненію. Въ проповѣди три части: эксордіумъ (початокъ), наррація (повѣсть) и конклюзія (конецъ). Эксордіумъ составленъ изъ приступа и пропозиціи (предложенія), т. е. указанія предмета, о которомъ будетъ говориться; здѣсь же проповѣдникъ проситъ Бога или пречистую Дѣву о помощи, а слушателей о вниманіи. Наррація повѣдаетъ то, что проповѣдникъ обѣщалъ повѣдать: эта часть наибо̀льшая, ибо въ ней собственно и заключается проповѣдь; всѣ другія части важны только по своему къ ней отношенію. Конклюзія кратко повторяетъ изложенное въ нарраціи и увѣщеваетъ слушателей сохранить рѣчь въ памяти. Всѣ части должны вытекать изъ темы и сливаться съ нею, подобно рѣкѣ, сливающейся съ источникомъ, изъ котораго она беретъ свое начало. Толкованіе имени даетъ обильный матеріалъ при развитіи темы. Пользуясь однимъ этимъ способомъ, говоритъ Галятовскій, можно написать цѣлую проповѣдь. Правило объясняется примѣрами. Въ день недѣльный (воскресенье) прилично повѣдать, что Творецъ міра называется Богомъ или отъ богатства милосердія, по слову апостола Павла: «Богъ богатъ сый въ милости», или отъ богатства мудрости, по слову того же апостола: «о глубина богатства премудрости и разума Божія!» Слово «недѣля» происходитъ отъ «недѣланія», ибо воскресные дни надлежитъ посвящать Богу, а не работѣ. Тотъ же способъ пригоденъ въ проповѣдяхъ на праздникъ какого-либо святаго; напримѣръ: Христофоръ значитъ «Христоносецъ», такъ какъ онъ постоянно носилъ Христа въ своемъ сердцѣ; Василій—«царь», такъ какъ онъ въ земной жизни царствовалъ надъ своими страстями, а теперь царствуетъ въ небесахъ; Николай—«побѣдитель», такъ какъ онъ одержалъ побѣду надъ тремя врагами души: міромъ, тѣломъ и дьяволомъ, и послѣ такой побѣды торжествуетъ въ царствѣ вѣчности. На вопросъ: откуда заимствовать матеріалы для сложенія проповѣди? Галятовскій отвѣчаетъ: читай Библію, житія святыхъ, творенія отцевъ церкви, исторію и хроники, книги о звѣряхъ, птицахъ, гадахъ, рыбахъ, древахъ, травахъ, каменьяхъ, водахъ. Вычитанное прилагай къ своей рѣчи. Искуству приложенія научатъ проповѣдники нынѣшняго вѣка, которыхъ слѣдуетъ изучать.

Особый «Способъ сложенія надгробныхъ словъ», того же автора, входитъ въ подробныя наставленія о томъ, что̀ должно помѣщать въ приступѣ, повѣствованіи и заключеніи. Онъ заботливо исчисляетъ источники, изъ которыхъ почерпаются похвалы умершему. Между ними снова является толкованіе имени. Если, напримѣръ, умершаго звали Стефаномъ, что значитъ «корона», то пусть проповѣдь представитъ корону, которую онъ учинилъ себѣ изъ цвѣтовъ или драгоцѣнныхъ камней, разумѣя подъ тѣмъ его качества и дѣла. Галятовскій не обходитъ ни одного обстоятельства, дающаго возможность наполнить надгробное слово похвалами: возрастъ, время кончины, мѣсто погребенія, гербъ и другіе подобные предметы служатъ ему обильными источниками изобрѣтенія. Онъ дѣлитъ людей по званіямъ, общественному положенію, возрасту, и на основаніи такого дѣленія

учитъ сочинять надгробныя слова священникамъ, воинамъ, невѣстамъ, замужнимъ женщинамъ, и пр. Руководство заключается совѣтомъ прибѣгать къ извѣстнымъ семи вопросамъ, или циркумстанціямъ (околичностямъ): кто? что чинилъ? на какомъ мѣстѣ? съ кѣмъ? для чего? какимъ спосомъ? въ какое время?

Руководства къ преподаванію риторики въ Кіевской Академіи, хотя написанныя послѣ «Ключа разумѣнія» (съ 1670 по 1698), одного съ нимъ покроя. Таже система сохранилась при изученіи этой науки и въ Московской Академіи, какъ видно по дошедшимъ до насъ учебникамъ отъ XVIII в. (1741 и 1742 г.). Они не только излагаютъ науку въ общихъ ея основаніяхъ, но и даютъ правила на самые частные случаи. Строго опредѣлены даже формы выраженія, изъ которыхъ не дозволялось выступать. Воспитанники обязаны были затверживать слова и обороты, сообщающіе рѣчи красоту. Въ ряду ихъ первенствовали термины миѳологическіе, какъ высшее убранство краснорѣчія. Руководства снабжены были особымъ спискомъ словъ, служащихъ для похвалы или порицанія. Предлагались правила восхвалять не только человѣка, но и область, городъ, рѣку, поле, зданіе... Кромѣ того, составители учебниковъ позаботились о запасѣ матеріаловъ для наполненія рѣчи приличнымъ содержаніемъ. Матеріалы распредѣлялись по отдѣламъ: въ одномъ были помѣщены историческіе примѣры, въ другомъ—изреченія ученыхъ, въ третьемъ—символическія изображенія, надписи, и пр. Все это ученикъ усвоивалъ большею частію механически и при случаѣ употреблялъ какъ готовое пособіе.

Характеръ югозападныхъ духовныхъ словъ XVII в. представляетъ ясныя черты схоластической проповѣди, хотя въ различной степени: въ однихъ сильнѣе, въ другихъ слабѣе выступаетъ вліяніе латинскихъ образцовъ. Изъ проповѣдниковъ, наиболѣе имъ подчинившихся, въ особенности замѣчательны: Галятовскій и Антоній Радивиловскій, игуменъ кіево-николаевскаго монастыря.

Проповѣди Галятовскаго, помѣщенныя въ «Ключѣ разумѣнія» и въ прибавленіи къ нему (1660), суть не что иное, какъ точное выполненіе имъ самимъ данныхъ правилъ. Такъ смотрѣлъ на нихъ самъ авторъ: «способъ сложенія казаній найдешь, читатель, во всѣхъ моихъ казаньяхъ». И потому руковство его постоянно ссылается на ту или другую проповѣдь, какъ на практическое примѣненіе теоріи. Обширная начитанность проповѣдника доказывается ученой обстановкой предмета посредствомъ примѣровъ, свидѣтельствъ, сравненій, заимствованныхъ изъ разныхъ книгъ. Всего чаще онъ обращался къ исторіи и естествознанію. Многія проповѣди наполнены описаніемъ свойствъ и дѣйствій произведеній природы, которыя толкуются, какъ символы свойствъ и дѣйствій божественныхъ. Таковы, между прочимъ, слова на срѣтеніе Господне, успеніе Богородицы и благовѣщеніе. Темою для перваго слова выбранъ текстъ: «се лежитъ сей на паденіе и на возстаніе многимъ во Исраили» (Лук. II, 34). Это даетъ Галятовскому поводъ уподоблять Спасителя разнымъ камнямъ, одареннымъ, какъ думали въ средніе вѣка, чудесною силою: карбункулу, яшмѣ, шиферу, хризолиту, бериллу, аметисту, смарагду (изумруду), топазу, магниту, и каждое уподобленіе подкрѣплять историческимъ примѣромъ или современнымъ обстоятельствомъ. Искуство оратора обнаруживается здѣсь отысканіемъ символическаго смысла. Онъ много тратитъ усилій на то, чтобы сближать предметы, совершенно несходственные, пользуясь тѣми свѣдѣніями, которыя вычиталъ въ

духовныхъ и свѣтскихъ книгахъ. Примѣромъ можетъ служить то мѣсто поученія, гдѣ говорится о магнитѣ: «Магнитъ притягиваетъ къ себѣ желѣзо: если бы когонибудь ранили пулею, которой не льзя было вынуть, или стрѣлою, остріе которой осталось въ тѣлѣ, тогда извлекаютъ и то и другое прикладываніемъ магнита къ ранѣ. Такъ и Христосъ притягиваетъ къ Себѣ грѣшныхъ, названныхъ въ книгѣ пророка Іереміи желѣзомъ: желѣзо, вси растлѣни суть (VI, 28). Былъ такимъ твердымъ желѣзомъ Фараонъ, котораго Богъ каралъ разными казнями.... Такъ и теперь караетъ Онъ грѣшниковъ войною, голодомъ, повѣтріемъ, саранчею и другими напастями, дабы они покаялись и жили по заповѣдямъ Содержаніе проповѣди на успеніе Богородицы состоитъ въ толкованіи слова «риза», находящагося въ текстѣ: «Предста Царица одесную тебе, въ ризахъ позлащенныхъ, одѣяна преиспещрена» (Пс. XLIV, 10). Проповѣдникъ исчисляетъ нитки, изъ которыхъ соткана была одежда: льняную, шерстяную, шелковую и золотую. Каждая нитка берется, какъ символъ какой-либо высочайшей добродѣтели Небесной Царицы: ленъ-символъ терпѣнія, волна-символъ невинности и чистоты, шелкъ-символъ смиренія, золото-символъ мудрости. Слово на благовѣщеніе замѣчательно астрологическими представленіями, почерпнутыми изъ планетниковъ. Такъ какъ церковь именуетъ пресвятую Дѣву Небомъ: «что Тя наречемъ, о обрадованная? Небо», то, принаравливаясь къ этому, Галятовскій исчисляетъ разныя небеса и въ каждомъ изъ нихъ находитъ соотвѣтствіе высочайшимъ совершенствамъ и чудотворнымъ дѣйствіямъ Богородицы. Онъ разсуждаетъ такимъ образомъ: по ученію философовъ и астрологовъ, всѣхъ небесъ одиннадцать. На первомъ, ближайшемъ къ намъ, луна, подъ вліяніемъ которой возрастаетъ человѣкъ, становясь изъ ребенка совершеннымъ мужемъ: Пречистая Дѣва также малыхъ людей чинитъ великими (въ подтвержденіе этого слѣдуетъ разсказъ о греческомъ императорѣ Львѣ). На второмъ небѣ планета Меркурій; родившійся подъ нею бываетъ ораторомъ знаменитымъ: такъ и Пречистая Дѣва надѣляетъ людей даромъ краснорѣчія (примѣръ венгерской королевы Ринги). Солнце, пребывающее на четвертомъ небѣ, вліяетъ на разумъ и чувства человѣческія: тоже самое творитъ Пречистая Дѣва, даруя зрѣніе слѣпымъ, слухъ глухимъ, рѣчь нѣмымъ (здѣсь разсказаны чудеса отъ ея образа надъ слѣпыми), и т. д. Такимъ образомъ все слово держится на искуственномъ подборѣ символовъ, на хитромъ рѣшеніи данной себѣ задачи—каждому небу найти соотвѣтствіе въ Дѣвѣ Маріи.

Проповѣди Антонія Радивиловскаго составляютъ два сборника, названные: «Огородокъ (садъ) Маріи Богородицы (1676)» и «Вѣнецъ Христовъ (1688)».

Первый сборникъ посвященъ Богородицѣ: «сей начатокъ труда смиренно приноситъ Тебѣ въ жертву прахъ, пепелъ, недостойный рабъ и насадитель огородка. Иные приписываютъ свои труды царямъ, князьямъ и сильнымъ міра сего, а я приписую Тебѣ, Царица неба и земли. Ты одна была утѣхою моею на землѣ; одною утѣхою моею было проповѣдывать и восхвалять Тебя. Молю, да за этотъ насажденный Тебѣ огородокъ Ты введешь меня, на второмъ пришествіи Сына Твоего, въ небесный огородокъ вмѣстѣ со святыми». Замысловатый титулъ книги истолкованъ слѣдующимъ образомъ: «какъ Навуходоносоръ устроилъ въ Вавилонѣ висячій садъ на высокихъ каменныхъ столпахъ, такъ и Ты, о Маріе, стоишь на дарахъ Духа Святаго, будто на столпахъ». Въ посвященіи же

упомянуты духовные и свѣтскіе источники, къ которымъ Радивиловскій прибѣгалъ въ долголѣтнее свое проповѣдничество на разныхъ каѳедрахъ: «на свѣтѣ нѣтъ ничего новаго: пусть же сочтется новымъ то, что изъ учителей церковныхъ и проповѣдниковъ Слова Божія, изъ разныхъ авторовъ, прикладовъ, исторій и житій святыхъ мною выбрано и приложено къ собственному изобрѣтенію». Въ Огородкѣ таже манера подкрѣплять положеніе историческими фактами и свѣдѣніями изъ естественныхъ наукъ. Въ первомъ случаѣ авторъ пользуется особенно Эліемъ Лампридіемъ (IV в.), жизнеописателемъ римскихъ императоровъ, а во второмъ—Клавдіемъ Эліаномъ (III в.), сочинителемъ 12-ти книгъ о природѣ животныхъ. Изъ Элія взятъ, между многими заимствованіями, разсказъ о Септиміи Гетѣ, какъ при рожденіи его курица снесла яйцо пурпурнаго цвѣта—знакъ того, что онъ вмѣстѣ съ братомъ своимъ Каракаллой наслѣдуетъ царство. Играя однажды этимъ яйцомъ, Каракалла уронилъ его на землю и разбилъ, при чемъ мать его воскликнула: «ахъ, проклятый, ты убилъ своего брата!» Восклицаніе въ послѣдствіи оправдалось. Проповѣдникъ примѣняетъ разсказъ къ человѣческой жизни: такъ и мы должны стараться о томъ, чтобы не ронять себя на землю, т. е. не пристращаться къ земнымъ предметамъ, не дозволять плоти убивать духъ (второе слово на воскресеніе Христово).

«Вѣнецъ Христовъ, изъ проповѣдей недѣльныхъ, аки изъ цвѣтовъ рожаныхъ сплетенный», славою словесъ вѣнчаетъ Христа, царя славы:

Цвѣтами словесъ Царя Бога Слова
Глава да будетъ вѣнчанна Христова.

Этимъ двустишіемъ объясняется названіе сборника. Почему вѣнецъ сплетенъ изъ цвѣтовъ рожаныхъ? «Какъ роза разгоняетъ и вычищаетъ въ человѣкѣ злые гуморы (влаги), такъ евангельскія словеса разгоняютъ грѣхи и чинятъ душу чистою». Сборникъ посвященъ вѣнцу доброты, Господу Создателю: «сіи проповѣди за вѣнецъ тріумфальный Тебѣ, какъ побѣдителю и тріумфатору, приписую, ибо всѣ недѣли (воскресенья) въ году выражаютъ Твою побѣду надъ діаволомъ, смертію и грѣхомъ.» Основою словъ служили Священное Писаніе и церковные учители; матеріалъ же для распространенія главной мысли заимствуется часто изъ свѣтскихъ источниковъ: кромѣ исторій и хроникъ, читатель встрѣчаетъ Овидіевы Превращенія и Езоповы басни. Любопытно наблюдать искуство, съ какимъ проповѣдникъ, развивая тему, вводитъ въ это развитіе добытыя имъ свѣдѣнія. Они служатъ ему примѣрами, доказательствами, сравненіями, но чаще всего символами. И если обиліе собраннаго матеріала говоритъ въ пользу начитанности проповѣдника, то символическія толкованія обнаруживаютъ большую или меньшую ловкость ритора. Натяжки являются неизбѣжно при постоянной наклонности къ примѣненіямъ и символизму. Такъ переданная Радивиловскимъ притча о договорѣ между львомъ, лисицей и осломъ—дѣлить добычу пòровну, страдаетъ именно сближеніями на перекоръ природѣ предметовъ. Глупый оселъ, при первой добычѣ, хотѣлъ взять себѣ равную со львомъ часть, за что и былъ имъ растерзанъ; а хитрая лисица, уступая все льву, получила отъ него больше, чѣмъ ей слѣдовало. Отсюда выводится мораль: гордыхъ ожидаетъ наказаніе, а смиренныхъ награда; то есть: гордость нашла себѣ олицетвореніе въ ослѣ, а смиреніе, какъ христіанская добродѣтель, въ лисицѣ. Если бы авторъ, желая указать соотвѣтствіе между пред-

метами, ограничился существенными ихъ признаками, тогда бы оно не представило ни затрудненій, ни натяжекъ; но дѣло въ томъ, что онъ не довольствуется существеннымъ, а входитъ въ подробности: ему хочется провести параллель между всѣми свойствами и дѣйствіями двухъ, иногда совершенно разнородныхъ, предметовъ, исчислить всѣ ихъ особенности, и каждое явленіе въ жизни одного созерцать какъ символъ явленій въ жизни другаго. Одно изъ словъ Радивиловскаго (первое на воскресеніе Христово) даетъ ясное понятіе о сказанномъ характерѣ соотвѣтствій. Темою этого слова выбранъ текстъ: «побѣдилъ есть левъ, сый отъ колѣна Іудова». Приступъ его занятъ указаніемъ тѣхъ мѣстъ Священнаго Писанія, въ которыхъ Сынъ Божій уподобляется тельцу, человѣку, орлу, льву. Уподобленіе послѣднему составляетъ предметъ проповѣди: «въ чемъ есть подобенъ льву, о томъ слово будетъ». Главная часть слова заключается, слѣдовательно, въ открытіи символическихъ аналогій между львомъ и Сыномъ Божіимъ, который есть левъ отъ колѣна Іудова. Радивиловскій находитъ шесть аналогій. Чертежъ проповѣди очень простъ: сначала говорится о какомъ-либо свойствѣ или дѣйствіи льва, а потомъ пріискиваются изображаемыя ими свойства или дѣйствія Спасителя. Въ первой половинѣ исчислены самыя замѣчательныя особенности въ жизни царя звѣрей: левъ не трогаетъ человѣка, если его голова или очи прикрыты будутъ плащемъ; львенокъ три дня остается спящимъ или какъ бы мертвымъ, и только на третій пробуждаетъ его рыканіе льва; между звѣрями левъ пользуется особымъ уваженіемъ; онъ не скрывается отъ враговъ, но прямо идетъ на то мѣсто, гдѣ они могутъ его найти; бодрствуя, онъ смыкаетъ очи, а во время сна раскрываетъ ихъ; онъ не любитъ гордыхъ и равныхъ ему звѣрей, противится имъ и убиваетъ ихъ, а покорныхъ, напротивъ, жалуетъ (здѣсь-то и вставлена притча о львѣ, ослѣ и лисицѣ).

Хотя Лазарь Барановичъ, архіеп. черниговскій († 1694), по главнѣйшимъ свойствамъ своихъ проповѣдей, относится къ той же школѣ югозападныхъ проповѣдниковъ, но онъ менѣе дорожитъ пособіями тѣхъ источниковъ, которымъ дано обширное мѣсто у Галятовскаго и Радивиловскаго. Главную помощь при развитіи темы оказываютъ ему Священное Писаніе и отцы церкви. Имѣя дѣло съ предметомъ божественнымъ, онъ даже находилъ неприличнымъ обставлять его матеріаломъ, добытымъ изъ свѣтскихъ книгъ: «такъ какъ я проповѣдовалъ о Томъ, кто изрекъ о Себѣ: «Азъ есмь истина», то и старался писать истину, не примѣшивая къ ней не только басней, но ниже исторій, сущихъ внѣ Святаго Писанія и церковнаго ученія». Этимъ ограниченіемъ матеріала Барановичъ отступаетъ отъ вышеназванныхъ проповѣдниковъ: какъ тѣ распространяли свое слово энциклопедическими свѣдѣніями, такъ онъ, напротивъ, сдерживаетъ свою ученость, состоявшую въ знакомствѣ съ наукой и литературой латинскаго запада.

Первый сборникъ его поученій названъ «Мечемъ духовнымъ (1666)». Названіе опредѣляетъ уже нѣкоторымъ образомъ характеръ и цѣль книги, подробнѣе раскрываемые предисловіемъ къ читателю: «Въ сіи, полныя брани, времена всего полезнѣе мечъ. Самъ Христосъ возвѣстилъ его потребность, сказавъ ученикамъ: «иже не имать, да продастъ ризу свою и купитъ мечъ (Лук. XXII, 36). Самъ Христосъ, имѣя въ устахъ своихъ мечъ, управляетъ церковью, какъ кораблемъ. Ученики Господни устрояютъ его плаваніе духовными мечами. Стоящій на мачтѣ архангелъ Михаилъ даетъ ему помощь крилъ своихъ, глаголя: кто яко

Богъ? Плыветъ и противный корабль—совѣтъ нечестивыхъ еретиковъ: языкъ ихъ также острый мечъ, исходящій изъ устъ отца лжи, древняго змія. Но не бойтесь сего меча зміина: мечемъ устъ своихъ Христосъ убиваетъ начальника ереси, имѣющаго въ устахъ мечъ зміинъ» (*). Подъ временами брани Барановичъ разумѣетъ и дѣйствительныя войны (съ Польшею), и въ особенности духовную борьбу съ еретиками. Похвальное слово Богородицѣ, на тему: «отъ всѣхъ насъ бѣдъ свободи», между различными бѣдами міра помѣщаетъ бѣды въ рѣкахъ—не водныхъ, а кровавыхъ, текущихъ въ эти, брани полныя, времена; бѣды отъ мусульманъ, которые наиболѣе скверни́тъ церковь, запечатлѣвая свое безумное господство знаменіемъ луны; бѣды отъ лжебратій, носящихъ имя христіанское, но не исповѣдающихъ полной истины о Христѣ и держащихся отца лжи, древняго змія, о которомъ говорило предисловіе. Мечъ, нужный въ эпоху столькихъ бѣдъ, не таковъ, какимъ апостолъ Петръ отсѣкъ ухо Малху. Это—мечъ духовный, т. е. глаголъ Божій, требующій, напротивъ, уха: имѣяй уши слышати, да слышитъ. Онъ не убиваетъ, но живитъ; онъ служитъ для защиты духовной; воинствующая церковь вооружается имъ на враговъ своихъ. Къ той же характеристикѣ меча Барановичъ возвращается въ словѣ о сошествіи Св. Духа на апостоловъ, въ видѣ огненныхъ языкъ: «уже нынѣ Богъ не страшитъ ни мечемъ, ни огнемъ, ни жезломъ. Онъ является съ мечемъ, но духовнымъ, иже есть глаголъ, исходящій изъ языковъ Духа Святаго, не убивающій, а оживляющій; является съ огнемъ, который не опаляетъ, а согрѣваетъ и освѣщаетъ; является съ жезломъ, который не оскорбляетъ, а утѣшаетъ». Такимъ образомъ двѣ основныя мысли: о смутномъ времени браней и духовномъ мечѣ, проводятся по всему сборнику и даютъ нерѣдко его автору поводъ къ игрѣ словъ, сравненіямъ, антитезамъ. Иногда Барановичъ указываетъ на два меча, иначе—на два источника поученій, какъ бы подтверждая свое намѣреніе строго держаться только библейскаго текста: «какъ апостолы сказали Господу: вотъ здѣсь два меча (Лук. XXII, 38); такъ и я, предлагая проповѣди отъ Ветхаго и Новаго Завѣта, отъ книгъ псаломскихъ и апостольскихъ, глаголю: Господи, вотъ два меча». Въ стихахъ, слѣдующихъ за предисловіемъ, также сказано: «книга сія на два меча».

Но въ другихъ отношеніяхъ поученія Барановича не отступаютъ отъ современныхъ произведеній того же рода: постоянно видишь искуственное сближеніе предметовъ, отыскиваніе символическаго ихъ смысла, толкованіе именъ. Такъ слово о разслабленномъ развиваетъ соотвѣтствіе между пятью притворами овчей купели, пятью ранами Агнца Іисуса и грѣшниками, больными на всѣ пять чувствъ. При этомъ проповѣдникъ замѣтилъ, что, по толкованію нѣкоторыхъ учителей, ангелъ, исцѣлявшій при купели, былъ Рафаилъ, имя котораго означаетъ «врачевство» Божіе. Слово о двухъ слѣпцахъ изслѣдуетъ таинственное ихъ значеніе: они представляются символами тѣла и души, разума и воли, тѣлесной и духовной смерти, Іудеевъ и язычниковъ, счастія, изображаемаго съ повязкой на глазахъ, и человѣка, избравшаго себѣ вождемъ слѣпца, т. е. идущаго за счастіемъ, и пр. Почему духъ и тѣло уподобляются слѣпцамъ? потому что по грѣхопаденіи тѣло оказалось немощнымъ зрѣть райскія красоты, а духъ немощнымъ зрѣть Божіи очи. Почему разумъ и воля слѣпцы? потому что разумъ, свойство котораго смотрѣть

(*) Предисловіе къ читателю объясняетъ здѣсь значеніе гравюры на заглавномъ листѣ.

на свѣтъ истины, и воля, свойство которой смотрѣть на красоту блага, ослѣплены были въ раю прельщеніемъ дьявола, начальника нечистоты и тьмы.

Второй сборникъ: «Трубы словесъ проповѣдныхъ» (1674), связанъ съ первымъ мыслію, выраженною въ предисловіи: «чтобы сыны восточной воюющей церкви усерднѣе служили ей мечемъ духовнымъ, издалъ я трубный гласъ на праздники; ибо какъ въ битвахъ воинскій жаръ возбуждается трубами, такъ и для возбужденія жара при духовной брани мы трубимъ трубою въ нарочитые праздники». Отсюда внѣшняя и внутренняя особенность новаго сборника: поученія его короче и въ нихъ столько же изліянія чувствъ, сколько догматическихъ толкованій. Случается, что лиризмъ, не вполнѣ соотвѣтствуя характеру ораторскаго рода, требуетъ иной формы: проповѣдь смѣняется молитвой, проза виршами. Похвалы Богородицѣ образуютъ даже особый отдѣлъ молитвенныхъ славословій, развивающихъ содержаніе извѣстнаго гимна: «Величитъ душа моя Господа». Въ лирическомъ настроеніи авторъ не забылъ и своей собственной личности: въ слѣдъ за словомъ на праведнаго Лазаря помѣщена молитва къ Господу отъ Лазаря, творца книги; принося благодареніе за всѣ дары, ниспосланные свыше, онъ проситъ Бога укрѣпить его здоровье—единственный даръ, которымъ онъ былъ скуденъ. Элементъ чувства не мѣшаетъ, однакожъ, Барановичу выказывать другія, уже знакомыя намъ принадлежности югозападной проповѣди. Вотъ нѣсколько тому примѣровъ. Для третьяго слова на рождество Богородицы выбранъ темою стихъ тропаря: «Рождество твое, Богородице Дѣво, радость возвѣсти всей вселеннѣй». Проповѣдникъ остановилъ свое вниманіе на словѣ «вселенная» и занялся указаніями, какую радость принесло великое событіе землѣ, водѣ, воздуху, огню, небу, пророкамъ, апостоламъ, мученикамъ, вдовамъ, гробамъ, древамъ, горамъ, птицамъ, агнцамъ, и пр. Дѣленіе цѣлаго на части основано на этомъ исчисленіи предметовъ, обнимаемыхъ понятіемъ «вселенная». Слово на Богоявленіе уподобляетъ грѣхи звѣрямъ: гордость—льву, лихоимство—киту, гнѣвъ—волку, объяденіе—медвѣдю, зависть—псу, лѣность—ослу, прелюбодѣяніе—свиньѣ. Толкованіе собственнаго имени нашло себѣ мѣсто въ словахъ на великомученика Ѳеодора Стратилата и на св. равноапостольнаго князя Владиміра. Ѳеодоръ значитъ даръ Божій; поэтому темою проповѣди служитъ текстъ: «всякъ даръ совершенъ». Владиміръ нареченъ въ крещеніи Василіемъ, т. е. царемъ: «подобало ему въ крещеніи принять имя царское, ибо онъ крещеніемъ пріуготовился къ царству небесному. Онъ былъ сынъ Свѣтослава, который не далъ ему ни славы, ни свѣта. Свѣтомъ разума просвѣтилъ его Сынъ Божій, какъ свѣтъ пришедшій въ міръ, да будетъ Владиміръ не именемъ, но дѣломъ сынъ Свѣтослава». Подобная игра словъ и въ проповѣди на св. Николая чудотворца: «упроси о мирѣ, Міръ Ликійскій чудотворче. Сотвори наибольшее чудо, да въ мірѣ миръ будетъ. Самое имя твое проситъ мира: ибо въ мірѣ весьма неполезно безъ мира». Въ ряду наукъ, дававшихъ матеріалъ Барановичу, логика занимала не послѣднее мѣсто. Проповѣдь на воздвиженіе креста представила ему случай примѣнить Аристотелевы категоріи къ развитію темы: «о треблаженное древо, на немъ же распятся Христосъ, царь и Господь!» (слова канона). Онъ вводитъ порфиріанское древо (arbor Porphyriana), названное такъ по имени Порфирія, александрійскаго неоплатоника, жившаго въ III—IV в. по Р. Х. Порфирію принадлежитъ «Введеніе въ категоріи Аристотеля», гдѣ онъ, посредствомъ генеалогиче-

скаго древа, наглядно объясняетъ восхожденіе понятій отъ низшихъ къ высшимъ. Латинскій переводъ Введенія, сдѣланный Боэціемъ (V—VI в.), пользовался большимъ уваженіемъ въ средневѣковыхъ школахъ. Изъ него, вѣроятно, югозападные ученые познакомились съ этимъ логическимъ пріемомъ. Слово на воздвиженіе креста начинается такимъ образомъ: «Философы имѣютъ въ своемъ саду одно изобильное древо, называемое арборъ порфиріана. Въ саду христіанъ есть древо обильнѣйшее—крестъ Христовъ. Въ порфиріанскомъ древѣ находятся разныя степени: субстанція (существо), корпусъ (тѣло), вивенсъ (живущее), гомо (человѣкъ), индивидуумъ (неудѣлимое): тѣ же самыя степени въ древѣ крестномъ». Слѣдуетъ опредѣленіе этихъ степеней, чуждое вѣрнаго согласія съ дѣйствительностію, но характеристическое по отношенію къ искуственной постройкѣ югозападныхъ проповѣдей. Понятіе «человѣкъ», какъ подчиненное понятію «живаго существа», Барановичъ видитъ въ словахъ Пилата о Спасителѣ: «Се человѣкъ!» Самое низшее понятіе (индивидуальное) выражается для него надписью на крестномъ древѣ: «Іисусъ Назареанинъ, Царь Іудейскій».

Объ учебникахъ риторическихъ въ академіяхъ кіевской и московской см. въ Исторіи этихъ академій, Макарія Булгакова (стр. 63—65) и Смирнова (170—172). «Казанья, приданныя до книги, Ключь разумѣнія названной (1660)», составляютъ прибавленіе къ этой книгѣ (Каталогъ книгъ Толстаго, I, 123). Другія небеса, исчисленныя въ словѣ Галятовскаго на Благовѣщеніе: 3, 5, 6 и 7-ое съ планетами Венерой, Марсомъ, Юпитеромъ и Сатурномъ; восьмое—твердь, усѣянная звѣздами: Пречистая Дѣва вмѣщаетъ въ себѣ дары Духа Святаго, которые, какъ звѣзды, свѣтятъ на душу человѣческую; девятое—кристальное, названное такъ по своей узорочности: какъ порохъ запаляется кристалломъ, такъ Богородица запаляетъ божественною любовію грѣшныхъ, которыхъ псалмистъ называетъ порохомъ: да будутъ яко прахъ предъ лицемъ вѣтра (слѣдуетъ разсказъ о дивномъ кристаллѣ въ португальскомъ городѣ Сантаренѣ); десятое небо—первое движущееся и другія небеса приводящее въ движеніе; одиннадцатое — наивысшее, эмпирейское, неподвижное. Исчисленіе этихъ небесъ находится также въ другой книгѣ Галятовскаго: «Души людей умерлыхъ» (см. прим. къ § 143) и «въ Вѣнцѣ вѣры каѳолическія (1670)», іеромонаха Симеона Полоцкаго. Послѣдній дѣлитъ естество небесное на три главныя неба: эмпирейское, кристальное и твердь. Эмпирейское — престолъ Всемогущаго Бога и жилище святыхъ; оно недвижимо. Въ кристальномъ два круга: одинъ — перводвижимое небо, ибо неизреченно быстро движется и прочія небеса приводитъ въ движеніе отъ востока на западъ; другой — собственно кристальное или водное, названное такъ по своей прозрачности и свѣтлости. Твердь—небо, содержащее звѣзды и планеты; оно подраздѣляется на восемь круговъ или поясовъ. На первомъ изъ нихъ звѣзды, на 2-мъ Сатурнъ, на 3-мъ Дій, на 4-мъ Арей, на 5-мъ Солнце, на 6-мъ Афродита, на 7-мъ Ермій, на 8-мъ Луна (Рук. И. П. Б.). Заглавія сборниковъ Радивиловскаго см. въ кн. Толст. (I, 155 и 174). Обзоръ дух. лит., Филарета, несправедливо называетъ «Вѣнецъ Христовъ» 2-мъ изданіемъ Огородка, отличающимся отъ перваго только посвященіемъ. Содержаніе этихъ сборниковъ различное. Да и самъ авторъ ихъ ясно говоритъ, что, посвятивъ «первый» свой трудъ Дѣвѣ Маріи, онъ посвящаетъ «второй» трудъ Спасителю. Замѣчательно, въ Трубахъ словесъ, заключительное обращеніе къ Богородицѣ, объясняющее рисунокъ, приложенный къ концу сборника: «аще были быхомъ Центипедесъ, стоножныи, всѣми бы къ Богородицѣ прилежно притекали, яко грѣшныи. Аще быхомъ были Арги, стоочныи, всѣми бы на Тебе смотрѣли, яже милосердія двери намъ отверзаеши. Аще быхомъ были Центимани, сторучныи, всѣми бы Твоей ризѣ позлащенной прикасалися: были бы есмы блаженны, имже бы прикрышася сице грѣхи». До выхода въ свѣтъ «Ключа разумѣнія» на югозападѣ были извѣстны уже многіе проповѣдники: Стефанъ Зизаній, учитель львовской школы, дѣйствовавшій противъ католицизма и уніи еще въ концѣ XVI в.; Леонтій Карповичъ, епископъ владимірскій и брестскій († 1620), Захарій Копыстенскій, архимандритъ кіево-печерской лавры († 1626) и Кириллъ Транквилліонъ, архимандритъ черниговскій. Послѣдній издалъ «Евангеліе учительное (1619)», т. е. слова на воскресные и праздничные дни, также на дни нарочитыхъ святыхъ, выбранныя изъ Евангелія, богословскихъ твореній и особенно изъ евангельскихъ

бесѣдъ Филоѳея. Цѣль ихъ—поучать христіанъ истиннымъ догматамъ вѣры, ибо многіе люди духовнаго и свѣтскаго званія (какъ сказано въ предисловіи) удалились отъ православія и перешли къ ученіямъ, ему противнымъ — аріанскимъ и кальвинскимъ. Поученія Транквиліона пользовались большою славою на югѣ и сѣверѣ Россіи, хотя и были сначала причиною гоненій на автора «отъ злыхъ и малоумныхъ», которые говорили, что «нѣтъ надобности въ новыхъ книгахъ, когда есть старыя». Учительное Евангеліе переведено съ бѣлорусскаго языка на церковнославянскій діакономъ Ѳеофаномъ (1674 г.).

§ 145. Между матеріалами для проповѣднаго слова, Галятовскій отвелъ мѣсто сказаніямъ о чудесахъ, слѣдуя примѣру западныхъ богослововъ, которые имѣли обычай подкрѣплять ими догматы и правила христіанскаго нравоученія. Особенную извѣстность въ этомъ родѣ пріобрѣлъ Цезарій Гейстербахъ (XII—XIII в.), нѣмецкій проповѣдникъ, своими поученіями готовившій послушниковъ къ монашеской жизни. На западѣ съ этою цѣлью издавались даже цѣлые сборники, подъ названіемъ «Зерцалъ», «Разговоровъ», «Легендъ» и проч. Гейстербахъ написалъ «Разговоры о чудесахъ» (Dialogi de miraculis), состоящіе изъ 735 главъ и содержащіе въ себѣ почти столько же чудесъ. Другой сборникъ житій святыхъ принадлежитъ доминиканцу XIII вѣка, Якову де Ворагину, архіепископу генуезскому: это «Священная Легенда» (Legenda Sacra), болѣе извѣстная подъ именемъ «Золотой Легенды» (Legenda aurea). Авторъ третьяго сборника — Викентій изъ Бове, тоже доминиканецъ (XIII в.); онъ написалъ «Великое Зерцало» (Speculum Majus), сборникъ, представляющій энциклопедію знаній того времени и раздѣленный на четыре части: зерцало историческое, зерцало нравственное — трактатъ о морали, зерцало естественное—наука о природѣ, зерцало научное — свѣдѣнія по философіи, физикѣ, риторикѣ, грамматикѣ, политикѣ, праву, медицинѣ, богословію и проч. Югозападные ученые наши въ своихъ сочиненіяхъ часто ссылаются на эти сборники, при чемъ къ имени Викентія прибавляютъ иногда слово «гисторикъ».

Особенно богатъ на западѣ отдѣлъ повѣствованій о чудесахъ Дѣвы Маріи. Одинъ изъ подобныхъ сборниковъ былъ у насъ два раза переведенъ въ XVII в. съ бѣлорусскаго нарѣчія (1668 и 1683 г.г.), подъ названіями: «Звѣзда пресвѣтлая» и «Вѣнецъ разумный». Первый переводъ принадлежитъ простолюдину Никитѣ. Въ немъ, вслѣдъ за «Звѣздой Пресвѣтлой», помѣщены выписки изъ Зерцала Великаго, сборника «духовныхъ прикладовъ и душеспасительныхъ повѣстей», переведеннаго съ латинскаго на польскій іеромонахомъ Симеономъ Высоцкимъ, а съ польскаго на славянорусскій въ 1677 г., по повелѣнію Алексія Михайловича. Подражая западнымъ образцамъ, Галятовскій издалъ «Небо новое съ новыми звѣздами, т. е. преблагословенная Дѣва Марія съ чудами своими (1665)» и «Скарбницу (сокровищницу), потребную всему свѣту (1676)». Названіе Богородицы небомъ объяснено выше (§ 144); звѣзды же суть чудеса ея: ибо какъ звѣзды издаютъ свѣтлость, такъ чудеса Богоматери свѣтятъ всему міру, по евангельскому слову: «тако да просвѣтится свѣтъ вашъ предъ человѣки». Книга Галятовскаго назначена священникамъ для назидательнаго чтенія въ церкви; казнодѣямъ для легчайшаго нахожденія матеріи; всѣмъ христіанамъ для защиты вѣры отъ еретиковъ, жидовъ и язычниковъ. Чудеса дѣлятся на группы по періодамъ жизни Богородицы, по родамъ людей, надъ которыми они были совершены, по мѣсту и времени ихъ совершенія и т. д. Заимствованное изъ раз—

ныхъ источниковъ дополняется разсказами о чудесахъ, имѣвшихъ мѣсто въ Россіи. Подъ именемъ «Скарбницы» разумѣется Богородица; скарбы (сокровища) суть чудеса отъ ея иконы въ черниговскомъ елецкомъ монастырѣ, гдѣ Галятовскій былъ архимандритомъ. Подобный сборникъ св. Димитрія Ростовскаго названъ «Руномъ Орошеннымъ (1680)» и содержитъ въ себѣ сказаніе о чудесахъ отъ иконы Богоматери въ ильинскомъ черниговскомъ монастырѣ. Названіе Богородицы «Руномъ» взято изъ толкованій Дамаскина, что руно Гедеоново прообразовало сошествіе Св. Духа на Дѣву Марію: ибо она пріяла зачатіе, яко росу. Слово «орошенный» означаетъ росу чудодѣйственной благодати, истекающей отъ ея иконы, и сверхъ того относится къ бесѣдамъ и нравоученіямъ, заключающимъ въ себѣ словеса Господни, которыя подобны росѣ и дождю. Всѣхъ чудесъ 24, по числу денно-нощныхъ часовъ. Каждому чуду посвящена глава, подраздѣляемая на четыре части: описаніе чуда, бесѣду, нравоученіе и «прилогъ», т. е. разсказъ о какомъ-либо чудѣ по восточнымъ или западнымъ источникамъ. Названія главамъ даны по особенной силѣ божественной росы: роса любви, роса защищенія, роса утѣшенія страннымъ, роса устрашенія враговъ, и пр. Другой сборникъ чудесъ отъ той же иконы: «Чуда Дѣвы Маріи (1677)», составленъ и изданъ по желанію Лазаря Барановича, который и самъ написалъ на польскомъ языкѣ «Похвалу Пресвятой Богородицѣ (1683)».

На западѣ сказанія о чудесахъ Богородицы, какъ идеала чистоты и кротости, давали сюжетъ духовной драмѣ, которая потому и называлась иногда представленіемъ чуда. Еще въ XII и XIII в., благочестивыми испанскими и нѣмецкими писателями они перекладывались въ стихи. У насъ происходитъ тоже самое, только въ позднѣйшую эпоху (XVII и XVIII в.). Цѣлые томы подобныхъ стихотвореній написаны Іоанномъ Максимовичемъ, архіепископомъ черниговскимъ, въ послѣдствіи митрополитомъ тобольскимъ (†1715). Между ними важнѣйшее: «Богородице Дѣво (1707)» — архангельскій привѣтъ, «расширенный риомами», какъ говоритъ авторъ въ посвященіи Богородицѣ своего труда, раздѣленнаго на девять частей по числу ангельскихъ чиновъ. Строеніе каждой части, соотвѣтствующей извѣстнымъ словамъ молитвы, одинаково: сперва толкованіе догмата, выраженнаго этими словами, при чемъ опровергаются мнѣнія ему противныя; за тѣмъ разсказъ какого-нибудь чуда; въ заключеніе нравоучительный выводъ изъ разсказа. Такъ въ первой части (Богородице) раскрытъ догматъ воплощенія; во второй (Дѣво) объясняется мысль о дѣвствѣ, и т. д. Образцами Максимовичу служили вдохновенныя пѣсни Дѣвѣ Маріи, сложенныя Іоанномъ Дамаскиномъ, и Руно Орошенное, Димитрія Ростовскаго:

Отъ сего и мы руна, слогми вомѣстихомъ
Девять съ нравоученіемъ чудесъ здѣ вложихомъ:
Ибо чиста Марія девять лѣпотою
Чиновъ ангелъ преходитъ, паче чистотою.

Главное содержаніе книги добавлено стихотворнымъ описаніемъ тридцати одного чуда. На источники указываетъ самъ авторъ, говоря, что стихи его

Отъ многихъ писаній собранны
Святыхъ древнихъ и новыхъ....

Большая часть этихъ многихъ писаній принадлежитъ западнымъ богословамъ:

Заходни (западные) учители мудрѣ расширяють
Словеса о Маріи и насъ научають.

Максимовичъ исчисляетъ нѣкоторыхъ: Кесарій мудрый (Цезарій Гейстербахъ), Викентій Гисторикъ, Ѳома Канторберійскій, Ѳома Аквинскій и др. По мѣстамъ встрѣчаются «піитическія хитрости», которыми авторъ выказываетъ свое торжество надъ стихотворными трудностями: такъ въ пятой части (на слово: Маріе) иногда начальныя, а иногда конечныя буквы стиховъ образуютъ акростихъ «Марія». Чтобы написать большую книгу на краткое благовѣстіе архангела Гавріила, необходимо было прибѣгать къ искуственному распространенію внѣшней формы; поэтому справедливо признаніе самого автора:

... слова расширяю,
На похвалу Пречистой отвсюду сбираю.

Какъ въ указанной книгѣ расширена метрами молитва Богородицѣ, такъ другое сочиненіе Максимовича: «Алфавитъ собранный, риѳмами сложенный (1705)», содержитъ въ себѣ, на основаніи житій святыхъ, стихотворныя имъ похвалы, въ азбучномъ порядкѣ (Авраамъ, Агаѳонъ, Александръ, Алимпій....), и частію нравственныя размышленія о смерти, страстяхъ Господнихъ, таинствахъ и другихъ предметахъ. Алфавитъ предложенъ читателю, какъ духовная трапеза, отъ «черниговскихъ Аѳинъ»:

Се ти Черниговскіе Аѳины духовну
Предлагаютъ трапезу, книгу риѳмословну
Алфавитъ рекому....

Къ тому же разряду духовной литературы надобно отнести «Перло многоцѣнное» (1646), Кирилла Транквилліона, такъ названное «по высокому разуму богословскаго и сладкоглаголиваго языка риторскаго и по художеству поэтическому» (т. е. стихотворному). Перлы, говоритъ авторъ, родятся въ морской глубинѣ отъ молніи и съ большимъ трудомъ выносятся на свѣтъ: и въ этой книгѣ слова на честь, славу и похвалу божескому имени суть перла многоцѣнныя, рожденныя отъ молніи небесной—отъ свѣтлости Духа Святаго, въ глубинѣ небесной премудрости, и выносятся на свѣтъ высокопарнымъ умомъ. Чтобы христіанинъ охотнѣе читалъ богословскія рѣчи, я выразилъ ихъ метрами. Въ началѣ «Перла» помѣщено слово о двоякихъ благодѣяніяхъ Божіихъ: видимыхъ, или временныхъ, и невидимыхъ, или вѣчныхъ. За тѣмъ слѣдуютъ похвальные стихи Богу Отцу (объясненіе молитвы «Отче нашъ»), Сыну Божію, Святому Духу, Богородицѣ, ангеламъ, апостоламъ, мученикамъ, святителямъ, или богословамъ, дѣвственникамъ и на главнѣйшіе господскіе праздники. Нѣкоторыя похвалы заключаются благодарственными молитвами въ прозѣ. Въ концѣ приложено нѣсколько поученій. Назначеніе «Перла» указано ея сочинителемъ: казнодѣи могутъ изъ каждаго стихотворенія составлять казанье, студенты выбирать вирши на потребу, творя изъ нихъ ораціи или пользуясь ими въ духовныхъ комедіяхъ (мистеріяхъ). Это практическое употребленіе книги частію сдѣлано самимъ авторомъ: за похвалами праздникамъ Рождества и Воскресенія помѣщены разговоры между пятью отроками и ораціи.

Въ прибавочныхъ поученіяхъ къ «Ключу разумѣнія» Галятовскій помѣстилъ нѣкоторыя чудеса Богородицы «на честь и похвалу ей, а казнодѣю для легчайшаго нахожденія матеріи на Богородичные праздники». Проповѣди Гейстербаха, на которыя

ссылается иногда нашъ проповѣдникъ, изданы 1615 г., подъ заглавіемъ: «Homiliae super dominicis ac festis totius anni, sive fasciculus moralitatis». Разговоры о чудесахъ, Гейстербаха, нап. въ 1481 г.; 2-ое изд. 1599 г.: «Caesarei Heisterbachensis libri XII illustrium miraculorum et historiarum memorabilium». Сборникъ этотъ, раздѣленный на 735 главъ, содержитъ въ себѣ почти столько же разсказовъ о чудесахъ. Сочиненіе Якова де-Ворагине приводится, между прочимъ, въ Рунѣ Орошенномъ: «пишетъ Іаковъ де Ворайне» (въ главѣ: роса устрашенія враговъ). «Вѣнецъ разумный, сплетенный ангельскимъ гласомъ Богородицѣ», въ рук. Толст. (II, 250): здѣсь къ 15 главамъ подлинника прибавлены три. О простолюдинѣ Никитѣ см. Лѣт. рус. лит. 1859, № 1, смѣсь, стр. 151—152. «Звѣзда пресвѣтлая», или «сказаніе о чудесахъ Богородицы и о поздравленіи ангельскомъ» въ рук. Тол. (II, 27) и Цар. (№ 400): здѣсь лишняя, 16-ая, глава содержитъ повѣсть о чудесахъ, которыхъ въ подлинникѣ нѣтъ. Въ разныхъ спискахъ «Зерцала Великаго» (Тол. II, 257, и IV, 48; Рум. CLXXX; Цар. 139) разное число главъ, или повѣстей; всего болѣе въ Румянцовскомъ—862. Разнообразіе источниковъ, византійскихъ и западныхъ, которыми пользовались Галятовскій, св. Димитрій Ростовскій, Максимовичъ и многіе другіе, свидѣтельствуя большую ихъ начитанность, вмѣстѣ съ тѣмъ показываетъ и энциклопедическое содержаніе сборниковъ. У Галятовскаго, въ «Небѣ Новомъ» цитуются: Историческое Зерцало, Житія святыхъ Симеона Метафраста и Лаврентія Сурія, Церковныя Исторіи Баронія и Созомена, Исторія Венгріи Антонія Бонфинія, Исторія Епифанія Схоластика, Странствованіе къ св. мѣстамъ кн. Радзивила, Космографія Мартина Бѣльскаго, Діоптра или зерцало житія человѣческаго, Исторія о землѣ татарской Александра Гванини, сочиненія Тертулліана, Овидія, Виргилія и другихъ. Небольшой сборникъ: «Чуда Дѣвы Маріи» наполненъ выписками изъ Аристотеля, Виргилія, Лаерція, Плутарха, Плинія, Галена, Исидора Гиспаленскаго, Валезія.... При такомъ обиліи пособій, въ книгу входили, на ряду съ прямымъ ея содержаніемъ, свѣдѣнія изъ исторіи, географіи, естественныхъ наукъ, медицины, нравоученія, философіи, съ прибавкой тирадъ, взятыхъ изъ поэтическихъ произведеній. Анекдоты о Гераклитѣ и Олимпіи, матери Александра Македонскаго, смѣняются моральными сентенціями или замѣткой, что рыба, желчь которой возвратила зрѣніе Товиту, «вышла изъ Тигра и была Калліонимусъ».

§ 146. Югозападное духовенство занималось также приведеніемъ догматики въ систему. Первый опытъ систематическаго ея изложенія есть «Зерцало богословіи (1618)», Кирилла Транквилліона. Главный матеріалъ для постройки науки давали ему творенія богослововъ, особенно Василія Великаго и Іоанна Дамаскина. Но къ выбору изъ богословскихъ книгъ онъ присоединялъ разсужденія свѣтскихъ философовъ и свѣдѣнія о природѣ (физіологическія), что показываютъ замѣчанія самого автора: «такъ толкуютъ наши богословцы и свѣтскіе философы», «такъ повѣдаютъ физелопцы» (физіологи, или натуралисты). Въ «Зерцалѣ» три части: первая говоритъ о пресущественномъ (предвѣчномъ) существѣ Божіемъ; вторая о четверoякомъ мірѣ: невидимомъ (ангелахъ), видимомъ (небѣ и землѣ), человѣческомъ или маломъ (микрокосмѣ) и «злосливомъ» (мірѣ зла), гдѣ господствуетъ дьяволъ; третья—о двухъ мѣстахъ: темномъ Вавилонѣ и пресвѣтломъ Сіонѣ; четвертая—о блаженной жизни будущаго вѣка. Троякое содержаніе книги: богословское, философическое и физіологическое, всего виднѣе въ тѣхъ частяхъ, которыя излагаютъ сотвореніе неба, земли и человѣка. Статьи объ элементахъ неодушевленнаго міра, дѣйствующихъ на землѣ и на небѣ, объ элементахъ человѣка, который есть земля и небо вмѣстѣ, принадлежатъ къ лучшимъ страницамъ книги: въ нихъ достоинства научнаго изложенія соединены съ достоинствами слова, проникнутаго одушевленіемъ; ясность и точность представленій идутъ объ руку съ ихъ образностью, наиболѣе замѣтною тамъ, гдѣ проводится параллель между человѣкомъ и внѣшнимъ міромъ, т. е. гдѣ стихіи духовныя объясняются стихіями вещества.

«Элементы не одинаковы: одни (огонь и воздухъ) легкаго и субтильнаго естества; другіе (вода и земля) тяжелаго и грубаго. Легкіе и субтильные элементы

положены на высшемъ мѣстѣ, грубые и тяжелые на нижнемъ: землѣ дано послѣднее мѣсто, надъ землею вода, надъ землею и водою воздухъ, надъ воздухомъ огонь.

«Вода и огонь между собою враждуютъ, и потому они разсажены на разныхъ, далекихъ другъ отъ друга мѣстахъ: вода низко, огонь высоко; между ними воздухъ, какъ перегородка и миротворецъ. Вражда между огнемъ и водою тѣмъ, во-первыхъ, выражается, что огонь воду изсушаетъ, а вода силу огня погашаетъ. Вторая вражда бываетъ въ то время, когда эти противныя стихіи сойдутся во едино—огонь эѳирскій съ водою морскою. Вода морская поднимается на высоту тонкими парами, воскуреніемъ или мглою, протекаетъ воздухъ и, дошедши до границъ горячаго мѣста эѳирскаго, водпистыми облаками чинитъ противленіе и страшный шумъ. На воздухѣ происходитъ громъ и блистаніе: ибо эѳирскій огонь отъ субтильныхъ гуморовъ, или воспаренія земнаго и воднаго, запаляется и родитъ блистаніе.

«Стихіи передаютъ одна другой свои квалитеты (качества): земля сообщаетъ водѣ студень, вода воздуху — мокроту, воздухъ огню—движеніе, огонь землѣ и воздуху—теплоту».

Замѣчательны опредѣленія стихій, напримѣръ огня: «огонь — естество легкое, просвѣтительное, горѣносное, скороходное, согрѣвательное, сожигательное, сквозь вся видимая проходительное. Огонь, на высшемъ мѣстѣ положенный, философы называютъ эѳирскимъ ношеніемъ». Любопытны также объясненія соленаго вкуса морской воды: по первому изъ нихъ, «вода сдѣлалась соленою отъ того, что стоитъ на одномъ мѣстѣ непоступна и неподвижна, и солнце, ходя надъ моремъ окіянскимъ, вытягиваетъ изъ нея сладость тонкими испареніями; по другому, вода солона отъ природы, ибо, въ противномъ случаѣ, стоя на одномъ и томъ же мѣстѣ отъ созданія міра, она загнила бы и засмердѣла, смрадомъ своимъ заразила бы воздухъ и сгубила людей». Кириллъ Транквилліонъ держится втораго мнѣнія.

«Въ человѣческомъ тѣлѣ четыре элемента: плоть отъ земли, кровь отъ воды, дыханіе отъ воздуха, теплота отъ огня. Чувствъ пять, разныхъ и неровныхъ, подобно стихіямъ видимаго міра: вкусъ какъ земля, обоняніе какъ вода, слышаніе какъ воздухъ, зрѣніе какъ огонь, осязаніе—отъ живой души. Составомъ своимъ человѣкъ причастенъ всякому творенію: землѣ плотію, водѣ кровію, дыханіемъ воздуху, теплотою огню, древу растительному силою, безсловеснымъ яростію и похотѣніемъ, бездушнымъ ногтями и власами, не чувствующими боли, когда ихъ обрѣзываютъ, словеснымъ—разумомъ, самовластіемъ, разсужденіемъ, творить ли злое или не творить.

«Человѣкъ—небо и земля: отъ пупа горняя часть его—небо, дольняя—земля. Въ горней части умъ невидимый, самовластный, безсмертный, вѣчный, многозрительный, переднѣйшая сила души. При немъ находятся другія силы: воля, память, доброта, мысль, разумъ, хитрость, мечтаніе, разсужденіе, радость, любовь. Умъ и разумъ не одно: иная сила умъ — саморастная души, т. е. источникъ всякаго разума человѣческаго; иная сила — разумъ, который отвнѣ въ душу приходитъ. Какъ на небѣ звѣзды, солнце, луна, громъ, молнія, вѣтры; такъ въ главѣ очи—свѣтила, мгновеніе ока—молнія, голосъ—громъ, дыханіе изъ ноздрей—вѣтръ духа бурнаго.

«Міръ зла также сложенъ изъ четырехъ стихій: зависти, гордости, лакомства, убійства. Зависть въ недоброжелательныхъ, гордость въ богатыхъ, лакомство въ

похотливыхъ, убійство въ гнѣвливыхъ и тиранахъ. Въ этомъ мірѣ тѣло, какъ земля, есть мѣсто всякой злости; превратность непостояннаго ума — какъ вода; легкомысленность безумія и движенія къ злобѣ—какъ воздухъ; распаленіе похоти — какъ огонь; высокоуміе и закаменѣлое сердце — какъ горы каменныя; сладость грѣховная — какъ цвѣты; гордое о себѣ самомъ мнѣніе — какъ высота древесъ; быстрота и поспѣшность къ грѣху — какъ солнце; постоянное измѣненіе добраго на злое—какъ луна; сердце, родящее злыя мысли—какъ море».

Другой опытъ богословской системы—«Катихизисъ» корецкаго протопопа Лаврентія Зизанія (1627). Въ немъ тѣже особенности южнорусской науки и литературнаго стиля, примѣры которыхъ представлены выше: обычай толковать наглядно отвлеченные предметы, нисходя въ своихъ объясненіяхъ до «простыхъ прилоговъ»; расширеніе главнаго содержанія книги энциклопедическими свѣдѣніями, которыя вводятся, какъ доказательства научныхъ истинъ, или же служатъ посторонним матеріаломъ, не имѣющимъ прямыхъ отношеній къ предмету сочиненія. У Зизанія есть и то и другое. Желая показать противоположность двухъ элементовъ человѣка, духовнаго и тѣлеснаго, онъ говоритъ, что «плоть связана съ душою, какъ свинья съ орломъ». Толкуя сотвореніе міра, онъ, «вѣдомости ради», т. е. для сообщенія полезныхъ знаній, выписалъ изъ астрологіи и физики о кругахъ небесныхъ, планетахъ, кометахъ, звѣздахъ, зодіакѣ, солнечномъ затменіи, громѣ и молніи, землетрясенія и пр.

Богословскіе учебники кіевской академіи также не чужды ни искуственныхъ пріемовъ, оправдываемыхъ искуственными доводами, ни символизма, постоянно встрѣчаемаго въ проповѣдномъ словѣ. Примѣромъ можетъ служить учебникъ Іоасафа Кроковскаго, въ послѣдствіи митрополита кіевскаго, относящійся къ 1693—97 г. Отступивъ отъ обыкновенной методы, которая требовала начинать богословіе изслѣдованіемъ о Троицѣ единосущной и нераздѣльной, и перенеся эту первую статью на послѣднее мѣсто въ своемъ курсѣ, Кроковскій приводитъ тому, кромѣ трудности предмета, еще и другую причину: «Трактатомъ о Троицѣ слѣдовало бы «начать» богословіе, такъ какъ Богъ триединый есть «начало» всего; но поелику Онъ есть и «конецъ» всего, то весьма прилично также и привести къ сему «концу» всѣ наши изслѣдованія». Переходъ отъ ученія о воплощеніи къ ученію о таинствахъ основанъ на слѣдующемъ толкованіи: «Мы разсуждали о Словѣ воплощенномъ, какъ о Сынѣ человѣческомъ, по писанію Іоанна Богослова (Апок. I, 13), опоясанномъ поясомъ златымъ и имѣющемъ главу и власы бѣлые, какъ бѣлая волна и какъ снѣгъ, и глаза, какъ пламень огненный, т. е. разсматривали Его святость, свободу и другія совершенства. Теперь обратимъ взоры на сего же Сына человѣческаго, какъ на ходящаго среди седми свѣтильниковъ златыхъ и держащаго седмь звѣздъ въ десницѣ своей, т. е. какъ на учредителя седми таинствъ во св. церкви». Обстоятельства, содѣйствовавшія развитію полемическаго богословія и духовныхъ поученій, оказали вліяніе и на систему догматики (§ 120), которая на половину занята толкованіями догматовъ, а на половину отраженіемъ противныхъ ученій (диспутаціями). Поэтому каждый трактатъ своего учебника Кроковскій дѣлитъ на двѣ части: созерцательную (догматическую) и состязательную (полемическую).

Катихизисъ, именуемый великій (Соп. I, 555). Раскольничьи изданія его, въ Гроднѣ (1783—87). Обзоръ учебника Кроковскаго въ Исторіи кіев. акад. (стр. 67—74).

§ 147. Нѣкоторыя книги, указанныя въ двухъ предъидущихъ параграфахъ, заключаютъ въ себѣ статьи нравоучительныя: въ Рунѣ Орошенномъ, Скарбницѣ, Зерцалѣ богословіи, нравоученія служатъ выводами изъ разсказовъ или изслѣдованій. Но въ югозападной словесности XVII в. есть цѣлыя сочиненія, посвященныя благочестивымъ размышленіямъ. Къ важнѣйшимъ памятникамъ этой, духовно-назидательной, литературы принадлежатъ: «Діоптра, албо зерцало (1612)», «Духовная лѣствица», «Миръ съ Богомъ (1669)».

Діоптра, или зерцало человѣческой жизни, раздѣлена на три части, которыя, какъ три «многозрительныя» зеркала, отражаютъ въ себѣ окаянство и бѣды каждаго сана, каждой степени, каждаго достоинства. Первая часть представляетъ суету всѣхъ предметовъ міра — тѣлесной красоты, одежды, богатства, веселія, почестей, похвалъ, сужденій и приговоровъ; вторая указываетъ злонравіе людское: гордость, лихомство, притворное смиреніе и пр; третья поучаетъ презрѣвшихъ суету міра работать Іисусу Христу, который одинъ только насыщаетъ душу и даетъ ей желанный покой.

Духовная лѣствица, Исаіи Копинскаго, митрополита кіевскаго (+ 1634), раздѣлена на 33 главы, по числу лѣтъ земной жизни Спасителя. Главы суть ступени лѣстницы, по которымъ иноческая жизнь восходитъ къ своему совершенству. Передъ ними помѣщенъ Алфавитъ духовный, или краткія духовныя правила, въ порядкѣ славянскаго алфавита; а послѣ нихъ стихословія. Въ расположеніи и содержаніи своей книги, Копинскій подражалъ Лѣствицѣ Іоанна Лѣствичника, переведенной на слав. языкъ еще въ XII в. и состоящей изъ 30 главъ.

Миръ съ Богомъ человѣку, Иннокентія Гизіеля, архимандрита кіево-печерской лавры (+1684), написанъ въ то время, когда Малороссія была театромъ многолѣтней лютой брани. Виною бѣдствій авторъ признаетъ грѣхъ: «какъ грѣхъ въ насъ пребываетъ, такъ и брань не престаетъ насъ губить; и потому напрасно желать мира, если не освободимся отъ грѣха». Средство къ освобожденію—покаяніе, силою котораго человѣкъ примиряется съ Богомъ. Чтобы лучше уразумѣть ученіе о покаяніи, авторъ предлагаетъ въ началѣ нѣсколько «основательныхъ увѣщаній», т. е. психологическихъ понятій о совѣсти, волѣ, благости, оправданіи, заслугѣ и пр., подобно тому, какъ Зерцало богословіи опредѣляло умъ, разумъ и другія духовныя способности человѣческой природы. Кромѣ Священнаго Писанія и церковныхъ учителей, Гизіель прибѣгалъ къ свѣтскимъ источникамъ. Включеніе ихъ въ среду духовно-назидательныхъ предметовъ объясняется оговоркой: «если книга заимствовала что-либо изъ внѣшнихъ учителей, то не должно этимъ гнушаться, ибо не только въ иновѣрныхъ, но и въ эллинскихъ (языческихъ) ученіяхъ есть повѣсти, служащія разуму, истинныя и здравыя». Къ такимъ повѣстямъ относится сказаніе о бѣсѣ Лѣтавцѣ, рожденномъ отъ человѣка и дьявола. Раздѣленіе грѣховъ по сословіямъ грѣшниковъ знакомитъ читателя съ характеромъ современныхъ недостатковъ. Грѣхи, пишетъ Гизіель, бываютъ чину купеческаго, ремесленнаго и другихъ. Ремесленники грѣшатъ, если ремесло свое невѣрно, неистинно и неприлежно исполняютъ и данную имъ вещь лжетворятъ, перемѣняютъ и возвращаютъ худшею; если каменьщики и плотники строятъ капища іудейскія

или еретическія, не смотря на духовное запрещеніе. Врачи впадаютъ въ душевные недуги, когда, не зная болѣзни, даютъ лекарство на-угадъ или, не вѣдая силы какого-либо лекарства, пробуютъ его надъ больнымъ; когда въ своемъ врачеваніи прибѣгаютъ къ чарованію, волхвованію, заговорамъ; когда цирюльники въ праздникъ брѣютъ или стригутъ, оставляя литургію. Аптекари согрѣшаютъ, если, готовя лекарство, не кладутъ въ него чего-либо нужнаго, предписаннаго врачемъ; или кладутъ одно вмѣсто другаго, напр. медъ вмѣсто сахара; или не сохраняютъ мѣры назначенной; или по своему разсужденію прибавляютъ что-нибудь, на бѣду ближняго.

Но на первомъ мѣстѣ въ отдѣлѣ назидательныхъ сочиненій слѣдуетъ, конечно, поставить славянскіе переводы знаменитой книги Ѳомы Кемпійскаго: «О подражаніи Іисусу Христу». Древнѣйшій изъ трехъ, относящихся къ XVII в., сдѣланъ Орестомъ Пастуроломъ, логоѳетомъ воеводы Матвѣя Бассарабы, и напечатанъ 1647 г. въ типографіи Дельскаго монастыря (въ Угровлахіи). Подлинникъ этой книги явился при условіяхъ, чуждыхъ славянскимъ землямъ. Онъ есть произведеніе мистицизма, въ которомъ выразилась реакція схоластическому ученію, какъ относительно основнаго начала, такъ и относительно способа изслѣдованій и формы изложенія. Почти въ самомъ началѣ своей книги, Ѳома Кемпійскій отвергаетъ логическія построенія, видя въ нихъ суетную работу мысли, чуждую связи съ потребностями души: «Къ чему намъ служатъ роды и виды? кто разумѣетъ Вѣчное Слово, тотъ не нуждается во многихъ мнѣніяхъ». Такое противодѣйствіе схоластикѣ не имѣло для насъ смысла. Славянскія племена, за исключеніемъ Поляковъ, были мало знакомы съ тѣмъ, чѣмъ уже успѣли пресытиться на западѣ. Книга Ѳомы Кемпійскаго перешла къ намъ совершенно независимо отъ ея значенія въ исторіи философіи. Она имѣла чрезвычайный успѣхъ своимъ общехристіанскимъ интересомъ, по которому западные писатели назвали ее книгой «вѣчнаго утѣшенія». Благочестіе услаждалось ею, какъ своего рода поэмой, изображающей духовную брань, постепенное восхожденіе христіанина къ идеальному совершенству—къ внутреннему единенію съ возлюбленнымъ Христомъ. Исторія духовныхъ бореній была не новостью для нашей монастырской жизни: еще въ XV в. Нилъ Сорскій принесъ отъ аѳонскихъ иноковъ аскетическое ученіе и частію изложилъ его въ посланіи объ осьми помыслахъ (§ 98). Къ этому-то ученію и примыкаетъ въ извѣстной степени книга Ѳомы Кемпійскаго.

Діоптру XVII в. не надобно смѣшивать съ Діоптрой инока Филиппа (XI в.), переводъ которой на сл. яз. извѣстенъ по рукописи XIV в. Въ XVIII и XIX в.в. явилось много книгъ подъ тѣмъ же заглавіемъ: зерцало человѣчества, зерцало правосудія, зерцало добродѣтели, зерцало вѣчности и пр.—«Лѣствица», Копинскаго (рук. Тол. II, 305; рук. Цар. № 229 и 230). Другіе переводы Ѳомы Кемпійскаго: іеромонаха Игнатія Бѣленевскаго, 1664 г., и неизвѣстнаго, 1681 (Соп. I, 791 и 792). Переводъ 1647 сдѣланъ по повелѣнію супруги воеводы Матвѣя, княгини Елены.

§ 148. Первые опыты драматической поэзіи возникли также въ югозападной Россіи. Хотя они и не развились надлежащимъ образомъ, застигнутые вліяніемъ ложно-классической трагедіи, но исторія литературы обязана указать главнѣйшіе факты ихъ существованія, которыми они входятъ въ соотношеніе съ средневѣковой драмой.

Христіанская церковь IV-го вѣка застала языческій театръ въ самомъ глубокомъ упадкѣ. Развратъ и загрубѣлость нравовъ притупили чистое наслажденіе

искусствомъ. Привыкнувъ къ площаднымъ фарсамъ или бою гладіаторовъ, Римляне не находили удовольствія въ художественномъ представленіи жизни: они требовали точнаго подражанія трагическимъ дѣйствіямъ. Чтобы любоваться, напримѣръ, дѣйствительною смертію Геркулеса, роль этого героя выполнилъ однажды приговоренный къ смерти преступникъ, который и былъ живой сожженъ на сценѣ. Церковь справедливо возстала противъ такого искаженія трагедіи: Іоаннъ Златоустъ, въ проповѣдяхъ своихъ, называетъ театръ зрѣлищемъ безнравственности, сатанинскимъ обычаемъ, печью вавилонскою.

Между твореніями церковныхъ учителей нѣтъ драматическихъ піесъ. Извѣстна одна только трагедія: «Страдающій Христосъ», которую преданіе приписываетъ Григорію Богослову. Русскій переводъ ея изданъ во Львовѣ (1630). Третья часть стиховъ ея заимствована изъ трагедій Еврипида; нѣкоторыя мѣста напоминаютъ Эсхилова Прометея. Главное лице—св. Дѣва Марія. Дѣйствіе большею частію происходитъ за сценой и доводится до свѣдѣнія читателей вѣстниками. Въ то время, какъ Юліанъ Отступникъ запретилъ изученіе классическихъ писателей въ христіанскихъ школахъ, естественно было ученымъ пастырямъ думать объ образованіи классическо-христіанской литературы и формы древняго искуства обратить на служеніе новымъ идеямъ. Этимъ замысломъ можно объяснить постройку означенной піесы на основахъ греческой трагедіи. По нѣкоторымъ даннымъ видно, что въ западныхъ монастыряхъ VIII—XI в.в. появлялись иногда опыты драматическихъ сочиненій: есть свидѣтельство, что Ангильбертъ, ученикъ Алкуина (VIII — IX в.), писалъ драмы; Гросвита, монахиня одного нѣмецкаго монастыря, сочинила въ X в., въ подражаніе Теренцію, шесть латинскихъ комедій или, вѣрнѣе, стихотворныхъ легендъ въ діалогической формѣ: предметъ ихъ—подвиги мученичества, торжество небеснаго надъ земнымъ, прославленіе дѣвственности; мюнхенская библіотека хранитъ отрывки стихотворныхъ латинскихъ драмъ на рождество Христово, IX и XI в. Но все это были піесы ученыя, не выходившія изъ монастырскихъ стѣнъ. Не здѣсь суждено было возникнуть новой драмѣ.

Она возникла, подобно древнегреческой трагедіи, изъ богослуженія, и наравнѣ съ нею имѣла значеніе религіознаго зрѣлища. Первые элементы ея заключались въ самомъ церемоніалѣ римской литургіи. Западная церковь ведетъ издавна, сохраняемый и донынѣ, обычай воспѣвать въ великую пятницу страсти Господни: эти пѣснопѣнія—своего рода ораторія, въ которой разные голоса изображаютъ евангельскія лица: теноръ—Спасителя, басъ—Пилата, хоръ—первосвященниковъ, стражу и народъ; для евангельскаго разсказа назначенъ речитативъ. Поочередное пѣніе или произнесеніе рѣчей придаетъ имъ болѣе движенія и жизни: онѣ сообщаютъ библейскому діалогу извѣстный драматизмъ и недалекимъ переходомъ отдѣляютъ повѣсть о событіи отъ представленія событія.

Духовныя представленія, вышедшія изъ римской литургіи, получили названіе «мистерій», такъ какъ въ началѣ они имѣли своимъ предметомъ величайшую тайну религіи: искупленіе міра Сыномъ Божіимъ. Нѣтъ сомнѣнія, что прежде всего явились рождественскія и воскресенскія (пасхальныя) драмы. Выходомъ ихъ изъ церковной службы вообще, изъ поочередныхъ пѣснопѣній въ частности, опредѣлился ихъ музыкальный характеръ, т. е. первоначально состояли они изъ пѣнія и речитатива, къ которымъ въ послѣдствіи присоединился діалогъ. Представ-

леніе совершалось въ алтарѣ священнослужителями и притомъ на латинскомъ языкѣ, но уже очень рано латинская рѣчь стала переводиться на языкъ народный: такъ во французской мистеріи на притчу «о десяти дѣвахъ» (XI в.) слова Спасителя произносятся Имъ прежде по-латини, а потомъ повторяются на провансальскомъ нарѣчіи. Составъ древнѣйшихъ мистерій крайне простъ, потому что предметъ ихъ, священный и непреложный, не допускалъ свободы ни въ изобрѣтеніи, ни въ расположеніи, ни даже въ выраженіи. Слагатели строго ограничены были двумя указаніями: евангельскимъ разсказомъ и литургическими дѣйствіями. Поэтическая форма обнаруживалась только риомой. Проблески истинной поэзіи видны въ рѣдкихъ мѣстахъ, напр. въ плачѣ Богородицы при крестномъ распятіи Ея Сына. Содержаніе мистерій—серьезное и трагическое, соотвѣтственно важности предметовъ, ими изображаемыхъ. Впервые появляются онѣ во Франціи, въ XI в.

Постепенное развитіе мистерій измѣняло ихъ внѣшнія и внутреннія особенности. Объемъ ихъ увеличивается, потому что онѣ представляютъ уже цѣлый рядъ событій изъ земной жизни Спасителя или, соотвѣтственно тайнѣ искупленія, всю духовную исторію человѣка, отъ его сотворенія до страшнаго суда; дѣйствующихъ лицъ вводится больше; сюжеты почерпаются не изъ однихъ евангельскихъ разсказовъ, но также изъ притчъ или другихъ книгъ Священнаго Писанія, имѣющихъ какое-либо отношеніе къ дѣлу искупленія; латинскій языкъ чередуется съ народнымъ, а потомъ и вовсе уступаетъ ему мѣсто, сохраняясь только для указаній того, что дѣлаютъ лица. Внутренняя перемѣна мистерій состояла въ томъ, что онѣ мало по малу отступали отъ своего строго-церковнаго характера, присоединяя къ серьезному комическое. Вторженіе комическаго элемента относится къ тому еще времени, когда піесы были разыгрываемы въ церкви: онъ выражался масками и грубыми шутками, олицетворяясь то въ сребролюбивомъ Іудѣ, то въ купцѣ, продававшемъ ароматы мироносицамъ, то въ дьяволѣ, какъ главномъ своемъ представителѣ. Какъ только послѣдній выступилъ на сцену, такъ мистерія необходимо должна была низойти съ своего постоянно-трагическаго тона.

Профанація священныхъ предметовъ не только мірянами, принимавшими участіе въ игрѣ, но и самими духовными лицами, вызвала вмѣшательство высшаго духовенства. Начиная съ XIII в., папа Иннокентій III, епископы и синоды не дозволяютъ ни въ церкви, ни на кладбищѣ представленіе піесъ, исполненныхъ комическими выходками. Тогда мистеріи перешли на площадь, гдѣ приняли большую свободу: новая сцена была для нихъ и началомъ новаго, плодовитаго періода. Такъ какъ смотрѣть ихъ стекался народъ, то онѣ, естественно, принаравливались къ его вкусу и понятіямъ: поэтому народныя сцены являются въ нихъ чаще и чаще; вокругъ библейскихъ характеровъ болѣе и болѣе группируются лица, придуманныя фантазіей, да и самыя священныя лица принимаютъ видъ людей простаго званія; идеальное изображается грубымъ, матеріальнымъ образомъ; художественность и единство настроенія не имѣютъ мѣста. Вмѣстѣ съ этимъ начали возникать въ разныхъ мѣстахъ свѣтско-духовныя братства для представленія мистерій: въ Антверпенѣ братство св. евангелиста Луки, въ Римѣ—братство del Gonfalone, въ Парижѣ—братство страстей Господнихъ (Confrérie de la Passion). Послѣднее, основанное въ 1402 г., названо такъ по главному предмету его представленій. Назначеніе братствъ состояло какъ бы въ томъ, чтобы духовную драму постепенно преобразовать въ свѣтскую изображеніемъ природы не идеальной,

прибавкой текущихъ дѣлъ будничной жизни къ великимъ дѣяніямъ минувшаго, живымъ отношеніемъ къ современности, народнымъ языкомъ Самое расширеніе объема піесъ не осталось безъ вліянія на ихъ характеръ: необходимо было разнообразить содержаніе піесы, которая иногда игралась нѣсколько дней сряду.

Представленіе духовной драмы было дѣломъ благочестивымъ и назидательнымъ: ее разыгрывали во славу Божію и на спасеніе души. Каждый актеръ цѣнилъ свое участіе въ игрѣ, какъ особый почетъ. Большія піесы дѣлились не на акты, а по днямъ, или главнымъ пунктамъ изображаемаго дѣйствія. Онѣ требовали значительнаго времени для своего исполненія: иногда однѣ вступительныя сцены тянулись два-три дня. По многолюдной публикѣ, можно было давать ихъ не иначе, какъ на открытомъ воздухѣ. До начала піесы, прологъ объявлялъ, что въ ней будетъ представляемо: обязанность объявленія возлагалась на вѣстника; иногда же передавалась ангелу или Августину, святителю, наиболѣе чтимому западною церковью. Сцена дѣлилась на три, одно надъ другимъ возвышающіяся, отдѣленія: верхнее представляло рай, среднее—міръ, нижнее—адъ. Дѣйствіе большею частію начиналось въ срединѣ и оканчивалось или вверху, или внизу.

Во Франціи отличаютъ мистеріи отъ нравственно-аллегорическихъ піесъ (moralités). Прежде чѣмъ moralité образовалась въ особый видъ драмы, соотвѣтственно переходу серьезной поэзіи феодализма въ холодные аллегорическіе романы, она составляла элементъ мистерій. Зрители знакомились съ нею то въ олицетвореніяхъ Вѣры, Надежды и Любви, Добродѣтели и Порока, Отчаянія, ведущаго Іуду-предателя на казнь; то въ формѣ какого-либо процесса, напримѣръ, между Правдою съ одной стороны и Милосердіемъ съ другой по дѣлу Грѣшнаго Человѣчества: споръ ихъ рѣшаетъ Искупитель міра своею вольною смертію, которая, удовлетворивъ Вѣчной Правдѣ, соглашаетъ ее съ Вѣчнымъ Милосердіемъ. Moralité, какъ особый видъ, одолжена своимъ развитіемъ корпораціи парижскихъ клерковъ или подьячихъ королевства Базошь (clercs de la Bazoche), которые набирались изъ учениковъ юриспруденціи и глава которыхъ получалъ титулъ короля, по средневѣковому обычаю, дававшему тотъ же титулъ старшинамъ и другихъ корпорацій. Клерки сначала разыгрывали фарсы, основанные главнымъ образомъ на вымышленныхъ юридическихъ процессахъ, а потомъ, въ подражаніе братству страстей Господнихъ, задумали, въ XV в., давать серьезныя піесы. По такъ какъ исключительная привиллегія братства не позволяла имъ давать мистеріи, то они выбрали новую форму—moralité, въ которой драма изъ области религіозной перешла въ поэтическую. Спеціальная цѣль ея—нравоученіе. Впрочемъ это не мѣшало проникнуть въ нее шуткѣ и сатирѣ, направленной противъ лицъ, событій и злоупотребленій. Случалось, что аллегорія почти вовсе исчезала, ступая на почву дѣйствительной, народной жизни и получая значеніе комедіи: таковы англійскія moralités Скельтона (XV—XVI в.).

Средину между мистеріями и moralités занимали піесы изъ житій святыхъ, такъ называемыя «представленія чудесъ»—названіе, усвоенное въ Англіи вообще духовнымъ драмамъ, которыя у Италіянцевъ и Французовъ извѣстны были подъ именемъ мистерій, у Испанцевъ подъ именемъ «актовъ», дѣйствій (autos), а у нѣмцевъ подъ именемъ «игръ». Впрочемъ, французскія піесы, заимствованныя не изъ Библіи, а изъ католическихъ легендъ, назывались также «чудесами». Разыгрываніемъ англійскихъ драмъ занимались цѣховые, ученики школъ, подъ—

ячіе. Каждая корпорація ремесленниковъ имѣла патроновъ между святыми, на праздники которыхъ и давала піесы легендарнаго содержанія. Значительное развитіе городскаго населенія въ то время, какъ драма перешла изъ рукъ духовенства къ мірянамъ, было причиною ея внутренней силы, ея національнаго и общечеловѣческаго значенія.

Впрочемъ всѣ эти названія: «мистерія», «игра», «представленіе чуда», «дѣйствіе», не имѣли строгой опредѣленности. Первое изъ нихъ до того господствовало во Франціи, что его долгое время относили даже къ піесамъ свѣтскимъ. Среднимъ вѣкамъ было чуждо различіе между трагедіей и комедіей, хотя уже въ XV в. отрѣшились отъ мистерій фарсы и карнавальныя игры (Fastnachtspiel).

Фарсы, подъ вліяніемъ аллегоріи, перешли въ sotties, которыя относятся къ нимъ также, какъ moralité серьезнаго тона къ мистеріи. Если moralité есть нравственная аллегорія, то sottie есть аллегорія-фарсъ. Sotties разыгрывались новой парижской труппой, набранной въ XV в. изъ веселой молодежи (Enfants sans souci) и начальникъ которой имѣлъ титулъ царя дураковъ (Prince des sots). Въ sotties преобладало осмѣяніе комической стороны жизни; ихъ сатира смѣло нападала на злоупотребленія, гдѣ бы они ни встрѣчались—въ лицахъ, сословіяхъ, учрежденіяхъ, нравахъ, законахъ. Главная дѣйствующая фигура, Seigneur Abus, выводила въ лицѣ своемъ прелатовъ, министровъ и другихъ сановниковъ, духовныхъ и свѣтскихъ. Современные интересы первой важности наравнѣ съ мелочью общественнаго быта были вѣрно схватываемы и олицетворяемы.

Средніе вѣка любили во всемъ рѣзкіе контрасты. Когда драма удалилась отъ церковнаго стиля и поступила въ распоряженіе народа, въ ней болѣе и болѣе захватывали мѣста забавныя шутки, сатира и юморъ. Дьяволъ отъ злобнаго величія спустился до весельчака, а въ XV в. окончательно преобразился въ шута, который на сценѣ игралъ туже самую роль, какая предоставлена ему была при дворахъ, т. е. величію и мудрости противополагалъ онъ остроуміе глупца. Проникая сильнѣе и глубже въ содержаніе драмы, комическій элементъ разросся наконецъ до такихъ предѣловъ, что долженъ былъ выдѣлиться изъ нея подъ видомъ особой сценической игры—интерлюдіи. Первую литературную обработку интерлюдіи получили въ Англіи отъ Гейвуда (XVI в.).

Судьба средневѣковой драмы у разныхъ народовъ была различна. Въ Испаніи и Англіи она, правильнымъ своимъ развитіемъ, положила крѣпкую основу дальнѣйшему ходу драматическаго искуства: піесы Кальдерона и Шекспира относятся къ ней, какъ зрѣлый плодъ къ сѣмени. Напротивъ, во Франціи, она была подавлена гнетомъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ. Литераторы и ученые, пренебрегши проявленіями народнаго искуства, обратились за примѣрами къ чуждому имъ искуству древнихъ. Ронсаръ (XVI в.) положилъ основаніе господству ложноклассическаго вкуса. Трагедія Жоделя: «Клеопатра (XVI в.)» дала образецъ драмы искуственной, основанной на теоріи Аристотеля и на подражаніи греко-римскимъ трагедіямъ. Народныя піесы не устояли противъ такого направленія, исходящаго отъ авторитета науки и скрѣпляемаго авторитетомъ двора. Съ другой стороны онѣ подверглись правительственному запрету за свой комизмъ и сатиру: 1548 г. въ Парижѣ и 1549 г. въ Римѣ.

Восточная церковь не имѣла обычая устроивать сценическія духовныя представленія: они занесены въ Кіевъ, вѣроятно, изъ Польши, гдѣ явились не позднѣе

XII в. Польскія мистеріи назывались «діалогами благочестивыми» или просто «историями». Со времени Сигизмунда I (XVI в.) ихъ играли въ костелахъ, въ рефекторіяхъ (столовыхъ) монастырей, на кладбищахъ и наконецъ, съ 1603 г., только въ школахъ. Онѣ сочинялись на языкѣ латинскомъ или польскомъ. Древнѣйшій латинскій діалогъ: «Адамъ (1507)»; древнѣйшій польскій (1533), написанный доминиканцами въ Краковѣ, представляетъ событія изъ жизни Спасителя отъ входа Его въ Іерусалимъ до Его смерти и заключаетъ въ себѣ 108 сценъ, представленіе которыхъ длилось четверо сутокъ. Аллегорія и комизмъ очень рано вторглись въ польскія мистеріи. При смерти Казимира Справедливаго (XII в.) былъ разыгранъ діалогъ аллегорическій изъ исторіи Польши. Комическіе діалоги представлялись въ монастыряхъ и были любимымъ зрѣлищемъ народа: они нарушали строгость духовныхъ драмъ народнымъ юморомъ. Такъ въ мистеріи, имѣвшія содержаніемъ страсти Господни, стали вводить интермедіи, въ которыхъ появлялся дьяволъ, продающій Іуду веревку, на которой онъ долженъ былъ повѣситься. Сцены изъ вседневной жизни, вѣдьмы и чаровницы, фигура шута, называвшагося въ Польшѣ Альбертомъ, наконецъ олицетворенія пороковъ и добродѣтелей разнообразили сюжеты діалоговъ и переводили ихъ постепенно въ область свѣтской комедіи. Съ половины XVI в. діалоги стали касаться общественной жизни; изъ нихъ возникли такъ называемыя мясопустныя комедіи, дававшіяся на масляницѣ. Когда протестантизмъ распространился въ Польшѣ и сталъ нападать на обряды римской церкви, діалоги съ комическимъ элементомъ были запрещены (1603 г.). Но представленіе собственно мистерій или сценъ изъ Св. Писанія продолжалось въ церквахъ почти до конца XVII в., пока римскій капитулъ не запретилъ ихъ окончательно (въ 1686 г.). При водвореніи своего ордена въ Польшѣ, со времени Сигизмунда III, іезуиты воспользовались мистеріями, какъ средствомъ для воспитанія, и съ этою цѣлью измѣнили ихъ первоначальный характеръ, введя въ нихъ догматическое богословіе и аскетику. Вмѣсто представленій изъ жизни Іисуса Христа, стали являться въ діалогахъ болѣе сложные сюжеты: тайны и догматы вѣры, ветхозавѣтныя событія, исторія св. Екатерины, праздникъ тѣла Господня (соотвѣтственно католическому празднику, введенному въ римскую церковь папою Урбаномъ IV, въ XIII в., утвержденному папою Климентомъ V, въ XIV-мъ, и всегда сопровождавшемуся разыгрываніемъ мистерій), и т. п. Въ связи съ мистеріями состояли вертепныя представленія. Вертепомъ (яселками) называется переносный трехъ-этажный ящикъ: въ первомъ и третьемъ этажахъ происходитъ дѣйствіе посредствомъ куколъ; второй назначенъ для машинъ, которыми куклы приводятся въ движеніе. Піесы разыгрывались на праздникъ Рождества. Дѣйствующими лицами были картонныя фигуры Богородицы, Іосифа, Спасителя, ангеловъ, пастуховъ и трехъ царей. Кромѣ того зрителямъ видны были быкъ, оселъ и агнецъ Іоанна Крестителя. Представлялось также избіеніе младенцевъ: на сценѣ являлись Иродъ, смерть (въ образѣ скелета) и дьяволъ, уносившій трупъ ненавистнаго царя. Вертепная драма, подобно мистеріи, имѣла два періода развитія: характеръ ея, въ началѣ строго церковный, измѣнился въ народный, отъ присоединенія сценъ обыденной жизни и отъ введенія лицъ изъ современнаго быта. Въ первомъ своемъ періодѣ она давалась духовенствомъ въ церкви, гдѣ устроивали вертепъ съ упомянутыми фигурами; во второмъ духовенство запретило ея представленіе, какъ несовмѣстимое съ важностію представляемаго событія.

Обычай разыгрывать діалоги въ школахъ, заведенныхъ іезуитами въ Полоцкѣ, Люблинѣ, Вильнѣ и другихъ городахъ, равно какъ и обычай ходить съ вертепомъ по городамъ и селамъ перешли изъ Польши на югозападъ Россіи, безъ всякаго сомнѣнія, еще въ XVI вѣкѣ. Какъ въ Польшѣ, такъ и въ Малороссіи вертепъ былъ двоякаго рода: городскій и деревенскій. Представленія городскаго вертепа сопровождались рѣчами показывающаго, который читалъ роли куколъ; представленія деревенскаго сопровождались только пѣніемъ колядскихъ пѣсенъ. Народъ смотрѣлъ съ живымъ участіемъ на рождественскую драму и скоро внесъ въ нее интересы своего собственнаго быта. За поклоненіемъ волхвовъ слѣдовали, напримѣръ, польскій и малорусскій танцы. На сцену выходили и цыганъ съ медвѣдемъ и работникомъ, и жидъ, совѣтникъ Ирода, и чаровница, сбивающая масло, и діяволъ, выпивающій у нея сметану. Но комическія сцены народной жизни не получили развитія въ литературѣ. Воспитанники Кіевской Академіи, ходившіе на святкахъ по домамъ горожанъ съ вертепомъ, удержали за рождественской драмой ея церковный характеръ. Одинъ изъ учениковъ произносилъ рѣчи дѣйствующихъ лицъ, а товарищи его пѣли не народныя пѣсни, а канты, написанныя силлабическими стихами и славившія рождество Спасителя.

Православная церковь чуждалась развитія тѣхъ данныхъ, среди которыхъ на западѣ зародились мистеріи. Хотя между ея обрядами были три «дѣйства», поддававшіяся сценическому представленію, однакожъ они не развились въ мистерію. Первое дѣйство состояло въ такъ называемомъ «чинѣ пещнаго дѣйствія», т. е. вверженія трехъ отроковъ въ вавилонскую печь и чудеснаго избавленія отъ пламени. Оно совершалось передъ Рождествомъ, въ Московскомъ Успенскомъ и Новгородскомъ Софійскомъ соборахъ, по особому уставу, написанному при патріархѣ Филаретѣ. Но какъ въ немъ собственно драматическаго очень немного, то и не льзя смотрѣть на него, какъ на достаточный поводъ къ появленію библейскихъ драмъ. Другое дѣйство—«шествіе на осляти»—служило воспоминаніемъ входа Спасителя въ Іерусалимъ. Начало его относится къ концу XVI в., т. е. ко времени учрежденія патріаршества. Оно происходило въ недѣлю вайй (вербное воскресенье) по особому уставу, въ Москвѣ, а потомъ распространилось и по другимъ городамъ, гдѣ лице патріарха заступалъ архіерей, а лице царя—воевода. Отмѣненное въ городахъ соборнымъ опредѣленіемъ (1678 г.), шествіе на осляти было оставлено и въ столицѣ съ упраздненіемъ патріаршества. Дѣйство страшнаго суда, происходившее въ воскресенье передъ масляницею, отправляемо было также по особому уставу. На площади, за алтаремъ Московскаго Успенскаго собора, устраивали два мѣста: одно для патріарха, другое для государя; передъ патріаршимъ мѣстомъ, на подмостахъ, обитыхъ краснымъ сукномъ, ставили образъ страшнаго суда. Царь и патріархъ шествовали изъ собора на означенныя мѣста, съ крестнымъ ходомъ при звонѣ во всѣ колокола. Послѣ пѣнія стихиръ, освященія воды и чтенія, на четыре стороны, Евангелія, патріархъ отиралъ губкою образъ страшнаго суда и другія иконы, осѣнялъ крестомъ и кропилъ святою водою государя, власти духовныя и свѣтскія и все народное множество, присутствовавшее при совершеніи обряда. Притомъ означенныя дѣйства имѣли мѣсто въ Великороссіи, а не въ югозападной Россіи, которая независимо отъ нихъ открыла въ школахъ представленіе мистерій, получившихъ у насъ названіе «комедій», или «дѣйствъ», а въ послѣдствіи «трагедо-комедій». Академическое начальство смотрѣло на комедіи,

какъ на средство къ назидательному развлеченію. Преподавателю піитики вмѣнено было въ обязанность сочинять для того по крайней мѣрѣ по одной піесѣ въ годъ. Представленія происходили въ рекреаціонное время. Обычай этотъ сохранялся и въ позднѣйшее время: Духовный Регламентъ (1720 г.) разрѣшалъ воспитанникамъ академій и семинарій дважды въ годъ «дѣлать комедіи». Драма Георгія Конисскаго, архіепископа бѣлорусскаго: «Воскресеніе Христово» (1747 г.), написана имъ для майскихъ рекреацій, когда онъ обучалъ въ кіевской академіи риторикѣ. Къ сожалѣнію намъ неизвѣстны комедіи XVII в., которыя давались въ стѣнахъ училищъ. Первые опыты въ этомъ родѣ относятся ко второй половинѣ XVII в. и были играны уже въ Москвѣ. Другіе написаны въ началѣ или половинѣ слѣдующаго столѣтія. Но существованіе такихъ комедій доказывается нѣкоторыми соображеніями. Кириллъ Транквиліонъ, объясняя пользу своего Перла многоцѣннаго (1647), говоритъ, что виршами его могутъ пользоваться учащіеся въ духовныхъ комедіяхъ. Онъ самъ, въ той же книгѣ, за похвалами праздникамъ Рождества и Воскресенія Христова, помѣстилъ разговоры между пятью отроками, хотя и не имѣющіе права называться драмами, но указывающіе на обычай занимать въ эти дни учениковъ какими-нибудь школьными діалогами. Драмы св. Димитрія Ростовскаго, вѣроятно, написаны имъ во время пребыванія его въ Батуринѣ или въ Черниговѣ.

Надобно жалѣть, что литература наша не воспользовалась, какъ это было въ Германіи и Англіи, драматическими элементами праздниковъ и обрядныхъ игръ, изъ которыхъ одни уже вымерли, а другіе держатся еще и донынѣ, Таковъ, во-первыхъ, обрядъ изгнанія зимы или смерти, состоявшій въ томъ, что въ мартѣ или началѣ мая по полямъ носили чучело, какъ образъ зимы или смерти, сопровождая процессію пѣснями, въ которыхъ упоминалось имя Зимы, древняго великана, и потомъ сожигали его или бросали въ воду. На Рождествѣ, ходили по домамъ и разыгрывали забавныя сцены такъ называемые окрутники и халдеи. Являясь въ тѣ дома, гдѣ для приглашенія ихъ ставили на окна зажженныя свѣчи, окрутники тѣшили хозяевъ шутками, комическими сценами и плясками. Халдеи получили свое названіе отъ того, что представляли служителей Навуходоносора, разводившихъ огонь въ печи, въ которую ввергнуты были три отрока. Они рядились въ деревянныя росписныя шапки и съ дозволенія патріарха устроивали свои шутовскія игры за недѣлю до Рождества: въ это время они бѣгали съ зажженной лучиной по улицамъ, жгли бороды встрѣчнымъ и т. п. Проводы масляницы состоятъ изъ ряда сценъ, которыя перешли и на лубочныя картины съ объяснительнымъ текстомъ, или народной драмой, изображающей отъѣздъ масляницы въ Ростовъ. Между хороводными играми есть одна, представляющая примиреніе мужа съ женой и сопровождаемая пѣснію, въ которой разсказывается самое дѣйствіе. Свадебные обряды простаго народа исполнены драматизма. Интереснѣйшая здѣсь сцена—продажа невѣсты: продающій вступаетъ въ разговоръ съ дружкой, который долженъ выкупить невѣсту или деньгами, или отгадываніемъ загадокъ. Самая форма загадки, столь любимой народною поэзіей, содержитъ въ себѣ зародышъ діалога. Состязаніе загадками, весьма обыкновенный мотивъ былинъ и сказокъ, распадается на разговоръ двухъ лицъ, изъ которыхъ одинъ предлаетъ вопросы, а другой отвѣчаетъ на нихъ. Но всѣ исчисленные драматическіе элементы не приняли у насъ литературной обработки и не положили основанія свое-

образной драмѣ. Мы уже знаемъ причины такого разлада между народной поэзіей и искуственной словесностью. Сначала духовенство, единственно образованное сословіе, видѣло въ пѣсняхъ, играхъ и обрядахъ народа остатки язычества, которымъ надобно было противодѣйствовать въ видахъ укрѣпленія христіанства и развитія христіанскаго просвѣщенія; потомъ въ литературу нашу проникло господство французскаго классицизма и своимъ анти-національнымъ характеромъ не могло внушить уваженія къ явленіямъ народнаго поэтическаго творчества.

Das geistliche Schauspiel. Geschichtliche Uebersicht von Karl Hase; Исторія польской словесности, Вишневскаго, т. VII; Мистеріи и старинный театръ въ Россіи, Пекарскаго (Совр. 1857, №№ 1 и 2); Начало рус. театра, Н. Тихонравова (Лѣт. рус. лит. 1859—60, кн. 5). Обз. дух. литер. приписываетъ переводъ трагедіи Григорія Богослова львовскому священнику Іоаннекію Волковичу. Уставы: пещнаго дѣйствія въ VI-мъ, страшнаго суда въ X-мъ и шествія на осляти въ XI-мъ тт. Древ. Рос. Вивл. Шествіе описано въ «Домашнемъ бытѣ рус. царей,» И. Забѣлина (статья 4-ая, Отеч. Зап. 1853, № 1); дѣйство страшнаго суда имъ же въ ст.: «Нѣкоторые придворные обряды и обычаи царей московскихъ» (Моск. Вѣд. 1847, № 13).

§ 149. Русскій литературный стихъ началъ образовываться въ XVI в. Образованіе его было дѣломъ искуственнымъ, не зависѣвшимъ отъ тѣхъ условій, которыя опредѣляютъ истинный его складъ и которыя, какъ извѣстно, должны соотвѣтствовать духу языка. Писатели XVI в. не могли руководствоваться наукой при устройствѣ стихосложенія: у нихъ не было грамматики, которая указала бы имъ просодическія особенности языковъ русскаго и церковно-славянскаго. Въ замѣнъ этого предлагала имъ свое пособіе стихотворная поэзія народа, необходимо согласная съ законами отечественнаго слова: хотя и случайно, появлялась она иногда въ книгахъ прозаическаго изложенія. Такъ въ апокрифѣ объ исповѣданіи Евиномъ (§ 131) вставлено нѣсколько стиховъ изъ Адамова плача:

Раю мой, раю, пресвѣтлый раю,
Красота неизреченная!
Меня ради сотворенъ есть,
Евги ради затворенъ есть!
Милостивѣ помилуй мя падшаго.

Но мы знаемъ, какъ духовенство смотрѣло на пѣсни и сказки, исполненыя двоевѣрія: поэтому и книжныя указанія на двоевѣрную поэзію пропадали для нашихъ писателей безслѣдно. За устройствомъ русскаго стиха они обратились къ польской литературѣ и ввели стихосложеніе силлабическое, основанное на числѣ слоговъ. Самое названіе стиховъ вѣршами или виршами, съ перемѣной *ѣ* на *и* по южнорусскому выговору, показываетъ ихъ польское происхожденіе. Когда они явились впервые, неизвѣстно. Многіе литературные памятники доказываютъ ихъ существованіе во второй половинѣ XVI в. Предисловіе къ острожскому изданію Библіи и описаніе герба кн. Острожскаго написаны «двострочными согласіями», т. е. риѳмованными стихами, которые назывались также «краесогласными», отъ слова «краесогласіе» (риѳма). Распространенію виршей способствовала школьная піитика, обучавшая искуству писать стихи, польскіе и русскіе. Въ XVII в. они становятся своего рода модой. Рѣдкое изданіе обходится безъ нихъ въ толкованіи герба, посвященіи, предисловіи и заключеніи. Они смѣшиваются съ прозой и служатъ для изложенія самыхъ разнородныхъ предметовъ. Цѣлыя книги пишутся стихами, какъ мы видѣли въ сочиненіяхъ Максимовича, самаго плодовитаго и

усерднаго виршеслагателя. Любовь къ виршамъ доходила до пристрастія, которое вызвало наконецъ осужденіе. Св. Димитрій Ростовскій, получивъ книгу Максимовича: «Богородице Дѣво», такъ писалъ о ней: «Книга стиховъ печатныхъ прислана мнѣ. Богъ далъ тѣмъ виршеписателямъ типографіи, и охоту, и деньги, и свободно житіе; мало потребныя вещи на свѣтъ происходятъ». Стихи цѣнились, какъ высшій видъ рѣчи. Поэтическое (стихотворное) художество заставило Транквилліона назвать одно изъ своихъ сочиненій, въ которомъ на половину прозы и на половину стиховъ, «Перломъ многоцѣннымъ», но въ тоже время стихотворцы смотрѣли на мѣрную рѣчь съ утилитарной точки зрѣнія: она помогала читателю удерживать въ памяти полезное содержаніе книги.

Силлабическая версификація, какъ подражательная, не отвѣчавшая законамъ русскаго слова, вышла прививною, насильственною. Неизмѣнное удареніе на предпослѣднемъ слогѣ, по свойству польской просодіи, сообщало виршамъ непріятную монотонію и принуждало отступать отъ естественнаго выговора словъ. Кромѣ того стихотворный размѣръ шелъ на перекоръ русскому синтаксису. Между ними не было достаточнаго соглашенія: постройка словъ необходимо подчинялась постройкѣ стиховъ. Будучи скована правилами чуждой ей просодіи, церковнославянская и русская рѣчь ложились искуственными, натянутыми предложеніями и періодами, и отступала отъ естественнаго строя, ради соблюденія риѳмъ, цезуры и количества слоговъ.

Были также попытки ввести стихосложеніе метрическое, основанное на долготѣ и краткости слоговъ. Они принадлежатъ Лаврентію Зизанію и Мелетію Смотрицкому, авторамъ славянскихъ грамматикъ (см. ниже). Составляя свои руководства по системѣ грамматики греческой, они находили многія сходства между обоими языками не только въ этимологическихъ и синтаксическихъ формахъ, но и въ просодіи. Грамматика Зизанія различаетъ славянскія гласныя буквы на долгія, краткія и общія, или двоевременныя, и согласно такому дѣленію излагаетъ версификацію. Примѣру его послѣдовалъ Смотрицкій. Повторивъ тоже дѣленіе гласныхъ, онъ опредѣлилъ и такъ называемое ихъ положеніе, по которому онѣ становятся или долгими или короткими, исчислилъ разные виды греческихъ стопъ и далъ примѣръ стиховъ, написанныхъ метрическимъ размѣромъ:

Серматски новорастныя мусы стопу перву
Тщацуся Парнассъ въ обитель вѣчну заяти,
Христе Царю пріими, и благоволивъ, Тебѣ съ Отцемъ
И Духомъ святымъ пѣти учи россійскій
Родъ нашъ чистыми мѣры словенски имны.

Примѣръ этотъ впрочемъ не нашелъ подражателей.

§ 150. Югозападные писатели даютъ намъ и первые опыты искуственной поэзіи, возникшей въ Европѣ въ эпоху возрожденія. Они какъ бы прокладываютъ дорогу дѣятельности Кантемира, Тредьяковскаго и Ломоносова, которые перенесли къ намъ многія формы новоевропейской, подражательной литературы. Лирика существовала уже въ XVII в., хотя въ грубомъ видѣ, въ тяжелыхъ виршахъ. Она брала себѣ содержаніемъ предметы религіозные и событія въ жизни царскаго семейства. Стихотворенія, воспѣвавшія хвалу Богу, Дѣвѣ Маріи, апостоламъ и святымъ, принадлежатъ къ духовнымъ одамъ или гимнамъ. Такими гимнами наполнена цѣлая половина «Перла многоцѣннаго». Книга Максимовича: «Богородице Дѣво» есть своего

рода дидактико-лирическая поэма, въ которой излагаются догматы и величается Богородица. Къ лирикѣ слѣдуетъ также отнести стихотворные прологи и эпилоги сочиненій, принимавшіе иногда нравоучительный характеръ. Похвалы священнымъ лицамъ и событіямъ выражались нерѣдко въ формѣ акростиха, логогрифа, загадки, анаграммы и другихъ стихотворныхъ мелочей, бывшихъ въ большой модѣ у западныхъ народовъ, особенно у Французовъ, въ XVII и XVIII вѣкахъ. Рядомъ съ похвальными стихами идутъ элегіи—умилительныя пѣсни или плачи о страстяхъ Господнихъ, о грѣхопаденіи человѣка и другихъ предметахъ, какъ можно видѣть въ «Перлѣ многоцѣнномъ».

Радостные или печальные случаи въ жизни царя и именитыхъ русскихъ людей служили новымъ предметомъ лирики—торжественной или элегической. Стихи на гербъ составляютъ почти неизбѣжную принадлежность южнорусскихъ изданій, начиная съ XVI вѣка, что намъ извѣстно изъ Библіи, напечатанной въ Острогѣ. Авторъ толкуетъ фигуры герба, какъ знаки достоинствъ того, кому онъ принадлежитъ, какъ символы заслугъ его самого или его рода. «Мессія Правдивый» начинается стихами «на пресвѣтлый, всему міру свѣтящій гербъ Мессіи» (крестъ, окруженный звѣздами и облаками, съ надписью: «тогда явится знаменіе Сына человѣческаго на небеси»), за которыми слѣдуютъ стихи къ государственному гербу—двуглавому орлу. Въ «Мечѣ духовномъ» объяснена стихами выходная гравюра, представляющая знаменіе (гербъ) царскаго величества. Похвальные стихи гербу назывались иногда эпиграммой: въ «Евангеліи учительномъ» Транквилліона есть эпиграмма на гербъ княжны Вишневецкой. Примѣры обоихъ родовъ лирики—оды и элегіи—можно видѣть въ сочиненіяхъ Барановича: по случаю смерти царя Алексѣя Михайловича, написалъ онъ Плачъ о его преставленіи и привѣтствіе Θеодору Алексѣевичу (1676). Но еще прежде этого кіевская академія почтила память Петра Могилы стихотворными и прозаическими похвалами его заслугъ и плачами о его смерти.

За стихами на гербъ нерѣдко слѣдуетъ посвященіе тому же лицу, обстоятельнѣе развивающее то самое, что уже высказано виршами. Какъ послѣдніе относятся къ похвальной лирикѣ, такъ посвященія имѣютъ характеръ похвальнаго ораторства и служатъ переходомъ отъ духовныхъ словъ къ свѣтскому краснорѣчію. Панегирики не всегда составляли прибавочную статью къ сочиненію, но являлись и отдѣльными книгами. По воцареніи Іоанна съ Петромъ I, Барановичъ написалъ имъ похвальное слово: «Благодать и Истина» (1683). Здѣсь, какъ бы «доброгласнымъ кимваломъ», выразилъ онъ ожиданія Россіи отъ совокупнаго правленія братьевъ-царей, имена которыхъ означаютъ благодать (Іоаннъ) и истину (Петръ). Замѣчательнѣе, по характеру свѣтскаго краснорѣчія, трудъ братьевъ Перекрестовыхъ: «Дары Духа Святаго» (1688), т. е. описаніе семи добродѣтелей царевны Софіи: мудрости, разума, совѣта, крѣпости, благочестія, видѣнія въ законѣ Господнемъ, страха Божія. Съ помощью риторики, наполнили они слово гиперболическими представленіями, безъ которыхъ, по тогдашнему ученію, не могли обойтись ни хвалебная поэзія, ни хвалебное краснорѣчіе. Въ самомъ началѣ слова говорится о невмѣстимой міромъ славѣ царевны: «какъ мудрый Альбертъ (Великій) изъ разныхъ цвѣтовъ и зелій сотворилъ говорящую голову, на подобіе человѣческой, такъ и достоинства царевны заставляютъ землю глаголать ей похвалы». Первая часть слова (описаніе да-

ра мудрости) заключается воззванiемъ къ народамъ и лѣтописцамъ: «Услышьте, народы земные, сколь велика слава имени пресвѣтлой государыни; услышьте лѣтописцы, восхваляющiе дѣла вашихъ монарховъ! Здѣсь одно имя государыни требуетъ множайшихъ хвалебныхъ глаголовъ, чѣмъ всѣ дѣла вашихъ царей. Для чего молчите, не возвѣщая славы ея? Удерживаете ли усумнѣлый вашъ разумъ, дивяся ея мудрости? Того ли ради молчите, что предстоитъ вамъ безчисленный трудъ въ описанiи ея дѣлъ? Если хотите описывать мудрость—здѣсь найдете, что писать о мудрости пресвѣтлой государыни. Если хотите описывать благочестiе—здѣсь найдете образъ благочестiя для всего христiанства. Ее хвалите, ея имя возвѣстите будущимъ вѣкамъ. Я не могу, пресвѣтлая государыня, описывать мудрыхъ дѣлъ твоихъ: тому, кто разсматриваетъ твое имя, не слова похвальныя приходятъ на мысль, а удивленiе великое. Мнѣ кажется, удобнѣе описать славу монарховъ мимошедшаго вѣка, нежели твои мудрыя дѣла, ибо ихъ малая противу твоей слава не столь многихъ словесъ требуетъ.» Въ концѣ сочиненiя авторы примѣняютъ къ своему положенiю разсказъ изъ жизни Аристотеля: мудрый Аристотель, разсматривая въ рѣкѣ Еврипѣ семь водныхъ потоковъ, вспять обращающихся, не могъ понять того своимъ разумомъ и бросился въ рѣку, сказавъ: не могу тебя, Еврипъ, взять въ разумъ—ты меня возьми! Такъ и этотъ трудъ не въ силахъ обнять разумомъ седмь даровъ Духа Святаго: ты его возьми, пресвѣтлая государыня, и благодарно прiими отъ приносящихъ тебѣ и упадающихъ передъ тобою, земнымъ солнцемъ.

Въ «Скарбницѣ» Галятовскаго, кромѣ логогрифа, анаграммы, загадки, акростиха, есть еще «иолиндрономъ»—стихотворенiе, котораго слова произносятся одинаково, какъ-бы мы ихъ ни читали—отъ правой ли руки къ лѣвой или отъ лѣвой къ правой, и «хроностихъ», въ которомъ числительныя буквы, будучи сложены, даютъ въ суммѣ годъ какого-либо достопамятнаго событiя. Сказанiемъ о говорящей главѣ, устроенной Альбертомъ Великимъ изъ мѣди и разбитой ученикомъ его, Ѳомою Аквинскимъ, воспользовался Симеонъ Полоцкiй для нравоученiя въ «Вертоградѣ многоцвѣтномъ». При чтенiи «Даровъ Духа Святаго» приходитъ на мысль Слово императрицѣ Елисаветѣ, Ломоносова (1748), которое также изображаетъ семь ея добродѣтелей. Это не даетъ еще права дѣлать рѣшительныхъ сближенiй и заключать, что Ломоносовъ подражалъ Перекрестовымъ, но по крайней мѣрѣ можемъ замѣтить сходство направленiя и тона, показывающее, что похвальное ораторство, которому, наравнѣ съ лирикой, предстояло расширить свою сферу въ XVIII в., не принадлежало къ числу явленiй, небывалыхъ въ предъидущемъ столѣтiи.

§ 151. Южнорусская (малорусская, украинская) народная поэзiя, по своему историческому и эстетическому значенiю, принадлежитъ къ самымъ замѣчательнымъ явленiямъ безъискуственнаго творчества. Съ художественною вѣрностью изображаетъ она природу края, минувшiя судьбы народа, основныя стихiи его характера, его общественный и домашнiй бытъ. На югѣ Россiи въ особенности процвѣталъ эпосъ историческiй, который хотя и уступаетъ въ древности великорусскому, но по языку равно богатъ первобытными эпическими формами. По формѣ различаются въ немъ два отдѣла: думы и собственно пѣсни. Стихосложенiе тѣхъ и другихъ тоническое, но стихи думы, всегда почти риѳмованные, неодинаковы по числу и роду стопъ, тогда какъ пѣснь сложена изъ стиховъ однородныхъ и равномѣрныхъ. Такое строенiе думъ условлено ихъ эпическимъ тономъ, ибо содержанiе ихъ большею частiю историческое. Когда же онѣ, отрѣшаясь отъ разсказа, вдаются въ лиризмъ, тогда принимаютъ и опредѣленный пѣсенный размѣръ.

Думы и былевыя пѣсни слагались по свѣжимъ слѣдамъ событій, отъ чего и проникнуты живостью представленій и чувствъ, которая не могла бы имѣть въ нихъ мѣста, если бы пѣвецъ вдохновлялся только воспоминаніемъ о старинѣ. Слагателями ихъ были участники или по крайней мѣрѣ очевидцы изображаемыхъ подвиговъ. Пѣніе своихъ сочиненій они сопровождали игрою на бандурѣ, или кобзѣ, національномъ инструментѣ, отъ котораго и получили названіе бандуристовъ (кобзарей) и который неразлучно сопутствовалъ казаку-воину. Отъ бандуристовъ думы переходили къ нищимъ слѣпцамъ, поющимъ ихъ и донынѣ. Въ старину нищіе слѣпцы не только сами пѣли, но и другихъ учили пѣть, заводя для того школы по разнымъ концамъ Малороссіи. Нѣкоторые изъ нихъ достигали знаменитой извѣстности и всю жизнь пользовались данью отъ учениковъ. Въ отличіе отъ этихъ старосвѣтскихъ, «великихъ» пѣвцовъ, нынѣшніе пѣвцы называютъ себя «малыми». Думы, съ теченіемъ времени забываемыя народомъ, обращались въ прозаическіе разсказы. Онѣ теряли прежнюю полноту и цѣльность; старинная рѣчь ихъ уступала мѣсто выраженіямъ позднѣйшаго языка; и только стихотворные отрывки, тамъ и здѣсь прерывающіе прозу, напоминаютъ о первобытной ихъ формѣ. Слѣды такой формы замѣтны, напримѣръ, въ преданіи о Хмельницкомъ и Барабашѣ.

Трудно сказать что-либо положительное о южнорусскомъ эпосѣ въ періодъ, предшествовавшій образованію казачества. Хотя въ иныхъ пѣсняхъ поется о событіяхъ до-казацкаго времени, но отсюда нельзя еще вывести никакихъ твердыхъ заключеній: это—памятники сомнительнаго характера, дошедшіе до насъ въ болѣе или менѣе измѣненномъ видѣ, или сложенные въ эпоху позднѣйшую. Таковы: дума-сказаніе о морскомъ походѣ варяго-русскаго князя-язычника въ христіанскую землю (иначе: сказка про бога Посвистача) и легенда о золотыхъ кіевскихъ воротахъ. Первая есть отрывокъ изъ какой-то сказки, къ которой нельзя пріурочить никакого историческаго объясненія. Вторая повѣствуетъ, какъ ворота перенесены были въ Царьградъ богатыремъ Михайликомъ, за то, что Кіевляне хотѣли выдать его Татарамъ; какъ послѣ того враги вошли въ Кіевъ и разорили его; какъ богатырь до сихъ поръ живетъ въ Царьградѣ, питаясь только просфорами и водой, но будетъ время, когда онъ воротится въ Кіевъ и поставитъ ворота на прежнее мѣсто. Оба сказанія замѣчательны тѣмъ, что сохранили память о временахъ Владиміра и отдаленной татарщины, нашедшихъ свое изображеніе въ великорусскомъ эпосѣ, но забытыхъ на югѣ Россіи, гдѣ совершались самыя событія. Это отсутствіе былинъ кіевскаго богатырскаго цикла въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онѣ, безъ сомнѣнія, были сложены, можетъ быть объяснено тѣмъ, что послѣ татарскаго погрома народъ массами разбѣгался съ юга и занесъ съ собою пѣсни на сѣверо-западъ и сѣверо-востокъ Россіи, гдѣ онѣ видоизмѣнились. Изъ Украины богатырскія, нерѣдко миѳическія пѣснопѣнія были вытѣснены увлекательными для народнаго воображенія событіями казацкой исторіи, въ которой принималъ дѣятельное участіе весь народъ. Малорусскія пѣсни не знаютъ также ни удѣловъ, ни Гедимина и его наслѣдниковъ: онѣ возникли съ появленіемъ казачества и достигли цвѣтущаго развитія въ XVII в.; древнѣйшую изъ нихъ: пѣсню про Малого Гарею (Менгли Гирея, крымскаго хана, неоднократно опустошавшаго Украину) относятъ къ концу XV в., хотя въ настоящемъ своемъ видѣ она не можетъ назваться народною.

Малорусскій эпосъ по преимуществу военный. Это—поэтическая лѣтопись непрерывныхъ браней казачества, которое не ранѣе XVI в. приняло опредѣленную форму, сложилось въ Запорожскую Сѣчь, воинственную общину, одушевленную одними и тѣми же чувствами. «Тѣмъ и сталась слава та казацкая сила, что у нихъ была воля и дума единая», говорится въ одной думѣ. Изъ Запорожья, въ XVI в., казачество разошлось по Украинѣ. Именемъ казака, дотолѣ означавшимъ собственно наѣздника, Запорожца, сталъ называться каждый добровольный воинъ. Наконецъ оно обратилось въ народное, принадлежавшее всѣмъ Малоруссамъ, такъ что казаковъ, по словамъ лѣтописи, было столько же, сколько и людей на Украинѣ. Казаки величали себя рыцарями (витязями), всегда готовыми сражаться за православную церковь, отчизну и волю. Стефанъ Баторій, принявъ подданство Украины, далъ ей новое воинско-гражданское устройство. Онъ раздѣлилъ казаковъ на выборныхъ, или реестровыхъ, и добровольныхъ, или охотныхъ: первые составляли постоянное войско, расположенное на границахъ Украины для защиты ея отъ Крымцевъ; вторые образовали городскую, замковую крѣпостную стражу и несли службу преимущественно во время войны, а въ мирное время занимались земледѣліемъ и промышленностью. Въ тѣсномъ, или собственномъ своемъ смыслѣ, обнимая собою только Запорожскую Сѣчь или мелкія отдѣльныя ватаги, казачество выразило своею кратковременною, хотя и бурно-блестящею жизнію, идею личной свободы, взявшей перевѣсъ надъ общественнымъ устройствомъ, которому необходимо должна подчиняться личность, такъ какъ безъ этого подчиненія немыслимы единство и прочность общества. Въ смыслѣ обширномъ, относящемся не къ одной Сѣчи, но ко всему малорусскому населенію, оно было противодѣйствіемъ народа езуитству и польско-русскому панству, имѣвшему въ виду только собственныя выгоды и антинародныя цѣли.

По главнымъ періодамъ исторіи казачества, южнорусскій эпосъ образуетъ три цикла: турецко-татарскій, польскій и русскій. Первый циклъ имѣетъ предметомъ до-уніятскія времена казачества; второй обнимаетъ время отъ возстанія казаковъ противъ Уніи до смерти Богдана Хмельницкаго; третій идетъ съ присоединенія Украины къ Великороссіи до конца XVIII в. Послѣ того замерла производительность народной поэзіи; пѣвцы повторяютъ только прежнія пѣсни, передѣлывая ихъ иногда на новый ладъ, вводя новые стихи въ старинныя пѣсни, или даже импровизируя цѣлыя строфы.

Турецко-татарскій отдѣлъ, какъ видно по самому его названію, воспѣваетъ подвиги Запорожцевъ въ битвахъ съ Татарами и Турками, происходившихъ въ степи, на Дунаѣ и Черномъ морѣ. Героями въ этомъ отдѣлѣ являются: Дмитрій Байда (гетманъ кн. Дмитрій Вишневецкій), Свирговскій, Серпяга (Подкова), Богданъ Ружный, Самуилъ Кушка и другіе. Въ числѣ пѣсенъ, сюда относящихся, есть особый разрядъ «невольническихъ»: онѣ описываютъ пребываніе казаковъ въ плѣну и дѣлятся на плачи и славословія. Примѣръ «плача» можно видѣть въ думѣ о Марусѣ Богуславкѣ (изъ города Богуслава), которая освободила, въ праздникъ воскресенія Христова, семьсотъ казаковъ изъ плѣна, но сама не захотѣла вернуться къ отцу и матери, а осталась въ неволѣ «ради турецкой роскоши, ради несчастнаго лакомства». Дума оканчивается молитвой: «освободи, Боже, всѣхъ бѣдныхъ невольниковъ изъ тяжкой неволи, изъ земли бусурманской! возврати насъ къ яснымъ зорямъ, къ тихимъ водамъ, въ край веселый, межъ народъ крещеный! Услышь, Боже, наши

горячія просьбы, наши невольницкія мольбы!» Примѣръ славословія представляетъ дума о Самуилѣ Кушкѣ, пятьдесятъ четыре года томившемся въ плѣну у Турокъ и отважно изъ него освободившемся. По объему и отчетливости изображеній, она можетъ быть названа цѣлымъ эпическимъ сказаніемъ. Описавъ удачную отвагу Кушки, изобразивъ превосходную встрѣчу Запорожцами неузнаннаго героя-воина и пріемъ, который потомъ ему сдѣлали, пѣвецъ, въ заключеніи, восхваляетъ Запорожцевъ, умѣвшихъ добывать себѣ славу «лыцарства»: «будетъ славна слава между казаками, между друзьями, между рыцарями, между добрыми молодцами! утверди, Боже, люду царскаго, народу христіанскаго, войска запорожскаго, донскаго, съ черню Днѣпровою, низовою, на многія лѣта, до конца вѣка!»

Особенная красота былевыхъ пѣсенъ заключается въ живомъ изображеніи природы, которая, какъ существо одушевленное, принимаетъ участіе въ судьбѣ воиновъ. Смерть казака — любимая тема малорусской поэзіи—воспѣвается многими думами. Лучшая между ними—дума объ Азовскихъ братьяхъ. Она разсказываетъ о побѣгѣ трехъ братьевъ, спасшихся изъ неволи: двое ѣхали на коняхъ, третій шелъ пѣшкомъ. Конные не хотѣли взять съ собою пѣшаго, боясь погони и жалѣя потерять захваченное ими имущество. Дума начинается отрицательнымъ сравненіемъ:

Изъ земли турецкой, изъ вѣры бусурманской, изъ города Азова не пыль, не туманъ вставалъ: то уходилъ малый отрядецъ—три родныхъ брата, сердечные товарищи. Двое на коняхъ, а третій за ними пѣшкомъ подбѣгаетъ, по выжженной степи бѣлыми ногами ступаетъ, кровью слѣды заливаетъ.

Истомленный голодомъ и жаждою, такъ что его и тихій вѣтеръ съ ногъ валитъ, младшій братъ приближается къ Саворъ-могилѣ (на лѣвой сторонѣ Днѣпра)— представительницѣ степныхъ могильныхъ насыпей, или кургановъ, которыхъ такъ много въ южной Руси:

Онъ отдыхаетъ на девятый день бѣгства—въ девятый день ждетъ дождя небеснаго. Немного онъ опочилъ, какъ сбѣжались къ нему волки сѣрые, слетѣлись орлы чернокрылые, сходились въ головахъ и надъ живымъ хотѣли уже отправить темныя похороны. И говоритъ онъ: «волки сѣрые, орлы чернокрылые, гости мои милые! обождите хоть немного, пока казацкая душа разлучится съ тѣломъ. Тогда вы будете мнѣ черныя очи выклевывать, бѣлое тѣло вокругъ желтой кости объѣдать, желтую кость подъ зеленые яворы растаскивать и покрывать камышами».

Прошло еще немного времени—уже онъ руками не владѣетъ, ногами не ходитъ и яснаго неба не видитъ.... На небо взираетъ, тяжело вздыхаетъ: «Голова моя казацкая! бывала ты въ странахъ турецкихъ, межъ народовъ бусурманскихъ; а теперь пришлось тебѣ погибать на безводьѣ, на безхлѣбьѣ. Девятый день, какъ у меня въ устахъ хлѣба не было, отъ жажды и голоду погибаю!»

Сказалъ—и не черная туча налетѣла, не буйные вѣтры подули: то казацкая, молодецкая душа съ тѣломъ разлучилась. Тогда сѣрые волки сбѣгались, и чернокрылые орлы налетали, въ головахъ садились и черныя очи выклевывали, бѣлое тѣло вокругъ желтой кости объѣдали, желтую кость подъ зеленые яворы растаскивали и камышами покрывали.

Откуда ни возьмется сиза кукушечка: въ головахъ сѣла, жалобно куковала; какъ сестра надъ братомъ, либо мать надъ сыномъ, плакала.

Дума эта замѣчательна глубокимъ нравственнымъ смысломъ, который высказанъ не словами, а самимъ событіемъ.

Въ другой думѣ: «Три брата», выражена также мысль нравственно-религіозная. Израненные турецкими саблями и янычарскими пулями, братья ожидаютъ смерти. Младшій говоритъ имъ: «Братья мои родные, сизые голубчики! не сабля турецкая насъ порубала, не пуля янычарская насъ пострѣляла: молитва отца и матери

покарала насъ—за то, что, какъ отъѣзжали мы на войну, съ отцемъ и матерью не простились, а какъ проѣзжали мимо церкви, дому Божьяго, шапокъ не снимали, милосердаго Бога на помощь не призывали». Таже мысль раскрыта въ думѣ: «Черноморская буря». На казацкихъ ладьяхъ есть грѣшникъ (Алексѣй Поповичъ), почитаемый за праведнаго человѣка. Море не терпитъ его и волнуется. Тогда казакъ приноситъ покаянную исповѣдь, одного почти содержанія съ словами предъидущей думы. Какъ только онъ исповѣдалъ грѣхи свои, казацкія лодки благополучно пристали къ берегу. Поповичъ, избѣжавъ опасности, даетъ наставленіе всѣмъ добрымъ людямъ: «Надобно уважать отца и матерь. Кто повинуется имъ, тотъ на всю жизнь найдетъ себѣ счастье, его минуетъ мечъ. Молитва отца и матери со дна моря спасаетъ, изъ грѣховъ смертельныхъ душу выкупаетъ, на полѣ и на морѣ помощь даетъ». Обѣ эти думы имѣютъ цѣлью дать наставленіе украинской молодежи, которая часто отходила на Запорожье безъ родительскаго благословенія.

Второй циклъ украинскаго эпоса изображаетъ войны казаковъ съ Польшею. Главныя лица, имъ прославляемыя: Наливайко, Тетеренко, Лобода, Чурай, Повтора-Кожуха, и въ особенности Хмельницкій. Всѣ сословія югозападной Руси принимали участіе въ борьбѣ за вѣру и народность, открывшейся со времени Уніи: высшее сословіе, въ лицѣ кн. Острожскаго и другихъ просвѣщенныхъ вельможъ, и среднее, учреждавшее братства, имѣли цѣлію распространить образованіе, какъ надежное средство къ охраненію религіозной и политической самостоятельности. Сословіе низшее, или земледѣльческое, кромѣ опасности, грозившей общимъ интересамъ русскаго народа, имѣло и другой поводъ къ борьбѣ: оно должно было отстаивать свои личные, сословные интересы, терпѣвшіе большое стѣсненіе. Вотъ почему казацкія войны этого времени, отъ Наливайки до смерти Богдана Хмельницкаго, суть войны народныя. Вся Украйна обратилась какъ бы въ охотное казацкое войско, въ которомъ впрочемъ никогда не было недостатка, по словамъ украинской лѣтописи: «стоитъ старшему сказать слово, и войска явятся какъ трава». Наконецъ собственно казаковъ, т. е. воиновъ, раздражало еще отнятіе данныхъ имъ правъ и привиллегій: ограниченіе числа ихъ, назначеніе старшины правительствомъ и зависимость его отъ короннаго гетмана.

Лучшія думы польскаго цикла малорусской поэзіи: о Ганжѣ Андыберѣ, на побѣду Чигиринскую, походъ на Поляковъ, на побѣду Корсунскую, о походѣ Хмельницкаго въ Молдавію, и одна баллада о бѣдственномъ состояніи православной церкви во время Уніи.

Основная мысль думы о Ганжѣ Андыберѣ (бывшемъ, вѣроятно, гетманомъ незадолго передъ Богданомъ Хмельницкимъ)—вражда войсковой черни къ польскимъ панамъ, захватившимъ лучшія земли и угодья. Въ началѣ пѣсни Ганжа выступаетъ простымъ бездомнымъ казакомъ:

По Килійскому полю, по торной Ордынской дорогѣ, гулялъ бѣдный казакъ бездомный семь лѣтъ и четыре и потерялъ трехъ верховыхъ вороныхъ коней. Наступаетъ двѣнадцатый годъ—бездомный казакъ прибываетъ къ городу Черкасамъ. На бѣдномъ казакѣ три сермяги, епанчишка изъ ситника, поясишка изъ хмѣлю. На бѣдномъ казакѣ сафьянцы—видать пяты и пальцы: гдѣ ни ступитъ—слѣдъ босой ноги оставляетъ. А еще на бѣдномъ казакѣ баранья шапка—сверху дыра, мѣхъ вылѣзъ, околышка нѣту; дождемъ шапка покрыта, а вѣтромъ, на казацкую славу, подбита.

Андыберъ приходитъ въ шинокъ, гдѣ пируютъ трое богатыхъ Ляховъ. Они смѣ-

ются надъ бѣднымъ казакомъ, и одинъ изъ нихъ велитъ подать ему пива. Шинкарка поставила передъ нимъ четверную конву:

Казакъ сѣлъ подлѣ печи и началъ тянуть пиво на славу: отвѣдалъ разъ, потянулъ въ другой разъ, а за третьимъ взялъ конву за ухо и осушилъ до дна.

Когда началъ хмѣль одолѣвать казацкую голову, началъ казакъ коновкою гремѣть по полу: начали тогда у пановъ—богачей чарки и фляжки прыгать со стола, а печка распалась на десять частей, разлетѣлась по хатѣ и за сажей не взвидѣли паны Божьяго свѣту.

Грозно говоритъ онъ Ляхамъ подвинуться къ порогу, а ему дать мѣста подъ образами; вынимаетъ кожаный поясокъ и устилаетъ весь столъ червонцами:

Казакъ по кабаку похаживаетъ, отворяетъ окошко, на быстрыя рѣки посматриваетъ, громкимъ голосомъ покрикиваетъ: «ой рѣки, вы, рѣки Низовыя, помощницы Днѣпровыя! теперь меня или пріодѣньте, или къ себѣ примите». Тогда одинъ казакъ идетъ, дорогое платье несетъ, на его казацкія плеча надѣваетъ; другой казакъ идетъ, сафьянные сапоги несетъ, на его казацкія ноги надѣваетъ; третій казакъ идетъ, казацкую шапку несетъ, на его казацкую главу надѣваетъ.

Увидали тогда Ляхи, что это не простой казакъ, а Ганжа Андыберъ, гетманъ запорожскій. Они стали его подчивать медомъ и водкой:

Принимаетъ онъ все это отъ пановъ богачей, да не пьетъ, а проливаетъ на свою одежду: «эй ты, одежа моя, одежа! пей, веселись! не меня подчиваютъ, тебя почитаютъ. Какъ не было тебя на мнѣ, то не было мнѣ и чести отъ богачей».

Дума на побѣду Чигиринскую (иначе: Возстаніе Наливайки) двукратно изображаетъ непріятельское нашествіе въ видѣ грозовой тучи:

Изъ за горы туча выступаетъ,—выступаетъ, выходитъ, до Чигрина громомъ гремитъ, на Украинскую землю молньей блещетъ. То Поляки черезъ три рѣки шли три перехода; а возлѣ третьяго перехода стали станомъ, пустили коней на паству, а себѣ дали отдыха на три часа.

То не тучи по небу святымъ громомъ гремятъ, то не святыхъ къ Богу онѣ провожаютъ: то Ляхи бьютъ въ бубны, играютъ на свисткахъ и трубахъ; все войско свое въ одну громаду скликаютъ, чтобы всѣ шли въ громаду на послушанье—слушать отповѣдь гетмана Жолкевскаго.

Уподобленіе враговъ грозовой тучѣ напоминаетъ такой же образъ въ «Словѣ о полку Игоревѣ»: «Черныя тучи съ моря идутъ, хотятъ прикрыть четыре солнца, а въ нихъ трепещутъ синія молніи. Быть грому великому»... Не здѣсь только, но и въ другихъ украинскихъ пѣсняхъ, замѣтно близкое сродство ихъ съ литературнымъ памятникомъ XII в., убѣждающее въ южнорусскомъ его происхожденіи. Такъ и дума о походѣ Хмельницкаго въ Молдавію и Слово представляютъ битву въ видѣ земледѣльческихъ работъ. Въ Словѣ читаемъ: «земля подъ копытами костьми была посѣяна, а кровью полита; горемъ взошли онѣ по русской землѣ». Представленіе думы сокращеннѣе: «Уже началъ Хмельницкій орать землю конскими копытами, поливать молдавскою кровью». Въ другихъ пѣсняхъ, образомъ битвы служитъ пиръ. Дума на побѣду Корсунскую начинается воззваніемъ Хмельницкаго къ казакамъ: «Гей други молодцы, братья казаки Запорожцы! добре знайте гадайте, съ Ляхами пиво варить затирайте! лядскій солодъ—казацка вода, лядски дрова—казацки труда». Тотъ же образъ представлялся пѣвцу «Слова о полку Игоревѣ»: «тутъ кроваваго вина недостало; тутъ пиръ докончили храбрые Русичи: сватовъ напоили, а сами полегли на землю русскую».

Въ думѣ: Походъ Поляковъ (иначе: о трехъ полководцахъ) ясно отражается тяжкое время Украины отъ смерти Сагайдачнаго до Богдана Хмельницкаго: униженіе православной церкви, рабство народа, паденіе казачества. По смерти

Павлюка казаки собрались въ походъ: «они пошли на четыре поля,—что на четыре поля, а на пятое на подолье». Въ одномъ отрядѣ «все храбрые товарищи Запорожцы—на коняхъ гарцуютъ, саблями поблескиваютъ, бьютъ въ бубны, Богу молитвы возсылаютъ, кресты полагаютъ». Начальникъ отряда «на конѣ не гарцуетъ, коня сдерживаетъ, къ себѣ притягиваетъ, думаетъ-гадаетъ.... Да чтобы сто чертей бѣдою пришибли его думу, гаданье! Онъ думаетъ-гадаетъ, говоритъ словами»:

А что̀, какъ наше казачество̀, словно въ аду, Ляхи спалятъ? да изъ нашихъ казацкихъ костей пиръ себѣ на похмѣлье сварятъ?...

А что̀, какъ наши головы казацкія молодецкія по степи—полю полягутъ, да еще и родною кровью омоются, пощепанными саблями покроются?... Пропадетъ, какъ порохъ изъ дула, та казацкая слава, что по всему свѣту дыбомъ стала, что по всему свѣту степью разлеглась, протянулась, да по всему свѣту шумомъ лѣсовъ раздалась, Туречинѣ да Татарщинѣ добрымъ лихомъ знать далась, да и Ляхамъ—ворогамъ на копье отдалась?...

Закрячетъ воронъ степью летучи,
Заплачетъ кукушка лѣсомъ скачучи,
Закуркуютъ сизые кречеты,
Задумаются сизые орлы—
И все, все по своихъ братьяхъ,
По буйныхъ товарищахъ казакахъ!...

Или ихъ сугробомъ занесло, али въ аду потопило, что не видно чубатыхъ—ни по степямъ, ни по лугамъ, ни по татарскимъ землямъ, ни по чернымъ морямъ, ни по ляшскимъ полямъ?...

Закрячетъ воронъ, загруетъ, зашумитъ, да и полетитъ въ чужую землю.... Анъ нѣтъ! кости лежатъ, сабли торчатъ; кости хрустятъ, пощепанныя сабли бренчатъ.

Одна баллада, замѣчательная по особому складу и искуственнымъ пріемамъ въ обрисовкѣ лицъ, живо изображаетъ бѣдственное состояніе православной церкви во времена Уніи. Въ ней выведенъ попъ-уніатъ, продающій прихожанамъ церковныя требы тѣмъ дороже, что они просятъ его исполнять ихъ съ «благочестіемъ», т. е. по обрядамъ православной церкви (слово «благочестіе» противополагалось Уніи, которую народъ считалъ «нечестіемъ»).

Къ тому же польскому циклу могутъ быть отнесены многія пѣсни, изображающія отъѣздъ казака на чужбину, разлуку его съ родными и печаль въ разлукѣ. Въ думѣ: «Тоска сестры по братѣ», сестра уподобляется кукушкѣ, издавна служащей въ народномъ повѣрьѣ символомъ сиротства и родственной печали:

Не сизая кукушечка въ темномъ лѣсу куковала, не мелкая пташка въ саду щебетала; сестра съ братомъ издалека разговаривала, поклонъ посылала: «братецъ мой милый, голубочекъ сизокрылый! приди ко мнѣ изъ чужой стороны; посѣти меня при лихой годинѣ».—Родная сестра моя, сизокрылая голубка! какъ мнѣ придти къ тебѣ, какъ мнѣ навѣстить тебя изъ-за темныхъ лѣсовъ, изъ-за дальнихъ степей, изъ-за быстрыхъ водъ?—«Черезъ темный лѣсъ—яснымъ соколомъ лети; черезъ быстрыя воды—бѣлымъ лебедемъ плыви; черезъ далекія степи перепеличкомъ бѣги; на моемъ, братецъ, подворьѣ, голубчикомъ пади, доброе слово взговори, мое сердце сиротское взвесели!»

Образы этой думы были знакомы и Слову о полку Игоревомъ: «Игорь князь поскакалъ горностаемъ въ тростникъ, и бѣлымъ гоголемъ на воду: бросился на борзаго коня, и скочилъ съ него босымъ волкомъ, и побѣжалъ къ лугу Донца, и полетѣлъ соколомъ подъ мглами, избивая гусей и лебедей къ завтраку и обѣду и ужину».

Въ русскомъ циклѣ украинскаго эпоса выступаютъ дѣйствующими лицами: Вы-

говскій, Пушкарь, Юрій Хмельницкій, Дорошенко, Палій, Мазепа и другіе. Наиболѣе замѣчательная здѣсь дума о витязѣ Иванѣ Коновченкѣ, воевавшемъ въ то время, какъ западная (заднѣпровская) Украина находилась снова подъ властію польскою и казаки ходили ополченіемъ на бѣлогородскихъ Татаръ. Удалой витязь погибъ въ схваткѣ съ Татарами. Мать справляетъ по немъ поминки и даритъ его товарищамъ коня и конскіе доспѣхи. Конецъ пѣсни содержитъ въ себѣ славословіе: «Легла казацкая молодецкая голова, какъ отъ вѣтру степная трава; но слава не умретъ, не ляжетъ: рыцарство казацкое всякому разскажетъ».

Нѣкоторыя историческія пѣсни оканчиваются, какъ мы видѣли, правоученіемъ: пѣвецъ выводитъ его изъ разсказаннаго событія и передаетъ слушателямъ въ видѣ назидательнаго урока. Но кромѣ этого есть особый разрядъ думъ и пѣсенъ нравственно-поучительныхъ, имѣющихъ сходственныя черты съ духовными народными стихами. Онѣ сложились въ моменты умственной пытливости, которая стремилась къ рѣшенію вопросовъ, задаваемыхъ жизнію человѣка и природы. Любознательный рѣшалъ ихъ по своему и отвѣты свои выражалъ въ соотвѣтственной его развитію поэтической формѣ. Вотъ почему нравственно-поучительныя пѣсни иногда получаютъ видъ разговора между двумя лицами: вопрошающимъ и отвѣчающимъ. Одинъ желаетъ знать: какой цвѣточекъ прежде всѣхъ расцвѣтаетъ? какая пташка прежде всѣхъ просыпается? какая душа лучше всѣхъ живетъ на свѣтѣ? Другой отвѣчаетъ: прежде всѣхъ цвѣточковъ расцвѣтаетъ роза; прежде всѣхъ пташекъ просыпается кукушка; лучше всѣхъ живетъ на свѣтѣ замужняя женщина.

Не однимъ историческимъ эпосомъ богата южнорусская поэзія: другой отдѣлъ ея, обширный и разнообразный, составляютъ пѣсни, сопровождающія все теченіе народнаго быта. Онѣ дѣлятся по возрастамъ человѣка, по временамъ года, по образу жизни и занятіямъ сословій, и тому подобнымъ признакамъ. Главныхъ родовъ здѣсь три: пѣсни бытовыя, годовыя и житейскія. Бытовыя пѣсни воспѣваютъ образъ жизни и занятія разныхъ классовъ простолюдья, частію указанныхъ самою народною поэзіею. Въ одной пѣснѣ казакъ взываетъ къ счастію съ такою просьбой: «ой, фортуна, фортунушка! служила ты мнѣ въ казачествѣ, служила въ бурлачествѣ, послужи въ чумачествѣ!» По числу классовъ, бытовыя пѣсни различаются на казацкія, бурлацкія и чумацкія. Въ каждомъ изъ этихъ видовъ лиризмъ служитъ выраженіемъ не личнаго чувства, а сословнаго, собирательнаго начала. Бурлакъ, бездомный холостякъ, проводившій обыкновенно жизнь у кого-либо въ работникахъ, пѣлъ свое одиночество или сиротство: его пѣсни—большею частію жалобы на необходимость справлять чужое дѣло и терпѣть за него частую журьбу. Годовыя пѣсни соотвѣтствуютъ трудамъ, играмъ и праздникамъ народнаго года. Здѣсь насчитываются многіе виды: веснянки, русальныя, купальныя (при обрядахъ Ивана Купала), косарскія и гребецкія (при кошеніи и сгребаніи сѣна), зажнивныя и обжинковыя (во время жатвы и подъ конецъ ея), осеннія, колядки и другія. Содержаніемъ житейскихъ пѣсенъ служатъ послѣдовательныя событія въ жизни поселянина, отъ его рожденія до смерти. Онѣ подраздѣляются на колыбельныя, любовныя, свадебныя, семейныя и т. д. Особенною задушевностью и красотою слова дышатъ женскія пѣсни, сложенныя матерью, сестрою, женою. «Если», говоритъ Гоголь, «въ былевыхъ пѣсняхъ одни казаки, одна военная, бивачная и суровая жизнь; то здѣсь, напротивъ, одинъ женскій міръ, нѣжный, тоскливый, дышащій

любовію. Эти два пола видѣлись между собою самое короткое время и потомъ разлучались на цѣлые годы». Казакъ ѣхалъ оборонять Украину, казачка оставалась дома. Пѣсня облегчала разлуку, была нѣкоторой замѣной свиданія. Мы уже знаемъ думу, въ которой выражена тоска сестры по братѣ. Вотъ другая пѣсня, гдѣ поэтически раскрыта сила и свѣжесть женской любви:

Разсердился, разгнѣвался на меня мой милый! Вотъ онъ сѣдлаетъ своего вороного коня и ѣдетъ далеко-далеко отъ меня.

Куда же ты, мой милый, голубчикъ сизый, куда ты уѣзжаешь? Кому же ты меня беззащитную, молодую, кому оставляешь?

Оставляю тебя, моя милая, одному Богу. Жди меня, пока не возвращусь изъ дальней дороги.

О еслибъ я знала, если бы видѣла, откуда будетъ ѣхать мой милый: я бы ему по всей дорогѣ мостила мосты изъ зеленаго тростника и все бы ждала его въ гости.

Боже всесильный! выровняй всѣ долины и горы, чтобы вездѣ было ровно, чтобы оттолѣ ему до самаго дому было хорошо ѣхать.

Чу! луга шумятъ, берега звенятъ, по дорогѣ зеленѣетъ трава—это онъ! это мой милый ѣдетъ!

Чу! луга шумятъ, берега звенятъ, расцвѣтаетъ калина: вѣрно, гдѣ-нибудь мой милый, голубчикъ мой сизый, съ другою разговариваетъ!

— За чѣмъ же ты не пріѣхалъ, за чѣмъ не прилетѣлъ, какъ я тебѣ говорила? Коня ли не имѣлъ, дороги ли не зналъ, или мать не велѣла тебѣ?

«Я имѣю коня, я и дорогу знаю, и мать еще съ вечера велѣла мнѣ сѣдлать коня: «Но только лишь сяду на коня, только лишь выѣду за ворота, какъ уже бѣжитъ за мною другая и такъ жалко стонетъ, такъ плачетъ, что тоска ея хватаетъ за самое сердце».

Горькая жалоба на судьбу свою, ропотъ на долю—главный мотивъ малорусской поэзіи вообще, не одного женскаго лиризма. Даже въ веселыя, разгульныя и шутливыя пѣсни неожиданно забѣгаетъ сердечная туга и, какъ въ поэтическомъ юморѣ, примѣшиваетъ къ видимому смѣху незримыя слезы. Бѣда, по словамъ одной пѣсни, на роду написана безталанному:

Ой, пойду я, пойду, да изъ этого края пойду; ой, покину я въ этомъ краѣ бѣду. Ой, оглянусь я за крутою горою, а бѣда идетъ слѣдомъ за мною. «А что ты, бѣда, за мною увязалася?»—Я съ тобою, безталанный, съ тобою вѣнчалася.—«А что ты, бѣда, за мною уцѣпилася?»—Я съ тобою, безталанный, съ тобою родилася.

Этотъ разговоръ между безталаннымъ и бѣдою указываетъ на драматическую форму, любимую малорусскими пѣснями и сообщающую имъ живость и движеніе.

Опытъ собранія старинныхъ малороссійскихъ пѣсней, кн. Н. Цертелева (1819); Малороссійскія пѣсни, М. Максимовича (1827); Украинскія народныя пѣсни, его же, ч. 1 (1834); Сборникъ украинскихъ пѣсенъ, его же, ч. 1 (1849); Запорожская старина, 2 ч. въ 6 кн., И. Срезневскаго (1833—38); Малороссійскія и червонорусскія пѣсни и думы, П. Лукашевича (1836); Народныя южнорусскія пѣсни, А. Метлинскаго (1854); О народной поэзіи славянскихъ племенъ, І. Бодянскаго (1837); Объ историческомъ значеніи русской народной поэзіи, Н. Костомарова (1843); Записки о южной Руси, П. Кулиша, ч. 1 (1856) и 2 (1857); О малороссійскихъ пѣсняхъ, Гоголя (въ его Сочин.). Въ пѣсняхъ русскаго цикла, относящихся къ XVIII в., главное мѣсто принадлежитъ шведской войнѣ. Онѣ изображаютъ Мазепу и Палія: перваго—злымъ и безчестнымъ измѣнникомъ, втораго—идеаломъ вѣрности къ царю и любви къ отчизнѣ. Народъ воспѣлъ заключеніе Палія въ темницу, ссылку его въ Сибирь и появленіе въ полтавской битвѣ. Пѣсня о пребываніи Палія въ Сибири представляетъ его тоскующимъ по родинѣ и находящимъ утѣшеніе въ религіи и поэзіи: игрою на бандурѣ выражаетъ онъ свои скорбныя чувства. Въ періодъ времени отъ Мазепы малорусскія пѣсни имѣютъ предметомъ два событія: возстаніе заднѣпровской Украины (1768) и разрушеніе Запорожской Сѣчи (1775). Балладу о попѣ-уніатѣ см. въ Зап. о Юж. Руси, т. II, стр. 83.

§ 152. Со второй половины XVII в., особенно съ присоединенія Малороссіи къ московскому царству, образованность югозападной Руси начала проникать въ Москву. Главными пособниками этому дѣлу явились кіевскіе ученые. Польза, которую они приносили Москвѣ своими талантами и знаніями, была какъ нельзя болѣе своевременна въ періодъ, предшествовавшій реформамъ Петра. Если еще при Грозномъ обличался нравственный упадокъ общества и выказалась потребность улучшеній, то мѣра недовольства должна была возрасти послѣ самозванцевъ, когда государственныя потрясенія произвели повсемѣстный неурядъ. Мысль о крайней настоятельности перемѣнъ стала господствующимъ мнѣніемъ просвѣщенныхъ людей и нашла себѣ выраженіе, прямое или косвенное, въ литературѣ. По различію цѣлей, литературная критика общественныхъ неустройствъ явилась въ двухъ видахъ: она или просто описывала современное состояніе страны, или, не довольствуясь описаніемъ, предлагала и способы исправить земское дѣло. Къ первому изъ нихъ относится сочиненіе Котошихина: «О Россіи въ царствованіи Алексѣя Михайловича (1666—67)»; ко второму — сочиненіе Юрія Крижанича, того же времени: «Русское Государство въ половинѣ (второй) XVII в.»

Въ простомъ, ясномъ и основательномъ изложеніи, вѣрность котораго подкрѣпляется другими историческими свидѣтельствами, Котошихинъ, подьячій посольскаго приказа, представляетъ всѣ почти стороны русской жизни—нравы, обычаи, законы, администрацію. Большая часть книги занята описаніемъ жизни придворной и боярской; о сословіяхъ военномъ, торговомъ и крестьянскомъ говорится въ ней мало; духовенства же и упраздненія церковью она вовсе не касается. Значительное мѣсто отведено дѣламъ посольскимъ, коротко знакомымъ автору, по роду его службы. Безъ утайки и опредѣлительно выставлены имъ недостатки московскихъ людей: ихъ «небогобоязливая натура», ихъ мѣстническіе споры, неправда, спесь, невѣжество, готовность на обманы, забота о личныхъ выгодахъ въ ущербъ государственному интересу. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ проводится невыгодная для русскихъ учрежденій и обычаевъ параллель ихъ съ иностранными, которые наблюдалъ Котошихинъ въ разныхъ европейскихъ городахъ и областяхъ. Содержаніе его записокъ—фактическое: онѣ передаютъ нестройныя явленія русской жизни, не разсуждая о мѣрахъ для благоустройства. Но эти мѣры сами собою представляются читателю, когда онъ узнаетъ отъ Котошихина, что главный источникъ всѣхъ бѣдствій—невѣжество. Котошихинъ прямо говоритъ, что русскіе люди «необычайны (неискусны, непривычны) ко всякому дѣлу, понеже въ государствѣ своемъ поученія никакого добраго не имѣютъ и не пріемлютъ»; что «иные бояре, засѣдающіе въ думѣ, уставя брады свои, ничего не отвѣчаютъ на вопросы царя, не въ состояніи давать какіе-либо совѣты, ибо многіе изъ нихъ грамотѣ не ученые и не студированные»; что «московскаго государства женскій полъ не ученъ, и не обычай тому есть». Нѣсколько разъ проситъ онъ читателя не дивиться его описанію и вѣрить его словамъ: «правда есть всему тому, понеже для науки и обычая въ иныя государства дѣтей своихъ не посылаютъ, страшась того». Если же корень всему злу — отсутствіе науки, незнаніе, то единственное средство къ искорененію зла—ввести науку, распространить знанія.

Юрій Крижаничъ, католическій священникъ, родомъ Сербъ, прибылъ въ Москву (1645) съ тѣмъ, чтобы послужить своею ученостью одноплеменному наро-

ду, свободному отъ иноземнаго ига и самому могущественному между Славянами. Была ли дана ему какая-нибудь дѣятельность, неизвѣстно. Равно неизвѣстна положительная причина его ссылки въ Тобольскъ (1660): одни видятъ ее въ интригахъ раскольниковъ, которые были обличаемы Крижаничемъ; другіе съ большею вѣроятностію приписываютъ ее тому, что Крижаничъ возбудилъ къ себѣ недовѣріе, какъ римскій католикъ, котораго, по тогдашнимъ понятіямъ, многіе не отличали отъ еретика. «Тебя называютъ еретикомъ», говоритъ онъ самъ въ одномъ сочиненіи. Его взгляды на политику и священноіерархію не только казались подозрительными, но и раздражали своею смѣлостью и новизною. Въ четырнадцатилѣтней ссылкѣ, посвященной ученымъ занятіямъ, онъ написалъ нѣсколько важныхъ сочиненій: «Русское Государство во второй половинѣ XVII в.», «О промыслѣ (1666)», «Изысканія о славянской грамматикѣ (1666)», «Обличеніе Соловецкой обители (1675)». Судьба послѣднихъ лѣтъ его жизни неизвѣстна.

Важнѣйшій трудъ Крижанича: «Русское Государство въ половинѣ XVII в.», состоитъ изъ трехъ частей: первая разсуждаетъ о государственномъ имуществѣ, т. е. народномъ богатствѣ; вторая—о силѣ государства, преимущественно военной; третья—о мудрости, и особенно политической (политикѣ). Содержаніе его, объясняемое и дополняемое по мѣстамъ книгою о промыслѣ, излагается въ такомъ порядкѣ: сначала идеальное представленіе предмета, какимъ онъ долженъ быть; потомъ явленія, противорѣчащія идеалу; наконецъ способы устранить недостатки, согласить явленія съ идеаломъ. Такъ, разсуждая о торговлѣ, Крижаничъ прежде всего даетъ понятіе о государственномъ богатствѣ и указываетъ мѣсто, занимаемое въ немъ торговлей; за тѣмъ перечисляетъ препятствія, которыми задерживается ея развитіе; а въ заключеніи предлагаетъ мѣры къ ея успѣхамъ. Методъ изслѣдованія сравнительный: русскій народъ ставится лицемъ къ лицу съ другими народами, при чемъ раскрываются его достоинства и недостатки, и по раскрытіи опредѣляются правила для дѣйствій. Форма изложенія—діалогъ, отъ котораго однакожъ авторъ часто отступаетъ.

Темныя стороны Руси Крижаничъ называетъ «грѣхами». Разоблаченіе ихъ есть, такъ сказать, сознаніе народныхъ недостатковъ, всенародная исповѣдь. Они дѣлятся на обыкновенные, или признанные, и чрезвычайные, или несознанные. Обыкновенные грѣхи, какъ наружные вереда, извѣстны и видимы всѣмъ людямъ; таковы: любострастіе, обжорство, пьянство, воровство, гнѣвъ и другіе. Утаить ихъ нельзя, они всегда были и будутъ, и никто не сомнѣвается въ ихъ вредномъ дѣйствіи. Корень ихъ—слабость человѣческой природы, и потому правительство не имѣетъ возможности очистить отъ нихъ народъ. Чрезвычайные грѣхи, какъ скрытыя болѣзни, очень хорошо извѣстны на сторонѣ и не сознаются лишь дома. За нихъ-то особенно народъ бичуется гнѣвомъ Божіимъ: это—идолослуженіе, ереси, расколы, суевѣріе, лицемѣріе, симонія, астрологія, лжепророчества, вымышленныя видѣнія и проч. Разсматривая темныя стороны, или грѣхи, русскаго народа, Крижаничъ признаетъ главнымъ ихъ источникомъ «незнаніе». Въ этомъ онъ сходится съ Котошихинымъ. Вездѣ выставляетъ онъ необходимость науки, вездѣ обличаетъ «ересь мудроборства», которая распространяла мысль о вредѣ богословія, философіи, изученія языковъ. Греки заслуживаютъ отъ него упреки за то особенно, что хотятъ держать Славянъ въ невѣжествѣ.

Главный интересъ книги сосредоточенъ въ третьей ея части, раскрывающей внутреннюю жизнь Руси: здѣсь указаны причины ея несовершенствъ, ея коренныя потребности, средства къ полезнымъ преобразованіямъ. Здѣсь же читатель знакомится съ задушевными убѣжденіями автора. Для политической и нравственной независимости народа нужно ему самостоятельное развитіе: поэтому привязанность къ иностранцамъ, чужебѣсіе (ксеноманія) составляетъ великое бѣдствіе Русскихъ и другихъ Славянъ. Что это мнѣніе стояло въ умѣ автора на первомъ планѣ, доказывается словами эпиграфа: «хочу вытѣснить всѣхъ инородныхъ предводителей и ратниковъ, а поднимаю всѣхъ Днѣпрянъ, Поляковъ, Литовцевъ, Сербовъ и кто только есть славянскаго рода воинственный мужъ, и кто только хочетъ за-одно ратовать со мною». Крижаничъ требуетъ изгнанія иностранцевъ, недопущенія ихъ въ русскую службу и запрета Русскимъ выѣзжать за границу. Въ замѣнъ этого онъ предлагаетъ крѣпкій союзъ съ одноплеменными сосѣдами, именно съ Ляхами, тѣмъ болѣе, что Польша политическими болѣзнями доведена до такой опасности, что единственное для нея спасеніе—въ союзѣ съ русскими князьями. Другое зло современной русской дѣйствительности Крижаничъ выразительно называетъ «людодерствомъ». Оно происходитъ отъ алчности, или желанія обогащать казну незаконными способами. Искоренить его могутъ только законодательныя реформы, да предоставленіе сословіямъ извѣстныхъ слободинъ», т. е. правъ и привиллегій. «И славянскіе народы, утратившіе политическую самостоятельность, должны возвратить свою «слободину.» Нѣмцы притѣсненіями довели большую часть Славянъ, живущихъ между ними, до такого отчаянія, что послѣдніе стыдятся своего рода и языка, многіе изъ нихъ скрываютъ свое отечественное происхожденіе и выдаютъ себя за людей инаго народа. Кому же принадлежитъ великій подвигъ освобожденія? «На тебѣ одномъ, пресвѣтлый царь, попеченіе о всемъ славянскомъ народѣ», говоритъ Крижаничъ, обращаясь къ Алексѣю Михайловичу. Ты, какъ отецъ, долженъ нести заботу и чинить промыселъ о разсыпанныхъ дѣтяхъ, да соберешь ихъ во-едино. Ты одинъ поставленъ отъ Бога, да пособишь Задунайцамъ, и Ляхамъ, и Чехамъ; да начнутъ они промышлять о просвѣщеніи и о сбрасываніи нѣмецкаго ига». Отсюда понятны и политическая тенденція автора и причина ея: эта тенденція — соединеніе славянскихъ народовъ въ одно цѣлое, подъ русской гегемоніей, всеславянство или, употребляя современное выраженіе, панславизмъ; эта причина—тяжесть чужеземнаго ига надъ Славянами, которое Крижаничъ очень хорошо видѣлъ и понималъ. По своему положенію между востокомъ и западомъ, Россія необходимо подвергалась двоякому вліянію: восточному, или византійскому, и западно-европейскому, или нѣмецкому. Крижаничъ подробно разсматриваетъ борьбу, которую эти вліянія ведутъ между собою на всѣхъ путяхъ дѣйствія и увлекаютъ Россію въ противныя стороны. Онъ строго осуждаетъ Нѣмцевъ, заражающихъ другіе народы ересями, но столько-же строгіе приговоры выслушиваютъ отъ него и современные ему Греки, какъ они являлись ему въ нравственномъ упадкѣ подъ владычествомъ Турціи. Нѣмцы, говоритъ онъ, наряду съ благими ученіями, навязываютъ намъ и демонскія фокусничества: алхимію, кабалу, физіогномику, астрологію, магію; Греки осуждаютъ всякое знаніе, называютъ науку ересью и внушаютъ намъ невѣжество. Нѣмцы выше всего ставятъ проповѣдь или толкованіе Евангелія, а равно подстрекаютъ насъ къ спорному разбиратель-

ству догматовъ; Греки небрегутъ о проповѣданіи слова Божія, запрещаютъ спорное разбирательство. Нѣмцы учатъ насъ, чтобъ мы воспринимали распущенность плоти; Греки не только учатъ истинно-христіанскому умерщвленію плоти, но вводятъ также нѣкоторыя фарисейскія суевѣрія и суетное разныхъ видовъ благочестіе. Народъ, живущій подъ двумя противоположными вліяніями, долженъ держаться срединнаго пути между ними — пути разума. Разумъ требуетъ, чтобы новизну мы принимали не легкомысленно, а съ разсужденіемъ; чтобы демонскихъ фокусничествъ избѣгали, какъ самого демона, но съ тѣмъ вмѣстѣ избѣгали бы и невѣжества, которое не производитъ никакого добра; чтобы не отвергали проповѣди, но и не дозволяли бы проповѣданія лицамъ неопытнымъ или неиспытаннымъ въ нравственности; чтобы не допускали плотской распущенности, не отвергали бы дѣлъ покаянія и умерщвленія, но подозрительные, новые, св. отцамъ или соборамъ неизвѣстные виды благочестія тщательно бы изслѣдовали. Но какъ осуществится этотъ срединный, разумный путь? Крижаничъ видитъ его въ союзѣ съ латинствующими народами. Церковная схизма—раздоръ между православіемъ и католичествомъ — называется, въ книгѣ о промыслѣ, чудовищемъ. Вотъ заключительный выводъ всѣхъ разсужденій Крижанича, вѣнецъ всѣхъ его стремленій. Это увлеченіе въ католицизмъ объясняется не однимъ противодѣйствіемъ византійскому вліянію, но и политическимъ замысломъ: Крижаничъ надѣялся, что примиреніе церквей дружественно сблизитъ Россію съ Польшей.

Русское государство въ половинѣ XVIII в. Рукопись, открытая и изданная П. Безсоновымъ. 1860. О промыслѣ. Сочиненіе того же автора. Свѣдѣнія объ открытой рукописи, П. Безсонова. 1860. Разборъ этихъ сочиненій въ 8 № Современника 1860. Другія сочиненія Крижанича: Изысканія о слав. грам., въ Чтен. 1848 и 1859 г.г.; Обличеніе Соловецкой челобитной, въ Прибав. къ Твор. св. отц. 1860, кн. 4. Крижаничъ род. 1617 въ Хорватіи или Кроаціи. Цѣль его пріѣзда въ Москву обозначена имъ самимъ въ книгѣ о промыслѣ: «Меня прозвали скитальцемъ, бродягой, волокитой: несправедливо. Я пришелъ къ тому царю, который единственно въ мірѣ былъ царемъ моего рода-племени, моего языка; я пришелъ къ націи своей, къ отечеству своему собственному. Я пришелъ туда, гдѣ единственно мои произведенія и труды могутъ найти употребленіе, могутъ принести плодъ, туда, гдѣ единственно могутъ быть въ цѣнѣ и оборотѣ мои товары—я разумѣю грамматику, словари и другіе переводы книгъ на языкъ славянскій» (стр. 39). Въ той же книгѣ (статья: «Пришлецъ») выписаны всѣ мѣста изъ В. З., которыми особенно предписывается мягкое обращеніе съ пришельцами и странниками. Вѣроятно, авторъ имѣлъ въ виду себя и хотѣлъ разъяснить свои близкія и родственныя отношенія къ Руси. Съ тою же цѣлію онъ заставилъ бесѣдовать Григорія и Августина «о ссылкахъ» (Ib. 29—30). Любопытно исчисленіе ересей, заносимыхъ къ намъ Нѣмцами. Онѣ троякаго рода: догматическія, политическія и таинственныя (дьявольскія). Ереси догматическія суть заблужденія, противныя ученію святыхъ отцевъ и каѳолической вѣрѣ; ими разрушается благочестіе и утрачивается спасеніе душъ; таковы: жидовство, магометанство, идолослуженіе, безбожіе. Политическія противны политическому благоразумію; онѣ разрушаютъ честь и добрую славу націй, уничтожаютъ временное благополучіе; таковы: вымыселъ четырехъ монархій и гипербазиліи (достоинства, превышающаго царское), похвала анархіи, ученіе жизни епикурейской, введеніе неравныхъ царскихъ титуловъ (царей, герцоговъ, графовъ), чрезмѣрное умноженіе и суетное подраздѣленіе благородныхъ сословій, законъ о маіоратствѣ, докторство въ свободныхъ наукахъ, магистерство (достоинство мастера) въ наукахъ промышленныхъ. Ереси таинственныя состоятъ въ замаскированномъ служеніи демону (демонолатрія): астромантія, алхимія, кабала, физіогномія и всякаго рода магія. Книга «о промыслѣ Божіемъ» разсуждаетъ, съ богословской точки зрѣнія, о благополучномъ и бѣдственномъ состояніи государства вообще, о причинахъ побѣдъ и пораженій въ частности. Причины побѣдъ и пораженій троякаго рода: низшія, ложныя и верховныя. Низшія зависятъ отъ человѣческихъ приготовленій, слѣд. управляются волею человѣка. Къ ложнымъ причинамъ относятся:

судьба, вліяніе планетъ, колесо счастія. Причина верховная, причина причинъ—промыслъ: онъ даруетъ побѣды за благочестіе, онъ наноситъ пораженія за грѣхи. Послѣ этого идетъ указанное раздѣленіе грѣховъ на признанные и несознанные. Конецъ и цѣль, имѣющаяся въ виду при всѣхъ побѣдахъ, пораженіяхъ и другихъ дѣлахъ міра, есть слава Божія и царство Іисусъ — Христово, т. е. св. церковь, торжествующая на небесахъ и воинствующая на землѣ. Въ «Грамматикѣ» Крижанича представлено сравнительное изложеніе славянскихъ языковъ, изъ которыхъ главнымъ считается русскій. Г. Бодянскій называетъ автора «отцемъ сравнительной филологіи». И въ Грамматикѣ тенденція славянофильская: Крижаничъ излагаетъ правила общеславянскаго языка, который онъ хотѣлъ составить для всѣхъ славянскихъ племенъ. Этотъ языкъ былъ бы сводомъ особенностей всѣхъ главныхъ нарѣчій, понятнымъ для каждаго Славянина, годнымъ къ употребленію въ книгахъ и дѣлахъ.

Григорій Котошихинъ, во время второй войны съ Польшею, начавшейся въ 1660 г., состоялъ на службѣ при воеводѣ кн. Долгорукомъ, который потребовалъ отъ него ложнаго извѣта на своихъ предшественниковъ, князей Трубецкаго и Прозоровскаго. Котошихинъ не согласился быть орудіемъ злаго умысла. Боясь мести начальника, онъ оставилъ отечество и бѣжалъ въ Польшу, а оттуда въ Швецію. Въ Стокгольмѣ сníскалъ онъ покровительство канцлера Магнуса де ла Гарди, сына Якова, извѣстнаго въ нашей исторіи. Магнусъ, по отличавшей его любви къ наукамъ и искуствамъ, равно какъ по желанію ознакомиться съ современнымъ положеніемъ сосѣдственной державы, содѣйствовалъ Котошихину въ окончаніи его труда, который потомъ былъ переведенъ на шведскій языкъ. Переводчикъ отзывается объ авторѣ, какъ объ умнѣйшемъ человѣкѣ. Подлинная рукопись хранится въ упсальской библіотекѣ (О Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича, современное сочиненіе Григорія Котошихина. Изд. 2-ое. 1859). Важность ея для юристовъ объяснена Морошкинымъ (Москв. 1841, № 3, критика).

§ 153. Жалобы на невѣжество, изъ котораго истекаютъ всѣ общественныя бѣдствія, необходимость науки, какъ главнаго средства къ улучшеніямъ, побудили московскихъ просвѣщенныхъ людей обратиться за помощью къ югозападной Руси. Еще въ 1649 г. Ртищевъ пригласилъ изъ кіевской лавры нѣсколько иноковъ, «изящныхъ въ ученіи грамматики словенской и греческой, даже до риторики и философіи». Имъ предложили два дѣла, въ которыхъ Москва особенно нуждалась: обучать юношество свободнымъ наукамъ и переводить Библію съ греческаго на славянскій (§ 121). Переходъ югозападныхъ ученыхъ въ Москву усилился со времени присоединенія Украины къ Великороссіи. Въ 1664 г. прибылъ изъ Полоцка Симеонъ Полоцкій. Учрежденіе духовной академіи было новымъ предметомъ, привлекавшимъ южнорусскихъ ученыхъ въ Москву: они имѣли право домогаться званія преподавателей въ тѣхъ школахъ, которыя были устроены на одинакихъ основаніяхъ съ мѣстомъ ихъ собственнаго образованія.

Отношенія московскаго духовенства къ пришлымъ одновѣрцамъ не отличались благосклонностью и довѣріемъ, причину чего слѣдуетъ искать не въ личныхъ только расчетахъ, но въ другихъ, общихъ соображеніяхъ. Его пугала мысль, что религіозныя понятія югозападныхъ ученыхъ не совершенно согласны съ православнымъ вѣроученіемъ; что изъ дѣла Уніи они вышли не вполнѣ твердыми и чистыми; что къ богословію ихъ могли привиться толкованія католическія и лютеранскія. Подозрительность идетъ издалека, почти съ самаго начала Уніи, и многіе факты ея занесены въ исторію русской церкви, тѣсно связанную въ этомъ случаѣ съ исторіею умственнаго движенія и съ литературой, его отражающей. Учительное Евангеліе Транквилліона, возбудивъ непріятные для автора толки на югозападѣ, два раза потомъ прошло черезъ московскую цензуру: въ первый разъ (1622) оно признано «папистическимъ», почему и велѣно было истребить его экземпляры; во второй (1665) на «его погрѣшительныя словеса и служеніе сре-

сямъ» написанъ «свитокъ укоризнъ». Катихизисъ Лаврентія Зизанія возбудилъ также преніе между его авторомъ и московскими книжными людьми, особо для того назначенными патріархомъ Филаретомъ. Патріархъ Іоакимъ постоянно негодовалъ на Полоцкаго: нѣкоторыя сочиненія послѣдняго осуждены были на церковномъ соборѣ. При открытіи московской академіи, южнорусскихъ ученыхъ не допустили занять въ ней учительскихъ мѣстъ, хотя они были рекомендованы лицами, уважаемыми при дворѣ. Сомнѣнія въ православіи малорусскаго духовенства усилились по поводу споровъ о евхаристіи между Лихудами и Сильвестромъ Медвѣдевымъ, строителемъ заиконоспасскаго монастыря, усвоившимъ нѣкоторыя латинскія толкованія. Медвѣдевъ называлъ своимъ учителемъ Полоцкаго, который самъ учился у Лазаря Барановича. Мнѣнія учениковъ бросали тѣнь и на ихъ учителей, такъ что Іоакимъ, для разъясненія дѣла, вынужденъ былъ снестись съ кіевскимъ митрополитомъ и Лазаремъ Барановичемъ, и потребовать отъ нихъ категорическаго отвѣта касательно ихъ отношеній къ латинству и Уніи. Непріязнь къ латинской вѣрѣ вела за собою отчужденіе отъ западнаго просвѣщенія. Философія страшила своимъ вмѣшательствомъ въ богословіе. Хотя она покорно слѣдовала за авторитетомъ, но своими діалектическими тонкостями могла дать начало превратнымъ толкамъ незамѣтно для самихъ толкователей. Большинство грамотныхъ людей не раздѣляло убѣжденій Крижанича, что ереси часто раждаются отъ незнанія. Голосъ восточныхъ патріарховъ давалъ новую пищу недовѣрчивости. Намъ уже извѣстенъ отзывъ іерусалимскаго патріарха Досиѳея о малорусскихъ ученыхъ (§ 122). Онъ же въ письмѣ къ патріарху Адріану (1693) обвинялъ Лихудовъ за то, что они въ академіи вмѣсто преподаванія грамматики «забавлялись около философіи и физики». При вопросѣ о латинской наукѣ нельзя было обойти вопроса о латинскомъ языкѣ. Различіе между нимъ и языкомъ греческимъ не ограничивалось только ихъ особенностями, какъ предметомъ вѣдѣнія: оно состояло въ связи съ самимъ образованіемъ. И тотъ и другой служили орудіями особаго характера знанія. Православіе искало опоры въ твореніяхъ отцевъ церкви восточной, а не западной; прибѣгало, въ исправленіи перевода Библіи и богослужебныхъ книгъ, къ греческимъ, а не къ латинскимъ источникамъ. Этимъ объясняется требованіе патріарха Досиѳея воспретить въ московской академіи преподаваніе латинскаго языка, что̀ и было исполнено. Этимъ же объясняется, почему Епифаній Славинецкій не допустилъ Симеона Полоцкаго къ переводу Священнаго Писанія: Полоцкій, по словамъ его, «хотя и ученъ былъ и зналъ нѣчто, особенно по латини, но греческаго языка не зналъ нисколько».

Впрочемъ, по ближайшемъ разсмотрѣніи дѣла, оказывается, что сомнѣнія въ православіи южнорусскихъ ученыхъ не подтверждены тяжелыми и явными уликами. Осудивъ проповѣди Полоцкаго, патріархъ Іоакимъ говорилъ однакожъ: «могло быть сочинитель имѣлъ другія мысли». Изъ пренія о Лаврентіевомъ Катихизисѣ видно, что почти всѣ такъ называемыя «погрѣшительныя словеса» происходили отъ неисправнаго перевода книги на русскій языкъ или отъ невполнѣ точнаго выраженія мыслей самимъ авторомъ. Источникъ разногласій скрывался не въ содержаніи книги, а въ ея изложеніи и составѣ. Оппоненты Зизанія нашли предосудительными такіе предметы, которые для кіевскихъ школъ и вообще для западно-европейской науки имѣли силу давняго обычая. Ихъ поразили источники, откуда Зизаній почерпалъ доказательства, введеніе постороннихъ, энциклопеди-

ческихъ свѣдѣній въ систему спеціальнаго знанія и особые литературные пріемы изложенія. Что ставится въ упрекъ Зизанію? Его заимствованія изъ Августина, котораго «писанія искажены отъ латинскихъ мудрецовъ на еретическій обычай». И хотя Зизаній возражалъ, что взятое имъ у Августина находится и въ правилахъ Никифора, патріарха цареградскаго, и въ правилахъ Мелетія, архіепископа цареградскаго, — московскіе книжники стояли на своемъ: «еслибъ то было въ Никифоровыхъ правилахъ, то было бы и въ правилахъ иныхъ святыхъ отецъ», а «Мелетій писалъ, не прославляя Августинова ученія, но обличая латинскую ересь». Второй упрекъ касается тѣхъ статей, которыя Зизаній вводилъ въ Катихизисъ, какъ полезныя дополненія, «вѣдомости ради». Они найдены противными буквальному смыслу Библіи. «У тебя», говорили Лаврентію, написано о кругахъ небесныхъ, зодіакѣ, солнечномъ затменіи, громѣ и молніи, тресновеніи и шибеніи, перунѣ, кометахъ и другихъ звѣздахъ; статьи эти изъ астрологіи, а астрологія взята отъ эллинскихъ волхвовъ и отъ идолослужителей: слѣд. книга къ нашему правовѣрію несходна. Развѣ это правда, что облака, надувшись, сходятся, ударяются и отъ того будто бываетъ громъ и огнь, какъ отъ камня и желѣза? И звѣзды, что на тверди небесной, называешь животными звѣрями! Мы вѣруемъ, какъ написалъ Моисей: и сотвори Богъ два свѣтила великія, и постави ихъ на тверди небесной свѣтити по земли и владѣти днемъ и нощію, и разлучити между свѣтомъ и нощію; а животными звѣрями не называлъ ихъ Моисей». Наконецъ третій упрекъ относится къ наглядному толкованію отвлеченныхъ предметовъ: «въ книгѣ твоей о божествѣ и существѣ его писаны вопросы и отвѣты дерзостно зѣло и смѣло... Иную ты притчу рекъ о человѣкѣ: душа и плоть, какъ орелъ съ свиньею, связаны. Въ нашихъ греческихъ книгахъ таковой бесѣды о человѣкѣ не ведется. Намъ кажется, эти простые прилоги взяты изъ книги Езопа, франскаго мудреца, баснослагателя». Всѣ эти замѣчанія, очевидно, касаются не сущности ученія, а способа предлагать его учащимся.

О двукратномъ разсмотрѣніи Учительнаго Евангелія, см. рук. Царс. (398 и 473). Преніе Зизанія съ игуменомъ Иліею и справщикомъ Григоріемъ въ 4 кн. Лѣт. рус. литер. 1859. Споръ Медвѣдева съ Лихудами въ Ист. моск академіи (стр 25—28).

§ 154. Представителемъ югозападной русской науки въ Москвѣ былъ іеромонахъ Симеонъ Полоцкій (1628—1682), одолженный своимъ образованіемъ польскимъ школамъ и кіевской академіи. Въ Полоцкѣ, гдѣ онъ родился и принялъ монашество, узналъ его царь Алексѣй Михайловичъ, бывшій въ этомъ городѣ во время ливонскаго похода. Черезъ семь лѣтъ по пріѣздѣ въ Москву, Полоцкій назначенъ въ наставники къ царевичу Ѳеодору (1672). Выборъ палъ на него какъ по личному его знакомству съ царемъ, такъ и по ученой славѣ, окружавшей югозападное духовенство. Могли содѣйствовать тому и выгодные о немъ отзывы Барановича, который называетъ его, въ одномъ письмѣ къ царю, своимъ ученикомъ.

Послѣ Барановича и Галятовскаго, Полоцкій пользовался наибольшею извѣстностью между югозападными учеными. На ряду съ нимъ Москва могла поставить только Епифанія Славинецкаго, получившаго образованіе въ Кіевской Академіи (см. ниже). Но Славинецкій, по характеру трудовъ своихъ, принадлежалъ къ классу людей собственно ученыхъ, которые не входятъ въ близкое соприкосновеніе съ обществомъ; тогда какъ Полоцкій обращалъ главное вниманіе на духовныя потребности современнаго общества и старался немедленно удовлетворять имъ. Его

учено-литературная дѣятельность имѣла въ виду ближайшіе интересы большинства: служа имъ своими способностями и знаніями, Полоцкій пріобрѣлъ общую извѣстность. Самое разнообразіе его сочиненій, относящихся ко всѣмъ родамъ духовной словесности, давало возможность многимъ находить въ нихъ каждому что-либо для себя пригодное. По порученію патріарха Іоасафа, онъ написалъ «Жезлъ правленія»— книгу обличительную на раскольниковъ Въ «Вѣнцѣ Вѣры» изложена имъ система православнаго богословія. Два сборника словъ: «Обѣдъ душевный» и «Вечеря душевная», содержатъ въ себѣ плоды его живой проповѣди. Въ комедіяхъ: «Блудный сынъ» и «о Царѣ Навуходоносорѣ» далъ онъ образцы назидательныхъ драматическихъ представленій. Какъ искусный риѳмотворецъ, переложилъ въ стихи «Псалтирь», и кромѣ того въ двухъ книгахъ: «Риѳмологіонѣ» и «Вертоградѣ Многоцѣнномъ», собралъ другія произведенія своего піитическаго дара. Но при всемъ различіи предметовъ, по всѣмъ сочиненіямъ Полоцкаго проходитъ одна и таже мысль: вездѣ онъ указываетъ необходимость ученія, вездѣ выставляетъ важность умственнаго успѣха, «исканія мудрости, не имѣвшей мѣста, гдѣ главу приклонити».

По содержанію и формѣ, сочиненія Полоцкаго были для Москвы новизною, которая возбуждала столько же приверженности въ однихъ, сколько недовольства въ другихъ. Если Сильвестръ Медвѣдевъ смотрѣлъ на Полоцкаго, какъ на своего учителя, и веселился душевнымъ веселіемъ, читая его сочиненія, то патріархъ Іоакимъ подозрѣвалъ въ Полоцкомъ іезуитскаго ученика, зараженнаго нѣкоторыми ересями. Особыя обстоятельства выдвинули Полоцкаго впередъ, независимо отъ его таланта и науки: онъ пользовался довѣренностью царя Ѳеодора и могъ дѣйствовать свободнѣе, чѣмъ другіе. Онъ завелъ во дворцѣ такъ называемую Верхнюю Типографію (верхъ—царскіе чертоги), гдѣ и печаталъ свои книги. По примѣру южнорусскихъ проповѣдниковъ, началъ въ московскихъ церквахъ живое, устное проповѣданіе. И при дворѣ оказалъ онъ пользу своимъ вліяніемъ—возвышая значеніе науки во мнѣніи тѣхъ, отъ кого зависѣло дать ей большій просторъ, устроивая драматическія представленія съ царевною Софіею и тѣмъ развивая вкусъ къ образованнымъ потѣшнымъ забавамъ.

Какъ «Зерцало Богословіи» есть первая догматика, явившаяся въ южнорусскомъ краю, такъ «Вѣнецъ вѣры» (1670) представляетъ первую, болѣе полную и стройную, систему православнаго вѣроученія, написанную на сѣверѣ Россіи. Самое названіе труда вѣнцомъ, «сплетеннымъ изъ различныхъ цвѣтовъ, богословскихъ и прочихъ», не говоритъ въ пользу его самостоятельности: это — сводъ того, что Полоцкій вычиталъ изъ многихъ книгъ. Главнымъ источникомъ служили ему: Священное Писаніе и отцы церкви, преимущественно Августинъ. За тѣмъ онъ пользовался содержаніемъ другихъ наукъ: такъ астрономія доставила ему значительный матеріалъ, при толкованіи словъ символа вѣры: «Творца неба и земли». Весьма часто Полоцкій обращался къ апокрифамъ, которые въ его время имѣли значеніе положительныхъ знаній не только для народной массы, но и для грамотныхъ людей. Отъ нихъ, конечно, страдали чистота и строгость догматическаго ученія, но, съ другой стороны, они успокоивали любознательность, рѣшая такъ или иначе всѣ вопросы касательно вѣры и священной исторіи. Рѣшенія принимали нерѣдко форму поэтическаго сказанія, которое, при мнимо-раціональной основѣ,

требуемой мыслію, не оставляло въ праздности ни воображенія, ни чувства. Такъ, напримѣръ, извѣстный апокрифъ объ имени «Адамъ» записанъ Полоцкимъ въ слѣдующемъ видѣ: Адамъ есть малый міръ, и потому дано ему имя отъ четырехъ странъ свѣта, по начальнымъ буквамъ ихъ эллинскихъ названій: Анатоли, Дисіе, Арктосъ, Месемврія, т. е. востокъ, западъ, сѣверъ, югъ, въ ознаменованіе того, что ему подчинена вселенная и что чада его будутъ владѣть всѣмъ міромъ. Характеръ догматики Полоцкаго схоластическій. Она наполнена дробными дѣленіями и подраздѣленіями, утонченными изслѣдованіями о разныхъ предметахъ, важныхъ и неважныхъ, и все съ тою же цѣлію—дать отвѣтъ на всѣ запросы, могущіе представиться пытливому уму.

Сборники проповѣдей Полоцкаго названы «Обѣдомъ душевнымъ» (1681) и «Вечерей душевной» (1683) потому, что они толкуютъ глаголъ Божій, который есть пища уму и душѣ. Въ первомъ изъ нихъ помѣщены слова поучительныя на воскресные дни; во второмъ слова похвальныя на праздники. Внутренняя связь ихъ объяснена сравненіемъ: «какъ странствующіе не только обѣдомъ учреждаютъ плоть свою, но и насыщаютъ ее вечерею, дабы не ослабнуть отъ ночнаго поприща, такъ и христіанамъ полезно предлагать не только духовный обѣдъ «въ насыщеніе», но и духовную вечерю «въ укрѣпленіе». Правило, какъ пользоваться первымъ сборникомъ, выражено метафорически: «яждь обѣдъ, взимая руками ума твоего, прежуй зубами разсужденія и поглощай въ стомахъ памяти твоея». Проповѣди Полоцкаго относятся къ стилю южно-русскаго духовнаго ораторства, главные признаки котораго легко въ нихъ открываются. Даже въ предметахъ побочныхъ онѣ часто приводятъ на мысль образцы и правила, какимъ подчинялись Галятовскій и Барановичъ. Вліяніе послѣдняго замѣтно во многомъ: и въ названіи Обѣда душевнымъ, какъ Мечъ названъ «духовнымъ», и въ искуственной связи между Обѣдомъ и Вечерею, напоминающей не менѣе искуственную связь между «Мечемъ духовнымъ» и «Трубами словесъ». Въ двухъ-трехъ мѣстахъ Полоцкій почти повторяетъ слова Барановича о глаголѣ Божіемъ, какъ духовномъ мечѣ. Но достоинство и вмѣстѣ отличіе проповѣдей Полоцкаго отъ современныхъ ему духовныхъ словъ заключается въ томъ, что онѣ практичнѣе и устроеннѣе. Полоцкій прямѣе относился къ своимъ слушателямъ: его поученія были вызываемы тѣми потребностями, которыя дѣйствительно существовали въ его время. Слова его написаны «на различныя нужды», какъ онъ самъ озаглавилъ «Приложеніе къ Вечерѣ». Не отрекаясь отъ жизни, а служа ей по долгу пастыря, онъ умѣлъ пренебречь хитростями въ выборѣ предметовъ, развитіи темы и выраженіи. Мысль каждаго поученія выговаривается опредѣлительно, въ короткомъ приступѣ; постройка, не всегда свободная отъ искуственныхъ пріемовъ, всегда удобопонятна; нѣтъ безцѣльныхъ отходовъ въ сторону, ни выисканныхъ примѣненій. Сухимъ отвлеченностямъ, обременительнымъ для вниманія, Полоцкій предпочитаетъ описанія и разсказы, которые наглядно представляютъ мысль и сообщаютъ проповѣди изобразительность. Не видно также у него излишней заботливости украсить «душевныя брашна хитростями витійственными, какъ иностранными приправами». Онъ сознавалъ необходимость безъискуственнаго изложенія: «простое слово въ писаніи разумѣется удобнѣе, нежели слово, покрытое красотами художественными; ядро удобнѣе снѣдается вылущенное, нежели въ скорлупѣ содержащееся». Рѣчь поученій церковно-славянская, очищенная отъ полонизмовъ и малорусскихъ словъ, которыми загромождены

сочиненія многихъ югозападныхъ ученыхъ. Она ничѣмъ не затрудняла современниковъ Полоцкаго: ни варваризмами, ни конструкціей; она легко понимается и теперь, не смотря на перемѣны, которымъ языкъ литературный подвергался съ того времени.

Воспитаціе, суевѣріе и расколъ были тремя главными темами поученій Полоцкаго. Онѣ преимущественно выдавались изъ современнаго настроенія общества: потому общество болѣе нуждалось въ ясномъ на нихъ взглядѣ. Говоря о воспитаніи вообще, не всегда отличаемомъ отъ ученія, Полоцкій разсматриваетъ его необходимость и важность, предметы его и способъ достигать успѣшныхъ результатовъ. Слово въ день Рождества Христова, отъ лица патріарховъ, пріѣзжавшихъ въ Москву для суда надъ Никономъ, молитъ именемъ Божіей Премудрости, нынѣ рожденной міру, взыскать премудрости не мірской или эллинской, а истинной; затѣмъ обращается къ царю съ моленіемъ: «положи въ сердцѣ твоемъ училища— греческія, славянскія и иныя—назидати, спудеовъ (учениковъ) умножати, учителей взыскати». Въ «Вечерѣ душевной» часто прославляются святые, которые радѣли о воспитаніи дѣтей своихъ или сами подали примѣръ тщательнаго исканія мудрости. И зло и благо, говоритъ Полоцкій, нисходятъ на чадъ не по естеству отъ родителей, а отъ ученія. Учиться слѣдуетъ каждому: и монаху и міряниму; чтеніе божественныхъ писаній всѣмъ полезно: и мужчинамъ и женщинамъ. Предметъ ученія, какъ выше сказано—истинная, а не эллинская премудрость. Полоцкій дѣлитъ юный возрастъ на три степени, предоставляя каждой изъ нихъ особый предметъ образованія. Въ первыя семь лѣтъ надобно учить «глаголать словеса благія и чистыя, а не худыя и скверныя, вѣщать правду, а не ложь». Второе семилѣтіе—учить художеству, «соблюдать отъ видѣнія скверныхъ»: ибо дѣтямъ равно нелѣпо—и говорить дурное, и видѣть дурное. Задача остальнаго семилѣтія— учить страху Божію и мудрости, какъ жить Богу, разумѣнію и искуству, какъ честно гражданствовать въ мірѣ. Что касается до способа вести успѣшно дѣло ученія, то здѣсь Полоцкій является самымъ строгимъ дидаскаломъ. Не отступая отъ общепринятыхъ въ его время педагогическихъ началъ, онъ почитаетъ наказанія необходимою, самою дѣйствительною мѣрою: «если родители не оскорбляютъ дѣтей своихъ словомъ увѣщанія и не налагаютъ имъ язвъ за безчинія, то не будутъ чада благими, хотя бы происходили отъ благихъ родителей». Златоустъ и Сирахъ подкрѣпляютъ его своимъ авторитетомъ. Жезлъ, говоритъ онъ съ первымъ, есть злобы искоренитель, добродѣтелей насадитель. Есть ли у тебя чада? даетъ онъ наставленія со вторымъ: воспитай ихъ и преклони отъ юности ихъ выю.

Слова Полоцкаго предлагаютъ много любопытныхъ данныхъ для исторіи народныхъ обычаевъ и суевѣрій, которые обличаются имъ отъ имени просвѣщенія и религіи. Онъ выставляетъ и смѣшную и вредную ихъ стороны, ихъ противорѣчія наукѣ и здравому смыслу, ихъ родство съ языческими обычаями. Исчисляя, въ одномъ словѣ, разные виды лжепророковъ, проповѣдникъ отводитъ между ними особое мѣсто волхвамъ и ворожеямъ, которые по звѣздамъ, вѣтрамъ, звѣринымъ утробамъ, птичьему полету, встрѣчамъ, снамъ и тому подобнымъ предметамъ устраиваютъ настоящее или предсказываютъ будущее. «Поученіе отъ іереевъ къ паствѣ» увѣщаваетъ ее пребывать въ благочестіи, не подражая тѣмъ людямъ, которые сердцемъ и устами исповѣдуютъ истиннаго Бога, а дѣлами своими отвергаютъ Его, и чуждымъ богамъ, или лучше бѣсамъ, поклоняются. Кто же эти двое-

вѣрцы XVII в., не слишкомъ далеко ушедшіе ни отъ двоевѣрцевъ XIII в., о которыхъ мы имѣемъ понятіе изъ «Слова христолюбца», ни даже отъ двоевѣрцевъ XVI в., вызвавшихъ посланіе Памфила (§§ 77 и 129)? Это—люди, предающіеся богомерзкимъ скаканіямъ, плясаніямъ, играніямъ; это—прибѣгающіе за помощью къ дьяволу, чародѣйствуя сами или довѣряясь чародѣямъ; это—почитатели чуждыхъ боговъ, хранители языческихъ обычаевъ, къ которымъ отнесены и произведенія безъискуственной поэзіи, подъ именемъ «бѣсовскихъ пѣсенъ». Подробнѣе знакомитъ насъ съ этими обычаями и другими фактами народнаго быта «Слово о суевѣріи или суечестіи». Изъ многихъ плевелъ суевѣрія оно перечисляетъ только тѣ, въ которыхъ разные случаи признаются знаменіемъ будущаго, или недостойному вѣры дается вѣра, и на этомъ заблужденіи дѣлается и говорится что-либо безполезное. Сюда относятся, во первыхъ, наузы и врачевство отреченное, посредствомъ нашептыванія, напѣванія или писанія какихъ-нибудь словъ, привязываніе костей струтіоновыхъ къ перстамъ. Потомъ, если двое идутъ рядомъ, и между ними случится быть камню, или пробѣжитъ песъ, или пройдетъ дитя,—суевѣры попираютъ камень, какъ растерзателя дружества, ударяютъ невинное дитя въ ланиту и бьютъ пса. Иной, чихнувъ въ то время, какъ началъ обуваться, снова ложится въ постель; споткнувшись при выходѣ изъ дому, возвращается домой; платье, изъѣденное мышами, заставляетъ его болѣе страшиться будущаго зла, нежели жалѣть о настоящей потерѣ. Суевѣры обѣщаютъ человѣку благоденственную или злополучную жизнь, по дню его рожденія; употребляютъ для излеченія скота священныя или простыя слова, не имѣющія ни естественнаго, ни сверхъестественнаго дѣйствія; предсказываютъ по звону въ ушахъ, по встрѣчѣ съ волкомъ, зайцемъ, инокомъ и женщиной; даютъ, безъ всякихъ свидѣтельствъ, вѣру чудесамъ неправеднымъ или не бывшимъ, и проповѣдуютъ о нихъ изустно или письменно. Изъ «богомерзкихъ обычаевъ» въ городахъ, селахъ и весяхъ, три особенно возмущаютъ Полоцкаго, какъ остатки языческихъ вѣрованій. Первый обычай—«поставлять нѣкія висѣльницы, простѣе именуемыя рѣлями (качелями), на которыхъ и малые и большіе привыкли качаться, съ опасностью для здоровья, а иногда и для жизни, и всегда со грѣхомъ, ибо то самое творили древніе идолослужители въ честь своихъ лжебоговъ». Второй обычай—нелѣпое скаканіе и плясаніе съ неблагопристойными припѣвами. Третій—наканунѣ рождества Іоанна Предтечи разводятъ огонь и прыгаютъ чрезъ него, называя это торжество «купало»; язычники точно такимъ же образомъ чествовали своихъ боговъ. Въ тотъ же день нѣкоторые невѣжды всю ночь проводятъ безъ сна и стерегутъ восходящее солнце; узрѣвъ его, баснословятъ, что оно играетъ, переходя съ мѣста на мѣсто и мѣняясь въ цвѣтѣ. «О безуміе! о суевѣріе!» восклицаетъ Полоцкій: «откуда взяли они это играніе солнца? въ священномъ писаніи этого нѣтъ; въ преданіяхъ святыхъ отцевъ тоже; философы и звѣздословы не знаютъ того, а невѣжды и слышатъ другъ отъ друга, и видятъ собственными глазами. Что же видятъ? дѣйствительно: пьяному человѣку, отъ винныхъ паровъ, въ голову восходящихъ, кажется, что все вокругъ него ходитъ, хотя, въ самомъ дѣлѣ, все стоитъ неподвижно. И какъ одна вещь двоится и троится въ глазахъ пьяницы, такъ и этимъ солнцезрителямъ, отъ излишняго смотрѣнія на солнце, отъ великаго дѣйствія лучей его, поражающихъ глаза, представляется, что оно прыгаетъ и мѣ-

няется цвѣтомъ и объемомъ. Къ тому же и дьяволъ за такое ихъ суевѣріе можетъ сотворить перемѣну въ ихъ очахъ или въ воздухѣ, но не въ солнцѣ».

Сочинивъ въ обличеніе раскола цѣлую книгу: «Жезлъ Правленія» (см. ниже), Полоцкій дѣйствовалъ противъ него и проповѣдью. Въ одномъ поученіи онъ уподобляетъ слово Божіе водному потоку, котораго не могъ перейти пророкъ Іезекіиль (гл. 47). Начальники еретиковъ, покушаясь перейти его, терпѣли кораблекрушеніе и отъ глубины писаній божественныхъ низвергались въ адскую глубину: «и нынѣшнимъ суемудрамъ, во глубину писанія врѣвающимся и по своему умышленію толкующимъ его, надобно блюстись. Неискусившемуся въ плаваніи нельзя искать въ пучинѣ бисеровъ: такъ и невѣгласу не подобно взимать тайные бисеры премудрости. Людямъ малоученымъ довольно, стоя на брегѣ рѣки, утолять жажду... Не тако ли у насъ нынѣ дѣется? разглагольствуютъ нынѣ о богословіи мужіе, разглагольствуютъ и отроцы, препираются и на торжищехъ скотопродателіе, да не реку въ корчемницахъ піаніи. Напослѣдокъ и буія женищца словопрѣніе дѣютъ безумное, мужемъ своимъ и церкви прерѣкающе... Учитися комуждо достоитъ—и монаху и мірскому. Чтеніе божественныхъ писаній всякому полезно—и мужу и женѣ. Но учити тому прилично, ему же дадеся ключъ разумѣнія и власть ученія». Другое слово (увѣщательное іереямъ о прилежаніи къ паствѣ и обличительное на крамольниковъ въ мятежное время), приписывая развитіе раскола нерадивости и неискуству отцевъ духовныхъ, видитъ еще большую вину ихъ въ томъ, что они сами на зло наставляютъ: «таковые беззаконные іереи обрѣлись въ нынѣшнія времена (слово произнесено 1682 г.) въ русскомъ царствѣ: не только благословеніе давали измѣнникамъ, но и сами поднимали оружіе противъ самодержца, на мучительство и грабленіе, сами нарицались атаманами».

До Полоцкаго многіе начинали перекладывать стихами псалмы Давида, но за трудностью дѣла прекращали свою работу. Между тѣмъ потребность риѳмотворной псалтири сильно чувствовалась грамотными предками нашими во второй половинѣ XVII вѣка. По свидѣтельству Полоцкаго, во всѣхъ странахъ Малой, Бѣлой, Червонной и Великой Руси, особенно въ Москвѣ, полюбили сладкое и согласное пѣніе польскаго стихотворнаго перевода псалмовъ, хотя мало понимали или и вовсе не понимали рѣчей, а только услаждались метромъ и риѳмой. Этотъ переводъ (1578) принадлежитъ Яну Кохановскому, одному изъ самыхъ видныхъ стихотворцевъ такъ называемаго золотаго періода классической польской литературы. Но еще прежде Кохановскаго, Николай Рей († 1568) пріобрѣлъ извѣстность стихотворнымъ переложеніемъ библейскихъ пѣсней. При вліяніи Польши на югозападную Русь, такіе примѣры не могли остаться безъ подражанія. Чтобы дать русскимъ читателямъ возможность «и вкушать сладость пѣнія и разумѣть смыслъ того, что поется», Полоцкій перевелъ псалтирь на церковно-славянскій языкъ силлабическими стихами. Кромѣ этой главной причины перевода, Полоцкій указываетъ еще двѣ другія: во первыхъ, ему хотѣлось видѣть стихотворную псалтирь на славянскомъ языкѣ, такъ какъ уже существовали стихотворные ея переводы на греческомъ, латинскомъ (Буханана) и польскомъ (Кохановскаго); во вторыхъ, еврейскій подлинникъ псалмовъ также сочиненъ стихами: слѣдовательно стихотворное ея переложеніе не можетъ быть названо противоцерковною новостью. Переводъ Полоцкаго (конченный 1678, напечатанный 1680) назначенъ для того, чтобы читать или пѣть псалмы дома во славу Бога, для чего внизу страницъ

приложены ноты: ибо «ритмъ, услаждая слухъ и сердце, понуждаетъ невольно къ чтенію стиховъ». За псалтирью слѣдуютъ «пѣсни и молитвы В. и Н. Завѣта, въ риѳмахъ преложенныя». Здѣсь, вѣроятно, Полоцкій имѣлъ образцомъ Рея, какъ въ переводѣ псалмовъ подражалъ Кохановскому.

Полоцкій питалъ большое пристрастіе къ стихамъ, которое въ XVII в. господствовало между югозападными учеными. Онъ сочинялъ цѣлыя книги стихотвореній «о всякихъ разныхъ дѣлахъ». Каждый случай, мало мальски выходившій изъ обыденнаго теченія жизни, заставлялъ его слагать вирши. Кромѣ псалтири и молитвъ, мы имѣемъ отъ него мѣсяцословъ въ стихахъ, т. е. краткія похвалы святымъ. За три дня до своей смерти онъ излагалъ въ стихахъ значеніе философіи для нравственнаго совершенства человѣка. Первый сборникъ Полоцкаго, «Вертоградъ многоцвѣтный» (1678), «сочиненъ риѳмически по чину славянскаго алфавита». Піесы, большею частію выбранныя изъ иностранныхъ (западныхъ) сборниковъ и переложенныя «на домашній славянскій языкъ», слѣдуютъ другъ за другомъ въ азбучномъ порядкѣ ихъ предметовъ: благородіе, вѣждество (просвѣщеніе), глава мѣдная глаголавшая (§ 150), гордость, дѣва, и проч. Другой сборникъ, «Риѳмологіонъ» (стихословъ, 1678), содержитъ въ себѣ стихи разнообразнаго содержанія: на праздники, похвальные, поздравительные, элегическіе, драматическіе. Здѣсь помѣщены: праздничныя привѣтствія царю и царицѣ, отъ имени царевича Θеодора; «Орелъ россійскій, въ солнцѣ представленный»—обширная похвала Алексѣю Михайловичу; утѣшительное посланіе къ тому же царю по кончинѣ его первой супруги и поздравленіе со вторымъ бракомъ; драматическая элегія и двѣнадцать плачей о его смерти: въ элегіи, умирающій ведетъ разговоръ со всѣми членами своего семейства, съ патріархомъ и другими духовными лицами, съ воинствомъ и прочими подданными, а въ плачахъ каждое лице выражаетъ свою скорбь; «Доброгласная гусль», по случаю вступленія Θеодора на престолъ; двѣ комедіи: «о Блудномъ сынѣ» и «Царѣ Навуходоносорѣ» (см. ниже), и проч. Эту любовь къ виршамъ, распространенную на югозападѣ, усвоили потомъ великорусскіе грамотные люди. Обычай слагать ихъ при каждомъ случаѣ сдѣлался и для Москвы какъ бы свидѣтельствомъ образованія и обратился въ моду. Риѳмотворная рѣчь служила необходимымъ украшеніемъ важныхъ и неважныхъ книгъ. Авторы прибѣгали къ ней не только въ предисловіяхъ и послѣсловіяхъ, но и въ текстѣ сочиненія. Нерѣдко цѣлыя сочиненія писались виршами, безъ которыхъ не обходились даже учебники: буквари предлагали стихотворныя наставленія отрокамъ; грамматика и ариѳметика выражали въ стихахъ свою важность и пользу; даже ариѳметическія дѣйствія опредѣлялись стихами. Этотъ обычай излагать мысли «риѳмически», возникшій въ Москвѣ еще задолго до Полоцкаго, усилился съ его времени и по его примѣру. «Написаніе вкратцѣ о царехъ московскихъ, Сергѣя Кубасова, и Лѣтопись кн. Семена Шаховскаго (см. ниже) заключаются виршами. Чудовскій іеродіаконъ Каріонъ Истоминъ и настоятель заиконоспасскаго монастыря Сильвестръ Медвѣдевъ (см. ниже) представили царевнѣ Софіи стихотворныя посланія объ основаніи академіи въ Москвѣ. Подражая Полоцкому, Медвѣдевъ написалъ: «Привѣтство брачное царю Θеодору Алексѣевичу» и «Плачъ и утѣшеніе о кончинѣ» того же царя». Истоминъ помѣстилъ въ букварѣ своемъ болѣе четырехъ сотъ правоучительныхъ стиховъ. Ариѳметика Магницкаго (см. ниже), кромѣ стиховъ на гербъ, предлагаетъ много другихъ виршей въ опредѣленіяхъ и правилахъ.

Представленію драмъ Полоцкаго предшествовали въ Москвѣ театральныя зрѣлища, устроенныя бояриномъ Артемономъ Сергѣевичемъ Матвѣевымъ. Въ 1672 г., въ селѣ Преображенскомъ (близъ Москвы, вошедшемъ потомъ въ черту города), давали комедію—Юдиѳь и Олофернъ: представляли, какъ «Алаферна царица царю голову отсѣкла» (то есть, какъ Олоферну царица Юдиѳь голову отсѣкла). Того же года, царь «указалъ иноземцу магистру Ягану Готфриду учинить комедію, а на комедіи дѣйствовать изъ Библіи книгу Есѳирь». Театръ помѣщался иногда въ селѣ Преображенскомъ, а иногда въ домѣ царскаго тестя, боярина Милославскаго, называвшемся поэтому «потѣшнымъ» дворцомъ. Актеры набирались изъ подъячихъ и мѣщанъ. Магистръ Іоганнъ Готфридъ Григори основалъ въ нѣмецкой слободѣ театральную школу, гдѣ и обучалъ набранныхъ дѣтей «комидійному» искуству. Кромѣ Юдиѳи и Эсѳири, извѣстны еще нѣсколько драмъ: «объ Алексѣѣ Божьемъ человѣкѣ», «объ Адамѣ и Евѣ», «Іосифъ сынъ Израилевъ». Первая драма, написанная въ южной Россіи или значительно тамъ передѣланная съ польскаго оригинала, разыграна была сначала въ Кіевѣ, гдѣ и напечатана (1674). При московскомъ дворѣ давали ее въ присутствіи царя, когда онъ рѣшился воевать съ Турками, за ихъ вмѣшательство въ малорусскія дѣла, почему прологъ и объявилъ, что представленіе піесы совершается «во славу царю Алексѣю, который, возложивъ надежду на Бога, начинаетъ дѣло съ непріятелемъ креста Христова». Эпилогъ указываетъ цѣль драматическихъ піесъ—укрѣпленіе въ вѣрѣ посредствомъ нагляднаго изображенія ея таинствъ, чудесъ и славы. «Жалостная» (серьезная, трогательная) комедія объ Адамѣ и Евѣ принадлежитъ къ одному разряду съ средневѣковыми рождественскими драмами. Она имѣетъ предметомъ грѣхопаденіе первыхъ людей. Въ ней дѣйствуютъ частію живыя лица, частію аллегорическія существа: Адамъ, Ева, Богъ-Отецъ, Богъ-Сынъ, добрые ангелы: Уріилъ, Гавріилъ, Рафаилъ, Михаилъ, Змія, Истина, Правда, Милосердіе, Миръ. Всѣхъ дѣйствій четыре, кромѣ пролога, обращеннаго къ царю Алексѣю Михайловичу и дающаго знать о предметѣ представленія. Третій актъ переходитъ изъ мистеріи въ moralité. Онъ занятъ судомъ надъ преступившимъ заповѣдь Адамомъ. Этотъ небесный судъ во всей полнотѣ юридической формы былъ любимою темою средневѣковой западной драмы. Содержаніе мистеріи объ Іосифѣ взято изъ Библіи. Дѣйствіе прекращается послѣ напрасныхъ предложеній жены Пентефрія, которая въ гнѣвѣ своемъ обвиняетъ Іосифа, что онъ хотѣлъ посягнуть на ея честь.

Наши мистеріи строго сохраняли религіозный, исключительно-церковный характеръ, не отступая въ существенномъ отъ библейскаго текста. Современныя явленія русской жизни не находили въ нихъ своего изображенія; не было въ нихъ мѣста и дьяволу, такъ какъ онъ на западѣ служилъ представителемъ комическаго элемента, почти совершенно имъ чуждаго. Если комизмъ и появлялся въ нихъ, то робко и случайно. Мужики, выведенные въ драмѣ объ Алексѣѣ Божьемъ человѣкѣ, чинятъ на свадьбѣ споръ и драку, за что одинъ изъ нихъ тутъ же отъ лица всѣхъ товарищей проситъ прощенія у зрителей. Комедія объ Адамѣ и Евѣ вложила одну только шутку въ уста Змѣи: «приходите, послушливыя чада мои», говоритъ она Адаму и Евѣ: «нынѣ васъ на лучшее мѣсто поведу; здѣ дрожите отъ стужи, но тамо учнете отъ тоски потѣти». Комедія Полоцкаго о Навуходоносорѣ дозволила себѣ уклониться отъ серьезнаго тона только четырьмя стихами: одинъ изъ воиновъ, получившихъ приказъ ввергнуть отроковъ въ печь, говоритъ:

Азъ и двѣ кожи готовъ есть издрати
Съ единаго хребта, а самъ не страдати,

на что другой замѣчаетъ:

Мнѣ Евреина столь сладко убити,
Яко же меда сладку чашу пити.

Строго-библейскій характеръ нашихъ мистерій зависѣлъ отъ того, что сочинители ихъ подражали тѣмъ духовнымъ польскимъ драмамъ, которыя давались іезуитами въ школахъ и имѣли въ виду единственно назиданіе. Комизмъ оказался бы страннымъ противорѣчіемъ тому, что должно было объяснять юношамъ какой-нибудь догматъ или назидать ихъ примѣромъ нравственно-христіанской жизни.

Предисловіе къ мистеріи объ Адамѣ и Евѣ говоритъ, что «къ потѣшнымъ радостнымъ комедіямъ» актеры хотятъ примѣшать «единую жалобную комедію». Отсюда можно заключить о существованіи какихъ-либо другихъ піесъ, кромѣ пяти сказанныхъ, хотя и трудно опредѣлить, что̀ именно предисловіе называло «потѣшными радостными комедіями». Могли онѣ быть, судя по тому же предисловію, особымъ видомъ драмы, представлявшей «прохладное и радостное житіе», въ отличіе отъ житія «скорбнаго и бѣдственнаго», служившаго предметомъ жалостной комедіи (klägliche Komödie), т. е. собственно драмы; могли быть и дѣйствительно комическими піесами, до насъ не дошедшими, или, по крайней мѣрѣ, нѣмыми потѣшными сценами, въ родѣ интермедій. Открытіе новыхъ памятниковъ дастъ перевѣсъ тому или другому предположенію. Извѣстные же памятники второй половины XVII в. относятся къ духовно-поучительнымъ драмамъ. Двѣ изъ нихъ: «о Блудномъ сынѣ» и «о царѣ Навуходоносорѣ», написалъ Полоцкій виршами. Своимъ составомъ и содержаніемъ онѣ подтверждаютъ всѣ главныя качества мистерій, принявшихъ въ школѣ дидактическое направленіе. Прологъ и эпилогъ комедіи о Блудномъ сынѣ, состоящей изъ шести частей, выставляютъ преимущество драмы, которая являетъ притчу Христову дѣйствомъ, а не въ разсказѣ:

Не тако слово въ памяти держится,
Яко же аще что дѣломъ явится.
О Блудномъ сынѣ вся рѣчь будетъ наша:
Аки вещь живу узритъ милость ваша...
Видѣсте притчу, Христомъ изреченну,
По силѣ дѣломъ днесь воображенну,
Дабы Христовымъ словамъ въ сердцахъ быти
Глубже писанныхъ, чтобы не забыти.

Комидійное дѣло должно совмѣщать въ себѣ пріятность и пользу:

Извольте милость си явити—
Очеса и слухъ къ дѣйству приклонити:
Тако бо сладость будетъ обрѣтенна,
Не токмо сердцамъ, но душамъ спасенна.

Нравоученіе выговорено послѣднимъ монологомъ сына; увидѣвъ свои заблужденія, онъ даетъ обѣтъ повиноваться отцу:

....Отселѣ хощу пребывати
Въ послушаніи, себе подчиняти:
Познахъ бо нынѣ юность дурность быти,
Аще кто хощетъ безъ науки жити.

Это сознательное раскаяніе повторяетъ эпилогъ:

Юнымъ се образъ старѣйшихъ слушати,
На младый разумъ свой не уповати;
Старымъ—да юныхъ добрѣ наставляютъ,
Ничто на волю младыхъ не спущаютъ.

Отецъ есть образъ милосердаго Бога:

Божія милость имъ вообразися:
Кто Богу виненъ, къ Богу возвратися.

Значеніе всей комедіи выражено этими словами, повторенными въ эпилогѣ: болѣе всего, говоритъ онъ,

....Образъ милости явися,
Въ немъ же Божія милость вообразися,
Да и вы Богу въ ней подражаете—
Покаявшимся удобь прощаете.

Отсюда прямой переходъ къ дѣлу комидійному: актеры просятъ у зрителей прощенія, если игра ихъ была неудачна:

Мы въ сей притчи аще согрѣшихомъ,
Ей огорчити никого мыслихомъ;
Обаче молимъ: извольте простити,
А насъ въ милости Господней хранити.

Сюжетъ піесы, въ своемъ развитіи, слѣдуетъ библейскому тексту, хотя Полоцкій и «примѣшивалъ нѣчто» свое ко всякой ея части. Какъ ни скудны эти прибавки, но все же онѣ знакомятъ съ образомъ мыслей автора или даютъ знать о нѣкоторыхъ чертахъ современной дѣйствительности. Въ монологѣ, которымъ открывается первая часть, отецъ благодаритъ Бога за дарованные ему «благой разумъ и науку» и совѣтуетъ дѣтямъ «стяжать мудрость»: совѣтъ, напоминающій Полоцкаго, для котораго польза ученія, исканіе мудрости были дѣломъ первой важности. Когда сынъ, увлекаемый любознательностію и желаніемъ славы, проситъ отпустить его въ чужіе края, отецъ сдерживаетъ юный порывъ такимъ замѣчаніемъ:

Добро есть славы, сыне мой, искати,
Чуждыя страны съ умомъ посѣщати;
Но то удобно таковымъ творити,
Иже начаша славно въ дому жити.
Не хощу тебѣ азъ воли отъяти,
Юже всякому Богъ изволилъ дати:
Точію въ дому вящше пріучися
Странству, удобенъ предъ нами явися.

Наконецъ монологъ блуднаго сына, во второй части, довольно ярко представляетъ ту «неволю», въ которой дѣти жили подъ родительскимъ началомъ, какъ бы подъ строгимъ указомъ.

«Комедія о царѣ Навуходоносорѣ, златомъ тельцѣ и трехъ отрокахъ вверженныхъ въ огненную печь,» представлена была въ присутствіи царя. Обращаясь къ нему, «предисловецъ» хвалитъ его благочестіе, которое противополагается идолослуженію Навуходоносора; за тѣмъ онъ объявляетъ сюжетъ піесы. Эпилогъ приноситъ благодарность Царю, «изволившему созерцать свѣтлымъ окомъ комидійное дѣло», и проситъ у него прощенія, если піеса была дурно выполнена. Предметъ комедіи, заимствованный изъ книги пророка Даніила, служилъ также содержаніемъ пещнаго дѣйствія. Есть другая комедія «о Навуходоносорѣ», въ ко-

торой однакожъ главное дѣйствіе принадлежитъ Олоферну и Юдии. Она раздѣлена на семь дѣйствъ и замѣчательна комическимъ элементомъ, занявшимъ цѣлыя явленія каждаго акта: воины шутятъ другъ надъ другомъ, насмѣхаются надъ еврейскимъ племенемъ, открыто славятъ войну и веселье. Неизвѣстный авторъ піесы, умышленно или неумышленно, воинскимъ чинамъ далъ современныя названія: маршалокъ, ротмистръ, капитанъ, поручикъ. Вѣроятно, въ беззаботныхъ, склонныхъ къ пьянству и грабежу дѣйствующихъ лицахъ, не любившихъ «хлѣбъ молотити», но любившихъ, чтобъ ихъ величали «милостивыми господами», готовыхъ для разгульнаго житья «поступиться самимъ небомъ», имѣлъ онъ намѣреніе представить тогдашнюю польскую шляхту. Можетъ быть, онъ и подражалъ какой-нибудь польской комедіи на тотъ же предметъ. Книга Юдиоь издавна давала содержаніе драматическимъ представленіямъ.

Выше было упомянуто о піесахъ св. Димитрія Ростовскаго (§ 148). Ихъ шесть: «Рождество Христово», Воскресеніе Христово», «Грѣшникъ кающійся», «Есоирь и Агасферъ», драма «Успенская», драма «Дмитріевская». Написанныя въ Малороссіи, онѣ были потомъ представляемы въ Ростовѣ воспитанниками училища, заведеннаго святителемъ: прологъ Рождественской драмы испрашиваетъ у него благословенія передъ началомъ игры. Предметъ ея—рождество Спасителя, поклоненіе пастырей и волхвовъ, избіеніе младенцевъ въ Виолеемѣ и муки Ирода. Такъ какъ тайна воплощенія неразрывно связана съ исторіей Адама и Евы, то аллегорическія лица антипролога напоминаютъ эту исторію: Натура людская жалуется на несовершенства человѣка и на грѣхопаденіе первыхъ людей; ее утѣшаютъ Надежда, Золотой Вѣкъ, Кротость, Незлобіе; послѣ нихъ являются Зависть, Желѣзный Вѣкъ, Брань, и Натура людская снова опечалена; Смерть провозглашаетъ свое господство, но Жизнь останавливаетъ ее словами:

Азъ власти имамъ живити и умертвити,
Смерти или житію вѣчному вручити.

Такимъ образомъ комедія на Рождество Христово соединяетъ въ себѣ мистерію и moralité. Нѣкоторыя мѣста ея выставляютъ черты простонароднаго быта, что и придаетъ ей особое значеніе. Въ виолеемскихъ пастухахъ виденъ простой малорусскій народъ. Двое изъ нихъ пошли въ городъ и воротились поздно къ третьему, оставшемуся при стадѣ, товарищу, потому что заходили на «кружало». Когда ангелъ объявилъ, что онъ посланъ къ нимъ съ благою вѣстью, они сомнѣваются въ истинѣ его рѣчей:

Чаю, тебя, государь, къ князьямъ послали,
Штобъ они великому царю поклонъ дали,
Не къ намъ, нищимъ пастухамъ.

АНГЕЛЪ.

Нищету возлюбивый, васъ, нищихъ, взываетъ;
Пастырь сый всѣмъ пастыремъ, васъ, пастырей, чаетъ.

БОРИСЪ (*пастухъ*).

О сударь, надобно ли что въ поклонъ понести,
Штобы не велѣлъ, якъ нашъ князь, въ шею вонъ вести.

Ангелъ успокоиваетъ ихъ, говоря, что Господь не требуетъ отъ человѣка даровъ, но Самъ даретвуетъ. Тогда Борисъ и его товарищи, забравъ «калачи и вино», прибираются «въ чулки, лапти новые», потому что такъ идти худо.

«Вѣнецъ вѣры каѳолическія»—ркп. И. П. Б. За нимъ слѣдуетъ: «Книга краткихъ вопросовъ и отвѣтовъ катихизическихъ, 1671 (ib.)». Вертоградъ и Риѳмологіонъ—рук. Син. Библ.

До устройства театральныхъ зрѣлищъ въ Москвѣ, объ нихъ имѣли понятіе только тѣ Русскіе, которые были за границей. Въ статейномъ спискѣ Лихачева, цѣлая глава: «о комидіяхъ» описываетъ представленіе піесъ, которыя даны были на флорентинскомъ театрѣ, во время его посольства во Флоренцію (1659). Въ 1668 г. въ Парижѣ разыграна была, для посланника Потемкина, Мольерова комедія: «Амфитріонъ». Играли самъ Мольеръ и его труппа.

Извѣстія о представленіи драмъ при Алексѣѣ Михайловичѣ сохранились въ Дворцовыхъ Запискахъ подъ 1672 г. (см. Выходы царей, изд. Строева, 1844 г.). Драму Есѳирь давали также 1674 г.: «тѣшили великаго Государя Нѣмцы и дворовые люди Матвѣева, какъ Артаксерксъ велѣлъ повѣсить Амана по царскому челобитью и по Мардохееву наученью». На рукописи драмы: Алексѣй Божій человѣкъ (И. П. Б.), выставленъ годъ 1673. Въ Русской Бесѣдѣ (1857, кн. 1) сказано, что она «была явлена въ Кіевѣ черезъ шляхетну молодь». Небесный судъ извѣстенъ въ русской литературѣ не по одной драмѣ объ Адамѣ и Евѣ, но также изъ переведенной въ 1674 г. съ польскаго языка книги: «Противъ человѣка, всечестнаго Божія созданія, завистное и злое поведеніе проклятаго демона». Комедіи Полоцкаго, находящіяся въ Риѳмологіонѣ, напеч. въ 8 ч. Древ. Вив. Здѣсь же помѣщена другая ком. о Навуходоносорѣ. Текстъ притчи о Блудномъ сынѣ, съ объяснительными картинками, изданъ былъ особо (1685). Комедія св. Димитрія Ростовскаго: «На Рождество Христово», въ одномъ сборникѣ И. П. Б. Другія піесы его неизвѣстны. Драматическій отрывокъ: «Суда изреченіе отъ невѣрныхъ Іудеевъ на Іисуса Назорея, Искупителя міра»—въ его «Остальныхъ сочиненіяхъ». См. Мистеріи и старинный театръ, Пекарскаго; Начало рус. театра, Тихонравова; Симеонъ Полоцкій, Пѣвницкаго; Св. Димитрій Ростовскій (1849).

§ 155. Русская церковь, съ самаго начала своего существованія, заботилась объ усвоеніи славянскихъ переводовъ Библіи и отеческихъ твореній, которыя имѣли предметомъ или толкованіе слова Божія, или полное изложеніе догматовъ и правилъ христіанства, или объясненіе и защищеніе важнѣйшихъ догматовъ. Къ переводамъ, заимствованнымъ изъ Болгаріи, Сербіи, Константинополя и съ горы Аѳонской, прибавлялись собственные переводы, и кромѣ того совершаемо было исправленіе прежде переведенныхъ книгъ. Такимъ образомъ къ XVII в. образовался у насъ богатый запасъ твореній отеческихъ—толковыхъ, догматическихъ, нравственныхъ, полемическихъ. Но списки переводовъ, сдѣланныхъ въ разныя времена и въ разныхъ странахъ, измѣняясь отъ перехода ихъ изъ однихъ мѣстъ въ другія, отъ ошибокъ переписчиковъ и отъ исправленій, различались между собою и по внутреннему достоинству и по языку. Въ XVII в. церковь наша занялась сличеніемъ старыхъ переводовъ съ греческими подлинниками, исправленіемъ ихъ и составленіемъ новыхъ, болѣе удовлетворительныхъ переводовъ. Время этой церковной дѣятельности—періодъ патріаршества; главный ея двигатель—Никонъ; главный исполнитель дѣла—Епифаній Славинецкій, іеромонахъ кіевопечерскаго монастыря († 1676).

Первопечатная Московская Библія была издана въ 1663 г. Издатели преимущественно пользовались Острожскимъ текстомъ, отъ котораго отступали въ немногихъ только случаяхъ. Эти незначительныя отступленія состоятъ: въ постановкѣ гласныхъ буквъ на мѣсто полугласныхъ (напр. сотворимъ, вм. сътворимъ), въ замѣнѣ архаизмовъ новыми словами и въ нѣкоторыхъ поправкахъ перевода. Славинецкій, сличая острожское и московское изданія Библіи съ греческимъ текстомъ, рѣшился вновь перевести ее. Но предпріятію его, начатому при благопріятныхъ обстоятельствахъ, не суждено было имѣть полнаго успѣха, сначала за смертію митрополита Павла, заступавшаго мѣсто патріарха и надзиравшаго за общимъ

ходомъ ученыхъ работъ, а потомъ за смертію самого Славинецкаго, который изготовилъ только переводъ Новаго Завѣта и Моисеева пятокнижія.

Изъ отеческихъ твореній переведены Славинецкимъ: Бесѣды Василія Великаго на шестодневъ, Ѳеофилакта Болгарскаго Толкованія на посланіе къ Римлянамъ и на первое посланіе къ Коринѳянамъ, Слова Аѳанасія Александрійскаго противъ Аріанъ, Слова Григорія Богослова, О православной вѣрѣ Іоанна Дамаскина. Такъ какъ переводчикъ всего больше заботился о вѣрности греческому тексту, то переводы его отличаются буквальностью; церковно-славянскій языкъ ихъ потерпѣлъ насиліе отъ многихъ словъ и оборотовъ, въ родѣ слѣдующихъ: письмянникъ, нестоятельствуемъ, рабовожду (книжникъ, скитаемся, порабощаю). Еще строже держался подлинниковъ самый трудолюбивый помощникъ Славинецкаго, монахъ Евѳимій. Переводя самъ и правя чужіе переводы, онъ, чтобы буквально передать мысль, выдумывалъ многія, совершенно несродныя русскому языку слова: средствоваше (ходатайствоваше), вредословити (хулити), укрестовасте (распясте), разогнство (воспламененіе, гнѣвъ), пеленствовася (повился пеленами), средонощница (полунощница), Христа Бога взятіе (вознесеніе) и проч. Иногда греческое слово оставлялось имъ безъ перевода, принимая только русское окончаніе или русскую приставку: схиматы (образы), изтипистствоватися (воображатися).

Переводы и правленіе книгъ—главный трудъ жизни Славинецкаго, который для этого собственно и былъ вызванъ въ Москву—связаны съ другими учеными его занятіями. По просьбѣ Ртищева, вѣроятно имѣвшаго въ виду дать необходимое пособіе переводчикамъ съ греческаго языка на славянскій, онъ составилъ полный «Греко-славяно-латинскій лексиконъ», въ которомъ объяснено до 7,000 словъ. Матеріалы, собранные при чтеніи и изученіи греческихъ книгъ, вошли въ его «Филологическій лексиконъ», объясняющій слова Св. Писанія ихъ значеніемъ въ твореніяхъ св. отцевъ.

Кромѣ того Славинецкій оказалъ важную услугу проповѣдыванію: съ разрѣшенія Никона, онъ первый возобновилъ въ Москвѣ обычай поучать народъ живымъ словомъ своего собственнаго сочиненія. Симеонъ Полоцкій, выходя на церковную каѳедру, уже имѣлъ въ немъ даровитаго предшественника. Живая проповѣдь замолкла на сѣверѣ Россіи съ самой смерти митрополита Фотія (§ 97). Иностранныя и отечественныя извѣстія согласно о томъ свидѣтельствуютъ. Іовій, въ первой половинѣ XVI, и Маржеретъ, въ началѣ XVII в., писали, что въ русскихъ церквахъ не проповѣдуютъ. Крижаничъ, какъ намъ извѣстно, приписывалъ это отсутствіе живаго проповѣднаго слова вліянію Грековъ. Полоцкій главною виною раскола ставилъ «нерадѣніе и неискуство духовныхъ отцевъ, которые не поучаютъ, не наставляютъ чадъ своихъ духовныхъ». О томъ же скорбѣлъ св. Димитрій Ростовскій: «іереи не учатъ, а людіе невѣжествуютъ; іереи слова Божія не проповѣдуютъ». Вмѣсто собственныхъ проповѣдей уставлено было священникамъ читать поученія св. отцевъ, разсмотрѣнныя соборомъ и напечатанныя подъ именемъ «Соборниковъ», «Маргаритовъ», «Бесѣдъ» и пр.—мѣра, принятая изъ опасенія произвольныхъ или невѣжественныхъ толкованій догматовъ. Муромскій протопопъ Логинъ началъ было произносить на память свои собственныя поученія, вмѣстѣ съ другими священниками города Мурома, послѣдовавшими его примѣру, но былъ остановленъ Никономъ. Не такъ было на русскомъ югозападѣ, гдѣ еще въ XVI в. нѣкоторыя лица снискали себѣ извѣстность церковнымъ краснорѣчіемъ,

а въ XVII в. образовалось особое званіе проповѣдниковъ. Этотъ обычай югозападнаго духовенства обращаться къ народу съ живымъ поученіемъ Славинецкій перенесъ въ Москву. Его похвальныя слова святымъ и проповѣди на тексты Св. Писанія вѣрны общему характеру его дѣятельности: онъ является въ нихъ не столько ораторомъ, сколько ученымъ, «исполненнымъ внѣшней (свѣтской) и духовной мудрости»; вниманіе его устремлено не на современныя потребности, какъ у Полоцкаго, а на религіозныя истины, сохраняющія свою цѣну во всякое время; его цѣль—изслѣдовать догматы и правила христіанской нравственности, въ ихъ самостоятельномъ смыслѣ, безъ отношенія ихъ къ текущей жизни.

Славинецкій, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ пребыванія своего въ ученомъ братствѣ, основанномъ Ртищевымъ, получилъ мѣсто начальника патріаршаго училища (въ Чудовѣ монастырѣ) и главнаго справщика книгъ. Предпріятіе вновь перевести Библію задумано было въ широкихъ размѣрахъ: современная о немъ записка (Слов. дух. писат. Евгенія, I, 178 и д.) называетъ Павла, митрополита сарскаго и подонскаго, вторымъ Птоломеемъ Филадельфомъ, а помѣщеніе для переводчиковъ, устроенное въ крутицкомъ архіерейскомъ домѣ—Фарою. О печатной Библіи 1663 г. см. Чистовича: «Исправленіе текста славянской Библіи передъ изданіемъ 1751 г.» (Прав. Обозр. 1860, №№ 4 и 5). Обзоръ славянской переводной литературы отеческихъ твореній въ предисловіяхъ ко 2 и 3 кн. Опис. рук. Син. Библ. Сличи: «Обозрѣніе матеріаловъ для внутренней исторіи рус. церкви», Смирнова-Платонова (Прав. Обозр. 1860 г., № 6). Рукописи сочиненій Славинецкаго въ библ. Синод. и Кіевопечерской лавры. Исчисленные переводы его нап. 1665 г., кромѣ Толкованія Ѳеофилакта (рук. Син. Библ.); поученія же и лексиконы не изданы. Равно не были изданы въ свое время труды Евфимія, справщика книгъ († 1705); причины тому—«частію самый характеръ его переводовъ, слишкомъ привязанныхъ къ буквѣ, частію наступавшее преобладаніе русскаго элемента надъ славянскимъ и другія перемѣны въ порядкѣ дѣлъ» (Предисл. къ Опис. Син. Библ., ч. 3, стр. VII). По образцу Транквилліонова Учительнаго Евангелія, священникъ города Орла (пермской, нынѣ вятской губ.) написалъ «Статиръ», или воскресныя и праздничныя поученія (рук. Рум. Муз., № 411). Другіе замѣчательные переводы Славинецкаго: одна часть Космографіи (см. ниже), О убіеніи короля англійскаго (Карла I), Гражданскіе законы изъ Ѳукидидовой исторіи и Плиніева панегирика Траяну.

§ 156. Слова и поученія св. Димитрія Ростовскаго (1651—1709) близко подходятъ къ знакомому намъ характеру малорусской школы: читатель встрѣчаетъ ту же ученую обстановку главной мысли многосторонними свѣдѣніями, тѣ же искуственныя сближенія разнородныхъ предметовъ, то же примѣненіе духовнаго къ какимъ-нибудь чувственнымъ образамъ. Св. Димитрій Ростовскій былъ воспитанъ на однихъ образцахъ и правилахъ съ другими кіевскими учеными. До перехода своего въ Великороссію (1701) онъ уже исполнялъ должность проповѣдника и пріобрѣлъ извѣстность въ Батуринѣ, Новгородъ-Сѣверскѣ, Черниговѣ, Кіевѣ. Вліяніе школы не могло не отразиться на его словахъ, которыя впрочемъ должны быть раздѣлены на два отдѣла: малорусскій и великорусскій. Въ послѣднія семь лѣтъ своей жизни, когда онъ управлялъ ростовскою митрополіею (1702—1709), проповѣдь его, освобождаясь отъ школьнаго вліянія, стремилась къ простотѣ и естественности. Онъ самъ различаетъ простое, общедоступное изложеніе отъ изложенія искуственнаго, пригоднаго только людямъ книжнымъ. Къ послѣднему прибѣгалъ онъ частію по свойству самаго предмета, частію по требованіямъ современнаго вкуса слушателей или по правиламъ современнаго краснорѣчія. Выбравъ главнымъ предметомъ своихъ поученій обязанности христіанской жизни, св. Димитрій Ростовскій, подобно Лазарю Барановичу, допускалъ частыя изліянія религіознаго чувства: учительный тонъ проповѣди переходитъ въ лиризмъ, и она разрѣшается въ молитву, произносимую отъ имени

пастыря или всей паствы. Этотъ лирическій элементъ нашелъ большій себѣ просторъ и соотвѣтственную форму «въ молитвенныхъ размышленіяхъ» и «псалмахъ», или «кантахъ». Размышленія выражають, въ прозѣ или виршахъ, чувства христіанина при мысли о страстяхъ Господнихъ. Сюда относятся: «Молитва, или краткое страстей Христовыхъ воспоминаніе», «Къ Магдалинѣ, плачущей у ногъ Христовыхъ, глаголъ грѣшнаго и отвѣтъ Магдалины», «Плачъ на погребеніе Христово» и др. Стихотворные канты содержатъ въ себѣ изліяніе душевной, всѣ другія привязанности превышающей, любви къ Спасителю. За эти пѣснопѣнія церковь величаетъ святителя «духовною цѣвницею».

Важнѣйшій трудъ св. Димитрія Ростовскаго — «Четьи-Минеи», или Житія святыхъ, чтимыхъ православною церковью. По своему литературному значенію, они относятся къ тому виду житій, который ведетъ свое начало отъ времени митр. Макарія (§ 133), т. е. матеріалъ ихъ большею частію подвергался обработкѣ, состоящей или въ построеніи разсказа по особому плану, или въ составленіи житія изъ разныхъ сказаній. Впрочемъ трудъ святителя ограничивался иногда простымъ переводомъ подлинника, да исправленіемъ старинной славянской рѣчи, безъ всякихъ перемѣнъ въ содержаніи. Источниками его служили: Житія святыхъ, Симеона Метафраста, жившаго въ тотъ періодъ византійской словесности (X в.), когда развилась страсть къ компиляціямъ и сборникамъ (§ 78), Великія Четьи-Минеи митрополита Макарія, синаксари, прологи, отдѣльные патерики. Нѣкоторыя сказанія сличаются съ Дѣяніями святыхъ (Acta sanctorum), по изданію Болландистовъ, начатому въ XVII в. Іоанномъ Болландомъ, и съ Житіями святыхъ (Vitae sanctorum) Лаврентія Сурія, жившаго въ XVI в. Описаніе подвиговъ угодниковъ Божіихъ, представляя назидательно-любопытное чтеніе каждому христіанину, удовлетворяло особенной потребности Малоруссовъ, которые, въ слѣдствіе татарскихъ погромовъ и войнъ съ Литвою и Польшею, лишились почти всѣхъ литературныхъ памятниковъ, и въ томъ числѣ житій святыхъ. Люди книжные пользовались легендами на польскомъ и латинскомъ языкахъ, не всегда согласными съ духомъ православія; даже проповѣдники прибѣгали къ нимъ въ своихъ поученіяхъ (§ 145). Св. Димитрію предоставлено было восполнить этотъ существенный недостатокъ, о чемъ прежде него думали Петръ Могила и Иннокентій Гизіель, но по разнымъ обстоятельствамъ не успѣли привести задуманной мысли въ дѣйствіе. Хотя Четьи-Минеи св. Димитрія Ростовскаго называются «Малыми» въ отличіе отъ «Великихъ, или Макарьевскихъ, однакожъ онѣ, кромѣ жизнеописаній святыхъ, содержатъ въ себѣ синаксари на праздники, поучительныя слова, предметы которыхъ взяты изъ исторіи праздника, и отдѣльныя историческія разсужденія.

Четьи-Минеи составляютъ 12 книгъ (по числу мѣсяцевъ въ году), раздѣленныхъ на четверти, или трехмѣсячія. Каждая четверть выходила въ свѣтъ по мѣрѣ ея изготовленія (1689, 1695, 1700, 1705). См.: Св. Димитрій, митр. ростовскій (1849).

§ 157. Полемикѣ югозападнаго духовенства съ католиками и уніатами соотвѣтствуетъ полемика между православіемъ сѣверо-восточной Руси и отдѣлившимся отъ него расколомъ. Но, кромѣ различія въ предметахъ спора, различны были и относительныя силы противниковъ. На югозападѣ, католическіе ученые имѣли за собою превосходство образованія, хотя и встрѣчали достойный себѣ отпоръ въ Барановичѣ, Галятовскомъ и другихъ русскихъ писателяхъ. Напротивъ,

въ борьбѣ съ расколомъ рѣшительный перевѣсъ учености былъ на сторонѣ православныхъ. Если въ нѣкоторыхъ расколоучителяхъ XVII в. нельзя отвергать ни дарованій, ни начитанности, ни искренности и силы убѣжденія, то, съ другой стороны, всѣмъ имъ недоставало науки: они не умѣли приводить въ систему вычитанныя знанія, логически отвѣчать противникамъ, искусно защищать свой догматизмъ, который и самъ по себѣ несостоятеленъ. Имъ трудно было бороться съ такими лицами, какъ Юрій Крижаничь, Симеонъ Полоцкій, св. Димитрій Ростовскій, получившіе систематическое образованіе и навыкъ въ ученыхъ состязаніяхъ.

Эта полемическая литература по поводу раскола представляетъ извѣстную аналогію съ литературой за унію и противъ уніи. Она распадается на два отдѣла: историческій и догматическій, соотвѣтственно двумъ вопросамъ—о происхожденіи раскола и о сущности его ученія. Начало ея относится къ изданію новоисправленныхъ богослужебныхъ книгъ и церковнославянскаго перевода книги «Скрижаль» (1656), содержащей въ себѣ изъясненіе литургіи и другихъ таинствъ восточной церкви. Изъ сочиненій, направленныхъ противъ раскола въ XVII и первыхъ годахъ XVIII в., наиболѣе замѣчательны: «Жезлъ правленія» (1666), Симеона Полоцкаго—опроверженіе челобитныхъ Никиты Пустосвята и Лазаря; «Увѣтъ духовный» (1682), патріарха Іоакима — опроверженіе соловецкой челобитной, противъ которой также писалъ Юрій Крижаничъ; «Окружныя посланія» Игнатія, митрополита сибирскаго (1699), заключающія въ себѣ важныя историческія свѣдѣнія о началѣ русскаго раскола и о первыхъ сибирскихъ расколоучителяхъ; «Знаменія пришествія антихриста и кончины вѣка» (1703), Стефана Яворскаго, митрополита рязанскаго—обличеніе возникшихъ между раскольниками толковъ о пришествіи въ міръ антихриста; «Розыскъ о раскольнической Брынской вѣрѣ», св. Димитрія Ростовскаго, т. е. изслѣдованіе объ ученіи раскольниковъ, поселившихся въ Брынскихъ лѣсахъ и отсюда проникавшихъ съ своей проповѣдью въ ростовскую эпархію.

«Розыскъ» занимаетъ самое видное мѣсто въ антираскольничьей литературѣ. Въ немъ три части: первая доказываетъ, что вѣра раскольниковъ неправа; вторая, что ученіе ихъ душевредно; третья, что дѣла ихъ небогоугодны. Особенность его состоитъ въ томъ, что онъ обличаетъ расколъ не только въ первоначальномъ его видѣ, но и въ дальнѣйшей судьбѣ его, когда онъ началъ распадаться на разные толки. Святитель постоянно обнаруживаетъ противорѣчія между этими толками и духомъ евангельскаго ученія. Полемика его сначала даетъ понятіе о томъ или другомъ вопросѣ, а за тѣмъ отвергаетъ понятіе, противоположное истинѣ, т. е. заблужденіе. Такъ, на примѣръ, при рѣшеніи вопроса: «права ли вѣра раскольниковъ?» прежде излагается сущность вѣры христіанской, и потомъ доказывается, что вѣра раскольниковъ не истинная, такъ какъ они полагаютъ ее въ несущественныхъ предметахъ—старыхъ иконахъ и старыхъ книгахъ, осьмиконечномъ крестѣ, сугубой аллилуіи и пр.

Сочиненіе Полоцкаго названо «Жезломъ правленія» отъ архіерейскаго жезла (нарисованнаго на заглавномъ листѣ книги), который управляетъ «стадомъ православнороссійскія церкви». «Розыскъ», разосланный по ростовской эпархіи 1709 г., нап. 1745 г

§ 158. Раскольники съ своей стороны не оставались праздными. Они собственно и открыли полемику, протестуя въ челобитныхъ противъ такъ называемыхъ

«новшествъ», въ которыхъ видѣли нарушеніе старой, правой вѣры. Литература ихъ, ведущая свое начало отъ второй половины XVII в., богата числомъ сочиненій и разнообразна по содержанію. Каждая книга, противъ нихъ направленная, заставляла ихъ писать отвѣтъ. У нихъ есть опровержения «Розыска», «Увѣта духовнаго», «Жезла правленія». Они не только наблюдали за всѣми явленіями въ исторіи православной церкви, особенно за тѣми, которыя прямо относились къ расколу, но и подвергали каждое явленіе разбору и оцѣнкѣ. Люди, извѣстные въ ихъ обществѣ начитанностью и знакомствомъ съ древне-русскою письменностью, хотѣли снабдить своихъ единомышленниковъ такимъ же книжнымъ запасомъ, какимъ обладала православная церковь. Поэтому въ раскольничьей литературѣ есть патерики, службы святымъ, сборники соборовъ, постановленія и правила, слова и поученія, воззванія, догматическія разсужденія, обличенія и апологіи, словари знаменитыхъ особъ старовѣрческой церкви и проч. Нѣкоторыя ихъ книги озаглавлены по примѣру сочиненій православныхъ: «Щитъ вѣры», «Мечъ духовный», «Вертоградъ духовный». Все это литературное достояніе старообрядства сводится къ двумъ отдѣламъ: историческому и догматическому. Въ историческомъ излагается внѣшняя исторія раскола—судьба дѣятелей и событій; въ догматическомъ раскрывается его ученіе. Направленіе того и другаго отдѣла большею частію полемическое.

Сравнительно съ послѣдующимъ своимъ развитіемъ, раскольническая литература XVII в. представляетъ нѣкоторыя особенности по предмету, характеру полемики и внѣшней формѣ. Предметъ ея—тѣ самыя мнѣнія, которыя легли въ основу раскольничьяго догматизма, иначе старообрядства. Привязанность къ этимъ мнѣніямъ дало расколу единство, которое не было еще нарушено появленіемъ разныхъ сектъ. Впрочемъ уже въ XVII в. возникли между раскольниками догматическія разногласія. Аввакумъ обличалъ въ особой книгѣ единовѣрца своего, дьякона Θеодора, который «преткнулся въ ученіи о св. Троицѣ и о сошествіи Христовѣ во адъ, догматствуя объ оныхъ по-никоніански, нелѣпостно»; а Θеодоръ, съ своей стороны, писалъ обличительныя письма на «плотскія нечестивыя мудрованія» Аввакума и Лазаря о единосущіи Св. Троицы и о естествѣ Іисуса Христа.

Литературная дѣятельность раскольниковъ и въ XVII в. не могла назваться бѣдною. Однихъ сочиненій протопопа Аввакума болѣе тридцати: самое замѣчательное между ними—автобіографія, открыто выражающая оригинальную натуру главнаго расколоучителя. Діаконъ Θеодоръ, кромѣ указанныхъ «Обличительныхъ писемъ» и «Посланія», написалъ: «Повѣсть о святыхъ отцахъ нашихъ: Аввакумѣ, Лазари и Епифаніи» (всѣ трое раскольники), и многія другія книги. Савва Романовъ разсказалъ «Исторію стрѣлецкаго бунта». Іеромонахъ Авраамій изложилъ ученіе раскольниковъ объ антихристѣ въ «Посланіи къ нѣкоему боголюбцу». Челобитныя Никиты и Лазаря упомянуты выше. Большая часть писателей-раскольниковъ XVII в. состояли справщиками при московской типографіи въ патріаршество Іосифа: поэтому на книги, напечатанныя подъ ихъ надзоромъ, они смотрѣли, какъ на свое собственное дѣло, которое требовало ихъ защиты.

Раскольничья литература, на первыхъ порахъ ограниченная изложеніемъ основныхъ отличій старообрядства, допустила потомъ болѣе свободную обработку своего предмета. Ея историко-догматическое содержаніе, подъ вліяніемъ фанта-

зіи и чувства, стало облекаться въ другія литературныя формы, прозаическія и стихотворныя. Въ ней большое пространство захвачено сатирой—особеннымъ орудіемъ полемики. Когда же изъ круга книжныхъ людей она поступила въ народное достояніе, народъ обогатилъ ее новыми представленіями и образами, въ духѣ своего поэтическаго творчества. Эта народная раскольническая литература выразилась преимущественно въ духовныхъ стихахъ.

Сравнительно съ полною цыфрою раскольническихъ сочиненій, только малая часть ихъ издана въ свѣтъ: большею частію они остаются въ рукописяхъ. См.: Исторія рус. раскола, Макарія; Рус. расколъ старобрядства, Щапова, и разборъ этой книги въ 4-й книгѣ Лѣт. рус. лит. 1859; Обзоръ дух. лит.; Описаніе нѣкоторыхъ сочиненій, написанныхъ русскими раскольниками въ пользу раскола, 1861 (Записки Александра Б.); Энциклопедическій словарь, т. 1, статьи: «Аввакумъ» и «Авраамій»; Замѣчательный опытъ раскольнической литературы (Библ. Зап., 1861, №№ 8, 9 и дал.).

§ 159. Мы уже имѣли случай разсматривать нѣкоторыя явленія ученой и учебной литературы въ XVII в.: такъ мы говорили о систематическомъ изложеніи богословія въ трудахъ Транквилліона, Зизанія и Полоцкаго, о руководствѣ для проповѣдниковъ въ «Ключѣ разумѣнія», о словаряхъ Славинецкаго. Остается перечислить важнѣйшія книги по другимъ предметамъ знанія. Но прежде того слѣдуетъ сказать нѣсколько словъ о «Православномъ Исповѣданіи Вѣры», излагающемъ также въ системѣ догматическое ученіе нашей церкви. Составленное въ Кіевѣ при Петрѣ Могилѣ и утвержденное восточными патріархами, оно было издано для общаго употребленія при патріархѣ Адріанѣ (1696). Издавая его, Адріанъ написалъ «Увѣщаніе», имѣющее цѣлію внушить православнымъ довѣріе къ отеческимъ твореніямъ въ томъ видѣ, какой получили они въ новыхъ переводахъ съ греческаго, совершенныхъ въ періодъ патріаршества, и преимущественно Славинецкимъ и Евѳиміемъ (§ 155).

Историческія сочиненія XVII в. относятся къ разнымъ ихъ видамъ: лѣтописямъ, запискамъ и систематическому изложенію событій. Изъ югозападныхъ хроникъ замѣчательны: Хроника Ѳеодосія Сафоновича, игумена Михайловскаго кіевскаго монастыря; Хроника югозападной Россіи, Михаила Лосицкаго, іеромонаха Густинской пустыни; Лѣтопись самовидца о войнахъ Хмельницкаго. Большая часть лѣтописей, составленныхъ въ Москвѣ, заняты описаніемъ смутнаго времени. Таковы: оффиціальная лѣтопись эпохи Михаила Ѳеодоровича, изданная подъ именемъ «Рукописи патріарха Филарета»; Новый лѣтописецъ (иначе: Лѣтопись о мятежахъ), вошедшій въ нѣкоторые списки Степенной книги, какъ прибавочная, 18-ая степень (§ 137); Повѣсть о самозванцахъ. Къ XVII вѣку относятся лѣтописные сборники: Никоновскій и Воскресенскій, принадлежавшіе патріарху Никону, который положилъ ихъ вкладомъ въ Воскресенскій новоіерусалимскій монастырь. Оба они представляютъ оффиціальный характеръ московской лѣтописи, т. е. смотрятъ на внутреннее устройство Новгорода, Пскова и другихъ удѣльныхъ княжествъ съ точки зрѣнія интересовъ Москвы. Кромѣ того, составители ихъ заботились о собраніи наибольшаго количества свѣдѣній, изъ которыхъ иныя не имѣютъ никакого отношенія къ событіямъ, и о литературной отдѣлкѣ разсказа. Никоновскій сборникъ, наполненный пространными выписками изъ византійскихъ хронографовъ, оканчивается 1630-мъ годомъ и состоитъ изъ 8 частей. Послѣдняя часть его имѣетъ особое названіе: «Новый лѣтописецъ», и принимается за 18-ую степень русскихъ князей, т. е. за продолженіе Степенной книги. Воскресенскій сборникъ (иначе: Лѣ-

топись по Воскресенскому списку), въ послѣднихъ главахъ своихъ совершенно сходный съ лѣтописью Никоновскою и доводящій разсказъ по одному списку до 1560 г., представляетъ, по полнотѣ описанныхъ въ немъ событій, весьма важный матеріалъ для исторіи московскаго государства въ XV и особенно въ XVI в. Онъ содержитъ въ себѣ многія извѣстія, не встрѣчающіяся въ другихъ лѣтописяхъ, и объ нѣкоторыхъ московскихъ событіяхъ разсказываетъ подробнѣе, чѣмъ Никоновскій сборникъ.

Между записками этого времени извѣстны записки князя Семена Шаховскаго, Авраамія Палицына и Сильвестра Медвѣдева. Князь Шаховской оставилъ послѣ себя домашнія «Записки о своихъ несчастіяхъ (1601—1649)». Подъ несчастіями разумѣетъ онъ расторженіе брака съ четвертой женой своей и заключеніе въ Чудовомъ монастырѣ. По этому поводу Шаховской писалъ посланія къ патріарху Филарету, къ архіепископу сибирскому и тобольскому, и къ нѣкоему другу, «сложенныя за премногую его любовь и посѣщеніе», когда онъ подвергся царскому гнѣву. Записки его, короткія и сухія, лишены интереса. Не таковы «Записки о стрѣлецкомъ бунтѣ 1682 г.», Сильвестра Медвѣдева (§ 154), замѣчательнаго своими дарованіями, начитанностью и судьбою. У него была обширная по тому времени библіотека (болѣе 600 томовъ); онъ зналъ латинскій и польскій языки; читалъ Аристотеля. Главными сочувствіями и воззрѣніями онъ склонялся къ своему покровителю Полоцкому и другимъ бѣлорусскимъ ученымъ, которые проживали въ Москвѣ. Отъ нихъ онъ усвоилъ нѣкоторыя богословскія мнѣнія, вовлекшія его въ споръ съ Лихудами (§ 153) и изложенныя въ его сочиненіи: «Манна хлѣба животнаго», которую онъ послѣ своего покаянія передъ соборомъ объявилъ «обманною». Онъ былъ ревностнымъ приверженцемъ царевны Софіи и пользовался ея покровительствомъ. Шакловитый и стрѣльцы состояли подъ его вліяніемъ, находя въ немъ сторонника своимъ замысламъ, бывшимъ причиною его казни (1691). Достоинство Записокъ Медвѣдева заключается въ томъ, что онѣ отчетливо передаютъ подробности современнаго ему событія; притомъ онъ имѣлъ въ рукахъ акты, не всѣмъ доступные и, какъ человѣкъ умный и образованный, искусно ими распоряжался. Въ разсказѣ отражаются сочувствія и антипатіи автора, его взглядъ на дѣйствующія лица. Историкъ Петровскаго времени, Татищевъ назвалъ этотъ разсказъ «пристрастнымъ», на томъ основаніи, что онъ видимо держитъ сторону Софіи. Но слово «пристрастіе» можетъ быть истолковано въ похвалу мемуарамъ, появленіе которыхъ обусловлено большимъ или меньшимъ развитіемъ личности и которые слѣдовательно тѣмъ интереснѣе въ литературномъ отношеніи, чѣмъ ярче выступаетъ въ нихъ личность автора, съ его достоинствами и недостатками. Другой трудъ Медвѣдева—«Оглавленіе книгъ, кто ихъ сложилъ»—представляетъ первый опытъ библіографической описи. Составленіемъ ея оказана большая услуга современному книжному дѣлу, ибо для ученыхъ занятій необходимо было знать, что̀ уже сочинено, переведено и напечатано, дабы не тратить напрасныхъ трудовъ на сочиненія и переводы, которые имѣлись въ русской литературѣ. Задачу свою Медвѣдевъ выполнилъ удовлетворительно: и рукописи, и печатныя книги описаны имъ подробно и вмѣстѣ точно и сжато. Въ каждой книгѣ перечислены всѣ статьи; изъ каждой статьи выписаны заглавныя слова. Свѣдѣнія о жизни авторовъ, если таковыя находились въ предисловіяхъ или послѣсловіяхъ, переданы кратко и обстоятельно. Не заключая въ себѣ ничего лиш-

няго, «Оглавленіе» отличается полнотою: видно, что Медвѣдеву извѣстны были почти всѣ произведенія тогдашней славяно-русской письменности.— «Сказаніе объ осадѣ Троицко-Сергіева монастыря отъ Поляковъ и Литвы и о бывшихъ потомъ въ Россіи мятежахъ», написанное келаремъ этого монастыря, Авраамiемъ Палицынымъ (1624), поставило своею задачею—показать на самыхъ событіяхъ свершеніе обѣта Богородицы св. Сергію: «во вѣки неотступна буду отъ твоей обители». Самъ авторъ назвалъ его «Исторiей на память впредь идущимъ родамъ, да незабвенны будутъ благодѣянія Божія, которыя явила Приснодѣва Марія; да незабвенны будутъ чудеса великихъ свѣтилъ, преподобныхъ отецъ нашихъ Сергія и Никона». Содержаніе книги означено ся заглавіемъ; но, кромѣ разсказа объ осадѣ, она даетъ краткій обзоръ предшествовавшихъ тому событій. Хотя Палицынъ и говоритъ, что «не подобаетъ на истину лгати, но съ великимъ опасеніемъ подобаетъ истину соблюдати»; однакожъ «Сказаніе» было заподозрѣно въ недостовѣрности еще современниками Палицына. Историческая критика нашего времени подтвердила ихъ мнѣніе. Слогъ «Сказанія» витіеватый, что, по тогдашнимъ понятіямъ, считалось краснорѣчіемъ, но отъ чего страдаетъ ясность историческаго разсказа. Примѣромъ витіеватости можетъ служить «Слово благодарственное преподобнымъ Сергію и Никону» (глава 57), заключающее въ себѣ также молитвенное славословіе Божiей Матери.

Опыты систематической обработки лѣтописныхъ сказаній относятся ко второй половинѣ XVII в. Дьякъ Ѳедоръ Грибоѣдовъ въ «Краткомъ повѣствованіи» изложилъ русскія событія, отъ Владиміра Великаго до воцаренія Ѳеодора Алексѣевича. На югѣ, Иннокентіемъ Гизіелемъ или кѣмъ-либо другимъ по порученію Гизіеля составленъ «Синопсисъ», т. е. «обозрѣніе, очеркъ», доведенный до Ѳеодора Алексѣевича. Это первый учебникъ по русской исторіи, бывшій въ употребленіи до историческихъ трудовъ Ломоносова и потому многократно издававшійся (1-ое изд. 1674). Составитель преимущественно пользовался Хроникой Сафоновича, сокращая ее, а иногда и дополняя описаніемъ современныхъ событій. Во многихъ мѣстахъ онъ ссылается на Нестора и польскихъ историковъ, почему Синопсисъ названъ также «Краткимъ собраніемъ отъ разныхъ лѣтописцевъ о началѣ славянороссійскаго народа», и проч. Словопроизводство его основано на случайныхъ созвучіяхъ: имя «Славянъ» объяснено «славой», которую они пріобрѣли воинскою храбростію; имя «Руссовъ»—разсѣяніемъ ихъ по обширному пространству, почему слова: «Россѣяны, Россѣйскій», считаются начальной формой, а «Россы» или «Руссы» и «Русскій»—позднѣйшею. Любопытны также нѣкоторыя историческія толкованія Синопсиса: основатели Кіева, братья: Кій, Щекъ и Хоревъ, происходятъ отъ Мосоха, Яфетова сына; Радимъ, Вятко и Дулебъ были ихъ полководцы; Варяги суть Славяне; князья варяжскіе пришли отъ Нѣмцевъ, и пр. Сергѣй Кубасовъ, тобольскій боярскій сынъ, родомъ изъ Ярославля, сочинилъ «Написаніе вкратцѣ о царехъ Московскихъ, о образѣхъ ихъ, и о возрастѣ, и о нравѣхъ». Оно содержитъ въ себѣ краткое описаніе внѣшняго вида и внутреннихъ свойствъ московскихъ царей, отъ Іоанна III до Михаила Ѳеодоровича.

Въ рукописяхъ XVII в. существуетъ нѣсколько руководствъ къ географіи, или космографіи, какъ ее тогда называли. Переводъ славившейся въ XVI в. Космографіи Меркатора сдѣланъ, по указу царя Михаила (1637), переводчиками посольскаго приказа: Лыковымъ и Дорномъ. Есть также его Orbis terrarum, сп-

рѣчь «образецъ или чертежъ всего свѣта земель». Переводомъ другой космографіи, въ трехъ частяхъ, занимался Славинецкій съ своими помощниками: Исаіею и Арсеніемъ Сатановскимъ. Славинецкій перевелъ часть Европы и часть Азіи. Извѣстны еще двѣ космографіи, русскій переводъ которыхъ относится къ концу XVII в.: авторъ одной—Италіянецъ Джіовани Ботеро; другая, подъ названіемъ: «Описаніе всего свѣта земель и государствъ великихъ», переведена съ латинскаго «языкомъ московскимъ», какъ сказано въ Оглавленіи книгъ, Медвѣдева. При Өеодорѣ Іоанновичѣ составлена ландкарта московскаго государства, или такъ называемый «Большой чертежъ земли русской», дополненный въ царствованіе Годунова и возобновленный въ царствованіе Михаила (1626). Тогда же сочинено было къ нему изъясненіе, подъ названіемъ: «Книга Большой чертежъ». Вторичный пересмотръ карты относится ко времени Өеодора Алексѣевича (1680). Изъясненіе или описаніе расположено по путямъ сообщенія, т. е. по дорогамъ и рѣкамъ. Оно замѣчательно не однимъ ученымъ интересомъ, но и многими любопытными данными для исторіи языка и народныхъ повѣрій. По отношенію къ языку, оно сохранило въ себѣ собственныя географическія названія и различныя выраженія при описаніи мѣстностей—простомъ, но вмѣстѣ и опредѣлительномъ, умѣвшемъ находить матеріалы въ живой рѣчи, не прибѣгая къ искуственнымъ оборотамъ или къ иностраннымъ словамъ. Относительно повѣрій и преданій, оно пособляетъ разъяснять нѣкоторыя изъ нихъ названіями мѣстностей: такъ напр. «Волотова Могила», урочище въ лебедянскомъ уѣздѣ тамбовской губерніи, напоминаетъ Волотовъ (великановъ).—Путешествія, по собственному желанію или по волѣ правительства, совершались къ святымъ мѣстамъ и въ другія страны. Изъ путешественниковъ къ святымъ мѣстамъ слѣдуетъ сказать объ іеромонахѣ Арсеніи Сухановѣ и купцѣ Василіи Гагарѣ. Сухановъ, строитель кремлевскаго Богоявленскаго монастыря, посланъ былъ Никономъ на востокъ для собранія свѣдѣній о православныхъ обрядахъ и греческихъ рукописей. Записки его, подъ именемъ Проскинитарія (поклонника), раздѣлены на три части: первая—статейный списокъ, т. е. описаніе мѣстъ, гдѣ онъ былъ; вторая—о градѣ Іерусалимѣ; третья—тактиконъ, «како Греки церковный чинъ и пѣніе содержатъ». Василій Гагара, родомъ Казанецъ, ходилъ въ Іерусалимъ по обѣту, данному послѣ того, какъ буря потопила на морѣ его товары, отправленные въ Персидскую землю. Несчастіе свое онъ приписалъ гнѣву Божію, и потому хотѣлъ загладить грѣхи поклоненіемъ гробу Господню. Изъ Казани онъ поѣхалъ водою въ Астрахань, а отсюда въ Грузію. Разсказъ о Грузинской землѣ повторяетъ извѣстную басню о Гогѣ и Магогѣ, заключенныхъ Александромъ Великимъ въ горныя ущелія. Египетъ поразилъ его пирамидами—большими, какъ горы, палатами, которыя построилъ Фараонъ, боясь потопленія своего царства. Важнѣйшія путешествія въ другія мѣста: «Описаніе ходу въ Персидское царство», Котова (1623—24), и «Описаніе посольства въ Китай», Байкова (1654). Өедотъ Котовъ былъ одинъ изъ тѣхъ торговыхъ людей, которые, при спросѣ ихъ правительствомъ—дозволить ли англійскимъ купцамъ ѣздить Волгою въ Персію, отвѣчали утвердительно, сказавъ, что отъ этого дозволенія не будетъ убытку Русскимъ. Онъ отвозилъ въ Персидскую землю государеву казну и велъ любопытныя записки своему хожденію. Описаніе посольства въ Китай содержитъ въ себѣ, по отзыву историка Миллера, первыя дошедшія до насъ и притомъ обстоятельно-вѣрныя извѣстія о сношеніяхъ Россіи съ этою страною,

гдѣ Ѳедоръ Байковъ, сибирскій воевода, былъ посланникомъ. Заграничныя извѣстія передавались, кромѣ того, статейными списками и курантами. Курантами (латин. currens—бѣгущій) назывались извлеченія изъ посольскихъ донесеній, а равно и переводы нѣкоторыхъ статей изъ иностранныхъ газетъ, преимущественно голландскихъ. Тѣмъ и другимъ завѣдывали переводчики посольскаго приказа. Отсюда куранты поступали къ царю и самымъ главнымъ сановникамъ, оставаясь для публики государственною тайною. Впрочемъ содержаніе ихъ не ограничивалось однѣми политическими новостями: онѣ передавали и другіе случаи, которые по тому времени считались особенно любопытными. Древнѣйшій столбецъ курантовъ относится къ 1621 г.

Мы уже знаемъ, откуда предки наши почерпали свѣдѣнія естественныя, или физіологическія (§ 93). Во многихъ рукописяхъ XVI и XVII в. встрѣчаются отдѣльныя статьи по натуральной исторіи, преимущественно зоологіи—о львѣ, крокодилѣ, единорогѣ, зміи аспидѣ, птицахъ: неясыти, слукѣ, езгули, сиринѣ, алконастѣ, фениксѣ, строфокамилѣ и другихъ. Но, кромѣ отдѣльныхъ зоологическихъ статей, есть цѣлые сборники, посвященные описанію животныхъ и получившіе въ средніе вѣка названіе бестіаріевъ (звѣринцевъ). Содержаніе свое они заимствовали сначала изъ византійскихъ источниковъ, которые, въ XVI и XVII в., пополнялись трудами западныхъ физіологовъ. Характеръ ихъ соотвѣтствуетъ средневѣковому взгляду на природу, соединявшему въ себѣ пытливость ума съ чувствами изумленія и ужаса отъ неизвѣданныхъ силъ и явленій. Они представляютъ странную смѣсь научныхъ познаній съ баснословными разсказами и символическими толкованіями. Животныя, растенія и камни являются диковинными существами, полными чародѣйственныхъ силъ и таинственнаго отношенія къ человѣку. Чудовищные образы ихъ, увлекая творческую фантазію, дѣлались достояніемъ и средневѣковаго искуства и средневѣковой словесности. Какъ романская архитектура, такъ и поэзія романскаго стиля равно усвоивали себѣ изображенія символическихъ животныхъ, которыхъ свойства описывались въ бестіаріяхъ. Между сочиненіями такого рода въ нашей литературѣ XVII в. извѣстны: «Дамаскина и Ѳеодора Студита собраніе отъ древнихъ философовъ о нѣкихъ собствахъ естества животныхъ»; «Сказаніе по буквамъ (по алфавиту) о птицахъ и звѣряхъ»; «Сказаніе о дикихъ людяхъ, также о животныхъ, птицахъ и пр.» Источники перваго бестіарія указаны въ заглавіи: поэма Георгія Писида, Шестодневъ Василія Великаго, книги: Обѣдъ и Вечеря. Въ XVII в. переведены, вѣроятно, съ польскаго, нѣкоторыя сочиненія знаменитыхъ средневѣковыхъ философовъ: Альберта Великаго (XIII в.), Михаила Скотта (XIII) и Раймунда Люллія (XIII—XIV), занимавшихся тайными науками и слывшихъ въ свое время за великихъ магиковъ. Они послужили новыми пособіями для знакомства нашихъ предковъ съ естественными знаніями, которыя отъ Арабовъ перешли на западъ. Заглавіе книги Альберта: «О таинствахъ женскихъ (de secretis mulierum). Переводъ относится къ 1670 г. Здѣсь разнымъ предметамъ царствъ природы приписывается чудесное дѣйствіе. Изъ сочиненій Михаила Скотта переведена «Физіогномика» (1670). Переводомъ другаго сочиненія по тому же предмету: «О свойствахъ человѣка по его наружности» (1677), занимался іеродіаконъ и библіотекарь Чудова монастыря Ѳеофанъ. Обѣ книги состоятъ въ связи съ тѣмъ отдѣломъ Аристотелевыхъ Вратъ, въ которомъ говорится о физіономіи (§ 131, прим.). Главный трудъ Раймунда Люллія: «Ве-

ликая наука» (Ars magna), называемая также «Всеобщею» и «Новою» и противополагаемая другому его труду: «Краткая наука» (Ars brevis), озаглавлена въ русскомъ переводѣ слѣдующимъ образомъ: «Великая и предивная наука Богомъ преосвященнаго учителя Раймунда Люллія, новаго ученія творца-уставителя». «Преосвященный учитель» значитъ «doctor illuminatissimus», какъ современники величали Раймунда за его обширную ученость.

Врачебная наука излагалась въ лечебникахъ и травникахъ. Составъ ихъ достаточно показанъ обширнымъ заглавіемъ одного травника, переведеннаго съ нѣмецкаго какимъ-то «литовскимъ полоняниномъ, родомъ Нѣмчиномъ Любчаниномъ». Кромѣ своего главнаго предмета—леченія болѣзней, свойства травъ и другихъ лекарствъ, они содержатъ въ себѣ статьи по домоводству и сельскому хозяйству и календарныя замѣтки. Чисто практическое назначеніе лечебниковъ не избавило ихъ отъ вліянія средневѣковаго взгляда на природу: наука переплетается въ нихъ съ суевѣріемъ; естественное дѣйствіе растеній не отличается отъ баснословной, сверхъестественной ихъ силы; наблюденія и опыты стоятъ рядомъ съ примѣтами, причитаньями, заговорами, отреченными молитвами. Поэтому интересъ лечебниковъ двоякій: научный и поэтическій; они даютъ матеріалъ для исторіи медицины въ Россіи и вмѣстѣ представляютъ памятники двоевѣрной русской литературы.

Предисловіе къ Ариѳметикѣ Магницкаго, изданной въ 1703 г. (см. ниже), говоритъ «о старопереводныхъ славянскихъ» ариѳметикахъ, которыми она пользовалась, и такимъ образомъ указываетъ на существованіе руководствъ къ этой наукѣ, по крайней мѣрѣ во второй половинѣ XVII в. Они были переводимы съ языковъ греческаго, латинскаго и польскаго. Переводчики не держались рабски подлинниковъ, но измѣняли ихъ изложеніе и прибавляли къ нимъ статьи русскія, что также видно изъ словъ Магницкаго. Первая по времени Ариѳметика (1645) приписывается Василію Бурцеву. Къ одному альманаху, переведенному, вѣроятно, съ польскаго, присоединена «Книга, глаголемая Математика, новопреложенная съ эллинскаго, латинскаго и польскаго языковъ (1664)»: переложеніе было слѣдовательно выборомъ изъ разныхъ книгъ. Николай Спафарій, переводчикъ посольскаго приказа, бывшій нѣсколько лѣтъ посланникомъ въ Китаѣ, также перевелъ Ариѳметику (1672 г.). Другой переводъ его: «Мудрость или оглашеніе седьми свободныхъ художествъ, кая что въ себѣ содержитъ (1673)». Этихъ мудростей было семь, по ученію древнихъ: грамматика, риторика, философія, ариѳметика, геометрія, астрономія и музыка. Въ 1682 г. издано «Считаніе удобное, которымъ всякій человѣкъ, купующій или продающій, зѣло удобно изыскати можетъ число всякія вещи». Въ рукописяхъ XVII в. помѣщаются также: «Книга, глаголемая по гречески Ариѳметика, а по нѣмецки алгоризма, а по русски цыфирная счетная мудрость; тая мудрость едина изъ большихъ изъ седми мудростей мудрость пятая»; «Книга, глаголемая ариѳмосъ, еже есть счетъ». Послѣдняя содержитъ въ себѣ «простолюдинскія рѣчи», т. е. задачи, взятыя изъ народнаго быта и выраженныя народнымъ языкомъ.

Руководства для иконописцевъ назывались «подлинниками» (§ 129). Они содержатъ въ себѣ наставленія, какъ изображать священныя лица и событія, и вмѣстѣ объясняютъ самую технику предмета, т. е. заготовленіе досокъ для иконъ, растираніе красокъ, наведеніе позолоты, и пр. Ихъ два вида—лицевые и толковые: первые состоятъ изъ однихъ рисунковъ; вторые предлагаютъ толкованіе

рисунковъ. Источники тѣхъ и другихъ—византійскія руководства, къ которымъ въ послѣдствіи прибавлено описаніе русскихъ праздниковъ и святыхъ. Цѣль подлинника—охранять церковныя преданія и благочестивую старину, чтобы живописцы, какъ постановилъ Стоглавъ, писали иконы по образу и по подобію, смотря на образа древнихъ мастеровъ и подражая добрымъ примѣрамъ, а не по своимъ догадкамъ и замышленію. Такъ какъ между средневѣковой литературой и средневѣковымъ искуствомъ, преимущественно иконописью и храмовымъ зодчествомъ, существуетъ внутренняя связь, то подлинники имѣютъ значеніе и въ исторіи литературы. Спеціальное ихъ содержаніе распространено вставками и прибавленіями литературнаго свойства. Таковы: историческія извѣстія объ изображаемыхъ лицахъ и событіяхъ, описаніе разныхъ религіозно-нравственныхъ сюжетовъ (пришествія антихриста, страшнаго суда и пр.), сказаніе о Сивиллахъ (языческихъ пророчицахъ), статьи о природѣ, въ особенности о чудесныхъ животныхъ, и др. Такимъ образомъ подлинники отражаютъ въ себѣ и художественные и литературные интересы древней Руси. Хотя они извѣстны намъ въ рукописяхъ XVII в., но первое ихъ появленіе должно быть отнесено къ XVI-му.

Въ «Посланіи изографа (живописца) Іосифа къ царскому живописцу Симону Ушакову» выражено сочувствіе образованнаго художника къ произведеніямъ западной живописи. Въ немъ отвергается тотъ загрубѣлый взглядъ на иконопись, по которому «свѣтовидность», т. е. изящная красота священныхъ изображеній, считалась дѣломъ непристойнымъ и соблазнительнымъ. Своими эстетическими воззрѣніями, отличающими искуство отъ простаго ремесла, Іосифъ одолженъ вліянію западныхъ идей, проникавшихъ къ намъ изъ Польши.

Первая книга по теоріи военнаго искуства—«Книга воинская о всякой стрѣльбѣ и огненныхъ хитростяхъ», выбранная изъ иностранныхъ военныхъ книгъ Онисимомъ Михайловымъ (1607 и 1621). Второе руководство, изданное подъ заглавіемъ: «Ученіе и хитрость ратнаго строенія пѣхотныхъ людей (1647—49)», есть переводъ сочиненія, написаннаго на нѣмецкомъ языкѣ однимъ капитаномъ датской службы. Языкъ перевода чистый и ясный. По складу рѣчи и перевѣсу русскаго элемента надъ церковно-славянскимъ, онъ близко подходитъ къ языку Петровской эпохи. Для примѣра приводимъ одно мѣсто изъ «входа къ дѣлу», т. е. введенія, разсуждающаго о значеніи воинскаго чина и войны.

Весь чинъ и пребываніе человѣческаго народа, житіе и похожденіе раздѣляется въ три начальные чины: первый въ учительный чинъ, вторый въ оборонительный, третій въ промышленный чинъ.... Оборонительный чинъ содержитъ въ себѣ двѣ части: первое владѣтельный чинъ, второе ратный чинъ.... Ратный чинъ столь же отъ Бога устроенъ и уставленъ, и добромъ почтенъ, какъ другіе два чины; и всякій человѣкъ, который въ немъ живетъ, можетъ Богу угодити и пріятенъ быти.... Ратный чинъ не токмо что надобный, но и прекрасный чинъ есть, для многихъ красныхъ вещей, которыя изъ него родятся. Красенъ есть тотъ чинъ для того, что Божіе слово тѣмъ содержится и пространяется, какъ такихъ ратныхъ воеводъ называютъ стоятельми и строители за церкви Божіи. Красенъ тотъ чинъ и для того, что тѣмъ земли и люди всякъ у своего промыслу содержится и торговые люди у торговли опасены. Красенъ онъ есть и для того, что кесари и короли, князи и арцыухи, и графы, и вольные господа шляхетные люди, и бурмисты и всякіе владѣтели по сему разумѣванію и отъ рыцарскихъ дѣлъ взялися и отъ воинскаго дѣла начало свое имѣютъ.

Уставъ соколиной охоты, «красныя и славныя», изложенъ въ «Урядникѣ сокольничья пути». Главный предметъ его—возведеніе сокольниковъ изъ простыхъ въ начальные. Предисловіе, написанное, вѣроятно, самимъ царемъ Алексѣемъ Ми-

хайловичемъ, выставляетъ пользу благочинія, устроенія, уряженія всякой вещи, большой и малой, и описываетъ прелести соколиной потѣхи, утѣшающей и радующей охотника. Подробно опредѣляя не только дѣйствія, но и слова охотниковъ, Урядникъ, каждымъ описаніемъ охотничьихъ птицъ, выражаетъ эстетическое сочувствіе къ ихъ красотѣ, равно и къ потѣхѣ соколиной. Сочувствіе служитъ какъ бы противодѣйствіемъ тому взгляду, по которому всякая охота почиталась дѣломъ нечестивымъ и подвергалась осужденію:

Зѣло потѣха сія полевая (сказано въ предисловіи) утѣшаетъ сердца печальныя, и забавляетъ веселіемъ радостнымъ, и веселитъ охотниковъ сія птичья добыча... Будьте охочи, забавляйтеся, утѣшайтеся сею доброю потѣхою, зѣло потѣшно и угодно и весело, да не одолѣютъ васъ кручины и печали всякія. Избирайте дни, ѣздите часто, напускайте, добывайте, не лѣниво и безскучно, да не забудутъ птицы премудрую и красную свою добычу... Дѣлу время и потѣхѣ часъ.

О Православномъ исповѣданіи вѣры см. Опис. Син. Библ., кн. 3, №№ 195—197, и Обозрѣніе матеріаловъ для внутренней исторіи рус. церкви (Прав. Обозр. 1860, іюнь). Хроники: Сафоновича (рук. Тол., I, 157), Лосицкаго (2. т. Пол. соб. лѣт.), Самовидца (Чтен. 1846—1847). Рукопись Филарета изд. 1837; Лѣтопись о многихъ мятежахъ изд. 1773 г.; Сказаніе о самозванцахъ (Врем., кн. 16); Никоновская лѣтопись изд. 1767—92 г.; Лѣтопись по Воскресенскому списку (VII и VIII т. Пол. собр. лѣт.).
Записки Шаховскаго въ Моск. Вѣст. 1830, V; другія его сочиненія въ Син. Библ. Записки Медвѣдева въ Зап. рус. людей, Сахарова; Манна, его же, сожжена по опредѣленію патр. Іоакима; «Оглавленіе книгъ» въ Чтен. 1846, № 3 (здѣсь и ст. Ундольскаго: «Сильвестръ Медвѣдевъ, отецъ славяно-русской библіографіи»); о Медвѣдевѣ см. еще Устрялова Исторію Петра I (I, LII и д.; II, 32 и дал., 68, 87—90). Сказаніе Палицына нап. 1784; историческое его значеніе указано Д. Голохвастовымъ въ ст.: «Замѣчанія объ осадѣ Троицкой лавры» (Москв. 1842) и «Отвѣтъ на рецензію и критику этихъ замѣчаній» (ib.) и въ VIII т. Ист. Россіи, Сол—ва. Повѣствованіе Грибоѣдова въ Рум. Муз. (стр. 151—153). Написаніе о царехъ въ 1 ч. Рус. Дост. П. Строевъ приписываетъ его князю Ивану Хворостинину, сочинившему кромѣ того «Словеса дней и царей» (отрывокъ о междуцарствіи), но не приводитъ доказательствъ своему предположенію (Хронол. указаніе матеріаловъ отечеств. исторіи, Журн. Мин. Нар. Просв. 1834). Космографіи: Ботеро (рук. Цар., № 222), Описаніе всего свѣта земель (ib., № 223 и Оглав. книгъ Медвѣдева, № 131), Славинецкаго (Син. Библ.), Orbis terrarum (рук. Тол. II, 17). Книга: Большой чертежъ изд. въ 1-ый разъ 1792; другія изданія—1838 и 1846. Часть Проскинитарія во 2 т. Сказ. Сахарова; Путешествіе Гагары—здѣсь же и въ 10 № Врем. Записки Котова въ XV кн. Врем.; Опис. посольства въ Китай во 2 т. Сказ. Сахарова.—Дамаскина Собраніе о нѣкихъ собствахъ (рук. Цар. № 404 и Тол. I, 22; Буслаевъ, въ 23 № Рус. Рѣчи 1861, въ ст.: О рус. духов. стихахъ, привелъ многія мѣста изъ своей рукописи); другія сказанія о животныхъ (рук. Цар. №№ 315 и 371). О сочин. Альберта В. и Скотта въ Истор. Христ. Буслаева; Раймунда Люллія (Ib. и рук. Цар. № 266 и Тол. I, 211; II, 379); Физіогномика, пер. Ѳеофана (рук. Цар. № 416). Лечебники въ рук. Цар. № 615, Тол. II, 338; два въ Син. Биб.; описанія ихъ въ Истор. очеркахъ Буслаева, II, 31 и д.. Объ Ариѳметикѣ Бурцева въ Изв. Акад. по 2 отд., IV, 198, и Обзоръ дух. лит., стр. 207; Книга, глаголемая Математика, въ ст. Ундольскаго объ альманахахъ (Архивъ Калачова, кн. 1, отд. 3); Мудрость или оглашеніе (рук. Тол. II, 118); Считаніе удобное (Ib. I, 165); Книга, глаголемая Ариѳметика (Рум. Муз., № XII; рук. Толст. II, 188); Ариѳмосъ (Ист. Христ. Бус—ва). О подлинникахъ въ ст. Буслаева: Для исторіи рус. живописи XVI в., Литература иконописныхъ подлинниковъ и Подлинникъ по редакціи XVIII в. (Ист. очерки, II). Посланіе изографа Іосифа въ ст. Буслаева: Рус. эстетика XVII в. (ib.). Книга воинская изд. 1777 г. подъ названіемъ: Уставъ разныхъ пушечныхъ и другихъ дѣлъ, касающійся до воинской науки; Ученіе и хитрость (Библ. Зап. 1859, № 2, ст. Забѣлина); Урядникъ нап. въ Собраніи писемъ царя Алексѣя Михайловича, изд. Бартенева (1856).

§ 160. Поэтическая литература, особенно повѣствовательнаго рода, получила во второй половинѣ XVII в. большое развитіе. Старый матеріалъ ея обогащался новыми произведеніями и въ тоже время измѣнялъ свой видъ отъ передѣлокъ.

Романы и новеллы, большею частію въ переводахъ съ польскаго, знакомили нашихъ предковъ съ средневѣковою словесностью западной Европы; прежніе переводы теряли иноземныя черты и принимали національный колоритъ отъ частаго ихъ обращенія между грамотниками, которые дополняли ихъ или народными преданіями или вычитанными изъ книгъ разсказами. Въ XVII в. явились и первые опыты оригинальной русской повѣсти, стоящей на переходѣ отъ исключительно-духовныхъ сказаній къ свѣтской повѣствовательной поэзіи. Начало сатиры относится къ той же эпохѣ. Сочетаніе письменности съ народнымъ творчествомъ принесло обильные плоды: народъ въ древне-эпическомъ стилѣ обработывалъ книжное содержаніе; искуственная словесность въ свою очередь давала народнымъ преданіямъ новую форму силлабическихъ виршъ. Послѣ строгихъ запретовъ и осужденій, національныя произведенія ума и фантазіи получили должную имъ дань: въ XVII в., неизвѣстно кѣмъ, собраны русскія пословицы. Собиратель пользовался тетрадью пословицъ, записанныхъ еще въ XVI в.

О богатствѣ апокрифовъ, которые были извѣстны въ русской литературѣ XVII в., можно судить по ихъ списку, находящемуся въ одномъ соловецкомъ сборникѣ той же эпохи. Семнадцатый вѣкъ далъ этой массѣ усиленное движеніе: распространяясь между грамотными людьми, апокрифы переходили въ народъ и становились прозаическими разсказами или служили источникомъ духовныхъ стиховъ; съ другой стороны, они сами подвергались двойному вліянію—письменныхъ памятниковъ и народныхъ преданій. Не смотря на безпорядочный перечетъ книгъ, «сложенныхъ лжесловесниками», списокъ различаетъ, однакожъ, нѣсколько ихъ видовъ: собственно-апокрифы (Евангеліе отъ Варнавы и отъ Ѳомы, Посланіе Варнавы); вымышленныя сказанія о святыхъ, несогласныя съ минеями и прологами (мученія Георгія, Никиты, Евпатія, Климента); ложные каноны, ложныя молитвы, т. е. заговоры и заклятія, наконецъ мудрованія, отлучающія человѣка отъ Бога «и приводящія его къ бѣсамъ на вѣчную гибель». Этотъ послѣдній отдѣлъ образуетъ такъ называемое «чернокнижіе». Большая часть «мудрованій» намъ уже извѣстна (§§ 89 и 131). Здѣсь снова встрѣчаемъ: Мартологъ (Астрологъ), Остроумію (Астрономію), Землемѣріе, Чаровникъ, Громникъ, Сонникъ, Путникъ и пр. Иныя книги являются если не въ первый разъ, то по крайней мѣрѣ подъ новыми именами: изъ двухъ звѣздочетцевъ одинъ называется Стоднецъ. Что списокъ разумѣетъ подъ бѣсовскими мудрованіями, то Крижаничъ помѣстилъ въ отдѣлѣ таинственныхъ, или дьявольскихъ, ересей, состоящихъ въ замаскированномъ служеніи демону: таковы—астромантія (гаданіе по звѣздамъ), алхимія, кабала, физіогномика и всякаго рода магія.

Любознательные, но неразборчивые грамотники по прежнему увлекались «лжесловесными» писаніями, переходившими изъ рода въ родъ. Все то, говоритъ составитель списка, дѣлаютъ невѣжды и держатъ у себя отъ отцевъ и прадѣдовъ. Въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича, у дьячка Григорьева найдены были рафли (гадательныя тетради): тетради, по указу патріарха Филарета, сожгли, а дьячка сослали въ монастырь. Астрологія льстила людямъ предпріимчивымъ, замышлявшимъ что-либо необычайное: самозванецъ Тимоѳей Акундиновъ (при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ) рѣшился назваться государскимъ сыномъ, Шуйскимъ, потому что читалъ звѣздочетныя книги и держался «остроломейнаго ученія». Правительство же по прежнему преслѣдовало отреченное, разумѣя подъ этимъ словомъ все то,

что имѣло какое-нибудь отношеніе къ языческой старинѣ: волхвованіе, чародѣйство, народныя игры и народную поэзію. Грамота царя Алексѣя Михайловича шуйскому воеводѣ Змѣеву (1649) запрещаетъ качаться на качеляхъ. Мы знаемъ, что Симеонъ Полоцкій также вооружался противъ этой забавы, напоминавшей ему языческій обрядъ. Въ Памяти верхотурскаго воеводы Рафа Всеволожскаго, данной приказщику ирбитской слободы Григорію Бабарыкину (1649), возбраняется всякое празднословіе и смѣхотворство, къ которымъ причислены пѣсни, загадки, сказки и апокрифы, или рукописи, исполненныя вымысла. Духовенство, съ своей стороны, осуждало отреченныя книги. Но въ этомъ осужденіи надобно различать истинно-просвѣщенные голоса отъ безусловныхъ приговоровъ, не умѣвшихъ или не хотѣвшихъ оцѣнить достойную уваженія пытливость. Первые, какъ Максимъ Грекъ, обличали чернокнижіе на столько, на сколько оно противорѣчило здравому смыслу, наукѣ и православію. Они, напримѣръ, не смѣшивали астрологическихъ бредней съ знаніемъ астрономіи. Вторые, заходя слишкомъ далеко въ своемъ ригоризмѣ, самую науку называли чернокнижіемъ, повреждающимъ отческіе нравы и вѣру. Въ сочиненіи расколоучителя Лазаря: «О изгубленіи правовѣрныхъ государей власти», царь Алексѣй Михайловичъ обвиняется въ томъ, что онъ «имѣетъ при себѣ мудрыхъ философовъ, которые разсматриваютъ лице земли и неба, и аршиномъ измѣряютъ хвосты звѣздъ». Къ отреченнымъ книгамъ отнесены были науки математическія, которыхъ считалось четыре: ариѳметика, мусикія (музыка), геометрія, астрономія. Изъ пренія о Катихизисѣ Зизанія видно, какъ московскіе ученые смотрѣли на астрономію: они открывали мнимое разногласіе между ею и библейскими сказаніями. По словамъ Крижанича, Михаилъ Скоттъ вмѣстѣ съ Фаустомъ, Кампанеллой и Ванъ-Гельмонтомъ были пресловутые волшебники, демоны. Все это, говоритъ онъ, Нѣмцы. Но, кромѣ нелюбви къ Нѣмцамъ, Крижаничъ зараженъ былъ также общею всѣмъ нелюбовью къ естествознанію: средневѣковой взглядъ на природу представлялся вѣрующему дьявольскимъ внушеніемъ.

Апокрифическія сказанія, по замѣчанію ихъ списка, были насѣяны еретиками и въ божественныхъ книгахъ. Это обстоятельство также способствовало ихъ распространенію. Подъ защитою авторитета, иногда приписанный какому-либо достопочтимому имени, апокрифъ пользовался уваженіемъ на ряду съ другими статьями той же книги. Палеи и хронографы содержатъ въ себѣ много «ложныхъ словесъ», которыя большинствомъ грамотныхъ принимались за истинныя. Въ синодальномъ спискѣ Цвѣтника (1665 г.), называвшагося прежде Синайскимъ Патерикомъ (§ 72), помѣщенъ самый замѣчательный памятникъ апокрифической литературы: «Слово или Бесѣда трехъ святителей—Іоанна Златоуста, Василія Великаго и Григорія Богослова». По обширности энциклопедическаго содержанія, предлагающаго занимательныя свѣдѣнія объ исторіи человѣчества и природѣ, оно можетъ быть сравниваемо съ Луцидаріемъ. Но Луцидарій западнаго происхожденія и переведенъ только въ XVI в.: онъ служилъ чтеніемъ для людей болѣе образованныхъ, тогда какъ Бесѣда, съ давняго времени къ намъ перешедшая, вѣроятно изъ Болгаріи, имѣла своими читателями низшій грамотный классъ, почерпавшій изъ нея разнородныя познанія. Чрезъ долгое обращеніе въ народѣ она получила мѣстный колоритъ: многія явленія народной поэтической дѣятельности взяли у нея свое содержаніе, и сама она заимствовала у нихъ многое. Въ составъ ея, постепенно

разроставшійся, вошли эпизодами нѣкоторыя отреченныя книги: Сиѳова молитва, Адамовъ завѣтъ, Исаіино видѣніе, Имена ангеловъ. Не должно обманываться словомъ «книга», т. е. смотрѣть на предметъ, имъ означаемый, по теперешнему о немъ понятію: иногда отреченной книгой называлась небольшая статейка, содержащая въ себѣ нѣсколько строкъ.

Форма изложенія въ Бесѣдѣ одинакова съ формой Луцидарія: она состоитъ въ вопросахъ и отвѣтахъ. Одинъ изъ святителей предлагаетъ вопросъ, на который отвѣчаетъ другой святитель; наприм.: «Иванъ рече: колько острововъ великихъ? Василій рече: семьдесятъ и два. Василій рече: кому Господь первѣе сосла грамоту? Иванъ рече: къ Сиѳу, Адамову сыну. Григорій рече: что ему сосла? Василій рече: десять словъ Божіихъ», и пр. Но вопросы Луцидарія требуютъ положительныхъ отвѣтовъ, какъ въ любомъ старинномъ учебникѣ; вопросы Бесѣды имѣютъ значеніе загадокъ—этого любимаго оборота древнерусскихъ повѣстей, который мы видѣли въ разсказахъ объ Акирѣ премудромъ, о Соломонѣ и Савской царицѣ, о Февроніи Муромской. Бесѣда не спрашиваетъ прямо: что такое богатый и бѣдный человѣкъ? что такое вѣра христіанская, церковь, законъ Моисеевъ? но предлагаетъ затѣйливыя загадки, которыя слѣдуетъ отгадать, наприм.:

Что есть: конь стоитъ, изсохъ, а трава подъ нимъ до чрева? Конь есть богатый человѣкъ, который, смотря на свое богатство, изсохъ.—Что есть: конь стоитъ на голомъ гумнѣ, а сытъ вельми? Конь есть убогій человѣкъ, который о богатствѣ не печется.—Что есть: видѣлъ я жену пречудну и великимъ свѣтомъ одѣяну, глава же ея сіяла какъ солнце, а за солнцемъ шелъ мѣсяцъ? Жена есть вѣра христіанская, а свѣтъ есть св. Богородица, отъ нея же родился праведное солнце Христосъ Богъ нашъ, а мѣсяцъ есть законъ Моисеевъ.—Которыя суть птицы—пѣсни воспѣваютъ, а гласъ ихъ до небесъ восходитъ, а косы ихъ до земли висятъ? Птицы—звонъ церковный, а косы ихъ—веревки, а церковь—земное небо.

Какъ памятникъ двоевѣрной поэзіи, Бесѣда представляетъ грубую смѣсь миѳологіи съ христіанствомъ. Изъ миѳическихъ преданій она содержитъ въ себѣ нѣкоторыя космогоническія воззрѣнія, общія у нея, какъ увидимъ ниже, съ народнымъ стихомъ о Голубиной книгѣ. Изъ христіанскаго міра вошли въ нее многія понятія и образы и составили преобладающій элементъ ея. Характеръ представленій Бесѣды—символическій. Символы отличаются страннымъ, чудовищнымъ сочетаніемъ разнородныхъ формъ. Они требовали толкованія, которое и дается отвѣтомъ или разгадкой. Напримѣръ: «Кто бѣжитъ и кто гонитъ? День бѣжитъ, а ночь гонитъ. Кто борются между собою? Животъ съ смертью».—Вопросъ, описывающій символическій знакъ, и отвѣтъ, его объясняющій, образуютъ иногда полную притчу. Такова притча объ умѣ и душѣ. «Вопросъ. Стоитъ градъ дологъ, а въ немъ сидитъ царь съ царицею и со всѣми друзьями, и пришелъ къ нимъ высокоумливый вельможа и разогналъ царя съ царицею, и разъѣхались любимые его друзья, и расплакалась царица, какъ голубка, запертая въ клѣткѣ. Отвѣтъ. Городъ есть человѣкъ, царь—умъ, царица—душа, любовные други—мысли, а вельможа—хмѣль». Это мѣсто Бесѣды напоминаетъ притчу Кирилла Туровскаго о человѣкѣ бѣлоризцѣ.

Благодаря поэтической формѣ изложенія и разнообразію содержанія, Бесѣда была сильно распространена въ народѣ. Отрывки изъ нея вошли даже въ азбуку, которая предлагала ихъ дѣтямъ въ пріятное и поучительное чтеніе, подобно тому какъ, въ позднѣйшее время, выбранныя мѣста изъ Наказа императрицы Екате-

рины послужили текстомъ для особыхъ прописей и кромѣ того помѣщались и въ Гражданскомъ начальномъ ученіи, и въ азбукѣ.

«Повѣсти или пословицы всенароднѣйшія по алфавиту» въ Сборникѣ Моск. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ (Христ. Бусл., стр. 1416). Списокъ апокрифовъ въ Ист. раскола, Щапова, стр. 448; болѣе полный въ Очеркахъ, Буслаева, I, 484; О Бесѣдѣ трехъ святителей см. Буслаева: «О народной поэзіи въ древней рус. литературѣ» (Очерки, II, 15—31).

§ 161. Духовные стихи народа образовались большею частію въ XVII в., хотя нѣкоторые изъ нихъ возникли и прежде этой эпохи (§ 148). Образованіе ихъ было двоякое: или книжный прозаическій разсказъ перелагался въ вирши, которые потомъ поступали въ народную среду и подъ ея вліяніемъ освобождались отъ школьнаго характера; или стихъ, зародившійся въ средѣ народа, принималъ подъ перомъ грамотника форму искуственныхъ виршей.

Сближеніе школьныхъ виршей съ народными стихами объясняется развившеюся въ XVII в. любовью къ духовнымъ пѣснямъ. Намъ извѣстно свидѣтельство Полоцкаго о пѣніи польскихъ псалмовъ въ Великороссіи (§ 154). Другимъ свидѣтельствомъ служатъ сборники духовныхъ стихотвореній, «зѣло душеполезныхъ и умилительныхъ», съ приложеніемъ нотъ для пѣнія. Въ одномъ изъ нихъ, рядомъ съ церковно-славянскими виршами помѣщено много польскихъ, написанныхъ славянскими буквами. Немалое число виршей, вѣроятно, было переведено съ польскаго. Къ такимъ духовнымъ стихотвореніямъ или кантамъ книжнаго стиля относятся: «Стихъ преболѣзненнаго воспоминанія о озлобленіи католиковъ», «Возэри съ прилежаніемъ, тлѣнный человѣче, какъ вѣкъ твой проходитъ, а смерть недалече», «Женихъ—Христосъ, а невѣста—душа», и многіе другіе. Молитвы и размышленія, изложенныя въ стихахъ южнорускими учеными — Барановичемъ, Радивиловскимъ, Максимовичемъ и св. Димитріемъ Ростовскимъ, одного характера съ этими кантами, особенности которыхъ состоятъ въ силлабическомъ размѣрѣ, не обходящемся безъ риѳмы, въ преобладаніи церковно-славянской рѣчи надъ русскою и въ искуственной обработкѣ содержанія, уступающей поэтическому достоинству народныхъ духовныхъ стиховъ.

Духовные стихи брали свое содержаніе изъ священнаго писанія, житій святыхъ, преданій церкви, апокрифическихъ книгъ и повѣрій языческой старины, безсознательно смѣшивая разнородные и разнокачественные матеріалы. Иногда они сами упоминаютъ о своихъ источникахъ, какъ напр. въ началѣ «стиха о грѣшной матери»:

Писано было въ Зеркалѣ, книгѣ Божіей,

т. е. въ Зерцалѣ Великомъ, извѣстномъ сборникѣ духовныхъ повѣстей; или въ началѣ «стиха объ нынѣшнемъ вѣкѣ и о будущемъ»:

Преподобнаго отца нашего
Писано слово Божіе
Объ нынѣшнемъ вѣцѣ, объ будущіемъ,
Объ страшномъ второмъ Христовомъ пришествіи
И объ Антихристовомъ рожденіи,

т. е. слово Палладія Мниха о второмъ пришествіи Христовѣ, помѣщенное во многихъ сборникахъ. Не всегда апокрифъ принималъ форму стиха непосредственно: между тѣмъ и другимъ бываютъ члены посредствующіе, переходные, которые сначала пересказываютъ по-своему сюжетъ апокрифа, а потомъ сдаютъ пересказъ

въ распоряженіе народному творчеству. Почерпая сюжеты преимущественно изъ книгъ и съ тѣмъ вмѣстѣ усвоивая нѣкоторыя формы книжнаго языка, духовныя пѣсни упорнѣе, чѣмъ другія произведенія народной поэзіи, сопротивлялись мѣстнымъ вліяніямъ: при всѣхъ переходахъ изъ однѣхъ областей въ другія, онѣ, болѣе или менѣе, сохраняли главныя черты общаго для нихъ содержанія. Впрочемъ не всѣ онѣ одинаковы въ этомъ отношеніи: чѣмъ древнѣе эпоха, въ которую образовался стихъ, или чѣмъ ближе онъ пришелся къ духу наивныхъ воззрѣній, тѣмъ съ большею удобностью постороннія начала, миѳическія или народныя, примѣшиваются къ его основѣ. Ограниченная съ одной стороны книжными пособіями, съ другой—уваженіемъ къ самому предмету, народная фантазія не столь свободна при сложеніи стиховъ: этимъ недостаткомъ свободнаго творчества и объясняется, почему духовныя пѣсни народа, сравнительно съ его былинами и сказками, бѣднѣе поэтическими формами.

Къ наиболѣе распространеннымъ стихамъ относятся: «Стихъ о Голубиной книгѣ», заключающій въ себѣ народныя понятія о началѣ міра, и «Стихъ о страшномъ судѣ», имѣющій предметомъ народныя понятія о его кончинѣ.

Нѣтъ сомнѣнія, что Стихъ о Голубиной книгѣ ведетъ свое начало издалека. Редакціи его показываютъ, какъ онъ переходилъ отъ начальнаго вида къ позднѣйшему, соединяя миѳическія преданія съ христіанскими, замѣняя одни дѣйствующія лица другими и перенося сцену дѣйствія въ разныя мѣстности. Главнымъ его источникомъ была «Бесѣда трехъ святителей», содержаніе которой онъ воспроизвелъ въ поэтической формѣ. Переходнымъ между ними членомъ служила «Повѣсть града Іерусалима», иначе называемая «Бесѣдой Іерусалимской», «Свиткомъ» или «Стихомъ Іерусалимскимъ»: одолженная своимъ началомъ «Бесѣдѣ», «Повѣсть», въ свою очередь, приняла видъ духовной пѣсни. Ближайшій переходъ Повѣсти къ Стиху о Голубиной книгѣ и составляетъ самую древнюю редакцію послѣдняго.

Какъ въ «Бесѣдѣ трехъ святителей» идетъ рядъ вопросовъ и отвѣтовъ, имѣющихъ значеніе загадокъ и ихъ рѣшеній, такъ и въ «Повѣсти града Іерусалима» цари: Волотъ Волотовичъ и Давидъ Іессеевичъ, загадываютъ другъ другу загадки и даютъ на нихъ отвѣты, въ присутствіи двухъ другихъ царей: Моисея Моисеевича и Елисея Елисеевича. Состязаніе открывается Волотомъ, набольшимъ изъ четырехъ лицъ. Сначала Волотъ разсказываетъ видѣнный имъ сонъ, а Давидъ толкуетъ его. За тѣмъ слѣдуетъ существенная часть «Повѣсти»: бесѣдующіе, въ вопросахъ и отвѣтахъ, излагаютъ ученіе о началѣ всего сотвореннаго, о чудесныхъ и великихъ предметахъ міра, о страшномъ судѣ. При переходѣ Повѣсти въ форму духовной пѣсни, имя Волота замѣнено было именемъ Волотомана, который, въ собраніи многихъ царей и князей, вопрошаетъ Давида о первыхъ и послѣднихъ судьбахъ міра. Позднѣйшая редакція стиха обратила Волотомана въ русскаго князя Володиміра и Голубиную книгу перенесла изъ Іерусалима на Русь. Вопросителемъ становится русскій князь, а царь Давидъ держитъ отвѣты. Такимъ образомъ, въ постепенномъ своемъ преобразованіи, стихъ получилъ мѣстную особенность, явственную и въ «Повѣсти града Іерусалима», которая говоритъ объ Ильменѣ и Кіевѣ и помѣщаетъ Іерусалимъ въ свѣторусской землѣ. Первообразомъ этой повѣсти, принявшей въ себя элементы христіанскій и національный,

вѣроятно, служило какое нибудь древнѣйшее, языческое сказаніе о Волотѣ, имя котораго означаетъ великана.

Въ «Стихѣ о Голубиной книгѣ» съ христіанскими воззрѣніями смѣшаны преданія миѳическія, частію составляющія общую принадлежность миѳологіи индоевропейскихъ народовъ и частію своеземныя, или заимствованныя изъ отреченныхъ книгъ и другихъ источниковъ. Первая часть его занята народной космогоніей— ученіемъ о началѣ внѣшняго міра, или природы, и міра—народа, или человѣчества; послѣ того излагается значеніе самыхъ важныхъ предметовъ въ томъ и другомъ мірѣ; наконецъ разсказывается притча о правдѣ и кривдѣ, имѣющая нравственное примѣненіе. Начало стиха описываетъ самую книгу и обстоятельства ея чудеснаго явленія. Голубиная книга упала съ небесъ изъ темной, грозной тучи, подвившейся съ востока. Мѣсто ея паденія опредѣляется различно: по редакціи стиха позднѣйшей, она упала на святой Руси; по другой, болѣе древней, въ Іерусалимѣ, на Ѳаворъ—горѣ, у дуба Маврійскаго, у креста Леванидова, у главы Адамовой, при царѣ Давидѣ, при сынѣ его Соломонѣ и при старцѣ Захаріи. Второе опредѣленіе почти согласно съ надписаніемъ Повѣсти града Іерусалима: «Бесѣда царя Давида съ царемъ Волотомъ на Синайской горѣ, посторонь града Іерусалима, у дуба Маврійскаго, у креста Леванидова, у главы Адамовой». Къ чудесной книгѣ собрались много царей, князей и всякаго народу: никто не былъ въ силахъ разогнуть ее. Только передъ царемъ Давидомъ она раскрыла листы свои и объявила ему свое божественное писаніе. Послѣ того приходитъ Володиміръ князь. Онъ вступаетъ въ разговоръ съ Давидомъ, прося его прочесть книгу и объяснить дѣла Божіи. Пытливый умъ его желаетъ знать: отъ чего у насъ бѣлый вольный свѣтъ, солнце красное, свѣтелъ мѣсяцъ, звѣзды частыя, ночи темныя, зори утреннія, вѣтры буйные, умъ—разумъ, помыслы, міръ—народъ и пр. Въ отвѣтахъ своихъ, Давидъ развиваетъ космогоническія представленія народа:

У насъ бѣлый вольный свѣтъ зачался отъ суда Божія;
Солнце красное отъ лица Божьяго
Самого Христа, Царя небеснаго;
Младъ свѣтелъ мѣсяцъ отъ грудей Его;
Звѣзды частыя отъ ризъ Божіихъ;
Ночи темныя отъ думъ Господнихъ;
Зори утренни отъ очей Господнихъ;
Вѣтры буйные отъ Свята Духа;
У насъ умъ-разумъ самого Христа,
Самого Христа, Царя небеснаго;
Наши помыслы отъ облацъ небесныихъ;
У насъ міръ-народъ отъ Адамія;
Кости крѣпкія отъ камени;
Тѣлеса наши отъ сырой земли;
Кровь-руда наша отъ черна моря.

Кромѣ того, въ одномъ варіантѣ стиха сохранилось преданіе о происхожденіи сословій—царскаго, княжескаго и крестьянскаго:

Зачàдились (*зародились*) цари со царицами
Отъ честной главы отъ Адамовой;
Зачàдились князья со боярами
Отъ честныхъ мощей отъ Адамовыхъ;
Завелось крестьянство православное
Отъ того колѣна отъ Адамова.

Нѣкоторые изъ указанныхъ вопросовъ предложены въ «Повѣсти» Давидомъ:

Отъ чего у насъ свѣтъ свѣтится, и отъ чего солнце сіяетъ, и отъ чего заря занимается?

Волотъ рѣшаетъ ихъ такимъ образомъ:

Свѣтъ у насъ свѣтится отъ Господнихъ очей, а солнце сіяетъ отъ святыя ризы Его, а заря занимается отъ солнца краснаго.

Космогонія обоихъ памятниковъ — и «Повѣсти» и «Стиха» — соотвѣтствуетъ древнѣйшимъ преданіямъ о сотвореніи міра, по которымъ или міръ сотворенъ изъ частей человѣческаго тѣла, или, на оборотъ, человѣческое тѣло построено изъ частей міра. Индійская миѳологія производитъ небо отъ черепа Брамы, главнѣйшія касты отъ его устъ, рукъ и ногъ, глаза человѣка отъ солнца, волосы отъ растенія, кости отъ камня, кровь отъ воды. По сказаніямъ Эдды, вселенная возникла изъ трупа убитаго Имира: отъ крови его моря и воды, отъ тѣла земля, отъ костей горы, отъ зубовъ утесы, отъ черепа небо, отъ мозга облака, отъ бровей стѣны. Сказаніе: «отъ коликихъ частей созданъ Адамъ» (§ 140), помѣщенное во многихъ сборникахъ, также показываетъ отношеніе человѣка къ природѣ. По его толкованію, человѣкъ состоитъ изъ восьми частей: тѣло отъ земли, кровь отъ моря, очи отъ солнца, мысли отъ облакъ, кости отъ камени, дыханіе отъ вѣтра, плоть отъ огня, душа отъ Божія дуновенія. Апокрифическія сказанія находили себѣ мѣсто и въ ученыхъ трудахъ, которые должны были рѣшить вопросъ о вещественной связи двухъ міровъ: малаго, или человѣка (микрокосма), и великаго, или природы (макрокосма). Мы видѣли, какъ Зерцало Богословіи проводитъ параллель между міровыми стихіями и элементами человѣческаго тѣла, которое «своимъ составомъ причастно всякому творенію» (§ 146). Двоевѣрная космогонія стиха о Голубиной книгѣ и другихъ подобныхъ ему произведеній до сихъ поръ сохраняется въ народѣ. Особая секта раскольниковъ, называемыхъ Духоборцами, возвела ее даже въ догматъ. По ихъ ученію, тѣло человѣка отъ земли, кости отъ камня, жилы отъ корени, кровь отъ воды, волосы отъ травы, мысль отъ вѣтра, благодать отъ облака.

Вторая часть стиха излагаетъ, какъ сказано, значеніе важнѣйшихъ предметовъ въ природѣ и человѣчествѣ. Владиміръ хочетъ знать, какія, въ рядахъ однородныхъ твореній, самыя главныя, первенствующія:

Который царь надъ царями царь?
Который городъ городамъ отецъ?
Коя церковь всѣмъ церквамъ мати?
Коя рѣка всѣмъ рѣкамъ мати?
Коя гора всѣмъ горамъ мати?
Кое древо всѣмъ древамъ мати?
Коя трава всѣмъ травамъ мати?
Которое море всѣмъ морямъ мати?
Кая рыба всѣмъ рыбамъ мати?
Кая птица всѣмъ птицамъ мати?
Который звѣрь всѣмъ звѣрямъ отецъ?

Царь Давидъ удовлетворяетъ пытливость русскаго князя:

У насъ бѣлый царь надъ царями царь,
Іерусалимъ-городъ городамъ отецъ,
Соборъ-церковь всѣмъ церквамъ мати,
Іорданъ-рѣка всѣмъ рѣкамъ мати,
Ѳаворъ-гора всѣмъ горамъ мати,

Кипарисъ-древо всѣмъ древамъ мати,
Плакунъ-трава всѣмъ травамъ мати,
Океанъ-море всѣмъ морямъ мати,
Китъ-рыба всѣмъ рыбамъ мати,
Стратимъ-птица всѣмъ птицамъ мати,
Индрикъ-звѣрь всѣмъ звѣрямъ отецъ.

Онъ не только даетъ положительные отвѣты, но и приводитъ основанія, почему вопросъ рѣшенъ такъ, а не иначе, наприм.:

Почему Іерусалимъ городамъ отецъ?
Потому Іерусалимъ городамъ отецъ:
Во тѣмъ во градѣ во Іерусалимѣ
Тутъ у насъ пупъ землѣ.

Основаніе это заимствовано изъ «Бесѣды трехъ святителей»:

Который градъ прежде всѣхъ сотворенъ и больше всѣхъ? Ерусалимъ градъ прежде всѣхъ сотворенъ и больше всѣхъ, въ немъ же пупъ земли, и церковь святая святыхъ, и Господень гробъ.

Въ вопросахъ и отвѣтахъ Стиха о Китѣ-рыбѣ, Стратимъ-птицѣ и Индрикѣ-звѣрѣ видно вліяніе бестіаріевъ:

Почему Китъ-рыба всѣмъ рыбамъ мати?
На трехъ рыбахъ земля основана.
Какъ Китъ-рыба потронется,
Вся земля всколеблется.

По сказанію Повѣсти о градѣ Іерусалимѣ, земля стоитъ на осьмидесяти китахъ-рыбахъ меньшихъ, да на трехъ рыбахъ большихъ; какъ рыба-китъ взыграется и пойдетъ во глубину морскую, тогда будетъ свѣту преставленіе.

Почему Стратимъ-птица всѣмъ птицамъ мати?
Живетъ Стратимъ-птица на океанѣ-морѣ
И дѣтей производитъ на океанѣ морѣ.
По Божьему все по велѣнію,
Стратимъ-птица вострепенется,
Океанъ-море всколыхнется;
Топитъ она корабли гостиные
Со товарами драгоцѣнными.

Стратимъ-птица (въ другихъ варіантахъ: Стрифилъ, Стрефилъ и пр.) есть страусъ. Бестіаріи разсказываютъ о ней много фантастическаго:

Яица его велики. Ихъ вѣшаютъ въ церкви. Когда снесетъ ихъ, не согрѣваетъ своимъ тѣломъ, какъ прочія птицы, но кладетъ ихъ передъ собою и смотритъ на нихъ въ теченіе сорока дней. Говорятъ, что если раздерешь струфа, то въ устахъ его найдешь камень цѣлительный отъ болѣзни очей.

Почему Индрикъ-звѣрь всѣмъ звѣрямъ отецъ?
Ходитъ онъ по подземелью,
Пропущаетъ рѣки, кладязи студеные.
Живетъ онъ во святой горѣ,
Пьетъ и ѣстъ во святой горѣ.
Куды хочетъ, идетъ по подземелью,
Какъ солнушко по поднебесью.

Индрикъ (иначе: Инорогъ, Нирогъ) — испорченное отъ единорогъ — замѣняется въ другихъ варіантахъ львомъ:

Левъ-звѣрь всѣмъ звѣрямъ мати:
Левъ-звѣрь поворотится—
Всѣ звѣри ему поклонятся.

Въ бестіаріяхъ, левъ описывается слѣдующимъ образомъ:

Левъ есть царь всѣхъ четвероногихъ, какъ орелъ всѣхъ пернатыхъ. Зрѣніе его царское и грозное; хожденіе его гордое. Когда ловитъ животное, не преклоняетъ голову, но держитъ ее высоко, какъ царь непокоримый. Боится же двухъ вещей: когда видитъ огонь близъ себя и когда слышитъ пѣтуха. Когда спитъ, очи имѣетъ отверсты. Оставляя недоѣденное мясо, дуетъ на него, и отъ обонянія того дуновенія ни одно животное не смѣетъ прикоснуться къ мясу тому.

Изъ физіологическихъ сочиненій почерпали свѣдѣнія о природѣ не одни народные пѣвцы, но и люди ученые. Въ проповѣдяхъ Радивиловскаго мы видѣли образецъ того, какъ духовный ораторъ можетъ употреблять въ дѣло фантастическіе разсказы о животныхъ. Вымышленныя свойства льва дали ему поводъ къ символическимъ ихъ толкованіямъ. И у него, «левъ, бодрствуя, смыкаетъ очи, а во время сна раскрываетъ ихъ» (§ 144). Какъ ученый, онъ имѣлъ способы обращаться къ прямымъ источникамъ, напримѣръ къ Эліановымъ книгамъ о природѣ животныхъ, тогда какъ люди неученые, а только что грамотные, вполнѣ довѣрялись сборникамъ, въ которые, на ряду со многими баснями, занесены были, быть можетъ, и суевѣрные разсказы Эліана.

Въ Повѣсти града Іерусалима есть небольшія отмѣны противъ вопросовъ и отвѣтовъ Стиха. Волотъ загадываетъ царю Давиду: «какая глава всѣмъ главамъ мать? какое озеро озерамъ мать?» Давидъ отгадываетъ: «всѣмъ главамъ мать— Адамова глава: когда Господь сотворилъ небо и землю, и все, что на земли, и Адама, и вынулъ у него ребро, и сотворилъ Еву, тогда отъ нихъ пошли цари и князья. Ильмень озеро, что подъ Кіевомъ градомъ—всѣмъ озерамъ мать, потому что взяло въ себя триста рѣкъ». Вмѣсто Стратима Повѣсть говоритъ о Тавруцъ-птицѣ, «не великой, съ русскую галку: живетъ она у гремячаго кладезя, у теплаго моря». Единорогъ описанъ иначе: «Во время засухи, изсякла вода во всѣхъ рѣкахъ; въ одномъ только озерѣ она оставалась, но тамъ лежалъ великій змѣй и не давалъ пить воды ни людямъ, ни звѣрю потекучему, ни птицѣ полетучей. Когда же единорогъ прибѣгалъ пить воду, лютый змѣй, заслышавъ, уходилъ отъ того звѣря за три дня, и въ ту пору люди запасались водою». Іерусалимъ не потому всѣмъ городамъ мать, что въ немъ пупъ земли, а потому, что «его пасхалія азбучная во всю землю свѣторусскую». Эти слова повѣсти, можетъ быть, имѣютъ отношеніе къ спорамъ о пасхаліи, которые въ XV в. возникли между православными и жидовствующими (§ 97 и 131). Соборъ Софіи премудрости Божіей—всѣмъ церквамъ мать, потому что въ ней стоитъ гробъ Господень.

Въ послѣдней части Стиха царь Давидъ объясняетъ сонъ, видѣнный Владиміромъ:

Кабы два звѣря собиралися,
Кабы два лютые собѣгалися;
Промежду собой дрались, билися:
Одинъ одного звѣрь одолѣть хочетъ.

Сновидѣніе предложено въ видѣ загадки; толкованіе есть своего рода разгадка:

Это не два звѣря собиралися,
Не два лютые собѣгалися:
Это Кривда съ Правдой соходилися,
Промежду собой бились, дрались;
Кривда Правду одолѣть хочетъ;
Правда Кривду переспорила.
Правда пошла на небеса,
Къ самому Христу, Царю Небесному:

А Кривда пошла у насъ по всей землѣ,
По всей землѣ по свѣтъ-русской,
По всему народу христіанскому.
Отъ Кривды земля всколебалася,
Отъ того народъ весь возмущается;
Отъ Кривды сталъ народъ неправильныій,
Неправильныій сталъ, злопамятныій:
Они другъ друга обмануть хотятъ,
Другъ друга поѣсть хотятъ.

Бесѣда трехъ святителей изобразила правду въ видѣ зайца, а кривду въ видѣ совы: «что есть бѣлъ щитъ, а на бѣлѣ щитѣ заяцъ бѣлъ: и прилете сова, и взя зайца, а сама ту сяде? Бѣлъ щитъ есть свѣтъ, а заяцъ—правда, а сова—кривда».

Толкованіе сна заключено нравственнымъ выводомъ:

Кто будетъ Кривдой жить,
Тотъ отчаянный отъ Господа:
Та душа не наслѣдуетъ
Себѣ царства небеснаго;
А кто будетъ Правдой жить,
Тотъ причаянный ко Господу:
Та душа и наслѣдуетъ
Себѣ царство небесное.

Значительный кругъ народныхъ духовныхъ пѣсенъ посвященъ изображенію кончины міра и будущаго вѣка. Сюда относятся не только цѣлые стихи «о страшномъ судѣ», «о второмъ Христовомъ пришествіи» и «объ Антихристѣ», но и многія мѣста другихъ стиховъ, напримѣръ: «о Михаилѣ архангелѣ», «о Богородицѣ», «Прощаніе души съ тѣломъ», «Плачъ души грѣшной», и пр. Въ представленіи загробной жизни народное творчество любило останавливаться болѣе на мукахъ грѣшниковъ, нежели на блаженствѣ, ожидающемъ праведника. Царство сатаны нарисовано съ значительною отчетливостью; напротивъ, описаніе рая мало говоритъ воображенію. Но и самыя картины вѣчныхъ страданій не одного достоинства, смотря потому, на сколько фантазія была развязана въ своемъ дѣйствіи: гдѣ она строже подчинялась библейскому тексту, тамъ грѣхи и адскія муки принимали извѣстный всему христіанству видъ; гдѣ же книжный матеріалъ перерабатывался, свободною игрою фантазіи, въ духѣ народныхъ понятій, тамъ виды грѣховъ и образы мученій являлись въ болѣе подробной обстановкѣ и съ національными особенностями. По разнымъ стихамъ одного и того же содержанія легко замѣчать степени поэтическаго творчества, какъ оно отъ общихъ представленій сюжета восходило къ частному его образу. Самая подробная характеристика беззаконій раскрыта въ «стихѣ о грѣшной душѣ». Здѣсь выступаютъ не общечеловѣческія слабости, но собственно-народные грѣхи, всѣ почти вращающіеся около одного средоточія—чародѣйства. Стихъ даже начинается мотивомъ чисто-народной пѣсенной поэзіи:

По морю по синему по Хвалынскому....

Геенскія казни, при всей наивности ихъ представленія, соотвѣтствуютъ грѣхамъ: народный стихъ знаетъ, что «комуждо будетъ по дѣламъ его», и вотъ у него сребролюбцевъ точитъ неусыпный червь, смѣхотворцы обречены на вѣчный плачъ, предававшіеся страстямъ мучатся въ неугасимомъ пламени. Это соотношеніе между

грѣшною жизнію на землѣ и возмездіемъ за нее въ будущемъ вѣкѣ изображается, въ «стихѣ о грѣшной матери», рядомъ замысловатыхъ символовъ и ихъ толкованій. Содержаніе стиха, почти тожественное съ содержаніемъ легендъ: малорусской—«о грѣшной матери», и великорусской — «видѣніе мукъ грѣшницы въ адѣ», заимствовано изъ Зерцала Великаго, въ которомъ писано, что сыну грѣшницы явлены были въ сновидѣніи муки, которыми она мается. На вопросъ сына, за что она мучится, грѣшная мать объясняетъ ему значеніе всего, имъ видѣннаго: трехглавый змѣй, на которомъ она ѣдетъ среди рѣки огненной — это добрые кони, на которыхъ она любила кататься; крыса — кокошники, которые она носила; мыши—сережки; змѣя двуглавая — цѣпочка; три ящерицы—зеркало; гребенки желѣзныя—платье цвѣтное и проч. Представленія свои о разлученіи души съ тѣломъ и о загробныхъ мытарствахъ духовные стихи почерпали изъ Евангелія, толковыхъ апокалипсисовъ, слова Палладія мниха, слова о мытарствахъ Авраамія Смоленскаго, житія Василія Новаго, Зерцала Великаго и другихъ источниковъ, преобразуя заимствованное по волѣ фантазіи и народныхъ повѣрій. «Слово Палладія о второмъ пришествіи Христовѣ, о страшномъ судѣ и о будущей мукѣ» помѣщалось въ разныхъ сборникахъ съ раскрашенными картинками. Его-то, какъ мы видѣли, разумѣетъ «стихъ объ нынѣшнемъ вѣкѣ и о будущемъ». Житіе Василія Новаго, писанное ученикомъ его, мнихомъ Григоріемъ, содержитъ въ себѣ, кромѣ описанія подвиговъ святаго, два разсказа: одинъ умершей Ѳеодоры, кормилицы Василія, о ея хожденіи по мытарствамъ; другой самого Григорія о ниспосланномъ ему видѣніи страшнаго суда. Первый разсказъ (о мытарствахъ) нерѣдко отдѣлялся отъ житія и помѣщался въ сборникахъ. Отсюда, конечно, перешли въ народную поэзію многіе образы замогильнаго существованія, когда

Пріидетъ смерть безъ милости
И возьмутъ душу изъ тѣла ангели немилостивіи,
И пронесутъ мытарства лютая многая,
И покажутъ муки лютыя....
И, показавъ муки, посадятъ въ мѣста темная
До страшнаго суда и до втораго Христова пришествія.
(*Стихъ Богородицѣ*).

Въ пѣснѣ «о грѣшной душѣ» поется, что она ходила въ мукѣ вѣчной «тридцать лѣтъ и три года, не нашла себѣ пристанища, ни ложечки воды, ни капельки росы».

Нѣкоторые стихи имѣютъ предметомъ событія священной исторіи и подвиги святыхъ. Между ветхозавѣтными лицами, кромѣ Адама и Соломона, народъ болѣе всего интересовался Іосифомъ Прекраснымъ. Судьба его разсказана согласно съ библейскимъ текстомъ, и въ разсказѣ удержано преобладаніе церковно-славянской рѣчи. Впрочемъ нѣкоторые варіанты замѣняли книжныя выраженія оборотами языка разговорнаго, при чемъ и характеръ событій перелагался на русскій ладъ: Іосифъ называется Осипомъ; онъ жалуетъ старѣйшихъ братьевъ «боярами и удѣльными городами»; слово «юноша» получило другую форму: «юношъ» и проч. Къ стиху присоединяется иногда умилительный «Плачъ Іосифа», существующій также въ отдѣльномъ видѣ. Замѣчательно, что древне-русское стихотвореніе: «Сорокъ каликъ со каликою» (§ 140), помѣщенное въ Сборникѣ Кирши Данилова, ставитъ атамана каликъ, Касьяна Михайловича, въ тоже положеніе, въ какое были

поставлены братья Іосифа при второмъ посѣщеніи Египта: княгиня Апраксѣевна, жена Владиміра Великаго, спрятала въ сумку атамана «питейную чашу» князя. Нагонщики догнали каликъ, обыскали ихъ и, нашедъ чашу у Касьяна, закопали его въ яму по самую грудь. Изъ событій земной жизни Спасителя, стихи воспѣваютъ Его рожденіе, распятіе и вознесеніе. Одинъ изъ стиховъ на Рождество Христово, называемый также «Пѣснію объ Аллилуевой женѣ», разсказываетъ о спасеніи предвѣчнаго Младенца отъ Жидовъ, хотѣвшихъ предать его смерти. Младенецъ кинулся въ келью къ Аллилуевой женѣ: она въ то время топила печку, держа на рукахъ своего ребенка. Бросай свое чадо въ печь, сказалъ ей Христосъ, бери меня на руки. Аллилуева жена исполнила по Его велѣнію. Прибѣжали Жиды, увидали младенца въ огнѣ и, радуясь его гибели, затворили печку заслонкой. Мать слезно заплакала по своемъ сынѣ, но когда взглянула въ печку —

Въ печкѣ тра̀вонька зеленая,
Онъ по тра̀вонькѣ гуляетъ,
Евангельску книгу читаетъ,
За отца, за мать Богу молитъ!

Что представляетъ народу близкое отношеніе къ его быту, то свободнѣе воз-создается его творчествомъ. Такъ онъ создалъ стихъ о Вознесеніи Христовѣ (иначе—объ Іоаннѣ Богословѣ). Спаситель является здѣсь отцемъ сирыхъ и убогихъ, заступникомъ «нищей братіи», въ наслѣдство которой, вмѣсто всякихъ земныхъ благъ, Онъ оставляетъ Свое святое имя. Когда Христосъ возносился на небо, повѣствуетъ пѣсня, расплакалась меньшая братія, взывая къ Нему: «Батюшка нашъ, Царь небесный! на кого Ты насъ покидаешь? Кто будетъ насъ поить-кормить, отъ темной ночи укрывать?»—Не плачь, моя меньшая братія, изрекъ имъ Господь Царь небесный:

Дамъ я вамъ гору золотую,
Дамъ я вамъ рѣку медвяную,
Оставлю вамъ сады—винограды,
Оставлю вамъ яблони кудрявы,
Я даю вить вамъ манну небесну.
Умѣйте горою владати,
Промежду собою раздѣляти:
Будете вы сыты да и пьяны,
Будете обуты и одѣты,
Будете тепломъ да обогрѣны,
И отъ темныя ночи пріукрыты.

Тогда Іоаннъ Богословъ проситъ вымолвить словечко и не взять его слова въ досаду. Онъ совѣтуетъ не давать нищимъ обѣщанныхъ благъ:

Не давай нищимъ гору крутую,
Что крутую гору золотую:
Не умѣть имъ горою владати,
Не умѣть имъ золотыя поверстати,
Промежду собой раздѣляти.
Зазнаютъ гору князи и бояра,
Зазнаютъ гору пастыри и власти,
Зазнаютъ гору торговые гости;
Отоймутъ у нихъ гору крутую,
Отоймутъ у нихъ гору золотую,
По себѣ они гору раздѣлятъ,
По князьямъ золотую разверстаютъ,

Да нищую братью не допустять;
Много у нихъ будетъ убійства,
Много у нихъ будетъ кроволивства,
Промежду собой уголоствія;
Да нечѣмъ будетъ нищимъ питатися,
Да нечѣмъ имъ будетъ пріодѣтися,
И отъ темныя ночи пріукрытися.
Дадимъ мы нищимъ—убогимъ
Имя Твое святое.
Будутъ нищіи по міру ходити,
Тебя, Христа, величати,
Въ кажной часъ прославляти;
Будутъ они сыты и довольны,
Обуты будутъ и одѣты,
И отъ темныя ночи пріукрыты.

Христосъ сотворилъ по слову Богослова, умѣвшаго порадѣть о нищихъ, а въ другихъ варіантахъ—по слову Іоанна Златоустаго, которому «за дорогія рѣчи и сладкія словеса даровалъ уста золотыя». Кромѣ обширнаго примѣненія къ классу бѣдныхъ людей вообще, стихъ о Вознесеніи Христовомъ имѣетъ примѣненіе частное: онъ изображаетъ судьбу нищихъ слѣпцовъ, каликъ перехожихъ, которымъ предоставлено ходить по міру и питаться подаяніемъ за духовныя пѣсни, величающія Христа, Божію Матерь и святыхъ угодниковъ.

Другимъ представленіемъ бѣдственной доли на землѣ служитъ «стихъ о Лазарѣ», наиболѣе распространенный между пѣвцами. Онъ передаетъ евангельскую притчу безъ существенныхъ отступленій отъ ея подлиннаго вида. Народъ особенно любитъ слушать его, находя въ немъ, кромѣ близкаго отношенія къ своей жизни, мысль о будущемъ блаженствѣ, приготовленномъ убожеству. Онъ надѣется, что если богачу Богъ далъ «богатества тьму», то бѣдному даны убожество и рай. По однимъ варіантамъ, богачъ и бѣднякъ—родные братья, надѣленные неровнымъ счастьемъ. Имя тому и другому—Лазарь, почему стихъ называется также стихомъ «о двухъ Лазаряхъ».

Между стихами, изображающими дѣянія святыхъ, самый замѣчательный—«стихъ о Егоріи Храбромъ». Онъ представляетъ сочетаніе данныхъ, почерпнутыхъ изъ христіанскаго сказанія, съ преданіями, завѣщанными стариной. Въ полномъ составѣ его различаются три части: мученія Георгія отъ царя Деміана (по другимъ варіантамъ: Дектіана, Кудреяна), устройство имъ земли русской и спасеніе царевны Елизаветы (Анисафіи) отъ змѣя. Послѣдняя часть служитъ предметомъ особаго стиха о Елизаветѣ Прекрасной. Вторая существуетъ также въ отдѣльномъ видѣ, который, вѣроятно, и былъ первоначальною пѣснію, потому что она исполнена миѳическихъ образовъ. Народная фантазія перенесла на личность христіанскаго мученика черты какого-либо миѳическаго героя, подвиги котораго, безъ сомнѣнія, воспѣвались въ особенныхъ, до насъ не дошедшихъ, былинахъ. Егорію Храброму приписана таинственная власть надъ бездушнымъ міромъ и одушевленными существами: онъ строитель русской земли, выводящій ее изъ дикаго состоянія. Самая внѣшность его, по описанію пѣсни, поражаетъ миѳической обстановкой, которая принадлежала нѣкогда языческому герою-полубогу:

По колѣна ноги въ чистомъ серебрѣ,
По локоть руки въ красномъ золотѣ,
Голова у Егорія жемчужная,
По всемъ Егорьѣ часты звѣзды.

Въ разсказѣ о его чудесныхъ дѣйствіяхъ поэтическое творчество выразило переходъ племенъ, населявшихъ Русь, отъ кочеваго быта къ осѣдлому, по преимуществу пастушескому. Сознаніе новаго момента народной жизни, поэтически представленное въ дѣятельности святаго, удержано нѣкоторыми повѣрьями: Георгій почитается покровителемъ стадъ и пастуховъ. Есть письменная легенда, по разсказу которой святой Георгій чествуется жертвоприношеніемъ и которая такимъ образомъ подтверждаетъ предположеніе, что именемъ Георгія народъ замѣнилъ имя какого-либо неизвѣстнаго намъ миѳологическаго существа. Позднѣйшая редакція стиха о Егоріи сложнѣе: въ ней начальный сюжетъ дополненъ народнымъ разсказомъ о другихъ, уже христіанскихъ подвигахъ героя. Наконецъ, по одному варіанту стиха, Георгій становится сыномъ черниговскаго князя Ѳеодора, не теряя впрочемъ своей миѳической внѣшности. Вытерпѣвъ различныя муки и взявъ благословеніе отъ матери, Георгій отправился устанавливать нарядъ въ свѣто-русской землѣ. Онъ наѣзжалъ на лѣса дремучіе, отъ которыхъ нельзя было ни пройти, ни проѣхати. По его моленію, по Божьему повелѣнію, лѣса встали и расшатнулись, и начали рости по крутымъ высокимъ горамъ. Точно также Егорій устраиваетъ рѣки быстрыя, горы толкучія, стадо звѣрное, змѣй огненныхъ: послушныя его магическому слову, рѣки потекли по крутымъ горамъ и темнымъ лѣсамъ; на горахъ вознеслась соборная церковь; змѣи разсыпались по сырой землѣ; рыскучіе волки разбрелись по лѣсамъ и степямъ и стали ѣсть и пить повелѣнное отъ Егорія. Этому разселенію звѣрей и опредѣленію свойственной имъ пищи соотвѣтствуетъ пословица: «у волка на зубахъ, что̀ Егорій далъ». Образы пастуховъ и пастушекъ, родныхъ сестрицъ Егорія, говорятъ о дикомъ состояніи народа, еще коснѣвшаго въ язычествѣ:

> На нихъ тѣла яко еловая кора,
> Власъ на нихъ какъ ковыль трава.

«Стихъ объ Алексѣѣ Божьемъ человѣкѣ», наравнѣ съ стихами объ Іосифѣ Прекрасномъ, Лазарѣ Убогомъ и царевичѣ Іоасафѣ, пользуется особымъ сочувствіемъ нищихъ слѣпцовъ, которые въ этихъ лицахъ видятъ идеальные образцы свои. Пѣсня даже называетъ Алексѣя Божія человѣка «старцемъ каликою-переходцемъ». Изъ разныхъ ея варіантовъ одинъ очень близокъ къ своему книжному источнику, именно къ «Анѳологіону», т. е. цвѣтословію (1660), содержащему въ себѣ житія святыхъ: Екатерины, Ѳеодора Стратилата и Алексія Божія человѣка, также четверостишія Григорія Богослова и главы Максима Исповѣдника о любви. Анѳологіонъ переведенъ съ греческаго языка на славянскій и изслѣдованъ монахомъ Арсеніемъ Грекомъ, который прибылъ въ Россію съ іерусалимскимъ патріархомъ Паисіемъ, оставленъ былъ въ Москвѣ, какъ человѣкъ ученый, потомъ сосланъ въ Соловецкій монастырь за рѣзкіе отзывы о нѣкоторыхъ неправильностяхъ въ богослуженіи и возвращенъ Никономъ, имѣвшимъ надобность въ образованныхъ людяхъ при книжномъ исправленіи. Стихъ передаетъ не только содержаніе житія, помѣщеннаго въ Анѳологіонѣ, но и рѣчь его, мѣшая, впрочемъ, славянскіе слова и обороты съ разговорными русскими.

Исторія Варлаама и Іоасафа (§ 103) дала содержаніе и стихамъ о царевичѣ Іоасафѣ, и прозаическимъ о немъ разсказамъ. Стихи существуютъ въ двухъ видахъ: одинъ описываетъ просвѣщеніе царевича Варлаамомъ; другой есть «Похвала пустыни», или «Плачъ». Редакція обоихъ видовъ или чисто народная, или обра-

зовавшаяся подъ книжнымъ вліяніемъ. Похвала пустыни выражена въ формѣ бесѣды между пустыней и царемъ и прославляетъ аскетическій образъ жизни.

Кромѣ того народные стихи воспѣваютъ Ѳеодора Тирона, Димитрія Солунскаго, Бориса и Глѣба, Николая Чудотворца и другихъ святыхъ.

«Повѣсть о Горѣ-Злочастіи, какъ оно довело молодца въ иноческій чинъ», г. Буслаевъ относитъ къ духовнымъ стихамъ. Это одно изъ лучшихъ произведеній народнаго эпоса, по формѣ и тону не отличающееся отъ былинъ. Въ судьбѣ лица, взятаго изъ русскаго міра, изображена здѣсь жизнь людей вообще. Бѣдственныя похожденія гостиннаго сына (купца), которыми знаменуются пороки и слабости смертнаго рода, связаны въ началѣ повѣсти съ мыслію о первородномъ грѣхѣ, а въ концѣ ея съ мыслію о страшномъ судѣ, какъ двумя крайними предѣлами исторіи человѣчества. Но, обнимая содержаніемъ общую судьбу человѣческаго племени, «искони непокорливаго, къ отцову ученію зазорчиваго, къ матери непослушливаго и къ совѣтнымъ друзьямъ обманчиваго», разсказъ вполнѣ сохраняетъ національное значеніе: герой его живетъ и дѣйствуетъ въ кругу древнерусской дѣйствительности, ярко выступающей со всѣми своими особенностями въ языкѣ, преданіяхъ, вѣрованіяхъ, образѣ мыслей и чувствъ. Грустное настроеніе повѣсти какъ нельзя больше соотвѣтствуетъ картинѣ суетнаго и безумнаго житія, отринувшаго смиреніе, дающаго волю «неуимчивому» сердцу, преступающаго на каждомъ шагу заповѣди Божіи, подобно тому, какъ праотцы наши вкусили отъ запрещеннаго плода.

Вступленіе заключаетъ въ себѣ мысль о грѣхопаденіи первыхъ человѣковъ. За тѣмъ начинается самая повѣсть. Гостинный сынъ выслушиваетъ отъ отца и матери «родительское ученіе». Они наставляютъ его добрымъ дѣламъ, или, вѣрнѣе, совѣтуютъ избѣгать злыхъ дѣлъ. Въ этомъ житейскомъ наказѣ, сходномъ по содержанію съ другими наказами родителей дѣтямъ, отъ Духовной Владиміра Мономаха до Сильвестрова Домостроя, перечислены темныя стороны древнерусскаго быта, между которыми главное мѣсто занимаютъ пьянство и азартныя игры. Два раза предостерегается милое чадо отъ глупыхъ, съ указаніемъ опасныхъ послѣдствій знакомства съ ними и выгодъ дружбы съ разумными. На этомъ пунктѣ, равно какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ, наставленіе сходится съ Словомъ Даніила Заточника. Всѣ совѣты выговорены краткими изреченіями, въ формѣ притчъ. Сами родители называютъ ихъ пословицами:

Ты послушай пословицы
Добрыя, и хитрыя, и умныя.

Молодецъ не послушался добрыхъ совѣтовъ. Онъ былъ малъ и глупъ, несовершенъ разумомъ: ему было стыдно покориться отцу и поклониться матери. Онъ хотѣлъ жить, какъ ему любо. И вотъ онъ началъ вести жизнь по своей волѣ, не испросивъ родительскаго благословенія. У него нашлись ложные друзья, «названные братья»: они заманили его въ кабакъ, напоили до-пьяна и обобрали дочиста. Ему стало совѣстно явиться къ своимъ родителямъ и къ своему роду и племени: онъ пошелъ въ дальнюю, незнаемую сторону. На первыхъ порахъ пьянство довело его до позора; отсюда начинается своевольная разлука съ отцовскимъ кровомъ. Повѣсть приводитъ своего героя на одинъ почестный пиръ, гдѣ занялъ онъ среднее мѣсто, какъ слѣдовало купцу. Пированье не веселило добраго молодца: онъ сидѣлъ кручиноватъ и скорбенъ, не пилъ и не тѣшился, ничѣмъ не

похвалився. На вопросъ собесѣдниковъ о причинѣ скорби, онъ разсказалъ имъ все случившееся. Собесѣдники даютъ ему наставленіе, какъ держать себя на чужой сторонѣ. Тогда молодецъ началъ жить умѣючи: нажилъ себѣ богатства больше прежняго и задумалъ жениться. Но, по грѣхамъ его и по дѣйствію дьявола, расхвалился онъ однажды передъ своими друзьями и гостями: «нажилъ-де я, молодецъ, живота больше стараго». Слово похвальное, говоритъ повѣсть, всегда гнило, похвала—пагуба человѣку. Это молодецкое хвастовство подслушало Горе-Злочастіе, подобно древней судьбѣ ревнивое къ счастію смертныхъ, и неотвязчивою, грозною тѣнью послѣдовало за героемъ. Оно должно было наказать его не только за высокомѣрную похвальбу, несовмѣстную съ людскимъ ничтожествомъ, какъ судьба карала Эдипа, чтобы заявить свою несокрушимую мощь надъ мудрѣйшимъ изъ смертныхъ, но и за презрѣніе къ родительскому благословенію, за порушеніе святыхъ семейныхъ узъ, какъ Фуріи карали матереубійцу Ореста. Какъ нарочно, Горе приступаетъ къ молодцу въ то время, когда онъ, подобно Эдипу, стоялъ на высотѣ счастія, устроивъ себя лучше прежняго: Горю нужна была не простая, а замѣтная жертва, не тайное, а открытое торжество надъ человѣческою гордостью. Привидѣвшись молодцу во снѣ, оно совѣтуетъ ему отказаться отъ невѣсты, потомъ идти на царевъ кабакъ и пропить всѣ свои животы, потому что «кабакомъ Горе избудется, за нагимъ Горе не погонится, никто къ нему не привяжется». Описаніе женскаго лукавства, на которое, по словамъ повѣсти, способна даже любимая невѣста, совпадаетъ съ темною характеристикою женщинъ вообще во многихъ памятникахъ древне-русской словесности. Молодецъ не повѣрилъ сну, и тогда только поддался его наущенію, когда Горе предстало ему въ образѣ свѣтлаго духа. Промотавъ все свое добро, такъ что не осталось, чѣмъ заплатить за перевозъ черезъ рѣку, онъ хотѣлъ броситься въ воду; а въ тотъ часъ Горе выскочило изъ-за камени:

Босо, наго, нѣтъ на Горѣ ни ниточки,
Еще лычкомъ Горе подпоясано,
Богатырскимъ голосомъ воскликало.
«Стой ты, молодецъ! меня, Горя, не уйдешь никуды!
Не мечися въ быстру рѣку,
Да не буди въ горѣ кручиноватъ:
А и въ горѣ жить—некручинну быть!
А кручинну въ горѣ погинути!...
Кто родителей своихъ на добро ученія не слушаетъ,
Того выучу я, Горе злочастное.
Покорися мнѣ, Горю нечистому,
Покорися мнѣ, Горю, до сыры земли,
А нѣтъ меня, Горя, мудряя на семъ свѣтѣ!»

Видитъ молодецъ бѣду неминучую: покорился Горю нечистому, поклонился Горю до сырой земли.

Въ этомъ воззваніи Горя къ молодцу обращаютъ на себя вниманіе три предмета: поэтическій образъ Горя, мысль о роковой его силѣ и упреки, которые оно выговариваетъ сыну за непослушаніе родителямъ. Горе босо и наго, нѣтъ никого мудрѣе его на свѣтѣ; своею роковою мощію оно сокрушаетъ заносчивость каждаго, какъ бы онъ ни былъ знатенъ, богатъ и разуменъ. Полнѣе оно олицетворено въ особенной пѣснѣ, превосходно соединяющей иронію съ трагическимъ элементомъ:

А и горе, горе, гореваньице!
А и въ горѣ жить—некручинну быть,
Нагому ходить—не стыдитися,
А и денегъ нѣту—передъ деньгами,
Появилась гривна—передъ злыми дни.
Не бывать плѣшатому кудрявому,
Не бывать гулящему богатому,
Не отростить дерева суховерхаго,
Не откормить коня сухопараго,
Не утѣшити дитя безъ матери,
Не скроить атласу безъ мастера.
А и горе, горе, гореваньице!
А и лыкомъ горе подпоясалось,
Мочалами ноги изопутаны!
А я отъ горя въ темны лѣса—
А горе прежде вѣкъ зашелъ;
А я отъ горя въ почестный пиръ—
А горе зашелъ, впереди сидитъ;
А я отъ горя на царевъ кабакъ—
А горе встрѣчаетъ, ужъ пиво тащитъ.
Какъ я нагъ-то сталъ, насмѣялся онъ (*т. е. горе*).

Эта свободная иронія горемыки надъ самимъ собою въ минуту крайнихъ бѣдъ и напастей свидѣтельствуетъ о крѣпости духа, присущей русскому человѣку, который не падаетъ подъ тяжестью злосчастной доли, умѣетъ «быть некручиннымъ въ горѣ». Душевная бодрость, не знающая безъисходнаго горя, остается въ неиспорченной природѣ на всѣхъ ступеняхъ ея развитія: и въ наивномъ сельскомъ быту, и въ кругу цивилизованнаго общества. Если простолюдинъ мастерски сложилъ про нее пѣсню, то еще съ бо̀льшимъ мастерствомъ выступаетъ она въ твореніяхъ образованнаго художника: подъ ея наитіемъ, Пушкинъ выразилъ то внутреннее довольство жизнію, по которому человѣкъ не хочетъ умирать, не смотря на горести, заботы и треволненія, а хочетъ жить, «чтобъ мыслить и страдать».

Въ упрекахъ Горя слышенъ голосъ сыновняго раскаянія, такъ что Горе служитъ художественнымъ олицетвореніемъ совѣсти. Ему придается эпитетъ «нечистаго» какъ бы потому, что оно есть отраженіе душевной «нечистоты» героя, который оказался непокорнымъ сыномъ и вѣроломнымъ женихомъ. Отношеніе повѣсти къ семейному быту, составляя одну изъ главныхъ ея сторонъ, обнаруживается этимъ забвеніемъ обязанностей сына и честнаго жениха. Нравоучительная цѣль ея состоитъ именно въ томъ, чтобы сбившемуся съ пути молодцу внушить понятіе о святости родительской власти и объ уваженіи къ роду-племени. Уже два раза выслушалъ блудный сынъ наставленія: сначала отъ отца и матери, потомъ отъ гостей на пиру; третье наставленіе даютъ ему перевощики: они совѣтуютъ воротиться на родину и взять у родителей благословеніе. Молодецъ послушался добраго совѣта, но Горе сопутствуетъ ему и на этомъ поворотѣ къ долгу. Нигдѣ нѣтъ защиты отъ злаго товарища:

Полетѣлъ молодецъ яснымъ соколомъ,
А Горе за нимъ бѣлымъ кречетомъ;
Молодецъ полетѣлъ сизымъ голубемъ,
А Горе за нимъ сѣрымъ ястребомъ;
Молодецъ пошелъ въ поле сѣрымъ волкомъ,
А Горе за нимъ съ борзыми вѣжлецы (*выжлецы—гончія собаки*);
Молодецъ сталъ въ полѣ ковыль-трава,
А Горе пришло съ косою вострою,
Да еще Злочастіе надъ молодцемъ насмѣялося:

«Быть тебѣ, травонька, посѣченой,
Лежать тебѣ, травонька, покошеной,
И буйны вѣтры быть тебѣ развѣяной».
Пошелъ молодецъ въ море рыбою,
А Горе за нимъ съ щастыми (*частыми*) неводами;
Еще Горе Злочастное насмѣялося:
«Быть тебѣ, рыбонькѣ, у бережку уловленой,
Быть тебѣ да и съѣденой,
Умереть будетъ напрасною смертiю!»
Молодецъ пошелъ пѣшъ дорогою,
А Горе подъ руку подъ правую:
Научаетъ молодца богато жить,
Убити и ограбити,
Чтобы молодца за то повѣсили,
Или съ каменемъ въ воду посадили.
Спамятуетъ молодецъ спасенный путь,
И оттолѣ молодецъ въ монастырь пошелъ постригатися;
А Горе у святыхъ воротъ оставается,
Къ молодцу впередъ не привяжется.

«Спасеннымъ путемъ» кончились мытарства героя. Борьба съ нечистымъ состоянiемъ души, олицетвореннымъ въ образѣ Горя-Злочастiя, служитъ сюжетомъ Повѣсти; побѣда надъ Горемъ, или надъ самимъ собою—ея развязкой. Въ этой поучительной борьбѣ и заключается идея стихотворенiя.

Неотвязчивость горя изображена также въ «Стихѣ про удачу-добраго-молодца», представляющемъ значительное сходство съ «Повѣстью». Едва сказалъ молодецъ, что у него нѣтъ ни горюшка, ни кручинушки, какъ горюшко явилось передъ нимъ и своими преслѣдованiями заставило его дорого поплатиться за гордую похвальбу. Только смертiю примирился молодецъ съ горемъ, которое, закопавъ его въ сыру-землю, низко ему кланялось:

Ты спасибо, удача—добрый-молодецъ,
Что носилъ горе, не кручинился и не печалился!

Одна пѣсня въ сборникѣ Кирши Данилова («Когда было молодцу пора, время великое»...) поетъ про судьбу молодца, сначала счастливаго, а потомъ испытавшаго «кручину великую и печаль немалую», какъ онъ утонулъ въ рѣкѣ, которую оскорбилъ самохвальствомъ. Рѣка провѣщала ему «человѣческимъ голосомъ, душой красной дѣвицей»:

Безвремянной молодецъ! не я тебя топлю,
Безвремяннаго молодца: топитъ тебя,
Молодецъ, похвальба твоя, пагуба.

Сборники духовныхъ стихотворенiй въ рук. Тол. (II, 219; V, 7). Нѣкоторыя помѣщены въ Сборникѣ духов. стиховъ, Варенцова, и въ Библ. Зап., 1861, № 6. «Повѣсть града Iерусалима» (Волотъ Волотовичъ) въ I т. Очерковъ Буслаева и въ сборникѣ Безсонова: Калѣки перехожiе (ч. I, вып. 2). Сличенiе космогонiи Голубиной книги съ индiйской миѳологiей въ соч. Буслаева: О влiянiи христiанства на слав. языкъ. Житiе Василiя Новаго (рук. Цар. 92; Тол. II, 377); разсказъ о мытарствахъ (рук. Тол. II, 219); Слово Палладiя мниха (ib. I, 127). Легенда о Егорiи Храбромъ (Памят. старин. рус. литературы, Костомарова, I, 127). О Горѣ-Злочастiи (Очерки Буслаева, I Памят. Костомарова, I). См. сборники духов. стиховъ Кирѣевскаго, Варенцова, Безсонова, Пѣсни собр. Рыбниковымъ (стр. 469—485), Вступит. лекцiю Тихонравова и ст. Буслаева о духов. стихахъ въ Рус. Рѣчи 1861 (№№ 21, 23 и 26).

§ 162. Апокрифическимъ сказанiямъ письменной литературы соотвѣтствуютъ апокрифы народные, или устные прозаическiе разсказы духовнаго содержанiя. Эти

духовныя сказки народа (легенды) также относятся къ его «стихамъ», какъ сказки о богатыряхъ къ пѣснямъ о томъ же предметѣ (былинамъ). Сказка образовалась изъ былины: и народная легенда ведетъ свое начало отъ духовнаго стиха, какъ другая, прозаическая, форма, передающая тѣже сюжеты. Такъ, напримѣръ, преданіе о Пятницѣ разсказано и народнымъ стихомъ и народной легендой. Другимъ источникомъ легендъ служили апокрифы повѣствовательнаго характера, переработанные народомъ подъ вліяніемъ его религіозныхъ и нравственныхъ понятій. Такъ легенда про Ноя и жену его Евгу (древнѣйшая форма слова: Евва) взяла матеріалъ изъ апокрифическаго сказанія о ковчегѣ Ноевѣ, приписаннаго Меѳодію, патріарху константинопольскому; такъ еще легенды о хожденіи апостоловъ по землѣ имѣютъ прямую связь съ апокрифомъ, извѣстнымъ подъ именемъ «Апостольскихъ обходовъ». Кромѣ того легенды пользовались и многими иными, устными и письменными, источниками, слагая разнородные матеріалы въ одно цѣлое, не всегда легко разлагаемое на составные элементы.

Сличеніе обѣихъ формъ народной легендарной поэзіи показываетъ, что духовная сказка свободнѣе обращается съ своими предметами, чѣмъ духовный стихъ. Послѣдній ближе держится книжныхъ источниковъ, изъ которыхъ заимствовано его содержаніе; серьезнѣе смотритъ на изображаемыя имъ лица и событія. Легенда, напротивъ, произволомъ фантазіи устраняетъ всякія ограниченія: она далеко отходитъ отъ своего матеріала, подлинный видъ котораго иногда нелегко распознать въ ней. Священное и мірское въ ней слиты безразлично; предметамъ, общимъ для всѣхъ христіанъ, дается рѣзко-національный видъ. Многія легенды имѣютъ значеніе свободныхъ передѣлокъ на русскіе нравы, представляя въ библейскомъ событіи характеръ народнаго быта и нерѣдко сообщая ему юмористическій тонъ. Примѣромъ служитъ разсказъ о Ноѣ праведномъ: здѣсь явились и квасъ, и хмѣльная брага, которою Евва, жена Ноя, напоила своего мужа; образъ лукавой жены построенъ на русскій ладъ, соотвѣтственно взгляду простонародья на женское лукавство. Свобода легенды во многомъ условливается ея формой: прозаическая рѣчь удобнѣе стиха подвергается перемѣнамъ; сказка, сложенная обыденнымъ словомъ, чаще и вольнѣе обращается въ устахъ народа, чѣмъ пѣсня, въ которой онъ чувствуетъ особенное, какъ бы торжественное настроеніе духа.

Въ народныхъ легендахъ господствуетъ двоевѣріе—общая принадлежность легендарной поэзіи. На лица христіанскаго міра онѣ переносятъ аттрибуты языческихъ боговъ; сферу высшаго бытія приравниваютъ бытію земному; небесныя силы заставляютъ дѣйствовать по интересамъ и замысламъ человѣческимъ; сказанія Ветхаго и Новаго Завѣта искажаютъ фантастическими прибавками. При всей путаницѣ содержанія, за легендами сохраняется поэтическая истина. Онѣ вѣрны духовному строю наивнаго быта, хотя часто грѣшатъ противъ исторіи и догматизма. Каждая изъ нихъ должна была сложиться такъ, а не иначе, по умственной неразвитости народа и по свойству его поэтическаго творчества. Сверхъ того легенды, какъ и другія народныя сказки, имѣютъ за собою достоинство нравственнаго начала: въ основѣ ихъ двоевѣрія постоянно лежитъ одна и таже идея—торжество добра надъ зломъ, честной и правдивой бѣдности надъ земными благами, нажитыми неправдой. Спаситель, Божія Матерь, святые, принимая участіе въ дѣлахъ міра, всегда берутъ сторону убогихъ и обиженныхъ: согласно съ евангельскимъ ученіемъ, страдалецъ получаетъ награду, а притѣснитель наказаніе.

Нравственное чувство, проникающее народныя легенды, дает имъ характеръ поучительный и ставитъ ихъ на ряду съ одной стороны съ произведеніями древне-русскаго эпоса, который, разсказывая старину, поучалъ молодежь, а съ другой съ тѣми духовными произведеніями, которыми на западѣ Европы средневѣковые проповѣдники любили подкрѣплять свои поученія. Мы знаемъ, что для этой цѣли составлялись на западѣ обширные сборники духовно-назидательныхъ разсказовъ, подъ разными названіями, нашедшіе себѣ подражаніе въ сборникахъ нашей литературы (§ 145). Главный источникъ западно-европейскихъ и русскихъ народныхъ легендъ—Прологи, содержаніе которыхъ, разумѣется, измѣнялось и преобразовывалось. Всего замѣтнѣе выступаетъ нравственное начало въ разсказахъ о хожденіи Христа съ апостолами по разнымъ странамъ («Чудесная молотьба», «Бѣдная вдова», «Христовъ братецъ» и мн. др.). Предметъ ихъ—большею частію отношеніе бѣдныхъ къ богатымъ. Сущность евангельскаго ученія, если не фактическая сторона Евангелія, передается вѣрно: бѣдность и правда находятъ въ Спасителѣ заступника, жестокосердые богачи карателя. Онъ самъ странствуетъ въ одеждѣ нищаго, испытывая сердца людей, внушая имъ любовь къ ближнимъ, направляя ихъ на путь истины. Въ упомянутомъ апокрифѣ: «Апостольскіе обходы», разсказывается, какъ апостолы, пришедши къ городу, увидѣли человѣка, пахавшаго землю, и попросили у него хлѣба. Пахарь отправился въ городъ за хлѣбомъ, а апостолы безъ него взорали землю и посѣяли сѣмена. Воротясь, онъ увидѣлъ пшеницу совершенно зрѣлую. Изъ угодниковъ Божіихъ легенды выводятъ Николая Чудотворца, Илью Пророка, Георгія Побѣдоносца и Кассіана. Есть также разсказы о ветхозавѣтныхъ лицахъ—Адамѣ и Еввѣ, Ноѣ, Соломонѣ. Слабѣйшій отдѣлъ русскихъ народныхъ легендъ—сказанія о Богородицѣ, получившія на западѣ сильное развитіе. Не всегда народъ ищетъ въ легендѣ одного поученія: она отвѣчаетъ также на вопросы пытливаго ума, желающаго объяснить себѣ тѣ или другія явленія жизни. Въ ряду этихъ явленій, простолюдинъ интересовался, между прочимъ, происхожденіемъ разныхъ промысловъ, какъ средствъ къ существованію: и вотъ разсказъ «о золотомъ стремени» толкуетъ вымышленное, будто историческое происхожденіе цыганскаго ремесла—кражи.

Народная легенда не чуждается комизма, особенно въ представленіи нечистаго духа, получившаго имя «Потаньки». Иногда дьяволъ удерживаетъ свой мрачный образъ, являясь то въ видѣ Ефіопа, весь черный, то въ видѣ какого-нибудь чудовищнаго звѣря; но большею частію предоставлена ему забавная роль: онъ разыгрываетъ дурака, обманутаго, сверхъ чаянія попавшагося въ сѣти. Хитрость простой бабы беретъ верхъ надъ его адскими кознями. Вообще же духъ тьмы утратилъ въ духовныхъ сказкахъ народа, какъ въ народныхъ средневѣковыхъ драмахъ, свое ужасное могущество и ниспустился до общечеловѣческихъ свойствъ и слабостей, такъ что мужикъ обращается съ нимъ чуть не за панибрата, вовсе не боясь его. Но этотъ комическій элементъ не долженъ заслонять собою существенной религіозной основы, если духовныя сказки хотятъ уберечь свою самостоятельность. Когда же онъ выдвигается на первый планъ и, становясь цѣлью разсказа, пользуется легендарнымъ содержаніемъ единственно какъ средствомъ или обстановкой, какъ напримѣръ въ разсказѣ «о похожденіяхъ солдата къ аду», тогда значеніе легенды падаетъ: она перестаетъ быть легендой и переходитъ въ сатирическій анекдотъ.

Народныя русскія легенды, собранныя Аѳанасьевымъ (1860); Разборъ этого сборника въ 5 кн. Современника 1860, статья А. Пыпина: Русскій народный эпосъ, Буслаева (въ 1 т. Очерковъ); О сказаніи Меѳодія въ Лѣт. рус. лит. (кн. 2, отд. 2, стр. 158).

§ 163. Важнѣйшія событія XVII в. нашли свое представленіе въ народномъ эпосѣ. Къ эпохѣ смутнаго времени относятся пѣсни о Лжедимитріи, Скопинѣ Шуйскомъ и Ксеніи Годуновой.

Пѣсня о Лжедимитріи выставляетъ въ ясномъ видѣ причины его гибели, согласно съ историческимъ ему приговоромъ. Разстрига называется «непрямымъ» царемъ. Онъ недолго сидѣлъ на царствѣ, потому что нарушилъ вѣковые обычаи православной Руси: женился не въ каменной Москвѣ, а въ проклятой Литвѣ; свадьбу чинилъ подъ Николинъ день, въ четвергъ; въ Филипповъ постъ приспѣвалъ скоромное; запретилъ женѣ своей кланяться московскимъ князьямъ и боярамъ, молиться чудотворнымъ образамъ; вмѣсто того, чтобъ идти въ церковь, когда ударили въ колоколъ у Ивана Великаго, онъ пошелъ въ баню. Маринѣ усвоены принадлежности миѳическихъ героинь въ нашихъ былинахъ: она—жена чародѣйка, колдовствомъ избѣгнувшая гибели; въ то время, какъ Разстрига бросился съ чердаковъ на копья острыя, она обернулась сорокою и изъ палатъ вонъ вылетѣла.

Изъ двухъ пѣсенъ о Скопинѣ Шуйскомъ, одна передаетъ его подвиги и обстоятельства внезапной смерти, другая выражаетъ плачъ по умершемъ. У князя Воротынскаго крестили новорожденнаго сына: кумомъ былъ Скопинъ, «правитель царства московскаго, оберегатель міра крещенаго и всей земли свѣторусской», кумою—жена Димитрія Шуйскаго, дочь Малюты Скуратова. За обѣдомъ, хмѣльные бояре расхвастались, какъ въ пѣснѣ о Грозномъ (§ 139), кто силою, кто богатствомъ. Скопинъ не съ большаго хмѣлю похвастался, что онъ очистилъ отъ враговъ все великое государство россійское. Такая похвальба стала за бѣду боярамъ: они подсыпали зелья въ стаканъ сладкаго меду; медъ подносила Скопину княгиня Шуйская. Слова Скопина, вѣроятно, составляющія позднѣйшую вставку:

Еще ли мнѣ славу поютъ до вѣку
Отъ стараго до малаго,
Отъ малаго до вѣку моего,

показываютъ, что пѣсни о немъ ходили въ народѣ. А изъ заключительныхъ стиховъ видно, что эти пѣсни, какъ повѣсть о старинѣ, воспѣвались на пирахъ пѣвцами, которые

Сидючи въ бесѣдѣ смиренныя,
Испиваючи медъ, зелено вино,

воздавали честь боярину великому и хозяину ласковому. Во второй пѣснѣ, народному сѣтованію о кончинѣ знаменитаго воеводы противополагается злорадство бояръ: плачутъ Москвичи, у которыхъ не стало защитника, плачутъ и «свейскіе нѣмцы», т. е. Шведы, соратники русскаго воеводы, а князья Мстиславскій и Воротынскій усмѣхаются, приговаривая:

Высоко соколъ поднялся
И о сыру матеру землю ушибся.

Воспоминаніе о несчастной судьбѣ Годуновой дочери Ксеніи сохранилось въ двухъ пѣсняхъ. Царевна уподобляется малой птичкѣ перепелочкѣ, какъ въ Словѣ о полку Игоревомъ Ярославна уподоблена кукушкѣ. Пѣсни имѣютъ значеніе пла-

ча, выражаемаго въ формѣ эпическаго разсказа. Ксенія жалуется на участь, ее ожидающую: пріѣдетъ къ Москвѣ измѣнникъ Разстрига, возьметъ ее въ плѣнъ и силою наложитъ на нее монашество Горюя о прежнемъ, царскомъ житьѣ-бытьѣ, она перечисляетъ предметы, нѣкогда ей любезные и со смертію родителей перешедшіе къ другимъ: высокіе хоромы, милые терема, браные убрусы, золотыя ширинки, яхонтовыя сережки. Представленія пѣсни согласны съ тѣмъ, какъ изображена Ксенія въ «Краткомъ написаніи о царяхъ московскихъ» (§ 159): здѣсь она является «отроковицей рѣдкой красоты и чуднаго домышленія, любившей воспѣваемые гласы». Народъ, вѣроятно, зналъ также, что нѣкоторое время (въ 1609 г.) по случаю военныхъ дѣлъ, она жила въ Троицкомъ Сергіевомъ монастырѣ, какъ въ мѣстѣ безопасномъ, и что она приняла монашество, подъ именемъ Ольги. Кромѣ того, преданіе видѣло въ ней жертву развратнаго нрава самозванца, который будто бы сослалъ ее на Бѣлоозеро.

Пѣсня на въѣздъ Филарета Никитича въ Москву, послѣ долгаго его плѣна въ литовской землѣ, малымъ чѣмъ отличается отъ лѣтописнаго разсказа. Отсутствію поэтическаго содержанія отвѣчаетъ самая форма пѣсни, не раздѣленной на стихи, но въ прозаической рѣчи передающей нѣкоторыя обстоятельства встрѣчи, которую Михаилъ устроилъ своему отцу.

Изъ событій царствованія Алексѣя Михайловича народъ пѣлъ про осаду Соловецкаго монастыря и про бунтъ Стеньки Разина.

Первая пѣсня принадлежитъ къ замѣчательнымъ произведеніямъ народнаго творчества. Она смотритъ на событіе въ духѣ раскольническихъ понятій: царь, отправляя воеводу смирить мятежниковъ, даетъ ему наказъ «порушить вѣру старую, правую, постановить вѣру новую, неправую». Вѣсть о приближеніи войска и сообщается и принимается насмѣшливо:

Какъ бѣжитъ пономарь,
Неразумный звонарь:
«Охъ вы гой еси, честны старцы!
Какъ идетъ сила не малая, не великая,
Сорокъ полковъ, да все тысячныхъ,
Сорокъ пушекъ, да все мѣдныихъ,
Зелья, пороху, сколько надобно,
Да все войско православное,
Не то идутъ они ратиться,
Не то идутъ они молитися».
—«Охъ ты, глупый звонарь,
Неразумный пономарь,
Да то войско православное,
Не идетъ оно ратиться,
Идетъ оно молитися!»

Само собою разумѣется, что, съ точки зрѣнія тогдашняго староверства, осада и взятіе монастыря получили значеніе грѣшнаго дѣла: эти православные воины, которымъ слѣдовало бы идти къ монастырю молиться, а не ратиться,

Брали ядрушко каленое,
Забивали во пушечку мѣдную,
Палили во тотъ во честной монастырь,
Во Соловецкій.

Впрочемъ въ другомъ варіантѣ пѣсни ироническаго оттѣнка нѣтъ, а говорится прямо, что царскіе воины учинили такое дѣло, о которомъ нельзя было и помыс-

лить: «монастырь разорили, всѣхъ старцевъ перерубили, старую вѣру порушили, старыя книги изорвали и въ синее море пометали».

Сверхъ общенародной поэзіи, въ которой выступаютъ характеръ и бытъ всего народа безъ различія сословій, есть пѣсни сословныя, возникающія въ средѣ извѣстнаго круга: таковы пѣсни казацкія, разбойничьи, солдатскія. Удерживая за собою существенныя качества эпическаго строя, онѣ представляютъ и особенности, согласно особенной жизни лицъ, ими воспѣваемыхъ, образующихъ отдѣльную общину въ цѣломъ русскомъ мірѣ, какъ бы народъ въ народѣ, съ опредѣленнымъ взглядомъ на вещи, съ своими собственными интересами, которые часто противорѣчатъ интересамъ другихъ общественныхъ круговъ. Этотъ опредѣленный взглядъ, эти исключительные интересы сообщаютъ сословной поэзіи направленіе; отъ нихъ зависятъ и сочувствіе къ однимъ предметамъ, и недовольство другими: отсюда ея лиризмъ, какъ выраженіе духовнаго строя не отдѣльной личности, а отдѣльнаго собранія лицъ. Г. Буслаевъ справедливо называетъ сословныя пѣсни собирательной, міровой лирикой, служащей переходомъ отъ народнаго эпоса къ литературѣ искуственной.

Къ лучшимъ произведеніямъ великорусской сословной поэзіи принадлежатъ пѣсни казацкія, большая часть которыхъ имѣетъ предметомъ Стеньку Разина и его сообщниковъ. Атаманъ «воровскихъ казаковъ» явился въ народной фантазіи идеаломъ удальства и силы, съ могучею, чародѣйскою властію, свойственною стариннымъ богатырямъ: онъ «вѣдовствомъ» останавливалъ плывущія суда; ни ружья, ни пушки не брали его; скованный по рукамъ и погамъ и посаженный въ желѣзную клѣтку, онъ чарами очутился на свободѣ; самъ Илья Муромецъ служитъ у него есауломъ; какъ Садко опустилъ въ Волгу хлѣбъ и соль въ благодарность за то, что онъ, гуляя по ней двѣнадцать лѣтъ, «никакой притки и скорби надъ собой не видывалъ», такъ и Стенька, по преданію, бросилъ плѣнную персидскую княжну въ даръ Волгѣ, надѣлившей его, словно отецъ и мать, серебромъ и золотомъ, славою и честію. Въ шайкахъ Разина народъ видѣлъ не простыхъ воровъ и разбойниковъ, хотя иногда и называлъ ихъ воровскими казаками, а удалыхъ добрыхъ молодцовъ, какъ они сами на себя смотрѣли: «мы не воры, не разбойники—мы удалые добрые молодцы». Удалой добрый молодецъ означалъ героя, постоянно возбуждавшаго народное удивленіе и потому имѣвшаго всѣ права стать предметомъ эпическихъ разсказовъ. Пѣсни славятъ не только молодецкую отвагу казаковъ, но и самый наружный видъ ихъ:

На нихъ шапочки собольи, верхи бархатные,
На нихъ бѣленьки чулочки, сафьянны сапожки,
На нихъ штаники кумачны, во три строчки строчены,
На нихъ тонкія рубашки съ золотымъ галуномъ.

Всѣ событія въ жизни удалаго молодца, отъ перваго заявленія его удальства до самой смерти, находятъ сочувственное изображеніе въ наивной фантазіи. По разсказу одной пѣсни, Стенька былъ отправленъ гонцомъ къ турецкому султану и въ Азовѣ попался въ плѣнъ: султанъ далъ ему и его сообщникамъ свободу; но вмѣсто того, чтобы явиться въ Москву, Стенька загулялся по Волгѣ-матушкѣ. Въ другой пѣснѣ поется, что онъ въ казачій кругъ не хаживалъ, съ казаками думы не думывалъ, а ходилъ во царевъ кабакъ и думалъ крѣпкую думушку съ голытьбою (голутвенными, простыми казаками), вызывая ее на удалые подвиги:

Судари мои, братцы, голь кабацкая!
Поѣдемъ мы, братцы, на сине-море гулять;
Разобьемъ, братцы, бусурмански корабли;
Возьмемъ мы казны сколько надобно!

Бой Стеньки Разина съ Персіянами, когда взяты были въ плѣнъ ханскій сынъ и красавица сестра его, изображены въ особой пѣснѣ. Здѣсь-то является есауломъ Илья Муромецъ: на немъ «кафтанъ рудожелтый цвѣтомъ, на кафтанѣ пуговки злаченыя, а на каждой пуговкѣ по лютому льву». Онъ и Стенька плыли по синему морю Хвалынскому на Соколѣ-кораблѣ, похожемъ на корабль Соловья-Будиміровича: бока его были сведены по туриному, носъ да корма по змѣиному:

И напали на Соколъ-корабль разбойники:
Ужъ какъ злые-то Татары съ Персіянами.
И хотятъ они Соколъ-корабль разбить, разгромить,
Илью Муромца хотятъ въ полонъ полонить.
Илья Муромецъ по кораблю похаживаетъ,
Своей тросточкой по пуговицамъ поваживаетъ;
Его пуговки златыя разгорѣлись,
Его лютые львы разревѣлись;
Ужъ какъ злые-то Татары испугалися,
Во сине-море Татары побросалися.

Самому Разину приписывается сложеніе пѣсни, когда онъ сидѣлъ въ темницѣ. Онъ завѣщаетъ товарищамъ схоронить его тѣло между трехъ дорогъ: «межъ московской, астраханской, славной кіевской»:

Въ головахъ моихъ поставьте животворный крестъ,
Во ногахъ мнѣ положите саблю вострую.
Кто пройдетъ или проѣдетъ—остановится,
Моему ли животворному кресту помолится,
Моей сабли вострой испужается:
Что лежитъ тутъ воръ удалый добрый молодецъ,
Стенька Разинъ, Тимоѳеевъ по прозванію!

Къ нему или къ брату его, осужденному, по свидѣтельству современныхъ иностранцевъ, на вѣчное тюремное заключеніе, относится пѣсня, которая уподобляетъ добраго молодца ясному соколу. Сравненіе, выражаемое отъ лица узника, развито вполнѣ и дѣлитъ пѣсню на двѣ части. Какъ соколу бывало времячко, когда онъ гулялъ по поднебесью, избивая гусей-лебедей и мелку пташечку, а за тѣмъ ему «время нѣтъ: сидитъ онъ, пойманный,

.... во золотой во клѣточкѣ,
Во клѣточкѣ на жестяной на шесточкѣ;
У сокола ножки спутаны,
На ноженькахъ путочки шелковыя,
Занавѣсочки на глазынькахъ жемчужныя»,

такъ и доброму молодцу за разгульемъ наступило безвременье: сидитъ онъ «во поиманѣ, въ земляной тюрьмѣ»:

У добра молодца ноженьки скованы,
На ноженькахъ оковушки нѣмецкія,
На рученькахъ у молодца замки затюремные,
А на шеюшкѣ у молодца рогатки желѣзныя.

Заунывная пѣсня, начинающаяся обращеніемъ къ туманамъ, соотвѣтствуетъ положенію мятежныхъ шаекъ, оставшихся безъ атамана и преслѣдуемыхъ ратными людьми:

Ахъ туманы вы, мои туманушки,
Вы туманы мои непроглядные,
Какъ печаль-тоска ненавистные!
Не подняться вамъ, туманушки, со синя моря долой,
Не отстать тебѣ, кручинушка, отъ ретива сердца прочь!

За тѣмъ слѣдуютъ воззванія къ тучѣ грозной и солнышку красному, съ просьбой обогрѣть молодцовъ, бѣглыхъ людей:

Мы не воры, не разбойнички,
Стеньки Разина мы работнички,
Есауловы все помочнички.
Мы весломъ махнемъ—корабль возьмемъ,
Кистенемъ махнемъ—караванъ собьемъ,
Мы рукой махнемъ—дѣвицу возьмемъ.

Казнь мятежника отозвалась и въ природѣ и въ казачествѣ:

Помутился славный тихій Донъ
Отъ Черкаска до Черна Яра!
Помѣшался весь казацкій кругъ!
Атамана болѣ нѣтъ у насъ,
Нѣтъ Степана Тимоѳеевича,
По прозванью Стеньки Разина!
Поймали добра молодца,
Завязали руки бѣлыя,
Повезли во каменну Москву,
И на славной Красной площади
Отрубили буйну голову.

Въ разрядѣ сословныхъ пѣсенъ стоитъ также пѣсня «о весновой службѣ». Она выражаетъ чувство радости при наступленіи весны, производимое не столько красотами природы, сколько удобствами вешней службы сравнительно съ зимнею: весновая служба—«веселье молодцамъ и утѣха сердцу», тогда какъ зимовая—«молодцамъ кручина и сердцу надсадна».

Пѣсня «о набѣгѣ крымскихъ Татаръ», не раздѣленная на стихи, записана въ XVII в., но, вѣроятно, сложена ранѣе. Начинается она обычнымъ мотивомъ, который встрѣчается и въ Словѣ о полку Игоревомъ, и въ малорусскихъ думахъ татарско-турецкаго цикла (§ 151): «не сильная туча затучилася, не сильные громы грянули—ѣдетъ собака крымскій царь». Ѣдетъ онъ къ каменной Москвѣ. Достигнувъ Оки и разставивъ шатры, Татары дѣлятъ русскіе города, какъ въ пѣснѣ: «Щелканъ Дудентьевичъ» (§ 90). Но въ это время раздался съ небесъ Господенъ гласъ: «ино еси собака, крымскій царь. То ли тобѣ царство не свѣдомо? А еще есть на Москвѣ семьдесятъ апостоловъ, опришенно трехъ святителей; еще есть на Москвѣ православный царь». Тогда побѣжалъ крымскій царь «не путемъ, не дорогою, не по знамени, не по черному».

Сборники пѣсенъ: Кирши Данилова, Сахарова (Сказ. рус. народа, I), Якушкина (Отеч. Зап. 1860, № 4), Рыбникова (ч. 1-ая: народныя былины, старины и побывальщины, 1861). Шесть пѣсенъ: Въѣздъ Филарета въ Москву, Смерть Скопина-Шуйскаго, двѣ о Ксеніи Борисовнѣ, Весновая служба и Набѣгъ крымскихъ Татаръ, записаны оксфордскимъ баккалавромъ Ричардомъ Джемсомъ, который въ качествѣ священника при посольствѣ находился въ Россіи въ 1619—20 г.г. Онѣ нап. въ I т. Изв. Акад. Н. по 2 отд., 1852 г. Разборъ ихъ въ 1 т. Очерковъ Буслаева (Рус. поэзія XVII в.). Первыя четыре были современными произведеніями народной поэзіи: онѣ воспѣваютъ событія первыхъ двухъ десятилѣтій XVII в. Варіантъ пѣсни объ осадѣ Соловецкаго монастыря въ 6 кн. Лѣт. Тихонравова (1859—60). О пѣсняхъ великорусскихъ казаковъ см. Костомарова: «Бунтъ Стеньки Разина» (Отеч. Зап. 1858, №№ 11 и 12) и Пыпина: «Народ. стихи и пѣсни» (ib., № 1).

§ 164. Между «разрозненными членами народнаго эпоса» занимаетъ мѣсто, какъ было сказано (§ 15), заговоръ или наговоръ—произнесеніе извѣстныхъ словъ, одаренныхъ будто бы чарующею силою творить зло или благо. Онъ является въ двухъ видахъ: или отдѣльнымъ сказаніемъ, или вставочною частію цѣлаго эпическаго произведенія. Примѣромъ втораго вида можетъ служить плачъ Ярославны (§ 68), который есть не что иное, какъ рядъ заклятій, обращенныхъ къ оружію, вѣтру, солнцу и рѣкѣ, и устроившихъ благополучный возвратъ Игоря на родину. Иногда вполнѣ развитый заговоръ сокращается въ мелкую клятву, которая относится къ нему точно такъ же, какъ отдѣльная загадка къ цѣлой повѣсти, имѣющей предметомъ состязаніе о мудрости посредствомъ загадокъ.

Происхожденіе заговоровъ до-историческое: они возникли на почвѣ язычества, но большею частію къ первобытной основѣ своей примѣшали потомъ нѣкоторыя христіанскія понятія и образы, почему и носятъ характеръ двоевѣрія, подобно другимъ явленіямъ устной словесности, пережившимъ многіе періоды народнаго существованія. Мы уже видѣли, что Слово о полку Игоревомъ—памятникъ историческаго эпоса XII в.—содержитъ въ себѣ, подъ формою плача, заклинательныя рѣчи. Въ спискѣ отреченныхъ книгъ показаны лживыя молитвы о трясавицахъ (лихорадкахъ) и нежитяхъ, составленныя болгарскимъ попомъ Еремією. Чѣмъ древнѣе заговоры, тѣмъ въ нихъ больше эпическаго склада; иногда они привязываютъ чародѣйственныя формулы къ разсказу о какомъ-либо событіи. Такимъ складомъ отличается заговоръ волка-оборотня (волкодлака, отъ *длака* — мохнатая шерсть), который произноситъ его отъ своего лица. Заклинанію предшествуютъ обстоятельства времени и мѣста: «на морѣ на окіянѣ, на островѣ на Буянѣ, на полой полянѣ, свѣтитъ мѣсяцъ на осиновъ пень, въ зеленъ лѣсъ, въ широкій долъ; около поляны ходитъ волкъ мохнатый, на зубахъ у него весь скотъ рогатый; а въ лѣсъ волкъ не заходитъ, а въ долъ волкъ не забродитъ». Затѣмъ слѣдуетъ самое заклятіе: оборотень проситъ мѣсяцъ, чтобы никто не дралъ съ волка теплой шкуры. «Осиновый пень» упомянутъ потому, что, по миѳическому преданію, имъ притыкаютъ оборотня въ могилѣ, который тогда теряетъ уже способность принимать на себя образъ другихъ существъ, а слова: «на зубахъ у него скотъ рогатый», объясняются народнымъ стихомъ о Егоріи Храбромъ (§ 161). Заговоръ «о нежитяхъ» весьма любопытенъ по драматической формѣ, равно какъ по рѣзкому сочетанію баснословныхъ суевѣрій съ христіанскими образами. «Нежить» или «нежитъ»—миѳическое существо, подобное Моранѣ (смерти), при изгнаніи которой также совершались заклятія. Онъ представленъ страшною напастію, въ-конецъ разрушающею человѣка, который можетъ быть спасенъ отъ погибели только высшею благою силою: нежить расщепляетъ голову, исторгаетъ мозгъ, преломляетъ челюсти, лишаетъ зубовъ, кривитъ уста, оглушаетъ и ослѣпляетъ, мертвитъ жилы, разслабляетъ всѣ члены, совершенно измождаетъ тѣло. Высшая сила—въ одномъ заговорѣ самъ Іисусъ Христосъ, въ другомъ архангелы Михаилъ и Гавріилъ—отсылаютъ нежитя въ пустыню, повелѣвая ему вселиться въ оленя или въ камень, который все можетъ переносить по своей крѣпкой натурѣ и способенъ держать въ себѣ такое страшное существо, каковъ нежить. Еще сильнѣе выступаетъ эпическое достоинство въ заговорѣ или молитвѣ на лихорадки (трясавицы). Онѣ воплощены въ образы двѣнадцати дочерей царя Ирода, которыхъ имена соотвѣтствуютъ различнымъ видамъ болѣзни, или моментамъ ея теченія:

Трясея, Огнея, Ледея, Гнетея, Грынуша, Глухея, Ломея, Пухнея, Желтѣя, Коркуша, Глядѣя, Невѣя. Послѣдняя всѣхъ проклятѣе: человѣкъ, ею схваченный, не остается въ живыхъ. Страшнымъ сестрамъ предоставлено мучить тѣхъ, кто Богу не молится, праздниковъ не почитаетъ, пьетъ и ѣстъ рано и предается пьянству. Окаянныя дщери Ирода прогоняются за три дня за три поприща, въ мѣста пустыя и безводныя, призваніемъ св. Сисинія, двухъ ангеловъ: Сихайлы и Аноса, и четырехъ евангелистовъ.

Въ заговорахъ позднѣйшихъ исчезаетъ стародавняя основа, идущая отъ эпохи язычества: колдунъ или знахарь произноситъ заклятія безъ всякой мысли о ихъ первоначальномъ, миѳическомъ значеніи. Не только на цѣломъ составѣ, но и на отдѣльныхъ словахъ видимо дѣйствіе времени, болѣе и болѣе отступавшаго отъ коренныхъ источниковъ чудеснаго. Современный заговоръ на лихорадки, существующій и теперь въ южной Сибири, переложилъ собственныя, поэтически опредѣленныя имена Иродовыхъ дочерей на другія, малозначительныя и прозаическія, а для одной изъ нихъ даже не прибралъ названія: первая невѣя, вторая синя, третья легкая, четвертая трясуница, пятая желтуница, шестая мученица, седьмая огненная, осьмая аки ледъ, девятая временная, десятая безъименная, одиннадцатая вешняя, двѣнадцатая листопадная (отъ осенняго мѣсяца Листопада).

Старинные лечебники, на ряду съ рецептами, производившими понятное дѣйствіе, по свойству травъ и другихъ ингредіентовъ, помѣщали причитанья, которыя имѣли будто сверхъестественную силу. Таковы заговоры отъ оружія, отъ раны и порѣза, отъ теченія крови изъ носу, отъ опасныхъ столкновеній въ обществѣ. Кто отправлялся на судъ, или къ знатнымъ и сильнымъ людямъ, или на поле биться, тотъ также долженъ былъ обезопасить себя особымъ заклятіемъ. Существуютъ еще заклинанія любовныя, весьма характеристичныя.

Отъ XVII в. сохранились заговоры для приворота мужа къ женѣ, для сбыта залежавшагося товара, также отъ разныхъ болѣзней. Торговые люди говорили на медъ, которымъ должны были умываться: «какъ пчелы ярыя роятся да слетаются, такъ бы къ намъ для товаровъ купцы сходились». Жена произносила слѣдующія слова на зеркало: «какъ смотрятся въ зеркало да не насмотрятся, такъ бы мужъ на жену не насмотрѣлся», или на мыло: «сколь скоро мыло съ лица смоется, столь бы скоро мужъ жену полюбилъ», или на соль: «какъ хлѣбъ да соль люди любятъ, такъ бы мужъ жену любилъ». Мыломъ умывались жены, а соль давали мужьямъ въ пищѣ.

О сродствѣ одного русскаго заклятія съ нѣмецкимъ, Буслаева, въ 1 т. Очерковъ. См. въ той же книгѣ: I, стр. 35—36, 115—117, 482—483; II, стр. 44—49. Заговоры: оборотня въ 1 т. Сказ.. Сахарова; отъ колдуновъ и колдуній, во 2-ой кн. Архива историко-юрид. свѣдѣній, Калачова; на оружіе, въ 4 кн. Лѣтописей, Тихонравова; любовное заклинаніе, ib., кн. 6.

§ 165. Съ увеличеніемъ массы читателей, чтеніе не могло уже держаться исключительно въ кругѣ духовной письменности, предлагавшей догматическое или нравственное ученіе церкви. Кромѣ серьезнаго занятія книгой, нужно было чтеніе легкое и пріятное, которое служитъ человѣку развлеченіемъ въ его досужное время. Эта потребность нашла себѣ удовлетвореніе въ произведеніяхъ свѣтской повѣствовательной литературы. Если проповѣдь южно-русскаго стиля занимала слушателей обстановкой своихъ предметовъ — историческими разсказами, астро-

логическими свѣдѣніями, даже басенными прилогами; то еще большую занимательность представляли тѣже данныя въ полнотѣ ихъ отдѣльнаго изложенія. Въ повѣстяхъ и другихъ подобныхъ имъ сочиненіяхъ грамотный находилъ желанное разнообразіе интересовъ: онѣ сообщали уму нѣкоторыя идеи и отрывочныя понятія о наукахъ, успокоивали нравственное чувство поучительными выводами и тѣшили воображеніе замысловатыми похожденіями героевъ. Хотя церковное направленіе и брало себѣ извѣстную долю въ свѣтскомъ отдѣлѣ словесности, но оно являлось уже безъ догматизма и отвлеченностей, а нравственныя его воззрѣнія теряли свою строгую взыскательность.

Къ свѣтскимъ повѣстямъ и разсказамъ XVII в. относятся произведенія средневѣковой словесности, распространенныя на западѣ Европы въ теченіе трехъ столѣтій (XVI, XVII и XVIII) посредствомъ печатныхъ изданій. Сначала они были общимъ достояніемъ грамотныхъ людей, безъ различія сословій и званій, а потомъ, съ успѣхами просвѣщенія, отдѣлившаго низшіе классы отъ высшихъ, перешли въ исключительную собственность простонародья, почему и получили названіе «народныхъ книгъ» (Volksbücher, Livres populaires). Для своего времени, народныя книги имѣли такое же значеніе, какое для насъ имѣетъ «беллетристика», равно какъ отдѣлъ духовной литературы, учительной и назидательной, соотвѣтствовалъ тому, что теперь означается словами «серьезное чтеніе», которое служитъ продолженіемъ и восполненіемъ школьнаго образованія.

Произведенія свѣтской литературы переходили къ намъ или въ южно-славянскихъ (болгарскихъ и сербскихъ) переводахъ съ греческаго, или, съ XVI в., чрезъ посредство Польши. Наибольшее ихъ распространеніе относится къ XVII в., хотя они стали являться гораздо раньше—въ первую эпоху нашей письменности. Нѣкоторыя изъ нихъ занесены въ древнѣйшіе памятники (XI—XIV), вполнѣ или въ отрывкахъ. Наклонность нашихъ предковъ къ свѣтскимъ исторіямъ и повѣстямъ доказывается значительнымъ количествомъ ихъ списковъ и разнообразіемъ редакцій. Иногда одна и таже повѣсть, составленная по византійскому подлиннику, являлась въ новомъ переводѣ съ польскаго. Иныя рукописи украшались миніатюрами, которыя потомъ переходили въ лубочныя изданія, т. е. въ картинки съ объяснительнымъ текстомъ внизу.

Трудно подвести всю массу народныхъ книгъ подъ извѣстные, строго размежеванные отдѣлы. Да и нѣтъ въ томъ особенной надобности: достаточно намѣтить главнѣйшія грани, которыя не даютъ однимъ видамъ повѣстей и подобныхъ имъ сочиненій сливаться съ другими. Большая часть ихъ, служа предметомъ легкаго чтенія, имѣетъ въ виду и правоученіе: разсказы направлены къ назидательнымъ выводамъ, какъ-бы примиряющимъ свѣтское направленіе литературы съ кругомъ собственно-церковнаго слова. По этой причинѣ повѣствовательно-нравоучительныя произведенія должны быть указаны прежде другихъ.

Наиболѣе распространенною у насъ народною книгою была «Александрія», или повѣсть о жизни и подвигахъ Александра Великаго—греческое сочиненіе, которое неправильно приписывали философу Каллисѳену († 328 до Р. Х.), ученику Аристотеля. Знаменитая личность героя, «храбрость его сердца и прелесть разума», его походы и битвы производили сильное впечатлѣніе на читателей въ эпоху среднихъ вѣковъ, при общемъ порывѣ умовъ къ чудесному. Особенный интересъ возбуждали разсказы о «дивовищахъ», т. е. о дивныхъ людяхъ и животныхъ, которыхъ македонскій завоеватель встрѣчалъ въ своихъ дальнихъ стран-

ствіяхъ. Александрія описываетъ: кентавровъ, или исполиновъ; людей въ локоть (пигмеевъ); женъ косматыхъ, въ три сажени ростомъ: съ космами, какъ у свиней, съ глазами какъ звѣзды; птицъ человѣкообразныхъ; людей псоголовыхъ; дѣву Горгону, у которой лице, перси и руки человѣческія, ноги и хвостъ конскіе, а на головѣ вмѣсто волосъ змѣи; полчища царей Гога и Магога, заключенныя Александромъ въ горахъ, гдѣ они безвыходно останутся до страшнаго суда; Рахмановъ (браминовъ), ведущихъ первобытную жизнь подъ самымъ востокомъ солнца, близь рая, въ лѣсныхъ чащахъ. Переходя изъ однѣхъ странъ въ другія, псевдо-Каллисѳенова повѣсть подвергалась перемѣнамъ, потому что каждый народъ придавалъ ей особый характеръ. Византійская ея редакція отличается христіанской обстановкой: Александръ—чтитель святыни и врагъ язычниковъ; онъ приноситъ молитвы Саваоѳу, именуется блаженнымъ мужемъ; наставникъ браминовъ является игуменомъ, проповѣдующимъ правила отшельнической жизни; слово Византія объяснено именемъ царя Виза, за котораго будто бы вышла мать Александра, Олимпіада, по смерти своего мужа. Въ болгарской или русской передѣлкѣ повѣсти, Александръ называется сыномъ Перуна великаго, а не Юпитера Аммона; вмѣсто Скиѳовъ вышли Куманы, съ царемъ Тохтамышемъ. Преданіе о народахъ, загнанныхъ Александромъ въ горы, Несторова лѣтопись примѣняетъ къ Половцамъ; другіе лѣтописцы видятъ въ нихъ Татаръ. Разсказъ о Рахманахъ, упоминаемый Посланіемъ Василія о раѣ (§ 85), стоитъ въ спискѣ отреченныхъ книгъ, равно какъ и басня о царяхъ Гогѣ и Магогѣ. Значитъ, Александрія давно была извѣстна нашимъ предкамъ. Она встрѣчается въ хронографахъ и другихъ сборникахъ, и существуетъ въ отдѣльныхъ рукописяхъ двоякаго рода: полныхъ и сокращенныхъ; послѣднія содержатъ въ себѣ выборъ изъ хожденія Александра. Списки Александріи украшались миніатюрами, которыя потомъ переходили въ лубочныя картинки, представлявшія людей «дивіихъ, заклепанныхъ» Александромъ въ горахъ, или славное его побоище съ царемъ индійскимъ Пиромъ (Поромъ). Повѣсть имѣла въ виду не одно удовольствіе читателей: она должна была возбуждать въ нихъ героическія чувства примѣрами Александровой доблести, почему и назначалась въ «наказаніе храбрымъ нынѣшняго времени».

Другое событіе древняго міра, война троянская, обращала на себя меньшее вниманіе нашихъ предковъ, чѣмъ подвиги Александра. Мы не имѣли національныхъ побужденій заниматься судьбою троянскихъ героевъ, подобно западнымъ народамъ, которые вели отъ нихъ начало своихъ государствъ и гордились такимъ знаменитымъ происхожденіемъ. Древняя Русь знала «Омира» только по имени; содержаніе его поэмы доходило до нея въ византійскихъ разсказахъ. Средніе вѣка, не понимая художественныхъ красотъ Иліады, предпочитали ей позднѣйшія сочиненія о троянской войнѣ, приписанныя Дарету и Диксису. Первый изъ нихъ, Фригіецъ родомъ и жрецъ Нептуна, жившій во время самого событія, написалъ исторію о разрушеніи Трои, которая называлась также малою, или фригійскою Иліадою; о второмъ разсказываютъ, что онъ родился на островѣ Критѣ, былъ спутникомъ Идоменея въ его походѣ подъ Трою и, по возвращеніи, тоже изложилъ видѣнныя имъ событія. На этихъ сочиненіяхъ построена троянская исторія Гвидона де Колумны, или Колонны, уроженца мессинскаго (XIII в.). Эта Гвидонова повѣсть «о царствѣ троянскомъ и конечномъ разореніи его» явилась въ русскомъ переводѣ, вѣроятно, не ранѣе XVII в.

Въ томъ самомъ сборникѣ XIV в., гдѣ находилось Слово о полку Игоревѣ, помѣщены были также Девгеніево дѣяніе и Сказаніе о богатой Индіи. «Дѣяніе и житіе Девгеніево Акрита» есть образецъ византійско-палестинскаго героическаго эпоса, порожденнаго крестовыми походами и приключеніями западныхъ рыцарей. Въ подвигахъ главнаго лица, оно представляетъ борьбу христіанъ съ Сарацынами. Дѣйствіе происходитъ въ греческой землѣ. Трое сыновей одной набожной вдовы царскаго рода побѣждаютъ аравитскаго царя Амира, который похитилъ сестру ихъ. Амиръ, принявъ христіанскую вѣру, женится на похищенной дѣвушкѣ. Отъ этого брака родился Акритъ, названный въ крещеніи прекраснымъ Девгеніемъ. Онъ превзошелъ своихъ дядей богатырствомъ: поразилъ четырeглаваго змѣя и одержалъ побѣды надъ царями Филипатомъ и Стратигомъ. Дочь послѣдняго, Стратиговна, соединявшая съ дѣвичьей красотой мужескую храбрость, стала потомъ женою Девгенія.—«Сказаніе объ Индіи богатой» описываетъ чудеса этой страны, управляемой пресвитеромъ Іоанномъ, о загадочной личности котораго ходили разныя извѣстія. Въ посланіи къ греческому царю Мануилу (по другому списку— въ личномъ разсказѣ Мануиловымъ посламъ), Іоаннъ говоритъ сначала о себѣ самомъ, что онъ до обѣда священникъ, а послѣ обѣда царь надъ тремя тысячами королей; что его владѣнія оканчиваются тамъ, гдѣ небо съ землею «соткнулося». Потомъ онъ перечисляетъ чудеса индѣйской земли, которыхъ не описать на бумагѣ, купленной цѣною всего греческаго царства: въ Индіи живутъ разные дивные люди—нѣмые, рогатые (сатиры?), шестирукіе, великаны, десяти сажень ростомъ, получеловѣки и полупсы, съ очами и ртами въ волосахъ; изъ животныхъ есть китоврасы, саламандры, скачущіе въ огнѣ, но не сгарающіе, птица фениксъ, птицы, протирающія своими когтями всякое желѣзо. Индѣйцы не лгутъ, потому что отъ каждой лжи блѣднѣютъ какъ мертвецы. Земля такъ обильна, что нѣтъ тамъ ни татя, ни разбойника, ни завистливаго человѣка. Всѣ улицы вымощены драгоцѣнными камнями. Еслибы, говоритъ посланіе, Мануилъ учинился слугою пресвитера Іоанна—онъ семью седмицами сталъ бы выше своего царскаго величія.

Если загробное существованіе человѣка воспѣвалось народными стихами, то понятіе о бренности земной его жизни также было олицетворяемо поэтическими образами. На западѣ, «пляска мертвыхъ» изображала цѣлымъ рядомъ фигуръ торжество смерти надъ людьми всѣхъ состояній и возрастовъ. Въ нашей литературѣ тотъ же сюжетъ представленъ «Повѣстью о бодрости человѣческой, или о преніи живота съ смертью». Въ чистомъ полѣ удалецъ-богатырь повстрѣчалъ смерть, въ образѣ страшнаго существа, вооруженнаго разными орудіями истребленія и увѣшеннаго отрубленными головами, руками и ногами. Они начали споръ о своей силѣ. Воинъ хвалился, что онъ одинъ побивалъ многіе полки. Таинственный противникъ его перечисляетъ свои жертвы, начиная съ Адама: въ числѣ ихъ стоятъ Самсонъ, Александръ Македонскій, Давидъ, Соломонъ и Акиръ Премудрый. Если бы, говоритъ онъ, утверждено было въ землѣ кольцо, я повернулъ бы весь міръ. Узнавъ, что видитъ передъ собою смерть, воинъ молитъ ее о пощадѣ, но напрасно: «смерть непосульна и немилостива, въ чемъ застанетъ человѣка, въ томъ и судитъ». Она не дала ему даже времени на покаяніе и отлучила душу отъ тѣла. Произведеніе имѣетъ цѣлію показать владычество смерти надъ жизнію, какъ бы послѣдняя ни была велика и сильна. Византійское

вліяніе сказалось въ характеристикѣ смерти и дидактическомъ заключеніи, взятыхъ изъ разсказа о мытарствахъ (стр. 258). Съ Повѣстью стоитъ въ тѣсной связи «Стихъ объ Аникѣ воинѣ». Въ одномъ его варіантѣ, Аника много христіанскія вѣры «облатынилъ», много «ликъ Божіихъ поругалъ», много святыхъ «иконъ переколол[ъ]» и добирается до «начальнаго града Іерусалима» — хочетъ разорить его. На пути «объявилось» ему чудовище съ головою человѣческою, туловищемъ звѣринымъ и ногами лошадиными. То была смерть. Она сокрушаетъ славнаго воина, не внимая его мольбамъ о пощадѣ. Богатырь и чудовище замѣнены были потомъ, въ другихъ рукописяхъ, отвлеченными понятіями Живота и Смерти, отъ чего сказаніе приняло характеръ духовныхъ произведеній. Наконецъ тотъ же предметъ сдѣлался достояніемъ виршей, которыя дали полное господство дидактическому началу и такимъ образомъ обратили повѣсть въ размышленіе или плачъ.

Римскія Дѣянія (Gesta Romanorum) есть латинскій сборникъ духовныхъ и свѣтскихъ повѣстей, составленный въ XIII в. изъ разныхъ источниковъ, восточныхъ и европейскихъ, почему объемъ его не вполнѣ выражается названіемъ. По интересу и разнообразію содержанія, равно какъ по нравственнымъ толкованіямъ, онъ занялъ важное мѣсто въ литературѣ среднихъ вѣковъ, удовлетворяя и благочестивымъ, и любознательнымъ потребностямъ читателей. Проповѣдники пользовались имъ для своихъ поученій; новеллисты въ повѣстяхъ и разсказахъ. Часть этого сборника переведена на русскій языкъ съ польскаго: «Дѣи Римскія или повѣсти изъ Римскихъ дѣяній». Нашъ переводъ сохранилъ морализацію разсказовъ, которые приводятся въ помощь правиламъ жизни, какъ это видно изъ самыхъ заглавій: «прикладъ (applicatio), что правда избавляетъ отъ смерти»; «прикладъ, чтобы бракъ соблюдали»; «прикладъ, чтобы неблагодарство не творили», и проч. Значительное число списковъ сборника показываетъ, какъ онъ пришелся по вкусу читателямъ. На одномъ спискѣ сохранилась даже замѣтка читательницы, что эта книга — «отрада въ скукѣ». Нѣкоторыя повѣсти Римскихъ Дѣяній были извѣстны въ нашей литературѣ прежде появленія самого сборника; другія встрѣчаются отдѣльными рукописями. Къ числу послѣднихъ принадлежитъ «Повѣсть объ Аполлонѣ Тирскомъ». Въ ней разсказаны приключенія Аполлонія, который былъ влюбленъ въ Тарсу, дочь царя Антіоха Сирійскаго, но потомъ женился на дочери другаго царя, потерялъ жену и дочь, долго странствовалъ, отыскивая ихъ, наконецъ нашелъ ту и другую, и остатокъ дней своихъ провелъ благополучно. Прототипъ повѣсти греческій. Усвоивая его, разныя литературы сообщали ему особенныя черты. На западѣ, онъ подвергся вліянію народныхъ преданій, получилъ форму пѣсни и далъ содержаніе двумъ драмамъ, изъ которыхъ одна (Периклъ) приписывается Шекспиру. Русская редакція отбросила нѣкоторыя подробности, которыя могли оскорблять нравственное чувство переводчика. Но и въ этомъ, нѣсколько измѣненномъ видѣ, повѣсть нравилась читателямъ, которые любили слѣдить за героемъ въ его опасныхъ похожденіяхъ. Это доказывается нѣсколькими ея переводами, съ польскаго и чешскаго, и многими ея списками. О другомъ сборникѣ повѣстей: «Великое Зерцало» — говорено было прежде (§ 145). Онъ отличается своимъ, по преимуществу легендарнымъ содержаніемъ, тогда какъ Римскія Дѣянія, на ряду съ духовными разсказами, представляютъ и разсказы свѣтскіе, заимствованные изъ народныхъ преданій.

«Исторія о семи мудрецахъ» ведетъ свое начало отъ притчей индійскаго философа Сендабаба (III–IV в. по Р. Х.). Первичный ея источникъ имѣлъ много переводовъ и подражаній. Арабское подражаніе вошло въ сборникъ: «Тысяча и одна ночь»; турецкое называется «Исторіею сорока визирей». Въ Европѣ исторія стала извѣстна по еврейскому и греческому переводамъ, а къ намъ перешла изъ Польши. Она состоитъ изъ повѣстей или притчъ, связанныхъ между собою единымъ сюжетомъ. Мудрецы, воспитавшіе царевича, защищаютъ его передъ отцемъ отъ навѣтовъ мачихи, которая хочетъ доставить престолъ своимъ дѣтямъ. Они ведутъ защиту притчами, которыя измѣняютъ рѣшеніе царя, принятое имъ на основаніи совѣтовъ второй его жены. Мачиха въ свою очередь отвѣчаетъ притчами на притчи, разсказанныя мудрецомъ. Такимъ образомъ, по обычаю восточныхъ разсказовъ, одна притча вызываетъ другую, другая третью, и т. д., и царь поочередно переходитъ то на сторону сына, то на сторону мачихи. Всѣхъ повѣстей пятнадцать: семь царицы, семь мудрецовъ и одна самого царевича.

Повѣствовательно-нравоучительная литература выбирала иногда своимъ предметомъ то самое, о чемъ разсуждало церковное слово. Если проповѣдникъ изрекалъ осужденіе господствовавшимъ грѣхамъ, то и слагатель повѣсти выставлялъ ихъ злыя послѣдствія, не только для потѣхи читателей, но и какъ полезный имъ урокъ. Изъ народныхъ грѣховъ на первомъ планѣ стояло пьянство, и мы знаемъ, что поученія противъ пьянства, современныя почти зарожденію этого отдѣла духовнаго краснорѣчія, проходятъ черезъ всю исторію нашей письменности, начиная съ Өеодосія Печерскаго (§ 55). Въ XVII в. обличеніе всѣмъ извѣстнаго порока приняло форму сатирическаго разсказа. Въ «Повѣсти о высокоумномъ Хмѣлю», олицетворена пагубная наклонность къ вину. Герой ея (Хмѣль), пойманный протрезвившимся на время пьяницею и скованный по рукамъ и ногамъ, повѣдаетъ ему о своемъ происхожденіи, власти надъ людьми всякаго чина и средствахъ отъ нея избавиться. На этой повѣсти основано «Слово о піянствѣ», излагающее въ грубыхъ виршахъ похвальбу высокоумнаго, буйственкаго Хмѣля тѣмъ вредомъ, который наноситъ онъ властелинамъ, духовнымъ особамъ, поселянамъ, мужьямъ и женамъ. Въ заключеніи Слово совѣтуетъ лучше пить «трезвенный квасъ или живобыструю воду, не мутящую, ниже колеблющую ума». Въ зависимости отъ Повѣсти и Слова стоитъ разсказъ «о происхожденіи винокуренія». Здѣсь родоначальникомъ хмѣльнаго житія является особый, «пьяный бѣсъ». Желая обогатить нѣкотораго человѣка, онъ добылъ ему зелья съ аравитскихъ горъ и научилъ его курить вино. «И оттуда», говоритъ разсказъ, «разнеслось то хитрое зелье, нынѣшнее вино, рекомая горѣлка, по всѣмъ странамъ и городамъ—въ Царьградъ, и въ Литву, и въ Нѣмцы, и къ намъ въ святорусскую землю». Но съ другой стороны грамотному народу было понятно различіе между законнымъ употребленіемъ вещи и ея злоупотребленіемъ. Онъ читалъ въ книгахъ и слышалъ отъ учителей, что если постыдно пьянство, то безукоризненно вино, которое веселитъ сердце человѣка; что веселіе въ мѣру, не препятствуя душевному спасенію, должно быть оправдано самымъ строгимъ судомъ. Отсюда образовался снисходительный взглядъ на бражничество, выраженный въ «Повѣсти о бражникѣ», который хотя и любилъ пировать, но, пируя, славилъ Бога, не отрекался Христа, былъ цѣломудренъ и не чинилъ вреда ближнему. Когда онъ умеръ, небесный судъ отворилъ ему врата рая.

Нравоучительнымъ цѣлямъ чтенія служили также сборники басенъ Бидпая,

Езопа и Локмана. Басни Бидпая, представляющія древне-индійскій животный эпосъ, носятъ въ персидской ихъ редакціи заглавіе «Калилы и Димны» (неразумный и лукавый), по имени двухъ главныхъ лицъ. Греческій переводчикъ назвалъ ихъ «Стефанитомъ и Ихнилатомъ» (увѣнчаннымъ и слѣдящимъ). Мудрецъ разсказываетъ исторію льва, друга его быка и двухъ придворныхъ шакаловъ, изъ которыхъ одинъ, лукавый, своими навѣтами умѣлъ возбудить царя звѣрей противъ его друга. Быкъ становится жертвою царскаго гнѣва, но и самъ клеветникъ получаетъ справедливое наказаніе, когда обнаружилась его клевета. Характеръ апологовъ дидактическій, свойственный восточной баснѣ вообще. Главное въ нихъ дѣло—нравоученіе, которому подчиняется эпическое начало. Разсказы служатъ только доказательствомъ или объясненіемъ истинъ. Не только самъ мудрецъ, но и животныя, ведущія между собою разговоръ, пускаются въ умозрѣнія и нравственные выводы. Преобладаніе дидактизма видно изъ самого заглавія басенъ въ нашихъ рукописяхъ: бесѣды о звѣряхъ (Ихнилатѣ и Стефанитѣ) имѣютъ цѣлію остерегать читателя «отъ лукавыхъ и льстисловесныхъ людей, дабы не впасть въ ихъ сѣти».

Басни Езопа были переводимы нѣсколько разъ и съ греческаго, и съ польскаго. Одинъ переводъ ихъ (1608), вмѣстѣ съ біографіей Езопа, написанной греческимъ монахомъ Максимомъ Планудомъ (XIV в.), сдѣланъ переводчикомъ посольскаго приказа Гозвинскимъ. Другой (1675) принадлежитъ симбирскому ротмистру Кашинскому. Третій находится въ сборникѣ московскаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ, содержащемъ въ себѣ также пословицы и другія статьи. Есть еще сборникъ басенъ, переведенный съ нѣмецкаго Андреемъ Виніусомъ, подъ названіемъ: «Зрѣлище житія человѣческаго» (1674). «Дивныя бесѣды животныхъ» предложены «въ наученіе людей всякаго чина и сана». Такое направленіе басни заставляло самихъ проповѣдниковъ иногда обращаться къ ней за пособіемъ, какъ мы уже видѣли въ южно-русской проповѣди. Слово іеромонаха Евѳимія (§ 155), на текстъ: «всякъ возносяйся смирится, а смиряйся вознесется», передаетъ въ разсказѣ о волкѣ и ослѣ то самое, что въ Зрѣлищѣ служитъ содержаніемъ басни о львѣ и конѣ, изъ которой выведено слѣдующее заключеніе: «такъ бываетъ съ человѣкомъ лукавымъ, хотящимъ погубить своего ближняго; кто другому копаетъ ровъ, тотъ самъ прежде въ него впадаетъ».

«Склады и примѣры» арабскаго баснописца Локмана переведены съ нѣмецкаго перевода, сдѣланнаго извѣстнымъ Адамомъ Олеаріемъ (+ 1671), жившимъ въ Россіи при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ. Тому же Олеарію европейская литература одолжена знакомствомъ съ двумя произведеніями персидскаго поэта Саади (XII—XIII в.): «Гюлистаномъ», и «Бостаномъ». Они содержатъ въ себѣ разсказы и анекдоты, сопровождаемые нравоученіями. Въ русскомъ переводѣ съ нѣмецкаго Гюлистанъ получилъ названіе «Криннаго дола» (Rosenthal), а Бостанъ— «Деревнаго», т. е. плодовитаго «сада» (Fruchtgarten).

Особый родъ сборниковъ, подъ именемъ: «Апоѳегматы» (изреченія), соединяетъ въ себѣ «краткія, витіеватыя и нравоучительныя словеса» знаменитыхъ людей съ біографическими о нихъ извѣстіями и нѣкоторыми анекдотами. Главная часть его—изреченія, по которымъ и дано ему названіе; прибавочная — анекдотическіе и другіе разсказы. Первая служитъ какъ бы замѣною древне-русскихъ Пчелъ (§ 78); вторая напоминаетъ повѣсти въ родѣ «Римскихъ Дѣяній». Апо-

оегматы перешли къ намъ изъ польской литературы, которая имѣетъ подобные сборники Рея (XVI) и Вигковскаго (XVII). Нашъ сборникъ раздѣленъ на четыре книги: первая содержитъ въ себѣ «повѣсти философовъ»; вторая»—словеса царей, королей, князей, воеводъ и иныхъ старѣйшинъ»; третья—«повѣсти Лакедемонянъ»; четвертая—«гадательства честныхъ женъ и благородныхъ дѣвъ непростыхъ».

Повѣствовательная литература теряетъ свой дидактизмъ въ рыцарскихъ романахъ, которые доставляли собственно легкое и пріятное чтеніе, безъ нравоучительной цѣли, постоянно бывшей на виду въ предъидущихъ разсказахъ. Это собственно—«потѣшныя книги». Содержаніе ихъ выражено самимъ названіемъ: онѣ служатъ потѣхѣ, т. е. чисто-литературному интересу. Онѣ перешли къ намъ изъ Польши, что доказывается полонизмами, которые нерѣдко попадаются въ русскихъ переводахъ. До знакомства съ рыцарскими романами, русская литература усвоила себѣ нѣсколько разсказовъ о подвигахъ и похожденіяхъ героевъ, представляющихъ въ своемъ характерѣ черты рыцарства. Сюда принадлежатъ повѣсти: «о Василіи, королевичѣ златовласомъ чешскія земли», «объ Атылѣ (вѣроятно, Аттилѣ), королѣ угорскомъ» и «о Брунцвигѣ, королевичѣ чешскія земли». Послѣдняя переведена съ чешскаго. Интересъ ея держится какъ на чрезвычайныхъ приключеніяхъ героя, который подъ конецъ торжествуетъ надъ ними, такъ и на описанныхъ въ ней дивахъ природы, которыя напоминаютъ чудовищныхъ людей и животныхъ Александріи: двухъ горахъ—магнитной и карбункуловой, мечѣ-кладенцѣ, птицѣ ногъ (грифъ), девятиглавомъ василискѣ, львѣ спасенномъ королевичемъ и ставшемъ благодарнымъ ему помощникомъ, морскихъ чудовищахъ, царѣ Алимбрусѣ, съ глазами впереди и назади, окруженномъ чудовищной свитой. Повѣсть нравилась русскимъ читателямъ, представляя имъ вымыслы, подобные вымысламъ народныхъ былинъ и небылицъ, т. е. сказокъ.

Самые извѣстные между рыцарскими романами: «Петръ Златые-ключи» и «Бова Королевичъ». «Исторія о храбромъ князѣ Петрѣ Златыхъ-ключахъ (названномъ такъ потому, что девизомъ его были золотые ключи св. Петра) и о прекрасной королевѣ Магиленѣ Неаполитанской» изображаетъ судьбу Петра, графа прованскаго, и Магелоны, которыхъ взаимная любовь и благочестіе, испытанныя рядомъ несчастныхъ приключеній, были награждены счастливою и долголѣтнею жизнію. Она упоминается въ числѣ потѣшныхъ книгъ царевича Алексѣя Петровича, издавалась также въ послѣдующемъ столѣтіи, перешла на лубочныя картинки и до сихъ поръ обращается въ народномъ чтеніи. «Исторія Бовы Королевича», взятая изъ цикла сказаній о Карлѣ Великомъ, внесена въ средневѣковую поэму-хронику: «Королевичи Франціи» (Reali di Francia). Русскій переводъ, сдѣланный, вѣроятно, по италіянской редакціи, принялъ, отъ долгаго обращенія въ кругу грамотныхъ, складъ и подробности нашего народнаго эпоса. Собственныя имена подверглись перемѣнамъ по духу русскаго произношенія, но въ нихъ легко распознается италіянскій подлинникъ: Бова (Buovo), отецъ его Гвидонъ, жившій въ градѣ Антоновѣ (Guidone d'Antona), дядька Симбалда (Sinibaldo), король Додонъ (Duodo), градъ Суминъ (Sansimone), Ангусей, какъ назывался Бова въ армянскомъ царствѣ (Agostino), дочь армянскаго короля Дружневна (Drusiona), король Маркобрунъ (Macabruno), богатырь Лукоперъ (Lucaferro), Полканъ-богатырь (Pulicane).

Рѣшительное освобожденіе повѣстей отъ моральнаго начала произведено было подъ вліяніемъ шутки и сатиры. Мы уже видѣли сатирическій элементъ въ «Повѣсти о Хмѣлѣ». Самые апокрифы, не смотря на свое содержаніе, обращались въ шутливые разсказы, какъ это показываетъ «Слово о вѣрѣ христіанской и жидовской», сочиненное по поводу «Сказанія о двѣнадцати пятницахъ» (§ 132). Жиды предложили христіанскому князю выслать къ нимъ «изряднаго ритора и премудраго философа», для состязанія о вѣрѣ съ ихъ мудрецомъ Тараской, «плѣшивымъ и зѣло брадатымъ». Между христіанами не нашлось ученаго, равнаго Тараскѣ. Князь горько о томъ плакалъ и тужилъ. Тогда вызвался помочь бѣдѣ кривой скоморохъ. Преніе сначала ведется жестами, или скрытыми мудростями. Каждый жестъ имѣетъ значеніе загадки. Сущность этой половины Слова заключается въ обоюдномъ непониманіи мимическихъ знаковъ. Скоморохъ одерживаетъ верхъ именно потому, что не въ-попадъ толкуетъ мимику жидовина, который, напротивъ, приписываетъ мимикѣ противника мудрый смыслъ, совершенно ей чуждый. Такъ, напримѣръ, Тараска поднялъ руку высоко и помыслилъ: кто сотворилъ небо? «Онъ хочетъ меня въ голову ударить», подумалъ скоморохъ и махнулъ рукою по землѣ: «ты-де меня въ голову, а я тебя въ бокъ». Тараска объяснилъ себѣ жестъ такимъ образомъ: «я указалъ вверхъ рукою—кто сотворилъ небо? а онъ махнулъ рукою—тотъ же сотворилъ и землю; и онъ ту загадку мою отгадалъ». За «скрытыми мудростями» слѣдуетъ преніе на словахъ; напр.: жидъ сказалъ: отгадай, философъ, загадку: «курица ли отъ яйца, или яйцо отъ курицы?» Скоморохъ ударилъ Тараску по плѣши и сказалъ: «отгадай, философъ, отъ чего треснуло—отъ руки или отъ плѣши?» Въ заключеніе спора Тараска предложилъ сопернику счесть число праздниковъ въ году: у кого окажется ихъ больше—у христіанъ или жидовъ,—тѣхъ вѣру и признать лучшею. Скоморохъ принимаетъ вызовъ съ тѣмъ, чтобы жидовинъ позволилъ вырывать у себя изъ бороды по волоску за каждый праздникъ и за каждаго святаго. Счетъ кончился тѣмъ, что «зѣло брадатый іудейскій мудрецъ» остался совершенно безбородымъ. Идея этого шутливаго слова, какъ и многихъ другихъ народныхъ разсказовъ, состоитъ въ торжествѣ простяка и неуча надъ многоученымъ философомъ: «какъ вода угашаетъ палящій огонь», сказано въ Словѣ, «такъ отвѣтъ глупца посрамляетъ велерѣчіе премудраго; глупость пьянаго погубила философскую мудрость». Форма разсказа—загадка, сначала скрытная или мимическая, потомъ открытая или словесная.—Круговая чаша, обходящая собесѣдниковъ на веселомъ пиру, воспѣта шутливымъ стихотвореніемъ: «Чаша моря соловецкаго». Первые два стиха его стоятъ въ старинномъ сборникѣ пословицъ (XVII в.): «Чаша моря соловецкаго пить за здравье молодецкое!» Между народными анекдотами объ Іоаннѣ Грозномъ, записанными англійскимъ путешественникомъ Коллинсомъ, нѣкоторые принадлежатъ къ забавнымъ. Таковъ, напримѣръ, анекдотъ о бояринѣ «Тарасѣ Плещеевѣ», за которымъ царь послалъ въ Казань, а воевода, не разобравъ указа, подумалъ, что отъ него требуютъ «полтораста плѣшивыхъ». Эти анекдоты, или небольшія новеллы, дополняютъ представленіе личности Грознаго, уже ярко обозначенной историческими пѣснями: какъ тамъ выступаетъ на первый планъ его государственная дѣятельность, такъ здѣсь онъ является посреди обыкновенныхъ дѣлъ современной жизни. Но въ обоихъ случаяхъ поэзія изображаетъ своего героя съ видимымъ

сочувствіемъ, какъ такого царя, который, по объясненію Коллинса, съ народомъ обходился хорошо, а съ боярами жестоко.—Западные сборники шуточныхъ разсказовъ, или фацецій (facetia—шутка), имѣвшихъ своимъ предметомъ комическія стороны жизни, перешли къ намъ черезъ Польшу. Одинъ изъ такихъ сборниковъ польскихъ «жартъ», или «смѣхотворныхъ» повѣстей, переведенъ въ 1680 г.; другой, подъ заглавіемъ: «Демокритусъ смѣющійся», находился въ царской библіотекѣ XVII в. Кромѣ короткихъ анекдотовъ, шуточные сборники заключаютъ въ себѣ довольно обширные разсказы, между которыми есть нѣсколько новеллъ италіянскаго повѣствователя Боккачіо († 1375), напримѣръ: «Повѣсть утѣшная о купцѣ, побившемся объ закладъ о добродѣтели жены своей».—Обильную пищу сатирѣ давало судебное дѣлопроизводство съ своими беззаконными рѣшеніями, которыя сохранились въ народной памяти подъ типическимъ прозвищемъ «суда Шемякина». Сатирическій разсказъ того же имени, основанный на преданіи о князѣ Дмитріи Шемякѣ, какъ бы противополагаетъ наше старинное кривосудіе мудрымъ приговорамъ Соломона. Главное лице въ немъ бѣднякъ, который помощью изворотливаго ума торжествуетъ надъ истцами и мздоимцемъ-судьею. Сюжетъ разсказа не русскаго происхожденія, но отъ передѣлокъ получилъ народный характеръ. Онъ состоитъ въ связи и съ одною тибетскою повѣстью, которая удержала за собою миѳическую основу, и съ пѣснію о правдѣ Карла Великаго, передающею разсказъ серьезнымъ тономъ. Нѣкоторыя части Суда Шемякина могли быть заимствованы изъ польскихъ книгъ. Другимъ примѣромъ юридической сатиры служитъ замысловатая «Сказка о Ершѣ Ершовѣ сынѣ Щетинниковѣ». Чтобъ изобразить идеалъ старинняго сутяги и ябедника, она перенесла дѣйствіе въ міръ животныхъ, хотя черезъ это не сдѣлалась эпическимъ произведеніемъ, такъ какъ послѣднее не знаетъ никакихъ намѣренныхъ цѣлей. Сказка замѣчательна тѣмъ, что дѣйствующія въ ней лица выбраны изъ того разряда животныхъ, который всего менѣе допускаетъ опредѣленную характеристику, необходимую для басни. Однакожъ, при всей своей трудности, задача выполнена совершенно удовлетворительно: бояринъ Осетръ, воевода Сомъ, выборные Судакъ да Щука, челобитчикъ Лещъ и ябедникъ Ершъ выступаютъ съ мѣткими отличіями, соотвѣтственно характерамъ и дѣламъ людей, которыхъ они замѣняютъ. Ходъ и формы дѣлопроизводства схвачены такъ вѣрно, что не можетъ быть разномыслія ни объ идеѣ сатиры, ни объ ея подробностяхъ. Варьяціи на тему сказки произвели стихотворную «Повѣсть Ерша Ершова сына Щетинникова» и «Списокъ суднаго дѣла о тяжбѣ Леща съ Ершомъ». То и другое написано въ шутливомъ тонѣ. Списокъ относится къ одному разряду съ другими челобитными, въ которыхъ пародируются содержаніе и складъ прошеній, возникавшихъ по самымъ пустымъ поводамъ и отличавшихся запутанностію изложенія. Замѣтимъ, что сатира нападала не на однихъ судей и подьячихъ, но и на другія сословія, если они поддавались осмѣянію за свои пороки или слабости. Такъ въ «Повѣсти о Курѣ (Пѣтухѣ) и Лисѣ» обличены недостатки нѣкоторыхъ особъ духовнаго чина: лукавство и любостяжаніе.

§ 166. За небольшими, анекдотическими разсказами, какъ начальною ступенью въ исторіи повѣствовательнаго рода поэзіи, явились оригинальныя повѣсти. Одну изъ нихъ: «Слово о купцѣ Басаргѣ», нѣкоторые относятъ къ XV—XVI в., почитая

ее передѣлкой иностраннаго сочиненія; двѣ другія: «Савва Грудцынъ» и «Фролъ Скобѣевъ» несомнѣнно русскаго происхожденія и сложены въ XVII в.

«Слово (повѣсть) о купцѣ Басаргѣ» представляетъ торжество христіанской вѣры надъ языческою. Эту мысль, общую многимъ литературнымъ памятникамъ, оно развиваетъ въ загадкахъ и отгадкахъ, по примѣру сказаній о царѣ Соломонѣ, Акирѣ Премудромъ и другихъ. Кіевскій купецъ Басарга вмѣстѣ съ семилѣтнимъ сыномъ Мудросмысломъ или Борзосмысломъ и тридцатью рабами отправился однажды въ море. Сильная буря принесла ихъ корабль къ какому-то большому городу, въ которомъ царствовалъ невѣрный царь Сміанъ (иначе: Несмѣянъ). Купецъ поднесъ ему дары и просилъ дозволенія торговать въ его царствѣ. Царь имѣлъ обычай обращать христіанъ въ свою эллинскую (языческую) вѣру. Онъ предлагаетъ Басаргѣ или отступиться отъ христіанства, или отгадать три загадки, за что обѣщаетъ ему безпошлинную торговлю, дары и отпускъ на родину; въ противномъ случаѣ, Басарга долженъ лишиться не только товаровъ, но и головы. Мудросмыслъ вызвался рѣшить загадки и тѣмъ спасти отца отъ гибели. Царь спросилъ его: «много ли отъ востока до запада?» Отрокъ отвѣчалъ: «ни больше ни меньше, какъ день съ ночью; солнце пройдетъ кругъ небесный отъ востока до запада однимъ днемъ, а отъ сѣвера до юга одною ночью». Другой вопросъ: «чего десятая часть въ мірѣ убываетъ днемъ и прибываетъ ночью», былъ рѣшенъ такимъ образомъ: «днемъ десятая часть воды усыхаетъ отъ солнца въ морѣ, рѣкахъ и озерахъ, а ночью та часть воды пополняется». Третья загадка рѣшается тѣмъ, что отрокъ, при собраніи народа, убиваетъ царя и, овладѣвъ его царствомъ, водворяетъ въ немъ христіанскую вѣру.

«Повѣсть о Саввѣ Грудцынѣ», какъ онъ далъ на себя рукописаніе дьяволу и какъ потомъ былъ избавленъ ходатайствомъ Божіей Матери, имѣетъ направленіе поучительное. Сюжетъ ея не новый. Мы знаемъ, что Максимъ Грекъ обличалъ лживость грѣховнаго рукописанія Адама (§ 129). Въ византійской литературѣ существуетъ сказаніе объ Евладіи, спасенномъ Василіемъ Великимъ: оно-то, вѣроятно, дало основу русской повѣсти. Читатель находитъ въ ней любопытныя черты домашняго быта, вѣрованій и нравовъ XVII в., къ первымъ годамъ котораго относится событіе. Великоустюжскій купецъ Ѳома Грудцынъ, видя мятежъ и гоненіе на христіанъ при самозванцахъ, переселился въ Казань. Онъ ѣзжалъ по торговымъ дѣламъ въ Соликамскъ, Астрахань и даже въ область персидскаго шаха. Отплывъ однажды въ Персію, онъ отправилъ своего сына Савву съ товарами въ Соликамскъ. Достигнувъ города Орла (пермской губ.), Савва встрѣтилъ въ немъ давнишняго пріятеля отца своего, Бажена Втораго, который пригласилъ его къ себѣ на житье. Здѣсь Савва завелъ интригу съ женой Бажена. Послѣ одной размолвки между ними, Савва перешелъ опять къ купцу, у котораго остановился по своемъ пріѣздѣ; но не могъ вытерпѣть долгой разлуки съ предметомъ своей страсти: началъ скорбѣть и чахнуть. Купецъ позвалъ на помощь волхва, который, посмотрѣвъ въ волшебныя книги, угадалъ причину его тайной грусти. Гуляя однажды въ полѣ, Савва подумалъ: если бы какой-нибудь человѣкъ или нечистый духъ свелъ меня снова съ женою Бажена, я послужилъ бы дьяволу. Бѣсъ немедленно явился и взялъ съ него рукописаніе, которымъ несчастный отрекся отъ Христа. Савва по прежнему зажилъ у Бажена. Отецъ Саввы, узнавъ о безпорядочной жизни сына, написалъ къ нему «эпистолію», которою требовалъ

поспѣшить домой; не получивъ отвѣта, самъ собрался въ Орелъ. Тогда бѣсъ уговорилъ свою жертву идти въ другіе города. Въ Шуйскѣ записались они въ солдаты, собранные противъ польскаго короля. Новобранцевъ привели въ Москву и отдали подъ команду нѣмецкаго полковника. Полковникъ полюбилъ Савву за расторопность и смѣтливость, и поручилъ ему три роты. Солдаты Саввы никогда не роптали, всегда получали исправно деньги и пищу, тогда какъ у другихъ начальниковъ умирали отъ голода и нищеты. Слухъ объ этомъ дошелъ до царскаго шурина, боярина Стрѣшнева: онъ приглашалъ Савву поступить къ нему въ домъ, но получилъ отказъ. Подъ Смоленскомъ, Савва съ бѣсовскою помощью оказываетъ чудеса храбрости и силы: онъ побѣждаетъ трехъ польскихъ исполиновъ–поединщиковъ. Военачальникъ Шеинъ, по подозрѣнію или зависти, велѣлъ герою ѣхать къ отцу, котораго зналъ лично. Но Савва отправился не въ Казань, а въ Москву, гдѣ поселился у одного стрѣлецкаго полковника. Здѣсь начинается развязка повѣсти. Несчастный юноша заболѣлъ тяжкою болѣзнію. Во время исповѣди предсталъ предъ нимъ соблазнитель, уже въ настоящемъ своемъ видѣ: онъ грозитъ ему муками за богоотметное рукописаніе. По повелѣнію царя Михаила, къ больному приставлены были караульщики, чтобъ онъ не сдѣлалъ чего надъ собою во время бѣсовскихъ мукъ. Послѣ долгихъ страданій, Савва видитъ во снѣ Богородицу, съ Іоанномъ Богословомъ и Петромъ митрополитомъ: Она обѣщаетъ избавить грѣшника отъ вѣчной гибели, если онъ приметъ иноческій санъ. Донесли объ этомъ видѣніи царю. Въ праздникъ Казанской Божіей Матери (8 іюля), Савва приведенъ былъ къ церкви. Когда начали пѣть херувимскую пѣснь, богоотметное писаніе упало передъ народомъ съ верху церкви, все «заглаженное», какъ будто никогда и не было писано. Савву представили къ царю. Царь, выслушавъ повѣсть его жизни, дивился несказанному чуду. Послѣ этого, раздавъ все имѣніе нищимъ, Савва принялъ монашество въ Чудовѣ монастырѣ.

«Исторія о россійскомъ дворянинѣ Фролѣ Скобѣевѣ и стольничей дочери Нардина (Ордина)–Нащокина Аннушкѣ» больше подходитъ подъ характеръ собственно повѣсти, чѣмъ два предъидущія произведенія. Она передаетъ событіе изъ дѣйствительной русской жизни, сохраняя вѣрную ея обстановку и вводя даже историческія современныя лица. Въ ней нѣтъ ни вліянія таинственныхъ силъ на судьбу героевъ, ни поучительнаго вывода, который иногда даетъ цѣну разсказу маловажному. Напротивъ, здѣсь разсказъ интересенъ самъ по себѣ, безъ постороннихъ цѣлей. Дѣйствіе развивается легко и естественно, безъ противорѣчій тогдашнему быту; въ каждомъ характерѣ видны его особенныя черты; составъ простъ, но полонъ, такъ что читатель не остается въ невѣдѣніи ни объ одномъ обстоятельствѣ касательно лицъ, выведенныхъ передъ него авторомъ. Повѣсть изображаетъ приключенія ловкаго новогородскаго дворянина Скобѣева, «ходившаго за ябедой», какъ онъ изъ бѣднаго сталъ богатымъ, вошедъ въ любовь къ Аннушкѣ, при содѣйствіи ея мамки, и женившись на ней обманомъ, противъ воли отца ея, знаменитаго стольника и царскаго любимца; какъ ея разгнѣванные родители преложили потомъ гнѣвъ на милость и отпустили ей вину, и какъ наконецъ ловкій Скобѣевъ умѣлъ примирить съ собою тестя, который хотя и называлъ его плутомъ, но, по смерти своей, укрѣпилъ за нимъ все свое имущество. И сталъ Фролъ Скобѣевъ жить въ великомъ богатствѣ и «знатіи», да и сестру свою выдалъ за–мужъ за стольничьяго сына.

Очеркъ исторіи повѣстей и сказокъ, Пыпина; Историч. Христоматія, Буслаева; его же: О рус. народ. книгахъ и лубоч. изданіяхъ (От. Зап., 1861, № 9). Сказаніе о индѣйскомъ царствѣ (Лѣт. Тихонравова, 1859, кн. 4); Повѣсть о преніи живота со смертью (Ib., кн. 2; Очерки I, 635—637; Пѣсни, собр. Кирѣевскимъ, вып. 4, CVIII—CIX); Аполлоній Тирскій (Лѣт. Тих—ва, кн. I, съ его предисловіемъ); Повѣсть о Хмелѣ (Очерки I, 563—572) и Повѣсть о бражникѣ (Рус. Бесѣда, 1859, № 6); Слово іеромонаха Евѳимія (Лѣт., 1859—60, кн. 5); Слово о вѣрѣ христ. и жид. (Ib. и Очерки 500—501); анекдоты о Грозномъ, Чаша моря соловецкаго и другіе разсказы (Очерки I, 512—517): Шемякинъ судъ (нап. Пыпинымъ въ 4 кн. Архива истор. и практич. свѣдѣній о Россіи, 1860; Костомаровымъ во 2 т. Памятниковъ старин. рус. литературы; см. еще въ замѣткахъ Тихонравова о старинѣ и народности, Лѣт. 1859—60, кн. 5); Сказка о Ершѣ (Сказ. Сахарова); Повѣсть о Курѣ и Лисѣ (Пермскій Сборникъ, кн. 1); Слово о Дмитріи Кіевскомъ (Басаргѣ) и его сынѣ (Памят. Костомарова, II); Савва Грудцынъ (Ib. I; Лѣт., кн. 4); Фролъ Скобѣевъ (Москв. 1853, кн. 1, Истор. матеріалы, 3—16).

§ 167. Составъ литературнаго языка въ XVI и XVII столѣтіяхъ представляетъ сочетаніе тѣхъ же самыхъ элементовъ, о которыхъ мы уже говорили въ предъидущемъ отдѣлѣ, т. е. церковно-славянскаго, русскаго и чужеземнаго (§ 105).

Церковно-славянскій языкъ служилъ, какъ и прежде, языкомъ письменнымъ по преимуществу. Иностранецъ Генрихъ Вильгельмъ Лудольфъ, авторъ первой русской грамматики, написанной на латинскомъ языкѣ и напечатанной въ Англіи при оксфордскомъ университетѣ, съ посвященіемъ кн. Борису Алексѣевичу Голицыну (1696), свидѣтельствуетъ, что у Московитянъ почиталось правиломъ: говорить по-русски, а писать по-славянски. Образованные люди понимали различіе обоихъ языковъ: новгородскій Азбуковникъ XV в. (см. ниже) ясно отличаетъ славянскія рѣчи не только отъ сербскихъ, болгарскихъ и греческихъ, но и отъ русскихъ. Что же касается до происхожденія одного языка отъ другаго, то, по свидѣтельству иностранца Флетчера, бывшаго въ Россіи въ XVI в., Русскіе думали, что славянскій языкъ происходитъ отъ русскаго.

Подвергаясь разнымъ вліяніямъ, церковно-славянскій языкъ мало по малу переходилъ отъ прежняго своего вида къ новому. Онъ усвоилъ себѣ многія слова и обороты русскіе; переводчики греческихъ книгъ, начиная съ Максима Грека, внесли въ него грецизмы; древнѣйшія, органическія его формы выходили изъ употребленія и были замѣняемы искуственными, которыя строились не по духу языка, а по ученымъ соображеніямъ автора. Примѣры буквальныхъ переводовъ, равно какъ искуственнаго образованія и сочетанія словъ,. представляютъ труды Славинецкаго и Евѳимія (§ 155). Новосоставленныя слова встрѣчаются также у Полоцкаго и другихъ писателей XVII в. Этотъ позднѣйшій церковно-славянскій языкъ, котораго этимологическія и синтаксическія особенности опредѣлены грамматикою Смотрицкаго, является наиболѣе чистымъ и обработаннымъ въ сочиненіяхъ св. Димитрія Ростовскаго.

Народный русскій языкъ господствовалъ въ народной словесности, съ большею или меньшею примѣсью рѣчи книжной, смотря потому, въ какой мѣрѣ она подвергалась вліянію письменной литературы. Такъ какъ произведенія послѣдней, въ свою очередь, сближались съ областью народнаго творчества, то это сближеніе обнаруживалось не въ содержаніи только, но и въ выраженіи. Кромѣ того, русскій разговорный языкъ служилъ для памятниковъ законодательныхъ, юридическихъ актовъ, переписки. Былъ даже опытъ изложенія священныхъ предметовъ

на народномъ языкѣ: Авраамій Фирсовъ, переводчикъ посольскаго приказа, перевелъ (1683) псалтирь съ еврейскаго «на нашъ простой, обыклый языкъ».

Югозападные ученые употребляли въ своихъ сочиненіяхъ особый, польско-русскій языкъ, соединяющій въ себѣ элементы церковно-славянскій, польскій и южно-русскій. Эта пестрая смѣсь нарѣчій неравномѣрна у разныхъ писателей, изъ которыхъ одни подчинялись ей больше, а другіе меньше: такъ Барановичъ и Полоцкій гораздо рѣже прибѣгали къ полонизмамъ, чѣмъ Галятовскій и Радивиловскій. Иногда одно и тоже лице, въ позднѣйшемъ періодѣ своей авторской дѣятельности, освобождалось отъ господствовавшаго направленія, примѣръ чего видимъ на сочиненіяхъ св. Димитрія Ростовскаго: первыя его проповѣди испещрены словами малорусскими и польскими, тогда какъ проповѣди, написанныя въ Великороссіи, могутъ быть названы образцами чистой, хотя и искуственной, славянской рѣчи. Преобладаніе того или другаго элемента опредѣлялось частію содержаніемъ книги, частію свойствомъ литературнаго образованія автора. Изъ двухъ составныхъ частей Требника Петра Могилы (1646): службъ и объяснительныхъ къ нимъ разсужденій. первая написана церковно-славянскимъ, а послѣдняя польско-русскимъ нарѣчіемъ, состоящимъ преимущественно изъ польскихъ словъ съ окончаніями русскими и церковно-славянскими. Польско-русскій языкъ образовался подъ сильнымъ вліяніемъ польской науки и литературы, съ которыми югозападная Русь знакомилась и путемъ школьнаго обученія и чтеніемъ польскихъ книгъ. Если сочиненія Курбскаго, проведшаго меньшую половину своей жизни въ предѣлахъ Литвы, испещрены полонизмами, то естественнѣе и неизбѣжнѣе они въ сочиненіяхъ писателей, которые имѣли постоянное столкновеніе съ польскимъ элементомъ и нерѣдко обучались или по крайней мѣрѣ доканчивали свое образованіе въ литовскихъ и польскихъ училищахъ.

Югозападная литература была проводникомъ и другихъ чужеземныхъ вліяній на литературный языкъ. Еще задолго до Петра I, изъ польскихъ книгъ вошли къ намъ многія слова съ запада—не только латинскія, но и нѣмецкія, напр.: алебарда, ассистенція, банкетъ, бестія, вапоръ, гуморъ, декретъ, докторъ, ерроръ, екзекуція, корректура, квестія, миля, мортификація, палацъ, помпа и пр. Въ словаряхъ иногда указывается иностранное происхожденіе словъ; напр.: «друкую съ алманскаго (*т. е. нѣмецкаго*)—выбиваю, вытискиваю». Нерѣдко рядомъ съ иностраннымъ словомъ выставлялся русскій переводъ его, напр.: композиторъ—складачъ, сине субстанція—безъ особности. Словарь варваризмовъ получилъ большое приращеніе въ XVI и XVII столѣтіяхъ. Писатели этого періода обогатили также научную терминологію, особенно богословскую.

Руководствомъ къ теоретическому изученію языка служили грамматики, азбуковники и словари. Но, прежде знакомства съ ними, мы должны показать составъ книгъ для обученія грамотѣ и письму, т. е. азбукъ. Азбука называлась лѣствицею къ изученію часовника, псалтири и другихъ божественныхъ книгъ. «Наказаніе учителямъ, какъ обучать дѣтей грамотѣ», служащее предисловіемъ къ одному изданію псалтири (1645), предписываетъ больше всего заняться азбукой, проходя ее «неспѣшно, чисто и прямо по существу, какъ которое слово рѣчію зовется». Первый печатный букварь, вмѣстѣ съ нѣкоторыми катихизическими статьями, изданъ въ Вильнѣ (1596), подъ названіемъ «Науки чтенія и разумѣнія письма

славянскаго». Другой, напечатанный тамъ же, получилъ имя грамматики: «Грамматика, албо сложеніе писмена, хотящимъ ся учити словенскаго языка младолѣтнымъ огрочатомъ (1621)». По этому образцу составленъ Славянскій Букварь, Василія Бурцева (1634 г.; 2 изд.—1637), имѣющій и другое заглавіе: «Начальное ученіе человѣкомь, хотящимъ разумѣти божественнаго писанія». Этими словами показывается цѣль обученія грамотѣ: азбука, дѣйствительно, служила первою ступенью къ разумѣнію слова Божія. Составь ея соотвѣтствовалъ цѣли. Бурцевъ начинаетъ свой букварь предисловіемъ, въ прозѣ и стихахъ:

Сія зримая малая книжица,
По реченному алфавитица,
Напечатана бысть по царскому велѣнію
Вамъ, младымъ дѣтемъ, къ наученію...
Ты же, благоумное отроча, сему внимай
И отъ нижнія ступени на вышнюю возступай,
И не лѣностнѣ и не нерадивѣ учися,
И дидаскала (*учителя*) своего всегда блюдися.

За наставленіями слѣдуютъ буквы и ихъ названія, склады, числа, знаки надстрочные и знаки препинанія; потомъ, въ алфавитномъ порядкѣ, образцы измѣненія глаголовъ, глаголы и имена одинаковаго начертанія, но различнаго смысла, опредѣляемаго удареніемъ; далѣе склоненія именъ, преимущественно тѣхъ, которыя въ церковно-славянскомъ языкѣ пишутся подъ титлами. Послѣ этого идетъ азбука толковая, т. е. изреченія, относящіяся къ ученію и жизни Спасителя, расположенныя по своимъ начальнымъ буквамъ, напр. буква *а* начинается текстомъ: «Азъ есмь всему міру свѣтъ», и пр. За толковой азбукой помѣщены заповѣди, статьи катихизическія, выписки изъ Св. Писанія, притчи, наставленія Товія своему сыну. Въ концѣ сказаніе о томъ, какъ св. Кириллъ философъ составилъ азбуку. Въ другой азбукѣ (1679), за стихотворнымъ предисловіемъ помѣщены молитвы, которыя читалъ іерей при началѣ ученія; потомъ буквы, склады, имена подъ титлами въ алфавитномъ порядкѣ (ангелъ, ангельскій, архангелъ, архангельскій и т. п.), молитвы, символъ вѣры, бесѣда въ вопросахъ и отвѣтахъ о православной вѣрѣ, десять заповѣдей, знаки ударенія и препинанія, числа, наконецъ привѣтства родителю и благодѣтелю на рождество Христово, богоявленіе, воскресеніе, сошествіе св. Духа и новолѣтіе. Все это заключается наставительными стихами о пользѣ наказаній. «Букварь славено-россійскихъ письменъ, Каріона Истомина (1694)», посвященъ царицѣ Наталіи Кирилловнѣ и назначался для царевича Алексѣя Петровича. Здѣсь, подъ каждою буквою, «ради любезнаго созерцанія учащимся», предложены виды, т. е. изображенія предметовъ (*А*. Адамъ, Александръ, аспидъ, *Б*—брань, брада, бичъ и пр.). И къ этимъ «видообразнымъ вещамъ метафорично, сирѣчь преносно», сочинены стихи нравоучительные. Въ составъ скорописныхъ азбукъ, для обученія письму, входили: прописныя и строчныя буквы, съ нравоучительными изреченіями, которыя слѣдовали одни за другими въ алфавитѣ начальныхъ буквъ; потомъ прописи и склады, съ нѣкоторыми апоѳегмами и загадками.

Изъ извѣстныхъ намъ грамматическихъ руководствъ, первое по времени помѣщено между трудами Іоанна экзарха болгарскаго. Это переводъ (неполный) греческой грамматики, подъ заглавіемъ: «о восьми частяхъ слова», сдѣланный въ Сербіи. Она неправильно приписывалась Іоанну Дамаскину. Содержаніе ея—самыя

общія и краткія грамматическія понятія и правила, приспособленныя къ языку славянскому. Буквальный переводъ научныхъ терминовъ остается большею частію такимъ же и въ наше время. Восемь частей рѣчи называются: имя, рѣчь (глаголъ), причастіе, различіе (членъ), мѣстоименіе, предлогъ, нарѣчіе, съузъ (союзъ). Падешй (падежей) пять: правый (именительный), родный (родительный), виновный (винительный), дательный, звательный. Изложеній (наклоненій) шесть: необъявленное (неопредѣленное), повѣстное (изъявительное), повелѣнное (повелительное), молитвенное, вопросное, звательное. Прошедшее время подраздѣляется на протяженное, непредѣльное, напредидѣемое и предлежимое; будущее—на помалѣ бывающее и будущее, и пр. Для обучавшихся греческому языку, студенты львовской школы, подъ руководствомъ своего учителя, митрополита елассонскаго Арсенія, издали Еллинославянскую грамматику (1591). Она раздѣлена на четыре части: ороографію (правописаніе), просодію (припѣваніе), этимологію (православіе) и синтаксисъ (сочиненіе). Въ Извѣщеніи къ ней указана польза грамматики: она есть первый ключъ, отверзающій умъ къ разумѣнію писаній; отъ нея, будто по ступенямъ, трудолюбивые достигаютъ діалектики, риторики, мусикіи, ариөметики, геометріи и астрономіи, и потомъ этими семью мудростями, какъ нѣкіимъ сосудомъ разсужденія, черпаютъ изъ источниковъ философіи и богословія. Такое понятіе ведетъ свое начало отъ взгляда древнихъ на грамматику и, кромѣ того, связывалось у насъ съ вопросомъ объ исправленіи книгъ, требовавшемъ основательнаго ея изученія. Греки и Римляне не ограничивали грамматику настоящимъ ея предметомъ, но требовали отъ нея руководства и къ объясненію литературныхъ произведеній, такъ что грамматикомъ назывался ученый, занимавшійся филологическою критикою прозаиковъ и поэтовъ. Кассіодоръ, латинскій писатель V—VI в., поставилъ ее на первомъ мѣстѣ въ ряду семи свободныхъ искуствъ или мудростей. Это воззрѣніе, усвоенное средними вѣками, перешло изъ Польши въ югозападную Русь, какъ видно изъ славянскихъ грамматикъ Лаврентія Зизанія (1596) и Мелетія Смотрицкаго (1619). Зизаній въ стихотворной эпиграммѣ повторяетъ слова Извѣщенія львовскихъ студентовъ, называя грамматику ключемъ къ познанію, первою ступенью на лѣствицѣ прочихъ наукъ. Значеніе этой науки возвысилось еще болѣе по поводу исправленія богослужебныхъ книгъ: увидѣли, что погрѣшности ихъ были слѣдстіемъ «неискуства грамматическаго», что невѣжды-справщики не имѣли понятія не только о частяхъ рѣчи, но даже и о различіи между гласными и согласными (§ 121). Къ московскому изданію грамматики Смотрицкаго, нѣсколько измѣненному и дополненному (1648), прибавлены были предисловіе издателя о значеніи, пользѣ и составѣ грамматики и выписки изъ сочиненій Максима Грека, между прочимъ—объ исправленіи церковныхъ книгъ. Въ предисловіи грамматика называется «учительницей писанія», по производству отъ греческаго слова «грамма» (письмо, писаніе), первою изъ семи свободныхъ наукъ, дверью, отверзающею «благолѣпный и безтрудный» входъ въ другія знанія. Можно ли, спрашиваетъ оно, разрѣшать творческіе силлогизмы, въ сочиненіяхъ обрѣтаемые, не пріобщаясь грамматикѣ? Грамматика обличаетъ дурное расположеніе частей сочиненія, отбрасываетъ избыточное, пополняетъ недостаточное.

Грамматика Зизанія начинается просодіей, объясняющей, между прочимъ, долгіе и короткіе слоги, по духу греческаго языка. За тѣмъ слѣдуетъ этимологія. Частей рѣчи принимается восемь, какъ и въ грамматикѣ, приписанной Дамаскину. Сте-

неней сравненія три: положенный, разсудный и высшій. Залоговъ пять: дѣлательный, страдательный, средній, посредственный и общій. Образовъ (наклоненій) четыре: изъявительный, желательный, молитвенный, неопредѣленный. Супружествъ (спряженій) два: къ первому относятся глаголы, кончащіеся на *аю*, *ѣю*, *лю*; ко второму—на *у*, *ю* и *ую*. Временъ пять: настоящее, мимошедшее, протяженное, пресовершенное, будущее. Въ главѣ о метрѣ изложено стихосложеніе. Авторъ, находя въ славянскомъ языкѣ долгія, краткія и двоевременныя буквы, учитъ строить славянскіе стихи по образцу греческихъ.

Въ грамматикѣ Смотрицкаго также четыре части. Она принимаетъ, кромѣ извѣстныхъ родовъ именъ, еще три: всякій, недоумѣнный и преобщій. Къ шести падежамъ Зизаніевой грамматики прибавленъ сказательный (предложный). Залоговъ глагола пять: дѣйствительный, страдательный, средній, отложительный (на пр. боюся, труждаюся) и общій (на пр. касаюся). Видовъ два: первообразный и производный; послѣдній подраздѣляется на начинательный и учащательный. Наклоненій шесть: изъявительное, повелительное, молитвенное, сослагательное, подчинительное (напр. да бію) и неопредѣленное. Временъ пять: настоящее, прешедшее, мимошедшее, непредѣльное и будущее. Склоненій пять. Спряженій два, различающихся по 2-му лицу единственнаго числа настоящаго времени. Эта система спряженій и частію склоненій усвоена Ломоносовымъ, который заимствовалъ многое у Смотрицкаго, примѣняя заимствованное къ русскому языку. Въ синтаксисѣ Смотрицкій часто ссылается на греческій языкъ и употребляетъ не только слова, но даже окончанія греческія. Подобно Зизанію, онъ говоритъ въ просодіи о трехъ родахъ славянскихъ буквъ: долгихъ, краткихъ и двоевременныхъ, на основаніи чего изложены правила греческаго стопосложенія и выражено желаніе, чтобы по нимъ писались славянскіе стихи.

Появленію грамматикъ въ нашей литературѣ предшествуютъ «азбуковники или алфавиты». Собственное назначеніе ихъ—объяснять неудобопонятныя слова, встрѣчающіяся въ церковно-славянскихъ книгахъ Многіе читатели, не зная точнаго значенія этихъ словъ, толковали ихъ по-своему. Превратные толки были усилены ошибками, вкравшимися отъ невѣжества писцовъ и дававшими поводъ къ страннымъ недоразумѣніямъ: такъ, на пр., вмѣсто илектронъ (янтарь) писали алекторъ (пѣтухъ), вмѣсто ереси—ересива (трава), подъ гроздіемъ разумѣли яблоки, подъ купиною камень. Составленіемъ азбуковниковъ грамотные люди возстановляли истинный смыслъ реченій и исправляли ложныя понятія. Но азбуковники не довольствуются главною своею цѣлью: къ грамматическому объясненію словъ, размѣщенныхъ по алфавиту, они присоединяютъ объясненія самыхъ предметовъ и понятій, выражаемыхъ словами. Поэтому въ составъ ихъ входятъ свѣдѣнія о всѣхъ наукахъ и искуствахъ, начиная съ азбуки и до богословія. По составу азбуковника можно судить о важности его значенія въ исторіи древнерусскаго образованія и литературы. Выполняя главное свое назначеніе, онъ, въ тоже время, предлагалъ нашимъ предкамъ энциклопедію современной науки. За достоинство научнаго содержанія отвѣчали источники византійскіе, латинскіе и польскіе, которыми онъ пользовался и которые въ эпоху его составленія принадлежали къ числу уважаемыхъ авторитетовъ. На нихъ онъ ссылался въ своихъ толкованіяхъ, изъ нихъ приводилъ выписки и дѣлалъ извлеченія. Многіе памятники народной и письменной словесности находятъ въ азбуковникѣ пособія къ опре-

дѣленію своего содержанія, которое, съ своей стороны, дастъ возможность разъяснять содержаніе азбуковника. Такъ, напр., азбуковникъ заимствовалъ изъ Святославова Изборника статью о камняхъ; его описанія чудесныхъ животныхъ соотвѣтствуютъ преданіямъ о томъ же въ Стихѣ о Голубиной книгѣ; понятія о душѣ и чувствахъ сходны съ психологическимъ ученіемъ въ Посланіи Никифора къ Мономаху. Но самыя любопытныя и подробныя замѣчанія азбуковника относятся къ грамматикѣ, такъ какъ она служитъ главнѣйшимъ предметомъ его толкованій. Древнѣйшій, новгородскій, азбуковникъ помѣщенъ въ Кормчей 1282 г. (§ 60), подъ заглавіемъ: «Рѣчь жидовскаго языка, преложена на русскую». Жидовскимъ языкомъ называются здѣсь не одни еврейскія слова, но и греческія, болгарскія и сербскія. Другой новгородскій словарь: «Толкованіе неудобопознаваемыхъ рѣчей (1431)». Въ заглавіи показана и причина неудобопознаваемости: «первые переводчики церковныхъ книгъ употребляли въ одинхъ мѣстахъ славянскія слова, въ другихъ сербскія, болгарскія и греческія, не переводя ихъ на русскую рѣчь». Печатные словари относятся къ XVI и XVII в. Первый составленъ Лаврентіемъ Зизаніемъ и присоединенъ къ его грамматикѣ, подъ названіемъ: «Лексисъ, сирѣчь реченія, вкратцѣ собранныя и изъ славянскаго языка на простой русскій діалектъ истолкованныя». Авторъ втораго «Славенорусскаго лексикона, или именъ толкованія» (1627)—Памва Берында, іеромонахъ печерскій, родомъ изъ Молдаванъ. Во второмъ его изданіи (1653), умноженномъ и исправленномъ Іоилемъ Труцевичемъ, игуменомъ кутеинскаго монастыря, предисловіе объясняетъ пользу словаря и добросовѣстность авторскаго труда: «Читать и не разумѣть есть глупая рѣчь, сказалъ нѣкто отъ мудрыхъ. Въ славянскомъ языкѣ, великославномъ и широкомъ, много словъ трудныхъ и непонятныхъ, также взятыхъ изъ другихъ языковъ и темныхъ для уразумѣнія; почему многіе читатели не понимаютъ силы написаннаго и часто получаютъ малую пользу отъ чтенія. Берында изъ разныхъ языковъ и сочиненій, особенно изъ толкованій Максима Святогорца, Мануила Ритора и многихъ другихъ, выбиралъ имена людей, рѣкъ, горъ, лѣсовъ и урочищъ, и каждое трудное слово объяснилъ». Источники словаря, рукописные и книжные, указаны его составителемъ, въ трудѣ котораго обнаруживается частію простая компиляція, но частію и самостоятельное дѣло ученаго.

Приводимъ еще примѣры латинскихъ и другихъ иностранныхъ словъ въ югозападной литературѣ XVII в.: депенденція, квалитеты, кухмистръ, моральный сенсъ, окуляры, персона, персонатъ, реляція, сентенція, стомахъ, субтильный, сукцессія, сцептрумъ, танцую, тортура, тріумфальный, фарба, фортеція, фундаментъ, фурія (бѣшенство), штурмъ, юдиціальный, элементъ и пр. Отличія польско-русскаго языка указаны въ Хрест. Буслаева (стр. 1130—1131). Грамматика Лудольфа, содержащая въ себѣ, какъ говоритъ ея заглавіе, не только главныя основанія русскаго языка, но и руководство къ грамматикѣ славянской, ограничивается одною этимологіею, съ присоединеніемъ словъ и разговоровъ латино-русско-нѣмецкихъ и первоначальныхъ понятій изъ натуральной исторіи на лат. языкѣ (О первой русской грамматикѣ, въ 16 № Вѣст. Евр. 1807; ст. Каченовскаго: Историч. взглядъ на грамматику славян. нарѣчій, въ 9 ч. Трудовъ Общ. люб. рос. слов.; Предисловіе И. Давыдова къ Грамматикѣ Ломоносова, въ 3 кн. Учен. Зап. 2 отд. Ак. Н.; о переводѣ Псалтири Фирсовымъ въ Опис. рук. Син. Библ., кн. 1, № 16).

Грамматика 1621 въ кн. Тол. (1,68). К. Калайдовичъ показалъ, что все существенное въ этой книгѣ Бурцевъ заимствовалъ для своего букваря (Сѣв. Архивъ, 1823, № XI). О составѣ букварей извлечено изъ ст. Забѣлина: «Домашній бытъ рус. царей» (От. Зап. 1854, № 12) и Изслѣдованія г. Пекарскаго: «Наука и литература въ Россіи при Петрѣ Великомъ» (т. I, стр. 167 и слѣд.). По особому уваженію къ букварю Бур-

цева, раскольники издали его 1781 г., въ Супраслѣ, назвавъ его «богодухновенной книгой» (кн. Тол. 1, 271).

О восьми частяхъ слова въ изданіи Калайдовича: «Іоаннъ, экзархъ болгарскій», и въ Опис. Син. Библ. (кн. III, стр. 311—313); О грамматикѣ львовскихъ студентовъ, кн. Тол. 1, 27 и ст. Каченовскаго: Историческій взглядъ на грамматику славянскихъ нарѣчій, въ 9 ч. Трудовъ Общ. люб. рус. слов.; о грамматикахъ Зизанія и Смотрицкаго въ Словарѣ Евгенія (II, 1—3, 52—54), въ Предисловіи Давыдова къ Грамматикѣ Ломоносова (Учен. Зап. 2-го отд. Ак. Н. кн. III) и въ Хрестоматіи Буслаева.

Два новгородскихъ Словаря, Азбуковникъ и Сказаніе о неудобьпознаваемыхъ рѣчахъ, Лексиконъ Берынды и Словарь Зизанія во 2 т. Сказ. Сахарова. Въ Синод. Библ. хранится Азбуковникъ 1654 г. (Хрест. Буслаева 2 отд. LXXXVII). Другіе указаны въ Опис. рук. Рум. Муз. (№ I—IV), Тол. (II, 44 и 343) и Цар. (409, 423). См. Буслаева: Дополненія и прибавленія ко 2 т. Сказ. Сахарова (Архивъ истор. юрид. свѣдѣній, Калачова, кн. 1.); О рус. школьныхъ книгахъ, Мордовцева (Чтенія 1861, кн. 4).

XVIII ВѢКЪ.

А. ЭПОХА ПЕТРА I.

§ 168. Восьмнадцатый вѣкъ открывается реформой государственнаго устройства, по мысли и волѣ Петра. Первая его четверть, называемая «эпохою преобразованія», имѣетъ смыслъ не всецѣлаго, кореннаго разрыва между старымъ и новымъ, а только ускореннаго перехода Россіи отъ ея особнаго существованія къ непосредственному общенію съ Европой. Она есть начальный моментъ того періода въ историческомъ развитіи, который долженъ завершиться органическимъ союзомъ собственныхъ силъ народа съ достояніемъ другихъ народовъ и такимъ образомъ національные элементы жизни возвести на степень общечеловѣческихъ.

Главнымъ предметомъ и орудіемъ реформы служило образованіе, въ которомъ различаются двѣ стихіи: прежняя, или средневѣковая (§ 123), и новоевропейская. Первая господствовала преимущественно въ Кіевѣ, подкрѣпляясь польскимъ вліяніемъ; вторая была результатомъ прямыхъ сношеній съ Европою, завязанныхъ Петромъ. Оба направленія существовали одновременно, не исключая себя взаимно и тѣмъ обнаруживая историческую связь предъидущей эпохи съ эпохою преобразованія. Петръ I завелъ свѣтскія школы; но и послѣ ихъ учрежденія духовныя училища дѣйствовали на основаніи прежнихъ уставовъ. Академія въ Москвѣ даже была преобразована по примѣру кіевской: воспитанники послѣдней заступили мѣсто Лихудовъ (§ 121) и учениковъ ихъ; латинскій языкъ взялъ первенство надъ греческимъ. Изъ среды югозападныхъ ученыхъ, образовавшихся до реформы, Петръ выбиралъ себѣ сотрудниковъ. Учебныя руководства относятся къ двумъ разрядамъ: одни написаны по тѣмъ предметамъ, которые не были преподаваемы до реформы; другія сохраняли прежнее назначеніе, хотя и подверглись въ своемъ составѣ ея дѣйствію, такъ что иное оставлено въ нихъ неизмѣннымъ, а иное принаровлено къ новымъ потребностямъ. Внѣ учебной литературы тоже явленіе: рядомъ съ переводами и сочиненіями, вызванными реформой, продолжалась перепечатка старыхъ и изданіе новыхъ книгъ, которыя отвѣчали характеру прежняго образованія и нуждамъ прежняго чтенія. Поэтому, говоря объ успѣхахъ образованія при Петрѣ, было бы противно истинѣ видѣть въ нихъ нѣчто такое, что лишено всякихъ связей съ прежнею, до-петровскою Россіею, или что порвало ихъ окончательно и

насильственно. Вопросъ состоитъ въ томъ, что, въ сферѣ образованія, введено Петромъ новаго, дотолѣ небывалаго, и какимъ перемѣнамъ подверглось образованіе, ему предшествовавшее.

Соловьева: Разборъ Исторіи царствованія Петра Великаго, Устрялова (Атеней, №№ 27 и 28); Пыпина: Разборъ Очерка исторіи рус. поэзіи, Милюкова (ib., № 25); Вступит. лекція Тихонравова (Моск. Вѣд. 1859, № 232).

§ 169. Важнѣйшею мѣрою образованія служило заведеніе училищъ. Такъ какъ, въ слѣдствіе новаго государственнаго порядка, возникли новые роды службы, отправленіе которыхъ требовало людей, спеціально знающихъ свое дѣло, то первоначальныя училища были спеціальныя. Между ними первое мѣсто занимаютъ школы для образованія сословія военнаго, на которое, по тогдашнимъ обстоятельствамъ Россіи, Петръ обращалъ особое вниманіе. Заботясь о заведеніи флота, онъ основалъ въ Москвѣ Навигаціонную школу, а въ Петербургѣ Морскую Академію (преобразованную потомъ въ Морской Корпусъ). Въ Петербургѣ же основаны были школы инженерная и артиллерійская. Невѣжество подьячихъ, будучи источникомъ безпорядковъ и злоупотребленій, заставило подумать о приготовленіи чиновниковъ для службы гражданской: съ этою цѣлію повелѣно было учредить особыя школы, въ которыхъ обучали бы знаніямъ, нужнымъ хорошему подьячему. Нѣсколько молодыхъ людей, знакомыхъ съ латинскимъ языкомъ, занимались анатоміей и хирургіей въ хирургической школѣ, основанной при военномъ госпиталѣ. Образованіе общее, нужное каждому гражданину безъ различія служебныхъ мѣстъ и званій, доставлялось «цыфирными» школами, устроенными при архіерейскихъ домахъ и монастыряхъ: здѣсь разночинцевъ обучали русской грамотѣ, цыфири (ариѳметикѣ) и геометріи.

Начавъ устройство народной образованности заведеніемъ спеціальныхъ школъ, Петръ I кончилъ его учрежденіемъ Академіи Наукъ (1724), которая была открыта при Екатеринѣ I (1726). По особеннымъ требованіямъ Россіи, на Академію возложена была троякая обязанность: заниматься самостоятельными учеными изслѣдованіями; обучать молодыхъ людей наукамъ въ ихъ современномъ состояніи; готовить учащихся къ преподаванію юношеству начальныхъ основаній наукъ. Такимъ образомъ Академія совмѣщала въ себѣ три учрежденія, которыя въ другихъ государствахъ существовали отдѣльно: будучи высшей ученой корпораціей, она въ тоже время была и высшимъ учебнымъ заведеніемъ, и педагогическимъ институтомъ. Согласно троякому назначенію своему, она заключала въ себѣ: «собственно Академію», члены которой обязаны были производить открытія и усовершенствованія въ наукахъ; «университетъ», въ которомъ положено было академикамъ читать публичныя лекціи; и «гимназію», гдѣ адъюнкты академиковъ, преподавая начальныя основанія наукъ, готовили своихъ учениковъ къ университету или къ учительскому званію.

Для изученія спеціальныхъ предметовъ знанія, издаваемы были, по повелѣнію Петра, особыя книги. Это—первоначальныя, большею частію переводныя, руководства къ морскому искуству, артиллеріи, фортификаціи, корабельной и гражданской архитектурѣ. Они не могутъ, конечно, занимать мѣста въ исторіи словесности, но исторія просвѣщенія упоминаетъ о нихъ съ благодарностью, какъ о такихъ учебникахъ, которые, распространяя полезныя свѣдѣнія, въ тоже время давали новый матеріалъ научной терминологіи.

Другимъ пріобрѣтеніемъ образовательной литературы Петрова времени были переводы европейскихъ сочиненій XVII вѣка, изъ которыхъ одни, на основаніи началъ, добытыхъ развитіемъ науки и политико-общественнымъ ходомъ жизни, полагали основы реформамъ и въ жизни и въ наукѣ, а другія сообщали свѣдѣнія о политическомъ устройствѣ государствъ, ихъ законахъ, исторіи и настоящемъ состояніи—предметахъ, особенно занимавшихъ Петра, который постоянно имѣлъ въ виду государственныя цѣли. Къ такимъ переводамъ, частію изданнымъ, частію оставшимся въ рукописяхъ, относятся: Пуффендорфа—«Введеніе въ исторію европейскихъ государствъ», «О должностяхъ человѣка и гражданина», «О законахъ естества и народовъ»; Гуго Гроція—«О законахъ брани и мира»; «Деньги и купечество», разсужденіе Ло; «О правахъ (законахъ) французскихъ»; «Увѣщанія и приклады политическіе», Юста Липсія; «Историческій и географическій словарь», Морери; «Исторія о настоящемъ управленіи Турецкой Имперіи», и многіе другіе.

Прежнее образованіе не могло остаться безъ перемѣны: оно должно было принаравливаться къ идеямъ реформы. Подчиняясь новому направленію, учебная литература XVII в., отъ азбуки до катихизиса, терпѣла перестройки и въ составѣ и во внѣшнемъ изложеніи. Она распространила кругъ своихъ дѣйствій, потому что начала служить не духовному сословію только, но и мірянамъ; характеръ ея отъ чисто-церковнаго болѣе и болѣе переходилъ въ свѣтскій. Въ одной книгѣ для обученія грамотѣ (Юности честное зерцало, 1717), кромѣ буквъ, складовъ и словъ, содержатся правила, какъ вести себя въ обществѣ и соблюдать свѣтскіе обычаи: содержаніе, ясно показывающее, для кого и съ какою цѣлію она составлена. Другая элементарная книга: «Первое ученіе отрокомъ» (1720), въ слѣдъ за азбукой, предлагаетъ не псалмы и молитвы, какъ это большею частію водилось, а толкованіе заповѣдей, молитвы Господней, символа вѣры и блаженствъ евангельскихъ. Подобныя перемѣны имѣли для большинства значеніе новизны, почему и возбуждали недовольство, какъ дальше увидимъ. Даже церковное слово должно было поступиться, по духу реформы, своимъ схоластическимъ покроемъ и витіеватымъ изложеніемъ, съ которыми оно такъ свыклось въ югозападныхъ школахъ.

Усвоеніе европейской образованности при Петрѣ имѣло задачею доставить государству *матеріальныя* выгоды. Выражаясь словами стихотворцевъ и правительственныхъ лицъ Екатеринина вѣка, Петръ «далъ Россамъ тѣла». Этою задачею объясняются и введеніе новыхъ знаній, и передѣлка прежнихъ на новый ладъ. Изъ нея вытекаютъ всѣ мѣры для народнаго просвѣщенія и всѣ понятія о немъ преобразователя. Отсюда, во-первыхъ, утилитарный взглядъ Петра на науку, по которому онъ домогался отъ нея непосредственнаго примѣненія къ жизни. Какъ государь просвѣщенный, онъ, безъ сомнѣнія, ясно представлялъ себѣ самостоятельную важность науки, но, занятый дѣломъ преобразованія, дороже цѣнилъ ея служебное отношеніе къ государственнымъ цѣлямъ. Отсюда, во-вторыхъ, ясно проводимое имъ различеніе какъ сущности знанія отъ «премѣнныхъ вещей» въ немъ, т. е. отъ случайнаго его элемента, такъ и прямаго содержанія книги—того, что служитъ къ наставленію и вразумленію — отъ лишнихъ ея разглагольствій. Въ одной запискѣ Петра синоду о церковныхъ поученіяхъ требуется единственно изъяснять «прямой путь», чтобы люди знали, въ какой силѣ принимать тѣ или другіе пункты христіанскаго ученія. Съ понятіемъ

о существенно-нужномъ въ знаніи Петръ тѣсно связывалъ понятіе о простотѣ и краткости изложенія. Торопясь работой и дорожа временемъ, онъ не терпѣлъ безплодныхъ разсужденій. Хотя Нѣмцы научили его многому, но ему столько же были противны ихъ плодовитыя рѣчи, приводимыя единственно для расширенія книги, сколько и искуственные пріемы схоластики. Дѣльности содержанія и простотѣ изложенія долженъ былъ соотвѣтствовать самый языкъ — сжатый, ясный, чуждый «праздной красоты». «Сладость рѣчи» была допускаема только въ томъ случаѣ, если она облегчала достиженіе предположенной цѣли. Простая рѣчь предпочиталась высокому славянскому діалекту. Языкъ самого Петра отличался краткостью и точностью, которымъ дивился Ломоносовъ, въ похвальномъ ему словѣ. Иностранныя извѣстія свидѣтельствуютъ о томъ, на какіе предметы образованія обращена была главная заботливость Петра. Сообразно своимъ цѣлямъ, онъ преимущественно имѣлъ въ виду: улучшеніе военнаго искуства, изученіе политическихъ наукъ и очищеніе теологическихъ знаній. Духовный Регламентъ (1721) частію подтверждаетъ слова иностранцевъ, говоря, что скудное и немощное воинство россійское сдѣлалось сильнымъ и страшнымъ, когда монархъ обучилъ его «изрядными регулами»; тоже надобно разумѣть объ архитектурѣ, врачевствѣ и «о политическомъ правительствѣ»; и наипаче тожъ разумѣть «объ управленіи церкви». Намъ извѣстно, что въ пользу первыхъ двухъ предметовъ изданы учебники и другія сочиненія по разнымъ отраслямъ военнаго искуства, переводы книгъ по теоріи права и по части политическихъ наукъ. Что касается до третьяго предмета, то въ мысляхъ Петра было разсѣевать суевѣріе, отличать духъ Христова закона отъ буквы, сущность вѣры отъ простой обрядности. Упомянутыя выше наставленія синоду выражаютъ волю государя, чтобы краткія поученія народу, и въ городахъ и въ селахъ, объясняли: что̀ непремѣнный законъ Божій и что̀ по временамъ и случаямъ измѣнялось, въ чемъ заключается прямой путь. Надобно, пишетъ Петръ, всего болѣе истолковать Вѣру, Надежду и Любовь: о первой и послѣдней или мало, или непрямо что знаютъ, а о Надеждѣ и не слыхали, потому что всю надежду кладутъ на обряды; страданія Спасителя понимаютъ только въ ихъ отношеніи къ первородному грѣху, а душевнаго спасенія ищутъ единственно въ предметахъ внѣшняго богослуженія.

См. Пекарскаго: Наука и литература въ Россіи при П. В.

§ 170. Въ литературныхъ произведеніяхъ Петрова• времени различаются три отдѣла: одни, возникнувъ изъ реформы, служатъ ея началамъ; другія держатся прежняго, схоластическаго направленія; третьи составляютъ область народной поэзіи.

Значеніе перваго отдѣла словесности состоитъ не столько въ его литературномъ достоинствѣ, сколько въ живомъ отношеніи къ реформѣ. Онъ былъ органомъ европейской цивилизаціи, проводникомъ ея идей въ обществѣ. Характеръ его по преимуществу образовательный, или учительный, легко различаемый и въ содержаніи книги, и въ ея внѣшнемъ строѣ. Дѣйствуя по духу намѣреній Петра, литература имѣла двѣ обязанности: утверждать новое и отвергать старое. Въ силу первой обязанности являлась положительная часть книги—убѣжденіе читателей въ истинѣ и пользѣ новыхъ началъ; въ силу второй обязанности—часть отрицательная, т. е. полемика съ началами старыми, обличеніе ихъ ложности и вреда. Самымъ виднымъ примѣромъ этого двойственнаго состава сочиненій служитъ «Духовный Регламентъ», обнародованный незадолго до смерти Петра,—въ то время,

когда реформа уже оказала свое дѣйствіе и успѣла положить основы для новаго литературнаго развитія. Хотя онъ принадлежитъ не къ литературнымъ, а законодательнымъ памятникамъ, имѣя прямою задачею—«исправленіе чина духовнаго» и слѣдовательно подлежа вѣдѣнію исторіи русской церкви; но при Петрѣ администрація и авторство, государственные уставы и словесныя произведенія, положеніе регулъ и выраженіе мыслей, будучи упорно направляемы къ однѣмъ цѣлямъ, тѣсно связывались между собою, почему и дополняютъ или объясняютъ себя взаимно. Подобное явленіе, въ болѣе широкихъ размѣрахъ, мы уже видѣли, говоря о Стоглавѣ, и увидимъ, когда наступитъ очередь говорить о Наказѣ. Духовный Регламентъ, по отношенію къ эпохѣ Петра, почти тоже, что Стоглавъ и Наказъ относительно эпохъ Грознаго и Екатерины II. Онъ состоитъ изъ трехъ частей: первая показываетъ причины, почему учреждается духовная коллегія, и ея преимущество предъ управленіемъ, ввѣреннымъ одному лицу; вторая—предметы коллегіальнаго управленія; третья—обязанности правителей. Занимаясь своимъ собственнымъ предметомъ, онъ выражаетъ характеръ реформы вообще и характеръ новой образованности, и кромѣ того нѣкоторыми пунктами состоитъ въ связи съ исторіей литературы. Регламентація его очевидно представляетъ ту двойственность, о которой сказано выше. Полагая регулы, доказывая ихъ необходимость и пользу, онъ въ тоже время отвергаетъ все имъ противорѣчащее. Похвала новымъ постановленіямъ есть вмѣстѣ и порицаніе упраздняемыхъ. Порицаніе часто переходитъ въ сильныя, даже сатирическія, выходки противъ суевѣровъ, ханжей, невѣждъ, формалистовъ. Такъ, напримѣръ, исчисляя причины коллегіальнаго духовнаго управленія, Регламентъ раскрываетъ его преимущество предъ управленіемъ «единоличнымъ». Таковы еще статьи: о мѣрѣ чести епископской; о держаніи епископовъ при посѣщеніи епархіи и объ архіерейскихъ слугахъ; о неучахъ, вкусившихъ «привидѣннаго и мечтательнаго ученія», т. е. о мнимыхъ мудрецахъ. Отношеніе Регламента къ народной литературѣ высказано тѣми его мѣстами, которыя поражаютъ все, что только можетъ назваться именемъ суевѣрія, помрачающаго чистоту теологіи. Въ ряду суевѣрій поставлены апокрифическія житія святыхъ и другіе вымыслы, ведущіе человѣка къ «недоброй практикѣ», предлагающіе ему «лестный» способъ ко спасенію. Регламентъ осуждаетъ здѣсь нѣкоторыя повѣрья и обычаи, нашедшіе свое выраженіе въ литературныхъ и устныхъ апокрифахъ и другихъ памятникахъ двоевѣрной народной поэзіи. Таковы: обычай проводить въ праздности пятницу на томъ основаніи, что пятница гнѣвается на непразднующихъ; соблюденіе поста въ двѣнадцать «именныхъ» пятницъ, приносящее будто бы многія тѣлесныя и духовныя пріобрѣтенія; поклоненіе дубу и раздача вѣтвей его народу; вожденіе простоволосой жонки, подъ именемъ пятницы, въ церковномъ ходу и воздаваніе ей чести и даровъ. Всѣ эти и другія «непотребныя или вредныя церемоніи» Регламентъ уподобляетъ снѣжнымъ сугробамъ, возбраняющимъ идти правымъ путемъ истины, отравѣ, предлагаемой людямъ вмѣсто здоровой духовной пищи и дающей поводъ «инославнымъ» порицать православіе.

§ 171. Авторъ Регламента, новгородскій архіепископъ Ѳеофанъ Прокоповичъ († 1736), есть представитель собственно-петровской литературы. Основавъ особенную школу богословской науки, онъ, въ томъ же духѣ, положилъ основаніе и особой школѣ церковнаго краснорѣчія. Реформа проповѣди совершена имъ двояко: теоретически, т. е. правилами для проповѣдниковъ, и практически, т. е.

собственными словами и поученіями. Какъ въ правилахъ, не смотря на ихъ специальное назначеніе, выражается характеръ новой эпохи, такъ слова и поученія служатъ орудіемъ для ея потребностей.

Наставленія проповѣдникамъ изложены во введеніи къ богословской системѣ (о законномъ толкованіи Священнаго Писанія), въ статьѣ Регламента о проповѣдникахъ и въ отдѣльномъ сочиненіи: «Вещи и дѣла, о которыхъ духовный учитель народу христіанскому проповѣдовати долженъ». Во главѣ церковнаго слова, равно какъ и теологіи, поставлено «испытаніе Слова Божія». Читалъ бы богословскій учитель (говорится въ Регламентѣ) Священное Писаніе и учился бы познавать прямую, истую его силу и толкъ, укрѣпляя всѣ догматы его свидѣтельствами: такъ и проповѣдники обязаны были, по Регламенту, испытывать отъ Священнаго Писанія, что̀ есть воля Божія, святая, угодная и совершенная, и то самое говорить. Это коренное правило, важное по своему отношенію къ догматикѣ и проповѣди, которымъ оно указываетъ настоящій ихъ источникъ, еще болѣе важно по дѣйствію на разумъ. Допуская толкованіе, личное изслѣдованіе текстовъ, оно возвышаетъ значеніе мысли, пріучаетъ ее къ самодѣйствію, отводитъ новую область ея пытливому духу. Вмѣстѣ съ этимъ, правило было критикой прежняго, средневѣковаго или католическаго, направленія проповѣди: Регламентъ запрещаетъ читать «казнодѣйшковъ легкомысленныхъ, каковы наипаче польскіе бываютъ», а велитъ имѣть книги Іоанна Златоуста и по нимъ учиться слагать чистѣйшее и яснѣйшее слово. Ѳеофанъ вооружился противъ духа, состава и даже произнесенія прежнихъ проповѣдей, имѣя, конечно, въ виду и наши югозападныя: онъ осудилъ произвольное, натянутое развитіе тэмы, отступленія отъ прямаго смысла текстовъ, страсть къ аллегоріямъ и символамъ, обстановку содержанія побочными предметами, театральность въ голосѣ и жестахъ.

Отступивъ отъ схоластическаго направленія, проповѣдь должна была потерять учено-школьный характеръ, иначе: сдѣлаться болѣе доступною христіанскому народу. А этого можно было достигнуть только яснымъ, подкрѣпленнымъ текстами толкованіемъ основныхъ догматовъ христіанства. Правило Ѳеофана указываетъ здѣсь на то самое, что разумѣлъ и Регламентъ, говоря о необходимости такой книжки, въ которой были бы собраны изъ разныхъ учителей ясныя проповѣди какъ о главнѣйшихъ истинахъ вѣры, такъ еще болѣе о грѣхахъ и добродѣтеляхъ, и собственно о должностяхъ всякаго чина. Согласно же съ Регламентомъ, Ѳеофанъ предписываетъ проповѣднику обличать суевѣрія, къ которымъ отнесены вымышленныя чудеса, видѣнія и сны, изустные и письменные за̀говоры, различеніе дней и другихъ временъ на счастливые и несчастные. Такъ какъ подобные предметы находили самый вѣрный отголосокъ въ поэзіи, то понятно, что она также не была исключена изъ круга «дѣлъ и вещей», подлежащихъ запрету. Между частными недостатками русскихъ людей Ѳеофанъ поставилъ «ненависть къ иноземцамъ единственно за то, что они иноземцы». Проповѣдникъ долженъ былъ искоренять такую нетерпимость, свойственную грубымъ понятіямъ объ исключительной національности, но противную духу высшаго, просвѣтленнаго наукой человѣколюбія. Это правило служитъ новымъ знаменіемъ Петровой реформы: оно показываетъ въ Ѳеофанѣ передоваго дѣятеля той эпохи, когда, во мнѣніи большинства, иноязычіе не отличалось отъ иновѣрія, а иновѣріе отъ еретичества.

Давъ теорію, Ѳеофанъ оправдалъ ее практикой. Его проповѣди, содержаніемъ

и постройкой, существенно разнятся отъ проповѣдей югозападныхъ, написанныхъ подъ вліяніемъ католическихъ образцовъ, хотя нѣкоторыми чертами и напоминаютъ прежнюю школу, такъ какъ онъ получилъ образованіе одинаковое съ своими современниками и потому иногда невольно подчинялся вкусу своего вѣка. Развитіе выбраннаго текста состоитъ у Ѳеофана въ указаніи прямаго его смысла. Раздѣленіе слова на части условлено самимъ содержаніемъ; каждая часть наполнена матеріаломъ, дѣйствительно ей принадлежащимъ. Ораторъ не отбивается отъ своей задачи въ сторону, не теряетъ изъ виду предположенной цѣли: отсюда единство взгляда, раскрытіе мысли въ ея собственной сферѣ, представленіе предмета ему свойственными чертами. Доказательства заимствуются преимущественно изъ Священнаго Писанія; нѣтъ обстановки слова историческими примѣрами, астрономическими свѣдѣніями и описаніями естественныхъ предметовъ, столь частыми въ проповѣди югозападной. Художественный элементъ въ словахъ Ѳеофана мало развитъ: аллегорій, образовъ, даже риторическихъ фигуръ немного; драматизма почти вовсе не встрѣчается. Преобладаніе разсудка надъ чувствомъ и фантазіей, стремленіе къ анализу, къ критикѣ мысли были причиною, что изложеніе проповѣдника отличается правильностью логической постройки, связью началъ съ выводами и простотою внѣшней формы. Тонъ его словъ ровный, однообразный, часто сухой; сильныхъ ораторскихъ движеній мало; воображеніе и чувство всегда почти сдержаны въ извѣстныхъ предѣлахъ. Однимъ изъ многихъ примѣровъ характера Ѳеофановыхъ поученій можетъ служить Слово по случаю полтавской побѣды. Другіе, современные Ѳеофану проповѣдники, говоря на тотъ же предметъ, ограничивались выраженіемъ или чувства радости, или чувства благодарности къ Богу: отъ этого содержаніе ихъ словъ страдаетъ общностью и неопредѣленностью, такъ какъ всякое торжество надъ врагомъ возбуждаетъ сказанныя чувства. Ѳеофанъ поступилъ иначе. Хотя онъ тоже имѣетъ цѣлію внушить Россіянамъ благодарность къ подателю побѣдъ; но для достиженія своей цѣли разсматриваетъ великость средствъ, приготовленныхъ непріятелемъ, истребленіе ихъ полтавскою битвой и слѣдствія битвы. Такимъ образомъ Слово раскрыло передъ слушателями прямое значеніе того, чѣмъ именно была и что̀ именно произвела полтавская побѣда, а не побѣда вообще.

Но значеніе Ѳеофана, какъ проповѣдника, не имѣло бы особенной важности, если бы новый путь, имъ проложенный, ограничился только реформою прежней методы проповѣдыванія. Для того, чтобы слово съ полною силою дѣйствовало на слушателей, необходимо ему живое отношеніе къ современной эпохѣ,—достоинство, которымъ въ большей или меньшей степени отличались всѣ знаменитые ораторы, и свѣтскіе и духовные. Тоже достоинство видимъ и въ Ѳеофанѣ: онъ не просто проповѣдникъ—онъ проповѣдникъ Петрова времени. Онъ служитъ дѣлу реформы, возбуждая къ ней сочувствіе, утверждая сознаніе ея необходимости и пользы. Этою цѣлію обусловлено содержаніе его словъ: они или подготовляютъ слушателей къ мѣрамъ преобразованія, объясняя ту выгоду, какую онѣ имѣютъ принести отечеству, или оправдываютъ мѣры, указывая выгоды, уже принесенныя ими. Въ томъ и другомъ случаѣ, исходнымъ пунктомъ своихъ доводовъ Ѳеофанъ выбираетъ вѣроученіе. Какъ пастырь церкви, онъ имѣлъ обязанностію прежде всего утвердить согласіе дѣлъ Петровыхъ съ духомъ Священнаго Писанія и съ тѣмъ, что есть непремѣннаго въ уставахъ церкви. Это согласіе было существеннымъ вопросомъ и для самой паствы, которая въ новыхъ явленіяхъ боялась видѣть измѣну Закону

Божію. Очистивъ правительственныя мѣры отъ всякаго противорѣчія религіозному чувству, Ѳеофанъ раскрывалъ за тѣмъ ихъ общественную и частную пользу. Здѣсь выступали практическіе результаты реформы, наиболѣе способные помирить съ нею недовольныхъ; излагалось утилитарное понятіе о наукѣ, единственно нужное большинству, которое не могло еще цѣнить ея значенія, независимаго отъ практики, а измѣряло ея достоинство тою помощью, какую она приносила на службѣ или въ обществѣ. Примѣры живой связи съ современною дѣйствительностью представляютъ многія слова Ѳеофана. Такъ въ Словѣ на рожденіе царевича Петра Петровича (1716) онъ исчисляетъ подвиги отца его и сравниваетъ старую, до-петровскую Русь съ Россіею новою, петровскою, одолженною своимъ превосходствомъ европейскому образованію. Поѣздки Петра за границу и посылка туда же молодыхъ дворянъ для науки возбуждали ропотъ многихъ, видѣвшихъ въ этомъ дѣлѣ нарушеніе исконнаго обычая: Ѳеофанъ, по случаю возвращенія государя изъ чужихъ краевъ (1717), произнесъ два слова, въ которыхъ объяснилъ законность и пользу путешествій для всѣхъ вообще, для правителей царствъ въ особенности. Здѣсь же доказываетъ онъ важность ученія, которое возвышаетъ молодыхъ надъ старыми и котораго нельзя замѣнить никакимъ опытомъ жизни: странствованіе, говоритъ онъ, въ немногіе годы дѣлаетъ человѣка мудрѣйшимъ, чѣмъ многолѣтняя старость. Морская побѣда надъ Шведами, одержанная кн. Голицынымъ (1720), даетъ оратору поводъ сочинить похвальное слово русскому флоту и убѣдительно выяснить необходимость морскихъ силъ для такой державы, какова Россія. Ссылаясь при этомъ на Шестодневъ Василія Великаго, онъ доказываетъ самимъ Богомъ предначертанную необходимость взаимнаго дружелюбія человѣковъ, съ которымъ нельзя согласить особнаго, въ самомъ себѣ замкнутаго національнаго быта. Не для того ли, спрашиваетъ онъ, между различными странами устроены моря и рѣки, чтобы народы сопрягались другъ съ другомъ любовнымъ, общечеловѣческимъ союзомъ? Перенесеніе новаго года съ сентября на январь оправдано Ѳеофаномъ въ особомъ словѣ (1725). Короче, всѣ главнѣйшія событія и уставы Петровой эпохи находили въ немъ громкаго о себѣ проповѣдника. Онъ былъ панегиристомъ просвѣщенія, посредникомъ между властію и подданными, критикомъ двухъ временъ, отходящаго и наступившаго, которыя вступили другъ съ другомъ въ состязаніе.

Преслѣдуя главную задачу своего краснорѣчія, Ѳеофанъ нерѣдко принужденъ былъ отражать доводы невѣжества, упорно стоявшаго на томъ, что дѣла Петровы не только общественный вредъ, но и грѣхъ противъ Бога. Отсюда въ его словахъ та двойственность, которую намъ уже показалъ Регламентъ: положительное убѣжденіе въ истинѣ очередуется у него съ отрицаніемъ предполагаемой, мнимой ложности. Отсюда же сатирическія выходки проповѣди, которыми духовное ораторство граничитъ съ свѣтскою сатирою. У Ѳеофана встрѣчаемъ портретъ ханжи, нападки на формализмъ, преданный наружному исполненію церковныхъ правилъ, на безпечность духовенства, на невѣжество знатныхъ родовъ и раскольниковъ. Въ проповѣдникѣ видимъ мы снова составителя Регламента.

О трехъ проповѣдникахъ Петрова времени (Журн. Мин. Нар. Пр. 1835, № 7); Стефанъ Яворскій и Ѳеофанъ Прокоповичъ, какъ проповѣдники, Ю. Самарина, 1844; Наука и литература Россіи при Петрѣ Великомъ, П. Пекарскаго, 1862, т. I.

Слова и рѣчи Ѳеофана, 3 ч. (1760—65). Четвертая часть (1774) его сочиненій содержитъ въ себѣ богословскіе трактаты. Всѣ другія сочиненія указаны во 2 кн. Обзора рус. духов. лит. (1861).

§ 172. Убѣжденія Ѳеофана находили сильный отголосокъ между нѣкоторыми особами духовнаго чина. Рядомъ съ его именемъ стоитъ имя архимандрита новоспасскаго монастыря, Ѳеофила Кролика († 1732), нѣсколько лѣтъ проведшаго въ Прагѣ, куда онъ былъ посланъ для перевода книгъ. Оба они, принадлежа къ образованнѣйшимъ людямъ своего времени, видѣли въ государственной реформѣ полезный прогрессъ; оба привѣтствовали благосклонно сатиры Кантемира (см. ниже), не смотря на то, что сатирикъ не щадилъ темныхъ сторонъ ихъ собственнаго званія. Переводчикъ «Увѣщаній политическихъ, Липсія» (§ 169), іеромонахъ Симонъ Кохановскій былъ также сторонникомъ новыхъ воззрѣній. Слово въ день Благовѣщенія, произнесенное имъ въ Ревелѣ (1720), замѣчательно силою полемическаго элемента. Оно осуждаетъ ханжество, лицемѣріе и наружное благочестіе тѣхъ, которые «отъ честнаго гражданскаго сожительства» бѣгутъ въ лѣса и пустыни не ради душевнаго спасенія, возможнаго и въ мірѣ, а ради того только, чтобы избыть служебныхъ трудовъ. За тѣмъ проповѣдникъ ратуетъ противъ раскола съ его «мужицкой богословіей», противъ суевѣрія или злочестія, причисляяя къ нему «сказки бездѣльныя» и слѣд. сходясь на этомъ пунктѣ съ Регламентомъ. Еще ближе подходитъ онъ къ Регламенту понятіемъ объ основахъ духовнаго краснорѣчія. Главное дѣло (разсуждаетъ онъ) въ томъ, что̀ проповѣдуется: если кто учитъ отъ своего мозга, а не отъ Слова Божія—не слушай и не пріемли, кто бы онъ ни былъ; а если будетъ согласоваться съ Словомъ Божіимъ—слушай и пріемли, не взирая на санъ и лице. Гавріилъ Бужинскій, епископъ рязанскій († 1731), былъ также, по стихотворному выраженію, «глашатаемъ великихъ Петровыхъ дѣлъ», хотя онъ болѣе заслуживаетъ вниманія какъ переводчикъ, нежели какъ духовный витія: стиль его проповѣдей остался вѣрнымъ малорусской школѣ и слѣд. отстоитъ далеко отъ реформы, произведенной Ѳеофаномъ. Служа оберъ-іеромонахомъ во флотѣ и сопутствуя государю въ походахъ, Бужинскій большею частію говорилъ слова на событія изъ эпохи преобразованія, наприм.: на побѣды при Полтавѣ и Гангудѣ, на взятіе Шлиссельбурга, на основаніе новой столицы, и пр. По тогдашнимъ обстоятельствамъ, пастырское ученіе соединялось у него или съ политическимъ отзывомъ, или съ разъясненіемъ того, что совершалъ преобразователь. Такъ Слово на морскую побѣду при Гангудѣ оправдываетъ желаніе Петра доставить Россіи превосходство на морѣ. Подобно «Разсужденію о войнѣ съ Карломъ XII» (см. ниже), оно даетъ отпоръ европейскимъ и частію отечественнымъ толкамъ о чрезмѣрномъ властолюбіи русскаго монарха, доказывая, что война съ Карломъ XII была самою законною, которую необходимо было предпочесть унизительному миролюбію. Бужинскій перевелъ сочиненія Пуффендорфа: «Введеніе въ исторію европейскихъ государствъ (1718)» и «О должностяхъ человѣка и гражданина (1726)» и Стратемана «Ѳеатронъ или позоръ историческій (1724)». Предисловіе, написанное имъ къ послѣднему, замѣчательно духомъ терпимости и взглядомъ на чтеніе иностранныхъ книгъ. Послѣдователи другихъ христіанскихъ вѣроисповѣданій называются христіанами, а не смѣшиваются съ еретиками и богоотступниками, какъ бывало прежде. Свидѣтельствами святыхъ отцевъ переводчикъ доказываетъ пользу чтенія не только христіанскихъ авторовъ, хотя и разномудрствующихъ съ нами, но и языческихъ: все, противное въ нихъ здравому ученію (говоритъ переводчикъ), оставимъ или лучше будемъ читать, съ тѣмъ чтобы выучиться отражать ложные догматы. Въ

этихъ словахъ Бужинскаго виденъ сколько пособникъ Петровой реформы, столько же и воспитанникъ Кіевской Академіи: мы знаемъ изъ сочиненій Лаврентія Зизанія, Транквилліона, Галятовскаго, Полоцкаго, какъ охотно югозападные ученые читали древне-классическихъ писателей и творенія отцевъ западной церкви, и какъ слѣды этого чтенія, находимыя въ ихъ собственныхъ книгахъ, смущали великорусское духовенство.

Сторонники реформы уступали, конечно, въ числѣ тому разряду недовольныхъ, которые въ новомъ видѣли измѣну авторитетамъ и преданіямъ. Лица, думавшіе и мыслившіе согласно началамъ преобразованія, были для нихъ «нечестивымъ сборищемъ»: Ѳеофана они называли «ересіархомъ», Бужинскаго «евреанпномъ», Кролика «зловѣрнымъ», Ѳеодосія, архіепископа новогородскаго, «пребеззаконнымъ». И хотя ихъ ропотъ не могъ при Петрѣ имѣть дѣйствія, однакожъ нѣкоторые между ними сочли долгомъ заявить опасность, которою грозили такъ называемыя ими «книги еретическія». Изъ этихъ книгъ наиболѣе возбудили полемику: «Первое ученіе отрокомъ» (§ 169) и «Регламентъ», вмѣстѣ съ прибавленіемъ къ нему «правилъ причта церковнаго и чина монашескаго (1722)». «Ученіе отрокомъ», помѣстивъ, въ слѣдъ за буквами и слогами, краткое толкованіе десяти заповѣдей, молитвы Господней, символа вѣры и девяти блаженствъ, исполнило частію то самое, что позднѣе имѣлъ въ виду Регламентъ, постановляя сочинить три доступныя большинству книги: первую—о главнѣйшихъ догматахъ вѣры и о заповѣдяхъ, вторую—о должностяхъ всякаго чина, и третью—выборъ проповѣдей на тѣ же предметы христіанской догматики и нравственности. Составленное Ѳеофаномъ «Ученіе» повелѣно было не только употреблять какъ букварь, но и читать въ церквахъ по великимъ постамъ, вмѣсто книгъ Ефрема Сирина. Въ предисловіи составитель нападаетъ на тѣхъ «книгочіевъ», которые не знаютъ ни заповѣдей Божіихъ, ни символа вѣры, ни силы молитвъ. Онъ отмѣчаетъ въ нихъ черты «мнимыхъ мудрецовъ», выставленныя Регламентомъ (§ 170): «Чѣмъ таковые чтецы книгъ лучше неграмотныхъ? Напротивъ, они гораздо ихъ хуже и злѣе. Не имѣя страха Божія по дурному воспитанію, научась только чтенію и письму, они обращаютъ свое искуство въ орудіе злобы... Иные, возмечтавъ о себѣ, что они весьма мудры, дерзаютъ вымышлять плевельныя, мимо-богословскія ученія и творятъ въ народѣ расколъ». Этотъ-то букварь былъ поводомъ къ полемикѣ. Маркеллъ Радышевскій, архимандритъ новогородскаго юрьевскаго монастыря (въ послѣдствіи архіепископъ карельскій) доказывалъ, что «Ученіе отрокомъ» наполнено «мѣстами примрачными», несогласными съ православіемъ, что авторъ его—«новоизобрѣтатель, древняго обычая истребитель». Мысли Маркелла находили сочувствіе не только въ духовномъ чинѣ, но и между мірянами. Директоръ петербургской типографіи, Аврамовъ, тоже писалъ пункты на Ѳеофана, выставляя его «провинности къ святой церкви» и стараясь уклонить читателей отъ вѣры въ новоизданныя имъ книги.

Изслѣдованіе Пекарскаго, I, 179—181, 494—514. «Мѣста примрачная» въ рук. Тол. (II, 433). Слова Бужинскаго собраны историкомъ Миллеромъ (1768) и Новиковымъ (1784). Оба изданія неполны. Выписки изъ Слова Кохановскаго см. въ Изслѣд. (I, 492–494).

§ 173. Слова и проповѣди Стефана Яворскаго, митрополита рязанскаго (1658—1722), представляютъ, въ противоположность такимъ же сочиненіямъ Прокопо-

вича, всѣ главныя особенности югозападнаго стиля, вліяніемъ котораго условлена изысканность ихъ постройки. Вмѣсто того, чтобы заняться прямымъ содержаніемъ темы, Яворскій часто обращается къ предметамъ и обстоятельствамъ стороннимъ. Отсюда происходитъ натянутое примѣненіе текстовъ къ событіямъ или развиваемымъ мыслямъ. Существенное отходитъ на задній планъ, уступая мѣсто случайному. Такъ въ Словѣ на текстъ: «Пріимите Духъ Святъ», проповѣдникъ не раскрываетъ главнаго предмета своей рѣчи — внутренняго дѣйствія Духа Святаго на человѣка, а даетъ слушателямъ цѣлый рядъ изысканныхъ примѣненій, изобрѣтая для каждаго чина и сословія приличный образъ, въ которомъ воспринимается ими Духъ Святый. Такъ еще въ Словѣ о призваніи апостоловъ изъ рыболововъ, онъ входитъ въ искуственныя и пространныя сравненія людей съ рыбами. Большая часть словъ Яворскаго, не исключая даже тѣхъ, которыя написаны по поводу современныхъ событій, представляютъ мало слѣдовъ живаго отношенія къ эпохѣ Петра. По нимъ трудно составить понятіе, какъ пастырь церкви смотрѣлъ на явленія новаго времени: признавалъ ли онъ ихъ разумными и необходимыми, или открывалъ въ нихъ противорѣчіе исконному характеру нашей образованности и народному духу. Тогда какъ Ѳеофанъ служитъ своимъ словомъ государственному началу, Яворскій остается въ общехристіанской области или, говоря объ эпохѣ Петра, не схватываетъ ея коренныхъ принадлежностей. Напримѣръ, въ Словѣ на полтавскую побѣду, выразивъ чувство радости, онъ остановился на сравненіяхъ Карла XII съ Петромъ I, превосходство котораго хотѣлось ему показать. Эти сравненія ничѣмъ не разнятся отъ общихъ мѣстъ, удобоприлагаемыхъ къ разнымъ предметамъ; въ нихъ нѣтъ ничего отличительнаго, характеристичнаго: король шведскій уподобленъ льву, Голіаѳу, апокалипсическому звѣрю, дубу видѣнному во снѣ Навуходоносоромъ; семь главъ звѣря и вѣтви дуба суть шведскіе генералы, листья—воины, плоды разсыпанные — знамена и воинскіе доспѣхи; Петръ I представленъ въ видѣ орла, которымъ растерзанъ левъ, новаго Израиля, поразившаго Голіаѳа, сѣкиры, посѣкающей дерево. Впрочемъ Яворскій иногда касался такихъ предметовъ, которые должны были живо затрогивать слушателей. Его «Слово о храненіи заповѣдей Господнихъ», произнесенное въ то время, какъ царевичъ Алексѣй почти три года странствовалъ по чужимъ краямъ, надѣлало много шуму. Оно неодобрительно отозвалось о фискалахъ, учрежденныхъ Петромъ, заявило горячую приверженность къ наслѣднику престола—надеждѣ до-петровской Россіи—и косвеннымъ образомъ осудило перевороты, приписавъ современныя бѣды разоренію закона Божія. Здѣсь также Яворскій расходится съ Ѳеофаномъ, который разорителей закона видѣлъ именно въ противникахъ реформы.

Кромѣ проповѣдей, Яворскій писалъ полемико-догматическія сочиненія. Важнѣйшее изъ нихъ «Камень Вѣры» (изд. 1728). Оно направлено противъ Лютерова ученія, занесеннаго къ намъ иностранцами, которые, со времени Петра I, начали стекаться въ Россію. На это вліяніе указываетъ и текстъ, избранный въ эпиграфъ книги: «Смѣсишася во языцѣхъ и навыкоша дѣломъ ихъ». Слова эти могутъ быть или отнесены исключительно къ мнѣніямъ лютеранскимъ—и тогда они имѣютъ частное значеніе, осуждая только несогласный съ православіемъ навыкъ въ религіозномъ дѣлѣ; или они осужденіемъ своимъ обнимаютъ навыки европейскіе вообще—и тогда ихъ смыслъ гораздо обширнѣе. По поводу Камня Вѣры, завязалась жаркая полемика какъ между протестантскими и католическими богословами, такъ и между на-

шимъ духовными лицами. Въ исторіи литературы, это сочиненіе находитъ себѣ мѣсто по своему отношенію къ проповѣдному слову въ царствованіе Елисаветы, о чемъ будетъ сказано ниже.

Смотри прим. къ § 171. Слово о храненіи заповѣдей Господнихъ въ VI т. Исторіи царствованія Петра I.

§ 174. Потребность реформы сознавалась не однимъ правительствомъ, но и частными лицами, которые, по сравнительно-высшей образованности или по природному здравомыслію, умѣли наблюдать и дурныя и хорошія стороны того, что вокругъ нихъ происходило. Котошихинъ и Крижаничъ находили себѣ преемниковъ въ XVIII в.: одни изъ нихъ, подобно Котошихину, ограничивались указаніемъ общественныхъ язвъ; а другіе, не довольствуясь этимъ, предлагали, подобно Крижаничу, и положительныя мѣры къ исправленію разстроеннаго организма. Притомъ не всѣ они согласовались между собою въ понятіяхъ о лучшемъ устройствѣ. Для иныхъ единственно лучшимъ была старина, и потому они желали бы возвратить Россію къ до-петровскому времени; иные, недовольные старою Русью, подвергали однакожъ критикѣ и мѣры преобразователя. Монахъ Авраміи, строитель московскаго Андреевскаго монастыря, подалъ (1697 г.) Петру I цѣлую тетрадь замѣтокъ, въ которыхъ высказалъ разныя злоупотребленія. Извѣстный намъ Аврамовъ (§ 172) почиталъ новые порядки дьявольскимъ навожденіемъ: онъ сочинялъ тетради, нѣчто въ родѣ старинныхъ букварей, безъ катихизическихъ толкованій, какъ въ «Ученіи отрокомъ», и предлагалъ распространять ихъ въ народѣ, выставлялъ «провинности» Ѳеофана и требовалъ возстановленія патріаршества. Но первенство между грамотными людьми, которые внимательно присматривались къ новымъ порядкамъ, безспорно принадлежитъ Ивану Посошкову, крестьянину какого-то села Покровскаго (+1727).

«Презельная горячность къ отечеству» заставляла его браться за перо: онъ писалъ проэкты и подносилъ ихъ духовнымъ и свѣтскимъ сановникамъ. Книга его: «О скудости и богатствѣ», представленная царю (1724), содержитъ въ себѣ изслѣдованіе о состояніи Россіи при Петрѣ. Она разсуждаетъ о духовенствѣ, дворянствѣ, купечествѣ, земледѣліи, правосудіи, службѣ военной и гражданской, мануфактурной промышленности. Духъ реформы побудилъ Посошкова высказать все, что у него было въ мысляхъ: по словамъ его, онъ согласился бы скорѣе понести бѣдствіе, чѣмъ умолчать при видѣ чего-либо безполезнаго. Недостатокъ правильнаго образованія, рѣдко замѣняемаго простою начитанностью или опытомъ жизни, объясняетъ неровности сочиненія, въ которомъ рядомъ съ разумными мѣрами предлагаются другія, обличающія въ авторѣ самоучку и «простеца», какъ онъ самъ себя называетъ. Укажемъ важнѣйшіе его мысли и планы, частію уже приведенные въ исполненіе, а частію ожидающіе своего осуществленія. Успѣхъ раскола и паденіе благочестія Посошковъ приписываетъ малообразованности духовенства: надобно завести училища по епархіямъ для дѣтей священнослужителей и казеннымъ содержаніемъ обезпечить священниковъ, чтобы они заботились о паствѣ, а не о пашнѣ. Въ статьѣ о купечествѣ, указаны выгоды торговли компанейской или общинной, какъ вѣрнаго способа застраховать ее отъ непредвидѣнныхъ случайностей. Статья о крестьянствѣ предлагаетъ замѣнить подушный сборъ поземельнымъ и уничтожить черезполосныя владѣнія генеральнымъ межеваньемъ. Всего болѣе Посошковъ жалуется на отсутствіе правосудія. И у бусурманъ, говоритъ онъ, чинятъ судъ

праведный, а наша судная расправа никуда негодная; но царство красится и прославляется правдой, которую надобно насадить какъ въ великихъ, такъ и въ «мизирныхъ» людяхъ. До тѣхъ поръ не будетъ на Руси никакого проку, пока останутся древніе порядки. Упразднить же ихъ можно только новымъ уложеніемъ, для чего слѣдуетъ созвать по нѣскольку выборныхъ отъ каждаго сословія.

Кромѣ книги: «О скудости и богатствѣ», Посошковъ написалъ: «О ратномъ поведеніи», «О духовныхъ дѣлахъ», «Наставленіе сыну, отправленному (Петромъ I) въ путешествіе». Все это издано Погодинымъ (1842). См. Предисловіе къ этому изданію; Устрялова, Исторію Петра I, т. I, стр. LIX—LXI; С. Соловьева: Школа Посошкова, въ 5 № Библ. Зап., 1861.

§ 175. Выше было показано (§ 169) значеніе переводовъ для исторіи образованія въ эпоху Петра. Выборъ преимущественно падалъ на тѣ иностранныя книги, которыя своимъ содержаніемъ могли содѣйствовать успѣху реформы. Переводчиками служили ученые Московской и Кіевской Академіи, типографскіе справщики, чиновники посольскаго приказа, а потомъ и молодые Русскіе, побывавшіе за границей и тамъ навыкшіе въ иностранныхъ языкахъ. Самъ Петръ постоянно заботился объ этомъ предметѣ, видя въ немъ какъ бы особую статью своего правленія, отъ которой не отвлекали его даже важнѣйшія государственныя дѣла: онъ выбиралъ сочиненія для перевода, назначалъ переводчиковъ, просматривалъ ихъ работу и дѣлалъ на ней замѣтки, наконецъ указывалъ издавать ее въ свѣтъ. Переводныя и другія книги, напечатанныя по его повелѣнію, составляютъ значительный отдѣлъ образовательный литературы. Предисловіе къ Аполлодоровой библіотекѣ о богахъ (нап. 1725) сохранило извѣстіе о томъ поводѣ, по которому она была переведена: бесѣдуя съ учеными людьми, Петръ полюбопытствовалъ узнать, откуда язычники ведутъ начало своего многобожія и есть ли о томъ какая-нибудь исторія; ему указали на книгу аѳинскаго грамматика, и онъ захотѣлъ имѣть ее на русскомъ языкѣ. Такъ еще узнавъ, что во многихъ академіяхъ при обученіи юношества употребляютъ сочиненіе Пуффендорфа о должностяхъ человѣка и гражданина, Петръ I вручилъ ее синоду для скорѣйшаго перевода, часть котораго самъ просматривалъ и лично отдалъ въ типографію, а при собраніяхъ сенаторовъ, во дворцѣ, на асамблеяхъ восхвалялъ автора, называя его мудрымъ законознателемъ. Понятія Петра о томъ, какъ должно перелагать съ одного языка на другой, отличались вѣрностью. Когда Кононъ Зотовъ представилъ ему въ 1709 г., слѣд. во время самаго разгара войны съ Карломъ XII, переведенный имъ «Блонделевъ новый способъ укрѣпленія городовъ (нап. 1711)», царь отвѣчалъ: въ переводѣ слѣдуетъ не буквально держаться рѣчи подлинника, а понявъ смыслъ ея, выразить какъ можно внятнѣе на своемъ языкѣ. Переводы, сдѣланные по указу Петра, издавались тщательно, съ предисловіями и другими приложеніями, необходимыми читателю для уразумѣнія книги. Предисловія, по тогдашнему обычаю, говорили о важности просвѣщенія, при чемъ доставалось врагамъ его, невѣждамъ; славили эпоху преобразованія и преобразователя, водворившаго науку въ Россіи; объясняли достоинства творенія и пользу его перевода. Такъ, напримѣръ, въ предисловіи къ «Исторіи Европейскихъ государствъ», Бужинскій называетъ эту книгу «сладостно отъ всѣхъ чтомою», отъ которой владѣтельныя особы поучаются благому правленію и которая кратко, разумно и въ порядкѣ излагаетъ дѣянія государствъ, чуждаясь всякихъ вымысловъ. Свидѣтельствомъ тща-

тельнаго изданія служитъ упомянутая Аполлодорова библіотека. Предисловіе къ читателю сообщаетъ свѣдѣнія объ авторѣ, излагаетъ содержаніе книги и показываетъ причину ея перевода. За предисловіемъ слѣдуетъ «Предувѣщаніе любопытному читателю отъ переводчика» (справщика московской духовной типографіи Алексѣя Барсова). Послѣ текста книги помѣщено: «Изслѣдованіе о родословіи первыхъ боговъ языческихъ», дополняемое разсужденіемъ Ѳеофана: «О другихъ знатныхъ слѣдахъ священной исторіи, обрѣтающихся въ эллинскихъ (языческихъ) басняхъ». Въ концѣ приложены: «Каталогъ собственныхъ именъ греческихъ, съ означеніемъ употребленія ихъ россійскаго», и «Экстрактъ изъ Аполлодоровой книги сумнѣнныхъ рѣчей». Притомъ въ сочиненіи противъ каждаго иностраннаго имени поставлено въ скобкахъ русское. Предисловіе Ѳеофана, излагая пользу знакомства съ миѳологіей и вообще съ классическою древностью, тѣмъ самымъ отвергаетъ староверное понятіе, будто христіанину грѣшно читать греческихъ поэтовъ и философовъ. Любящимъ Бога, говоритъ онъ, все обращается во благо: поэтому и языческія творенія, хотя ложныя и суевѣрныя, боголюбивый читатель обращаетъ себѣ же къ созданію. И какъ Самсонъ обрѣлъ сладкій медъ въ трупѣ убитаго имъ льва, такъ и мы, Божіею помощью, можемъ отъ вреднаго получить пользу. Зная это, святые учители наши не только не удалялись отъ чтенія языческихъ книгъ, но и учениковъ своихъ заставляли читать ихъ. Въ твореніяхъ Василія Великаго, Григорія Богослова, Іоанна Златоуста, Климента Александрійскаго, Аѳанасія Великаго и другихъ столповъ христіанства видимъ многія словеса изъ Гомера, Платона, Аристотеля.

§ 176. Къ историческимъ трудамъ Петрова времени относятся: «Ядро Россійской Исторіи (1715)» и «Разсужденіе о причинахъ войны съ Карломъ XII (1717)». Первый трудъ составленъ независимо отъ распоряженій Петра; второй подъ его руководствомъ и даже съ его участіемъ.

Сочинитель «Ядра»—Манкѣевъ, секретарь или переводчикъ, состоявшій при кн. Хилковѣ, посланникѣ нашемъ въ Швеціи, вмѣстѣ съ которымъ раздѣлялъ онъ восьмнадцатилѣтнее заключеніе, отъ начала шведской войны. Сочиненіе его, долго служившее учебникомъ, излагаетъ въ простомъ, обстоятельномъ и почти безошибочномъ разсказѣ отечественныя событія. Въ любопытномъ посвященіи своей книги Петру, Манкѣевъ разсуждаетъ о нравственной пользѣ исторіи: изучающій исторію находитъ въ ней безъ труда все, что многіе собирали съ трудомъ; изъ нея узнаётъ онъ добродѣтели благихъ, пороки злочестивыхъ, различныя перемѣны человѣческаго житія, непостоянство міра, стремглавныя паденія нечестивыхъ; однимъ словомъ, она показываетъ ему наказаніе злыхъ дѣлъ и награду за дѣла добрыя.

Историко-политическое «Разсужденіе о причинахъ войны съ Карломъ XII» написано вице-канцлеромъ, барономъ Шафировымъ, по заказу Петра, которому хотѣлось имѣть описаніе «правовъ и случаевъ» шведской войны. Это — первый опытъ русской публицистики, дающей отвѣтъ на современные толки о честолюбивыхъ замыслахъ Россіи. Шафировъ разсматриваетъ причины, которыя понудили русскаго монарха начать войну съ Карломъ XII; показываетъ, что на послѣдняго должно падать обвиненіе за ея долговременность; наконецъ представляетъ доводы, что со стороны Русскихъ война была ведена съ умѣренностію, по обычаю политичныхъ (образованныхъ) народовъ. Послѣсловіе, или заключеніе, при—

надлежитъ самому Петру: въ немъ опровергается мнѣніе, которое выговаривалось не только иностранцами, но и многими Русскими, что было бы гораздо лучше вмѣсто продолжительной и тягостной для отечества войны заключить миръ, хотя бы съ утратою завоеванныхъ областей. Мы видѣли, что одно слово Бужинскаго развиваетъ ту же мысль Петра. Такимъ образомъ «Разсужденіе» служитъ примѣромъ того, какъ и самъ Петръ, и лучшіе умы его эпохи не успокоивались силою власти, которая могла безконтрольно приводить задуманныя мѣры въ исполненіе, не обращая вниманіе на голоса, раздававшіеся внѣ и внутри Россіи, но старались оправдать эти мѣры путемъ печатнаго слова, дѣйствовать убѣжденіемъ, признавая за нимъ законную силу.

Мемуары этой эпохи имѣютъ предметомъ первый стрѣлецкій бунтъ (1682). Послѣ Медвѣдева, писали о немъ Желябужскій, окольничій и воевода черниговскій, и сынъ извѣстнаго боярина Артемона Сергѣевича, графъ Матвѣевъ, бывшій полномочнымъ министромъ нашимъ при австрійскомъ дворѣ и въ Голландіи.

Если Медвѣдевъ видимо сочувствовалъ царевнѣ Софіи, какъ ея приверженецъ (§ 159), то Матвѣевъ имѣлъ важныя причины смотрѣть на дѣйствующія лица совершенно иначе: его отецъ былъ убитъ стрѣльцами, и самъ онъ, принадлежа къ числу Петровыхъ людей, видѣлъ въ дѣйствіяхъ царевны вредную помѣху реформамъ. Записки его также «пристрастны», по отзыву Татищева, но здѣсь пристрастіе опредѣлялось другими побужденіями, вовсе не похожими на тѣ, которыя увлекали Медвѣдева. По внутреннему достоинству, записки послѣдняго стоятъ выше: ему, какъ мы видѣли, коротко были извѣстны подробности дѣла, тогда какъ Матвѣевъ, во время событія, имѣлъ только 16 лѣтъ. Составленныя гораздо послѣ стрѣлецкаго бунта, записки Матвѣева лишены свѣжести впечатлѣній; онѣ смотрятъ на прошлое издали, когда уже миновался современный интересъ. Поэтому Матвѣевъ вдается въ отступленія, стараясь или раскрыть причины и слѣдствія фактовъ, или вывести какія-либо нравственныя поученія. Притомъ авторъ не довольствовался безъискуственнымъ разсказомъ: ему хотѣлось выказать свое образованіе и способомъ изложенія и витіеватымъ языкомъ.

Какъ въ запискахъ Медвѣдева и Матвѣева видны особенности взглядовъ и личнаго пристрастія, такъ, напротивъ, въ запискахъ Желябужскаго нѣтъ ни того, ни другаго. Имъ свойственно названіе «безстрастныхъ». Авторъ ихъ не высказываетъ ни мнѣній своихъ, ни чувствъ: онъ говоритъ обо всемъ одинаково, ровно, какъ бы чуждаясь похвалы и порицанія. Записки его почти ничѣмъ не отличаются отъ лѣтописи, даже самою формою: происшествія записаны изъ года въ годъ, безъ разысканія причинъ и послѣдствій. Не смотря однакожъ на сухость и отсутствіе преднамѣренной цѣли, разсказъ Желябужскаго весьма любопытенъ наивно-вѣрнымъ изображеніемъ современныхъ нравовъ и обычаевъ. Читая его, живо представляешь себѣ то состояніе Россіи, которое предшествовало единовластію Петра.

Пекарскаго: «Русскіе мемуары XVIII в.», въ 4 и 5 №№ Современника 1855 г.; Наука и лит. въ Россіи при П. В., I, гл. XI.

§ 177. Путешествія, совершенныя при Петрѣ, отличаются особымъ характеромъ отъ древнихъ нашихъ хожденій: тогда русскіе люди отправлялись въ чужія земли всегда почти съ религіозною, иногда съ торговою цѣлью; начиная съ Петра, они ѣздятъ за границу для знакомства съ Европою или для установленія

политическихъ съ нею связей. Вниманіе путешественника останавливалось главнѣйше на томъ, чѣмъ европейское отличалось отъ отечественнаго. Рѣзкія отличія и были для него тѣми достопримѣчательностями, которыя онъ считалъ обязанностію занести въ свой дневникъ, напоминающій нѣкоторыми чертами разсказъ стариннаго паломника или оффиціальный докладъ статейнаго списка, а съ другой стороны представляющій новое не только въ содержаніи, но и во взглядѣ на иновѣрцевъ.

Тотъ же гр. Матвѣевъ, о мемуарахъ котораго сказано выше, описалъ свою поѣздку (1705) изъ Гаги въ Парижъ, для заключенія торговаго договора съ Франціей. Въ путевомъ дневникѣ его отмѣчены, между прочимъ, ясно проведенное разграниченіе королевской державы отъ должностей вельможъ, невмѣшательство послѣднихъ въ дѣла народныя, смертный законъ о взяткахъ съ народа, общественное значеніе женщинъ и обхожденіе ихъ съ мужчинами, общее безъ изъятія воспитаніе юношества, гуманное обращеніе учителей и родителей съ дѣтьми.

Графъ Б. П. Шереметевъ ѣздилъ за границу, по собственной охотѣ, для наблюденій надъ военнымъ искуствомъ. Петру Великому былъ пріятенъ добровольный вызовъ приближеннаго къ нему лица на такое дѣло, которое согласовалось съ его видами: онъ снабдилъ Шереметева грамотами къ разнымъ дворамъ, гдѣ почетно встрѣчали русскаго путешественника, пріобрѣтшаго извѣстность своими воинскими подвигами. Путешествіе продолжалось около двухъ лѣтъ (1697—99). Въ это время Шереметевъ посѣтилъ Краковъ, Вѣну, Венецію, Римъ, Неаполь, Мальту. Путевыя записки его сухи и безцвѣтны, заключая въ себѣ по большой части простой перечень мѣстъ и лицъ, имъ видѣнныхъ. Въ нихъ разсказаны: представленіе Шереметева польскому королю Августу, австрійскому императору Леопольду, папѣ, флорентинскому герцогу, пребываніе въ Венеціи, гдѣ онъ встрѣтилъ многихъ Русскихъ, посланныхъ туда для науки, и между ними двухъ своихъ братьевъ, и на островѣ Мальтѣ, гдѣ онъ былъ радушно принятъ мальтійскими кавалерами и посвященъ ими въ санъ рыцаря, поклоненіе въ городѣ Барѣ мощамъ св. Николая чудотворца, посѣщеніе іезуитской коллегіи въ Неаполѣ и пр.

Въ одно время съ Шереметевымъ ѣздилъ за границу стольникъ Петръ Андреевичъ Толстой. Дневникъ его путешествія по Италіи, на островѣ Мальтѣ и въ Венеціи описываетъ предметы, преимущественно съ внѣшней ихъ стороны, при чемъ главное вниманіе останавливаетъ на монастыряхъ, церквахъ, святыняхъ всякаго рода, вѣроисповѣданіи жителей и порядкѣ ихъ богослуженія. Говоря о чужеземныхъ нравахъ и обычаяхъ, Толстой больше всего отмѣчаетъ тѣ изъ нихъ, которыми иностранцы отличаются отъ его соотечественниковъ. Такъ въ Варшавѣ онъ записалъ, что жены и дочери польскихъ сенаторовъ не ставятъ себѣ въ зазоръ ѣздить по городу въ каретахъ, что жены и дочери богатыхъ горожанъ также не считаютъ безчестьемъ сидѣть въ лавкахъ за всякими товарами. Венеціане поразили Толстова своею трезвостью, своими «невозбранными» публичными увеселеніями, вольнымъ и покойнымъ житьемъ, безъ страха, обиды и тягостныхъ податей. Онъ присутствовалъ въ неаполитанскомъ судѣ, гдѣ судились два человѣка: «подъячій записывалъ ихъ слова, подобно тому какъ и на Москвѣ»; но вотъ что для Москвича было удивительно: судящіеся «говорили чинно, съ великою учтивостію, а не крикомъ».

Пекарскаго: «Поѣздка гр. Матвѣева въ Парижъ» (Соврем. 1856, № 6). Въ Исторіи мальтійскаго ордена, Верто, описано посѣщеніе Мальты Шереметевымъ. Такъ какъ поѣздка на этотъ островъ составляетъ любопытнѣйшую часть путешествія, то въ сборникѣ 1718—32 г.г. (рук. Цар. № 448) путевыя записки Шереметева названы «книгою о хожденіи въ Мальтъ островъ боярина Шереметева». См. также: «Жизнь, анекдоты и дѣянія гр. Б. П. Шереметева» (1808) и «Дѣянія знаменитыхъ полководцевъ и министровъ Петра В., ч. 1» (1821). Путешествіе Толстова сокращенно изложено Н. Поповымъ въ 7 и 8 №№ Атенея, 1859.

§ 178. Къ новымъ литературнымъ явленіямъ Петрова времени относятся также «Русскія Вѣдомости», которыми смѣнились куранты (§ 159) и отъ которыхъ ведетъ свое начало исторія нашей журналистики. Въ бытность свою за границей, Петръ видѣлъ, какимъ важнымъ значеніемъ, нравственнымъ и политическимъ, пользовались тамъ газеты: и потому изъ государственной тайны, какою были у насъ куранты, задумалъ обратить ихъ въ правительственный органъ для распространенія полезныхъ свѣдѣній, для сообщенія извѣстій о Европѣ и своемъ государствѣ. Въ 1701 г. кончилось составленіе рукописныхъ курантовъ: указомъ 16 декабря 1702 г. повелѣно было ихъ предавать тисненію. Первый листъ печатныхъ Русскихъ Вѣдомостей вышелъ 2 января 1703. Печатались онѣ въ числѣ 1000 экз., что даетъ понятіе о потребности, которую любознательные современники ощущали въ изданіи подобнаго рода; а степень его занимательности подтверждается рукописными сборниками той эпохи, въ которые составители ихъ часто переписывали отдѣльные нумера газетъ. Свѣдѣнія, касательно Россіи, шли впереди извѣстій иностранныхъ. Послѣднія были заимствуемы изъ газетъ, получавшихся въ посольской канцеляріи. Кромѣ того, гр. Матвѣевъ, бывшій въ то время нашимъ посланникомъ въ Голландіи, присылалъ царю не только отдѣльные нумера голландскихъ газетъ, но и любопытныя выписки изъ другихъ иностранныхъ періодическихъ изданій. Все это вполнѣ или въ извлеченіи помѣщалось въ Вѣдомостяхъ 1703 г. Неизвѣстно, кто именно занимался ихъ редакціею: нѣкоторые думаютъ, что то былъ графъ Ѳедоръ Алексѣевичъ Головинъ. Петръ Великій самъ иногда отмѣчалъ статьи въ иностранныхъ газетахъ для перевода. Есть извѣстіе, что онъ правилъ корректуру перваго листа, которая хранилась въ московской синодальной типографіи.

Первыя Русскія Вѣдомости, печатавшіяся въ Москвѣ 1703. Новое тисненіе (1855); О началѣ Московскихъ Вѣдомостей, И. Снегирева, въ 26 № Моск. Вѣд. 1851.

§ 179. На ряду съ книгами, явившимися по требованіямъ реформы, шли произведенія въ духѣ и формѣ XVII в. Масса послѣднихъ была гораздо значительнѣе. Они широко и сильно распространялись въ средѣ грамотныхъ людей, которые находили въ нихъ самую пригодную пищу своимъ умственнымъ и нравственнымъ интересамъ. Собственно-петровская литература или имѣла особое, спеціально-учебное, назначеніе, или, по новымъ элементамъ, въ нее входившимъ, требовала извѣстной подготовки, на которую способно было меньшинство читателей; тогда какъ средневѣковое содержаніе науки и словесности, издавна къ намъ перенесенное, представляло знакомый, общепонятный матеріалъ, который легко и свободно давался большинству, ничѣмъ не нарушая того, съ чѣмъ русскій человѣкъ свыкся въ теченіе своей многолѣтней духовной жизни и за что держался крѣпко силою преданій, вѣрованій и убѣжденій. Поэтому литературное достояніе XVII в. остается и въ эпоху Петра господствующимъ: съ одной стороны прежнія

книги выходятъ новыми изданіями, съ другой—книги, вновь издаваемыя, держатся прежнихъ, средневѣковыхъ началъ.

Область духовной словесности, во всѣхъ почти отдѣлахъ, удерживаетъ прежній характеръ. Реформа богословскихъ уроковъ и церковнаго ораторства, совершенная Прокоповичемъ, встрѣтила мало послѣдователей: она стоитъ какъ бы одинокимъ, исключительнымъ явленіемъ. Яворскій, Бужинскій и другіе проповѣдники остались вѣрны старому стилю, которому, какъ увидимъ, суждено было держаться еще долгое время и послѣ Петра. Запасъ легендъ, служившихъ пособіемъ оратору, также переходитъ изъ XVII въ XVIII столѣтіе. Къ первымъ годамъ послѣдняго относятся книги Максимовича: «Алфавитъ святыхъ», «Богородице Дѣво» (§ 145); но въ нихъ, какъ намъ извѣстно, онъ былъ подражателемъ Галятовскаго, Барановича и Димитрія Ростовскаго. По прежнему, духовно-назидательное стихотворство принимаетъ формы псалмовъ, кантовъ, молитвъ и переложеній. Тотъ же Максимовичъ истолковалъ въ стихахъ «Осьмь блаженствъ евангельскихъ (1709)». Содержаніе Св. Писанія выражалось виршами, напоминая Псалтирь Полоцкаго. Въ одномъ рукописномъ сборникѣ включены виршевая Библія, отъ книги Бытія до Апокалипсиса, и виршевое Евангеліе.

Панегирики и хвалебные вирши тянутся по прямой линіи отъ стиховъ на гербъ, дедикацій книгъ и другихъ тому подобныхъ піесъ XVII в.. Торжественныя встрѣчи царственныхъ особъ, празднованіе побѣдъ, прославленіе сановниковъ, привѣтствія начальникамъ и разные другіе случаи давали поводъ къ сочиненію виршей. По взятіи Азова думный дьякъ Андрей Виніусъ произносилъ поздравительные стихи Лефорту и Шеину. Московская академія, слѣдуя кіевской, сочиняла канты, рацеи и діалоги на знатныя событія. Такъ она праздновала «Политиколѣпную апотеозисъ россійскаго Геркулеса, Петра I», по случаю полтавской битвы, или «преславной викторіи надъ химероподобными дивами—гордынею, неправдою и хищеніемъ свейскимъ». Ширяевъ воспѣлъ въ кантатѣ окончаніе шведской войны пиштатскимъ миромъ. Въ честь Меншикова написана монахомъ Іоанномъ Кременецкимъ: «Лаврея, или вѣнецъ безсмертныя славы», состоящая изъ стиховъ и прозы. Въ Ариѳметикѣ Магницкаго, виршами объясняется польза сложенія, вычитанія, умноженія и другихъ дѣйствій съ числами. Появляются новыя изданія прежнихъ книгъ и по другимъ отдѣламъ литературы: такъ, напр., Синопсисъ Гизеля былъ два раза изданъ при Петрѣ. Старинные альманахи и планетники даютъ начало такъ называемому Брюсову календарю, который потому и пріобрѣлъ знаменитость, что сообщалъ астрологическія предсказанія, льстившія давнишнему суевѣрію, и многія полезныя свѣдѣнія, безъ которыхъ не обходилась домашняя жизнь.

Предъидущее столѣтіе завѣщаваетъ эпохѣ преобразованій богатое наслѣдство переводныхъ повѣстей, для которыхъ наступаетъ новая жизнь въ лубочныхъ изданіяхъ. Самъ Петръ содѣйствуетъ популярному чтенію, повелѣвая издавать вновь Езоповы басни, Исторію о разореніи Трои, Апоѳегмата и другія народныя книги. Новыя изданія имѣли большой успѣхъ, потому что представляли читателямъ знакомое содержаніе. Кромѣ того, при Петрѣ явились переводы новыхъ сочиненій, относящихся къ повѣствовательной и поэтической литературѣ: Квинта Курція о дѣяніяхъ Александра Македонскаго (1711), Похожденія Телемака (1724), Объ изгнанномъ

Римлянинѣ Эвксимусѣ, статскій романъ по образцу Телемака (1723), Превращенія Овидія (рук.) и проч.

Вступ. лекція Тихонравова; Изслѣдованіе, Пекарскаго.

§ 180. Театральный репертуаръ этого времени состоялъ изъ піесъ двоякаго рода: къ однѣмъ относятся собственно мистеріи, къ другимъ—сценическія представленія, отступившія отъ характера духовной драмы.

Мистеріи представлялись и при дворѣ, и въ славяно-греко-латинской академіи. Обычай занимать академическихъ воспитанниковъ назидательными драмами не только сохранялся при Петрѣ, но и былъ узаконенъ Регламентомъ, предписавшимъ давать два раза въ годъ комедіи. Уцѣлѣвшія «комедіантскія книги» Наталіи Алексѣевны, младшей и любимой сестры Петра I, показываютъ, что сюжетами драмъ, которыя разыгрывались на ея театрѣ, большею частію служили житія святыхъ. Только и духовныя драмы подверглись вліянію реформы: во-первыхъ тѣмъ, что онѣ стали утрачивать исключительно-религіозный элементъ; во-вторыхъ тѣмъ, что допускали намеки на современныя событія, по поводу которыхъ многія изъ нихъ и были написаны. Примѣняясь къ текущимъ, внѣшнимъ и внутреннимъ, обстоятельствамъ, переходя отъ чисто-духовнаго назиданія къ прославленію мірскихъ дѣлъ, драма на глаза многихъ могла казаться преступною новостью: по этой причинѣ предисловіе къ ней считало долгомъ объяснять небывалую вещь примѣрами другихъ христіанскихъ странъ и тутъ же кстати обличать домашнихъ невѣждъ, «ничего не знающихъ, ничего не видящихъ и не слышащихъ, но неисходно пребывающихъ подъ своею клѣтью и при каждомъ новомъ явленіи отрыгающихъ непотребныя словеса». Выбираемъ нѣсколько примѣровъ того, какъ религіозные сюжеты выводились на сцену вмѣстѣ съ политическими событіями. Само собою разумѣется, что при слабомъ состояніи драмы не могло быть и рѣчи о прямомъ въ ней изображеніи жизни. Не умѣя сладить съ поэтическимъ воспроизведеніемъ дѣйствительнаго быта, слагатель піесы постоянно прибѣгалъ къ аллегоріямъ, отъ чего она являлась смѣсью мистеріи и moralité. «Страшное изображеніе втораго пришествія Господня на землю (представлена 1702)» выставляетъ характеръ польскаго сейма подъ видомъ «Самолюбія» и «Гордыни»: они разрѣшаютъ подданныхъ отъ послушанія королю Августу, желавшему соединиться съ Петромъ противъ Карла XII. «Геній», рачитель пользы королевства польскаго, приходитъ въ сенатъ, но его не слушаютъ. «Королевство Польское» укоряетъ магнатовъ за междоусобныя распри. Наконецъ «Фортуна» вручаетъ «Марсу Роксоланскому» (т. е. Петру) знаменія побѣды. «Преславное торжество освободителя Ливоніи (нап. 1705)», на-ряду съ Моисеемъ, Ангелами, Благочестіемъ, Ревностью, Хищеніемъ, выводитъ Юпитера и Феба, потомъ Ингерманландію и Ливонію, которыя отходятъ въ достояніе Россіи. Побѣда надъ Шведами при Полтавѣ, измѣна и бѣгство Мазепы представлены въ піесѣ: «Божіе уничижителей гордыхъ уничиженіе (нап. 1710)». Между нѣкоторыми ея сценами вставлены «интермедіи и офицерскій танецъ съ словесными похвалами воинству». Въ самой піесѣ есть насмѣшки надъ хромотою — намекъ на рану, полученную Карломъ XII въ ногу.

Не всѣ піесы, составлявшія театральный репертуаръ Петрова времени, дошли до насъ. Изъ числа дошедшихъ мало такихъ, которыя уцѣлѣли въ полномъ со-

ставѣ. Иныя извѣстны только по программамъ, а иныхъ затеряны даже названія. Между лицами, которыя занимались сочиненіемъ драмъ, стоятъ имена двухъ царевенъ. Карамзинъ читалъ въ рукописи одну піесу Софьи Алексѣевны. Есть также извѣстіе, что Наталья Алексѣевна писала трагедіи и комедіи, заимствуя сюжеты изъ Библіи или изъ обыкновенныхъ вседневныхъ приключеній, и что въ одной ея піесѣ выведено было стрѣлецкое возмущеніе. Трагикомедія Ѳеофана Прокоповича: «Владиміръ» изображаетъ введеніе христіанства въ Россію. Она замѣчательна какъ содержаніемъ, взятымъ изъ отечественной, а не изъ библейской исторіи, такъ еще болѣе комическими діалогами жрецовъ (Курояда и Піяра), сѣтующихъ на скудость жертвы богамъ и на прожорливость волхва Жеривола, который самымъ именемъ означаетъ главное свое качество. Можетъ быть, авторъ этихъ діалоговъ, при свойственномъ ему сатирическомъ талантѣ, имѣлъ въ виду суевѣріе и любостяжаніе современныхъ служителей церкви. Нѣкоторыя мѣста піесы показываютъ ея связь съ классическими образцами; таковы: призываніе жрецами адскихъ боговъ; хоръ ангеловъ и апостола Андрея, содержащій въ себѣ пророчество о будущемъ благоденствіи христіанской Россіи; тѣнь Ярополка въ прологѣ, напоминающая тѣнь Тантала въ Сенекиной трагедіи: «Ѳіестъ».

Большая часть духовныхъ драмъ привязываетъ политическіе намеки къ религіозному сюжету; но иногда религіозный сюжетъ входилъ эпизодомъ въ драму, написанную по какому-либо событію. Примѣромъ тому служитъ піеса «Стефанотокосъ». Главный предметъ ея взятъ изъ дѣйствительности, и между тѣмъ четвертое дѣйствіе представляетъ исторію Амана, Артексеркса и Эсѳири. Въ антипрологѣ раскрытъ смыслъ дѣйствія, состоящій въ томъ, что Петръ былъ незаконно лишенъ единовластія. Прологъ указываетъ на коварные замыслы Софіи, безъ всякаго права раздѣлявшей власть съ своимъ братомъ, и на ея заключеніе въ монастырь. За прологомъ идетъ драма-moralité, гдѣ являются Вѣрность, Надежда, Совѣсть, Благочестіе, Мужество, Отечество, Лукавство и другія олицетворенія. Въ концѣ, Европа, Азія, Африка и Америка поздравляютъ Стефанотокса, восторжествовавшаго надъ Лукавствомъ, Злобой и Завистью. Эпилогъ обращается къ зрителямъ съ нравственнымъ выводомъ, что Господь не оставляетъ уповающихъ на Него, и если попускаетъ имъ терпѣть напасти и скорби, то тѣмъ большею славою вѣнчаетъ ихъ послѣ за долготерпѣніе.

Кромѣ означенныхъ драмъ, болѣе или менѣе духовнаго характера, на разныхъ театрахъ въ Москвѣ и Петербургѣ давались переводныя піесы свѣтскаго содержанія. Опись комедіямъ, хранившимся въ посольскомъ приказѣ, показываетъ, что по 30 мая 1709 г. представлено было такихъ комедій тринадцать. Изъ нихъ до нашего времени дошли четыре: «Докторъ принужденный, Мольера» (Le médecin malgré lui), «Сципіонъ Африканскій» (съ нѣм.), «Принцъ Пикель Гярингъ (что значитъ шутъ, схоморохъ), или Жоделетъ, самый свой тюрмовой заключникъ» (Le geôlier de soi-même, иначе: Jodelet prince, ком. Корнеля де Лиля), «Дафнисъ». Кромѣ того сохранились переводы: 5-го дѣйствія Донъ-Жуана и комедіи Мольера: «Les précieuses ridicules», подъ названіемъ: «Драгія смѣянныя». «Докторъ принужденный» разыгрывался на комнатномъ театрѣ царевны Софіи и въ духовной московской академіи.

Ни варварскіе переводы иностранныхъ піесъ, ни мистеріи съ ихъ политическими намеками не могли, конечно, служить основой самобытному русскому театру. Была

другая почва, въ которой онъ, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, укрѣпился бы естественно и свободно. Эта почва—такъ называемыя «интерлюдіи», или «междуброшенныя забавныя зрѣлища», съ ихъ неподдѣльнымъ юморомъ и меткой сатирой, принадлежащими къ замѣчательнымъ фактамъ народнаго творчества. Правда, комическое остается въ нихъ на первой своей ступени, наивной или непосредственной, воспринимаясь наиболѣе внѣшними чувствами и угождая неразвитому вкусу; но имѣютъ онѣ также того, что называется завязкой и развязкой дѣйствія и что необходимо для полноты его развитія: каждая интерлюдія есть рядъ забавныхъ сценъ, не связанныхъ единствомъ мысли. Но въ этихъ отдѣльныхъ сценахъ выступаютъ живыя лица, съ ихъ дѣйствительными характерами, съ ихъ современными интересами и простою, разговорною рѣчью. Интерлюдіи возникли въ Малороссіи и, безъ сомнѣнія, ведутъ свое начало отъ вертеповъ (§ 148). Нѣкоторыя изъ нихъ написаны виршами; въ другихъ стихи чередуются съ прозой. Самая форма ихъ показываетъ, что онѣ слагались людьми книжными, получившими школьное образованіе, но вмѣстѣ близкими къ народу и внимательно наблюдавшими теченіе современныхъ дѣлъ.

Нѣсколько рукописныхъ интерлюдій сохранились до нашего времени. Въ одной изъ нихъ являются: раскольникъ, дьячокъ, ставленникъ, подьячіе, Цыганъ, Литвинъ, лекарь съ слугой, маркитантъ, Грекъ, барышникъ, мошенники, могильникъ (копающій могилу отцу) и кобыльникъ (отыскивающій пропавшую кобылу). Раскольникъ жалуется на жестокую жизнь въ послѣднія времена міра, когда многіе старцы уже видѣли антихриста; когда, вмѣсто долгополаго платья, православные стали носить кургузый кафтанъ и круглый картузъ, и брить бороды; когда на головахъ явились парики, будто у Нѣмцевъ поганыхъ. Эти обстоятельства ясно опредѣляютъ время сочиненія піесы: указы о ношеніи иностранной одежды и о бритьѣ бородъ и усовъ послѣдовали въ 1705 г. Второй указъ особенно возбудилъ сильное недовольство, такъ что св. Димитрій Ростовскій долженъ былъ по этому поводу написать трактатъ «объ образѣ и подобіи Божіемъ въ человѣкѣ». Извѣстно также, что знаменія антихристова пришествія раскольники относили къ реформамъ Петра. Другое лице интерлюдіи, дьячокъ, оплакиваетъ судьбу дѣтей своихъ, которыхъ надобно отдать въ семинарію. Вотъ новыя данныя и для хронологіи піесы и для ея историческаго значенія: указами 1708 и 1710 г.г. велѣно было дѣтей священно-и-церковнослужителей записывать въ греческія и латинскія школы; кто отказывался отъ ученья, того не ставили ни въ попы, ни въ дьяконы, а принимали рядовымъ въ военную службу. Лихоимство подьячихъ также выставлено въ интерлюдіи: объявивъ указъ дьячку и взявъ съ него взятку, они хотѣли освободить его дѣтей отъ школы, но не выполнили обѣщанія и ушли. Потомъ мошенники крадутъ у ставленника мошну въ то самое время, какъ онъ долженъ расплачиваться съ маркитантомъ за съѣденные пироги; далѣе жидъ и раскольникъ выходятъ на ученый споръ, напоминающій своимъ остроуміемъ слово о вѣрѣ христіанской и жидовской (§ 165). Сценическое правдоподобіе піесы выигрываетъ еще отъ того, что лица разныхъ націй (Цыганъ, Грекъ, Литвинъ) ведутъ разговоръ на разныхъ языкахъ.

Пекарскаго: Мистеріи и старин. театръ въ Россіи (Совр. 1857, №№ 1 и 2); таже статья, полнѣе обработанная, составила XIV главу его изслѣдованія: «Наука и лит. въ Россіи при Петрѣ». Карамзинъ говорить о піесѣ царевны Софіи въ Пант. рос. авторовъ. Содержаніе трагикомедіи Ѳеофана изложено Гнѣдичемъ въ письмѣ къ гр.

Н. П. Румянцову 1826 г. (Библ. Зап., 1859, № 20). Гнѣдичъ замѣчаетъ между прочимъ, что смѣлость мыслей, вложенныхъ въ уста служителей идолопоклонства, сила и рѣзкость доводовъ, насмѣшки и свобода, съ какою они говорятъ о недоступныхъ имъ священнѣйшихъ предметахъ истинной религіи, были, безъ сомнѣнія, слѣдствіемъ образованія обширнѣйшаго, нежели какое получали тогда въ семинаріи; что эта свобода показываетъ въ сочинителѣ человѣка, которого идеи возвышались надъ кругомъ идей того времени,—человѣка, который имѣлъ довольно надѣянности на себя, чтобъ выражать мысли, какія въ тотъ вѣкъ и на ухо говорить иные страшились. Русскія интерлюдіи первой половины XVIII в., съ предисловіемъ Тихонравова, нап. въ 3 кн. Лѣт. Рус. Лит. 1859. Пекарскій разсмотрѣлъ ихъ въ вышеуказанныхъ сочиненіяхъ.

§ 181. Реформа, имѣвшая великое значеніе для государственнаго устройства, не оказала почти никакого дѣйствія на бытъ народный. Онъ оставался въ прежнемъ состояніи, матеріальномъ и нравственномъ, тогда какъ дворянское сословіе наукою и службою поднялось надъ прежнимъ, до-петровскимъ своимъ уровнемъ, чѣмъ и проведена была рѣзкая граница между крайними классами общества—высшимъ, или образованнымъ, и низшимъ, или простонародьемъ. Это различіе отразилось въ литературѣ: если образованный Рускій могъ уже не довольствоваться ни содержаніемъ, ни формою старинныхъ словесныхъ произведеній, то для простолюдина, который не получилъ отъ реформы ничего новаго, старина, и въ жизни и въ поэзіи, была завѣтнымъ, неизмѣннымъ его достояніемъ. Народное творчество сохраняло свой исконный характеръ, хотя дѣйствовало не съ такою силою, какъ прежде: художественнымъ достоинствомъ своихъ проявленій оно далеко уступаетъ поэзіи предъидущихъ вѣковъ.

Эта поэтическая дѣятельность, въ средѣ раскола, создала особые духовные стихи, которые отличаются извѣстнымъ направленіемъ, потому что выражаютъ или общее ученіе старообрядства, или ученіе разныхъ его толковъ. Будучи сложены членами особаго общества, они по необходимости передаютъ его церковно-гражданскія понятія объ антихристѣ, о небритіи бороды и усовъ, о двуперстномомъ сложеніи для крестнаго знаменія, о сугубой аллилуіи, и пр. Съ этой только стороны, а не со стороны поэтическихъ красотъ, которыми они бѣдны, раскольническіе стихи могутъ быть поставлены выше другихъ народныхъ стиховъ, какъ такія произведенія, которыя намѣренно или невольно преслѣдуютъ опредѣленныя воззрѣнія и въ которыхъ заявляется лирическое или, вѣрнѣе, дидактическое начало не отъ имени одного лица, но отъ всѣхъ лицъ отдѣльнаго общества, величающихъ себя «остальцами древне-церковнаго благочестія».

Распространенное между раскольниками ученіе объ антихристѣ наполнило ихъ стихи по преимуществу апокалипсическими образами. Во многихъ раскольническихъ книгахъ описаны знаменія его пришествія: время, когда онъ народится; мѣсто, гдѣ будетъ пребывать и дѣйствовать; образъ, въ какомъ явится. Читая толковый апокалипсисъ, книжники давали просторъ собственнымъ гаданіямъ: они примѣняли пророчества священной книги къ современнымъ событіямъ, сильно ихъ занимавшимъ. Исторія христіанскаго міра показываетъ, что такое настроеніе умовъ постоянно возникало при важныхъ общественныхъ перемѣнахъ, когда установленный порядокъ дѣлъ церковныхъ или гражданскихъ долженъ былъ уступить законнымъ требованіямъ другаго, новаго порядка. Борьба, которая при этомъ завязывалась между старымъ уставомъ и «новшествомъ», употребляя выраженіе раскольниковъ, пугала мысль, убѣжденную въ непреложной истинности и вѣковѣчности стараго. Все, несогласное съ прежнимъ, было для приверженцевъ этой мысли

упадкомъ вѣры и нравственности, замысломъ антихристовымъ, и возвѣщало кончину міра; а установитель новаго общественнаго порядка принималъ для нихъ несомнѣнный образъ антихриста. Такъ протестанты, въ борьбѣ своей съ папою, величали его антихристомъ, а Римъ апокалипсическимъ Вавилономъ. У насъ тоже представляютъ исторія уніи и исторія раскола. Противники Никона ссылаются на книгу о правой вѣрѣ, гдѣ указана связь между двумя эпохами: отпаденіемъ Рима отъ православія (через тысячу лѣтъ по Р. Х.) и отпаденіемъ западной Руси въ унію (въ 1595). И мы должны опасаться, предостерегаетъ означенная книга, чтобы, по истеченіи 1666-го года, не пострадать, подобно Римлянамъ и Литвѣ. «Однакожъ», прибавляетъ отъ себя старецъ Аврамій «въ посланіи къ нѣкоему боголюбцу, вопрошавшему его о великихъ тайнахъ» (вѣроятно, о послѣднихъ дняхъ міра), «мы не опаслись: сатана своимъ сосудомъ, Никономъ, въ тотъ годъ вѣру изгубилъ». Такимъ образомъ къ двумъ знаменитымъ эпохамъ прибавлена третья: исправленіе церковныхъ книгъ и нѣкоторыя гражданскія перемѣны.

Сказанное посланіе Аврамія, монаха села Лыскова (нижегордской губерніи), въ первый разъ изложило ученіе объ антихристѣ. Любопытенъ рядъ доводовъ, изъ которыхъ сплетено его толкованіе. По словамъ пророка, говоритъ Авраамій, лукавство изыдетъ отъ сѣвера. Лукавство значитъ антихристъ, который явится въ Скиѳополѣ, т. е. сѣверной, нашей русской землѣ. Иные св. отцы полагаютъ быть антихристу въ Римѣ, но русская земля есть именно третій Римъ: этимъ именемъ почтили ее и Сильвестръ, папа римскій, и кормчая книга, назвавшая вторымъ Римомъ Грецію. Какого же званія будетъ антихристъ? Онъ будетъ чернецъ, который возстанетъ въ сѣверной сторонѣ и подыметъ ереси древнихъ еретиковъ. Сказано объ антихристѣ, что онъ водворится станомъ въ Іерусалимѣ и будетъ представлять изъ себя Христа, глаголя: воздвигну скинію падшу Давидову. Все это согласно съ нашимъ временемъ; всему этому подобится Никонъ «пагубникъ»: онъ построилъ Іерусалимъ въ сѣверной сторонѣ и въ этомъ льстивомъ Іерусалимѣ уставился станомъ, переименовавъ рѣку Истру въ Іорданъ и давъ окрестнымъ селамъ и деревнямъ названія Назарета, Виѳлеема. Число звѣрино 666 совпадаетъ именно съ 1666 годомъ.

При новыхъ событіяхъ образъ антихриста переносился отъ однихъ лицъ къ другимъ. Если въ эпоху исправленія церковныхъ книгъ подобился ему Никонъ, то въ эпоху государственныхъ перемѣнъ онъ примѣнялся къ особѣ преобразователя. Извѣстно, что въ самомъ началѣ XVIII в. между раскольниками ходила мысль о близкомъ концѣ міра и пришествіи антихриста, котораго царство будто бы Москва—новый Вавилонъ, а слуги—московскіе жители. Раскольникъ Григорій Талицкій разсѣвалъ между своими одномышленниками особыя, въ этомъ смыслѣ сочиненныя письма. Противъ этого заблужденія Стефанъ Яворскій написалъ книгу: «Знаменія пришествія антихристова и кончины вѣка» (1703), вызвавшую опроверженіе со стороны расколоучителя Андрея Денисова: «О бытіи послѣдняго времени и противникѣ Божіемъ антихристѣ». Денисовъ старается доказать, что «существующее время по всѣмъ обстоятельствамъ самое послѣднее, о коемъ духъ Божій гласитъ вездѣ сынамъ человѣческимъ въ горестныхъ образахъ и плачевидно».

Ученіе объ антихристѣ, вычитанное грамотнымъ простонародьемъ изъ апокалипсиса и его толкованій, а равно изъ раскольничьихъ книгъ, перешло въ область народной фантазіи, которая воспользовалась ими по-своему. Пѣсня нѣтовщины,

названной такъ по ея ученію, что въ настоящее время нѣтъ на землѣ никакой святыни, ни таинствъ, ни благодати, разсказываетъ, какъ одинъ черноризецъ шелъ по широкой дорогѣ и горько плакалъ о томъ, что потерялъ золотую книгу (истину евангельскаго ученія) и потопилъ въ морѣ церковный ключъ (чистоту вѣры и строгость жизни между духовенствомъ). Ему встрѣтился Христосъ, царь небесный. Утѣшивъ старца обѣщаніемъ найти потерянное, Онъ объявилъ христіанамъ, что

Народился духъ нечистый,
Духъ нечистый—злой антихристъ,
И пустилъ онъ свою прелесть
По городамъ и по селамъ.
Людей моихъ изгоняетъ,
Въ свою вѣру принуждаетъ,
Въ свою церковь ходить заставляетъ,
Своихъ поповъ поставляетъ,
Своихъ судей посылаетъ,
Свои письма разсылаетъ
По селамъ и по деревнямъ,
По прекраснымъ пустынямъ.

Стихъ: «Охъ ты, матушка пустыня», положительно указываетъ отличія антихристовыхъ слугъ:

Пришло времячко гонимо:
Народился злой антихристъ;
Въ сію землю онъ вселился,
На весь міръ вооружился.
Стали его волю творити:
Усы, бороды стали брити,
Латынскую одежду носити,
Трепроклятую траву пити.

Къ этимъ отличіямъ прибавлены, въ другихъ стихахъ, троеперстіе и осьмиконечный крестъ:

Онъ брады всѣмъ брить повелѣваетъ,
Креститься щепотью всѣмъ завѣщаетъ,
Мою вѣру Христову хощетъ искоренити...

Умирайте, мои свѣты,
За крестъ святой, за молитву,
За свою браду честную,
За мою вѣру Христову.

Врагъ церкви Христовой является въ разныхъ символическихъ образахъ, согласно представленіямъ апокалипсиса и толкованіямъ на него или по характеру средневѣковаго стиля въ искуствѣ и поэзіи, любившаго звѣриныя формы. Онъ имѣетъ видъ то хищнаго волка, то десято-рожнаго звѣря, «яростно искочившаго отъ твердыхъ адскихъ заклепъ и облившаго ядомъ каѳолическій красный вертоградъ», то седмиглаваго змія, «превратившаго весь церковный чинъ, истребившаго всѣ преданія». Никто не можетъ отъ него укрыться: нѣтъ отъ него «уходу и ухорону ни въ горахъ, ни въ вертепахъ». Чтобы спасти душу свою, раскольники обрекаютъ себя на страданія, въ духѣ ученія разныхъ сектъ. Нѣтовщина проповѣдуетъ самосожигательство или, по выраженію протопопа Аввакума, «блаженный изволъ», мнимо-историческое происхожденіе котораго изложено въ «Пѣснѣ объ Аллилуевой милостивой женѣ. Къ ея содержанію (§ 161) раскольники прибавили слова Спасителя, который будто бы сказалъ Аллилуевой женѣ:

Охъ ты гой еси, Аллилуева жена милосерда.
Ты скажи мою волю всѣмъ людямъ,
Всѣмъ православнымъ христіанамъ,
Чтобы ради меня они въ огонь кидались
И кидали бы туда младенцевъ безгрѣшныхъ,
Пострадали бы всѣ за имя Христа-свѣта,
Не давались бы въ прелесть хищнаго волка,
Хищнаго волка, антихриста злаго.

Такой же завѣтъ читается въ указанномъ стихѣ о старцѣ:

Вы бѣгите въ горы, вертепы,
Вы поставьте тамъ костры большіе,
Положите въ нихъ сѣры горючей,
Свои тѣлеса вы сожгите.
Пострадайте за меня, мои свѣты,
За мою вѣру Христову:
Я за то вамъ, мои свѣты,
Отворю райскія свѣтлицы,
И введу васъ во царство небесно,
И самъ буду съ вами жить вѣковѣчно.

Если братія нѣтовщины добровольно восходятъ на зажженный костеръ, то морельщики выбрали другой родъ страданій:

Вы бѣгите въ темны лѣсы,
Зарывайтеся песками,
Рудожелтыми хрящами,
Помирайте-ка всѣ гладомъ.
Не умрете—оживете,
Моего царствія не минете.

«Странники» признаютъ единственнымъ спасеніемъ бродячую жизнь, проживаніе въ лѣсахъ и пустыняхъ, безъ всякой связи съ обществомъ, которое состоитъ будто подъ властію антихриста. Они славятъ свою любовь къ скитальчеству, свое отчужденіе отъ узъ гражданскихъ.

Въ иныхъ стихахъ излагается не одинъ какой-либо догматъ, а цѣлое ученіе сектантовъ. Они принимаютъ въ такомъ случаѣ характеръ гномической поэзіи. Примѣромъ служитъ пѣсня послѣдователей Петрова крещенія или Спасова согласія (другое названіе нѣтовщины), которое учитъ, что такъ какъ нынѣ на землѣ нѣтъ никакой святыни, то надобно прибѣгать только къ Спасу, который самъ вѣдаетъ, какъ спасти человѣка. Эта пѣсня («Кто Бога боится, тотъ въ церковь не ходитъ») отличается отъ прозы единственно стихотворною формой. Чтобы выразить въ стихахъ свои обряды и догматы, раскольники не всегда слагали новыя пѣсни: вѣроятно, пользовались они и пѣснями готовыми, измѣняя ихъ по духу своего ученія и такимъ образомъ сообщая имъ направленіе, котораго онѣ прежде не имѣли. Примѣръ этого видѣли мы въ стихѣ объ Аллилуевой женѣ. Даже лирическія народныя пѣсни прилаживалъ раскольникъ къ своему богослуженію и догматикѣ. Пѣсни, въ которыхъ дочь, отданная замужъ на чужую сторону, тоскуетъ по родинѣ и хочетъ вернуться къ отцу и матери, послужили для выраженія священной тоски, священныхъ стремленій. Страстный элементъ родственныхъ отношеній перешелъ въ страстность религіознаго чувства. На такой восторженный тонъ настроены богослужебныя пѣсни людей Божіихъ: «Взойду я на круту гору» и «Тошнымъ было мнѣ тошнехонько»:

Взойду я на круту гору, взгляну я подъ красну зарю.
Подъ красною зарею три дерева стоятъ,

Подъ тѣми древами три стула стоятъ,
На тѣхъ ли на стульяхъ три братца сидятъ:
Первый-то братецъ въ гусли играетъ,
А другой-то братецъ подыгрываетъ,
Третій-то братецъ невеселъ сидитъ.
Что же ты, братецъ, невеселъ сидишь?
Или тѣ, братецъ, игра не мила?
Все то мнѣ мило да все хорошо,
Только не мила мнѣ чужа сторона:
Чужая сторонушка безъ вѣтра сушитъ,
Безъ вѣтра сушитъ, безъ солнца печетъ;
На чужой сторонушкѣ умѣючи жить,
Старому, малому—покорному быть,
Буйной головушкой—поклончивой жить,
Ретиву сердечушку—покойному быть.

Нѣкоторые мотивы этого стиха взяты изъ народныхъ семейныхъ пѣсенъ: «Ахъ далече, во чистомъ полѣ, стояло тутъ деревцо вельми высоко», «Калину съ малиною вода поняла», и др. Такое же усвоеніе обще-эпическихъ мотивовъ представляетъ стихъ о какой-то «Сладимъ-рѣкѣ» («Взбранный воевода нашъ, сударь батюшка»), вытекающей изъ рая и несущей на своихъ волнахъ царскій корабль—этотъ средневѣковый символъ церкви. По формѣ и тону, онъ ничѣмъ не разнится отъ молитвенныхъ славословій. Какъ ни далеко содержаніе этого стиха отъ содержанія народной пѣсни: «Ужъ какъ палъ туманъ на сине море», однакожъ слова молодца вѣрному коню:

Ты скажи моей молодой вдовѣ,
Что женился я на другой женѣ,
Что за ней я взялъ поле чистое,
Насъ сосватала сабля острая,
Положила спать калена стрѣла,

напоминаютъ читателю сватовство и вѣнчанье въ раскольничьемъ стихѣ, гдѣ вмѣсто жены—смерти, поля, стрѣлы и сабли являются Сіонъ и Голгоѳа, святой крестъ, небо высшее и земля.

Небольшое количество раскольничьихъ духов. пѣсенъ нап. въ сборникѣ Варенцова. См. статью Буслаева: «Рус. дух. стихи», въ 21, 23 и 26 №№ Рус. Рѣчи 1861 г. Ученіе Авраамія объ антихристѣ изложено по «Описанію нѣкоторыхъ сочиненій, написанныхъ раскольниками», 1861. Сочиненіе Андрея Денисова указано въ «Опытѣ раскольн. литературы» (Библ. Зап. 1861, №№ 8, 9 и дал.).

§ 182. Могучая личность Петра не нашла достойнаго себѣ выраженія въ народной поэзіи. Скудость пѣсенъ, отмѣтившихъ нѣкоторыя событія его царствованія, можетъ быть объяснена различно. Во первыхъ, время государственнаго устройства всего менѣе покровительствовало народному творчеству: напротивъ, указами и другими мѣрами оно преслѣдовало все то, чѣмъ питалось суевѣріе, но подъ вліяніемъ чего возникали памятники двоевѣрной литературы. Во-вторыхъ, стоя въ сторонѣ отъ реформы, народъ не питалъ сочувствія къ преобразователю и не имѣлъ слѣдовательно охоты воспѣвать его въ своихъ пѣсняхъ, какъ онъ воспѣвалъ, напримѣръ, Грознаго: замѣна стараго новымъ, введеніе европейскаго образа жизни въ ущербъ роднымъ обычаямъ способнѣе были вызвать сатиру, нежели хвалебные гимны. Наконецъ, въ-третьихъ, развитіе книжнаго стихотворства нанесло также сильные удары безъискуственной поэзіи, мало по малу затихавшей въ своемъ эпическомъ движеніи.

Пѣсня: «Свѣтелъ, радошенъ въ Москвѣ благовѣрный царь Алексѣй Михайловичъ», описываетъ пиръ, устроенный имъ по случаю рожденія Петра Великаго,

«перваго императора по землѣ». Она состоитъ изъ простаго, прозаическаго пересчета обстоятельствъ, которыми сопровождались веселье родителя и чествованія новорожденнаго.

Другая пѣсня (подъ названіемъ: «Борисъ Шереметевъ», въ сборникѣ Кирши Данилова) содержитъ въ себѣ разсказъ о шведскомъ маіорѣ, взятомъ въ плѣнъ казаками при осадѣ Шлюссельбурга. На первомъ распросѣ, плѣнный говорилъ «не съ упадкою», что у Шведовъ «съ генераломъ въ полѣ сорокъ тысячей, а съ королемъ смѣты нѣтъ». На второмъ допросѣ, когда маіора двое сутокъ не кормили, а въ третьи поднесли ему винца, онъ разсказалъ всю истину:

Всѣхъ съ королемъ нашимъ и генераломъ
Силы семь тысячей, а болѣе того нѣту.
И тутъ государь взвеселился:
Велѣлъ ему, маіору, голову отляпать.

Въ третьей пѣснѣ смѣшаны первое путешествіе Петра съ морскимъ походомъ противъ Швеціи. Она замѣчательна мотивами стариннаго эпоса, отнесенными къ новому лицу. Царь незнаемо-невѣдомо началъ собираться въ путь:

Чистымъ серебромъ кораблики изнаполнилъ,
Краснымъ золотомъ суденышки изукрасилъ.
Онъ беретъ-то съ собой силушки очень-мало,
Что одпихъ только преображенскіихъ гренадеровъ.
Какъ приказъ-то даетъ нашъ батюшка царь бѣлый:
«Ой, вы слушайте, офицерушки и солдаты!
Не зовите вы меня ни царемъ своимъ, ни государемъ,
А зовите вы меня заморскіимъ купчиной.

Черезъ двѣ недѣли корабли принесло къ стекольному (шведскому) королевству. Гетманъ шведскій узналъ въ купчинѣ бѣлаго царя и донесъ о томъ королевѣ:

Какъ на красное крылечко королевна выходила,
Она семи земель царей портреты выносила,
По портрету царя бѣлаго узнавала;
Закричала королевна громкимъ голосомъ:
«Ой, вы гой еси, мои шведскіе генералы!
Запирайте вы воротики покрѣпче,
Вы ловите царя бѣлаго скорѣе!»

Царь бросился къ крестьянину и велѣлъ ему везти себя на край моря. Счастливо избѣгнувъ двухъ шведскихъ погоней, онъ воротился во святую Русь.

Первыя двѣ пѣсни въ сборникѣ Кирши Данилова; третья въ ст. Пыпина: «Народные стихи и пѣсни» (Отеч. Зап., 1858, № 1).

§ 183. Наплывъ варваризмовъ въ русскую рѣчь, начавшійся задолго до Петра (§ 167), продолжался и при немъ. Быстрое усвоеніе новоевропейскихъ вещей и понятій вмѣстѣ съ ихъ названіями, усиленныя сношенія съ иностранцами и переводная литература доставили языку нашему значительное количество чужеземныхъ техническихъ терминовъ, относящихся къ военному искуству, мореплаванію, администраціи и другимъ предметамъ, которые составляли область реформы. Этою областью и опредѣляется объемъ иностраннаго вліянія на языкъ Петровой эпохи, которое должно быть отличаемо отъ предъидущаго вліянія, имѣвшаго проводникомъ своимъ югозападную русскую словесность XVII в. Исторія языка при Петрѣ представляла тоже явленіе, какое существовало въ средѣ общественныхъ нравовъ: безпорядочное сопоставленіе своего и чужаго, механическое ихъ смѣшеніе. Обычай югозападныхъ авторовъ ставить русское слово подлѣ иностраннаго сохранился и въ книгахъ Петрова времени, напр.: квалитеты (или качества), добраго кон—

дута (сирѣчь всякія годности), штилизованы (сочинены) и т. п. Употребленіе варваризмовъ, будучи въ началѣ дѣломъ необходимости, перешло потомъ въ злоупотребленіе: къ нимъ стали прибѣгать, и на письмѣ и въ разговорѣ, безъ всякой нужды. Обычай пестрить родную рѣчь иностранными словами и фразами сдѣлался ученою модой, служилъ признакомъ европейской образованности. Желаніе блеснуть такимъ чисто-внѣшнимъ европеизмомъ, весьма понятное на первыхъ порахъ заимственной цивилизаціи, вызвало потомъ сатиру и противодѣйствіе людей просвѣщенныхъ.

Изъ одного источника съ другими мѣрами Петра, т. е. изъ желанія сблизить Рускихъ съ Европою, вышло приписываемое ему изобрѣтеніе гражданской азбуки, хотя по нѣкоторымъ старопечатнымъ книгамъ видно, что нѣкоторыя латинизированныя буквы явились у насъ еще въ предъидущую эпоху. Въ основу ея былъ принятъ употребляемый въ Европѣ алфавитъ латинскій. Она называлась иногда «амстердамскою», такъ какъ новыя буквы были отлиты въ Амстердамѣ. Посредствомъ нея русскій языкъ своимъ начертаніемъ отдѣлился отъ церковно-славянскаго. Отличія ея, сравнительно съ кирилицей, состоятъ въ упрощенномъ видѣ буквъ, въ меньшемъ числѣ ихъ и въ уничтоженіи удареній. Первыя книги, напечатанныя гражданскимъ алфавитомъ, были: «Геометрія, славенски землемѣріе (1708)» и «Приклады, како пишутся комплименты (1708)». Претерпѣвъ въ послѣдствіи нѣкоторыя перемѣны, онъ принялъ наконецъ тотъ видъ, который имѣетъ и теперь. Со времени его введенія, кирилица стала употребляться исключительно въ книгахъ духовно-церковнаго содержанія.

Б. ОТЪ КАНТЕМИРА ДО ЛОМОНОСОВА.

§ 184. Въ царствованіе Петра I накопилось много общественныхъ явленій, которыя давали богатую поживу сатирѣ. Изъ XVII вѣка перешли въ XVIII-ый давно зародившіяся, но не залеченныя язвы русскаго народа, его обще-человѣческіе и собственные грѣхи: расколъ съ своимъ церковно-обряднымъ ученіемъ, малая образованность духовенства, бывшая одною изъ главныхъ причинъ развитія раскола, недовѣрчивость къ наукѣ, поддерживаемая византійскимъ внушеніемъ, противо-государственныя притязанія знатныхъ родовъ, отсутствіе правды на судѣ и въ частныхъ дѣлахъ. Реформа, взволновавъ общество, яснѣе раскрыла все то, что обличали Котошихинъ, Крижаничъ и Посошковъ, и сверхъ того произвела новыя явленія, которыя становились въ разладъ съ прежними. Расколъ окончательно отпалъ отъ преобразуемой Россіи, присоединивъ къ своему церковному ученію гражданское начало. Исправленіе духовнаго чина Регламентомъ возбудило непріязнь той среды, которая должна была подчинять свои дѣйствія планамъ реформы. Дворянство, посылаемое въ науку и на службу, выказало наблюдательному уму свою праздность и невѣжество. Мѣстнической гордости нанесены были чувствительные удары не однимъ уничтоженіемъ разрядныхъ книгъ, но и на самомъ дѣлѣ—почетнымъ возвышеніемъ лицъ, не имѣвшихъ ни гербовъ, ни патентовъ. Столкновеніе старыхъ элементовъ съ новыми было непосредственнымъ дѣйствіемъ реформы и самымъ виднымъ образомъ характеризуетъ ея эпоху. Общество представляло разнородные классы людей, которые не могли сойтись въ ин-

тересахъ и понятіяхъ Польско-кіевская образованность доставляла ученыхъ, наиболѣе способныхъ оцѣнить важность сближенія Россіи съ Европой, такъ какъ они знакомились въ школахъ съ средневѣковой наукой и литературой запада. Нѣкоторые между ними дѣйствительно стали на сторонѣ Петра. Число ихъ дополнялось тѣми изъ Русскихъ, которые получили образованіе за границей. Но гораздо многочисленнѣе были невѣжественные приверженцы старины, которые вовсе не хотѣли европейской цивилизаціи, тайно или явно сопротивлялись ея успѣхамъ и питали надежду когда-либо воротиться къ прежнему быту. Въ средѣ ихъ занималъ мѣсто и расколъ. Параллельно съ этими представителями старой Руси стояли легкомысленные представители Россіи новой, которые въ усвоеніи внѣшнихъ отличій европеизма полагали всю сущность дѣла: ихъ пустая переимчивость иностранныхъ языковъ, костюмовъ, обычаевъ и т. д. была не европейскою образованностью, а новымъ невѣжествомъ, неизвѣстнымъ нашимъ предкамъ. Такимъ образомъ мыслящаго наблюдателя Петровой эпохи преимущественно поражали два крупныхъ явленія: во-первыхъ, «противоположность» между двумя классами, изъ которыхъ одинъ чуждался науки, а другой только что начиналъ съ нею знакомиться; во-вторыхъ, «сопоставленіе», или механическое соединеніе, въ средѣ одного и того же класса, стараго съ новымъ, когда свое и чужое не успѣли еще «сочетаться органически».

Указанные элементы русскаго общества, частію комическіе, частію опасные для успѣховъ цивилизаціи, давно сдѣлались предметомъ сатиры. Мы видѣли, что Ѳеофанъ и въ Регламентѣ и въ проповѣдяхъ давалъ свободу своему сатирическому раздраженію; что интерлюдіи начала XVIII в. выводили на сцену многіе типы допетровскіе и петровскаго времени. Въ ближайшей связи съ этими литературными фактами стоитъ дѣятельность Антіоха Кантемира (1708—1744), сына молдавскаго господаря Дмитрія, перешедшаго въ подданство Россіи послѣ прутскаго договора. Его именемъ обыкновенно открываютъ исторію русской сатирической поэзіи, позабывая однородныя произведенія въ предшествовавшей и современной ему словесности. Если онъ долженъ быть названъ первымъ нашимъ сатирикомъ, то потому только, что первый далъ намъ образцы сатиры, какъ особаго вида дидактической лирики, возникшаго у Римлянъ. Подражая Горацію и Буало, онъ началъ писать, выражаясь о немъ словами Ѳеофила Кролика, «рогатые, бодливые стихи» (cornutum carmen), бывшіе до тѣхъ поръ незнакомыми русскимъ читателямъ и заслужившими ему отъ Ѳеофана Прокоповича имя «рогатаго пророка» (corniger vates: vates—пророкъ и поэтъ). Появленіемъ новой формы для выраженія сатирическаго чувства, которое облекалось въ другія формы, равно какъ его силою и правдою, и можно объяснить восторгъ, возбужденный первою сатирою Кантемира въ двухъ наиболѣе образованныхъ духовныхъ лицахъ.

Кантемиръ сочинилъ девять сатиръ силлабическими стихами, въ періодъ времени отъ 1729 по 1739 г. Онѣ выражаютъ просвѣщенное негодованіе, произведенное съ одной стороны закоснѣлыми поборниками старины, противниками дѣлъ Петровыхъ; съ другой—невѣжественными послѣдователями реформы, остановившимися на усвоеніи внѣшнихъ отличій европейскаго образованія. Кантемиръ преимущественно имѣетъ дѣло съ первыми, которые, по своей численности и упорству, были опасны для успѣховъ цивилизаціи, тогда какъ вторые представляли наблюдателю болѣе комическіе слѣды лжеобразованности. Притомъ сатирикъ пи-

салъ въ неблагопріятное для новыхъ порядковъ время: при Петрѣ II, когда противники «ученой дружины» смѣлѣе возвышали свой голосъ; при Аннѣ Іоанновнѣ, когда также мало радѣли о распространеніи искуствъ и наукъ. Литература должна была мужественно отстаивать интересы просвѣщенія, отъ котораго зависѣла ея собственная крѣпость. Въ выборѣ лицъ и предметовъ Кантемиръ руководствовался разумнымъ основаніемъ. Первая сатира его (Къ уму своему) направлена противъ хулителей ученія: она осмѣиваетъ невѣжество—главнѣйшее зло тогдашней эпохи. Портреты, ею нарисованные, служатъ представителями тѣхъ общественныхъ классовъ, которые дѣлами или мнѣніями обнаруживали нелюбовь къ наукѣ: это—ханжа Критонъ, дворянинъ Сильванъ, гуляка Лука и щеголь Медоръ. Въ своихъ нападкахъ на ученіе, Критонъ прикрывается религіозной ревностью: онъ называетъ науку матерью ересей и расколовъ, источникомъ безбожія, рушительницей древнихъ обычаевъ; ставитъ ей въ вину пытливость, желаніе доискиваться причинъ и слѣдствій; приписываетъ ея успѣхамъ упадокъ прежняго значенія своей партіи. Короче, въ доводахъ своихъ Критонъ пользуется давно извѣстнымъ орудіемъ: еще Максимъ Грекъ обличалъ тѣхъ, которые ставили еретичество на одну доску съ истиннымъ знаніемъ и въ чтеніи Библіи видѣли прямой путь къ сумасшествію. Почти одновременно съ Кантемиромъ, Ѳеофанъ, въ Регламентѣ, разсуждалъ о заблужденіи многихъ, почитавшихъ науку виною ересей, а въ проповѣдяхъ своихъ защищалъ реформу отъ упрековъ въ противорѣчіи вѣрѣ и уставамъ церкви. Другое лице—дворянинъ Сильванъ, думающій единственно о приращеніи доходовъ, порицаетъ науку за то, что она не ведетъ къ богатству: порицаніе естественное въ устахъ того, кто способенъ понимать только прикладное достоинство знаній, ихъ очевидную, непосредственную пользу для матеріальнаго быта. Независимо отъ этого, дворянство, приневоленное къ труду, имѣло особенные резоны разглашать о безполезности службы и ученія, пригоднаго, по ихъ мнѣнію, только духовенству да подьячимъ. Весельчаки и гуляки, подобные Лукѣ, говорили, что ученіе губитъ здоровье, расторгаетъ людское содружество, мѣшаетъ пріятностямъ жизни. Щеголь Медоръ, побывавшій въ чужихъ краяхъ, гдѣ заразился страстію къ модамъ, смотритъ на ученыхъ съ презрѣніемъ, предпочитая портнаго Сенекѣ, а парикмахера Виргилію.

Четыре типа первой сатиры не обнимали всего числа враговъ просвѣщенія. Было много и другихъ, съ новыми поводами къ жалобамъ. Судьи, спавшіе въ то время, какъ дьякъ читалъ имъ выписку изъ дѣла, негодовали на стѣсненіе лихоимства, на обязанность изучать законы и по нимъ вершить дѣла. Древніе роды, привыкнувъ пользоваться мѣстами и почестями за одно происхожденіе отъ именитыхъ предковъ, считали права свои явно нарушенными, когда Петръ I на самомъ дѣлѣ уничтожилъ силу разрядныхъ книгъ, поставивъ правиломъ награждать личныя заслуги. Превратный взглядъ на достоинства людей, въ силу котораго внѣшнее и случайное брало верхъ надъ внутреннимъ и существеннымъ, былъ ближайшимъ результатомъ невѣжества: поэтому вторая сатира (На зависть и гордость злонравныхъ дворянъ) преслѣдуетъ генеалогическое высокомѣріе тѣхъ, которые, не принеся никакой пользы отечеству, роптали на возвышеніе лицъ, «собою начавшихъ свой знатный родъ». Самъ авторъ, въ предисловіи ко второй сатирѣ, объясняетъ ея связь съ первой. «Найдутся читатели, говоритъ онъ, которые отъ одного заглавія сатиры взбунтуются противъ сатирика. Недовольно бы-

ло того (скажутъ они), что онъ хулилъ неохотниковъ до науки: теперь еще безъ панцыря на дворянъ наступаетъ. Прошу терпѣливо выслушать мои резоны. Въ первой сатирѣ я защищалъ науку отъ невѣждъ, которые не только ничего не знаютъ, но и ничего знать не хотятъ, и для того преслѣдуютъ всякое знаніе, проповѣдуя его безполезность и даже вредъ народу. Если я не согрѣшилъ тогда, защищая одну добродѣтель, то виноватъ ли теперь, когда всѣ добродѣтели вмѣстѣ защищаю? ибо я не имѣю намѣренія хулить благородіе, а устремляюсь противъ гордости и зависти дворянъ злонравныхъ, чѣмъ самымъ защищаю всякое благонравіе». Послѣднія слова указываютъ смыслъ сатиры, выраженный также однимъ изъ ея стиховъ: «благороднымъ дѣлаетъ насъ одна добродѣтель», и эпиграфомъ, взятымъ изъ Лабрюйера: «хорошо быть благороднымъ, но столько же хорошо быть такимъ, чтобъ тебя не спрашивали, благороденъ ли ты». Къ лучшимъ мѣстамъ сатиры относится портретъ современнаго щеголя, празднаго и грубаго, не смотря на заграничную поѣздку, нарисованный въ противоположность его предкамъ, пріобрѣтшимъ знатное имя дѣятельною службою отечеству.

Въ невѣжествѣ коренился и расколъ. Замѣчательная сатира: «На состояніе свѣта сего», или «Къ солнцу», съ большею подробностію раскрываетъ то самое, о чемъ разсуждалъ раскольникъ въ интерлюдіи (§ 180). Кантемиръ смѣется надъ «богословскими рѣчами» мужика, только-что оставившаго соху; надъ ученіемъ «мнимыхъ мудрецовъ, бродящихъ по грамотѣ и сѣющихъ въ простонародьѣ крамолы»; надъ грубымъ суевѣріемъ тѣхъ лицъ, которыхъ интерлюдія вывела подъ именемъ ставленника; надъ фальшивою набожностью купца, который сегодня кладетъ земные поклоны передъ иконой, а завтра сидитъ въ тюрьмѣ за то, что воровски провозилъ товары безъ пошлины; надъ подьячимъ, высохшимъ съ коварства и завистной злобы отъ удачи другихъ взяточниковъ, и надъ многими иными явленіями общества, въ которыхъ забытъ «божій и земскій страхъ». Таже сатира преслѣдуетъ старыя, покрытыя плесенью тетради, т. е. суевѣрныя, апокрифическія книги, бывшія въ ходу у раскольниковъ и возникшія подъ вліяніемъ народныхъ преданій. Многими стихами своими она дополняетъ и объясняетъ рѣзкія выходки Регламента, проповѣдей и словъ Ѳеофана и комическія сцены интерлюдій, подтверждая историческую связь между дѣятельностью Кантемира и до нея бывшими элементами сатирической поэзіи.

Наконецъ дѣйствія реформы, какъ и всякаго государственнаго или общественнаго переворота, могли получить прочную осѣдлость не насильственными мѣрами, а силою разумнаго воспитанія: и Кантемиръ, въ «Посланіи къ кн. Н. Ю. Трубецкому», развиваетъ ту мысль, что большая часть нашихъ свойствъ и поступковъ, приписываемыхъ природѣ, оказывается, по зрѣломъ разсужденіи, дѣломъ воспитанія, при чемъ предлагаетъ и правила въ руководство воспитателю. Такъ какъ хулители книжной мудрости противополагали ей житейскій опытъ, говоря, что жизнь научитъ человѣка всему нужному и что слѣдовательно можно обойтись безъ школы, какъ и обходились наши предки, бывшіе не глупѣе насъ, то Кантемиръ счелъ долгомъ выставить односторонность такого обветшалаго понятія. Раздѣляя взглядъ Ѳеофана (§ 171), «Посланіе къ Трубецкому» доказываетъ, что человѣкъ становится умнѣе не столько отъ числа прожитыхъ лѣтъ, сколько отъ числа пріобрѣтенныхъ познаній; что жизнь обогащаетъ насъ опытностью въ позднюю пору, а наука дѣлаетъ насъ искусными и въ молодости; что старые, но неученые люди знаютъ

только предметы и явленія, а ученые, хотя и молодые, понимають причины явленій и сущность предметовъ. Въ этой тирадѣ, равно какъ и во многихъ другихъ, ей подобныхъ, сказалось дидактическое, или поучительное, направленіе сатиръ, условленное образовательнымъ характеромъ литературы (§ 170). Кантемиръ имѣлъ цѣлію не только осмѣивать невѣжество и ложное образованіе, но вмѣстѣ доказывать необходимость и важность ученія. Онъ часто распространяется о пользѣ знаній для личныхъ и государственныхъ потребностей. Одна изъ сатиръ его подробно разсматриваетъ, съ утилитарной точки зрѣнія, важность алгебры, геометріи, морскаго искуства, физики, астрономіи, медицины, грамматики, риторики, философіи. Отсюда въ его произведеніяхъ та самая двойственность, какую мы уже видѣли въ Регламентѣ.

Но исключительно практическая польза науки не удовлетворяетъ Кантемира. Онъ идетъ далѣе въ своемъ къ ней уваженіи: онъ требуетъ отъ нея нравственнаго вліянія на личность. Въ эпоху только-что начинавшейся цивилизаціи, онъ поставлялъ на видъ достоинство цивилизаціи совершенной: гражданскую честность, гуманное обращеніе съ ближнимъ, какого бы ни былъ онъ званія. Можно сказать, что въ этомъ отношеніи онъ опередилъ своихъ современниковъ, не въ примѣръ имъ заслуживая имя европейски-образованнаго человѣка. Онъ былъ не просто литераторъ, но и ученый, обладавшій разнообразными свѣдѣніями, какъ доказываютъ его переводы и сочиненія по математикѣ, исторіи, словесности и философіи. Первыхъ наставниковъ имѣлъ онъ въ своемъ отцѣ, членѣ берлинской академіи наукъ и авторѣ замѣчательныхъ сочиненій, въ греческомъ священникѣ Анастасіи Кондоиди (въ послѣдствіи архіепископѣ суздальскомъ) и въ академическомъ переводчикѣ Иванѣ Ильинскомъ, «правodушномъ, честномъ и добронравномъ мужѣ», по отзыву Тредьяковскаго. Потомъ, служа въ гвардіи, онъ посѣщалъ лекціи академиковъ. Кругъ его знакомства состоялъ изъ наиболѣе образованныхъ людей того времени—Прокоповича, Татищева, кн. Н. Трубецкаго. Съ небольшимъ двадцати лѣтъ, онъ получилъ мѣсто резидента въ Лондонѣ, гдѣ провелъ шесть лѣтъ скромной жизни, между учеными трудами и дипломатическими сношеніями съ министрами Георга II, братьями Вальполь (Робертомъ и Гораціемъ). Англійская литература и наука того времени блистали громкими именами, извѣстными всей Европѣ: достаточно назвать Попа и Свифта въ поэзіи, Гучесона и Гартлея въ нравственной философіи, Честерфильда и Болинброка въ сферѣ политическихъ и религіозныхъ воззрѣній. Назначенный полномочнымъ министромъ къ французскому двору, Кантемиръ сблизился въ Парижѣ съ Мопертюи, аббатомъ Гуаско, піемонтскимъ ученымъ, и Монтескье, уже пріобрѣтшимъ знаменитость «Персидскими письмами» и «Разсужденіемъ о причинахъ величія и упадка Римлянъ». Послѣдній отдавалъ справедливость Кантемиру за превосходныя качества его ума и за пріятное со всѣми обхожденіе. Такимъ образомъ жизнь Кантемира протекла на двухъ концахъ европейской цивилизаціи, далеко одинъ отъ другаго отстоявшихъ: тамъ, гдѣ она только что возникала, и тамъ, гдѣ она достигла могущественнаго развитія. Мудрено ли, что это могущество гражданственности онъ ставилъ идеаломъ для своей отчизны?

Въ отношеніи Кантемировыхъ сатиръ къ современному обществу заключается ихъ историческое значеніе. Предметъ ихъ вполнѣ національный—русскіе нравы извѣстной эпохи. Въ изложеніи же предмета Кантемиръ подражалъ латинскимъ и

французскимъ сатирикамъ. У нихъ весьма часто заимствовалъ онъ планъ, поэтическіе пріемы, мысли и даже выраженія. Нѣкоторыя мѣста его сатиръ суть простой переводъ съ иностраннаго. Оба элемента: самобытный и подражательный, указаны самимъ авторомъ въ предисловіи, гдѣ говорится, что онъ послѣдовалъ наиболѣе «Горацію и Буало», отъ которыхъ «много занялъ, къ нашимъ обычаямъ присвоивъ», и въ сатирѣ: «Къ музѣ своей», гдѣ къ именамъ Буало и Горація прибавлены имена Ювенала и Персія, съ такимъ признаніемъ: «я топчу ихъ слѣды».

Нравственное ученіе Кантемира выражено преимущественно въ сатирѣ: «Объ истинномъ блаженствѣ», которое онъ, слѣдуя Горацію, полагаетъ въ златой срединѣ. «Лучшее украшеніе наше», говоритъ онъ, «есть добродѣтель; послѣ нея, всего драгоцѣннѣе тишина ума. Съ младенчества привыкли мы бояться нищеты или презрѣнія толпы: отъ этого ударяемся въ другую крайность—въ стяжаніе богатства, въ исканіе почестей, тогда какъ во всѣхъ вещахъ должно знать прямую мѣру. У всякаго дѣла свои границы: кто перейдетъ, или кто не дойдетъ—равно глупы. Къ истинной славѣ ведутъ немногія средства: живи тихо, стремясь къ тому, что честно, что полезно тебѣ и другимъ. Награда добра въ самомъ добрѣ». Тѣже мысли повторены въ философскомъ письмѣ «о счастіи».

Что касается до эстетическаго значенія Кантемировыхъ сатиръ, то онѣ принадлежатъ не къ художественнымъ созданіямъ, свидѣтельствующимъ о сильной творческой способности, а къ дидактическимъ стихотвореніямъ умнаго и образованнаго человѣка. Кантемиръ не былъ способенъ на рѣзкое обличеніе пороковъ: онъ сражался съ ними насмѣшкой и поученіемъ. Онъ думалъ, что враги гражданскихъ успѣховъ «боятся больше посмѣянія», нежели карающаго гнѣва. Усвоивъ французскую теорію искуства, требовавшую отъ поэзіи моральныхъ уроковъ, онъ ставилъ цѣлью сатиры—исправленіе нравовъ, а средствомъ къ тому—«осмѣяніе злонравія забавнымъ слогомъ». Главный характеръ его насмѣшливости—чистосердечное, откровенно-смѣлое порицаніе недостойнаго. На это указываетъ его собственный отзывъ о своей сатирѣ: «смѣло хулишь, да къ тому же и говоришь внятно». X

Выше было говорено о четырехъ сатирахъ: первой (на хулящихъ ученіе, или къ уму своему), второй (на зависть и гордость злонравныхъ дворянъ), седьмой (посланіе къ кн. Трубецкому) и девятой (на состояніе свѣта сего, или къ солнцу). Изложимъ кратко содержаніе остальныхъ. Третья: «о различіи страстей человѣческихъ», написана въ формѣ посланія къ Прокоповичу. Обратясь къ архипастырю съ вопросомъ, отъ чего у людей, подобныхъ другъ другу тѣломъ и душою, различны страсти, сатирикъ изображаетъ скупца, мота, любопытнаго, лицемѣра-богомола, угодника вельможъ, самолюбца, пьяницу и пр. Четвертая: «къ Музѣ своей», выставляетъ опасность сатирическаго писателя. Кантемиръ умоляетъ богиню пѣснопѣнія не касаться болѣе людскаго злонравія, и между тѣмъ пришелъ къ совершенно противоположному: обличилъ злонравныхъ. Пятая: «на человѣческія злонравія вообще», осмѣиваетъ страсти, въ разговорѣ между Сатиромъ и Періергомъ. Панъ, богъ лѣсовъ, каждые три года разсылаетъ по нѣскольку сатировъ въ разныя мѣста, съ тѣмъ, чтобъ они, по окончаніи срока, докладывали ему о дѣлахъ, нравахъ и обычаяхъ людскихъ. Одному сатиру довелось поселиться въ городѣ, гдѣ жилъ Періергъ, но онъ не выждалъ назначеннаго времени и годомъ раньше воротился во свояси. На дорогѣ встрѣтился онъ съ Періергомъ и передаетъ ему свои замѣтки, описывая труса, болтуна, тщеславнаго, купца, вышедшаго въ дворяне, пустодома, славолюбца.... Шестая: «объ истинномъ блаженствѣ», важна, какъ нравственная исповѣдь автора, какъ образъ его мыслей объ идеалѣ счастливой жизни. Восьмая представляетъ черты «безстыднаго нахальства», которое часто пользуется успѣхомъ въ свѣтѣ, тогда какъ человѣкъ скромный, стыд-

ливый, недовѣрчивый къ самому себѣ, теряетъ въ общемъ мнѣніи, при всѣхъ достоинствахъ ума и сердца.

Другія сочиненія Кантемира: Симфонія, или согласіе на псалтирь (1727; первая книга Петриды, или описанія стихотворнаго смерти Петра В., соч. 1730 г. (Лѣт. рус. лит. 1859, кн. I); Рѣчь Аннѣ Іоанновнѣ, 1731 г. (Тр. Общ. люб. рус. слов., ч. 3); Письмо къ пріятелю о сложеніи стиховъ русскихъ, подъ вымышленнымъ именемъ Харитона Макентина (анаграмма—Антіохъ Кантемиръ), нап. при переводѣ Гораціевыхъ писемъ (1744). Не изданы: Панегирикъ св. Димитрію Селунскому, произнесенный на греч. яз., при Петрѣ В., въ церкви Заиконоспасскаго монастыря, когда автору было 10 лѣтъ (Син. Библ.); одиннадцать писемъ о философическихъ и нравственныхъ предметахъ, писанныхъ къ одной французской госпожѣ (копіи ихъ въ И. П. Б.; одно изъ нихъ: «объ истинномъ счастіи», нап. въ 19 № Вѣст. Евр. 1811 г.).

Переводы: Разговоры Фонтенеля о множествѣ міровъ (1740); Десять писемъ Гораціевыхъ 1-ой книги, съ лат. (1744). Не изданы: Анакреоновы пѣсни, съ греч. (И. П. Б.); Персидскія письма, Монтескье; Эпиктетово правоученіе, съ гр.; Юстинова древняя исторія, съ лат.; Корнелія Непота жизнеописанія знаменитыхъ полководцевъ, съ лат. Данныя для полнаго собранія сочиненій Кантемира, г. Геннади, въ Библ. Зап. 1858 г., № 3.

Изданія его сочиненій: а) Сатиры и другія стихотворческія сочиненія кн. Антіоха Кантемира съ историческими примѣчаніями и съ краткимъ описаніемъ его жизни (1762). Примѣчанія написаны самимъ авторомъ. б) Въ «Русскихъ Классикахъ», г.г. Толстаго, Есипова и Языкова, нап. пять сатиръ, начало шестой и біографія (1836); в) въ Пол. собр. соч. рус. авторовъ, Смирдина (1847); г) Избранныя сочиненія Кантемира, съ біографіей и съ указаніемъ всѣхъ статей о немъ, нап. г. Перевлѣсскимъ (1849). Біографію Кантемира см. также въ Словарѣ Евгенія и въ Словарѣ дост. людей, Бантышъ-Каменскаго. Нѣкоторыя свѣдѣнія о Дм. Кантемирѣ и его семействѣ нап. Пекарскимъ въ XI приложеніи къ I т. Изслѣдованія о наукѣ и лит. при Петрѣ I. О сатирахъ Кантемира см. мою ст. въ XI № Отеч. Зап. 1848 г.; г. Дудышкина въ XI № Соврем. тогоже года. Подробности о печатаніи Симфоніи сообщены г. Пекарскимъ въ Библ. Зап. 1858, № 17.

Франц. переводъ сатиръ сдѣланъ аббатомъ Гуаско и нап. въ Лондонѣ 1749 г. Приложенное къ нему подробное жизнеописаніе автора вошло въ сокращенномъ видѣ въ русское изданіе сатиръ 1762 г. и въ біографію дѣда Кантемирова, кн. Константина, соч. Байера (1783).

§ 185. Единство взглядовъ у Прокоповича и Кантемира нельзя объяснять простою случайностью. Новые дѣятели должны были отличаться большимъ или меньшимъ сходствомъ понятій о воспитаніи, наукѣ, службѣ, государственномъ устройствѣ, семейной и общественной жизни. Реформа ставила ихъ на одну доску одинаковымъ къ себѣ сочувствіемъ, требованіемъ отъ нихъ опредѣленныхъ знаній, направленіемъ ихъ силъ къ одной и той же цѣли. Изъ однихъ и тѣхъ же твореній европейской учености почерпали они философскія, политическія, историческія идеи, которыя дали просторъ ихъ умственному кругозору. Подъ вліяніемъ тождественныхъ условій сложился у нихъ тождественный образъ мыслей, выдѣлявшій ихъ изъ среды грамотныхъ въ особый кружокъ, не большой числомъ, но замѣчательный по талантамъ, свѣдѣніямъ и дѣятельности. До сихъ поръ мы знакомились съ этимъ образомъ мыслей по отрывочнымъ мѣстамъ, разсѣяннымъ тамъ и здѣсь въ предисловіяхъ къ переводнымъ книгамъ, въ уликахъ сатиры, въ поученіяхъ проповѣди. «Духовная» Татищева (1686—1750) даетъ намъ возможность узнать его въ совокупности и полнотѣ. Она содержитъ въ себѣ руководство для жизни, во всѣхъ ея возрастахъ. Обязанности, ею предлагаемыя, вытекали изъ идеальныхъ представленій семейнаго и общественнаго быта. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, что должно дѣлать, она показываетъ, такъ ли дѣлалось въ тогдашней Руси. Поэтому интересъ ея троякій: ко «всецѣлому», «идеальному» уложенію житейской

нравственности, она присоединяетъ мѣстами «критику» современныхъ нравовъ и обычаевъ.

Обязанный самому себѣ рѣдкимъ по тому времени образованіемъ, всю жизнь проведшій на службѣ и въ ученыхъ трудахъ, горькимъ опытомъ наученный многому, что не преподается въ школахъ и чего не вычитаешь изъ книгъ, Татищевъ является въ Духовной человѣкомъ разумнымъ и крайне осторожнымъ, не способнымъ на крайности, но умѣющимъ выбрать лучшую между ними дорогу. Онъ и писалъ ее подъ исходъ своего вѣка, богатаго не столько числомъ лѣтъ (ему было тогда 53 года), сколько житейскимъ искусомъ, который очищаетъ умъ и преждевременно старитъ человѣка. Его уроки обнимаютъ все пространство нашей жизни: воспитаніе, службу, семейный бытъ, управленіе имѣніемъ и пр.

Узнавъ на самомъ дѣлѣ важность науки для государственнаго устройства, равно какъ для частныхъ и общественныхъ нравовъ, Татищевъ рекомендуетъ ее особенному вниманію своего сына. Совѣты его начинаются съ религіознаго образованія. Чтобы пріобрѣсть основательныя познанія въ законѣ Божіемъ, нужно читать: во-первыхъ, Библію, катихизисъ и церковныхъ учителей, особенно Златоуста; во-вторыхъ, книги, составленныя Прокоповичемъ: Истолкованіе десяти заповѣдей и блаженствъ (Первое ученіе отрокомъ) и Юности честное зерцало. Первая книга, по отзыву Духовной, можетъ служить за катихизисъ, а вторая есть лучшее нравоучительное руководство. Чтеніе миней и прологовъ разрѣшается лишь тому, кто искусился въ Священномъ Писаніи. Татищевъ боялся въ этомъ случаѣ недоразумѣній, которыя легко возникаютъ въ душѣ человѣка малоразсудительнаго, еще плохо заправленнаго въ мышленіи. Видно также, что отъ чтенія духовныхъ книгъ онъ наиболѣе требовалъ умственной пищи, подчиняя ей назидательный интересъ, и что, говоря о богословіи, разумѣлъ въ особенности догматическую его сторону. Утвердясь въ ученіи восточной церкви, надобно потомъ читать и несогласныя съ нимъ книги: лютеранскія, кальвинскія и папежскія, для того, что, имѣя всегдашнее обхожденіе съ иностранцами, Рускіе часто заводятъ съ ними разговоръ о вѣрѣ. Отъ незнанія чужихъ догматовъ легко подвергнуться соблазнамъ, особенно отъ папистовъ, весьма въ томъ коварныхъ и тѣмъ болѣе опасныхъ, что они по многимъ наружнымъ или чиновнымъ обстоятельствамъ (обрядамъ) близки къ нашему исповѣданію. Здѣсь Татищевъ напоминаетъ Курбскаго, который, опасаясь высшей образованности и діалектической ловкости іезуитовъ, тоже убѣждалъ православныхъ избѣгать религіозныхъ съ ними споровъ. Но и съ одновѣрцами не слѣдуетъ препираться о вѣрѣ, если не хочешь подать дурнаго о себѣ мнѣнія людямъ или даже потерпѣть бѣды отъ неразсудныхъ. Въ примѣръ Татищевъ приводитъ самого себя: его почитали не только еретикомъ, но и безбожникомъ. Заступники старины причисляли его къ «сборищу нечестивыхъ» за точное раздѣленіе догматизма отъ обрядности, за ясный взглядъ на неизмѣнное и временное въ священныхъ уставахъ, за критику суевѣрій, которымъ многіе предавались, какъ истинной вѣрѣ. Отъ вѣроученія Духовная переходитъ къ свѣтскимъ наукамъ. Изъ нея мы усматриваемъ, что кругъ образованія при Татищевѣ значительно раздвинулся противъ до-петровскаго, ограниченнаго однѣми духовными книгами. Важнѣйшимъ изъ свѣтскихъ знаній онъ ставитъ правильное и складное писаніе; послѣ него идутъ: ариѳметика, геометрія, артиллерія, фортификація и другія части математики, нѣмецкій языкъ, «необходимый для извѣстія о состояніи государства нашего», рус-

ская исторія и географія, гражданскіе и воинскіе законы, для чего нужно читать уложеніе, сухопутный и морской уставы, и другіе, новѣйшіе печатные указы.

Рядъ семейныхъ обязанностей открывается важнѣйшею изъ нихъ—почтеніемъ сына къ родителямъ. Татищевъ проситъ его любить и уважать мать, не быть судьею ея слабостей, но великодушно извинять ихъ. Для вступленія въ бракъ назначенъ тридцатилѣтній возрастъ. Главныя достоинства жены—хорошее состояніе, разумъ и здоровье. Отношенія къ ней мужа должны занимать средину между грубымъ взглядомъ старины на женщину и новымъ, противоположнымъ тому обычаемъ. Жена, говоритъ Татищевъ, не раба мужу, а товарищъ, помощница; однакожъ стыдно мужу и находиться подъ властію жены, какихъ примѣровъ нынѣ уже довольно видимъ. Въ слѣдъ за этимъ Духовная выражаетъ сильное негодованіе противъ этихъ новыхъ, высокопарныхъ или, вѣрнѣе, глупыхъ женъ, которыя своею безумною гордостью, подлыми пересмѣшками, пустой болтовней, дурацкою ревностью безвинно поносятъ честныхъ людей и причиняютъ имъ вредъ; такихъ женъ всегда окружаетъ ватага ханжей, бродягъ и тому подобныхъ потаскушъ и вѣстоношей, которыхъ надобно беречься, какъ злѣйшаго яда: эти звонкіе колокольчики готовы за деньги продать не только другихъ, но и себя.

Совѣты Духовной касательно службы начаты исчисленіемъ общихъ ея обязанностей: быть вѣрнымъ государю и отечеству во всякомъ дѣлѣ; о пользѣ общей радѣть, какъ о своей собственной; государю, какъ отъ Бога поставленной власти, отдавать честь и повиновеніе. Главное же повиновеніе собственно состоитъ въ слѣдующемъ: «ни отъ какой услуги, куда бы тебя ни опредѣлили, не отрицайся, и ни на что самъ не называйся». Этими словами Татищевъ былъ напутствованъ отъ своего родителя, снаряжаясь на службу. Когда я исполнялъ ихъ безусловно (говоритъ онъ)—и въ тягчайшихъ трудностяхъ благополучіе видѣлъ; а когда чего прилежно искалъ или отрекался—всегда о томъ сожалѣлъ. Обстоятельства, которыми сопровождалось вступленіе Анны Іоанновны на престолъ, заставили его въ Духовной повторить то самое, что онъ подробно изложилъ въ Разсужденіи о правленіи государственномъ: «съ хвалящими вольности другихъ государствъ и ищущими власть монарха уменьшить никогда не согласуйся, понеже оное государству крайнюю бѣду нанести можетъ». Извѣстно, какъ, по смерти Петра II, дѣйствовалъ верховный совѣтъ, состоявшій изъ немногихъ лицъ родовой знати, между которыми первенствовали Долгорукіе и Голицыны: онъ предложилъ корону герцогинѣ курляндской на извѣстныхъ условіяхъ, которыми ограничивалось единовластіе. Шляхетство, противодѣйствуя замысламъ вельможъ, совѣщалось о мѣрахъ, какія слѣдовало ему принять въ отпоръ олигархическому началу. Составленное по этому поводу Татищевымъ мнѣніе, подъ именемъ «Произвольнаго и согласнаго разсужденія русскаго шляхетства», и поданное верховному тайному совѣту въ 1730 г. разсматриваетъ разные образы правленія и приходитъ къ тому выводу, что Россія должна быть государствомъ монархическимъ.

Обязанности службы различны по разнымъ родамъ ея: военной, гражданской и придворной. Въ совѣтахъ воину является снова златая средина: почтеннѣе всего храбрость, но запальчивость не лучше робости; опрометчивостію можно погубить даже подчиненныхъ своихъ, а робость для воина поношеніе: надобно сохранять середину. Гражданская служба была болѣе знакома Татищеву, и потому онъ говоритъ о ней подробнѣе. Къ числу вопросовъ, возникавшихъ въ ея кругу, относился

вопросъ о взяткахъ. Татищевъ имѣлъ свой взглядъ на взяточничество, который объяснялъ лично Петру и которому далъ также мѣсто въ Духовной, стараясь оправдать его частію авторитетомъ, частію собственными доводами, почерпнутыми изъ многолѣтней дѣловой практики. Съ помощью своей теоріи проходилъ онъ самъ и думалъ провести сына посреди двухъ крайностей: неправеднаго кормленія, туго набивающаго карманы администратора, и безвыходной бѣдности чиновника, не обезпеченнаго порядочнымъ жалованьемъ. Любопытно, какъ, въ разговорѣ съ Петромъ, онъ различилъ лихоимство отъ законной мзды за рѣшеніе дѣлъ: лихоимство есть неправо взятое, а мзда принадлежитъ дѣлающему по должности; если я, и ничего не взявъ, противу закона сдѣлаю—повиненъ; если ради мзды присоединится къ законопреступленію лихоимство—долженъ сугубаго наказанія; когда же право и порядочно сдѣлалъ и отъ праваго возблагодареніе пріиму—ничѣмъ осужденъ быть не могу. О придворной службѣ Татищевъ отзывается неблаговолительно, сравнивая ея значеніе или, лучше, незначительность при Петрѣ съ тѣмъ, во что она обратилась послѣ. Петръ Великій, говоритъ онъ, измѣряя свое великолѣпіе единственно дѣлами, ни во что ставилъ чинъ придворныхъ и рангъ ихъ положилъ самый низкій; у него они въ презрѣніи были, а лучше сказать, у него вовсе ихъ не было. Нынѣ же оные рангами, жалованьемъ и другими преимуществами противъ европейскихъ государствъ пожалованы; житье и обхожденіе ихъ стропотное; лицемѣрство, козарство, лесть, зависть и ненависть заступаютъ мѣсто добродѣтели; нѣкоторые ищутъ пріобрѣсти благополучіе ушничествомъ, не смотря на то, что тѣмъ губятъ невинныхъ.

Пора деревенской жизни наступаетъ для дворянина въ 50 лѣтъ, изъ которыхъ не меньше 30 проведены имъ на службѣ. Надзоръ за нравственностью крестьянъ долженъ требовать первыхъ заботъ его. Для этого Духовная совѣтуетъ имѣть священника ученаго, способнаго еженедѣльными поученіями наставлять прихожанъ въ добродѣтели и обезпеченнаго приличнымъ жалованьемъ, а не пашнею, чтобъ онъ охотнѣе прилежалъ къ церкви, нежели къ землѣ и сѣнокосу. Характеристика сельскаго духовенства яркими красками изображаетъ то состояніе, въ которое оно доведено было бѣдностью, необразованностью и лѣнью. Кромѣ того Духовная настаиваетъ на обученіи крестьянъ грамотѣ, посредствомъ которой они узнаютъ законъ и страхъ Божій, на приглашеніи искуснаго лекаря, на заведеніи бань и аптекъ, для того чтобы народъ не гибнулъ отъ безумныхъ лекарствъ обманщиковъ, ворожей, шептуновъ и колдуновъ.

По характеру «Духовной» можно заключать о характерѣ другаго, важнѣйшаго сочиненія Татищева—«Исторіи Россійской». Что мы видѣли въ совѣтахъ его сыну? Постоянное и осторожное исканіе средины во всѣхъ вещахъ, запретъ добровольныхъ порывовъ, которые часто заставляютъ человѣка напрашиваться на одни дѣла и отказываться отъ другихъ, распредѣленіе жизни единственно по расчетамъ здраваго смысла, не довѣряющаго голосу чувствъ. Всѣ эти качества убѣждаютъ, что у Татищева умъ былъ преобладающею духовною способностію и что его историческій талантъ выкажется по преимуществу въ сужденіяхъ о возможности, значеніи и внутреннемъ смыслѣ событій. Дѣйствительно, «Исторія Россійская», стоившая ему тридцатилѣтнихъ трудовъ, подтверждаетъ такое убѣжденіе. Въ строгомъ смыслѣ ее нельзя назвать прагматическимъ изложеніемъ событій: это—критическій сводъ лѣтописей, снабженный примѣчаніями, въ которыхъ, равно какъ въ «Предъизвѣ-

щенія объ исторіи вообще и о русской собственно», выражены взгляды автора. Татищевъ первый обратилъ надлежащее вниманіе на предметъ своихъ изслѣдованій, показавъ, что такое русская исторія и какія средства существуютъ для ея изученія. Но перевѣсъ ума надъ другими способностями отразился сухостью изложенія и односторонностью взгляда: подчиняя логическимъ соображеніямъ всѣ иныя побужденія къ дѣйствіямъ, Татищевъ не могъ оцѣнять достойнымъ образомъ тѣ моменты въ исторіи, когда энтузіазмъ овладѣваетъ не только отдѣльными личностями, но и цѣлыми массами, и устремляетъ ихъ на подвиги, вопреки благоразумію.

Въ примѣчаніяхъ же включены богословскія, философическія и политическія идеи автора—плодъ его знакомства съ Гоббесомъ, Белемъ, Локкомъ, Пуффендорфомъ, Махіавелемъ. Хотя въ одномъ мѣстѣ онъ и называетъ ихъ творенія болѣе вредительными, чѣмъ полезными; однакожъ слѣды ихъ вліянія замѣтны и многихъ его взглядахъ. Зная Беля, учившаго всѣхъ и во всемъ сомнѣваться, прочитавъ книгу Фонтенеля объ оракулахъ, которая полагаетъ правиломъ прежде вопроса о причинѣ какого-либо явленія спрашивать о возможности этого явленія, Татищевъ подвергаетъ критической пробѣ многое, что для другихъ было предметомъ непосредственнаго признанія. Подобно Өеофану, онъ осуждалъ пристрастіе къ формализму въ дѣлахъ вѣры, фарисейство, суевѣріе. Сличая по этому поводу прошедшее съ современнымъ, онъ не удерживался отъ порицаній послѣдняго, когда замѣчалъ, что христіане, лѣнясь изучать Священное Писаніе и «вольныя науки», не оградили себя отъ языческихъ или полуязыческихъ понятій. Не диво, говоритъ онъ, передавая сказаніе Нестора о волхвахъ, что тогда народъ, не имѣвшій довольно ума и просвѣщенія, такимъ безумнымъ баснямъ вѣрилъ, но удивительнѣе нынѣ видѣть суевѣровъ, которые разсказы и враки ханжей или пустосвятовъ паче святаго писанія и ученія мудрыхъ людей почитаютъ, каковы, напримѣръ, староверы или, лучше сказать, пустовѣры.... Не удивляюсь, когда люди, къ знанію Закона Божія не прилежащіе и къ разсужденіямъ невнимательные, почитаютъ за истину суевѣрныя бабьи басни и безумныхъ наукъ толкованія: дивнѣе всего, когда слышимъ ихъ отъ нѣкоторыхъ, властію избранныхъ на проповѣдь Закона Божія, на поученіе народа истинной вѣрѣ Христовой и благонравію; когда эти нѣкоторые не хотятъ ни сами разумѣть Законъ Божій, ни обучать ему народъ; когда они преданія и узаконенія человѣческія, для своихъ лакомствъ вымышленныя, передаютъ, какъ необходимо-нужное для спасенія.... Критически относясь къ тому направленію, въ которомъ истина смѣшивалась съ ложью, или ложь принималась за истину, Татищевъ, какъ онъ самъ упоминаетъ въ Духовной, навлекъ на себя подозрѣніе въ вольнодумствѣ и даже безбожіи. По этой причинѣ его Исторія явилась въ печати спустя много времени послѣ того, какъ была написана. Политическіе взгляды Татищева выразились въ той главѣ его Исторіи, гдѣ онъ говоритъ «о древнемъ правительствѣ русскомъ и другихъ въ примѣръ». Показавъ различіе трехъ формъ правленія: монархіи, аристократіи и демократіи, онъ приходитъ къ одному выводу съ вышеупомянутымъ «Разсужденіямъ шляхетства».

Духовная Татищева сыну его, Евграфу, изд. въ 1773 г. Ко 2-му ея изданію присоединенъ Разговоръ о пользѣ наукъ, написанный Татищевымъ послѣ бесѣды съ Өеофаномъ и князьями Черкаскимъ и Трубецкимъ. Польза наукъ была любимою темою

тогдашней литературы.—Разсужденіе шляхетства о государственномъ правленіи въ литерат. сборникѣ: Утро (1859). Какъ критическій сводъ лѣтописныхъ извѣстій древней Россіи, снабженный примѣчаніями, Исторія Татищева доведена до нашествія Татаръ; какъ матеріалъ для проложенія свода, переходитъ въ XVII в. и захватываетъ царствованіе Ѳедора Алексѣевича. Она состоитъ изъ 5 ч. Первыя три изданы Миллеромъ (въ 1768—1774 г.); четвертая въ 1784; пятая помѣщена въ 4, 5 и 9 кн. Чтеній (годъ 3). О ея значеніи см. Соловьева: «Русскіе историки 18 в.», во 2 т. Архива историко-юридич. свѣдѣній о Россіи, и указанное сочиненіе Н. Попова. — Другой важнѣйшій трудъ Татищева: «Лексиконъ россійскій историческій, географическій, политическій и гражданскій», доведенный до буквы Л., 3 ч. (нап. 1793). Какъ юристъ, онъ объяснилъ примѣчаніями Русскую Правду (изд. 1786) и Судебникъ (1768). Прочія сочиненія указаны г. Н. Поповымъ и нѣкоторыя изъ нихъ нап. въ особыхъ приложеніяхъ къ его книгѣ.

§ 186. Мемуары первой половины XVIII в. дополняютъ свидѣтельства другихъ источниковъ о характерѣ событій и нравовъ того времени.

Судьба княгини Натальи Борисовны Долгорукой (1714—1771), дочери графа Бориса Петровича Шереметева и супруги Ивана Алексѣевича Долгорукаго, фаворита Петра II, была предметомъ многихъ позднѣйшихъ разсказовъ въ стихахъ и прозѣ, которые справедливо видѣли въ ней идеалъ женскаго героизма. Но одни изъ нихъ вредили содержанію сентиментальной аффектаціей, другіе прикрасами риторики: и потому не внушаютъ такого сильнаго сочувствія къ страданіямъ героини, какъ ея собственная повѣсть, исторически-вѣрная, безъискуственно-простая, чуждая малѣйшихъ притязаній сдѣлать парадную выставку изъ трагическаго положенія, представить въ интересныхъ чертахъ жертву земныхъ превратностей. Хотя Записки Долгорукой писаны въ 1767 г., черезъ сорокъ лѣтъ послѣ придворной катастрофы, и поправлены въ слогѣ; но память давно-прошедшаго до такой степени сохранилась въ нихъ живо, нравственная физіогномія лица, повѣствующаго о своей жизни, выступаетъ въ нихъ съ такою цѣлостью и чистотою, что читателю и на мысль не приходитъ заподозрить хотя на минуту ихъ чистосердечной наивности.

Записки начинаются разсказомъ о жизни Долгорукой въ родительскомъ домѣ и закончены извѣстіемъ о пріѣздѣ ея въ Березовъ, куда она, шестнадцати лѣтъ отъ роду, добровольно отправилась съ своимъ опальнымъ мужемъ и гдѣ провела одиннадцать лѣтъ среди всевозможныхъ лишеній и душевныхъ горестей. Неизвѣстно, почему она остановилась на самомъ интересномъ періодѣ своихъ приключеній. Полагаютъ, что дальнѣйшія событія были слишкомъ тягостны ея сердцу и что она не имѣла силы говорить о тѣхъ новыхъ бѣдахъ, «которыя невозможно было бы перенести смертному, еслибъ не подкрѣпляла его свыше сила Господня». Принявшись за описаніе своей жизни въ то время, когда уже постриглась въ одномъ изъ кіевскихъ монастырей, Долгорукая снисходительно смотритъ на прошлое, далеко отодвинутое назадъ и числомъ лѣтъ, и еще болѣе обѣтомъ забыть все земное. Разсказъ ея не дозволяетъ себѣ ни горькихъ жалобъ на злополучную долю, ни ѣдкихъ упрековъ людямъ. Она сама говоритъ, что «намѣрена свою бѣду писать, а не чужіе пороки обличать». Не могла она, конечно, вполнѣ воздержаться отъ порывовъ скорби, воспоминая людскую несправедливость, особенно измѣну фортуны въ придворныхъ перемѣнахъ: «лучшебъ», восклицаетъ она, «не родиться на свѣтъ тому человѣку, кому назначено на время быть великимъ; а послѣ придти въ несчастіе!» Но главное чувство, покрывающее всѣ иныя чув-

ства—это христіанское, отреченіемъ отъ міра сдержанное сѣтованіе страдалицы, которою «счастіе довольно поиграло» и которая была счастлива только 26 дней, отъ ея сговора съ Долгорукимъ по кончину Петра II. «За 26 благополучныхъ дней (пишетъ она) я стражду 40 лѣтъ. На каждый счастливый день приходится безъ малаго по два года счастливыхъ; да еще надобно вычесть шесть дней. Можетъ быть, и они дополнятся, если продолжится страдальческая жизнь моя. Кто знаетъ будущее?» Съ честной откровенностью, но безъ всякаго тщеславія, Долгорукая говоритъ о своей любви «къ сострадальцу»: «Во всѣхъ злополучіяхъ я была своему мужу товарищъ, и теперь скажу самую правду, что, будучи во всѣхъ бѣдахъ, никогда не раскаявалась, для чего я пошла за него. Богъ тому свидѣтель: любя мужа своего, сносила, сколько мнѣ можно было; еще и его подкрѣпляла». Нигдѣ не выражаетъ она даже намекомъ, что ея отношенія къ мужу могли бы быть иныя, а не тѣ, которыя прославили ея имя; еще менѣе могла она, зная свое достоинство, умалчивать о немъ ради ложнаго стыда—этого порожденія превратной цивилизаціи. Въ героизмѣ жены она видитъ очень понятную необходимость сердца, влагаемую въ человѣка природой, и вмѣстѣ необходимость долга, предписаннаго закономъ Божіимъ и гражданскимъ. Въ умѣ ея не существовало понятія о разладѣ между этими двумя основами супружеской вѣрности. И потому-то смущало ее поведеніе новыхъ женъ. Въ двухъ-трехъ мѣстахъ Записокъ, говоря о себѣ самой, жившей по старинѣ, не могла она не коснуться сличенія прежнихъ и позднѣйшихъ обычаевъ. Описывая затворническую жизнь свою по смерти матери, она замѣчаетъ: «въ тогдашнее время не такое было обхожденіе: очень примѣчали поступки молодыхъ или знатныхъ дѣвушекъ; тогда нельзя было такъ мыкаться, какъ въ нынѣшній вѣкъ». Совѣтъ родныхъ—отказать жениху, потерявшему значеніе при дворѣ, привелъ ее въ негодованіе. Она отдаетъ свое дѣло на судъ свѣта, какъ бы снова испытывая то самое, что переживала въ первой молодости: «Войдите въ разсужденіе, какая мнѣ это радость и честная ли это совѣсть: когда онъ былъ великъ, такъ я съ удовольствіемъ за него шла, а когда онъ сталъ несчастливъ—отказать ему! Я такому безсовѣстному совѣту согласія дать не могла; и такъ положила свое намѣреніе, отдавъ одному сердце, жить или умереть вмѣстѣ, а другому уже нѣтъ участія въ моей любви. Я не имѣла такой привычки, чтобъ сегодня любить одного, а завтра другаго; въ нынѣшній вѣкъ такая мода, а я доказала свѣту, что я въ любви вѣрна». Этотъ героизмъ женской любви и составляетъ главную идею Записокъ, а наивный, задушевный разсказъ о немъ—ихъ главное литературное достоинство. По нравственному чувству, въ нихъ разлитому, онѣ должны занимать не послѣднее мѣсто въ избранной библіотекѣ для дѣвицъ, какъ сама героиня заняла мѣсто въ ряду знаменитыхъ Россіянокъ.

Записки Неплюева (1693—1773), сенатора и конференцъ-министра въ царствованіе Екатерины II, обнимаютъ всю долголѣтнюю жизнь его. Истый воспитанникъ Петра, проведенный имъ «сквозь огнь и воду», Неплюевъ, вмѣстѣ съ другими даровитыми сторонниками преобразованій, питалъ къ нему горячую, доходившую до обожанія, привязанность. Въ реформѣ онъ видѣлъ новое рожденіе отечества, а въ реформаторѣ—втораго творца его: «на что ни взгляни въ Россіи, все его началомъ имѣетъ, и чтобы впредь ни дѣлалось, отъ сего источника черпать будутъ». Эта мысль, что Россія единственно Петру обязана своими силами, ма-

теріальными и умственными, лежитъ въ основѣ Записокъ Неплюева. Она долгое время господствовала въ обществѣ, литературѣ и наукѣ. Администраторы, проповѣдники, историки и стихотворцы согласно повторяли ее. При поднесеніи Петру императорскаго титула, канцлеръ гр. Головкинъ сказалъ ему: «твоимъ единымъ руководжденіемъ мы изъ тьмы ничтожества и невѣдѣнія вступили на театръ славы и присоединились къ образованнымъ государствамъ». Ѳеофанъ Прокоповичъ возвеличилъ новую Россію надъ древнею, до-петровскою. Предисловіе къ Запискамъ Крекшина (см. ниже) еще громче и рѣшительнѣе славословитъ дѣятельность Петра: «Ты воскресилъ Россію полумертвую, воздвигнулъ спящую, изъ малосильной сотворилъ, по своему имени, подобную камню, возведя ее отъ тьмы къ свѣту, отъ незнанія къ знанію, отъ безчестія къ славѣ.... Все, что видимъ цвѣтущее и славимое въ Россіи, все сіе заботы, труды и дѣла Петра Великаго.... Отче нашъ, Петръ Великій! ты насъ изъ небытія въ бытіе привелъ». Поэты называли Петра полубогомъ или богомъ: «онъ богъ, онъ богъ былъ твой, Россія». Извѣстные стихи въ честь Невтона прилагались къ личности русскаго монарха: Россія была погружена во тьмѣ; Богъ рекъ: да будетъ въ ней свѣтъ—и явился Петръ. Слова: «пробужденіе», «воскресеніе», «пакибытіе», сдѣлались синонимами реформы; ими выражался взглядъ извѣстнаго времени на великій подвигъ преобразователя. Въ своемъ мѣстѣ будетъ указано, какъ этотъ взглядъ, имѣвшій совершенно справедливыя основанія, измѣнялся въ послѣдствіи, согласно перемѣнамъ въ понятіяхъ о ходѣ исторіи.

Восторженныя похвалы реформѣ не отдѣлялись отъ прославленія обычаевъ и нравовъ ея времени. Воспитанники Петра, проведенные имъ «сквозь огнь и воду», должны были въ началѣ бороться съ до-петровскою Русью; но потомъ, при встрѣчѣ съ порядками и отношеніями, возникшими въ послѣдующіе періоды, эти, нѣкогда новые, дѣятели стали защитниками петровской эпохи. Они думали по-старому, несогласно съ новымъ образомъ мыслей. Къ числу такихъ стародумовъ принадлежалъ Неплюевъ. Замѣчателенъ отвѣтъ его Екатеринѣ II, когда она соглашалась уволить его отъ службы не прежде, какъ онъ порекомендуетъ ей, вмѣсто себя, человѣка такихъ же достоинствъ: «нѣтъ, государыня, мы Петра Великаго ученики; проведены имъ сквозь огнь и воду; инако воспитывались, инако мыслили и вели себя; а нынѣ инако воспитываются, инако ведуть себя и инако мыслятъ: я не могу ни за кого, ниже за сына моего, ручаться». Въ словахъ Неплюева рѣзче и опредѣленнѣе обозначено сопоставленіе «прежняго съ нынѣшнимъ», примѣры котораго уже попадались намъ въ Духовной Татищева и Запискахъ Долгорукой.

Другой «самовидецъ нѣкоторыхъ Петровыхъ дѣлъ», «новгородскій дворянинъ» Крекшинъ (1684—1763), посвятилъ цѣлую половину своей жизни на собраніе матеріаловъ для исторіи Петра I и на составленіе изъ нихъ Записокъ, которыми въ послѣдствіи пользовались другіе компиляторы. Цѣлью труда его было прославленіе монарха, который «воздвигнулъ Россію отъ небытія въ бытіе»: такъ отзывается Крекшинъ о реформѣ въ предисловіи къ Запискамъ, которое есть своего рода похвальное слово. Первую часть своего многотомнаго сборника, содержащую въ себѣ изложеніе событій отъ 1672 по 1706 г., онъ поднесъ императрицѣ Елисаветѣ, въ самое благопріятное для того время, когда желанія Русскихъ и заботы правительства направлены были, говоря словами Ломоносова, «къ воздвиже-

нію Петрова племени», къ утвержденію его имени въ памяти потомства. Но историческое достоинство Записокъ не отвѣчаетъ важности своего предмета: онѣ наполнены умышленными и неумышленными невѣрностями. Крекшинъ не только искажалъ факты, но и выдумывалъ небывалые, за что получилъ отъ Татищева прозваніе «новгородскаго баснословца».

Библіографическія и другія замѣтки о кн. Долгорукой, Неплюевѣ и Крекшинѣ см. въ I т. моей Историч Хрест.

§ 187. Сочиненія Тредьяковскаго (1703—1769) были долгое время предметомъ односторонней критики, которая видѣла въ немъ только бездарнаго стихотворца, не обращая вниманія на другіе его труды. Нѣкоторые изъ его современниковъ были справедливѣе въ своихъ сужденіяхъ, какъ доказываетъ слѣдующій о немъ отзывъ: «главная заслуга Тредьяковскаго состоитъ въ томъ, что онъ положилъ въ своемъ отечествѣ начало изящнымъ наукамъ, преимущественно же стихотворству. хотя его собственныя произведенія едва ли могутъ быть причислены даже къ разряду посредственныхъ». Этими словами выставлена двоякая, учено-литературная, дѣятельность Тредьяковскаго и вмѣстѣ опредѣлено значеніе того и другаго ея вида.

Какъ ученый, Тредьяковскій принесъ пользу русской наукѣ и своими лекціями въ академическомъ университетѣ, гдѣ онъ былъ первымъ профессоромъ «россійской элоквенціи», и своими разсужденіями о предметахъ словесности. Въ числѣ его слушателей находились Поповскій и Барсовъ, которые потомъ сами сдѣлались извѣстными литераторами и занимали профессорскія каѳедры. Разсужденія его обличаютъ большую начитанность и основательныя соображенія. Одни изъ нихъ принадлежатъ къ самостоятельнымъ трудамъ; другія суть переводы или компиляціи, составленныя по иностраннымъ источникамъ. Укажемъ содержаніе тѣхъ, которыя относятся къ словесности; таковы: «Способъ къ сложенію россійскихъ стиховъ», «О древнемъ, среднемъ и новомъ россійскомъ стихотвореніи», «О началѣ поэзіи и стихотворства», «Мнѣніе о гекзаметрахъ», «Разговоръ объ ороографіи».

«Способъ къ сложенію россійскихъ стиховъ (1735)» заключаетъ въ себѣ теорію тоническаго стихосложенія. Оно введено къ намъ Тредьяковскимъ. «Поздравленіе барону Корфу», написанное имъ въ 1734 г., есть первый опытъ русскихъ тоническихъ стиховъ. Тредьяковскій первый созналъ несвойственность метрической и силлабической просодіи нашему языку. Стихи, построенные по правиламъ греческой и римской версификаціи, называетъ онъ дикими, а вирши, заимствованные у Поляковъ—прозаическими строками, или риѳмованной прозой. Русское стихосложеніе, учитъ онъ, должно быть основано на удареніи (тонѣ). Тоническое количество слоговъ есть душа и жизнь нашихъ стихотворныхъ метровъ. Къ этой вѣрной мысли Тредьяковскій пришелъ посредствомъ разбора народныхъ русскихъ пѣсенъ, хотя, подчиняясь современному взгляду на безъискуственную поэзію, и называетъ ихъ «подлыми», т. е. низкими, будто бы оскорбляющими чувство изящнаго въ образованныхъ людяхъ. О пригодности «Способа» можно заключать по свидѣтельству того же современника, отзывъ котораго приведенъ нами выше: «мы не можемъ (пишетъ онъ) достаточно возблагодарить Тредьяковскаго за изданныя имъ правила стихотворства, которыя были руководствомъ въ искуствѣ поэзіи для тѣхъ, кому неизвѣстны иностранные языки, и пособіемъ въ сужденіяхъ о произведеніяхъ вкуса для любителей вообще».

Разсужденіе «о древнемъ, среднемъ и новомъ стихотвореніи россійскомъ (1755)» есть историческій обзоръ трехъ періодовъ нашего стихосложенія: древняго, средняго (съ XVI в.) и новаго, или тоническаго (съ 1735 г.). Къ древнему Тредьяковскій относитъ простонародныя, или «мужицкія», пѣсни; къ среднему—вирши; къ новому—тоническій стихъ, имъ начатый и другими писателями утвержденный. Обзоръ отличается дѣльнымъ изложеніемъ фактовъ и основательными взглядами на свойства разныхъ родовъ стихосложенія.

Въ «Мнѣніи о началѣ поэзіи и стиховъ» замѣчательно развитіе мысли, что поэтъ и стихотворецъ не одно и тоже: что поэзія состоитъ не въ простомъ подражаніи природѣ, а въ творчествѣ; что поэтическій вымыселъ есть не ложь, а разумное представленіе предметовъ, какими они могутъ или долженствуютъ быть. Такимъ разсужденіемъ ясно отличена поэзія отъ стихотворства, художественные вымыслы отъ мѣрной рѣчи, служащей внѣшнимъ ихъ выраженіемъ.

Столь же замѣчательны сужденія о гексаметрѣ, въ «Предъизъясненіи о героической поэмѣ», приложенномъ къ его «Тилемахидѣ» (1766), т. е. переводу Фенелонова романа: «Приключенія Телемака». Здѣсь показано превосходство этого, величаво-благороднаго стихотворнаго метра передъ другими, его приличіе эпосу, равно какъ неприличіе ему риѳмы, которая называется «шумихой», «отроческой игрушкой», «дѣтинскою сопелкой». По ученію Тредьяковскаго, гексаметръ—достояніе Грековъ и Римлянъ—также свойственъ языку русскому, имѣющему свободное, не стѣсняемое опредѣленнымъ порядкомъ словорасположеніе. Природа, говоритъ онъ, даровала славяно-русской рѣчи богатство и сладость языка греческаго, важность и сановитость латинскаго: поэтому неприлично ей обрекать себя добровольно на скудость и ограниченность французскаго. Въ слѣдствіе такого взгляда, «Телемакъ», написанный прозой, но по характеру разсказа принадлежащій къ эпическимъ повѣствованіямъ, переложенъ гексаметромъ. Эта любовь къ Фенелонову эпосу, по вѣрному замѣчанію Пушкина, дѣлаетъ переводчику честь, а самый выборъ стиха доказываетъ необыкновенное въ то время чувство изящнаго.

«Разговоръ объ ороографіи (1748)» имѣетъ предметомъ установить русское правописаніе не на словопроизводствѣ, а на словопроизношеніи. Доказательства свои онъ основываетъ на томъ, что каждая буква есть условный знакъ «звона» (членораздѣльнаго звука): слѣд. писать надобно «по звонамъ» (по выговору). Съ этимъ правиломъ «Разговоръ» связываетъ преобразованіе нашего алфавита. Такъ какъ буквы служатъ къ означенію членораздѣльныхъ звуковъ человѣческаго голоса, то русская азбука должна заключать въ себѣ столько знаковъ, сколько находится разныхъ звуковъ въ русскихъ словахъ. Посему, разсмотрѣвъ основательно оба алфавита наши: церковно-славянскій и гражданскій, Тредьяковскій исключаетъ изъ послѣдняго шесть буквъ: *з*, *и*, *щ*, *э*, *ѳ*, *ѵ*. Не смотря на послѣдовательность выводовъ и на авторитетъ Квинтиліана, стоявшаго за правописаніе по выговору, Тредьяковскій не достигъ своей цѣли. Причина тому въ шаткости основнаго начала, по которой самъ авторъ невольно отступалъ отъ него, т. е. писалъ многія слова не по выговору, а по принятому обычаю, и тѣмъ заподозривалъ вѣрность своей системы. Произношеніе словъ измѣняется по физіологическимъ и климатическимъ условіямъ: одни и тѣже слова въ разныхъ мѣстностяхъ выговариваются различно; допустивъ выговоръ за основу орѳографіи, мы получимъ столь-

ко ороографіи, сколько областныхъ выговоровъ. Притомъ въ разсужденіяхъ Тредьяковскаго потеряна изъ виду историческая основа нашего правописанія, которое коренится на письменномъ употребленіи языка церковно-славянскаго и до того противится попыткамъ принять всякое другое основаніе, что начертаніе словъ по выговору равнозначительно безграмотности.

Понятіе объ употребленіи языковъ церковно-славянскаго и русскаго, соотвѣтственно различному содержанію сочиненій, выражено Тредьяковскимъ въ предисловіи къ книгѣ: «Ѣзда на островъ любви», переведенной, въ 1730 г., съ франц. (Voyage de l'île d'Amour, ou la Clef des coeurs, par Paul Tallemant). Славянскимъ языкомъ, говоритъ онъ, надобно писать церковныя книги; для книгъ же гражданскихъ (мірскихъ) нуженъ самый простой, разговорный русскій языкъ. «Языкъ славянскій въ нынѣшнемъ вѣкѣ очень теменъ и многіе его не разумѣютъ; онъ жестокъ моимъ ушамъ слышится, хотя прежде сего не только я имъ писывалъ, но и разговаривалъ, за что прошу прощенія у всѣхъ, при которыхъ съ моимъ глупословіемъ хотѣлъ себя показывать особымъ славенскимъ рѣчетоцемъ».

Въ изложеніи ученыхъ предметовъ, Тредьяковскій обращался преимущественно къ французскимъ книгамъ, хотя имѣлъ основательныя свѣдѣнія въ древней словесности. Онъ знакомилъ своихъ соотечественниковъ съ западной наукой въ томъ видѣ, въ какомъ находилъ ее у знаменитыхъ писателей той страны, гдѣ пришлось ему довершить свое образованіе. Тредьяковскій провелъ три года въ Парижѣ (1727—30) и посѣщалъ тамошній университетъ. Преданіе сохранило за нимъ даже славу ученика Роллена, у котораго онъ будто бы слушалъ лекціи краснорѣчія и поэзіи. Любовь его къ Французамъ и Франціи обнаруживается повсюду. Онъ самъ писалъ французскіе стихи. Возвратясь въ отечество, «началъ производить, по молодости и французскому духу, въ обществѣ нѣкоторыми стишками». Говоря о миѳическомъ изобрѣтателѣ поэзіи, сравниваетъ его стихи съ французскими водевилями. Обработанность французскаго языка приводитъ его въ восторгъ. Сочувствіе къ Парижу выражено имъ въ особыхъ похвальныхъ стихахъ:

Красное мѣсто! драгой берегъ Сенски!
Тебя не лучше поля Елисейски!

Въ Парижѣ, говоритъ онъ, не смѣетъ явиться деревенскій маперъ, ибо все держитъ себя благородно; этотъ городъ есть жилище, свойственное богамъ и богинямъ:

Кто тя не любитъ? развѣ бъ былъ духъ звѣрски!
А я не могу никогда забыти,
Пока имѣю здѣсь на землѣ быти.

При оцѣнкѣ ученой дѣятельности Тредьяковскаго не слѣдуетъ забывать его переводовъ, стихотворныхъ и прозаическихъ. Одни изъ нихъ служили руководствомъ къ изученію словесности и исторіи; другіе доставляли чтеніе грамотному классу, не знавшему иностранныхъ языковъ. Наибольшую пользу (приводимъ снова свидѣтельство упомянутаго современника) принесла Боалова «Наука о стихотвореніи и поэзіи»; съ благодарностію и одобреніемъ публика приняла также «Древнюю (10 ч., 1744—62) и Римскую исторію (16 том., 1761—67 г.) Роллена, въ дополненіе къ которой была переведена «Исторія о римскихъ императорахъ, Кревье

и Роллена» (4 т., 1767—69). Тредьяковскій переложилъ прозой и другой поэтическій кодексъ—«Посланіе Горація къ Пизонамъ».

Стихотворенія Тредьяковскаго относятся къ разнымъ родамъ поэзіи: онъ писалъ духовныя и похвальныя оды, эпистолы, басни, элегіи и другія лирическія піесы и сочинилъ трагедію: «Деидамія» (нап. 1775). Какъ стихотворецъ, Тредьяковскій является совершенно въ иномъ видѣ, чѣмъ ученый. Не имѣя вовсе творческой способности, онъ наполнялъ свои произведенія уродливыми образами. У него не было даже на столько вкуса, чтобы видѣть неприличіе и неблагообразіе антипоэтическихъ представленій. На внѣшнемъ выраженіи отразилась внутренняя нестройность: стихи его чрезвычайно тяжелы и грубы; надъ ними смѣялись современники, еще не избалованные художественной отдѣлкой мѣрнаго слова; прочесть страницу Тилемахиды, выучить изъ нея нѣсколько строкъ вмѣнялось въ наказаніе; удачные стихи или, лучше, удачный стихъ, найденный въ этой обширной поэмѣ, почитался какимъ-то чудомъ. Короче, имя творца Тилемахиды стало синонимомъ самаго несчастнаго стиходѣя. Главная тому причина, какъ мы сказали,—отсутствіе поэтическаго таланта; второстепенная—тогдашнее состояніе стихотворнаго искуства, не представлявшаго хорошихъ образцовъ. Французскіе стихи того же Тредьяковскаго могли быть читаемы не хуже мадригальныхъ піесъ Шолье, которому онъ подражалъ: они легки и гладки, потому что языкъ французскій, будучи обработанъ, свободно покорялся требованіямъ версификаціи, да и самая версификація, основанная на количествѣ слоговъ, менѣе затрудняла писателей. Впрочемъ, и въ дѣлѣ стихотворства, Тредьяковскій оказалъ нѣсколько услугъ русской словесности. Мы уже знаемъ, что ему первому принадлежитъ введеніе у насъ тоническихъ размѣровъ не однимъ трактатомъ о способѣ сложенія стиховъ, но и самыми стихами, каково бы ни было ихъ достоинство. Знаемъ также, что отъ него идетъ начало рускаго гексаметра, хотя этотъ стихъ вышелъ въ Тилемахидѣ до того неуклюжимъ, что послѣ долгое время не рѣшались употреблять его, находя его совершенно несвойственнымъ русскому языку. Только черезъ 50 лѣтъ переводчикъ Иліады, Гнѣдичъ, рѣшился, какъ онъ выражается, «отвязать отъ позорнаго столба стихъ Гомера и Виргилія, прикованный къ нему Тредьяковскимъ».

Что касается до языка и слога въ сочиненіяхъ Тредьяковскаго, то, говоря его же словами, онъ «не умѣтилъ въ природное свойство русскаго языка»: его рѣчь тяжела, нестройна, исполнена многихъ солецизмовъ. Причинъ тому надобно искать не въ одной малообработанности литературнаго языка того времени, не въ одномъ также частомъ обращеніи автора съ иностранными книгами, откуда онъ невольно усвоивалъ чуждые намъ обороты, но и въ сознательномъ намѣреніи его подчинить словесное выраженіе искуственнымъ правиламъ, наперекоръ обычаю и духу русскаго языка. Какъ въ образованіи народной рѣчи дѣйствуетъ не одна мыслительная способность, такъ и рѣчь литературная создается не разсужденіями писателей: она есть результатъ историческаго развитія, котораго нельзя остановить или передѣлать никакими философскими началами, никакими грамматическими умствованіями. Хотя Тредьяковскій и понималъ силу употребленія, «которое выходитъ не изъ правилъ, но отъ котораго, напротивъ, постановляются правила», однакожъ на дѣлѣ поступалъ противно своему пониманію: преобразовывалъ всѣмъ

извѣстныя слова, вводилъ новыя, употреблялъ старыя въ иномъ, необычномъ значеніи, строилъ обороты на основаніи придуманныхъ резоновъ и тѣмъ еще болѣе запутывалъ свою, и безъ того варварскую, конструкцію. Самыя иностранныя слова, давно знакомыя русскимъ читателямъ, получили у него другое начертаніе; вмѣсто: «Телемакъ», «поэма», «эпопея», явились: «Тилемахъ», «піима», «эпопіа». Такія реформы крайне не нравились публикѣ: преслѣдуя нововводителя насмѣшками, она заклеймила его именемъ педанта по преимуществу.

Главными источниками біографіи Василія Кирилловича Тредьяковскаго служатъ: его «Просьба въ сенатъ, 1744 г.» (Москв., 1851, № XI) и «Доношеніе президенту Ак. Н. гр. К. Г. Разумовскому, 1751» (Соч. Тред—го, изд. Смирд., т. I); также Словарь Евгенія и статья г. Перевлѣсскаго въ его изданіи «Избранныхъ сочиненій Тр—го» (1849). Тредьяковскій говоритъ, что изъ любви къ ученію онъ «оставилъ родину (Астрахань), родителей, домъ и сродниковъ» и пришелъ въ моск. дух. академію, откуда отправился въ Парижъ «своею охотою, не бывши посланъ ни отъ кого, съ крайнимъ претерпѣніемъ бѣдности и пѣшкомъ изъ Антверпена». Въ этомъ извѣстіи скрыто одно обстоятельство: «Тред—ій бѣжалъ изъ академіи, боясь наказанія за одну провинность, именно: за написаніе фальшиваго вида какому-то іеродіакону (Изв. Ак. Н. по 2 отд., т. VIII, вып. 2). Прибывъ въ Парижъ (1726), онъ нашелъ себѣ покровителя въ посланникѣ нашемъ при франц. дворѣ, гр. Б. И. Куракинѣ, которому посвятилъ переводъ «Поѣздки на островъ любви» и который называлъ его своимъ агентомъ (Наук. и лит. при Петрѣ, Пекарскаго, I, 42). Воротясь въ Россію (1730), былъ назначенъ переводчикомъ при Ак. Н. (1731). Въ 1745 г., по ходатайству гр. М. И. Воронцова, получилъ мѣсто профессора «лат. и рус. элоквенціи» въ академ. университетѣ. Лекціи свои онъ открылъ «Словомъ о витійствѣ» и читалъ ихъ въ теченіе 18 лѣтъ, вышедъ въ отставку 1763 г. (Кромѣ указанныхъ матеріаловъ, см.: Изъ дѣла о Тред—мъ, Москв. 1853, № 15; Для біографіи Тред—го, ib., № 20; Доношеніе Тред—го о спорѣ съ Ломоносовымъ, Библ. Зап. 1861, № 12; Наука и лит. при П. В., I, 175-176, 184—185). Отзывъ современника о Тред—мъ взятъ изъ «Нѣмецкаго извѣстія о русскихъ писателяхъ» (1768), перепечатаннаго, съ приложеніемъ рус. перевода, въ Библ. Зап. 1861, № 20: это—статья рус. путешественника, появившаяся въ «Лейпцигскомъ журналѣ» 1766 г.; франц. переводъ ея, подъ названіемъ: «Essai sur la littérature russe», изданный въ Ливорно 1771, вновь изданъ С. Д. Полторацкимъ въ 1851.

Изданія его сочиненій и переводовъ: 1-ое, въ 2 т. (1752 г.); 2-ое, Смирд., въ 3 ч. (1849); Избранныя сочиненія, съ предисловіемъ г. Перевлѣсскаго и съ приложеніемъ критич. статей о Тред—мъ. Въ этихъ изданіяхъ, кромѣ вышеуказанныхъ сочиненій и переводовъ, помѣщены: а) Рѣчь о чистотѣ рос. языка, произнесенная въ 1735 г., при открытіи «Россійскаго собранія» въ Ак. Н. (см. слѣд. §); б) Панегирикъ Аннѣ Іоанновнѣ (1735); в) Lettre d'un Russien à un de ses amis (1736); г) Разсужденіе о комедіи вообще, выбранное изъ сочиненій Брюмуа, Рапена и Роллена; д) Слово о премудрости, благоразуміи и добродѣтели; е) Три разсужденія о трехъ главнѣйшихъ древностяхъ россійскихъ; ж) Разсужденіе объ одѣ, приложенное къ одѣ «на сдачу Гданска (1734)»—краткое указаніе свойствъ этого лирич. стихотворенія, заимствованное изъ сочиненія Буало: «Discours sur l'ode», которое было приложено къ его одѣ «на взятіе Намура»; з) Переводъ Фонтенелева Слова о терпѣніи и нетерпѣливости»; и) Аргенида Барклаева—пер. съ лат. сатирико-аллегорическаго романа англ. писателя XVII в.; і) Предъизъясненіе объ ироической піимѣ—переводъ сочиненія Рамсэ: «Discours sur le poëme épique», содержащаго въ себѣ теорію искуственнаго эпоса и, на основаніи ея, разборъ Иліады, Одиссеи, Энеиды и Фенелонова Телемака, которому отдается преимущество предъ древними эпопеями за высокое нравственное значеніе (Разсужденіе о гексаметрѣ принадлежитъ самому Тредьяковскому или почерпнуто имъ изъ другихъ источниковъ). Нѣсколько сатирич. стихотвореній Тред-го нап. «въ образцахъ литературной полемики XVIII в.» (Библ. Зап., 1859, №№ 15 и 17).

Отдѣльно изданные переводы: а) Истинная политика знатныхъ и благородныхъ особъ, съ фр. (1737); б) Военное состояніе Оттоманской имперіи, съ фр. (1737); Житіе Бакона, съ сокращеніемъ его философіи, съ фр. (1760); Исторія о римскихъ императорахъ, Кревіера и Роллена, съ фр. 4 т. (1767—69); Опытъ о разгласіи церквей въ Польшѣ, Вольтера, съ фр., 1769 (Соп. II, № 2575).

Неизд. сочиненія: а) Россійскій Парнассъ, содержащій въ себѣ правила просодіи, 1745; б) Псалтирь въ стихахъ, 1753 (см. въ 16 № Библ. Зап. 1858: Прошеніе Тред-го о дозволеніи печатать стихотворное переложеніе псалмовъ); в) Ѳеоптія, или богозрѣніе, въ 6 эпистолахъ, стихами (см. о Ѳеоптіи Тред-го, Моск. 1851, №№ 19 и 20); г) Пять разсужденій о силѣ нравоучительной философіи и о натуральномъ правѣ; д) Духовная, при самой кончинѣ написанная. Неизд. переводы: а) Апоѳегмы, или рѣчи краткія и сильныя, съ лат. (вѣроятно, переводъ сочиненія, о которомъ говорится въ Lettre d'un Russien: «Apothègmes de Jean Eusébe Niremberg»); б) Евнухъ, ком. Теренція, съ лат.

§ 188. Дѣятельность академіи наукъ, въ первый періодъ ея существованія, представляетъ нѣкоторые факты, имѣющіе не только ученое, но и литературное значеніе. Въ 1735 г., въ президентство барона Корфа, учреждено было при академіи, для особыхъ занятій языкомъ и словесностью, «Россійское собраніе». Къ сожалѣнію, ни труды этого собранія, ни причины, почему оно остановилось въ своемъ движеніи, неизвѣстны. Извѣстно только, что Тредьяковскій, бывшій въ то время академическимъ переводчикомъ, открылъ его «Рѣчью о чистотѣ россійскаго языка», въ которой находилъ необходимымъ, для успѣховъ отечественнаго слова, составленіе исправной грамматики, полнаго словаря, курсовъ риторики и стихотворства, и что Татищевъ, по поводу такого плана дѣйствій, представлялъ императрицѣ Аннѣ мнѣніе о переводѣ нѣмецкихъ названій горныхъ чиновъ на русскій языкъ. Изъ воспитанниковъ академіи «славянскаго рода» пріобрѣлъ достойную извѣстность профессоръ ботаники Крашенинниковъ (1713—55), авторъ любопытнаго и обстоятельнаго описанія Камчатки (нап. 1755), которое онъ сочинилъ, дѣятельно участвуя во второй камчатской экспедиціи, снаряженной въ 1733 года, и которое было тогда же переведено на французскій, нѣмецкій и англійскій языки. Описаніе это, въ научномъ отношеніи, до сихъ поръ сохраняетъ свое достоинство. Языкъ его, равно какъ языкъ и другаго труда Крашенинникова—перевода Курціевой Исторіи Александра Македонскаго (1750),—отличался по тому времени замѣчательной правильностію, чистотою и пріятностью. Съ 1728 г. Русскія Вѣдомости (§ 178) перешли въ вѣдѣніе академіи. Миллеръ, бывшій въ то время адъюнктомъ, принявъ на себя ихъ редакцію, началъ издавать къ нимъ «Историческія, генеалогическія и географическія примѣчанія», которыя и продолжалъ по 1742 г. Главными предметами статей, какъ показываетъ самое названіе, служили: политическая исторія, генеалогія и географія. Но редакторъ этимъ не ограничивался: онъ сообщалъ свои мнѣнія о древнихъ и среднихъ временахъ, о тогдашнемъ состояніи земель и государствъ, о естествознаніи, исторіи церкви и исторіи просвѣщенія. Такимъ образомъ «Примѣчанія» имѣли въ виду, соединяя полезное съ пріятнымъ, объяснять все то, что въ Вѣдомостяхъ предлагалось какъ извѣстіе, но что, по своему интересу, возбуждало любопытство публики, нуждавшейся въ просвѣщенныхъ и научныхъ понятіяхъ о разныхъ предметахъ. Они приносили несомнѣнную пользу публикѣ, сообщая ей полезныя свѣдѣнія, пріучая ее къ разсужденію о всякихъ дѣлахъ. Образцами и вмѣстѣ источниками «Примѣчаній» служили иностранныя періодическія изданія, въ особенности Адиссоновъ «Зритель», выходившій въ 1711—12 г.г. Отсюда заимствованы статьи: «о суевѣріи», «о полезномъ употребленіи времени», «о добромъ нравѣ», и пр. Изъ другаго англійскаго изданія, подъ назва-

ніемъ «Опекунъ» (1713 г.), Примѣчанія перевели описаніе сенъ-сирскаго училища».

Объ ученыхъ сборникахъ и період. изданіяхъ Ак. Н., съ 1726 по 1852, г. Куника, въ Учен. Зап. Акад. Н. по I и III отд., т. I, вып. I.

НОВЫЙ ПЕРІОДЪ.

I. ОТЪ ЛОМОНОСОВА ДО КАРАМЗИНА.

А. ЦАРСТВОВАНІЕ ЕЛИСАВЕТЫ.

§ 189. Кантемиръ и Тредьяковскій, сказали мы (§ 123), стоятъ на переходѣ отъ средневѣковаго содержанія словесности, преобладавшаго у насъ въ XVII в., къ новоевропейскимъ литературнымъ началамъ. Хотя въ ихъ сочиненіяхъ находятся образцы почти всѣхъ поэтическихъ родовъ, одного характера съ тѣми, которые явились на западѣ Европы въ слѣдъ за эпохой возрожденія; однакожъ не за ними, а за Ломоносовымъ (1711—1765) согласный приговоръ современниковъ и потомства, утверждаясь на достаточныхъ причинахъ, укрѣпилъ честь основанія новой русской словесности. Кантемиръ славился какъ сатирикъ исключительно; лирическія піесы его неважны, хотя въ одной сатирѣ онъ и упоминаетъ о многихъ своихъ пѣсняхъ, которыя пѣлись «отроками и чистыми дѣвицами»; поэмы Петриды была написана только первая книга, да и та оставалась неизданною до нашего времени. Стихотворное же рвеніе Тредьяковскаго не производило ничего, кромѣ уродливыхъ виршей, которые были гораздо ниже его ученыхъ трактатовъ. Въ сферѣ искуства реформа совершается образцовыми примѣрами; для произведенія образцовъ нуженъ талантъ, а его-то и не имѣлъ творецъ Тилемахиды. Поэтому новый періодъ русской словесности начинается Ломоносовымъ: ему предоставлено было водворить у насъ надолго, и въ теоріи, и на практикѣ, господство новоевропейскаго литературнаго направленія.

Новоевропейская словесность возникла на изученіи древнеклассическаго искуства и науки, начавшемся въ концѣ XV и продолжавшемся въ XVI в. Появленіе ея, во Франціи, относится ко второй половинѣ XVI-го. Необходимость литературныхъ преобразованій возвѣстила книга Дюбеллэ: «Défense et Illustration de la langue française (1549)». Главнымъ дѣятелемъ реформы былъ Ронсаръ (+1585).

Цвѣтущаго состоянія достигла эта литература при Людовикѣ XIV, представивъ самые блистательные образцы въ драмѣ и найдя полнѣйшее выраженіе своего характера въ Буало († 1711), получившемъ прозваніе «парнасскаго законодателя». Новой литературѣ вмѣнено было въ обязанность подражать древнимъ, а такъ какъ одностороннее изученіе античной жизни привело къ неполному и превратному о ней понятію, то и подражаніе вышло превратнымъ: отъ этого подражательная литература означается именемъ ложноклассической, а по мѣстному своему развитію носитъ также названіе французскаго классицизма. Характеръ псевдоантичныхъ произведеній состоитъ въ матеріальномъ, такъ сказать буквальномъ перенесеніи поэтическаго матеріала Грековъ и Римлянъ въ поэзію другихъ народовъ. При изученіи древности устремляли вниманіе болѣе на ея внѣшность, нежели на внутренній смыслъ, болѣе на форму, чѣмъ на содержаніе, болѣе на отдѣльные члены ея великаго образа, нежели на живое созерцаніе этого образа во всей его цѣлости. Въ древней литературѣ видѣли не средство расширить поэтическій горизонтъ новаго міра, а такой предметъ, которымъ можно замѣстить литературу среднихъ вѣковъ. Подражать древнимъ значило не заимствовать у нихъ то, что, по своему общечеловѣческому значенію, было пригодно для всѣхъ народовъ, или, по своимъ національнымъ особенностямъ, согласно съ характеромъ той націи, къ которой принадлежалъ авторъ, а копировать поэтическія формы, брать имена, выраженія и даже отдѣльныя слова. Стихъ Буало о Ронсарѣ, что «sa muse en français parla grec et latin», можетъ быть отнесенъ не къ одному языку и стилю новыхъ поэтическихъ произведеній, но и къ ихъ содержанію. При такомъ способѣ творчества, на основаніи дурно истолкованныхъ теорій и образцовъ древности, псевдоклассическая поэзія порвала всякую связь съ народными произведеніями и сдѣлалась какъ бы чужеземною. Она обратилась въ произведеніе учености, а не фантазіи; ея холодность и сдержанность ошибочно принимали за простоту греческой музы; всего болѣе требовали отъ нея правильности и гладкости; она отличалась пренебреженіемъ къ естественности, риторическимъ паѳосомъ, никогда не возвышавшимся надъ условными приличіями. Теоретическимъ канономъ этой поэзіи служила дидактическая поэма Буало: L'art poëtique. Съ его времени надолго утвердилось въ поэзіи господство разсудка надъ фантазіей, правила надъ свободною игрой фантазіи, общаго, условнаго вкуса надъ его разнообразными проявленіями по характеру народовъ и писателей.

Изъ Франціи псевдоклассицизмъ перешелъ въ другія государства. Исторія литературы каждой страны отмѣчаетъ на своихъ страницахъ болѣе или менѣе долгій періодъ его существованія. Наша словесность ведетъ его начало съ двухъ стихотвореній Ломоносова: перевода (1738) Фенелоновой оды «на уединеніе» и оригинальной оды «на взятіе Хотина (1739)». Направленіе, усвоенное Ломоносовымъ, часто подвергалось строгой критикѣ. Его упрекали за всѣ послѣдствія ложной литературной системы: высокопарность, изысканность, пренебреженіе простотою, отсутствіе народности и оригинальности. Упреки слишкомъ рѣзкіе и незаслуженные. При общемъ стремленіи къ французскимъ образцамъ, было чрезвычайно трудно не увлечься ими даже геніальной натурѣ. Еще труднѣе было, минуя тотъ путь, по которому двигалось наше образованіе до Ломоносова, положить основу своеобразной поэзіи, выработать для нея содержаніе и форму изъ самобытныхъ стихій. Предубѣжденный взглядъ на произведенія народнаго творчества, съ высоты двоякаго пуризма, религіознаго и ученаго, твердо коренился въ умѣ

книжныхъ людей и держалъ ихъ подъ своимъ вліяніемъ. Освободиться отъ него можно было короткимъ знакомствомъ съ древне-русскими поэтическими памятниками и правильнымъ понятіемъ о сущности поэзіи, которая тогда только истинна, когда она національна: ни того, ни другаго не имѣлъ Ломоносовъ. Основательное изученіе греко-римской словесности всего скорѣе изобличило бы самозванство французскаго классицизма; но школа не дала Ломоносову средствъ для такого изученія. Не силъ, а способовъ и побужденій недоставало ему, чтобы произвести должную литературную реформу. Сверхъ того, занятія литературой стояли у него на второмъ планѣ: они служили ему отдыхомъ, а не профессіей. Случай, а не соображеніе, рѣшилъ выборъ образцовъ для подражанія. Но перенесеніе французскаго классицизма на почву русской литературы, вредное для самостоятельнаго развитія послѣдней, представляетъ другую, несомнѣнно полезную сторону: оно было вмѣстѣ и перенесеніемъ западныхъ идей, слѣдовательно должно занять мѣсто въ исторіи нашей цивилизаціи. Французскій языкъ и французская образованность имѣли всемірное значеніе въ томъ смыслѣ, что служили проводниками началъ, выработанныхъ наукою и жизнію, какъ въ самой Франціи, такъ и въ другихъ государствахъ. Кто въ произведеніяхъ словесности цѣнитъ только ихъ самостоятельное, чисто-литературное достоинство, тотъ вправѣ сѣтовать на Ломоносова; но для кого дорого содержаніе, облекаемое въ литературныя формы, посредствомъ ихъ удобно передаваемое большинству читателей и служащее цивилизующимъ началомъ, тотъ, изъ сочувствія къ образованности, легко мирится съ заблужденіемъ Ломоносова.

§ 190. Стихотворная дѣятельность Ломоносова выразилась въ одахъ, духовныхъ и преимущественно похвальныхъ, первообразомъ которыхъ служили оды Пиндара. Принадлежности пиндарическихъ одъ, какъ разумѣла ихъ французская піитика, изложены Буало въ «Наукѣ о стихотворствѣ» и въ «Разсужденіи объ одѣ». Въ эпоху горячаго спора, поднятаго книгою Карла Перро: «Сравненіе древнихъ и новыхъ поэтовъ», Буало, отстаивая превосходство Грековъ и Римлянъ, рѣшился показать достоинство Пиндара и въ подражаніе ему сочинилъ оду на взятіе Намура, исполненную искуственнаго восторга. Примѣръ его вызвалъ множество подобныхъ стихотвореній. У насъ Тредьяковскій, въ одѣ на сдачу Гданска (1734), и Ломоносовъ, въ одѣ на взятіе Хотина, значительно заимствовали изъ Буало. Но Ломоносовъ кромѣ того обращался къ другому источнику—къ нѣмецкому поэту Гюнтеру († 1723), написавшему стихотвореніе на миръ между Австрійцами и Турками (1718), послѣ побѣдъ, одержанныхъ надъ послѣдними Евгеніемъ Савойскимъ. Правила лжеантичной торжественной лирики были въ послѣдствіи развиты подробнѣе: теоретики съ точностію опредѣлили, изъ сколькихъ частей должна состоять ода, съ чего ее начинать, чѣмъ оканчивать. Одѣ слѣдовало имѣть приступъ, предложеніе, отступленія, пареніе или такъ называемый «лирическій безпорядокъ». Ученіе о послѣднемъ произошло изъ дурно-опредѣленнаго различія между ходомъ мысли, слѣдующей логическимъ законамъ, и движеніемъ чувства, совершающимся по своей собственной логикѣ: вмѣсто естественной смѣны однихъ ощущеній другими, піитика требовала намѣреннаго ихъ разрыва, искуственныхъ переходовъ отъ предмета къ предмету, большею частію выражаемыхъ фигурами вопрошенія и восклицанія: «но что я зрю?» «какое зрѣлище предстало!» и т. п. Какъ плодъ условныхъ правилъ, похвальная ода выходила мертвымъ спискомъ

формы и пріемовъ оды пиндарической: лиризмъ замѣнялся то риторическою напыщенностью, то моральными сентенціями, отъ чего она изъ области поэзіи переходила въ область краснорѣчія или дидактики. Тѣже самыя черты встрѣчаемъ и въ лирикѣ Ломоносова, скованной указными правилами. Оды его не принадлежатъ къ художественнымъ созданіямъ, но въ нихъ есть превосходныя поэтическія частности, которыя свидѣтельствуютъ объ истинѣ чувства и силѣ воображенія. Истинное же чувство выступаетъ у него тамъ, гдѣ онъ обращается къ наукѣ и ко всему, что служитъ ея матеріаломъ, открытіемъ или средствомъ. Природа—главный предметъ занятій стихотворца; премудрость и благость Создателя—возвѣщаемыя строеніемъ міра; водвореніе любезныхъ ему наукъ въ Россіи; Петръ I и Елисавета—рачители русскаго просвѣщенія: вотъ къ чему направлена мысль Ломоносова. Лучшія мѣста его стихотвореній суть плодъ ученыхъ изслѣдованій, сознательнаго одушевленія тѣми истинами, которыя добываетъ пытливый умъ. Въ ученомъ сказывается поэтъ, и на оборотъ: поэтъ обличаетъ въ себѣ ученаго. «Размышленіе о Божіемъ величествѣ по случаю сѣвернаго сіянія (1743)» есть лучшая ода Ломоносова именно потому, что въ ней поэтическіе образы имѣли своею основой естествознаніе: величіе Творца сознано посредствомъ ученаго знакомства съ явленіемъ, а не восчувствовано непосредственно. Тѣсная связь между натуралистомъ и поэтомъ въ одномъ лицѣ видна еще изъ того, что въ «Словѣ о явленіяхъ воздушныхъ, отъ электричества происходящихъ (1753)», Ломоносовъ ссылается на упомянутую оду, какъ на доказательство, что мнѣніе о сѣверномъ сіяніи уже давно было имъ составлено. Дѣйствительно, въ «Размышленіи» не только описывается явленіе природы, но и выражаются понятія о немъ автора. И въ другихъ словахъ его, нѣкоторыя мѣста, по силѣ одушевленія и красотѣ формы, не уступаютъ лучшимъ строфамъ одъ: тамъ и здѣсь стихотворецъ слѣдуетъ за ученымъ. Похвальная лирика Ломоносова ниже духовной: послѣдняя большею частію почерпала свое содержаніе или изъ области естествознанія («Утреннее» и «Вечернее размышленіе о Божіемъ величествѣ»), или изъ библейскихъ картинъ и сказаній (переложеніе нѣкоторыхъ главъ изъ книги Іова); первая же подчинялась стѣснительнымъ условіямъ. Предшествующіе образцы религіозныхъ пѣснопѣній имѣли, конечно, вліяніе на Ломоносова. Риѳмованная Псалтирь Полоцкаго могла сообщить ему первоначальное понятіе какъ о постройкѣ стиховъ, такъ и о переложеніяхъ изъ Св. Писанія. Не даромъ эту книгу, вмѣстѣ съ Грамматикой Смотритскаго и Ариѳметикой Магницкаго, называлъ онъ «вратами своей учености».

Кромѣ одъ, Ломоносовъ писалъ и другія стихотворенія. «Посланіе къ Шувалову о пользѣ стекла (1752)» сохраняетъ и теперь свое достоинство, какъ лучшее у насъ произведеніе такъ называемой дидактической поэзіи. Замѣчательно въ немъ выраженіе глубокой любви Ломоносова къ знанію вообще, къ познанію природы въ частности. Природа, по его словамъ, была для него матерью. Естественныя науки плѣняли его, независимо отъ пользы и самостоятельнаго значенія, своею поэтическою стороною. Грозные и величественные предметы видимаго міра: громъ, огонь, происхожденіе свѣта, зарожденіе металловъ въ нѣдрахъ земли и т. п. обращаютъ на себя особенное его вниманіе. «Посланіе» представляетъ и другія достоинства, выражая взглядъ Ломоносова на отношеніе науки къ религіи, о чемъ будетъ сказано ниже. Въ двухъ пѣсняхъ поэмы: «Петръ Великій» (1760), Ломоносовъ слѣдовалъ Виргилію, и въ планѣ, и въ частностяхъ. Первая пѣснь есть сокращенное

подражаніе первымъ двумъ пѣснямъ Энеиды: подобно Энею, Петръ I претерпѣваетъ бурю; какъ Эней разсказываетъ Дидонѣ о разореніи Трои, такъ русскій царь разсказываетъ настоятелю соловецкаго монастыря о стрѣлецкихъ бунтахъ. Двѣ трагедіи: «Демофонтъ» и «Тамира и Селимъ», написаны не по свободному побужденію, а изъ желанія дать русской литературѣ образцы всѣхъ поэтическихъ родовъ или изъ соревнованія драматической дѣятельности Сумарокова (см. ниже). Онѣ холодны, бѣдны дѣйствіемъ и характерами. Преобладающій въ нихъ элементъ—эпическій и лучшія мѣста принадлежатъ къ описаніямъ или разсказамъ.

Для двухъ похвальныхъ словъ: Елисаветѣ (1747) и Петру (1755), Ломоносовъ имѣлъ образцы какъ въ предшествовавшей отечественной словесности, такъ и въ произведеніяхъ римскихъ ораторовъ. Если братья Перекрестовы, прославляя царевну Софію, находили въ ней семь даровъ Духа Святаго (§ 150); то и Ломоносовъ имѣлъ право исчислять семь добродѣтелей монархини: благочестіе, мужество, великодушіе, мудрость, человѣколюбіе, милосердіе и щедрость, которыми она украшалась, какъ «высокими дарами Вышняго». Панегирикъ Плинія младшаго Траяну оказалъ значительное вліяніе на похвальное слово Петру, изображающее важнѣйшія дѣла преобразователя Россіи, препятствія, имъ преодолѣнныя, и добродѣтели, которыя были ему необходимы для совершенія великихъ подвиговъ. Ораторъ–Ломоносовъ представляетъ тѣже недостатки и достоинства, какіе мы видѣли въ Ломоносовѣ–стихотворцѣ. Въ исторіи краснорѣчія также былъ періодъ псевдоклассицизма. Схоластическая риторика, построенная на образцахъ греко–римскаго ораторства и на теоретическихъ о немъ сочиненіяхъ и служившая въ средніе вѣка руководствомъ, положила правиломъ излагать новое содержаніе въ формѣ рѣчей древнихъ. Эти формы, прилаживаясь къ разнымъ предметамъ, получили значеніе общихъ мѣстъ, условныхъ риторическихъ средствъ, и обратили краснорѣчіе въ холодное декламаторство. Декламаторскій духъ господствуетъ и въ словахъ Ломоносова, за исключеніемъ нѣкоторыхъ мѣстъ, преимущественно во второмъ словѣ, гдѣ рѣчь касается науки и Петра—двухъ предметовъ постояннаго сочувствія автора.

§ 191. Историческое значеніе похвальныхъ одъ и другихъ указанныхъ сочиненій состоитъ въ ихъ отношеніи къ современной эпохѣ. Оно дало Ломоносову имя «пѣвца Елисаветы». Воцареніе этой императрицы было для Русскихъ «воздвиженіемъ Петрова племени», незаконно устраненнаго отъ престолонаслѣдія. На время отъ смерти Петра II до паденія Анны Леопольдовны они смотрѣли какъ на печальный историческій эпизодъ, какъ на чужеземное господство, недоброжелательное отечеству. Цѣлое десятилѣтіе, по словамъ ихъ, Россія пребывала «въ школѣ неблагополучія», наказанная, за грѣхи свои, многими бѣдами. Вмѣстѣ съ истинной наслѣдницей престола, жившей подъ строгимъ надзоромъ, точно въ опалѣ, терпѣли и подданные «отъ хищныхъ совъ и нетопырей, сидѣвшихъ въ гнѣздѣ орла россійскаго и мыслившихъ злое государству». Но Елисавета положила конецъ частымъ и вреднымъ перемѣнамъ: вступивъ на престолъ, она одержала побѣду надъ врагами, освободила отечество отъ чужихъ рукъ—отъ оковъ, наложенныхъ на него Бирономъ, Остерманомъ, Минихомъ и ихъ «снузднисками и эмиссаріями». По мнѣнію лицъ, оффиціально слѣдившихъ за ходомъ событій, съ ея времени наступила новая эра, которая обнаружилась и внутри Россіи и въ ея

внѣшней политикѣ особыми явленіями. Во внутреннемъ управленіи, которое собственно нужно для нашего предмета, новый порядокъ обозначился паденіемъ иностранцевъ: одни изъ нихъ лишились мѣсть; другіе, кромѣ того, потерпѣли строгія наказанія. «Петръ I», разсуждали тогда, «пользовался ихъ службою съ цѣлію даровать просвѣщеніе своимъ подданнымъ, приготовить Рускихъ для всѣхъ родовъ служебной дѣятельности. Но при его преемникахъ, особенно при Аннѣ Іоанновнѣ, эта цѣль была упущена изъ виду и самая память о преобразователѣ неблагодарно предана забвенію: чужеземные люди заняли важнѣйшія административныя мѣста и пользовались особымъ покровительствомъ, а на Рускихъ мало обращали вниманія, даже явно пренебрегали ими». Перевѣсъ нѣмецкой партіи, при дворѣ и въ администраціи, оскорблялъ народную гордость. Съ Елисаветой отношеніе партій измѣнилось: торжество перешло на сторону людей русскихъ—Бестужева-Рюмина, Воронцова, Шуваловыхъ, Разумовскихъ. Съ этимъ вмѣстѣ и низшія степени администраціи раздаваемы были преимущественно Рускимъ. Предметы Петровой дѣятельности становятся обязательными и для правительства Елисаветы. Въ разныхъ актахъ его видно постоянное намѣреніе выдвинуть впередъ «природныхъ Рускихъ». Новый регламентъ Академіи Наукъ (1747) требуетъ, чтобы впредь академія состояла «изъ природныхъ русскихъ ученыхъ», чтобы «во всѣхъ состояніяхъ, какъ военномъ, такъ и гражданскомъ, внутри и внѣ государства, образованы были ученые русскіе». Медицинская канцелярія положила тѣмъ изъ русскихъ лекарей, которые, обучась хирургіи и фармаціи, оказываютъ успѣхи на службѣ, не только производить награды, но «всегда предъ чужестранными чинить преимущество къ наилучшему одобренію». Въ одномъ письмѣ къ Гельвецію (отъ 27 іюля 1761 г.), И. И. Шуваловъ сѣтовалъ на правительство Анны за его бездѣйствіе касательно народнаго образованія: «первыя мѣста въ государствѣ были заняты иностранцами, которые не радѣли о распространеніи наукъ и искуствъ въ странѣ имъ чуждой; ихъ намѣренія не позволяли имъ мыслить и дѣйствовать съ ревностью патріотовъ. Такая небрежность остановила успѣхи просвѣщенія; ревность къ ученію совершенно была погашена во многихъ изъ моихъ соотечественниковъ».

Внѣшнія и внутреннія перемѣны, произведенныя воцареніемъ Елисаветы, не только были объясняемы депешами иностранныхъ посланниковъ, но и нашли выраженіе въ литературѣ. Сильнѣе и откровеннѣе другихъ возвысило голосъ духовенство, имѣвшее много причинъ, общихъ и личныхъ, столько же ликовать при новомъ царствованіи, сколько сѣтовать на прежнее время. Проповѣди сороковыхъ годовъ (1741—51) достойны двоякаго вниманія: какъ историческій документъ и какъ литературныя произведенія. Восхваляя монархиню за благочестіе, за освобожденіе Россіи «отъ враговъ внутреннихъ и сокровенныхъ», т. е. отъ нѣмецкой партіи, онѣ съ тѣмъ вмѣстѣ воспоминаютъ замыслы протестантизма и скорбь, нанесенную имъ православію и его служителямъ. «Нынѣ совершилось наше спасеніе!» говоритъ одна изъ рѣчей на коронованіе Елисаветы: «низложенъ сатана и всѣ его аггелы!»... «Ты принесла намъ въ гостинецъ истинную, православную, каѳолическую церковь!» Общія причины недовольства церкви указаны Димитріемъ Сѣченовымъ († 1767), митрополитомъ новгородскимъ, въ словѣ въ день Благовѣщенія (1742): «было то неблагополучное время, когда враги наши до того вознесли свою главу, что дерзнули порочить догматы святой вѣры». Какіе же это

догматы? «Догматы христіанскіе, отъ которыхъ вѣчное спасеніе зависитъ: Ходатайницу спасенія нашего на помощь не призывали и заступленія ея не требовали; святыхъ угодниковъ Божіихъ не почитали; иконамъ святымъ не кланялись; знаменемъ креста святаго гнушались; преданія апостоловъ и святыхъ отцевъ отвергали; добрыя дѣла, которыми снискивается вѣчная мзда, отметали; въ святые посты пожирали мясо, а объ умерщвленіи плоти и слышать не хотѣли; надъ поминовеніемъ усопшихъ смѣялись; существованію геенны не вѣрили». Короче: это тѣ самые догматы, о которыхъ разсуждаетъ Камень Вѣры, обличавшій лютеранъ (§ 173). Отсюда понятно, почему запрещеніе книги Яворскаго при Біронѣ и судъ надъ Ѳеофилактомъ Лопатинскимъ, разрѣшившимъ ея изданіе, были важнѣйшимъ обвинительнымъ пунктомъ противъ тѣхъ людей, которые держали въ рукахъ власть при Аннѣ Іоанновнѣ, и однимъ изъ предметовъ хвалы новой государынѣ, освободившей Ѳеофилакта изъ заключенія: «книгу Камень Вѣры, во тьмѣ невѣдѣнія заключенную, на свѣтъ произвесть и освободить повелѣла», говорилъ архіепископъ новогородскій Амвросій Юшкевичъ († 1745): «которая книга, какъ напримѣръ всякому искусному маистеру инструменты, воину оружіе, плавающему корабленику на морѣ кормило, такъ оная намъ нужная, полезная и весьма потребная.... Уже къ тому приходило», продолжаетъ Юшкевичъ, «что въ своемъ православномъ государствѣ о вѣрѣ своей и устъ отворить опасно было: въ тотъ часъ бѣды и гоненія надѣйся». Понятно также, почему «вины» лютеранства, исчисленныя «Камнемъ Вѣры»: несоблюденіе постовъ, непочитаніе святыхъ и непоклоненіе ихъ иконамъ и др., служили почти постоянными темами проповѣдей при Елисаветѣ. Отъ лютеранскихъ притязаній на русскую церковь проповѣдники часто переходятъ ко вреду, причиненному иностранцами Россіи вообще: религіозная ревность находила новую пищу въ патріотизмѣ. Слово Юшкевича въ день рожденія Елисаветы (1741) раскрываетъ эту «ухищренную политику пришлецовъ, губителей отечественнаго счастія»: «Былъ ли кто изъ Рускихъ искусный, напримѣръ: художникъ, инженеръ, архитектъ, или солдатъ старый, а наипаче ежели онъ былъ ученикъ Петра Великаго,—тутъ они тысячу способовъ придумывали, какъ бы его уловить, къ дѣлу какому-нибудь привязать, подъ интересъ подвесть и такимъ образомъ или голову ему отсѣчь, или послать въ такое мѣсто, гдѣ надобно необходимо и самому умереть отъ глада, за то одно, что онъ инженеръ, что архитектъ, что ученикъ Петра Великаго.... Всѣхъ людей добрыхъ, простосердечныхъ, государству доброжелательныхъ и отечеству весьма нужныхъ и потребныхъ, подъ разными претекстами губили, разоряли и вовсе искореняли, а равныхъ себѣ безбожниковъ, безсовѣстныхъ грабителей, казны государственныя похитителей, весьма любили, ублажали, въ ранги великіе производили, отчинами и денегъ многими тысячами жаловали и награждали.... Только тѣнью, только тѣломъ здѣсь, а сердцемъ и душею внѣ Россіи пребывали. Всѣ свои сокровища, всѣ богатства, въ Россіи неправдою нажитыя, вонъ изъ Россіи за море высылали, и тамо иные въ банки, иные на проценты многіе милліоны полагали. Ежели кто сему не хощетъ вѣровати, поиди въ Голландію, въ Англію — тамо лучше увѣдаетъ». Слово Кирилла Флоринскаго, ректора московской академіи († 1743), произнесенное по тому же поводу и въ тотъ же самый годъ, отличается еще большею откровенностью: оно указываетъ прямо на лица, называя ихъ собственными именами—Остерманомъ, Минихомъ. Кромѣ общихъ причинъ недовольства,

проповѣди воспоминаютъ частныя, собственно къ духовному чину относившіяся въ то «желѣзное время, когда неправда царствовала, а правда за карауломъ сидѣла». Турецкая кампанія 1736—39 г.г. похитила многія тысячи церковниковъ, которые, отъ 15 до 40 лѣтъ, безъ разбора были взяты въ военную службу «для нынѣшней нужды въ комплектованіи арміи и гарнизоновъ», какъ сказано въ одномъ изъ указовъ. Многіе пастыри пострадали въ эпоху Биронова могущества. «Коликое гоненіе на самыхъ благочестія защитителей, на самыхъ священныхъ таинъ служителей!» восклицаетъ Сѣченовъ: «архіереевъ, священниковъ, монаховъ мучили, казнили, разстригали; непрестанныя почты и водою и сухимъ путемъ отвозятъ ихъ въ дальніе сибирскіе города, въ Охотскъ, въ Камчатку, Оренбургъ; и тѣмъ такъ устрашили, что уже и самые проповѣдники слова Божія молчали и устъ не смѣли о благочестіи отверсти. И правда, духъ бодръ, а плоть немощна: не всякому-то благодать мученичества посылается».

Приведенные отрывки знакомятъ съ литературнымъ характеромъ духовнаго краснорѣчія при Елисаветѣ. Живое отношеніе къ современности, яркая картина текущихъ или недавно протекшихъ событій, наивность и грубость многихъ выходокъ, рѣзкія обличенія, переходящія то въ шутку, то въ страстную сатиру, сообщили ему интересъ, какой рѣдко находимъ и въ произведеніяхъ свѣтской словесности. Стоя за общерусское дѣло, и кромѣ того вовлеченный въ него личными побужденіями, пастырь церкви всенародно изливалъ ропотъ, который долго таился въ его душѣ и въ душѣ его слушателей. Особенный талантъ выдается въ Сѣченовѣ. Его поученія: въ день Благовѣщенія (1742) и въ день явленія иконы Казанской Богоматери (1742), принадлежатъ къ самымъ характеристичнымъ явленіямъ проповѣднаго слова. Противоположность нашей жизни христіанскимъ обязанностямъ, наполняющая цѣлую половину втораго поученія, отличается смѣлымъ, оригинальнымъ изображеніемъ пороковъ и простотою разговорнаго языка. Таковы же многія мѣста и перваго поученія. Вотъ какъ проповѣдникъ описываетъ безпечность христіанъ о душѣ и ихъ заботливость о тѣлѣ: «Поносимъ праотца нашего, что за яблоко душу продалъ; а мы за чарку винца, за ласкательство, за честишку, за малую славицу, въ судѣ за гостинецъ, въ торгу за копейку, въ постъ святый за курочку душу нашу промѣниваемъ. Поднеси чарку винца, поласкай, пошепчи во ухо: я тебя не оставлю; возьми и душу, готовъ и правду потерять, готовъ и вѣры отступить, готовъ и благочестіе отвергнуть. Не смѣхъ ли? имѣнія наша, мѣдь, сребро, ихъ же тля тлитъ и ржа снѣдаетъ, замка́ми и стражами утверждаемъ; а душа наша, вся отъ хитраго злодѣя діавола окрадена, въ нищету пришла: нѣсть въ ней ни красоты, ни любви, ни богомыслія, ни правды, ни милости—о томъ и не смотримъ». Духовныя слова и рѣчи первыхъ лѣтъ царствованія Елисаветы по тону своему могутъ быть сличаемы съ проповѣдями католической лиги (1577). И тѣ и другія не скупились на крупные эпитеты врагамъ. Остерманъ и Минихъ называются дьявольскими эмиссарами, влѣзшими съ своимъ сонмищемъ въ Россію; человѣкоядными птицами, начавшими бить и терзать сѣннолиственное древо, что̀ возрасло изъ Петрова сѣмени; златыми кумирами, которымъ ихъ кліенты не устыдились покланяться и приносить жертвы, какъ болванамъ; скудельными идолами, ихъ же сокрушилъ Господь; образами и жрецами Ваала; чадами и наслѣдницами геенны; душепагубными министрами беззаконія. Особенно привлекалъ негодованіе Остерманъ, за «злодѣйское укрывательство тестамента Екатерины I»;

проповѣдники уподобляютъ его «Хрисанѳію евнуху, еретику хитрокозненному», «окаянному Симону волхву, хромому душею, совѣстію и ногами» (намекъ на подагру Остермана). Стиль проповѣдей, въ постройкѣ и пріемахъ, южно-русскій: тоже смѣшеніе наивнаго съ серьезнымъ, возвышеннаго съ тривіальнымъ. Схоластическая теорія духовнаго ораторства наложила печать свою даже на частности, каковы, напримѣръ, распространеніе проповѣди чрезъ толкованіе именъ, чрезъ сближеніе временъ событій. Развивая мысль, что «Богъ еще въ рожденіи Елисаветы опредѣлилъ ей державу», Юшкевичъ основываетъ одинъ изъ аргументовъ на томъ, что въ этотъ день (18 декабря) церковь празднуетъ память св. мученика Севастіана, «а это греческое имя толкуется на нашемъ языкѣ: достоинъ чести». Слово Флоринскаго находитъ знаменательнымъ день воцаренія «Петровой» дочери (25 ноября), когда церковь совершаетъ память священномученика Петра Александрійскаго. Встрѣчается также безразборчивое употребленіе иностранныхъ словъ вмѣсто русскихъ или церковно-славянскихъ: Сѣченовъ назвалъ Іоанна Дамаскина «философіи и богословіи прехрабрымъ кавалеромъ, монашескихъ ликовъ генераломъ».

Лирика Ломоносова была отголоскомъ тѣхъ же самыхъ чувствъ, которыя выражала и духовная, и свѣтская литература — отъ академическихъ рѣчей до надписей на иллюминаціи. Если разобрать составъ его похвальныхъ одъ, то содержаніе каждой изъ нихъ сведется къ такому ряду мыслей: стѣсненное положеніе Елисаветы и печальное состояніе Россіи по смерти Петра и Екатерины, желаніе видѣть на престолѣ Петрово племя, сѣтованіе о томъ, что желаніе долго не исполнялось, радость при желаніи исполненномъ. Выраженіе этихъ мыслей немногимъ отличается отъ оборотовъ проповѣднаго слова: «Елисавета была оставлена судьбою»; «Россія пребывала въ глубокомъ мракѣ», или: «оскорбленный народъ сидѣлъ въ печальнѣйшей ночи»; «для русскихъ музъ наступило грозное время: онѣ обречены были на страхъ и горькія слезы»; «съ Елисаветой ночь перемѣнилась на полдень»; «подобно Астреѣ, она ввела къ намъ златыя лѣта»; «Богъ въ гнѣвѣ своемъ хотѣлъ казнить Россію потопомъ бѣдъ, но ради Елисаветы, новаго Ноя, преложилъ гнѣвъ на кротость». Что для Ломоносова «Ной и Вавилонъ бѣдъ», то для духовнаго оратора «Моисей и египетскій плѣнъ»: смыслъ сравненій — одинъ и тотъ же. Есть и другіе пункты сходства между похвальными словами Ломоносова и проповѣдями 1741—51 годовъ. Въ праздникъ коронованія императрицы, Ломоносовъ произноситъ слово Петру на томъ основаніи, что она есть истинная наслѣдница дѣлъ своего отца: слѣдов., говоритъ ораторъ, похваляя Петра, похвалимъ и Елисавету. Нераздѣльность двухъ лицъ гораздо прежде была указана Флоринскимъ: «Егда услышите мя словомъ пишуща образъ отца великаго, въ томъ же да усматриваете и дщерь великую; а егда услышите о великой дщери, тогда да разумѣвайте оживотворяющася Петра Великаго и Екатерину въ Елисаветѣ». Мы знаемъ, что Юшкевичъ подтверждалъ свою мысль толкованіемъ имени: Ломоносовъ также придавалъ особенную важность имени «Елисавета», означающему «тишину». Сближеніе событій, обычный пріемъ схоластическаго ораторства, встрѣчается у Ломоносова, какъ онъ уже встрѣчался у Флоринскаго: послѣдній находилъ знаменательнымъ день вступленія Елисаветы на престолъ; первый выводилъ знаменательное заключеніе изъ того обстоятельства, что Елисавета родилась въ годъ Полтавской битвы.

Но, при видимомъ сходствѣ, есть и существенное различіе. Главное чувство

проповѣдниковъ—религiозная ревность, и важнѣйшее для нихъ достоинство новаго царствованiя—возстановленiе благочестiя. Главный интересъ Ломоносова—наука, и преимущественная заслуга государыни—возстановленiе просвѣщенiя, начатаго Петромъ. Хотя онъ восхваляетъ и набожность Елисаветы, но гораздо больше хвалитъ ее за покровительство музамъ. Ломоносовъ былъ ученый по преимуществу. Руководительною его мыслiю, которой онъ служилъ всю жизнь и словомъ и дѣломъ, было «просвѣщенiе для Русскихъ и посредствомъ Русскихъ». Забота о размноженiи ученыхъ соотечественниковъ никогда его не покидала. Собственный примѣръ убѣждалъ его въ дарованiяхъ русскаго народа, способнаго производить «Платоновъ и Невтоновъ». Сынъ рыбака, не имѣвшiй на родинѣ (въ Холмогорскомъ уѣздѣ Архангельской губернiи) почти никакихъ средствъ къ образованiю, по любви къ наукѣ бѣжавшiй изъ отцовскаго дома въ Москву, гдѣ поступилъ въ славяно-греко-латинскую Академiю, начавшiй учиться въ тѣ годы, когда другiе почти оканчивали ученiе, онъ, на перекоръ всѣмъ нуждамъ и препятствiямъ, достигъ своей цѣли—сдѣлался первоклассным ученымъ, генiальность котораго признавали Шлецеръ, Эйлеръ и другiе. Сознанiе собственной силы сдѣлалось для него сознанiемъ силы русскаго человѣка вообще, и всѣ его желанiя и труды устремились къ тому, чтобы науку, «насажденную Петромъ» и бывшую какъ бы привиллегiей иностранцевъ, обратить въ общее достоянiе соотечественниковъ; чтобы отечество наше со временемъ могло довольствоваться собственными академиками и профессорами. Въ похвальномъ словѣ Елисаветѣ, онъ представляетъ себѣ, что государыня обратилась къ русскимъ юношамъ съ тѣми словами, которыя находятся въ академическомъ регламентѣ: «обучайтесь прилежно: я видѣть Россiйскую Академiю изъ сыновъ россiйскихъ состоящую желаю». Поэтому оды всего болѣе раскрываютъ пользу просвѣщенiя для Россiи. Петръ I, Елисавета и наука составляютъ постоянные предметы ихъ похвалъ. Петръ I положилъ начало наукѣ; Елисавета утверждаетъ ее: слѣд. нераздѣльны они въ умѣ поэта, нераздѣльно и поэтическое ихъ чествованiе. Ода 1747, начинающаяся описанiемъ «тишины, ограды царей и царствъ», изображаетъ благодатныя слѣдствiя мира, какъ питателя наукъ; желая, чтобы науки изслѣдовали наше обширное отечество, богатое произведенiями всякаго рода, она увѣрена, что науки дадутъ ему средство найти у себя все, что со многими издержками получается изъ отдаленныхъ странъ. Награда, полученная Ломоносовымъ отъ императрицы (дача Каравалдай, на Финскомъ заливѣ), внушаетъ ему также оду (1750), въ которой раскрыта польза механики, химiи, астрономiи и другихъ наукъ для нашего отечества. Слова Елисаветѣ и Петру можно назвать средоточiемъ похвальныхъ одъ, такъ какъ первыя содержатъ въ себѣ много мѣстъ, общихъ съ мѣстами вторыхъ. Особенно важно слово Петру (1755): въ него вошла сущность всѣхъ похвалъ этому государю, высказанныхъ Ломоносовымъ до 1755 г., равно какъ похвалы, въ немъ содержащiяся, повторены или развиты сочиненiями послѣ 1755 г. Здѣсь Петръ I представленъ идеаломъ монарховъ. Ломоносовъ уподобляетъ его божеству, не изъ простаго подражанiя Плинiю, причислившему Траяна къ лику безсмертныхъ, а по разумному признанiю заслугъ. Тотъ же взглядъ господствуетъ въ приступахъ и заключенiяхъ академическихъ словъ: это—своего рода панегирики монарху, который, «принявъ Россiю, удаленную отъ свѣта ученiя, поставилъ ее на пути яснаго сознанiя», даровалъ ей «новое рожденiе». Какъ древнiе поэты имѣли обычай начинать и

оканчивать свои стихотворенія призываніемъ боговъ или похвалою героямъ, къ богамъ причисленнымъ, такъ и Ломоносовъ (по собственнымъ словамъ его) начиналъ и оканчивалъ свои ученыя разсужденія похвалами «божественному Петру, общему примѣру и предводителю». Изложивъ дѣятельность Петра въ словѣ, онъ задумалъ начертать его образъ въ эпической поэмѣ: двѣ пѣсни ея славятъ «премудраго россійскаго героя, который открылъ намъ науки».

Хвалебное стихотворство не было новостью для Ломоносова. Онъ видѣлъ его примѣры во многихъ виршахъ нашей словесности XVII и XVIII в., а еще болѣе въ литературѣ иностранной. Важнѣйшимъ предметомъ псевдоклассическаго искуства, при Людовикѣ XIV, служило прославленіе королевской власти. Имъ выражалось знаменитое изреченіе: l'état c'est moi. Дворъ и столица, въ понятіи Французовъ, были не только вершиною утонченной жизни, но и пребываніемъ музъ. Король, какъ Аполлонъ, раздавалъ лавровые вѣнки и пенсіи. Поэзія сдѣлалась придворною. Поэты писали не для народа, а для Версаля. Понятно, что при такомъ взглядѣ «на служеніе музамъ», похвальная лирика рѣдко отличалась безкорыстными побужденіями и не могла представлять общечеловѣческаго содержанія. Чувство благородной независимости, сознаніе долга—воздавать похвалы только достойному, едва ли съ нею совмѣстимы. Но было бы несправедливо подъ эту характеристику хвалебной поэзіи подводить оды Ломоносова, по крайней мѣрѣ тѣ изъ нихъ, которыя обращены къ Елисаветѣ, и видѣть лесть тамъ, гдѣ говорило истинное чувство ученаго. Ломоносовъ расточаетъ похвалы и Петру и его дочери за ихъ дѣятельность въ пользу науки. Величіе Петра есть для него величіе образователя Россіи: «онъ просвѣтилъ насъ и сталъ великъ черезъ науки»; слава Елисаветы есть слава государыни, продолжающей дѣло образованія.

§ 192. Главнымъ предметомъ ученыхъ трудовъ Ломоносова была физическая химія. Входить въ сужденіе объ ихъ достоинствахъ не есть дѣло исторіи литературы. Но для нѣкоторыхъ литературныхъ цѣлей нужно указать понятіе нашего ученаго о пользѣ естественныхъ наукъ. Оно выражено въ «Словѣ о происхожденіи свѣта» слѣдующими словами: «испытаніе натуры трудно, однако *пріятно*, *полезно*, *свято*».

а) Прежде всего Ломоносовъ заботился о примѣненіи науки къ потребностямъ матеріальнаго быта: «испытаніе природы полезно». Знаніе, отрѣшенное отъ жизни, не удовлетворяло его: онъ хотѣлъ, чтобы наука была не отвлеченностью, а орудіемъ несомнѣнныхъ выгодъ. Практическая сторона его дѣятельности выразилась многими сочиненіями, которыя онъ предлагалъ, какъ средства къ возвышенію народнаго благосостоянія—къ сохраненію здоровья и жизни, къ обезпеченію прибытковъ, къ обильнѣйшему добыванію нужныхъ вещей. Важнѣйшее изъ этихъ сочиненій—«Письмо къ И. И. Шувалову о размноженіи и сохраненіи россійскаго народа» (см. ниже). Ломоносовъ завелъ фабрику для дѣланія разноцвѣтныхъ стеколъ; самъ занимался мозаикой и образованіемъ мастеровъ мозаичной работы, самъ вызвался учить молодыхъ людей пробирному искуству. Посвящая свое время ученымъ изслѣдованіямъ, какъ дѣятельный академикъ, онъ въ тоже время подаетъ мнѣнія о лучшемъ устройствѣ академіи; читая лекціи, какъ профессоръ, пишетъ проэктъ основанія университета; выбранный въ члены академіи художествъ, произноситъ рѣчь о связи между искуствомъ и наукой, о приложеніи науки къ

искуству. Въ этомъ утилитарномъ взглядѣ на знанія видимъ естественное продолженіе того же взгляда, который образовался въ эпоху реформы (§ 169). Кромѣ того, съ малолѣтства привыкшій къ дѣятельности, Ломоносовъ, и въ ученомъ санѣ, требовалъ сближенія науки съ жизнію. Самый родъ его занятій укрѣплялъ практическое направленіе учености: естественныя науки не мыслимы безъ опытовъ и наблюденій; онѣ имѣютъ дѣло съ тою областью предметовъ, которая подлежитъ внѣшнимъ чувствамъ, и потому не допускаютъ чисто-отвлеченнаго, созерцательнаго направленія. Выставляя важность науки для улучшеній матеріальнаго быта, Ломоносовъ, подобно Кантемиру, опровергалъ противное тому мнѣніе; но разница между нимъ и Кантемиромъ, въ этомъ отношеніи, значительна: послѣдній только-что «показывалъ» пользу знаній, тогда какъ Ломоносовъ «доказывалъ ее на дѣлѣ»—предложеніемъ самыхъ средствъ обратить умственное достояніе въ вещественный капиталъ и употребленіемъ ихъ на дѣлѣ. Онъ не скрывалъ подъ спудомъ ничего, что могло служить потребностямъ общества. Патріотическое усердіе заставляло его предпринимать труды, которые казались безплодными въ настоящемъ, но отъ которыхъ онъ ожидалъ успѣховъ въ будущемъ, «слѣдуя примѣру рудоискателей, которые иногда безъ всякой вѣроятности сладкою надеждою питаются, и не всегда же тщетно».

б) Кромѣ пользы, Ломоносовъ ставилъ высоко самостоятельное значеніе науки: «испытаніе природы пріятно». Красота знаній въ ихъ собственной сферѣ, независимо отъ практическаго примѣненія, служила для него веселіемъ ума, душевнымъ наслажденіемъ. «Слово о пользѣ химіи» кратко, но ясно выражаетъ это понятіе о наукѣ, какъ о такомъ предметѣ, котораго цѣль заключается въ немъ самомъ, это блаженство ума, которое онъ испытываетъ, находя пищу своимъ любознательнымъ стремленіямъ, и котораго не должно смѣшивать съ другими житейскими благами, доставляемыми знаніемъ.

в) Отношеніе науки къ религіи выражено словами: «испытаніе природы свято». Мысли Ломоносова объ этомъ предметѣ изложены по поводу его наблюденій надъ прохожденіемъ Венеры передъ солнцемъ въ 1761 г. Краткій отчетъ о наблюденіяхъ сопровождается «Прибавленіемъ», написаннымъ съ цѣлію разсѣять возникшіе тогда суевѣрные толки, вредные общему спокойствію и неблагопріятные наукѣ. Съ одной стороны легковѣрныя, непросвѣщенныя ученіемъ головы смущались пустымъ страхомъ; съ другой—грамотники осуждали занятія астрономіей, находя ихъ противными закону Божію. Ломоносовъ умалчиваетъ о первомъ разрядѣ лицъ, такъ какъ они принадлежали больше къ простонародію; но второй разрядъ состоялъ «изъ чтецовъ писанія и ревнителей православія, которое святое дѣло само по себѣ похвально, если бы иногда своимъ излишествомъ не мѣшало приращенію наукъ»: ихъ-то и имѣетъ въ виду «Прибавленіе», содержаніе котораго дополняется мыслями, разсѣянными во «Второмъ прибавленіи къ металлургіи» и въ «Посланіи о пользѣ стекла».

Отдаленная причина мнѣнія, по которому испытаніе природы, какъ тайны Божіей, долженствовало быть запрещаемо, восходитъ къ схоластическимъ средневѣковымъ понятіямъ, когда въ изученіи естества видѣли колдовство, чернокнижіе, сношеніе съ бѣсомъ. Намъ извѣстно, что Крижаничъ, не смотря на свое образованіе, относилъ естественныя науки къ «дьявольскимъ ересямъ». Нѣкоторыя открытія, представлявшія противорѣчіе буквальному смыслу библейскихъ книгъ, бро-

сали тѣнь на естествоиспытателей. Мнимое несогласіе между вѣрованіемъ и знаніемъ давало поводъ совершенно отвергать послѣднее, какъ тяжкій грѣхъ. Мы видѣли примѣръ этому на спорѣ московскихъ книжниковъ съ Зизаніемъ, прибавившимъ къ содержанію катихизиса кой-какія свѣдѣнія изъ физики и математической географіи. Средневѣковой взглядъ на природу не исчезъ и при Ломоносовѣ, хотя Петръ I старался искоренять всякое суевѣрное предубѣжденіе, которымъ задерживается успѣхъ науки, и хотя еще до реформы Петра въ литературѣ югозападной Руси существовали переводы такихъ книгъ, какова напр. «Священная ѳеорія земли», Бюрнета, представившая даже опытъ толковать библейскую исторію помощію естествознанія. Ломоносовъ рѣшился съ своей стороны разъяснить взаимное отношеніе науки и религіи. Онъ видитъ тѣсную ихъ связь, тогда какъ другіе полагали между ними вражду. Чѣмъ больше разумъ постигаетъ природу, говоритъ онъ, тѣмъ яснѣе открываетъ всемогущество, величіе и премудрость Міроздателя. Правда (истина) и вѣра суть двѣ родныя сестры, дщери одного всевышняго Родителя, которыя никогда не могутъ приходить въ распрю другъ съ другомъ. Благоразумные обязаны изыскивать способы къ объясненію и отвращенію мнимой вражды между ними, кажущагося междоусобія. Тѣ, кто откровенія естественныхъ наукъ почитаетъ соблазномъ для вѣры, называются, на энергическомъ языкѣ Ломоносова, «ссорщиками, производящими вражду между Божіею дщерію—натурою и невѣстою Христовою—церковью», «полкомъ свирѣпыхъ невѣждъ, которые желали бы приготовить ученымъ казнь Прометея»; «завистниками, прикрывающими себя покровомъ святости», «суевѣрами и слабоумными, боящимися вникать въ таинства природы». Природа служитъ однимъ изъ двухъ способовъ удостовѣряться въ бытіи Бога и Его благодѣяніяхъ; другой способъ—откровеніе. Человѣческому роду, продолжаетъ Ломоносовъ, даны двѣ книги: въ одной Создатель показалъ свое величество, въ другой—свою волю. Первая книга—видимый міръ, Имъ созданный: смотря на огромность, красоту и стройность твореній, человѣкъ признаетъ божественное всемогущество. Вторая книга—Священное Писаніе, возвѣщающее путь ко спасенію. Тамъ физики, математики и астрономы изъясняютъ божественныя дѣйствія, вліянныя въ натуру; здѣсь церковные учители толкуютъ слова богодухновенныхъ пророковъ и апостоловъ. Тамъ открывается храмъ божеской силы и великолѣпія, изыскиваются способы къ временному нашему блаженству, соединенному съ благоговѣніемъ и благодарностью ко Всевышнему; здѣсь указуется путь къ добродѣтели, представляется награда праведнымъ, наказаніе законопреступнымъ, счастіе жизни, согласной съ Божьею волей.

Сущность изложенныхъ разсужденій сводится къ двумъ главнымъ мыслямъ. Первая показываетъ равночинное отношеніе науки и религіи. У каждаго изъ этихъ двухъ предметовъ есть особенная область и особенные способы дѣйствія. Вводить науку въ предѣлы непосредственнаго вѣрованія, и наоборотъ—значитъ не понимать ни того, ни другаго: «не разсудителенъ математикъ, ежели онъ хочетъ Божескую волю вымѣрять циркулемъ; таковъ же богословіи учитель, если онъ думаетъ, что по псалтири можно научить астрономіи или химіи». Такимъ взглядомъ признана самостоятельность знанія: Ломоносовъ отрѣшилъ философію отъ ея служенія догматикѣ, на которое она была обречена схоластицизмомъ (§ 142). Вторая мысль относится къ родственному союзу двухъ равночинныхъ предметовъ: «истина и вѣра—дщери одного всевышняго Родителя». При всемъ различіи спо-

собовъ, цѣль, ими достигаемая, одна и таже: удостовѣреніе въ бытіи Бога, раскрытіе его всемогущества, премудрости и благости. Дѣйствительныхъ противорѣчій между откровеніемъ вѣры и свидѣтельствомъ науки нѣтъ и быть не можетъ. Если «достойны посмѣянія тѣ люди, которые, подобно инымъ католическимъ философамъ, дерзаютъ по физикѣ изъяснять непонятныя чудеса Божіи и самыя страшныя христіанскія тайны», то не менѣе смѣшна и другая крайность—«почитать открытія естественныхъ наукъ противными христіанскому закону». Ученые должны подражать «богомудрому святителю и глубокому философу Василію Великому, показавшему довольные примѣры, какъ содружать спорныя по-видимому со Священнымъ Писаніемъ натуральныя правды». Здѣсь въ Ломоносовѣ является ученикъ Христіана Вольфа, у котораго онъ слушалъ лекціи математики, физики и философіи въ марбургскомъ университетѣ (1736—41). Извѣстно, что Вольфъ († 1754) былъ послѣдователь Лейбница, развившій и приведшій въ систему его философское ученіе. Но одинъ изъ главнѣйшихъ пунктовъ этого ученія состоялъ въ единствѣ знанія и вѣры, тогда какъ Бель († 1706) постоянно доказывалъ, что между ними существуетъ непримиримое противорѣчіе. Безъ сомнѣнія, Вольфъ на своихъ лекціяхъ часто касался предмета, близкаго ему по отношенію къ началамъ Лейбницевой философіи, которой онъ былъ толкователемъ.

Взглядъ на науку со стороны ея житейской пользы выражается также въ «Словѣ о воздушныхъ явленіяхъ, отъ электричества происходящихъ», въ «Разсужденіи о большей точности морскаго пути» и во «2-мъ Прибавленіи къ Металлургіи». Объ отношеніи науки къ религіи см. мои замѣтки на документы изъ портфелей Миллера (Отеч. Зап. 1854, № 2, Библіогр. хроника, стр. 103—109) и ст. Сухомлинова: «Ломоносовъ, студентъ марбургскаго университета» (Рус. Вѣст., 1861, № 1).

§ 193. «Разсужденіе о размноженіи и сохраненіи россійскаго народа», изложенное въ письмѣ къ Шувалову (1761), составляетъ одну изъ нѣсколькихъ записокъ или меморій, клонящихся «къ приращенію общей пользы», «къ дѣйствительному поправленію россійскаго свѣта». Взятыя вмѣстѣ, онѣ обнимаютъ почти весь кругъ народной статистики. Авторъ ихъ является рачителемъ общественнаго блага, содѣйствуя ему силою науки. Въ «Разсужденіи» онъ заботится о средствахъ застраховать здоровье и жизнь простонародія отъ разныхъ невзгодъ, которымъ оно, волею или неволею, подвержено: заботливость, достойная полнаго уваженія, тѣмъ болѣе, что примѣры ея, въ ученой и литературной сферѣ, какъ прежде Ломоносова, такъ и послѣ него, были очень рѣдки. Принадлежа, происхожденіемъ и образомъ жизни, къ образованному обществу, литераторы и ученые имѣли дѣло преимущественно, если не исключительно, съ этимъ классомъ: для него они трудились, его изображали въ своихъ сочиненіяхъ; обычаи, нравы и потребности низшаго класса были имъ мало извѣстны. Посошковъ и Ломоносовъ стоятъ въ этомъ отношеніи особнякомъ. Оба они вышли изъ простонародья; оба ясно видѣли его хорошія и дурныя стороны, понимали его бѣдствія и могли указывать способы къ ихъ устраненію. Разница между тѣмъ и другимъ въ томъ, что Посошковъ былъ «самоучка», а Ломоносовъ—первоклассный ученый; первый на ряду съ дѣльными мѣрами предлагалъ и несогласныя съ точнымъ знаніемъ предметовъ, тогда какъ второму наука открывала разумныя средства къ исцѣленію общественныхъ язвъ. Такъ какъ старанія правительства положить преграды вреднымъ вліяніямъ на простой народъ оказывались недѣйствительными, и многіе обычаи, принявшіе отъ времени силу закона, не могли быть ни уничтожены, ни

исправлены указами, то слѣдовало искать иныхъ мѣръ для пресѣченія зла. Эти мѣры предложены Ломоносовымъ въ письмѣ къ Шувалову. Зная, что могущество и величіе государства состоитъ не въ пустой его обширности, а въ богатомъ населеніи, онъ разсматриваетъ причины малаго размноженія русскаго народа и вмѣстѣ даетъ средства устранять ихъ дѣйствіе. Причины, по его мнѣнію, слѣдующія: несогласные браки, дѣтскія болѣзни, суевѣріе и упрямство, невоздержаніе и неосторожность, врачебная практика знахарей, моровыя язвы, пожары, потопленія, жестокіе морозы, смертоубійства въ дракахъ, разбои, наконецъ бѣглецы или «живые покойники», уходившіе изъ Россіи въ другія страны, особенно въ Польшу. Къ средствамъ исправить зло относятся: надлежащее устройство браковъ, учрежденіе богадѣленныхъ домовъ, размноженіе лекарей и аптекъ, изданіе народныхъ медицинскихъ книгъ, благоразумное отправленіе постовъ и праздниковъ, заведеніе обывательскихъ карауловъ тамъ, гдѣ нѣтъ гарнизона для защиты отъ воровъ и разбойниковъ, пріемъ иностранцевъ на мѣсто своихъ убѣжавшихъ. Ломоносовъ не скрываетъ препятствій, которыя встрѣтитъ отмѣна давно водворенныхъ уставовъ, но вмѣстѣ находитъ, что есть возможность преодолѣть ихъ: ибо «русскій человѣкъ гибокъ». Не меньше труда и опасностей предстояло, когда нужно было заставить брить бороды, носить нѣмецкое платье, обходиться съ иновѣрцами, уничтожить патріаршество, боярство и стрѣльцовъ, учредя вмѣсто ихъ святѣйшій синодъ, правительствующій сенатъ, новое регулярное войско, перенести столицу на пустое мѣсто и новый годъ въ другой мѣсяцъ.

«Разсужденіе» нап. не вполнѣ въ 1 № Москв. 1842 и въ Смирд. изд. соч. Лом—ва (1847, ч. I). Нѣкоторыя добавленія къ нему см. въ XI № Библ. Зап. 1859: «Матеріалъ для будущаго изданія сочиненій Лом—ва». Записка объ обязанностяхъ духовенства во 2 кн. Лѣт. г. Тихонравова, 1859. Неизвѣстно, гдѣ хранятся другія записки: о истребленіи праздности, о исправленіи нравовъ и о большемъ народа просвѣщеніи, о исправленіи земледѣлія, о исправленіи и размноженіи ремесленныхъ дѣлъ и художествъ, о лучшихъ пользахъ купечества, о лучшей государственной экономіи, о сохраненіи военнаго искуства во время долговременнаго мира.

§ 194. Обнимая своимъ содержаніемъ предметы государственной и народной жизни, «Разсужденіе» выказываетъ, кромѣ того, сильный сатирическій талантъ, на который мало обращали вниманія, говоря о Ломоносовѣ, но который заявленъ имъ и въ стихахъ и въ ученыхъ сочиненіяхъ. Картины грубыхъ ликованій въ праздничные дни и чисто-внѣшняго соблюденія постовъ, полагаемыхъ не въ воздержаніи отъ злыхъ дѣлъ, какъ того требуетъ церковь, а единственно въ воздержаніи отъ брашенъ, принадлежатъ къ самымъ образнымъ и меткимъ обличеніямъ. Въ запискѣ о духовенствѣ употребленъ также ловкій пріемъ сатиры: похвала тому, что Ломоносовъ видѣлъ за границей, служитъ понятною, хотя и не прямою укоризною обычаямъ, коренившимся въ нашемъ отечествѣ. «Письмо о правилахъ стихотворства» представляетъ изображеніе французской поэзіи въ видѣ женщины, которая, «сугорбившись, танцуетъ подъ музыку играющаго на скрипицѣ сатира». Многія мѣста «Прибавленія», разсуждающаго о согласіи между наукой и вѣрой, осмѣиваютъ суевѣровъ и невѣжественныхъ грамотниковъ. «Судъ россійскихъ письменъ» въ шутливой формѣ ведетъ защиту русской азбуки отъ безразсудныхъ перемѣнъ и нововведеній. Письмо по поводу сатиры Елагина: «Петиметръ», исполнено ироніи. Но самымъ виднымъ проявленіемъ сатиры Ломоносова служитъ его стихотворная перепалка съ ревнителями бороды и съ собратіями по ремеслу —

Тредьяковскимъ, Сумароковымъ, Елагинымъ. Она характеризуетъ и состояніе тогдашней литературной полемики, и отношеніе литераторовъ къ современному обществу, которое смотрѣло на нихъ, какъ на классъ исключительный, и не могло цѣнить ихъ по достоинству. За отсутствіемъ общественной оцѣнки, писатели сами выставляли свое достоинство: отсюда наивное хвастовство своими талантами и сочиненіями, смѣшное авторское тщеславіе, заносчивая раздражительность, грубая и вмѣстѣ ребяческая брань. Все это отражалось въ полемикѣ и сатирѣ. Ломоносовъ заплатилъ также дань вѣку, хотя, сознавая свои силы, имѣлъ право смотрѣть на современныхъ ему литераторовъ свысока и смѣяться надъ ихъ бѣднымъ «риомичествомъ», больше котораго они ничего не знали и знать не хотѣли. Къ сатирическимъ піесамъ его относятся: «Эпиграмма на стихотворца Шишкина», писавшаго во второй половинѣ XVIII в.; «Свинья въ лисьей кожѣ», пародія-памфлетъ на притчу Сумарокова (Оселъ во львиной кожѣ); нѣсколько эпиграммъ и сатиръ на Тредьяковскаго; «къ Пахомію» и пр.

Судъ россійскихъ письменъ (Москв. 1852, № 10); четыре эпиграмматическія стихотворенія (ib. 1854, №№ 1 и 2); двѣ эпиграммы и пародія (Библ. Зап., 1858, № 16); Образцы литературной полемики прошлаго столѣтія (ib., №№ 15 и 17).

§ 195. Изложеніе знаній отличается у Ломоносова системой, стройною и полною ихъ организаціей. Это стремленіе подводить частности подъ законы обязано, въ извѣстной степени, также вліянію Вольфа, о которомъ нашъ ученый отозвался, что онъ «всегда пребудетъ достоинъ чтенія, а особливо ради внѣшняго и порядочнаго расположенія мыслей». Понимая важность наблюденій и опытовъ, Ломоносовъ чуждался однакожъ той практики, которая довольствуется одними фактами и не даетъ никакихъ общихъ выводовъ. Съ другой стороны, хотя онъ любилъ строить теоріи и по наклонности ума своего, и по теоретическому направленію физики въ половинѣ XVIII в., но всегда основывалъ ихъ на опытахъ и наблюденіяхъ. Наилучшимъ способомъ почиталъ онъ «изъ наблюденій установлять теорію, чрезъ теорію исправлять наблюденія». Такими же качествами научнаго изложенія отличаются и сочиненія Ломоносова по теоріи словесности: «Письмо о правилахъ россійскаго стихотворства» (1739), «Разсужденіе о пользѣ книгъ церковныхъ въ россійскомъ языкѣ», «Риторика» (1748) и «Грамматика» (1755).

Съ одой на взятіе Хотина, присланной Ломоносовымъ изъ Марбурга въ Академію Наукъ, доставлено было и «Письмо о правилахъ россійскаго стихотворства». Въ основаніе версификаціи Ломоносовъ принялъ за правило, что слова, образующія стихъ, кромѣ своихъ естественныхъ удареній, допускаютъ еще ударенія условныя, или стихотворныя. Такое правило несогласно съ свойствомъ нашего языка, который, напротивъ, отказывается нерѣдко и отъ естественныхъ удареній въ пользу музыкальности. Удареніе не надъ извѣстнымъ слогомъ въ словѣ (просодическое), а надъ главнымъ по смыслу словомъ въ предложеніи (логическое) должно опредѣлять устройство нашихъ стиховъ, какъ свидѣтельствуютъ народныя пѣсни. Принимая каждый слогъ съ удареніемъ какъ бы за долгій, хотя, въ Грамматикѣ своей, и различая удареніе отъ протяженія, Ломоносовъ думалъ подчинить нашу версификацію древнеклассической: почему и ввелъ греческія названія стопъ, такъ что стихи наши, въ сущности тоническіе, по терминологіи вышли метрическими, основанными какъ бы на количествѣ, котораго въ русскомъ языкѣ нѣтъ. Невѣрныя понятія, въ которыя Ломоносовъ заключилъ свою систему версификаціи, по-

лучили въ послѣдствіи важность догмата и до сихъ поръ остаются неизмѣнными.

«Разсужденіе о пользѣ книгъ церковныхъ въ россійскомъ языкѣ» показываетъ стилистическое отношеніе церковно-славянскаго языка къ русскому. Наводненіе книжной рѣчи варваризмами въ произведеніяхъ южнорусскихъ ученыхъ петровской литературы (§§ 168 и 183) заставило Ломоносова обратиться къ сродному намъ языку церковно-славянскому и въ основательномъ его сочетаніи съ русскимъ искать средствъ противъ дикихъ и странныхъ чужеземныхъ реченій. Какъ предметы, изображаемые человѣческимъ словомъ, различаются по мѣрѣ своей важности, такъ и русскій языкъ, чрезъ приличное употребленіе церковныхъ книгъ, представляетъ три степени: высокій, посредственный (средній) и низкій. Это происходитъ отъ трехъ родовъ реченій въ русскомъ языкѣ. Къ первому относятся общеупотребительныя у древнихъ Славянъ и нынѣшнихъ Россіянъ, напр.: *Богъ, слава, рука, нынѣ, почитаю;* ко второму—собственно славянскія слова, которыя хотя рѣдко употребляются, особенно въ разговорѣ, однако вразумительны всѣмъ грамотнымъ людямъ: *взываю, Господень, насажденный*; къ третьему—слова собственно русскія, которыхъ нѣтъ въ церковныхъ книгахъ: *говорю, ручей, который, пока, лишь.* Изъ перваго рода словъ съ осторожною примѣсью нѣкоторыхъ словъ втораго рода образуется средній слогъ; изъ словъ перваго же рода, т. е. славянорусскихъ, и словъ втораго рода, т. е. славянскихъ, вразумительныхъ грамотному Рускому,—высокій слогъ; изъ словъ третьяго рода, соединяемыхъ съ средними—низкій слогъ. Отсюда видно, что церковно-славянскій языкъ введенъ Ломоносовымъ въ русскій, какъ составная часть, образующая слогъ высокій, и слѣд. русскій языкъ, въ отношеніи стилистическомъ, подчиненъ церковно-славянскому. Освобождая литературный языкъ отъ варваризмовъ, лексическое сочетаніе языка русскаго съ церковно-славянскимъ, т. е. введеніе церковно-славянскихъ словъ въ книжную рѣчь, кромѣ того сообщаетъ этой рѣчи великолѣпіе и даетъ способъ приличнымъ ихъ употребленіемъ соблюдать ровность слога.

«Риторика» составлена по схоластическимъ учебникамъ, принявшимъ въ основаніе Аристотеля и Квинтиліана, и раздѣлена на три части: изобрѣтеніе, расположеніе и украшеніе. Многое также взято въ нее изъ нашихъ риторикъ XVII и XVIII в., по которымъ самъ Ломоносовъ могъ обучаться въ духовной академіи. Цѣлью риторическаго ученія поставлено украшеніе русскаго языка, приведеніе его въ такое совершенство, какому удивляемся мы въ другихъ языкахъ: слѣд., и при схоластическомъ взглядѣ на науку, указана ея живая сторона—примѣненіе правилъ къ особенному назначенію. Этой особенной пользѣ Ломоносовъ содѣйствовалъ прекрасными примѣрами, переведенными изъ классическихъ писателей или заимствованными изъ его собственныхъ сочиненій. Важное значеніе «Риторики» заключается въ томъ, что она предложила правила о строеніи рѣчи и объ условіяхъ ея благозвучія, и на основаніи этихъ правилъ построены искуственные періоды въ похвальныхъ словахъ Петру и Елисаветѣ. Практическое отношеніе теоріи къ образцамъ видно изъ того, что Ломоносовъ объяснялъ «Риторикою» свои собственныя сочиненія, какъ бы подтверждая ими предложенное ученіе.

«Разсужденіе о пользѣ чтенія церковныхъ книгъ» установило «стилистическое» отношеніе церковно-славянскаго языка къ языку русскому; «Грамматика» различила эти языки въ отношеніи «грамматическомъ», т. е. опредѣлила ихъ

этимологическія и синтаксическія особенности, хотя въ тоже время показываетъ и правила, какія грамматическія формы приличнѣе высокому слогу и какія надобно употреблять въ слогѣ простомъ и разговорномъ. Это — первая «русская» грамматика, предметъ которой изслѣдованъ ученымъ образомъ; грамматики, написанныя до Ломоносова, разсуждали о языкѣ церковно-славянскомъ, а не объ русскомъ. Она состоитъ изъ двухъ частей: общей и особенной. Общая излагаетъ философское понятіе о словѣ человѣческомъ вообще; особенная разсматриваетъ свойства русскаго языка. Сочиняя русскую грамматику въ то время, когда письменный языкъ нашъ представлялъ смѣсь формъ русскихъ съ церковно-славянскими, Ломоносовъ необходимо долженъ былъ обращать вниманіе на тѣ и другія и обозначать ихъ предѣлы. Притомъ же онъ имѣлъ передъ собою грамматики церковно-славянскаго языка, преимущественно Смотрицкаго, изъ которой многое заимствовалъ: слѣдов. и здѣсь предстояла ему надобность сличать формы этого языка съ формами русскими. Это сличеніе является у него каждый разъ, какъ только онъ замѣчаетъ какое-либо соотношеніе между обоими языками. Другое достоинство Грамматики Ломоносова состоитъ въ усвоеніи книжному языку нѣкоторыхъ формъ и реченій языка народнаго, что̀ не нравилось современнымъ ему литераторамъ, какъ смѣлая и вредная новость, но важность чего ясно сознавалъ нововводитель, какъ человѣкъ геніальный, вышедшій изъ среды простонародья и глубоко проникавшій въ сущность его духа и языка.

Записка Ломоносова, извѣстная подъ именемъ «Плана для филологическихъ изслѣдованій», удостовѣряетъ въ обширности его взгляда на отечественный языкъ, какъ на самостоятельный предметъ науки. Въ ней исчислены труды, предстоящіе изслѣдователю для дополненія грамматики. Изъ этого исчисленія видно, что въ предѣлы грамматики Ломоносовъ вводилъ и ея общую часть, и отношеніе русскаго языка къ церковно-славянскому, и древне-русское нарѣчіе, и областныя слова, и неологизмы, и варваризмы.

Ст. Н. Надеждина: «Версификація» (Энц. Лекс., Плюшара, т. IX).

«Риторика» составляетъ 1-ую ч. «Краткаго руководства къ краснорѣчію», задуманнаго Л—мъ. Двѣ другія должны были заключать въ себѣ «Ораторію» и «Поэзію» (см. Вступленіе къ Риторикѣ). Гдѣ онѣ находятся—неизвѣстно. Знаемъ только, что Ораторія была совсѣмъ почти приготовлена, а руководства къ поэзіи было написано нѣсколько листовъ (Письмо къ Шувалову, отъ 31 мая 1753; Рапортъ о занятіяхъ 1751). Источники Риторики Л—ва указаны митр. Евгеніемъ (Словарь свѣт. пис.) и г. Тихонравовымъ (о Смирд. изд. соч. Ломоносова). Отношеніе правилъ риторическихъ къ сочиненіямъ Л—ва видно, какъ изъ самой Риторики, гдѣ онъ изъ собственныхъ сочиненій беретъ примѣры, такъ и изъ его проэкта похвальнаго слова Елисаветѣ, гдѣ онъ дѣлаетъ ссылки на Риторику.

Грамматика Ломоносова имѣла 12 изданій (послѣднее нап. въ 3 кн. Учен. Зап. 2-го отд. Ак. Н., 1856, «въ воспоминаніе столѣтія русской Грамматики», съ предисловіемъ И. Давыдова и съ спискомъ славянскихъ и русскихъ грамматикъ, изданныхъ отъ 1591 по 1755 и отъ 1755 по 1855 г.). Въ теченіе полувѣка она служила единственнымъ руководствомъ къ изученію русскаго языка до появленія, въ 1802 г., Академической Грамматики, т. е. сочиненной Россійскою Академіею.

§ 196. Предложивъ правила, Ломоносовъ далъ и образцы литературнаго языка, имъ преобразованнаго. Въ этомъ преобразованіи слѣдуетъ различать три предмета: грамматическое отдѣленіе церковно-славянскаго языка отъ языка русскаго, стилистическое подчиненіе русскаго языка церковно-славянскому, искуственное словорасположеніе или искуственно-періодическое построеніе рѣчи.

а) Писатели, предшествовавшіе Ломоносову, не имѣли яснаго понятія о гра-

ницахъ, которыми церковно-славянскій языкъ отдѣляется отъ русскаго: поэтому сочиненія ихъ, и въ отдѣльныхъ словахъ, и въ грамматическихъ формахъ, представляли безразличное сочетаніе двухъ элементовъ. Ломоносовъ на практикѣ дѣлалъ то самое, объ чемъ онъ разсуждалъ въ своей Грамматикѣ, то есть въ литературномъ языкѣ его нѣтъ безцѣльнаго и безсознательнаго смѣшенія разнородныхъ стихій.

б) Церковно-славянскій языкъ допущенъ Ломоносовымъ въ литературную рѣчь для образованія высокаго слога: слѣдов. въ отношеніи стилистическомъ подчиненъ ему языкъ русскій. Это подчиненіе, состоящее въ употребленіи церковно-славянскихъ реченій и формъ, совершено также и теоретически—«Разсужденіемъ о пользѣ чтенія церковныхъ книгъ», какъ мы уже видѣли, и практически—сочиненіями. Согласно такому воззрѣнію Ломоносова, его оды, похвальныя слова и нѣкоторыя другія сочиненія предлагаютъ образцы слога высокаго и вмѣстѣ съ тѣмъ книжнаго, тогда какъ въ письмахъ его и запискахъ преобладаетъ языкъ русскій разговорный и даетъ, по понятіямъ же Ломоносова, образцы слога простаго и средняго.

в) Въ нѣкоторыхъ прозаическихъ сочиненіяхъ Ломоносова, особенно въ похвальныхъ словахъ, гдѣ старался онъ быть изящнымъ, удаляясь отъ простоты, русская рѣчь построена по образцу латинской, т. е. состоитъ изъ длинныхъ предложеній и періодовъ, распространенныхъ придаточными и вводными предложеніями и замыкаемыхъ по большей части глаголами. Это искуственное словорасположеніе, отличающееся плавностью и благозвучіемъ, указано теоретически въ Риторикѣ, практически—въ ораторскихъ словахъ. Оно не было, однакожъ, постояннымъ складомъ рѣчи Ломоносова, которая въ другихъ его прозаическихъ сочиненіяхъ и въ стихахъ соблюдаетъ болѣе естественный строй.

Неустройство языка, ощутительное въ чисто-литературныхъ произведеніяхъ, было еще ощутительнѣе въ сочиненіяхъ ученыхъ и учебныхъ. Создавъ поэтическое слово, Ломоносовъ создалъ и языкъ, нужный для изложенія знаній, который отличается ясностью, опредѣлительностью научныхъ терминовъ, наглядностью.

Стихъ Ломоносова для своего времени былъ явленіемъ необыкновеннымъ. Онъ и благозвученъ и живописенъ, слѣдов. соединяетъ въ себѣ оба элемента поэтическаго слова: музыкальный и пластическій. Чтобы вполнѣ оцѣнить его достоинство, надобно сличить его съ силлабическими виршами духовнаго содержанія и съ свѣтскими стихотвореніями Кантемира и Тредьяковскаго. И теперь, по истеченіи слишкомъ ста лѣтъ, многія строфы Ломоносова не потеряли своего достоинства: можно подумать, что онѣ написаны какъ бы въ наше время. Дѣйствіе, произведенное одами Ломоносова, засвидѣтельствовано его современниками. Стилистическое достоинство отдѣльныхъ строфъ и стиховъ его такъ велико, что оно-то и было главною причиною мнѣнія, видѣвшаго въ немъ болѣе поэта, нежели ученаго.

Въ жизни людей геніальныхъ первый возрастъ всегда почти оставляетъ замѣтные слѣды на послѣдующей судьбѣ ихъ: отъ него во многомъ зависятъ складъ ихъ ума, свойства характера, направленіе дѣятельности. Къ сожалѣнію, говоря о дѣтствѣ и отрочествѣ Ломоносова, мы принуждены ограничиваться скудными, отрывочными свидѣтельствами, не приведенными въ полную ясность. Ломоносовъ (Михаилъ Васильевичъ) первымъ образованіемъ былъ одолженъ своей матери (дочери дьячка, изъ селенія Матигоры, въ Холмогорскомъ уѣздѣ). Благодаря ея заботливости, онъ скоро выучился грамотѣ и пристрастился къ чтенію. Есть извѣстіе, что онъ очень рано былъ увлеченъ въ расколъ, сильно распространявшійся въ то время на сѣверномъ поморьѣ. Какъ грамотный и любознательный отрокъ, читавшій

священныя книги, Ломоносовъ могъ, конечно, находить интересъ въ религіозныхъ вопросахъ. Такъ надобно понимать слово «увлеченіе». Крѣпкій умъ его не поддался старовѣрству, но въ толкахъ о вѣрѣ впервые освоивался съ діалектикой, равно какъ чтеніе духовныхъ книгъ знакомило его съ языкомъ церковно-славянскимъ. До 16-ти лѣтъ онъ помогалъ своему отцу въ рыбномъ промыслѣ: возилъ на гальотѣ казенные и частные запасы изъ Архангельска въ Пустозерскъ, Соловецкій монастырь и Колу; ѣздилъ на ловлю въ Бѣлое и Сѣверное моря; былъ многократно на морскихъ соловарняхъ Бѣлаго моря для закупки соли и пріобрѣлъ понятіе о ея вываркѣ. Суровые труды благотворно дѣйствовали на впечатлительнаго юношу: явленія природы возбуждали въ немъ поэтическое чувство; въ сношеніяхъ съ Поморянами онъ узнавалъ ихъ бытъ, нравы и языкъ; практическая дѣятельность не давала ему возможности предаваться праздным мечтаніямъ; препятствія и опасности, укрѣпляя его волю, служили къ образованію твердости духа, той нравственной, «благородной упрямки», съ которою онъ стоялъ за права Рускихъ на умственную самобытность. Въ понятной, хотя и отдаленной, связи съ этими занятіями и впечатлѣніями первой молодости Ломоносова находятся многіе изъ его учено-литературныхъ трудовъ: «Вечернее размышленіе по случаю сѣвернаго сіянія» (которое онъ часто видалъ и на родинѣ и въ плаваніяхъ по Бѣлому морю), «Докладъ коммисаріату о добываніи соли на нашихъ заводахъ», «Проэктъ о плаваніи Сибирскимъ океаномъ въ Восточную Индію», «О пользѣ книгъ церковныхъ» и др. Различеніе русскаго языка отъ церковно-славянскаго въ «Грамматикѣ», приличное сочетаніе того и другаго въ литературной рѣчи не могли бы имѣть мѣста, если бы ученый, совершившій это дѣло, не познакомился въ ранней молодости ни съ народнымъ говоромъ, ни съ духовными твореніями.

Свободное отъ работы время Ломоносовъ употреблялъ на чтеніе. Онъ самъ упоминаетъ о Псалтири Полоцкаго, Грамматикѣ Смотритскаго и Ариѳметикѣ Магницкаго, какъ первыхъ источникахъ своихъ знаній. Желаніе учиться, невозможность удовлетворить этому желанію на родинѣ, нелюбовь къ нему злой и завистливой мачихи, которая наводила на него гнѣвъ отца, представляя,что онъ попустому сидитъ за книгами, понудили его бѣжать изъ деревни Денисовки, гдѣ онъ родился, въ Москву (1728 или 1729). Здѣсь онъ поступилъ въ Заиконоспасское училище и началъ ученье съ самаго низшаго класса. Есть преданіе, что Ломоносовъ назвалъ себя поповскимъ сыномъ, но потомъ признался въ обманѣ Ѳеофану Прокоповичу, и ученый архипастырь обѣщалъ ему свою защиту. Пять лѣтъ ученія онъ провелъ въ трудахъ, лишеніяхъ и тяжкой борьбѣ между своимъ пылкимъ нравомъ и необходимостью сдерживать стремленія молодой, горячей крови. За книгами забывались имъ и несказанная бѣдность, и насмѣшки товарищей, называвшихъ его двадцатилѣтнимъ болваномъ. Проходя положенный курсъ, онъ кромѣ того читалъ старинные сборники, хронографы, лѣтописи и творенія святыхъ отцевъ, изъ которыхъ особенно сочувствовалъ Василію Великому, «свѣтильнику церкви и философу», умѣвшему дружить науку съ вѣрой, не исключавшему языческихъ мудрецовъ и поэтовъ изъ круга знаній, нужныхъ христіанину, и обнимавшему природу живымъ, цѣльнымъ воззрѣніемъ. Физико-математическія сочиненія, найденныя въ академической библіотекѣ, возбудили въ Ломоносовѣ интересъ къ естественнымъ наукамъ. По совѣту учителей, онъ отправился въ Кіевскую Академію (1734), гдѣ думалъ заняться этою отраслью знаній, но вскорѣ (1735) воротился въ Москву, обманутый въ своихъ ожиданіяхъ. Того же года сбирались уже постричь его и отправить священникомъ въ Карелу, какъ пришло изъ Петербурга требованіе выслать двѣнадцать лучшихъ семинаристовъ въ Академическую Гимназію. Между ними находился и Ломоносовъ изъ класса философіи (слѣд. онъ не кончилъ академическаго курса). Бывшій тогда президентомъ Академіи Наукъ, баронъ Корфъ, по совѣту саксонскаго берграта Генкеля, рѣшился послать нѣсколько молодыхъ Рускихъ за границу для изученія горнаго дѣла. Выборъ палъ на Ломоносова, Виноградова и Райзера, которые и были отправлены (1736) для предварительнаго образованія въ марбургскій университетъ, славившійся тогда профессоромъ Христіаномъ Вольфомъ, съ тѣмъ, чтобы по выслушаніи тамъ курсовъ продолжать свои занятія во Фрейбергѣ у Генкеля и сдѣлать экскурсіи во Францію, Англію и Голландію. Ломоносовъ и его товарищи должны были заниматься подъ надзоромъ знаменитаго философа. Инструкція предписывала имъ, кромѣ наукъ, изучать языки: лат., нѣм. и франц., не оставляя упражненій и въ русскомъ. Въ слѣдствіе этого, Ломоносовъ (1738) одинъ литературный свой опытъ прислалъ на лат. языкѣ, донесеніе написалъ по нѣмецки и приложилъ къ нему русскій переводъ Фенелоновой оды. Знакомясь, въ досужее время, съ нѣмецкой словесностью, онъ не могъ не обратить вниманія на Гюнтера, который владѣлъ поэтическимъ даромъ въ эпоху пошлаго нѣ-

мецкаго стихотворства (2-ое изданіе его сочиненій вышло въ 1738 году). «Ода на взятіе Хотина» заключаетъ въ себѣ нѣсколько мѣстъ, написанныхъ въ подражаніе этому писателю. Она была отправлена къ президенту Корфу, съ приложеніемъ «Письма о правилахъ Россійскаго стихотворства». Разсмотрѣніе того и другаго Академія поручила адъюнкту Ададурову, который одобрилъ и версификацію и стихи, написанные по ея правиламъ. Письма Вольфа къ президенту петербургской Академіи Наукъ, Блюментросту, отзываются съ большой похвалой о Ломоносовѣ, какъ, будущемъ полезнѣйшемъ дѣятелѣ Россіи. Изъ аттестата, выданнаго ему въ 1739 г., видно, что онъ слушалъ у Вольфа математику, физику и философію. Изъ Марбурга Ломоносовъ ѣздилъ во Фрейбергъ (въ Саксоніи) для изученія практической металлургіи и помогалъ въ занятіяхъ академику Юнкеру, посланному Минихомъ въ Германію для осмотра соляныхъ заводовъ. Лѣто 1740 г. провелъ въ Гесселѣ и на Гарцѣ по горному дѣлу. Того же года онъ женился на дочери портнаго, бывшаго членомъ марбургской городской думы и церковнымъ старшиной. Несвоевременная высылка скуднаго содержанія, назначеннаго заграничнымъ студентамъ, стѣсняла ихъ положеніе. Ломоносовъ, какъ человѣкъ женатый и притомъ увлекавшійся разгуломъ студентческой жизни, вошелъ въ долги. Угрожаемый заимодавцами, онъ оставилъ жену и бѣжалъ въ Голландію, чтобъ оттуда моремъ прибыть въ Петербургъ. На дорогѣ, близъ Дюссельдорфа, онъ встрѣтился съ прусскими вербовщиками, которые, напоивъ его, уговорили вступить въ военную службу и отвели въ крѣпость Везель. Ломоносовъ принужденъ былъ въ третій разъ спасаться бѣгствомъ: благополучно избѣжавъ опасности, онъ достигнулъ Гаги, гдѣ посланникъ нашъ, гр. Головкинъ, далъ ему средства воротиться въ Петербургъ (1741). Академія Наукъ поручила ему разобрать и привести въ порядокъ минеральный кабинетъ кунтскамеры: онъ исполнилъ порученіе самымъ удовлетворительнымъ образомъ, за что получилъ мѣсто адъюнкта химіи (1742). Ограниченное адъюнктское жалованье дозволило ему только черезъ два года, по пріѣздѣ въ Петербургъ, вызвать къ себѣ жену и дочь. Въ 1746 г. онъ произведенъ въ профессоры химіи и экспериментальной физики (*) и въ этомъ званіи оставался до самой смерти. Профессорская жизнь Ломоносова представляла съ одной стороны неутомимую учено-литературную дѣятельность, а съ другой—постоянную борьбу съ преобладаніемъ нѣмецкой партіи въ Академіи, или, какъ онъ выражался, «съ непріятелями наукъ россійскихъ, которые не давали возрастать свободно насажденію Петра Великаго». О трудолюбіи его можно судить по письму къ Шувалову (31 мая 1753): «Кто по своей профессіи читаетъ лекціи, дѣлаетъ опыты новые, говоритъ публично рѣчи и диссертаціи, и внѣ оной сочиняетъ разные стихи и проэкты къ торжественнымъ изъявленіямъ радости, составляетъ правила къ краснорѣчію на своемъ языкѣ и исторію своего отечества, и долженъ еще на срокъ поставить, отъ того я ничего больше требовать не имѣю». Въ 1759 г. къ должности профессора присоединились новыя обязанности по географическому департаменту и завѣдыванію гимназіей и университетомъ. Ломоносовъ написалъ для нихъ новые уставы (1760). Не ограничиваясь этимъ, онъ задумалъ основать въ Петербургѣ настоящій университетъ, подобно Московскому, съ тѣмъ, чтобы, согласно проэкту Петра, академики были его профессорами. Каѳедры философіи, греч. языка и анатоміи хотѣлъ онъ поручить русскимъ ученымъ — Козицкому, Мотонису и Протасову: послѣдній обучался въ то время въ Лейденѣ. Письма его къ гр. Воронцову и Шувалову показываютъ, какъ сильно хлопоталъ онъ объ утвержденіи грамоты, или «привиллегіи на инавгурацію университета». «Сіе (пишетъ онъ Шувалову, 20 апрѣля 1760 г.) будетъ конецъ моего попеченія о успѣхахъ въ наукахъ сыновъ россійскихъ и начало особливаго раченія къ приведенію въ исполненіе старанія моего въ словесныхъ наукахъ». У него былъ уже по этому поводу набросанъ и проэктъ благодарственнаго слова Елисаветѣ, гдѣ между прочимъ отмѣчено: «говорить графу (К. Г. Разумовскому, президенту Академіи), что по сему можетъ и въ Малороссіи устроить университетъ». Оставалось только получить подпись императрицы. Въ просительныхъ стихахъ къ ней, онъ воображаетъ общую радость Россіянъ, когда воздвигнется новый храмъ Музамъ:

Въ Россіи древности, въ натуры тайны вникнемъ,
И тмами устъ Твои достоинства воскликнемъ!
Коль счастливъ оный день, коль счастливъ буду я,
Когда я, середи россійскихъ Музъ стоя,

(*) Такъ говорятъ Евгеній и Штелинъ; но изъ Дѣла о Тред—мъ (Москв. 1853, № 15) видно, что Лом—въ пожалованъ профессоромъ 1745 г.

Благотвореніе Твое представлю ново,
Великостью его о какъ возвышу слово!
. . . .
Сіе исполнится немногими чертами (*).

Сочиненные на дорогѣ въ Петергофъ «стихи къ кузнечику (1761)», который «не проситъ ни о чемъ, не долженъ никому», даютъ знать о душевномъ состояніи просителя, для котораго наука и жизнь значили одно и тоже и для котораго всякая медленность на пути просвѣщенія казалась гибельнымъ дѣломъ. Какъ бы то ни было, но грамота осталась неподписанною. Ломоносовъ держался однакожъ своей мысли. Въ 1762 г. онъ просилъ гр. Г. Г. Орлова, имѣвшаго къ нему большое уваженіе, ходатайствовать объ исполненіи задуманнаго плана: «нынѣ время златой знатнымъ наукамъ вѣкъ возставить и отъ презрѣнія избавить возлюбленный россійскій родъ; не укосни въ отчаяніи сѣтующее учащееся здѣсь юношество оживить отрадою». Въ послѣдствіи этотъ планъ былъ видоизмѣненъ. Записка гр. К. Г. Разумовскому (1764) представляетъ о «невыписываніи изъ за моря въ академію иностранныхъ профессоровъ, о наученіи и произведеніи природныхъ Россіянъ, посылая ихъ въ иностранные университеты». Но и это предложеніе не состоялось.

Первоклассные ученые (Бернулли, Эйлеръ, Шлецеръ, Кондаминъ, Формей, Поллеть) отдавали справедливость талантамъ и трудамъ Ломоносова. Болонская и Стокгольмская Академіи выбрали его своимъ членомъ. Графы Воронцовъ и Орловъ и И. И. Шуваловъ уважали его и покровительствовали ему, какъ знаменитому русскому ученому. Шуваловъ нашелъ въ немъ просвѣщеннаго совѣтника по своимъ планамъ и учрежденіямъ, особенно по основанію московскаго университета. Елисавета, какъ мы видѣли, наградила его помѣстьемъ. Екатерина II обратила вниманіе на его судьбу (см. ея письмо къ кабинетъ-секретарю, А. В. Олсуфьеву, въ 17 и 18 №№ Москв. 1857). Павелъ I, въ уваженіи къ его дѣятельности, повелѣлъ племянника его со всѣмъ потомствомъ исключить изъ подушнаго оклада. При Николаѣ I воздвигнутъ ему памятникъ въ Архангельскѣ. Современникъ и товарищъ Ломоносова по академіи, профессоръ Штелинъ, оставилъ въ конспектѣ похвальнаго ему слова слѣдующія замѣтки о его характерѣ:

Физическій характеръ: отличался крѣпостью и почти атлетическою силою; образъ его жизни былъ плебейскій.

Умственный: исполненъ страсти къ наукѣ, стремленія къ открытіямъ.

Нравственный: мужиковатъ, съ низшими и въ семействѣ суровъ, желалъ возвыситься, равныхъ презиралъ.

Въ то время, когда общественное положеніе литератора было незавидно, Лом—въ держалъ себя благородно и мужественно: никто не могъ бы безнаказанно оскорбить его какъ литератора и еще болѣе какъ человѣка. Онъ умѣлъ, говоритъ Пушкинъ, за себя постоять и не дорожилъ ни покровительствомъ своихъ меценатовъ, ни своимъ благосостояніемъ, когда дѣло шло о его чести или о торжествѣ его любимыхъ идей. «Благородную упрямку» Лом—ва всего болѣе характеризуетъ письмо его къ Шувалову (отъ 19 Января 1764), который вздумалъ—было помирить его съ Сумароковымъ. Въ этомъ письмѣ между прочимъ сказано: «Не токмо у стола знатныхъ господъ или у какихъ земныхъ владѣтелей дуракомъ быть не хочу, но ниже у самого Господа Бога, который далъ мнѣ смыслъ, пока развѣ отниметъ». Поэтому объяснять жесткіе отзывы Лом—ва о Миллерѣ, Шлецерѣ и другихъ академикахъ однимъ только «мужиковатымъ» его нравомъ, или «презрѣніемъ къ равнымъ», или наконецъ безпричиннымъ нерасположеніемъ къ нѣмецкой партіи, все тоже, что въ похвальныхъ одахъ Елисаветѣ видѣть одну лесть. То и другое имѣло другія, высшія побужденія: любовь къ наукѣ и патріотизмъ, не допускавшіе его мириться съ тѣми, которые «употребляли Божье дѣло для своихъ пристрастій, не заботясь о приращеніи наукъ въ Россіи». Онъ не могъ молчать при видѣ злоупотребленій академической канцеляріи, захватившей главное управленіе и хозяйственными и учеными дѣлами, и своимъ вмѣшательствомъ постоянно затруднявшей дѣятельность академиковъ. «Я бы охотно молчалъ и жилъ въ покоѣ» (писалъ онъ, въ 1761 г., Теплову, воспитателю президента Ак. Н., К. Г. Разумовскаго, написавшему новый академическій регламентъ, коимъ незаконная власть канцеляріи была утверждена), «да боюсь наказанія отъ правосудія и всемогущаго промысла, который не лишилъ меня дарованія и прилежанія въ ученіи, далъ терпѣніе и благородную упрямку и смѣлость къ преодолѣнію всѣхъ препятствій къ распростра-

(*) Т. е. девятью буквами (Елисавета).

нію наукъ въ отечествѣ, что мнѣ всего въ жизни моей дороже... За общую пользу, а особливо за утвержденіе наукъ въ отечествѣ и противъ отца своего роднаго возстать за грѣхъ не ставлю... Я къ сему себя посвятилъ, чтобъ до гроба моего съ непріятелями наукъ россійскихъ бороться, какъ уже борюсь двадцать лѣтъ; стоялъ за нихъ смолода, на старость не покину».

(Письма Лом—ва къ Шувалову и другимъ лицамъ въ Смирд. изд. его сочиненій, 1847, ч. 1; Избранныя сочиненія Лом—ва, изд. Перевлѣсскаго; Черты и анекдоты для біографіи Лом—ва, взятые изъ его собственныхъ словъ Штелинымъ, въ 1 № Москв., 1850; Записки Штелина, Москв. 1851, № 2; О Смирд. изданіи сочиненій Лом—ва, г. Тихонравова, въ 46, 47 и 74 №№ Моск. Вѣд. 1852 г.; Для біографіи Лом—ва, его-же, Москв. 1853, № 3; Учен. Зап. 1 и 3 отд. Ак. Н., т. 3, вып. 1 и 2; Воспоминаніе о Лом—вѣ, рѣчь Погодина, Москв. 1855, № 2; Briefe von Christian Wolff, 1860; Историч. бумаги XVIII в., во 2 кн. Рус. Бесѣды 1860; Ломоносовъ, студентъ марб. университета, г. Сухомлинова; Письма Лом—ва и Сумарокова къ И. И. Шувалову, ст. Я. Грота, въ Приложеніи къ 1 т. Записокъ Ак. Н., 1862. Кромѣ того я пользовался рукописными лекціями о Лом—вѣ, читанными В. И. Ламанскимъ, которому приношу мою душевную признательность).

Собраніе сочиненій Лом—ва имѣло нѣсколько изданій въ Спб. и Москвѣ. Первое изданіе, въ одной книгѣ, вышло въ Спб. 1751 г.; второе, съ приложеніемъ 2-й книги (М. 1757—59); тоже, въ 2 кн. (Спб. 1768).—Ректоръ Моск Академіи, слушавшій лекціи богословія, исторіи и математики въ геттингенскомъ университетѣ, Дамаскинъ Рудневъ, напечаталъ сочиненія Лом—ва, въ 3 ч. (М. 1778). Въ посвященіи членамъ Вольнаго Рос. Собранія, Дамаскинъ говоритъ о пользѣ изданія образцовыхъ писателей; за тѣмъ слѣдуетъ «жизнь Лом—ва», составленная по свѣдѣніямъ, которыя съ собственныхъ словъ Лом—ва были записаны его другомъ Штелинымъ и по распоряженію кн. Е. Р. Дашковой переведены съ нѣм. языка на русскій (Черты и анекдоты для біографіи Лом—ва, Москв. 1850, № 1). Изданіе это перепечатано въ Спб. (1803). Академическія изданія: первое, съ пріобщеніемъ жизни сочинителя и съ прибавленіемъ многихъ его нигдѣ еще не напечанныхъ твореній, 6 ч. (Спб. 1784—87); второе, 6 ч. (Спб. 1794); третье, 6 ч. (Спб. 1803—1804). Кромѣ того въ 1840 напечатаны были сочиненія Лом—ва въ 3 кн., въ Спб. Смирдинскія изданія, въ Полн. Собр. сочиненій рус. авторовъ: первое, 3 кн. (Спб. 1847); 2 и 3 книги вышли вторымъ изданіемъ, тамъ же въ 1850 г. Изданіе Н. Новикова въ пользу и употребленіе россійскаго юношества, обучающагося стихотворству (М. 1787). Изданіе одъ и похвальныхъ словъ Лом—ва для москов. учеб. округа (М. 1837). (*).

§ 197. Изъ сношеній Петра Великаго съ Лейбницемъ видно, что послѣдній указывалъ на Москву, Кіевъ, Астрахань и Петербургъ, какъ на такіе города, которые преимущественно должны быть выбраны для учрежденія академій, университетовъ и гимназій. Согласно этому совѣту, Петръ I успѣлъ основать только въ Петербургѣ Академію Наукъ, при которой находились университетъ и гимназія. Но академическій университетъ, «не имѣлъ», какъ говоритъ Ломоносовъ, «не только дѣйствія, но даже имени», а гимназія, въ царствованіе Елисаветы, «пришла еще въ худшее противъ прежняго состояніе: въ семь лѣтъ ни единъ школьникъ въ достойные студенты не доучился». Впрочемъ, и при надлежащемъ устройствѣ курсовъ, университетъ едва ли приносилъ бы ожидаемую пользу по своей отдаленности отъ центральныхъ и южныхъ губерній и по своей зависимости отъ Академіи. Болѣе и болѣе сознаваемая необходимость высшаго образованія требовала новаго, самостоятельнаго учрежденія, и въ видахъ этой потребности, стараніями просвѣщеннаго вельможи, И. И. Шувалова (1727—1797), возникъ Московскій университетъ (1755). Основаніе его, какъ въ проэктѣ, такъ и въ утвердившемъ его именномъ указѣ, связано съ мыслью о пользѣ просвѣщенія, даннаго Россіи Петромъ: посредствомъ наукъ Петръ Великій возвысилъ наше отечество; науками одни народы пріобрѣтаютъ себѣ славу и превосходство надъ

(*) Всѣ эти изданія, кромѣ 1-го, въ одной книгѣ (1751), просмотрѣны мною въ И. П. Б.

другими, дикими и необразованными; источникъ всякаго добра есть просвѣщенный разумъ, а источникъ всякаго зла—невѣжество; распространеніемъ знаній истребляются суевѣрія, расколы и ереси. Кромѣ главной цѣли, университетское образованіе имѣло также въ виду готовить русскихъ наставниковъ въ замѣнъ иностранцевъ, которымъ родители ввѣряли обученіе дѣтей своихъ и нравственный надзоръ за ними, но которые почти всегда оказывались неспособными ни къ тому, ни къ другому. Въ началѣ своего существованія, новоучрежденный университетъ состоялъ изъ трехъ факультетовъ: юридическаго, медицинскаго и философскаго. Попеченіе о богословскихъ наукахъ предоставлено было синоду. Но университетъ безъ гимназіи «тоже, что пашня безъ сѣмянъ», писалъ Ломоносовъ къ Шувалову; въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, приготовляющихъ юношество къ слушанію лекцій, заключается «главное дѣло, основаніе и начало къ происхожденію ученыхъ Россіянъ»: и потому въ одинъ годъ съ университетомъ были открыты въ Москвѣ двѣ гимназіи—для дворянъ и для разночинцевъ.

Заслуги Московскаго университета для науки и литературы такъ важны, что его исторія есть въ тоже время исторія русскаго образованія. Онъ былъ центромъ умственной дѣятельности, простиравшей свое вліяніе на всѣ концы нашего отечества. Въ немъ по-преимуществу зачиналось и поддерживалось движеніе просвѣтительныхъ началъ, которыя давали ростъ и крѣпость общественному сознанію. Благодаря ему, древняя столица Россіи сдѣлалась вождемъ ея высшихъ, духовныхъ интересовъ. Его столѣтній юбилей (1855) имѣлъ значеніе не областнаго, а всероссійскаго торжества, понятнаго каждому патріоту. Состоя своимъ началомъ въ связи съ Ломоносовымъ, «первымъ русскимъ университетомъ», по выраженію Пушкина, онъ въ дальнѣйшемъ своемъ дѣйствіи связанъ и съ исторіей другихъ нашихъ университетовъ, и съ важнѣйшими моментами въ исторіи русской науки, русской литературы, русскаго слова. По всѣмъ этимъ предметамъ онъ несъ ревностную службу и богатъ почетными преданіями. Излагая науки, университетскія лекціи приносили пользу и отечественной словесности: послѣдняя озарялась тѣмъ свѣтомъ, который исходилъ отъ первой. Между именами самихъ профессоровъ мы встрѣчаемъ имена достойныхъ литераторовъ. Первый профессоръ изъ Рускихъ, Поповскій (1730—1760), столько же принадлежитъ исторіи Московскаго университета, сколько и исторіи русской литературы. Онъ преподавалъ философію и краснорѣчіе, которое самъ слушалъ у Тредьяковскаго и Ломоносова. Философическія лекціи онъ открылъ «рѣчью о пользѣ и важности философіи». Наука наукъ представлена точнымъ изображеніемъ храма вселенной. Предметъ ея—«главнѣйшія и самыя общія правила, строгое доказательство каждой истины, раздѣленіе правды отъ неправды». Необходимость ея изученія состоитъ въ томъ, что она дѣйствуетъ на атеистовъ, убѣждая ихъ въ бытіи Бога «правильнымъ и необманчивымъ познаніемъ натуры». Этотъ возвратъ невѣрующаго къ вѣрѣ путемъ знанія напоминаетъ извѣстный намъ взглядъ Ломоносова на родственный союзъ науки и религіи. Другая часть рѣчи касается изложенія философіи. Разсуждая обо всемъ, что ни есть въ мірѣ, философія не можетъ довольствоваться латинью; профессоръ русскаго университета долженъ передавать ее слушателямъ на языкѣ русскомъ, способномъ выражать всевозможныя мысли: «нѣтъ такой мысли, кою бы по-россійски изъяснить было невозможно». Замѣчательны, по своей новизнѣ и смѣлости, эти нападки на латинскій языкъ, обще-

принятый въ тогдашнемъ ученомъ мірѣ, это желаніе излагать философскія истины отечественнымъ словомъ и тѣмъ дѣлать ихъ доступнѣе и популярнѣе для русскаго юношества. Литературные труды Поповскаго носятъ на себѣ явственный характеръ дидактизма. Достоинство ихъ въ ясномъ и точномъ выраженіи истинъ, къ которому только и былъ способенъ ихъ авторъ, лишенный поэтическаго дара, и которое цѣнилъ онъ выше другихъ качествъ, какъ ученый. Наука не вдохновляла его, какъ Ломоносова, но давала ему поводъ излагать ея содержаніе въ правильномъ, бойкомъ, сильномъ стихѣ. «Посланіе къ Шувалову о пользѣ наукъ и о воспитаніи юношества (1756)» написано въ стилѣ «Посланія о пользѣ стекла», хотя и уступаетъ ему достоинствомъ. Бѣдность оригинальной литературы обратила вниманіе Поповскаго на переводы иностранныхъ сочиненій. Занятія этимъ предметомъ онъ справедливо называлъ настоятельнымъ, достохвальнѣйшимъ дѣломъ. Вѣрный своему направленію, онъ выбиралъ для перевода дидактическія поэмы и другія стихотворенія въ томъ же родѣ. Особенно прославилъ его «Опытъ о человѣкѣ, Попа (1757)», переданный не съ подлинника, а съ французскаго перевода, и имѣвшій нѣсколько изданій. Современники высоко цѣнили умѣнье Поповскаго находить точныя и образныя выраженія для мыслей англійскаго стихотворца. Переводъ «Гораціева Посланія къ Пизонамъ (1763)» отличается еще бо̀льшимъ искуствомъ въ версификаціи и бо̀льшею обработанностью языка.

Другимъ профессоромъ изъ Рускихъ былъ Барсовъ (1730—1791). Сначала приглашенный на каѳедру математики, а потомъ занявшій мѣсто Поповскаго, онъ, при самомъ открытіи Московскаго университета, произнесъ рѣчь о пользѣ его учрежденія. Здѣсь изложена польза университетскаго, т. е. «весь кругъ просвѣщающаго разумъ ученія», особенно философіи. Во взглядѣ на этотъ предметъ, онъ, подобно своему предшественнику въ преподаваніи краснорѣчія, сходится съ Ломоносовымъ—признаетъ содружество науки и вѣры. Онъ говоритъ: «Было время, когда разумъ нашъ достаточенъ былъ къ совершенному познанію нашего благополучія, воля покорялась разуму безъ упорства и самое благополучіе въ рукахъ нашихъ находилось. Нынѣ преступленіемъ праотца нашего, громкимъ паденіемъ высоты естества нашего, мы лишены толикихъ преимуществъ». Чѣмъ же человѣкъ можетъ вознаградить уронъ, причиненный грѣхопаденіемъ? Науками: онѣ должны «возвратить намъ первоначальное естество наше, возвратить насъ естеству нашему». Изъ учебныхъ сочиненій Барсова замѣчательна доселѣ остающаяся въ рукописи «Обстоятельная Россійская Грамматика». Авторъ хотѣлъ въ орѳографіи слѣдовать своему учителю, Тредьяковскому, т. е. основывать ее «на звонахъ». Онъ возстаетъ противъ производства словъ, потому что излишняя къ нему привязанность даетъ мѣсто не только затрудненіямъ, но даже нелѣпостямъ: «было бы странно, говоритъ онъ, писать «стлой» вм. «слой» (отъ глагола «стелю»), «стклянка» вм. «склянка» (отъ сущ. «стекло̀»), «одиннадесять» вм. «одиннадцать», и пр. Производство часто подчиняется употребленію вообще, и особенно употребленію, основанному на благозвучіи, хотя такое подчиненіе можетъ довести языкъ до того, что и не узнаешь, откуда произвести какое слово». Барсовъ пытался также, по примѣру Тредьяковскаго, сдѣлать нѣкоторыя измѣненія въ нашей азбукѣ. Одна выписка изъ его рукописей: «Сводъ бытій россійскихъ», напечатанная въ Московскомъ Журналѣ 1792 г., даетъ понятіе о задуманной имъ реформѣ: буква *и* вездѣ замѣнена буквою *і*, для которой принятъ знакъ съ крат-

кимъ; буква ъ въ концѣ словъ уничтожена, а въ серединѣ замѣнена апострофомъ. Эти орѳографическія новизны не были приняты публикою, которая держалась прежняго обычая, да и самъ нововводитель въ послѣдствіи отъ нихъ отказался.

Исторія Москов. университета, соч. г. Шевырева. Сношенія Петра съ Лейбницемъ изложены въ 1 т. Изслѣдованія Пекарскаго: Наука и лит. при Петрѣ (гл. 2). Жалкое состояніе акад. университета и акад. гимназіи указано Лом—мъ въ «Мнѣніи о исправленіи Ак. Н.» (Соч. Лом—ва, изд. Смирд., 1, 766, 778). Письмо его къ Шувалову съ проэктомъ университета (ib., 688—90). О самомъ Шуваловѣ см.: Жизнь Шувалова, писанная племянникомъ его, кн. Ѳ. Н. Голицынымъ (Москв. 1853, № 6); Благодарное воспоминаніе о Шуваловѣ, рѣчь проф. С. Соловьева, 12 января 1855; И. И. Шуваловъ, г. Бартенева (Рус. Бесѣда, 1857, № 1); Письма Лом—ва и Сумарокова къ Шувалову, г. Я. Грота; Письма Шувалова (12 № Библ. Зап. 1861 г.). Жизнь и дѣятельность Поповскаго и Барсова описаны въ «Біограф. словарѣ профессоровъ и преподавателей Москов. университета», 2 ч. (1855).

§ 198. Какъ отъ Ломоносова ведетъ свое начало въ нашей литературѣ псевдо-классическая лирика, такъ Сумароковъ (1718—1777) далъ намъ первые образцы ложно-классической драмы. Въ этомъ только смыслѣ и можетъ онъ сохранить за собою имя «установителя россійскаго театра», потому что театръ существовалъ и до него; сочиненіе и разыгрываніе піесъ не прекращалось и въ столицахъ и въ Малороссіи, и при дворѣ и въ школахъ. Къ сороковымъ годамъ XVIII столѣтія относятся двѣ мистеріи-moralité: «О мздѣ въ будущей жизни», Варлаама Лащевскаго, префекта въ кіевской академіи, и «Воскресеніе мертвыхъ», Георгія Конисскаго, архіепископа бѣлорусскаго. Даже по учрежденіи постояннаго театра въ Петербургѣ, духовная драма временами являлась на сценѣ. Но Сумароковъ первый написалъ трагедію въ духѣ французскаго классицизма, который съ этого времени становится образцемъ для нашей драматической поэзіи. Заслуга его можетъ быть сравниваема съ заслугой поэта Ронсаровой школы, Жоделя († 1573), автора трагедій: «Клеопатра» и «Дидона», въ которыхъ онъ первый изъ Французовъ подражалъ греческимъ трагикамъ.

Драматическая дѣятельность Сумарокова возникла подъ вліяніемъ благопріятныхъ тому обстоятельствъ. Въ учебномъ курсѣ сухопутнаго кадетскаго корпуса, гдѣ онъ получилъ образованіе, литература занимала видное мѣсто. Кадеты устроили общество любителей русской словесности, гдѣ, въ свободное отъ уроковъ время, читали другъ другу опыты своихъ сочиненій и переводовъ. Сюда-то являлся и Сумароковъ съ стихотвореніями, изъ которыхъ иныя тогда же были напечатаны корпуснымъ начальствомъ, въ поощреніе таланта и въ награду успѣховъ. Охотѣ къ литературнымъ занятіямъ содѣйствовало сценическое искуство. При Аннѣ Іоанновнѣ, кадеты принимали участіе въ интермедіяхъ и балетахъ, которые давались артистами итальянской оперы. Въ началѣ царствованія Елисаветы, которое съ тѣмъ вмѣстѣ было и началомъ французскаго вліянія на жизнь, литературу и языкъ образованнаго класса Рускихъ, открыла свои представленія французская труппа, приглашенная изъ Касселя и обязанная играть трагедіи и комедіи. Сумароковъ подчинился, на ряду со многими другими, вліянію сценическаго искуства, хотя и прежде того былъ знакомъ съ произведеніями Корнеля, Расина и Вольтера. Онъ задумалъ испытать собственныя силы въ трагическомъ родѣ и написалъ «Хорева» (нап. 1747). Кадеты сыграли эту піесу сначала въ корпусѣ, а потомъ (1750) во дворцѣ, въ присутствіи императрицы.

За театральными представленіями, въ стѣнахъ кадетскаго корпуса, послѣдовало

основаніе провинціальнаго театра въ Ярославлѣ, сыномъ костромскаго купца, Волковымъ (1729—1763), по смерти отца переселившимся въ Ярославль, гдѣ мать его вышла во второй разъ замужъ за богатаго кожевеннаго заводчика. Воспитанникъ московской духовной академіи, Волковъ разыгрывалъ съ товарищами духовныя драмы; въ Петербургѣ же, куда онъ пріѣзжалъ по торговымъ дѣламъ своего вотчима, италіянская опера и представленія трагедій Сумарокова кадетами укрѣпили въ немъ давно возникшую любовь къ сценѣ. Образовавъ изъ своихъ братьевъ и дѣтей знакомыхъ купцовъ и подьячихъ небольшую труппу, онъ, въ именины своего вотчима, представилъ въ Ярославлѣ драму Эсоирь. Сценою служилъ кожевенный сарай. Игра, машины и декораціи привели въ восторгъ невзыскательныхъ зрителей. Тогдашній ярославскій воевода Мусинъ-Пушкинъ вмѣстѣ съ помѣщикомъ Майковымъ уговорили ярославскихъ дворянъ и купцовъ построить театръ. Волковъ былъ для этого театра всѣмъ: основателемъ, архитекторомъ, декораторомъ, машинистомъ, капельмейстеромъ, авторомъ, переводчикомъ и директоромъ. Елисавета, любившая театръ и другія увеселенія, приказала доставить ярославскихъ актеровъ ко двору, которые въ ея присутствіи сыграли Хорева (1752). Игра ихъ понравилась, но такъ какъ они не имѣли надлежащаго образованія, то способнѣйшихъ (Волкова, Дмитревскаго, Шумскаго, Попова) помѣстили въ кадетскій корпусъ для обученія иностраннымъ языкамъ и словесности. Въ 1756 г. учрежденъ въ Петербургѣ постоянный русскій театръ, который, по требованію императрицы, должны были посѣщать всѣ придворные и вообще служащіе. Директоромъ его назначенъ былъ Сумароковъ, который съ 1750 г. завѣдывалъ русскими представленіями, перенесенными изъ кадетскаго корпуса во дворецъ, а первымъ актеромъ Волковъ— «мужъ глубокаго разума», по отзыву одного изъ современниковъ (Фонъ Визина), «исполненный достоинствъ, имѣвшій большія знанія и способный быть человѣкомъ государственнымъ». На директорѣ лежала обязанность не только управлять театромъ, но и поставлять пьесы своего сочиненія. До основанія театра, кромѣ Хорева, представлены были четыре трагедіи Сумарокова: Гамлетъ, Синавъ и Труворъ, Артистона и Семира, и столько же послѣ основанія: Ярополкъ и Димиза, Вышеславъ, Димитрій Самозванецъ, Мстиславъ.

Трагедокомедія Лащевскаго въ 1-й кн. Лѣт. г. Тихонравова, 1859 г.; Воскресеніе мертвыхъ, ib. 1859—60, кн. 6. Господство французскаго вліянія на Русскихъ, ведущее свое начало отъ времени Елисаветы, указано словами государственнаго человѣка и остроумнаго писателя, гр. Ѳ. В. Растопчина. «Какое несчастіе», писалъ онъ въ 1805 г. къ одному изъ друзей своихъ, что Петръ I насъ обрилъ, а Шуваловъ (И. И.) заставилъ говорить нечестивымъ французскимъ языкомъ» (Гр. Ѳ. В. Растопчинъ, ст. г. Тихонравова, Отеч. Зап., 1854, № 7, стр. 57). Здѣсь обозначена связь между двумя эпохами нашей новой исторіи—реформою Петра, какъ первымъ знакомствомъ Россіи съ Европою, и царствованіемъ Елисаветы, какъ продолженіемъ Петровыхъ дѣлъ. Характеръ цивилизаціи остался безъ перемѣны—тоже подражаніе, таже переимчивость; мѣнялись только образцы для подражанія. При Петрѣ и Аннѣ Іоанновнѣ мы слѣдовали Нѣмцамъ, при Елисаветѣ—Французамъ. Татищевъ рекомендовалъ своему сыну языкъ нѣмецкій, какъ необходимо нужный; Шуваловъ заставилъ насъ говорить языкомъ французскимъ. Источники касательно основанія рус. театра и дальнѣйшей его исторіи: Краткое извѣстіе о театральныхъ въ Россіи представленіяхъ отъ начала ихъ до 1768, Штелина (С.п.бургскій Вѣстникъ, 1779); Иттопич. извѣстіе о рос. театрѣ, А. М. (Сѣв. Архивъ, 1822, № 21); Историч. взглядъ на рус. театръ до начала XIX в., г. Греча (Русская Талія, 1825); Основаніе рус. театра кадетами 1-го кадет. корпуса, А. Карабанова (1849); Лѣтопись рус. театра, составилъ А. Арановъ (1861); Письма Лом—ва и Сум—ва къ Шувалову, Я. Грота.

Для біографіи Волкова: Энцикл. Лексиконъ, Плюшара, т. XI; Ярославскій литерат. Сборникъ (1851); Москов. Вѣд. 1858.

§ 199. Въ трагедіи, какъ и во всякой драмѣ, дѣйствіе производится двумя дѣятелями: характерами лицъ и положеніями (ситуаціями), въ которыхъ они находятся. Взаимное отношеніе этихъ дѣятелей, внутренняго и внѣшняго, даетъ начало двумъ трагическимъ системамъ: въ одной—положенія обусловлены характеромъ; въ другой—характеръ опредѣляется положеніями.

Слѣдуя первой системѣ, поэтъ создаетъ характеръ, окружаетъ его дѣйствительно бывшими или возможными событіями и надѣляетъ различными страстями, изъ борьбы которыхъ возникаютъ положенія. Лучшія трагедіи всѣхъ вѣковъ и народовъ построены по этой системѣ. Онѣ по преимуществу возбуждаютъ въ зрителяхъ «состраданіе и ужасъ»,—тѣ чувства, которыя Аристотель поставилъ сущностью трагическаго впечатлѣнія. Изъ всѣхъ элементовъ многосложной человѣческой жизни личность всего болѣе обращаетъ на себя вниманіе человѣка. Зрѣлище того, какъ внутренняя сила героя дѣйствуетъ на его внѣшнюю судьбу, принадлежитъ къ самымъ высокимъ наслажденіямъ нашего духа. Въ мощномъ вліяніи героической личности на окружающія обстоятельства, въ творчествѣ извѣстныхъ положеній или перемѣнѣ положеній данныхъ, заявляется торжество человѣческой природы, свобода разума и разумъ свободы. Первоклассные образцы этой трагической системы представлены Шекспиромъ и Шиллеромъ. Въ ихъ піесахъ, положенія зависятъ отъ характера, а не характеръ отъ положеній; не характеръ, подъ вліяніемъ обстоятельствъ, сдѣлался тѣмъ, что̀ онъ есть, а обстоятельства, подъ вліянемъ характера, вышли такими, какими видитъ ихъ зритель. Особенно у Шекспира, трагика по преимуществу, дѣйствіе направлено къ органическому, всестороннему развитію характера, которымъ обусловливаются положенія. Внутренняя сущность лица, какъ главный дѣятель, и его внѣшняя судьба, какъ естественный результатъ внутренняго, являются въ художественномъ сочетаніи. Его драмы не знаютъ ни слѣпой, невѣдомой, внѣ нашего бытія лежащей силы, ни другихъ постороннихъ толчковъ, указывающихъ лицу неизбѣжный путь: собственный духъ личности зараждаетъ поводы и причины къ дѣйствіямъ; ея собственная воля выбрасываетъ счастливый или несчастный жребій; она сама—творецъ своей вины или заслуги. Трагедія Шекспира есть трагедія судьбы внутренней, психологической: свободныя стремленія характера опредѣляютъ весь ходъ дѣйствія, отъ его начала до исхода; высокій трагизмъ заключается въ борьбѣ между волею и положеніемъ.

Слѣдуя другой трагической системѣ, поэтъ выбираетъ чрезвычайныя положенія, ставитъ среди нихъ личность и завязываетъ борьбу между ея чувствами и убѣжденіями съ одной стороны и данными обстоятельствами съ другой. Изъ борьбы возникаетъ рядъ одушевленныхъ, разительныхъ сценъ. Дѣйствіе проходитъ здѣсь въ развитіи ситуацій, какъ главнаго трагическаго элемента. Оно начинается съ завязкой противорѣчій и случайностей, которыя содержитъ въ себѣ та или другая ситуація; оно оканчивается, когда противорѣчія и случайности исчерпаны вполнѣ. По этой системѣ построены трагедіи испанская и французская эпохи псевдо-классицизма. Существенное отличіе послѣдней состоитъ въ томъ, что она представляетъ борьбу между чувствомъ, внушаемымъ природой, и долгомъ, вмѣняемымъ нравственностію. Смотря потому, что беретъ перевѣсъ—естественное влеченіе или прав-

ственный законъ,—главное дѣйствующее лице становится героемъ порока или добродѣтели. Въ большей части трагедій Корнеля, Расина и Вольтера изображается одно какое-либо чувство, одна какая-либо страсть, какъ господствующая сторона характера, а не цѣльный характеръ, со всѣми его чертами, со всѣми его достоинствами и недостатками, съ тою измѣнчивостью и подвижностью, которыя такъ свойственны человѣческой природѣ и которыя въ дѣйствующемъ лицѣ выказываютъ существо живое, а не отвлеченный предметъ. Вмѣсто людей, одаренныхъ многообразными качествами, изъ которыхъ одни занимаютъ преобладающее мѣсто, а другія стоятъ въ сторонѣ или на заднемъ планѣ, мы видимъ на сценѣ влюбленнаго, честолюбца, тирана, злодѣя, великодушнаго и т. п. Всѣ эти лица, не смотря на различіе эпохъ, народностей, возрастовъ и обстоятельствъ, въ сущности относятся къ одному и тому же разряду: они скорѣе маски, чѣмъ самостоятельныя, конкретныя личности; знаки родовыхъ понятій, а не типы, ибо человѣкъ, которымъ обладаетъ одно какое-либо чувство и въ которомъ нѣтъ ничего инаго, кромѣ этого чувства, есть существо противоестественное. Въ ряду страстей, овладѣвающихъ нашею душою, Французскіе трагики останавливали всего чаще свое вниманіе на любви. Она служила главнымъ элементомъ борьбы въ ихъ піесахъ, являясь даже тамъ, гдѣ не была извѣстна ни исторіи, ни преданіямъ: Расинъ надѣлилъ ею Ипполита (въ трагедіи Федра), тогда какъ у Еврипида (въ трагедіи Ипполитъ), которому подражалъ Расинъ, оригинальность Тезеева сына состоитъ именно въ свободѣ сердца. Эта неизбѣжность любви для трагическаго сюжета объясняется вліяніемъ провансальской поэзіи: трубадуры, пѣвцы любви и рыцарства, наложили печать свою на Французскую драму, также какъ съ другой стороны проникъ въ нее духъ христіанства, часто обнаруживаемый рѣчами и дѣйствіями лицъ-язычниковъ. Изображая цѣльный характеръ, со всѣми его достоинствами и недостатками, трагедія необходимо соединяетъ въ себѣ величественное и обыкновенное, трагическое и комическое, потому что эти противоположные элементы дѣйствительно идутъ рука объ руку въ жизни человѣка. У Шекспира являются на сцену шуты и дураки, не только не ослабляя представляемаго дѣйствія, но еще возвышая его силу своимъ вмѣшательствомъ: это-элементъ ироніи и юмора въ судьбѣ героя. Французскіе трагики, имѣя дѣло съ напряженными, исключительными моментами страсти, не допускаютъ такого естественнаго сочетанія противоположностей: піесы ихъ отбрасываютъ все комическое и постоянно держатся на величественномъ тонѣ; герой не сходитъ съ трагическаго пьедестала.

Основному началу Французской трагедіи отвѣчаетъ ея форма. Гдѣ все вниманіе сосредоточено на одной только страсти, гдѣ поэтъ имѣетъ дѣло только съ положеніями, какъ моментами ея развитія, тамъ, конечно, кругъ дѣйствія ограниченъ лишь тѣмъ, что служитъ къ достиженію предначертанной цѣли. Все прочее отметается, въ видахъ экономіи, какъ напрасная задержка. Художественная экономія трагической системы Французовъ видна и въ числѣ дѣйствующихъ лицъ, и въ объемѣ времени и мѣста дѣйствія, и въ постройкѣ цѣлаго. Дѣйствующихъ лицъ мало; единство времени и мѣста, возведенное въ законъ ложно-классической піитикой, требовало, чтобы событіе начиналось, продолжалось и оканчивалось на одномъ и томъ же мѣстѣ въ теченіе сутокъ; составъ піесъ простъ и немногосложенъ, хотя онѣ большею частію дѣлятся на пять актовъ. Эта форма трагедіи,

вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими ея условіями, выработалась съ одной стороны подъ вліяніемъ драмы греческой и римской и правилъ Аристотеля, съ другой подъ вліяніемъ національнаго характера Французовъ и современнаго состоянія ихъ общества. Ложно-классическая трагедія, какъ и другіе поэтическіе роды того же направленія, есть произведеніе искуственное, а не самородное. При самомъ началѣ своемъ, въ первыхъ опытахъ Жоделя (§ 198) и Гарнье (+1601), она отрѣшилась отъ всего національнаго и стала копировать чуждые образцы. Вмѣсто того, чтобы творить изъ собственнаго матеріала, хранившагося въ мистеріяхъ и другихъ средневѣковыхъ піесахъ, она задумала на новой сценѣ воскресить Эсхила, Софокла и Эврипида. Теорія предшествовала творчеству: сначала было построено понятіе о трагедіи, а потомъ, соотвѣтственно этому понятію, построили трагедію. Неуясненныя отличія древне-классической драмы, которыя слѣдовало разсматривать въ связи съ историческими судьбами той страны, гдѣ она возникла, невѣрно понятое ученіе Аристотелевой піитики произвели три знаменитыя единства (дѣйствія, времени и мѣста), внѣ которыхъ не было спасенія (hors des trois unités il n'y a point de salut) и которыми думали выполнить законъ правдоподобія, какъ будто оно достигается не силою и полнотою производимаго впечатлѣнія, а внѣшнимъ сходствомъ сценической игры съ дѣйствительностью. При короткомъ срокѣ, отрѣзанномъ драматическому дѣйствію, Французы не могли и выбрать иной системы, кромѣ той, о которой мы говорили: всестороннее раскрытіе характера, полная картина жизни героя, образуемая соединеніемъ того, что̀ происходитъ на сценѣ, съ тѣмъ, что̀ передается въ разговорахъ и разсказахъ, требуетъ значительнаго времени, а въ 24 часа можетъ быть вопросъ только о катастрофѣ. Но какъ представляемое событіе необходимо имѣетъ связи съ прошлымъ, то и слѣдовало показать зрителю, что̀ предшествовало драматическому дѣйствію и въ какихъ отношеніяхъ оно находится къ предъидущему своему состоянію: отсюда явились наперсники и наперсницы. Этимъ довѣреннымъ лицамъ герой и героиня повѣствуютъ обо всемъ, случившемся съ ними до начала трагедіи, и раскрываютъ передъ ними свою душу, посвящая такимъ образомъ публику и въ исторію своей внѣшней жизни, и въ тайны своего внутренняго міра. Отсюда же такъ называемая экспозиція, которая имѣетъ цѣлію ввести зрителей въ среду трагическаго дѣйствія, изложивъ передъ ними, помощію разсказовъ, его завязку и въ тоже время познакомивъ ихъ съ характерами главныхъ лицъ. Это изложеніе, нерѣдко занимающее цѣлый первый актъ, образуетъ какъ бы эпическую часть піесы и своимъ характеромъ противорѣчитъ характеру цѣлаго, требующаго представленія дѣйствія, а не повѣствованія о немъ. Разсудочность, преобладающая стихія въ духовномъ складѣ Французовъ, произвела рефлектирующіе разговоры и сентенціи. Резонерство—общій недостатокъ героинь и героевъ. Страсть не мѣшаетъ имъ расчитывать и размѣривать свое собственное положеніе, останавливаться съ запросами надъ біеніемъ сердца. Эврипидъ, великій мастеръ въ казуистикѣ чувства, сдѣлался образцомъ французскихъ трагиковъ. Изъ того же резонерства вытекаетъ и любовь къ антитезамъ. Характеры, отношенія лицъ, ситуаціи, чувства, мысли строились въ симметрической противоположности. Александрійскій стихъ, разсѣкаемый цезурою на двѣ равныя части, соотвѣтствовалъ этому настроенію: первая половина его образуетъ весьма часто антитезу второй. Вліяніе двора наложило также рѣзкую печать на ложно-классическую

драму. Она подчинилась условнымъ понятіямъ о благородствѣ и приличіи, стѣсняющимъ просторъ жизни и просторъ поэтическаго ея воспроизведенія. Пламенныя страсти должны были обнаруживаться не по степени своей силы, которая забываетъ всѣ иныя отношенія, кромѣ чисто-человѣческихъ, а по требованіямъ этикета, который допускалъ лишь то, что̀ приходилось въ мѣру придворныхъ обычаевъ. Отсюда расчитанный, сдержанный, риторическій паѳосъ Французской трагедіи, ровное теченіе котораго только по временамъ возмущается истинно-страстными выходками, полными одушевленія и силы. Постройка соблюдаетъ строгую правильность: поэзіи, какъ и другимъ искуствамъ того времени, воспрещалось оскорблять вкусъ высшаго общества запутанностью дѣйствія или быстрыми переходами отъ однихъ чувствъ къ другимъ. Все долженствовало быть на виду; ничто не должно было скрываться ни въ отдаленіи времени, ни въ отдаленіи мѣста. Выборъ дѣйствующихъ лицъ зависѣлъ отъ современнаго взгляда на героизмъ: въ мысляхъ о героѣ необходимо включалась важность его общественнаго положенія; передъ лице короля, или, что одно и тоже, передъ лице государства (l'état c'est moi), могли являться только цари, герои, полубоги и самые боги.

Не смотря на многіе недостатки драматической системы Французовъ, трагедіи ихъ имѣли большое значеніе. Правильностью и простотою своего плана, онѣ показали примѣръ стройности, чуждой мистеріямъ, которыя доводили до излишества сложность дѣйствія, число лицъ, актовъ и сценъ, перемѣну мѣстъ и временъ. Хотя имъ трудно было вращаться въ кругу немногихъ страстей, ограниченномъ единствами, однакожъ высокій талантъ Корнеля, Расина и Вольтера умѣлъ вносить различіе въ это неблагодарное однообразіе: одна и таже страсть видоизмѣнялась по лицамъ, которыми она овладѣвала; въ изображеніи одного лица представлялось полное развитіе страсти, всѣ главныя ея перипетіи, отъ первой вспышки до катастрофы. Классическая трагедія Французовъ обошла весь образованный міръ, почти два вѣка господствовала на сценѣ, вездѣ возбуждая удивленіе и производя достойныхъ себѣ исполнителей. Если, по мнѣнію одного писателя, Рашель открыла давно забытаго Расина; то съ другой стороны безъ Федры и Камиллы (трагедія: Гораціи), начертанныхъ Расиномъ и Корнелемъ, не открылось бы сценическое искуство Рашели. Еще важнѣе историческое значеніе Французской трагедіи, состоящее въ томъ, что она выражала идеи современнаго государства и католичества. Для нѣкоторыхъ писателей, особенно для Вольтера, сцена была тоже самое, что для духовныхъ ораторовъ каѳедра, а для политическихъ трибуна. Поэтическіе недостатки піесъ искупались тою пользою, которую получали читатели и зрители, устремляя въ слѣдъ за авторомъ свое сочувствіе къ героическимъ подвигамъ добра и свою ненависть къ темному царству зла.

Сумароковъ слѣдовалъ Французской трагической системѣ: поэтому все, объ ней сказанное, примѣняется въ извѣстной степени къ его піесамъ. Онъ самъ поставлялъ свою гордость въ томъ, что «явилъ Расиновъ театръ Россамъ», не скрывая своихъ заимствованій у Корнеля, Расина и Вольтера. Другаго пути ему и не предстояло. Какъ геніальный Ломоносовъ подчинился вліянію ложно-классической лирики, такъ и Сумароковъ, менѣе даровитый и менѣе образованный, не могъ не увлечься Французской Мельпоменой, которая была самымъ блистательнымъ явленіемъ псевдо-классицизма. «Установитель русскаго театра» даже не имѣлъ передъ собою того, что имѣли его образцы: Французская мистерія совер-

шила обширный кругъ развитія, а наши мистеріи, часто сбивавшіяся на moralité и занятыя догматомъ или нравоученіемъ, не представляли матеріаловъ для созданія своеобразной драмы, если бы Сумароковъ и способенъ былъ создать таковую. Сущность подражательныхъ его трагедій—представленіе одной какой либо страсти героя или героини, а не цѣльнаго ихъ характера—вѣрно опредѣлена Карамзинымъ, замѣтившимъ, что Сумароковъ «болѣе описывалъ чувства, нежели изображалъ характеры въ ихъ естественной и нравственной истинѣ». Главное мѣсто между этими чувствами занимаетъ любовь. Изъ ея столкновеній съ долгомъ образуется трагическая борьба, на которую иногда указываютъ сами дѣйствующія лица, приведенныя въ необходимость выбрать то или другое изъ двухъ противоположныхъ влеченій и восклицая въ припадкѣ отчаянія: «о должность! о любовь!» Первоклассные таланты, какъ напримѣръ Расинъ, умѣли съ торжествомъ выходить изъ борьбы съ стѣснительными условіями системы; у нихъ одна и таже страсть получала особенный характеръ, смотря по лицу, которое волновалось ею: любовь Герміоны (трагедія Андромаха) отлична отъ любви Роксаны (траг. Баязетъ), и ревность Федры отлична отъ ревности Герміоны. Но такое разнообразіе было не подъ силу Сумарокову: Оснельда въ Хоревѣ, Семира въ трагедіи того же имени, Ильмена въ Синавѣ и Труворѣ, Ольга въ Мстиславѣ и любятъ и выражаютъ свою любовь одинаково. Всепоглощающее дѣйствіе страсти, при которой нѣтъ уже мѣста инымъ страстямъ и дѣйствіямъ, —болѣе или менѣе общій недостатокъ трагической французской системы,—доведено Сумароковымъ до крайности въ Димитріи Самозванцѣ. Этотъ сверхъестественный тиранъ на-яву и во-снѣ думаетъ объ одныхъ злодѣяніяхъ, хотя на самомъ дѣлѣ и не такъ страшенъ, какъ бы слѣдовало ожидать по его словамъ; онъ желалъ бы «самъ съ собою раздѣлиться», чтобы наслаждаться собственною мукой; погибая, онъ злобно восклицаетъ: «ахъ, если бы со мной погибла вся вселенна!» Димитрій Самозванецъ дѣйствительно «врагъ естества», какъ самъ говоритъ о себѣ, не потому, что онъ ненавидитъ природу, а потому, что онъ внѣ природы. О вѣрности лицъ временнымъ и мѣстнымъ отличіямъ и говорить нечего: ихъ рѣчи, мысли, чувства и поступки несогласованы ни съ характеромъ эпохи, въ которую они жили, ни съ характеромъ народа, къ которому принадлежали. Не смотря на свои русскія имена, они дальше отстоятъ отъ русской исторіи, чѣмъ истинные Греки и Римляне отъ Грековъ и Римлянъ французской трагедіи, которая смотрѣла на древность сквозь тройную призму христіанства, рыцарства и двора. Въ піесахъ Сумарокова можно указать многія заимствованія изъ Расина и Вольтера. Ильмена походитъ на Альзиру (въ трагедіи Вольтера того же имени); разсказъ Вѣстника о смерти Трувора (3-ье явленіе 5-го акта) напоминаетъ разсказъ Терамена о смерти Ипполита, въ Федрѣ; Синавъ и Труворъ, Мстиславъ и Ярославъ, какъ братья-соперники по любви, имѣли образцами Митридата, Британника, Никомеда и другія французскія драмы. Положеніе Ростислава, въ борьбѣ между любовью къ Семирѣ и долгомъ къ отцу и отечеству, подобно положенію Брутова сына, Тита, который измѣняетъ Риму изъ любви къ Тулліи, дочери Тарквинія (въ трагедіи Вольтера: Брутъ). Сумарокову извѣстенъ былъ и Шекспиръ въ псевдо-классическихъ передѣлкахъ, какъ видно по трагедіи Гамлетъ и по нѣкоторымъ мѣстамъ въ другихъ піесахъ: монологъ Самозванца: «Не твердо на главѣ моей лежитъ вѣнецъ» (7-ое явленіе 2-го акта), есть подражаніе монологу Ричарда III; слова Ильмены о загробной жизни;

«Ты самъ меня, ты самъ сей смертью поражаешь» (3-ье явленіе 5-го акта) сходны съ тревожными сомнѣніями Гамлета въ знаменитомъ монологѣ: «быть или не быть?»

Если изображеніе какой-либо страсти, и преимущественно любви, составляетъ движущую силу ложно-классическихъ трагедій, то относительное ихъ достоинство можетъ заключаться въ болѣе или менѣе поэтическомъ ея изображеніи. Всѣ онѣ сходны между собою, какъ произведенія одной и той же системы, имѣвшей задачею—развить, въ предѣлахъ одного событія, избранную страсть; различіе ихъ опредѣляется степенью искуства въ развитіи. Было бы излишнимъ почетомъ для Сумарокова ставить его лицемъ къ лицу съ Расиномъ, «котораго театръ явилъ онъ Россамъ», но столь же было бы несправедливо отрицать въ немъ несомнѣнный драматическій талантъ. Піесы его не потому только заслуживаютъ вниманія, что онѣ первыя въ своемъ родѣ, а потому, что, будучи первыми, содержатъ въ себѣ живыя, эффектныя сцены. Въ нихъ есть движеніе—необходимая принадлежность драмы, котораго чужды эпико-лирическія трагедіи Ломоносова: и потому послѣднія не имѣли успѣха на сценѣ, тогда какъ піесы Сумарокова восхищали и образованное общество, находившее въ нихъ всѣ главныя свойства французской трагедіи, и менѣе образованную публику, для которой онѣ служили пріятною новостью. Чувствительность автора влагала особенный жаръ въ «прощальныя сцены», которыя, по свидѣтельству Карамзина, извлекали слезы изъ глазъ императрицы Елисаветы. Вѣнцемъ славы Сумарокова почиталась «Семира»; за нею слѣдовали Синавъ и Труворъ, и Хоревъ; «въ послѣднихъ же, а наипаче въ Димитріи», замѣчаетъ одинъ современникъ, «виденъ блескъ угасающей свѣщи». О Семирѣ съ большою похвалою отзывалась Екатерина Великая въ своей перепискѣ съ Вольтеромъ.

По историческому своему значенію, трагедіи Сумарокова относятся ко времени Екатерины II, въ которое протекла вторая половина его авторской дѣятельности. Это значеніе заключается въ ихъ отношеніяхъ къ понятіямъ XVIII-го вѣка. Дѣйствующія лица часто разсуждаютъ о томъ, что̀ обращало на себя вниманіе тогдашняго образованнаго общества у насъ и въ Европѣ. Голосъ времени всего слышнѣе въ монологахъ и сентенціяхъ, образующихъ философскій элементъ піесы и написанныхъ подъ вліяніемъ Вольтера, который въ уста трагическихъ героевъ влагалъ свои собственныя мнѣнія. Такъ Димитрій Самозванецъ бесѣдуетъ съ наперсникомъ Пармепомъ о злоупотребленіи папскаго могущества, о бѣдствіяхъ, причиненныхъ фанатизмомъ въ новомъ свѣтѣ. Мысль Монтескье о чести, какъ основѣ геройскихъ дѣлъ и общей пользы, высказана въ Мстиславѣ: трагедія эта долго держалась на сценѣ, благодаря выраженію возвышенныхъ мыслей въ монологахъ, которые заучивались наизусть, какъ образцовые. По разнымъ мѣстамъ разсѣяны изреченія касательно пра̀въ и обязанностей высшей власти. Статья современнаго журнала: «Mercure de France» (апрѣль, 1755 г.), разбирая Синава и Трувора, видитъ особенную заслугу Сумарокова въ томъ, что онъ славитъ правосудіе и человѣколюбіе, ополчается противъ неправды и жестокости. Піесы перваго нашего трагика игрались и при дворѣ, и на публичномъ театрѣ, и въ школахъ: способствуя распространенію вкуса къ сценическому искуству, какъ одному изъ высшихъ удовольствій человѣка, онѣ съ тѣмъ вмѣстѣ возбуждали въ старомъ и мо-

лодомъ поколѣніи чувства патріотизма, истины, чести, терпимости, великодушія, гуманности.

Отличія двухъ трагическихъ системъ изложены по Арндту (Geschichte der französischen Nationalliteratur), Циммерману (Ueber das tragische und die Tragödie) и Бенжаменъ-Констану (въ предисловіи къ его трагедіи: «Walstein», показывающемъ различіе между трагедіями нѣмецкой и французской). Отзывъ Карамзина о Сумароковѣ въ «Пант. рос. авторовъ». Если французская критика хвалитъ Синава и Трувора за его отношеніе къ идеямъ вѣка, то Мерзляковъ, напротивъ, смѣется надъ нимъ (Вѣст. Евр., 1817, №№ 12—14; «Разсужденіе о рос. словесности» въ 1-ой ч. Трудовъ общ. люб. рос. слов.). Держась псевдо-классической точки зрѣнія, онъ вознесъ трагедіи Сумарокова свыше достоинствъ: находилъ въ нихъ строгое соблюденіе правилъ, имѣвшихъ для самого критика силу закона, и причиною ихъ упадка полагалъ единственно устарѣлый языкъ и неблагородство разговора. О трагедіяхъ Сумарокова см. также Н. Булича: «Сумароковъ и современная ему критика» (1854) и В. Стоюнина: «О Сумароковѣ» (Театральный Вѣстникъ 1856, №№ 36—40, 43—46).

§ 200. Другая сторона литературнаго таланта Сумарокова выказалась въ сатирѣ, имѣвшей цѣлію, какъ онъ самъ говоритъ, «обличеніе презрительныхъ вещей». Къ этому роду его сочиненій, кромѣ собственно сатиръ, относятся: комедіи, нѣкоторыя басни и пѣсни, полемическія и многія другія статьи, въ стихахъ и въ прозѣ. Комедіи его, по отзыву современниковъ, не пользовались большимъ успѣхомъ: онѣ бѣдны содержаніемъ, исполнены несообразностей въ дѣйствіи и живьемъ переносятъ чуждые нравы на русскую сцену; но за то въ нихъ много «смѣхотворной остроты» и горячаго раздраженія, свойственныхъ сатирѣ. Басни, большею частію переведенныя изъ Лафонтена и почитавшіяся «сокровищемъ россійскаго Парнасса», сами по себѣ не имѣютъ значенія; главное достоинство ихъ заключается также въ сатирическихъ указаніяхъ на современные нравы.

Основныя тэмы Кантемировыхъ сатиръ: невѣжество и лжеобразованіе, перешли по наслѣдству къ дальнѣйшимъ сатирикамъ, съ тѣми, конечно, измѣненіями, которыя приноситъ съ собою жизнь общества, смѣняющая одни его недостатки другими, и развитіе понятій о качествахъ истиннаго просвѣщенія. «Презрительныя вещи» временъ Сумарокова происходили также или отъ великаго невѣжества, или отъ самонадѣянной, поверхностной цивилизаціи. Въ первомъ ихъ отдѣлѣ стоятъ: несправедливость судей, высокомѣріе знатныхъ родовъ, ханжество, суевѣріе, взиманіе незаконныхъ процентовъ ростовщиками, незаконное «домостроительство»; во второмъ: невѣріе, безсмысленное подражаніе иностранцамъ, литературный педантизмъ.

«Эпистола къ неправеднымъ судьямъ», «Сатира о худыхъ судьяхъ», «Письмо о заразительной болѣзни», «Почтеніе автора къ приказному роду», многія мѣста комедій и другихъ сочиненій преслѣдуютъ недостойныхъ исполнителей закона за ихъ безграмотность, злонамѣренную запутанность дѣлъ и лихоимство. Источникомъ судейской неправды Сумароковъ признаетъ невѣжество: «бездѣльство полагаетъ основаніе храма ея, безумство созидаетъ оный, непросвѣщенная сила, а иногда и смѣсившаяся съ пристрастіемъ, укрѣпляетъ оный». Бездѣльникова кража для него предпочтительнѣе взятокъ; «судья-грабитель хуже вора, гаже всѣхъ тварей». Вся кровь его волновалась при мысли о богатствѣ, нажитомъ похитителями правосудія, когда онъ видѣлъ великолѣпныхъ господъ, которыхъ «отцы ходили въ чиринкахъ, дѣды въ лаптяхъ, а прадѣды босикомъ». Раздраженіе противъ подьячихъ выливалось у него то въ комической, то въ трагической формѣ. Онъ называлъ ихъ «хамовымъ отродьемъ», «крапивнымъ сѣменемъ», «наперсниками бѣсовъ»;

онъ справедливо думалъ, что обличеніе неправедныхъ судей должно извлекать слезы:

> Сатирой ли сіи я строки нарску,
> Коль слезный ими токъ у бѣдныхъ извлеку?

Стрѣлы его сатиры падали не на одну приказную мелочь: въ «Письмѣ» объ утѣсненной истинѣ (1759) онъ ропщетъ на Юпитера, который поразилъ громомъ низшихъ подьячихъ, пощадивъ главныхъ грабителей. Вмѣстѣ съ обличеніемъ козней ябеды, сатирикъ предлагалъ и средства искоренять ихъ. Первымъ средствомъ должно было служить образованіе приказнаго рода; вторымъ—систематическій сводъ законовъ. Въ «Похвальномъ словѣ Екатеринѣ II», Сумароковъ обращается къ ней съ такими словами: «Повели предъ писцами разогнути книгу естественныя грамматики, начало нашего предъ прочими животными преимущества, которыя многіе наши писцы и по имени не знаютъ. Повели имъ научиться изображати дѣла ясно, мыслить обстоятельно и порядочно, дабы знало общество, что̀ написано.... Я, какъ сынъ и членъ отечества, не того желаю, чтобы древніе законы испровержены, а новые установлены были, но чтобы они при случаяхъ исправляемы были. На что нѣтъ закона, или не обстоятеленъ законъ, или не ясенъ, на то бы законъ сочинился, исправился и изъяснился.... Участныя (частныя) законовъ исправленія въ нѣсколько лѣтъ соберутъ къ усовершенному уложенью довольно вещества». Замѣтимъ, что въ аллегорической статьѣ своей: «Сонъ—счастливое общество (1759)», Сумароковъ говоритъ о государственномъ совѣтѣ, какъ главномъ свѣтскомъ правленіи: «въ него никакихъ участныхъ дѣлъ не вносится; тамъ распорядки, исправленія, узаконенія и прочія государственныя основанія или по повелѣнію монарха, или ко предложенію оному».

Въ слѣдъ за Кантемиромъ и Ломоносовымъ, Сумароковъ показываетъ вредное вліяніе ханжества и суевѣрія на истинную добродѣтель и на истинное просвѣщеніе. «Похвальное слово Петру» (1759) исчисляетъ пользу паденія суевѣровъ: «возсіяло благочестіе въ полной истинѣ и стрѣлы ненасытныя злобы притупилися». Эти стрѣлы, «защищая невѣжество, корысть тунеядцевъ, легкомысліе тщетныхъ людей, устремлялись противъ ученія и премудрости, противъ разума и совѣсти, противъ благополучія подданныхъ и противъ законной власти обладателей». «Ода наслѣднику престола, Павлу Петровичу (1771), выхваляетъ его законоучителя, митрополита Платона, который, какъ новый Ѳеофанъ, украшаетъ разумъ правдой, не внемля наглому лицемѣрству и не повинуясь суевѣрію. Самыя рѣзкія черты означенныхъ недостатковъ видимъ въ рѣчахъ Чужехвата (ком. Опекунъ). Напротивъ, Тимантъ (въ ком.: Мать-совмѣстница дочери) есть образъ человѣка, который не можетъ быть ни суевѣромъ, ни атеистомъ, потому что имѣетъ основательное понятіе о Богѣ и о природѣ.

Величаніе знатнымъ родомъ, при отсутствіи полезной дѣятельности, осмѣяно въ сатирѣ о благородствѣ и въ нѣкоторыхъ комедіяхъ. Такихъ людей Сумароковъ ставитъ на одну доску съ тунеядцами. Перемѣну въ понятіяхъ о человѣческомъ и гражданскомъ достоинствѣ онъ ведетъ отъ реформы Петра: «Въ то время, когда Петръ I началъ преобразованіе Россіи, нагое (т. е. лишенное всякихъ заслугъ) благородство было главное достоинство, а украшеніе благородства гордость: преобразователь уничтожилъ значеніе такой гордости». Въ противоположность дворянской спеси, истинное благородство представлено въ лицѣ Валерія (ком. Опекунъ) и Октавія (ком. Нарцисъ).

Кащей (комедія „Лихоимецъ"), представляетъ, въ подражаніе Мольерову Гарпагону, скупаго и въ тоже время ростовщика, взимающаго за ссуду денегъ свыше указныхъ шести процентовъ. Онъ беретъ по двѣнадцати и по пятнадцати со ста, вопреки уставу о банкахъ (1754). На положеніе устава жалуется и другое лице, Салидаръ, въ комедіи: «Приданое обманомъ»: «Прежде сего брали по 15, по 20 руб. и больше со ста, а нынѣ только по 6 руб. приказано брать; не разоренье ли это?»

«Домостроительствомъ» (въ статьѣ того же названія) Сумароковъ называетъ «пріумноженіе изобилія». Если оно состоитъ «въ блаженствѣ не одного помѣщика, а всей деревни», тогда оно законно; если же, обогащая одного помѣщика, въ конецъ разоряетъ крестьянъ, тогда оно есть «ядъ имперіи» и должно быть названо «доморазорительствомъ». Тотъ въ большомъ заблужденіи, кто почитаетъ экономомъ жаднаго помѣщика, который на свое великолѣпіе, на заточеніе злата и сребра въ сундуки, на заведеніе мануфактуръ и другихъ вымысловъ отягощаетъ крестьянъ: такая экономія противна моральному и политическому праву, раздражаетъ Божество и человѣчество. Утвердимъ же нашу помѣщичью власть на человѣколюбіи. Тѣло безъ головы быть не можетъ, однако и мизинецъ ноги есть членъ тѣла. Будучи главою своихъ подданныхъ, помѣщикъ обязанъ беречь и мизинецъ, ибо голова и мизинцу состраждетъ».

Самонадѣянной, поверхностной цивилизаціи сатирикъ приписываетъ болѣе вреда, чѣмъ великому невѣжеству. Она порождаетъ невѣріе, которое хуже суевѣрія. «Атеисты тоже, что сумасшедшіе и не могутъ быть честны; суевѣры добродѣтель колеблютъ, ханжи разрушаютъ, атеисты истребляютъ». Сумароковъ отличаетъ людей, не познающихъ Божества по недоумѣнію, отъ такихъ, которые становятся безбожниками въ слѣдствіе излишнихъ умствованій: «Истинное образованіе увѣряетъ насъ въ бытіи Бога и его премудрости; ложная образованность ведетъ къ противному». Невѣрующіе суть «непросвѣщенные умствователи, отторгнутые злосердіемъ и коркою науки отъ добродѣтели и отъ естественныя простоты. Не пустившіеся въ море отъ брега люди (простые, необразованные) видятъ единый брегъ; достигшіе другаго брега люди (вполнѣ образованные) знаютъ оба брега; а посреди водъ безъ кормила носимые бурею (полуобразованные) не видятъ ни единаго брега и, заблуждаяся по глубинѣ морской, о первомъ брегѣ не мыслятъ, а другаго не знаютъ и, плывя безъ кормила, ждутъ ежеминутно своей погибели». Такъ какъ безвѣріе по большой части заражало умы, знакомые съ ученіемъ французскихъ энциклопедистовъ, то Сумароковъ нападаетъ вообще на излишество философіи и въ частности на современную философію во Франціи. Комедія: «Ядовитый», въ лицѣ Герострата, указываетъ слѣдствія вредныхъ умствованій, эгоизмъ лжефилософа.

Слѣпое подражаніе иностранцамъ, во вредъ народной самостоятельности, не могло укрыться отъ Сумарокова, на глазахъ котораго галломанія, такъ сказать, зародилась и росла не по днямъ, а по часамъ. Въ современныхъ петиметрахъ онъ порицаетъ развращенное сердце, легкомысленныя понятія о нравственности, пристрастіе къ французскимъ модамъ и французскому языку, незнаніе языка роднаго, пренебреженіе всѣмъ отечественнымъ. Петиметръ Дюлижъ (ком.: Чудовищи и Пустая ссора) есть достойный выродокъ внѣшняго, поверхностнаго образованія. Онъ тоже въ кругу мужчинъ, что Минодора (Мать-совмѣстница дочери) между

женщинами. Преслѣдуя глупыхъ модниковъ, Сумароковъ нерѣдко смѣшитъ читателей наивными выходками своего запальчиваго гнѣва. Такъ, напримѣръ, дѣйствіе реформы на петиметровъ онъ полагаетъ лишь въ томъ, что они «изъ человѣковъ напудренныхъ превратились въ напудренную скотину».

Въ нѣкоторыхъ сочиненіяхъ Сумарокова выставлены слабыя стороны современныхъ ученыхъ и литераторовъ, особенно педантизмъ, не смотря на то, что онъ самъ былъ педантъ, «ставившій свое риѳмичество выше всего человѣческаго знанія». Комедія «Тріссотиніусъ» (1750) направлена противъ Тредьяковскаго, особенно противъ его орѳографическихъ преобразованій и эротическихъ пѣсенъ. Онъ же, вмѣстѣ съ Ломоносовымъ, задѣтъ въ «Эпистолѣ о русскомъ языкѣ (1748)»:

Одинъ, послѣдуя несвойственному складу,
Влечетъ въ Германію россійскую Палладу
И мня, что тѣмъ онъ ей пріятства придаетъ,
Природну красоту съ лица ея беретъ.
Другой, не выучась такъ грамотѣ, какъ должно,
По-русски, думаетъ, всего сказать не можно
И, взявъ пригоршни словъ чужихъ, сплетаетъ рѣчь
Языкомъ собственнымъ, достойну только сжечь;
Иль слово въ слово онъ въ слогъ русскій переводитъ,
Которо на себя въ обновѣ не походитъ.

Замѣчательны выходки Сумарокова противъ громкихъ одъ и надутаго слога, какъ противодѣйствіе стихотворческому риторству. Онъ требовалъ простоты и естественности, къ которымъ стремился самъ по влеченію здраваго смысла. «Всего болѣе», говоритъ онъ, «совѣтую несмысленнымъ стихотворцамъ упражняться къ одахъ; ибо многіе читатели, да и сами нѣкоторые лирическіе стихотворцы, разсуждаютъ тако, что никакъ невозможно, чтобъ была ода великолѣпна и ясна: по моему мнѣнію, пропади такое великолѣпіе, въ которомъ нѣтъ ясности». Подъ именемъ «вздорныхъ одъ» Сумароковъ писалъ пародіи на торжественную лирику. Строфа четвертой оды (1743) Ломоносова, начинающаяся стихами:

Фиссонъ шумитъ, Багдадъ пылаетъ....

дала поводъ сатирику сочинить подобную оду, гдѣ также есть строфа:

Атлантъ горитъ, Кавказъ пылаетъ....

Требованіе природной простоты отъ поэтовъ изложено имъ въ статьѣ: «о неестественности». Въ письмѣ къ Шувалову (16 октября 1753 г.), Ломоносовъ оправдывалъ находимыя у него «надутыя выраженія» примѣрами древнихъ и новыхъ стихотворцевъ, сочиненія которыхъ исполнены «высокопарныхъ мыслей».

Въ параллель къ превратной жизни человѣческой и превратному состоянію общественному Сумароковъ выставляетъ величіе истинныхъ достоинствъ и человѣка и общества. Сюда относятся: «сатира о честности» и «четыре отвѣта». Вторая статья (1759), различая понятія: «человѣкъ» и «господинъ», противополагаетъ малаго человѣка и малаго господина—великому человѣку и великому господину, малаго человѣка и великаго господина—великому человѣку и малому господину. Одна изъ этихъ группъ служитъ предметомъ отрицательнаго или сатирическаго изображенія; другая—предметомъ изображенія положительнаго или идеальнаго. Представивъ, «какимъ долженъ быть» человѣкъ, Сумароковъ рисовалъ въ воображеніи картину того, «чѣмъ должно быть» общество, «приведенное въ такое состояніе благополучія, какого оно только можетъ достигнуть по несовер-

шенству естества»: «Сонъ—счастливое общество» есть своего рода утопія, заключающая въ себѣ нѣсколько свѣтлыхъ и важныхъ мыслей, изъ которыхъ иныя (сводъ законовъ, учрежденіе государственнаго совѣта) осуществлены правительствомъ, а другія (упрощеніе и сокращеніе дѣлопроизводства, образованіе сословія адвокатовъ) ждутъ еще осуществленія. «Хоръ къ превратному свѣту (1763)» можетъ быть названъ оборотною стороною медали: это—смѣлый протестъ противъ общества, совершенно противоположнаго тому, которое мечталось сатирику во «Снѣ».

Въ характерѣ Сумарокова заключались многія условія его сатирическаго таланта. Раздражительный, тщеславный и хвастливый, онъ постоянно являлся съ этими качествами и въ семейномъ кругу, и въ общественной жизни, и въ своемъ авторствѣ. Письма его—столь же вѣрное зеркало его личности, сколько и надежный ключъ къ его сочиненіямъ—исполнены страстныхъ выходокъ досады и гнѣва, которыя, по замѣчанію Екатерины II, умѣстны въ трагедіи, а не въ корреспондеціи. Скромностью онъ не отличался. Онъ безъ церемоніи ставилъ свое имя подлѣ имени Вольтера. Его наивныя слова: «неужели Москва болѣе повѣритъ подьячему, нежели Вольтеру и мнѣ?»—въ своемъ родѣ классическія и потому обратились въ пословицу. Самохвальство его доходило до комизма каждый разъ, какъ только онъ касался своихъ заслугъ русскому театру и русской литературѣ: «Что только видѣли Аѳины и видитъ Парижъ, то нынѣ Россія стараніемъ моимъ увидѣла... До чего въ Германіи многими стихотворцами не достигли, до того я одинъ, и въ такое еще время, въ которое у насъ науки словесныя только начинаются и нашъ языкъ едва чиститься началъ, однимъ своимъ перомъ достигнуть могъ» (статья: «о копистахъ»). «Каково мое перо, о томъ и по худымъ переводамъ всѣ ученѣйшіе въ Европѣ знаютъ и ту мнѣ похвалу соплетаютъ, которая превосходитъ желаніе авторовъ и тѣхъ народовъ, въ которыхъ науки созрѣли и утвердилися... Если бы такимъ перомъ, каково мое, описана была вся Европа, не дорого бы стоило Россіи, ежели бы она и триста тысячъ рублевъ на это безвозвратно употребила (статья: «о путешествіяхъ»). Задорное самолюбіе сатирика находило также пищу въ затрудненіяхъ и хлопотахъ, которыя онъ встрѣчалъ, какъ директоръ театра; въ бѣдныхъ средствахъ для жизни, или, по его словамъ, «въ крайнемъ убожествѣ», изъ котораго онъ не могъ выбиться, хотя для русской сцены «трудился побольше Расина и Вольтера»; наконецъ въ современномъ состояніи общества, которое хотя и признавало громкую славу иныхъ литераторовъ, но не давало литературѣ равныхъ правъ съ другими сферами дѣятельности. Ироніей и горечью отзывается его жалоба Шувалову на стѣснительныя обстоятельства: «мои упражненія ни съ придворными, ни съ статскими ни малѣйшаго сходства не имѣютъ, и ради того я ни у кого не стою на дорогѣ, а труды мои ни чьихъ не меньше и нѣкоторую пользу приносятъ, ежели словесныя науки на свѣтѣ пользою называются» (письмо 15 ноября 1759). Не меньше горечи и въ отвѣтѣ на вопросъ: что бы я дѣлалъ, еслибъ былъ великій человѣкъ и малый господинъ? «Я бы, по многомъ моемъ стараніи показывать моему отечеству и свѣту заслуги, никого бы никакою докукою не отягощалъ и полагалъ бы надежду на достоинство свое и на заслуги отечеству; а когда бы въ томъ обманулся, такъ бы я по многомъ своемъ терпѣніи сошелъ съ ума и былъ бы такой человѣкъ, какіе не только ничего не дѣлаютъ, но и ни о чемъ не думаютъ». Поставленный вниманіемъ двора и нѣкоторыхъ вельможъ въ среду высшаго круга и частію самъ

принадлежа къ нему по своему рожденію, Сумароковъ имѣлъ много поводовъ выказывать черты своего нрава. Живая натура его не могла сносить ни пренебреженія къ наукѣ и словесности, ни нападковъ на собственную личность, ни похвалъ литературнымъ совмѣстникамъ. Большихъ усилій стоило ему воздерживаться отъ споровъ, которые могли быть ему непріятны или которые другимъ могли доставить неудовольствіе. Тѣ случаи, когда онъ оказывался «смирнымъ», почитали рѣдкимъ явленіемъ. Всѣ эти стороны оригинальнаго темперамента Сумарокова отразились на его сатирѣ—искренней, рѣзкой, полной огня и движенія и представляющей живыя связи съ дѣйствительностью. Въ этомъ ея достоинство. Она не страдаетъ отвлеченностью, имѣющею мѣсто тамъ, гдѣ сатирикъ занятъ изображеніемъ безнравственныхъ явленій, свойственныхъ человѣку вообще, безъ различія времени и мѣста. Напротивъ, она обличаетъ современныя ей «презрительныя вещи», которыя не только поражали, но и раздражали ея автора. Сочувствіе и антипатія, равно горячія, выказывались у Сумарокова торопливо и тревожно. Онъ такъ же легко передавалъ бумагѣ свои чувства, какъ легко зараждались они въ душѣ его по слѣдамъ событій. Такое наблюденіе и представленіе темныхъ сторонъ современности заслужили его сатирамъ названіе «общественной критики», а самому автору «критика общественныхъ нравовъ». Кн. Вяземскій справедливо находитъ въ немъ съ этой стороны нѣкоторое сходство съ знаменитымъ Бомарше.

Но въ тѣхъ же самыхъ условіяхъ кроется причина и недостатковъ «общественной критики». Главнѣйшій между ними—вмѣшательство личности сатирика. Въ упрекахъ и порицаніяхъ, на которые не скупился Сумароковъ, почти всегда слышится его собственное дѣло. Нерѣдко его комедіи и обличительныя статьи переходили въ памфлетъ: онѣ изображали родныхъ или знакомыхъ автора, не какъ представителей общественныхъ недостатковъ, а какъ лично ему непріятныхъ особъ. На портретахъ вымещалъ онъ и крупныя, и мелочныя обиды, нанесенныя оригиналами. Въ судѣ надъ современною безнравственностію переплеталась у Сумарокова его судьба съ судьбою общества до такой степени, что трудно положить границы между разумнымъ безстрастіемъ истины и ребяческимъ пристрастіемъ себялюбца. Не таковъ истинный сатирикъ, держащійся на высотѣ идей. Чисто-личный элементъ не находитъ мѣста въ его произведеніяхъ. Безотрадныя явленія жизни возбуждаютъ его протестъ своимъ противорѣчіемъ нравственному идеалу, а не посягательствомъ на его собственное *я*. Этотъ идеалъ, какъ мѣрило всего доблестнаго и прекраснаго, всегда стоитъ между чувствомъ поэта и предметами, на которые чувство направляется положительно или отрицательно. Онъ освобождаетъ впечатлѣнія отъ всего грубаго, случайнаго и мелочнаго, не даетъ мѣста инстинктивнымъ комическимъ выходкамъ и жаръ болѣзненной раздражительности замѣняетъ силою сознательнаго, честнаго гнѣва. Руководствуясь имъ, сатирикъ въ сочиненія свои допускаетъ извѣстныя личности въ видѣ обстановки и подробности, а не въ значеніи типа: личность можетъ быть типомъ только въ томъ случаѣ, когда она служитъ самымъ виднымъ воплощеніемъ идеала или самымъ рѣзкимъ его нарушеніемъ. Такой подчиненности идеалу нѣтъ въ сатирахъ Сумарокова. Въ этомъ отношеніи, онъ уступаетъ Кантемиру, у котораго на первомъ планѣ всегда одно начало—просвѣщеніе, внесенное въ Россію Петромъ, и одинъ главный врагъ—до-петровская старина. Обвиняя неправедныхъ судей, Кантемиръ имѣетъ въ виду

не собственное оскорбленіе, нанесенное ему пристрастнымъ судомъ, не поступокъ дьяка, который взялъ съ него пятьдесятъ рублей (какъ это случилось съ Сумароковымъ), а оскорбленіе правды и законности вообще. Сатира его спокойнѣе, но серьезнѣе. Въ ней нѣтъ ироніи и сарказма, но за то нѣтъ и комической ворчливости. Саркастическій тонъ Сумарокова, по отзыву кн. Вяземскаго, былъ часто ему внушаемъ не столько государственнымъ, сколько полицейскимъ патріотизмомъ, который охотно замѣчаетъ частные безпорядки и злоупотребленія и твердо помнитъ личныя обиды сатирику.

§ 201. Мы говорили о сатирахъ и трагедіяхъ Сумарокова, какъ такихъ произведеніяхъ, которыми онъ прославился между современниками. Но этимъ не ограничивалась его литературная дѣятельность. Онъ писалъ во всѣхъ родахъ словесности, поэтическихъ и прозаическихъ, сколько по характеру тогдашняго образованія, которое стремилось къ универсальности, столько жъ изъ соперничества съ Ломоносовымъ, который трудился по разнымъ отраслямъ науки и литературы, а равно изъ желанія подражать Вольтеру, этому «всеобъемлющему уму», какъ его тогда величали. Въ длинномъ спискѣ сочиненій Сумарокова читатель встрѣчаетъ лирическія и драматическія піесы всѣхъ видовъ, ораторскія рѣчи, статьи историческія, нравственно-философическія, филологическія, критическія и пр. Такое разнообразіе дѣятельности, всегда почти бывающее въ ущербъ ея внутреннему значенію, какъ нельзя больше приходилось ко времени. При развитіи вкуса къ чтенію и театральнымъ зрѣлищамъ, большинство грамотныхъ нуждалось не въ кабинетной учености, а въ живомъ, впечатлительномъ талантѣ, который любитъ являться въ обществѣ, чтобы людей посмотрѣть и еще болѣе себя показать, которому не сильное, но многостороннее образованіе даетъ возможность сближаться съ публикой, угадывать ея наклонности и доставлять ей популярный матеріалъ для чтенія. Такимъ талантомъ былъ именно Сумароковъ. Онъ, по словамъ Карамзина, сильнѣе дѣйствовалъ на массу читателей, чѣмъ Ломоносовъ, потому что избралъ обширнѣйшую сферу, потому что масса любитъ наиболѣе того, кто ей по плечу, кого она легко понимаетъ. Этимъ объясняется громкая слава Сумарокова и всѣ наименованія его «русскимъ Расиномъ», «русскимъ Лафонтеномъ» и т. п. Ломоносовъ, свысока смотрѣвшій на риомичество Сумарокова, смѣялся надъ нимъ, что онъ «сочинялъ любовныя пѣсни и тѣмъ весьма счастливъ, для того, что вся молодежь, т. е. пажи, коллежскіе юнкеры, кадеты и гвардіи капралы такъ ему послѣдуютъ, что онъ передъ многими изъ нихъ самъ на ученика походитъ». Сумароковъ могъ бы отвѣчать своему сопернику, что надобно же что-нибудь читать и молодежи; что молодежь, по лѣтамъ или образованію, не въ силахъ читать сочиненій ученыхъ, которыя могутъ быть цѣнимы только учеными, составляющими небольшую долю общества.

Но и независимо отъ популярности, сочиненія Сумарокова представляютъ немало достоинствъ и заслуживаютъ быть предметомъ историко-литературнаго изученія. Они постоянно стоятъ на сторонѣ просвѣщенія и постоянно враждуютъ съ невѣжествомъ. Они первыя открыто начали высказывать идеи правды и человѣколюбія, прежде чѣмъ литература наша стала органомъ просвѣтительныхъ началъ XVIII-го вѣка. Статья «о домостроительствѣ» показываетъ, что Сумароковъ въ человѣкѣ выше всего цѣнилъ человѣка и что онъ не скрывалъ такихъ истинъ, которыя и послѣ него долго оставались подъ спудомъ. Въ его умѣ, по

затемненномъ учеными предубѣжденіями, которыя иногда хуже невѣжества, зараждались многія важныя мысли, напримѣръ, о кодексѣ законовъ, о государственномъ совѣтѣ, о хлѣбныхъ магазинахъ, о введеніи новаго счисленія времени (стиля), объ учрежденіи ученаго общества для разработки отечественнаго языка и литературы и пр. Имя его должно быть упомянуто и въ исторіи освобожденія нашей литературной рѣчи отъ латино-нѣмецкаго склада, введеннаго Ломоносовымъ: стремясь къ простотѣ и естественности, онъ не допускалъ въ своихъ похвальныхъ словахъ (Петру I, Екатеринѣ II и др.) ни искуственно-періодическаго строя, ни искуственно-величаваго тона. Замѣтимъ также его нападки на иноземное направленіе русскаго воспитанія и на вторженіе варваризмовъ въ русскій языкъ. Наконецъ прибавимъ, что его «Трудолюбивая пчела (1759)» была первенцомъ нашей сатирической журналистики (см. ниже).

Недостатки же Сумарокова происходили отъ двухъ причинъ: отъ подвижной его натуры и отъ малаго образованія. Главнѣйшій между ними—отсутствіе твердыхъ началъ. Въ сочиненіяхъ его часто не видишь опредѣленнаго понятія, какъ о томъ, что̀ онъ осуждаетъ или хвалитъ, такъ и о томъ, во имя чего произносится осужденіе или похвала. Онъ не далъ яснаго себѣ отчета ни въ любви своей, ни въ своей ненависти. Слова: наука, истина, честь, философія, суевѣріе, невѣріе.... не сходили у него съ языка, но ему было бы трудно заключить ихъ въ точныя формулы. Что именно разумѣлъ онъ подъ ними? всегда ли принималъ ихъ въ одномъ и томъ же смыслѣ? Вотъ вопросы, на которые не всегда есть рѣшительные отвѣты въ его сочиненіяхъ. Императрица Екатерина справедливо назвала его «горячей, не помнящей себя головой». Это неумѣнье помнить себя и породило множество неустоекъ въ дѣйствіяхъ и мысляхъ нашего сатирика. Осуждая, напримѣръ, излишнее употребленіе французскаго языка въ обществѣ, онъ самъ наполнялъ свои письма французскими фразами, и къ тому же неправильными; насмѣхаясь надъ высокопарными одами Ломоносова, писалъ оды въ томъ же самомъ духѣ; сказавъ, въ прекрасномъ стихѣ, что «достойной похвалы невѣжи не умалятъ», горячился при каждомъ неблагосклонномъ о себѣ отзывѣ, почитая его умаленіемъ своей литературной славы; противополагая великаго человѣка великому господину, добивался однакожъ и званія академика, и генеральскаго чина; утверждая, что истинный патріотъ долженъ никого не отягощать докукою и быть долготерпѣливымъ, постоянно докучалъ другимъ и просьбами и притязаніями, и не имѣлъ ни малѣйшаго терпѣнія; смѣло нападая на домостроительство, выпрашивалъ себѣ «малой деревнишки» и подавалъ голосъ за крѣпостное право. Самолюбіе и живость заставляли Сумарокова браться за такіе предметы, которые вовсе были ему не подъ силу: доказательствомъ служатъ его толки о языкѣ, о грамматикѣ Ломоносова, о происхожденіи россійскаго народа, обнаруживающіе крайнюю слабость знанія. Кромѣ того, онъ пренебрегалъ формою мысли. Многія сочиненія его дурно построены и не имѣютъ надлежащей отдѣлки. Видно, что онъ писалъ на скору-руку, довольствуясь черновымъ трудомъ, не проводя своей запальчивости ни чрезъ повѣрку разума, ни чрезъ условія искуства. Простота и естественность, которыхъ онъ требовалъ отъ авторовъ, обращались у него въ неряшество и безурядицу. Все у него дѣлалось какъ бы въ-торопяхъ и къ сроку. Онъ самъ тщеславился борзописаніемъ, отмѣтивъ на «Трессотиніусѣ», что комедія эта «зачата 12 января 1750 и кончена 13 января того же года».

Сумароковъ, Александръ Петровичъ, сынъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, вступилъ въ корпусъ 1732 г., выпущенъ 1740-го въ адъютанты къ гр. А. Г. Разумовскому, при которомъ десять лѣтъ управлялъ лейбъ-компанейскою канцеляріей. Замѣчательно, что школьные годы свои онъ почиталъ также службою, какъ видно изъ его письма къ И. И. Шувалову, въ 1761 г.: «30 лѣтъ всего службы моей безъ отпусковъ прошло». Состоя при сильномъ вельможѣ, Сум—въ вошелъ въ аристократическій кругъ и пользовался благоволеніемъ императрицы Елисаветы, любившей театръ. Въ 1751 г. получилъ чинъ полковника, въ 1755 бригадира, а при Екатеринѣ II—дѣйствительнаго статскаго совѣтника. Директоромъ театра состоялъ съ 1756 по 1761. Должность эта причинила ему много хлопотъ и непріятностей, какъ по его личному характеру, нетерпѣливому и раздражительному, такъ и по бѣдности средствъ, бывшихъ въ его распоряженіи. На содержаніе театра и театральныхъ служителей отпускалось только пять тысячъ руб., а сборы далеко не покрывали издержекъ. Трудное, иногда невыносимое положеніе Сум—ва раскрывается его письмами къ Шувалову,за весь періодъ директорской службы, съ 1757 по 1761 г., изданными г. Я. Гротомъ, съ объяснительнымъ предисловіемъ (см. Приложеніе къ 1 т. Записокъ Ак. Н.). Въ письмѣ отъ 20 мая 1758, онъ представляетъ, сколько ему нужно было сдѣлать въ одинъ день, чтобы приготовить назначенный спектакль: «нанимать музыкантовъ, покупать и разливать воскъ (для освѣщенія), дѣлать публикаціи по всѣмъ командамъ, дѣлать репетиціи, посылать по статистовъ, посылать къ машинисту, дѣлать распорядокъ о пропускѣ, посылать по караулъ; а людей только два копеиста: они копеисты, они разсыльщики, они портіеры». Вотъ почему онъ иногда называетъ себя «несчастнѣйшимъ» или «отчаяннымъ». «Удивительно ли будетъ, ваше превосходительство», замѣтилъ онъ однажды, «что я отъ моихъ горестей сопьюсь, когда люди и отъ радостей спиваются?» Отъ должности директора Сум—въ уволенъ по неудовольствію съ гофмаршаломъ гр. К. Е. Сиверсомъ, который, съ 1759 г. отправляя при русскомъ театрѣ прокурорскую должность, обязанъ былъ наблюдать за правильнымъ ходомъ всего учрежденія и вмѣстѣ съ тѣмъ заниматься цензурою пьесъ (Біограф. свѣдѣнія о гр. Сиверсѣ см. въ указанномъ изданіи Писемъ Лом—ва и Сум—ва къ Шувалову). Впрочемъ увольненіе его, при которомъ получилъ онъ пенсію, не было настоящей отставкой. Имя его числилось въ армейскомъ спискѣ. «Я самъ о себѣ не вѣдаю», писалъ онъ къ императрицѣ Екатеринѣ II (въ 1762 г.), «что̀ я, въ какой я службѣ, гдѣ мнѣ жить, куда ѣхать, за что я стражду и что мнѣ дѣлать». Тоже повторено въ другомъ письмѣ (1764 г.): «Я ни при военныхъ, ни при статскихъ, ни при придворныхъ, ни при академическихъ дѣлахъ не въ отставкѣ. Пріемлю дерзновеніе принести мою просьбу, дабы мнѣ было учинено что-нибудь, чтобы я зналъ, что̀ я. Ежели я въ отставкѣ, такъ слѣдуетъ мнѣ чинъ, ибо я отъ гр. Разумовскаго, исполняя безпорочно службу мою, безъ обыкновеннаго награжденія чина отбылъ, а отъ театра также, хотя, сколько я Россіи по театру услуги сдѣлалъ, и вся Европа вѣдаетъ, особливо Франція и Вольтеръ». Чрезмѣрное самолюбіе заставляло Сум—ва дурно отзываться даже о тѣхъ лицахъ, которыя принадлежали къ числу его пріятелей и поклонниковъ. Такъ, напримѣръ, онъ говоритъ о Ѳ. Г. Волковѣ: «всѣ проэкты были не его, а мои; а что онъ имя мое смолчалъ, въ томъ онъ нѣсколько согрѣшилъ». Дмитревскій, по его мнѣнію, не умѣетъ учить актеровъ, «которые сами, наставляемы бывъ мною, играютъ его не хуже». Оберъ-гофмейстеръ и директоръ придворнаго театра, И. П. Елагинъ, посвятившій Сум—ву сатиру на петиметровъ, въ которой величаетъ его «наперсникомъ Буало, россійскимъ Расиномъ, защитникомъ истины, гонителемъ и бичемъ пороковъ»,—и тотъ вызвалъ на себя его жалобу тѣмъ, что нашелъ въ одной его трагедіи стиха четыре, противные нѣжному слуху, а въ комедіи нѣчто противъ Священнаго Писанія. «Въ комедіи (жалуется Сум—въ Екатеринѣ II, отъ 15 августа 1768 г.) противу закона и обрядовъ нѣтъ ничего. Г. Козицкій (*) и г. Мотонисъ (**) тому свидѣтели; ибо они не только оныя мои драмы читали, но, по желанію моему, какъ мои друзья, строжайше разсматривали. Но мало еще того: архіерей тверской (***), человѣкъ искусный и въ законѣ и познаніи Божества, и подпора благочестія, ни тѣни малѣйшаго Священному Писанію непочтенія не нашелъ. Елагинъ ли о Божествѣ и законѣ больше знаетъ, или сей отличнаго достоинства упра-

(*) Григорій Васильевичъ, статсъ-секретарь Екатерины II и самъ писатель.

(**) Николай Николаевичъ, сынъ придворнаго капельмейстера, учившійся вмѣстѣ съ Козицкимъ въ Кіевской Академіи и вмѣстѣ съ нимъ путешествовавшій по Европѣ. Оба они помѣщали свои статьи въ «Трудолюбивой Пчелѣ» Сумарокова.

(***) Платонъ, бывшій потомъ митрополитомъ московскимъ.

жнявшійся во Св. Писаніи мужъ? Г. Козицкій или онъ, г. Елагинъ, болѣе знанія и вкуса имѣютъ во краснорѣчіи? все общество знаетъ, да и сами Ваше Величество вѣдать изволите: можетъ ли онъ равняться съ ними?» Письмо Елагина къ Сум—ву (12 Февраля 1769) показываетъ, что частыя досады послѣдняго имѣли источникомъ крайнее его самолюбіе. Смотря на себя, какъ на русскаго Расина и ни во что ставя другихъ сочинителей театральныхъ піесъ, Сум—въ хотѣлъ видѣть на театрѣ только свои піесы. Вотъ слова Елагина: «для однихъ вашихъ сочиненій, съ отлученіемъ всѣхъ прочихъ творцовъ и переводчиковъ, я отдать театра не могу; ибо я творцовъ и переводчиковъ, дающихъ на театръ свои труды, равно почитая, озлоблять не намѣренъ.... «Вышеславъ», если приказано будетъ отъ Ея Величества, представленъ будетъ; а самъ я приказать не хочу, для того, чтобъ, представляя часто однѣ и тѣже піесы, не наскучить ни Ея В., ни публикѣ.... При томъ съ почтеніемъ напоминаю, что я съ самаго еще младенчества ничьихъ угрозъ опасаться не привыкъ, а кольми паче вашего превосходительства, съ которымъ я и дѣла никакого не имѣю и имѣть не желаю, дабы вамъ никогда не досадовать». Въ 1764 г. Сум—въ, чрезъ гр. Г. Г. Орлова, представлялъ императрицѣ проэктъ задуманнаго имъ путешествія въ Италію и Парижъ, для осмотра театровъ. Ему хотѣлось пробыть за границей два года и четыре мѣсяца, съ жалованьемъ по семи тысячъ руб. въ годъ, сверхъ получаемой имъ пенсіи. Статья «о путешествіяхъ» (Соч. Сум—ва, т. IX), наполненная безцеремоннымъ самовосхваленіемъ, содержитъ въ себѣ и планъ заграничной поѣздки: «Я опишу одну Италію и, проѣхавъ оттолѣ въ Парижъ, опишу Парижъ, мѣста на пути до Италіи и оттолѣ до Парижа, и изъ Парижа чрезъ Голландію до Петербурга». Желаніе Сум—ва не было исполнено, хотя онъ и утверждалъ, какъ намъ уже извѣстно, что описаніе Европы, сдѣланное его перомъ, «стоитъ того, чтобы Россія и триста тысячъ рублевъ на это безвозвратно употребила». Уволенный отъ должности, оставленный своею второю женою, на содержаніе которой отпускалъ половину жалованья, имѣя небольшое состояніе (триста душъ въ двухъ деревняхъ) и много долговъ, крайне безпорядочный въ домостроительствѣ, Сум—въ рѣшился переселиться въ Москву, гдѣ жить было дешевле и откуда онъ могъ наѣзжать въ свои деревни, которыя требовали поправленія. Письмомъ къ гр. Безбородкѣ (25 января 1769 г.), онъ проситъ ходатайствовать у императрицы о вспоможеніи на переѣздъ и «о малой подмосковной деревнишкѣ, не для обогащенія, а для выѣзда лѣтомъ». По этому прошенію получилъ онъ 2000 р. изъ кабинета, но деревнишки не было ему дано. Московская жизнь Сум—ва оказалась еще тревожнѣе петербургской. Ни одно письмо его къ императрицѣ или къ ея статсъ-секретарю, Козицкому, не обходится безъ жалобъ на кого-нибудь и на что-нибудь, безъ прославленія своихъ талантовъ и заслугъ, безъ униженія другихъ литераторовъ. Всѣ передъ нимъ виноваты, а онъ не виноватъ ни передъ кѣмъ. Начальство, родные, деревенскіе сосѣди, театральная дирекція, актеры, даже суфлеръ.... со всѣми онъ перессорился и о немногихъ сказалъ доброе слово. Самыми замѣчательными выходками его раздраженнаго самолюбія служатъ: прошеніе въ каширскую воеводскую канцелярію на Соковниныхъ, которые «жившую у нихъ юродивую женщину научали бранить его», и жалоба на московскаго генералъ-губернатора, гр. П. С. Салтыкова, за представленіе «Синава» безъ вѣдома автора (см. въ 1 т. моей Истор. Хрестоматіи, стр. 250—251, прим. 51). Не довольствуясь одною жалобою, отъ 28 января 1770 г., онъ разъясняетъ ее двумя другими (1 февраля и 4 марта того же года). Во второй изъ нихъ, между прочимъ, сказано: «отъ Салтыкова, по его въ наукахъ крайнему незнанію, за что мнѣ безвинно терпѣть? ибо онъ о томъ, что̀ науки, и понятія не имѣетъ, а побѣды его (*), одержанныя по неисповѣдимымъ судьбамъ Божіимъ, во словесныя науки не входятъ». Екатерина II надписала на этомъ прошеніи. «Сумароковъ безъ ума есть и будетъ»,—и на особой четверткѣ Козицкому: «Напишите къ нему (Сум—ву), что письма его мною получены, что я на нихъ отвѣтствовать не буду, для того, чтобъ копіи съ оныхъ писемъ (**) ему не наносили вновь досады, и что, впрочемъ, желаю ему здравствовать, а не лишиться жизни, здравія и ума, какъ онъ то пишетъ ко мнѣ». Нѣтъ сомнѣнія, что Сум—въ имѣлъ причины раздражаться: тогдашнее общество не считало долгомъ чиниться съ литераторами, оскорбляя въ лицѣ ихъ и человѣка и «словесныя науки»; контрактъ съ Бельмонти, содержателемъ московскаго театра, о недаваніи трагедій

(*) Надъ Фридрихомъ II, при Кунерсдорфѣ.

(**) Письмо Екатерины къ Сум—ву (1 т. Ист. Хрест., стр. 251) распространилось въ копіяхъ по Москвѣ, что причиняло ему досаду.

безъ согласія автора, иногда былъ нарушаемъ; постановка новыхъ піесъ, принося доходъ содержателю, ничего не приносила ихъ автору, который хотѣлъ пользоваться извѣстною частію сбора, по обычаю европейскихъ театровъ (*); актеры не приготовляли своихъ ролей надлежащимъ образомъ (**); наконецъ многіе нарочно дразнили Сум—ва, зная его «несмирный», легко раздражаемый темпераментъ. Но съ другой стороны также несомнѣнно, что притязанія Сум—ва выходили изъ предѣловъ: онъ во все вмѣшивался, вездѣ видѣлъ уронъ своей славѣ, хотѣлъ, чтобы актеры и публика знали его одного, и сердился, когда другія лица отдавали свои піесы на театръ. Непрерывно докучая императрицѣ и Козицкому просьбами то о выдачѣ за годъ впередъ жалованья, то о денежномъ пособіи для расплаты съ кредиторами или «о малой деревнишкѣ», то о невзиманіи рекрутъ съ его душъ, онъ въ тѣхъ же самыхъ просительныхъ письмахъ называлъ себя единственнымъ русскимъ поэтомъ и ставилъ свое имя на ряду съ великими именами древности и новыхъ временъ. Вскорѣ по пріѣздѣ въ Москву, онъ писалъ Екатеринѣ II отъ 4 и 24 іюля 1869: «Быть адвокатомъ Мельпомены и Таліи не только въ одной Россіи, но и во всей Европѣ пристойнѣе всѣхъ Вольтеру и мнѣ... Москва отъ Петербурга далѣе, нежели Версалія отъ Парижа. Тамъ Расины, Вольтеры и Моліеры, а у насъ писатели очень безграмотны, переводы скаредны, подлинники еще хуже, актеровъ надобно созидать, ибо одинъ Сумароковъ и одинъ Дмитревскій къ совершенству театра еще недостаточны». «Москва до романовъ охотница», извѣщаетъ онъ государыню отъ 31 января 1773 г., «но мнѣ романы ли писати пристойно, а особливо во дни царствованія премудрыя Екатерины? Когда владѣетъ Августъ, тогда пишутъ Виргилій и Овидій и въ почтеніи тогда Энеиды, а не Бовы Королевичи». Того же года, сентября 23, при поднесеніи государынѣ оды на день ея коронованія, онъ снова говоритъ: «царствованію Августа потребенъ Горацій». Увѣдомляя о перелагаемыхъ псалмахъ, замѣчаетъ: «мои псалмы сдѣланы не по-ломоносовски». Наконецъ прямо объявилъ, что «авторъ въ Россіи не только по театру, но и по всей поэзіи онъ одинъ». Въ Москвѣ Сум—въ занимался стихотворнымъ переложеніемъ псалтири, сочиненіемъ новыхъ эклогъ и составленіемъ проэкта для учрежденія Московскаго театра. Кромѣ того, онъ окончилъ Димитрія Самозванца и написалъ еще одну трагедію (Мстиславъ) и три комедіи. Послѣднія имѣли цѣлію «исправленіе развращенныхъ насѣянныхъ по Москвѣ нравовъ», а равно и «невѣжества, которымъ всѣ улицы вымощены толщиною аршина на три». «Ста Мольеровъ требуетъ Москва, а я при другихъ дѣлахъ по моимъ управленіемъ одинъ только» (письмо 4 іюня 1679). Любопытно, что гордое намѣреніе поправить Москву заявлено Сум—мъ не больше какъ черезъ мѣсяцъ послѣ того письма, на которомъ Екатерина надписала: «Сум—въ есть и будетъ безъ ума». Разстройство состоянія, долги и другія невзгоды заставили нашего сатирика искать утѣшенія въ дарахъ Бахуса, что̀ и ускорило его смерть. Въ «Мелочахъ изъ запаса моей памяти», М. Дмитріева (Москв., 1853, № 23), разсказано, до какого нравственнаго упадка дошелъ писатель, трудившійся на пользу нравственнаго очищенія своихъ соотечественниковъ и самонадѣянно мечтавшій поправить нравы москвичей.

Кромѣ упомянутыхъ матеріаловъ для біографіи и сочиненій Сум—ва, см.: О Сумароковѣ (Литерат. Газета, 1830, № 28); Жалоба Сум—ва (Москв. 1841, № 1); Прошеніе Сум—ва Екатеринѣ II (Ib. 1842, № 3); Очерки жизни и избран. сочиненій Сум—ва, С. Глинки, 3 ч. (1841); Матеріалы для біографіи Сум—ва (Библ. Зап. 1858, №№ 14 и 15); Литерат. полемика прошлаго столѣтія (Ib., 1859, №№ 15 и 17); Для біографіи Сум—ва (Ib., 1861, № 4); Письма его къ Елисаветѣ (Ib., № 17); Отрывки изъ переписки Сум—ва (Отеч. Зап. 1858, № 2); Историч. бумаги XVIII в. (Рус. Бесѣда, 1860, № 2); Переписка Сум—ва съ разными лицами (Лѣт. Тихонравова, 1859—60, кн. 6); Письма Сум—ва къ Козицкому (Ib., т. IV-ый, 1862); Замѣчанія на книгу Н. Булича: мои (Отеч. Зап. 1854, № 6), К. Бестужева-Рюмина (Москов. Вѣд. 1854, №№ 40, 47 и 68), А. Пыпина (Петерб. Вѣд. 1854, №№ 83 и 84), въ 5 № Библ. для Чтенія на 1854 г. и въ 7 № Современника на 1854 г. Сочиненія Сум—ва имѣли два изданія: 1-ое, въ 10 ч. (1781—82); 2-ое, тоже 10 ч. (1787). Прилагаю алфавитный списокъ нѣкоторыхъ отдѣльно изданныхъ сочиненій Сумарокова (***).

(*) «Я именинникъ, да мнѣ же нѣтъ калача» (письмо къ Екатеринѣ II, отъ 3-го мая 1772 г.).

(**) «И повару досадно, когда у него подаваемое на столъ кушанье напортятъ, а трагедія недожареная или пережареная много вкуса теряетъ: et le poëte est plus ambitieux que le cuisinier» (письмо къ ней же, 31 января 1773).

(***) Указываю здѣсь только тѣ изданія, которыя разсмотрѣны мною въ И. П. Б. и въ библіотекѣ Ак. Н.

Артистона, трагедія (представлена 1750, нап. 1751; изд. 4-ое — 1786 (*).
Вздорщица, ком., изд. 3 (1786).
Вышеславъ, траг. (предст. и нап. 1768; изд. 4-ое—1786).
Гамлетъ, траг. (предст. 1750, нап. 1748).
Двѣ эпистолы: о русскомъ языкѣ и о стихотворствѣ (1748). Другое изд.: «Наставленіе хотящимъ быти писателями отъ Александра Сумарокова (1774).
Димитрій Самозванецъ, траг. (предст. 1771, нап. 1774; другія изданія: 1799 и 1807).
Духовныя стихотворенія (1774). Нѣкоторыя духовныя стихотворенія, служащія продолженіемъ прежнихъ (1774).
Лихоимецъ, ком. (1768; изд. 4-ое—1786). Замѣтки Екатерины II на эту комедію см. въ Историч. бумагахъ XVIII в. (Рус. Бесѣда, 1860, № 2).
Мать—совмѣстница дочери, ком. (изд. 3-ье—1786).
Мстиславъ, траг. (предст. и нап. 1774; изд. 4-ое—1786).
Нарцисъ, ком. (1769). Авторъ называлъ эту піесу наилучшею изъ своихъ комедій.
Опекунъ, ком. (1765; изд. 4-ое—1786).
Приданое обманомъ, ком. (1769; изд. 4-ое—1786).
Притчи, въ 3 кн., 1762—69. (Первыя двѣ книги 1762, третья—1769).
Пустая ссора, ком. (4-ое изд.—1786).
Сатиры, книга 1 (1774).
Семира, траг. (предст. 1751, нап. 1768; изд. 4-ое—1786).
Синавъ и Труворъ, траг. (предст. 1750, нап. 1751; изд. 2-ое—1768).
Трессотиніусъ, ком. (1750; изд. 4-ое—1786).
Три брата совмѣстника (1768; изд. 4-ое—1786).
Хоревъ, траг. (предст. 1750; 1-ое изд.—1747, 2-ое—1768, 4-ое—1786).
Чудовищи, ком. (4-ое изд.—1786).
Ядовитый, ком. (1768; изд. 4-ое—1786).
Ярополкъ и Димиза (предст. 1758, нап. 1768, изд- 4-ое—1786).

§ 202. Историческій трудъ Ломоносова: «Древняя Россійская Исторія отъ начала россійскаго народа до кончины Ярослава I», дѣлится на двѣ половины: одна содержитъ въ себѣ изслѣдованіе о древностяхъ, другая—изложеніе событій. Авторъ поставилъ своею задачею—открыть свѣту древность россійскаго народа и славныя дѣла государей, въ противоположность тѣмъ сочиненіямъ иностранцевъ, которыя «высматривали пятна на одеждѣ россійскаго тѣла». Это намѣреніе видно изъ самыхъ названій нѣкоторыхъ главъ Исторіи: «о величествѣ славенскаго народа», «о дальней древности славенскаго народа». Для рѣшенія предложенной задачи было естественно искать сходства между исторіею отечественною и исторіею Грековъ и Римлянъ, такъ какъ они служили образцами новоевропейскому міру. Ломоносовъ находитъ его «въ порядкѣ дѣяній россійскихъ съ римскими»: «владѣніе первыхъ королей соотвѣтствуетъ числомъ лѣтъ и государей самодержавству первыхъ самовластныхъ великихъ князей россійскихъ; гражданское въ Римѣ правленіе подобно раздѣленію нашему на разныя княженія и на вольные городы, нѣкоторымъ образомъ гражданскую власть составляющему; потомъ единоначальство кесарей согласно самодержавству государей московскихъ». Такое чисто-внѣшнее сближеніе двухъ различныхъ исторій объясняется чувствомъ патріотизма, отношеніями Россіи къ Швеціи, которая не могла забыть сѣверной войны, и враждою двухъ партій въ Академіи Наукъ: нѣмецкой и русской. Мнѣнія академиковъ Байера и Миллера о скандинавскомъ происхожденіи Руси, «предосудительныя для русскаго народа», оскорбляли Ломоносова. Онъ, равно какъ и другіе Руские, не могъ примириться съ тою мыслію, что Славяне водвореніемъ у нихъ порядка и государственнымъ устройствомъ одолжены не себѣ самимъ, а иноземцамъ, и въ

(*) При 2-мъ изданіи Полн. собр. сочиненій многія изъ нихъ были напечатаны отдѣльно въ 1786 г.

добавокъ еще нашимъ врагамъ (Шведы—скандинавскаго племени). Поэтому вопросъ: «кто были Варяго-Руссы?» рѣшается имъ иначе: онъ ведетъ ихъ, вмѣстѣ съ Пруссами, отъ славянскаго рода; думаетъ, что и языкъ ихъ славянскій, только чрезъ смѣшеніе съ другими языками отдѣлившійся отъ своего корня, что самое слово «Пруссія» составлено изъ существительнаго «Русь» и предлога «по» (Порусь, Поруссія), и что Рюрикъ, первый русскій князь, славянскаго, а не скандинавскаго рода, происходитъ отъ римскаго императора Августа. Если русскія дѣла и русскихъ дѣятелей унижали передъ греческими и римскими, то «причина этому—бывшій нашъ недостатокъ въ искуствѣ, какимъ историки Греціи и Рима своихъ героевъ въ полной славѣ предали вѣчности». Въ слѣдствіе сказаннаго, Ломоносовъ смотрѣлъ на свой трудъ со стороны искуства. Онъ долженъ былъ представить краснорѣчивое изложеніе отечественныхъ событій и, для выполненія обязанности, перелагалъ разсказы лѣтописей на языкъ и тонъ похвальнаго слова. Поэтому въ его исторіи риторическій элементъ преобладаетъ надъ научнымъ, историческимъ. Инаго и нельзя было требовать отъ Ломоносова: онъ взялся за трудъ безъ надлежащей къ нему подготовки, единственно по порученію Шувалова. Сочиненіе книги обратилось для него въ дѣло оффиціальное.

Тѣми же побужденіями, которыя заставили Ломоносова прославить русскій народъ, руководствовался и Тредьяковскій въ своихъ историческихъ разсужденіяхъ (нап. 1773 г.): «о первенствѣ славянскаго языка предъ тевтоническимъ», «о первоначаліи Россовъ», «о Варяго-Россахъ славянскаго званія, рода и племени». Они впервые предложили ученіе о славянскомъ происхожденіи Руси. По выводамъ ихъ автора, Варяги-Русь были Ружане поморскіе; отечествомъ Рюрика былъ островъ Рюгенъ (на Балтійскомъ морѣ). Хотя эти выводы не признаны наукой, но они отличаются основательно-ученымъ изложеніемъ. Тредьяковскій приступилъ къ рѣшенію вопроса съ знаніемъ нужныхъ для того условій и съ большою начитанностію, о которой можно судить по ссылкамъ на древнія и новыя сочиненія. Доказательства его двоякаго рода: историческія свидѣтельства и филологическія сближенія, бывшія тогда въ большомъ ходу. Послѣднія любопытны произвольнымъ, натянутымъ, не подкрѣпленнымъ другими данными производствомъ иностранныхъ словъ, особенно историческихъ и географическихъ именъ, отъ русскихъ, съ цѣлію выказать древность нашего языка. Вотъ нѣсколько тому примѣровъ: Варяги—предварятели («варяю»—предваряю), Скиѳы—скиты («скитаться»), Кельты—желты (народъ «свѣтлорусый»), Британія—пристанія (давшая «пристань» Кельтамъ), Сибирь—Сивирія или Сиверія (страна, лежащая «на сѣверѣ»), Испанцы или Иберы—Уперы («упертые» морями), Германія—Холманія (страна «холмистая») или Ярманія (отъ слова: «ярмо»—страна земледѣльческая), Норвегія—Новерхія или Наверхія (лежащая «на-верхъ» къ сѣверу), Италія—Удалія («удаленная» отъ сѣвера) или Выдалія («выдавшаяся» косою въ Средиземное море), и т. п.

Историческія сочиненія Ломоносова и Тредьяковскаго суть труды второстепенные, выходящіе изъ круга главной ихъ дѣятельности. Ни тотъ, ни другой не можетъ назваться историкомъ, въ собственномъ смыслѣ этого слова. Названіе это принадлежитъ академику Миллеру (1705—1783), профессору исторіи въ академическомъ университетѣ и русскому исторіографу. Вызванный изъ Лейпцига въ петербургскую академію наукъ, почти при самомъ ея учрежденіи, онъ посвятилъ свои таланты и знанія на занятія исторіею и географіею нашего отечества. Въ

теченіе почти шестидесятилѣтней дѣятельности, онъ оказалъ большія услуги этимъ наукамъ, какъ изданіемъ чужихъ трудовъ, такъ и собственными своими трудами. Имъ изданы многіе важные памятники древней и новой литературы нашей: Степенная книга, Судебникъ, Исторія Татищева, Описаніе Камчатки Крашенинникова, Проповѣди Бужинскаго, Письма Петра I къ гр. Шереметеву. Собственныя сочиненія его содѣйствовали много и разработкѣ русской исторіи и вѣрнымъ о ней понятіямъ. Съ критическими изслѣдованіями его сообразовались послѣдующіе историки. Его «Опытъ новѣйшей русской исторіи», начатый имъ съ правленія Бориса Годунова, послужилъ для писателей XIX-го в. образцомъ при изображеніи тѣхъ же временъ. Десятилѣтнее пребываніе въ Сибири, во время камчатской экспедиціи, дало ему возможность, по собраннымъ матеріаламъ, составить «Описаніе сибирскаго царства». Распространяя историческія, географическія и статистическія свѣдѣнія между Рускими, Миллеръ знакомилъ съ тѣми же предметами и иностранцевъ, посредствомъ «Сборника статей по русской исторіи» (Sammlung Russischer Geschichte, 9 том., 1732—64).

Записки кн. Якова Петровича Шаховскаго (1705—1772), доведенныя до 1766 г., интересны какъ содержаніемъ, такъ и добротою нравственнаго впечатлѣнія. Въ періодъ сороколѣтней службы своей, онъ имѣлъ сношенія съ важнѣйшими людьми временъ Анны и Елисаветы: Бирономъ, Волынскимъ, Минихомъ, Головкинымъ, Шуваловыми, которые, и въ славѣ и въ паденіи, обстоятельно изображены его разсказомъ. Онъ не только былъ свидѣтелемъ придворныхъ перемѣнъ и государственныхъ событій, но и самъ участвовалъ въ важныхъ дѣлахъ духовнаго и гражданскаго вѣдомства, по званію оберъ-прокурора синода и оберъ-прокурора сената: подавалъ проэкты, останавливалъ злоупотребленія, заботился о справедливѣйшемъ ходѣ администраціи. Нравственное впечатлѣніе Записокъ производится благороднымъ образомъ мыслей и дѣйствій ихъ автора, для котораго совѣсть и гражданскій долгъ служатъ главнѣйшими основами жизни. Будучи отъ природы «неробкаго духа», Шаховской еще болѣе укрѣпилъ его строгими правилами воспитанія—стыдиться всего дурнаго, всему предпочитать добродѣтель и справедливость, твердо слѣдовать примѣру людей, оставившихъ по себѣ похвальную память. Нравственныя внушенія принесли свои плоды: Шаховской не измѣнялъ правдѣ во все время своего служебнаго поприща, о которомъ говоритъ открыто, съ сознаніемъ его достоинства. Не взирая на лица, не соблазняясь выгодами, онъ думалъ единственно о пользѣ отечества, о точномъ исполненіи законовъ. Неподкупный патріотизмъ и уваженіе къ законности нажили ему многихъ враговъ: по неудовольствію съ гр. Петромъ Ивановичемъ Шуваловымъ, сильнымъ вельможею при дворѣ Елисаветы, онъ незаслуженно подпалъ гнѣву императрицы, но изъ всѣхъ невзгодъ вышелъ чистымъ, съ спокойствіемъ и ровностію духа, отличающими достойнаго человѣка.

Большая часть сухихъ и краткихъ Записокъ Нащокина (1707—1761) относится также къ царствованію Елисаветы. Онъ отмѣчалъ въ нихъ «достопамятные случаи», которые самъ видѣлъ или о которыхъ дошли до него слухи. Иногда приводятся выписки изъ книгъ о замѣчательныхъ событіяхъ, наприм.: о поимкѣ сирены въ Ютландіи, о смерти профессора Рихмана, убитаго молніею во время опытовъ надъ грозовымъ электричествомъ. Послѣдняя статья достойна вниманія, какъ свидѣтельство чувствъ, возбужденныхъ печальной кончиной естествоиспыта-

теля между людьми малообразованными, хотя и любившими чтеніе. Въ то время, какъ Ломоносовъ, въ письмѣ къ Шувалову, скорбитъ объ участи своего сотоварища по академіи и его семейства, боясь, чтобъ этотъ случай не былъ перетолкованъ противъ любезныхъ ему наукъ, разсказъ Пащокина отзывается не только неуваженіемъ къ опаснымъ трудамъ ученаго, но даже насмѣшкою надъ ними. Судьбу Рихмана, «старавшагося машиною удержать громъ и молнію», Пащокинъ сравниваетъ съ судьбою Эсхила, который также погибъ «чрезъ астрономію, когда сидѣлъ внѣ града на открытомъ мѣстѣ и когда орелъ, принявъ его лысую голову за камень, опустилъ на нее пойманную черепаху». Такимъ образомъ «вымыселъ Рихмана, какъ и греческій трагикъ, получилъ нечаянный конецъ», заключаетъ авторъ Записокъ, принадлежавшій, какъ надобно полагать, къ числу тѣхъ грамотниковъ, которыхъ разумѣлъ Ломоносовъ, говоря о согласіи вѣры съ наукой.

Василій Григоровичъ (1702—1747), извѣстный болѣе подъ именемъ «Барскаго», по городу Баръ, гдѣ жили его предки, служитъ образцомъ самаго усерднаго пилигримства. Получивъ образованіе въ академіяхъ кіевской и львовской, онъ изъ Львова отправился для обозрѣнія св. мѣстъ и съ этою цѣлію, въ теченіе 24-хъ лѣтъ, странствовалъ по Италіи, Греціи, Палестинѣ, Египту и Аравіи. Путевыя Записки его (нап. 1778), въ которыхъ самая значительная часть посвящена описанію горы Аѳонской, служили для многихъ классовъ публики въ XVIII в. такимъ же занимательнымъ чтеніемъ, какимъ для древне-русскаго періода служило «Хожденіе Даніила Паломника». Онѣ долгое время оставались рукописными. Списки ихъ особенно были распространены въ Малороссіи и сопредѣльныхъ съ нею губерніяхъ. Напечатанныя по порученію и на иждивеніи Потемкина, онѣ имѣли потомъ нѣсколько изданій и до сихъ поръ читаются многими съ большимъ любопытствомъ. Успѣхъ книги объясняется теплымъ чувствомъ вѣры, которое не покидало странника среди всѣхъ опасностей и лишеній, интересомъ содержанія и безпристрастіемъ разсказа. Иностранцы, посѣщавшіе Палестину и другія святыя мѣста, или вовсе умалчивали о православномъ богослуженіи, или отзывались о немъ недоброжелательно, выхваляя только своихъ одновѣрцевъ. Григоровичъ же, по замѣчанію издателя его Записокъ (литератора Рубана), «и собственныхъ слабостей не скрываетъ, и доброе у чужеземцевъ хвалитъ, и чудесъ не опровергаетъ, и суевѣріемъ своей совѣсти не помрачаетъ».

Объ Исторіи Лом—ва см. Соловьева: «Рус. историки XVIII в. (Архивъ историко-юридич. свѣдѣній о Россіи, Калачова, т. 2). О Миллерѣ: Словарь Евгенія; Объ ученыхъ сборникахъ, Куника; Миллеръ, ст. Соловьева (Соврем. 1854, № 10). Словопроизводство, которымъ Сумароковъ хотѣлъ засвидѣтельствовать «первоначаліе» русскаго языка, черезъ чуръ произвольно и дико: «Галлы», по его мнѣнію, тоже, что «гуляки» (отъ «гуляю»), «Вандалы», или «Вондали»—отъ «вонъ далѣ» (они вышли «вонъ далѣ»), «исторія»—отъ «изстари» (какъ «піитъ» отъ «пѣть»), «царь»—отъ «отецъ» (отцарь), и проч.

Извлеченіе изъ Записокъ Шаховскаго, съ краткимъ извѣстіемъ объ авторѣ, пап. Каченовскимъ въ 17 и 18 №№ Вѣст. Евр. на 1808 г. Вполнѣ изданы, въ 2 ч., 1810 г. (2-ое изд. 1821). Жизнь Шаховскаго описана Н. Радищевымъ (1810). Объ остальномъ см. въ 1 т. моей Историч. Хрест.

§ 203. Не довольствуясь главною своею дѣятельностію, Миллеръ хотѣлъ знакомить Рускихъ съ наукой и искуствомъ вообще, и для этой цѣли издавалъ первый учено-литературный журналъ: «Ежемѣсячныя сочиненія, къ пользѣ и увеселенію служащія (1755—1764)». Самое названіе журнала показываетъ, что онъ напол-

нялся статьями серьезнаго и легкаго содержанія, по образцу иностранныхъ повременныхъ изданій, которыя, слѣдуя разумному правилу, старались соединять полезное съ пріятнымъ: въ Гамбургѣ, Ганноверѣ и другихъ мѣстахъ также выходили «сочиненія, къ пользѣ и увеселенію служащія». Программа Миллерова ежемѣсячника обстоятельно изложена въ «предувѣдомленіи». «Мы будемъ», говоритъ издатель, «предлагать всякія сочиненія, какія только обществу полезны быть могутъ, а именно: не одни только разсужденія о собственно такъ называемыхъ наукахъ, но и такія, которыя въ экономіи, въ купечествѣ, въ рудокопныхъ дѣлахъ, въ мануфактурахъ, въ механическихъ рукодѣліяхъ, въ архитектурѣ, въ музыкѣ, въ живописномъ и рѣзномъ художествахъ и въ прочихъ, какое ни есть новое изобрѣтеніе показываютъ или къ поправленію чего-нибудь поводъ подать могутъ... Одни токмо тѣ сочиненія выключены, кои ради глубокаго ихъ смысла не всѣмъ ясны и вразумительны бываютъ; ибо мы за правило себѣ приняли писать такимъ образомъ, чтобъ всякій, какого бы кто званія или понятія ни былъ, могъ разумѣть предлагаемыя матеріи... Стихотворческія сочиненія принимаемъ мы наипаче для того, что въ нихъ многое весьма сильнѣе и пріятнѣе изображается, нежели простымъ слогомъ: къ тому жъ мы за должность свою признаваемъ писать не токмо для пользы, но и для увеселенія читателей... Есть еще другія піитическія сочиненія, которыя не требуютъ, чтобъ написаны были стихами, а именно: нравоучительныя притчи, сны, повѣсти и подобныя тому описанія. Изображенныя такимъ простымъ слогомъ піитическія вымышленія не меньше полезны, коль и пріятны: того ради намѣрены мы временемъ сообщать и такія сочиненія, а притомъ чаемъ, что и переводы всякихъ полезныхъ и пріятныхъ матерій, взятыхъ изъ иностранныхъ книгъ, не непріятны будутъ читателямъ». Эти слова знакомятъ насъ съ цѣлью, направленіемъ и составомъ «Ежемѣсячныхъ сочиненій». Мы узнаёмъ, что рядомъ съ оригинальными статьями они предлагали и переводы, которые въ то время, при незначительномъ еще развитіи нашей литературы и науки, имѣли гораздо большее значеніе, чѣмъ теперь; что тѣ и другія статьи должны были отличаться общедоступнымъ изложеніемъ; что хотя онѣ не группировались на отдѣлы, какъ въ журналахъ позднѣйшей эпохи, а печатались одна за другою, безъ всякой заранѣе опредѣленной классификаціи, однакожъ могутъ быть сведены къ тремъ разрядамъ: а) на первомъ планѣ стояли сочиненія ученыя, собственно къ пользѣ служащія; б) за ними слѣдовали стихотворенія, служащія для увеселенія читателей; в) средину между тѣми и другими занимали статьи полезно-увеселительныя, то есть «изображенныя простымъ слогомъ піитическія вымышленія». Послѣдніе два отдѣла составляли литературный элементъ журнала, уступавшій въ объемѣ и достоинствѣ элементу ученому, которому посвящался первый отдѣлъ.

Въ ряду статей перваго отдѣла, относящихся ко всѣмъ отраслямъ знанія, главное мѣсто отведено исторіи нашего отечества. Твердо убѣжденный, что все русское должно быть интересно для Рускихъ, Миллеръ преимущественно заботился о такихъ сочиненіяхъ, которыя имѣютъ предметомъ прошлое и настоящее Россіи: ея исторію, географію и статистику. На страницахъ его журнала встрѣчаемъ критическія изслѣдованія объ отдѣльныхъ вопросахъ исторіи и опыты прагматическаго изложенія событій; сочиненія, обнимающія исторію всей Россіи и историческія монографіи ея областей или городовъ; описаніе политическаго состоянія государства, или внутренняго быта нашихъ предковъ и т. п. Наибольшая часть трудовъ по

этимъ предметамъ принадлежитъ самому издателю. Таковы, напримѣръ: «о лѣтописи Нестора и ея продолжателяхъ», «о началѣ и происхожденіи казаковъ», «извѣстія о запорожскихъ казакахъ», «опытъ новѣйшей исторіи о Россіи», «краткое извѣстіе о началѣ Новгорода и о происхожденіи россійскаго народа», нѣсколько главъ «Сибирской исторіи». Назначая свое изданіе не для спеціалистовъ, а для массы читателей, Миллеръ необходимо долженъ былъ заботиться о томъ, чтобы ученыя статьи выходили общезанимательными по содержанію и простыми по формѣ. Онѣ имѣли цѣлію не столько обогащеніе науки новыми свѣдѣніями и открытіями, сколько распространеніе въ средѣ общества тѣхъ истинъ, которыя уже были доказаны и приняты ученымъ міромъ. Поэтому спеціальныя и сухія изслѣдованія не могли найти себѣ мѣста въ «Ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ». Исключеніе изъ этого правила было допущено только для изслѣдованій о прежней судьбѣ и современномъ бытѣ Россіи. Здѣсь, ради важности предмета, извинялись спеціальность содержанія и сухость изложенія. Къ первому же отдѣлу журнала слѣдуетъ причислить статьи критическія и библіографическія, которыя Миллеръ помѣщалъ подъ именемъ «извѣстій о ученыхъ дѣлахъ» и которыя заключаютъ въ себѣ обзоры замѣчательнѣйшихъ книгъ, иностранныхъ и русскихъ. Въ этихъ небольшихъ рецензіяхъ, обыкновенно выписывалось заглавіе книги, обозначалось ея содержаніе и указывалась степень ея ученаго достоинства.

По второму отдѣлу «Ежемѣсячныхъ сочиненій» главными сотрудниками Миллера были Ломоносовъ, Сумароковъ, Херасковъ и другіе извѣстнѣйшіе писатели того времени. Ихъ-то разумѣло «предувѣдомленіе», объявляя, что «такіе стихотворцы, какихъ Россія нынѣ имѣетъ, достойны, чтобъ потомкамъ въ примѣръ поставлены были». Большую часть стихотвореній доставилъ Сумароковъ.

Отдѣлъ полезно-увеселительныхъ сочиненій соотвѣтствовалъ тому, что̀ въ современныхъ журналахъ извѣстно подъ именемъ беллетристики. Онъ наполнялся не романами и повѣстями, представляющими художественное изображеніе дѣйствительности, а статьями дидактическаго направленія, посвященными развитію нравственно-философскихъ идей преимущественно въ аллегорической формѣ, т. е. въ формѣ сновъ, притчъ, сказокъ и т. п. Нѣкоторыя статьи даже озаглавлены словомъ «аллегорія». Дидактизмъ господствовалъ въ европейской словесности XVIII в. и всего болѣе выразился особымъ видомъ сатиры, которая только своимъ внѣшнимъ видомъ относилась къ литературнымъ произведеніямъ, а по содержанію входила въ область науки. Эта сатира имѣла цѣлію преслѣдовать не какіе-либо особенные недостатки извѣстной страны въ извѣстную эпоху, а пороки и слабости общечеловѣческіе, существующіе во всѣ времена и у всѣхъ народовъ. Характеръ ея нѣсколько опредѣляется самыми заглавіями статей, наприм.: «сонъ о порокахъ и жалобахъ человѣческихъ», «разговоръ между любовью и разумомъ», «сонъ о роскоши», «о благоразуміи», «о людяхъ, обѣщаній своихъ не исполняющихъ», и пр. За подобными «піитическими вымышленіями» Миллеръ обращался къ иностраннымъ источникамъ. Англійскіе журналы: «Говорунъ», «Зритель» и «Опекунъ», издававшіеся Стилемъ и Аддисономъ, доставили ему значительное количество матеріаловъ. Оригинальныхъ статей въ третьемъ отдѣлѣ немного. Знаменитый Суворовъ сочинилъ для него два разговора въ царствѣ мертвыхъ: одинъ, между Кортецомъ и Монтезумой, доказываетъ, что героямъ потребны благость и милосердіе; другой, между Александромъ Великимъ и Геростратомъ, различаетъ истинную любовь къ славѣ и простое желаніе извѣстности.

Миллеръ выполнилъ свою журнальную программу съ умомъ, знаніемъ дѣла и крайнею добросовѣстностію. «Ежемѣсячныя сочиненія» имѣли большой успѣхъ: они совершенно пришлись по вкусу публики, удовлетворяя дѣйствительнымъ ея потребностямъ, и потому публика читала ихъ съ жадностью, какъ свидѣтельствуетъ митрополитъ Евгеній. Отражая въ себѣ до нѣкоторой степени все состояніе тогдашней словесности, иностранной и отечественной, они передавали любознательнымъ людямъ множество полезныхъ свѣдѣній по всѣмъ отраслямъ наукъ. Нѣкоторыя изслѣдованія, помѣщенныя въ первомъ ихъ отдѣлѣ, сохраняютъ цѣну и въ настоящее время.

Съ 1756 г. при московскомъ университетѣ началось изданіе «Московскихъ Вѣдомостей». Первыми редакторами ихъ были Поповскій и Барсовъ. Онѣ содержали въ себѣ извѣстія о замѣчательныхъ событіяхъ въ Россіи и западной Европѣ, о промышленной и общественной жизни въ Москвѣ. Черезъ нихъ, какъ черезъ свой органъ, университетъ знакомилъ публику со всѣми новостями касательно курсовъ ученія, профессоровъ, студентовъ и академическихъ торжествъ. Впрочемъ, въ первыя семь лѣтъ своего существованія (1755—1762), Московскія Вѣдомости имѣли чисто-оффиціальный характеръ. Литературныхъ статей въ нихъ почти не было. Подражая Миллеру, Сумароковъ, въ 1759 г., издавалъ ежемѣсячникъ, подъ названіемъ: «Трудолюбивая Пчела». Большая часть статей, здѣсь помѣщенныхъ, принадлежитъ самому издателю. Въ то время литераторъ, принимавшій на себя изданіе журнала, долженъ былъ нести дѣйствительную, а не номинальную отвѣтственность передъ публикой. При маломъ числѣ пишущихъ, онъ не всегда могъ расчитывать на стороннюю помощь и часто одинъ несъ бремя журнальной работы. Поэтому неудивительно читать въ примѣчаніи къ майской книжкѣ Трудолюбивой Пчелы: «весь сей мѣсяцъ сочиненія Александра Сумарокова». Лучшую часть журнала, вообще слабаго, составляли прозаическія статьи издателя, принадлежащія къ области сатиры, которая имѣетъ предметомъ не общечеловѣческіе недостатки, какъ въ «Ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ», а темныя стороны современнаго русскаго общества. Этимъ направленіемъ «Трудолюбивая Пчела» состоитъ въ связи съ сатирическими журналами времени Екатерины II (см. ниже). Сотрудники Сумарокова доставляли ему преимущественно переводы съ древнихъ языковъ: изъ Горація, Овидія, Ливія, Лукана, Лукіяна, Ксенофонта, Віона. Переведено также нѣсколько статей изъ англійскаго «смотрителя» (т. е. Аддисонова Зрителя). Между другими журналами, выходившими въ 1759—63 г. г., наиболѣе замѣчателенъ журналъ Рейхеля, профессора московскаго университета: «Собраніе лучшихъ сочиненій къ распространенію знанія и къ произведенію удовольствія», выходившій въ 1762 г., по книжкѣ черезъ каждые три мѣсяца. Уже самое названіе сборника даетъ знать, что издатель его намѣревался слѣдовать по пути, указанному Миллеромъ, т. е. соединять въ своемъ изданіи полезное съ пріятнымъ. Намѣреніемъ его было передать на русскій языкъ лучшія иностранныя сочиненія по физикѣ, экономіи, нравоученію, политической и ученой исторіи. Особенно заботился онъ о тѣхъ читателяхъ, «которые не имѣютъ склонности къ глубокомысленнымъ разсужденіямъ». Переводчиками были студенты московскаго университета, между которыми нерѣдко встрѣчается имя Фонъ-Визина.

Обзоръ Миллерова журнала извлеченъ изъ трехъ статей о немъ В. Милютина, помѣщенныхъ въ 1, 2 и 3 №№ Современника за 1851 г. (Очерки русской журналистики,

преимущественно старой. Ежемѣсячныя сочиненія, журналъ 1755—64 г.г.). См. также объ учен. сборникахъ и період. изданіяхъ Ак. Н., г. Куника, стр. LVII—LXII. Въ теченіе десятилѣтняго своего существованія, журналъ три раза мѣнялъ названіе: съ 1755 по 1758, онъ назывался «Ежемѣсячныя сочиненія, къ пользѣ и увеселенію служащія»; съ 1758 по 1763, «Сочиненія и переводы, къ пользѣ и увеселенію служащіе»; въ 1763 и 1764, «Ежемѣсячныя сочиненія и извѣстія о ученыхъ дѣлахъ». Касательно исторіи Моск. Вѣдомостей см.: о началѣ Моск. Вѣд., г. Снѣгирева (Моск. Вѣд., 1851, № 26); Исторія моск. университета, г. Шевырева, стр. 25; Столѣтіе Моск. Вѣдомостей, В. Корша, содержащее въ себѣ обзоръ ихъ содержанія за первыя 7 лѣтъ (Моск Вѣд., 1856, №№ 1, 3, 12, 37, 67, 87, 101, 119 и 155; также отдѣльной книжкой). Второе изданіе Трудолюб. Пчелы вышло въ 1780. См. о ней упомянутую ст. Куника (стр. LXXXI—LXXXII) и Сумароковъ и соврем. ему критика, Н. Булича (стр. 178—184). Журналъ Рейхеля перепечатанъ въ 1787 г. Краткіе его обзоры въ книгѣ Н. Булича (стр. 208—210), въ Ист. моск. унив. (93—94) и въ Біограф. слов. профессоровъ моск. унив. (II, 344—346). Другія періодическія изданія: «Праздное время, въ пользу употребленное» (1759 и 1760 г.г., при сухопутномъ корпусѣ); «Полезное увеселеніе» (1760, 1761 и 1762 г.г., при моск. университетѣ, подъ редакціей Хераскова).

§ 204. Разсматривая похвальныя оды Ломоносова (§ 191), мы опредѣлили характеръ духовнаго ораторства при Елисаветѣ. Къ именамъ Амвросія Юшкевича, Кирилла Флоринскаго и Димитрія Сѣченова надобно присоединить еще имя псковскаго епископа, Гедеона Криновскаго (1726—1763). Лучшее изъ его словъ произнесено по случаю лиссабонскаго землетрясенія (1755). Пораженные грознымъ событіемъ, современные философы и богословы смотрѣли на него съ разныхъ точекъ зрѣнія. Вольтеръ написалъ дидактическую поэму: «Разрушеніе Лиссабона», въ которой отвергаетъ оптимизмъ, распространенный англійскими мыслителями и изложенный Попомъ въ «Опытѣ о человѣкѣ». Проповѣдникъ слова Божія взглянулъ на ужасы природы въ духѣ религіознаго ученія. Различныя бѣдствія, равно какъ и всѣ другія явленія въ жизни человѣка и вещественнаго міра, имѣютъ источникомъ не естество (какъ думала школа французскихъ энциклопедистовъ), а противо-христіанское поведеніе наше: такова тэма слова. Криновскій, подобно Златоусту, объятъ страхомъ не ради землетрясенія, а ради вины землетрясенія; онъ боится не того, что разрушаются города и гибнутъ ихъ жители, а того, что Богъ гнѣвается на землю: ибо вина землетрясеній есть гнѣвъ Божій, а вина гнѣва Божія—наши грѣхи. Отъ картины современныхъ бѣдствій ораторъ переходитъ къ мысли о страшномъ судѣ, которому они какъ бы служатъ предвѣстниками.

Собраніе словъ Криновскаго имѣло слѣд. изданія: первое, въ 4 ч. (1755—59); второе, въ 2 ч. (1760); третье въ 6 ч. (1828); четвертое, въ 6 ч. (1855). О другихъ проповѣдникахъ этой эпохи см. ст. Н. Попова: «Придворныя проповѣди въ царствованіе Императрицы Елисаветы (Лѣт. рус. лит., 1859, кн. 3).

Б. ЦАРСТВОВАНІЕ ЕКАТЕРИНЫ II.

§ 205. Со второй половины XVII-го вѣка, въ исторіи европейской образованности, началось то умственное движеніе, которое должно было частію поколебать, а частію и совершенно упразднить средневѣковыя понятія о католичествѣ, государствѣ, наукѣ и общественномъ бытѣ. Возникнувъ въ Англіи, оно потомъ перешло во Францію и, опираясь на господство французскаго языка и литературы, сдѣлалось въ слѣдующемъ вѣкѣ достояніемъ другихъ народовъ Европы. Сущность,

цѣль и дѣйствія началъ, раскрытыхъ независимою мыслію, занимаютъ въ исторіи всемірной культуры такое важное мѣсто, что XVIII вѣкъ, время сильнѣйшаго и повсемѣстнаго ихъ распространенія, называется вѣкомъ просвѣщенія по преимуществу (das Zeitalter der Aufklärung).

Во главѣ этого просвѣтительнаго движенія стоятъ Невтонъ († 1727) и Локкъ († 1704): одинъ съ своими астрономическими открытіями; другой съ своего опытною философіей. Законъ тяготѣнія, объясненный Невтономъ, составляетъ эпоху не только въ исторіи небесной механики, но и въ исторіи образованія вообще. Онъ подорвалъ значеніе астрологіи, исполненной чудесъ и вымысловъ. Суевѣрныя космогоническія представленія уступили свое мѣсто точной наукѣ объ устройствѣ вселенной. Зная, что одной и той же силѣ покорны и легчайшее тѣло на землѣ и огромныя міровыя тѣла, человѣкъ рушилъ таинственныя преграды, которыми единое твореніе единаго Зиждителя будто бы дѣлилось на двѣ особыя сферы. Освобожденіе небесныхъ свѣтилъ отъ исключительныхъ силъ и дѣйствій, невѣдомыхъ нашей планетѣ, проложило путь болѣе здравымъ воззрѣніямъ философовъ и теологовъ: поэтому Невтоновъ законъ связалъ успѣхи естествознанія съ успѣхами ума въ другихъ областяхъ человѣческаго вѣдѣнія.

Какъ великимъ открытіемъ Невтона физическая астрономія обратилась въ небесную механику, такъ опытной философіей Локка метафизика обращена въ ученіе о чувственныхъ впечатлѣніяхъ. Что для перваго механизмъ, то для втораго сенсуализмъ. Философское сочиненіе Локка: «Опытъ о познавательной способности человѣка», показывающее начало и границы нашего разума, не осталось въ предѣлахъ чистой метафизики, но охватило своимъ вліяніемъ существенные вопросы церкви, государства, нравственности и воспитанія. Въ «Письмахъ о религіозной терпимости» Локкъ проповѣдуетъ свободу совѣсти и равенство гражданскихъ правъ, не смотря на различіе вѣроисповѣданій. Другая книга его: «Разумность христіанства», внесла въ ученіе католической церкви раціонализмъ и положила конецъ схоластической догматикѣ, державшейся на философіи Аристотеля. Трактатомъ «о гражданскомъ правленіи» рѣшенъ былъ споръ между двумя ученіями, развившимися въ періодъ долгой борьбы между Стюартами и парламентомъ: одно изъ нихъ, съ своимъ представителемъ Фильмеромъ († 1647), стояло за прерогативы короны; другое, имѣя представителемъ лорда Сиднея († 1683), защищало права парламента. Призваніе Вильгельма Оранскаго на англійскій престолъ дало торжество второму ученію. Локкъ, съ своей стороны, взялся оправдать историческій фактъ, выведя изъ общихъ понятій о государствѣ сущность, условія и выгоды новаго правленія въ Англіи. Наконецъ въ книгѣ «о воспитаніи» положены имъ основанія новой педагогической системѣ, которая коренится на свободномъ развитіи всѣхъ элементовъ человѣческой природы, особенно же на развитіи физическихъ силъ и нравственнаго чувства.

Одновременно съ Невтономъ и Локкомъ дѣйствовали французскіе ученые, оставившіе свою родину во время гоненій на гугенотовъ и по закрытіи протестантскихъ университетовъ, и поселившіеся въ Нидерландахъ, гдѣ безъ стѣсненій могли высказывать свой образъ мыслей. Первенство между ними принадлежитъ скептику Бейлю († 1706). Его «Историческій и критическій словарь» разоблачаетъ недостатки средневѣковыхъ системъ и понятій, лежавшихъ въ основѣ науки, общественнаго быта, государства и церкви. Главное начало его философскаго со-

мнѣнія, противоположнаго догматической философіи, состоитъ въ томъ, что разумъ способенъ только открывать заблужденія, но не въ силахъ познавать истину.

Отъ Локковой философіи ведетъ свое начало деизмъ, или религія разума, называемая также начальною, естественною религіею. Впрочемъ первыя основанія деизма положены еще Гербертомъ де Шербюри (†1648), который изъ ученія о врожденныхъ идеяхъ вообще, развитаго въ его книгѣ «объ истинѣ», вывелъ, въ другомъ сочиненіи («о религіи»), врожденныя человѣку, и слѣдовательно общія для всѣхъ народовъ, религіозныя идеи въ частности. Эти идеи и составляютъ основные догматы естественной религіи. Деисты Локковой школы, отъ Шафтсбери (†1713) до Чобба (†1747) включительно, не остановились на выводахъ своего учителя, но пошли далѣе, увлекаемые ходомъ независимаго, только самому себѣ отвѣчающаго мышленія. Опредѣляя истинность предмета его согласіемъ съ разумомъ, они отрицали это согласіе въ установленной догматикѣ, тогда какъ Локкъ, напротивъ, признавалъ его. Изъ ряда собственно такъ называемыхъ деистовъ долженъ быть исключенъ Болинброкъ († 1751), хотя онъ и примыкаетъ къ нимъ нѣкоторыми взглядами. Какъ государственный мужъ, онъ смотрѣлъ на религію не столько со стороны ея истины, сколько со стороны ея цѣлесообразности, т. е. видѣлъ въ ней необходимое орудіе для гражданскихъ и политическихъ успѣховъ народа.

Съ образованіемъ деистическаго образа мыслей тѣсно связано образованіе нравственной философіи. Исходнымъ пунктомъ того и другаго служитъ опытная философія. Если нѣтъ врожденныхъ идей; если всѣ познанія человѣка—плодъ его собственной дѣятельности: то, разумѣется, значеніе человѣческой природы на столько же возвысилось, на сколько оно прежде было унижено ея подчиненіемъ другимъ силамъ. Изъ началъ современной метафизики возникло стремленіе—утвердить разнообразныя отправленія жизни человѣческой на ея прирожденной сущности. Этого начала самостоятельной организаціи должна была держаться и мораль: и здѣсь главною задачею было также основать нравственное ученіе на коренныхъ принадлежностяхъ нашего естества, а не на внѣшнемъ авторитетѣ. Человѣкъ самъ долженъ быть творцемъ своего достоинства, подобно художнику, творцу художественнаго произведенія. Добродѣтель есть также нравственная красота, и жизнь человѣка есть искуство пріобрѣтать эту красоту облагороженіемъ своей природы. Такимъ взглядомъ, развитымъ Шафтсбери въ «Изслѣдованіи о добродѣтели» и въ «Моралистѣ», поика обращена въ эстетику нравственности. Цѣль нравоученія —образовать благаго и изящнаго человѣка (pulchrum et honestum Римлянъ). Тотъ же писатель, а потомъ Болинброкъ представили систему оптимизма, которую Попъ изложилъ въ стихахъ: поэма «Опытъ о человѣкѣ» можетъ быть названа поэтической ѳеодицiей.

За Шафтсбери слѣдуетъ такъ называемая «шотландская школа философіи», потому что основатель ея, Гютчесонъ (†1747), былъ профессоромъ въ Гласговѣ. Заслуга этой школы состояла въ разборѣ началъ нравоученія. Деисты, основывая мораль на разумѣ, доказывали, что человѣкъ тогда достигаетъ высшаго счастія, когда своими дѣйствіями осуществляетъ истину, требуемую разумомъ. Но что такое истина въ нравственныхъ предметахъ? Рѣшеніе этого вопроса дано Гютчесономъ: онъ призналъ существованіе въ человѣкѣ особаго, врожденнаго моральнаго чувства, которое судитъ о благомъ также, какъ вкусъ физическій

судитъ о вкушаемомъ, и которое служитъ основаніемъ добродѣтели. Воззрѣнія Гютчесона развиты Фергюсономъ (†1816), съ тѣмъ различіемъ, что послѣдній въ нравственномъ чувствѣ открываетъ три основные закона, находящіе свое приложеніе къ нравоученію собственно, къ правовѣдѣнію и къ политикѣ. Школа шотландскихъ моралистовъ произвела новое направленіе и въ наукѣ объ изящномъ. Въ книгѣ «о происхожденіи идей блага и красоты», Гютчесонъ пытался психологически разъяснить сущность и начало художественнаго впечатлѣнія, но у него истинное и благое не отдѣлены точными границами. Надобно было изслѣдовать то «внутреннее чувство», которое дѣйствуетъ при наслажденіи изящнымъ. Этимъ изслѣдованіемъ занимались: знаменитый государственный мужъ Боркъ (†1797), Герардъ (†1795) и Гомъ (†1782). Боркъ отдѣлилъ художественное чувство отъ всѣхъ прочихъ и опредѣлилъ двѣ стороны изящнаго: возвышенное и прекрасное, изъ основныхъ побужденій нашего духа; Герардъ, въ двухъ опытахъ: «о вкусѣ» и «о геніи», подвергнулъ изслѣдованію элементы художественнаго чувства; «основанія критики», Гома, имѣютъ цѣлью объяснить чувствующую способность человѣка и посредствомъ разбора пріятныхъ и непріятныхъ предметовъ положить прочныя основанія наукѣ объ изящныхъ искуствахъ.

Наконецъ, сильное развитіе матеріальнаго благоденствія въ Англіи, безъ котораго и важнѣйшія гражданскія права теряютъ значительную долю своей цѣнности, дало начало новой наукѣ, поставившей своею задачею изслѣдовать законы экономическаго быта народовъ, какъ физіологія изслѣдуетъ отправленія человѣческаго организма. Основатель этого ученія о народномъ богатствѣ, иначе политической экономіи—Адамъ Смитъ (†1790).

Первое знакомство Франціи съ идеями англійскихъ мыслителей относится къ эпохѣ регентства герцога орлеанскаго (1715—1723). Въ это время были переведены на французскій языкъ нѣкоторыя сочиненія Невтона, Локка, Попа, Свифта и деистовъ; въ это же время Вольтеръ (†1778) написалъ «Эдипа» и оканчивалъ поэму «Генріада», главная мысль которой—религіозная терпимость, а Монтескье (†1755) явился съ «Персидскими письмами»—смѣлой сатирой на политическіе и церковные предразсудки. Спустя нѣсколько лѣтъ, Фонтенель (†1757) въ похвальномъ словѣ Невтону призналъ заслуги этого великаго математика, хотя и смотрѣлъ на него съ точки зрѣнія Декартовой философіи. Ученое толкованіе Невтоновыхъ открытій принадлежитъ Мопертюи (†1759), который двумя записками: «о законахъ притяженія» и «о фигурѣ звѣздъ», отвергъ картезіанскую гипотезу о движеніи солнечной системы. За тѣмъ, въ «Опытѣ космологіи», руководствуясь тѣми же открытіями, онъ доказываетъ бытіе Бога не схоластическими аргументами, а движеніемъ міровыхъ тѣлъ, немыслимымъ безъ двигателя; въ «Опытѣ же нравственной философіи», слѣдуя Локку, полагаетъ сущность вѣроученія въ нравственномъ его началѣ, т. е. въ сознательно-дѣятельной любви человѣка къ Богу и ближнимъ. Строго-научные труды Мопертюи доступны были немногимъ; большинство образованныхъ людей нуждалось въ живомъ, ясномъ, общедоступномъ изложеніи новѣйшихъ успѣховъ естествознанія: этой потребности удовлетворилъ Вольтеръ своими «Основаніями Невтоновой философіи». Но еще прежде того «Англійскія письма», Вольтера, познакомили его соотечественниковъ съ литературой, наукой и политическимъ бытомъ страны, которую онъ изучалъ въ трехлѣтнее свое тамъ пребываніе.

что при герцогѣ орлеанскомъ Филиппѣ и въ первые годы царствованія Людовика XV развивалось медленно, хотя и постоянно, то вполнѣ заявило свою силу ко второй половинѣ столѣтія. Въ это время французская словесность обогатилась извѣстнѣйшими твореніями Вольтера, Монтескье, Дидро, Руссо, которые уже не ограничивались простою передачею чужаго умственнаго достоянія, но болѣе или менѣе выказывали самодѣятельность. Вѣкъ Людовика XV былъ цвѣтущимъ періодомъ просвѣтительной литературы во Франціи, какъ вѣкъ Людовика XIV былъ цвѣтущимъ періодомъ классицизма. Въ противоположность классицизму, признававшему существующій порядокъ, она становится критическою и обличительною. Характеръ ея—отрицаніе прежнихъ уставовъ, соединенное съ безсиліемъ дать новые уставы обществу, государству и церкви. Французы назвали XVIII-ое столѣтіе философскимъ: это названіе удержано за нимъ исторіей не по оригинальности и глубинѣ философіи, которыхъ оно не имѣло, а по ея опредѣленному и повсемѣстному дѣйствію на жизнь. Всѣ писатели, сюда относящіеся, могутъ быть сгруппированы вокругъ трехъ видныхъ личностей: Вольтера, Дидро и Руссо, изъ которыхъ каждый открываетъ особую эпоху въ развитіи такъ называемаго философскаго просвѣщенія.

Вольтеръ есть представитель первой эпохи—эпохи деизма, заимствованнаго у Англичанъ. Въ своихъ сочиненіяхъ онъ бралъ обильную дань съ Коллинса, Толанда, Шафтсбери и другихъ мыслителей того же направленія. Излагая популярнымъ образомъ открытія Невтона и философію Локка, онъ пустилъ ихъ въ общій оборотъ, какъ основу для новыхъ воззрѣній. Раціоналистъ по отношенію къ религіи, онъ, въ области политики, стоялъ на сторонѣ свободныхъ учрежденій. Но вопросы политическіе занимали у него второе мѣсто; не ему, а Монтескье предоставлено было разъяснить Французамъ сущность, условія и гарантіи государственнаго устройства Англіи. Знаменитая книга Монтескье: «о духѣ законовъ», связываетъ законодательство съ климатомъ, нравами, образованіемъ и религіей. Народный духъ или, какъ выражались у насъ въ XVIII в., народное умоначертаніе и законъ дѣйствуютъ другъ на друга взаимно. Только при этомъ взаимодѣйствіи государство выходитъ не произвольно сдѣланнымъ и произвольно измѣняемымъ тѣломъ, а правильнымъ, естественно развивающимся организмомъ. Съ вопросами о церкви и государствѣ состояли въ связи вопросы политико-экономическіе. Франція представила тоже явленіе, какое мы видѣли въ исторіи англійской науки, говоря объ Адамѣ Смитѣ. Свобода совѣсти, за которую ратовалъ Вольтеръ, законныя гражданскія права, осуществленіе которыхъ Монтескье находилъ у Англичанъ, не могли считаться дѣйствительными благами при нуждахъ и бѣдности народнаго большинства. Школа политико-экономовъ, основанная Кене (†1774), смѣнила теорію меркантилизма ученіемъ физіократическимъ (отсюда ихъ названіе-физіократы), по которому природа вообще и земля въ особенности составляютъ единственный, исключительный источникъ богатства. Въ ученіи же о государственномъ устройствѣ, идеаломъ физіократовъ было полновластное, ничѣмъ не стѣсняемое дѣйствіе просвѣщеннаго правительства. Они отвергали все, что могло ограничить силу центральной власти, и въ народномъ воспитаніи, которое должно было принять на себя государство, полагали наилучшее средство противъ общественныхъ злоупотребленій.

Вторая эпоха французской философіи XVIII в. есть эпоха матеріализма, во

главѣ котораго стоятъ Дидро (†1784) и его послѣдователи, получившіе названіе энциклопедистовъ, такъ какъ органомъ этого направленія мысли была энциклопедія (алфавитный словарь по всѣмъ предметамъ знанія), которую издавали Дидро и Даламберъ (†1783). Послѣдній извѣстенъ болѣе какъ матеметикъ, нежели философъ. Важнѣйшіе предметы пытливаго ума оставлены имъ безъ рѣшеній. Вездѣ у него скептицизмъ, сознаніе незнанія. Единственно-разумнымъ началомъ въ философскихъ изслѣдованіяхъ служили, по его мнѣнію, слова Монтеня: «que sais—je?»(что я знаю?). Баронъ Гольбахъ (†1789) пошелъ далѣе Дидро, уничтоживъ въ его доктринѣ послѣдніе остатки идеальныхъ стремленій и превративъ метафизику въ физику. Труды Бюффона (†1788) восполняютъ одинъ изъ многихъ существенныхъ недостатковъ Французскаго матеріализма, который толковалъ о природѣ, не зная природы, и покушался проникать въ тайны естества, когда уровень естествознанія былъ еще низокъ. «Эпохи натуры» и «Общая и частная естественная исторія» отличаются не открытіями, полагающими новую эру въ наукѣ, а геніальнымъ мастерствомъ обнимать цѣлое въ его жизни, дѣйствіяхъ и отношеніяхъ къ человѣку. Бюффонъ былъ одушевленный біографъ природы, какъ Винкельманъ былъ одушевленный біографъ искуства. Но, при всемъ своемъ философствованіи, ни одинъ изъ указанныхъ послѣдователей Дидро не имѣетъ права на имя философа, въ собственномъ смыслѣ этого слова: оно принадлежитъ единственно Кондильяку (†1780), автору «Опыта о началѣ человѣческихъ познаній» и «Трактата о чувствованіяхъ». «Опытъ» покорно слѣдуетъ за Локкомъ, но «Трактатъ» отступаетъ отъ англійскаго философа, не различая, подобно ему, чувственныхъ впечатлѣній отъ рефлексіи, возводя всѣ идеи и даже душевныя способности къ одному источнику—чувствамъ, и обращая такимъ образомъ человѣка въ статую, которая постепенно становится живымъ, разумнымъ существомъ отъ соприкосновенія съ внѣшнимъ міромъ. Въ какомъ отношеніи англійскіе моралисты находились къ опытной философіи Локка, въ такомъ же моральное ученіе Французовъ находится къ Кондильяку: оно проникнуто матеріализмомъ. Ламетри, Гельвецій, Сенъ-Ламберъ и Вольней единственнымъ двигателемъ человѣческой дѣятельности полагали эгоизмъ. Личная польза въ соединеніи съ пользою общественной служитъ, по ихъ мнѣнію, мѣрой нравственности.

Третья эпоха обнаружила противодѣйствіе второй. Возмущенная ученіемъ матеріалистовъ, мысль должна была искать новой опоры и нашла ее въ идеализмѣ сердца, которое заявляетъ свои права наравнѣ съ правами разума и путемъ врожденнаго чувства возвращаетъ человѣка въ лоно вѣры. Представитель этой сердечной религіи—Жанъ-Жакъ Руссо (†1778). Одни изъ его сочиненій выставляютъ гибельное вліяніе цивилизаціи, извратившей общество, и единственнымъ средствомъ искоренить зло почитаютъ возвращеніе человѣка къ естественному, первобытному его состоянію. (Рѣшеніе вопроса, предложеннаго дижонскою академіей: «чему содѣйствовали успѣхи искуствъ и наукъ—улучшенію или порчѣ нравовъ?» и «О началѣ неравенства между людьми»); другія основываютъ общество на договорѣ между правителемъ и управляемыми (Общественный договоръ); третьи, по слѣдамъ Локка, предлагаютъ новую педагогическую систему, въ которой главными руководителями должны служить природа, самодѣятельность воспитанника, гармоническое, не стѣсняемое никакимъ механизмомъ развитіе всѣхъ способностей человѣка (Эмиль).

Усвоивъ отъ Англіи великія открытія въ физикѣ, метафизикѣ и государствовѣдѣніи, Французская философія XVIII в. сдѣлалась посредницею между этой страной и другими государствами. Изъ положенія зависимаго она перешла къ первенствующей роли въ дѣлѣ европейскаго образованія. Къ ней обращаются за руководствомъ при борьбѣ съ старыми началами; по ея примѣру, заявляются новыя условія и требованія и въ наукѣ, и въ жизни. Сама Англія, какъ бы въ возмездіе за начальную услугу, пользуется трудами писателей, стоявшихъ во главѣ той или другой эпохи Французскаго просвѣщенія. Въ Италію преимущественно проникли идеи Монтескье и Физіократовъ. Небольшой кругъ молодыхъ образованныхъ Италіянцевъ принялъ намѣреніе изъяснить основы законодательства и правленія, совмѣстныхъ съ любовью къ человѣкамъ. Между членами этого кружка находились Беккарія, двое братьевъ Верри (Петръ и Александръ), Висконти, Ламбертини. Книга Беккаріи (†1793): «О преступленіяхъ и наказаніяхъ», произвела переворотъ въ понятіяхъ о судѣ надъ уголовными преступленіями. Петръ Верри (†1797) написалъ «Размышленія о политической экономіи». Онъ и Беккарія, читавшій лекціи этой науки (въ 1768 г.), справедливо называются предшественниками Адама Смита. «Наука законодательства», неаполитанскаго публициста Филанжери (†1788), излагаетъ общія начала законовъ и показываетъ ихъ отношеніе къ политикѣ, государственному хозяйству, воспитанію, религіи. Подобное, но менѣе сильное движеніе мысли происходило въ Испаніи при графѣ Кампоманѣ (ум. около 1800), министрѣ Карла IV. Подъ его руководствомъ образовалась школа экономистовъ, старавшихся познакомить своихъ соотечественниковъ съ ученіемъ Кене и его послѣдователей. Кампоману принадлежатъ нѣсколько сочиненій по государственному хозяйству и администраціи. Лардизабаль, въ духѣ Беккаріи, издалъ книгу объ уголовномъ законодательствѣ. Въ англійской наукѣ обнаружилось съ одной стороны вліяніе историческихъ трудовъ Монтескье и Вольтера, а съ другой—вліяніе матеріализма энциклопедистовъ. Первому подчинились Юмъ (†1776), Робертсонъ (†1793) и Гиббонъ (†1794); второму—Пристлей (†1808). Юмъ, слѣдуя Монтескье, но по духу состоя въ ближайшемъ сродствѣ съ Вольтеромъ, отступилъ отъ чисто-хронологическаго изложенія событій: въ «Исторіи Англіи» онъ ищетъ руководительныхъ идей и кромѣ того изображаетъ состояніе нравовъ, общественной жизни и литературы. Повѣствовательному искуству Вольтера подражаетъ также Робертсонъ: введеніе въ «Исторію Карла V», содержащее взглядъ на сущность и развитіе среднихъ вѣковъ, не только по способу изложенія, но и по основнымъ мыслямъ, непосредственно вытекло изъ Вольтерова «Опыта о нравахъ и духѣ народовъ». Еще ближе къ характеру Французской исторіографіи XVIII в. стоитъ Гиббонова «Исторія упадка римской имперіи». Ученіе Локка, доведенное Дидро и энциклопедистами до матеріализма, нашло себѣ послѣдователя въ Пристлеѣ, который и мысль и чувство человѣка основываетъ единственно на дѣятельности мозга. Въ открытой враждѣ съ Юмомъ и Пристлеемъ дѣйствовали Томасъ Рейдъ (†1796), Джемсъ Беатти (†1803) и Дюгальдъ Стевартъ (†1828), которые, какъ профессоры въ Эдинбургѣ и Гласговѣ, обыкновенно назывались шотландскими Философами. Ученіе ихъ родственно идеямъ Руссо, почему они и говорятъ о немъ съ великимъ почетомъ.

Во Французскомъ просвѣщеніи XVIII-го вѣка надобно различать его научное

значеніе отъ значенія образовательнаго. Не всегда эти два предмета состоятъ въ прямомъ другъ къ другу отношеніи: бѣдность научнаго интереса можетъ существовать при сильномъ вліяніи на культуру; и на оборотъ, исторія образованности можетъ отводить неважное мѣсто такимъ явленіямъ мысли, которыя дорого цѣнитъ исторія науки. Философія Вольтера, Дидро, Руссо и ихъ послѣдователей служитъ яснымъ тому примѣромъ. Никто не признаетъ за нею чисто-ученаго достоинства. По направленію и содержанію, въ ней нѣтъ ничего или почти ничего оригинальнаго. Главная заслуга философовъ, жившихъ при Людовикѣ XV, заключается въ томъ, что они пустили въ общій оборотъ мнѣнія англійскихъ мыслителей; собственные же труды ихъ были скорѣе попытками расширить кругъ извнѣ пріобрѣтеннаго достоянія, чѣмъ дѣйствительно новыя пріобрѣтенія. Этотъ приговоръ относится и къ поэзіи. За исключеніемъ Бомарше, Франція XVIII-го вѣка не можетъ указать ни одного изъ литераторовъ, который владѣлъ бы оригинальнымъ талантомъ. Освободясь отъ исключительнаго классицизма, литература хотя и приняла болѣе живое и болѣе національное движеніе, но въ массѣ наличнаго ея капитала не встрѣчаются художественныя творенія: она скудна содержаніемъ, которое, при всѣхъ покушеніяхъ на простоту и естественность, не выходитъ изъ круга обыкновенной, насущной дѣйствительности. Однакожъ было бы несправедливо прилагать къ французской философіи единственно научный масштабъ, а къ французской литературѣ того же времени—единственно масштабъ художественный. Цѣль науки и словесности XVIII-го вѣка лежала не въ нихъ самихъ: онѣ служили другимъ цѣлямъ,—распространенію тѣхъ понятій, которыя были выработаны пытливою мыслію, начиная со второй половины XVII-го столѣтія. Серьезныя изслѣдованія Англичанъ расходились преимущественно въ ученомъ мірѣ; немногіе знали языкъ ихъ; географическія условія страны опредѣлили ихъ особное, отдѣльное отъ другихъ народовъ существованіе: и потому внутренняя важность просвѣтительной науки въ Англіи несравненно превышала ея внѣшнее дѣйствіе. Французскіе писатели находились въ болѣе выгодномъ положеніи: всемірное господство ихъ языка, способность легко и пріятно излагать самые трудные предметы знанія, умѣнье облекать мысль въ разнообразно-изящныя формы доставили имъ возможность разнести новое ученіе по всей Европѣ. Они были общедоступными, популярными, непосредственно дѣйствовавшими на жизнь философами. Въ этой рѣшительности и опредѣленности дѣйствія заключается ихъ историческое значеніе.

Идеи XVIII-го вѣка, величаемаго вѣкомъ разума, послужили основой государственныхъ и общественныхъ улучшеній. Одна Англія осталась внѣ ихъ практическаго дѣйствія, такъ какъ она уже имѣла все, что для другихъ народовъ было предметомъ желаній. Державныя особы и государственные люди не только усвоивали ученіе французскихъ философовъ, но даже съ нѣкоторыми изъ нихъ состояли въ близкихъ отношеніяхъ: вели съ ними переписку, испрашивали у нихъ совѣтовъ, увѣдомляли ихъ о своихъ намѣреніяхъ. Въ духѣ новаго времени зачинались и приводились въ исполненіе реформы, имѣвшія цѣлію положить конецъ противорѣчіямъ между издавна установленнымъ порядкомъ и законными требованіями ума и чувства. Эти преобразовательныя мѣры исходили отъ правительства и совершались правительствомъ. Не снизу вверхъ, а сверху внизъ, распространялось просвѣщеніе, которое должно было съ одной стороны искоренять недостатки, а съ другой производить положительныя улучшенія. Къ числу лицъ,

которыя по доброй волѣ и силою, единовластія, старались согласовать свое правленіе съ духомъ новыхъ началъ, принадлежатъ: Фридрихъ Великій, Екатерина II, Іосифъ II, Густавъ III, Леопольдъ Тосканскій, Тануччи въ Неаполѣ, Помбаль въ Португаліи, Аранда и Кампоманъ въ Испаніи, Шуазель, Тюрго и Малербъ во Франціи, Бернстофъ и Струэнзе въ Даніи.

Очеркъ такъ называемой «просвѣтительной» науки и литературы въ Англіи и Франціи составленъ по Геттнеру: «Literaturgeschichte des achtzehnten Jahrhunderts» (часть 1: исторія англійской литературы, 1856; ч. 2: исторія франц. литературы, 1860).

§ 206. Важное значеніе философскаго вѣка сдѣлалось любимымъ предметомъ сужденій не только современныхъ ученыхъ, но и вообще людей образованныхъ. При посѣщеніи парижской академіи наукъ Христіаномъ VII, королемъ датскимъ (1768), и Густавомъ III, королемъ шведскимъ (1771), Даламберъ, въ привѣтственныхъ имъ рѣчахъ, указывалъ на философію, какъ на просвѣтительницу міра, на силу разума, который, рано или поздно, одолѣетъ всѣ преграды, воздвигаемыя темнымъ невѣжествомъ. Когда тотъ же шведскій король, подъ именемъ графа готландскаго, прибылъ въ Петербургъ (1777) и почтилъ своимъ присутствіемъ торжественное засѣданіе академіи наукъ, директоръ ея Домашневъ произнесъ на французскомъ языкѣ рѣчь, содержаніемъ которой служитъ (какъ было объявлено въ тогдашнихъ вѣдомостяхъ) «доказательство философскаго титла, каковымъ вѣкъ нашъ славится». Эпоха наша, говорилъ Домашневъ, удостоена названія философской не потому, чтобы многіе имѣли право на имя философа, или чтобъ увеличилось количество познаній, а потому, что философскій духъ сталъ духомъ времени, священнымъ началомъ законовъ и нравовъ: онъ освятилъ правосудіе человѣколюбіемъ, обычаи чувствомъ; онъ легъ въ основу двухъ важнѣйшихъ предметовъ—законодательства и нравственности. Въ другой рѣчи Домашнева, по случаю пятидесятилѣтняго юбилея академіи наукъ (1776), также сказано, что просвѣщеніе, въ духѣ философскаго времени, направляетъ умъ къ истинѣ и чувство къ чести, внушаетъ любовь къ добродѣтели и уваженіе къ законамъ; что оно—необходимый путь къ общему благоденствію, которое не можетъ существовать безъ гуманности, праваго суда и здравыхъ понятій. Мысли, выраженныя директоромъ академіи наукъ, обращались не въ одной средѣ ученой корпораціи: онѣ были повсюдными и обиходными; воспитанники среднихъ учебныхъ заведеній имѣли случай внимать имъ наравнѣ съ академиками. Клеркъ (въ послѣдствіи Леклеркъ, авторъ Русской исторіи), передъ началомъ курса натуральной исторіи, физики и химіи, произнесъ, на французскомъ языкѣ, рѣчь кадетамъ, подъ названіемъ: «Разсужденія о воспитаніи». Въ этой рѣчи современная эпоха также величается философскою; также говорится, что владычество разума есть самое сильное, самое знаменитое и неподверженное перемѣнамъ.

Само собою разумѣется, что въ философскомъ вѣкѣ философія и ея служители пользовались особеннымъ уваженіемъ людей одномыслящихъ, въ числѣ которыхъ, какъ намъ извѣстно, находились многія владѣтельныя особы и ихъ министры. По словамъ Даламбера, въ упомянутыхъ рѣчахъ его, счастіе народа зависитъ отъ согласія между его правителями и его просвѣтителями: удѣлъ первыхъ управлять подданными посредствомъ законовъ, удѣлъ вторыхъ—дѣйствовать на подданныхъ наукой. Если прежде, говорилъ Домашневъ передъ лицемъ Густава III, цари призывали къ себѣ философовъ для совѣта, то въ наше время цари счи-

таютъ за честь принадлежать къ философамъ. И вотъ явились «монархи-философы», которые, усвоивъ философскія начала, старались созидать на нихъ законы и учрежденія. Фридрихъ Великій гордился именемъ «вѣнчаннаго философа». Императрица Екатерина II, въ одномъ письмѣ къ доктору Циммерману, автору знаменитой нѣкогда книги «объ уединеніи», замѣтила, что, начиная съ 1740 г., головы, менѣе всего философскія, хотѣли быть философами. Слова Платона: «счастливы тѣ народы, у которыхъ философъ становится государемъ или государь становится философомъ», обратились въ сентенцію. Ихъ повторяли: и Домашневъ, въ рѣчи Густаву III; и Херасковъ, въ заключеніи поэмы: «Нума Помпилій»; и профессоръ Забѣлинъ, въ похвальномъ словѣ Екатеринѣ II, по случаю двадцатипятилѣтняго ея царствованія. Мать Екатерины II, принцесса ангальтъ-цербтская, удивлялась произведеніямъ Вольтера. Сама императрица начала съ ними знакомиться семнадцати лѣтъ отъ роду. Переписка между нею и «фернейскимъ отшельникомъ» продолжалась съ 1763 по 1777 г. Есть много и другихъ свидѣтельствъ ея сочувствія къ современной философіи. Она предлагала Даламберу быть воспитателемъ наслѣдника престола, Павла Петровича: письмо ея по этому поводу къ знаменитому математику, благородствомъ тона и важностію содержанія, напоминаетъ, какъ было тогда замѣчено, письмо Филиппа Македонскаго къ Аристотелю въ день рожденія Александра. Оказывая покровительство Дидро, она купила у него библіотеку, которая была оставлена при немъ въ пожизненное пользованіе. Баронъ Гриммъ, извѣстный своими сношеніями съ энциклопедистами, назначенъ былъ отъ нея посланникомъ при саксонскомъ дворѣ. Когда Беккаріи грозили преслѣдованія въ его отечествѣ, Екатерина приглашала его поселиться въ Россіи. Бомарше получилъ отъ нея предложеніе издавать сочиненія Вольтера въ Петербургѣ и здѣсь же поставить на сценѣ «Свадьбу Фигаро», запрещенную французскимъ правительствомъ. Бюффону были высланы богатые подарки. Одинъ изъ физіократовъ, Мерсье де ла Ривьеръ, былъ приглашенъ въ Петербургъ для совѣтовъ по законодательству. Велисарій, Мармонтеля, осужденный Сорбоною, нашелъ переводчиковъ въ императрицѣ и приближенныхъ къ ней особахъ. Ей посвящено второе изданіе книги Гельвеція «о человѣкѣ», напечатанное въ Гагѣ кн. Д. А. Голицынымъ, посланникомъ нашимъ въ Парижѣ, находившимся въ прочныхъ связяхъ съ тогдашними корифеями литературы. Чтеніе серьезныхъ твореній философскихъ, историческихъ и политическихъ служило постояннымъ ея занятіемъ. Не однимъ саномъ, но также умомъ и образованностью она возвышалась надъ окружающею ее средою. Изъ современныхъ русскихъ женщинъ только княгиня Е. Р. Дашкова могла понимать значеніе философскихъ трудовъ XVIII-го в. Въ «Запискахъ» своихъ она пишетъ, что любимыми ея авторами были: Бель, Монтескье и Вольтеръ, и что она два раза читала книгу Гельвеція «о разумѣ».

Исторія словесности обязана показать, на сколько и какъ философское направленіе мысли выразилось въ литературныхъ формахъ. Важнѣйшіе писатели Екатеринина вѣка болѣе или менѣе заплатили данъ общему духу времени. Не столько прямо, т. е. вѣрнымъ изображеніемъ фактовъ общественной жизни, сколько непрямо, т е. представленіемъ духовнаго настроенія образованнаго класса, раскрываютъ они свои понятія и убѣжденія. Сама Екатерина подала тому примѣръ «Наказомъ» (1767)—законодательнымъ памятникомъ, смотрящимъ на разныя отношенія и условія гражданскаго быта съ современной точки зрѣнія. Къ «Наказу» примыкаютъ

памятники литературные, связанные съ нимъ и между собою согласіемъ основныхъ воззрѣній. Первымъ дѣломъ Екатерины, по ея вступленіи на престолъ, было даровать Россіи новую, органическую систему законовъ. Чтобы узнать истинныя нужды народа, она повелѣла учредить въ Москвѣ коммиссію изъ депутатовъ отъ всѣхъ званій и сословій, для сочиненія проэкта новаго уложенія. Въ руководство же коммиссіи при ея работахъ написала инструкцію или «Наказъ», заключающій въ себѣ основныя положенія, на которыхъ долженствовала воздвигнуться законодательная система. Содержаніе его заимствовано изъ Монтескье («о духѣ законовъ») и Беккаріи («о преступленіяхъ и наказаніяхъ»), почему легко представить себѣ его существенный характеръ. Онъ отвѣчалъ современной потребности—примѣнить къ законамъ начала истины и человѣколюбія. Проникнутый духомъ философскаго вѣка, заявляя и узаконяя собою новый образъ мыслей, онъ служитъ также связующимъ звеномъ между нашею и европейскою словесностью. Отношеніемъ къ нему русскихъ литературныхъ произведеній опредѣляется и отношеніе послѣднихъ къ произведеніямъ иностранныхъ литературъ, выражавшимъ философскія начала XVIII в.

Коммиссія для сочиненія проэкта новаго уложенія учреждена 14 декабря 1766 г., открыта 31 іюля 1767 г., распущена 29 декабря 1768. О трудахъ отдѣльныхъ коммиссій, оставшихся по распущеніи общаго собранія и упраздненныхъ 1774 г., см. въ «Обозрѣніи историческихъ свѣдѣній о сводѣ законовъ (1837)». Первыя 20 главъ «Наказа» изданы въ первый разъ въ Москвѣ 1767, а съ двумя дополнительными главами въ Спб. 1768. Потомъ онъ печатался многократно и послѣднее его изданіе (кромѣ помѣщеннаго въ Полн. собраніи законовъ) вышло 1820. Переводовъ его на иностранные языки больше, чѣмъ русскихъ изданій. Обозрѣніе переводныхъ изданій, находящихся въ И. П. Б., см. въ «Библіографич. отрывкахъ» 10-го № Отеч. Зап. 1854. Нѣкоторыя мѣста изъ «Наказа» были выгравированы для прописей, подъ заглавіемъ «Русскій апоѳегматъ» (1778; тоже на франц. яз. 1781). Въ «Разсказахъ изъ русской исторіи XVIII в.», С. Соловьева (Рус. Вѣст. 1861, № 10), изложены историческія свѣдѣнія о коммиссіи, представленія разныхъ сословій и мнѣнія нѣкоторыхъ депутатовъ.

§ 207. Царствованіе Екатерины Великой, въ эпоху съ 1763 по 1789 г., было временемъ просвѣтительныхъ стремленій въ духѣ XVIII-го вѣка. Характеръ его опредѣляетъ Карамзинъ, въ похвальномъ словѣ Екатеринѣ, такими словами: «Екатерина уважала въ подданномъ санъ человѣка, нравственнаго существа, созданнаго для счастія въ гражданской жизни. Петръ I возвысилъ насъ на степень образованныхъ людей; Екатерина хотѣла обходиться съ нами, какъ съ людьми образованными». Въ манифестѣ «объ учрежденіи коммиссіи для сочиненія проэкта новаго уложенія» она объявила желаніе—видѣть русскій народъ столько довольнымъ и счастливымъ, сколь далеко человѣческое довольство и счастіе простираться могутъ. «Наказъ», данный ею коммиссіи, поставляетъ предметомъ самодержавія—наивозможно большее благо Россіи: «Мы думаемъ и за славу себѣ вмѣняемъ сказать, что Мы сотворены для нашего народа. Боже сохрани, чтобы былъ какой народъ больше процвѣтающъ на землѣ».

Но возможное совершенство гражданскаго благоденствія существуетъ только при народной нравственности. Только тотъ народъ имѣетъ право имъ пользоваться и дѣйствительно пользуется, въ которомъ развито чувство долга, законности, справедливости, который свои дѣйствія уклоняетъ отъ зла, какъ источника бѣдствій, и направляетъ къ добру, убѣжденный въ его необходимости для счастія. Чтобы нравственно возвысить народъ, надобно ему дать надлежащее воспитаніе.

Императрица Екатерина въ этомъ пунктѣ, равно какъ и во многихъ другихъ, держится ученія Монтескье и Беккаріи. Слѣдуя первому, «Наказъ» говоритъ, что «правила воспитанія суть первыя основанія, пріуготовляющія насъ быть гражданами»; слѣдуя второму, онъ видитъ въ воспитаніи самое надежное, хотя и самое трудное средство не только отвращать людей отъ преступленій, но и дѣлать ихъ лучшими. Требованіе современной философіи—замѣнить многосложныя и традиціонныя постановленія, управлявшія обществомъ, простыми, здравыми правилами, извлеченными изъ природы человѣка, легло въ основаніе и новой педагогической системы. Авторитетами въ ея области были Локкъ и Руссо. Воспитаніе, устроенное по ихъ руководству, служило радикальной отмѣной прежняго, перевоспитаніемъ. Оно долженствовало произвести полную реформу общества, создать «новую породу людей».

Мысль о созданіи новой породы людей силою воспитанія обращалась въ кругу физіократовъ. Кене смотритъ на общественное воспитаніе, какъ на единственное средство противъ злоупотребленій: послѣднія невозможны, если нація просвѣщена. Государство, по ученію физіократовъ, обязано не только управлять народомъ, но и давать ему извѣстный видъ, не только преобразовывать людей, но и вполнѣ измѣнять ихъ. Воспитывая гражданъ, оно можетъ дѣлать изъ нихъ все, что ему угодно. Этотъ взглядъ подробнѣе развитъ французскимъ министромъ Тюрго въ запискѣ его, поданной Людовику XVI (1775). Пораженный печальнымъ состояніемъ современной жизни, Тюрго полагаетъ корень зла въ отсутствіи плотнаго государственнаго состава. Общество состоитъ изъ различныхъ классовъ, дурно между собою связанныхъ. Каждый занятъ только собственнымъ интересомъ, никто не выполняетъ своихъ обязанностей, не знаетъ своихъ отношеній къ другимъ. Чтобъ уничтожить духъ разъединенія и безурядицы, замѣнивъ его духомъ порядка и единства, необходимо направить силы націи къ общему благу, сплотнить всѣ части государства по опредѣленному плану, такъ чтобы отдѣльные граждане были крѣпко привязаны къ семейству, семейства къ деревнѣ или городу, города и деревни къ округамъ, округи къ провинціямъ, провинціи къ цѣлому государству. Наилучшее для этого средство—новая, централизованная система воспитанія. Тюрго предлагаетъ учредить «совѣтъ народнаго образованія», который дѣйствовалъ бы въ одномъ духѣ и по однимъ началамъ, и въ вѣдомствѣ котораго находились бы всѣ ученыя и учебныя заведенія, отъ академій до элементарныхъ школъ. Въ томъ же духѣ слѣдуетъ составить учебныя руководства, чтобы изученіе обязанностей гражданина, какъ члена семейства и вмѣстѣ члена государства, было краеугольнымъ камнемъ для всѣхъ прочихъ знаній. Въ этомъ воспитательномъ механизмѣ обращается вниманіе на два коренные недостатка дотолѣ существовавшей педагогической системы: во первыхъ, на развитіе спеціальнаго образованія въ ущербъ общему гражданскому ученію; во вторыхъ, на отсутствіе нравственнаго элемента. Тюрго жалуется на слабость той науки, которая излагаетъ общественныя обязанности человѣка. У насъ, говоритъ онъ, есть методы и учрежденія для образованія геометровъ, физиковъ, живописцевъ, и нѣтъ ничего подобнаго для образованія гражданъ. Всѣ усилія наши стремятся къ приготовленію ученыхъ. Не достигшіе этой цѣли оставляются безъ вниманія и становятся ничѣмъ. Новая система воспитанія должна образовать на

всѣхъ ступеняхъ общества людей добродѣтельныхъ и полезныхъ, души правдивыя, сердца чистыя, ревностныхъ гражданъ. Но еще прежде Тюрго мыслящіе люди во Франціи поставляли на видъ недостатокъ общаго и нравственнаго элемента въ образованіи, иначе: недостатокъ воспитанія при многостороннемъ ученіи. Противъ него вооружался Дюкло (†1772), въ Considérations sur les moeurs de ce siècle. Отзывъ его перефразированъ фонъ-Визинымъ, въ «Письмахъ изъ Франціи»: «Воспитаніе во Франціи ограничивается однимъ ученіемъ. Нѣтъ генеральнаго плана воспитанія, и все юношество учится, а не воспитывается. Главное стараніе прилагаютъ, чтобъ одинъ сталъ богословомъ, другой живописцемъ, третій столяромъ; но чтобъ каждый изъ нихъ сталъ человѣкомъ, того и на мысль не приходитъ».

Съ педагогическими воззрѣніями физіократовъ имѣетъ много сходнаго генеральный планъ воспитанія, задуманный Екатериною. Оффиціальное его изложеніе содержится частью въ Наказѣ (въ статьѣ: о воспитаніи) и полнѣе въ докладахъ Бецкаго (†1795), президента академіи художествъ, которому Екатерина поручила выполненіе воспитательныхъ реформъ; неоффиціальное—въ литературныхъ произведеніяхъ, съ которыми познакомимся ниже. Подобно физіократамъ, Бецкій признаетъ могущество воспитанія, которымъ «даруется новое бытіе и производится новый родъ подданныхъ»; подобно имъ, возлагаетъ на государство обязанность воспитывать народъ; подобно имъ, отъ новой педагогической системы ждетъ искорененія двухъ главнѣйшихъ недостатковъ прежней: односторонности спеціальнаго образованія и пренебреженія нравственнымъ началомъ при развитіи человѣческихъ способностей. Не слѣдуетъ однакожъ заключать отсюда, что Бецкій заимствовалъ свои понятія у физіократовъ. Этого не могло быть уже и потому, что первый докладъ Бецкаго о воспитаніи юношества обоего пола относится къ 1764 г., слѣдов. предшествовалъ не только запискѣ Тюрго, поданной въ 1775 г., но даже книгѣ Дюкло, изданной въ 1765 г., и тѣмъ сочиненіямъ французскихъ экономистовъ, которые разсуждаютъ объ устройствѣ центральнаго, взятаго на себя правительствомъ воспитанія. Мы указали на сходство педагогическихъ воззрѣній въ двухъ различныхъ странахъ, какъ на замѣчательный фактъ общаго настроенія мысли въ той средѣ образованнаго класса, которая была воспитана на философіи XVIII в.

Правила воспитанія изложены Бецкимъ: въ упомянутомъ докладѣ 1764 г.; въ разсужденіяхъ, служащихъ руководствомъ къ новому уставу сухопутнаго кадетскаго корпуса (1766); въ краткомъ наставленіи о воспитаніи дѣтей отъ рожденія ихъ до юношества (1766), и въ генеральномъ планѣ воспитательнаго дома (1763 и 1767). Всѣ эти работы, вмѣстѣ со многими другими постановленіями, изданы отдѣльною книгою, въ 3 ч.: «Собраніе учрежденій и предписаній, касательно воспитанія въ Россіи обоего пола благороднаго и мѣщанскаго юношества (1789—91)». Извлекаемъ изъ нихъ сущность педагогическихъ реформъ.

Образованіе при Петрѣ и ближайшихъ его преемникахъ имѣло своею задачею (§ 169)—усвоить европейскую цивилизацію на столько, на сколько она была пригодна для матеріальныхъ потребностей государства. Это было собственно «ученіе», т. е. пріобрѣтеніе спеціальныхъ знаній, какъ средствъ для успѣшнаго отправленія той или другой службы. Образованіе, въ исключительныхъ видахъ практической пользы, не только страдало односторонностью, но оказалось несо-

стоятельнымъ даже въ своей ограниченной сферѣ. Недостаточные его успѣхи объясняетъ Бецкій слѣдующимъ образомъ: «Хотя съ давняго времени Россія имѣетъ академію и разныя училища, и много издержано на посылку юношества въ чужіе краи для обученія наукамъ и художествамъ; однакожъ мало получено отъ того существительныхъ плодовъ. Причина этому не въ недостаткѣ способностей у русскаго человѣка: напротивъ, провидѣніе щедро надѣлило его дарами; а въ недостаткѣ средствъ къ достиженію цѣли или въ выборѣ средствъ дурныхъ. Дворяне, отправленные за границу еще при Петрѣ I, скоро и хорошо выучились тому, чему должны были выучиться; но по возвращеніи въ отечество, увидѣвъ открытую имъ дорогу почестей, на которыя они имѣли право по образованію, перестали заниматься науками. Другіе, взятые въ ученіе изъ простаго народа, также оказали быстрые успѣхи, но потомъ еще скорѣе обратились къ прежнему невѣжеству».

Отъ внѣшняго усвоенія европейской цивилизаціи произошла въ послѣдствіи другая односторонность: въ замѣну стариннаго невѣжества, возникло невѣжество инаго рода—ложное, превратное образованіе. Удаляясь отъ простоты своихъ предковъ, новое поколѣніе вмѣстѣ съ нею теряло и благонравіе. Еще Кантемиръ вооружался противъ пороковъ, сопутствующихъ полуобразованности, и требовалъ истиннаго благородства, честности, гражданскихъ заслугъ. На нихъ-то обратила вниманіе Екатерина. Доклады Бецкаго сѣтуютъ на упущеніе изъ виду нравственности—главнѣйшаго предмета педагогическихъ заботъ: «Опытъ доказалъ, что одинъ только украшенный или просвѣщенный разумъ не производитъ еще добраго, прямаго гражданина; напротивъ, онъ становится вреднымъ для того, у кого съ юныхъ лѣтъ не вкоренена въ сердце добродѣтель. Отъ небреженія нравственности, отъ ежедневныхъ дурныхъ примѣровъ привыкаетъ онъ къ мотовству, своевольству, безчестному лакомству, непослушанію. При такомъ недостаткѣ нравственнаго воспитанія напрасно ласкать себя ожиданіемъ истинныхъ успѣховъ въ наукахъ и искуствахъ».

Какимъ же образомъ уничтожить слѣдствія мнимаго просвѣщенія, состоящаго въ одностороннемъ стремленіи къ европейской цивилизаціи, въ чисто-внѣшнемъ усвоеніи ея формъ и обычаевъ? Одно ученіе безсильно производить истинно-хорошихъ людей, истинно полезныхъ гражданъ: кромѣ просвѣщенія ума наукой, необходимо облагороженіе сердца. Необходимо поставить на первомъ планѣ воспитаніе нравственное, посредствомъ котораго знаніе не только соединяется съ добродѣтелью, но и подчиняется добродѣтели. Таково и было намѣреніе Екатерины: она хотѣла, «чтобы съ изящнымъ разумомъ соединялось изящное сердце». Руководствуясь Локкомъ, она хотѣла, чтобы молодой человѣкъ выходилъ изъ школы или изъ родительскаго дома не столько ученымъ, сколько благовоспитаннымъ. Надлежащее воспитаніе долженствовало быть всестороннимъ развитіемъ способностей человѣка—тѣлесныхъ, умственныхъ и нравственныхъ, но такъ, чтобы элементъ нравственный (благонравіе) занималъ первое мѣсто. Успѣхамъ въ наукахъ предпочиталось хорошее поведеніе: въ «Уставѣ академіи художествъ» предписано «паче всего разсматривать похвальное поведеніе и благонравіе учениковъ; «Разсужденія, служащія руководствомъ къ новому уставу кадетскаго корпуса», объявляютъ, что главное намѣреніе при заведеніи училищъ—«не науки только и художества умножать въ народѣ, но вкоренять въ сердцѣ добронравіе». Тоже самое въ планѣ коммерческаго училища (1772): первымъ и главнымъ предметомъ, съ

начала пріема и до выпуска,—физическое и нравственное, т. е. приведеніе дѣтей въ твердость сложенія тѣлеснаго и направленіе сердца и разума къ добродѣтели».

Воспитаніе, обязанное произвести «новую породу людей», не достигнетъ своей цѣли (такъ разсуждалъ Бецкій), если дѣти останутся при породѣ старой — при своихъ родителяхъ, которые воспитывались иначе или не воспитывались никакъ. Умъ прежняго поколѣнія, зараженнаго ложными понятіями, и нерѣдко его дурная нравственность оказали бы вредное вліяніе на поколѣніе молодое. Поэтому педагогическій планъ Бецкаго могъ быть исполненъ не иначе, какъ учрежденіемъ особыхъ воспитательныхъ училищъ, которыя принимали бы дѣтей въ самомъ раннемъ возрастѣ и удерживали бы ихъ до 18 или 20 лѣтъ, не допуская сообщеній съ другими, такъ чтобы и съ ближайшими родственниками дѣти могли видаться только въ назначенные дни и въ присутствіи надзирателей или надзирательницъ. Обязанность начальства въ этихъ «закрытыхъ воспитательныхъ заведеніяхъ» опредѣлялась характеромъ новаго воспитанія. Оно должно было, по наставленію «Наказа», «вселять въ юношество страхъ Божій, утверждать юныя сердца въ похвальныхъ склонностяхъ, пріучать ихъ къ основательнымъ и приличнымъ ихъ состоянію правиламъ, возбуждать въ нихъ охоту къ трудолюбію, чтобы они страшились праздности, какъ источника всякаго зла и заблужденія, научать пристойному въ дѣлахъ и разговорахъ поведенію, учтивости, благопристойности, соболѣзнованію о бѣдныхъ, несчастныхъ, отвращенію отъ всякихъ дерзостей; обучать домостроительству, отвращать отъ мотовства, вкоренять склонность къ опрятности и чистотѣ, однимъ словомъ—наставлять всѣмъ добродѣтелямъ и качествамъ, которыя образуютъ прямыхъ гражданъ, полезныхъ обществу членовъ, служащихъ ему украшеніемъ».

Новое воспитаніе должно было произвести у насъ и среднее сословіе, или «людей третьяго чина», къ которому «Наказъ» причисляетъ: а) не дворянъ и не хлѣбопашцевъ, упражняющихся въ художествахъ, наукахъ, мореплаваніи, торговлѣ и ремеслахъ; б) не дворянъ, вышедшихъ изъ воспитательныхъ домовъ и училищъ духовныхъ и свѣтскихъ; в) дѣтей приказныхъ. Бецкій, указавъ малую пользу отъ образованія людей, взятыхъ изъ «подлости» (простаго званія), прибавляетъ: «отъ сего и людей такого состоянія, которое въ другихъ мѣстахъ третьимъ чиномъ или среднимъ называютъ, Россія до сего времени и произвести не могла». Въ видахъ образованія этого сословія учреждены были при кадетскомъ корпусѣ и при академіи художествъ воспитательныя мѣщанскія училища. Воспитанники ихъ, равно какъ питомцы воспитательнаго дома и коммерческаго училища, отличные по благонравію и успѣхамъ, получали потомственную свободу. По поводу званія, къ которому должно готовить питомцевъ воспитательнаго дома, Бецкій говоритъ: «Извѣстно, что въ государствѣ (русскомъ) два чина только установлены: дворяне и крѣпостные; но какъ по привилегіямъ, жалованнымъ сему учрежденію, воспитанники и потомки ихъ вольными пребудутъ, то они слѣдовательно составятъ третій чинъ въ государствѣ».

Устройство новаго воспитанія, какъ основа общественному благоденствію, составляло, по мнѣнію современниковъ, высшую степень въ развитіи нашей гражданственности. Правительство и образованные люди сознавали его важность. Это сознаніе выражено обращеніемъ Бецкаго къ Екатеринѣ, въ генеральномъ планѣ воспитательнаго дома:

«Петръ Великій создалъ въ Россіи людей; Ваше Величество влагаете въ нихъ души». Тоже самое сказано Сумароковымъ въ «Надписи къ статуѣ Петра I»:

Петръ далъ намъ *бытіе*, Екатерина *душу*,

и Херасковымъ, въ эпилогѣ къ повѣсти «Нума»:

Почтенья къ тѣмъ святымъ словамъ я ввѣкъ не рушу:
Петръ Россамъ далъ *тѣла*, Екатерина *душу*.

Обширный планъ воспитанія по указаннымъ идеямъ началъ приводиться въ исполненіе учрежденіемъ новыхъ училищъ и преобразованіемъ прежнихъ. Въ Москвѣ основаны были воспитательный домъ (1763) и коммерческое училище (1772); въ Петербургѣ воспитательное общество для благородныхъ дѣвицъ при воскресенскомъ (смольномъ) монастырѣ (1764) и при немъ такое же общество для дѣвицъ мѣщанскаго сословія (1765); преобразованы: академія художествъ, при которой учреждено воспитательное училище для мѣщанъ (1764), и сухопутный кадетскій корпусъ (1766), при которомъ также учреждено училище для образованія мѣщанскихъ дѣтей (1772). Помощникомъ Бецкаго былъ профессоръ Барсовъ: имъ написанъ уставъ воспитательнаго дома, по образцу уставовъ воспитательныхъ домовъ въ Голландіи, Франціи и Италіи, которые видѣлъ Бецкій во время своего путешествія.

Но такъ какъ намѣреніе правительства основать закрытыя воспитательныя училища во всѣхъ важнѣйшихъ городахъ Россіи не могло осуществиться за недостаткомъ денежныхъ средствъ и нужнаго числа наставниковъ, то въ послѣдствіи прибѣгли къ учрежденію «народныхъ училищъ». Это были не воспитательныя, а учебныя заведенія, хотя они открывались на однихъ и тѣхъ же началахъ съ первыми. И тамъ и здѣсь исходною точкою служили понятія, что въ воспитаніи юношества заключается единственное средство для утвержденія гражданскаго счастія; что воспитаніе, просвѣщая разумъ, украшаетъ душу и, склоняя волю къ добру, дѣлаетъ человѣка благонравнымъ; что сѣмена полезныхъ знаній необходимо насаждать въ сердцахъ отроковъ съ младенчества, дабы они въ юношествѣ возрасли, а въ возрастъ мужества созрѣли и приносили обществу достойный плодъ. Особая коммиссія (1782) сочинила планъ народныхъ училищъ, пріискала преподавателей, составила учебныя руководства. Уставъ, ею изданный (1786), образуетъ первый періодъ въ исторіи учебныхъ заведеній, подвѣдомственныхъ министерству народнаго просвѣщенія. Народныя училища были двухъ родовъ: «главныя», или «четырехклассныя», и «малыя», или «двуклассныя». Первыя находились въ губернскихъ городахъ; вторыя въ уѣздныхъ. Для подготовки учителей была назначена учительская семинарія, въ Петербургѣ. Устройствомъ учебной части занимался преимущественно Янковичъ де Миріево (1741—1814), родомъ сербъ, бывшій директоромъ темесварскихъ училищъ и вызванный въ Россію, по рекомендаціи Іосифа II.

Бецкій, Иванъ Ивановичъ, побочный сынъ кн. Трубецкаго, взятаго въ плѣнъ шведами при Нарвѣ, род. въ Стокгольмѣ 1804 г. Воротясь въ Россію вмѣстѣ съ отцемъ своимъ (1718), поступилъ на службу въ коллегію иностранныхъ дѣлъ. Въ 1756 г., Бецкій отправился за границу, и во время этого путешествія обратилъ особое вниманіе на воспитательно-учебныя заведенія. Въ 1762 г., Петръ III назначилъ его главнымъ директоромъ канцеляріи строеній. Болѣе обширное поприще его дѣятельности открылось съ царствованіемъ Екатерины II, которой онъ былъ рекомендованъ ея матерью, узнавшею его въ то время, какъ онъ жилъ за границею: онъ получилъ въ управленіе Сухопутный кадетскій корпусъ и Академію художествъ и «за многія сочи-

нения и учреждения о воспитании россійскаго юношества» произведенъ (1767) въ дѣйствительные тайные совѣтники. Въ 1772 г. была поднесена ему, отъ лица сената, золотая медаль съ изображеніемъ на одной сторонѣ портрета Бецкаго, а на другой благодарности, въ видѣ женщины, окруженной аттрибутами, относящимися до учрежденія воспитательныхъ домовъ и другихъ заведеній; вверху надпись: «за любовь къ отечеству». Въ 1789 г., по старости и болѣзнямъ, Бецкій оставилъ службу. Доклады Бецкаго наполнены мыслями, заимствованными у Локка, Монтескье, Руссо и другихъ писателей. Въ правилахъ физическаго воспитанія онъ часто цитуетъ доктора Саншеса, автора сочиненія: «Traité de l'education de la jeunesse (1760)», написаннаго на тему, данную женевскимъ человѣколюбивымъ обществомъ. О трудахъ коммиссіи для устройства народныхъ училищъ см. А. Воронова: «Историко-статистическое обозрѣніе учебныхъ заведеній С.п.бургскаго учебнаго округа, 2 ч. (1849 и 1854)» и «Ѳ. И. Янковичь де-Миріево или народныя училища въ Россіи при Екатеринѣ II (1858).»

§ 208. Начала новаго воспитанія, указанныя одною статьею «Наказа» и «докладами» Бецкаго, подробнѣе раскрыты педагогическими сочиненіями самой императрицы, изъ которыхъ одни содержатъ въ себѣ ея понятія о воспитаніи, а другія, согласно этимъ понятіямъ, даютъ матеріалъ для дѣтскаго чтенія. Къ первому роду сочиненій относится «Инструкція кн. Н. И. Салтыкову» при назначеніи его воспитателемъ великихъ князей Александра Павловича и Константина Павловича; ко второму—дѣтская библіотека, написанная для ея внуковъ: «Сказка о царевичѣ Февеѣ», «Сказка о царевичѣ Хлорѣ», Выборныя россійскія пословицы», «Записки, содержащія въ себѣ разсказы и разговоры», и «Гражданское начальное ученіе». Если, при составленіи «Наказа», Екатерина обратилась къ Монтескье и Беккаріи—главнымъ авторитетамъ въ законодательствѣ, то педагогическая ея система держится на ученіи Монтеня и преимущественно Локка. Монтень, французскій философъ XVI в. (†1592), въ своихъ «Опытахъ» показалъ недостатки современнаго ему воспитанія и предложилъ средства замѣнить его другимъ, болѣе раціональнымъ; Локкъ, въ книгѣ «о воспитаніи», построилъ новую педагогическую систему.

Недостатки воспитанія, въ XVI и XVII в., проистекали, съ одной стороны, отъ непониманія дѣтской природы, а съ другой—отъ непониманія будущаго назначенія дѣтей. Исключительное вниманіе обращалось на пріобрѣтеніе знаній, именно—на изученіе древнихъ языковъ, въ особенности латинскаго; укрѣпленіе же тѣла и образованіе нравственнаго чувства были совершенно выпущены изъ виду. Способъ обученія подавлялъ всякую возможность самостоятельнаго умственнаго развитія: уроки затверживались наизусть механически, такъ что память играла важнѣйшую роль, не давая никакого простора другимъ способностямъ. Строгая дисциплина служила необходимою принадлежностію ученія: въ грубомъ обращеніи съ дѣтьми, въ тѣлесныхъ наказаніяхъ видѣли наилучшее средство къ успѣхамъ; педагогъ являлся не снисходительнымъ другомъ юношества, а строгимъ дидаскаломъ, вооруженнымъ указкою и розгой.

Монтень и Локкъ выходятъ изъ другихъ, совершенно противоположныхъ тому требованій. Они расширяютъ сферу воспитанія, разумѣя подъ нимъ развитіе всѣхъ элементовъ человѣческаго состава: тѣлеснаго, умственнаго и нравственнаго, и только измѣняя ихъ относительную важность. Главными условіями образованія полагаются естественность и свобода. Механическое пріобрѣтеніе знаній замѣнено нормальнымъ развитіемъ мыслительной способности, которая отъ того становится самодѣятельною, способною легко усвоять все, что ей ни сообщаютъ. Воспитатель долженъ быть только помощникомъ, руководителемъ юношества. Тѣлесныя нака-

занія и воообще грубыя принудительныя мѣры, поселяющія въ дѣтяхъ робость или упрямство, устранены вовсе. Мѣсто ихъ заступаютъ благородныя побужденія: «честь», стремящаяся къ пріобрѣтенію и сохраненію любви ближнихъ, и «стыдъ», происходящій отъ сознаннаго невниманія или презрѣнія ближнихъ. Главная цѣль воспитанія—развить нравственное чувство и укрѣпить тѣло; ученіе стоитъ на послѣднемъ планѣ. Каждый человѣкъ долженъ быть не столько ученымъ, сколько благовоспитаннымъ; а высшее достоинство благовоспитаннаго—добронравіе, добродѣтель.

Педагогическая система Екатерины II построена на тѣхъ же основаніяхъ, т. е. на естественности, свободѣ, терпимости и кроткомъ обхожденіи. Исключительное развитіе ума замѣщено образованіемъ всестороннимъ, воспитаніемъ. Главнѣйшій долгъ наставника—склонять волю дѣтей къ благимъ дѣйствіямъ, направлять ихъ къ жизни добродѣтельной. За тѣмъ слѣдуютъ заботы объ укрѣпленіи тѣла, такъ чтобы оно было способно выносить труды и лишенія: «здравое тѣло и умонаклоненіе къ добру (сказано во введеніи къ «Инструкціи») составляютъ все воспитаніе». Собственно ученіе лишено самостоятельности. Екатерина смотритъ на него, какъ на дополненіе къ нравственному образованію: «ученіе, или знаніе, да будетъ единственно отвращеніемъ отъ праздности, способомъ къ познанію естественныхъ способностей, привычкой къ труду и прилежанію». Необходимымъ условіемъ развитія постановлено возбужденіе дѣтской самостоятельности. Дѣло воспитателя ограничивается разумною, въ извѣстныхъ предѣлахъ заключенною, помощью: онъ старается, чтобы воспитанники сами доходили до познанія нужныхъ вещей, а не прямо показываетъ эти вещи. Суровое обхожденіе съ дѣтьми не только безполезно, но и вредно: оно уничтожаетъ бодрость духа и веселость нрава—драгоцѣннѣйшія качества всѣхъ возрастовъ. Наказаніе должно заключаться въ стыдѣ, а награда въ чести: «хвалы, даваемыя хорошему поведенію, хулы и пренебреженія—достойному хулы, суть тѣ способы, коими поощряется хорошее и отвращается дурное поведеніе».

Педагогическія понятія Екатерины, направленныя къ преобразованію прежней системы русскаго воспитанія, совпадали съ ученіемъ «Наказа» о гражданскомъ устройствѣ вообще. Различая формы правленія, Монтескье поставилъ существенною принадлежностію монархіи «честь», а республики—«virtus», въ смыслѣ силы, доблести гражданской. «Наказъ» не хотѣлъ ограничить сущность монархіи однимъ только признакомъ: онъ укрѣпляетъ за нею и «честь», и «virtus», въ смыслѣ добродѣтели. Первый пунктъ его говоритъ слѣдующее: «законъ христіанскій научаетъ насъ взаимно дѣлати другъ другу добро, сколько возможно». Отъ дворянства, первенствующаго сословія въ монархіи, «Наказъ» требуетъ «добродѣтели» и «чести». Отсюда прямой переходъ къ воспитанію. Если воспитаніе должно приготовлять гражданъ и если необходимыя гражданскія доблести заключаются въ добродѣтели и чести; то, разумѣется, оно имѣетъ въ виду главнѣйшимъ образомъ честь и добродѣтель. Система Локка, полагая въ добродѣтели главную цѣль педагогическихъ заботъ и предоставляя чувствамъ чести и стыда направлять дѣтей къ добру и уклонять ихъ отъ зла, пришлась какъ нельзя лучше къ воззрѣніямъ Екатерины.

Книги для дѣтскаго чтенія, написанныя Екатериною, выражаютъ педагогическія начала въ формѣ наставленій или разсказовъ. Онѣ относятся къ «Инструкціи»,

какъ примѣры къ правиламъ, или какъ изъясненіе и повтореніе правилъ. Въ нихъ представлены лица, образованныя по извѣстной системѣ, разсказаны дѣйствія этихъ лицъ и даны совѣты, вытекающіе изъ основныхъ понятій о воспитаніи. Аллегорическая «сказка о Хлорѣ (1782)», сынѣ русскаго царя, жившаго еще до временъ кіевскаго князя Кія, повѣствуетъ, какъ этотъ царевичъ былъ похищенъ киргизскимъ ханомъ, который плѣнился его красотою, умомъ и дарованіями и заставилъ его искать розу безъ шиповъ, т. е. добродѣтель, доставляющую человѣку полное, ничѣмъ неотравляемое наслажденіе. Фелица, жена хана, руководствуетъ царевича. Она даетъ ему въ спутники своего сына, Разсудокъ. Съ помощью честности и правды, Хлоръ преодолѣлъ всѣ препятствія и на вершинѣ горы нашелъ желанную розу. Нравственный смыслъ сказки въ томъ, что истинное счастіе пріобрѣтается добродѣтелью, которая невозможна безъ путеводства разума. И въ главной мысли и въ частностяхъ сказка тѣсно связана съ Инструкціей. Главная мысль—исканіе добродѣтели—указываетъ на основную цѣль воспитанія, которое должно было развивать умонаклоненіе къ добру, вкоренять въ сердцѣ доброправіе. Нашедъ розу, царевичъ болѣе и болѣе заслуживалъ любовь, отъ того что болѣе и болѣе укрѣплялся въ добродѣтели. Что въ Инструкціи говорится о дѣтскихъ забавахъ, веселости нрава, смѣлости, самодѣятельности, пустомъ страхѣ, добромъ примѣрѣ наставниковъ, то самое встрѣчаемъ въ сказкѣ. Царевичъ надѣленъ именно тѣми качествами, какихъ требуетъ Инструкція отъ воспитанниковъ: не смотря на дѣтскій возрастъ свой, онъ смѣется надъ нелѣпыми угрозами Киргизцевъ—оборотить его въ летучую мышь или коршуна; самъ идетъ къ хану, не дозволяя нести себя на рукахъ; вошедъ въ ханскую кибитку, удивилъ всѣхъ присутствующихъ учтивствомъ и благопристойностью.

Содержаніе сказки «о Февеѣ-красномъ солнышкѣ (1782)» самое простое и немногосложное: она описываетъ воспитаніе, свойства и дѣла царевича, который жилъ въ послушаніи при своихъ родителяхъ, потомъ женился и мудрымъ правленіемъ заслужилъ себѣ славу и народную любовь. Физически и нравственно Февей воспитанъ по правиламъ Инструкціи: его не пеленали, не кутали, не баюкали, не качали; игрушки сообщали ему познаніе обо всемъ окружающемъ, что не превышало его дѣтскаго понятія; въ болѣзни пріучился онъ быть терпѣливымъ; лѣтомъ и зимою гулялъ на открытомъ воздухѣ; умѣлъ ѣздить верхомъ, стрѣлять изъ лука и ружья, метать въ цѣль копьемъ и проч. Сердце имѣлъ царевичъ доброе: былъ жалостливъ, щедръ, учтивъ, привѣтливъ, всѣмъ доброхотенъ; вездѣ и всегда повиновался истинѣ и здравому разсудку; любилъ говорить и слушать правду; лжи гнушался до того, что не прибѣгалъ къ ней даже въ шуткахъ. Ласкательства онъ не терпѣлъ. Когда стихотворцы, по случаю его выздоровленія, написали пѣсни, исполненныя необычайныхъ похвалъ, онъ обратился къ приставникамъ съ такими словами: «не дайте возгордиться душѣ моей, и для того ежедневно, какъ только пробуждусь отъ сна, говорите мнѣ: Февей, вставай съ одра и помни, что ты такой же человѣкъ, какъ и мы». Эти черты Февеева нрава дополняетъ бояринъ Рѣшемыслъ, мудрый совѣтникъ его отца: «разговаривая съ кѣмъ либо, Февей ведетъ свою рѣчь такъ, будто ищетъ благоволенія, и не даетъ ни малѣйшаго знака, что говоритъ изъ одной милости; въ немъ нѣтъ надменности: онъ любитъ ближняго, какъ самого себя, и, будучи самъ человѣкъ, всегда помнитъ, что разговариваетъ съ человѣкомъ».

«Гражданское начальное ученіе (1783)» есть собраніе краткихъ изреченій, вопросовъ и отвѣтовъ. Вопросы и отвѣты сообщаютъ нѣкоторыя познанія; въ изреченіяхъ же передаются нравственныя правила. Названіемъ книжки опредѣляется ея цѣль—дать понятіе о предметахъ, нужныхъ гражданину, и объ его обязанностяхъ. Нѣкоторыя изреченія взяты прямо изъ «Наказа», наприм.: «законы можно назвать способами, коими люди соединяются и сохраняются въ обществѣ и безъ которыхъ бы общество разрушилось»; «равенство всѣхъ гражданъ состоитъ въ томъ, чтобы всѣ подвержены были тѣмъ же законамъ»; «вольность есть право все то дѣлать, что законы дозволяютъ»; «все, что въ законѣ называется наказаніе, дѣйствительно не что иное есть, какъ трудъ и болѣзнь», и пр. Есть нѣсколько мѣстъ общихъ съ «Инструкціей»; таковы: раздѣленіе жизни человѣческой на возрасты; мысль о любви къ ближнему и справедливости—двухъ великихъ путяхъ, предлежащихъ человѣку; мысль о томъ, чѣмъ дитя оказываетъ благодарность родителямъ, и пр.

«Выборныя россійскія пословицы (1782)» относятся также къ разряду нравственныхъ изреченій и правилъ. Выборъ сдѣланъ не случайно: имъ управляло намѣреніе—представить такія пословицы, которыя соотвѣтствуютъ условіямъ и требованіямъ воспитанія. Поэтому мысли выбранныхъ пословицъ приводятся и въ «Гражданскомъ начальномъ ученіи», и въ «Инструкціи», иногда одними и тѣми же словами. Такъ, напримѣръ, въ «Гражданскомъ ученіи» говорится: «долгъ родителей есть дать дѣтямъ ученіе»; «ученіе въ счастіи человѣка украшаетъ, въ несчастіи же служитъ прибѣжищемъ»; «кто говоритъ, что хочетъ, тотъ услышитъ, чего не хочетъ»; а въ «Выборныхъ пословицахъ»: «умѣлъ дитя родить, умѣй и научить»; «ученье въ счастьѣ красота, а въ несчастьѣ прибѣжище»; «кто говоритъ, что хочетъ, услышитъ, чего не хочетъ». Отношеніе пословицъ къ «Наказу» указываютъ тѣ изъ нихъ, которыми дается понятіе о законахъ и ихъ исполнителяхъ: «всуе законы писать, когда ихъ не исполнять»; «гдѣ добрые судьи поведутся, и ябедники переведутся»; «милость—хранитель государства». Въ иныхъ пословицахъ выставлены тѣ качества, какія, по Инструкціи, слѣдовало поселять въ сердцахъ дѣтей: кроткое обращеніе не только съ людьми, но и съ животными, привѣтливость, скромность, послушаніе (наприм.: «добрый привѣтъ и кошкѣ пріятенъ»; «кто ласково принимаетъ, того любви всякій желаетъ»; «кто смиреніемъ себя украшаетъ, тотъ честностію укрѣпляетъ»; «упрямство есть порокъ слабаго ума»).

См.: О педагогическомъ значеніи сочиненій Екатерины Великой, Н. Лавровскаго (1856) и мой отчетъ объ этой книгѣ въ 12 № Отеч. Зап. 1856 г. «Нарочитыя книжицы», написанныя императрицею для ея внуковъ, великихъ князей Александра и Константина, исчислены въ «Инструкціи». Въ числѣ ихъ показаны «Китайскія мысли о совѣсти»; но особаго изданія ихъ не было: онѣ вошли въ Гражданское ученіе. Понятія Екатерины о воспитаніи встрѣчаются нерѣдко и въ другихъ ея сочиненіяхъ, особенно въ «Быляхъ и небылицахъ», и въ драмахъ, какъ увидимъ ниже.

§ 209. По поводу вышеизложенной педагогической системы, явились въ нашей литературѣ многія произведенія, которыя имѣли цѣлію разъяснить и укрѣпить своимъ приговоромъ новыя начала воспитанія. Голоса ихъ сливались во-едино съ голосомъ правительства. «Слово на открытіе академіи художествъ», Сумарокова, какъ бы повторяетъ мысль Бецкаго о превосходствѣ благонравныхъ людей предъ учеными: «Возсіяли науки—и погибла естественная простота, а съ нею и чи-

стота сердца. Полезнѣе быть неученымъ прежнихъ незлобивыхъ вѣковъ, нежели нынѣшнихъ ученымъ и ко вреду общества безъ воспитанія возращеннымъ. Лучше безумный (т. е. неумный) и честный человѣкъ, нежели разумный и безчестный». «Слово о воспитаніи (1765)», митрополита Платона, развиваетъ мысль о томъ, что воспитаніе есть предуготовленіе къ добродѣтели. Проповѣдникъ опредѣляетъ его и отрицательно, и положительно. «Оно не состоитъ въ нѣжностяхъ тѣлесныхъ, въ увеселеніяхъ чувственныхъ, въ обученіяхъ, которыя только своею наружностію поражать обыкли». Въ чемъ же состоитъ оно? «Въ должности быть прилежну, въ домостроительствѣ тщательну, въ трудахъ нелѣностну, къ бѣдности другихъ сожалительну, въ счастіи не возносливу, въ несчастіи не унылу, къ общей пользѣ ревностну, во всякихъ обхожденіяхъ быть искренну, ласкову, снисходительну: въ семъ состоитъ существенная воспитанія сила». Этой самой силы требуютъ отъ воспитанія и «Наказъ», и «Инструкція». Клеркъ, въ упомянутой рѣчи (§ 206), смотритъ на относительное значеніе разныхъ элементовъ воспитанія согласно съ Екатериною. Онъ говоритъ: «человѣческое сердце подобно корню; о устроеніи его надлежитъ имѣть неусыпное попеченіе; наставленіе есть, такъ сказать, стебель онаго, а полезныя познанія—отрасли. Добронравіе есть первое или наипаче единое вещественное (существенное) свойство, требуемое въ наставникѣ, но оное въ нынѣшнемъ вѣкѣ столь же рѣдко, сколь науки сдѣлались общими». Слова эти, показывая, что добродѣтель и ученость рѣдко совмѣщаются, вмѣстѣ съ тѣмъ отводятъ ученію подчиненное мѣсто въ дѣлѣ воспитанія: познанія—только отрасли, корень же—хорошо (т. е. добродѣтельно) устроенное сердце. «Въ сей философскій вѣкъ поспѣшествовали не мало ученію тѣмъ, что доказали, что прежде всего надлежитъ укрѣпить тѣло, исправить чувства, дабы послѣ можно было понятія наши привести въ совершенство. Сіе открытіе есть драгоцѣннѣйшій даръ, учиненный философіею общественному порядку».

Наилучшее представленіе новыхъ педагогическихъ началъ видимъ въ комедіяхъ Фонъ-Визина: «Бригадиръ (1764)» и «Недоросль (1782)». Онѣ служатъ блистательными памятниками дѣятельности ихъ автора, достоинство которой есть достоинство просвѣщеннаго, сознательнаго ея отношенія къ предметамъ гражданскаго благоустройства, въ особенности къ воспитанію.

Фонъ-Визину (1744—1792), какъ и всякому литератору, предстояло въ этомъ случаѣ два способа дѣйствія: положительный и отрицательный. Онъ выбралъ послѣдній, по свойству своего таланта, но не ограничился имъ однимъ: рядомъ съ обличеніемъ ложныхъ и вредныхъ жизненныхъ явленій идетъ у него разъясненіе разумныхъ основаній жизни. Комедіи его имѣютъ предметомъ существенные недостатки русскаго воспитанія: «Бригадиръ» изображаетъ внѣшній лоскъ европеизма, сообщаемаго французскими гувернерами; «Недоросль»—невѣжественное ученіе дома, подъ вліяніемъ родителей грубыхъ или ослѣпленныхъ животною любовію къ своимъ дѣтямъ.

Сюжетъ первой комедіи незначителенъ: ея завязка—взаимная любовь Добролюбова и дочери Совѣтника Софьи, которую, противъ воли, положили выдать за Бригадирова сына Иванушку, и забавныя отношенія Бригадира и сына его къ Совѣтницѣ, а Совѣтника къ Бригадиршѣ; развязка—обнаруженіе этихъ отношеній, въ слѣдствіе чего предполагаемый бракъ не состоялся, и Софья становится невѣстой Добролюбова. Но, при неважности сюжета, важенъ смыслъ комедіи, ея содержаніе.

Оно не отвѣчаетъ ея названію, ибо главное лице въ ней вовсе не Бригадиръ. Равнымъ образомъ не указывается оно и заключительными словами Совѣтника, съ которыми онъ, какъ съ нравоученіемъ, обратился къ партеру: «говорятъ, что съ совѣстью жить худо; а я самъ теперь узналъ, что жить безъ совѣсти всего хуже». Сентенція эта, вполнѣ справедливая, относится къ нѣкоторымъ только лицамъ и наиболѣе къ самому Совѣтнику; но она не касается ни Добролюбова, ни Софьи, ни Бригадирши. За объясненіемъ смысла піесы надобно обратиться къ тѣмъ, пустымъ и безцвѣтнымъ въ поэтическомъ значеніи, лицамъ, которыя справедливо называются резонерами, такъ какъ ихъ роль ограничена единственно разсужденіями. Имъ авторъ передалъ право толковать идею сочиненія. Въ «Бригадирѣ» это право предоставлено Добролюбову. Онъ и Софья образуютъ второй рядъ дѣйствующихъ лицъ, совершенно отличный отъ перваго, болѣе многочисленнаго—Бригадира съ женой и сыномъ, Совѣтника и Совѣтницы. Слѣдуя французскимъ драмамъ, Фонъ-Визинъ разставлялъ своихъ героинь и героевъ въ симметрической противоположности, подобно шашкамъ на шахматной доскѣ: на одной сторонѣ все хорошее, на другой—все дурное. Добролюбовъ—портретъ, написанный въ противоположность портрету Иванушки. По его фамиліи видно, что онъ любитъ добро; а внушеніе этой любви, «благонравіе», образуетъ, какъ мы знаемъ, главную цѣль новаго воспитанія. Когда Иванушка, поссорясь съ отцомъ, обратился къ Добролюбову съ словами: «вы, конечно, сами знаете много дѣтей, которыя дѣлаютъ честь своимъ отцамъ», послѣдній отвѣчалъ: «а еще больше такихъ, которыя имъ дѣлаютъ безчестье; правда и то, что всему причиной воспитаніе». Это дурное воспитаніе, какъ причина безчестья, представлено въ лицѣ Бригадирова сына: избалованный глупою матерью, онъ былъ отданъ въ пансіонъ, содержимый какимъ-то французскимъ кучеромъ, и завершилъ свое образованіе въ Парижѣ. «Онъ сдѣлался повѣсою», говоритъ его отецъ: «и тѣмъ хуже, что сдѣлался онъ повѣсою французскою; худы русскіе, а французскіе еще хуже». Иванушка гордится тѣмъ, что по духу онъ принадлежитъ Франціи, хотя его тѣло родилось въ Россіи. Влюбленный въ Совѣтницу, онъ находитъ въ ней единственный, но за то неисправимый недостатокъ: «все несчастіе мое состоитъ въ томъ, что ты Руская. Совѣтница, относительно понятія о томъ, какова должна быть женщина «новой породы людей», тоже, что Иванушка по отношенію къ идеалу добродѣтельнаго, благонравнаго мужчины: она съ претензіями на свѣтскость, поклонница модъ, кокетка, зараженная пристрастіемъ ко всему французскому и легко смотрящая на обязанности супруги. Это—внѣшность европейской жизни, быстро усвоенная русскою женщиной, безъ всякой мысли о томъ, что такое истинно-европейское образованіе, и безъ малѣйшаго знакомства съ своимъ отечествомъ. Совсѣмъ другое дѣло Софья, столько же благоразумная и нравственная, сколько Совѣтница неразумна и безнравственна. Софья не выходитъ изъ повиновенія родителямъ, хотя и понимаетъ ихъ несправедливые съ собой поступки; не измѣняетъ слову, которое дала жениху своему, хотя и не предвидитъ благопріятнаго оборота въ своей судьбѣ.

Но, «отверзая новыя врата просвѣщенію, монархиня въ тоже время и тѣмъ же самымъ полагаетъ новую преграду ябедѣ и коварству»: такъ говоритъ Фонъ-Визинъ въ письмѣ къ «Сочинителю былей и небылицъ», т. е. къ самой Екатеринѣ. Однимъ изъ первыхъ ея распоряженій, по вступленіи на престолъ, были мѣры противъ взяточниковъ. Въ указѣ 1762 г. іюля 18 значится: «Съ истиннымъ огор-

ченіемъ отъ давняго времени слышали довольно, а нынѣ и дѣломъ самымъ увидали, до какой степени въ государствѣ нашемъ лихоимство возрасло, что едва ли есть малое самое мѣсто правительства, въ которомъ бы божественное сіе дѣйствіе, судъ, безъ зараженія сей язвы отправлялся: ищетъ ли кто мѣста—платитъ; защищается ли кто отъ клеветы—обороняется деньгами; клевещетъ ли кто на кого—всѣ происки свои хитрые деньгами подкрѣпляетъ. Многіе судящіе освященное свое мѣсто, въ которомъ они именемъ нашимъ должны показать правосудіе, въ торжище превращаютъ, вмѣняя себѣ ввѣренное отъ насъ званіе судіи безкорыстнаго и нелицепріятнаго за пожалованный будто бы имъ доходъ въ поправленіе дома своего, а не за службу, приносимую Богу, намъ и отечеству, и мздопріимствомъ бомерзкимъ претворяютъ клевету въ праведный доносъ, разореніе государственныхъ доходовъ въ прибыль государственную, а иногда нищаго дѣлаютъ богатымъ, а богатаго нищимъ». За указаніемъ сильно распространеннаго зла послѣдовали вскорѣ нѣкоторыя мѣры къ его прекращенію: манифестомъ 15 декабря 1763 г. предписано «наполнить судебныя мѣста достойными и честными людьми, положивъ имъ довольное жалованье». «Бригадиръ», по поводу этого предмета, также представляетъ просвѣщенное отношеніе къ современнымъ нравамъ и современнымъ понятіямъ объ улучшеніи нравовъ. Въ лицѣ Совѣтника выведенъ старинный подьячій,—прямая приказная строка, по отзыву его жены. Онъ бралъ и съ виноватаго и съ праваго: съ виноватаго за вину, съ праваго за правоту. Послѣ вышеозначеннаго указа о лихоимствѣ, онъ вышелъ въ отставку и удалился въ деревню, неправедно имъ нажитую. Чтобы выразить нѣсколько мыслей о поднятомъ тогда вопросѣ, комедія навязала Добролюбову какой-то процессъ. Въ разговорѣ съ Совѣтникомъ, онъ показываетъ, что прошло то время, когда «всякій, и съ правымъ, и съ неправымъ дѣломъ, шелъ въ приказъ и могъ, подружась съ судьею, получить милостивую резолюцію»; что «если корыстолюбіе нашихъ лихоимцевъ перешло всѣ предѣлы, то всякій, не находившій въ учрежденныхъ мѣстахъ своего права, могъ идти прямо къ высшему правосудію». Но страхъ наказанія за лихоимство породилъ другую бѣду, указываемую Добролюбовымъ—судейскія проволочки: «большая часть судей нынче взятокъ хотя и не берутъ, да и дѣлъ не дѣлаютъ». Есть также указаніе на безграмотность подьячихъ, какъ на одну изъ многихъ причинъ дурнаго состоянія правосудія, обратившагося въ кривосудіе: «сколько у насъ исправныхъ секретарей (говоритъ Совѣтникъ), которые экстракты сочиняютъ безъ грамматики! любо—дорого смотрѣть! У меня на примѣтѣ есть одинъ, который что когда напишетъ, такъ иной ученый и съ грамматикою вовѣки того разумѣть не можетъ».

Такимъ образомъ идея комедіи какъ бы двоится: съ одной стороны (и это главное) въ ней изображены вредныя и смѣшныя послѣдствія ложнаго образованія, сообщаемаго иностранцами; съ другой стороны—лихоимство и ябедничество, которымъ правительство старалось положить преграды.

Художественная критика справедливо находитъ въ «Бригадирѣ» многіе недостатки. Главный изъ нихъ тотъ, что между сюжетомъ комедіи и ея основною мыслью нѣтъ внутренней связи. Дурное воспитаніе и лихоимство могли быть представлены помимо любви Добролюбова и Софьи,—любви, въ которой небыло никакой надобности и которая служитъ не болѣе, какъ общимъ мѣстомъ французскихъ драмъ XVIII в. Отсюда и происходитъ, что лица, нужныя для завязки и развязки піесы, совершенно не нужны по отношенію къ идеѣ, тогда какъ лица Бригадира, Бригадирши, Иванушки,

Совѣтника и Совѣтницы, второстепенныя относительно сюжета, необходимы для выраженія идеи, и слѣдов. по отношенію къ ней главныя. Другой недостатокъ— неорганическое развитіе дѣйствія и характеровъ. Лица выходятъ на сцену и сходитъ со сцены по волѣ автора, а не въ силу естественнаго, необходимаго хода дѣйствія; характеры ихъ какъ явились съ перваго раза, такъ и сохранили тотъ же видъ. Постановка ихъ очень удачна, но дальнѣйшаго движенія въ нихъ нѣтъ: они обращены къ зрителю постоянно одною стороною и не выказываютъ другихъ сторонъ; притомъ же они проводятъ время не столько въ дѣйствіи, сколько въ разговорахъ. Наконецъ піеса переступила мѣру смѣшнаго. Кн. Вяземскій справедливо замѣтилъ, что Бригадиръ болѣе комическая каррикатура, нежели комическая картина. Но каррикатура, какъ намѣренное увеличеніе смѣшнаго, также подчиняется закону. Въ основаніи ея должна быть истина. Остроумно уподобляютъ каррикатурныя изображенія тѣмъ фигурамъ, которыя выходятъ на промокаемой бумагѣ и которыя, при всемъ ихъ безобразіи, даютъ однакожъ знать о правильномъ, нормальномъ образѣ. Иначе въ нихъ будетъ фальшъ. Увлекаемый комическимъ настроеніемъ и желая во что бы ни стало смѣшить зрителей, Фонъ-Визинъ иногда заставляетъ дѣйствующія лица говорить то, чего они не могли бы сказать по своему характеру или положенію. Поэтому въ одномъ мѣстѣ піесы даже оказалось странное противорѣчіе: Совѣтникъ вышелъ и чрезвычайно худымъ и чрезвычайно дороднымъ. Бригадирша замѣчаетъ ему, что онъ «съ поста и молитвы скоро будетъ походить на усопшаго»; а черезъ нѣсколько времени онъ самъ разсказываетъ Бригадиру, что въ коллегіи, гдѣ онъ служилъ президентомъ, былъ одинъ канцеляристъ чуть не въ-пятеро его толще: и Бригадиръ не вѣритъ такой невиданной толщинѣ. «Но», какъ замѣчаетъ кн. Вяземскій, «каррикатурный отпечатокъ Бригадира не признакъ безвкусія, а выраженіе ума оригинальнаго, поэзія веселости». Дѣйствительно, комедія исполнена забавныхъ, истинно-комическихъ положеній. Лучшее лице ея— Бригадирша, списанная авторомъ съ дѣйствительности. Подлинникомъ этого лица послужила мать одной дѣвушки, которою Фонъ-Визинъ былъ заинтересованъ— «дура набитая». Бригадирша, по словамъ гр. Н. И. Панина, часто слушавшаго чтеніе комедіи, «всѣмъ родня: никто не можетъ сказать, чтобы не имѣлъ у себя подобной или бабушки, или тетушки, или какой нибудь свойственницы». Онъ же назвалъ «Бригадира» первою комедіею въ русскихъ нравахъ. Благодаря живому отношенію къ современности, воплощенной въ нѣсколькихъ живыхъ лицахъ, «Бригадиръ» имѣлъ великій успѣхъ. «Вліяніе, имъ произведенное (таковъ отзывъ кн. Вяземскаго), можно опредѣлить тѣмъ, что отъ нея званіе бригадира обратилось въ смѣшное нарицаніе. Нарицаніе пережило и самое званіе: бригадировъ уже нѣтъ по табели о рангахъ, но есть еще (или по крайней мѣрѣ былъ) родъ свѣтскихъ старовѣровъ, къ которымъ имя сіе примѣняется».

Если послѣднія слова, которыми Совѣтникъ заключаетъ комедію «Бригадиръ» не указываютъ существеннаго ея смысла, то въ «Недорослѣ», напротивъ, такія же слова прямо идутъ къ дѣлу. При видѣ отчаяннаго положенія Простаковой, матери Митрофана (Недоросля), восклицающей: «погибла я совсѣмъ! отъ стыда никуда глазъ показать нельзя! нѣтъ у меня сына!», Стародумъ, дядя Софьи, жившей въ домѣ Простаковыхъ, говоритъ: «вотъ злонравія достойные плоды!» Именно такъ, а не иначе, потому что цѣль піесы—представить дурное воспитаніе, невѣжество и злоупотребленіе домашней власти. Послѣдніе два предмета коре-

нятся въ первомъ: причина ихъ — дурное воспитаніе или отсутствіе воспитанія; отсюда необходимо проистекаетъ злонравіе, тогда какъ хорошее воспитаніе есть источникъ благонравія. Тотъ же самый Стародумъ желаетъ, чтобы при наукахъ не забывалась главная цѣль всѣхъ знаній человѣческихъ — благонравіе: «какъ скоро всѣ увидятъ, что безъ благонравія никто не можетъ выйти въ люди, тогда всякій найдетъ выгоду быть благонравнымъ и всякъ хорошъ будетъ». Такъ какъ въ противоположность злонравной Простаковой выведена Софья, то, разумѣется, послѣдняя отличается благонравіемъ. Въ разговорахъ съ нею, Стародумъ постоянно напираетъ на это качество: «прямую цѣну уму даетъ благонравіе»; «какого воспитанія ожидать отъ матери, потерявшей добродѣтель? какъ ей учить благонравію, котораго въ ней нѣтъ?» На вопросъ Софьи, отъ чего происходятъ страшныя несчастія въ семейной жизни, Стародумъ отвѣчаетъ: «Отъ того, что при нынѣшнихъ супружествахъ рѣдко съ сердцемъ совѣтуются. Дѣло о томъ, знатенъ ли, богатъ ли женихъ, хороша ли, богата ли невѣста; о благонравіи вопросу нѣтъ. Никому и въ голову не приходитъ, что добродѣтель все замѣняетъ, а добродѣтели ничто замѣнить не можетъ».

Такова идея «Недоросля», но такова же сущность и вышеизложенной нами педагогической системы. Фонъ-Визинъ своею комедіей совершенно подтверждаетъ воззрѣнія Екатерины и Бецкаго. Онъ положительно ставитъ ученіе ниже нравственнаго образованія и не придаетъ никакой цѣны уму, если онъ не соединенъ съ благороднымъ сердцемъ. Въ разговорахъ между Стародумомъ, Правдинымъ и Софьею, то и дѣло повторяется мысль о воспитаніи, какъ средствѣ внушить человѣку добродѣтель. «Прямое достоинство въ человѣкѣ есть душа. Безъ нея просвѣщеннѣйшая умница — жалкая тварь. Невѣжда безъ души—звѣрь... Съ великимъ просвѣщеніемъ можно быть великому скареду... Умъ, коль онъ только что умъ, самая бездѣлица. Съ пребѣглыми умами видимъ мы худыхъ мужей, худыхъ отцевъ, худыхъ гражданъ. Прямую цѣну уму даетъ благонравіе: безъ него умный человѣкъ—чудовище... Наука въ развращенномъ сердцѣ есть лютое оружіе дѣлать зло. Просвѣщеніе возвышаетъ одну добродѣтельную душу». Вѣра въ силу воспитанія, которое искореняетъ общественные недостатки и творитъ достойныхъ гражданъ, была общимъ убѣжденіемъ передовыхъ людей Екатеринина времени. «Припомните слова мои», говоритъ императрица въ Быляхъ и небылицахъ» (см. ниже): «всѣ теперешніе пороки ничего не значатъ; они схожи на стекающее полноводіе; вода же, пришедъ въ прежнія границы и берега свои, возъимѣетъ теченіе естественнѣе прежняго: берега суть воспитаніе». Взглядъ Фонъ-Визина выраженъ въ одной сценѣ между Стародумомъ и Правдинымъ (дѣйствіе V, явленіе I), которая, по замѣчанію кн. Вяземскаго, приноситъ честь и писателю, и государю, въ царствованіе коего она написана: «Гдѣ государь мыслитъ, гдѣ онъ знаетъ, въ чемъ его истинная слава, тамъ человѣчеству не могутъ не возвращаться его права; тамъ всѣ скоро ощутятъ, что каждый долженъ искать своего счастья и выгодъ въ томъ, что законно .. Великій государь есть государь премудрый. Его дѣло показать людямъ прямое ихъ благо. Слава премудрости есть та, чтобъ править людьми, потому что управляться съ истуканами нѣтъ премудрости. Достойный престола государь стремится возвысить души подданныхъ. Мы это видимъ своими глазами... Несчастіямъ людскимъ, конечно, причиною собственное ихъ развращеніе; но способы сдѣлать людей добрыми въ

рукахъ государя. Чтобы въ достойныхъ людяхъ не было недостатку, прилагается нынѣ особливое стараніе о воспитаніи. Оно и должно быть залогомъ благосостоянія государства».

Въ «Недорослѣ», какъ и въ «Бригадирѣ», главныя лица разставлены симметрично: на одной стороны идеалы, на другой—крайнія отступленія отъ идеаловъ. Къ первому разряду лицъ относятся: Стародумъ, Правдинъ, Софья и Милонъ; ко второму: Простаковы (мужъ и жена), Митрофанъ и Скотининъ. Представимъ краткую характеристику тѣхъ и другихъ, начавъ съ Недоросля, не потому только, что онъ далъ свое названіе комедіи, но и потому, что онъ дѣйствительно главное лице въ ней, служа по преимуществу къ выраженію ея идеи—дурнаго воспитанія. Такъ какъ недорослей не существуетъ уже болѣе, то и слѣдуетъ, за объясненіемъ ихъ значенія, отнестись къ исторіи. Матеріалы для знакомства съ ними находятся частію въ оффиціальныхъ актахъ, частію въ литературныхъ памятникахъ.

Недоросли ведутъ свое начало отъ реформы Петра: его грозными указами повелѣно было дворянскимъ дѣтямъ явиться на службу немедленно; въ случаѣ неповиновенія, высылкой ихъ распоряжалось мѣстное начальство; не получившіе свидѣтельства въ томъ, что выучились наукѣ, не могли ни поступать на службу, ни жениться. По смерти Петра, правительство также постоянно озабочивалось судьбою недорослей: въ 1727 г. состоялся сенатскій указъ о высылкѣ ихъ изъ герольдмейстерской конторы въ адмиралтейскую коллегію; возрастъ былъ назначенъ отъ 12 до 17 лѣтъ; молодые дворяне, ничему не научившіеся, отдавались въ матросы. Императрица Анна подтвердила это распоряженіе сената (указами 1736 и 1737 г.). Всѣ малолѣтнія дѣти, начиная съ семи лѣтъ и выше, долженствовали записываться въ школы. Имъ приказано было являться на смотръ въ Петербургѣ къ герольдмейстеру, а въ губерніяхъ къ губернаторамъ для испытанія ихъ въ наукахъ. По достиженіи двадцатилѣтняго возраста, ихъ назначали въ службу, если только они успѣшно кончили курсъ ученія; не успѣвшіе или вовсе неучившіеся поступали безъ выслуги въ матросы. Принимая въ уваженіе домашнія обстоятельства, дозволено было нѣкоторымъ недорослямъ учиться у родителей, но съ тѣмъ, чтобы, по достиженіи ими 20 лѣтъ, они представили свидѣтельство въ достаточныхъ знаніяхъ изъ закона Божія, ариѳметики и геометріи. Постановлены были также правила опредѣленія недорослей къ приказнымъ дѣламъ и обученія ихъ нужными для того науками. Секретари по экспедиціямъ объясняли имъ дѣлопроизводство, уложенье и указы; кромѣ того, два раза въ недѣлю занимали ихъ ариѳметикой, геометріей, геодезіей, географіей и грамматикой. Въ царствованіе Елизаветы, указами 1742 и 1747 г., недоросли обязаны были два раза являться на смотръ въ столицы: въ первый разъ семи лѣтъ, во второй двѣнадцати. По осмотрѣ распредѣляли ихъ въ школы. Безъ ученія никто не могъ поступить на службу. Не явившихся на смотръ предписано было отдавать въ солдаты и матросы; но какъ многіе двѣнадцатилѣтніе недоросли не имѣли родителей, а сами читать указовъ не могли, то всѣ таковые получили прощеніе (1751). Въ послѣдствіи (1754) были прощены и другіе недоросли, равно какъ и ихъ укрыватели; окончательный срокъ для ихъ явки назначили въ 1756. Съ неявившимися и въ этотъ срокъ поступлено было также милостиво (1760). Когда размножились способы къ образованію; когда, кромѣ кадетскихъ корпусовъ и

московскаго университета, возникли частные пансіоны и явились иностранцы-гувернеры: тогда особыя постановленія для недорослей потеряли свою силу. Но старая привычка коренилась еще во многихъ мѣстахъ: родители не хотѣли разстаться съ своими дѣтьми, держали ихъ при себѣ дома, какъ можно болѣе отдаляя срокъ поступленія ихъ на службу или думая о томъ, какъ бы скорѣе выручить ихъ изъ службы. Такъ было и въ то время, когда явилась комедія Фонъ-Визина. Изъ современныхъ свидѣтельствъ о жизни и воспитаніи недорослей самымъ вѣрнымъ служатъ «Записки маіора Данилова» (1771), который родился въ 1722 г. и семи лѣтъ сѣлъ за азбуку: слѣд. время его ученія относится къ эпохѣ Петра II и Анны. Учителями его были сначала пономарь Брудастый — истый типъ старинныхъ дидаскаловъ, грубо и жестоко съ нимъ обращавшійся, а потомъ дворовый человѣкъ, который соединялъ въ своемъ лицѣ должности наставника и компаньона. На послѣднее обстоятельство указываютъ слова Стародума: «Сколько дворянъ-отцевъ, которые нравственное воспитаніе сынка своего поручаютъ своему рабу крѣпостному! Лѣтъ черезъ пятнадцать и выходитъ вмѣсто одного раба двое: старый дядька, да молодой баринъ». Родственница Данилова, вдова Матрена Петровна, у которой онъ жилъ въ домѣ,— второй экземпляръ Простаковой, а можетъ быть и ея оригиналъ. Портретъ ея въ «Запискахъ» стоитъ комическаго характера: «Она грамотѣ не знала; только всякій день, разогнувъ большую книгу на столѣ, акаоистъ Богородицѣ всѣмъ въ-слухъ громко читала. Охотница великая была кушать щи съ бараниной: какъ скоро примется свои щи любимыя кушать, то кухарку притаща люди въ ту горницу, гдѣ мы обѣдаемъ, положатъ на полъ и станутъ сѣчь батожьемъ немилосердно, и потуда сѣкутъ и кухарка кричитъ, пока не перестанетъ вдова щи кушать. Это такъ уже введено было во всегдашнее обыкновеніе, видно для хорошаго аппетиту». Въ племянникѣ Матрены Петровны, по безнравственному баловству ея, готовился своего рода Митрофанъ: не онъ былъ наказываемъ за свои проступки, а компаньонъ его Даниловъ и челядинецъ-учитель. Много яркихъ указаній на образъ жизни дворянъ и ихъ дѣтей-недорослей встрѣчается въ сатирическихъ журналахъ 1769—74 г.г. и другихъ литературныхъ произведеніяхъ. Такъ, напримѣръ, «Всякая всячина» (1769), въ одномъ изъ своихъ еженедѣльныхъ листовъ, содержитъ разсказъ епифанскаго дворянина объ ученіи его сначала у дьячка, съ которымъ онъ въ четыре года могъ съ нуждою разбирать букварь, а потомъ у француза, который былъ выгнанъ изъ дому за то, что хотѣлъ принуждать тринадцатилѣтняго ребенка. Слѣдствія такого воспитанія изображены въ «Живописцѣ» (1774). Это же изданіе заключаетъ въ себѣ письма къ Ѳалалею отъ его матери, отца и дяди, чрезвычайно похожихъ на Простакову, Простакова и Скотинина. Къ журналамъ присоединяются комедіи Екатерины. Хотя ни одна изъ нихъ не имѣла прямаго намѣренія выставить недорослей; однакожъ нѣкоторыми сценами онѣ даютъ понятія о той средѣ, въ которой росли и выростали лица, подобныя Митрофану. Такъ въ комедіи: «О время! (1772)», изъ разсказа госпожи Чудихиной о ея восьмнадцатилѣтнемъ сынѣ Николашкѣ узнаемъ многія черты молодаго провинціальнаго дворянства: Николашка всю зиму не сходилъ съ лежанки; въ болѣзни ничего не ѣлъ, кромѣ блиновъ и сластей; мать спала у него въ головахъ, чтобы ночью чего-нибудь ему не причудилось; онъ только что кончилъ азбуку, но часослова

не начиналъ; въ Питеръ не ѣздилъ и числился въ уѣздной командѣ; за малограмотность не давали ему и капральства, хотя мать его и даривала, кому надлежитъ.

Приведенныя свидѣтельства достаточно объясняютъ лице недоросля. Мы видимъ, что онъ не только существовалъ дѣйствительно, но и былъ предметомъ законодательныхъ мѣръ съ одной стороны, литературныхъ изображенiй съ другой. Эти изображенiя предшествовали комедiи Фонъ-Визина, которая поэтому состоитъ съ ними въ исторической связи, но превосходитъ ихъ художественнымъ достоинствомъ: въ преемственныхъ характеристикахъ одного и тоже типа, Митрофанъ занимаетъ между ними первое мѣсто. Какъ представлено его образованiе въ комедiи? Грамотѣ, часослову и псалтири онъ учится у дьячка Кутейкина, ариѳметикѣ, или цыфири, у отставнаго сержанта Цыфиркина, по-французски и всѣмъ наукамъ у Вральмана, который «ребенка (Митрофану 16 лѣтъ) не неволитъ». Вральманъ оказался кучеромъ, что не выходитъ изъ предѣловъ вѣроятiя. Подобные случаи могли быть и прежде и послѣ «Недоросля». Иванушка воспитывался въ пансiонѣ, содержимомъ французскимъ кучеромъ: чѣмъ же сынъ Простаковой лучше бригадирова сына? Въ комедiи: «Госпожа Вѣстникова съ семьею (1772)», императрица Екатерина заставляетъ старую Вѣстникову такъ отзываться о наставникѣ своего внука: «Ужасть какъ мнѣ хочется выгнать эту харю изъ дому. Да ужъ и обѣщали мнѣ достать какого-то другаго учителя, который гдѣ-то былъ скороходомъ; а этотъ пусть себѣ по прежнему опять пойдетъ въ кучера къ кому-нибудь». При родителяхъ-невѣждахъ легко было являться учителямъ-самозванцамъ. «Записки Порошина» (1764—65) разсказываютъ, что къ одному московскому дворянину поступилъ въ учителя чухонецъ, выдавъ себя за француза, и выучилъ дѣтей его вмѣсто французскаго языка чухонскому. Но какъ ни плохо шло образованiе Митрофана, все же оно было шагомъ впередъ. Родители и дядя недоросля совершенно безграмотны: Скотининъ отъ роду ничего не читывалъ; Простаковъ воспитанъ, какъ красная дѣвица старыхъ временъ; Простакова гордится тѣмъ, что она можетъ получать письма, но читать ихъ всегда велитъ другому, и потому понятна ея ненависть къ новому образованiю женскаго пола: «вотъ до чего дожили! къ дѣвушкамъ письма пишутъ! дѣвушки грамотѣ знаютъ!» Дѣдъ Митрофана не хотѣлъ и слышать о школѣ: «прокляну ребенка», кричалъ онъ, «который что-нибудь перейметъ у бусурмановъ, и не будь тотъ Скотининъ, кто чему-нибудь учиться захочетъ». Въ противоположность семейству Простаковыхъ, Милонъ и Софья служатъ образцами людей «новой породы», произведенныхъ добрымъ воспитанiемъ. О Софьѣ мы уже говорили. Что касается до Милона, то, при всей его молодости, Стародумъ видитъ въ немъ и почитаетъ добродѣтель, украшенную разсудкомъ просвѣщеннымъ; другими словами, Милонъ соединяетъ «съ изящнымъ умомъ изящное сердце».

Стародумъ и Правдинъ — резонеры. Они прикомандированы къ пiесѣ, а не входятъ въ нее, какъ живые члены драматическаго организма. Грѣша противъ условiй драмы, обѣ роли весьма важны своимъ служебнымъ отношенiемъ къ идеѣ и цѣли комедiи. Стародумъ особенно былъ для того нуженъ: ему авторъ «Недоросля» передалъ свой обличительный голосъ. Читатели нашего времени могутъ находить его рѣчи утомительными и скучными, но въ эпоху Екатерины II онѣ выслушивались съ напряженнымъ вниманiемъ, потому что правдивой и смѣлой

сатирой обличали самые видные недостатки высшаго класса общества. Авторъ понималъ силу резонерства Стародума, почему и говоритъ въ письмѣ къ этому вымышленному лицу (1788): «Я долженъ признаться, что за успѣхъ комедіи моей одолженъ я вашей особѣ. Изъ разговоровъ вашихъ съ Правдинымъ, Милономъ и Софьею составилъ я цѣлыя явленія, кои публика и донынѣ съ удовольствіемъ слушаетъ». Потому-то, задумавъ издавать «періодическое сочиненіе, посвященное истинѣ», Фонъ-Визинъ назвалъ его именемъ «Стародума». Поэтому же Стародумъ, въ отвѣтѣ на письмо, разумѣлъ самого себя, выражая открыто и благородно, что «человѣкъ съ дарованіемъ можетъ въ своей комнатѣ, съ перомъ въ рукахъ, быть иногда полезнымъ совѣтователемъ государю, а иногда спасителемъ согражданъ своихъ и отечества».

Раскроемъ значеніе Стародума. Это, какъ видно изъ его имени, человѣкъ, «думающій по-старому», въ противоположность людямъ Екатеринина вѣка, которые думаютъ и поступаютъ по-новому. Теперь не въ обычаѣ предварительно знакомить зрителя съ дѣйствующими лицами посредствомъ ихъ именъ или фамилій; но тогда было почти общимъ правиломъ отмѣчать названіемъ лица его характеръ, его нравственную физіономію. Отецъ Стародума «служилъ Петру Великому и далъ своему сыну наилучшее воспитаніе по тому времени, когда еще не умѣли чужимъ умомъ набивать пустую голову». Это воспитаніе состояло въ одномъ правилѣ: «имѣй сердце, имѣй душу—и будешь человѣкъ во всякое время». Говоря о Запискахъ Неплюева (§ 186), мы отнесли его къ числу стародумовъ, по той причинѣ, что ему не по нраву были новые порядки и отношенія: онъ «инако воспитывался, инако мыслилъ, инако велъ себя»; онъ ни за кого не могъ ручаться, даже за своего сына. Есть основаніе думать, что черты стародумства Фонъ-Визинъ припоминалъ въ почтенныхъ качествахъ отца своего, «кои въ нынѣшнемъ обращеніи свѣта едва ли сохранить можно» (Чистосердечное признаніе въ дѣлахъ моихъ и помышленіяхъ). Человѣкъ стараго вѣка среди людей новосвѣтскихъ, «гдѣ всего чаще первая встрѣча бываетъ — умы, развращенные въ своихъ понятіяхъ, сердца, развращенныя въ своихъ чувствіяхъ»: вотъ кого представилъ Фонъ-Визинъ въ Стародумѣ, кто бы ни служилъ ему оригиналомъ. Стародумъ есть идеалъ нравственнаго совершенства, прямо-противоположный безнравственному состоянію, возникшему изъ превратной цивилизаціи, которая не лучше стариннаго невѣжества и на которую указывалъ Бецкій въ своихъ докладахъ. Въ чемъ же заключается высшее достоинство человѣка? По мнѣнію Стародума, или Фонъ-Визина (что одно и тоже), оно заключается въ честности. Стародумъ гордится этимъ качествомъ и называетъ себя «другомъ честныхъ людей». Тоже названіе Фонъ-Визинъ хотѣлъ перенесть на журналъ свой. Въ племянницѣ своей Стародумъ видитъ «сердце честнаго человѣка»: наилучшая похвала, какую только онъ могъ ей сдѣлать. Милонъ возбуждаетъ къ себѣ его сочувствіе, между прочимъ, и тѣмъ, что онъ племянникъ графа «Честана». И въ другихъ сочиненіяхъ, авторъ Недоросля остался вѣренъ своему взгляду на честность, какъ на высшую степень нравственности. «Каллисѳенъ», главное лице греческой повѣсти того же имени, можетъ быть сравниваемъ съ Стародумомъ. На письмѣ его къ Аристотелю послѣдній положилъ такую отмѣтку: «вотъ что честный человѣкъ въ два дня сдѣлать можетъ!» Въ «Жизни гр. Н. И. Панина», Фонъ-Визинъ не могъ придумать ему лучшаго панегирика, какъ сказавъ, что «гласомъ

цѣлой націи было дано ему титло честнаго человѣка». Наконецъ одинъ изъ «Вопросовъ», предложенныхъ имъ Екатеринѣ II, начинается слѣдующимъ образомъ: «Имѣя монархиню честнаго человѣка», и пр. Будучи главнѣйшимъ достоинствомъ сердца, честность нераздѣлима и совмѣщаетъ всѣ другія хорошія качества: «умнаго человѣка легко извинить можно, если онъ какого-нибудь качества не имѣетъ; честному человѣку никакъ простить нельзя, если недостаетъ въ немъ какого-нибудь качества сердца: ему необходимо всѣ имѣть надобно. Честный человѣкъ долженъ быть совершенно честный человѣкъ».

Изложенное понятіе Фонъ-Визина не принадлежитъ собственно ему, а заимствовано или прямо изъ упомянутаго сочиненія Дюкло: «Considérations sur les moeurs de ce siècle», который различаетъ слова: «probité», «vertu», «honneur», или изъ словаря французскихъ синонимовъ, принявшаго это различеніе на свои страницы. Фонъ-Визинъ воспользовался имъ въ «Опытѣ россійскаго сословника», съ тою перемѣною, что на первомъ планѣ поставилъ честь, возвысивъ ее и надъ добродѣтелью, и надъ безпорочностью:

Безпорочный бываетъ таковымъ по воспитанію, для собственныхъ выгодъ и повинуясь законамъ; *добродѣтельный* слѣдуетъ часто въ дѣлахъ своихъ разсужденію; но *честный* человѣкъ не закону повинуется, не разсужденію слѣдуетъ, не примѣрамъ подражаетъ: въ душѣ его есть нѣчто величавое, влекущее его мыслить и дѣйствовать благородно. Онъ кажется самъ себѣ законодателемъ. Въ немъ нѣтъ робости, подавляющей въ слабыхъ душахъ самую добродѣтель. Онъ никогда не бываетъ орудіемъ порока. Онъ въ своей добродѣтели самъ на себя твердо полагается.

Въ отношеніи къ логикѣ здѣсь повторена ошибка французскаго автора: видовое понятіе (честь) смѣшано съ родовымъ (добродѣтель). Но Фонъ-Визину было нужно не точное разграниченіе и размѣщеніе понятій, а представленіе высшаго достоинства человѣка. Честность не видъ добродѣтели или безпорочности, предметъ не подчиненный имъ и даже не равночинный, а возвышающійся надъ ними; образцовый, примѣрный человѣкъ есть человѣкъ честный: такъ онъ думалъ, побуждаемый извѣстнымъ намѣреніемъ, въ силу котораго допустилъ логическую несообразность. А намѣреніемъ его было выставить дурно воспитанныхъ дворянъ. Слова Правдина: «надобно, чтобъ всякое состояніе людей имѣло приличное себѣ воспитаніе», согласны съ правиломъ Инструкціи: «всякое доброе воспитаніе учреждено быть должно, смотря на того, кому оное дается». Митрофанъ— дворянинъ; дворянству въ особенности вмѣняется «Наказомъ» честь и воспрещены унизительныя дѣйствія; совершенство же сохраненія чести состоитъ «въ любви къ отечеству и наблюденіи всѣхъ законовъ и должностей» (Нак. §§ 373—374). Потому не удивительно встрѣтить въ рѣчахъ Стародума рѣзкія выходки противъ недостойныхъ дворянъ вообще, противъ знатныхъ дворянъ въ частности, которые, не смотря на свою знатность, «владѣли искуствомъ проманивать, т. е. не исполнять обѣщаемаго, питая одною тщетною надеждою». Изъ 13-го вопроса Екатеринѣ II видно, что въ сердцахъ дворянъ поселилась безчувственность къ достоинству благороднаго званія, что титло дворянина не было уже знакомъ душевнаго благородства. Надлежало «возвысить упадшія души дворянства». Но, чтобы достигнуть этого, надлежало возвысить понятіе о чести, какъ главной принадлежности дворянства. Фонъ-Визинъ—самъ дворянинъ — то и сдѣлалъ: честь поставлена имъ на первомъ планѣ; добродѣтель и безпорочность отодвинуты на второй планъ. Нравственный упадокъ дворянства представленъ

Фонъ-Визинымъ во многихъ мѣстахъ, между прочимъ въ письмѣ къ Екатеринѣ по поводу «Вопросовъ». Увидѣвъ изъ ея отвѣтовъ, что она осталась недовольна нѣкоторыми вопросами, въ томъ числѣ и 13-мъ, Фонъ-Визинъ даетъ такое объясненіе: «Мнѣ случилось по своей землѣ поѣздить. Я видѣлъ, въ чемъ большая часть носящихъ имя дворянина полагаетъ свое любочестіе. Я видѣлъ множество такихъ, которые служатъ или паче занимаютъ мѣста въ службѣ для того только, чтобы ѣздить на парѣ. Я видѣлъ множество другихъ, которые пошли тотчасъ въ отставку, какъ скоро добились права впрягать четверню. Я видѣлъ отъ почтеннѣйшихъ предковъ презрительныхъ потомковъ. Словомъ, я видѣлъ дворянъ раболѣпствующихъ. Я дворянинъ, — и вотъ что растерзало мое сердце». Однимъ изъ крупныхъ недостатковъ современнаго дворянства Стародумъ признаетъ отсутствіе надлежащаго, прямаго разума, и въ слѣдствіе того непониманіе смысла въ словѣ «должность»: «Непрямой разумъ полагаетъ свое счастье не въ томъ, въ чемъ надобно»; а «должность есть тотъ священный обѣтъ, которымъ обязаны мы всѣмъ тѣмъ, съ кѣмъ живемъ и отъ кого зависимъ». Еслибъ у людей былъ прямой разумъ; «еслибъ такъ должность исполняли, какъ объ ней твердятъ: всякое состояніе людей осталось бы при своемъ любочестіи и было бъ совершенно счастливо. Дворянинъ, напримѣръ, считалъ бы за первое безчестье не дѣлать ничего, когда ему есть столько дѣла: есть люди, которымъ помогать; есть отечество, которому служить. Тогда не было бъ такихъ дворянъ, которыхъ благородство, можно сказать, погребено съ ихъ предками. Дворянинъ, недостойный быть дворяниномъ,—подлѣе его ничего не знаю». На замѣчаніе Софьи, что люди согласились полагать счастіе въ богатствѣ и знатности, Стародумъ отвѣчаетъ: «Степени знатности расчитываю я по числу дѣлъ, которыя большой господинъ сдѣлалъ для отечества, а не по числу дѣлъ, которыя нахваталъ на себя изъ высокомѣрія; не по числу людей, которые шатаются въ его передней, а по числу людей, довольныхъ его поведеніемъ и дѣлами».

Согласно своимъ понятіямъ о достоинствѣ и обязанностяхъ дворянъ, Фонъ-Визинъ распорядился съ недорослемъ. Правдинъ говоритъ послѣднему: «съ тобой, дружокъ, знаю, что дѣлать, — ступай-ка служить». Тоже самое говорилъ Бригадиръ своей женѣ объ Иванушкѣ: «жена, не балуй ребенка; запишемъ его въ полкъ; пусть онъ, служа въ полку, ума набирается». Другаго исхода Митрофану и не было, по тогдашнему времени. Дальнѣйшее пребываніе при родителяхъ сдѣлало бы его окончательно злонравнымъ. Въ воспитательныя заведенія, находившіяся подъ управленіемъ Бецкаго, онъ поступить не могъ, какъ потому, что служилъ бы дурнымъ примѣромъ для другихъ, тогда какъ цѣль Бецкаго состояла именно въ устраненіи всякаго вреднаго вліянія на воспитанниковъ, такъ и потому, что Митрофану было 16 лѣтъ, а въ означенныя заведенія принимали дѣтей ранняго возраста, когда семейная среда не оставила еще замѣтныхъ слѣдовъ на юномъ умѣ и сердцѣ. Народныя училища еще не существовали. Если бы Митрофанъ и пристроился гдѣ-нибудь, то безъ надежды на успѣхъ: ему не давалась даже грамота, не говоря уже о наукахъ. Оставалось служить. Служба имѣла большую важность для Фонъ-Визина въ то время, когда «у насъ было не стыдно *ничего не дѣлать*» (12-ый вопросъ Екатеринѣ); когда главное стараніе большей части дворянъ состояло въ томъ, чтобы поскорѣе сдѣлать дѣтей своихъ, *не служа*, гвардіи унтеръ-офицерами» (7-ой вопросъ); когда всякій

только и смотрѣлъ, какъ бы на покоѣ. Праздность, коренной порокъ многихъ дворянъ Екатерининa вѣка, заставляла ихъ бояться должности какъ огня. «Что за радость выучиться?» замѣчаетъ Простакова Правдину. «Мы это видимъ своими глазами и въ нашемъ краю. Кто посмышленѣе, того свои же братья выберутъ еще *въ какую-нибудь должность*». Нападая на дворянское ничегонедѣланіе, Фонъ-Визинъ мѣтилъ не въ небывалое, а въ дѣйствительное, сильно распространенное зло, которое привело его къ строгому, исключительному правилу: дворянину позволяется выдти въ отставку только въ томъ случаѣ, когда онъ увѣренъ, что его служба не приноситъ отечеству прямой пользы.

Кромѣ невѣжества и дурнаго воспитанія, «Недоросль», сказали мы, изображаетъ также неизбѣжный результатъ ихъ — злоупотребленіе помѣщичьей власти, въ лицѣ Простаковой, «презлой фуріи, которой адскій нравъ дѣлаетъ несчастье цѣлаго дома». Эту домашнюю тираннію останавливаетъ отъ имени правительства чиновникъ Правдинъ. Чуждый внутренняго отношенія къ сюжету, онъ важенъ, какъ органъ «человѣколюбивыхъ видовъ высшей власти». Ему предписано «замѣчать тѣхъ злонравныхъ невѣждъ, которые, имѣя надъ людьми своими полную власть, употребляютъ ее во зло безчеловѣчно». Онъ беретъ въ опеку домъ и деревни Простаковой, такъ какъ ея «злонравіе въ благоучрежденномъ государствѣ терпимо быть не можетъ»; вмѣстѣ съ тѣмъ предостерегаетъ и Скотинина, приказывая ему повѣстить всѣмъ Скотининымъ, чтобъ они людей своихъ побольше любили, или бы по крайней мѣрѣ не трогали ихъ. Распоряжаясь такимъ образомъ, онъ дѣйствовалъ по силѣ «Наказа» и «Учрежденія для управленія губерній (1775)». Въ Наказѣ говорится: «какого бы рода покорство ни было, надлежитъ, чтобы законы гражданскіе злоупотребленія рабства отвращали (§ 254)»; «Петръ I узаконилъ въ 1722 г., чтобы безумные и подданныхъ своихъ мучащіе были подъ смотрѣніемъ опеки: по первой статьѣ сего указа чинится исполненіе, а послѣдняя для чего безъ дѣйства осталася — неизвѣстно (§ 256)». Приведеніе этой мѣры въ дѣйствіе учинено Учрежденіемъ о губерніяхъ. Въ разговорѣ съ Милономъ, Правдинъ указываетъ на связь своей роли съ этимъ законодательнымъ памятникомъ: «Ты знаешь образъ мыслей нашего намѣстника. Съ какою ревностію помогаетъ онъ страждущему человѣчеству! Съ какимъ усердіемъ исполняетъ онъ тѣмъ самымъ человѣколюбивые виды высшей власти! Мы въ нашемъ краю сами испытали, что гдѣ намѣстникъ таковъ, каковымъ изображенъ намѣстникъ въ Учрежденіи, тамъ благосостояніе обитателей вѣрно и надежно». Въ «Учрежденіи» же о намѣстникѣ говорится слѣдующее: «Намѣстникъ не есть судья, но оберегатель изданнаго узаконенія, ходатай за пользу общую и государеву, заступникъ утѣсненныхъ и побудитель безгласныхъ дѣлъ. Нося имя государева намѣстника, долженъ онъ показать въ поступкахъ своихъ доброхотство, любовь и соболѣзнованіе къ народу... Онъ имѣетъ пресѣкать всякаго рода злоупотребленія, а наипаче роскошь безмѣрную и разорительную, обуздывать излишества, безпутства, мотовство, тиранство и жестокости».

И содержаніемъ и драматическимъ достоинствомъ «Недоросль» выше «Бригадира», хотя нѣкоторыми сценами и лицами отступаетъ отъ требованій истинной комедіи. И здѣсь также главная погрѣшность — внѣшнее отношеніе идеи къ завязкѣ. Милонъ и Софья введены безъ всякой пользы для дѣйствія, изъ одного желанія показать лица прямо противоположныя семейству Простаковыхъ;

взаимная любовь ихъ нисколько не вяжется съ ходомъ піесы, угождая только обычаямъ ложно-классицизма. Другой недостатокъ «Недоросля» кн. Вяземскій находитъ въ неподвижности событія, иначе въ отсутствіи драматизма: изъ всѣхъ явленій, говоритъ онъ, едва ли найдется треть, и то короткихъ, входящихъ въ составъ самого дѣйствія и развивающихся изъ него какъ изъ клубка. Развязка есть своего рода deus ex machina: она производится не ходомъ обстоятельствъ, а волею Стародума, по праву родства, или волею Правдина, по силѣ закона. Дѣйствующія лица могутъ быть раздѣлены на нѣсколько категорій. Къ истинно-комическимъ относятся: Простаковъ, Простакова, Митрофанъ, Еремеевна и Тришка. Лучшій характеръ, выдержанный до конца—Простакова. Скотининъ, Вральманъ, Кутейкинъ и Цыфиркинъ, также взятые изъ русской жизни, переходятъ въ каррикатуру. Первый изъ нихъ, по остроумному замѣчанію кн. Вяземскаго, нарисованъ въ родѣ театральныхъ героевъ классической трагедіи и говоритъ о любви своей къ свиньямъ, какъ Дмитрій Самозванецъ Сумарокова о любви къ злодѣйствамъ. Кутейкинъ не могъ такъ наивно разсказывать о своихъ неудачахъ въ ученіи: надобно быть черезъ чуръ глупымъ, чтобы хвалиться плохимъ аттестатомъ, а онъ вовсе не такой дуракъ. Вральманъ неправдоподобенъ не тѣмъ, что онъ изъ кучеровъ попалъ въ учители: дѣло въ то время возможное, а тѣмъ, какъ онъ отзывается о себѣ и о Митрофанѣ. Наконецъ Стародумъ и Правдинъ — резонеры: этимъ словомъ достаточно указывается ихъ противорѣчіе сущности драмы, которая выводитъ лица для дѣйствія, а не для разсужденій. Успѣхъ «Недоросля», говоритъ кн. Вяземскій, былъ рѣшительный. Нѣкоторыя изъ именъ дѣйствующихъ лицъ сдѣлались нарицательными и донынѣ употребляются въ народномъ обращеніи. Нравственное вліяніе піесы заключается въ сознаніи образа дѣйствій, противоположнаго тому, которое въ ней изображено: «авторъ, въ начертаніи картины, далъ лицамъ смѣшное направленіе, но смѣшное хотя у него на первомъ планѣ, не мѣшаетъ разглядѣть гнусное, ненавистное въ перспективѣ. Въ семействахъ Простаковыхъ трагическія развязки не рѣдки. Архивы уголовныхъ дѣлъ нашихъ могутъ представить тому многочисленныя доказательства». Общественное значеніе «Недоросля» такъ важно, что эта комедія (обращаемся снова къ мнѣнію кн. Вяземскаго) есть не только хорошее сочиненіе, но и доброе дѣло, патріотическая заслуга. Служа примѣромъ благороднаго согласія между литературою и видами правительства, она въ тоже время представляетъ примѣръ полезнаго взаимодѣйствія литературы и общества. Ея авторъ имѣлъ право отнести къ себѣ тѣ самыя слова, которыя онъ заставилъ написать Стародума и часть которыхъ мы привели выше: «въ томъ государствѣ, гдѣ писатели наслаждаются дарованною намъ свободой, имѣютъ они долгъ возвысить громкій гласъ свой противъ злоупотребленій и предразсудковъ, вредящихъ отечеству, такъ что человѣкъ съ дарованьемъ можетъ въ своей комнатѣ, съ перомъ въ рукахъ, быть иногда полезнымъ совѣтователемъ государю, а иногда и спасителемъ согражданъ своихъ и отечества».

Въ «Недорослѣ» есть заимствованія изъ французскихъ книгъ. Они указаны Р. Ц. (Вѣст. Европы, 1811, № 15), кн. Вяземскимъ (Фонъ-Визинъ, 1848) и г. Тихонравовымъ (Замѣтки по поводу Смирд. изданія русск. авторовъ, въ 6 № Моск. Вѣд. 1852). Доказывая безполезность географіи, Простакова повторяетъ слова гувернера въ повѣсти Вольтера: «Jeannot et Colin»; въ разговорѣ Стародума съ Правдинымъ о придворной жизни Фонъ-Визинъ пользовался сочиненіями Шарля Дюфрени († 1724) и Характе-

рами Лабрюйера; французскіе синонимы, Жирара, дали объясненіе словамъ: «неустрашимость» и «храбрость», и послужили обильнымъ источникомъ для «Опыта россійскаго сословника», важнаго не столько по отношенію къ своему предмету, для котораго Фонъ-Визинъ не имѣлъ надлежащей подготовки, сколько по отношенію къ образу мыслей нашего комика (см. мою статью въ 13 № Библ. Зап. 1858: «Идеалъ нравственнаго достоинства человѣка, по понятію Фонъ-Визина»). Дурное воспитаніе представлено Фонъ-Визинымъ и въ другихъ сочиненіяхъ: въ комедіи «Выборъ гувернера» (написана послѣ 1790 г.), въ «Письмѣ къ Стародуму отъ помѣщика Дурыкина» (1788) и въ «Разговорѣ у княгини Халдиной» (1788). Лица ком. «Выборъ гувернера» соотвѣтствуютъ лицамъ «Недоросля»: князь и княгиня Слабоумовы, «которыхъ мыслями и дѣлами руководствуетъ глупая спесь», похожи на Простаковыхъ даже фамиліей; сынъ ихъ, Василій, окруженный няньками и балуемый родителями — своего рода Митрофанъ; дворянскій предводитель Сеумъ и русскій воспитатель Нельстецовъ — заступаютъ мѣста Стародума и Правдина; французъ Пеликанъ тоже, что нѣмецъ Вральманъ. Воспитанный Нельстецовымъ, Василій былъ бы «достоинъ тѣхъ почестей, къ коимъ отворяетъ ему путь порода». Онъ поселилъ бы въ голову и сердце молодаго князя ту мысль, что «человѣкъ, будучи благородно-рожденный, долженъ имѣть и благородную душу». Прежде всего онъ обучилъ бы своего воспитанника правиламъ вѣры, въ которой этотъ родился; а изъ иностранныхъ языковъ началъ бы съ латинскаго, какъ кореннаго многимъ другимъ языкамъ. Пеликанъ наполненъ достоинствами инаго рода: онъ мастерски рветъ зубы и вырѣзываетъ мозоли, и въ разговорахъ съ княземъ и княгиней постоянно титулуетъ ихъ: votre altesse. Намѣстникъ выгналъ его изъ своего намѣстничества, какъ зловреднаго побродягу. Сеумъ, давно его знавшій, говоритъ о немъ княгинѣ: я никакъ не потерплю, чтобы въ уѣздѣ нашемъ внѣдрилась негодница, пріѣхавшая развращать сердца и головы благородныхъ юношей. – «Разговоръ у кн. Халдиной» принадлежитъ къ тому роду сочиненій, которыя имѣли цѣлію, въ діалогической формѣ, изложить понятіе о какомъ-либо предметѣ. Княгиня и Сорванцовъ, списанные, по словамъ автора, съ натуры, разсказываютъ другъ другу свою исторію. Сорванцовъ на себѣ испыталъ, что «безъ просвѣщенія человѣкъ есть сожалѣнія достойная тварь». Родители его подъ воспитаніемъ разумѣли питаніе, т. е. кормленіе сына бѣлымъ хлѣбомъ, вмѣсто чернаго. Наставникъ его, Шевалье Какаду, внушалъ ему ненависть къ отечеству, презрѣніе ко всему русскому и любовь къ французскому. До восьмнадцати лѣтъ сидѣлъ онъ дома. Отецъ и мать ежегодно выхлопатывали ему паспортъ для продолженія наукъ, которыхъ онъ никогда не начиналъ. Такимъ-то образомъ, не зная-не вѣдая, вдругъ очутился онъ въ отставкѣ капитаномъ.

О «Бригадирѣ» и «Недорослѣ», кромѣ книги кн. Вяземскаго и другихъ указанныхъ источниковъ, см.: С. Дудышкина, разборъ Смирд. изд. сочиненій Фонъ-Визина (Отеч. Зап. 1847, №№ 8 и 9) и мой разборъ «Избранныхъ сочиненій Фонъ-Визина», изд. г. Перевлѣсскимъ (Атеней, 1858, № 47).

§ 210. Другія сочиненія Фонъ-Визина также служатъ свидѣтельствомъ той высоты, которой достигаетъ литература, будучи сознательнымъ выраженіемъ просвѣщенныхъ стремленій общества. Они имѣютъ предметомъ не матеріальное могущество Россіи, не политическое ея значеніе, не славу побѣдъ и завоеваній, а задачи и дѣла внутренняго устройства, успѣхи гражданственности. И въ этомъ кругу гражданскихъ интересовъ они обращаютъ вниманіе не столько на фактическую сторону, сколько на смыслъ и основаніе фактовъ. Ни одинъ изъ современныхъ вопросовъ не былъ ими обойденъ или незамѣченъ. Во всѣхъ мнѣніяхъ Фонъ-Визина слышенъ голосъ передоваго человѣка своей эпохи, а въ нѣкоторыхъ и голосъ замѣчательнаго публициста. Намъ уже извѣстно, какъ онъ смотрѣлъ на воспитаніе, правосудіе, обязанности дворянства, отношеніе помѣщиковъ къ крестьянамъ. «Письмо Взяткина», хотя и вымышленное, не хуже подлинныхъ документовъ даетъ понятіе о потворствѣ беззаконію и плутнямъ. «Разговоръ у кн. Халдиной», разсуждая о средствахъ приготовить достойныхъ судей и адвокатовъ, предлагаетъ учредить въ университетѣ каѳедру политической науки, подъ которой разумѣется наука о «благочиніи, коммерціи

и государственныхъ доходахъ». Гласность должна была съ своей стороны оградить законное теченіе дѣлъ, устрашая неправду приговоромъ общественнаго мнѣнія, какъ видно изъ 5-го вопроса Екатеринѣ: «отъ чего у насъ тяжущіеся не печатаютъ тяжбъ своихъ и рѣшеній правительства?» По поводу отвѣта императрицы: «отъ того, что вольныхъ типографій до 1782 г. не было», Фонъ-Визинъ писалъ къ ней: «Отвѣтъ вашъ подаетъ надежду, что размноженіе типографій послужитъ не только къ распространенію человѣческихъ знаній, но и къ подкрѣпленію правосудія. Способомъ печатанія тяжбъ и рѣшеній гласъ обиженнаго достигнетъ во всѣ концы отечества. Многіе постыдятся думать то, чего дѣлать не страшатся. Всякое дѣло, содержащее въ себѣ судьбу имѣнія, чести и жизни гражданина, купно съ рѣшеніемъ судившихъ, можетъ быть извѣстно всей безпристрастной публикѣ: воздастся достойная хвала праведнымъ судіямъ; возгнушаются честныя сердца неправдою судей безсовѣстныхъ и алчныхъ». «Письмо отъ Стародума (1788)» показываетъ истинную причину малаго у насъ числа свѣтскихъ ораторовъ. Эта причина заключается не въ недостаткѣ національнаго дарованія, которое способно ко всему великому, не въ недостаткѣ русскаго языка, котораго богатство и красота удобны ко всякому выраженію, а въ недостаткѣ случаевъ, при которыхъ можетъ выказываться даръ политическаго краснорѣчія. Знаменитые «Вопросы Екатеринѣ II» затрогиваютъ важнѣйшіе государственные и общественные интересы. Вѣроятно по порученію начальства, Фонъ-Визинъ перевелъ съ французскаго языка книгу о среднемъ сословіи и сочинилъ о томъ же разсужденіе; ему также, какъ свидѣтельствуетъ кн. Вяземскій, принадлежитъ одно политическое сочиненіе, написанное, по заказу гр. Н. И. Панина, для наслѣдника престола, великаго князя Павла Петровича. «Письма» къ Н. И. Панину и другимъ лицамъ, о которыхъ намъ придется говорить въ послѣдствіи, равно какъ и многія мѣста въ другихъ сочиненіяхъ, показываютъ, что, не смотря на свою образованность, заимствованную съ запада, Фонъ-Визинъ различалъ дурныя стороны европейской жизни и видѣлъ вредъ, наносимый отечеству легкомысленнымъ усвоеніемъ ея внѣшности. Дѣятельность его была всегда направлена на раскрытіе сущности и пользы тѣхъ началъ, безъ которыхъ, по современнымъ понятіямъ, не могли совершиться улучшенія ни въ государствѣ, ни въ обществѣ, ни въ семейномъ быту. Поэтому Фонъ-Визинъ болѣе чѣмъ кто-нибудь имѣетъ право называться литераторомъ Екатерининa вѣка: мѣры правительства, состояніе и потребности общества находили въ немъ разумнаго истолкователя. Независимо отъ своего содержанія, литературные труды Фонъ-Визина обличаютъ рѣдкій талантъ сатирика. Въ его сатирѣ не остроуміе только, но и сила, которая клеймитъ недостатки ума или нравственности. «Чистосердечное признаніе въ дѣлахъ моихъ и помышленіяхъ», къ сожалѣнію не конченное, есть примѣръ любопытной автобіографіи, которая не останавливается на одной семейной жизни автора, но даетъ понятіе о характерѣ тогдашняго университетскаго образованія, о замѣчательныхъ современникахъ, объ увлеченіи общества французскими энциклопедистами. «Письма изъ Франціи къ П. И. Панину (1777—1778)» ясно представляютъ положеніе этого государства не задолго до революціи. «Письмо къ Козодавлеву о планѣ россійскаго словаря (1784)» содержитъ въ себѣ много дѣльныхъ и остроумныхъ замѣчаній о языкѣ и грамматикѣ. «Всеобщая придворная грамматика (1788)», по мѣткости и замысловатости сатиры, можетъ стать

на ряду съ капитальными произведеніями въ этомъ родѣ. «Стародумъ, или другъ честныхъ людей», судя по нѣсколькимъ статьямъ, заготовленнымъ для этого изданія (1788), вышелъ бы однимъ изъ лучшихъ органовъ нашей журналистики. «Поученіе, говоренное въ Духовъ день іереемъ Василіемъ (1783)», служа критикою на сельскихъ проповѣдниковъ, вмѣстѣ съ этимъ даетъ примѣръ, какъ и о чемъ должно говорить съ простонародьемъ въ церковныхъ бесѣдахъ. «Слово на выздоровленіе в. к. Павла Петровича (1771)» предлагаетъ ему совѣты въ духѣ «Наказа» и вообще воззрѣній XVIII в. И въ переводахъ своихъ Фонъ-Визинъ былъ управляемъ мыслію послужить просвѣщеннымъ стремленіямъ вѣка. Для примѣра укажемъ на переводъ «Томасова Слова Марку Аврелію (1777)»: онъ явился кстати, какъ похвала человѣколюбивому правленію, когда у всѣхъ на виду была мысль Наказа, что «государь сотворенъ для своего народа» (§ 520).

Матеріалами для біографіи Фонъ-Визина (Дениса Ивановича) служатъ: его «Чистосердечное призпаніе въ дѣлахъ моихъ и помышленіяхъ»; «Словарь свѣт. писателей, митр. Евгенія», ч. I (1845); «Словарь достопамятныхъ людей рус. земли, Бантышъ-Каменскаго», ч. 3 (1847); «Фонъ-Визинъ», кн. Вяземскаго (1848); жизнь Фонъ-Визина, въ «Избранныхъ его сочиненіяхъ», изд. Перевлѣсскимъ (1858) и «Новые матеріалы для біографіи Фонъ-Визина», г. Аѳанасьева (Библ. Зап. 1859, № 1). Начальное воспитаніе Фонъ-Визина было чисто-русское, такъ какъ родители его, по небольшому своему состоянію, не могли нанимать иностранныхъ гувернеровъ. Онъ скоро выучился церковно-славянской и русской грамотѣ. «Сему», говоритъ онъ въ «Признаніи», «обязанъ я, если имѣю въ россійскомъ языкѣ нѣкоторое знаніе; ибо, читая церковныя книги, ознакомился я съ славянскимъ языкомъ, безъ чего россійскаго и знать невозможно». Въ 1754 г., согласно существовавшему тогда обычаю, онъ былъ записанъ въ гвардію солдатомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ отпущенъ для обученія наукамъ. Родители помѣстили его (1755) въ московскую гимназію для дворянъ, откуда онъ перешелъ въ университетъ. Здѣсь, говоря его словами, онъ обучался языкамъ и разнымъ наукамъ, и за обученіе произведенъ въ полку сержантомъ, а въ университетѣ студентомъ. Первыми литературными опытами Фонъ-Визина были переводы; изъ нихъ одни помѣщены въ журналахъ: «Полезное увеселеніе» и «Собраніе лучшихъ сочиненій» (§ 203), а другіе изданы отдѣльно (см. ниже). Этимъ, по замѣчанію кн. Вяземскаго, оканчивается первый періодъ жизни Фонъ-Физина, — періодъ приготовительныхъ работъ передъ вступленіемъ на сцену дѣйствія и въ общежитіи и въ литературѣ. — Въ 1762 г. Фонъ-Визинъ поступилъ въ коллегію иностранныхъ дѣлъ. Того же года, по пріѣздѣ двора въ Москву, сдѣлался извѣстнымъ вице-канцлеру, кн. Голицыну, который опредѣлилъ его переводчикомъ въ иностранную коллегію. Хорошими переводами дипломатическихъ бумагъ обратилъ онъ на себя вниманіе канцлера, гр. М. И. Воронцова. Въ награду за труды по службѣ дали ему порученіе доставить орденъ св. Екатерины герцогинѣ мекленбургъ-шверинской: это было первымъ его путешествіемъ за границу. Въ 1763 г., Фонъ-Визину повелѣно было состоять для нѣкоторыхъ дѣлъ при кабинетъ-министрѣ И. П. Елагинѣ. Непріятности, которыя онъ терпѣлъ отъ Лукина, автора комедій (см. ниже), находившагося у Елагина секретаремъ, разсказаны имъ въ письмахъ къ родителямъ и къ самому Елагину, и въ «Признаніи». Служба не мѣшала литературнымъ его занятіямъ. Въ періодъ времени, съ 1762 по 1768, перевелъ онъ нѣсколько книгъ съ фран. и нѣм. языковъ и написалъ ком. Бригадиръ. Чтеніе послѣдней при дворѣ и у многихъ вельможъ, успѣхъ ея и извѣстность, пріобрѣтенная авторомъ, подробно описаны въ «Признаніи». Политическое поприще Фонъ-Визина началось съ поступленія его (въ 1770 г.) подъ начальство гр. Н. И. Панина, управлявшаго иностранными дѣлами и вмѣстѣ воспитаніемъ наслѣдника престола. Онъ пользовался полною довѣренностію своего начальника и былъ посредникомъ между имъ и русскими дипломатами. Переписка его съ значительными лицами того времени служитъ доказательствомъ и большаго участія его въ дѣлахъ, и уваженія, снисканнаго имъ независимо отъ службы. Въ 1773 г. гр. Панинъ, получивъ отъ императрицы, въ день бракосочетанія Павла I, около 9000 душъ, половину изъ нихъ отдалъ своимъ секретарямъ. Фонъ-Визину досталось 1180 душъ. Онъ женился и сталъ жить богато, въ кругу своихъ пріятелей, къ которымъ принадлежали многіе литераторы: Державинъ, Домашневъ, Богдановичъ, Козодавлевъ, Княжнинъ, актеръ Дмитревскій. Второе путе-

шествіе за границу (1777—1778) Фонъ-Визинъ предпринялъ по нездоровью жены (*). Цѣлью его поѣздки былъ городъ Монпелье, откуда онъ проѣхалъ въ Парижъ. Къ этому-то времени относятся его письма къ П. И. Панину, брату канцлера. Воротясь, написалъ онъ «Недоросля». Здоровье его, на которое онъ часто жаловался, было особенно потрясено смертью Н. И. Панина (1783). Вышедъ въ отставку (1784), того-же года онъ отправился въ Италію, а въ слѣдующемъ (1785) воротился въ Москву: здѣсь ударъ паралича отнялъ у него до самаго конца жизни употребленіе языка, лѣвой руки и лѣвой ноги. Четвертое путешествіе (1786—87) имѣло цѣлію поправленіе здоровья: онъ ѣздилъ въ Вѣну, Карлсбадъ, Тренчинъ (въ Венгріи). Въ 1788 г. намѣревался издавать журналъ: «Другъ честныхъ людей или Стародумъ», Въ пятую поѣздку (1789) жилъ онъ нѣкоторое время въ Ригѣ, Бальдонѣ и Митавѣ также для леченія.

а) Сочиненія Фонъ-Визина (**):

Посланіе къ слугамъ моимъ: Шумилову, Ванькѣ и Петрушкѣ, въ стихахъ (1763). (Нап. въ журн. Пустомеля 1770 г.).

Письма къ сестрѣ изъ Спб. 1764—66 г. (Въ соч. кн. Вяземскаго: Фонъ-Визинъ, стр. 228—242).

Бригадиръ, ком. въ 5 д. (1764). Г. Лонгиновъ относитъ появленіе этой комедіи къ 1765 г. (См. его замѣтку въ 24 № Библ. Зап. 1858).

Письма къ И. П. Елагину (1764).

Письма къ родителямъ (1766—68).

Письма къ гр. Н. И. Панину изъ Спб. 1771—1772 г. (Фонъ-Визинъ, кн. В—го, стр. 379—433).

Письма къ Я. И. Булгакову (1771—1778).

Слово на выздоровленіе в. к. Павла Петровича (1771).

Письма къ гр. П. И. Панину изъ Франціи (1777—1778) и изъ Рима (1785).

Письма изъ того же (втораго) путешествія къ сестрѣ (1777—1778).

Недоросль, ком. въ 5 д. (представлена въ 1-й разъ 1782 г., нап. 1783).

Опытъ Россійскаго сословника («Собесѣдникъ любителей россійскаго слова», 1783 г.; здѣсь же примѣчанія Фонъ-Визина на критику сословника.). См. мою статью: «Идеалъ нравст. достоинства человѣка по понятію Фонъ-Визина», въ Библ. Зап. 1858, № 13.

Поученіе, говоренное въ Духовъ день іереемъ Василіемъ въ селѣ П. (ib., 1783).

Вопросы Собесѣднику и отвѣты Екатерины II (ib., 1783).

Письмо къ сочинителю «Былей и небылицъ» отъ сочинителя вопросовъ (ib., 1783).

Челобитная Россійской Минервѣ отъ россійскихъ писателей (ib., 1783).

Письмо къ О. П. Козодавлеву о планѣ россійскаго словаря, 1784. (Нап. въ Вѣст. Европы 1803 г., съ примѣчаніями Карамзина).

Письма къ сестрѣ изъ 2-го (собственно 3-го) путешествія, 1784—1785.

Отрывокъ изъ журнала путешествія въ Вѣну (1786).

Письма изъ 3-го и 4-го путешествій («Фонъ-Визинъ», кн. Вяземскаго, стр. 147—156).

Жизнь гр. Н. И. Панина, на фр. яз. Русскій переводъ И. И. Дмитріева (1787). Переводъ, сдѣланный самимъ Фонъ-Визинымъ, нап. въ собраніи его сочиненій.

Другъ честныхъ людей, или Стародумъ, періодическое сочиненіе, посвященное истинѣ (1788). Для этого изданія приготовлены были слѣдующія статьи, вошедшія въ собраніе сочиненій Фонъ-Визина: «Объявленіе объ изданіи этого журнала»; «Письмо къ Стародуму отъ сочинителя Недоросля» и «Отвѣтъ Стародума»; два «Письма къ Стародуму отъ дѣдиловскаго помѣщика Дурыкина» и «Отвѣтъ Стародума»; «Письмо къ Стародуму отъ племянницы его Софьи» и «Отвѣтъ Стародума»; «Всеобщая придворная грамматика» (сочинена была прежде, въ 1783 г.); «Письмо Взяткина къ покойному его превосходительству, съ отвѣтомъ»; «Письмо Стародума» (о причинахъ бѣднаго развитія у насъ свѣтскаго краснорѣчія); «Разговоръ у кн. Халдиной». Хотя Фонъ-Визинъ и объявилъ объ изданіи «Стародума» на 1788 г., но оно не вышло, будучи запрещено петербургской полиціей (См. письмо Ф. В. къ гр. П. И. Панину, въ 9 № Библ. Зап. 1861).

(*) У Евгенія и Бантышъ-Каменскаго другая причина: острое слово, сказанное о Потемкинѣ.

(**) Сочиненія, при которыхъ не означено, гдѣ они напечатаны, вошли въ собраніе сочиненій Ф. В.

Выписки изъ журнала путешествія въ Ригу, Бальдонъ и Митаву, 1789 («Ф. В—ъ», кн. В—го, стр. 157—170).

Чистосердечное признаніе въ дѣлахъ моихъ и помышленіяхъ (написано Фонъ-Визинымъ года за три до смерти; помѣщено было не вполнѣ въ «Спб. журналѣ», Пнина, 1798).

Размышленіе о суетной жизни человѣческой (сочинено 1791, нап. въ «Журналѣ для пользы и удовольствія», 1805 г., и отдѣльной книжкой 1807).

Каллисѳенъ, греческая повѣсть (нап. въ «Правдолюбцѣ, или карманной книжкѣ мудраго», 1801).

Выборъ гувернера, ком. въ 3 д.—П. Ф. В—ъ, авторъ «Критическихъ примѣчаній на книгу кн. В—го: «Фонъ-Визинъ», говоритъ, что эта комедія—послѣднее сочиненіе Фонъ-Визина (Моск. Вѣд. 1851, № 105).

Двѣ сцены изъ двухъ комедій: одной безъ заглавія, и другой: «Добрый наставникъ» (у кн. В—го, стр. 273—281).

Стихотворенія: «Къ уму моему» и «Лисица-Казнодѣй» (въ Собр. сочиненій); «Посланіе Ямщикову», отрывокъ (у кн. В—го, стр. 272); «Эпиграмма» (въ альманахѣ Ѳедорова: Памятникъ отечественныхъ музъ).

По порученію гр. Н. И. Панина, Фонъ-Визинъ составилъ проэктъ различныхъ государственныхъ реформъ (Библ. Зап., 1859, № 1, стр. 14). Это-то, вѣроятно, кн. Вяземскій и называетъ политическимъ сочиненіемъ, написаннымъ для прочтенія наслѣднику (Ф. В., кн. В—го, стр. 285). Неизвѣстно, гдѣ оно находится.

Изданія сочиненій Фонъ-Визина: Собраніе сочиненій и переводовъ, 2 ч. (М. 1829); Полное собраніе сочиненій Д. И. Фонъ-Визина, 4 ч. (М. 1830); Собраніе оригинальныхъ драматическихъ сочиненій и переводовъ, 3 ч. (М. 1830); Смирдинскія, въ одной книгѣ, въ Спб., въ Полн. собр. сочин. рус. авторовъ: первое—1846, второе—1847, третье—1852; Избранныя сочиненія Фонъ-Визина, въ Собраніи сочиненій рус. писателей, издаваемомъ П. Перевлѣсскимъ (Спб. 1858).

б) Переводы:

Басни нравоучительныя, барона Гольберга (1761).

Въ журналѣ «Полезное увеселеніе», на 1761 г., статья: «Правосудный Юпитеръ».

Переводъ Вольтеровой «Альзиры», въ стихахъ, 1761 (не изданъ).

Четыре переводныя статьи въ журналѣ Рейхеля: «Собраніе лучшихъ сочиненій» (1762), изъ коихъ замѣчательна «Торгъ семи музъ».

Слово Рейхеля, произнесенное по совершеніи коронованія Екатерины II, о томъ, что науки и художества процвѣтаютъ защищеніемъ и покровительствомъ владѣющихъ особъ и великихъ людей въ государствѣ (1762).

Жизнь Сиѳа, царя египетскаго, соч. аббата Террасона (1762).

Любовь Кариты и Полидора, Бартелеми (1763).

Коріонъ, стихотворное переложеніе драмы Грессета: «Сидней» (1764).

Іосифъ, поэма Битобе (1764).

Торгующее дворянство, противоположное дворянству военному, Юстія (1766).

Сидней и Силли, или благодѣяніе и благодарность, Арно (1769).

Слово похвальное Марку Аврелію, Тома (1777).

Отрывокъ изъ Иліады (Фонъ-Визинъ, кн. В—го, стр. 281).

Отрывокъ изъ поэмы Геснера: «Смерть Авеля» (Ib. 447—450).

Отрывокъ въ прозѣ изъ ком.: «Обманчивая наружность, или человѣкъ нынѣшняго свѣта» (Библ. Зап. 1858, № 22). Это переводъ франц. ком. Буасси: «Les dehors trompeurs, ou l'homme du jour».

О вольности французскаго дворянства и о пользѣ третьяго чина (не издано).

Фонъ-Визину несправедливо приписывали памфлетъ, подъ названіемъ: «Жизнь нѣкоего Аввакумовскаго скитника, въ Брынскихъ лѣсахъ жительствовавшаго, и куріозный разговоръ души его при перевозѣ чрезъ рѣку Стиксъ» (*). Сочиненіе это написано, по основательнымъ соображеніямъ г. Аѳанасьева, М. Д. Чулковымъ, издателемъ журналовъ: «И то и се» и «Парнасскій Щепетильникъ» (Биб. Зап., 1859, № 1, стр. 18—19). Князь же Вяземскій думаетъ, что оно принадлежитъ А. В. Олсуфьеву, статсъ-секретарю при Екатеринѣ II.

(*) Здѣсь выставлено заглавіе по изд. 1802 г. (Спб.).

§ 211. Патріотическій долгъ, указанный литературѣ Фонъ-Визинымъ, относился въ особенности къ ея сатирическому роду, потому что сатира «возвышаетъ свой громкій голосъ противъ злоупотребленій и предразсудковъ, вредныхъ отечеству». Но общественные недостатки измѣняются по времени: каждая эпоха обнаруживаетъ иные пороки ума, иные грѣхи противъ нравственности. Вмѣстѣ съ ними мѣняются не только изображенія сатирика, но и взгляды его на значеніе изображаемаго, на важность того или другаго зла. Понятія о томъ, что полезно и что вредно отечеству, не остаются неподвижными: у нихъ есть также исторія. Сторонники Петровой реформы стояли за просвѣщеніе, какъ за средство для успѣховъ на службѣ и для матеріальныхъ выгодъ въ жизни. Сатирики Екатеринина времени имѣли передъ собою другую задачу: они должны были отстаивать просвѣщеніе, какъ средство къ водворенію гуманныхъ идей, какъ руководство къ нравственному возвышенію человѣка; они не могли щадить и науки, если она оказывалась несовмѣстною съ благонравіемъ. Эту задачу предложило литераторамъ само правительство. Новыя основы гражданственности, которыя оно заявило въ своихъ учрежденіяхъ, вызвали на свѣтъ противодѣйствующія имъ силы, лежавшія до того времени подъ спудомъ или не возбуждавшія вниманія критики нравовъ. Обнародованіе Наказа служило литературѣ прямымъ поводомъ къ генеральному осмотру русской жизни, съ точки зрѣнія его началъ. Сатира взяла на свою долю перепись и оцѣнку темныхъ сторонъ современнаго общества, въ которыхъ она видѣла рѣзкое нарушеніе того, что, по видамъ Наказа, долженствовало вести людей къ гражданскому благоденствію.

Раскрытію предразсудковъ и злоупотребленій Екатеринина вѣка были посвящены многія періодическія изданія. Наибольшее движеніе сатирической журналистики относится къ 1769—1774 г. Въ это семилѣтіе явились: «Всякая всячина (1769—70)», «И то и се (1769)», «Ни то ни се (1769)», «Поденьщина (1769)», «Смѣсь (1769)», «Трутень (1769—70)», «Адская почта (1769)», «Полезное съ пріятнымъ (1769)», «Парнасскій Щепетильникъ (1770)», «Пустомеля (1770)», «Трудолюбивый Муравей (1771)», «Старина и новизна (1772—73)», «Вечера (1772)», «Живописецъ (1772)», «Мѣшанина (1773)», «Кошелекъ (1774)». Впрочемъ, сатирическое направленіе журналистики продолжалось и послѣ 1774 г., хотя съ меньшею противъ прежняго силою, въ «Разсказщикѣ забавныхъ басенъ (1781)», «Собесѣдникѣ любителей россійскаго слова (1783—84»), «Почтѣ духовъ (1789)», «Зрителѣ (1792)». Своимъ содержаніемъ и частію заглавіемъ означенныя изданія состоятъ въ связи съ журналами Миллера и Сумарокова. «Полезное съ пріятнымъ», «Смѣсь», предлагающая чтеніе серьезное и легкое, даютъ знать о Ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ, «къ пользѣ и увеселенію» служащихъ; «Трудолюбивый муравей» ясно указываетъ на «Трудолюбивую пчелу». Кромѣ статей обличительныхъ, какъ главнаго своего элемента, журналы 1769—74 г. заключаютъ въ себѣ статьи, писанныя собственно для увеселенія, т. е. для удовлетворенія эстетическимъ потребностямъ современнаго общества. Издатель «Всякой всячины» поставилъ себѣ двоякую цѣль: «иногда дать читателямъ полезныя наставленія, иногда заставить ихъ смѣяться». Сочиненія, имѣвшія цѣлію возбудить смѣхъ, образовали сатирическій, преобладающій отдѣлъ журнала; изъ наставленій, облеченныхъ въ легкую форму, составился отдѣлъ поучительный. Моральный характеръ этого втораго отдѣла,

общій у журналовъ 1769—74 г. и Миллерова ежемѣсячника, виденъ уже изъ того, что заглавія многихъ статей выражались нравоучительными сентенціями, наприм.: «неблагодарность вреднѣйшій есть порокъ», «упрямство есть порокъ слабаго ума», «привычка есть второе естество», и т. п. Но при этомъ сходствѣ есть и значительныя различія. Содержаніе Миллерова ежемѣсячника разнообразнѣе. Какъ учено-литературное изданіе, онъ предлагалъ статьи двоякаго рода: наукѣ отведено было главное мѣсто; стихотворенія и моральная сатира стояли на заднемъ планѣ. Напротивъ, журналы Екатеринина вѣка, чисто-литературные, дали первенство сатирѣ; за нею слѣдовали сочиненія поучительныя; а наука заходила въ нихъ какъ бы случайнымъ образомъ. Второе различіе опредѣляется характеромъ сатирическаго отдѣла: сатира Ежемѣсячныхъ сочиненій общая и отвлеченная, тогда какъ журнальная сатира второй половины прошлаго столѣтія имѣетъ предметомъ недостатки современнаго ей русскаго общества. По этому качеству журналы 1769—74 г. родственны «Трудолюбивой пчелѣ», но берутъ надъ нею верхъ многосторонностью обличеній. Въ подражательной формѣ излагали они собственный матеріалъ, или же, заимствуя содержаніе изъ иностранной литературы, примѣняли его къ отечественнымъ нравамъ. Такъ, напримѣръ, статья Аддисонова Зрителя «о суевѣріи» переделана «Всякой всячиной» въ разсказъ «о суевѣрной жительницѣ замоскворѣчья».

Общее направленіе журналовъ 1769—74 г. различалось по ихъ взгляду на значеніе, цѣль и условія сатиры. Одни, принявъ за правило «цѣлить не въ личности, а единственно въ пороки», требовали отъ автора «добросердечія», по которому онъ изрѣдка касается нравственныхъ недостатковъ, изъ боязни оскорбить человѣчество, и главное вниманіе обращаетъ на примѣры людей, украшенныхъ совершенствами. По мнѣнію другихъ, сатира долженствовала быть открытою и рѣзкою, за тѣмъ, что снисхожденіе къ порокамъ есть не человѣколюбіе, а пороколюбіе; что больше человѣколюбивъ тотъ, кто исправляетъ ближнихъ, нежели тотъ, кто потакаетъ ихъ проступкамъ; что вымыслы, далекіе отъ дѣйствительности, и отвлеченная мораль не приведутъ ни къ чему. Оба взгляда переходили иногда въ крайность: полемизируя съ издателемъ «Всякой всячины», «Трутень» уполномочивалъ сатиру «критиковать» не порокъ вообще, безъ отношенія его къ лицу, а самое лицо порочнаго (скрывая однакожъ его имя), на томъ основаніи, что «зеркало не виновато, коли рожа крива». Но, какъ бы ни смотрѣли означенные журналы на обязанности сатирика, всѣ они оказали несомнѣнную пользу современникамъ, выполняя прямое назначеніе литературы быть не только зеркаломъ общества, каково оно есть, но и указателемъ того, какимъ оно должно быть. Они честно служили и дѣлу европейскаго образованія, которое, по примѣру Петра, водворяла у насъ Екатерина, и дѣлу русской національности, которая нуждалась въ защитѣ отъ односторонности и крайности чужеземныхъ вліяній. Изъ трехъ задачъ, предложенныхъ «Всякой всячинѣ» ея издателемъ, первыя двѣ, какъ намъ уже извѣстно, требовали сатиры и наставленій, а послѣдняя состояла въ томъ, чтобы «говорить Рускимъ о Рускихъ, не представляя имъ умоначертаній, которыхъ они не знаютъ». Искоренять невѣжество и водворять въ отечествѣ западную цивилизацію, но только на основахъ національныхъ, съ сохраненіемъ своей самобытности и уваженія къ родной странѣ и ея исторіи: вотъ чего хотѣли журналы 1769—74 г.

Мѣрою ихъ успѣховъ въ этомъ предпріятіи измѣряется ихъ достоинство. Къ лучшимъ изъ нихъ, по литературному и общественному значенію, принадлежатъ «Всякая всячина», «Трутень» и въ особенности «Живописецъ». Издателемъ перваго журнала былъ Козицкій (†1775), адъюнктъ академіи наукъ, а въ последствіи статсъ-секретарь Екатерины, извѣстный многими переводами и сотрудничествомъ въ «Трудолюбивой пчелѣ»; издателемъ двухъ остальныхъ — Новиковъ, о важной дѣятельности котораго на пользу русскаго образованія будетъ сказано ниже.

Независимо отъ своего главнаго направленія, нравоучительно-сатирическія журналы Екатеринина вѣка представляютъ и другія замѣчательныя особенности, которыя дали имъ значеніе, сходное съ значеніемъ англійскихъ и частію нѣмецкихъ періодическихъ изданій того же рода. Въ Англіи, еженедѣльные журналы: Болтунъ, Зритель и Опекунъ, издававшіеся Стилемъ и Аддисономъ въ 1709—1714 г., служили противодѣйствіемъ ложно-классическому вкусу Драйдена и Попа и рѣшительнымъ поворотомъ англійской литературы отъ французскаго вліянія къ народности. Заимствуя содержаніе изъ дѣйствительной жизни, отличаясь трезвымъ на нее взглядомъ и вѣрнымъ ея изображеніемъ, изящные по формѣ, они оказали сильное дѣйствіе на понятія и нравы общества. Нѣмецкія подражанія Стилю и Аддисону, далеко уступающія своимъ образцамъ, относятся къ 1721—29 г. Въ это время издавались: «Разсужденія живописца» и его продолженіе—«Живописецъ нравовъ», «Патріотъ», «Разумныя обличительницы» и «Честный человѣкъ». Исчисленные еженедѣльные листы давно были извѣстны нашей журналистикѣ. Начавъ изданіе примѣчаній къ Вѣдомостямъ съ 1728 г. (§ 188), Миллеръ, въ предисловіи, говоритъ: «По примѣру моралическихъ понедѣльныхъ писемъ (die moralischen Wochenschriften), «Патріотъ» (ревнитель о пользѣ отечества) усталъ отъ соревнованія; «Хулительницы» (которыя всѣ недобродѣтели хулятъ) перестали хулить; а какъ долго «Бидерманъ» (честный человѣкъ, такожде о добрыхъ и злыхъ дѣлахъ разсуждающій) роптать будетъ, время покажетъ». Въ одномъ нумерѣ «Всякой всячины» упомянуто о журналахъ англійскихъ (Зритель, Пустомеля) и французскихъ (Новый Менторъ, Мизантропъ), на которыхъ она походитъ. Болѣе другихъ славился и вызывалъ подражанія Зритель. Его названіе, равно какъ и названіе Болтуна, перенесены были на наши изданія (Пустомеля, Зритель). Можетъ быть и «Живописецъ» одолженъ своимъ именемъ нѣмецкому «Живописцу нравовъ» (Der Maler der Sitten). Слѣдуя Стилю и Аддисону, наши нравоучительно-сатирическіе журналы выбрали предметомъ своихъ изображеній обыкновенную, домашнюю жизнь, которая не смѣла являться въ поэзіи при шумѣ торжественныхъ одъ и блескѣ героическихъ сюжетовъ на сценѣ. Этимъ они отрѣшились отъ ложно-классическихъ условій и вывели нашу литературу изъ тѣсной сферы высшаго общества въ просторную область средняго класса. Предисловіе къ пятому изданію «Живописца» (онъ имѣлъ шесть изданій) объясняетъ его успѣхъ тѣмъ, что «онъ пришелъ на вкусъ мѣщанъ нашихъ; ибо у насъ тѣ только книги третьими, четвертыми и пятыми изданіями печатаются, которыя симъ простосердечнымъ людямъ, по незнанію ихъ чужестранныхъ языковъ, нравятся». Въ подтвержденіе своего мнѣнія, Новиковъ ссылается на тѣ книги, «кои отъ просвѣщенныхъ людей никакого уваженія не заслуживаютъ и читаются только мѣщанами: Троянская исторія, Синопсисъ, Юно-

сти честное зерцало, Совершенное воспитаніе дѣтей, Азовская исторія и другія; напротивъ того, книги, на вкусъ нашихъ мѣщанъ не попавшія, весьма спокойно лежатъ въ хранилищахъ, почти вѣчною для нихъ темницею назначенныхъ». Изъ этихъ словъ видно, что Живописецъ, на ряду съ прочими журналами 1769—74 г., для мѣщанской среды читателей имѣли значеніе народныхъ книгъ (§ 165), изъ которыхъ одна (Троянская исторія) даже попала въ списокъ сочиненій, указанныхъ предисловіемъ. Издатель журналовъ: «И то и се» и «Парнасскій Щепетильникъ», Чулковъ, обозначилъ это мѣщанское направленіе еще яснѣе и рѣшительнѣе: стараясь придать своимъ статьямъ характеръ простонародности, онъ наполнялъ ихъ поговорками и пословицами, сообщалъ извѣстія о повѣрьяхъ и обычаяхъ народа, и нѣкоторые его праздники описалъ въ шутливыхъ стихахъ. Изображенія повседневнаго русскаго быта въ изданіяхъ 1769—74 г. освобождены отъ всякой идеализаціи: онъ показывается ими въ своемъ настоящемъ видѣ, съ неподдѣльными достоинствами и недостатками, не обманывая читателя ложнымъ цвѣтомъ или ложнымъ тономъ. Трезвый взглядъ на общество спасалъ издателей отъ украшеній и преувеличеній. «Живописецъ» смѣется надъ «пастушескими сочиненіями», въ которыхъ поэтъ на нѣжной лирѣ воспѣваетъ небывалое и невозможное блаженство, какой-то златой вѣкъ, находя его у поселянъ, а самъ постоянно пребывая въ городѣ по двумъ причинамъ: «вопервыхъ за тѣмъ, что въ нашихъ долинахъ зимою бываетъ много снѣга; вовторыхъ потому, что еслибъ идилликъ туда переселился, то совершенно позабылъ бы блаженство жизни». Чтобы показать, «какъ весело живутъ россійски пастушки», «Вечера» помѣстили эклогу-сатиру на фальшивое представленіе сельской жизни въ идилліяхъ Дезульеръ и Флоріана и русскихъ имъ подражателей.

Журналы 1769—74 г. выбирали цѣлію своихъ нападковъ тѣ явленія въ жизни общества, которыя противорѣчили гуманнымъ началамъ XVIII в., оскорбляя въ человѣкѣ достоинство его личности. Филантропическій характеръ ихъ наиболѣе виденъ въ статьяхъ о матеріальномъ и нравственномъ состояніи крестьянъ. «Отрывокъ путешествія въ ***, И. Т.» и «Письмо уѣзднаго дворянина къ Ѳалалею» (въ Живописцѣ), «Копіи съ крестьянскихъ отписокъ» и «Копія съ помѣщичья указа» (въ Трутнѣ), «Рѣчь о существѣ простаго народа» и «Сатирическое письмо отъ Камчадала» (въ Смѣси), при различіи формъ и тона, выражаютъ равно искреннее сочувствіе къ низшимъ классамъ общества, или, какъ тогда ихъ называли, къ «подлымъ» людямъ. Живописецъ осуждаетъ это названіе, получившее отъ времени обидный смыслъ: «подлыми людьми», говоритъ онъ, «должны называться тѣ, которые дѣлаютъ худыя дѣла». Не порывая связи съ Кантемиромъ, журнальная сатира семидесятыхъ годовъ продолжаетъ начатую имъ войну противъ упорнаго сопротивленія наукѣ и противъ модной переимчивости иноземнаго. Подобно Кантемиру, она сопровождаетъ свои портреты «благородныхъ невѣждъ» разсужденіями о пользѣ знаній, образующими ея дидактическій элементъ; подобно ему, отвергаетъ мнѣніе, что опытъ житейскій служитъ замѣной образованія, въ которомъ поэтому будто бы и нѣтъ надобности. Многія статьи въ журналахъ Екатерининa времени посвящены воспитанію, какъ средству приготовлять гражданъ и устроивать благоденствіе. Теоретическими сужденіями объ этомъ предметѣ (въ изданіи: «Пріятное съ полезнымъ») подкрѣпляются извѣстные намъ педагогическіе взгляды Наказа и Бецкаго. Они совѣтуютъ съ

самаго малолѣтства вкоренять въ юное сердце понятіе о чести и справедливости; внушать дѣтямъ наклонность къ труду; кроткимъ съ ними обращеніемъ пріучать ихъ къ человѣколюбію: «если кто хочетъ сдѣлать своихъ дѣтей честными людьми, тотъ долженъ быть имъ истиннымъ родителемъ, а не строгимъ и жестокосердымъ судьею; надлежитъ имъ доказать, что ихъ любишь: ибо когда они въ томъ удостовѣрятся, то и тебя взаимно любить будутъ; они тебя будутъ бояться не такъ, какъ властелина, но какъ любезнаго друга, коего почитаютъ и опасаются оскорбить». Картины воспитанія, въ духѣ обычаевъ и правилъ до-петровской старины, принадлежатъ къ лучшимъ страницамъ Всякой всячины, Трутня, И то и се, Живописца. Мы уже имѣли случай упомянуть о нѣкоторыхъ, поставивъ ихъ въ связи съ комедіей Фонъ-Визина. Въ дополненіе къ нимъ прибавимъ: разсказъ о Степанидѣ Богдановнѣ, которая дозволяла своимъ дѣтямъ бить людей и мучить животныхъ (Всякая всячина); письмо дворянина о дурномъ его воспитаніи въ домѣ родителей, тирански поступавшихъ съ прислугой (Живописецъ); описаніе ученія грамотѣ у особаго рода учителей, называвшихся «мастерами» (И то и се). Много также картинъ той среды, которая благопріятствовала дурному воспитанію. «Всякая всячина» изображаетъ старинный обычай дворянства окружать себя большою дворней, держать въ дому, для «потѣшнаго дѣла», приживалокъ, барскихъ барынь, сказочниковъ, дураковъ и дуръ; «Письма къ Ѳалалею» (въ Живописцѣ), образцовыя по формѣ, предлагаютъ вѣрно-схваченныя типическія черты людей, закоснѣлыхъ въ невѣжествѣ, суевѣріи, ложной набожности и грубости. Часто преслѣдуетъ сатира деревенскихъ трутней, поспѣшавшихъ оставить службу и удалявшихся въ свое помѣстье на покой. «Съ тѣхъ поръ», пишетъ «Смѣсь», «какъ россійское дворянство подарено вольностію, многимъ захотѣлось отвѣдать сего пріятнаго подарка: такое лакомство завело нѣкоторыхъ въ неограниченную праздность, гдѣ они въ самомъ дѣлѣ доказываютъ, что они вольны». Для примѣра, какъ не должно жить дворянину, журналъ этотъ упоминаетъ объ Отдыхаловѣ и Досужниковѣ: одинъ почти не сходитъ съ голубятни, другой почти безъ просыпу спитъ. Обличенія лихоимства, ябеды, судейскихъ проволочекъ и приказной безграмотности прибавляютъ новые факты къ исторіи той «застарѣлой неправды», противъ которой писали Посошковъ, Кантемиръ, Сумароковъ, Фонъ-Визинъ. «Нравоучительныя заповѣди подьячимъ» (Всякая всячина) остроумно излагаютъ десять главныхъ грѣховъ «крапивнаго сѣмени». Гуманныя понятія объ уголовномъ судѣ нашли себѣ отголосокъ въ разсказѣ «Трутня», какъ одинъ судья пыталъ невиннаго, подозрѣвая его въ покражѣ часовъ. Авторъ разсказа замѣчаетъ между прочимъ: «видно, судья не заглядывалъ въ тѣ указы, кои безпристрастнымъ быть повелѣваютъ. О просвѣщеніе, даръ небесный! расторгни скорѣе завѣсу незнанія и жестокости для защищенія человѣчества!» Этими словами указано вѣрнѣйшее средство противъ неправеднаго судопроизводства. Должность прокурора, который былъ «окомъ правосудія», надзирая за точнымъ исполненіемъ законовъ, вызвала жалобы крючкотворцевъ: наставительное письмо дяди къ племяннику (Трутень) отзывается о молодомъ и ученомъ прокурорѣ, какъ о выскочкѣ, серьезно смотрѣвшемъ на судейскую науку, тогда какъ она состоитъ въ умѣньѣ «искусно пригибать указы по своему желанію».

Крайности иноземнаго, преимущественно французскаго вліянія, были преслѣдуемы журнальною сатирою съ особеннымъ негодованіемъ. «Кошелекъ», посвящен-

ный «отечеству», поставилъ исключительною своею цѣлію защиту русскихъ отъ мнѣнія тѣхъ людей, «кои, обольщены будучи нѣкоторыми снаружи блестящими дарованіями иноземцевъ, не только что чужія земли предпочитаютъ своему отечеству, но еще, ко стыду цѣлой Россіи, и гнушаются своими соотечественниками, и думаютъ, что Россіянинъ долженъ заимствовать у иностранныхъ все, даже и до характера, какъ будто бы природа, устроившая всѣ вещи съ такою премудростію и надѣлившая всѣ области свойственными климатамъ ихъ дарованіями и обычаями, столько была несправедлива, что одной Россіи, не давъ свойственнаго народу ея характера, опредѣлила скитаться по всѣмъ областямъ и занимать клочками разныхъ народовъ разные обычаи, чтобы изъ сей смѣси составить новый, никакому народу несвойственный характеръ». Названіе журнала должно было объясниться въ обѣщанной имъ, но не помѣщенной, статьѣ: «Превращенія русскаго кошелька во французскій»; вѣроятно, Новиковъ разумѣлъ введеніе «кошельковъ», которые привязывались къ парикамъ, и другихъ французскихъ модъ, за что дорогою цѣною расплачивались кошельки русскихъ петиметровъ. Самое вредное дѣйствіе галломаніи оказывалось на воспитаніи русскаго юношества невѣжественными или безнравственными гувернерами и гувернантками: поэтому тѣмъ и другимъ, равно какъ и довѣрчивымъ родителямъ, часто достается отъ журналовъ. Патріотическая сатира ихъ на этомъ предметѣ примыкаетъ непосредственно къ правительственнымъ мѣрамъ, къ «Бригадиру» Фонъ-Визина и голосамъ другимъ просвѣщенныхъ людей, старавшихся охранять нашу молодежь отъ вліяній, противныхъ характеру и достоинству русскаго народа. Въ указѣ объ основаніи московскаго университета сказано, что «у большей части помѣщиковъ жили на дорогомъ содержаніи учителя, изъ которыхъ многіе не только преподавали науки, но и сами ничего не знали; иные же родители, не имѣя знанія въ наукахъ или по необходимости не сыскавъ лучшихъ учителей, принимали такихъ, которые лакеями, парикмахерами и другими подобными ремеслами всю жизнь свою препровождали». Другимъ указомъ (1757) предписано экзаменовать всѣхъ иностранцевъ, принимающихъ на себя обученіе дѣтей. При Екатеринѣ II (указъ 1784 г.) должны были также подвергнуться испытанію всѣ содержатели частныхъ пансіоновъ и школъ. Въ рѣчи профессора московскаго университета Шадена: «о правахъ родителей касательно воспитанія дѣтей», есть сильная выходка противъ гувернеровъ-иностранцевъ: «Врагами дѣтей своихъ готовы мы назвать тѣхъ отцевъ и матерей, которые, желая пріискать учителя, разсылаютъ своихъ слугъ по перекресткамъ и площадямъ, какъ будто добрый и образованный наставникъ такая мелочь, что его можно найти вездѣ! Что удивительнаго, если слуги находятъ заразу воспитанія, людей раболѣпныхъ, негодныхъ тварей, носящихъ только образъ человѣческій!» Мессельѐръ, членъ французскаго посольства при нашемъ дворѣ въ царствованіе Елисаветы, и графъ Сегюръ, извѣстный дипломатъ и писатель, съ крайнимъ изумленіемъ и жалостью говорятъ о непростительной довѣрчивости, съ которою Руcкіе принимали къ себѣ въ домъ зазорныхъ выходцевъ изъ Франціи. Путешествія за границу дѣтей вельможъ и богачей, безъ надлежащей къ тому подготовки, стоили иноземнаго воспитанія. Предоставленные самимъ себѣ, молодые люди жадно бросались на удовольствія парижской жизни, забывая главную цѣль поѣздки—образованіе, и большею частію возвращались на родину съ пустою головою, развращеннымъ нравомъ и привычкой къ роскоши. Они, по словамъ «Бригадира», выходили французскими повѣсами, несравненно худшими русскихъ.

«Трутень» жалуется, что наша молодежь вывозила изъ чужихъ земель только свѣдѣнія о томъ, какъ тамъ одѣваются, какія бываютъ зрѣлища и увеселенія, а никто не разскажетъ о нравахъ, учрежденіяхъ и законахъ просвѣщенныхъ народовъ. Онъ же, какъ бы въ подражаніе Сумарокову, уподобившему петиметра напудренной скотинѣ, помѣстилъ въ своихъ сатирическихъ вѣдомостяхъ замѣтку «о россійскомъ поросенкѣ, который ѣздилъ по чужимъ землямъ для просвѣщенія своего разума, а воротился совершенною свиньею, и котораго желающіе могутъ видѣть безденежно по многимъ улицамъ города». Господство моды, со всѣми ея атрибутами въ обращеніи и костюмѣ, служило предметомъ частаго осмѣянія въ разныхъ формахъ. Журнальной сатирѣ особенно не нравилось вліяніе моды на родное слово; она негодовала на разговорный языкъ великосвѣтскихъ людей, представлявшій «смѣсь французскаго съ нижегородскимъ»: иностранныя реченія и фразы или цѣликомъ вставлялись въ русскую рѣчь, или переводились буквально, на-перекоръ ея складу; общеупотребительнымъ русскимъ словамъ придавался новый смыслъ; искажались даже грамматическія формы отечественнаго языка. Еще въ «Бригадирѣ», разговоры Совѣтницы пересыпаны словами: сентименты, пассія, комодиѣе, канабельна, диспютировать и пр. «Живописецъ» напечаталъ «опытъ моднаго словаря щегольскаго нарѣчія»: здѣсь объяснены нѣкоторыя слова въ томъ смыслѣ, какой имъ придавался петиметрами и модными женщинами. Этими «новоманерными» словами испещрено «письмо щеголихи къ Живописцу».

Русскіе сатирическіе журналы 1769—1774 годовъ. Эпизодъ изъ исторіи русской литературы прошлаго вѣка. Сочиненіе А. Аѳанасьва (1859). Его же «Два слова о журнальной сатирѣ прошлаго вѣка» (Москов. Вѣд. 1856, № 55). «Четыре года (1785—1788) изъ жизни Карамзина», Н. Тихонравова (Рус. Вѣст. 1862, № 4). «Мешенина, журналъ 1773 г.» (Библ. Зап. М. Лонгинова во 2 № Соврем. 1856). О нравоучительныхъ періодическихъ изданіяхъ, англійскихъ и нѣмецкихъ, см. Гетнера (Geschichte der engl. Literatur, стр. 260—281, и Gesch. d. deutschen Liter., erstes Buch, 1862, стр. 310—318). Г. Аѳанасьевъ напечаталъ, въ 1858 г., новымъ изданіемъ самые рѣдкіе изъ журналовъ семидесятыхъ годовъ: «Кошелекъ», «Пустомеля» и «Поденьщина».

§ 212. Сатирическія статьи императрицы Екатерины, извѣстныя подъ именемъ «Былей и небылицъ», печатались въ «Собесѣдникѣ любителей россійскаго слова (1783—1784)»,—сборникѣ сочиненій въ стихахъ и прозѣ, который издавался отъ академіи наукъ, по желанію ея директора, княгини Екатерины Романовны Дашковой (см. ниже). Онѣ продолжали дѣло журнальной сатиры семидесятыхъ годовъ, дополняя ее новыми картинами общественныхъ недостатковъ. Въ нихъ, какъ показываетъ названіе, смѣшаны дѣйствительность и вымыслы, но такіе, которые не лишены правдоподобія. Содержаніе ихъ, по словамъ самого автора, взято «изъ обширнаго моря естества»; онѣ наполнены тѣмъ, что «въ людяхъ водится»; короче, описываютъ «умоположеніе человѣческое». Подъ неточнымъ словомъ «умоположеніе» или «умствованіе» разумѣется то самое, что Монтескье называетъ «esprit général» и что, по его ученію, занесенному въ «Наказъ» (§ 46), рождается отъ вѣры, климата, законовъ и другихъ условій народной жизни. Характеръ изображеній въ «Быляхъ и небылицахъ»—легкій и веселый. Онѣ избѣгали всего «гнуснаго», «отвращающаго», и потому отказались отъ изображенія ябедника и мздоимца, которое предложилъ Фонъ-Визинъ (см. Письмо къ сочинителю Былей и небылицъ) и которое своимъ темнымъ цвѣтомъ не согласовалось бы съ легкой ясностью ихъ описаній. Авторъ ихъ ограничился насмѣшкой и шуткой, строго исключивъ все, что «не

въ улыбательномъ духѣ», что можетъ возбудить или горесть или скуку. На основаніи двухъ пословицъ: «съ людьми браниться никуда не годится» и «съ грѣхами бранись, а съ людьми мирись», онъ имѣлъ дѣло только съ пороками и слабостями, думая исправить ихъ насмѣшкой. Но, будучи веселыми и забавными, «Были и небылицы» однакожъ отвергаютъ пустые предметы, которые не стоятъ ни вниманія публики, ни правительственныхъ заботъ; «глубокомысліе» и «полномысліе» предпочитаютъ онѣ другимъ качествамъ сочиненій: только первое требуется облечь ясностью, а второе легкостью слога. Форма ихъ состоитъ въ передачѣ собственныхъ разсказовъ, мыслей и взглядовъ автора какому-то дѣдушкѣ (почему онѣ назывались также «Разговорами дѣдушки») и двумъ друзьямъ его, изъ которыхъ одинъ, какъ Демокритъ, «болѣе смѣется, нежели плачетъ», а другой, какъ Гераклитъ, «болѣе плачетъ, нежели смѣется». Искуственность, высокопарность, темнота совершенно изгнаны; въ «завѣщаніи», окончательной статьѣ «Былей и небылицъ», предписано «за смѣхомъ, за умомъ, за прикрасами не гоняться», «ходулей не употреблять, гдѣ ноги могутъ служить», «краснорѣчіе допускать лишь въ томъ случаѣ, когда само собою явится». Разнообразію сатирическихъ замѣтокъ помогаютъ умышленныя уклоненія отъ главной мысли, переходы отъ важныхъ предметовъ къ неважнымъ, и на оборотъ. Въ этомъ случаѣ Екатерина подражала манерѣ англійскихъ юмористовъ. Стернъ, въ одной главѣ своего романа «Тристрамъ Шанди», признается, что онъ часто убѣгалъ отъ предмета на далекое разстояніе, стараясь однако, чтобы въ его отсутствіе дѣло не остановилось. Замѣчательны совѣты «завѣщанія» касательно языка «Былей и небылицъ»: оно требуетъ слога гладкаго, легкаго; краткія и понятныя выраженія предпочитаетъ длиннымъ и кругловатымъ; запрещаетъ пользоваться безъ нужды иностранными словами, которыя легко могутъ быть замѣнены словами русскаго языка, сильнаго и богатаго; реченія и обороты, сами собою представляющіеся, какъ бы текущіе, должны брать верхъ надъ другими. Въ этомъ отношеніи «завѣщаніе» сходится съ главою «Наказа» о составленіи и слогѣ законовъ. Наконецъ особый пунктъ «завѣщанія» возбраняетъ прибѣгать къ стихотворческимъ «изображеніямъ и воображеніямъ», чтобъ не заходить въ чужія межи. Это касается собственно императрицы, которая не писала стиховъ, чѣмъ и объясняется стихъ Фелицы, оды Державина: «коня парнасска не сѣдлаешь» (см. ниже). Когда нужно было дать ея мыслямъ стихотворную форму, какъ напр. въ операхъ, она поручала эту работу своимъ статсъ-секретарямъ: Елагину, Храповицкому (см. ниже). Въ «Инструкціи кн. Салтыкову» сказано, чтобъ и великихъ князей не учить ни музыкѣ, ни виршамъ. То и другое Екатерина находила безполезнымъ, почему и помѣстила въ Гражданскомъ начальномъ ученіи разсказъ объ Александрѣ Македонскомъ, гдѣ между прочимъ читаемъ: «началъ было онъ учиться музыкѣ съ успѣхомъ, но когда отецъ его спросилъ, не стыдно ли ему столь искусно играть,—уменьшилъ охоту къ такой наукѣ, на которую много времени для полученія искуства теряется безъ пользы иной, окромѣ забавы».

Въ предметахъ своей сатиры, «Были и небылицы» сходятся съ другими однородными произведеніями той же эпохи. Онѣ касаются воспитанія, суевѣрія, обычая дворянъ жить въ долгъ и не платить долговъ, мотовства, роскоши, модъ, безпорядочной жизни супруговъ и пр. Обзоръ ихъ съ этой стороны соединимъ съ обзоромъ комедій императрицы, такъ какъ послѣднія заслуживаютъ вниманіе не драматиче-

скимъ достоинствомъ, которое въ нихъ очень слабо, а указаніями на современные нравы общества. Но прежде этого слѣдуетъ сказать нѣсколько словъ о журналахъ: Почта духовъ (1789) и Зритель (1792). По своему направленію, они также относятся къ періодическимъ изданіямъ семидесятыхъ годовъ. Здѣсь мы встрѣчаемъ имя Крылова, котораго главная дѣятельность разсмотрится въ слѣдующемъ отдѣлѣ. «Почта духовъ» издавалась имъ по образцу «Адской почты», т. е. въ формѣ переписки между вымышленными безплотными существами: водяные, воздушные и подземные духи сообщаютъ одному волшебнику извѣстія обо всемъ, что они видятъ на землѣ. Предметъ ихъ описаній—пороки, слабости и смѣшныя стороны современнаго общества. «Духи», говоритъ «извѣстіе» о журналѣ, «не любятъ крючкотворцевъ, ростовщиковъ и лицемѣровъ, не жалуютъ щегольства, волокитства и мотовства, и потому не могутъ ужиться въ нынѣшнемъ просвѣщенномъ вѣкѣ видимыми». Этими словами опредѣлено содержаніе журнала. Половина писемъ принадлежитъ Крылову. Ихъ обличенія направлены преимущественно противъ французскаго вліянія на высшіе классы общества. «Зритель» выходилъ подъ редакціей Крылова и Клушина (см. ниже). Его задачею было «представлять порокъ во всей его гнусности, дабы всякъ получилъ къ нему отвращеніе, а добродѣтель во всей ея красотѣ, дабы плѣнить ею читателя». Украшеніе журнала составляютъ прозаическія статьи Крылова: «рѣчь, говоренная повѣсою въ собраніи дураковъ»; «мысли философа по модѣ, или способъ казаться разумнымъ, не имѣя ни капли разума»; «похвальная рѣчь моему дѣдушкѣ». Онѣ выказываютъ не одну насмѣшливость, но и сильный даръ сатиры, преслѣдуя рѣзко и открыто пошлость жизни, пристрастіе къ иностранцамъ, возмутительное злоупотребленіе правами.

См. мою статью о Быляхъ и небылицахъ (От. Зап., 1856, № 10) и П. А. Плетнева: «Жизнь и сочиненія Крылова», въ I т. Полнаго собранія его сочиненій (1847). Въ сатирическихъ статьяхъ Клушина (портреты) очевидно подражаніе Всякой всячинѣ, Трутню и Живописцу.

§ 213. О драматическихъ своихъ піесахъ Екатерина II отзывалась скромно, хотя и признавала въ себѣ нѣкоторое дарованіе. Посылая Вольтеру французскій переводъ комедій: «О время! (1772)» и «Имянины госпожи Ворчалкиной (1772)», она писала: «у автора много недостатковъ; онъ не знаетъ театра; интриги его піесъ слабы. Нельзя того же сказать о характерахъ: они взяты изъ природы и выдержаны. Кромѣ того, у него есть комическія выходки; онъ заставляетъ смѣяться; мораль его чиста и ему хорошо извѣстенъ народъ». Но бѣдность поэтическаго значенія ея драмъ выкупается ихъ отношеніемъ къ современной эпохѣ. Императрица пользовалась ими, какъ орудіемъ сатиры, какъ литературной формой для выраженія своихъ идей. Съ этой стороны современные писатели и находили ихъ «достойными почтенія и благодарности». Комедія «О время!» побудила Новикова приписать ея автору журналъ «Живописецъ». «Вы первый», говорится въ посвященіи, «съ такимъ удовольствіемъ и остротою заставили слушать ѣдкость сатиры съ пріятностію и удовольствіемъ; вы первый съ такою благородною смѣлостію напали на пороки, въ Россіи господствовавшіе». Отвѣтъ автора, помѣщенный въ томъ же журналѣ, замѣчаетъ: «при сочиненіи комедіи не бралъ я находящихся въ ней умоначертаній ни откуда, кромѣ собственной моей семьи (т. е. Россіи), слѣд., не выходя изъ дому своего, нашелъ въ немъ одномъ къ составленію за-

бавнаго позорища довольно обширное поле для искуснѣйшаго пера, а не для такого, каковымъ я свое почитаю».

Цѣль комедіи: «О время!» — осмѣять ханжество, суевѣріе и страсть къ вѣстямъ и сплетнямъ, представленныя въ лицѣ трехъ женщинъ: Ханжахиной, Чудихиной и Вѣстниковой. Съ характеромъ Ханжахиной знакомитъ ея служанка Мавра: «она наполнена пустосвятствомъ, весьма зла, добродѣтелей ищетъ въ долгихъ молитвахъ и наружныхъ обыкновеніяхъ и обрядахъ, наблюдаетъ строго дни праздничные, къ обѣднѣ всякій день ѣздитъ, свѣчу передъ праздникомъ всегда ставитъ, мяса по постамъ не ѣстъ, ходитъ въ шерстяномъ платьѣ и ненавидитъ всѣхъ тѣхъ, кои ея правиламъ не слѣдуютъ». У Чудихиной каждый день новыя примѣты; всего она боится, отъ всего обмираетъ; суевѣрная до безконечности, она, кромѣ того, безстыдная ссорщица и сплетница. Вѣстникова— жеманная, высокомѣрная, злорѣчивая вѣстовщица, любящая на старости наряды.

Ханжество и суевѣріе должны были казаться автору комедіи смѣшными и нелѣпыми уже потому одному, что они противорѣчили разуму, которому просвѣщеніе XVIII в. старалось доставить торжество и въ знаніи, и въ жизни. Вредя истинѣ, они могли также вредить человѣколюбію, т. е. возбуждать нетерпимость, готовую на странныя или опасныя обвиненія. Въ одномъ письмѣ своемъ (1766), Екатерина выразила необходимость оградить общественное спокойствіе отъ всего, что̀ входитъ въ область пустыхъ вѣрованій и нетерпимости. Къ числу правилъ, «весьма важныхъ и нужныхъ», «Наказъ» относитъ осторожность при изслѣдованіи дѣлъ о волшебствѣ и еретичествѣ: обвиненіе въ сихъ двухъ преступленіяхъ можетъ чрезмѣрно нарушить тишину, вольность и благосостояніе гражданъ и быть еще источникомъ безчисленныхъ мучительствъ, если въ законахъ предѣловъ оному не положено; ибо какъ сіе обвиненіе не ведетъ прямо къ дѣйствіямъ гражданина, но больше къ понятію, воображаемому людьми о его характерѣ, то и бываетъ оно очень опасно по мѣрѣ простонароднаго невѣжества (§ 497). Если корень суевѣрія—невѣжество, то оно должно искореняться наукой и воспитаніемъ: «Инструкція» требуетъ «отдалять отъ глазъ и слуха питомцевъ все, что устрашаетъ мысли, всякія пугалища, стѣсняющія умъ и душу»; при свидѣтельствѣ московскихъ школъ и пансіоновъ, по указу 1785, повелѣно было смотрѣть строго, чтобы въ нихъ не были терпимы соблазнъ, развратъ и суевѣріе. Преслѣдуя послѣднее, философія старалась объяснить необычайныя явленія жизни законами природы: поэтому на всѣ доводы, что суевѣріе есть порокъ, что «нравоученіе закона запрещаетъ вѣрить нелѣпымъ баснямъ», Ханжахина отвѣчаетъ: «такъ, вы ничему нынче не вѣрите; у васъ все натура!»

Ханжахина заражена не однимъ пустосвятствомъ, но и скупостью: она очень часто твердитъ своей прислугѣ о постѣ и воздержаніи, особенно при раздачѣ мѣсячины и указнаго; занявъ у купца деньги по шести процентовъ, сама отдаетъ ихъ въ ростъ по шестнадцати. Комедія смѣется надъ этимъ недостаткомъ, но вмѣстѣ порицаетъ и роскошь, которая втягивала дворянство въ долги и заставляла его обманывать заимодавцевъ. Она сличаетъ искренность и простоту прежняго времени съ новыми обычаями, и перевѣсъ оказывается не на сторонѣ послѣднихъ: «Что касается до нынѣшней роскоши», говоритъ одно изъ дѣйствующихъ лицъ (Непустовъ), «я и самъ ея не люблю, равно какъ и старинную искренность почитаю. Похвальна, весьма похвальна старинная вѣрность дружбы и твердое на-

блюденіе даннаго слова, дабы въ несодержаніи его не было стыдно. Жаль, поистинѣ жаль, что нынѣ ничего не стыдятся, и многіе молодые молодцы, произнося ложь и обманывая заимодавцевъ, а боярыньки дерзко противъ мужей поступая, мало отъ чего когда краснѣются». Злостная или вынужденная несостоятельность дворянскаго слова часто обличается сочиненіями Екатерины II. Въ «Именинахъ госпожи Ворчалкиной», Геркуловъ бьетъ палкой Фирлюфюшкова за неплатежъ долга, приговаривая: «не обманывай честныхъ людей; держи данное свое слово; не дозволяй поступать съ собою какъ съ бездѣльникомъ; плутовъ бьютъ, обманщиковъ бьютъ, бездѣльниковъ бьютъ». По поводу этой сцены Екатерина писала Новикову (въ Живописцѣ): «Дошло до меня, что нѣкоторые критики за неприличное поставляютъ, что г. Фирлюфюшковъ за безстыдное словонесдержаніе палкою наказанъ. Я не стану приводить здѣсь, бывало ль таковое гдѣ-нибудь дѣйствіе или нѣтъ, ниже хочу извинять поступокъ Геркулова: онъ, дѣйствительно, въ обыкновенномъ общежитіи жестокъ. Но себя я легко могу оправдать, сославшись на самое Уложеніе. Въ немъ господа критики найдутъ, чему за несдержаніе слова и за бездѣльство люди подвергаются». Самъ Геркуловъ и другое лице той же комедіи, Спесовъ, зараженный барскою спесью, не лучше Фирлюфюшкова: они также промотали свое имѣніе, также жили въ долгъ, также прибѣгали къ обманамъ для поправленія разстроенныхъ дѣлъ. «Были и небылицы» описываютъ трехъ барынь, изъ которыхъ одна до того бережлива, что даже кредиторамъ не платитъ; другая три года оставалась должна разнощику за апельсины; а третья ничего не находила по своему вкусу на биржѣ, потому что ей ничего не хотѣли дать въ долгъ. Въ томъ же сочиненіи говорится о какомъ то «обществѣ незнающихъ». Одинъ изъ его членовъ, на вопросъ: откуда и какъ имѣетъ пропитаніе? отвѣчалъ, что живетъ въ долгъ; а на вопросъ: какъ и когда платить намѣренъ? отвѣчалъ, что о томъ нисколько не заботится. Все это меткія черты сатиры, согласной, и въ выборѣ предмета, и во взглядѣ на предметъ, съ указаніями другихъ современныхъ сочиненій. Къ числу новыхъ обычаевъ, противныхъ строгости прародительскихъ нравовъ, принадлежалъ нравственный безпорядокъ домашней жизни. Въ модникахъ явились развратные мужья, въ модницахъ невѣрныя жены, «дерзкія боярыньки», потерявшія способность краснѣть отъ своего зазорнаго поведенія. Число тѣхъ и другихъ было значительно: «всѣхъ ихъ не перезнаешь», по словамъ ком. «Вѣстникова съ семьею». Поэтому служанка Ханжахиной даетъ такой совѣтъ жениху своей барышни: «чуръ не жить съ ней по модѣ; берегитесь, а то вы будете заплачены тою же монетою, какъ и другіе». По расчету «Былей и небылицъ», отношеніе добропорядочныхъ супруговъ къ дурнымъ мужьямъ и женамъ весьма неутѣшительно. Легкомысленнымъ дѣвушкамъ, мечтающимъ о привольномъ замужствѣ, комедіи Екатерины II иногда ставятъ въ примѣръ дѣвицъ скромныхъ и разумныхъ. Въ ком. «Недоразумѣнія (1788)», одно дѣйствующее лицо говоритъ другому: «Не увѣришь ты меня никакъ, чтобъ было лучше выйти за природнаго дурака, нежели за разумнаго человѣка. Сбыслава воспитана честно; она по замужствѣ чрезъ нѣсколько недѣль мужа не покинетъ, какъ недавно слышно было, что сотворила таковой соблазнъ дочь нашего сосѣда, дерзко вышедъ съ умысломъ, чтобъ покинуть мужа».

Кромѣ главныхъ своихъ предметовъ, ком. «О время!» касается недостатковъ современнаго воспитанія. Она выставляетъ, съ одной стороны, строгое обращеніе

съ дѣтьми и держаніе дѣвицъ въ полномъ невѣжествѣ; съ другой, модное воспитаніе женскаго пола, образующее «новосвѣтскихъ госпожъ». Намъ уже извѣстенъ сынъ Чудихиной, одинъ изъ предшественниковъ Недоросля. Безотчетно привязанная къ старинѣ, руководясь не здравымъ разсудкомъ, а предубѣжденіями, она увѣрена, что свѣтъ сталъ превратенъ съ тѣхъ поръ, какъ врагъ принесъ къ намъ чужія науки. На новыя учрежденія, особенно воспитательныя, она смотритъ непріязненно: «На что дѣвокъ учить грамотѣ? имъ ни къ чему грамота не надобна: меньше дѣвка знаетъ, такъ меньше вретъ. Я принуждена была матушкѣ своей побожиться, что до 50 лѣтъ пера въ руки не возьму. Да полно что! ныньче и дѣвокъ-то всему, сказываютъ, въ Питерѣ учатъ. Быть добру!» Въ этихъ словахъ слышится голосъ Простаковой, явившейся черезъ десять лѣтъ послѣ Чудихиной.

Ком.: «Именины г-жи Ворчалкиной», въ главномъ лицѣ своемъ, отъ котораго и получила названіе, изображаетъ недовольство настоящимъ временемъ, легковѣріе и ворчливость. У ней собирается общество тѣхъ людей, «кои весь свѣтъ на словахъ перелить въ состояніи, людей мыслей высокихъ и съ острополезными выдумками, словомъ—людей праздношатающихся». Ворчалкина осуждаетъ всѣ учрежденія и дѣйствія правительства. Когда зашелъ разговоръ о новой комедіи (О время!), въ которой будто бы описаны ея кума и сватья, и когда знакомый ея замѣтилъ, что піесъ, выводящихъ на сцену личности, не дозволили бы играть, она отвѣчала: «И, батюшка! свѣтъ ныньче таковъ: всему дурному потачка есть. Кому смотрѣть? кому запретить? и сами тѣ, комубъ не допускать-то надобно было, хохочутъ изо всей мочи, когда руганье другимъ слышатъ». Воспитательные дома также ей не нравятся: «видишь, каковъ нынѣ свѣтъ-атъ развратенъ! подкидышковъ.... что ужъ этого больше?... подкидышковъ подбираютъ, да кормять, да за ними ходятъ, какъ будто за благородными!» Все, что ни дѣлается на пользу государственнаго устройства, толкуетъ она въ дурную сторону: «Какой ныньче кредитъ! казна только что грабитъ: я съ нею никакого дѣла имѣть не хочу! И такъ я, бѣдная вдова, принуждена была за пятнадцать лѣтъ заплатить какую-то недоимку вмѣсто покойнаго мужа моего. Съ мертвыхъ деругъ: теперь ужъ онъ умеръ, а какъ взяли, такъ взяли». Екатерина II не могла одобрять тѣхъ строгихъ судей, которые порицали проэкты и дѣйствія правительства ради одного порицанія, не умѣя или не желая замѣчать въ нихъ ничего добраго. Она ихъ сравниваетъ съ «плачущими Маремьянами», по пословицѣ: «Маремьяна ста́рица за весь міръ печальщица». Эти недовольные «обо всемъ въ мірѣ криво и косо пекутся, и отъ нихъ уже въ десяти шагахъ слышенъ духъ скрытой зависти противъ ближняго». Въ «Быляхъ и небылицахъ» одинъ чудакъ остановился на тѣхъ понятіяхъ о вещахъ, какія имѣлъ сорокъ лѣтъ назадъ, хотя вещи существенно измѣнились: «онъ не ѣдетъ жить въ деревню, боясь разбойниковъ по большой дорогѣ, и о бывшихъ говоритъ, какъ будто нынѣ состоялись; понынѣ жалуется еще на несправедливость воеводъ и ихъ канцелярій, коихъ однако ужъ нигдѣ нѣтъ; жалуется на внутреннія пошлины по городамъ, какъ притѣсняющіе торги, хотя сняты съ 1753 г.; вотчинную и юстицъ-коллегіи приплетаетъ ко всякимъ спорамъ, тяжбамъ и ябедамъ, мануфактуръ-коллегію къ фабрикамъ, камеръ-коллегію къ доходамъ». Изъ отвѣтовъ Екатерины на вопросы Фонъ-Визина видно, что она осталась недовольна послѣдними. Она видѣла въ ихъ авторѣ недовѣрчивость «ко вре-

мени и знаніямъ, истребляющимъ всевозможные недостатки», которые происходятъ или «отъ того, что вездѣ, во всякой землѣ и во всякое время родъ человѣческій совершеннымъ не родится», или отъ того, что молодой народъ не можетъ выказывать доблестей, свойственныхъ установившейся цивилизаціи и чуждыхъ цивилизаціи установляющейся. Одна изъ дочерей Ворчалкиной, Олимпіада, есть образецъ модной барышни. Она считаетъ обязанностью окружать себя поклонниками. Ея рѣчь испещрена словами изъ лексикона щеголихъ: «славенъ безпримѣрно», «ужесть», «болванчикъ» (обожатель), «маханье» (любезничанье, волокитство), «давать себѣ воздухи» (se donner des airs). Моды, вредныя какъ побужденіе къ мотовству и какъ свидѣтельство нашей переимчивости, были, кромѣ того, смѣшны своимъ безвкусіемъ. Обильное употребленіе румянъ и бѣлилъ, высокая головная уборка, растрепанная прическа отличались уродливостію. Сами французы начали, подъ конецъ, смѣяться надъ дамскимъ туалетомъ ихъ изобрѣтенія, особенно надъ головной уборкой, какъ бы нарочно придуманной для того, чтобы отнять у лица всякое выраженіе или превратить его въ каррикатуру. «Настало время, что лице съ трудомъ отъищешь въ кудряхъ, на которыхъ невѣдомо-что наклокочено: сзади головы-четыреугольникъ преширокій, спереди-треть лица закрыта; со лбомъ же всѣ поссорились: покрытъ онъ весь волосами; у иной брови къ тому еще размазаны колесомъ, какъ будто мостъ отъ носу къ вискамъ» (ком. Недоразумѣнія). «Были и небылицы» часто задѣваютъ моды своими насмѣшками. Онѣ описываютъ узкіе башмаки дочери архангельскаго купца, на высокихъ и тонкихъ каблукахъ, подобно куликовой шейкѣ; приводятъ выдержки изъ «записной книжки двоюродной сестры», которая встаетъ съ постели въ первомъ часу по полудни, съ гордостью говоритъ: «у насъ въ Парижѣ», мечтаетъ о балахъ, ужинахъ, любезникахъ. «Парикмахеръ», отмѣтила она въ своей книжкѣ, «сегодня чесалъ мнѣ волосы такъ порядочно, что я принуждена была болѣе часа растрепываться, чтобъ въ люди можно было показаться». Подъ пару Олимпіадѣ, выведенъ въ комедіи Фирлюфюшковъ: жалкій петиметръ, воспитанный, какъ и сынъ Бригадира, гувернерами и мѣшающій русскія фразы съ французскими; трусъ, желающій казаться храбрымъ; обманщикъ, толкующій о чести и благородствѣ.

Комедія: «Недоразумѣнія (1788)» названа отъ недоразумѣній, возникшихъ между двумя лицами: женихомъ и его невѣстой. Главный здѣсь характеръ—госпожа Гостякова. Въ ея лицѣ представлено помѣшательство дворянъ на проэктахъ, безъ малѣйшаго знанія дѣла. Къ такимъ-то дворянамъ относятся слова слуги Антипа, въ «Именинахъ Ворчалкиной»: «много видалъ я на своемъ вѣку, какъ господа, ухватившись за проэкты, чтобъ скорѣе разбогатѣть, закладываютъ деревни, а потомъ проэктъ не удался, деревни пропали и господинъ пошелъ по міру». У Гостяковой двѣ-три фабрики и нѣсколько заводовъ; она заставляетъ крестьянъ своихъ боронить, когда вездѣ пашутъ, и пахать, когда надобно боронить; румяны, приготовляемыя на ея заводѣ, нейдутъ съ рукъ, потому что для богатыхъ людей нехороши, а для бѣдныхъ дороги; полотняная фабрика стоитъ безъ дѣйствія, за неимѣніемъ пряжи; вздумала она разводить ревень и хлопчатую бумагу, но ихъ бьютъ морозы; наконецъ, желая достать денегъ, велѣла разломать старый домъ свой въ Можайскѣ и кирпичи продать въ Москвѣ. Выведенный изъ терпѣнія пустыми затѣями госпожи, дворецкій говоритъ

о ней: «Затѣи новыя всякій часъ! вчера приказала ленъ и пеньку сѣять на лучшихъ земляхъ, а на изнуренныхъ десятинахъ безъ удобренія велѣла сѣять рожь: кто слыхалъ подобное? Ея бы дѣло принимать гостей». На помощь промотавшимся дворянамъ являлись проидохи или глупцы, завѣряя ихъ въ успѣхѣ предлагаемыхъ выдумокъ. Одинъ изъ такихъ прожектеровъ—Некопѣйковъ (въ Имянинахъ Ворчалкиной), проторговавшійся купецъ, который хотѣлъ было устроить свои дѣла на счетъ заимодавцевъ и азартныхъ игроковъ, но остался съ пустымъ карманомъ: онъ толкуетъ объ употребленіи крысьихъ хвостовъ съ пользою, о постройкѣ секретнаго флота, объ устройствѣ въ Китаѣ вольной и безпошлинной гавани, и пр. Есть другое лице въ піесѣ, замѣчательное по отношенію къ дурному воспитанію: это Иготинъ. Учитель-иностранецъ, которому онъ съ малолѣтства попалъ въ руки, совершенно исказилъ его, или, говоря словами комедіи, «исковеркалъ». Постоянно слыша отъ своего наставника, что надобно стараться быть лучше другихъ, и въ тоже время привыкнувъ къ безразборчивому осмѣянію и опорочиванію ближнихъ, Иготинъ началъ и думать и поступать по-своему, на перекоръ всему, что ни замѣчаетъ: отсюда духъ нестерпимаго противорѣчія и упорства, грубое и надменное обхожденіе, презрительный разговоръ. Другой наставникъ Иготина, Потачкинъ, былъ лицемѣръ, ласкатель и въ добавокъ стихотворъ: онъ во всемъ потакалъ своему питомцу, замѣняя ему, въ случаѣ нужды, и шута. Воспитаніе служитъ также предметомъ комедіи «Вѣстникова съ семьею». Здѣсь, кромѣ гувернера, бывшаго прежде кучеромъ, о чемъ сказано выше (§ 209), выведена молодая дѣвушка, глуповатая отъ природы и еще болѣе отупѣвшая отъ побоевъ: мать, за дѣло и за бездѣлье, безпрестанно тузила ее въ голову и такимъ обращеніемъ слабоумную дочь свою сдѣлала полоумной.

Комедія: «Вотъ каково имѣть корзину и бѣлье! (1786)» есть вольное переложеніе или передѣлка на русскіе нравы Шекспировыхъ «Виндзорскихъ кумушекъ». Дѣйствующія лица названы русскими именами (напр. Фальстафъ—Полкадовымъ). Піеса имѣетъ цѣлью выставить смѣшную и вмѣстѣ вредную сторону путешествій, совершаемыхъ молодыми людьми, не съ тѣмъ, чтобы учиться, а съ тѣмъ, чтобы праздно проводить время, сыпля деньги на удовольствія и проматывая имѣніе. Драматическая пословица: «Путешествія Промотаева (1788)», самымъ именемъ главнаго лица показываетъ, какъ путешественникъ употребилъ свое время внѣ отечества; а заключительныя слова ея: «хорошо тому лгать, кто пріѣхалъ издалека», относятся къ тѣмъ небылицамъ, которыя онъ разсказывалъ въ отечествѣ послѣ своихъ странствій. За Полкадовымъ тотъ же грѣхъ и еще нѣкоторые другіе: онъ тщеславно повторяетъ: «chez nous à Paris»; изъ поѣздки по Европѣ вывезъ онъ запасъ свѣдѣній единственно о завивкѣ кудрей по послѣдней модѣ, о новѣйшемъ покроѣ фраковъ, объ удобнѣйшей запряжкѣ восьмерика, о красивой обуви и картежной игрѣ. Екатерина допускала пользу путешествій, но только на извѣстныхъ условіяхъ. Въ ком.: «Разстроенная семья осторожками и подозрѣніями» (1787), отецъ даетъ такой отвѣтъ сыну на его просьбу побывать въ чужихъ земляхъ: «никто изъ своего отечества не долженъ ѣхать, не избравъ себѣ напередъ образъ жизни и службы, въ пользу которой и ѣзда расположена быть должна, дабы она обратилась въ добро какъ ѣздоку, такъ и общему дѣлу». Прежде чѣмъ отправиться въ путешествіе, царевичъ Февей (§ 208) долженъ доказать на опытѣ послушаніе

отцу, душевную твердость, терпѣніе въ несчастіи, умѣренность въ счастіи, смѣлость и щедрость, великодушіе и кротость.

Любя русскую исторію, Екатерина брала изъ нея сюжеты для представленія ихъ въ драматической формѣ. Къ такимъ піесамъ относятся: «Историческое представленіе изъ жизни Рюрика (1786)» и «Начальное управленіе Олега (1786)». Идея первой піесы—величіе и торжество милосердія. Правленіе Рюрика есть правленіе мудраго, кроткаго, человѣколюбиваго монарха, по образцу Наказа: онъ любитъ правду, милосердіемъ побѣждаетъ враговъ и въ виновномъ видитъ человѣка, который рожденъ со страстями, слабостями и пороками, и совершаетъ преступленія иногда по легкомысленности. Онъ прощаетъ Вадима, Гостомыслова внука, поднявшаго противъ него новогородскую область. Нѣкоторыя рѣчи дѣйствующихъ лицъ одного духа съ правилами Инструкціи и Гражданскаго ученія: онѣ (какъ сказано въ примѣчаніяхъ ко 2-му изданію драмы) «изъявляютъ собственное сердце и душу автора; въ нихъ, какъ въ зеркалѣ, читатель находитъ свойства его характера, черты его умствованій, наклонностей и желаній». Слова Рюрика новгородскому посаднику Добрынину, что «любящій истину почитаетъ ее даже и въ томъ случаѣ, когда она непріятна», перешли въ піесу изъ Гражданскаго ученія: «правду любящій не отвращаетъ друзей говорить истину, слушаетъ и терпитъ непріятныя рѣчи и про самого себя». Когда супруга Рюрика, Эдвинда, говоритъ ему: «не наказанъ ли Вадимъ ужъ тѣмъ, что не имѣлъ въ своихъ намѣреніяхъ успѣха и что подверженъ всенародному осужденію», то въ этой рѣчи слышны и голосъ законодателя, который въ Наказѣ положилъ правиломъ, что наибольшая кара за злое дѣло состоитъ въ изобличеніи, и голосъ Инструкціи, что никакое наказаніе не можетъ быть полезно, если не соединено съ стыдомъ, что учинили дурно. Вообще послѣднія сцены пятаго акта явно внушены статьями Наказа о преступленіяхъ и наказаніяхъ. «Начальное управленіе Олега» представляетъ дѣйствія этого князя: заложеніе Москвы, устройство Кіева, женитьбу Игоря и походъ къ Цареграду. Піеса написана не безъ мысли о восточномъ, или греческомъ, проэктѣ, главнымъ ревнителемъ котораго былъ Потемкинъ. Олегъ прибиваетъ Игоревъ щитъ къ столбу на ипподромѣ, чтобы узрѣли его тутъ позднѣйшіе потомки. Кромѣ того, въ пьесѣ отражается нравственное ученіе Екатерины. Олегъ не суевѣръ, хотя и язычникъ: онъ почитаетъ обманчивыми примѣты жрецовъ. Какъ Инструкція требуетъ вселять въ воспитанниковъ бодрость духа; какъ Гражданское ученіе полагаетъ между качествами великодушнаго человѣка бодрость духа, терпѣніе въ печали, болѣзни и несчастіи: такъ и Олегъ восхваляетъ это свойство героевъ: «Человѣкъ аки шаръ; счастіе и несчастіе, играющія между собою, кидаютъ его изъ угла въ уголъ къ стѣнамъ горницы; не повреждается душевно отъ того лишь тотъ, кто довольно имѣетъ въ себѣ твердости, чтобъ бодрость духа его не понесла урона отъ чрезвычайной скорби, или же не позабылась при безмѣрной радости».

Кромѣ источниковъ, указанныхъ на стр. 410 и 437, см.: «Драматическія сочиненія Екатерины II», соч. М. Лонгинова (въ 3, 4 и 5 №№ Молвы 1857 г. и отдѣльной брошюрой того же года), и «Еще о драмат. сочиненіяхъ Екатерины II», библіограф. замѣтки г. Геннади (Библ. Зап. 1858, № 16).

Списокъ сочиненій Екатерины II:

Тайна противо-нелѣпаго общества (anti-absurde), открытая непричастнымъ оному. Переведено съ фр. языка. Съ фигурами (1759). По мнѣнію извѣстнаго библіографа, С. Д. Полторацкаго, эта книжка и на франц. яз., и въ переводѣ, нап. 1780 г. въ Спб. О ней будетъ сказано ниже.

Замѣтки великой княгини Екатерины Алексѣевны, на франц. (Библ. Зап., 1861, № 17).

Наказъ коммиссіи о составленіи проэкта новаго уложенія (1767).

Antidote ou examen du mauvais livre, superbement imprimé, intitulé: «Voyage en Sybérie, fait par odre du roi en 1761, par l'abbé Charpe d'Auteroche (Амстердамъ. 1770). Объ этихъ критическихъ примѣчаніяхъ мы будемъ говорить въ послѣдствіи.

Невѣста невидимка, ком. въ 1 д., сочинена въ Ярославлѣ въ 1772 (въ XII ч. Россійскаго Өеатра).

Имянины госпожи Ворчалкиной, ком. въ 5 д. Сочинена въ Ярославлѣ въ 1772 г. (нап. 1774).

Госпожа Вѣстникова съ семьею, ком. въ 1 д. Сочинена въ Ярославлѣ въ 1772 г.

Передняя знатнаго барина, ком. въ 1 д. Сочинена въ Ярославлѣ въ 1772 г. (въ XI ч. Рос. Өеатра).

О время! ком. въ 3 д. Сочинена въ Ярославлѣ во время чумы въ 1772 г. (нап. 1772).

Сказка о царевичѣ Хлорѣ (1782).

Сказка о царевичѣ Февеѣ (1782).

Выборныя россійскія пословицы (1782).

Записки первой части, содержащія въ себѣ разсказы и разговоры (1783).

Гражданское начальное ученіе (1783).

Были и небылицы (1783).

Записки касательно россійской исторіи. (Въ Собесѣдникѣ 1783—84 г.г.; отдѣльное изданіе, съ продолженіемъ, въ 6 ч., 1787—1794).

Инструкція кн. Н. И. Салтыкову (1784).

Обманщикъ, ком. въ 5 д., 1785 (пред. и нап. 1786).

Обольщенный, ком. въ 5 д., 1785 (пред. и нап. 1786).

Февей, ком. опера въ 4 д., составлена изъ словъ сказки, пѣсней русскихъ и иныхъ сочиненій (1786).

Новогородскій богатырь Боеславичъ, опера ком. въ 5 д., составлена изъ сказки, пѣсней русскихъ и иныхъ сочиненій (1786).

Храбрый и смѣлый витязь Архидѣичъ, ком. опера въ 5 д. (соч. 1786, пред. и нап. 1787).

Вотъ каково имѣть корзину и бѣлье, ком. въ 5 д., вольное, но слабое переложеніе изъ Шакеспира (1786).

Шаманъ Сибирскій, ком. въ 5 д. (1786).

Подражаніе Шакеспиру: Историческое представленіе изъ жизни Рюрика, въ 5 д. безъ сохраненія өеатральныхъ обыкновенныхъ правилъ (1786).

Начальное управленіе Олега, подражаніе Шакеспиру, безъ сохраненія өеатральныхъ обыкновенныхъ правилъ, въ 5 д. (1786).

Un tiens vaut mieux, que deux tu auras, proverbe (въ рус. переводахъ—Пельскаго: «Сплетникъ», неизвѣстнаго — «Смутникъ»). 1787.

Разстроенная семья осторожками и подозрѣніями, ком. въ 5 д. (пред. 1787, нап. 1788).

Недоразумѣнія, ком. въ 5 д. (соч. 1788, нап. 1789).

Le flatteur et les flattés, proverbe (у Пельскаго: «Льстецъ и льстимые», у неизвѣстнаго: «Льстецъ и обольщенные»). 1788.

Les voyages de M-r Bontems, proverbe (у Пельскаго: «Путешествія г-на Бонтама», у неизвѣстнаго: «Путешествія Промотаева»). 1788.

Il n'y a pas de mal sans bien, proverbe (у Пельскаго: «Нѣтъ худа безъ добра»; у неизвѣстнаго: «Не можетъ быть зла безъ добра»). 1788.

Горе-богатырь Косометовичъ, опера ком. (1788).

La rage aux proverbes, proverbe (у Пельскаго: «Сумасшествіе на пословицахъ»; у неизвѣстнаго: «Глупое пристрастіе къ пословицамъ»). 1788.

Өедулъ съ дѣтьми, оп. въ 1 д. (1790).

Родословникъ князей великихъ и удѣльныхъ дома Рюрикова (1793).

Сочиненія императрицы Екатерины II изданы въ 3 ч., Смирдинымъ, 1849 г. (Полн. собр. соч. рус. авторовъ). Изданіе неполное и не въ хронологическомъ порядкѣ.

Драматическія піесы, написанныя на фр. яз. Екатериною и приближенными къ ней особами и разыгранныя франц. актерами на собственномъ ея театрѣ (Эрмитажѣ), въ 1787 и 1788 г.г., изданы въ Спб. въ 4 т., подъ заглавіемъ: «Recueil des pièces de l'Hermitage». Издателемъ другаго сборника: «Théâtre de l'Hermitage de Catherine II»,

2 vol., Paris (1799), былъ Кастера. Въ этихъ сборникахъ, кромѣ піесъ Екатерины II, помѣщены піесы, сочиненныя австрійскимъ посломъ гр. Кобенцелемъ, французскимъ посланникомъ гр. Сегюромъ, принцемъ де-Линь, гр. Александромъ Матвѣевичемъ Мамоновымъ, И. И. Шуваловымъ, гр. Александромъ Сергѣевичемъ Строгоновымъ, г. д'Эста, французомъ, служившимъ при кабинетѣ императрицы, и дѣвицею Офренъ, дочерью французскаго актера.

Сборникъ Кастеры переведенъ Пельскимъ (2 ч., 1802) и неизвѣстнымъ (2 ч.. 1802), подъ названіемъ: «Эрмитажный театръ». Въ первомъ переводѣ помѣщены всѣ піесы, находящіяся въ подлинникѣ, за исключеніемъ стихотворной трагедіи Сегюра «Коріоланъ» и «Рюрика» Екатерины II; во второмъ—только піесы, принадлежащія перу императрицы, т. е. пять пословицъ и «Рюрикъ».

Рукописи Екатерины хранятся въ библіотекѣ Ак. Н.

Во время путешествія своего по Волгѣ въ Казань (1767), Екатерина и находившіяся при ней особы перевели Мармонтелева Велисарія. Переводъ, начатый въ Твери, откуда императрица отправилась на галерѣ «Тверь», нап. въ Москвѣ, 1768, подъ заглавіемъ: «Велизеръ, переведенъ на Волгѣ». и посвященъ епископу тверскому (въ послѣдствіи митрополиту новгородскому) Гавріилу. Имена переводчиковъ указаны и въ «Russ. Bibliothek, Бакмейстера (ч. 3 стр. 525) и въ «Correspondance de Grimm et de Diderot» (1-ère partie, t. 6). Выписываемъ ихъ: главы 1 и 4—И. П. Елагинъ; 2—гр. З. Г. Чернышевымъ, 3—С. М. Козминъ, 5—гр. Г. Г. Орловъ; 6, 10, 11 и 12—Д. В. Волковъ; 7 и 8—А. В. Нарышкинъ; 9-ая, изображающая качества мудраго и кроткаго государя,—Екатерина II; 13—А. И. Бибиковъ; 14—кн. С. Б. Мещерскій; 15—гр. В. Г. Орловъ; 16—Г. В. Козицкій. Посвященіе писалъ гр. А. П. Шуваловъ. Здѣсь, отъ лица императрицы, между прочимъ сказано: «Мы чистосердечно признаемся, что Велисарій обладалъ нашими сердцами, и мы увѣрены, что сіе сочиненіе вашему преосвященству понравится, потому что вы мыслями, какъ и добродѣтелію, съ Велизаромъ сходны».

§ 214. Репертуаръ нашего театра, до семидесятыхъ годовъ, держался преимущественно на трагедіяхъ Сумарокова, комедіяхъ Мольера и другихъ піесахъ того же направленія, частію переводныхъ, частію принаровленныхъ къ русскимъ нравамъ. Подрывъ довѣрія къ ложно-классической системѣ, въ теоріи или на практикѣ, былъ бы сочтенъ за явный признакъ безвкусія. Петербургская сцена въ особенности хранила вѣрность преданіямъ французской Мельпомены, освященной великими именами Корнеля и Расина. Сумароковъ, и до переѣзда своего въ Москву, и послѣ переѣзда, ревниво отстаивалъ неприкосновенность героической трагедіи, взирая на себя, какъ на присяжнаго ея цѣнителя и стража. Онъ могъ величаться этимъ дѣломъ, общимъ для него и для Вольтера, которому, подъ конецъ жизни, пришлось также обличать упадокъ драматической поэзіи во Франціи. Слова нашего сатирика: «ужели Москва повѣритъ болѣе подьячему, нежели г. Вольтеру и мнѣ?» имѣли значеніе, при всей ихъ комичности: они, какъ увидимъ далѣе, показывали однородность литературныхъ явленій въ двухъ разныхъ странахъ. Но это однообразіе театральнаго репертуара начинаетъ, со второй половины прошлаго вѣка, оживляться притокомъ свѣжихъ элементовъ. Трагедіи и комедіи французскаго покроя, владѣвшія до того времени исключительнымъ вниманіемъ публики, встрѣчаютъ противовѣсіе въ драмахъ инаго содержанія и иной формы. Новыя піесы переводятся и сочиняются большею частію въ Москвѣ; московская сцена охотно оказываетъ имъ радушный пріемъ, къ крайнему неудовольствію тѣхъ любителей театра, для которыхъ Расинъ и Мольеръ были единственными образцами. Восполняя односторонность прежняго направленія, давая бóльшій просторъ сценическому искуству, новыя піесы содѣйствовали успѣхамъ нашего театра и кромѣ того представляютъ извѣстный интересъ въ исторіи нашихъ эстетическихъ понятій.

Прежнее направленіе драмы поддерживалось столько же переводами, сколько подражаніями и оригинальными сочиненіями. Въ теченіе семидесятыхъ и восьмидесятыхъ годовъ перешли къ нашу литературу почти всѣ главнѣйшія піесы Корнеля, Расина, Вольтера, Мольера. Нѣкоторыя изъ нихъ были переводимы два и три раза; многія достигали втораго изданія. Княжнину (1742—1791) приписываютъ переложеніе бѣлыми стихами трагедій Корнеля: Сидъ, Смерть Помпея и Цинна. Въ исторіи нашей драмы онъ слѣдуетъ непосредственно за Сумароковымъ, какъ его преемникъ. Въ трагедіяхъ своихъ: Дидона (1769), Владиміръ и Ярополкъ (1772), Рославъ (1784), Титово милосердіе (1785), Софонисба (1786), Владисанъ (1786) и Вадимъ (1789), онъ слѣдовалъ трагической системѣ французовъ, которая, вращаясь въ кругу извѣстныхъ страстей, была неспособна къ внутреннему развитію, такъ что относительное достоинство піесъ, написанныхъ по ея уставу, могло выказываться только въ болѣе или менѣе искусномъ представленіи выбранной страсти (§ 199). Съ этой точки зрѣнія надобно смотрѣть и на трагедіи Княжнина. Ни въ содержаніи, ни въ формѣ ихъ нѣтъ того, что̀ исторія поэтическихъ родовъ считаетъ существеннымъ успѣхомъ или по крайней мѣрѣ замѣчательнымъ видоизмѣненіемъ. Княжнинъ уступалъ своему предшественнику въ трагическомъ дарованіи, необходимомъ для самобытной дѣятельности какого бы то ни было размѣра. Пушкинъ былъ правъ, назвавъ его «переимчивымъ». За исключеніемъ Рослава и Вадима, въ каждой піесѣ его очевидно подражаніе, которое иногда малымъ чѣмъ отличалось отъ перевода и доходило «до неправеднаго присвоенія чужой собственности»: такъ образцами «Дидоны» служили «Оставленная Дидона», Метастазія, и «Дидона», Лефрана-Помпиньяна; въ «Ярополкѣ и Владимірѣ» скопирована Расинова «Андромаха»; «Софонисба» заимствована у Триссино и Вольтера, изъ піесъ того же названія; «Владисанъ» повторяетъ Вольтерову «Меропу». О «Титовомъ милосердіи» говорить нечего: оно почти цѣликомъ принадлежитъ Метастазію. Трагедіи Княжнина отличаются отъ трагедій Сумарокова несущественными, внѣшними свойствами, которыхъ, однакожъ, не слѣдуетъ называть дѣйствительными преимуществами. Первое изъ этихъ отличій относится къ выраженію: Княжнинъ превосходитъ Сумарокова чистотою языка и болѣе складнымъ строеніемъ стиха, но за то въ его діалогѣ нѣтъ движенія, которое замѣтно у Сумарокова. Движеніе есть главная красота, душа драматической рѣчи: имъ выражается то самое, что происходитъ и въ дѣйствующемъ лицѣ подъ вліяніемъ могучей страсти, и въ самомъ авторѣ, принимающемъ къ сердцу положеніе этого лица. Шумные монологи Княжнина поражаютъ читателя съ перваго раза, но не оставляютъ за собою внутренняго отголоска: это не драматизмъ, а реторика, почему нѣкоторые изъ нихъ и стояли въ учебникахъ, какъ примѣры фигуръ. Новостью у Княжнина былъ также сюжетъ Рослава, «гдѣ не обыкновенная страсть любви, которая на россійскихъ театрахъ только одна была представляема, но страсть великихъ душъ, любовь къ отечеству, изображена»; но эта новость касается перемѣны въ выборѣ трагической страсти, а не эстетическаго выполненія. По выполненію, Рославъ вышелъ такимъ же сверхъестественнымъ чудомъ героизма, какъ Димитрій Самозванецъ сверхъестественнымъ чудомъ зла. Важнѣйшимъ отличіемъ трагедій Княжнина служитъ, какъ намъ кажется, внушенное ему Корнелемъ стремленіе изображать качества «великихъ душъ». Долгу, которымъ за-

является гражданское величіе, отдаетъ онъ преимущество надъ любовью, въ которой женская натура выказываетъ свое торжество.

Тиранка слабыхъ душъ, любовь—раба героя.
Коль счастья съ должностью не можно согласить,
Тогда порочeнъ тотъ, кто хочетъ счастливъ быть:

такъ говоритъ Рославъ, и говоритъ совершенно справедливо. Сципіонъ, олицетвореніе суроваго Рима, безжалостно объявляетъ Массиниссѣ (въ траг. Софонисба):

Священной должности я твердый исполнитель,
Для сей я должности и твой теперь мучитель.

Свадель, вельможа Ярополка, облеченъ «жестокостью благоправія». Онъ положилъ влечь братьевъ-соперниковъ «отъ стыда къ славѣ», т. е. «отъ страсти къ должности». Онъ не измѣнитъ своимъ правиламъ, хотя бы отъ того рушился міръ. Человѣческая личность важна для него на столько, на сколько она способна къ героизму. Задумавъ исцѣлить Владиміра отъ злой страсти, онъ радостно восклицаетъ:

Исчезнетъ человѣкъ—останется герой!

Это почти тоже, что «да погибнетъ міръ и да сохранится истина!». Надобно жалѣть, однако, что величественное выражается въ трагедіяхъ Княжнина не столько дѣлами, сколько словами, и что въ этихъ словахъ больше пышности и грома, чѣмъ истинной, душевной силы. Мерзляковъ, въ разборѣ Рослава, справедливо замѣтилъ, что этотъ герой, какъ молотомъ, поражаетъ датскаго короля Христіерна громкими изреченіями, заимствованными у Корнеля, Расина и Вольтера.

По отношенію своему къ эпохѣ, трагедіи Княжнина стоятъ на ряду съ лучшими произведеніями современной имъ литературы. Намъ трудно представить степень эффекта, который онѣ производили на театрѣ; но нѣтъ сомнѣнія, что ихъ дѣйствіе было благое. Въ нихъ разсѣяны здравыя понятія о человѣколюбіи, гражданскомъ долгѣ, истинной чести, высокомъ патріотизмѣ, составлявшія, такъ сказать, нравственный катихизисъ каждаго, кто причислялъ себя къ русскимъ европейцамъ XVIII в. Разговоры дѣйствующихъ лицъ выражаютъ благородный образъ мыслей автора, его безупречное служеніе музамъ:

Однѣ заслуги чтя, моя не подла муза;
Бѣжа порочнаго со лестію союза,
Въ терпѣніи своемъ, несчастна, но тверда,
Не приносила жертвъ фортунѣ никогда.

Княжнинъ, говоря его словами, измѣрялъ заслуги «не по восторгу, а по уму», и отъ того похвалы имъ «исполнены у него правды, а не мечты». Эту правдивую, умную похвалу видимъ въ «Титовомъ милосердіи», гдѣ римскій императоръ нерѣдко заступаетъ мѣсто русской царицы. Современные зрители такъ и понимали его дѣла и рѣчи. Они имѣли право ссылаться на кроткія мѣры «Наказа» противъ преступленій, когда слушали монологи о прощеніи порочному человѣку, сознавшему свои пороки, или о презрѣніи къ клеветникамъ, которые желали ложными слухами возставить Римъ противъ его владыки, или о томъ, что «нерѣдко въ строгости законы суть неправы». На дары, собранные отъ подвластныхъ народовъ, Римляне хотѣли воздвигнуть Титу храмъ; сенатъ предложилъ ему имя отца отечества. Титъ не принялъ священнаго титла, довольный тѣмъ, что

заслужилъ его, а дары велѣлъ раздать пострадавшимъ отъ изверженій Везувія. Прекрасный стихъ его:

Да будетъ храмъ мой—Римъ, алтарь—сердца гражданъ,

могъ быть примѣняемъ къ сходственнымъ событіямъ въ царствованіи Екатерины: она также отклонила отъ себя титулы «великой, премудрой и матери отечества», поднесенные ей общимъ собраніемъ депутатовъ (1767), замѣтивъ, въ отвѣтной рѣчи, что почитаетъ за долгъ свой любить врученныхъ ей Богомъ подданныхъ, и что быть отъ нихъ любимою есть ея желаніе; она же опредѣлила (1780) внести въ приказъ общественнаго призрѣнія, на полезныя дѣла, тѣ деньги, которыя собрало дворянство петербургской губерніи, желавшее устроить торжественную ей встрѣчу по возвращеніи ея изъ поѣздки въ Бѣлоруссію.

Какъ человѣкъ образованный, искренно любившій словесность, какъ секретарь Бецкаго по управленію воспитательными учрежденіями, Княжнинъ былъ вполнѣ и открыто преданъ гуманнымъ идеямъ своего времени: поэтому въ его сочиненіяхъ нерѣдко встрѣчаемъ то самое, что намъ уже знакомо изъ другихъ авторовъ. Такъ «Рѣчь, произнесенная имъ въ академіи художествъ при первомъ выпускѣ ея питомцевъ (1779)», говоритъ о важности новаго воспитанія, которымъ «упадшее человѣчество возводится на степень человѣчества», о вредѣ разума безъ благонравія, этого «украшенія народовъ», о намѣреніи создать въ Россіи среднее сословіе,—«невиданную у насъ дотолѣ степень гражданства». «Посланіе къ питомцамъ свободныхъ художествъ (1783)», признавая необходимость просвѣщенія для художника, который «безъ наукъ равенъ ремесленнику», въ тоже время положительно утверждаетъ, что «исправленные нравы важнѣе наукъ», что «прежде всякихъ талантовъ намъ нуженъ человѣкъ». Въ эпоху литературной дѣятельности Княжнина, настроеніе умовъ или, выражаясь языкомъ тогдашняго времени, «умоположеніе» писателей было одинаковое. Каждый изъ нихъ старался, въ той или другой формѣ, заявить свои начала и тенденціи. Трагедія служила однимъ изъ лучшихъ къ тому средствъ: ея сюжеты сильнѣе дѣйствовали на воображеніе, ея стихи прочнѣе удерживались памятью. Намъ извѣстно (§ 199), что Вольтеръ давно уже показалъ, какъ можно сцену обратить въ трибуну и заставить трагическое искуство служить не искуству, а цѣлямъ, ему посторроннимъ и отъ него не зависящимъ. Примѣръ его нашелъ подражателей въ Сумароковѣ, Княжнинѣ и другихъ, менѣе талантливыхъ авторахъ. Въ числѣ послѣднихъ долженъ быть упомянутъ Николевъ (1758—1815), котораго пѣсни: «Вечеркомъ румяну зорю», и «Взвейся, выше понесися, сизокрылый голубокъ», сдѣлались почти народными и пережили его драмы. Москва видѣла въ немъ опаснаго соперника Княжнину. Особенный шумъ произвела его трагедія «Сорена (1785)», благодаря сильнымъ стихамъ (des vers à retenir), написаннымъ въ духѣ Вольтерова «Брута» или «Катилины».

Княжнинъ-комикъ выше Княжнина-трагика: въ комедіяхъ его много остроумія и соли; онѣ принаровлены къ русской жизни, хотя и не могутъ назваться оригинальными; нѣкоторыя ихъ лица знакомятъ насъ съ современными нравами. По этимъ качествамъ, двѣ главныя его комедіи: «Хвастунъ (1786)» и «Чудаки (соч. 1790, нап. 1793)», стоятъ въ ряду лучшихъ нашихъ комедій: онѣ долго держались на сценѣ и дали поводъ къ подражаніямъ, изъ которыхъ упомянемъ о «Новыхъ чудакахъ (1798)», кн. Алексѣя Голицына.

Сюжетъ «Хвастуна» заимствованъ изъ комедіи де-Брюйе: «L'important de cour», извѣстнаго въ нашей литературѣ по другой своей піесѣ: «Нѣмой», переведенной Михайломъ Поповымъ (1788). Идея комедіи—тщеславіе, стараніе «казаться, а не быть», стремленіе завѣрить другихъ въ своей знатности, въ величіи общественнаго положенія, въ силѣ вліянія на дѣла и людей. Средство, для того употребляемое—ложь, хвастовство, отъ чего піеса и получила названіе: Верхолетъ (хвастунъ) хвалится своимъ значеніемъ при дворѣ, множествомъ должностей, имъ занимаемыхъ, властью раздавать какія-угодно мѣста, даже сенаторскія, перепиской съ королями. Цѣль хвастовства—жениться на дочери богатой и глупой госпожи Чванкиной, легко идущей на приманку тщеславія, какъ видно по ея фамиліи. Затѣямъ Хвастуна полагаетъ конецъ полиція: благочинный уничтожаетъ его мнимое графство, открываетъ всѣмъ глаза и сажаетъ обманщика въ смирительный домъ. Служанка Марина заключаетъ піесу нравственнымъ урокомъ:

Чтобъ глупо не упасть и чтобъ не осрамиться,
Такъ лучше не въ свои намъ сани не садиться.

Жалко, что авторъ, при своемъ несомнѣнномъ комическомъ дарѣ, остановился на внѣшней сторонѣ предмета, не раскрывъ отвратительной глубины его. Желаніе «казаться, а не быть» можетъ производить не одни смѣшныя послѣдствія, но и вредныя. Смотря по своей степени и направленію, оно становится или слабостью, или порокомъ. Человѣкъ тщеславный, добивающійся важнаго положенія въ свѣтѣ, не ради общественной пользы, а изъ видовъ себялюбія, и нерѣдко успѣвающій въ своемъ домогательствѣ,—такой человѣкъ бываетъ и пустымъ малымъ, и самымъ злымъ негодяемъ. Верхолетъ даже не плутъ, а «плутоватый дворянчикъ, который сбираетъ оброкъ съ плохихъ головъ»: отъ этого онъ, по словамъ Марины, и «упалъ глупо». При всемъ отвращеніи ко лжи, намѣренной или наивной, творимой изъ любви къ искуству, нельзя придавать ей такую важность, какую придалъ Честонъ, совѣтникъ изъ намѣстничества, т. е. что «лжецъ равенъ почти съ тѣмъ, кто тайно лазитъ въ окна». Если бы и такъ, то все же онъ безопаснѣе того тщеславнаго, который имѣетъ возможность явно входить въ двери, подъ щитомъ кажущагося значенія. Не было бы слишкомъ большой бѣды, если бы тщеславіе только-что хвастало и если бы вредъ, имъ наносимый, обрушивался только на глупыхъ Чванкиныхъ и глупыхъ Простодумовъ (Простодумъ—дядя Верхолета), которые достойно наказаны тѣмъ, чему сами служатъ—тщеславіемъ. Тогда зрители выходили бы изъ театра безъ тягостныхъ ощущеній, снисходительно простивъ Верхолета. Впрочемъ, разсматривая піесу Княжнина въ томъ видѣ, какъ она есть, безъ мысли о томъ, что она могла бы намъ представить, мы находимъ въ ней и неподдѣльный комизмъ и вѣрныя черты современныхъ нравовъ. Простодумъ до того отуманенъ знатностью своего племянника, что видитъ въ родствѣ съ нимъ какъ бы патентъ на чинъ. Его и производятъ въ дяди и выключаютъ изъ дядей по произволу. Полистъ (слуга Верхолета) говоритъ о немъ:

Бывалъ онъ дядя вашъ, теперь пусть будетъ мой.
Когда племянникомъ его быть не хотите,
Изъ милости къ нему, мнѣ въ дяди уступите.

Простодумъ покоряется своей участи:

Я радъ быть всѣмъ, чѣмъ графъ сіятельный прикажетъ;
И, сдѣлавъ дядею своимъ, меня обяжетъ.

Верхолетъ утѣшаетъ его обѣщаніемъ предоставить ему прежнее мѣсто въ родословномъ древѣ:

Со временемъ опять въ мои произведу.

Племянникъ сердится на дядю, который хочетъ быть только ассессоромъ и не вѣритъ возможности быть сенаторомъ; Полистъ останавливаетъ невѣрующаго угрозой:

....Пожалуйте, не приводите въ гнѣвъ:
Онъ втюритъ въ канцлеры, на васъ освирѣпѣвъ.

Запуганная Верхолетомъ, Чванкина боится признать Честона Честономъ, хотя и знаетъ его какъ самое-себя:

Такъ чтожъ, что ты Честонъ? хоть знаю, да не вѣрю.

Ея увѣренность, что «тотъ вѣчно не вздыхаетъ и постоянно веселъ, кто не глядѣлъ въ книги»; ея совѣты дочери, что «долженъ завсегда чинъ чина почитать», и потому въ сердцѣ молодой дѣвушки,

Чтобъ не подвергнуться законовъ строгихъ штрафу,
Такъ долженъ уступить дворянчикъ мѣсто графу;

досада Простодума на Честона, который не вѣритъ знатности Простодума и котораго онъ за то называетъ «сущимъ атеистомъ», принадлежатъ къ истинно-комическимъ сценамъ и выходкамъ и не остались безъ подражанія, какъ увидимъ въ своемъ мѣстѣ. Черты современныхъ нравовъ обнаруживаются по большей части рѣчами Простодума, Чванкиной и Верхолета, какъ такихъ лицъ, которыя служатъ образчиками общества, зараженнаго тщеславіемъ и чинолюбіемъ, гдѣ «купцы, сапожники, всѣ метятъ въ офицеры», и гдѣ не человѣкомъ кажется тотъ, кто проводитъ свою темную жизнь безъ чина. Чванкина отрекается отъ знакомства съ Честономъ и готова равнодушно смотрѣть на смерть единственной дочери, «лишь бы она умерла графиней». Для чего Простодуму хочется сенаторскихъ креселъ? Что побуждаетъ его занять ту должность,

Въ которой, дѣйствуя, онъ только что вредитъ;
Не дѣйствуя, смѣшонъ, за то, что пнемъ сидитъ?

Конечно, не жажда полезной дѣятельности, а мелкое желаніе задать страху сосѣдямъ-помѣщикамъ, удивить ихъ своимъ вельможествомъ:

Когда у насъ о томъ услышатъ въ деревняхъ,
Всплеснувъ руками, всѣ дворяне скажутъ: ахъ!
Которые себѣ въ богатствѣ мѣръ не ставятъ,
Которые меня своею спесью давятъ,
Увидя пыхи тамъ вельможески мои,
Опустятъ крылышки, какъ мокры воробьи....
Я также ихъ пожму во время сенаторства
И покажу мои имъ разныя проворства.
Покрѣпче буду ихъ держать въ моихъ рукахъ
И, какъ на собственныхъ, на ихъ косить лугахъ.

Такъ точно въ другой, позднѣйшей комедіи, городничему хочется «влѣзть въ генералы», чтобы имѣть удовольствіе обѣдать вмѣстѣ съ губернаторомъ и безъ задержки получать почтовыхъ лошадей. Мудрено ли, что, при такихъ цѣляхъ возвышенія, «изъ добрыхъ простаковъ выходятъ простаки злые» и легко являются

«наглые сборщики съ людской глупости». Настоящее ихъ имя плуты, но время замѣнило его другимъ:

......кто прежде звался плутъ,
Того теперь искусникомъ зовутъ.

Здѣсь плутъ не далекъ уже отъ того, еще высшаго значенія, по которому «умный человѣкъ не можетъ быть не плутомъ». Покровительство Верхолета обходится дядѣ не дешево: послѣдній предлагаетъ ему три тысячи рублей, которые скопилъ

Не хлѣбомъ, не скотомъ, не выводомъ телятокъ,
Но кстати въ рекруты торгуючи людьми.

Любопытны прошенія, поданныя Верхолету (дѣйствіе II, явленіе 4): въ одномъ представленъ сочинитель похвальныхъ одъ, начертанный и Крыловымъ въ повѣсти «Каибъ», и Клушинымъ въ «Портретахъ», подъ именемъ Одохвата (Зритель, 1792); въ другомъ является Мерсье де ла Ривьеръ, приглашенный Екатериною въ Россію (1775) для совѣтовъ по законодательству (§ 206), но по своимъ проэктамъ, самолюбію и тщеславію оказавшійся смѣшнымъ, почему и былъ выведенъ въ пьесѣ: «Управляловъ», написанной графомъ Кобенцелемъ, австрійскимъ посланникомъ при нашемъ дворѣ. На подобныхъ искателей фортуны указываетъ также статья Зрителя: «Передняя знатнаго барина».

Вторая комедія Княжнина имѣетъ много общаго съ »Страннымъ человѣкомъ (L'homme singulier)», Детуша, но отличается отъ французской піесы тѣмъ, что выставляетъ не одного чудака, а цѣлую галерею чудаковъ, почему и заключена такими стихами:

....Всякій, много ли иль мало, но чудакъ,
И глупость, предстоя при каждаго рожденьѣ,
Намъ всѣмъ дурачиться даетъ благословенье.

«Чудаки» собственно не комедія, т. е. не органическое развитіе единаго комическаго дѣйствія, а собраніе характеровъ или портретовъ, съ которыми зритель знакомится въ отдѣльныхъ сценахъ, исполненныхъ комизма, но не представляющихъ внутренней необходимости и связи. Разсмотрѣніе этихъ характеровъ и должно быть задачею критики. Первый между ними—Лентягинъ, сынъ кузнеца, недавно вышедшій въ дворянство, владѣлецъ «несмѣтнаго богатства». Онъ пріѣхалъ изъ провинціи въ столицу для пріисканія достойнаго жениха своей дочери Улинькѣ. Подражая Детушу, Княжнинъ сдѣлалъ Лентягина философомъ, ведущимъ жизнь по-своему, совершенно иначе, чѣмъ всѣ другіе. Какъ у Детуша «Странный человѣкъ» называетъ своего слугу «monsieur», обнимаетъ его и сажаетъ съ собой рядомъ, одѣвается по старомодному, уѣзжаетъ въ деревню на зиму, когда всѣ съѣзжаются въ городъ, и остается въ городѣ въ то время, когда всѣ живутъ на дачахъ, не провожаетъ никогда своихъ гостей, находя вѣжливость пустымъ обычаемъ, среди столицы ведетъ отшельническую жизнь и не хочетъ посылать за нотаріусомъ для подписанія контракта, безъ котораго не можетъ обойтись дѣло: такъ и у Княжнина Лентягинъ смѣется надъ всѣми общественными условіями и обычаями, не хочетъ писать рядной, говоритъ слугѣ своему (Пролазу) «вы» вмѣсто «ты», называетъ его другомъ и наконецъ простираетъ свою любовь къ нему до того, что хочетъ не только пере, дать ему все свое имѣніе, но даже и выдать за него свою единственную дочь-хотя не прошло еще и одного дня, какъ Пролазъ нанялся къ нему въ услуженіе.

Ясно, что странности Лентягина изъ рукъ вонъ и становятся дикими, чудовищными карриікатурами. Онѣ не могутъ быть оправданы никакими побужденіями—ни умственными, ни нравственными. Это не система Детушева «Страннаго человѣка», вытекающая изъ простаго положенія: «люди дурны, слѣдовательно, чтобъ быть хорошимъ человѣкомъ, надобно отличиться отъ нихъ во всемъ — въ поступкахъ, мысляхъ, чувствахъ и даже словахъ». Въ основѣ этой системы лежатъ здравомысліе и добродѣтель: здѣсь нѣтъ смѣшнаго; смѣшное состоитъ лишь въ томъ, что «Странный человѣкъ» справедливую основу выражаетъ педантически, внѣшними, забавными способами, не умѣя держаться середины. За Лентягинымъ нѣтъ системы, которая мирила бы читателя съ его странными выходками. Онъ не «философъ черезъ чуръ» (un philosophe outré), какъ «Странный человѣкъ» Детуша. Его «филофствованіе по своему» есть просто самодурство. Ни онъ самъ, ни другіе, его окружающіе, не взялись бы объяснять, почему онъ думаетъ такъ, а не иначе, и въ слѣдствіе какихъ причинъ рѣшается на то или другое. Лентягина, тревожимая бѣсомъ тщеславія—другой экземпляръ Чванкиной, только поумнѣе: у ней, по словамъ ея мужа, «лихорадка спеси и знатности»; служанка Марина называетъ ее «чудною», потому что прежнихъ слугъ отправила она въ деревню, а въ столицѣ окружила себя наемными людьми, столько же спесивыми, какъ и она сама. Вѣтромахъ, одинъ изъ претендентовъ на руку Улиньки—хвастунъ и петиметръ, помѣшанный на чванствѣ своею знатною породой и на галломаніи. Весь умъ его во французскихъ словахъ, которыя мѣшаетъ онъ съ русскими. Марина уподобляетъ его орѣху-свищу, снаружи гладкому, а внутри набитому пылью; это «раздушенный и распудренный, распещренный болванъ, попугай рѣчами, обезьяна поступками, не человѣкъ съ человѣческимъ лицомъ». Характеръ Вѣтромаха изображенъ вѣрно и искусно, можетъ быть и потому, что существенныя черты его давно уже служили предметомъ сатиры; самъ Княжнинъ, прежде чѣмъ написалъ «Чудаковъ», осмѣивалъ французолюбіе и петиметрство въ комическихъ операхъ: «Несчастіе отъ кареты» (см. ниже) и «Мужья-женихи своихъ женъ», и въ «Исповѣданіи жеманихи» (1783). Другой искатель Улинькиной руки, Пріятъ, живо представляетъ пасторальный сентиментализмъ. Онъ принадлежитъ къ числу тѣхъ юношей, которые, начитавшись идиллій и романовъ, мечтали устроить себя по образу аркадскихъ пастушковъ. Вотъ его портретъ:

Во фракѣ мердоа и въ розовомъ платочкѣ,
По вечерамъ одинъ задумчивъ и смущенъ,
Такъ томенъ и унылъ, какъ будто селадонъ,
По рощамъ и лугамъ съ овечками гуляетъ,
Иль подъ окномъ моимъ по холодку пылаетъ.

Разговоръ Пріята—«чепуха сладкихъ словъ»; его желаніе—«вздыхать у ногъ своей возлюбленной

На мягенькихъ лугахъ между цвѣтовъ у рѣчки,
Пасутся издали невинны гдѣ овечки».

Имя «Семенъ» кажется ему жесткимъ, почему онъ и не рѣшается принять его даже на время, даже для собственной пользы:

Не лучшель Филимонъ, иль Тирсисъ, или Арсамъ,
Или хотя Аркасъ?

Буколическая чувствительность вычитывалась нашими юношами и дѣвицами изъ эклогъ и романовъ, которыхъ, до появленія «Чудаковъ», уже достаточно было въ

нашей литературѣ. Начиная съ семидесятыхъ годовъ, рѣдкій журналъ обходился безъ идиллій Геснера. Переводы его сочиненій выходили и особыми изданіями. Кромѣ идиллическаго элемента, мы знакомились также съ элементомъ грусти и меланхоліи по нѣкоторымъ иностраннымъ писателямъ. Самому Княжнину приписываютъ переводы чувствительнаго романа госпожи Тансэнъ: «Графъ де Комменжъ», и чувствительной героиды Дора: «Письмо графа Комменжа къ его матери». Изъ повѣстей Арно, которыя Лагарпъ называлъ «des contes noires», такъ какъ рисунокъ ихъ мрачный и печальный, наиболѣе славились «Батильда или геройство любви» (1773) и поэма «Эльвиръ», переведенная Костровымъ (1779). Въ восьмидесятыхъ годахъ, переходятъ къ намъ пастушескіе разсказы Флоріана, Ричардсонова «Памела» и французское ей подражаніе «Новая Памела». Василій Левшинъ и Павелъ Львовъ въ особенности снабжали насъ произведеніями въ означенныхъ родахъ. Послѣдній даже написалъ «Россійскую Памелу, или приключенія Маріи, добродѣтельной поселянки». Сатира осмѣивала крайности идиллическаго вкуса, мѣшавшаго здравому взгляду на дѣйствительность. Мы видѣли эти насмѣшки въ журналахъ 1769—74 г. Статья Клушина: «Портреты» (Зритель, 1792), разсказываетъ, какъ однажды обрушилась на него библіотека и онъ былъ придавленъ «Россійскою Памелою» и «десятью томами идиллій и эклогъ» Другая статья того же журнала замѣчаетъ: «надобно быть страшнымъ охотникомъ до романовъ, чтобы недостатки природы дополнять силою воображенія и сплести шалашъ какому-нибудь Ивану изъ миртовыхъ и розовыхъ кустовъ». Но всего больше досталось идилликамъ отъ Крылова, въ повѣсти «Каибъ» (Зритель). Такимъ образомъ Пріятъ явился во-время и кстати. Онъ лице дѣйствительное, а не воображаемое. Въ дополненіе къ нему, Княжнинъ вывелъ еще стихотвора Свирѣлкина, котораго «даръ сіяетъ въ идилліяхъ, какъ ясный Фебъ, а въ элегіяхъ заключается плачевнѣйшій содомъ». Авторъ имѣлъ цѣлію буколическую настроенность противопоставить страсти къ торжественнымъ одамъ, нѣжную свирѣль громкой трубѣ, почему другой стихотворъ получилъ имя Тромпетина. Кромѣ того, ему хотѣлось передать русской сценѣ знаменитую перебранку между Триссотиномъ и Вадіемъ, въ «Ученыхъ женщинахъ», Мольера. Наконецъ есть и различіе между Свирѣлкинымъ и Пріятомъ: первый только сочиняетъ идилліи, а второй думаетъ провести идиллическія начала въ жизнь образованнаго общества. Изъ остальныхъ чудаковъ, надобно упомянуть о Трусимѣ—всемірномъ пріятелѣ, охотникѣ услуживать всѣмъ и во всемъ, хотя бы его о томъ и не просили. Въ его роли замѣчателенъ разсказъ, отчего онъ сдѣлался хромымъ и глухимъ:

У милостивца мнѣ Андроса то случилось:
Въ тотъ разъ чихнувъ, платокъ изволилъ уронить:
Обрадовавшись, я вдругъ низко поклонился,
И, чтобъ въ усердіи другихъ опередить,
Какъ самый быстрый конь, платокъ поднять пустился;
Полъ гладокъ былъ какъ ледъ; я какъ-то зацѣпился
И ногу повредилъ, ударившись вискомъ.
Былъ долго боленъ я; съ тѣхъ поръ и глухъ и хромъ.

Оригинальная комическая опера: «Несчастіе отъ кареты (1779)», имѣла большой успѣхъ, какъ по сюжету, такъ по веселости и комизму, хотя, при другихъ обстоятельствахъ, ея завязка легко допускала трагическій исходъ. Княжнинъ остроумно представилъ въ ней роскошь и мотовство знатныхъ бояръ, ихъ пристрастіе къ париж-

скимъ модамъ и французскому языку въ лицѣ господина Фирюлина и его супруги. Фирюлину понадобилась къ празднику новая карета, вывезенная изъ Парижа, и по этому случаю онъ пишетъ прикащику: «О ты, котораго глупымъ и варварскимъ именемъ Клементія донынѣ безчестили! изъ особливой моей къ тебѣ милости за то, что ты большую часть крестьянъ одѣлъ по французски, жалую тебя Клеманомъ.... Ты мнѣ писалъ, что хлѣбъ не родился: это дѣло не мое, и я не виноватъ, что и земля у насъ хуже французской. Я тебѣ приказываю и прошу, не погуби меня; найди, гдѣ хочешь, денегъ. Теперь уже ты Клеманъ и носишь, по моей сеньерской милости, платье французскаго бальи. И такъ должно быть тебѣ умнѣе и проворнѣе. Мало ли есть способовъ достать денегъ! Напримѣръ, нѣтъ ли у васъ на продажу годныхъ людей въ рекруты? Нахватай ихъ и продай». Исполняя господскую волю, прикащикъ схватилъ самаго рослаго парня, Лукьяна, влюбленнаго въ Анюту. «Самъ виноватъ!» говоритъ бѣднягѣ барскій шутъ: «ты выросъ такъ, что можно на тебя купить около трети кареты; не выростать было такъ дорого». Но, посмѣясь надъ ростомъ Лукьяна, шутъ спасаетъ его отъ бѣды. Онъ выучилъ и его и Анюту двумъ-тремъ французскимъ словамъ. Фирюлины, пріѣхавъ въ деревню, восхитились такою рѣдкостью. «Parbleu!» говоритъ Фирюлинъ: «я этому бъ не повѣрилъ, чтобы и русскіе люди могли такъ нѣжно любить. Я внѣ себя отъ удивленія! Да не во Франціи ль я? Что онъ чувствуетъ любовь, тому не такъ дивлюсь,—но онъ говоритъ по французски!» Такимъ образомъ, по замѣчанію шута, «два французскія слова вытащили жалость, оставленную во Франціи». Лукьяна не только не продаютъ въ рекруты, но женятъ на Анютѣ и берутъ въ камердинеры. А карета? «Развѣ вы изволили отдумать карету покупать?» спрашиваетъ прикащикъ своего барина. «Нѣтъ», отвѣчаетъ баринъ, «но у меня еще много людей и безъ него». Отсюда ясно, что несчастіе отъ кареты перестаетъ быть несчастіемъ только для Лукьяна, и что благополучный конецъ піесы не закрываетъ собою возможности печальныхъ послѣдствій, которыя, какъ замѣчено выше, легко могли имѣть мѣсто при другихъ обстоятельствахъ. Бѣда не миновалась, а только отсрочена. Здѣсь комическое отдѣлено отъ трагическаго слабою, ненадежною границею — догадкой шута. Здѣсь, по словамъ хора, которымъ оканчивается піеса, бездѣлка едва не погубила двухъ людей, но бездѣлка и спасла ихъ. Но зритель, слушая пѣсню, замѣчалъ, что губящихъ бездѣлокъ представлялось очень много, а бездѣлокъ спасающихъ нашлась только одна. Вотъ почему, повторяемъ, развязка не гармонируетъ съ завязкой, особенно съ словами Лукьяна въ самомъ началѣ оперы (д. I, явл. 3), гдѣ онъ жалуется на свою крестьянскую судьбу.

Княжнинъ (Яковъ Борисовичъ) род. въ Псковѣ. До пятнадцати лѣтъ (1757) онъ учился дома. Память пріятныхъ дней младенчества и отрочества, проведенныхъ на родинѣ, въ сельскомъ уединеніи, изображена имъ въ стихотвореніи: «Воспоминаніе старика». Въ 1757 г. Княжнина привезли въ Петербургъ и отдали къ профессору Ак. Н., Модераху: здѣсь онъ узналъ франц., нѣм. и итал. языки. Окончивъ ученіе (1764), Княжнинъ началъ служить въ иностранной коллегіи, а потомъ въ канцеляріи о строеніи домовъ и садовъ. Затѣмъ онъ перешелъ въ военную службу, къ фельдмаршалу гр. К. Г. Разумовскому. Трагедія Дидона (1769) прославила его имя. Того же года поѣхалъ онъ въ Москву, представилъ свою піесу Сумарокову и женился на его дочери Катеринѣ, которая сама писала стихи (одна ея элегія нап. въ Трудолюбивой Пчелѣ). Разстройство имѣнія и какія-то другія непріятныя обстоятельства «растерзали чув-

ствительную душу Княжнина», по словамъ одной біографіи: онъ вышелъ въ отставку (1772), уединился въ своемъ семействѣ и предался исключительно литературѣ. Къ этому-то времени относятся его переводы, которыми онъ занимался по заказу стихотворцевъ и которые служили ему пособіемъ при разстроенныхъ дѣлахъ. Въ 1779 г. Княжнинъ снова вступаетъ на службу секретаремъ къ Бецкому. Кромѣ того преподавалъ онъ въ кадетскомъ корпусѣ русскую словесность (Краткое начертаніе жизни Княжнина, при 3-мъ изд. его сочиненій, 1817 г.; Словарь свѣт. писат., Евгенія, ч. 2; «Я. Б. Княжнинъ», статьи г. Стоюнина, въ 5, 6 и 7 №№ Библ. для чтенія 1850; мои статьи о сочиненіяхъ Княжнина въ 4, 8 и 12 №№ Отеч. Зап. 1850; «Матеріалы для исторіи рус. просвѣщенія и литературы: Я. Б. Княжнинъ и трагедія его Вадимъ», г. Лонгинова, въ 4 № Рус. Вѣст. 1860 г.).

Сочиненія и переводы Княжнина (*):

Дидона, тр. въ 5 д. (1769).

Записки исторіографическія о Мореѣ, пер. съ итал., 2 ч. (1769).

Владиміръ и Ярополкъ, тр. въ 5 д. (1772).

Генріада, Вольтера, переложенная бѣлыми стихами, съ примѣчаніями и сокращеннымъ извѣстіемъ о происшествіяхъ, на коихъ основана поэма (1777).

Стихотворенія: Флоръ и Лиза (Наказанная невѣрность); Рыбакъ, басня; переводъ нѣсколькихъ идиллій Геснера; Стансы Богу. Проза: переводъ путешествія въ Испанію, Бомарше (Спб. Вѣстникъ, 1778—80).

Скупой, ком. опера въ 1 д. (1778). Выставляемъ этотъ годъ по указанію самой піесы, гдѣ Скрягинъ диктуетъ Мареѣ росписку во взятыхъ деньгахъ:

Тысяча семь сотъ
Семьдесятъ осьмаго году.

Сидъ, тр. Корнеля, пер. бѣлыми стихами (1779).

Смерть Помпеева, тр. Корнеля, пер. бѣлыми стихами (1779).

Цинна, тр. Корнеля, пер. бѣлыми стихами (1779).

Несчастіе отъ кареты, ком. опера въ 2 д. (1779).

Рѣчь въ академіи художествъ, при выпускѣ ея воспитанниковъ (1779).

Стихотворенія: Утро, Моръ звѣрей (Академ. Извѣстія, 1781).

Стихотворенія: Посланіе къ рос. питомцамъ свободныхъ художествъ; Исповѣданіе жеманихи; Феридина ошибка; Моръ звѣрей, басня; ода Утро; Письмо къ Дашковой объ учрежденіи Рос. Академіи; Улиссъ и его спутники (Собесѣдникъ, 1783. Здѣсь же перепечатаны нѣкоторыя стихотворенія, которыя были прежде помѣщены въ Спб. Вѣстникѣ и въ Академ. Извѣстіяхъ).

Сбитеньщикъ, ком. оп. въ 3 д. (1783).

Росславъ, тр. въ 5 д. (1784).

Титово милосердіе, тр. въ 3 д. (1785).

Софонисба, тр. въ 5 д. (1786).

Владисанъ, тр. въ 5 д. (1786).

Хвастунъ, ком. въ 5 д. (1786).

Вадимъ новогородскій, тр. въ 5 д. (соч. 1789, нап. 1793), помѣщена была въ 39 ч. Рос. театра. Разборъ ея, написанный Клушинымъ, см. въ августовской книжкѣ Спб. Меркурія (1793).

Чудаки, ком. въ 5 д. (соч. 1790, нап. 1793). Сочиненіе этой ком. отношу къ 1790 г. на основаніи слѣдующихъ словъ, которыя отставной судья обращаетъ къ свидѣтелямъ въ обидѣ, учиненной ему Вѣтромахомъ:

Свидѣтели здѣсь есть, прошу прислушать васъ,
Что тысяча семь сотъ и девяноста года....

Изданія сочиненій Княжнина: первое, въ 4 ч. (1787); второе, въ 5 ч. (1802—1803); третье, съ прибавленіемъ краткаго начертанія жизни автора, въ 5 ч. (1817—1818); четвертое, въ Полн. соб. соч. рус. авторовъ, Смирдина, 2 ч. (1847—1848).

§ 215. Переходимъ къ новымъ явленіямъ театральнаго репертуара, который до семидесятыхъ годовъ находился подъ нераздѣльнымъ вліяніемъ ложно-классическаго стиля. Между ними первое мѣсто занимаетъ такъ называемая «мѣщанская трагедія».

(*) Здѣсь указаны только тѣ, о которыхъ положительно извѣстно, когда они написаны или напечатаны.

Этотъ видъ драмы, почти одновременно возникшій въ Англіи и Франціи, былъ естественнымъ слѣдствіемъ перемѣны, произведенной въ гражданскомъ быту этихъ странъ упадкомъ феодализма и возвышеніемъ средняго сословія. Со времени Вильгельма Оранскаго поэзія вообще и драма по преимуществу не могла держаться на прежней почвѣ: она заявила требованія народности и хотѣла быть зеркаломъ семейныхъ нравовъ. Ни романтическія повѣсти, ни греческій котурнъ не плѣняли уже болѣе того общества, основами котораго сдѣлалось развитіе личности, благосостояніе всѣхъ и каждаго, нравственное достоинство частной жизни, и для котораго страданія и радости окружающей среды, маловажные, но тѣмъ не менѣе законные случаи повседневности представляли больше интереса, чѣмъ приключенія Грековъ и Римлянъ. Непосредственнымъ выраженіемъ этого прозаическаго, но честнаго образа мыслей и поступковъ, этого мѣщанства, добившагося своихъ правъ и отличнаго по своему характеру и жизни отъ феодаловъ, этой степенности домашняго быта, смѣнившей распущенность великосвѣтскихъ нравовъ,служили съ одной стороны изданія Стиля и Аддисона, а съ другой тѣсно съ ними связанные семейные романы. Тоже самое моральное направленіе стало предметомъ и трагедіи, которая, будучи занята новымъ сословіемъ, а не дворомъ и аристократизмомъ, получила названіе мѣщанской. Она поставила себѣ цѣлью содѣйствовать нравственному облагороженію зрителей и съ перваго же раза объявила открытую вражду законамъ и условіямъ ложно-классицизма. Лилло, авторъ первой мѣщанской трагедіи: «Георгъ Барнвель или лондонскій купецъ (1731)», десятью годами опередившей Ричардсонову «Памелу (1740)» и имѣвшей чрезвычайный успѣхъ, писалъ прозой не потому только, что этотъ видъ рѣчи свойственнѣе сюжету его піесъ, но и потому, что французскіе трагики пренебрегали прозой; онъ часто мѣнялъ время и мѣсто дѣйствія не потому только, что того требовало дѣйствіе, но и вопреки правилу о знаменитыхъ трехъ единствахъ. За Лилло слѣдовали Муръ, авторъ «Игрока (1753)», и Кумберландъ, авторъ трехъ піесъ: «Братья», «Американецъ» и «Жидъ». Хотя всѣ эти трогательныя піесы лишены глубокой художественной идеи; хотя сожалѣніе, ими производимое, не одно и тоже съ чувствомъ трагическаго состраданія; хотя недостатокъ идеальнаго представленія есть такая же ихъ односторонность, какъ недостатокъ истины есть односторонность французской драмы: но тѣмъ не менѣе онѣ принадлежатъ къ замѣчательнымъ фактамъ въ развитіи драмы, какъ одинъ изъ его моментовъ. Выбравъ своимъ предметомъ среднее сословіе, бывшее до того времени добычею сатирическаго глумленія, мѣщанская трагедія отвела ему въ поэзіи такое же почтенное мѣсто, какимъ оно начало пользоваться въ обществѣ; сообщивъ своимъ представленіямъ нравоучительный характеръ, она противодѣйствовала скандалу тѣхъ піесъ, которыя при послѣднихъ Стюартахъ служили зеркаломъ вольныхъ нравовъ; пренебрегши въ своей постройкѣ правилами и преданіями лжеклассицизма, обратила театръ къ народности, забытой литераторами.

Одинаковыя причины произвели и одинаковыя слѣдствія на театрѣ французскомъ, который не могъ уже отвѣчать новымъ потребностямъ. Прежде рѣзкимъ различіемъ родовъ и лицъ, трагическихъ или комическихъ, выборомъ сюжетовъ, составомъ дѣйствія, онъ въ точности изображалъ то отборное, изящное общество, гдѣ аристократія задавала тонъ и направляла вкусъ. Но когда дворянство начало грубѣть и падать, а среднее сословіе сознавать свою силу и возвышаться; когда общественные классы сблизились по образованію: тогда и въ драмѣ, какъ такомъ родѣ поэзіи,

который по преимуществу выражаетъ общество, должны были произойти перемѣны. Героическая трагедія держалась еще авторитетомъ Вольтера. Онъ и послѣ него Дюси старались сдѣлать въ ней нѣкоторыя преобразованія, не сомнѣваясь однакожъ въ ея превосходствѣ и долговѣчности. Но рядомъ съ этими попытками Вольтера возникаетъ драма инаго содержанія и иной формы. По содержанію, она выводитъ на сцену мѣщанство; по формѣ, расширяетъ узкія рамки классицизма и стремится къ естественности изображеній, къ живописи подробностей. Мариво, Детушъ и Лашоссе положили основаніе этому новому роду драмы, подъ именемъ «слезной комедіи» или семейной трагедіи, такъ какъ она изображала частную жизнь съ ясно выступающею моральною тенденціей—трогать и улучшать. Въ романѣ «Маріанна» (1731), явившемся въ одно время съ «Лондонскимъ купцемъ», Мариво представилъ побѣду стойкаго чувства долга надъ соблазнами и опасностями; въ предисловіи къ комедіи «Тщеславный», Детушъ цѣнитъ только тѣ піесы, которыя осуждаютъ порокъ и заставляютъ торжествовать добродѣтель; основной идеей своихъ драмъ, Лашоссе поставилъ святость и нерушимость брака. Внутренняя связь между «слезной комедіей» и «мѣщанской трагедіей» объясняется какъ однородностью общественныхъ явленій въ Англіи и Франціи, такъ ча́стію и подражаніемъ. Многія произведенія англійской словесности были переведены на французскій языкъ; французскіе литераторы (Прево и Детушъ) посѣтили Англію, какъ прежде посѣтили ее Мопертюи, Вольтеръ и Монтескье; по примѣру Аддисонова Зрителя, Мариво издавалъ «Французскій Зритель». Теорія новаго вида драматической поэзіи изложена Дидро. Между двумя, строго разграниченными родами, трагедіей и комедіей, онъ вводитъ средній, соотвѣтствующій особенному настроенію духа, среднему между радостью и скорбію. Сюда онъ относитъ трогательную, или слезную, комедію и мѣщанскую трагедію. Такимъ образомъ драма, какъ родовое понятіе, дѣлится на четыре вида: рядомъ съ серьезной комедіей идетъ комедія веселая, или забавная, а рядомъ съ героической трагедіей—трагедія домашняя, или семейная. Первая изображаетъ добродѣтель и долгъ, вторая глупости и пороки, третья злополучіе великихъ людей и общественныя бѣдствія, четвертая семейные несчастные случаи. Теорію свою Дидро подкрѣпилъ двумя піесами: «Побочный сынъ (1757)» и «Отецъ семейства (1758)». За нимъ слѣдовали Седенъ, Бомарше и Себастіанъ Мерсье. Бомарше написалъ «Евгенію (1767)» и «Мать преступницу». Въ предисловіи къ первой піесѣ изложена имъ теорія серьезной драмы, занимающей средину между героической трагедіей и шутливой комедіей. Здѣсь въ первый разъ слезная комедія названа «драмой»: названіе это и сохранилось въ піитическомъ словарѣ для означенія третьяго рода драматической поэзіи. Лессингъ, усвоивъ взгляды Дидро, возвелъ мѣщанскую трагедію на высоту художественнаго созданія: его «Минна фонъ Барнгельмъ (1767)», «Эмилія Галотти (1772)» и «Натанъ мудрый (1779)» имѣютъ идеальную, общечеловѣческую подкладку. Въ послѣдствіи Ифландъ, Шрёдеръ и Коцебу обогатили нѣмецкій репертуаръ множествомъ трогательныхъ піесъ, не отличающихся ни глубиною содержанія, ни поэтическимъ достоинствомъ, какъ піесы Лессинга.

Время появленія мѣщанскихъ драмъ въ нашей литературѣ совпадаетъ также со временемъ періодическихъ изданій 1769—74 г. Еще до этой эпохи были переведены: «Лондонскій купецъ, или приключенія Георга Барнвеля» (1764), Детушева «Притворная Агнеса» (1764), Дидро «Чадолюбивый отецъ», т. е. «Père de famille» (1765), и «Побочный сынъ». Послѣдняя драма имѣла три перевода:

Ельчанинова (1765), Глѣбова (1766) и И. Я. (1788). Переводъ «Евгеніи», Бомарше, напечатанъ въ 1770 г. Французская передѣлка піесы Мура: «Игрокъ», подъ заглавіемъ «Беверлей», взятымъ отъ имени главнаго лица, явилась у насъ въ переводѣ актера Дмитревскаго (1773), который превосходно исполнялъ какъ эту роль, такъ и роль графа Кларандона въ Евгеніи. За послѣднее тридцатилѣтіе прошлаго вѣка въ литературу нашу перешли и другія драмы вышеуказанныхъ писателей: Мариво— «Игра любви и случая» (1769) и «Вторично вкравшаяся любовь» (1773); Седена—«Deserteur», въ двухъ переводахъ («Бѣглецъ», 1781, и «Бѣглый солдатъ», 1793); Мерсье—«Женневаль, или французскій Барневель» (1778), «Ложный другъ» (1779), «Бѣглецъ» (1784), «Уксусникъ» (1785), «Судья» (1788), «Зоа» (1789) и «Наталія» (1794); Лессинга—«Сара Сампсонъ» и «Эмилія Галотти», въ двухъ переводахъ (1784 и 1788), изъ которыхъ второй принадлежитъ Карамзину. За переводами слѣдовали подражанія и оригинальныя піесы въ томъ же родѣ. «Адская почта» отозвалась съ похвалою о театральныхъ сочиненіяхъ Н. (можетъ быть Семена Нарышкина, автора комедіи: «Истинное дружество»), написанныхъ во вкусѣ Дидро. Комедія Веревкина: «Такъ и должно» (1773), о которой скажется ниже, расчитывала больше на трогательный эффектъ, чѣмъ на комическій, какъ объяснилъ самъ авторъ въ ея посвященіи. Между сочиненіями Хераскова есть двѣ слезныя драмы: «Другъ несчастныхъ» (1774) и «Гонимые» (1775). Къ 1776 г. относится мѣщанская трагедія: «Человѣколюбіе, или картина бѣдности». Сюжетъ другой мѣщанской трагедіи, подъ названіемъ: «Бѣдство, произведенное страстію» (1781), заимствованъ изъ повѣсти Арно: «Адельсонъ и Сальвини». Въ драмѣ: «Друзья соперники» (1782), по словамъ «Драматическаго Словаря», «добродѣтель, благодарность, дружба и любовь представлены блестящими, а лицемѣрство и злоба гнусными».

При нѣкоторомъ сходствѣ въ исторіи мѣщанской драмы на нашей сценѣ съ ея исторіей въ Англіи и Франціи, нельзя объяснять его тѣми самыми обстоятельствами, какія имѣли мѣсто на западѣ. Тамъ она была дѣйствительнымъ выраженіемъ перемѣны, происшедшей въ положеніи общественныхъ классовъ; у насъ такой перемѣны не существовало. Дворянство, какъ и прежде, стояло у насъ во главѣ образованности; о созданіи «третьяго чина», начали только думать, какъ намъ извѣстно изъ разсужденій Екатерины и Бецкаго и нѣкоторыхъ принятыхъ къ тому мѣръ. Объясняя успѣхъ «Живописца» тѣмъ, что онъ пришелся на вкусъ нашихъ «мѣщанъ», Новиковъ разумѣлъ подъ этимъ словомъ не среднее сословіе (въ смыслѣ tiers-état), а среднюю и низшую степени грамотныхъ людей. Появленіе мѣщанскихъ, или гражданскихъ, трагедій въ нашей литературѣ и благосклонный пріемъ ихъ публикою имѣли однакожъ свои основанія, между которыми подражательность занимала, конечно, важное мѣсто. Успѣхъ какихъ-либо піесъ во Франціи служилъ уже достаточнымъ поводомъ и для нашего къ нимъ вниманія. Черезъ три года послѣ того, какъ «Евгенія» была представлена на парижской сценѣ, она переводится и разыгрывается въ Москвѣ. Однообразіе въ содержаніи и формѣ классической трагедіи также заставило зрителей желать смѣны ея другимъ видомъ драмы, болѣе простымъ и естественнымъ, болѣе близкимъ къ дѣйствительной жизни. Елагинъ справедливо писалъ Сумарокову, что, давая однѣ его трагедіи, онъ боится наскучить публикѣ. Само собою разумѣется, что и гуманныя начала XVIII в. не остались безъ замѣтнаго вліянія на успѣхъ

нашей мѣщанской драмы, которая имѣетъ своимъ предметомъ жизнь и нравы большинства, а не подвиги немногихъ героевъ. Русская публика чувствовала то самое, что говорилъ Лессингъ въ предисловіи къ одной изъ своихъ піесъ: «несчастія близкихъ къ намъ людей сильнѣе дѣйствуютъ на душу; имена полубоговъ и царей сообщаютъ піесѣ блескъ и величіе, но не производятъ такого трогательнаго впечатлѣнія». Переводчикъ «Побочнаго сына» (1788) обратился къ читателю съ такими словами: «Неужели несчастія однихъ токмо знатныхъ людей, героевъ, завоевателей имперій, или разорителей многихъ народовъ, заслуживаютъ общую чувствительность, а участь прочихъ добрыхъ людей нашего вниманія недостойна и никакихъ впечатлѣній въ насъ произвести не можетъ? Предразсужденіе управляетъ нравами. Но не должно ли, чтобы разумъ когда нибудь хотя слегка просвѣщалъ оные?» Замѣчательно, что мѣщанскія драмы пользовались особеннымъ успѣхомъ въ Москвѣ, гдѣ больше того сорта людей, которыхъ Новиковъ назвалъ мѣщанами; онѣ, по словамъ Сумарокова, «вползли уже въ этотъ городъ, не смѣя появиться въ Петербургѣ». Наконецъ, литераторы и публика находили удовольствіе въ нравственномъ направленіи нѣкоторыхъ новыхъ піесъ. Въ томъ же предисловіи къ «Побочному сыну» сказано: «Читатель найдетъ здѣсь одни лишь такія свойства, которыя, съ естественными намъ слабостями, плѣняютъ сердце, восхищаютъ душу и приводятъ насъ въ пріятное упокоеніе, побуждающее насъ болѣе и болѣе прилѣплятся къ добродѣтели». Посвящая переводъ «Женневаля» своимъ товарищамъ, ученикамъ московскаго университета, Алексѣй Пушкинъ указываетъ его назидательную цѣль: «научитесь изъ примѣра, въ сей драмѣ представляемаго, принимать совѣты добродѣтельныхъ и всѣ роды испытавшихъ людей и, памятуя пагубныя слѣдствія, отъ страстей произойти могущія, остерегайтесь, чтобъ сирены сіи льстивымъ своимъ гласомъ не довели васъ до такого же состоянія, какъ и Женневаля». Въ предисловіи къ переводу драмы Мерсье: «Судья», Лабзинъ почитаетъ обязанностью писателей «оживлять нравственность, подавать правила и такимъ образомъ утверждать основанія общества, въ которомъ они живутъ, и способствовать, по возможности, соблюденію общественнаго благосостоянія, источника всякой и частной выгоды». Хотя онъ и не ожидаетъ отъ нравственныхъ наставленій, чтобы они могли заставить имъ слѣдовать, однакожъ, думаетъ онъ, «живо изображенная нравственность неминуемо вдыхаетъ почтеніе и поощряетъ къ принятію подобныхъ правилъ». Приводимъ еще нѣсколько строкъ изъ посвященія драмы «Англійскій сирота (1775)», переведенной кн. А. Голицынымъ: «Любовный союзъ, который намъ въ ней представленъ, есть для насъ только одна тѣнь, которая съ разумомъ многихъ никакъ несходна; однако, какъ бы то ни было, пусть ругаютъ меня петиметры и новомодные супруги: все мое мщеніе въ томъ, чтобы Томасъ Спенсеръ и чувствительная Моли (главныя лица) служили имъ примѣромъ». Одно уже недовольство петиметровъ піесой показывало ея назидательность.

Какъ во Франціи Вольтеръ поддерживалъ классическую трагедію, такъ у насъ Сумароковъ принялъ подъ свою защиту Мольеровъ и Расиновъ вкусъ. Въ предисловіи къ «Димитрію Самозванцу», онъ честитъ слезныя комедіи «пакостнымъ родомъ», а сочувствіе къ нимъ москвичей «скареднымъ вкусомъ, не принадлежащимъ вѣку великія Екатерины». Раздраженный успѣхомъ новыхъ піесъ, «нашедшихъ всенародную похвалу и рукоплесканіе», онъ, въ письмѣ къ Вольтеру, излилъ свою жалобу на упадокъ русской Мельпомены и Таліи. Отвѣтъ Вольтера (1769 г.)

повторяетъ прежнее его мнѣніе о мѣщанской драмѣ, какъ о незаконномъ выродкѣ поэзіи: «ces pièces batardes ne sont ni tragédies, ni comédies; quand on n'a point de chevaux, on est trop heureux de se faire traîner par des mulets». Получивъ такое сильное подкрѣпленіе, Сумароковъ, въ томъ же предисловіи, напалъ и на переводчика Евгеніи, и на посѣтителей театра за рукоплесканіе актерамъ. Онъ говоритъ: «сіе рукоплесканіе переводчикъ оныя драмы, какой-то подъячій, до небесъ возноситъ, сплетая зрителямъ похвалу и утверждая вкусъ ихъ. Подъячій сталъ судіею Парнаса и утвердителемъ вкуса московской публики! Конечно, скоро преставленіе свѣта будетъ. Но не ужели Москва болѣе повѣритъ подъячему, нежели г. Вольтеру и мнѣ? и не ужели вкусъ жителей московскихъ сходнѣе со вкусомъ сего подъячаго?.. А ежели ни г. Вольтеру, ни мнѣ никто въ этомъ повѣрить не хочетъ, такъ я похвалю и такой вкусъ, когда щи съ сахаромъ кушать будутъ, чай пити съ солью, кофе съ чеснокомъ, и съ молебномъ совокупятъ панихиду. Между Таліи и Мельпомены различіе таково, каково между дня и ночи, между жара и стужи, и какая между разумными зрителями драмы и между безумными. Не по количеству голосовъ, но по качеству утверждается достоинство вещи; а качество имѣетъ основаніе на истинѣ:

Достойной похвалы невѣжи не умалятъ;
А то не похвала, когда невѣжи хвалятъ».

Не смотря на угрозы именемъ Вольтера и насмѣшки, за которыя подъячій отплатилъ Сумарокову (см. Ист. Хрест., ч. 1, стр. 250—251, прим. 51), Москва продолжала восхищаться мѣщанскими драмами. Въ пріѣздъ свой въ эту столицу (1770), Дмитревскій давалъ, между прочимъ, «Евгенію» и «Беверлея»; первая піеса, по желанію зрителей, была имъ сыграна еще три раза. Антагонизмъ между столичными театрами, изъ которыхъ на одномъ еще господствовала классическая драма, а на другой «вползли новыя скаредныя піесы», отразился и въ журналахъ. Такъ, напримѣръ, московская публика любила представленія Эмиліи Галотти. Разборъ ея, написанный, вѣроятно, самимъ переводчикомъ (Карамзинымъ) и помѣщенный въ первомъ году издававшагося имъ Московскаго журнала (1791), показываетъ въ критикѣ живое чувство истины, здравыя эстетическія понятія. Не таковы были понятія «С.п.бургскаго Меркурія». Къ переводу Вольтерова «разсужденія объ англійской трагедіи», въ томъ мѣстѣ, гдѣ піесы Шекспира названы чудообразными игрищами, Клушинъ дѣлаетъ слѣдующую замѣтку: «что же бы сказалъ г. Вольтеръ о многихъ нѣмецкихъ драматическихъ твореніяхъ, сихъ безобразныхъ выродкахъ литературы, въ которыхъ нѣтъ никакихъ правилъ, даже самаго важнѣйшаго—единства дѣйствія? Чтобы сказалъ онъ о сихъ удивительныхъ піесахъ, которыя суть ни трагедіи, ни комедіи, гдѣ смѣшанъ плачъ съ смѣхомъ безъ всякой нужды; гдѣ эпизоды затмеваютъ самое дѣйствіе; гдѣ разговоры пустые и слабые, дѣйствующія лица каррикатурныя; гдѣ все обезображиваетъ вкусъ и правила? О піесахъ, каковы суть: Разбойники (Шиллера, пер. 1793), Сара Сампсонъ, Эмилія Галотти, Ненависть къ людямъ и раскаяніе (Коцебу, пер. 1792), и пр. и пр.? Ежели не болѣе, то, конечно, тоже, что говоритъ Горацій въ посланіи къ Пизонамъ. И есть люди, которые предпочитаютъ нѣмецкія драмы французскимъ! Отъ чего же? Отъ того только, что, читая послѣднія, не понимаютъ, какимъ образомъ играть ихъ. Что думать о сихъ знатокахъ? Или что они не знаютъ правилъ театральныхъ, какъ и того, что значитъ самая драма, или слѣпое имѣютъ

пристрастіе къ нѣмцамъ». Здѣсь Клушинъ дѣлаетъ намекъ на отзывъ Карамзина о французской трагедіи (см. ниже). Литературная полемика по поводу новыхъ театральныхъ піесъ переходитъ и въ слѣдующее столѣтіе: петербургскіе журналы, какъ увидимъ далѣе, по прежнему признаютъ только два рода драмы: трагедію и комедію, не допуская ихъ сліянія, а требуя строгаго ихъ разграниченія.

Исторію мѣщанской трагедіи и слезной комедіи на западѣ см. у Гетнера: «Das moderne Drama» (1852) и у Ломени: «Beaumarchais et son temps» (1856, т. I, гл. 8).

§ 216. Постепенное освобожденіе русскаго театра отъ стѣснительныхъ правилъ лжеклассицизма могло совершаться не одними слезными комедіями, которыя, за исключеніемъ піесъ Лессинга, страдаютъ скудостью поэтическаго достоинства. Были и другія средства для того, чтобы обнаружить односторонность французскаго вліянія. Наилучшее между ними состояло въ знакомствѣ нашей литературы съ первоклассными драматургами Англіи и Германіи. Выше былъ упомянутъ переводъ «Разбойниковъ» Шиллера, но за нѣсколько лѣтъ до этого мы уже имѣли переводы изъ Гете и Шекспира, котораго называли Шакеспеаромъ, Шекеспиромъ и даже Чекспиромъ. Переводъ драмы Гете «Клавиго» нап. въ 1780 г.; одна трагедія Шекспира: «Жизнь и смерть Ричарда III, короля аглійскаго» переведена была въ Нижнемъ-Новгородѣ 1783 (нап. 1787), а другая: «Юлій Цесарь», въ Москвѣ, Карамзинымъ, 1786 (нап. 1787). Кромѣ Евгеніи, въ 1787 представлена была другая, знаменитая піеса Бомарше: «Фигарова женитьба». Самая попытка уклониться отъ господствующаго вкуса и находить драматическія красоты въ «чудообразныхъ игрищахъ» того трагика, котораго Вольтеръ называлъ «дикаремъ», требовала извѣстнаго мужества. Тѣмъ болѣе чести литераторамъ, которые рѣшились плыть противъ общаго теченія, переводя Шекспира, или подражая ему, или разъясняя художественное значеніе его піесъ. Труды ихъ имѣли свою долю вліянія и на успѣхъ нашей сцены, и на очищеніе нашихъ эстетическихъ понятій отъ исключительно-французской теоріи. Мы уже знаемъ, что Шекспиръ былъ извѣстенъ Сумарокову въ псевдоклассическихъ передѣлкахъ; что одинъ монологъ Самозванца есть подражаніе монологу Ричарда III (§ 199); что комедія Екатерины: «Вотъ каково имѣть корзину и бѣлье!» заимствована изъ Шекспировыхъ «Виндзорскихъ кумушекъ»; что «Историческое представленіе изъ жизни Рюрика» и «Начальное управленіе Олега» написаны ею, въ подражаніе Шекспиру, «безъ сохраненія обыкновенныхъ ѳеатральныхъ правилъ». Въ сужденіяхъ своихъ о достоинствахъ и недостаткахъ англійскаго трагика журналы наши раздѣлились на два противные лагеря. Большинство критиковъ вторило Вольтерову о немъ приговору, изложенному Карамзинымъ въ предисловіи къ переводу Юлія Цесаря, а именно: что Шекспиръ писалъ безъ правилъ; что творенія его суть и трагедіи и комедіи вмѣстѣ, или траги-коми-лирико-пастушьи фарсы безъ плана, безъ связи въ сценахъ, безъ единствъ, непріятная смѣсь высокаго и низкаго, трогательнаго и смѣшнаго, истинной и ложной остроты, забавнаго и безсмысленнаго; что они исполнены такихъ мыслей, которыя достойны мудреца, и притомъ такого вздора, который только шута достоинъ; что въ нихъ рядомъ съ картинами, которыя принесли бы честь самому Гомеру, являются и каррикатуры, которыхъ устыдился бы и самъ Скарронъ. Адская Почта хотя и признаетъ въ Шекспирѣ «высокомысліе, остроуміе и ученость», но въ то же время находитъ, что онъ былъ «упрямъ и не хорошаго вкуса»: «въ его трагедіяхъ», говоритъ она, «характеры людей безъ разбору описаны и перемѣшаны; въ его Юліи Кесарѣ шутки, римскимъ

грубымъ художникамъ приличныя, введены въ важнѣйшую сцену Брута и Кассія». Гораздо непочтительнѣе обошелся съ Шекспиромъ «Зритель (1792)». По поводу споровъ, завязанныхъ статьею «о театрѣ и о свойствѣ россійскихъ душъ», авторъ этой статьи, Плавильщиковъ, возражая своему антагонисту, говоритъ: «А для героевъ вы хотите, чтобъ родился у насъ Чексперъ?... Вотъ изряднаго нашли вы опредѣлителя вкуса! и видно вы, его начитавшись, заключаете вкусъ въ тѣсные предѣлы рынковъ и кабаковъ». Когда съ такими взглядами на драму и великаго ея представителя мы сравнимъ предисловіе Карамзина къ переводу Юлія Цесаря и нѣкоторыя мѣста его путевыхъ писемъ, подъ 1790 г., то ясно увидимъ, на сколько онъ, двадцатилѣтній юноша, стоялъ выше современныхъ ему цѣнителей изящнаго по уму, образованію и эстетическому вкусу. Мнѣніе его о сущности трагедіи, основанное на знакомствѣ съ литературами нѣмецкой и англійской, не поколебалось ни отъ авторитета Вольтера, ни отъ общаго стремленія къ французскому классицизму. Тогда какъ другіе не видѣли въ драмѣ ничего далѣе искуственной правильности, условныхъ приличій и неизбѣжныхъ трехъ единствъ, онъ одинъ требовалъ отъ нея глубины общечеловѣческаго содержанія, истинности и цѣльности характеровъ, художественнаго воспроизведенія дѣйствія. Защищая Шекспира отъ Вольтеровыхъ нападковъ, онъ вмѣстѣ даетъ урокъ и русскимъ драматическимъ писателямъ и театральнымъ критикамъ: «Не хотѣлъ соблюдать Шекспиръ такъ называемыхъ единствъ, которыхъ нынѣшніе наши авторы такъ крѣпко придерживаются, потому что не хотѣлъ полагать тѣсныхъ предѣловъ своему воображенію. Онъ смотрѣлъ только на натуру, не заботясь впрочемъ ни о чемъ. Извѣстно было ему, что мысль человѣческая мгновенно можетъ перелетать отъ запада къ востоку, отъ конца области Моголовой къ предѣламъ Англіи. Геній его, подобно генію натуры, обнималъ взоромъ своимъ и солнце и атомы. Съ равнымъ искуствомъ изображалъ онъ и героя и шута, умнаго и безумца, Брута и башмачника. Драмы его, подобно неизмѣримому театру натуры, исполнены многоразличія; все же вмѣстѣ составляетъ совершенное цѣлое, не требующее исправленія отъ нынѣшнихъ театральныхъ писателей». Восторженное сочувствіе Карамзина къ первому трагику выражено также въ стихотвореніи «Поэзія» (1787):

Шекспиръ, натуры другъ! кто лучше твоего
Позналъ сердца людей? Чья кисть съ такимъ искуствомъ
Живописала ихъ? Во глубинѣ души
Нашелъ ты ключъ къ великимъ тайнамъ рока,
И свѣтомъ своего безсмертнаго ума,
Какъ солнцемъ, озарилъ пути ночные жизни.

Къ тому, что сказано въ «Письмахъ русскаго путешественника» Карамзина, (1789—90) о французской трагедіи, нельзя и теперь прибавить ничего новаго. Ея сущность, достоинства и недостатки, отношеніе къ трагедіи нѣмецкой и англійской опредѣлены такъ вѣрно, что любая теорія драмы внесетъ это опредѣленіе на свои страницы безъ перемѣны. Если изъ твореній Шекспира Карамзинъ почерпалъ истинныя понятія о драматургіи, то къ тому же должны были привести его и драмы Лессинга, явившіяся какъ противодѣйствіе ложно-классическому стилю, какъ примѣненіе критическихъ началъ, которымъ слѣдовалъ преобразователь нѣмецкой литературы, глубоко изучившій Шекспира. Лессингъ понималъ, что, не имѣя истинно-поэтическаго генія, онъ обязанъ критикѣ всѣмъ, что есть хорошаго въ его драмахъ. «Размышляющій художникъ вдвое похвалы достоинъ», говоритъ

Принцъ художнику Конти, въ Эмиліи Галотти. Это размышленіе, внушенное классическими образцами, сообщило Карамзину «живое чувство истины и красоты», безъ котораго онъ и не могъ бы произнести безошибочный судъ надъ трагедіями Корнеля и Расина сравнительно съ трагедіями англичанъ и нѣмцевъ. Въ сужденіяхъ своихъ, онъ выходилъ не изъ началъ рабскаго подражанія природѣ, проповѣданныхъ французской эстетикой, а изъ вѣрнаго понятія о творчествѣ, выраженнаго словами Конти: «искуство должно творить такъ, какъ образующая природа образъ себѣ представляла».

§ 217. Стремленіе къ самобытности было третьимъ новымъ явленіемъ въ исторіи нашей драмы Екатеринина вѣка. Хотя оно больше высказывалось теоретически, чѣмъ осуществлялось на дѣлѣ, однакожъ самое недовольство театромъ, который держался переводами и подражаніями, служило добрымъ знакомъ, обнаруживая сознаніе литературной односторонности и заявляя требованія болѣе развитаго вкуса. Честь перваго мнѣнія о необходимости народнаго элемента въ драмѣ принадлежитъ Владиміру Лукину (§ 210, прим.). Предисловія къ его сочиненіямъ и переводамъ (2 ч., 1765) содержатъ въ себѣ критику современной комедіи, какъ такой, которая цѣликомъ переноситъ чуждые нравы на русскую сцену. Не допуская подражанія иностраннымъ піесамъ, онъ допускаетъ ихъ передѣлку на слѣдующемъ основаніи: «Подражать и передѣлывать—великая разница. Подражать значитъ брать или характеръ, или нѣкоторую часть содержанія, или нѣчто весьма малое и отдѣленное и такъ нѣсколько заимствовать; а передѣлывать значитъ нѣчто включить или исключить, а прочее, т. е. главное, оставить и склонять на наши нравы». Ясно, что критикъ подъ передѣлкой понимаетъ склоненіе нерусской піесы на русскіе нравы, т. е. внесеніе въ нее національнаго элемента. Въ передѣлкѣ онъ видитъ успѣхъ комедіи, которой, по тогдашнимъ понятіямъ, вмѣнялось въ обязанность имѣть моральную цѣль; а этого она могла достигнуть не иначе, какъ представляя знакомые зрителямъ характеры, имена, костюмы, рѣчь. «Мнѣ всегда несвойственно казалось», говоритъ Лукинъ, «слышать чужестранныя реченія въ такихъ сочиненіяхъ, которыя долженствуютъ изображеніемъ нашихъ нравовъ исправлять не только общіе всего свѣта, но болѣе участные нашего народа пороки; и неоднократно слыхалъ я отъ нѣкоторыхъ зрителей, что не только ихъ разсудку, но и слуху противно бываетъ, ежели лица, хотя по нѣсколько на наши нравы походящія, называются въ представленіи Клитандромъ, Дорантомъ, Цитадиною и Кладиною и говорятъ рѣчи, не наше поведеніе знаменующія. Негодованіе сихъ зрителей давно почиталъ я правильнымъ... Многіе зрители отъ комедіи въ чужихъ нравахъ не получаютъ никакого поправленія: они мыслятъ, что не ихъ, а чужестранцевъ осмѣиваютъ; да и то имъ примѣтно, что осмѣиваемые образцы не только несвойственно нашимъ нравамъ изъясняются, но и одѣты въ незнакомыя имъ одежды... Всякій невычищенный, т. е. на нравы того народа, предъ коимъ онъ представляется, несклоненный въ драмѣ образецъ покажется на театрѣ не что иное, какъ смѣсь, иногда русской, иногда французской, а иногда обоихъ сихъ народовъ характеры вдругъ въ себѣ имѣющей». Средствомъ для избѣжанія этого недостатка Лукинъ почитаетъ передѣлку, при которой «надлежитъ не столько красоту и силу чужестраннаго писателя показывать, сколько исправлять пороки». Отъ общаго взгляда онъ переходитъ къ частнымъ примѣрамъ, «не наше поведеніе знаменующимъ», отыскивая ихъ въ русскихъ драмахъ. Онъ удивляется рѣшимости

комика ввести въ свою піесу нотаріуса или подъячаго, для заключенія брачнаго контракта, вовсе намъ неизвѣстнаго: «нотаріусъ у насъ только векселя протестуетъ, а подъячій только по должности своей дѣла въ томъ приказѣ исправляетъ, откуда даютъ ему жалованье». Требуя отъ русской комедіи чего-нибудь «русскаго», Лукинъ разумѣлъ подъ этимъ словомъ «народное» не только въ обширномъ его смыслѣ, обнимающемъ всѣ классы народа, но и въ тѣсномъ, относящемся къ одному только его классу—простонародію. Въ слѣдствіе этого онъ перевелъ заглавіе французской піесы: «Le bijoutier» словомъ «щепетильникъ», и въ предисловіи объяснилъ тому причину: «не взирая на то, что подвергнуся хулѣ несмѣтному числу мнимыхъ въ нашемъ языкѣ знатоковъ, взялъ я къ тому старинное слово «щепетильникъ», потому что всѣ наши купцы, торгующіе перстнями, серьгами, кольцами, запонками и прочимъ мелочнымъ товаромъ, называются щепетильниками». По той же причинѣ, въ «Щепетильникѣ» выведены лишнія противъ оригинальной піесы лица—простые работники изъ Галича (костромской губ.), говорящіе своимъ мѣстнымъ нарѣчіемъ. Чтоже касается до собственныхъ сочиненій Лукина, которыми слѣдовало бы подкрѣплять теорію, то они служатъ новымъ доказательствомъ давнишней истины, что критика гораздо легче творчества. Для творчества нуженъ талантъ, а его-то и не имѣлъ критикъ современной комедіи. Піесы его, заимствованныя изъ Реньяра, Кампистрона и Буасси, хотя и переложены на русскіе нравы, но выказываютъ очень мало истиннаго комизма и народности. Лучшая его комедія: «Мотъ, любовью исправленный», заключала бы въ себѣ, по справедливому отзыву кн. Вяземскаго, довольно занимательности и движенія, если бы все происходило въ дѣйствіи, а не въ разсказахъ, и еслибъ она была искуснѣе построена. Впрочемъ, и имѣя талантъ, Лукинъ едва ли бы произвелъ что-либо замѣчательное. Тотъ способъ, которымъ онъ думалъ устремить нашу комедію къ самобытности и народности, не предлагалъ ручательствъ въ успѣхѣ. Передѣлка или подражаніе, какъ тонко ни разграничивай эти дѣйствія, не приведутъ ни къ чему положительному, какъ въ поэтическомъ достоинствѣ драмы, такъ и въ національномъ ея значеніи. Намъ извѣстно, что значитъ «склонять» чужіе нравы на отечественные: въ результатѣ «склоненія» выходитъ дѣйствительная смѣсь, которую и Рускій и не-Рускій откажутся принять на свой счетъ. Такимъ образомъ за Лукинымъ остается только заслуга критика: онъ первый вооружился противъ ложнаго направленія современной комедіи и первый заявилъ необходимость народнаго элемента въ русской драмѣ.

Хотя Лукинъ и не пользовался благосклонностію журналовъ 1769—74 г., однакожъ нѣкоторые изъ нихъ раздѣляли его взгляды на отечественный театръ. Самая задача «Всякой всячины»—«говорить Рускимъ о Рускихъ, а не представлять имъ умоначертаній чужестранныхъ, коихъ они не знаютъ»—обязывала издателя быть послѣдовательнымъ. «Я думаю», говоритъ онъ въ концѣ своего изданія, «что не въ однѣхъ книгахъ должно держаться сего правила, но и въ позорищахъ: ибо маркизъ на русскомъ ѳеатрѣ уши деретъ, а ко свадебному контракту тетушка моя и смысла не привязываетъ. Она хочетъ видѣть то, что ее ежечасно окружаетъ и чѣмъ она привыкла забавляться; незнакомые же гости не столь забавны, какъ знакомые. Я нахожу вкусъ тетушкинъ со здравымъ разсудкомъ схожій, и для того съ нею согласенъ». «Кошелекъ» также утверждалъ, что Детушевы и другія комедіи мало принесутъ намъ пользы, и что на театрѣ на-

родномъ должны быть разыгрываемы такія піесы, которыя главною своею цѣлью имѣли бы народную забаву. По поводу вопроса о народномъ театрѣ, въ Зрителѣ (1792) завязалась интересная полемика между Плавильщиковымъ, сочинившимъ статью: «Нѣчто о врожденномъ свойствѣ душъ россійскихъ», и неизвѣстнымъ авторомъ «Письма къ издателямъ изъ Орла». Плавильщиковъ осуждаетъ распространенное въ обществѣ мнѣніе, будто у насъ, Рускихъ, нѣтъ ничего собственнаго и будто мы не что иное, какъ переимчивыя обезьяны, живущія чужимъ умомъ. Выхваляя особенныя качества соотечественниковъ, доказывая ихъ способность ко всѣмъ родамъ дѣятельности, онъ преимущественно останавливается на театрѣ: критикуетъ иностранный вкусъ на нашей сценѣ и порицаетъ тѣхъ драматическихъ писателей, которые берутъ сюжеты для своихъ піесъ не изъ родной исторіи, а изъ исторіи Грековъ и Римлянъ, не изъ среды своего народа, а изъ жизни другихъ націй. Мысль справедливая, но Плавильщиковъ не умѣлъ провести ее надлежащимъ образомъ. Въ патріотическомъ усердіи своемъ онъ зашелъ слишкомъ далеко, выдумывая «небывалыя достоинства» у себя дома и не умѣя быть справедливымъ къ истинно-хорошему вчужѣ. Онъ, говоря словами «Письма», содержащаго въ себѣ умную, хотя и одностороннюю критику пристрастныхъ и голословныхъ сужденій, «слѣпилъ свой панегирикъ изъ малыхъ мыслей и большихъ словъ». «Я согласенъ», замѣчаетъ авторъ «Письма», «что Козьма Мининъ и князь Пожарскій могутъ со временемъ украшать россійскую Мельпомену; но, не во гнѣвъ вамъ, мнѣ также пріятно видѣть «тающую Дидону и бѣснующагося Ярба». Когда у насъ выдумаютъ басни, похожія на Гомерову Иліаду и Виргиліеву Энеиду, тогда будьте увѣрены, что чрезъ 2000 лѣтъ на театрахъ цѣлаго свѣта станутъ читать наши поэмы и представлять нашихъ героевъ въ трагедіяхъ.... Желаніе видѣть своихъ предковъ, подающихъ примѣры мужества, великодушія и пр., есть общее самолюбію всѣхъ народовъ, и оно имѣетъ свои похвальныя стороны. Но запрещать чужимъ героямъ нравиться на нашей сценѣ, когда мы еще не имѣемъ ни сочинителей трагическихъ, ни актеровъ,—такого самовластія нигдѣ не видано, кромѣ папской инквизиціи. Изъ милости позвольте намъ восхищаться сладкою нѣжностію Расина, мужественною высотою Корнеля и многоразличнымъ блескомъ Вольтера; и пока Козьма Мининъ не заставитъ насъ плакать, не запрещайте намъ ходить въ представленія Федры, Аоаліи, Ифигеніи, Сида, Горацієвъ, Цинны, Магомета, Заиры, Кесаря, а иногда и Титова милосердія.... Вы меня мучите вопросами: «для чего не создать въ Россіи на театрѣ вкуса, приличнаго нашему свойству?» Я у васъ спрашиваю: для чего бы не построить домъ безъ работниковъ и безъ припасовъ? Вы сами признаетесь, что мы съ вами плохіе работники и что господа «Зрители» печатаютъ насъ развѣ изъ одного снисхожденія или для наполненія листовъ своихъ. Припасовъ много, но и тѣ не всѣ годятся для составленія, по желанію вашему, россійскаго вкуса. Зрѣлище есть картина большаго свѣта, сельской жизни или любопытныхъ приключеній древнихъ героевъ. Большой свѣтъ у насъ больше иностранный, нежели русскій; сельскіе жители наши коптятся въ дыму, и надобно быть страшнымъ охотникомъ до романовъ, чтобы недостатки природы дополнить силою воображенія и сплести шалашъ какому-нибудь Ивану изъ миртъ и розовыхъ кустовъ. И такъ намъ остается только общество героевъ. Но между тѣмъ, пока не родится у насъ Шакеспиръ, который бы расширилъ и опредѣлилъ границы россійскаго вкуса, вы сами разберите, въ какихъ тѣсныхъ пре-

дѣлахъ будетъ оный заключаться: на площадяхъ, на рынкахъ и въ кабакахъ». Справедливость требованій народнаго театра была подтверждена и публикой и драматическими писателями. Публика встрѣчала съ особеннымъ удовольствіемъ тѣ піесы, которыя въ дѣйствіи, характерахъ или другихъ, менѣе важныхъ принадлежностяхъ представляли что-либо національное; писатели, приноравливаясь къ ея вкусу, стали, подобно Лукину, перекладывать иностранныя драмы на отечественные нравы или брать сюжеты прямо изъ отечественной жизни. Такъ были переложены комедіи: «Выборъ по разуму (1773)», и «Виндзорскія кумушки (1786)». Переводчикъ польской передѣлки Детушева «Мота или расточителя (1778)» «вмѣстилъ» въ свой переводъ русскія пословицы. Комическія оперы служили переходомъ отъ подражаній или передѣлокъ къ собственно русскимъ піесамъ. Въ 1772 г. явились на сценѣ: «Анюта», Михайлы Попова, и «Любовникъ-колдунъ» (нап. 1774); послѣдняя возбудила сочувствіе публики голосами русскихъ пѣсенъ. Матинскій, крѣпостной человѣкъ гр. Ягужинскаго, путешествовавшій по Италіи, сочинилъ двѣ ком. оперы: «Перерожденіе» (пред. 1777, нап. 1779) и «Гостиный дворъ» (нап. 1792). Опасаясь, что публикѣ, привыкшей къ комедіямъ Мольера и Сумарокова, не понравятся «забавныя зрѣлища» другаго рода, въ которыхъ выводится болѣе простая и близкая къ намъ жизнь, дирекція московскаго театра рѣшилась дать «Перерожденіе» не прежде, какъ испросивъ дозволенія у зрителей сочиненнымъ на этотъ случай разговоромъ между «большою» (т. е. высокою, серьезною) комедіею и комическою оперою. Представленіе «Гостинаго двора», по словамъ «Драматическаго словаря (1787)», доставило содержателю вольнаго театра больше прибытка, чѣмъ какая-либо другая піеса. Эта опера понравилась публикѣ «спектаклемъ подъяческой свадьбы въ древнихъ россійскихъ нравахъ», характеромъ жениха-подъячаго и его пѣснью:

Ахъ, что нынѣ за время!
Взятокъ брать не велятъ.

«Несчастіе отъ кареты», Княжнина, относится также къ попыткамъ оживить русскую драму содержаніемъ, взятымъ изъ русскаго простонароднаго быта. Хотя писатели наши, мало знакомые съ низшимъ сословіемъ, большею частію надѣляли его несвойственнымъ ему образомъ мыслей, чувствъ и рѣчи, въ которомъ безъ особеннаго труда узнавалъ себя образованный классъ; но одно уже намѣреніе выйти изъ подъ началъ французскаго вкуса заслуживаетъ похвалу. Чрезвычайный успѣхъ имѣла ком. опера: «Мельникъ, колдунъ, обманщикъ и сватъ (1779)», сочиненная Аблесимовымъ (1742—1783). Ее играли сряду 27 разъ, и театръ всегда былъ полонъ. Успѣхъ объясняется тѣмъ, что въ содержаніи «Мельника» дѣйствительно есть національный элементъ; его пѣсни и куплеты, русскіе по складу и напѣвамъ, перешли даже на улицу. Замѣтимъ, что, при господствѣ французскихъ взглядовъ на искуство, критика, даже черезъ сорокъ лѣтъ послѣ представленія піесы, упорно приписывала ея популярность не тому, что она сочинена въ русскихъ нравахъ, какъ всѣ это понимали и чувствовали, а тому, что она не только не противорѣчитъ законамъ ложно-классической драмы, но и на ряду съ лучшими трагедіями и комедіями вполнѣ оправдываетъ піитику Аристотеля, наставленія Горація и Боало, и вообще правила науки о вкусѣ. Мельникъ вызвалъ нѣсколько подражаній: «Розана и Любимъ (1781)», Николева, гдѣ зрителямъ особенно нравилась роль Семена Лѣсника; «Судьба деревенская (1782)», Прокудина-Горскаго, написан-

ная въ сельскихъ нравахъ; «Сбитеньщикъ (1783)», Княжнина, съ двумя аріями: «Все на свѣтѣ можно» и «Счастье строитъ все на свѣтѣ», бывшими въ большой модѣ; «Колдунъ, ворожея и сваха (1786)», Юкина. Изъ нихъ «Сбитеньщикъ» долго держался на сценѣ. Въ 1793 г. Плавильщиковъ написалъ комедію: «Мельникъ и Сбитеньщикъ, соперники», въ которой принимаетъ сторону «Мельника», находя въ піесѣ Аблесимова больше своего, роднаго, чѣмъ въ пьесѣ Княжнина, подражавшаго Мольеровой «Школѣ мужей». Другая его піеса: «Бобыль (1792)», пользовалась большою извѣстностью, благодаря сюжету и положеніямъ, взятымъ изъ простонароднаго быта. Кн. Д. Горчаковъ, славившійся сатирами (см. ниже), написалъ двѣ ком. оперы: «Счастливая тоня (1786)» и «Баба-Яга (1788)», которыя, вмѣстѣ съ третьей его піесой: «Калифъ на часъ (1786)», долго держались на сценѣ. Въ 1788 г. напечатана оригинальная комедія Александра Волкова: «Чадолюбіе», «наполненная остротами и шутками» (замѣчаетъ Драматическій словарь) и сыгранная даже на народномъ театрѣ (см. ниже). Говоря о стремленіи нашего театра къ народности, нельзя пройти молчаніемъ піесы Екатерины, «составленныя по русскимъ сказкамъ и пѣснямъ», или имѣвшія цѣлію изобразить крестьянскій бытъ. Таковы комическія оперы: «Февей (1786)», «Новогородскій богатырь Боеславичъ (1786)», «Храбрый и смѣлый витязь Архидѣичъ (1786)», «Горе-богатырь Косометовичъ (1788)» и «Ѳедулъ съ дѣтьми (1790)». Въ послѣдней, пѣсня Дуняши: «Во селѣ, селѣ Покровскомъ», сдѣлалась общеизвѣстною. Кромѣ того, въ 3-мъ дѣйствіи «Начальнаго управленія Олега» представлена старинная свадьба и введены народныя свадебныя пѣсни и обряды. Сочиненіемъ этихъ піесъ Екатерина обнаружила свою любовь и уваженіе къ родной старинѣ и къ простонародному «умоначертанію», равно какъ отступленіемъ отъ «обыкновенныхъ ѳеатральныхъ правилъ», въ подражаніе Шекспиру, она заявила литературную терпимость, рѣдкую въ то время, когда многіе записные литераторы обрекли себя на неизмѣнную службу французскому классицизму. Для представленія піесъ, которыя приходились на вкусъ «мѣщанъ», былъ даже открытъ въ Петербургѣ особый, народный театръ (1765), къ сожалѣнію существовавшій недолго. Простой народъ посѣщалъ его съ большою охотою, платя 50 коп. за мѣсто. Актеры-охотники изъ подъячихъ, мастеровыхъ, наборщиковъ, фабричныхъ и т. п. давали здѣсь: «Генриха и Перниллу», ком. Гольберга, пер. Андрея Нартова (пред. 1760, нап. 1764); «Лекаря по неволѣ», Мольера; «Скупаго», его же, пер. Ивана Кропотова (пред. 1757); «Новопріѣзжихъ», ком. Леграна, пер. Александра Волкова (пред. 1759); «Чадолюбіе», оригинальную комедію того же автора; «Привидѣніе съ барабаномъ или пророчествующій женатый», пер. Андрея Нартова (пред. 1759, нап. 1764), и «Щепетильникъ», Лукина.

О Лукинѣ (Владимірѣ Игнатьевичѣ) см. статьи г. Пыпина въ 8 и 9 №№ Отеч. Зап. 1853. О Николевѣ: Библ. Зап. г. Лонгинова (Совр. 1856, № 1) и Литерат. и театр. воспом. С. Аксакова (Рус. Бесѣда, 1856, № 4); сочиненія его изд. въ 5 т. (1795—96). Объ Аблесимовѣ: Библ. зам. о рус. писателяхъ XVIII в., г.г. Забѣлина и Тихонравова (Лѣт. рус. лит., 1859, кн. 2) и Энциклоп. словарь, составленный рус. учеными и литераторами, т. 1 (1861). Аблесимовъ, Александръ Онисимовичъ, образованіемъ своимъ былъ обязанъ Сумарокову. Есть извѣстіе, что онъ жилъ въ его домѣ и подъ его начальствомъ началъ службу. Сочиненія его: одна элегія, шесть эпиграммъ и одна эпитафія (въ Трудол. пчелѣ); Сказки (1769); нѣсколько стихотвореній и прозаическихъ статей въ «Трутнѣ», подъ псевдонимомъ «Азазезъ Азазезовъ»; Подьяческая пирушка, ком. въ 5 д. (не играна и не нап., и неизвѣстно, сохранилась ли гдѣ-нибудь); «Мельникъ, колдунъ, обманщикъ и сватъ» (пред. 1779, нап. 1782); «Походъ съ непремѣнныхъ квартиръ» (не нап. и не

дошла до насъ, хотя была играна много разъ); «Счастье по жеребью», оп. въ 1 д. (1780); «Странники», діалогъ, написанный на открытіе москов. петровскаго театра (1780); «Разскащикъ забавныхъ басенъ» (1781), сатирич. журналъ, задуманный въ подражаніе журналамъ 1769—74 г. Ст. Мерзлякова о Мельникѣ въ 6 № Вѣст. Евр. 1817 г.

§ 218. Нѣкоторыя переводныя піесы выдавались за оригинальныя, на что нападалъ Чулковъ, въ своемъ журналѣ: «И то и се»; другія, заимствованныя изъ иностранной литературы, «склонялись» на русскіе нравы; третьи были дѣйствительно русскія сочиненія. Изъ всего этого значительнаго количества драмъ немногія возвышаются надъ общимъ уровнемъ посредственности. Таковы комедіи Веревкина, Ефимьева, Клушина, Капниста и Судовщикова.

О комедіи Веревкина (1732—1795): «Такъ и должно», мы уже упоминали, замѣтивъ, что самъ авторъ цѣнилъ больше драматическій ея интересъ, чѣмъ комическій. Онъ хотѣлъ представить «отличныя дѣйствія добродѣтели, которыя, не только въ жизни встрѣчаемыя, но и въ книгахъ описанныя, приводятъ насъ въ восторгъ и нерѣдко извлекаютъ слезы». Поэтому дѣйствующія лица дѣлятся у него на двѣ категоріи: трогательныя и забавныя. Къ первымъ относятся двое Доблестиныхъ: дядя и племянникъ; ко вторымъ: Афросинья Сысоевна, уѣздная дворянка, страшно недовольная настоящимъ временемъ, въ которомъ видитъ только мотовъ, безбожниковъ и «фармазоновъ»; домовый дуракъ ея Фока; Урывай Алтынниковъ, съ приписью подъячій; воевода Протазанъ Безсчетный, зѣвающій и засыпающій въ судѣ при чтеніи дѣлъ. Сцены, когда молодой Доблестинъ узнаетъ въ колодникѣ-нищемъ своего дядю и потомъ требуетъ его освобожденія изъ тюрьмы, въ которую онъ былъ посаженъ по одному подозрѣнію, написаны во вкусѣ Дидро. По теоріи этого философа, любившаго въ своихъ драмахъ разсуждать о любви, добродѣтели, правахъ человѣчества и другихъ предметахъ, Веревкинъ также далъ мѣсто нѣсколькимъ декламаторскимъ тирадамъ. Лучшая часть піесы именно та, которую авторъ цѣнилъ меньше. Лица дворянки, воеводы и подъячаго доказываютъ несомнѣнный комическій талантъ, наблюдательность и умѣнье находить меткую, свободную отъ книжныхъ формъ, живую рѣчь для каждаго характера.

Комедія Ефимьева (1768—1804): «Преступникъ отъ игры, или братомъ проданная сестра» (1788), принадлежитъ также къ «слезнымъ», какъ видно по самому названію. Главное лице піесы—молодой офицеръ Безразсудовъ, предавшійся игрѣ. Проигравъ все имущество, онъ рѣшился продать свою сестру Прелесту, выдавъ ее за крѣпостную дѣвку. Но это преступленіе осталось безъ трагическихъ послѣдствій: покупщикъ нашелся въ Честонѣ, влюбленномъ въ Прелесту, на которой онъ и женится, уничтоживъ купчую и заплативъ долги Безразсудова. Примѣръ игрока-преступника ставится на видъ всѣмъ игрокамъ, какъ нравоучительный выводъ комедіи. Послѣдніе стихи показываютъ, что піеса легко могла бы кончиться неутѣшительной развязкой:

Плоха матерія преступниковъ закона!
Не всякій попадетъ на нашего Честона.

Все достоинство комедіи Ефимьева состоитъ въ немногихъ сценахъ, частію трогательныхъ, частію комическихъ, въ извѣстной долѣ остроумія и въ удачныхъ стихахъ.

Въ «Примѣчаніи» на комедію Клушина († 1804): «Смѣхъ и горе (1793)», Крыловъ, соредакторъ автора по изданію С.п.бургскаго Меркурія, основательно высказалъ достоинства и недостатки его піесы, принятой публикою съ большимъ одобреніемъ. Къ достоинствамъ отнесены: изображеніе нѣкоторыхъ характеровъ

(Вздоровой—пожилой кокетки, Вѣтрона—моднаго повѣсы), хорошіе стихи, остроумная и ѣдкая сатира. Главный недостатокъ заключается въ томъ, что «сатира не соединена съ дѣйствіемъ». Цѣль піесы—осмѣять порокъ двумя противоположными способами: смѣхомъ и плачемъ, почему и выведены Хохоталкинъ и Плакенинъ. Но эти лица, имѣющія значеніе Демокрита и Гераклита, являются передъ зрителями для того только, чтобы выставить различныя точки зрѣнія на одни и тѣже предметы; они говорятъ, а не дѣйствуютъ; они сатирики, а не характеры; ихъ можно удалить изъ піесы, какъ лица эпизодическія, выходящія на сцену и сходящія со сцены безъ участія въ дѣйствіи.

«Ябеда» (пред. 1796, нап. 1798), комедія Капниста (1757—1824), достойна стоять въ одномъ ряду съ «Недорослемъ». Она принадлежитъ къ числу тѣхъ комедій, которыя, по важности своего содержанія, носятъ названіе «общественныхъ», обличающихъ господствующій недостатокъ цѣлаго общества или какого-либо его сословія въ извѣстную эпоху. Чѣмъ вреднѣе порокъ дѣйствуетъ на нравы и чѣмъ обширнѣе его вліяніе, тѣмъ болѣе возвышается значеніе піесы, отдающей его на судъ и посмѣянье свѣта. У строптивыхъ людей разные нравы, говоритъ Капнистъ въ посвященіи піесы императору Павлу: иному не страшна казнь, но онъ боится злой славы; и потому, желая обезславить мздоимство и ябеду, онъ написалъ комедію, въ которой изображено то и другое. Что въ очеркахъ и отрывкахъ разсѣяно по сатирамъ Кантемира, по сочиненіямъ Сумарокова и журналамъ 1769—74 г.г., то въ Ябедѣ образуетъ цѣльную картину, нарисованную яркою кистью. Двоякій предметъ піесы узнается какъ изъ посвященія, такъ и изъ первой сцены перваго акта. Лице злаго ябедника Праволова, подкупность, плутовство и грабительство чиновниковъ метко описаны повытчикомъ Добровымъ, единственно честнымъ человѣкомъ изъ всѣхъ членовъ гражданской палаты, въ его разговорѣ съ полковникомъ Прямиковымъ. Нѣкоторыя характеристики сдѣлались типическими поговорками, наприм.:

..... Гражданскій предсѣдатель
Есть сущій истины Іуда и предатель.—
..... Прокуроръ,
Чтобъ въ риѳму мнѣ сказать—существеннѣйшій воръ.
Вотъ прямо въ точности всевидящее око:
Гдѣ плохо что лежитъ, тамъ зетитъ далеко.—
А о секретарѣ, дуракъ, кто слово тратитъ:
Хоть голъ будь какъ ладонь, онъ что-нибудь да схватитъ.—

Соотвѣтственно двумъ предметамъ піесы, и нравственный выводъ ея относится во-первыхъ къ ябедѣ, а потомъ къ лихоимству. «Что ни говори, а дѣло плоховато!» восклицаетъ предсѣдатель Кривосудовъ, попавшій въ уголовную вмѣстѣ съ прокуроромъ Хватайко, секретаремъ Кохтинымъ и другими членами палаты. Это плоховатое дѣло произошло, по объясненію служанки, отъ того, что ея господинъ «жилъ ябедой и тѣмъ, что взято, то свято». Сюжетъ «Ябеды», по обычаю французскихъ комедій, не обходится безъ любви и свадьбы. Есть и неизбѣжная Софья, дочь Кривосудова, въ которую влюбленъ Прямиковъ, но которую хотятъ выдать за Праволова. Сцена пирушки у предсѣдателя, по случаю именинъ его жены и сговора дочери, превосходно выставляетъ безцеремонное обращеніе чиновниковъ съ законами: не стѣсняясь ни чѣмъ, служители Ѳемиды цинически высказываютъ свой образъ мыслей и дѣлъ. Особенно славилась пѣсня прокурора:

Бери, большой тутъ нѣтъ науки;
Бери, что только можно взять.
На чтожъ привѣшены намъ руки,
Какъ не на то, чтобъ брать?

Комедія оканчивается торжествомъ правды и наказаніемъ порока: сенатъ, узнавъ продѣлки Праволова, предписалъ посадить его въ тюрьму, а членовъ палаты предать суду; Прямиковъ является въ минуту невзгоды, упавшей на отца Софьи, и предлагаетъ ей свою руку: предложеніе, конечно, принято съ радостью. Но какъ дѣйствительность часто идетъ на перекоръ моральнымъ тенденціямъ комика, то и здѣсь довѣріе къ удовлетворительной, по видимому, развязкѣ подрывается замѣчаніемъ служанки, которая говоритъ Доброву:

Авось-либо и все намъ съ рукъ сойдетъ слегка;

Добровъ отвѣчаетъ:

Впрямь: моетъ, говорятъ вѣдь, руку-де рука;
А съ уголовною гражданская палата,
Ей, ей, частехонько живетъ за панибрата.
Не то, при торжествѣ уже какомъ ни есть,
Подъ милостивый васъ поддвинутъ манифестъ.

Успѣхъ «Ябеды» былъ чрезвычайный. Публика принимала ее съ шумными рукоплесканіями; но тѣ изъ зрителей, къ которымъ относились слова Доброва:

..... законы святы,
Но исполнители—лихіе супостаты,

были въ такой же степени ею недовольны. Язвительная сатира, живые, схваченные съ натуры характеры, сильные стихи долго удерживали эту комедію на сценѣ и сохраняютъ за ней и теперь право называться однимъ изъ лучшихъ произведеній нашей драматической литературы.

Комедія Судовщикова: «Неслыханное диво, или честный секретарь», по своему предмету имѣетъ сходство съ «Ябедой». Она представляетъ лихоимство въ лицѣ предсѣдателя Кривосудова и честное, правдивое служеніе законамъ въ лицѣ секретаря Правдина. До появленія своего въ печати (1802), она долгое время ходила въ рукописи. Нѣкоторое вліяніе на нее «Ябеды» доказывается самыми именами лицъ: Кривосудовъ, Прямиковъ; квартальный Крючкострой, удачно начертанный, занимаетъ мѣсто Праволова, Правдинъ—Доброва, Милена (дочь Кривосудова)—Софьи. Стихи гладки и по мѣстамъ исполнены сатирическихъ выходокъ. Сюжетъ піесы грѣшитъ своею исключительностью: «неслыханное диво» не можетъ быть предметомъ художественнаго произведенія, которое обязано представлять общее въ единичномъ, а не единицу. Честность и доброту Доброва, какъ повытчика, можно еще допустить; гораздо труднѣе допустить честность Правдина, какъ секретаря. Опытъ убѣждалъ современныхъ зрителей, что послѣднему дана кличка не по шерсти, и что слѣдовательно въ его характерѣ, на которомъ держится сюжетъ комедіи, есть видимый фальшъ. А еслибъ и нашелся такой рѣдкій или даже единственный экземпляръ, который бы оправдывалъ сочетаніе словъ: «честный» и «секретарь», то изображеніе его не было бы тѣмъ, чѣмъ должно быть каждое лице въ драмѣ, т. е. типомъ.

Веревкинъ (Михаилъ Ивановичъ) извѣстенъ въ особенности переводами многотомныхъ сочиненій съ франц. и нѣм., исчисленными въ послужномъ спискѣ его (Москв. 1842, № 12). Образованію, изворотливому уму и другимъ талантамъ онъ былъ обя-

занъ своей карьерой. Онъ отличался способностію блистать въ обществѣ разговоромъ. Когда онъ пріѣзжалъ въ Петербургъ (говоритъ кн. Вяземскій), то, съ шести часовъ утра, прихожая его наполнялась присланными съ приглашеніями на обѣдъ, вечеръ; хозяева сзывали гостей «на Веревкина». Отправляясь на вечеринку или на обѣдъ «говорить», спрашивалъ онъ у товарищей своихъ: «Какъ хотите: заставить ли мнѣ сегодня слушателей плакать, или смѣяться?» И съ общаго назначенія то морилъ со смѣха, то приводилъ въ слезы». Послѣ этого понятенъ двоякій интересъ піесы «Такъ и должно», примыкающей и къ слезнымъ драмамъ, и къ комедіямъ собственно. Другія драматическія сочиненія Веревкина: «Именинники», ком. 1774); «Астрея» (предст. въ 1776 г., при открытіи новогородскаго намѣстничества, въ Новгородѣ, гдѣ авторъ былъ членомъ департамента, учрежденнаго при новгородской губернской канцеляріи для рѣшенія старыхъ дѣлъ); «На нашей улицѣ праздникъ» (предст. 1776 г. въ Твери, при открытіи въ ней намѣстничества, куда онъ назначенъ былъ совѣтникомъ); «Точь въ точь», ком. (1785). Кромѣ того Веревкинъ написалъ много мелкихъ сочиненій въ стихахъ и прозѣ. Есть рукописная его эпистола, начинающаяся такими стихами:

Мясистому волу, рожденному въ Черкасахъ,
Подъемной лошади, брадатому козлу...

Веревкинъ воспитывался въ сухопутномъ кадетскомъ корпусѣ. Гражданскую службу началъ съ 1756 года, при москов. университетѣ. Онъ открылъ казанскую гимназію и былъ ея директоромъ (съ 1758 по 1761); во время его директорства между гимназистами находился Державинъ. Въ 1785 г. былъ избранъ въ дѣйствительные члены Ак. Н. («М. И. Веревкинъ», въ 1-мъ № Рус. Бесѣды, 1860; «Біограф. замѣтки о рус. писателяхъ XVIII в.: М. И. Веревкинъ», Лѣт. г. Тихонравова, 1859, кн. 4; см. также мою Ист. Хрест., ч. I, стр. 419—420).

«Примѣчаніе» Крылова на ком. «Смѣхъ и Горе» въ февральской книжкѣ С. п. бургскаго Меркурія. О Клушинѣ, Ефимьевѣ, Капнистѣ и Судовщиковѣ см. мою Ист. Хрест. I, стр. 490—509.

§ 219. Съ именами Ломоносова и Сумарокова литературная критика постоянно соединяла имя Хераскова, образуя какъ бы особый поэтическій тріумвиратъ на томъ основаніи, что каждый изъ нихъ служитъ представителемъ особаго рода поэзіи. Какъ Ломоносовъ былъ первый нашъ лирикъ, а Сумароковъ—установитель нашего театра; такъ отъ Хераскова ведетъ свое начало нашъ искуственный эпосъ: онъ первый далъ намъ двѣ полныя героическія поэмы—«Россіяду и Владиміра», которыя хотя и не ввели пѣвца въ обѣщанный ему «храмъ безсмертія», однакожъ долгое время удерживали за нимъ славу «русскаго Гомера».

Не выдерживая, по своему литературному значенію, никакого сравненія съ произведеніями лучшихъ писателей Екатеринина вѣка, сочиненія Хераскова уступаютъ имъ въ той же мѣрѣ и силою своего отношенія къ современной эпохѣ. Невѣрно представляя избранныя лица и событія, они почти вовсе отрѣшены отъ дѣйствительности. Однакожъ и при такомъ безцвѣтномъ характерѣ, они не чужды указаній на тѣ предметы, которые, въ періодъ двухъ царствованій (Екатерины и Павла), интересовали вниманіе образованнаго класса. Текущія событія не только служили поводомъ къ ихъ появленію, но и отразились въ нихъ извѣстнымъ образомъ и въ извѣстной степени. По отношенію къ современной эпохѣ, «Нума» (1768) и «Царь, или спасенный Новгородъ» (1800), суть начальный и конечный пункты литературной дѣятельности Хераскова; въ срединѣ между ними стоятъ указанныя поэмы: «Россіяда» (1779) и «Владиміръ» (1785).

«Нума, или процвѣтающій Римъ», изображаетъ, въ лицѣ римскаго царя, Екатерину II, правленіе которой составляетъ второй періодъ въ исторіи новой, или петровской, цивилизаціи, какъ сказано въ эпилогѣ къ этому эпическому повѣствованію (§ 207). Всѣ дѣйствія Нумы касательно воспитанія, законодательства

и другихъ предметовъ внутренняго устройства вытекаютъ изъ началъ истины, добродѣтели и правосудія, бывшихъ лозунгомъ XVIII в.; почему Херасковъ и заключаетъ свое сочиненіе такими словами: «Можно теперь сказать съ божественнымъ Платономъ: счастливы тѣ народы, у которыхъ философъ государемъ бываетъ, или государь философомъ сдѣлается» (§ 206).

Какъ «Нума» относится къ началу царствованія Екатерины II, такъ «Полидоръ» (1794) касается событій, занимавшихъ правителей и общество въ послѣдніе годы ея жизни. Хотя повѣствованіе о сынѣ Кадма и Гармоніи есть по преимуществу нравоучительное, доказывающее возможность изъ каждаго добра и зла извлекать пользу, однакожъ въ немъ высказываются не одни нравственныя, но и политическія мнѣнія автора. Многія мѣста представляютъ государственный переворотъ, совершившійся во Франціи. Представленіе особенно ясно въ третьей главѣ, описывающей посѣщеніе Полидоромъ какого-то острова Терзита на Атлантическомъ океанѣ. Въ жителяхъ этого острова (соименника «презрительному Терзиту» Иліады), является народъ, зараженный вольнодумствомъ, жаждою свободы и равенства, разрушившій всѣ прежнія основы общества. Полидоръ рѣшается возстановить и дѣйствительно возстановляетъ порядокъ у терзитянъ, доказывая право своего вмѣшательства тѣмъ, что «народы, сами собою управляющіе, больше пекутся о частномъ своемъ благѣ, а цари, правящіе государствами, обязаны пещись о благѣ всего свѣта».

«Царь, или спасенный Новгородъ», изображаетъ двѣ картины: въ одной представлены «ужасъ безначалія, бѣшенство мнимой свободы и безумное алканіе равенства»; въ другой — счастіе государствъ и народовъ. По цѣли и направленію, эта стихотворная повѣсть тѣсно связана съ «Полидоромъ». Оба сочиненія написаны подъ вліяніемъ идей и намѣреній, которыми руководствовалась тогдашняя политика европейскихъ державъ. Какъ Полидоръ усмиряетъ терзитянъ, а Рюрикъ новгородцевъ, такъ цари должны возстановить порядокъ въ взволнованной Франціи. Этотъ долгъ, по убѣжденію Хераскова, въ особенности лежалъ на императорѣ Павлѣ, которому повѣсть посвящена и въ которомъ она видитъ укротителя революціи, возстановителя престоловъ, какъ бы новаго Полидора, давшаго государственное устройство терзитянамъ:

Когда я Рюрика и Гостомысла пѣлъ,
Тебя въ душѣ моей и въ мысляхъ я имѣлъ.
Ты также, какъ они, престоломъ обладаешь,
Чертогъ народнаго блаженства созидаешь.....
Но паче ихъ сердца, Монархъ, увеселяешь,
Что громомъ зло разишь, престолы возставляешь.

Будучи эпическимъ твореніемъ, которое должно отражать въ себѣ внутренній характеръ и внѣшній образъ цѣлой эпохи, героическая поэма предполагаетъ какъ въ творцѣ своемъ, такъ и въ своихъ слушателяхъ или читателяхъ, если не вѣру въ дѣйствительное существованіе этой эпохи, то по крайней мѣрѣ не совсѣмъ порванное согласіе съ ея воззрѣніями, нравами, вообще духовнымъ настроеніемъ. Поэтическое воспроизведеніе эпохи невозможно, когда она ничѣмъ уже не напоминаетъ о себѣ ни мысли, ни чувству настоящаго времени. Хотя Иліада и Одиссея явились черезъ нѣсколько вѣковъ по разрушеніи Трои, но въ этотъ долгій промежутокъ греческая жизнь не представляла

существенныхъ измѣненій, которымъ она подверглась послѣ персидскихъ войнъ; поэзія воспѣвала гнѣвъ Ахилла и долгія странствованія Улисса въ то время, когда то и другое еще было предметомъ народныхъ бесѣдъ по всей Греціи. Энеида изображаетъ міръ, не похожій на вѣкъ Августа; но интересъ происхожденія того, что сдѣлалось столь обширнымъ и могущественнымъ, живыя преданія, обращавшіяся въ народѣ, свойственная востоку косность въ нравахъ и формахъ индивидуальной жизни при явной перемѣнѣ въ общихъ учрежденіяхъ и въ духѣ цѣлаго (чѣмъ Греки и Римляне такъ рѣзко отличаются отъ новаго человѣчества), могли уничтожить это несходство и связать темную старину съ настоящимъ. Божественная Комедія проникнута духомъ того времени, въ которое она явилась; по отношенію къ понятіямъ и вѣрованіямъ, она есть картина ближайшаго и непосредственнаго быта Италіи. Нибелунги, какая бы ни была эпоха ихъ послѣдней редакціи, ведутъ свое начало отъ того міра, который они представляютъ. Освобожденный Іерусалимъ отдѣляется большимъ пространствомъ времени отъ того движенія, которымъ было вызвано событіе, воспѣтое Тассомъ; но сущность поэмы — религіозный духъ среднихъ вѣковъ, увѣренность въ величіи и важности крестовыхъ походовъ, — не утратила своего значенія и въ XVI вѣкѣ, по крайней мѣрѣ въ Италіи, какъ средоточіи католицизма. Лузіада, не смотря на примѣсь къ ней многихъ чуждыхъ элементовъ, славитъ духъ героизма и открытій, которымъ были возбуждены Португальцы XIV в. Сверхчувственный міръ, изображенный Мильтономъ, вопросъ о происхожденіи зла, раскрываемый его поэмой, обращали на себя особое вниманіе Англичанъ въ срединѣ XVII в., и потому предметъ Потеряннаго Рая былъ предметомъ интереса дѣйствительнаго и современнаго, а не вымышленнаго или потерявшаго всякое значеніе. Подобныхъ отношеній къ предмету Россіяды не существовало ни въ душѣ автора, ни въ душѣ его читателей. Покореніе Казани Грознымъ было «дѣломъ давно минувшихъ дней», которое учащійся узнавалъ изъ отечественной исторіи, но съ которымъ и прощался на школьной скамьѣ. Тотъ народъ, что сложилъ пѣсню «про взятье казанскаго царства», не имѣлъ и понятія о Россіядѣ. Если поэма могла представлять какой-либо интересъ, то не общій, а частный, для извѣстнаго круга публики, не по внутренней связи XVI-го столѣтія съ XVIII-мъ, а по внѣшнему сопоставленію событія, въ ней воспѣваемаго, съ современностью, по особому на него взгляду автора и подобныхъ ему лицъ. Вмѣсто поэтическаго замысла выступили здѣсь искуственныя примѣненія и тенденціи, объясняемыя исторіею тогдашней эпохи, именно восточнымъ вопросомъ, о которомъ говорили и писали открыто какъ въ Россіи, такъ и за границей. Въ «Инструкціи», греческій языкъ поставленъ главнѣйшимъ между тѣми языками, «кои ихъ высочествамъ полезны быть могутъ». При великомъ князѣ Константинѣ Павловичѣ находились Греки, для разговора съ нимъ на ихъ родномъ нарѣчіи. Основано было особое училище (1775), съ цѣлію дать образованіе греческимъ выходцамъ въ Россію. Въ одинъ изъ докладовъ Державина, бывшаго статсъ-секретаремъ, императрица сказала ему: «я не желала бы умереть прежде, нежели выгонимъ Турокъ изъ Европы». Въ примѣчаніяхъ къ его одамъ: «На покореніе Дербента», «На пріобрѣтеніе Крыма» и «На взятіе Измаила», есть свидѣтельства о томъ же политическомъ планѣ Екатерины. Посвящая ей переводъ нѣсколькихъ пѣсенъ Иліады, Костровъ говоритъ, что «русскій флагъ, взвивающійся надъ Геллеспонтомъ, — ужасъ варва-

рамъ, а Грекамъ источникъ благъ». Вольтеръ то и дѣло въ своихъ письмахъ упрашивалъ Екатерину изгнать Турокъ изъ Европы. Вторая пѣснь Лагарповой поэмы «о женщинахъ», читанная въ засѣданіи французской академіи (1784), прославляя русскую государыню, убѣждаетъ ее взять Константинополь и возстановить въ Греціи царство наукъ и красоты. Тѣже совѣты, желанія и виды выражали и Вольней и Шуазель-Гуфье, авторъ «живописнаго путешествія по Греціи». Херасковъ принадлежалъ къ категоріи многихъ образованныхъ людей своего времени, питавшихъ сочувствіе къ Греціи. Еще за восемь лѣтъ до Россіяды, въ описательномъ стихотвореніи: «Чесменскій бой (1771)», исчислилъ онъ причины нашей войны съ Турками: бѣдственное положеніе одновѣрныхъ намъ Грековъ, разрушеніе церквей, притѣсненія христіанъ мусульманами, тьму невѣжества, покрывшую мѣста, гдѣ нѣкогда сіяло просвѣщеніе. Но, сказалъ онъ въ заключеніи,

.... близокъ, можетъ быть, приходъ златыхъ вѣковъ,
И Греки изъ своихъ исторгнутся оковъ.

Эта мысль сохранена и въ Россіядѣ. Какъ христіанинъ, какъ патріотъ, какъ ревнитель наукъ, Херасковъ въ поклонникахъ Магомета видѣлъ враговъ истинной вѣры, своего отечества и просвѣщенія. Основнымъ его взглядомъ опредѣлились и выборъ эпическаго сюжета, и самое названіе поэмы, превышающее размѣръ содержанія. Взятіе Казани получило въ глазахъ его особенную важность: оно было торжествомъ креста надъ луною и вмѣстѣ торжествомъ Россіи надъ кровными врагами. Въ «историческомъ предисловіи» къ Россіядѣ читаемъ: «Воспѣвая разрушеніе казанскаго царства, со властію державцевъ ордынскихъ, я имѣлъ въ виду успокоеніе, славу и благоденствіе «всего россійскаго государства», знаменитые подвиги «всего россійскаго воинства», возвращенное благоденствіе не одной особѣ, но «цѣлому государству»... Горе тому Россіянину, который не почувствуетъ, сколь сладкую тишину и сколь великую славу пріобрѣло наше отечество отъ разрушенія казанскаго царства!» Отъ Іоанна IV Херасковъ ведетъ начало крутой перемѣны въ Россіи—перехода ея изъ слабости въ крѣпость, изъ уничиженія въ силу, изъ порабощенія въ господство; грозный царь стоитъ въ срединѣ между бѣдственнымъ ея состояніемъ, около трехъ вѣковъ продолжавшимся, и новою, славною ея жизнію. Не одинъ Херасковъ придавалъ такую важность нашей борьбѣ съ Татарами. Въ предисловіи къ Морскому уставу (1720), Петръ I освобожденіе Россіи отъ Татаръ уподобляетъ «второму крещенію»: «Иванъ Васильевичъ Владимірово вредное дѣло (раздѣленіе Руси на удѣлы) исправилъ и расточенную махину паки въ гору собралъ и, яко новымъ крещеніемъ, силою воинскою христіанство отъ варваровъ (Татаръ) свободилъ и утвердилъ, и оныхъ отъ ближняго сосѣдства отогналъ». Сообразно изложенному взгляду, поэма начинается такимъ двустишіемъ:

Пою отъ варваровъ Россію свобожденну,
Попранну власть Татаръ и гордость низложенну.

Это сильно сказано, и критика имѣла право уличить Хераскова въ незнаніи исторіи, такъ какъ Россія освободилась отъ Татаръ до Іоанна Грознаго; но дѣло было не въ исторической точности, а въ томъ, что, для Хераскова, взятіе Казани было сильнымъ пораженіемъ магометанства, враждебнаго христіанамъ, цивилизаціи и Россіи. Притомъ же давноминувшій фактъ озарился новымъ блескомъ отъ

успѣшныхъ дѣйствій Екатерины въ восточномъ вопросѣ, отъ ея побѣдъ надъ Турками, подвигавшихъ впередъ замышленное возстановленіе Греціи. Такимъ образомъ событіе XVI в. приняло въ умѣ автора огромные размѣры, какъ по отношенію къ его религіознымъ, патріотическимъ и просвѣщеннымъ стремленіямъ, такъ и по отношенію къ политикѣ Екатеринина вѣка.

«Россіяда» не принадлежитъ къ числу произведеній, которыхъ художественная оцѣнка могла бы повести къ поучительнымъ выводамъ. Но какъ литературное преданіе видитъ въ ея авторѣ родоначальника нашего искуственнаго эпоса, то, говоря о ней, не безполезно сдѣлать нѣсколько замѣтокъ касательно этого рода поэзіи, какъ это уже было сдѣлано касательно лирики и драмы (§§ 190 и 199). «Предисловіе къ Россіядѣ» и «Взглядъ на эпическія поэмы», ей предпосланный, показываютъ, что Херасковъ слѣдовалъ ложно-классической піитикѣ, отъ которой не отступалъ до конца. Давая наставленія стихотворцу, въ піесѣ «Поэтъ (1805)», онъ совѣтуетъ ему читать Гораціево «Посланіе къ Пизонамъ» и «Эпистолу о стихотворствѣ», Сумарокова, а главное—имѣть «всегда на памяти и часто на устахъ» науку о стихотворствѣ Буало. Ложно-классическая теорія эпоса представляла три существенные недостатка: неполноту, отвлеченность и односторонность. Она неполна, потому что построена на разборѣ немногихъ поэмъ, въ особенности Гомера и Виргилія, и слѣдов. не обнимаетъ всѣхъ явленій того же поэтическаго вида, изъ которыхъ иныя были открыты гораздо позднѣе. Она отвлеченна, потому что не даетъ никакого понятія объ органической связи эпоса съ характеромъ и бытомъ народа, у котораго онъ возникалъ. Она односторонняя, потому что исключительно имѣетъ въ виду «объектъ», т. е. поэтическое произведеніе, не принимая въ разсчетъ «субъекта», т. е. эпическаго настроенія, которое овладѣваетъ поэтомъ въ минуты творчества и которымъ объясняются качества эпическаго стиля. Заключенная въ тѣсномъ кругу одностороннихъ выводовъ, лже-классическая теорія эпоса разсматривала въ каждомъ новомъ произведеніи того же рода одинъ только его составъ и съ этой точки зрѣнія требовала отъ него тѣхъ самыхъ принадлежностей, какія находила въ Иліадѣ, Одиссеѣ, Энеидѣ и нѣкоторыхъ поэмахъ христіанскаго міра. Она требовала важнаго событія, героическихъ характеровъ, обширнаго плана, вмѣщающаго въ себѣ значительное количество предметовъ, разнообразія эпизодовъ, которыми украшается главное дѣйствіе, чудеснаго въ языческомъ или христіанскомъ смыслѣ. Всѣ эти условія выполнены Херасковымъ по-возможности. Предметъ Россіяды (покореніе Казани), событіе само по себѣ важное, еще болѣе возвеличено взглядомъ на него автора. Дѣйствующія лица: самъ Іоаннъ, его сподвижники и противники, отличены необыкновенными качествами и подвигами. Чудесное есть—и языческое, и христіанское: пророческіе сны, явленіе тѣней, небесныя знаменія, чародѣйство и т. п. Нерѣдко вводятся олицетворенія естественныхъ и нравственныхъ предметовъ: зимы, корыстолюбія, стыда и пр. Объемъ поэмы обширенъ: она состоитъ изъ 12 пѣсенъ, какъ и Энеида, которую Херасковъ назвалъ «несравненною», чего не удостоились ни Иліада, ни Одиссея. Соблюдены также и второстепенныя принадлежности: возвѣщеніе избраннаго сюжета, начатое обычнымъ словомъ «пою»; два воззванія: къ духу стихотворства и къ вѣчности; наконецъ экспозиція, дающая знать читателю отношеніе Казани къ Россіи до начала войны.

Вѣрно-поэтическаго воспроизведенія нѣтъ и не могло быть въ Россіядѣ, какъ такой

поэмѣ, которая сшита изъ подражаній Иліадѣ, Энеидѣ, Освобожденному Іерусалиму и Генріадѣ, и потому вышла смѣсью разнородныхъ элементовъ, не относящихся ни къ опредѣленной національности, ни къ опредѣленной исторіи. Отсюда всѣ недостатки ея дѣйствія, характеристикъ и чудеснаго. Недостатки дѣйствія: нѣтъ главнаго узла, счастливое разрѣшеніе котораго совершалось бы ходомъ событія; нѣтъ серьезныхъ препятствій, въ борьбѣ съ которыми главное лице могло бы выказать свою силу: зной, голодъ, чары, духи тьмы и другія противодѣйствующія силы не наносятъ дѣятелю вреда и уничтожаются какъ бы сами собою. Недостатокъ въ представленіи характеровъ: Іоаннъ, русскіе князья и защитники Казани являются то въ видѣ греческихъ или троянскихъ героевъ, то въ видѣ крестоносцевъ. Въ Іоаннѣ видишь черты и Энея и Годфреда, въ Курбскомъ—Ринальда, въ Сумбекѣ—Дидоны и Армиды вмѣстѣ. Курбскій говоритъ даже о храненіи рыцарскаго чина; татарскій витязь Гидромиръ наблюдаетъ рыцарскій уставъ; Троекуровъ, словно одинъ изъ воиновъ Иліады, снимаетъ доспѣхи съ убитаго врага; Эдигеръ, слѣдуя іудейскому обычаю, раздираетъ свою одежду и посыпаетъ пепломъ главу. Недостатокъ въ чудесномъ: оно состоитъ или въ холодномъ олицетвореніи понятій, которое служитъ только риторической прикрасой, или въ противосмысленномъ сочетаніи древняго съ новымъ, языческаго съ христіанскимъ. Какъ у Виргилія Анхизъ, въ елисейскихъ поляхъ, показываетъ Энею его потомковъ; какъ у Вольтера св. Людовикъ открываетъ въ сновидѣніи Генриху IV рядъ королей, имѣющихъ за нимъ послѣдовать: такъ и Херасковъ заставляетъ пустынника Вассіана вести Грознаго на гору, въ храмъ добродѣтели, и въ книгѣ судебъ читать ему будущую судьбу Россіи. Обвороженный казанскій лѣсъ есть копія съ такого же лѣса, описаннаго Тассомъ: что въ Освобожденномъ Іерусалимѣ Исменъ, то въ Россіядѣ Нигринъ. Божества, духи, существа аллегорическія являются большею частію въ сновидѣніяхъ и дѣйствуютъ въ пользу той или другой стороны по безотчетному замышленію стихотворца, а вовсе не на основаніи какой-либо опредѣленной системы вѣрованій. Внѣшнее выраженіе Россіяды почти вездѣ искуственно. Отсутствіемъ простаго, естественнаго разсказа авторъ думалъ сообщить поэмѣ эпическое величіе, и сообщилъ ей монотонную высокопарность и надутость. Большая часть описаній сухи и однообразны. Нѣкоторыя изъ нихъ (напр. описанія казанскаго лѣса, зноя, Батыевой могилы, зимы, которую Нигринъ приводитъ изъ Кавказской горы) удачны по языку. Въ послѣднемъ описаніи замѣчателенъ стихъ, изображающій владычество и суровость стужи:

Тамъ зримы кажутся вѣщаемы слова.

Вообще стихъ Хераскова для своего времени можетъ назваться хорошимъ. Если въ немъ нѣтъ энергіи и полета, то есть плавность и достаточная обработка.

Какъ въ Россіядѣ представлено событіе, отъ котораго Херасковъ ведетъ «зарю руской славы», возрожденіе политическаго ея могущества, утраченнаго съ нашествіемъ Татаръ, такъ во Владимірѣ прославленъ подвигъ князя, озарившаго Россію свѣтомъ христіанства, безъ котораго нѣтъ истиннаго просвѣщенія и которымъ

...,. древняя полночная страна,
Какъ солнцемъ съ высоты, доднесь озарена.

Впрочемъ эта поэма не столько повѣствовательное, сколько нравственно-алле-

горическое стихотвореніе, «изъясняющее сокровенныя чувствованія души, съ самой собою борющейся». Да и не было возможности наполнить 18 пѣсенъ разсказомъ о немногосложномъ, хотя весьма важномъ событіи. Поэтому Херасковъ совѣтуетъ читать Владиміра «не какъ обыкновенное эпическое твореніе, гдѣ по большей части битвы, рыцарскія подвиги и чудесности воспѣваются, но какъ странствованіе человѣка путемъ истины, на которомъ срѣтается онъ съ мірскими соблазнами, подвергается многимъ искушеніямъ, впадаетъ во мраки сомнѣнія, борется со враждебными страстями своими, наконецъ преодолѣваетъ самъ себя, находитъ стезю правды и, достигнувъ просвѣщенія, возрождается». Повѣсть состоитъ въ тѣсной связи со многими духовно-мистическими сочиненіями послѣднихъ лѣтъ царствованія Екатерины.

Херасковъ пользовался большимъ почетомъ отъ современниковъ не только за свои сочиненія, какъ авторъ Россіяды, но и за нравственныя качества. Благородство характера, искренняя любовь къ просвѣщенію, покровительство, находимое у него даровитыми молодыми людьми, преданными наукѣ и литературѣ, заслужили ему справедливую благодарность и уваженіе. Тогдашніе московскіе литераторы рѣдко что выпускали въ печать, не прочитавъ ему предварительно своего сочиненія. Его называли «старостой россійской литературы». Занимая должность куратора московскаго университета (съ 1778 по 1802), онъ учредилъ при немъ благородный пансіонъ (1779) и педагогическую семинарію (1779), и заключилъ контрактъ съ Новиковымъ (см. ниже), взявшимъ на десятилѣтнюю аренду университетскую типографію. Дворянское воспитательное училище, подъ названіемъ вольнаго (въ послѣдствіи университетскаго) благороднаго пансіона, имѣло три цѣли: научить дѣтей, или просвѣтить разумъ полезными знаніями (воспитаніе умственное), вкоренить въ сердца ихъ благонравіе (воспитаніе нравственное) и сохранить ихъ здоровье (воспитаніе физическое). Педагогическая семинарія была основана при университетской гимназіи для приготовленія учителей; съ этимъ учрежденіемъ связано имя главнаго въ немъ дѣятеля, профессора Шварца (см. ниже).

Херасковъ (Михаилъ Матвѣевичъ), по выпускѣ изъ корпуса (1751), сначала поступилъ въ армію, а потомъ перешелъ въ гражданскую службу, большая часть которой протекла при московскомъ университетѣ (съ 1756). Въ 1763 г. онъ былъ назначенъ его директоромъ, а въ 1778-мъ кураторомъ, которое званіе и сохранялъ до новаго устава народнаго образованія (1802). Въ теченіе четырехъ лѣтъ онъ издавалъ журналы: Полезное чтеніе» (1760—62) и «Свободные часы» (1763). (Черты частной жизни Хераскова, въ 4 № Москвит. 1850; Мелочи изъ запаса моей памяти; Ист. моск. унив).

Творенія Хераскова, исправленныя и дополненныя, въ 12 ч., имѣли два изданія: первое (1796—1803) и второе (1807—1812). Они относятся почти ко всѣмъ родамъ поэзіи. Кромѣ поэмъ и нравоучительныхъ романовъ (части 1—3 и 8—12), Херасковъ писалъ трагедіи, драмы и комедіи (ч. 4—6) и оды духовныя, торжественныя и нравоучительныя и другія стихотворенія (ч. 7). «Пилигриммы, или искатели счастія» (1795) и «Бахаріана, или неизвѣстный» (1803), имѣютъ своимъ предметомъ не героевъ и важныя событія, а «бездѣлки», какъ говоритъ самъ авторъ. Описательныхъ поэмъ у Хераскова одна: «Чесменскій бой» (1771); дидактическихъ четыре: «Плоды наукъ» (1761),«Вселенная», «Селимъ и Селима» (1770) и «Поэтъ» (1805). Вторую изъ нихъ онъ называлъ плодомъ своего воображенія: «Читая въ сладость духовныя книги, а наипаче святую Библію, духъ мой преисполнялся такими восторгами, такъ мысли мои пламенѣли, такимъ умиленіемъ я пресыщался, что мнѣ мечталось, будто существую при первомъ возсіяніи духовнаго міра... Мнѣ кажется, что британскій пѣвецъ, сочиняя «Погубленный рай», и великій Клопштокъ, воспѣвая Мессію, въ подобныхъ изступленіяхъ находились, когда духовныя читали книги; за ними шествую, но шествую вдали, робко, косвенно». Повѣсть, или также поэма: «Селимъ и Селима», есть подражаніе франц. со-

чиненію. Она выражаетъ чувства слѣпорожденнаго молодаго пастуха, влюбленнаго въ пастушку и считающаго себя счастливымъ, не смотря на слѣпоту. Прозрѣвъ, Селимъ еще съ большимъ жаромъ описываетъ свои восторги. Смыслъ поэмы указанъ послѣдними стихами:

Сія Селимова, читатель, слѣпота
Есть грубый мракъ души и мыслей темнота,
Которыя Творца не чувствуютъ дотолѣ,
Коснется благодать слѣпой душѣ доколѣ.

Между одами Хераскова извѣстны были въ свое время двѣ: «Время» (1791) и «На восшествіе на престолъ Александра I» (1801). Первая начинается стихами:

Ты, время, быстрыми крылами
По всей подсолнечной паришь..

Начало второй:

Какъ лебедь на водахъ Меандра
Поетъ послѣдню пѣснь свою,
Такъ я монарха Александра
При старости моей пою.

На сочиненіе «Нравоучительныхъ басенъ» (1764) Херасковъ смотрѣлъ только какъ на средство не быть празднымъ: «я не играю въ карты» говоритъ онъ, «а пишу басни».

О Россіядѣ и вообще о характерѣ литературной дѣятельности Хераскова см.: критику П. Строева (Современный наблюдатель рос. словесности 1815, №№ 1 и 3); критику Мерзлякова (Амфіонъ, 1815); мою ст. о Херасковѣ (Литер. отдѣлъ Моск. Вѣд. 1857, № 158).

§ 220. Говорить о Богдановичѣ (1743—1803) значитъ говорить о романтической его поэмѣ или повѣсти «Душенька» (1775), въ которой онъ подражалъ Лафонтенову разсказу: «Любовь Психеи и Купидона» (русскій переводъ 1769 г.); Лафонтенъ же подражалъ латинскому писателю Апулею, жившему во II в. по Р. Х. и написавшему романъ: «Превращеніе, или Золотой оселъ» (русскій переводъ, Кострова, 1780—1781).

Основная идея миѳа, знаменующаго стремленіе души (Психеи) къ высочайшему благу—любви (Купидону), первоначально возникла на востокѣ, откуда вошла въ греческія мистеріи. Платоническій философъ Апулей разсказалъ этотъ миѳъ, измѣнивъ его нѣсколько по духу своего времени, въ означенномъ сатирическомъ романѣ, который умно и оригинально изображаетъ недостатки современнаго общества: повсемѣстное суевѣріе, наклонность къ чудесамъ и магіи, обманы жрецовъ, дурную полицію въ римской имперіи. Въ основѣ всѣхъ превращеній «Золотаго осла» лежитъ идея души, погрязшей въ чувственности, матеріи, и потомъ, посвященіемъ въ таинства, очищенной и преображенной. Исторія Психеи скрываетъ, подъ покрываломъ вымысла, то ученіе, которое представлялось въ символическихъ обрядахъ таинствъ. Она есть образъ души, которая изъ горнила страданій выходитъ свѣтлою, причастною высшаго блаженства. Кромѣ того, въ ней являются мистеріи собственно-эротическія: душа женщины (Психея), утративъ свою невинность, долженствовала, какъ невольница любви (Венеры), пройти рядъ суровыхъ испытаній, чтобы стать достойною невѣстой небеснаго жениха Эрота (Купидона). Такимъ образомъ въ Апулеевомъ разсказѣ аллегорически представлены и очищеніе души вообще, и очищеніе души женской въ особенности.

Лафонтенъ отнесся къ своему оригиналу свободно: онъ заимствовалъ у Апулея матерію и ходъ басни, но измѣнялъ обстоятельства сообразно вкусу времени и своему собственному. Современный же вкусъ, по словамъ Лафонтена, стремился

«къ шуткѣ и любезностямъ» (se portait au galant et à la plaisanterie). Единственною его цѣлью было нравиться читателямъ; а для этого слѣдовало, отъ начала до конца, шутить и любезничать. На миѳологію смотрѣлъ онъ, какъ на сплетеніе басенъ, «способныхъ только забавлять дѣтей». Миѳъ, это своего рода поэтическое созданіе, воплощающее религіозную идею въ извѣстную форму, не возбуждаетъ его сочувствія. Лафонтенъ смѣется надъ идеей, потому что въ миѳологическомъ чудесномъ видитъ дѣтскую забаву; а форма не плѣняетъ его на столько, чтобы онъ могъ питать къ ней артистическое уваженіе. Отсюда понятно значеніе Лафонтеновой повѣсти. Существенный недостатокъ ея—легкомысленный взглядъ на миѳологію, искаженіе классической красоты. Достоинствъ же надобно искать внѣ художественнаго воспроизведенія миѳа, т. е. въ предметахъ второстепенныхъ и постороннихъ. Сюда относятся: остроуміе, угождавшее тогдашнему вкусу публики, и поэтическое, хотя и не въ греческомъ духѣ, изображеніе нѣкоторыхъ частей вымысла, каковы, на примѣръ, плаваніе Венеры, портреты Купидона и Психеи. Иногда увлекаясь красотами подлинника, Лафонтенъ какъ бы забывалъ свою задачу—смѣшить и забавлять читателей, и рисовалъ граціозныя картины, на которыя нельзя смотрѣть безъ удовольствія.

Значеніемъ Лафонтеновой повѣсти опредѣляется и значеніе «Душеньки», въ которой, сверхъ того, есть нѣкоторыя особыя отличія. Богдановичъ взялъ у Лафонтена и понятіе о миѳологіи, и невѣрное представленіе античныхъ сюжетовъ: какъ у французскаго баснописца Психея вышла француженкой, такъ у нашего автора она обратилась въ русскую дѣвицу. У Лафонтена также заимствованы и цѣль—угождать направленію современнаго вкуса, который «стремился къ любезностямъ и шуткѣ», и весь составъ сказки, отъ появленія на сцену Психеи до ея брака съ Амуромъ. Но Лафонтенъ, замѣтили мы, красоту древняго искуства замѣнялъ въ иныхъ мѣстахъ изображеніями въ духѣ искуства псевдо-классическаго, у которыхъ есть своя, условная, красота; угодничество современному вкусу не доводило его до пренебреженія изящнымъ вообще; въ остроумномъ разскащикѣ нерѣдко сказывался поэтъ. Напротивъ, Богдановичъ совершенно поддался шуткѣ, такъ что его «Душенька», если прилагать къ ней строгія требованія художественной критики, вышла какъ бы комической пародіей миѳа, въ которомъ нѣтъ ничего комическаго, Психеей, «вывороченной на-изнанку», тогда какъ Апулеевъ разсказъ о судьбѣ царской дочери, прослывшей, за красоту свою, второю Венерой, трогателенъ и граціозенъ. Если же разсматривать «Душеньку» только по отношенію къ непосредственному образцу ея, т. е. къ Лафонтеновой повѣсти, то и съ этой стороны критика окажется для нея невыгодною, по двумъ причинамъ: во-первыхъ, задавшись желаніемъ смѣшить читателей, Богдановичъ умышленно искажалъ каждый изящный образъ прибавкой какихъ-нибудь неизящныхъ подробностей; во вторыхъ, не умѣя передать подлинникъ сжатою и точною стихотворною рѣчью, онъ распространялъ его совершенно лишними чертами, отъ чего поэма вышла по объему больше Лафонтенова разсказа, если исключить изъ послѣдняго всѣ вставки, не принадлежащія собственно къ исторіи Купидона и Психеи.

Для подтвержденія этихъ словъ, достаточно сличить описаніе морскаго плаванія Венеры у обоихъ стихотворцевъ. Богдановичъ не ограничился однимъ жемчугомъ, посвященнымъ Венерѣ: онъ заставилъ Тритона «тащить» всѣ морскія сокровища; другому далъ онъ должность форейтора, который «бранится со встрѣч-

ными» и велитъ имъ сворачивать съ дороги; третій «давитъ» дерзостныхъ чудовищъ; четвертый трубитъ въ коральный рогъ; пятый несетъ на-мѣсто зеркала «отломокъ горъ хрустальныхъ» (у Апулея—просто зеркало, у Лафонтена—un miroir fait de cristal de roche). Чтобъ защитить Венеру отъ солнечныхъ лучей, нашъ авторъ велѣлъ одному изъ тритоновъ «пускать къ-верху водные ключи», а сиренамъ «махать опахаломъ» (у Апулея—тритонъ умѣряетъ жаркіе лучи шелковой сѣткой; у Лафонтена—просто защищаетъ богиню отъ зноя). Воспѣвая Венеру, сирены «мѣшаютъ съ былями небылицы». Потомъ уподобленіе зефировъ «пшеничному сѣмени»; выраженія: «пышатъ» въ трудахъ, «свиститъ» любовь на-ухо, «дуетъ въ очи и уста», нарушаютъ изящество какъ постановкою неграціозныхъ образовъ, такъ и низведеніемъ серьезнаго міра миѳологіи до шутки и смѣхотворства. Наконецъ шумъ, возня и многочисленность Венериной свиты отвѣчаютъ ли тому очарованію, которое долженствовала разливать вокругъ себя воплощенная прелесть, заставившая самого Иракла промѣнять палицу на веретено? Мы говорили о распространеніяхъ, которыя дозволялъ себѣ Богдановичъ, въ ущербъ поэзіи. Условія стихотворной рѣчи (метръ и риѳма) принудили его жертвовать точною мѣрою изображеній. У Лафонтена храмы Венеры «поросли травой»; у Богдановича—«травой и лѣсомъ», какъ будто лѣсъ могъ вырости въ короткій срокъ, когда смертные стали поклоняться Душенькѣ, забывъ богиню. Къ «утесамъ, гидрамъ и драконамъ» подлинника, находившимся въ пустынной горѣ, жилищѣ дракона, русское подражаніе прибавило «бугры, пески, рвы, пещеры, глубины, львовъ, мегеръ, церберовъ и дромадеровъ». Въ подлинникѣ «музыка, услаждавшая Психею, была восхитительна, какъ будто бы управляли ею Орфей и Амфіонъ»; въ переложеніи, явилось еще третье лице—Аполлонъ. У Лафонтена: «сновидѣніе представило ей супруга въ образѣ юноши, пятнадцати или шестнадцати лѣтъ, боговиднаго, прекраснаго, какъ Амуръ»; у Богдановича:

Явилъ супруга ей со всею красотою,
Со стройствомъ, нѣжностью, дородствомъ, бѣлизною,
Съ румянцемъ, краше багреца:
Явилъ подобіе младаго Аполлона
Иль, можно такъ сказать, прекрасна Купидона
Въ восьмнадцать лѣтъ, иль такъ почти,
Что былъ онъ близко двадцати,
И былъ во всей красѣ и славѣ.

Не смотря на свои недостатки, Душенька имѣла чрезвычайный, вполнѣ заслуженный успѣхъ, объясняемый современнымъ ей образованіемъ русскаго общества. Понятія о миѳологіи и поэтическомъ творчествѣ стояли при Богдановичѣ на такой степени, что невѣрности поэмы относительно этихъ двухъ предметовъ не только не считались противорѣчіемъ дѣйствительности или возможности, но даже вмѣнялись въ большую заслугу. Для читателей Екатеринина вѣка переложеніе чужаго на родные обычаи и нравы было именно тѣмъ, чего они особенно желали и что имъ нравилось по преимуществу. Безъ принаровки къ новому не нашли бы они удовольствія въ старомъ. Молодость общества, подобно молодости отдѣльнаго человѣка, выказывается тѣмъ, что оно во всемъ хочетъ видѣть себя и обо всемъ судитъ по себѣ. Душенька въ русскомъ сарафанѣ казалась несравненно милѣе гречанки Психеи. А забавный разсказъ и шутливый тонъ, конечно, цѣни-

лись выше преданій и миѳовъ, въ которыхъ философія XVIII в. видѣла только плоды суевѣрія или выдумки жрецовъ. Кромѣ того, въ Душенькѣ есть положительныя достоинства, которыя сводятся къ одному—освобожденію поэтическаго разсказа отъ условныхъ, стѣснительныхъ формъ и правилъ, наложенныхъ на стихотворство обычаемъ и теоріей. Поэма Богдановича есть первое капитальное произведеніе въ такъ называемой легкой поэзіи, противоположной тому роду, который явился съ одной стороны въ героическихъ и дидактическихъ поэмахъ и эпическихъ повѣствованіяхъ, а съ другой въ торжественной лирикѣ. «На нашемъ языкѣ нѣтъ подобнаго рода стихотвореній», говоритъ издатель Душеньки, Ржевскій, въ предисловіи къ своему изданію (1783). И поэмы и оды строились на искуственно-возвышенный тонъ. Богдановичъ осмѣиваетъ риѳмотворческую напыщенность, говоря, что на Парнасѣ

..... отъ сѣвера бываетъ часто стужа,
И у Кастальскихъ водъ
Нерѣдко замерзалъ народъ.

Царевна чувствовала ужасную скуку, читая тяжеловѣсные стихи; по ея приказу, амуры должны были снова перевести «исправнымъ слогомъ» неудобопонятные переводы «извѣстнѣйшихъ творцовъ». Напротивъ, Душенька сложена «въ простотѣ и вольности». Легкій разсказъ, свободный тонъ пріятно поражали читателей, запуганныхъ надутымъ слогомъ эпиковъ и одописцевъ. Шутливому тону отвѣчало самое стихосложеніе. Вмѣсто александрійскаго стиха, усвоеннаго поэмой и драмой, и четырехстопнаго ямба, ставшаго обычнымъ размѣромъ одъ, Богдановичъ употребилъ вольный стихъ, разнообразный по количеству стопъ и сочетанію риѳмъ, «не безпокоя себя формой строкъ и не строя мѣрныхъ пѣсней». Этотъ разномѣрный стихъ отличался, по тогдашнему времени, рѣдкою чистотою, пріятностью, игривостью. Къ лучшимъ мѣстамъ поэмы, въ этомъ отношеніи, принадлежатъ: комическое изображеніе Сатурна, лирическое обращеніе къ Душенькѣ («Во всѣхъ ты, Душенька, нарядахъ хороша»), рѣчь ея Змѣю-Горыничу, сошествіе въ адъ, и пр. Успѣху повѣсти сильно содѣйствовали вольныя картины, которыя пріятно ласкали фантазію и чувство читателей, совершенно приходясь по вкусу времени, направленному «къ забавѣ и любезностямъ». Отзывъ Ржевскаго въ упомянутомъ предисловіи объясняетъ успѣхъ Душеньки именно этими качествами: «непринужденная вольность стиля, чистота стиховъ, удачный выборъ приличныхъ словъ по роду сей поэмы, а паче изобиліе поэтическихъ вообраafженій (разумѣется, по тогдашнимъ понятіямъ о поэзіи), мнѣ понравились».

Первыя стихотворенія Богдановича (Ипполита Ѳедоровича), написанныя на 15-мъ году отъ роду, обратили на него вниманіе Мелиссино, директора москов. университета, и Хераскова. По совѣту послѣдняго, онъ записался въ университетъ вольнымъ слушателемъ. Съ этого времени онъ пользовался особымъ покровительствомъ творца «Россіяды», который помѣстилъ его въ своемъ домѣ и давалъ направленіе первымъ его литературнымъ трудамъ. Кн. Е. Р. Дашкова, знавшая Богдановича по стихотвореніямъ, которыя печатались въ «Полезномъ Увеселеніи» (1760—62), «Свободныхъ часахъ» (1763) и «Невинномъ упражненіи» (1763), доставила ему мѣсто переводчика въ иностранной коллегіи (1763). Чрезъ нѣсколько лѣтъ онъ былъ опредѣленъ секретаремъ посольства при саксонскомъ дворѣ и отправился съ министромъ, кн. Бѣлосельскимъ, въ Дрезденъ. Знаменитая картинная галерея этого города, безъ сомнѣнія, не осталась безъ вліянія на нѣкоторыя сцены и картины Душеньки. По возвращеніи въ отечество (1768), Богдановичъ, не оставляя службы, посвятилъ себя литературѣ.

Вышедъ въ отставку (1795), уѣхалъ къ роднымъ въ харьковскую губ. Ум. въ Курскѣ. (О Богдановичѣ и его сочиненіяхъ, Карамзина, въ 10 № Вѣст. Евр. 1803 г.; Словарь Евгенія; Автобіографія, напечатанная г-мъ Геннади въ 4 № Отеч. Зап. 1853).

Сочиненія и переводы Богдановича:

Первыя его сочиненія и переводы помѣщались, какъ сказано, въ журналахъ Полезное увеселеніе (1760—62), Свободные часы (1763) и Невинное упражненіе (1763). Первые два издавались Херасковымъ; издателемъ третьяго былъ самъ Богдановичъ. Здѣсь нап. его переводъ Вольтеровой поэмы: «На разрушеніе Лиссабона».

Сугубое блаженство, поэма въ 3 пѣсняхъ (1765).

Блаженство народовъ, поэма (1765). Это есть сокращеніе «Сугубаго блаженства».

Нанина, или побѣжденное предразсужденіе, ком. Вольтера, пер. (1766).

Исторія о бывшихъ перемѣнахъ въ Римской республикѣ, аббата Верто, пер. съ фр. (1771—1775).

Сокращеніе, сдѣланное Ж. Ж. Руссо изъ проэкта о вѣчномъ мірѣ, сочиненнаго аббатомъ де Сенъ—Пьеромъ, пер. съ фр. (1771).

Лира, или собраніе разныхъ въ стихахъ сочиненій и переводовъ нѣкотораго музъ любителя (1773). Все, здѣсь напечатанное, перешло потомъ въ собраніе сочиненій Богдановича. Пѣсня: «Пятнадцать мнѣ минуло лѣтъ», пользовалась большою славою.

Душенька (1775). Этотъ годъ показанъ Карамзинымъ въ указанной статьѣ о Богдановичѣ. Митр. Евгеній говоритъ, что 1-я книга поэмы издана гр. Михаиломъ Ѳедотовичемъ Каменскимъ 1778 г. Первое полное изданіе Душеньки (1783) принадлежитъ давнишнему пріятелю Богдановича, Алексѣю Андреевичу Ржевскому; второе, исправленное—1794; третье—1799; четвертое—въ Собраніи сочиненій Богдановича (1809—1810); пятое отнесено Сопиковымъ къ 1811 г. (оно сгорѣло въ Москвѣ, при нашествіи французовъ). Кромѣ того митр. Евгеній указываетъ изданіе 1803 г., принадлежащее гр. А. И. Мусину-Пушкину.

Историческое изображеніе Россіи, ч. 1 (1777). Два письма къ Миллеру (на фр. яз.), по поводу этого сочиненія, въ Москв., 1854, № 1.

Нѣсколько стихотвореній въ «Собесѣдникѣ» (1783—84); здѣсь же прозаическая статья «о древнемъ и новомъ стихотвореніи».

Русскія пословицы, собранныя и переложенныя въ стихи, 3 ч. (1785).

Радость Душеньки, драм. піеса въ 1 д. (1786).

Не всякаго дѣло судить и рядить, драм. пословица (соч. 1787).

Сердцемъ дѣлу не поможешь, тоже (соч. 1787).

Свои не чужіе, тоже (соч. 1787).

Славяне, драма въ 3 д. (1788).

Пѣснь Александру I на вступленіе его на престолъ (1801).

Добромыслъ, стихотворная повѣсть (нап. въ 2 ч. Сочиненій и переводовъ Рос. Академіи, 1806 г.), сочинена, по словамъ Евгенія, также Богдановичемъ.

Въ Смирд. Росписи, подъ № 8082, значится: «Берегъ, отрывокъ, найденный въ бумагахъ покойнаго сочинителя Д.....ки (Богдановича). 1812».

Собраніе сочиненій и переводовъ Богдановича въ 1-й разъ издано Платономъ Бекетовымъ, въ 6 ч. (1809—1810); второе изд., въ 4 ч., 1818—1820; третье, Смирдина, въ Пол. собр. соч. рус. авт., 2 ч., 1848 г. Лучшее изъ нихъ—первое.

См. мою ст. о сочиненіяхъ Богдановича въ 4 № От. Зап. 1849 г.

§ 221. Къ царствованію Екатерины II относятся русскіе переводы многихъ поэмъ древняго и новаго міра. Качество переводовъ соотвѣтствовало понятію объ искуствѣ вообще. Если не было вѣрнаго взгляда на сущность поэзіи, на ея положительныя отличія отъ прозы и отъ стихотворства, на органическое сочетаніе идеи и формы въ ея твореніяхъ: то какимъ образомъ переводчикъ могъ ясно представлять свою задачу, состоящую въ томъ, чтобы на родномъ языкѣ воспроизвести чужой подлинникъ во всей его художественной красотѣ и цѣльности? Онъ легче понималъ свое дѣло и потому отважнѣе за него брался. Ему хотѣлось знакомить соотечественниковъ съ сюжетомъ, баснею поэмы, чтобы они читали ее какъ пріятную, а иногда и наставительную сказку. Въ предисловіи къ «Освобожденному Іерусалиму» (1772), переводчикъ, Михайло Поповъ, говоритъ: «намѣреніе

мое было услужить тѣмъ изъ Россіянъ, которые, не разумѣя иностранныхъ языковъ, питаютъ въ себѣ благородную склонность ко чтенію изрядныхъ книгъ, а наче тѣмъ добродушнымъ людямъ, кои желаютъ лучше видѣть на своемъ языкѣ творенія знаменитыхъ писателей хотя не въ самомъ ихъ совершенствѣ, нежели совсѣмъ оныхъ не имѣть». Этимъ намѣреніемъ опредѣлялись и другія особенности переводовъ. Для того, чтобъ удержать въ переводѣ только сюжетъ эпическаго творенія, русскій писатель не имѣлъ надобности знать тотъ языкъ, на которомъ оно явилось. Онъ рѣдко обращался къ подлиннику, а большею частію къ французскому его переложенію. Никто не находилъ страннымъ, что Гомеръ переводится не съ греческаго, Аріостъ и Тассъ не съ италіянскаго, Мильтонъ не съ англійскаго, Камоэнсъ не съ португальскаго. Обыкновеннымъ также дѣломъ было перелагать стихи прозой. Въ стихѣ видѣли сладкую приправу или украшеніе въ родѣ позолоты, а не такую внѣшнюю форму, которая необходимо обусловлена внутреннимъ значеніемъ поэмъ, ихъ видомъ, характеромъ и тономъ. «Не подумаетъ ли кто, что здѣсь стиховъ не будетъ?» спрашивали издатели Зрителя (1792), во введеніи къ своему журналу. «Боже сохрани! безъ стиховъ ежемѣсячникъ, какъ пища безъ питья, или какъ чай безъ сахару». Мало того: критика не только не возбраняла передѣлокъ подлинника по требованіямъ современнаго вкуса или въ духѣ той народности, къ которой принадлежалъ переводчикъ, но даже почитала ихъ существеннымъ улучшеніемъ. Краткое изложеніе такой теоріи переводовъ дано Яковомъ Булгаковымъ въ предисловіи къ Влюбленному Роланду, Боярдо, переложенному (1777) съ французской Лесажевой передѣлки: «Лесажъ исправилъ въ ней (поэмѣ) всѣ несообразности, противныя здравому разсудку, даже и въ самыхъ басняхъ, а особливо тѣ, кои касаются географіи... И такъ Роландъ французскій предпочесться можетъ нѣкоторымъ образомъ, если только исключить изъ него стихотвореніе, и самому подлиннику; и для сей причины перевелъ я его съ французскаго языка, не видя ни малой въ томъ потери, что переведенъ онъ не съ италіянскаго». Здѣсь, какъ очевидно всякому, и оправданіе своевольнаго обращенія съ оригиналомъ, и легкій взглядъ на стихотворную форму, которую позволено «исключать», замѣняя ее прозой, и пренебреженіе къ языку подлинника, который будто бы ничего не проигрываетъ, переходя въ другую литературу не изъ первыхъ, а изъ вторыхъ рукъ.

Не смотря на все сказанное, переводы поэтическихъ произведеній принесли значительную пользу нашей публикѣ. Они указывали ей богатство иностранныхъ литературъ, не одной французской, давали возможность читать «изрядныя» книги, знакомили съ содержаніемъ и слогомъ подлинниковъ, хотя и не воспроизводили ихъ художественныхъ достоинствъ. Тѣ добродушные люди, о которыхъ говоритъ предисловіе къ «Освобожденному Іерусалиму», были совершенно правы, желая лучше видѣть несовершенные переводы знаменитыхъ писателей, нежели не имѣть никакихъ. Занятіе переводами не оставалось безплоднымъ и для самихъ переводчиковъ: они должны были стараться, по крайней мѣрѣ, о вѣрномъ и ясномъ выраженіи авторскихъ мыслей; другая, высшая забота состояла въ наблюденіи за слогомъ, какого требовали «вещество и положенія» поэмы. Недостатокъ русскихъ реченій, равносильныхъ реченіямъ подлинника, обязывалъ нашихъ писателей или изобрѣтать новыя слова, или отыскивать ихъ въ прежнихъ книгахъ и въ церковно-славянскомъ языкѣ. Изъ реестра такихъ словъ, приложеннаго Попо-

вымъ къ предисловію, видимъ, что многія были выбраны удачно; другія же не могли быть удержаны (напр. concert—совоспѣваніе, littérature—письмоводство, volontaire—самовольникъ). Что касается до ложнаго взгляда на переводы поэтическихъ твореній, то русская литература всего менѣе въ немъ виновата: не она изобрѣла его; она только усвоила его отъ англичанъ и французовъ. Извѣстно, какимъ образомъ Попъ, мадамъ Дасье и Битобе поступали съ Иліадой и Одиссеей. На сторонѣ этихъ переводчиковъ были всѣ преимущества, нужныя для того дѣла, за которое они взялись: ученая подготовка, литературный талантъ, обработанная техника, зрѣлость языка. И, конечно, ихъ трудъ далеко оставляетъ за собою подобные труды первыхъ нашихъ прелагателей Гомера. А между тѣмъ Попъ «облагородилъ» греческаго пѣвца во вкусѣ своего времени, стараясь, какъ онъ самъ говоритъ, соединить Гомерово величіе съ Овидіевой нѣжностью. По отзыву Шлоссера, Гомеръ въ переводѣ Попа вышелъ джентльменомъ, одѣтымъ по новой французской модѣ. Это не помѣшало англійскимъ критикамъ признать переводъ Иліады (1715—1720) образцомъ правильности и чистоты, изящества, гибкости, разнообразія въ стилѣ, образахъ и гармоніи. Другой англійскій писатель, Драйденъ, въ предисловіяхъ къ переводу Виргилія и Ювенала, говоритъ, что онъ заставлялъ древнихъ поэтовъ выражаться такою рѣчью, какою бы они выражались, будучи англичанами. Мадамъ Дасье сравниваетъ Иліаду съ греческой Еленой, а свой переводъ (1699) съ муміей Елены. Принявъ къ свѣдѣнію преувеличенную скромность почтенной эллинистки, критика тѣмъ не менѣе видитъ въ ея трудѣ мертвенную копію оригинала. Другой французскій переводъ Иліады и Одиссеи (1785—87), Битобе, вялъ, водянистъ, прозаиченъ не потому только, что явился въ прозѣ, но потому что служитъ слабымъ отблескомъ античной поэзіи. Послѣ этого русская критика можетъ быть снисходительна къ Кострову (†1796), переводчику восьми съ половиной пѣсенъ Иліады (1787), не ставя ему въ упрекъ ни того, что онъ греческихъ и троянскихъ героевъ одѣлъ царственнымъ величіемъ новаго покроя, ни того, что наивность Гомерова разсказа замѣнена у него реторическимъ языкомъ, въ которомъ русскій элементъ смѣшанъ съ отборными словами и оборотами церковно-славянскаго. Трудъ Кострова былъ для своего времени явленіемъ замѣчательнымъ и удовлетворялъ грамотниковъ, не только простыхъ, но и ученыхъ, которые не доросли еще, ни до пониманія духа античной поэзіи, ни до уваженія къ формамъ подлинника, какъ внутренней, т. е. художественныхъ образовъ, такъ и внѣшней, т. е. выраженія образовъ въ словѣ. Костровъ переводилъ Иліаду не гекзаметромъ, а шестистопными ямбами. Эпическій метръ древнихъ, «привязанный къ позорному столбу Тредьяковскимъ», по словамъ позднѣйшаго переводчика Иліады, пугалъ нашихъ стихотворцевъ не одною своею трудностью, но и памятью о Тилемахидѣ. Вопросъ о томъ, свойственъ ли онъ нашей просодіи, не былъ еще поднятъ. Напротивъ, александрійскій стихъ, давно у насъ водворенный, представлялъ гораздо меньше затрудненій и сдѣлался обычнымъ въ трагедіи и комедіи, сатирѣ, посланіи, поэмѣ. Костровъ владѣлъ имъ съ достаточною ловкостью. Его стихъ, по своимъ принадлежностямъ, относится къ Ломоносовской школѣ. Существенныя черты его: «красное» строеніе и плавный ходъ. Въ немъ нѣтъ ни поэтическаго цвѣта, ни силы и точности, которыя находимъ у Ломоносова, но есть своего рода искуственное, условное изящество, которое въ ту эпоху не отличали отъ истинной красоты. Кромѣ перевода Ко-

строва, есть другіе переводы Иліады и Одиссеи, въ прозѣ: первый принадлежитъ Екимову (1776—1778), второй Соколову (1788). Послѣдній переводилъ не съ греческаго, какъ сказано въ заглавіи, а съ латинскаго.

Другой переводъ Кострова—«Оссіанъ, сынъ Фингаловъ, бардъ третьяго вѣка: гальскія (эрскія, или ирландскія) стихотворенія» (1792). Такъ называемыя пѣсни или поэмы Оссіана, Фингалова сына, суть не что иное, какъ сочиненія англичанина Макферсона, который написалъ ихъ въ духѣ ирландскихъ народныхъ сагъ и пѣсенъ и выдалъ за открытые имъ памятники поэзіи древнихъ бардовъ. Русскій переводъ этихъ подложныхъ пѣсенъ сдѣланъ съ французскаго Летурнерова перевода. Летурнеру же принадлежитъ «предувѣдомленіе», содержащее въ себѣ подробности о происхожденіи, образѣ правленія, правахъ, обычаяхъ и поэзіи каледонянъ. Здѣсь находится замѣчательная выходка противъ исключительнаго, національнаго взгляда французовъ на поэзію. Не соглашаясь съ Макферсоновымъ мнѣніемъ, что «и Оссіанъ и Гомеръ равно послѣдовали общимъ правиламъ и этимъ послѣдованіемъ доказали справедливость и точность правилъ эпической поэмы», Летурнеръ прибавляетъ: «нынѣ вмѣняется почти въ непростительное преступленіе удивляться сочиненіямъ иностраннаго стихотворца; чтобъ не подвергнуться проклятію или изгнанію изъ общества ученыхъ, должно въ наукахъ слѣдовать вкусу народа и времени; правила, хотя весьма благоразумныя и справедливыя, но не заключающія въ себѣ всѣхъ предѣловъ науки, почтены отъ всѣхъ какъ бы священными догматами, безъ которыхъ нѣтъ ни заслуги, ни спасенія». Понятно, какія это правила: это—«Посланіе къ Пизонамъ», Горація, и «Поэтическое искуство», Буало. Летурнеръ, посредствомъ знакомства съ иностранными литературами освободившійся отъ ложно-классическихъ воззрѣній, ясно видѣлъ, что они не обнимаютъ всѣхъ предѣловъ науки, т. е. теоріи поэзіи; что на ихъ Прокрустовомъ ложѣ не укладываются ни Оссіанъ, ни Шекспиръ. Неизвѣстно, такъ ли думалъ Костровъ; но если Летурнеръ заслуживаетъ благодарность французовъ своими переводами важнѣйшихъ англійскихъ писателей, то и Костровъ сдѣлалъ полезное дѣло, познакомивъ нашихъ читателей съ Оссіаномъ и такимъ образомъ открывъ имъ иной родъ поэзіи, не похожій ни на Гомеровъ эпосъ, ни на искуственныя поэмы новаго времени. Мы увидимъ, что стихотворцы наши нерѣдко пользовались Оссіаномъ, подражая его картинамъ и вдохновляясь его лиризмомъ. О поэмѣ «Эльвирь», переведенной Костровымъ изъ Арно (Baculard d'Arnaud), мы упоминали при разборѣ комедій Княжнина (§ 214). Тамъ было замѣчено, что этотъ переводъ относится къ числу тѣхъ произведеній, которыми полагалось основаніе сентиментализму въ нашей литературѣ. Прибавимъ, что многія мѣста подлинника переданы очень хорошими стихами.

Василій Петровъ (1736—1799) перевелъ съ латинскаго стихами Энеиду: въ 1770 г. была напечатана только первая пѣснь, снабженная объяснительными примѣчаніями; въ 1781—86 г. вышли всѣ 12 пѣсенъ, но безъ примѣчаній. Другой стихотворный переводъ трехъ пѣсенъ той же поэмы принадлежитъ Санковскому: первая пѣснь издана въ 1769 г.; второе, исправленное изданіе (1775) содержитъ въ себѣ три пѣсни. «Скучась риомами въ Виргиліи», Петровъ «отдыхалъ прозой въ Мильтонѣ», т. е. перевелъ три пѣсни «Потеряннаго рая» (1777). Поэмамъ Мильтона посчастливилось въ литературѣ Екатеринина вѣка: «Потерянный рай» имѣлъ еще два другіе перевода въ прозѣ, съ французскаго и ан-

глійскаго языковъ: надъ первымъ (1780) трудился московской академіи префектъ Амвросій, бывшій потомъ екатеринославскимъ архіепископомъ; надъ вторымъ (1795) Θ. Загорскій. Въ «предувѣдомленіи» къ своему труду, Амвросій показалъ «излишества и погрѣшности» поэмы относительно ученія православной церкви. «Возвращенный рай» переведенъ съ французскаго же языка въ прозѣ Грѣшищевымъ, учителемъ риторики и піитики въ троицкой семинаріи (1778). Какъ бы желая состязаться съ англійскимъ поэтомъ, Владыкинъ сочинилъ богословско-поучительное стихотвореніе въ 17 пѣсняхъ, подъ названіемъ: «Потерянный и пріобрѣтенный рай» (1776). Есть также два перевода Генріады: одинъ, Княжнина, бѣлыми стихами (1777); другой, неизвѣстнаго, риѳмованными (1790). Выше было сказано о «Влюбленномъ Роландѣ», Боярдо; «Неистовый Роландъ», Аріоста, переложенъ прозою съ французскаго Молчановымъ (1791—93). Замѣчательный своимъ образованіемъ и судьбою, Кутузовъ (см. ниже), переложилъ Мессіаду съ нѣмецкаго подлинника хорошею прозою (1-ое изд., въ 2 ч., 1785—87; 2-ое, въ 4 ч., 1820—1821). «Сочинителю русскихъ сказокъ», какъ называлъ себя Чулковъ, мы одолжены прозаическимъ переложеніемъ поэмы Виланда: «Оберонъ, царь волшебниковъ» (1787), а Александру Дмитріеву такимъ же переложеніемъ «Лузіады» (1788), съ французскаго Флоріанова перевода. Въ заключеніи упомянемъ объ «Іосифѣ», поэмѣ Битобе, переведенной Фонъ-Визинымъ (§ 210): шесть изданій этого перевода показываютъ, какъ много находилъ онъ читателей. О другихъ поэмахъ, увеличившихъ массу нашей переводной литературы, нѣтъ надобности говорить: мы останавливались только на важнѣйшихъ, извѣстныхъ или по своему поэтическому достоинству, или по именамъ ихъ русскихъ переводчиковъ.

§ 222. Отъ героической поэмы переходимъ къ ея пародіямъ, или къ эпосу комическому. Онъ можетъ быть двоякаго рода: или маловажный предметъ воспѣвается тономъ какого-либо важнаго эпическаго произведенія; или послѣднее представляется въ противоположномъ, т. е. смѣшномъ видѣ, «выворачивается на изнанку». Мы имѣемъ образцы того и другаго. У насъ есть «Энеида, вывороченная на изнанку» Осиповымъ и Котельницкимъ (1791—1808); таже поэма, «перелицованная» на малорусскій языкъ Котляревскимъ (1769); «Овидіевы любовныя творенія», переработанныя въ шутливомъ вкусѣ Осиповымъ (1803); «Похищеніе Прозерпины», Котельницкаго (1795); поэмы Майкова: «Игрокъ ломбера» (1763) и «Елисей, или раздраженный Вакхъ» (1769), и поэма Чулкова: «Плачевное паденіе стихотворцевъ» (1769). Выше замѣчено, что и Душенька можетъ быть причислена къ пародіямъ. Эпосъ-пародія, или такъ называемая ирои-комическая поэма (ироическая по тону и внѣшней формѣ, комическая по содержанію), тогда только становится достойнымъ памятникомъ поэзіи, когда движется въ средѣ глубокой сатиры или свободнаго юмора; иначе она служитъ простою забавой, какъ смѣхотворная повѣсть, которая своею цѣлью не выкупаетъ посягательства на красоту художественнаго созданія. Но и въ послѣднемъ случаѣ комическій эпосъ можетъ имѣть значеніе, если онъ осмѣиваетъ господство ложнаго литературнаго вкуса, или даетъ таланту, надъ которымъ тяготѣетъ враждебное ему вліяніе, способъ вырваться на просторъ и заявить свою оригинальность, или, наконецъ, героевъ и событія чуждаго міра замѣщаетъ дѣлами и лицами, хотя и мелкаго разбора, но домашними, интересными для насъ, какъ наша собственность. Сочиненія Майкова (†1778) доказываютъ, какъ много выигрываетъ дарованіе,

отрѣшаясь отъ предвзятой теоріи и сознавая свойственную ему дѣятельность. Въ одѣ «на вкусъ», онъ восхваляетъ Сумарокова, какъ высшій образецъ его, и хочетъ летѣть за нимъ во-слѣдъ; а между тѣмъ своею извѣстностью одолженъ стихотвореніямъ, которыя написаны вовсе не въ Сумароковскомъ вкусѣ и заслужили ему упреки въ безвкусіи. Не зная ни одного иностраннаго языка, онъ переложилъ «съ россійской прозы въ стихи» Вольтерову Мерону и, вѣроятно, подобнымъ же образомъ «перевелъ» стихами «Овидіевы превращенія» и «Военную науку» Фридриха II; сочинилъ, въ ложно классическомъ вкусѣ, трагедіи: «Агріопу» и «Ѳемисту и Іеронима»; писалъ оды, басни и другія стихотворенія. Но изъ всего, имъ написаннаго, исторія словесности отличаетъ только его комическія поэмы, въ которыхъ онъ обнаружилъ остроуміе, искреннюю веселость, наблюдательность. По своей оригинальности онѣ стоятъ въ сторонѣ отъ обычной манеры современныхъ пѣснопѣвцевъ, умѣвшихъ «хитро ломать естество», какъ выразился Майковъ. «Игрокъ Ломбера» есть шутливый разсказъ сновидѣнія, представившаго всѣ перипетіи карточной игры. Сюжетъ «Раздраженнаго Вакха» состоитъ въ томъ, что Вакхъ, въ гнѣвѣ на откупщиковъ за дороговизну вина, выбираетъ ямщика Елисея орудіемъ своего мщенія. Мститель, дѣйствительно, причиняетъ много бѣдъ одному откупщику, но потомъ, по суду Зевса, отдается въ солдаты. Въ этой поэмѣ выступаетъ на сцену русское простонародье; Валдайцы и Зимогорцы, по примѣру Троянъ и Грековъ, образуютъ два воинства и дерутся за сѣнокосъ, какъ будто за Трою или за тѣло Патрокла. Эпическое представленіе предметовъ вовсе не эпическихъ и есть именно то, что̀ нравилось публикѣ; въ забавной пародіи она видѣла проявленіе своеобразнаго таланта, забывшаго хотя на время ферулу французской піитики. Замѣчательно, что произведенія своеобразной музы Майкова осмѣивалъ тотъ писатель, который, по характеру своего дарованія и литературныхъ трудовъ, долженъ бы былъ, напротивъ, ему сочувствовать. «Плачевное паденіе стихотворцевъ», Чулкова (†1793), издателя сатирическихъ журналовъ: «И то и се» и «Парнасскій щепетильникъ», изображая русскій Парнассъ, дѣлаетъ видимые намеки на двухъ его служителей: Ѳедора Эмина (см. ниже) и Майкова. Поэма задѣваетъ стихотворное переложеніе Овидія и пародируетъ «Елисея». Авторъ ея, по странному ослѣпленію, не узнавалъ своихъ; любя описывать простонародный бытъ, онъ нападалъ на Майкова, взявшаго предметъ для комическаго эпоса изъ того же быта.

Въ примѣръ пародіи на героическій эпосъ, представляемъ описаніе бури, воздвигнутой Эоломъ (Энеида Осипова и Котельницкаго):

Вздурились вѣтры, засвистѣли,
Взвились, вскрутились, полетѣли,
Настала сильная гроза:
Иной пыхтѣлъ, надувши губы,
Другой шипѣлъ, оскаля зубы,
Иной дулъ, выпуча глаза.

Горшокъ у бабы какъ со щами
Бурлитъ въ растопленной печи:
Такъ точно сильными волнами
Кипѣло море въ той ночи.
Со всѣхъ сторонъ вздымалась буря,
Все море сдѣлалось какъ тюря,
Не видно свѣта, ни слѣда,

Ревѣла волкомъ вся пучина,
Настала въ морѣ чертовщина,
Бросало порознь всѣ суда....

Еней какъ будто въ лихорадкѣ,
Зубами хлопая, дрожалъ;
Или въ падучемъ какъ припадкѣ
Кривлялся, корчился, зѣвалъ;
Взирая съ судна на пучину,
Бурлацки клялъ свою судьбину
И бабьимъ голосомъ ревѣлъ:
«Ахъ, еслибъ въ Троѣ я остался,
То такъ теперь бы не скитался,
И столько бъ горя не терпѣлъ!....

Изъ переводовъ иностранныхъ піитическихъ поэмъ упомянемъ о «Ватрахоміомахіи», приписываемой Гомеру (1772), «Похищенномъ локонѣ» (пер. 1748, нап. 1761), признаваемомъ за лучшее произведеніе Попа, и «Котѣ во адѣ» (1791), Захаріи, который подражалъ Попу, въ ту эпоху нѣмецкой литературы, когда она впервые подчинилась вліянію англійской. Переводчикомъ первой поэмы былъ Рубанъ († 1795), издатель журналовъ «Ни то, ни се», «Трудолюбиваго Муравья» и «Старины и новизны», и многихъ полезныхъ книгъ, рѣшительно не имѣвшій поэтическаго дарованія, но случайно обмолвившійся очень удачною стихотворною надписью къ памятнику Петра Великаго, которая красуется почти во всѣхъ сборникахъ образцовыхъ произведеній русской словесности; вторая переложена съ французскаго языка; третья есть вольное подражаніе Өедора Туманскаго († 1805), трудолюбиваго собирателя матеріаловъ по русской исторіи.

Майковъ (Василій Ивановичъ)—сынъ того ярославскаго помѣщика Майкова, имя котораго сохранилось въ исторіи Ө. Г. Волкова (§ 198). Онъ не получилъ почти никакого образованія, не зналъ ни одного иностраннаго языка, и «тѣмъ паче достоинъ похвалы», по замѣчанію «Опыта историческаго словаря о русскихъ писателяхъ» (Новикова), «что ничего не заимствовалъ». Въ «Плачевномъ паденіи стихотворцевъ», Чулковъ, намекая на странный фактъ авторства Майкова—переложеніе Овидія, заставляетъ переводчика говорить:

Латинскій мнѣ языкъ и русскій неизвѣстенъ,
Другихъ не знаю я, а прочихъ не училъ.

Стихотворенія Майкова разсѣяны по разнымъ журналамъ. Одна его ода (Ищущимъ мудрости), помѣщенная въ «Утреннемъ свѣтѣ» (1777—80), указываетъ человѣку два пути къ истинѣ—естествознаніе и самопознаніе:

Кто хочетъ смертный мя познати,
Тотъ долженъ въ естествѣ искати
Меня, или въ себѣ самомъ.

Другая ода (Время), въ «Покоящемся Трудолюбцѣ», напоминаетъ нѣкоторыми стихами элегію Державина: «На смерть кн. Мещерскаго». Переходъ автора отъ фривольной поэзіи къ серьезной, отъ скарронизма къ піетизму, и на оборотъ, или даже одновременное служеніе тому и другому—не рѣдкость въ нашей литературѣ XVIII в. Сочиненія Майкова изд. въ 1809 г. Ему принадлежитъ также «Модное ежемѣсячное изданіе, или библіотека для дамскаго туалета, на 1779 г.».

§ 223. Нѣмецкая эстетика окончательно порѣшила вопросъ о такъ называемой дидактической поэмѣ. Лессингъ, Гете и Вильгельмъ Гумбольдтъ, исходя изъ понятія о поэзіи, выяснили ея внутреннее противорѣчіе поучительному роду стихотвореній; различили въ исторіи послѣднихъ двѣ эпохи: эпоху естественнаго ихъ зарожденія и развитія, и эпоху искуственнаго состоянія; наконецъ показали, что изъ элементовъ этого рода можетъ быть удержано и теперь, какъ законная принадлежность художественнаго творчества.

Поэзія, конечно, поучаетъ, но не такимъ образомъ, какъ наука. Поэзія есть идеальное воспроизведеніе жизни, слѣд. она даетъ человѣку такіе же настави-

тельные уроки, какіе даетъ жизнь. Если же поэтъ вздумаетъ раскрывать сущность явленій не въ художественныхъ образахъ, а посредствомъ догматическаго метода, путемъ науки, которая разнообразіе частныхъ явленій подводитъ подъ общіе законы, тогда уроки его будутъ уроками ученаго трактата или учебнаго руководства, и его псевдо-поэтическое твореніе обратится въ извѣстный отдѣлъ извѣстнаго знанія. Одно изъ двухъ: дидактическая поэзія или поучаетъ, какъ наука, и въ такомъ случаѣ она перестаетъ быть поэзіей, или поучаетъ, какъ поэзія, и въ такомъ случаѣ не составляетъ особаго поэтическаго рода. Лирика, эпосъ и драма различаются по формѣ. Три разные способа поэтическаго представленія производятъ три разные рода. У дидактической поэзіи нѣтъ особой формы; она можетъ отличаться отъ другихъ родовъ только содержаніемъ. Но это содержаніе, какъ сказано выше, или переводитъ поэзію въ науку, слѣдов. уничтожаетъ сущность поэзіи, или есть принадлежности каждаго изъ трехъ поэтическихъ родовъ, слѣд. не можетъ служить основой для составленія особеннаго рода. Элементы дидактической поэмы находятъ себѣ мѣсто въ любомъ поэтическомъ произведеніи. Такъ, напримѣръ, «описаніе» встрѣчается и въ эпосѣ, и въ драмѣ, и въ лирикѣ: нѣтъ надобности творить особый, «описательный» отдѣлъ поэзіи. Равно нѣтъ надобности создавать особый поэтическій отдѣлъ для изложенія понятій о какой-либо области предметовъ, которое уже есть сама наука. Воображеніе и чувство, возбужденныя истиной, знаніемъ, выражаются и въ разговорѣ дѣйствующихъ лицъ, и въ разсказѣ повѣствователя, и въ изліяніи субъективной настроенности автора. Особое цѣлое, составленное изъ неособенныхъ частей, есть нѣчто ложное и незаконное. Поэтому дидактическія стихотворенія занимали серединное мѣсто между поэзіей и риторикой: поэзіей—по отдѣльнымъ поэтическимъ частностямъ; реторикой—по всему остальному, гдѣ стихотворецъ пытался соединить двѣ несоединяемыя сущности—отвлеченность и конкретность. Такое соединеніе было законно въ дѣтскомъ возрастѣ человѣчества, когда поэзія, исторія, философія, естествознаніе составляли одно и тоже, и когда самыя способности человѣка пребывали еще въ безразличномъ единствѣ. Тогда могли явиться и дѣйствительно явились естественныя дидактическія поэмы, имѣвшія значеніе энциклопедіи, важной и наставительной для народа въ періодъ его начальной образованности. Но когда знаніе распалось на спеціальныя сферы, когда отрывочныя свѣдѣнія сложились въ системы, тогда наука, опредѣленная и положительная, всюду изучаемая, стала достояніемъ прозы. И дидактическая поэзія, отживъ свое прежнее, естественное значеніе, оказалась невозможностью, какъ невозможенъ теперь естественный эпосъ, лишенный своего корня, т. е. чудеснаго. Но если названіе описательной поэзіи, прилагаемое къ сочиненіямъ, въ которыхъ изображается природа, получило дурной смыслъ, то причина тому—злоупотребленіе описаній, желаніе образовать изъ нихъ особый поэтическій родъ. Не должно смѣшивать съ нею «поэзіи природы», т. е. одушевленнаго описанія ея силъ, явленій и мѣстностей, которое служитъ одною изъ формъ отраженія внѣшняго міра въ нашемъ умѣ и чувствѣ. Это—истинно описательный родъ. Онъ черпаетъ свою поэзію въ сочувственномъ отношеніи человѣка къ природѣ. Картины ея величія, красоты и разнообразія, искренняя передача впечатлѣній, ими производимыхъ, всегда будутъ дѣйствовать на читателя, если только авторъ, подобно Гете, «дышитъ одною съ ней жизнью».

Французскій классицизмъ иначе смотрѣлъ на этотъ предметъ. Дидактическія

поэмы разныхъ видовъ: догматическаго, нравоучительнаго и описательнаго, были крупнымъ явленіемъ, о которомъ говорится въ исторіи словесности каждаго народа. Науки, искуства, ремесла—все тогда служило предметомъ стихотворныхъ описаній или сужденій, въ которыхъ разсудочность господствуетъ надъ свободою творчества. Усвоивая содержаніе и формы ново-европейской литературы, писатели наши познакомились и съ дидактической поэзіей. Намъ уже извѣстно, что первыми ея опытами, въ новой русской словесности, были посланія Ломоносова и Поповскаго къ Шувалову: «о пользѣ стекла» и «о воспитаніи юношества» (§§ 190 и 197); извѣстно также, что этимъ опытамъ предшествовали, въ XVII и XVIII в., стихотворныя трактаціи о богословскихъ и другихъ ученыхъ матеріяхъ. Сочиненія Іоанна Максимовича (§ 145), «Умозрительство духовное», діакона Петра Буслаева (1734), предисловіе къ Ариѳметикѣ Магницкаго (1703), разсуждающее о превосходствѣ человѣка надъ животными, о пользѣ наукъ вообще и ариѳметики въ частности—тѣже дидактическія поэмы, написанныя виршами. Тредьяковскій перевелъ эпистолу Горація къ Пизонамъ и L'art poëtique Буало: первую прозой, вторую стихами. Подражая законодателю вкуса, Сумароковъ сочинилъ эпистолу о стихотворствѣ (1748). Эти три руководства къ поэзіи внушили Хераскову стихотвореніе: «Поэтъ», равно какъ въ поэмѣ «Вселенная», раздѣленной на три части: «міръ духовный», «хаосъ» и «міръ солнечный», онъ «робко шествовалъ» за Мильтономъ и Клопштокомъ. Замѣчательно, что при томъ взглядѣ на поэзію, который подчиняетъ творческое стремленіе расчетамъ холоднаго разума, и Сумароковъ и Херасковъ ставятъ вдохновеніе непремѣннымъ условіемъ поэтическихъ успѣховъ. Сумароковъ говоритъ о наитіи Аполлона:

> Напрасно на Парнассъ слагатель смѣлый всходитъ,
> Коль Аполлонъ его на верхъ горы не взводитъ;

Херасковъ тою же мыслію заканчиваетъ свои наставленія стихотворцу:

> Когда же Музами ты есть не вдохновенъ,
> Колико ни трудись, твой будетъ трудъ забвенъ.

Третья дидактическая поэма Хераскова: «Плоды наукъ» (1761), изображаетъ, въ трехъ пѣсняхъ, дикость и невѣжество первобытныхъ временъ, постепенное распространеніе просвѣщенія и пользу разныхъ наукъ. Разсматривая содержаніе поэмы Богдановича: «Сугубое блаженство» (1765), находимъ въ ней сходство съ «Плодами наукъ». Она также состоитъ изъ трехъ пѣсенъ: въ первой начертана картина первобытной жизни человѣчества; вторая представляетъ, на ряду съ успѣхами гражданской жизни, злоупотребленіе страстей, появленіе пороковъ; третья описываетъ «сугубое» блаженство народовъ, подъ которымъ разумѣются огражденные законами благородные инстинкты человѣческой природы, дѣйствовавшіе безсознательно въ блаженный, золотой вѣкъ. Эта оригинальная поэма Богдановича прошла почти незамѣченною; напротивъ, переводъ (1763) Вольтеровой поэмы: «На разрушеніе Лиссабона», доставилъ ему извѣстность. Онъ явился черезъ семь лѣтъ послѣ событія, на которое мыслящіе люди смотрѣли съ разныхъ точекъ зрѣнія и которое дало поводъ Криновскому произнести одну изъ лучшихъ его проповѣдей (§ 204). Для соперничества съ Вольтеромъ, переводчикъ не имѣлъ средствъ ни въ образованіи, ни въ стихотворномъ искуствѣ. Онъ недостаточно вникнулъ въ основную мысль поэмы, а потому энергическое отри-

ваніе оптимизма, какъ протестъ чувства жизни противъ философской системы, вышло у него слабымъ сравнительно съ подлинникомъ. Впрочемъ иныя мѣста переданы хорошими стихами, которые даже заучивались наизусть любителями философскихъ мыслей, заключенныхъ въ поэтическую форму. Другія Вольтеровы поэмы: «Естественный законъ» (La loi naturelle) и «Разсужденіе о человѣкѣ» (Discours sur l'homme), явились у насъ въ позднѣйшихъ переводахъ (первая 1786, вторая 1788), хотя онѣ сочинены прежде поэмы «На разрушеніе Лиссабона». Вотъ новое доказательство того положенія, что нашему знакомству съ иностранными литературами нельзя начертать строго-опредѣленный, раціональный путь. Европейская извѣстность автора, громкій успѣхъ какого-либо его сочиненія служили компасомъ переводчику, независимо отъ внутренней послѣдовательности идей или отъ развитія поэтическихъ родовъ и видовъ. Сочиненія, относящіяся къ первому періоду философіи Вольтера, когда онъ, слѣдуя Болинброку и Попу, былъ еще оптимистомъ, переходятъ въ нашу литературу послѣ того сочиненія, въ которомъ Вольтеръ отрекся отъ оптимизма и которымъ слѣд. означается поворотъ философской мысли въ противоположную сторону. Первыя двѣ поэмы Вольтера видятъ въ жизни природы, человѣка и животныхъ красоту и гармонію міроваго устройства; поэма «На разрушеніе Лиссабона», напротивъ, отвергаетъ мнѣніе, будто нашъ міръ есть наилучшій изъ всѣхъ возможныхъ міровъ. Она ставитъ вопросъ о добрѣ и злѣ иначе, нежели Попъ, въ «Опытѣ о человѣкѣ» (§ 197), и Галлеръ въ поэмѣ «О происхожденіи зла». Мы имѣемъ два перевода послѣдней: одинъ Карамзина (1786), другой Богданова (1798). Вопросъ о происхожденіи зла сильно занималъ богослововъ и философовъ XVII—XVIII в. Они старались рѣшить его согласно или съ характеромъ теологической догматики, или съ воззрѣніями философской системы. Рѣшеніе Галлера относится къ первой категоріи. Въ примѣчаніяхъ къ переводу, Карамзинъ признаетъ справедливость основной мысли автора, что человѣку даны разумъ и воля для устройства его совершеннаго благополучія: «свободная воля причинила паденіе человѣка, свободная воля токмо можетъ и паки возстановить падшаго; она есть драгоцѣннѣйшій даръ Творца, сообщенный Имъ тварямъ избраннымъ». Въ нѣкоторыхъ журналахъ печатались отрывки изъ поэмъ: Томсона (Времена года) и его послѣдователей: Сенъ-Ламбера и Клейста. Описательное стихотвореніе Клейста «Весна» издано отдѣльно въ 1792 г. Подражая Томсону, Бобровъ (†1810) сочинилъ «Тавриду» (1798) или, по новому изданію (1804 г.), «Херсониду». Предметъ ея—изображеніе лѣтняго дня въ Херсонесѣ Таврическомъ. При многихъ недостаткахъ, она не представляетъ никакихъ почти достоинствъ. Къ недостаткамъ относятся: тяжелая, необработанная версификація, безвкусіе, неправдоподобіе, доходящее до того, что въ эпизодическую повѣсть объ Омарѣ и Селимѣ, даже въ описаніе крымскихъ пастуховъ, введена греческая миѳологія, какъ будто наслѣдіе крымской орды могло быть изображаемо въ духѣ гомеровскаго міросозерцанія. Хорошіе стихи составляютъ рѣдкость въ нѣкоторыхъ лирическихъ мѣстахъ, гдѣ стихотворецъ обращается къ природѣ и ея Творцу. Многое Бобровъ заимствовалъ у Томсона, между прочимъ описаніе зноя и бури. Чтобы не опустить самыхъ главныхъ представителей дидактическаго эпоса, мы должны указать еще на переводъ Виргиліевыхъ «Георгикъ», которымъ наша словесность одолжена трудолюбію Рубана (1777).

§ 223. Современники Сумарокова отмѣнно уважали его басни, видя въ

нихъ «сокровище россійскаго Парнасса» (§ 200). Восторженные хвалители подносили ему двойной вѣнецъ—Расина и Лафонтена. Если онъ не превзошелъ французскаго баснописца, говорили они, то, безъ сомнѣнія, сравнялся съ нимъ. Но изъ множества притчъ, переведенныхъ и сочиненныхъ Сумароковымъ, хороши именно тѣ, которыя ни по формѣ, ни по содержанію не имѣютъ ничего общаго съ баснями, и дурны большею частію тѣ, которыя относятся къ разряду басенъ. Сумароковъ былъ не баснописецъ, а сатирикъ: сатирическое направленіе и составляетъ особенность и вмѣстѣ достоинство нѣкоторыхъ его притчъ, или другихъ стихотвореній, неизвѣстно почему помѣщенныхъ между притчами. Впечатлительный авторъ съ трудомъ покорялся условіямъ посредственнаго представленія жизни. Ему не доставало самообладанія, нужнаго для того, чтобы отъ начала до конца выдержать аллегорію. Онъ нетерпѣливо отбрасывалъ покровъ ея, и уже прямо, а не иносказательно, выговаривалъ, что̀ у него было на сердцѣ. По этому въ притчахъ его много открытыхъ указаній на современные нравы, случаи, даже лица. Само собою разумѣется, что при такой откровенности нравоученіе, разоблачающее смыслъ басеннаго разсказа, становилось совершенно безполезнымъ. Съ этой точки зрѣнія, Карамзинъ почиталъ басни Сумарокова лучшимъ его твореніемъ: онѣ нравились ему «рѣзкою сатирой, сильными, безпощадно-язвительными стихами».

Не съ Сумарокова, а съ Хемницера (1744—1784) слѣдуетъ вести начало нашей искуственной басни, въ томъ значеніи и формѣ, какія ново-европейская басня приняла въ наслѣдство отъ Федра, оторванная отъ своего роднаго корня—народнаго животнаго эпоса, и обратившая главное вниманіе на дидактическій элементъ, т. е. на моральный выводъ изъ разсказа, а не на поэтическое достоинство самого разсказа. Басни Хемницера (числомъ 89) дѣлятся на переводныя и оригинальныя. Зная нѣмецкій языкъ, онъ переводилъ не Лафонтена только, но и Геллерта, который въ своихъ басняхъ былъ тѣмъ же, чѣмъ и на каѳедрѣ—профессоромъ морали. Есть извѣстіе, къ сожалѣнію невѣрное, что Хемницеръ также подражалъ Лихтверу, другому нѣмецкому баснописцу, явившемуся въ-слѣдъ за Геллертомъ. Говоримъ: «къ сожалѣнію», потому что Лихтверъ не извращалъ природы, въ угожденіе нравоучительнымъ цѣлямъ; животныя являются у него самостоятельными существами, со всею истиною индивидуальныхъ отличій, такъ что многіе его разсказы могутъ быть почтены какъ бы за отрывки изъ животнаго эпоса. Русскій переводъ нѣсколькихъ его басенъ: «Счастье и сонъ», «Странные люди», «Соловей, скворецъ и кукушка», «Дурная крестьянская дѣвка», напечатанъ въ Спб. Вѣстникѣ (1779). У Геллерта, напротивъ, нравоученіе сильно выступаетъ впередъ, занимая иногда цѣлую, даже большую половину басни; онъ словно боится проронить и одну каплю моральнаго сока, выжимаемаго изъ разсказа; въ награду за короткую повѣсть, читатель обязанъ выслушать подробное наставленіе, въ которомъ сказано все, что только можно сказать по поводу вымышленнаго дѣйствія въ царствѣ животныхъ или растеній. Хемницеръ умѣлъ избѣгать этого недостатка. Понимая, что длинная мораль рѣдко бываетъ хороша и что авторъ обязанъ предоставлять иные выводы собственной догадкѣ читателей, онъ частію опускалъ, частію сокращалъ многорѣчивыя нравоученія Геллерта. Простота изложенія, переходящая иногда въ сухость, и замысловатая, подъ часъ очень злая, наивность, при всей кажущейся безхитростности, служатъ главными

отличіями его басенъ. И онъ самъ, и друзья его сознавали эти отличія. Въ посвященіи своихъ басенъ Дьяковой (сестрѣ второй жены Державина), онъ проситъ ее извинить «простой» ихъ слогъ. Слово «простой» относится не къ одному слогу, но и къ изобрѣтенію, составу и изложенію каждой басни. Вліянію Хемницера и его пріятелей: Капниста и Н. Львова (см. ниже), былъ обязанъ Державинъ особымъ, болѣе естественнымъ и простымъ путемъ въ лирикѣ. Надпись къ портрету баснописца говоритъ:

Въ природѣ, въ простотѣ онъ истину искалъ;
Какъ видѣлъ, такъ ее списалъ.

Поэтическаго элемента въ Хемницеровыхъ басняхъ очень мало. По роду своего таланта и по вліянію на него Геллерта, нашъ баснописецъ сообщалъ своимъ разсказамъ о животныхъ то направленіе, которое Лессингъ указалъ имѣть этому роду поэзіи и по которому разсказъ признается элементомъ не столько существеннымъ, какъ нравоученіе, такъ что басня изъ ряда поэтическихъ или полупоэтическихъ произведеній обращается въ чисто-дидактическое средство, въ одно изъ орудій нравственной философіи.

Но цѣнить басни Хемницера только по ихъ отношенію къ родовому понятію, т. е. къ баснѣ вообще, значитъ пренебрегать другимъ, болѣе интереснымъ масштабомъ литературныхъ произведеній, которымъ опредѣляется ихъ отношеніе къ личности автора и къ той средѣ, гдѣ суждено было ему дѣйствовать. Басни Хемницера служатъ вѣрнымъ отраженіемъ его характера и жизни: вотъ въ чемъ заключается ихъ главное достоинство. Хемницеръ, сколько намъ извѣстно изъ его біографіи, постоянно находился въ стѣсненныхъ обстоятельствахъ. Честный, добросовѣстный, правдивый, онъ чувствовалъ цѣну своего ума и образованія, но, по врожденной ему простотѣ и скромности, никогда не выставлялъ ихъ на-показъ ни начальству, ни публикѣ, ни даже друзьямъ. По смерти отца, онъ остался съ матерью и двумя сестрами, которыхъ долженъ былъ содержать своимъ трудомъ. Но трудъ человѣка, дѣлающаго свое дѣло безъ шума и блеска, а единственно по чувству долга или по внутреннему призванію, рѣдко получаетъ достойное вознагражденіе. Такъ было и съ Хемницеромъ. Эпитафія, имъ сочиненная и вырѣзанная на его надгробномъ камнѣ, подтверждаетъ свидѣтельство біографіи:

Жилъ честно, цѣлый вѣкъ трудился,
И умеръ голъ, какъ голъ родился.

Хемницеръ очень хорошо зналъ, какъ легко живется на свѣтѣ глупцу или богачу, и какъ трудно пробивать себѣ дорогу умнымъ бѣднякамъ, которыхъ все имущество, и наслѣдственное и благопріобрѣтенное, состоитъ въ нравственныхъ качествахъ, да въ образованности. Это горькое знаніе выражено его баснями. Существенное ихъ содержаніе сводится къ двумъ мыслямъ: печальной долѣ ума и бѣдности, привольному житью богатства и глупости. Нравоученіе «Умирающаго отца» безъ оговорокъ утверждаетъ, что о глупцѣ нечего заботиться:

Дуракъ ужъ, вѣрно, сыщетъ средство
Счастливымъ въ свѣтѣ быть.

Элегическій мотивъ басни: «Пожилой гадатель», показываетъ, что сочинитель ея имѣлъ въ виду свое личное дѣло. Молодой человѣкъ пожелалъ узнать, какова будетъ его жизнь—счастливая или злосчастная. Онъ призвалъ гадателя:

Гадатель былъ старикъ и строго честь любилъ,
Онъ зналъ людей и въ свѣтѣ жилъ,
Дѣтинѣ этому печально отвѣчаетъ:
Немного жизнь твоя добра предвозвѣщаетъ;
Ты къ счастью, кажется, на свѣтѣ не рожденъ:
Ты честенъ, другъ, да ты жъ уменъ (*).

Послѣдніе четыре стиха, опущенные при новомъ изданіи басенъ, содержатъ въ себѣ отвѣтъ старику:

Печальный прорекатель!
Какой стоическій урокъ!
Но къ счастію, что ты гадатель,
А не пророкъ.

Напрасное утѣшеніе! Молодой человѣкъ ошибся: старикъ былъ не пророкъ, а угадчикъ. Печальное гаданье повторяется на разные лады въ басняхъ, указывая то блаженство глупости, то невзгоды и бѣдствія ума, честности, правды, трудовой жизни. Въ другой разъ, вѣроятно, тотъ же самый «дѣтина» спросилъ старика о средствахъ сдѣлаться знатнымъ (Совѣтъ старика). Будь храбръ, мой другъ, отвѣчалъ ему старикъ, отложи покой и забавы, трудомъ пріобрѣтай себѣ честь и славу, отличайся отъ другихъ глубокимъ знаніемъ.—Какъ это трудно! нѣтъ ли другихъ, болѣе легкихъ способовъ войти въ чины и почести?—

Ужъ легче нѣтъ того, какъ дуракомъ прожить.

Басня: «Богачъ и бѣднякъ» также построена на элегическій тонъ, вызванный неправымъ почетомъ богатству и столь же неправымъ презрѣніемъ къ бѣдности, поклоненіемъ мѣшку, набитому деньгами, а не внутреннимъ достоинствамъ человѣка. Но если свѣтъ не цѣнитъ послѣднихъ, то Хемницеръ зналъ ихъ самостоятельную, независимую отъ свѣтскихъ сужденій цѣнность. Умъ и глупость, невѣжество и образованіе часто противополагаются въ его басняхъ. Исторія «мѣщанина въ баронствѣ» (Баронъ, изъ Геллерта) доказываетъ ничтожность богатства безъ образованія. Правоученіе басни «Попугай» считаетъ бѣдою для умнаго человѣка попасться въ домъ невѣжды. Скромная работница, Пчела, уподобляется наукѣ, а Курица, носящаяся съ своимъ яйцомъ, хвастливому невѣждѣ (Пчела и курица). Этотъ умъ, которымъ такъ дорожитъ баснописецъ, не долженъ, по его мнѣнію, заходить за разумъ. Простой по нраву и образу жизни, простой въ своемъ авторствѣ, Хемницеръ любилъ тоже качество въ сужденіяхъ и въ наукѣ. Здравомысліе предпочиталъ онъ умствованію, пріемы безхитростнаго мышленія діалектическимъ тонкостямъ. Басня «Метафизикъ» есть сатира противъ тѣхъ школьныхъ вралей,

Которые съ ума не разъ людей сводили,
Неистолкуемымъ давая толкъ вещамъ.

Въ другой баснѣ (Буквы) являются «ученые отцы», любящіе въ самыхъ незначительныхъ словахъ открывать тайный смыслъ: такое направленіе учености басня называетъ сумасбродствомъ, доводящимъ и другихъ до безумія. «Лисица и сорока» замѣчаетъ, что у людей

Чѣмъ кто глупѣе,
Тѣмъ въ доказательствахъ сильнѣе.

«Ереси и спорныя слова, разсѣянныя въ законахъ», погубили множество народа,

(*) Стихи приводятся здѣсь по 2-му (1782) и 3-му (1799) изданіямъ басенъ.

по словамъ басни «Слѣпцы». Кто скроменъ въ мысляхъ и желаніяхъ, тотъ не заносится высоко, а любитъ осторожно ступать по землѣ, «ловить, что сыщется подъ ногами, а не то, что летаетъ надъ головой» (Собака и муха). Хитроуміе ведетъ къ заблужденіямъ: умствуя, мы зовемъ счастіе несчастіемъ и клянемъ истинное благо, почитая его зломъ (Крестьянинъ съ ношею).

И потому-то именно, что Хемницеръ смотрѣлъ себѣ подъ ноги, онъ лучше хитроумныхъ видѣлъ людскія злоупотребленія и неправду, особенно неправду на службѣ. Басня «Воинъ» представляетъ честнаго служиваго, обойденнаго наградой, но не напоминающаго о томъ начальству. Пускай, говоритъ онъ, лучше мнѣ скажутъ,

За что̀ креста я не прошу,
А не за что̀ я крестъ ношу.

«Часовая стрѣлка» показываетъ искуство нѣкоторыхъ особъ получать отличія за труды подчиненныхъ: какъ «иной дѣлецъ чужими чванится дѣлами». «Оплошалая Лисица» есть образъ тѣхъ безпечныхъ людей, которые, вѣря пословицѣ: «отъ добра добра не ищутъ», не запасаются на всякій случай двумя-тремя служебными мѣстечками:

Сталъ новый командиръ изъ мѣста выжимать:
Другое есть, куда пристать.
Хоть впрочемъ иногда случится,
Гдѣ статскій чинъ сидѣлъ, военный очутится;
Да дѣло здѣсь о томъ: когда пришла бѣда,
Что надобно бѣжать,—такъ было бы куда.

Дополнимъ наши указанія еще двумя баснями: «Великанъ и карлики» и «Паукъ и мухи». Гдѣ карлики не находили дна, тамъ великанъ перешелъ рѣку въ бродъ; такъ и въ дѣлахъ: иному океанъ—лужица, а иному и лужица—океанъ. Ту паутину, въ которую мушиная мелочь попадается сплошь и рядомъ, большая муха легко прорываетъ:

А это и съ людьми бываетъ,
Что маленькимъ, куда
Ни обернись, бѣда.
Воръ, напримѣръ, большой, хоть въ кражѣ попадется,
Выходитъ правъ изъ подъ суда;
А маленькій наказанъ остается.

Какъ же искоренять безпорядки и злоупотребленія? Хемницеръ оставляетъ этотъ вопросъ безъ отвѣта. Онъ знаетъ только, что ихъ не искоренишь тѣмъ способомъ, который всегда почти употребляется, т. е. начиная сметать соръ съ нижнихъ ступеней лѣстницы (басня «Лѣстница»):

На что бы походило,
Когда бъ въ правленіи, въ какомъ бы то ни было,
Не съ вышнихъ степеней, а съ нижнихъ начинать
Порядокъ наблюдать?

Ясному отраженію личности автора въ его сочиненіяхъ, полныхъ отношеній къ его жизни семейной и служебной, мы частію приписываемъ боязнь Хемницера выпустить въ свѣтъ свои басни. Излишняя совѣстливость мѣшала ему выставлять передъ публикой свою собственную личность, которою онъ, по скромности и простотѣ, мало занимался, всенародно исповѣдовать свои чувства и мысли, дѣлиться съ читателемъ наблюденіями и намеками, изъ которыхъ иные, какъ онъ

самъ говорилъ друзьямъ, будутъ, кромѣ того, приняты нъ дурную сторону и могутъ повредить его службѣ. Хемницеръ всегда твердилъ своимъ баснямъ «жить правдою и говорить правду»: какъ же было имъ явиться въ общество, которое и жило и говорило иначе? какъ, напримѣръ, Бѣднякъ, извѣдавшій на опытѣ неправое презрѣніе къ бѣдности, рѣшился бы еще дать ей въ спутницы суровую правду? «Посвященіе» раскрываетъ эти личныя опасенія Хемницера, который не только писалъ басни, но и часто описывалъ въ нихъ себя самого. Вмѣшательство личности сообщило имъ извѣстную задушевность, такъ что иныя изъ нихъ могутъ быть названы баснями-элегіями, но вмѣстѣ и пугало автора, не желавшаго сдѣлаться предметомъ толковъ и догадокъ. Потому то, склонясь на просьбу Львова и Капниста напечатать сочиненія, онъ скрылъ свое имя и взялъ съ друзей слово не выдавать его. Но басни выдаютъ баснописца, равно какъ въ слогѣ выдается человѣкъ.

Притчи Сумарокова (1 и 2-я книги—1762 г.; 3-ья—1769; всѣ 6 книгъ въ Собраніи сочиненій) дѣйствительно могутъ быть названы «сокровищемъ» въ сравненіи съ баснями Хераскова (1764), Ѳедора Эмина (1764), Василья Майкова (1766), Николая Леонтьева (1766), Владиміра Золотницкаго (1766), Аблесимова (1780), Михаила Муравьева (1773), Василья Левшина (1788) и другихъ. Всѣ исчисленные писатели не произвели ничего замѣчательнаго въ этомъ родѣ: они или выдавали чужое за свое, не означая заимствованій и подражаній; или въ своихъ вымыслахъ держались на общихъ предметахъ, лишенныхъ всякаго мѣстнаго и современнаго значенія; или заботились только о нравоученіяхъ, иначе изъясненіяхъ, которыя иногда такъ подробны (напр. у Золотницкаго), что заключаютъ въ себѣ не одинъ, а нѣсколько выводовъ и даже историческихъ примѣровъ. Гораздо полезнѣе было познакомиться нашей публикѣ съ иностранными баснописцами. Изъ нихъ, во 2-ой половинѣ XVIII в., были переведены: Гольбергъ, Фонъ-Визинымъ (1761), Пильпай, Борисомъ Волковымъ (1762), Федръ, въ стихахъ, съ лат., Иваномъ Барковымъ (1764), Ге (1783), Синтипъ философъ (2-ое изд. 1788) и пр. Басни англійскаго поэта Ге (Gay) изданы Новиковымъ и заслуживаютъ особаго вниманія, особенно вторая часть, содержащая въ себѣ политическія басни. Къ изданію приложена взятая изъ дополненія къ Словарю Беля біографія автора, замѣчательнаго своею жизнію и сочиненіями.

Извѣстіе о томъ, что Хемницеръ подражалъ Лихтверу, см. въ сочиненіи И. Снегирева: «Русскіе въ своихъ пословицахъ» (кн. 1, стр. 30). Мы просмотрѣли всѣ четыре книги басенъ Лихтвера, и не нашли между нимъ и Хемницеромъ ничего общаго. Другое дѣло Геллертъ, басни и сказки котораго переведены съ нѣм. въ прозѣ Матинскимъ (1775), авторомъ драм. піесъ: «Перерожденіе» и «Гостинный дворъ» (§ 217). Хемницеръ и переводилъ изъ него и подражалъ ему. Названныя выше четыре басни Лихтвера нап. въ декабрской книжкѣ С.п.бургскаго Вѣстника; одна изъ нихъ: «Странные люди», помѣщена также въ 1-ой кн. Московскаго Журнала на 1792 г.

Хемницеръ (Иванъ Ивановичъ), или Хемнитцеръ, какъ онъ самъ писалъ свою фамилію, происходящую, вѣроятно, отъ города Хемница (Chemnitz), готовился быть врачемъ. Отецъ его, уроженецъ саксонскій, выѣхавшій въ Россію при Петрѣ I, служилъ надзирателемъ сухопутнаго госпиталя и началъ учить своего сына медицинѣ. Но юноша вовсе не имѣлъ призванія къ этой наукѣ и не могъ преодолѣть отвращенія къ анатомическимъ занятіямъ. Онъ поступилъ въ военную службу и участвовалъ въ семилѣтней войнѣ и въ началѣ первой турецкой. Увидавъ, что онъ «изъ анатомической залы попалъ на обширный хирургическій театръ», Хемницеръ вышелъ въ отставку (1769) и опредѣлился въ горное училище. Получаемымъ жалованьемъ содержалъ онъ мать и двухъ сестеръ. Нужда заставила его заниматься литературою. Онъ сочинилъ трагедію «Бланка», оставшуюся въ рукописи, и двѣ оды, изъ которыхъ одна: «На побѣду россійской арміи надъ непріятелемъ при городѣ Журжѣ», нап. 1770 г. Въ 1774 г. издалъ переводъ посланія, или такъ называемой героиды, Дора: «Письмо Барнвеля къ Труману изъ темницы». Барнвель и другъ его Труманъ—дѣйствующія лица въ трагедіи Лилло: «Лондонскій купецъ» (§ 215). Несчастное положеніе Барнвеля изображалось потомъ и въ другихъ поэтическихъ формахъ. Успѣхомъ піесы объясняется и успѣхъ героиды, имѣвшей у насъ нѣсколько перево-

довъ: одинъ, Кудрявцева, нап. отдѣльной брошюрой (1791), другой—въ XI-ой ч. «Пріятнаго и полезнаго препровожденія времени» (1796). Въ 1776 г. Хемницеръ отправился въ чужіе краи съ М. Ѳ. Соймоновымъ, первымъ директоромъ горнаго корпуса. Возвратясь черезъ два года въ отечество, онъ передавалъ друзьямъ своимъ (Н. А. Львову, Капнисту и Державину) остроумныя наблюденія: Германію сравнивалъ съ ульемъ, наполненнымъ трудолюбивыми пчелами; Голландію называлъ страною, въ которой двигаются только деньги и сундуки, а Францію—страною нестарѣющагося легкомыслія. По уговору Львова, рѣшился онъ напечатать свои басни, которыя писалъ вовсе не для печати. Первое ихъ изданіе, въ 2 кн., вышло 1778 (въ книгѣ не выставлено года); второе, 1782; третье, исправленное, съ прибавленіемъ 3-ей книги и краткой біографіи автора, 1799. Всѣхъ басенъ 89. Онѣ посвящены Марьѣ Алексѣевнѣ Дьяковой. Изъ журналовъ обратилъ на нихъ вниманіе одинъ только Спб. Вѣстникъ, въ сентябрской книжкѣ 1780 г. По службѣ своей Хемницеръ, какъ членъ ученаго собранія, учрежденнаго при горномъ корпусѣ, занимался разсматриваніемъ переводовъ спеціальныхъ сочиненій (О драгоцѣнныхъ камняхъ, Брикмана, 1779 г.; О саксонскомъ рудномъ кряжѣ, 1780). Самъ онъ перевелъ сочиненіе Лемана: «Кобальтословіе» (1779). Не къ числу ли намековъ на одного изъ членовъ собранія относятся стихи басни: «Оселъ, приглашенный (Львомъ) на охоту?» Оселъ возгордился этою честью,

Какъ членъ суда иной, что въ члены онъ попалъ,
Судейскую осанку принимаетъ,
Возносится и всѣхъ ни за что почитаетъ,
И что ни дѣлаетъ, и что ни говоритъ,
Всегда и всякому, что членъ онъ, подтвердитъ;
И ежели кого другаго не поймаетъ,
Хотя на улицѣ къ робятамъ радъ пристать,
И имъ, что членомъ онъ, сказать;
Въ письмѣ къ роднымъ своимъ не можетъ удержаться,
Чтобъ членомъ каждый разъ ему не подписаться;
И словомъ—весь онъ членъ; и въ домѣ отъ людей
Все членъ по немъ.... до лошадей.

Въ 1781 г. Соймоновъ вышелъ въ отставку. Хемницеръ послѣдовалъ за нимъ, не желая служить при новомъ директорѣ. Кн. Е. Р. Дашкова, узнавъ о бѣдности баснописца, доставила ему мѣсто генеральнаго консула въ Смирнѣ. Разлука съ друзьями, перемѣна климата повергли его въ уныніе; душевная болѣзнь потрясла его физическія силы и была причиною его смерти. Онъ погребенъ въ Николаевѣ («Жизнь Хемницера», при 3-мъ изд. его басенъ; «И. И. Хемницеръ», И. Сахарова, при 12-мъ изд. его басенъ и сказокъ, 1838; «Словарь достоп. людей рус. земли», Бантышъ-Каменскаго, 3 ч., 1847).

Баснямъ Хемницера выпала особая доля. Въ теченіе XVIII-го вѣка онѣ не возбуждали заслуженнаго ими вниманія. Когда же литературная критика оцѣнила ихъ по достоинству, у образованной публики явились другіе любимцы—Карамзинъ и Дмитріевъ. Занявъ мѣсто въ исторіи литературы, Хемницеръ въ тоже время сталъ достояніемъ читателей низшаго разряда. Для нихъ-то и теперь издаются его басни, какъ издаются Душенька, Мильтоновъ Потерянный рай и тому подобныя книги. Изъ всѣхъ изданій лучшія: третье, которымъ занимался Н. А. Львовъ, и двѣнадцатое, Сахарова; худшее—А. Измайлова (1820), который выбросилъ нѣсколько сказокъ, находя ихъ посредственными, и передѣлывалъ нѣкоторые стихи, казавшіеся ему дурными. Къ счастію, эти варварскія передѣлки означены въ концѣ книги. Подробную, хотя во многомъ пристрастную, характеристику Хемницеровыхъ басенъ см. въ 1-ой ч. «Очерковъ Рус. литературы», Н. Полеваго.

§ 224. Лирическая поэзія со времени Ломоносова быстро возрастала въ количественномъ отношеніи, не представляя важныхъ перемѣнъ въ своемъ характерѣ до появленія Державина. Между разными ея видами первенствовала ода, особенно похвальная. Восьмнадцатый вѣкъ былъ цвѣтущимъ періодомъ ея европейскаго развитія; но когда въ западной Европѣ она стала уступать господство другимъ формамъ лирики, у насъ она еще не выходила изъ моды. Безъ одъ не появлялся ни одинъ журналъ того времени. Роспись отдѣльнымъ ихъ изданіямъ занимаетъ

большое мѣсто въ каталогахъ. Кромѣ того, ихъ много напечатано въ собраніяхъ сочиненій нашихъ авторовъ. Какое бы ни было спеціальное дарованіе русскаго стихотворца, но оно непремѣнно чинило набѣги на область торжественной лирики. Безъ одъ оставался въ его сочиненіяхъ замѣтный пробѣлъ, который онъ старался наполнить, какъ бы охраняя славу своего имени. Онъ былъ къ тому побуждаемъ не однимъ желаніемъ заявить универсальность своей дѣятельности, но и почетнымъ значеніемъ оды, которою, по словамъ Буало, поэтъ поддерживаетъ общеніе съ богами.

Въ литературѣ подражательной, гдѣ трудный процессъ органическаго зарожденія и развитія весьма часто замѣняется простымъ накопленіемъ фактовъ, исторія того или другаго рода словесныхъ произведеній (если можно назвать это исторіей) представляетъ особыя явленія. Что легко перенесено извнѣ, не встрѣчая противодѣйствій внутри, то легко и распространяется, но, распространяясь, поддается скорому оскудѣнію, или даже искаженію. Первая прививка заимствованнаго отдѣляется небольшимъ періодомъ времени отъ ея крайностей; едва явятся удачные опыты подражаній, какъ уже надобно бояться ихъ вырожденія въ каррикатуру; по слѣдамъ увлеченій и пристрастія идетъ сатира, которая смѣется надъ тѣмъ, чему недавно работали. Такъ случилось и съ нашею ложно-классической одой. Въ то самое время, какъ являлись оды Ломоносова, Сумароковъ писалъ уже на нихъ пародіи, подъ именемъ «вздорныхъ» одъ. Начиная съ этихъ пародій и до сатиры И. Дмитріева: «Чужой толкъ» (1795), пиндарическая лирика служила постоянною цѣлью насмѣшекъ, которыя были направлены на три предмета: на самый характеръ лирики, искуственной и однообразной, на бездарность пѣснопѣвцевъ и на злоупотребленіе поэтическаго вида, которое обращало каждый случай, важный и неважный, въ поводъ къ стихотворному славленію. Понятно, какъ должны были смотрѣть на оду сатирическіе журналы 1769—74 г. Простому ихъ вкусу не могъ нравиться «громкій и высокій бредъ, въ которомъ стихотворъ лѣзъ на облака». Этими словами опредѣляетъ лироманію «Парнасскій Щепетильникъ», поставившій главною своею цѣлью осмѣивать бездарныхъ пѣвцовъ. Стихотвореніе: «Мысли» (въ «Вечерахъ»), даетъ ироническіе совѣты непризваннымъ послѣдователямъ Ломоносова, идущимъ вопреки природѣ: одописцы должны стараться о наборѣ стиховъ, которыхъ не понималъ бы никто, которые «гремѣли бы безъ разума». О замашкѣ риѳмачей становить вселенную вверхъ дномъ въ минуты ихъ восторга, взятаго на прокатъ, говоритъ «Посланіе Княжнина къ кн. Дашковой». Авторъ «Чудаковъ», помѣстившій между ними Тромпетина, нанесъ чувствительные удары сочинителямъ одъ и вообще метроманамъ. Его стихотвореніе, вѣроятно, переводное: «Отъ дяди стихотворца Риѳмоскрипа», есть одна изъ лучшихъ сатиръ, напоминающая «Посланіе Попа къ доктору Арбутноту» (переводъ И. Дмитріева) и достойная стать рядомъ съ «Чужимъ толкомъ»:

Хоть скучный Риѳмоскрипъ, возы навьюча строфъ,
Его терпѣнію (*) сто тысячъ одъ подноситъ,
Онъ плодородіе его—хвалой навозитъ;
И, сердцемъ дань платя препакостнымъ стихамъ,
Хотя исподтишка въ кулакъ зѣваетъ самъ,
Но восхищается онъ явно каждой строчкой,
И всѣмъ любуется—и запятой, и точкой.

(*) Терпѣнію человѣка, хвалящаго всѣхъ и все, въ томъ числѣ и оды.

«Куда», онъ говоритъ, «какъ это все умно»!
Инымъ покажется запутано, темно;
Но то и хорошо: одни лишь низки слоги
Понятны всякому; а кто, равно какъ боги,
Высоко говоря, на крыліяхъ паритъ,
Тотъ долженъ не понять и самъ, что говоритъ.
То честь ли, коль творца такъ мало почитаютъ,
Что безъ разбора всѣ его стихи читаютъ.
Что приступъ всякому свободный, легкій къ нимъ,
Что чернь безчеститъ ихъ понятіемъ своимъ?......

II. Крыловъ къ безсмыслію одъ присоединяетъ ихъ дерзкую лживость. Онъ выставляетъ безнравственный поступокъ стихотворца, который, на перекоръ истинѣ, отводитъ непремѣнныя квартиры добродѣтелямъ тамъ, куда онѣ заглянуть боятся, и ставитъ престолъ разуму въ такой головѣ, въ которой свищетъ сквозной вѣтеръ (повѣсть: Каибъ, 1792). «Чужой толкъ» можно назвать панихидою громкой и пухлой одѣ. Во Франціи, еще въ XVIII в., этотъ видъ лирики началъ замѣняться особою формою дидактико-лирическихъ стихотвореній—посланіемъ. «Разсужденіе объ одѣ», Даламбера (переведенное въ С.п.бургскомъ Меркуріи, 1793), объясняетъ причины, почему посланіе болѣе отвѣчало духу времени и цѣли поэта. Главнѣйшая между ними—владычество философіи, которая волею и неволею вторгается повсюду: посланіе удобнѣе выражаетъ философскія мысли, допуская свободный планъ и свободные переходы изъ однихъ тоновъ въ другіе; притомъ оно скромнѣе по своей внѣшней отдѣлкѣ, не имѣя притязаній на столь пышное убранство, какое привыкли видѣть въ одѣ и какое противорѣчило ученію философовъ XVIII в. о простотѣ и естественности; наконецъ, оно доступнѣе дарованіямъ всякаго размѣра, тогда какъ ода требуетъ сильнаго поэтическаго таланта. За примѣромъ французскихъ писателей послѣдовала и наша литература, но посланіе сдѣлалось у насъ моднымъ родомъ стихотворства позднѣе, именно въ первой четверти XIX в. Не всѣ, конечно, оды подвергались осмѣянію, а только тѣ, въ которыхъ были презрѣны «и умъ простой, и чистый смыслъ», и которые спокойно лежали на книжныхъ полкахъ, «не оскверняемые дерзкою рукою читателей». Осуждая плодовитую бездарность, сатирики дѣлали оговорку въ избѣжаніе превратныхъ сужденій. При одномъ стихѣ «Чужаго толка», авторъ замѣчаетъ, что этотъ стихъ не можетъ относиться къ произведеніямъ Петрова, Хераскова, Державина. Приговоръ надъ одописцами, или одохватами, какъ ихъ тогда называли, не исключалъ похвалы, иногда заслуженной, а иногда и превышавшей заслуги, тѣмъ стихотворцамъ, которые продолжали дѣло Ломоносова. На пространствѣ между нимъ и тою перемѣною, которая произведена въ нашей лирикѣ Державинымъ, стоятъ Василій Петровъ и Костровъ, частію намъ извѣстные, какъ переводчики поэмъ.

Если въ сочиненіяхъ Петрова обращать вниманіе только на его торжественныя оды, то къ нему справедливо прилагается толкъ старика, въ указанной сатирѣ Дмитріева. Онѣ страдаютъ напыщенностью и холодностію. Риторство заступаетъ въ нихъ мѣсто поэтическаго одушевленія. «Опытъ историческаго словаря» (1772), Новикова, имѣлъ право отозваться неблагопріятно о Петровѣ, даже послѣ того, какъ онъ написалъ прославленную оду «На побѣду россійскаго флота надъ турецкимъ, при Чесмѣ» (1770). «Въ сочиненіяхъ своихъ», говоритъ Словарь, «Петровъ напрягается идти по слѣдамъ россійскаго лирика (Ломоносова); и хотя нѣкоторые и называютъ уже его вторымъ Ломоносовымъ, но для сего

сравненія надлежитъ ожидать важнаго какого-нибудь сочиненія и послѣ того заключительно сказать, будетъ ли онъ второй Ломоносовъ, или останется только Петровымъ и будетъ имѣть честь слыть подражателемъ Ломоносова». Не оды, которыя недостатокъ лиризма старались замѣнить искуственнымъ напряженіемъ и обиліемъ славянскихъ словъ, а посланія выказываютъ талантъ Петрова. Въ посланіяхъ онъ развязнѣе излагалъ свой образъ мыслей и его слогъ менѣе черствъ и тяжелъ. Одни изъ нихъ дидактическаго рода, другія относятся къ сатирамъ. На содержаніи первыхъ замѣтно вліяніе англійской литературы. Петровъ, воспитанникъ московской духовной академіи, былъ отправленъ (1770) Екатериною II въ Англію для образованія, гдѣ и прожилъ нѣсколько лѣтъ. Здѣсь онъ познакомился съ сочиненіями англійскихъ поэтовъ и ученыхъ. Особенно нравился ему Аддисонъ, какъ авторъ трагедіи «Катонъ». Въ посланіи къ Силову, сотоварищу по заграничной жизни, Петровъ, желая, чтобы «лучъ британскихъ умовъ озарилъ росскую грудь», упоминаетъ и о Катонѣ, монологи котораго, будучи выраженіемъ стоицизма, заучивались наизусть любителями нравственной философіи:

Межъ сладкихъ твоего глаголовъ Аддисона,
Межъ истинъ грознаго добротою Катона,
Дай мѣсто симъ строкамъ....

Есть современное свидѣтельство о вліяніи англійской науки и словесности на Петрова. Изъ него мы узнаемъ, что «разговоръ Петрова былъ свободенъ безъ разборчивости; что лѣтъ двѣнадцать назадъ толковалъ онъ катихизисъ, а нынѣ, кажется, способнѣе толковать Лукреція; что по его образу мыслить и чувствовать замѣтно, что онъ жилъ въ Англіи». А онъ жилъ тамъ въ то время, когда Локкова философія уже возъимѣла полное дѣйствіе на умы, когда деизмъ совершилъ кругъ своего развитія и шотландская школа философовъ утвердила систему новой нравственной философіи. Хотя тоже свидѣтельство думаетъ, что Петровъ приносилъ чувствительность въ жертву разуму, т. е. что преобладающій элементъ его лирики—рефлексія; однакожъ его посланія къ Потемкину отличаются отъ посланій другихъ стихотворцевъ къ своимъ меценатамъ искренней привязанностью и дружескимъ тономъ: въ нихъ нѣтъ ни раболѣпства, ни холодной торжественности. Петровъ называетъ его «своимъ другомъ», хвалитъ въ немъ доступнаго вельможу, любителя литературы и поэзіи, находившаго удовольствіе бесѣдовать съ нимъ о важныхъ предметахъ:

Ты пренья велъ со мной о промыслѣ и рокѣ,
О смерти, бытіи и цѣломъ міра токѣ.

Неизвѣстно, когда и по какому случаю Петровъ сблизился съ Потемкинымъ. Вѣроятно, это было вскорѣ по выходѣ послѣдняго изъ московскаго университета. Потемкину онъ былъ обязанъ мѣстомъ кабинетнаго переводчика и чтеца Государыни (1769), почему въ письмѣ къ ней изъ Лондона (1774) говоритъ: «я имѣлъ честь нѣкогда слыть карманнымъ вашего величества стихотворцемъ». Сатирическій талантъ Петрова виденъ въ посланіи его «Къ...., изъ Лондона», составляющемъ какъ бы отвѣтъ на отзывъ «Историческаго словаря». Здѣсь остроумно осмѣяны метроманія и восхваленіе стихотворцевъ пріятелями или невѣждами-патронами. Нѣкоторыя мѣста направлены противъ Новикова, какъ издателя Словаря, противъ Сумарокова, не терпѣвшаго чужихъ успѣховъ въ лите-

ратурѣ и, вѣроятно, доставившаго въ Словарь мнѣніе о Петровѣ, и противъ Аблесимова, также писавшаго критики на современныя произведенія поэзіи. Другая сатира Петрова: «Приключеніе Густава III, короля шведскаго» (1788), любопытная, какъ выраженіе тогдашнихъ чувствъ по поводу войны съ Шведами, не представляетъ ни поэтическаго, ни стихотворнаго достоинства: слогъ ея неуклюжъ, остроуміе натянуто.

Въ первыхъ лирическихъ стихотвореніяхъ (до 1780 г.), Костровъ слѣдовалъ Ломоносову, подражая главнымъ отличіямъ его торжественныхъ одъ. Съ появленія «Фелицы», Державина (см. ниже), Костровъ отступилъ отъ напряженно-риторическаго тона лирики и началъ думать о болѣе простомъ и естественномъ выраженіи своихъ чувствъ. Измѣнилась самая внѣшность его піесъ: четырехъстопный ямбъ, укрѣпленный Ломоносовымъ за одой, уступилъ мѣсто другимъ стихотворнымъ метрамъ. Въ послѣдствіи, Костровъ даже написалъ сатиру на громкія, парящія оды, хотя и продолжалъ сочинять ихъ на разные случаи отъ имени московскаго университета, будучи его привилегированнымъ, оффиціальнымъ поэтомъ. Нѣкоторыя особенности его стихотвореній, сравнительно съ однородными стихотвореніями Ломоносова, Сумарокова и Петрова, объясняются вліяніемъ переводовъ, которыми онъ занимался. Апулеевъ романъ и пѣсни Оссіана сообщили имъ элементъ нѣжности; среди ихъ громко-торжественныхъ тоновъ слышны порою идиллическіе или эротическіе мотивы; наряду съ величественными образами Юпитера, Нептуна, Марса, Минервы являются образы другихъ, мирныхъ языческихъ божествъ: Венеры, Зефировъ, Амура, Грацій, Нимфъ, Нереидъ и т. п. Такъ «Эпистола къ Суворову, на взятіе Измаила», подлѣ грознаго бога войны ставитъ Зефировъ и Венеру; такъ и въ «Письмѣ къ Державину», Нимфы внимаютъ стихамъ «Фелицы»: онѣ вышли изъ Невы, «имѣя волосы, украшенные кораллами, и нѣжно колеблясь поверхъ зыбей». Подражаніе Апулеевой Психеѣ или Душенькѣ Богдановича наиболѣе замѣтно въ эклогѣ «Три граціи» (въ день рожденія в. к. Александры Павловны), въ идилліи «Каллидоръ» (въ именины И. И. Шувалова) и въ эротическихъ піесахъ. Въ похвалахъ отъ земли, произносимыхъ Евфросиной, читатель узнаетъ описаніе Душенькина сада, а похвала отъ лица моря, произнесенная другой граціей (Таліей), есть не что иное, какъ измѣненное описаніе морской поѣздки Венеры:

Со Амфитридою царь бездны многоводной,
Трикраты помававъ трезубцемъ золотымъ
И запретя войну имѣть волнамъ сѣдымъ,
Какъ будто въ срѣтенье небесныхъ звѣздъ царицѣ,
Несется по водѣ въ жемчужной колесницѣ.
Предъ нимъ и вкругъ его, имѣя свѣтлый видъ,
Прекрасный ликъ спѣшитъ любезныхъ Нереидъ.
И кони гордые, тряся волнистой гривой,
Младой княжнѣ даютъ повсюду знакъ счастливой.
Дельфина на хребтѣ сѣдящій полубогъ,
Любезный Палемонъ, въ зеленый трубитъ рогъ.
Подъ тяжестію ихъ не стонутъ влажны своды
И тихо зыблются колеблемыя воды.

Гораздо слабѣе подражаніе Оссіану; оно сказывается въ двухъ-трехъ мѣстахъ, не болѣе: въ уподобленіи Россіянъ высокому холму, которое принадлежитъ къ частымъ мотивамъ Оссіанова эпоса, и въ обращеніи къ солнцу (Ода на открытіе

губерніи въ Москвѣ, 1782), заимствованномъ изъ пѣсни барда Уллина по возвращеніи Фингала съ брани.

Непосредственное вліяніе англійской науки видно также на Михаилѣ Муравьевѣ (1757—1807), литераторѣ, получившемъ основательное и многостороннее образованіе. По назначенію императрицы Екатерины II, онъ преподавалъ ея внукамъ, великимъ князьямъ Александру и Константину, русскую словесность, русскую исторію и нравственную философію. Содержаніе его уроковъ по этимъ предметамъ кратко изложено въ небольшихъ статьяхъ, изданныхъ подъ заглавіемъ: «Опыты исторіи, письменъ и нравоученія» (1796). Въ руководство къ послѣдней наукѣ, Муравьевъ принялъ труды шотландскихъ философовъ: Адама Смита, Гютчесона, Фергюсона, Рида, Лорда и Кемса. Наиболѣе ссылается онъ на «Теорію нравственныхъ чувствованій», Смита, который выводитъ все ихъ многоразличіе изъ одного начала—симпатіи, соединяющей насъ съ обществомъ и человѣчествомъ. За тѣмъ онъ пользовался изслѣдованіями Гютчесона «о происхожденіи идей красоты и добродѣтели», доказавшими существованіе врожденнаго нравственнаго чувства, которому также свойственно различать добродѣтель, какъ глазу свѣтъ и краски. «Есть красота физическая, поражающая чувства наши въ твореніяхъ природы и искуствъ; есть и красота нравственная, ощутительная одному разумѣнію нашему, въ нравахъ, въ поступкахъ людей, въ ихъ чувствованіяхъ и словахъ... Не могутъ намъ нравиться недостатки тѣлесные, дурное обращеніе, глупость отвратительная; равно порокъ внушаетъ ненависть». Лордъ Шефтсбюри сообщилъ Муравьеву раздѣленіе страстей на «корыстолюбивыя», имѣющія въ виду частное благо, и «доброжелательныя», которыми мы «переносимся въ состояніе другихъ и присвояемъ себѣ счастіе ближняго», равно какъ и оправданіе первыхъ, если только онѣ «не побуждаютъ пріобрѣтать частнаго блага посредствомъ общаго». У того же писателя заимствовано оптимистическое воззрѣніе на міръ: «самое зло, которое приключается намъ частно, ежели оно обращается во благо цѣлой, нами необъемлемой системы существованія, не заслуживаетъ именованія зла и не прекословитъ благости Вышняго Существа». Понятія о добродѣтели, какъ высочайшемъ благѣ, о согласіи страстей съ разумомъ, о повсемѣстности счастія, разлитаго по всей природѣ, перешли въ сочиненія Муравьева изъ «Опыта о человѣкѣ», Попа, «славнаго англійскаго писателя, съ точностью и истиною выразившаго дѣйствительную пользу нравоученія въ извѣстномъ стихѣ, который сдѣлался пословицею: «человѣкъ есть настоящее ученіе человѣческаго рода».

Эти основы, или «черты», нравоученія отразились на чисто-литературныхъ трудахъ Муравьева. Чему училъ онъ въ своихъ урокахъ, то самое встрѣчается въ его стихахъ и прозѣ. Слѣдуя Смиту, онъ самою благородною независимостію называетъ «независимость отъ внѣшнихъ случаевъ и отъ внутреннихъ колебаній и страстей»; слѣдуя Попу, полагаетъ верховное счастіе въ добродѣтели, а главное достоинство добродѣтельнаго человѣка во владычествѣ надъ самимъ собою. Нравственное одобреніе, т. е. одобреніе совѣсти, ставитъ онъ выше всѣхъ возможныхъ наградъ, и потому требуетъ, чтобы отъ вниманія человѣка ни на одну минуту не укрывался его «внутренній человѣкъ, сей полубогъ, живущій въ груди его», чтобы «очами сего величественнаго обитателя онъ взиралъ на все, до него касающееся». Нѣкоторые уроки Муравьева, освобождаясь отъ догматизма, принимали тонъ гораціанскаго посланія или гораціанской оды. Таковы статьи:

«о блаженствѣ» и «о владычествѣ надъ самимъ собою». Первая статья написана подъ вліяніемъ «Опыта о человѣкѣ». Она разсуждаетъ о верховномъ благѣ, котораго мы ищемъ далеко, но которое ближе къ намъ, нежели мы думаемъ. «Оно въ нѣдрахъ природы», говоритъ авторъ. «Благополучіе есть произрастеніе каждой страны и каждаго климата. Нигдѣ все со всѣмъ, но вездѣ присутственное, оно является подъ тысячію различныхъ видовъ, соединяется съ каждымъ состояніемъ и существуетъ само собою. Оно не состоитъ ни въ весельѣ, ни въ пышности, ни въ сіяніи. Веселье есть существо убѣгающее, котораго не можно остановить; богатство ничего не сказываетъ сердцу; самая слава, кумиръ великихъ душъ, имѣетъ свои несчастія, дарованіе—свои мученія. Благополучіе есть чувствованіе сердца, которое жило всегда въ послушаніи природы и сохранило неповрежденную способность наслаждаться красотою ея. Простота, незлобіе, пріятное ощущеніе жизни, безпрепятственное наслажденіе естественныхъ благъ, мало нуждъ, мало страстей, но тѣмъ болѣе чувствованій нѣжныхъ и тихихъ, священные союзы родства, дружбы и человѣчества, столько труда, чтобъ желать заставить спокойствія: таковы вообще понятія, которыя пробуждаются во мнѣ при словѣ блаженство»... За этимъ слѣдуетъ изображеніе благополучнаго человѣка, въ формѣ и тонѣ оды Горація: «Beatus ille, qui procul negociis», и пр. Чувства, возбуждаемыя этими мыслями, выражены въ стихотворной піесѣ «Размышленіе»:

Сіянье внѣшнее отличій и честей,
Души тщеславной пища,
Благополучія не доставляютъ ей,
Коль нѣтъ внутри ея спокойствію жилища.
Для добрыя, незлобивой души
Минуты счастія текутъ во всяко время;
Не внѣ, а въ насъ самихъ и бѣдъ и счастья сѣмя,
И дни прекрасные лишь нами хороши.
Сіе отверстое пространство ясна неба,
Въ которомъ плаваютъ прозрачны облака,
Озлащены лучемъ вечернимъ Феба;
Сія кристальная и тихая рѣка,
Сіи кустарники, ее что осѣняютъ,
И, словомъ, всѣ черты и тонъ картины сей
Тогда лишь насъ плѣняютъ,
Когда мы счастіе хранимъ въ душѣ своей.

Вторая статья содержитъ въ себѣ изображеніе человѣка постояннаго и твердаго, мудраго и праведнаго, воспитаннаго въ суровой школѣ владычества надъ собою. Такой человѣкъ (приводимъ слова автора) «въ шумѣ и дѣлахъ гражданскихъ, въ трудахъ и опасностяхъ военныхъ, при несправедливости и насиліи враговъ строго властвуетъ надъ собственными своими чувствованіями; въ уединеніи и въ обществѣ не измѣняется; въ успѣхѣ или неудачѣ, въ счастіи или несчастіи, передъ друзьями или непріятелями, являетъ опыты мужества, не забывая ни на одну минуту суда, который безпристрастный зритель произнесетъ о чувствованіяхъ его и поведеніи... Безпрестанно упражняется онъ въ сообразованіи не только внѣшнихъ своихъ поступковъ, но и самыхъ внутреннихъ чувствованій съ повелѣніями прозорливаго судіи (внутренняго человѣка, живущаго въ груди его); не только показываетъ чувствованія безпристрастнаго зрителя, но и присвояетъ ихъ себѣ дѣйствительно, едва ли когда-нибудь удаляясь въ самой сердечной сокровенности отъ законовъ, данныхъ нашей совѣсти». Когда Муравьевъ

писалъ эти строки, онъ, вѣроятно, припоминалъ свое «Посланіе къ И. П. Тургеневу» (1774), которое также начертало образъ почтеннаго мужа, умѣющаго властвовать надъ собою:

Не тотъ еще, мой другъ, свободный человѣкъ,
Кто, преданъ самъ себѣ, ведетъ безпечный вѣкъ
Безъ пользы для другихъ, безъ плана и безъ дѣла....
Того лишь, *кто владѣть умѣетъ самъ собою*,
Зову свободнымъ я: не споритъ онъ съ судьбою,
Но всюду слѣдуетъ призванію ея
И знаетъ, живучи, всю цѣну житія;
Безъ наслажденія минуты не проходятъ,
Раскаянья онѣ и скуки не приводятъ;
Любовью истины, любовью красоты
Исполненъ духъ его, украшены мечты....
Безъ гордости великъ и важенъ безъ чиновъ,
На пользу общую всегда, вездѣ готовъ....
Полезнымъ можно быть, не бывши знаменитымъ;
Срѣтаютъ счастіе и по тропинкамъ скрытымъ....
Ахъ, можетъ ли привесть ко счастію богатство!
Желанье собирать есть болѣе препятство,
Чѣмъ способъ къ счастію......
Богатъ, кто, знаючи своимъ достаткомъ жить,
Желаніямъ предѣлъ умѣетъ положить;
И, словомъ, счастливъ тотъ и тотъ одинъ свободенъ,
Кто счастья въ крайностяхъ всегда съ собою сходенъ,
Въ сіяніи не гордъ, въ упадкѣ не унылъ,
Въ самомъ себѣ свое величіе сокрылъ.

Подъ образомъ счастливаго и свободнаго человѣка стихотворецъ разумѣлъ, конечно, своего товарища по ученію и друга (Тургенева), но онъ могъ бы разумѣть и самого себя, потому что не только его мысли были согласны между собою,— самыя дѣйствія его были согласны съ этими мыслями. Уроки нравственной философіи не оставались для него праздными словами: они проникали въ его жизнь и устроивали ее по своему идеалу человѣческаго достоинства и блага. «Сочиненія Муравьева», говоритъ Карамзинъ, «изображаютъ прекрасную, нѣжную душу его, исполненную любви къ общему благу. Каковъ онъ былъ въ мысляхъ и чувствованіяхъ, таковъ и въ дѣлахъ. Страсть къ ученію равнялась въ немъ съ страстію къ добродѣтели». Не всѣ знали и знаютъ его частную жизнь, но всѣмъ образованнымъ Рускимъ должны быть извѣстны его общественныя, гражданскія заслуги. Императоръ Александръ I, по вступленіи на престолъ, приблизилъ къ себѣ своего бывшаго наставника. Состоя (1801) при особѣ государя у принятія прошеній, подаваемыхъ на высочайшее имя, Муравьевъ имѣлъ возможность выказывать постоянно одушевлявшую его любовь къ ближнимъ. Исторія народнаго просвѣщенія съ благодарностью отмѣчаетъ его дѣятельность, какъ товарища министра (1803), а въ исторіи московскаго университета онъ навсегда останется памятнымъ, какъ его попечитель, управленіе котораго дало новую жизнь этому учебному учрежденію. Ходатайству Муравьева Карамзинъ былъ обязанъ званіемъ исторіографа, которое позволило ему заняться «дѣломъ, славнымъ для самого автора и не безславнымъ для Россіи». Гдѣ предстояла надобность трудиться для успѣховъ искуствъ и наукъ, драгоцѣнныхъ его сердцу, тамъ онъ почиталъ трудъ своимъ долгомъ, наградой и счастіемъ. Онъ былъ, употребляя его выраженіе, «всегда и вездѣ готовъ на пользу общую».

Петровъ (Василій Петровичъ), по окончаніи курса, преподавалъ въ моск. дух. академіи піитику, риторику и греческій языкъ. Ода на карусель, устроенную въ Москвѣ по случаю коронованія Екатерины II (1763), была представлена императрицѣ кн. Петромъ Ивановичемъ Репнинымъ. Отсюда начинается извѣстность Петрова, какъ онъ самъ говоритъ, посвящая переводъ «Потеряннаго рая» Репнину: «Вы были первая особа, которая ввела меня въ поприще наукъ». Покровительство Потемкина доставило ему, какъ мы видѣли, мѣсто кабинетнаго переводчика. До поѣздки въ Лондонъ перевелъ онъ первую пѣснь Энеиды (1770). Изъ Лондона писалъ посланія къ Г.Г. Орлову, Румянцеву и другимъ лицамъ. Посланіе къ Румянцеву (1774) говоритъ о его побѣдахъ въ первую турецкую войну:

За Истромъ Туркъ попранъ, за Гемомъ Туркъ трепещетъ:
Какъ Темзы со бреговъ Россъ Россу не восплещетъ?

По возвращеніи въ Петербургъ, Петровъ былъ назначенъ придворнымъ библіотекаремъ. Въ 1777 г. нап. его переводъ трехъ пѣсенъ «Потеряннаго рая». Въ 1780 по болѣзни вышелъ въ отставку и жилъ въ деревнѣ (орлов. губ.), проводя зиму въ Москвѣ. Въ 1781 г. издалъ одну часть своихъ сочиненій, а въ 1781—86 всѣ 12 пѣсенъ Энеиды. Другое изданіе его сочиненій, въ 3 ч., нап. 1811 г. Два письма его (1775 г.) см. въ 1 № Москв. 1841 г.; письма его и Силова къ Екатеринѣ въ Библ. Зап. 1858, № 17; «Приключеніе Густава III», тамъ же, 1859 г., № 19. Упомянутое свидѣтельство современника о Петровѣ принадлежитъ М. Н. Муравьеву. Дополнимъ его слѣдующими указаніями: «В. П. Петровъ, сколько я знаю, не говоритъ никогда о стихахъ... Онъ учтивъ по благопристойности, но сердце его хотѣло бы имѣть свободу сказать: я не хочу съ вами знаться.... Это тотъ изъ нашихъ стихотворцевъ, который знаетъ наибольшее число языковъ; ибо онъ читаетъ въ подлинникахъ Гомера, Виргилія, Мильтона, Вольтера, безъ сомнѣнія Тасса и, помнится мнѣ, Клопштока».

О Костровѣ см. въ 1 т. моей Историч. Хрест. (стр. 481 и 482), въ «Мелочахъ», М. Дмитріева, и въ разборѣ этой книги, г. Тихонравова (Отеч. Зап. 1855, № 1). Мысли, замѣчанія и отрывки, въ Смир. изд. сочиненій Муравьева, 1847, т. 2, стр. 378—379.

Муравьевъ (Михаилъ Никитичъ) род. въ Вологдѣ, гдѣ его дѣтство протекло при «нѣжнѣйшемъ отцѣ» и любящей сестрѣ. Воспоминаніе о «златыхъ дняхъ, проведенныхъ подъ сѣнью родины», сохранилось въ стихахъ: «Путешествіе». Отцу былъ онъ обязанъ первымъ развитіемъ своихъ способностей. Потомъ воспитывался въ москов. университетѣ, гдѣ слушалъ Барсова и Шадена: признательное къ нимъ чувство выражено въ «Посланіи къ И. П. Тургеневу», который былъ его товарищемъ по ученію и остался навсегда его другомъ. Не забывая добра, кѣмъ-либо ему оказаннаго, Муравьевъ болѣе всего питалъ благодарность за полезныя дѣйствія на умъ и нравственность. Душею привязывался онъ къ тѣмъ, которые благодѣтельствовали его душѣ. Къ такимъ лицамъ, кромѣ отца и сестры, относилъ онъ Хераскова, Львова, Ханыкова, Майкова, Барсова. Въ университетѣ Муравьевъ выучился латинскому языку и пріобрѣлъ основательныя свѣдѣнія въ исторіи и словесности. Но не школѣ, а себѣ преимущественно, чтенію и размышленію, онъ одолженъ своимъ многостороннимъ образованіемъ. Знаніе древнихъ и новыхъ языковъ (греч., лат., франц., нѣм., англ. и итал.) доставило ему возможность читать въ подлинникахъ классическія произведенія ученыхъ и поэтовъ, переводить Горація и Виргилія и подражать имъ. Первымъ его подражаніемъ Виргилію, кажется, была «Эклога» (1771), которую онъ написалъ четырнадцати лѣтъ отъ роду. Стихи для такого возраста очень хороши. Въ нихъ не замѣтно порабощенія славянскому игу, столь обыкновеннаго у многихъ нашихъ стихотворцевъ, современныхъ Муравьеву; нѣтъ желанія парить или влагать въ уста разговаривающихъ пастуховъ возвышенныя рѣчи. По выходѣ изъ университета, Муравьевъ записался въ гвардію. Н. Кошанскій (На кончину М. Н. Муравьева, Вѣст. Евр. 1807, № 19) говоритъ, что онъ, будучи писаремъ въ семеновскомъ полку, свободное время проводилъ въ академической библіотекѣ, платя сторожамъ за то, что они его туда пускали. Но въ сочиненіяхъ этого времени на заглавныхъ листахъ выставленъ не семеновскій, а измайловскій полкъ. Такъ, будучи каптенармусомъ и сержантомъ этого полка, онъ напечаталъ: «Переводныя стихотворенія» (1773); «Басни въ стихахъ» (1773); «Петронія Арбитра гражданская война, поэма, переводъ съ лат. стихами» (годъ не выставленъ); «Военная пѣснь» (1774, а въ собраніи сочиненій подъ 1773); «Похвальное слово Ломоносову» (1774); «Оды» (1775). Въ переводныхъ стихотвореніяхъ находимъ оды Горація и Анакреона, нѣсколько піесъ Буало и нѣмецкихъ авто-

ровъ. Къ «Гражданской войнѣ» присоединенъ также переводъ Гораціевой оды къ друзьямъ. О посланіи къ Тургеневу, 1774 г., мы уже говорили. Въ другомъ посланіи, жалуясь на лѣнь, «замедляющую успѣхи дарованья», на трудность быть свѣтскимъ человѣкомъ и писателемъ, Муравьевъ говоритъ о своей службѣ въ полку:

Поэтомъ трудно быть, а легче офицеромъ;
Съ Доратомъ я успѣлъ сравниться въ томъ,
Что онъ, какъ я, былъ мушкетеромъ.

Нѣсколько стихотвореній Муравьева помѣщено въ Опытѣ трудовъ Вольнаго Рос. собранія (1774—1783); въ Собесѣдникѣ, 1783 («Воспоминаю дни, съ тобою провожденны»; «Постойте: вобразимъ, друзья, бѣгуще время»); въ Аонидахъ, 1797 (Сила генія; Богинѣ Невы; Надгробіе Е. Л. Нарышкиной). Стихотвореніе «Роща» замѣчательно живымъ сочувствіемъ автора природѣ. Оно написано гексаметромъ, который впервые употребленъ здѣсь послѣ гексаметровъ Тилемахиды. Въ 1785 г. Муравьевъ поступилъ въ число воспитателей при в. к. Александрѣ Павловичѣ и Константинѣ Павловичѣ. По порученію Екатерины, перевелъ онъ съ англ. комедію Шеридана: «Школа злословія» (пред. 1793, нап. 1794) (*). Для чтенія великимъ князьямъ писалъ онъ небольшія статьи, относящіяся къ предметамъ его преподаванія: онѣ изданы въ 1796 (Опыты исторіи, письменъ и нравоученія). Другимъ, болѣе полнымъ ихъ изданіемъ занимался Карамзинъ (2 ч., 1810). Въ 1815 г. нап. «Обитатель предмѣстія и Эмиліевы письма», съ приложеніемъ «Письма (Батюшкова) къ И. М. Муравьеву-Апостолу о сочиненіяхъ Муравьева». Сочиненія Муравьева были изданы три раза: первое изданіе, 3 ч. (1819—1820); второе, Смирдинское, въ Пол. собр. сочин. рус. авт., 2 ч. (1847); третье, сына Смирдина, 2 ч. (1856). Сочиненія, оставшіяся въ рукописяхъ: Переводъ поэмы Ломоносова: «Петръ Великій», лат. стихами; нѣсколько пѣсней поэмы: «Полтавская побѣда»; трагедія: «Болеславъ» (неконченная).

§ 225. Для исторіи литературы, имѣющей дѣло съ прошедшимъ, весьма важно обозначать то дѣйствіе, которое писатель производилъ на своихъ современниковъ. Многіе приговоры ихъ о достоинствѣ или недостаткахъ сочиненій нерѣдко отличаются замѣчательною вѣрностію и переходятъ въ позднѣйшую эпоху, какъ статья окончательно рѣшенная. Если новая критика не всегда видитъ въ нихъ сознательное, всестороннее обслѣдованіе факта, то, по крайней мѣрѣ, всегда обязана уважать ихъ, какъ свидѣтельство впечатлѣнія, произведеннаго фактомъ. Опираясь на отзывы тѣхъ людей, которые непосредственно, подъ вліяніемъ живо-трепещущихъ интересовъ, внимали голосу современнаго имъ поэта, она только подробнѣе и основательнѣе раскрываетъ объемъ и содержаніе понятія, выраженнаго этими отзывами. Еще лучшимъ руководствомъ для оцѣнки поэтическаго творчества можетъ служить исповѣдь самого автора, какъ бы она ни была имъ выговорена—безсознательно ли, по одному инстинктивному чувству, или съ яснымъ представленіемъ своей особенности.

Такой способъ сужденія прилагается къ личности Державина (1743—1816), какъ поэта. Его называли и теперь называютъ «пѣвцомъ Екатерины». Пѣвцомъ Екатерины останется онъ и для нашего потомства. Онъ самъ смотрѣлъ на себя съ той же точки зрѣнія. Сознаніе своей поэтической дѣятельности внушило ему нѣсколько стихотвореній, въ которыхъ онъ указываетъ на ея главную заслугу. «Тобой безсмертенъ буду самъ», говоритъ онъ въ «Видѣніи Мурзы» (1783), соединяя свою громкую извѣстность съ величіемъ Екатерины. Піеса: «Мой истуканъ» (1794), не находитъ въ гражданской дѣятельности автора ничего такого, чтобы заслуживало ему честь—видѣть бюстъ свой, изваянный рукою художника и выставленный на всенародное удивленіе. Хотя Державинъ и признаетъ ея досто-

(*) Неизвѣстно почему, этотъ переводъ приписанъ, въ Росписи Смирдина (№ 7728), Ивану Муравьеву. Другой переводъ, съ нѣм., вышелъ раньше (1791), подъ заглавіемъ: «Школа клеветы, или вкусъ пересуждать другихъ».

инство, но не въ такой мѣрѣ, которая стоила бы кумира, потому что дѣятель былъ только органомъ благости, исходившей отъ престола. Но если, замѣчаетъ онъ, нѣтъ у меня дѣлъ, за чтобы слѣдовало изваять мой кумиръ,

Въ достоинство вмѣнить я смѣю,
Что зналъ достоинства я чтить;
Что могъ изобразить Фелицу,
Небесну благость во плоти;
Что пѣлъ я Россовъ ту царицу,
Какой другой намъ не найти
Ни днесь, ни впредь, въ пространствѣ міра:
Хвались, моя, хвались тѣмъ, лира!

Посвящая первое собраніе своихъ стихотвореній императрицѣ, Державинъ, въ «Приношеніи» (1795), называетъ свое безсмертіе отголоскомъ ея славы:

Забудется во мнѣ послѣдній родъ Багрима,
Мой вросшій въ землю домъ никто не посѣтитъ;
Но лира коль моя въ пыли гдѣ будетъ зрима
И древнихъ струнъ ея гдѣ голосъ прозвенитъ,
Подъ «именемъ Твоимъ» громка она пребудетъ:
Ты «славою»—Твоимъ я «эхомъ» буду жить.

Съ большей полнотой опредѣлено значеніе поэтической дѣятельности Державина въ «Памятникѣ» (1796). Подражая одѣ Горація: «Къ Мельпоменѣ», онъ объясняетъ свою всерусскую славу тѣмъ, что первый дерзнулъ

..... въ забавномъ русскомъ слогѣ
О добродѣтеляхъ Фелицы возгласить,
Въ сердечной простотѣ бесѣдовать о Богѣ
И истину царямъ съ улыбкой говорить.

Разсмотримъ содержаніе приведенныхъ отрывковъ. Всѣ они относятся къ эпохѣ совершенной зрѣлости таланта, который уже выказалъ свою силу цѣлымъ рядомъ замѣчательнѣйшихъ произведеній. Было уже довольно матеріаловъ, чтобы и оцѣнить свое право на памятникъ, и смѣлою рукою воздвигнуть его. Въ этой самооцѣнкѣ Державина видимо различается содержаніе его поэзіи отъ ея формы и тона. Богъ, добродѣтели Фелицы, истина: вотъ что воспѣвалъ поэтъ на своей лирѣ; забавный слогъ, сердечная простота, улыбка: вотъ какъ воспѣвались выбранные имъ предметы. Къ первому пункту поэтической исповѣди мы обратимся послѣ: положительные признаки, которыми онъ характеризуетъ Державина, будутъ намъ понятнѣе, когда мы познакомимся съ формою его стихотвореній. Что касается до втораго пункта, то слова: «въ сердечной простотѣ», должны быть названы поэтическою вольностью. Всего меньше могутъ они относиться къ одѣ «Богъ» (1784), которая бесѣдуетъ о вѣчности, безконечности, всемогуществѣ и другихъ свойствахъ Творца, и которую, безъ всякаго сомнѣнія, имѣлъ въ виду авторъ, когда писалъ «Памятникъ». Легко найти въ ней величіе образовъ и силу лирическаго полета, но никакіе поиски не откроютъ сердечной простоты или наивности. Не изъ наивно-сердечнаго настроенія она вылилась. Нѣкоторыя строфы этой оды суть не что иное, какъ статьи христіанской догматики, переложенныя прекрасными стихами. За тѣмъ остаются: «забавный русскій слогъ», которымъ поэтъ возглашалъ о дѣлахъ Екатерины, и «улыбка», которою онъ сопровождалъ свои правдивыя наставленія царямъ. Характеристика вполнѣ вѣрная и точная. Она подтверждается многими дру-

гими піесами Державина, равно какъ и присоединенными къ нимъ поясненіями. «Видѣніе Мурзы» говоритъ тоже самое, только замѣняя улыбку шуткой, а истину правдой:

И въ шуткахъ правду возвѣщу;

а въ примѣчаніяхъ къ «Памятнику» прямо указано, что «Державинъ былъ первый изъ русскихъ писателей, сочинявшій лирическія піесы въ забавномъ слогѣ». Это сочетаніе двухъ противоположныхъ тоновъ, возвышеннаго и забавнаго, въ формѣ одъ, и составляетъ отличительный характеръ его лирики. Мѣстами оно пробивалось въ самыхъ первыхъ его піесахъ, но со всею ясностью обнаружено «Фелицей» (1782). Отсюда начинается «особый путь», выбранный нашимъ поэтомъ по совѣту друзей—Капниста, Хемницера и преимущественно Н. Львова. До этого времени онъ подражалъ Ломоносову. «Я хотѣлъ парить», говоритъ онъ, «и не могъ постоянно выдерживать красивымъ набором словъ, свойственныхъ единственно россійскому Пиндару, велелѣпія и пышности». Оды: «Ключъ», «На смерть кн. Мещерскаго», «На рожденіе въ сѣверѣ порфиророднаго отрока» (всѣ три 1779 г.), стоятъ на переходѣ отъ прежняго, «подражательнаго», направленія лирики Державина къ ея новому, «самобытному», направленію. Оригинальность послѣдняго такъ пріятно поразила современниковъ, что они тотчасъ же ее замѣтили и оцѣнили по достоинству. Вскорѣ за появленіемъ «Фелицы», напечатано было нѣсколько похвальныхъ стихотвореній ея автору. «Письмо къ Ломоносову», Козодавлева, говоря о новомъ парнасскомъ пути, проложенномъ Державинымъ, прибавляетъ, что

......кромѣ пышныхъ одъ,
Во стихотворствѣ есть «иной хорошій родъ».

Признаки «инаго стихотворнаго рода» указаны его противоположностью «пышнымъ одамъ». «Оды», замѣчаетъ одна статья «Собесѣдника», въ первой книжкѣ котораго напечатана «Фелица», «наполненныя именами баснословныхъ боговъ, наскучили и служатъ пищею мышамъ и крысамъ; «Фелица» написана совсѣмъ инымъ слогомъ, какъ прежде такого рода стихотворенія писались». Костровъ, въ «Письмѣ къ Державину», привѣтствовалъ поэта за обрѣтеніе имъ непротоптаннаго пути, за умѣнье безъ лиры и Пегаса воспѣть Фелицины дѣла, за небывалое искуство въ одно и тоже время «и важно пѣть и играть на гудкѣ». Онъ признается, что нашъ слухъ почти оглохъ отъ громкихъ тоновъ: пора оставить облака, чтобы, летя съ высоты, не сломать себѣ рукъ и ногъ; пора заводить болѣе скромныя пѣсни, слѣдуя за Державинымъ, «установителемъ новаго вкуса» въ стихахъ. Костровъ, какъ мы видѣли, заставилъ даже невскихъ Нимфъ внимать «Фелицѣ».

Какимъ бы именемъ ни означали особенность той стихіи, которою отличается лирика Державина: забавнымъ ли тономъ, простотою ли слога, или шуткой,— фактъ остается неизмѣннымъ при всѣхъ возможныхъ эпитетахъ. Онъ первый поколебалъ у насъ господство лжеклассической оды, первый «исторгнулъ ее изъ тѣсныхъ предѣловъ учебно-систематическихъ сочиненій, наполняемыхъ общими риторическими мѣстами и располагаемыхъ единственно по обыкновеннымъ формамъ». Выступая съ трескотней и мишурнымъ блескомъ, обращая хвалебныя пѣснопѣнія то въ ученый трактатъ, то въ наставительную проповѣдь, послѣдователи Ломоносова думали держать рѣчь съ богами, по словамъ Буало. Надобно было низвести

нихъ съ мнимо-олимпійской высоты, показавъ на дѣлѣ, что простота и естественность, которыхъ они чуждались, такъ же приличны одѣ, какъ и всѣмъ прочимъ родамъ и видамъ поэзіи. Державинъ то и сдѣлалъ. Внутреннею его настроенностью обусловливался характеръ его сочиненій, а характеромъ — внѣшнее выраженіе. Поэтому въ словахъ, которыми обозначаютъ новооткрытый имъ лирическій путь (забавный или шутливый тонъ, простота слога), нѣтъ ни существенныхъ различій, ни смѣшенія понятій. Всѣ три предмета отвѣчаютъ другъ другу: чувство поэта настроивало его пѣсни на особый ладъ, а этотъ особый ладъ требовалъ также особаго, свойственнаго ему слога. «Разъявъ анатомическимъ ножемъ слогъ Державина», говоритъ Гоголь, «увидишь необыкновенное соединеніе самыхъ высокихъ словъ съ самыми низкими и простыми, на что бы никто, кромѣ его, не отважился. Кто бы посмѣлъ, кромѣ его, выразиться такъ, какъ выразился онъ въ одномъ мѣстѣ о величественномъ мужѣ, въ ту минуту, когда онъ все уже исполнилъ, что нужно на землѣ:

И смерть, какъ гостью, ожидаетъ,
Крутя, задумавшись, усы?

Кто, кромѣ Державина, осмѣлился бы соединить такое дѣло, каково ожиданіе смерти, съ такимъ ничтожнымъ дѣйствіемъ, каково крученіе усовъ?» Въ сочетаніи противоположныхъ тоновъ, величественнаго и забавнаго, послѣдній нерѣдко восходитъ у Державина до строгаго обличенія и грозной кары. Отсюда являются особыя, двустихійныя стихотворенія, которыя могутъ быть названы «одами-сатирами», или «сатирами-одами», смотря потому, на сторонѣ какой стихіи оказывается преимущество. Въ нихъ, рядомъ съ картиною важныхъ отступленій отъ нравственнаго идеала, представлена картина достоинствъ, въ большей или меньшей мѣрѣ идеальныхъ. Такъ «Вельможа» (1794) изображаетъ черты истинной знатности, противополагая ее ложному барству; такъ и въ «Фелицѣ» доблести киргизъ-кайсацкой царевны ярче выступаютъ въ сравненіи съ развратомъ окружающихъ ее особъ. Сатира Державина имѣетъ главнымъ своимъ предметомъ нравы двора и высшаго общества. Она преслѣдуетъ эгоизмъ, сибаритство, безумную роскошь, кичливость древнимъ родомъ, темныя интриги, ласкательство, угодничество. Рѣзкость и смѣлость ея обличеній умѣряются поэтическими образами государственнаго величія, мужественнаго патріотизма и нравственной стойкости. Передъ лицемъ человѣка, который есть ложь и клевета на человѣчество, возвышается «прямой герой», строгій къ самому себѣ, крѣпкій своею правдой, недвижимый ни страстями, ни несчастіями. Къ этимъ одамъ-сатирамъ, составляющимъ наилучшій отдѣлъ Державинской лирики, относятся, сверхъ «Вельможи», стихотворенія: «На счастіе» (1789), «Мой истуканъ» (1794) и нѣкоторыя другія.

Обращаемся къ тѣмъ словамъ «Памятника», которыя указываютъ предметъ и содержаніе поэзіи Державина. Онъ «возглашалъ о добродѣтеляхъ Фелицы», т. е. былъ пѣвцомъ Екатеринина царствованія: значитъ, въ его пѣсняхъ отразилась современная эпоха русской жизни, государственной и общественной. Отраженіе, дѣйствительно, яркое; связь между дѣятельностію поэта и вѣкомъ, въ которомъ онъ жилъ, очевидная. Никто не станетъ отрицать, что если исторія времени, когда являлись сочиненія Державина, служитъ необходимымъ для нихъ комментаріемъ, то, съ другой стороны, эти самыя сочиненія во многомъ поясняютъ исто-

рію своего времени. Но вопросъ не въ этомъ, а въ томъ, какого рода отношеніе поэтической дѣятельности Державина къ современной ему эпохѣ?

Чтобы съ успѣхомъ воспроизводить дѣйствительность, необходимо понимать ея смыслъ и значеніе. Можно изображать историческіе или общественные факты безъ глубокаго на нихъ взгляда, даже безъ разумнаго о нихъ понятія; и можно, изображая ихъ, раскрывать направленіе исторіи и общества, знакомить читателя съ идеями, которыя осуществляются рядомъ извѣстныхъ явленій. Разумѣніе силы вещей, конечно, не замѣняетъ дара творчества; но творчество безъ разумѣнія большею частію схватываетъ въ вещахъ случайность и внѣшность: оно видитъ блескъ, отражаемый внутреннимъ огнемъ, а самого огня не замѣчаетъ; оно слышитъ шумъ, вырывающійся наружу, а работа и движеніе, отъ которыхъ шумъ происходитъ, остаются для него тайной. Просвѣщенное наблюденіе надъ окружающею насъ средою, анализъ ея началъ и сущности даютъ поэту способы и въ мелкомъ, по видимому, фактѣ подсмотрѣть крупное знаменіе; напротивъ, кто не на столько уменъ или образованъ, чтобы основное въ исторіи отдѣлять отъ случайнаго историческаго, тотъ и міровое событіе готовъ измѣрять по одному его внѣшнему пространству или количеству. Лирикъ больше или меньше долженъ быть человѣкомъ мыслящимъ, наравнѣ съ драматургомъ и романистомъ. Въ предметѣ, обратившемъ на себя его вниманіе, онъ останавливается не на томъ особенно, что̀ прежде всего бросилось ему въ глаза или что̀ поразило его неожиданно, а на томъ, что̀ наиболѣе способно поражать умъ и чувство. Такъ для художника-портретиста важны не части и черты лица, которое онъ переноситъ на полотно: для него важна физіономія, ими образуемая, какъ внѣшнее выраженіе внутренняго человѣка, почему лице и называютъ зеркаломъ души. Потомъ и самое чувство, возбужденное предметомъ, должно выдти изъ своего непосредственнаго состоянія, подвергнуться мысли чувствующаго и выдать ей свое достоинство и значеніе. Объяснимъ сказанное примѣромъ. Мало ли было написано у насъ и за границею стихотвореній по поводу смерти Наполеона? Они славили его величіе или воспоминали его грозное тяготѣніе надъ Европой. Русскій поэтъ имѣлъ бы право (по крайней мѣрѣ, никто не сталъ бы у него оспаривать права) «возмутить укоромъ развѣнчанную тѣнь», признать въ Наполеонѣ единственно тирана и хищника, даже уподобить его апокалипсическому звѣрю, какъ это дѣлали Державинъ и многіе другіе. Однакожъ мы читаемъ совершенно иное въ одѣ Пушкина (Наполеонъ): она не только произноситъ слово примиренья, но и даетъ знать о томъ, чего не знали многіе — о высокомъ жребіи, указанномъ русскому народу бывшимъ врагомъ его, о вѣчномъ освобожденіи, которое онъ завѣщалъ міру изъ мрака ссылки. Здѣсь видимъ разумную, на внутреннемъ смыслѣ факта утвержденную связь между этимъ фактомъ и поэтическимъ произведеніемъ, въ которомъ поэтъ выразилъ свой взглядъ на него, свое чувство, имъ возбужденное. У Державина мы не находимъ такого отношенія къ современной ему дѣйствительности. Внѣшняя сторона исторіи производила на его впечатлительную натуру сильное дѣйствіе. Онъ не то, что Фонъ-Визинъ, котораго, какъ намъ извѣстно (§ 210), всегда занимало значеніе событій. Н. Полевой справедливо озаглавилъ «поэтическою лѣтописью» весь отдѣлъ стихотвореній Державина, въ которыхъ изображается Екатерининъ вѣкъ. Именно лѣтопись, а не исторія: лѣтопись съ своимъ блистательнымъ пересказомъ блистательныхъ событій, всякому слышныхъ и для

всякаго видныхъ; но не исторія, раскрывающая судьбу общества въ данный моментъ. Всѣмъ извѣстно, что капитальный вопросъ о воспитаніи общественномъ какъ будто не существовалъ для поэта. Замѣчательно также, что «Наказъ» не внушилъ ему ни одной оды. Скажутъ, что Державинъ началъ писать уже послѣ того, какъ Наказъ былъ обнародованъ. Но идеи этого памятника надолго сдѣлались достояніемъ литературы. «Недоросль», явившійся въ 1783 г., такъ тѣсно съ ними связанъ, что безъ нихъ не можетъ быть и объясненъ удовлетворительно. Отъ чего же «Фелица», напечатанная въ томъ же 1783 г., касается ихъ едва нѣсколькими стихами? «Изображеніе Фелицы» (1789) давало Державину прекрасный случай представить на одной картинѣ существенныя черты ея характера и того новаго движенія, которымъ были обязаны ей просвѣщеніе, литература, гражданское устройство, политическая сила отечества. Но изъ 58 строфъ оды только три «воспоминаютъ», въ краткомъ перечетѣ, «вѣщанія» (т. е. уставы) императрицы «ея безчисленнымъ ордамъ»; въ остальныхъ же немногіе стихи, иногда смѣлыми оборотами, указываютъ духъ ея царствованія: все прочее устремлено на внѣшность, отъ лица и осанки царевны до истукана Зороастрова, на который она облокотилась, и ея орла, сгибающаго ногою рога луны. Разнородные предметы собраны въ большомъ количествѣ, но безъ должной сортировки. Рафаэль не взялся бы уложить въ портретѣ такой громоздкій матеріалъ. По стихотворенію «Зима» (1805) можемъ судить о стимулѣ Державинской поэзіи. Въ разговорѣ съ своей музой, поэтъ объясняетъ причину ея печальнаго безмолвія: нѣтъ уже болѣе ни Фелицы, ни Плѣниры, нѣтъ харитъ и друзей:

Звукъ торжественныя лиры
Посвятимъ кому твоей?
Посвятишь ли въ честь ты Хлору,
Иль Добралѣ въ славу ты?
Трубъ у нихъ не слышно хору,
Дни ихъ тихи, какъ листы.

И такъ трубные голоса—вотъ побужденіе его лиры, а не тихіе дни, въ которые совершается работа болѣе дѣятельная и полезная, зрѣютъ сѣмена, болѣе плодотворныя, отъ которыхъ потомъ «земля цвѣтетъ какъ кринъ». Не надобно забывать, что приведенные стихи написаны въ эпоху прогрессивныхъ мѣръ, задуманныхъ новымъ императоромъ, который, вступая на престолъ, объявилъ, что онъ будетъ царствовать въ духѣ своей бабки. Что же значитъ сѣтованіе музы? или она не одобряла духа первыхъ реформъ Александра, находя въ нихъ нѣчто новое, несогласное съ дѣлами Фелицы, или не распознавала того же духа, что̀ дѣйствовалъ и въ прошломъ вѣкѣ, возбуждавшемъ ея громкія пѣсни. Противорѣчіе ли себѣ самой, отсталость ли отъ времени слышится въ ея «зимнемъ» голосѣ? Можетъ быть, и то и другое. Вообще Державинъ, ни по свойствамъ характера, ни по степени образованія, не былъ способенъ къ анализу жизни. Уровень его поэтическаго таланта стоялъ гораздо выше уровня его познаній и ума. «Кто велъ его на Геликонъ и управлялъ его шагами?

Не школъ витійственныхъ содомъ:
Природа, нужда и враги».

«Объясненіе этихъ строкъ», писалъ Державинъ, «составитъ исторію моего стихотворства, причину онаго и необходимость». Но оно въ тоже время свидѣтельствуетъ объ отсутствіи прочной науки, развивающей и укрѣпляющей природныя способности.

Безъ началъ, данныхъ основательнымъ ученіемъ или выработанныхъ самостоятельною мыслію, исторія стихотворства, какъ и всякой другой дѣятельности, обыкновенно бываетъ или не тверда, т. е. мѣняетъ свои направленія, или поверхностна, т. е. своими явленіями не воспроизводитъ сущности историческихъ явленій. Даже серьезной начитанности, которою часто восполняется недостатокъ школы, не видно въ авторскихъ трудахъ Державина. «Нужда и враги», иначе житейская опытность, конечно, научили его многому, но не могли сообщить ему высоты воззрѣній. Характеръ поэта также мѣшалъ обстоятельному пониманію предметовъ. Въ стихотвореніи «Къ самому себѣ» (1798), Державинъ говоритъ, что онъ «горячъ и въ правдѣ чортъ». Горячій человѣкъ всего менѣе способенъ къ безошибочному различенію сущности отъ несущественнаго. Онъ легко заблуждается и безъ умысла творитъ иногда тоже самое, чего холодный кривдолюбъ достигаетъ съ расчетомъ. Довѣрчивый и впечатлительный, Державинъ легко поддавался разнороднымъ вліяніямъ. Первымъ чувствомъ, первою мелькнувшею въ головѣ мыслію рѣшались его слова, а иногда и дѣла. Не имѣлъ онъ силы противодѣйствія самому себѣ, которая дается повѣркою разума или косностью нрава: и потому-то, думая быть самостоятельнымъ, зависѣлъ отъ родныхъ и знакомыхъ, какъ это извѣстно изъ записокъ Храповицкаго; думая быть послѣдовательнымъ, впадалъ въ противорѣчія; думая быть вполнѣ справедливымъ, провинялся передъ правдой. Многія стихотворенія его совмѣщаютъ несовмѣстимыя вещи. Почти одновременно поэтъ являлся и наивно-вѣрующимъ и скептикомъ. Онъ совершалъ быстрые переходы отъ гимновъ безстрастному герою-стоику къ благосклонному одобренію эпикуреизма, отъ практическаго взгляда на жизнь къ самой странной мистикѣ, и на оборотъ. Эпиграфы къ его сочиненіямъ изъ Тацита и изъ Плиніева похвальнаго слова Траяну написаны тою же рукою, которая бросила камень въ книгу Радищева (см. ниже). Съ одной стороны насмѣшки надъ масонствомъ, а съ другой такія сочиненія, которыя служатъ торжествомъ для масоновъ и переводятся ими на разные языки. Въ лицѣ Потемкина прославляются достоинства истиннаго вельможи (Рѣшемыслу, 1783), и онъ же даетъ поводъ изобразить вельможу-эгоиста, преданнаго сибаритству, глухаго къ слезамъ вдовы и просьбамъ инвалида. Историческое сужденіе запрещаетъ быть строгимъ къ похвальной лирикѣ; однако нельзя не замѣтить страннаго различія между одами Павлу и Александру, при восшествіи ихъ на престолъ. Горячее развитіе мысли иногда давало поводъ къ противорѣчію между началомъ піесы и ея концемъ, какъ напр. въ «Приглашеніи къ обѣду» (1795). Первая строфа живописно исчисляетъ приготовленія къ обѣду:

Шекснинска стерлядь золотая,
Каймакъ и борщъ уже стоятъ;
Въ графинахъ вина, пуншъ, блистая,
То льдомъ, то искрами манятъ;
Съ курильницъ благовонья льются,
Плоды среди корзинъ смѣются,
Не смѣютъ слуги и дохнуть;

а послѣдніе стихи, будто забывая, что имъ предшествовало, выводятъ изъ него слѣдующій толкъ: «блаженство не во вкусѣ яствъ; умѣренность есть лучшій пиръ». Хотя понятіе объ умѣренности относительное, но все же трудно согласить его съ картиною приготовленнаго пира. Отъ забывчивости, вѣроятно, произошла и ошибка въ первомъ четырестишіи «Потопленія» (1796):

Изъ-за облакъ *мѣсяцъ красный*
Всталъ и *смотрится въ рѣкѣ;*
Сквозь туманъ и *мракъ ужасный*
Путникъ ѣдетъ въ челнокѣ.

При лунномъ свѣтѣ, отражающемся въ водѣ, не можетъ быть «ужаснаго мрака». Въ стихѣ: «*шепнешь* въ-слухъ страннику, въ дали какъ тихій *громъ*» (Жизнь Званская) соединены предметы несоединяемые—«шопотъ» и «громъ». Мы не ставимъ этихъ разногласій въ нравственный укоръ музѣ Державина. Все это дѣлалось имъ столько же честно, сколько и безсознательно. По честности, по стремленію къ правдѣ, по чувству долга и законности, передъ которымъ молчали его личные интересы, онъ былъ однимъ изъ лучшихъ людей своего времени. Онъ не хотѣлъ и не думалъ ошибаться, но ошибался. Онъ всегда старался поступать по крайнему разумѣнію, которое считалъ за истину, но которое, невѣдомо для него, иногда заключало въ себѣ неправду или противорѣчіе. Причины этой внутренней несостоятельности указаны выше. Ими достаточно объясняется, почему онъ, какъ «пѣвецъ Екатерины», уступаетъ Фонъ-Визину въ солидности и разумности отношенія своей поэзіи къ современной ему эпохѣ, равно какъ и то, почему его записки, въ такой же мѣрѣ, уступаютъ «Чистосердечному признанію» Фонъ-Визина. Автобіографія Державина есть тоже лѣтописный указатель событій его жизни, не болѣе: она знакомитъ насъ съ внѣшнею стороною его дѣятельности, не раскрывая стороны внутренней; въ ней нѣтъ анализа страстей и убѣжденій, нѣтъ картины психическаго развитія человѣка. Біографъ останавливается на томъ, что явлено, умалчивая о томъ, чѣмъ вызывались явленія, т. е. о сокровенныхъ причинахъ и побужденіяхъ, зараждавшихся въ глубинѣ характера и приходившихъ въ столкновеніе съ дѣйствительнымъ міромъ.

Но если Державинъ изображаетъ современную эпоху и событія своей жизни, какъ лѣтописецъ,не раскрывая идей, лежащихъ въ содержаніи того и другаго, то, съ другой стороны, по всѣмъ его стихотвореніямъ проходитъ одна мысль, которая сообщаетъ имъ особую цѣнность, независимо отъ ихъ историческаго значенія. Эта мысль — достоинство человѣка, какъ человѣка, въ его отрѣшеніи отъ всѣхъ иныхъ, временныхъ и мѣстныхъ, достоинствъ. Подобно Гамлету, который наилучшимъ образомъ оцѣнилъ своего отца, сказавъ, что онъ былъ «человѣкъ», Державинъ опредѣляетъ истинную цѣну каждаго лица не тѣми званіями, въ которыхъ оно находилось по волѣ судьбы, а единственно тѣмъ, сохранило ли оно на всякомъ мѣстѣ и во всякое время священное званіе человѣка, неподвластное никакимъ превратностямъ судьбы. Суета суетъ! часто восклицаетъ стихотворецъ: вся наша жизнь—пустое мечтаніе; главное дѣло—быть человѣкомъ, а все прочее тлѣнъ и прахъ. Восклицаніе естественное въ устахъ того, кто и вчужѣ видѣлъ и на себѣ испыталъ непрочность земныхъ благъ вообще, общественныхъ положеній въ частности. Передъ его глазами непрерывно вертѣлось колесо фортуны, представляя тщету величія и славы. Придворная жизнь, блескъ и пышность вельможъ, побѣдныя торжества и роскошные пиры, всѣ треволненія политическія и общественныя устремляли его мысль отъ шума и грома къ тишинѣ, отъ превратности людской къ тому, что̀ въ людяхъ должно оставаться несокрушимымъ и неприкосновеннымъ. Съ особенною силою возникаетъ эта мысль при какихъ-нибудь разительныхъ ударахъ судьбы: при опалѣ случайнаго лица, при разгромѣ обширныхъ замысловъ, при смерти вельможи, который сарданапаловски наслаждался жизнію, но и кончилъ ее гибельно, какъ Сарданапалъ.

Тогда-то Державинъ ищетъ притона и спасенія «въ заливѣ совѣсти», которая должна сказать ему, не потемнился ли въ немъ человѣкъ. Уваженіемъ къ сану человѣка проникнуты всѣ его оды. Привѣтствуя появленіе въ свѣтъ «порфиророднаго отрока», онъ даетъ ему совѣтъ «быть на тронѣ человѣкомъ»; изображая Фелицу, заставляетъ ее сказать о себѣ: «я человѣкъ». Чувство человѣчности, сознаніе достоинства человѣка—преобладающій мотивъ поэзіи Державина. Постоянною темою его стихотвореній служитъ торжество вѣчнаго и неизмѣннаго надъ преходящимъ и тлѣннымъ.

Въ чемъ же заключается главное достоинство человѣка? Гимнъ «истинѣ» (1778) доказываетъ бытіе Бога міромъ физическимъ и духовнымъ существомъ нашимъ. Богъ въ истинѣ, говоритъ Державинъ; истина же является и внутри и внѣ человѣка: внутри какъ совѣсть, внѣ какъ правда. Отъ истины раждается добродѣтель; безъ правды рушатся царства. Слѣдов. истина, или правда (которыя иногда различаются поэтомъ, а иногда сливаются въ одномъ понятіи), и ея плодъ—добродѣтель—составляютъ главное достоинство человѣка, который есть образъ и подобіе Бога. Потому-то слова генія: «будь на тронѣ человѣкъ!» произнесены имъ въ то время, какъ онъ заараждалъ въ царственномъ отрокѣ «добродѣтель». Потому-то и главная обязанность каждаго человѣка—истина, правда. Поэтъ въ особенности долженъ быть глашатаемъ правды (Капнисту, 1797), ея поборникомъ и другомъ, твердымъ щитомъ и сподвижникомъ. Державинъ такъ и понималъ свое призваніе. Какъ поэтъ, онъ съ улыбкой говорилъ царямъ истину, въ шуткахъ возвѣщалъ правду, превозносилъ добродѣтели Фелицы. Такимъ образомъ мы снова пришли къ «Памятнику», отъ котораго начали свое сужденіе. Профессоръ Шевыревъ справедливо сказалъ, что въ поэзіи Державина выражается «идея правды». Гимномъ правдѣ (или правосудію), безъ которой рушатся царства, служитъ «Введеніе Соломона въ судилище» (1798), сочиненное по случаю введенія императоромъ Павломъ великаго князя Александра въ присутствіе сената. И всѣ другія стихотворенія Державина проникнуты этою идеей; онъ постоянно учитъ одному и тому же: что лишь истина даетъ вѣнцы; что лишь праведника (человѣка, шедшаго стезею правды) святъ кумиръ; что великіе міра тогда только велики, когда любятъ правду, и на столько велики, на сколько любятъ правду. Въ «Водопадѣ» (1791) и «Памятникѣ герою» (1791) начертанъ идеалъ правдиваго, честнаго мужа, рачителя общей пользы, котораго обелискъ крѣпокъ добродѣтелью, котораго сокровища—спокойный духъ и чистая совѣсть, для котораго долгъ-царь, а правда-богъ. Поэтъ и самъ стремится достигнуть идеальнаго совершенства (Мой истуканъ, 1794):

Хочу я *человѣкомъ* быть,
Котораго страстей отрава
Безсильна сердце развратить;
Кого ни мзда не ослѣпляетъ,
Ни санъ, ни месть, ни блескъ порфиръ;
Кого лишь *правда* научаетъ,
Любя себя, любить весь міръ
Любовью мудрой, просвѣщенной,
По *добродѣтели* священной.

Умъ и сердце человѣка были геніемъ Державина (Признаніе, 1808). Вдохновляемый ими, онъ любилъ указывать человѣку существенные предметы его природы. Это указаніе составляетъ моральный элементъ его пѣсенъ, въ которыхъ, говоря словами Мерзлякова, смѣло и открыто гремитъ сильный голосъ правды, почему

критика имѣла основаніе «нравственно-философическія» оды почитать лучшими произведеніями Державина. Изъ одного примѣчанія къ одѣ: «На умѣренность» (1792), видно, что лирикъ нашъ любилъ соединять поэзію съ нравоученіемъ. «Эпистола И. И. Шувалову» (1777) прямо говоритъ о пользѣ наставленій въ стихотворствѣ:

Согласіе стиховъ безъ истины—Цирцея.
Божественный языкъ на похвалу людямъ,
Безъ наставленья имъ, есть вредный ѳиміамъ.

Въ запискахъ своихъ Державинъ замѣчаетъ, что духъ его всегда былъ склоненъ къ морали. Дѣйствительно, мораль видна въ самыхъ первыхъ его стихотвореніяхъ (Всемилѣ, 1770, и Нинѣ, 1770). Поэзія, вышній даръ боговъ, должна быть обращена «не къ тлѣнной похвалѣ человѣковъ, а къ поученью ихъ путей» (Видѣніе Мурзы, 1783). «Разсужденіе о лирической поэзіи» развиваетъ мысль полнѣе: «поэзія есть языкъ боговъ, голосъ истины, лирикъ—герольдъ неба, органъ истины. Величіе, блескъ и слава сего міра проходитъ; но правда пребываетъ и пребудетъ во вѣки. Посему-то, думаю я, болѣе, а не по чему другому, дошли до насъ оды Пиндара и Горація, что въ первомъ блещутъ искры богопочтенія и наставленія царямъ, а во второмъ, при сладости жизни, правила любомудрія». Эти правила заставляютъ Державина искать счастія въ себѣ самомъ, а не въ коловратномъ свѣтѣ, цѣнить болѣе всего миръ совѣсти и тишину доброй жизни: «Блаженъ, кто доволенъ

Въ семъ свѣтѣ жребіемъ своимъ,
Обиленъ, здравъ, покоенъ, воленъ
И счастливъ лишь собой самимъ;
Кто сердце чисто, совѣсть праву
И твердый нравъ хранитъ въ свой вѣкъ,
И всю свою въ томъ ставитъ славу,
Что онъ лишь добрый человѣкъ.

Дѣла и страсти прошлыхъ вѣковъ, изображаемыя исторіею, дѣла и страсти настоящаго времени, извѣданныя поэтомъ въ жизни придворной и столичной, даютъ ему сильнѣе чувствовать блаженство того, кто, «почивъ въ тихомъ заливѣ совѣсти,

Ума на якорѣ глубокомъ
Сталъ въ челнѣ и спокойнымъ окомъ
На суету мірскую зритъ».

«Жизнь Званская» (1807), изображая идеалъ счастія, всегда носившійся въ душѣ поэта, проникнута элегическимъ чувствомъ, свойственнымъ опытному мужу, который, окончивъ службу и оканчивая поэтическое поприще, удалился въ уединеніе:

«Все суета суетъ!» я, воздыхая, мню;
Но, бросивъ взоръ на блескъ свѣтила полудневна:
«О, коль прекрасенъ міръ! Чтожъ духъ мой бременю?
Творцемъ содержится вселенна....

Да будетъ на землѣ и въ небесахъ Его
Единаго во всемъ вседѣйствующа воля!
Онъ видитъ глубину всю сердца моего,
И строится моя Имъ доля....

Онъ корни помысловъ, Онъ зритъ полетъ всѣхъ мечтъ
И поглумляется безумству человѣковъ;

Тѣхъ освѣщаетъ мракъ, тѣхъ помрачаетъ свѣтъ,
И днешнихъ, и грядущихъ вѣковъ».

Пріятности жизни и правила любомудрія, которыми, по словамъ Державина, блещутъ Гораціевы оды, были любимыми темами и нашего поэта, почему нравственно-философическія его стихотворенія назывались «гораціанскими». Даже сочетаніе двухъ тоновъ, важнаго и шутливаго, Мерзляковъ почиталъ свойствомъ римскаго сатирика. Державинъ часто подражалъ ему или переводилъ изъ него (Памятникъ, Капнисту, Похвала сельской жизни, Лебедь, Пиррѣ, Весна и многія другія піесы). Въ посланіи «Рѣшемыслу» (1783) онъ называетъ свою музу «подругою Флакка». «Средь музъ съ Гораціемъ пою», говоритъ онъ въ одѣ: «На умѣренность» (1792). Таже ода прославляетъ завидное состояніе человѣка, выбравшаго златую средину, не восхищаемаго мечтаніемъ благъ и не ужасаемаго тмою бѣдъ. Средняя стезя—самый надежный путь, средственная доля—самый счастливый удѣлъ. Устроить жизнь къ покою, не гоняясь за преходящимъ или ложнымъ счастіемъ, вкушать только тѣ удовольствія, которыя не ведутъ за собою раскаянья: вотъ постоянные совѣты его гораціанской философіи. Эта философія вовсе не пасмурна: она любитъ веселье и даже не прочь отъ эпикуреизма. «Часы веселья—кратки, а минута скуки—цѣлый вѣкъ» (Стейнбоку, 1806): что же изъ этого слѣдуетъ? надобно умножить число веселыхъ часовъ и уменьшить число скучныхъ минутъ; надобно, если есть возможность, безпрерывно веселиться. Въ посланіи «Къ первому сосѣду» (1780), поэтъ приглашаетъ его пить, ѣсть и веселиться,

Доколь текутъ часы златые
И не приспѣли скорби злыя....
На свѣтѣ жить намъ время срочно.

«Живи и жить давай другимъ»: такъ начинается ода на рожденіе царицы Гремиславы, т. е. Екатерины (1796). Она посвящена Л. А. Нарышкину, извѣстному остроумцу и весельчаку. Державинъ видитъ въ немъ истинно-счастливаго человѣка:

Что нужды мнѣ, кто, все зефиромъ
Съ цвѣтка лишь на цвѣтокъ летя,
Доволенъ былъ собою, міромъ,
Шутилъ, рѣзвился, какъ дитя?
Но если онъ съ столь легкимъ нравомъ
Всегда былъ добрый человѣкъ,
Всегда жилъ весело, пріятно
И не гонялся за мечтой;
Жалѣлъ о тѣхъ, кто жилъ развратно,
Плясалъ и самъ подъ тонъ чужой:
Хвалю тебя,—ты въ смыслѣ здравомъ
Пресчастливо провелъ свой вѣкъ.

По отношенію къ эпикурейскому взгляду на жизнь замѣчательно стихотвореніе: «Аристиппова баня» (1811). Здѣсь изложено моральное ученіе Сократова ученика, Аристиппа, котораго главное правило состояло въ томъ, что человѣкъ долженъ владѣть удовольствіями, но что удовольствія не должны владѣть имъ. Кто, услаждая чувства, услаждаетъ съ ними и духъ, тотъ истинно мудръ и счастливъ. Пользованіе благами природы законно; беззаконенъ только излишекъ пользованія:

Жизнь мудраго—жизнь наслажденья
Всѣмъ тѣмъ, природа что даетъ.

Не спать въ свой вѣкъ,—и съ попеченья
Не чахнуть, коль богатства нѣтъ;
Знать малымъ пробавляться скромно;
Жить съ беззаконными законно;
Чтить доблесть, не любить порокъ;
Со всѣми и всегда ужиться,
Но только съ добрыми дружиться:
Вотъ въ чемъ былъ Аристипповъ толкъ!

Изъ той же мысли, что «человѣкъ родится для жизни и что веселье—его стихія», вытекло сочувствіе Державина къ Анакреону, пѣвцу земныхъ радостей. Цѣлый отдѣлъ его стихотвореній названъ «Анакреонтическими пѣснями», которыя были изданы отдѣльной книжкой (1804). Названіе не совсѣмъ точное, такъ какъ между ними есть подражанія Соломону (Пѣснь пѣсней), Сафо, Платону, Діонисію Сиракузскому, Горацію, Петраркѣ. Все, что выходило изъ героическаго, нравственно-философическаго или сатирическаго тона, что выражало безпечное воззрѣніе на міръ и похвалу удовольствіямъ, или что по формѣ своей было небольшою, легкою піесою, то Державинъ относилъ къ «золотымъ пѣснямъ Леля» (такъ называлъ онъ подражанія Анакреону). Въ числѣ ихъ помѣщена и ода «На рожденіе въ сѣверѣ порфиророднаго отрока». Ясно, что, кромѣ «приличности содержанія», которымъ служитъ особое понятіе о жизни, авторъ принималъ въ расчетъ и внѣшнія отличія стихотвореній, особенно «легкій слогъ». Не зная греческаго языка, онъ пользовался нѣмецкими переложеніями Анакреона, а также и русскимъ его переводомъ Н. Львова (1794). Со времени изданія этого перевода, начинаются собственно анакреонтическія пѣсни Державина. Число ихъ увеличивается въ 1797 г., когда на престолѣ уже не было Фелицы, когда «Задунайскій кончилъ свой вѣкъ, а Суворовъ скрылся тьмою (т. е. жилъ въ деревнѣ), какъ неславный человѣкъ». Переладимъ же струны, говоритъ поэтъ; откажемся пѣть героевъ и начнемъ пѣть любовь (Къ лирѣ, 1797). Къ затишью героическихъ дѣлъ присоединились непріятности по службѣ. Если міръ не жалуетъ тѣхъ, кто идетъ прямою стезей, то нѣтъ надобности предаваться суетѣ и нести бремя должностей (Къ самому себѣ, 1798):

Музамъ, женщинамъ любезенъ
Можетъ пылкій богъ Эротъ.
Стану нынѣ съ нимъ водиться,
Сладко ѣсть, и пить, и спать:
Лучше, лучше мнѣ лѣниться,
Чѣмъ злодѣевъ наживать.

И вотъ Державинъ идетъ по слѣдамъ «тіисскаго пѣвца»: онъ хочетъ забавлять свѣтъ и мѣняетъ лиру на балалайку; Пиндомъ его будетъ Званка (Тишина, 1801). Чѣмъ же «тіисскій пѣвецъ» нравился нашему поэту? Тѣмъ, что онъ чинамъ и богатству предпочиталъ свободу, покой и любовь. «Вѣнецъ безсмертія» (1802), пріобрѣтенный Анакреономъ, увѣнчаетъ и его подражателя: онъ сплетется русскими красавицами, которыя будутъ слушать пѣсни любви у комелька, въ морозъ. На другой годъ по выходѣ изъ службы (1803) Державинъ издалъ анакреонтическія стихотворенія. Въ предисловіи къ нимъ, между прочимъ, сказано: «Въ Аѳинахъ запрещалось упражняться въ издѣвочныхъ сочиненіяхъ только ареопагитамъ; но какъ я уже свободенъ отъ должности, то и осмѣлился предать ихъ тисненію». Здѣсь же объяснены и другія побужденія, заставившія русскаго стихотворца подражать Анакреону, независимо отъ сочувствія къ тому взгляду на жизнь,

выраженіемъ котораго служили пѣсни греческаго поэта. «По любви къ отечественному слову», говоритъ Державинъ, «желалъ я показать его изобиліе, гибкость, легкость и вообще способность къ выраженію самыхъ нѣжнѣйшихъ чувствованій, каковыя въ другихъ языкахъ едва ли находятся. Доказательствомъ его изобилія и мягкости служатъ нѣсколько пѣсенъ, въ которыхъ буквы *р* совсѣмъ не употреблено» (Анакреонъ въ собраніи, Желаніе и др.).

Знакомство съ нѣмецкою поэзіей послужило благопріятнымъ обстоятельствомъ для таланта Державина. Ему онъ былъ обязанъ разнообразіемъ стихотворныхъ метровъ, давшимъ внѣшнее отличіе его произведеніямъ. Еслибъ онъ не зналъ языка Галлера и Клопштока, онъ обратился бы къ французскимъ лирикамъ, которые не могли принести пользы ни содержанію, ни формѣ его одъ. Ода, какъ пѣснь по преимуществу, въ строгомъ смыслѣ этого слова существовала только у Грековъ: греческіе поэты приспособляли ее къ пѣнію; она необходимо зависѣла отъ музыки; раздѣлять эти два предмета (музыку и стихи) значило посягать на самую сущность оды, которая безъ того перестаетъ быть пѣснью. Поэты новаго міра, напротивъ, говорятъ о лирѣ только для красоты слога; наши оды читаются, а не поются: но и въ чтеніи онѣ должны напоминать свое начальное происхожденіе, свое родство съ ихъ греческимъ первообразомъ. Для этого нужно, чтобы ода, освобожденная отъ музыки, возсоздала музыкальность въ самой себѣ посредствомъ языка и версификаціи. Искуснымъ сочетаніемъ словъ, перемѣною стихотворныхъ размѣровъ она можетъ до нѣкоторой степени дать понятіе объ античномъ лиризмѣ и выразить многообразныя чувства съ ихъ переходами изъ одного тона въ другой, ту музыку чувства, которую лирикъ ощущаетъ внутри себя, во глубинѣ своей души, и которая выражается особою, поэтической гармоніей. Кромѣ числа и мѣры словъ, въ лирическомъ произведеніи важны число и мѣра мыслей. Русскія оды, по примѣру Ломоносова, написанныя уставнымъ четырехъ-стопнымъ ямбомъ и состоящія изъ уставныхъ восьми или десяти-строчныхъ строфъ, представляли мало музыкальности. Обычай замыкать цѣлое предложеніе по возможности въ одномъ стихѣ, безъ переноса въ другой, или съ окончаніемъ строфы заканчивать и смыслъ, безъ переноса его въ другую строфу, также не отвѣчалъ свободной игрѣ чувствъ. Державинъ, слѣдуя нѣмецкимъ поэтамъ, употреблялъ разнообразные метры, которыми и сообщилъ одѣ музыкальность. Иногда въ одной и той же піесѣ онъ переходитъ отъ одного метра къ другому, сообразно душевному настроенію (Введеніе Соломона въ судилище, Любителю художествъ, На взятіе Варшавы, Походъ Озирида, Цѣленіе Саула, и пр.). Нѣкоторые оды сочинены бѣлыми стихами (На смерть Бибикова, На пріобрѣтеніе Крыма, Къ Граціямъ, Провидѣніе и пр.). Элегія на кончину в. к. Ольги Павловны написана дактилями, которыми Державинъ владѣлъ свободно. Строфы въ его пьесахъ состоятъ часто изъ нечетнаго числа стиховъ: въ «Ключѣ» — онѣ пятистрочныя, и пятый стихъ—женскій, безъ риѳмы; въ одѣ «На новый годъ» (1781)—семистрочныя, и седьмой стихъ также безъ риѳмы, только мужескій; въ переложеніи 100-го псалма: «Праведный судія», послѣдній (пятый) стихъ строфы риѳмуетъ такому же стиху слѣдующей строфы, и т. п. Мастерство Державина въ искуствѣ слагать стихи разныхъ родовъ и мѣръ содѣйствовало освобожденію нашей лирики отъ той одноформенности, которую наложилъ на нее Ломоносовъ, увлекшій за собою Петрова, Кострова и другихъ сочинителей. Нѣ-

мецкая поэзія имѣла вліяніе и на содержаніе лирики Державина. Однимъ изъ первыхъ опытовъ его стихотворства былъ переводъ двухъ пѣсенъ Мессіады. Нѣкоторые духовные гимны переведены имъ съ Мендельсонова переложенія псалмовъ. Кромѣ того, переводилъ онъ изъ Рамлера и Гедике (Первая олимпическая пѣснь Пиндара), Козегартена (Тоска души), Шиллера (Дѣва за арфою, а въ подлинникѣ: Лаура; дуэтъ и тріо, въ піесѣ: «Обитель Добрады», подъ которою разумѣется императрица Марія Өеодоровна). Ода «Богъ» имѣетъ нѣсколько мыслей и стиховъ, общихъ съ гимномъ Галлера: «Вѣчность», который пользовался у насъ такою извѣстностью, что неоднократно былъ переводимъ и въ стихахъ и въ прозѣ. Есть у нея также сходство съ одою: «Человѣкъ», вѣроятно переведенною Державинымъ съ нѣмецкаго.

Непосредственнаго дѣйствія французскихъ авторовъ на поэзію Державина не могло быть уже потому, что онъ не зналъ ихъ языка. Поэты древне-классическіе, италіянскіе (Петрарка, Метастазій) и французскіе были ему извѣстны по однимъ русскимъ и нѣмецкимъ переводамъ (Записки И. Дмитріева). Впрочемъ въ примѣчаніи къ стихамъ: «Цирцея», сказано, что они переведены изъ Ж. Б. Руссо, да въ предисловіи къ трагедіи «Иродъ и Маріамна» (1809) упоминается о Вольтерѣ, обработавшемъ тоже событіе въ трагедіи: «Маріамна». Посредственное дѣйствіе французской литературы XVIII в., т. е. посредствомъ русскихъ переводовъ нѣкоторыхъ ея произведеній, отразилось на тѣхъ піесахъ Державина, въ которыхъ выражены религіозное сомнѣніе, недолго владѣвшее умомъ поэта, и скорый возвратъ его въ лоно вѣры. Сюда относятся: «Успокоенное невѣріе», «Истина», «Безсмертіе души», «Правосудіе», «На безбожниковъ», «Громъ», «Тлѣніе и Нетлѣніе». Въ первой піесѣ говорится, что человѣческая жизнь невыносима, если она такова, какъ представляютъ ее атеисты. Поэтъ хочетъ внимать не имъ, а голосу Творца, повелѣвающаго надѣяться, вѣрить и быть счастливымъ. Доказательствамъ безсмертія и опроверженію противной тому мысли посвящено «Безсмертіе души» (нач. 1785, кон. 1796). «Живъ Богъ—жива душа моя!» увѣренно восклицаетъ поэтъ. Можетъ ли, спрашиваетъ онъ, умереть духъ —тонкій, мудрый, сильный, сущій въ единый мигъ и тамъ и здѣсь, неосязаемый, незримый, въ желаньѣ, памяти и умѣ содержимый непостижимо, живущій внутри и внѣ человѣка? Рядъ вопросовъ, наполняющихъ нѣсколько строфъ этого духовнаго стихотворенія, имѣетъ сходство съ рѣчью Братановскаго на погребеніе Бецкаго (1795). Можетъ статься, Державинъ и подражалъ проповѣднику, который въ то время славился своимъ краснорѣчіемъ (см. ниже). Подражательность еще болѣе замѣтна въ «Тлѣніи и Нетлѣніи» (1813),—піесѣ, служащей какъ бы дополненіемъ оды «На смерть Кутузова» (1813). Державинъ употребляетъ тотъ же оборотъ, которымъ пользовался упомянутый духовный ораторъ: онъ не можетъ помирить заслугъ героя съ мыслію о тлѣніи, какъ Братановскій изъ необходимости увѣнчать подвиги добродѣтели вывелъ необходимость нетлѣнія, или безсмертія. Державинъ сыплетъ укоры вольнодумцамъ, не признающимъ надъ собою всевышней власти, думающимъ, что все творитъ слѣпой случай (На безбожниковъ, 1804, и Громъ, 1807): имъ противополагается мужъ вѣрующій, твердый надеждою на Бога и потому не боящійся грозныхъ временъ. Не смотря на религіозное настроеніе, Державинъ, будто по неволѣ, поддавался иногда скептицизму. Духъ сомнѣнія кроется въ нѣкоторыхъ стихахъ знаменитой элегіи «На смерть кн. Ме-

щерскаго». Онъ слышенъ въ восклицаніи: «о горе намъ, рожденнымъ въ свѣтъ!» Онъ знаетъ, гдѣ персть умершаго, и не знаетъ, гдѣ его душа. Онъ же заставилъ Державина съ такимъ сожалѣніемъ смотрѣть на судьбу человѣка, по поводу смерти Кутузова:

Вотъ генія блестящій вѣкъ!
Гдѣ умъ? гдѣ духъ? гдѣ блескъ и сила?
И что такое человѣкъ,
Когда вся цѣль его—могила,
А сущность—горсть одна земли!

А съ другой стороны, религіозное настроеніе, подъ конецъ жизни Державина, переходитъ въ мистицизмъ. Его устарѣвшая поэзія занималась «дивами, непонятными мыслямъ», видѣла повсюду знаменательные символы, имена и числа, и толковала ихъ примѣнительно къ современнымъ событіямъ. Первая половина «Лиро-эпическаго гимна на прогнаніе Французовъ изъ отечества» (1812) заключаетъ въ себѣ «таинственный глаголъ» о Наполеонѣ и Александрѣ. Что такое Наполеонъ? звѣрь апокалипсическій, седьмиглавый Люциферъ, увѣнчанный десятью рогами: въ его имени содержится число звѣрино—666; семь главъ означаютъ семь королей, имъ поставленныхъ, а десять роговъ—десять подвластныхъ ему народовъ. Агнецъ бѣлорунный представляетъ Александра Благословеннаго, вступившаго на престолъ въ мартѣ мѣсяцѣ, когда солнце находится въ знакѣ овна. Слова пророка Даніила: «возстанетъ Михаилъ, князь великій», отнесены къ Кутузову. Стихотвореніе «Христосъ» (1814), испещренное ссылками на разныя мѣста Св. Писанія, можетъ быть названо теологическимъ трактатомъ въ стихахъ, а не свободнымъ актомъ творчества.

Вліяніе Оссіановой поэзіи выказывается въ тѣхъ одахъ Державина, которыя имѣютъ предметомъ подвиги Суворова. Таковы: «На взятіе Измаила» (1791), «На побѣды въ Италіи» (1799), «На переходъ альпійскихъ горъ» (1799). Въ первой одѣ картина полуночи на Эвксинскомъ понтѣ снята съ картинъ, часто встрѣчающихся въ пѣсняхъ Макферсона:

Уже въ Эвксинѣ съ полунощи
Межъ водъ и звѣздъ лежитъ туманъ:
Подъ нимъ плывутъ дремучи рощи;
Средь нихъ, какъ горъ отломокъ льдянъ,
Иль мужа нѣка тѣнь сѣдая
Сидитъ, очами озирая:
Какъ полный мѣсяцъ щитъ его,
Какъ сосна, рында, обожженна,
Глава до облакъ вознесенна,—
Орелъ надъ шлемомъ у него.

Ода «На побѣды въ Италіи» начинается (первыя двѣ строфы) изображеніемъ пиршества скальдовъ и туманнаго лика героя, внимающаго ихъ пѣснямъ. Въ третьей одѣ прямо говорится объ Оссіанѣ, «пѣвцѣ тумановъ и морей», котораго любилъ читать Суворовъ въ посвященномъ ему переводѣ Кострова. Вѣроятно, тотъ же самый переводъ познакомилъ съ Оссіаномъ и Державина. «Разсужденіе о лирической поэзіи» даетъ краткую характеристику пѣсенъ, приписанныхъ барду третьяго вѣка. Излагая ея свойства у разныхъ народовъ, Державинъ говоритъ: «Скальдъ Шкотовъ (Шотландцевъ) видитъ въ облакахъ летающія тѣни своихъ предковъ, мечи на ихъ бедрахъ изъ сѣвернаго сіянія, мрачную, безмолвную природу и кровавыя брани».

Изъ русскихъ стихотворцевъ Державинъ могъ подчиняться только Ломоносову, которому дѣйствительно и слѣдовалъ въ первомъ періодѣ своей дѣятельности. Но и тогда, какъ онъ выбралъ новый, самостоятельный путь, болѣе свойственный его таланту, отношеніе его къ Ломоносову не прекратилось совершенно. Это отношеніе доказывается, во-первыхъ, выборомъ однихъ и тѣхъ же псалмовъ для переложенія, однихъ и тѣхъ же предметовъ для поэтической обработки; во-вторыхъ, слѣдами внутренняго или внѣшняго подражанія. По примѣру русскаго Пиндара, Державинъ «испытывалъ свои силы въ передачѣ красотъ божественной поэзіи вдохновеннаго царя-пѣснопѣвца», какъ сказано въ примѣчаніи къ духовной одѣ: «Величество Божіе» (изъ псалма 103). Ода на рожденіе Александра I сначала была написана въ подражаніе Ломоносову; а потомъ уже замѣнена другою, намъ извѣстною. Мысль къ «Изображенію Фелицы» внушена стихами Ломоносова: «Мастеръ въ живописствѣ первый» (изъ Анакреона); піеса «Павлинъ», какъ символъ глупаго барства, есть переложеніе примѣра, переведеннаго съ латинскаго Ломоносовымъ и помѣщеннаго въ его Риторикѣ. Первая строфа оды: «На миръ 1807 г.», напоминаетъ первую же строфу оды въ день тезоименитства в. к. Петра Ѳедоровича (Уже врата отверзло лѣто....), равно какъ строфа: «Кто сей, который тучи гонитъ...» (Громъ, 1807), напоминаетъ строфу въ «Подражаніи Іову»: «Кто море удержалъ брегами...» Встрѣчаются отдѣльные стихи и выраженія, въ которыхъ узнаешь складъ рѣчи или мысль Ломоносова. Такъ стихъ послѣдняго: «соблещетъ молнія мечу», перешелъ въ «Пѣснь Баярда» (1799):

Соблещите (ополчаюсь!),
Молньи, моему мечу!

Въ «Шествіи по Волхову Россійской Амфитриды» (1808), стихи:

Пляшутъ холмы, скачутъ дубы;
Съ плескомъ рукъ бѣжитъ въ слѣдъ брегъ,

указываютъ на подобные стихи Ломоносова, часто подвергавшіеся критикѣ:

Брега Невы руками плещутъ.

Ту же фигуру Державинъ повторилъ въ «Иродѣ и Маріамнѣ»:

Плещи руками, Іорданъ.

Поэтическій талантъ Державина внѣ всякаго сомнѣнія. Онъ былъ высокой пробы, которую наложилъ на самые первые свои опыты и даже на произведенія наименѣе удачныя. Даръ творчества обнаруживается вездѣ, не смотря на многіе недостатки спокойной, тщательной отдѣлки. Величественныя картины, изобразительныя описанія доказываютъ могучесть и богатство фантазіи, которою природа надѣлила поэта съ избыткомъ. Живопись предметовъ чувственныхъ, олицетворенія предметовъ отвлеченныхъ встрѣчаются почти въ каждомъ его произведеніи. Можно сказать, что въ Державинѣ русскій стихотворецъ впервые сталъ поэтомъ. Ломоносовъ, за исключеніемъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ вдохновляютъ его красоты священныхъ книгъ или испытаніе естественныхъ вещей, Сумароковъ, Княжнинъ, Петровъ, Костровъ были болѣе или менѣе удачные слагатели стиховъ, версификаторы; у Державина не одна стихотворная рѣчь, но и неподдѣльная поэзія, запечатлѣнная особымъ характеромъ. Безъ высокаго таланта не съумѣлъ бы онъ выдти изъ подъ ярма лжеклассической оды и выбрать въ лирикѣ небывалый дотолѣ путь истины, простоты и естественности. Недостатки его произведеній объясняются условіями

той эпохи, въ которую они являлись. Державинъ, подобно другимъ геніальнымъ дарованіямъ, заплатилъ дань и образцамъ, которымъ вначалѣ слѣдовалъ, и эстетическимъ понятіямъ, которыя въ его время и даже много лѣтъ спустя послѣ его времени господствовали. Необходимость «витійственныхъ украшеній» для оды вытекала изъ взгляда на свойство высокаго лирическаго: «оно (по словамъ Разсужденія о лирической поэзіи) заключается въ безпрерывномъ представленіи множества картинъ и чувствъ блестящихъ, выраженное громкимъ, высокопарнымъ, цвѣтущимъ слогомъ, который приводитъ въ восторгъ и удивленіе; изящество и существо прямой оды составляютъ отступленія, перескоки, околичности, сомнѣнія и вопрошенія». Отсюда неровность и невыдержанность его одъ: рядомъ съ строфами, внушенными вдохновеніемъ, идутъ строфы, написанныя по расчету холодной мысли; истина и простота поэзіи очередуются съ пустоцвѣтомъ и искуственностью риторики, настоящая мѣра въ представленіяхъ съ гиперболами; излишекъ въ однихъ мѣстахъ, небрежность или неправильность въ другихъ. Короче: Державинъ былъ поэтъ, но не былъ поэтомъ-художникомъ. Для выраженія идеи въ художественно-обработанной формѣ необходимо таланту самообладаніе; а его-то и не имѣлъ Державинъ по горячности своей натуры, по сбивчивымъ понятіямъ объ искуствѣ и по скудному запасу образованія. Первый русскій поэтъ, онъ стоитъ въ развитіи нашей поэзіи на переходѣ ея отъ непосредственнаго, малосознательнаго проявленія творчества къ творчеству сознательному и организующему, при которомъ поэзія становится художествомъ, т. е. мастерствомъ воплощать идею въ безупречно-изящной формѣ.

Однимъ изъ главныхъ достоинствъ Державинской лиры служитъ ея стремленіе къ народности, которая выражается и во взглядѣ на предметы, и въ выборѣ коренныхъ русскихъ оборотовъ и реченій. Не только шуточныя стихотворенія, но и «прямыя» оды представляютъ образцы національнаго элемента, допуская простымъ разговорнымъ словамъ и пословицамъ стоять подлѣ возвышенныхъ словъ и книжныхъ фразъ, на что піитика налагала строгое veto. Примѣровъ тому очень много. «Царь-Дѣвица» по содержанію и выраженію близко подходитъ къ памятникамъ народной поэзіи. Въ сатирѣ «На счастіе» также чисто-русскій складъ: счастіе «машетъ волшебною ширинкой», «въ издѣвку» обращаетъ свой взоръ на человѣка, «катаетъ кубаремъ» весь міръ. Цѣлыя строфы наполнены образами, употребительными въ простолюдьѣ, напр.:

Стамбулу бороду ерошишь,
На Таврѣ ѣдешь чехардой,
Задать Стокгольму перцу хочешь,
Берлину фабришь ты усы,
А Темзу въ фижмы наряжаешь,
Хохолъ Варшавѣ раздуваешь,
Коптишь Голландцамъ колбасы.

Ни въ сказкахъ складно разсказать,
Ни написать перомъ красиво....

. . . . Вельможи,
И такъ и сякъ нахмуря рожи,
Тузятъ инова иногда....

И громъ за тридевять земель
Несетъ на лунно государство....

Бывало, подъ чужимъ нарядомъ,
Съ красоткой чернобровой рядомъ....

Безъ латъ я горе-богатырь....

Бояре понадули пузы....

Слети ко мнѣ, мое драгое,
Серебряное, золотое....

Народный элементъ встрѣчается во многихъ другихъ піесахъ: «Крезовъ Эротъ», «Бой», «Къ Эвтерпѣ», «Кружка», «Хоръ сельскихъ дѣвушекъ», «Истуканъ», «Вельможа», и пр. Въ примѣчаніи къ «Волхву Злогору» сказано, что это стихотвореніе взято изъ новгородской миѳологіи. Первая строфа «Зимы» есть подражаніе русской пѣснѣ, по складу стиховъ и отдѣльнымъ выраженіямъ. «Прологъ на рожденіе въ сѣверѣ порфиророднаго отрока» (1797) почерпнутъ «изъ древняго варяго-русскаго баснословія; въ театральномъ представленіи «Добрыня» (соч. 1804, нап. 1808) поэтъ воспользовался многими старинными сказочными преданіями. Въ то время, какъ стихотворцы обыкли изображать знаменитыхъ соотечественниковъ по образу древнихъ божествъ и героевъ, Державинъ, для прославленія подвиговъ Суворова, обратился къ народнымъ былинамъ. Русскій полководецъ является у него въ видѣ сказочнаго богатыря, надѣленнаго сверхъестественною силой: тьма отъ его чела, съ посвиста пыль, впереди его—молніи бѣгутъ отъ взоровъ, позади—дубы ложатся грядою. Съ точки зрѣнія народнаго эпоса, нѣтъ никакой гиперболы въ извѣстныхъ стихахъ:

Ступитъ на горы—горы трещатъ;
Ляжетъ на воды—воды кипятъ;
Граду коснется—градъ упадаетъ;
Башни рукою за облакъ бросаетъ.

По отношенію къ народности замѣчательно посланіе «Атаману и войску донскому» (1807), гдѣ, между прочимъ, видно и вліяніе Слова о полку Игоревомъ. Обращаясь къ Платову, поэтъ изображаетъ быстроту и ловкость казаковъ:

Въ травѣ идешь—съ травою ровенъ;
Въ лѣсу—и ровенъ лѣсъ съ главой;
На конь вскокнешь—конь тихъ, не нравенъ,
Но вихремъ мчится подъ тобой;
По камню ль черну змѣемъ чернымъ
Ползешь ты въ ночь—и слѣду нѣтъ;
По влагѣ ль бѣлой гусемъ бѣлымъ
Плывешь ты въ день—лишь струйка слѣдъ;
Орломъ ли въ мглѣ паришь сгущенной—
Стрѣлу сѣчешь ей въ слѣдъ пущенной,
И, бросія петли округъ шей,
Фазановъ удишь какъ ершей.

Чтожъ сталъ?—Борза ль коня не стало?
Возьми коверъ свой самолетъ.
Ружейнаго ль снаряду мало?
Махни ширинкой—лѣсъ падетъ, и пр.

Даже въ анакреонтическія пѣсни Державинъ вводилъ славянскія божества, вмѣсто греческихъ и римскихъ, для показанія, что можемъ и своею миѳологіею украшать нашу поэзію»: Лель (богъ любви), Зимстерла (весна), Зничь (май),

Лада (богиня красоты), Усладъ (богъ роскоши) являются у него то какъ дѣйствительныя существа, то какъ риторическія прикрасы.

Простому, трезвому взгляду на жизнь, свойственному природѣ русскаго духа, равно какъ практическому направленію ума, съ дѣтства навыкшему обращаться въ кругу дѣйствительности, надобно приписать другое достоинство поэзіи Державина—ея реальность. Всѣ почти его стихотворенія тѣсно связаны съ внѣшними событіями его жизни и съ внѣшними событіями его эпохи. Они или поэтическая біографія автора, или поэтическая лѣтопись современной Россіи. Нѣтъ въ нихъ ничего мечтательнаго и призрачнаго. Сентиментализмъ, усвоенный нашею литературою въ концѣ прошедшаго и началѣ нынѣшняго вѣка, не имѣлъ никакого вліянія на Державина. Его элегіи вовсе не похожи на элегіи романтиковъ: въ ясномъ видѣ выражаютъ онѣ положительное чувство горести, происшедшей отъ опредѣленныхъ причинъ, а не возникшей изъ какого-то непонятнаго, невыразимаго настроенія души, или созданной по волѣ и прихоти самого субъекта. Примѣромъ можетъ служить «Арфа», піеса собственно элегическая, содержащая въ себѣ воспоминаніе о родинѣ:

О колыбель моихъ первоначальныхъ дней,
Невинности моей и юности обитель!
Когда я освѣщусь опять твоей зарей
И твой по прежнему всегдашній буду житель?

Когда наслѣдственны стада я буду зрѣть,
Васъ, дубы камскіе, отъ времени почтенны,
По Волгѣ между селъ на парусахъ летѣть
И гробы обнимать родителей священны?...

Мила намъ добра вѣсть о нашей сторонѣ:
Отечества и дымъ намъ сладокъ и пріятенъ.

Родиною Державина (Гавріила Романовича) была Казань, гдѣ и воздвигнутъ ему памятникъ (1847). Названія: «потомокъ Багрима» и «Мурза», встрѣчаемыя въ его сочиненіяхъ, объясняются тѣмъ, что предокъ его, Багримъ Мурза, перешелъ изъ золотой орды въ русскую службу при Василіи Темномъ. Русской грамотѣ Державинъ обучался у церковныхъ причетниковъ. Въ Оренбургѣ, куда отецъ его переѣхалъ по дѣламъ службы, онъ поступилъ въ школу ссыльнаго нѣмца Розе: здѣсь главнымъ предметомъ его четырехлѣтняго ученія (1750—1754) былъ нѣмецкій языкъ, который тогда во мнѣніи русскаго общества стоялъ также высоко, какъ позднѣе французскій (сличи Духовную Татищева). По смерти мужа, мать Державина переѣхала изъ Оренбурга въ Казань и отдала его для обученія ариѳметикѣ и геометріи гарнизоннымъ учителямъ. Горестное положеніе вдовы, которая должна была вести тяжбу съ сосѣдами, притѣснявшими ее по имѣнію, произвело неизгладимое впечатлѣніе на ея сына: онъ и въ зрѣломъ возрастѣ «не могъ сносить равнодушно неправды и притѣсненія вдовъ и сиротъ»; ода «Вельможа» изображаетъ горькую ихъ участь, вмѣстѣ съ нечувствительностью знатныхъ людей («А тамъ—вдова стоитъ въ сѣняхъ»...). При открытіи казанской гимназіи (1759), состоявшей въ вѣдѣніи московскаго университета, кураторомъ котораго былъ Шуваловъ, Державинъ поступилъ въ нее вмѣстѣ съ братомъ, почему въ стихотвореніи «Урна» (1797) и называетъ себя питомцемъ И. И. Шувалова. Первымъ директоромъ этой гимназіи былъ Веревкинъ (§ 218). Главная цѣль гимназическаго образованія состояла въ томъ (какъ говоритъ самъ Державинъ), чтобы «научить читать, писать и говорить сколько нибудь по грамматикѣ и быть обходительнымъ», для чего заставляли гимназистовъ «выучивать наизусть и произносить съ каѳедры рѣчи, сочиненныя учителями, разыгрывать трагедіи Сумарокова, танцовать и фехтовать на публичныхъ экзаменахъ». Французскому языку Державинъ не выучился и послѣ не зналъ его; болѣе удовлетворительные успѣхи онъ оказалъ въ нѣмецкомъ языкѣ и въ рисованіи; особенную же склонность имѣлъ

къ предметамъ, касающимся воображенія—живописи, музыкѣ и поэзіи. Вообще воспитаніе Державина было крайне недостаточно. Онъ самъ сознавалъ этотъ недостатокъ: «Я былъ воспитанъ въ то время и въ тѣхъ предѣлахъ имперіи, когда и куда не проникало еще въ полной мѣрѣ просвѣщеніе наукъ не только на умы народа, но и на то состояніе, къ которому принадлежу (т. е. дворянское). Насъ научали тогда вѣрѣ безъ катихизиса, языкамъ безъ грамматики, числамъ и измѣренію безъ доказательствъ, музыкѣ безъ нотъ и т. п. Книгъ, кромѣ духовныхъ, почти никакихъ не читали» (Неизданный отрывокъ сочиненія: «Разсужденіе о достоинствѣ государственнаго человѣка»). Въ 1760 г. Веревкинъ, желая блеснуть успѣхами своихъ учениковъ, возилъ въ Петербургъ къ Шувалову геометрическіе чертежи, ландкарты и другіе рисунки лучшихъ гимназистовъ, въ томъ числѣ и Державина. По возвращеніи въ Казань, онъ объявилъ, что Державинъ, согласно его желанію, записанъ кондукторомъ въ инженерный корпусъ. Но въ 1762 г. пришло изъ Петербурга въ гимназію требованіе, чтобы Державинъ немедленно явился въ преображенскій полкъ: такимъ образомъ, противно желанію отца и своему собственному, онъ сдѣлался солдатомъ гвардіи. Въ казармахъ, гдѣ онъ жилъ, ему не было ни времени, ни мѣста совершенствовать свои способности; только по ночамъ онъ занимался чтеніемъ книгъ и сочиненіемъ стиховъ, руководствуясь правилами иностранныхъ писателей, а болѣе Тредьяковскаго, и стараясь подражать Ломоносову. Первымъ его литературнымъ опытомъ было не дошедшее до насъ переложеніе нѣсколькихъ начальныхъ страницъ Телемака съ русскаго перевода (по свидѣтельству Записокъ И. И. Дмитріева). Въ собраніи его сочиненій нѣтъ ни одного стихотворенія раньше 1770 г., такъ какъ въ этомъ году онъ ѣздилъ въ Казань и, возвращаясь въ Петербургъ, былъ задержанъ въ карантинѣ на одной заставѣ, по случаю приближавшейся къ Москвѣ чумы. Надобно было дожидаться, пока окурятъ толстую книу стиховъ, которую онъ везъ съ собой, и нетерпѣливый поэтъ бросилъ въ огонь всѣ свои бумаги. Къ 1770 г. относятся пять стихотвореній и въ числѣ ихъ одинъ переводъ изъ Клопштока (Нинѣ). Въ 1772 г., въ «Старинѣ и Новизнѣ», Рубана, нап. прозаическій переводъ съ нѣм. «Ироиды или письма Вивлиды къ Кавну». Того же года написаны стихотворенія: «На побѣды Екатерины II надъ Турками» и «Пени». Въ 1773 г., при назначеніи Александра Ильича Бибикова начальникомъ войскъ, посланныхъ противъ Пугачева, Державинъ явился къ нему съ просьбою взять его въ число гвардейскихъ офицеровъ, составлявшихъ секретную коммиссію для изслѣдованія дѣлъ о мятежникахъ. До начатія военныхъ дѣйствій, онъ сочинилъ рѣчь, которою казанскій предводитель отвѣчалъ государынѣ, назвавшей себя «казанскою помѣщицею», и по тому же случаю письмо къ ней отъ имени казанскаго дворянства. Въ рѣчи воспользовался онъ случаемъ припомнить, какъ въ сердцѣ его, когда онъ былъ ребенкомъ, «врѣзалось ужаснѣйшее отвращеніе отъ людей неправосудныхъ и притѣснителей сиротъ». Въ Саратовѣ и окрестныхъ мѣстахъ Державинъ дѣятельно исполнялъ порученія главнокомандующаго и другихъ генераловъ, находя впрочемъ время и для поэтическихъ занятій. Стоя довольно долго въ лагерѣ при горѣ Читалагай (сарат. губ., при нѣмецкихъ колоніяхъ, расположенныхъ на луговой сторонѣ Волги), онъ перевелъ и сочинилъ въ 1774 г. восемь одъ, которыя были изданы спустя два года (1776 г.). Къ тому же времени относится не напечатанная «Эпистола Михельсону на защищеніе Казани». Возвратясь изъ похода, Державинъ перевелъ двѣ пѣсни Мессіады—прозою или стихами, неизвѣстно, такъ какъ рукопись перевода затерялась. На участіе, которое публика принимала въ постановкѣ памятника Петру Великому, отозвался онъ двумя застольными пѣснями въ честь преобразователя Россіи (1776); одна изъ нихъ: «Россія, въ славу облеченна», была въ большомъ употребленіи у масоновъ, которые неоднократно привлекали автора въ свое общество, но всегда безъ успѣха. Чтеніе книгъ западныхъ скептиковъ поколебало религіозныя убѣжденія поэта и произвело въ его душѣ борьбу между вѣрою и сомнѣніемъ. Но эта кратковременная борьба кончилась торжествомъ вѣры, которое и выражено въ «Успокоенномъ невѣріи (1779)». Въ 1777 г. Державинъ былъ назначенъ полковникомъ въ армію, но вскорѣ переведенъ въ статскую службу и опредѣленъ экзекуторомъ перваго департамента сената; тогда же, за дѣйствія противъ Пугачева, пожаловано ему 300 душъ въ Бѣлоруссіи. Со времени его женитьбы (1778) наступаетъ другой періодъ его жизни и авторства. Первая его супруга, Бастидонова, которую онъ въ стихотвореніяхъ называлъ Пленирой, принадлежала къ числу образованныхъ женщинъ. Между его друзьями находились извѣстные литераторы: Н. А. Львовъ, В. В. Капнистъ, И. И. Хемницеръ. Благодаря ихъ совѣтамъ, онъ, съ 1779 г., усвоиваетъ самобытное направленіе въ поэзіи, о чемъ

сказано выше. Стихотворенія, служащія переходомъ къ этому направленію отъ прежняго, равно какъ и другія, написанныя въ теченіе четырехъ лѣтъ (1778—1781), нап. въ Спб. Вѣстникѣ. Лучшая пора его поэтическаго таланта открывается одою «Фелица», сочиненною въ исходѣ 1782 г. и напечатанною въ Собесѣдникѣ (1783), гдѣ также помѣщено шесть новыхъ его стихотвореній и перепечатано семь прежнихъ. Поводомъ къ ея сочиненію служила Сказка о царевичѣ Хлорѣ (§ 208). Непріятности съ кн. Вяземскимъ, генералъ-прокуроромъ сената, заставили Державина выдти въ отставку съ чиномъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника (1784). Того же года получилъ онъ мѣсто олонецкаго губернатора, но, не ужившись съ намѣстникомъ Тутолминымъ, былъ переведенъ тѣмъ же званіемъ въ Тамбовъ (1785), гдѣ оставался по 1788 г. Въ 1791 г. императрица назначила его къ себѣ статсъ-секретаремъ для принятія прошеній, поручивъ ему наблюденіе за сенатскими меморіями и доклады по нимъ, въ случаѣ незаконныхъ рѣшеній сената. Готовясь вступить въ новую должность, онъ предписалъ себѣ правила въ переложеніи 100-го псалма: «Праведный судія» (1789). Храповицкій въ Запискахъ своихъ говоритъ, что Екатерина не жаловала докладовъ Державина, отзываясь о немъ, что онъ «лѣзетъ къ ней со всякимъ вздоромъ». Причина тому— довѣренность Державина къ тещѣ, которая вмѣшивалась въ дѣла изъ своихъ видовъ и побуждала его ходатайствовать по разнымъ просьбамъ. При пожалованіи сенаторомъ (1793), Державинъ переложилъ 74-ый псаломъ, подъ названіемъ «Радость о правосудіи», гдѣ изображаетъ свои обязанности. Въ слѣдующемъ году, сохраняя сенаторское званіе, опредѣленъ президентомъ коммерцъ-коллегіи, что и заставило его въ піесѣ: «Меркурію» (1794) сказать:

Почто меня отъ Аполлона,
Меркурій! ты ведешь съ собой?

Того же года онъ лишился первой своей супруги, въ память которой написалъ «Ласточку» (1794), а въ слѣдующемъ (1795) вступилъ во второй бракъ съ Дьяковой, которая въ стихахъ его является подъ именемъ Милены (другая сестра ея была за мужемъ за Н. А. Львовымъ, а третья за В. В. Капнистомъ). Смертію императрицы окончилась первая и лучшая половина поэтической дѣятельности Державина, который созналъ ее въ Памятникѣ (1796). Послѣ того талантъ его слабѣетъ и его «Камена уже не въ силахъ возвышать свой голосъ попрежнему». Въ 1800 г., оставаясь сенаторомъ, снова получилъ мѣсто президента коммерцъ-коллегіи, а потомъ государственнаго казначея. При Александрѣ I онъ былъ назначенъ министромъ юстиціи (1803), и въ томъ же году уволенъ въ отставку, послѣ 42-хъ-лѣтней службы (16 военной и 26 гражданской). По сему случаю написалъ онъ стихи: «Свобода» (1803). Съ того времени онъ поселился въ имѣніи своемъ: Званка (новгор. губ.) Сельскія занятія его изображены въ поэтическомъ описаніи: «Званская жизнь» (1807), посвященномъ Евгенію Болховитинову, епископу старорусскому, викарію новогородскому, а въ послѣдствіи митрополиту кіевскому. Оно проникнуто элегическимъ чувствомъ. Не было уже друзей Державина:

Львовъ (*), Хемницеръ въ гробѣ скрыты;
За Днѣпромъ Капнистъ живетъ;
Вельяминовъ, лиръ любитель,
Богатырь, пѣвецъ въ кругу,
Беззаботный свѣта житель,
Согнутъ скорбями въ дугу.

Поэтъ чувствовалъ приближеніе зимы своей (Зима, 1805). Впрочемъ онъ не оставлялъ литературныхъ занятій. «Привыкши къ безпрестаннымъ трудамъ», говоритъ онъ въ Запискахъ, «я не могъ быть безъ упражненія, и для того занимался литературою, написалъ нѣсколько лирическихъ сочиненій, которыхъ вышло 4 части (т. е. въ 1808 г.) и еще наберется, можетъ быть, одна, сочинялъ трагедіи: «Иродъ и Маріамна», «Евпраксія», «Темный», да перевелъ Федру, Зельмиру, комическую написалъ оперу, бездѣльныхъ двѣ: «Дурачки умнѣе умныхъ» и «Женская дружба», нѣсколько прозаическихъ сочиненій, эпиграммъ и Разсужденіе о лирической поэзіи». На зиму Державинъ переѣзжалъ въ Петербургъ, гдѣ въ 1811 г., вмѣстѣ съ Шишковымъ, основалъ литературное общество, подъ названіемъ: «Бесѣда любителей русскаго слова». Сочиненія, читанныя въ этомъ обществѣ, составили особое изданіе: «Чтеніе въ Бесѣдѣ люб. рус. слова» (20 книгъ, 1811—1815). Здѣсь напеч. «Разсужденіе о лирической поэзіи»,

(*) На смерть Львова написана Державинымъ ода: «Память другу» (1804).

Державинъ отличался прямымъ и открытымъ характеромъ, выказывая добродушіе и сердечность въ сношеніяхъ съ родными, друзьями и знакомыми. Преобладающимъ его качествомъ была горячность, которую онъ не могъ удерживать въ предѣлахъ благоразумія. Она-то служила главною виною его столкновеній со многими людьми, даже съ тѣми, отъ кого зависѣла его судьба. Не всегда, конечно, оказывался онъ правымъ въ этихъ столкновеніяхъ, хотя всегда почиталъ себя правымъ, какъ такой человѣкъ, который старался поступать по чистой совѣсти и крайнему разумѣнію. Горячность Державина обнаруживалась особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда надобно было говорить отъ имени правосудія и въ пользу правосудія. Здѣсь онъ выдаетъ себя героемъ, не знающимъ уступчивости, твердо отстаивающимъ свои мнѣнія, способнымъ къ смѣлому и рѣзкому голосу. Онъ никогда не мирился съ тѣми, которые, по выраженію Петра I, вели подкопы подъ фортецію правды. Эта неуклончивость нрава и заставила императрицу Екатерину спросить Державина: «нѣтъ ли чего въ нравѣ вашемъ, что ни съ кѣмъ не уживаетесь?» Объ ней же говоритъ самъ Державинъ въ письмѣ къ гр. Зубову: «При обыкновенной моей участи ожидаю непріятностей. Прежде всего скажутъ: какой вздорный и неспокойный человѣкъ! опять затѣялъ исторію!» (Библ. Зап., 1861, № 17). Съ чувствомъ правды трудно согласить тѣ стихотворенія, въ которыхъ, по сознанію самаго автора, много «мглистаго ѳиміама» (Храповицкому, 1793). Это противорѣчіе объясняется, во-первыхъ, тѣмъ, что, по убѣжденію Державина, иныя похвалы содержали въ себѣ нелестное выраженіе чувствъ, и во вторыхъ тѣмъ, что онъ ставилъ большое различіе между словомъ и дѣломъ, и уклоненіе отъ правды въ словѣ не почиталъ неправдой или, покрайней мѣрѣ, извинялъ неправду, что видно изъ другаго посланія къ Храповицкому (1797):

За слова—меня пусть гложетъ,
За дѣла—сатирикъ чтитъ.

Эти стихи, какъ извѣстно, вызвали возраженіе со стороны Пушкина и Гоголя («О томъ, что такое слово», въ Выбранныхъ мѣстахъ изъ переписки съ друзьями). Замѣтимъ, что Державинъ, «пѣвецъ трехъ царей» (собственныя его слова), не заслужилъ полнаго благоволенія ни одного изъ нихъ. Александръ I выказывалъ ему холодность, какъ противнику прогрессивныхъ мѣръ своего правительства. Что касается до Екатерины II, то въ Запискахъ Державина читаемъ слѣдующее: «хотя я и писалъ въ похвалу ея торжествъ стихи, всегда однако обращался аллегоріями, или какимъ другимъ тонкимъ образомъ къ истинѣ, а потому и не могъ быть въ сердцѣ ея вовсе пріятнымъ» (Рус. Бесѣда, 1859, ч. IV, стр. 387 и 388).

Сочиненія Державина:

Оды, переведенныя и сочиненныя при горѣ Читалагаѣ 1774 (1776). Всѣхъ одъ восемь. Первыя четыре переведены прозой съ нѣм. переложенія сочиненій Фридриха Великаго, написанныхъ на франц. языкѣ: на ласкательство, на порицаніе, на постоянство, къ Мовтерпію (Мопертюи, франц. астроному); послѣднія четыре, въ стихахъ: на великость, на знатность, на смерть Бибикова и на рожденіе Екатерины II, суть оригинальныя піесы. (Читалагайскія оды Державина, ст. Я. Грота, въ 16 № Библ. Зап. 1859).

Сочиненія, написанныя въ періодъ времени съ 1770 по 1778, указаны Я. Гротомъ въ ст.: «Державинъ». (Современникъ 1845, томъ 37). Онъ же подробно и обстоятельно изложилъ участіе Державина въ Спб. Вѣстникѣ (1778—1781) и Собесѣдникѣ (1783—1784) (Соврем. 1845, т. 38 и 40).

Послѣ того многія стихотворенія Державина явились въ Моск. Журналѣ, Карамзина (1791—1792), и въ Аонидахъ, его же (1796—1799).

Первая часть Собранія сочиненій Державина издана въ Москвѣ Карамзинымъ (1798), по рукописи, присланной И. И. Шуваловымъ. Державинъ былъ недоволенъ этимъ изданіемъ, потому что нѣкоторыя піесы не вошли въ него «по непропуску ихъ по тогдашнимъ обстоятельствамъ цензурою», а другія «внесены съ выключкою нѣсколькихъ стиховъ» (См. по этому поводу письмо Державина къ кн. А. Б. Куракину, 1798 г., въ 20 № Библ. Зап. 1861).

Анакреонтическія пѣсни (1804). О нихъ см. въ 6 № Библ. Зап. 1858, ст. г. Лазаревскаго, и въ 11 № того же изданія 1859, ст.: «Автографъ Державина», т. е. автографъ пѣсенъ, хранящійся въ библіотекѣ казан. университета. Тѣже пѣсни перепечатаны въ 1857 г. изъ 3-ей ч. Сочиненій Державина (изд. 1808 г.).

Добрыня, театр. представленіе въ 5 д. (соч. 1804, нап. 1808).

Пожарскій, или освобожденіе Москвы, героич. представленіе въ 4 д. (1806).

Кутерьма отъ Кондратьевъ, ком. въ 1 д. (1806).

Второе изд. сочиненій, въ 4 ч. (1808). Къ нимъ въ послѣдствіи (1816) присоединена 5-ая часть. Здѣсь 1-ая ч. напеч. почти въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ она поднесена была авторомъ Екатеринѣ II, съ посвященіемъ ея имени, а въ 3-ью вошли анакреонтическія пѣсни, со многими дополненіями противъ ихъ изданія 1804 г. За стихотворнымъ «приношеніемъ», въ 1-ой ч. слѣдуетъ знаменитый эпиграфъ, взятый изъ Тацита; при 2-ой ч. посвященіе Александру I, съ эпиграфомъ изъ Плиніева похвальнаго слова Траяну.

Приказъ моему привратнику, шуточное стихотвореніе, 1808 (Библ. Зап. 1859, № XI, ст.: «Споръ Державиныхъ»).

По изданіи 4-хъ ч. сочиненій, т. е. послѣ 1808 г., стихотворенія Державина печатались въ разныхъ журналахъ, въ Сочиненіяхъ Рос. Акад. (1805—1823) и въ Чтеніи въ Бесѣдѣ люб. рус. слова (1811—1815).

Съ 1809 г., Державинъ составлялъ объяснительныя примѣчанія къ своимъ стихотвореніямъ. Онъ диктовалъ ихъ родной своей племянницѣ (по второй женѣ), жившей въ его домѣ, Елизаветѣ Николаевнѣ Львовой, дочери Н. А. Львова. Эти записки о литературныхъ трудахъ Державина изданы, въ 4 ч., Өедоромъ Львовымъ, подъ названіемъ: «Объясненія на сочиненія Державина» (1834). Еще прежде того (1822) былъ изданъ «Ключъ къ сочиненіямъ Державина, съ краткимъ очеркомъ его жизни», Н. Остолоповымъ, служившимъ у него по министерству юстиціи.

Иродъ и Маріамна, тр. въ 5 д. (1809).

Въ 1812 г. Державинъ написалъ записки о своей служебной дѣятельности, обнимающія 68 лѣтъ его жизни (1743—1812). Онѣ нап. въ Рус. Бесѣдѣ 1859 г., съ литер. и истор. примѣчаніями П. Бартенева. Отдѣльное ихъ изданіе—1860.

Лира Державина, или избранныя его стихотворенія (1817).

Другія изданія сочиненій Державина: 3-ье, Смирдина, 4 ч. (1831); 4-ое, его же, 4 ч. (1833—1834); 5-ое, Глазунова, съ біографіей автора, соч. Савельевымъ-Ростиславичемъ, 4 ч. (1843); 6-ое, Штукина, тоже съ біографіей, соч. Н. Полевымъ (1845); 7-ое, или первое Смирдинское, въ Полн. собр. соч. рус. авт., (1847); 8-ое, или второе Смирдинское, 2 т. (1851). Академическое изданіе сочиненій Державина, достойное его имени, приготовлено академикомъ Я. К. Гротомъ и уже поступило въ печать (По поводу этого изданія см. статьи г. Грота: «Планъ Академ. изданія сочиненій Державина», Изв. А. Н. по 2 отд., т. VIII, вып. 2; «Рукописи Д—на и Н. Львова», ib. вып. 4; Записка о ходѣ приготовительныхъ работъ по изданію Державинана, ib, т. IX, вып. 3).

Темный, тр. въ 5 д. (1852).

Сочиненія неизданныя: Разсужденіе о постѣ; Нѣсколько шуточныхъ стихотвореній (Милорду, моему пуделю; Желаніе зимы; Крестьянскій праздникъ; Похвала комару и пр.); Солдатскій, или народный диѳирамбъ; Басни (23); Евпраксія, тр.; Федра, переводъ тр. Расина (отрывокъ изъ нея: «Разсказъ Терамена», нап. въ 3 кн. «Чтеній въ Бесѣдѣ люб. рус. слова»); три оперы: Эсфирь, Өемистоклъ и Іоаннъ Грозный. Неизвѣстно, гдѣ находятся другія піесы, о которыхъ Державинъ говоритъ въ Запискахъ: ком. опера и двѣ бездѣльныхъ, и переводъ Зельмиры. По странному заблужденію, онъ, на старости лѣтъ, перешелъ къ той поэзіи, которая наименѣе свойственна его таланту, и началъ, по его собственнымъ словамъ, писать драмы «въ родѣ Метастазія», или, какъ замѣтилъ И. Дмитріевъ, въ родѣ «безобразія» (Рукописи Державина и Н. Львова, ст. Я. Грота въ Изв. Ак. Н., по 2 отд., т. VIII, вып. 4).

О жизни Державина писали еще: митр. Евгеній (Словарь свѣт. писателей, ч. 2), М. Дмитріевъ (Мелочи изъ запаса моей памяти), Я. Гротъ (Жизнь Державина, первый періодъ, съ 1743 по 1762 г., въ 7 № Рус. Вѣст. 1860; Дополнительныя примѣчанія къ этой ст., ib. № 8; Матеріалы для біографіи Д—на. 1773—1777. Дѣятельность и переписка Д—на во время Пугачевскаго бунта, въ 7-й кн. Учен. Зап. Ак. Н.; Записка о дополнит. масріалахъ для біографіи Д—на, во 2 т. Записокъ Ак. Н.). Есть біограф. указанія въ Запискахъ Храповицкаго (Библ.Зап. 1858, № 5, и 1859, № 19) и И. Дмитріева (Моск. 1842, № 1); въ Семейной хроникѣ, С. Аксакова (Знакомство съ Державинымъ), въ Дневникѣ чиновника (Отеч.Зап. 1855).

О сочиненіяхъ его: Мерзлякова, въ Амфіонѣ (1815) и въ Трудахъ Общ. люб. рос. слов., 1818 (Державинъ); кн. Цертелева: О нравственно-философическихъ одахъ Д—на (Благонамѣренный 1823, № 10); Н. Полеваго: Державинъ и его творенія (Очерки рус. лит., ч. 1); С. Шевырева (Моск. Вѣд. 1838, № 16); Бѣлинскаго (Отеч. Зап. 1843, №№ 2 и 3); К. Фойгта: Рѣчь при открытіи въ Казани памятника Державину (1847); С. Полторацкаго: Dieu. Hymne du poёte russe Derjavine. Notice sur quinze traductions françaises de cette hymne (Лейпцигъ, 1855). Другія критическія статьи указаны выше.

§ 226. Съ именемъ Державина связано имя его родственника, друга и совѣтника въ поэзіи, Николая Александровича Львова († 1803). Хотя послѣдній занимался литературою только какъ любитель, но по своему многостороннему образованію, природному вкусу и критическому дару въ искуствахъ понималъ литературное дѣло лучше многихъ записныхъ словесниковъ. Обыкновенное его общество составляли, кромѣ Державина, Хемницеръ, Капнистъ, Елагинъ, Храповицкій, А. Хвостовъ. «Между ними (говоритъ біографъ его, Ѳ. Львовъ) онъ былъ какъ бы геніемъ вкуса, своею печатью утверждающимъ ихъ произведенія, которыя показывались въ свѣтъ не иначе, какъ въ то время, когда онъ прикосновеніемъ волшебнаго крыла своего давалъ природнымъ красотамъ ихъ истинный видъ и силу. Хемницеръ не пускалъ ни одной басни своей въ міръ, не прося объ ея пропускѣ Львова, который или снабжалъ таковымъ проѣзжую, или отказывалъ въ ономъ. Ода Фелицѣ, будучи почти первая у насъ въ Россіи одѣта легко, заманчиво, пріятно и богато, привезена была авторомъ къ Львову на судъ, съ тѣмъ, чтобъ онъ, чудесною силою вкуса, изящное, забавное отдѣлилъ отъ непріятнаго, смѣшнаго,— и сей геній располагалъ нарядами красавицы съ тою единственною цѣлью, чтобы воображеніе читателя тайно дополняло тѣ прелести, которыя опредѣлялъ вкусъ поставить въ полусвѣтѣ». Самъ Державинъ признавалъ доброе вліяніе, производимое на его дѣятельность совѣтами и даже примѣромъ Львова. Имъ преимущественно онъ былъ обязанъ мыслію о новомъ пути въ лирикѣ, прославившемъ его имя. Стихи: «Память другу» (1804), сочиненные на смерть Львова, показываютъ, что онъ внушалъ Державину соединеніе высокаго съ пріятнымъ, громко-поэтическаго языка Пиндара съ умягчающимъ тономъ Анакреона. Оплакивая кончину своего друга, Державинъ спрашиваетъ:

...... Кто жъ моей гитары струны
На нѣжный будетъ тонъ спущать,
Ѳивейски молньи и перуны
Росой Тіисской упоять?

Безъ полнаго (третьяго) изданія басенъ Хемницера, которымъ занимался Львовъ, написавшій къ нимъ предисловіе, мы не имѣли бы надлежащаго понятія о достоинствахъ перваго нашего баснописца. Больше чѣмъ вѣроятна догадка профессора Тихонравова, что двѣ басни, называемыя въ изданіяхъ Хемницера «чужими», принадлежатъ перу Львова. Вообще онъ былъ замѣчательною личностью вѣка Екатерины II, какъ по своему образованію и характеру, такъ и по образу мыслей, хотя не получилъ почти никакого воспитанія и всѣмъ своимъ развитіемъ одолженъ единственно самому себѣ.

Изъ литературныхъ сочиненій Львова извѣстны: «Добрыня, богатырская пѣсня», и «Ботаническое путешествіе на Дудерову гору». Первое написано стариннымъ тоническимъ размѣромъ, въ подкрѣпленіе мысли, что стопосложеніе, введенное Ломоносовымъ, стѣснительно для русскаго языка. Эта мысль доказываетъ живой, здоровый умъ, способный понимать ошибки авторитета; притомъ же она явилась въ то время, когда любовь къ народной поэзіи не только была рѣдкостью, но и могла почесться признакомъ невѣжества. Въ Добрынѣ есть неподдѣльное остроуміе и счастливые стихи. Такъ напр. русскій духъ, изгнанный изъ образованнаго общества, говоритъ:

Поклонился я приворотникамъ,
Поселился жить въ чистомъ воздухѣ

Посреди поля съ православными.
Я прижалъ къ сердцу землю русскую
И ношу ее, припѣваючи;
Позовутъ меня—я откликнуся,
Оглянуся, но.... незнакомъ никто
Ни одеждою, ни поступками.

Или другое мѣсто, гдѣ авторъ требуетъ богатыря чисто-русской породы, а не выходца изъ чужой стороны:

Дайте русскаго мнѣ витязя!
Я Бову королевича
Не хочу пѣть; не Рускій онъ:
Онъ изъ города Антона,
Сынъ какого-то Гвидона,
Макароннаго царя;
О пустомъ не говоря,
Хлѣбъ ему нашъ полюбился,
Такъ онъ къ намъ переселился
И давно въ Москвѣ учился
Щи варить и хлѣбы печь;
Тутъ онъ взялъ и русску рѣчь.

Въ сочиненіяхъ Львова постоянно отражается сочувствіе къ крестьянскому быту и къ народности. Онъ написалъ предисловіе къ «Собранію русскихъ пѣсенъ, положенныхъ на музыку Прачемъ» (1790). По словамъ упомянутой біографіи, «его разговоръ съ крестьяниномъ, какъ строить изъ земли избу, есть твореніе неоцѣненное,—настоящее дѣло генія, которому подражать невозможно». Шутливое «путешествіе на Дудерову гору» написано частью прозой, частью стихами, въ подражаніе путешествію, которое сочинили сообща Башомонъ и Шапель († 1686), славившійся піесами въ легкомъ родѣ поэзіи, критическимъ вкусомъ и эпикурейскимъ нравомъ: потому-то и Львовъ, какъ знатокъ многихъ искуствъ (поэзіи, живописи, музыки, особенно архитектуры), въ кругу своихъ друзей-литераторовъ былъ прозванъ «новымъ Шапелемъ».

Въ лирическихъ піесахъ Капниста (§ 218) есть нѣчто общее съ поэзіей Державина, не по существеннымъ отличіямъ послѣдней, которая гораздо своеобразнѣе, а по направленію. Такъ же какъ Державинъ, Капнистъ писалъ оды торжественныя, нравоучительныя, элегическія и гораціанскія. «Надъ его головою также парилъ добродушный геній Флакка», и онъ старался соединять прелести стихотворства съ наставленіями. Въ одѣ «на счастіе» развивается понятіе объ истинномъ блаженствѣ, которое человѣкъ носитъ всегда съ собой, но по странному заблужденію ищетъ внѣ себя. Мысль оды, что «чистая совѣсть, свобода, здоровье и насущный хлѣбъ довлѣютъ къ нашему покою», постоянно встрѣчается у пѣвца Фелицы. Идеалъ героя представленъ въ стихотвореніи «на твердость духа», какъ онъ представленъ Державинымъ въ «Памятникѣ герою». Между элегіями Капниста, болѣе удачными, чѣмъ его торжественныя оды, отмѣтимъ «На память береста». Здѣсь видно искреннее, нѣжное чувство тихой грусти; «патріархъ древесъ, краса и честь дубравы», подмытый водою, внушаетъ автору предчувствіе его собственной кончины. Зная латинскій языкъ, Капнистъ читалъ Горація въ подлинникѣ и слѣд. имѣлъ въ этомъ отношеніи перевѣсъ надъ Державинымъ. Такъ называемыя гораціанскія оды его дѣлятся на подражанія и переводы. Въ числѣ первыхъ помѣщена «Обуховка», лучшая изъ всѣхъ піесъ Капниста, проникнутая неподдѣльнымъ элегическимъ чувствомъ. Предметъ ея—мирное теченіе дней автора въ родовомъ его

имѣньѣ и спокойное ожиданіе мирной кончины. Она восхваляетъ умѣренность, которой «алтарь сокрытъ отъ черни богачей»:

Ты съ юныхъ дней меня учила
Честей и злата не искать;
Безъ крыльевъ—къ верху не летать
И въ свѣтломъ червячкѣ—свѣтила
На диво міру не казать.

Въ этой элегіи Капнистъ подражалъ частію Горацію (кн. II, ода 18), частію Державину (Жизнь Званская).

Комедія «Ябеда» доказываетъ, что настоящимъ призваніемъ Капниста была сатира. Къ сожалѣнію, онъ остановился на одной комедіи и написалъ одну только сатиру—«первую и послѣднюю», какъ онъ ее назвалъ. «Примѣтивъ, что злословіе относило къ лицамъ изображаемые въ ней пороки вообще, сочинитель пересталъ писать сатиры»: такъ сказано въ Собесѣдникѣ, гдѣ сатира была вновь напечатана, почти вся передѣланная противъ ея прежняго вида въ С.п.бургскомъ Вѣстникѣ. Цѣль ея—обличить современное невѣжество и безнравственность:

Кто сколько ни сердись, а я начну браниться;
Съ бездѣльствомъ, съ глупостью людской мнѣ не ужиться·
Вездѣ продерзостный безпутство кажетъ видъ;
Безчестіе въ чести, изъ моды вышелъ стыдъ.
Почти съ кѣмъ ни сойдусь, съ кѣмъ рѣчь ни начинаю—
Или невѣжество, или порокъ встрѣчаю.
Куда ни кинь, такъ клинъ: тотъ честенъ, такъ глупецъ;
Другой уменъ, такъ плутъ, ханжа, обманщикъ, льстецъ;
И словомъ, въ свѣтѣ семъ такъ рѣдки Аристиды,
Какъ гладкіе стихи въ творцѣ Тилемахиды.

Между прочимъ, въ сатирѣ высказано мнѣніе о тогдашнемъ стихотворствѣ вообще и торжественной одѣ въ частности. Фамиліи, выставленныя авторомъ, почти прямо указывали на нѣкоторыхъ писателей того времени:

...Можно ли какимъ спасительнымъ закономъ
Принудить Рубова мириться съ Аполлономъ,
Не ставить на подрядъ за деньги гнусныхъ одъ
И рыломъ не мутить Кастальскихъ чистыхъ водъ?
Котельскій, Никошевъ, Варикинъ, Флезиновскій,
Обвѣсимовъ, Храстовъ, Вѣсевкинъ, Компаровскій
И все семейство ихъ, не убоясь судовъ,
Напутавъ кое-какъ и прозы и стиховъ,
Въ свѣтъ могутъ ихъ пустить безъ пошлинъ, безъ окладу,
Читателямъ, уму и музамъ на досаду.

Понятно, на кого эти стихи метили: Рубовъ—Рубанъ, Котельскій—Өедоръ Козельскій (авторъ поэмы: «Незлобивая жизнь», «Пантея» и др.), Никошевъ—Николевъ, Варикинъ—Владыкинъ (авторъ Потеряннаго и пріобрѣтеннаго рая), Флезиновскій—Фрясиновскій (переводчикъ «Исіода»), Обвѣсимовъ—Аблесимовъ, Храстовъ—Хвостовъ, Вѣсевкинъ—Веревкинъ. «Журнальныя нападки прошлаго столѣтія», говоритъ г. Тихонравовъ, «отличались рѣзкостью, безцеремонностью, откровенностью, можетъ быть потому, что вообще свѣтскія приличія между писателями въ то время мало были развиты. И между тѣмъ въ этихъ нападкахъ, отзывающихся личностями, выражалось направленіе того или другаго журнала; не смотря на свою грубую форму, они шли изъ чистаго источника (разумѣется, не безъ исключеній)».

Львовъ (Николай Александровичъ) началъ службу въ измайловскомъ полку. Покровительство Михаила Өедоровича Соймонова, его родственника (прим. къ § 223), доставило ему возможность побывать съ нимъ въ чужихъ краяхъ. По возвращеніи, Львовъ поступилъ въ коллегію иностранныхъ дѣлъ, и по дипломатическимъ дѣламъ неоднократно былъ посылаемъ въ Германію, Францію, Италію, Испанію. Эти поѣздки служили наилучшимъ средствомъ къ обогащенію его дѣятельнаго ума многоразличными знаніями. Главное вниманіе онъ обращалъ на произведенія искуствъ (живописи, музыки, зодчества), которыми занимался по собственной охотѣ. Особенно оказалъ онъ успѣхи въ архитектурѣ: нѣсколько зданій построено по его планамъ (церковь въ Могилевѣ, церковь въ Торжкѣ и пріоратъ въ Гатчинѣ). Кн. А. А. Безбородко, главный начальникъ с.п.бургскаго почтамта, взялъ Львова къ себѣ для особыхъ порученій. Служа при немъ, онъ имѣлъ случай находиться въ свитѣ Екатерины II, во время ея путешествія въ Крымъ, и велъ путевыя записки, остающіяся въ рукописи. Императоръ Павелъ далъ ему титулъ директора земляныхъ строеній за изобрѣтенный имъ способъ строить изъ земли (землебитное строеніе). Кромѣ того, Львовъ изобрѣлъ воздушныя печи (Русская пиростатика. 1795–1799) и открылъ каменный уголь въ Боровицкомъ уѣздѣ (О пользѣ и употребленіи русскаго землянаго угля, 1799). Доказательствомъ его знаній въ живописи служитъ сочиненіе въ пользу народныхъ училищъ: «Разсужденіе о перспектовѣ» (1789). Умеръ въ Москвѣ, возвращаясь съ Кавказа, куда ѣздилъ по повелѣнію императора Александра I для описанія тамошнихъ минеральныхъ водъ.

Добрыня нап. въ Другѣ просвѣщенія (1804 г., сентябрь), а Путешествіе на Дудерову гору въ Сѣвер. Вѣстникѣ (1805, февраль). Не зная греч. языка, Львовъ перевелъ Анакреона (1794) по подстрочному переложенію таврическаго архіепископа Евгенія Булгара. Другія сочиненія: «Русскій»—описаніе зимы, въ шутливомъ тонѣ, 1791 (См. Словарь Евгенія); «Пѣснь Гаральда Храбраго», переводъ съ фр. анапестами, 1793 (ib.); мелкія піесы въ стихахъ и прозѣ, напечатанныя въ разныхъ журналахъ. Кромѣ того имъ изданы двѣ русскія лѣтописи: первая—отъ пришествія Рюрика до кончины царя Іоанна Васильевича (5 ч., 1792); вторая—отъ начала Россіи до полтавской битвы (4 ч., 1798—99). Неизданныя сочиненія: «Судъ Парисовъ», шуточная опера; «Сильфъ, или мечта молодой женщины», ком. съ пѣснями (Въ примѣчаніи къ стихамъ Державина: «Память другу», сказано: «Куплеты къ оперѣ Сильфъ); «Милетъ и Милета», пастушеская шутка, въ 1 д., съ пѣснями; тетрадь мелкихъ стихотвореній (Біографія Н. А. Львова, составленная родственникомъ его Ө. П. Львовымъ, издателемъ «Объясненій на соч. Державина», нап. въ Сынѣ Отеч. 1822, т. 77, и въ Москвит. 1855, № 6, гдѣ ошибочно приписана М. Н. Муравьеву; «Рукописи Державина и Н. Львова», г. Грота, въ Изв. Ак. Н. по 2 отд., т. VIII, вып. 4).

§ 227. Переводная литература Екатеринина времени оказала несомнѣнное вліяніе на образованіе наше вообще и на литературу въ частности. Извѣстнѣйшія творенія всѣхъ почти древнихъ и новыхъ авторовъ перешли къ намъ во второй половинѣ прошлаго вѣка. При академіи наукъ учреждено было особое собраніе, подъ названіемъ «переводнаго департамента» (1767), которому отпускалось ежегодно по 5000 руб. для уплаты переводчикамъ. Занятія его продолжались до основанія Россійской Академіи (1783). Упраздненный въ это время, онъ былъ потомъ возобновленъ стараніями академика Протасова (1790). Главное мѣсто между переводами занимаютъ сочиненія французскихъ писателей XVIII и нѣкоторыхъ англійскихъ XVII — XVIII в. Особеннымъ преимуществомъ пользовался Вольтеръ; за нимъ слѣдуютъ: д'Аржансъ, Вольней, Гельвецій, Гоббесъ, Даламберъ, Дидро, Локкъ, Рейналь, Ж. Ж. Руссо, Фридрихъ II и пр. Что сочиненія Вольтера были значительно распространены въ русской публикѣ, это доказывается неоднократными ихъ изданіями. Его читали не одни Руские высшаго общества, хорошо знакомые съ французскою литературой, но и тѣ, которые вовсе не знали французскаго языка и которымъ слѣдовательно необходимы были переводы. Имя его, съ прибавкою слова «господинъ», произносилось на русскій ладъ: «господинъ Волтеръ». Начитавшіеся Вольтера слыли «волтеріанцами». Еще въ первой четверти нынѣшняго вѣка легко было встрѣтить многихъ «волтеріанцевъ»

не только между аристократами, но и въ среднемъ классѣ, между помѣщиками и чиновниками. Главнымъ пунктомъ ихъ образа мыслей были не столько политическія, сколько религіозныя понятія, склонявшіяся къ деизму. Этимъ и объясняются слова одного изъ русскихъ писателей, который самъ заплатилъ дань французской философіи: «отступники откровенной религіи дѣлали доселѣ болѣе вреда въ Россіи, нежели непризнаватели бытія Божія — атеисты; таковыхъ у насъ мало». Разговоръ Фонъ-Визина съ Тепловымъ различаетъ два класса тогдашнихъ русскихъ скептиковъ: одни — глупцы и невѣжды, которые считали предразсудкомъ все, чего ихъ слабый разсудокъ былъ понять не въ силахъ; другіе — умствователи, старавшіеся доказать доводами справедливость своихъ мнѣній. На скептицизмѣ, какъ видно изъ того же разговора, сходились крайности нашего общества: съ одного конца унтеръ-офицеры гвардіи, а съ другаго — синодальный оберъ-прокуроръ (Признаніе въ дѣлахъ моихъ и помышленіяхъ). Если не безвѣріе, то кощунство было въ модѣ, какъ плодъ легкомысленнаго обращенія съ важнѣйшими предметами ума и чувства. Этой модѣ послужилъ и Фонъ-Визинъ «Посланіемъ къ слугамъ своимъ», въ чемъ послѣ искренно раскаявался. Біографія Ушакова, написанная Радищевымъ (1789), даетъ понятіе о томъ, какъ сильно подѣйствовала книга Гельвеція «о разумѣ» на русскую молодежь, обучавшуюся за границей (см. дальше). Переводчики наши нерѣдко обращались къ Энциклопедіи Даламбера и Дидро: многія статьи ея или отдѣльно изданы, или помѣщены въ журналахъ. Веревкинъ даже сбирался перевести ее всю. Кромѣ того, есть выбранныя мѣста изъ сочиненій французскихъ философовъ. Эти сборники получали названіе «духа» такого-то писателя (Духъ Вольтера, Духъ Гельвеція, Духъ Руссо, и пр.). Не говоримъ о множествѣ переводовъ, разсѣянныхъ по журналамъ, гдѣ иногда не означалось имени подлинника.

О значеніи русской переводной литературы во второй половинѣ прошлаго столѣтія можно судить по слѣдующему списку авторовъ, которыхъ сочиненія, вполнѣ или частію, явились у насъ въ первый разъ или въ новыхъ переводахъ: Авлъ Геллій, Бернарденъ де Сенъ-Пьеръ, Боннетъ, Бюффонъ, Верто, Геснеръ, Гольбергъ, Гольдони, Гольдсмитъ, Гуго Гроцій, Демосѳенъ, Джонсонъ, Діодоръ Сицилійскій, Эразмъ Ротердамскій, Исократъ, Кондильякъ, Конфуцій, Крамеръ, Кребильонъ, Ксенофонтъ, аббатъ де Лапортъ, Лесажъ, Линней, Лукіанъ, Мабли, Маллетъ, Мармонтель, Мейснеръ, Миллотъ, Мопертюи, Овидій, Оксенштирнъ, Павсаній, Пеннъ (Вильгельмъ), Пиронъ, Плиній младшій, аббатъ Прево, Рабенеръ, Реньяръ, Ричардсонъ, Робертсонъ, Саллюстій, Светоній, Свифтъ, Сенека, Скарронъ, Стернъ, Тацитъ, Теренцій, Фенелонъ, Фильдингъ, Флешье, Флоріанъ, докторъ Циммерманъ, Цицеронъ, Юмъ, Юнгъ... Къ этому списку слѣдуетъ еще прибавить сочиненія, указанныя выше при исторіи поэтическихъ родовъ или при изложеніи дѣятельности нашихъ литераторовъ. Переводы нѣкоторыхъ книгъ были сдѣланы по повелѣнію императрицы; таковы: «Политическія наставленія Бильфельда» (1768 — 1775) и «Истолкованія англійскихъ законовъ Блакстона» (1780 — 1782). Переводомъ первой книги занимался профессоръ Барсовъ, вмѣстѣ съ кн. Ѳедоромъ Шаховскимъ, подъ наблюденіемъ московскаго университета; переводомъ второй — профессоръ того же университета Десницкій. Блакстонъ впервые знакомилъ русскую публику съ образомъ правленія того народа, которому Екатерина оказывала «несуетное предпочтеніе» и уваженіемъ котораго «дорожила во всю свою жизнь», какъ она сама говоритъ въ письмѣ къ доктору Цим-

мерману (автору знаменитой нѣкогда книги «объ уединеніи»), писанномъ въ то время, когда Густавъ III началъ войну съ Россіей и когда посланникъ его при Французскомъ дворѣ, Сталь, склонялъ и Англію на сторону своего короля (1791). Истолкователь государственнаго быта Англичанъ пользовался должнымъ уваженіемъ нашихъ ученыхъ правовѣдовъ и вообще людей мыслящихъ. Одинъ изъ нихъ замѣчаетъ, что «не худо бы русскимъ судьямъ имѣть Блакстона и заглядывать въ него чаще, нежели въ мѣсяцесловъ».

Само собою разумѣется, что вольномысліе французскихъ философовъ не могло у насъ остаться безъ отпора, который прежде всего находимъ въ сочиненіяхъ духовенства. Орудіемъ православнаго богословія пастыри русской церкви обличали все несогласное съ догматами вѣры. Началамъ деизма они противополагали истину откровенной религіи, законамъ естества — пути провидѣнія, матеріалистическому взгляду на мораль, приводимую въ движеніе единственно эгоизмомъ — строгость христіанской морали, основанной на самоотреченіи. Платонъ, митрополитъ московскій, въ нѣкоторыхъ проповѣдяхъ своихъ доказываетъ необходимость искупленія, которое не признавали натуралисты; разсуждаетъ объ управленіи міра Творцемъ, который можетъ измѣнять естественное теченіе природы; опровергаетъ доводы людей, не признававшихъ безсмертія. Другой проповѣдникъ, Анастасій Братановскій, въ надгробныхъ словахъ Бецкому (1795) и Шувалову (1797), изъ недостаточности земныхъ наградъ добродѣтели выводитъ заключеніе, что эти награды предоставлено ей вкушать въ будущемъ вѣкѣ. Доказывая свою тему, онъ въ тоже время отвергаетъ противоположныя ей понятія; догматизмъ идетъ у него рядомъ съ полемикой, весьма понятной при тогдашнемъ вліяніи энциклопедизма. Тотъ же духовный писатель, съ цѣлію подорвать ученіе философовъ XVIII в., перевелъ съ Французскаго двѣ книги: «Предохраненіе отъ безвѣрія и нечестія» (1794) и «Истинный Мессія, или доказательство о божественномъ пришествіи въ міръ І. Х. и Его божествѣ» (1801). Изъ прочихъ переводовъ и сочиненій укажемъ на слѣдующіе: «Безсмертіе души, основательно противъ безбожниковъ и скептиковъ доказанное» (1779); «Посрамленный безбожникъ и натуралистъ» (1787); «Торжество вѣры надъ невѣрующими и вольномыслящими» (1792), и пр. Свѣтская литература вступала также въ борьбу съ энциклопедистами. Хотя сатирическіе журналы 1769—74 г. часто помѣщали на своихъ страницахъ переводы Вольтеровыхъ сочиненій, но въ тоже время и не щадили ихъ, если они легкомысленно и враждебно относились къ тѣмъ предметамъ, которые русскій человѣкъ привыкъ почитать какъ святую истину. Такъ нѣкоторыя статьи «Адской Почты» направлены противъ Вольтера. Объ анти-философическомъ духѣ изданій Новикова, во вторую половину его дѣятельности, будетъ сказано дальше. Въ «Недорослѣ», Стародумъ совѣтуетъ своей племянницѣ читать Фенелона, а не нынѣшнихъ мудрецовъ, которые, уничтожая предразсудки, воротятъ съ корнемъ и добродѣтель. Такъ какъ Вольтеръ былъ наибольшею силой между философами XVIII в., главнымъ представителемъ ихъ ученія, то неудивительно встрѣтить переводныя книги, подъ слѣдующими заглавіями: «Вольтеръ обнаженный» (1787), «Вольтеръ изобличенный» (1792), «Вольтеровы заблужденія» (1793). Государственный переворотъ во Франціи далъ поводъ и правительству строже наблюдать за распространеніемъ сочиненій, которые до того времени могли свободно обращаться въ публикѣ: такъ въ 1789 г., извѣстясь, что въ Москвѣ задумали пе-

ревести всѣ сочиненія Вольтера, императрица повелѣла не печатать перевода безъ цензуры и апробаціи митрополита Платона (Письмо Екатерины къ Еропкину, 23 сентября 1789 г.).

Другимъ средствомъ къ изученію европейской науки и литературы служила посылка молодыхъ людей за границу. Многіе изъ нихъ довершали свое образованіе въ иностранныхъ университетахъ, которые славою своихъ лекцій привлекали юношество со всѣхъ концевъ Европы: профессоры Третьяковъ и Десницкій въ Гласговѣ, Афонинъ и Карамышевъ въ Упсалѣ подъ руководствомъ знаменитаго Линнея, Веніаминовъ и Зыбелинъ въ Кенигсбергѣ, а потомъ въ Лейденѣ. В. Петровъ и Силовъ, какъ мы уже знаемъ (§ 224), обучались въ Англіи. Между студентами кильскаго университета находилось нѣсколько русскихъ еще при Елисаветѣ. Въ началѣ царствованія императрицы Екатерины (1766 г.) поступили туда кн. Александръ Борисовичъ Куракинъ и Алексѣй Григорьевичъ Тепловъ, сынъ Григорья Николаевича, статсъ-секретаря и автора многихъ сочиненій. Въ тридцатилѣтній періодъ времени (1750—1780) Руские чаще, нежели прежде или послѣ того, посѣщали университетъ лейпцигскій, наиболѣе тогда славившійся. Тамъ воспитывался гр. Владиміръ Григорьевичъ Орловъ, младшій братъ извѣстныхъ въ нашей исторіи Орловыхъ — Григорія и Алексѣя (Чесменскаго). По возвращеніи его въ отечество (1766), опредѣлено было послать въ Лейпцигъ двѣнадцать молодыхъ людей для изученія правъ. Между ними замѣчательны: Ѳедоръ Ушаковъ, Алексѣй Кутузовъ и Александръ Радищевъ. Первый, не кончивъ курса, умеръ трагическою смертію (1768); второй извѣстенъ, какъ переводчикъ Мессіады (§ 221) и какъ другъ Карамзина, съ которымъ былъ связанъ общими интересами мысли; судьбѣ третьяго дало громкую и вмѣстѣ печальную извѣстность его «Путешествіе изъ Петербурга въ Москву» (1790).

О русскихъ воспитанникахъ заграничныхъ университетовъ см.: «Житіе Ѳедора Васильевича Ушакова», соч. Радищева, 2 ч. (1789); «Алексѣй Михайловичъ Кутузовъ и Александръ Николаевичъ Радищевъ», въ Библ. Зап. М. Лонгинова (Совр. 1856, № 8); его же: «Русскіе студенты въ лейпцигскомъ университетѣ» (Библ. Зап. 1859, № 17): «А. Н. Радищевъ» (Рус. Вѣст. 1858, № 23); «Нѣсколько ученыхъ замѣтокъ Я. К. Грота во время заграничнаго путешествія» (Изв. Ак. Н. по 2 отд., т. IX, вып. 3).

§ 228. Усвоеніе европейской науки и литературы при Екатеринѣ не мѣшало знакомству съ своимъ отечествомъ, основательному изученію своей страны въ ея прошлой жизни и современномъ состояніи. Познаніе того, что̀ выработано чужими народами для общечеловѣческой образованности, соединялось съ самопознаніемъ, безъ котораго движеніе впередъ было бы не только одностороннимъ, но и положительно вреднымъ. Доказательствомъ такого сочетанія двухъ элементовъ служитъ между прочимъ одинъ изъ первыхъ правительственныхъ актовъ—учрежденіе коммиссіи для составленія проэкта новаго уложенія. Конечно, «Наказъ» составленъ по Монтескье и Беккаріи; но потребности, заявленныя выборными отъ всей русской земли, свѣдѣнія, ими доставленныя, указали правительству многое, чего правительство не знало, но что̀ ему нужно было знать. Это и заставило императрицу отозваться о коммиссіи въ слѣдующихъ словахъ: «она подала мнѣ совѣтъ и свѣдѣніе о всей имперіи, съ кѣмъ дѣло имѣемъ и о комъ пещись должно; она всѣ части закона собрала и разобрала по матеріямъ». Мѣры, которыми доставлялась возможность всесторонняго изученія русской природы и русскаго народа, принадлежатъ къ важнѣйшимъ событіямъ въ исторіи нашего обра-

зованія, равно какъ сочиненія, въ которыхъ изложены результаты этого изученія, составляютъ важнѣйшее пріобрѣтеніе нашей ученой литературы.

Изъ трудовъ Академіи Наукъ особенно замѣчательны ученыя путешествія, совершенныя академиками и имѣвшія цѣлію описаніе Россіи въ отношеніяхъ естественномъ, географическомъ и статистическомъ. Для этого были снаряжены четыре экспедиціи: двѣ астраханскія и двѣ оренбургскія. Первыми распоряжались Самуилъ Гмелинъ и Гильденштедтъ; вторыя, подъ начальствомъ Палласа, состояли изъ Лепехина, Фалька, Георги, Зуева, Рычкова, Озерецковскаго. Экспедиціямъ предписано было производить изслѣдованія и наблюденія относительно всѣхъ замѣчательныхъ предметовъ, показывать выгоды и недостатки разныхъ областей нашего отечества, описывать нравы и обычаи народовъ, изыскивать способы къ улучшенію всѣхъ родовъ промышленности. Путешествія продолжались съ 1768 по 1774 г. Оренбургскія экспедиціи осмотрѣли сѣверную, восточную и западную части Россіи; астраханскія—южную часть ея, съ одной стороны до прилежащихъ персидскихъ областей и самую Персію, съ другой до Кавказа и Грузіи и самыя эти страны. «Путевыя записки», веденныя академиками, содержатъ въ себѣ не только подробное описаніе Россіи, познакомившее съ нею и Рускихъ и Европу, но и обильное число наблюденій и открытій по естественнымъ наукамъ. Кромѣ того, онѣ обогатили русскую ученую терминологію множествомъ словъ, заимствованныхъ изъ мѣстнаго народнаго словаря или составленныхъ въ духѣ того же словаря, и дали примѣръ простаго, чисто-русскаго изложенія научныхъ предметовъ, особенно естествознанія. Русскіе академики, и въ своихъ книгахъ и въ переводахъ трудовъ нѣмецкихъ академиковъ, еще держались преданія Ломоносова, умѣвшаго находить въ родномъ словѣ достойные матеріалы для передачи свѣдѣній по всѣмъ отраслямъ науки. Къ сожалѣнію, позднѣйшая терминологія болѣе и болѣе теряла изъ виду источники, къ которымъ ей слѣдовало бы обращаться за совѣтомъ и справкой. Вмѣсто того, чтобы вводить въ книжный языкъ тѣ слова, которыя давно существуютъ среди народа, она обогащалась и обновлялась буквальнымъ, варварскимъ переводомъ иностранныхъ реченій или новосоставленными, не менѣе варварскими, реченіями, въ которыхъ не было и тѣни національнаго элемента.

Въ 1783 г., по докладу директора Академіи Наукъ, княгини Е. Р. Дашковой (1744—1810), учреждена Россійская Академія, которой она и была первымъ президентомъ. Предметами своихъ дѣйствій академія имѣла очищеніе и обогащеніе русскаго языка, установленіе правилъ словоупотребленія, витійства и стихотворства. Для достиженія этихъ цѣлей предположено было сочинить словарь, грамматику, риторику и піитику. Словопроизводный словарь, изданный въ 6 т. (1789—94) подъ именемъ «Словаря Россійской Академіи», заключаетъ въ себѣ 43,257 словъ.

Московскому университету даны средства распространить курсъ ученія и умножить число учащихся. Особое вниманіе обращено было на молодыхъ русскихъ ученыхъ, которые получали образованіе за границею или въ самомъ университетѣ и со временемъ долженствовали замѣстить профессоровъ иностранныхъ. При Елисаветѣ университетъ имѣлъ только двухъ русскихъ профессоровъ: Поповскаго и Барсова; при Екатеринѣ многіе уже воспитанники его съ честію заняли профессорскія каѳедры: Аничковъ, Аѳонинъ, Зыбелинъ, Веніаминовъ, Десницкій, Третьяковъ, Чеботаревъ, Страховъ. Съ 1767 г. введено было препода-

ваніе лекцій, особенно по каѳедрамъ юридическихъ наукъ, на языкѣ отечественномъ. Какъ въ «Наказѣ» изложены главныя педагогическія правила для согласнаго устройства двухъ родовъ воспитанія: домашняго и общественнаго, такъ и «Способъ ученія» (1771), изданный отъ университета, имѣлъ цѣлію согласить домашнее ученіе съ ученіемъ гимназическимъ, приготовляющимъ къ слушанію профессорскихъ лекцій. Объ основаніи благороднаго пансіона и филологической семинаріи сказано было выше (§ 219).

Одной изъ самыхъ важныхъ мѣръ къ распространенію просвѣщенія служилъ указъ 1783, дозволяющій заводить во всѣхъ городахъ частныя типографіи и печатать въ нихъ книги на русскомъ и иностранныхъ языкахъ. Въ слѣдствіе этого явилось даже нѣсколько сельскихъ типографій, заведенныхъ помѣщиками-литераторами. Благоразумная, снисходительная цензура, взглядъ на которую выраженъ въ Наказѣ (§ 484), была главною причиною успѣховъ книгопечатанія, давъ возможность возникнуть многимъ періодическимъ изданіямъ. Политическія событія во Франціи заставили частію ослабить, частію прекратить дѣйствіе этихъ просвѣтительныхъ мѣръ. Въ самый годъ смерти императрицы (1796), частныя типографіи были упразднены, ввозъ иностранныхъ книгъ ограниченъ и въ Петербургѣ, Москвѣ, Ригѣ, Одессѣ и при Радзивиловской таможнѣ учреждены цензуры.

Многое было сдѣлано для русской исторіи,—предмета, дорогаго сердцу Екатерины, какъ она сама выражалась. Съ одной стороны изданіе памятниковъ, съ другой критическія изслѣдованія и прагматическое изложеніе, о чемъ скажется ниже, положили начало основательному, ученому знакомству съ отечественной стариной.

Въ 1773 г. учрежденъ «публичный театръ», т. е. открытый для каждаго за установленную плату, тогда какъ при Елисаветѣ онъ былъ назначенъ для двора и для особъ высшаго класса.

Изъ ученыхъ сборниковъ и періодическихъ изданій Академіи Наукъ главнѣйшее мѣсто занимають ея акты (мемуары и комментаріи). Сюда относятся: нѣкоторые изъ 20 томовъ «Комментаріевъ», начатыхъ въ царствованіе Елисаветы; новая серія «Мемуаровъ», послѣ пятидесятилѣтняго юбилея, 6 т. (1778—1786); «Новые акты», 15 т. (1787—1806). «Академическія извѣстія», 8 ч. (1779—1781) издавались съ цѣлію распространять полезныя свѣдѣнія, особенно о Россіи; они обращали главное вниманіе на два предмета: на исторію наукъ и на ихъ значеніе и употребленіе. «Новыя ежемѣсячныя сочиненія» (1786—1796), служившія какъ бы продолженіемъ Миллеровыхъ «Ежемѣсячныхъ сочиненій», знакомили съ наукою и тѣхъ читателей, которые не имѣли случая пріобрѣсти основательнаго ученаго образованія. Кромѣ того, Академія издала: «Библіотеку россійскую историческую» (1767), «Извѣстія византійскихъ историковъ», собранныя Стриттеромъ, 4 ч. (1770—1775), «Русскую библіотеку», Людвига Бакмейстера, 11 т. (1772—1789), «Собесѣдникъ Любителей рос. слова», 16 т. (1783—1784), «Продолженіе Древней рос. вивліоѳики», 11 т. (1786—1801), начатой Новиковымъ (см. ниже). (Объ учен. сборникахъ, г. Куника).

Въ составленіи производнаго Словаря Рос. Академіи принимали участіе: Кн. Дашкова, Гавріилъ, митр. новогородскій, И. Шуваловъ, Козодавлевъ, Фонъ-Визинъ (см. его Письмо къ Козодавлеву о планѣ Словаря), Княжнинъ, Державинъ, Богдановичъ, академики: Лепехинъ, Румовскій, Озерецковскій. Императрица написала дополнительныя замѣчанія къ словамъ, собраннымъ на букву А. (Рос. академія, Д. Языкова, въ I т. Энцик. Плюшарова словаря; его же Краткое извѣстіе о Рос. академіи, въ I ч. «Трудовъ Рос. акад.»; Первый періодъ исторіи Рос. Акад., г. Красовскаго; Рос. академія и 2-ое отд. Академіи Н., И. Давыдова, въ I кн. Учен. записокъ 2-го отд. Ак. Н.). О кн. Дашковой см. ниже.

Екатерина имѣла намѣреніе основать университеты въ Екатеринославлѣ, Псковѣ, Черниговѣ и Пензѣ и гимназіи во многихъ губернскихъ городахъ (П. С. Рос. Зак.,

№ 16,057). При коммиссіи народныхъ училищъ былъ образованъ комитетъ объ учрежденіи университетовъ; для руководства студентамъ были ею изданы нѣкоторыя книги. При императорѣ Павлѣ были учреждены: дерптскій университетъ и училище ордена св. Екатерины, и всѣ воспитательныя заведенія для женскаго пола поступили въ вѣдѣніе императрицы Маріи Ѳеодоровны (Ист. моск. унив., г. Шевырева; Обозрѣніе учеб. заведеній с.п.б. учебн. округа, А. Воронова).

Въ 1771 г., слѣд. за 12 лѣтъ до указа о вольныхъ типографіяхъ, иностранецъ Гартунгъ получилъ привиллегію на заведеніе типографіи въ Петербургѣ (П. Собр. Рос. Зак., № 13,572). О важности указа 1783 см. письмо Фонъ-Визина къ сочинителю Былей и Небылицъ (§ 210).

§ 229. Правильное соотношеніе двухъ предметовъ, указанныхъ §§-ми 227 и 228, т. е. народнаго самопознанія съ одной стороны и усвоенія того, что выработано духовными усиліями всего человѣчества съ другой, и составляетъ задачу истинной образованности. Эта задача вытекаетъ изъ понятія о народѣ, который, будучи самостоятельнымъ общественнымъ тѣломъ, живя собственною, индивидуальною жизнію, есть въ тоже время и необходимый членъ всенародной семьи. Въ его историческомъ развитіи дѣйствуютъ двѣ стихіи: національная и общечеловѣческая. Первая стихія образуетъ его личность, называемую народностью, по которой онъ отличается отъ другихъ народовъ и есть именно такой-то народъ, а не какой-либо другой; вторая ставитъ его въ общеніе со всѣми прочими націями, дѣлаетъ его необходимымъ звеномъ въ цѣпи всего человѣчества. Обѣ стихіи народнаго развитія остроумно уподобляютъ силамъ центробѣжной и центростремительной, дѣйствующимъ въ небесной сферѣ. Сила центробѣжная (національная) охраняетъ особное существованіе народа, удерживаетъ за нимъ его личность и самостоятельность; сила центростремительная (общечеловѣческая) влечетъ народъ къ единенію съ другими народами, не дозволяя ему совершать свою исторію въ отрѣшенной отъ нихъ области, жить исключительною, въ себѣ самой замкнутою жизнію. Какъ отъ правильнаго соотношенія силъ, въ жизни солнечной системы, зависитъ невозмущаемое теченіе планетъ: такъ отъ правильнаго соотношенія стихій въ жизни народа зависитъ его невозмущаемое развитіе. Господство или перевѣсъ одной какой-либо стихіи мѣшаетъ нормальному устройству народной судьбы. Если бы народъ подчинился дѣйствію національности, нераздѣльному и единственному, онъ осудилъ бы себя на китайскую неподвижность; если бы онъ могъ отречься отъ своихъ національныхъ отличій и жить единственно иноземнымъ вліяніемъ,—онъ представилъ бы примѣръ чудовищнаго космополитизма, который и въ отдѣльныхъ личностяхъ возмутителенъ для каждаго живаго человѣка. Цѣльное, гармоническое развитіе народа состоитъ въ возведеніи присущихъ ему началъ на степень общечеловѣческихъ; оно тогда только возможно, когда народъ, оставаясь вполнѣ самостоятельнымъ, усвоиваетъ духовныя пріобрѣтенія всѣхъ другихъ націй и въ свою очередь самъ становится участникомъ общечеловѣческаго развитія.

Осуществленіе этой формулы требуетъ длиннаго ряда вѣковъ. Прежде чѣмъ стать на чреду народовъ историческихъ, имѣющихъ всемірное значеніе, народъ проживаетъ нѣсколько послѣдовательныхъ періодовъ: періодъ исключительной національности, заботливо сторонящейся отъ всего чуждаго; періодъ сближенія съ другими народами, подражательности иноземному, которая весьма часто не знаетъ мѣры заимствованій и упускаетъ изъ виду свое собственное; наконецъ періодъ разумной самостоятельности, когда обѣ силы, національная и общечеловѣческая, приходятъ въ должное равновѣсіе, сохраняя свои законныя права и дѣйствіе.

Восемь столѣтій съ половиною Россія пребывала въ первомъ періодѣ и была выведена изъ него реформой Петра. Чѣмъ дольше общество жило особнякомъ, безъ рѣшительнаго сближенія съ другими народами, хотя и чувствуя потребности иной, болѣе просторной жизни, но только частными преобразованіями удовлетворяя этимъ потребностямъ, тѣмъ сильнѣе въ немъ боязнь потерять родную почву развитія, тѣмъ недовѣрчивѣе встрѣчаетъ оно новые порядки, наступающіе со времени втораго періода, и тѣмъ упорнѣе готово отвергать ихъ. Противодѣйствіе можетъ быть заявляемо двоякимъ образомъ: дѣломъ и мыслію. Противодѣйствіе дѣломъ выражается въ приверженности быта къ исключительно-національному строю жизни; противодѣйствіе мыслію—въ особомъ ученіи, которое стремится къ національному, самостоятельному, боясь искаженія существенныхъ особенностей народа отъ потока чужеземныхъ вліяній, быстро разливающагося въ періодъ подражательности. Такое ученіе означено у насъ неточнымъ, позднѣе составленнымъ именемъ «славянофильства», т. е. любви къ Славянамъ вообще, которая включаетъ въ себѣ любовь къ русскимъ Славянамъ въ особенности. Направленіе, противоположное славянофильству, называлось «европеизмомъ», такъ какъ жизнь европейскихъ народовъ, сложившаяся изъ элементовъ древняго (греко-римскаго) и новаго (христіанскаго) міра, сдѣлалась источникомъ и образцомъ для общечеловѣческаго развитія. Слова: «европейцы» и «славянофилы», замѣнялись позднѣе словами: «западники» и «восточники», по той причинѣ, что Россія, по своему географическому положенію въ старомъ свѣтѣ, служитъ какъ бы звеномъ, соединяющимъ его западную и восточную половины. При Петрѣ І-мъ и въ ближайшее за нимъ время, когда нѣмцы были нашими учителями, слово «нѣмецъ» имѣло такое же значеніе, какъ и слово «европеецъ», или «западникъ». Если славянофилы ищутъ самостоятельнаго, на коренныхъ началахъ русской природы основаннаго, развитія, то западники видятъ идеалъ народнаго развитія въ началахъ европейской образованности, проходящей по всей исторіи запада и вполнѣ удовлетворительной для высшихъ требованій просвѣщенія. Карамзинъ обозначилъ крайность западничества, сказавъ, что главное дѣло быть не Славянами, а людьми, что все національное ничто предъ человѣческимъ. Славянофильство противополагало тому другую крайность, утверждая, что западъ одряхлѣлъ въ жизни, мышленіи и образованности, что надобно одухотворить его инымъ, новымъ началомъ, подобно тому, какъ греко-римскій міръ, изжившій свое развитіе, былъ одухотворенъ началомъ германскимъ.

Вопросъ о народной самобытности пріобрѣталъ у насъ особое значеніе и силу каждый разъ, когда совершались важныя внутреннія реформы или завязывалась серьезная борьба съ Европою. Въ первомъ случаѣ, стремленіе къ западнымъ идеямъ и учрежденіямъ, которыя, со времени Петра, сдѣлались нашимъ идеаломъ, вызывало реакцію. Славянофильство являлось съ сомнѣніями и запросами, направлявшими общественную мысль въ противную сторону: это усвоеніе чуждой образованности согласно ли съ природой русскаго человѣка и его дѣйствительными нуждами? нѣтъ ли въ нашемъ прошломъ и настоящемъ какихъ-либо элементовъ, неизвѣданныхъ или забытыхъ, которыми возможно улучшить прежній строй общества безъ всякой посторонней помощи? Сами дѣятели и защитники европейской цивилизаціи отступали иногда отъ своего собственнаго дѣла при видѣ тѣхъ крайностей, въ которыя она ударялась. Изъ нововводителей они обращались въ ста-

родумовъ, перенося свой идеалъ въ періодъ русской жизни, болѣе или менѣе отдаленный отъ современности. Такъ для Стародума, въ ком. «Недоросль», этимъ идеаломъ служитъ эпоха Петра, противополагаемая состоянію русскаго общества при Екатеринѣ (§ 209). Въ эпоху международной непріязни, славянофильскія мнѣнія возбуждались и руководились патріотизмомъ. Народная гордость отвергала всякій союзъ съ народомъ-врагомъ и не хотѣла быть ему одолженной никакими дарами, ни матеріальными, ни умственными. У себя дома она искала способовъ для всѣхъ видовъ преуспѣянія. Противные тому взгляды осуждались не просто какъ ложное направленіе мысли, но и какъ измѣна отчизнѣ, что̀ весьма понятно при общемъ патріотическомъ воодушевленіи. Примѣръ такого явленія увидимъ въ русской литературѣ 1812 года.

Пока реформа не ввела Россію въ среду европейской цивилизаціи, до тѣхъ поръ не было у насъ мѣста означеннымъ воззрѣніямъ. Они могли возникнуть только при выходѣ ея изъ періода исключительной національности. Славянофильство и западничество порождены Петромъ. Впрочемъ, сходственныя съ ними, если не однородныя имъ, явленія представляла и до-петровская Русь. И тогда встрѣча съ чужеземными обычаями или чужеземною наукой тревожила ревнителей чисто-русской жизни и мысли. Исторія Максима Грека показываетъ, какъ большинство книжныхъ людей относилось къ исправленію перевода богослужебныхъ книгъ: ученый инокъ былъ заподозрѣнъ въ неправославіи. Симеонъ Полоцкій казался въ Москвѣ опаснымъ нововводителемъ. Въ XVII в., каждый Рускій, умѣвшій читать латинскія книги и говорить по-польски, и кромѣ того усвоившій нѣкоторые польскіе обычаи, могъ возбуждать опасенія въ тѣхъ лицахъ, для которыхъ византійская ученость служила единственнымъ кормиломъ, исключавшимъ всякія другія руководства. Эта исключительность, отвѣчая позднѣйшему славянофильству, давала противнымъ ей взглядамъ названія бусурманства, иновѣрія, ереси и т. п.

Начиная съ Петровой реформы, въ исторіи славянофильства различается нѣсколько степеней или періодовъ. Выступая подъ тѣмъ или другимъ знаменемъ, оно обозначалось тѣмъ или другимъ именемъ. При Петрѣ оно имѣло религіозную подкладку, чѣмъ доказывало свою связь съ древне-русскою нетерпимостью всего чужеземнаго: сторонники преобразованій обвинялись въ иновѣріи и еретичествѣ (§ 172), а сторонники до-петровской Руси въ лицемѣріи, формализмѣ и старовѣрствѣ. Въ царствованіе Елисаветы, славянофильскія тенденціи приняли патріотическій характеръ, возбужденныя рѣчью академика Миллера «о происхожденіи народа и имени Руссовъ», въ которой развивалось мнѣніе Байера, что Варяго-Русь—народъ скандинавскаго племени. Особыя обстоятельства сообщили научному предмету политическую важность. Взаимныя отношенія Швеціи и Россіи не могли быть искренно-дружелюбными, не смотря на вѣчный миръ, заключенный въ Або (1743): Швеція не могла забыть, чего она лишилась въ сѣверную войну, а Россія съ своей стороны понимала, что ея бывшая соперница не откажется и впредь отъ соперничества, въ надеждѣ возвратить потерянное и вновь занять мѣсто первоклассной державы. Доказывать, при такомъ характерѣ между-народныхъ отношеній, что Рюрикъ и его братья были одного племени съ нашими врагами, Шведами, значило оскорблять народное самолюбіе. Рѣшеніе вопроса о способѣ водворенія Варяго-Руссовъ было также неблаго-

пріятно русскому чувству. Допустивъ, что они, будучи призваны только на время для защиты границъ отъ норманскихъ нашествій, утвердили свое господство надъ Славянами, должно было согласиться, что Славяне не могли сами ни отразить враговъ, ни вытѣснить чужеземцевъ послѣ оказанной имъ помощи. Изъ гипотезы о добровольномъ подчиненіи Славянъ Варяго-Руссамъ вытекало слѣдствіе, что предки наши неспособны были къ самоуправленію, что не они сами начали свою государственную исторію, что въ странѣ ихъ, богатой и обильной, установленъ порядокъ внѣшнею силою. Позднѣе, наука истолковала выгоднымъ для насъ образомъ тотъ самый фактъ, который смущалъ русскихъ ученыхъ XVIII в.: въ добровольномъ призваніи Варяго-Руссовъ она увидѣла самое счастливое преимущество нашей исторіи и ея существенное отличіе отъ исторіи другихъ государствъ, основанныхъ путемъ завоеванія, которое положило вражду между побѣжденными и побѣдителями. Но при Елисаветѣ подобныя воззрѣнія еще не имѣли мѣста. Русская партія академиковъ съ ея представителемъ, Ломоносовымъ, не могла относиться равнодушно къ мнѣніямъ нѣмецкихъ академиковъ. Упомянутая рѣчь казалась ему предосудительною для русскаго имени, а ея автора почиталъ онъ зложелателемъ, «высматривающимъ одни темныя пятна на одеждѣ россійскаго тѣла». Чувству патріотизма одолжены своимъ появленіемъ историческіе труды Ломоносова и Тредьяковскаго: первый приравниваетъ русскую исторію исторіи римской; второй доказываетъ первоначаліе Россовъ и славянскаго языка предъ тевтоническимъ; и оба предлагаютъ ученіе о славянскомъ происхожденіи Руси (202).

Изъ вопроса Фонъ-Визина Собесѣднику: «какъ истребить два сопротивные и вредные предразсудки: первый—будто у насъ все дурно, а въ чужихъ краяхъ все хорошо; второй—будто въ чужихъ краяхъ все дурно, а у насъ все хорошо?» видимъ, что славянофильство и западничество не только существовали у насъ во второй половинѣ XVIII в., но и доходили до предразсудковъ. Сатирическіе журналы (1769—74) старались избѣгать такихъ крайнихъ воззрѣній. Задача объ отношеніяхъ народнаго къ общечеловѣческому должна была рѣшаться, по ихъ мнѣнію, путемъ эклектическимъ, т. е. заимствованіемъ хорошаго отвсюду, гдѣ бы оно ни встрѣчалось, и сочетаніемъ его съ собственнымъ хорошимъ. Такъ, на примѣръ, редакторъ «Всякой Всячины» замѣчаетъ, по поводу одной статьи, что «еслибы къ французскому кафтану прибавить, что у него недостаетъ, или у русскаго платья убавить все лишнее, то можно бы составить одежду, приличную климату и согласную съ здравымъ разсудкомъ». Но что такое хорошее въ сферѣ народнаго развитія? чѣмъ и какъ оно опредѣляется? опредѣляется ли оно независимо отъ органическихъ особенностей народа, или подъ условіемъ этихъ особенностей? Другой примѣръ беремъ изъ «Письма Люборуссова» (Трудолюбивый Муравей), содержащаго въ себѣ, между прочимъ, такія строки: «говорю я по-русски, а другихъ языковъ хотя нѣсколько разумѣю, но говорить на оныхъ не могу, да и не хочу, ибо кажется мнѣ, будто они противъ нашего недостаточны, да и расположеніе ихъ чудно». Но еслибы народы разсуждали подобно автору письма, то не одному изъ нихъ пришлось бы отказаться отъ своего роднаго языка за его бѣдность и «чудное расположеніе». На самомъ дѣлѣ этого никогда не бываетъ и быть не можетъ: значитъ, есть иная мѣра такъ называемому хорошему, когда говорится о народной организаціи. Означенные журналы захватывали предметъ не глубоко: они думали успокоиться на внѣшнемъ сопоставленіи на-

ціональнаго съ чужеземнымъ, на механическомъ прилаживаніи одного къ другому, какъ будто народъ машина, изъ которой можно вынуть непригодныя части (наприм.: языкъ, складъ ума и пр.) и замѣнить ихъ болѣе совершенными. Заслуга ихъ не въ рѣшеніи вопроса и даже не въ постановкѣ его, а въ избѣжаніи предразсудковъ, указанныхъ Фонъ-Визинымъ. Славянофильство являлось въ нихъ подъ формой преслѣдованія чужеманіи, особенно французоманіи. Ревнители прогрессивныхъ мѣръ Екатерины, они не щадили темныхъ сторонъ русскаго быта, завѣщанныхъ до-петровской стариной, но вмѣстѣ съ тѣмъ не щадили и тѣхъ, какія возникли по слѣпому пристрастію къ иноземнымъ обычаямъ. Нападая на поверхностный европеизмъ и неразборчивость при выборѣ гувернеровъ, они въ тоже время относились съ чувствомъ полнаго уваженія къ европейской наукѣ и ея представителямъ. Нѣкоторые между ними, напр. Кошелекъ, преимущественно обличали пристрастіе Рускихъ къ Франціи. Въ немъ помѣщено ироническое письмо какого-то защитника французскихъ нравовъ. Упомянутое же письмо Любоpуссова неиронически защищаетъ народность, хваля русскаго человѣка, русскія кушанья, русскую одежду и русскій языкъ.

Патріотическая основа славянофильства Екатеринина времени выказалась по поводу сочиненій о Россіи, написанныхъ иностранцами и имѣвшихъ предметомъ ея исторію или современное ея состояніе. Въ 1761 году, аббатъ Шаппъ (Chappe d'Auteroche), членъ парижской академіи наукъ, былъ отправленъ въ Сибирь, чтобы наблюдать прохожденіе Венеры передъ солнцемъ. Записки его путешествія и ученыхъ наблюденій изданы въ 1768 г. (Voyage en Sybérie). Онѣ описываютъ наши нравы, обычаи, образъ нашего правленія и частію касаются нашей исторіи — описаніе невѣрное, одностороннее и легкомысленное, такъ какъ путешественникъ рѣшительно судитъ и рядитъ о томъ, чего не могъ осмотрѣть порядочно въ торопливой поѣздкѣ своей отъ Петербурга до Москвы. Національные предразсудки мѣшали ему находить что-либо хорошее въ той странѣ, которая такъ не похожа на его отечество и которую почиталъ онъ варварскою. Книга его подверглась осужденію со стороны Гримма и Дидро, но болѣе серьезная критика ея содержанія, приписываемая Екатеринѣ II, издана въ Амстердамѣ, подъ заглавіемъ: «Antidote, ou examen du mauvais livre, superbement imprimé, intitulé: Voyage en Sybérie» (1771). Эта критика, опровергая невѣрныя показанія аббата, раскрываетъ съ тѣмъ вмѣстѣ недостатки французскаго общества Главная мысль ея состоитъ въ томъ, что современная Франція, подъ скипетромъ Людовика XV, не имѣетъ права гордиться передъ современной Россіей, управляемой творцемъ Наказа. Въ перепискѣ своей съ Вольтеромъ (1763—1777), Екатерина также беретъ на себя защиту своего отечества. Она часто останавливаетъ опрометчивыя понятія философа, который легкомысленно относился о государственныхъ учрежденіяхъ и вѣковыхъ обычаяхъ русскаго народа, думая, что то и другое удобно преобразовывается или даже уничтожается книжными идеями и административными мѣрами. О чемъ бы ни заводили рѣчь его письма — объ изгнаніи Турокъ изъ Европы, о церковныхъ дѣлахъ или о законахъ, составляемыхъ въ духѣ Наказа—вездѣ видишь незнаніе мѣстныхъ условій, исторіи, настоящаго положенія страны, которой онъ рѣшился подавать совѣты изъ своей фернейской обители. Императрица, которую онъ постоянно уподоблялъ миѳологическимъ божествамъ и древнимъ героинямъ, сдержанно отвѣчала на его нетерпѣ-

ливые запросы объ успѣхахъ русской цивилизаціи, видя въ нихъ любопытство кабинетнаго человѣка, соединенное съ поверхностнымъ пониманіемъ самыхъ важныхъ и трудныхъ предметовъ. Между прочимъ, онъ часто освѣдомлялся о ходѣ законодательныхъ работъ, понуждая торопиться ихъ окончаніемъ. Екатерина писала ему на это изъ Казани (1767): «Подумайте только, что эти законы должны служить и для Европы и для Азіи: какое различіе климата, жителей, привычекъ, понятій! Я теперь въ Азіи и вижу все своими глазами. Въ Казани двадцать разныхъ народовъ, одинъ на другаго не похожихъ. Однакожъ необходимо сшить каждому пригодное платье. Легко положить общія начала; но частности? подробности? И какія подробности? Вѣдь это цѣлый, особый міръ: надобно его создать, сплотить, охранять». Переписка иногда касалась сравненія Россіи съ Франціей: въ такихъ случаяхъ, Екатерина постоянно доказывала, что послѣдняя страна, при всемъ своемъ просвѣщеніи, не можетъ служить безотносительнымъ примѣромъ для первой, хотя только что начавшей просвѣщаться.

Какъ въ критикѣ на путевыя записки Шаппа отстаивается настоящее Россіи, такъ въ «Запискахъ касательно россійской исторіи» отстаивается ея прошедшее. Занимаясь ими, Екатерина имѣла въ виду — изображеніемъ древнихъ доблестей и судебъ русскаго народа уронить клеветы, взведенныя на него иностранными писателями. Съ этою цѣлію всѣ факты освѣщаются выгоднымъ для нихъ свѣтомъ и во всемъ сочиненіи господствуетъ мысль о древности и великомъ значеніи Славянъ и Руськихъ, о важности ихъ языка и исторіи. При такомъ преднамѣренномъ освѣщеніи нельзя, конечно, соблюсти исторической истины: многія событія и лица получили не тотъ видъ, какой они имѣли въ дѣйствительности. Но въ Запискахъ своихъ авторъ преимущественно думалъ о выполненіи своей задачи: каково бы ни было ихъ достоинство, говоритъ онъ, по крайней мѣрѣ «ни нація, ни государство въ нихъ не унижены». Надобно было показать, что у русскаго народа нѣтъ причинъ краснѣть передъ другими націями за свою прошлую жизнь. Эта мысль опредѣленно выражена въ предисловіи къ Запискамъ: «если сравнить какую-нибудь эпоху русской исторіи съ одновременными ей событіями въ Европѣ, то безпристрастный читатель усмотритъ, что родъ человѣческій вездѣ одинакія имѣлъ страсти, желанія, намѣренія и къ достиженію употреблялъ нерѣдко одинакіе способы».

Самымъ рѣшительнымъ выраженіемъ превосходства Россіи надъ другими странами служатъ заграничныя письма Фонъ-Визина. Здѣсь онъ заплатилъ богатую дань тому самому предразсудку, о которомъ позднѣе говорилъ въ 20-мъ вопросѣ Екатеринѣ, т. е. мнѣнію, «будто въ чужихъ краяхъ все дурно». Фонъ-Визинъ недоволенъ почти ничѣмъ, что видѣлъ во Франціи, Германіи, Италіи, и почти всегда свое родное ставитъ выше чужеземнаго. «Если кто изъ молодыхъ моихъ согражданъ, имѣющій здравый разсудокъ (пишетъ онъ къ гр. П. И. Панину, изъ Франціи, 1777—78 г.), вознегодуетъ, видя въ Россіи злоупотребленія и неустройства, и начнетъ въ сердцѣ своемъ отъ нея отчуждаться, то, для обращенія его въ должную любовь къ отечеству, нѣтъ вѣрнѣе способа, какъ скорѣе послать его во Францію. Здѣсь, конечно, узнаетъ онъ самымъ опытомъ очень скоро, что люди вездѣ люди, что прямо умный и достойный человѣкъ вездѣ рѣдокъ, и что въ нашемъ отечествѣ, какъ ни плохо иногда въ немъ бываетъ, можно быть столько же счастливу, сколько и во всякой другой землѣ, если

совѣсть спокойна и разумъ правитъ воображеніемъ, а не воображеніе разумомъ». Впечатлѣніе, произведенное на Фонъ-Визина Германіею, также невыгодно, какъ видно изъ его писемъ къ сестрѣ: «здѣсь во всемъ генерально хуже нашего; люди, лошади, земля, изобиліе въ нужныхъ съѣстныхъ припасахъ,—словомъ, у насъ все лучше, и мы больше люди, нежели нѣмцы; это удостовѣреніе вкоренилось въ душѣ моей, ктобъ что ни изволилъ говорить». Еще болѣе нерасположенъ путешественникъ къ италіянцамъ. Во Флоренціи, говоритъ онъ, образъ жизни италіянскій, т. е. «весьма много свинства»: полы каменные и грязные; бѣлье мерзкое; хлѣбъ, какого у насъ не ѣдятъ и нищіе; чистая ихъ вода то, что у насъ помои. И сады на сѣверѣ лучше; петербургскія оперы не хуже италіянскихъ; что же касается до Рима, то это земной адъ для человѣчества». Короче, вояжъ доказалъ Фонъ-Визину истину пословицы: славны бубны за горами. Мнѣніе, вынесенное имъ изъ знакомства съ Европою, служитъ переходомъ отъ люборуссовъ Екатеринина времени къ исторіи славянофильства въ сороковыхъ годахъ нашего столѣтія: «Если здѣсь прежде насъ начали жить, то, по крайней мѣрѣ, мы, начиная жить, можемъ дать себѣ такую форму, какую хотимъ, и избѣгнуть тѣхъ неудобствъ и золъ, которыя здѣсь вкоренились. Nous commençons et ils finissent. Я думаю, что тотъ, кто родится, посчастливѣе того, кто умираетъ». Вотъ еще когда была выговорена мысль о дряхлости и разложеніи запада!

Упомянутыя статьи «Зрителя»: «Нѣчто о врожденномъ свойствѣ душъ россійскихъ» и «Письмо къ издателямъ изъ Орла» (§ 217), показываютъ примѣръ столкновенія между двумя взглядами. Обѣ онѣ внушены патріотизмомъ, хотя и направлены въ разныя стороны. Авторъ первой статьи, Плавильщиковъ, на столько же превозноситъ соотечественниковъ, на сколько понижаетъ иностранцевъ. «Письмо» находитъ, что самовосхваленіе даетъ поводъ къ ложнымъ понятіямъ о нашихъ достоинствахъ и недостаткахъ. «Вы не прочь отъ романовъ», замѣчаетъ неизвѣстный его сочинитель, «когда увѣряете насъ, какъ будто китайцевъ, что въ Россіи не слыхать про бѣглаго солдата. Или нельзя хвалить свое отечество, не сплетая чудесъ въ его славу? Скоро вы станете божиться, что въ цѣлой Россіи нѣтъ ни плутовъ, ни дураковъ... Нѣкоторые листомаратели, думая тѣмъ угодить своему отечеству, наперерывъ выхваляютъ его просвѣщеніе, и въ глазахъ нашихъ, среди Россіи, составляютъ нелѣпые романы, которые называютъ ободреніемъ россійскихъ дарованій. Прекрасное средство ободрять науки, говоря, что намъ не нужно болѣе учиться! Не лучше ли, изъ любви къ соотечественникамъ, показывать имъ ихъ недостатки и, устыжая ихъ томную сонливость, воспламенить желаніе углубляться въ науки, дабы слава нашего непритворнаго просвѣщенія сравнилась съ славою россійскаго оружія».

Въ вышеприведенныхъ заявленіяхъ славянофильства мы не встрѣчаемъ того, что позднѣе сдѣлалось главнымъ пунктомъ его ученія. Откуда ни поднимались голоса противъ иноземнаго вліянія, всѣ они выражаютъ глубокое уваженіе къ Петру и признаютъ необходимость его реформы. Никому не приходила мысль о несовмѣстности русскаго развитія съ общеевропейскимъ просвѣщеніемъ. Напротивъ, Петръ, какъ и прежде, оставался божествомъ Россіи, и Европа все также должна была служить намъ образцемъ. Сомнѣніе въ непогрѣшимости Петровыхъ дѣлъ началось съ того времени, когда славянофильство выступило подъ знаменемъ нравственности, какъ реакція такимъ явленіямъ общественной и частной жизни

въ XVIII вѣкѣ, которыя возникли и развились при односторонней наклонности къ чужому. Вольность нравовъ, нарожденная поверхностнымъ европеизмомъ, была новымъ невѣжествомъ, противъ котораго слѣдовало также вести войну, какъ прежде вели войну съ невѣжествомъ старымъ, до-петровскимъ. Эта старина сдѣлалась безопасною для преуспѣянія на томъ пути, по которому преобразователь повелъ Россію. Не было уже никакой возможности отречься намъ отъ Европы и снова жить исключительно-національною жизнью. Но опасность угрожала съ другой, противоположной стороны—со стороны крайняго увлеченія иноземнымъ и пренебреженія отечественнымъ. И потому, замѣчая упадокъ нравственности, стали обращать благопріятные взоры на старину и пользоваться ею какъ орудіемъ въ борьбѣ съ новымъ врагомъ. Добрыя качества предковъ выставлялись въ примѣръ и укоръ ихъ потомкамъ. Недовольство современнымъ направленіемъ общества и примиреніе съ до-петровскою стариною и составляютъ основный взглядъ новаго вида славянофильства. Взявъ на себя цензуру общественной и частной нравственности, славянофилы приписывали ея упадокъ преимущественно вліянію Франціи: поэтому французскій образъ жизни и французская философія служатъ главными предметами ихъ обличеній. Но какъ это вліяніе было дальнѣйшимъ послѣдствіемъ нашего перваго знакомства съ Европой, то отвѣтственность за новое зло, не имѣвшее мѣста въ древней Руси, должна была падать частію и на реформу: отсюда нѣкоторый поворотъ во мнѣніи о Петрѣ. Если не осужденіе его дѣйствій, то указаніе ихъ односторонности встрѣчаемъ еще въ докладахъ Бецкаго (§ 207). Хотя «Наказъ» и думаетъ, что Петръ I, «вводя нравы и обычаи европейскіе въ европейскомъ народѣ, нашелъ такія удобности, какихъ онъ и самъ не ожидалъ», т. е. что его преобразованія «сходствовали съ климатомъ»; но этотъ взглядъ принадлежитъ не «Наказу», а Монтескье, который главное участіе въ народоустройствѣ приписывалъ климату. Екатерина измѣнила потомъ свое понятіе, какъ это видно изъ ея разговора съ Густавомъ III объ опасности поспѣшныхъ или преждевременныхъ реформъ, равно какъ изъ ея письма къ Мордвинову (1790), касательно предложенія французскаго эмигранта, Сенака де-Мельяна, написать русскую исторію XVIII в. Письмо требуетъ, чтобы эмигрантъ отрекся отъ предубѣжденій противъ Россіи, свойственныхъ большей части иностранныхъ писателей—все видѣть съ дурной стороны, не обращая вниманія на происходившее въ тоже время въ другихъ государствахъ, и утверждать, «что Россія до Петра I-го не имѣла ни законовъ, ни устройства, между тѣмъ какъ существовало совсѣмъ тому противное». Въ Запискахъ кн. Дашковой помѣщенъ любопытный разговоръ ея съ австрійскимъ министромъ Кауницемъ о значеніи Петровыхъ преобразованій. Министръ называлъ преобразователя творцемъ Россіи. Княгиня отвергала это мнѣніе, приписывая его предразсудкамъ и невѣжеству иностранныхъ писателей, которые, восхваляя Петра, хвалили самихъ себя, такъ какъ онъ вызвалъ въ Россію множество иностранцевъ и съ ихъ помощію совершилъ свое «мнимое твореніе». Главная ошибка его, по словамъ княгини, состояла въ томъ, что онъ не хотѣлъ цѣнить достопочтенныхъ качествъ нашихъ предковъ и оригинальность ихъ характера исказилъ введеніемъ чуждыхъ нравовъ и обычаевъ, которые такъ высоко ставилъ надъ коренными русскими обычаями и нравами. Этотъ возвратъ къ древне-русской жизни, это сочувствіе къ простотѣ и степенности нашихъ до-петровскихъ предковъ всегда противополагались той вольности

въ мысляхъ и нравахъ, которая тщеславно выставляла себя на–показъ въ XVIII в. Новиковъ, издатель Древней Россійской Вивліоөики, въ предисловіи къ ней (1773), благодаритъ Бога за то, что «не всѣ еще у насъ заражены Франціею, но что есть много такихъ, которые съ великимъ любопытствомъ будутъ читать описанія нѣкоторыхъ обрядовъ, въ сожитіи предковъ нашихъ употреблявшихся, съ неменьшимъ удовольствіемъ увидятъ нѣкое начертаніе нравовъ ихъ и обычаевъ, и съ восхищеніемъ познаютъ великость духа ихъ, украшеннаго простотою».... За тѣмъ предисловіе отзывается такимъ образомъ о русскихъ галломанахъ: «напоенные сенскимъ воздухомъ сограждане наши станутъ, можетъ быть, пересмѣхать суевѣріе и простоту или по ихъ глупость нашихъ прапрадѣдовъ; но одни ли Россіяне подвержены были суевѣрію? Пусть припомнятъ господа наши полу-Французы день св. Варөоломея: тогда не должно будетъ удивляться, что у насъ нѣкоторые частные люди отъ суевѣрія пострадали. Но я прекращу сіе, дабы не навлечь на себя гнѣва отъ сихъ подражателей клеветъ А. де Ш.» (т. е. аббата Шаппа). Отъ полу-Французовъ Новиковъ обращается къ любителю россійскихъ древностей, прося его не смотрѣть на молодыхъ кощуновъ, которые и самыя добродѣтели предковъ своихъ пересмѣхаютъ и презираютъ. Тѣже воззрѣнія стала раздѣлять и литература. Въ нѣкоторыхъ ея произведеніяхъ изображается патріархальность того племени, къ которому принадлежатъ Руские. Драма Богдановича «Славяне» привела Александра Македонскаго къ этому народу, заставила его полюбить Доброславу, дочь воеводы города Славенска, восхищаться простодушіемъ добрыхъ людей, еще не вышедшихъ изъ эпическаго періода народной жизни, и отдавать имъ преимущество предъ Аөинянами, у которыхъ съ утонченною цивилизаціей явились и ея злыя послѣдствія. Знаменитый завоеватель говоритъ Парменіону: «По нравамъ Грековъ не должно судить о всѣхъ прочихъ. Посмотри на Славянъ: добронравіе, простота и вѣрность между ними предупреждаютъ повелѣнія. Природа, кажется, ошиблась, произведши въ Греціи Аристидовъ и Сократовъ; здѣсь бы они гонимы не были». Въ другомъ мѣстѣ, послѣ разговора съ огородницей Потапьевной, доброй и легковѣрной, Александръ высказываетъ снова свое славянофильство: «Вотъ какъ простымъ и добрымъ людямъ вздорными разсказами набиваютъ головы! Простодушная огородница говоритъ, что слышала; однако ея невѣдѣніе нравится мнѣ лучше, нежели высокій разумъ, во зло употребляемый. О, какъ далеки нравами отъ Славянъ Аөиняне! Другъ мой, Парменіонъ, много ошибается, почитая Аөинянъ своими добрыми учителями. Со всею своею премудростью, Аөиняне недовольны, безпокойны и всегда несчастій опасаются. Славяне, въ счастливой простотѣ своей, не разумнѣе ли мудрецовъ, которые любятъ часто химерамъ слѣдовать? Пускай Аөиняне, какъ хотятъ, толкуютъ: я ставлю простоту и добронравіе выше аөинской премудрости». Понятно, что вмѣсто словъ: «Аөиняне», «аөинскій», надобно читать: «Французы», «французскій», и что Парменіонъ на столько же западникъ, на сколько Александръ—славянофилъ.

Славянофильство, исходящее изъ нравственнаго начала, отчетливѣе раскрыто тремя сочиненіями: «О поврежденіи нравовъ въ Россіи», кн. Щербатова; «Примѣчанія на Русскую исторію Леклерка», Болтина; «Мысли о Россіи, или нѣкоторыя замѣчанія о гражданскомъ и нравственномъ состояніи Рускихъ до царствованія Петра Великаго», неизвѣстнаго автора.

Въ сочиненіи своемъ, имѣющемъ характеръ мемуаровъ, кн. Щербатовъ

(1733—1790), историкъ и публицистъ, признаетъ, что мы въ людкости и нѣкоторыхъ предметахъ оказали удивительные успѣхи, и «исполинскими шагами шествовали къ поправленію нашихъ внѣшностей, но тогда же гораздо съ вящщей скоростію бѣжали къ поврежденію нашихъ нравовъ». Сѣтуя на упадокъ общественной и семейной нравственности, онъ указываетъ его причины и исторію, отъ самаго начала печальнаго явленія до «настоящей (современной) развратности». Главными причинами зла онъ почитаетъ сластолюбіе и ослабленное значеніе родовой знати. Отъ сластолюбія, подъ которымъ разумѣется все то, что питаетъ чувственную сторону человѣческой природы, произошла роскошь въ убранствѣ домовъ, одеждѣ, экипажахъ, столѣ. Разрушенное же мѣстничество, не замѣненное никакимъ новымъ правомъ для знатныхъ родовъ, «истребило мысли благородной гордости въ дворянахъ; ибо стали не роды почтенны, но чины, и заслуги, и выслуги, и тако каждый сталъ добиваться чиновъ; а не всякому удается прямыя услуги учинить, то за недостаткомъ заслугъ стали стараться выслуживаться, всякими образами льстя и угождая». Первому источнику зла, сластолюбію, кн. Щербатовъ противополагаетъ незатѣйливую, простую жизнь до-петровской Руси; а второму источнику—признанію личныхъ заслугъ и способностей единственнымъ правомъ на участіе въ государственной дѣятельности—прежнее начало, т. е. раздачу мѣстъ и чиновъ по рожденію. Когда же зародилось поврежденіе нравовъ, дошедшее до «настоящей развратности»? Оно было слѣдствіемъ реформы, хотя и явилось помимо воли Петра. Потому-то исчисленіе успѣховъ нашихъ по разнымъ отраслямъ государственнаго устройства при Петрѣ, кн. Щербатовъ заключаетъ слѣдующими словами: «но тогда же искренняя привязанность къ вѣрѣ стала исчезать, твердость уменьшилась, уступая мѣсто нагло стремящейся лести, роскошь и сластолюбіе положили основаніе своей власти, а симъ побужденіемъ и корыстолюбіе къ разрушенію законовъ и ко вреду гражданъ начало проникать въ судебныя мѣста». Впрочемъ кн. Щербатовъ былъ убѣжденъ въ необходимости преобразованій, и осуждалъ только крутыя мѣры, посредствомъ которыхъ они были совершаемы, да недостатокъ уваженія къ преданіямъ старины.

«Исторія древней и новой Россіи», Французскаго медика Леклерка (§ 206), вышедшая въ Парижѣ на франц. языкѣ (6 т., 1783—94), дала Болтину поводъ написать «Примѣчанія» на первые ея томы (1788). Цѣль «Примѣчаній»—защищеніе правды и отечества. Изъ любви къ тому и другому Болтинъ принялся за перо, «чтобъ уличить и устыдить» иностраннаго писателя, въ сочиненіи котораго нашелъ онъ «ложь, клевету, пристрастіе, наглость, нелѣпость разсужденій, пустоту доводовъ, безчисленныя и грубыя во всѣхъ родахъ ошибки». Мнѣнія русскаго критика, отвергая все, служащее къ нареканію чести и славы нашего отечества, выражаютъ яснымъ образомъ его понятія о реформѣ и объ отношеніи древней Россіи къ новой. Въ торопливомъ сближеніи нашемъ съ Европою онъ видитъ вредную ошибку, требующую исправленія. Упадокъ нравственности есть для него очевидный фактъ, который ведетъ свое начало съ того времени, какъ юношество стали посылать въ чужіе края и ввѣрять его воспитаніе чужестранцамъ. Новую образованность людей своего времени онъ прямо называетъ мнимымъ просвѣщеніемъ. Неразумному ходу отечественной жизни, ея внѣшнему европеизму, производящему французо-русскихъ петиметровъ, «Примѣчанія» постоянно противополагаютъ древне-

русскій бытъ съ его строгими правилами, здравымъ взглядомъ на вещи, твердымъ, хотя и медленнымъ, поступаніемъ впередъ. Основный образъ мыслей Болтина высказанъ въ замѣткѣ на слѣдующее мѣсто изъ исторіи Леклерка: «чтобъ познанія другихъ народовъ, ихъ науки и ихъ художества не могли проникнуть въ Россію, запрещено было (до Петра) ученымъ другихъ племенъ въѣзжать въ нее, а Рускимъ ѣздить къ нимъ для просвѣщенія своего». Критикъ нашъ отвѣчаетъ, что для заграничныхъ путешествій требовались зрѣлый разумъ и твердость въ вѣрѣ и нравахъ: «Людямъ молодымъ, ненадежнаго ума и поведенія, не дозволяемъ былъ выѣздъ, изъ мудрыя предосторожности, чтобъ не заразить ихъ вредными новостями. Сіе самое послѣ сбылося. Съ тѣхъ поръ, какъ юношество свое стали мы посылать въ чужіе краи и воспитаніе ихъ ввѣрять чужестранцамъ, нравы наши совсѣмъ перемѣнилися; съ мнимымъ просвѣщеніемъ насадилися въ сердцахъ нашихъ новыя предубѣжденія, новыя страсти, слабости, прихоти, кои предкамъ нашимъ были неизвѣстны: погасла въ насъ любовь къ отечеству, истребилася привязанность къ отеческой вѣрѣ, обычаямъ, и пр. И такъ мы старое позабыли, а новаго не переняли, и, ставъ не похожими на себя, не сдѣлалися тѣмъ, чѣмъ быть желали. Сіе все произошло отъ торопливости и нетерпѣнія: захотѣли сдѣлать то въ нѣсколько лѣтъ, на что потребны вѣки; начали строить зданіе нашего просвѣщенія на пескѣ, не сдѣлавъ прежде надежнаго ему основанія. Петръ Великій думалъ, что для просвѣщенія дворянства довольно будетъ заставить ихъ путешествовать по иностраннымъ государствамъ; но опытъ оправдалъ стариковъ нашихъ мнѣніе, что вмѣсто ожиданной пользы вышелъ изъ того вредъ. Большая часть изъ посланныхъ имъ возвратилися не просвѣщеннѣе, не умнѣе, но порочнѣе и смѣшнѣе, нежели были. Тогда позналъ Петръ Великій, что надобно начать хорошимъ воспитаніемъ, а кончить путешествіемъ, чтобъ видѣть желаемый плодъ. Нынѣ предпріемлются ко исправленію поврежденнаго благопріятнѣйшія средства». Сравнивая старое съ новымъ, историческая критика Болтина большею частію склоняетъ вѣсы свои на сторону перваго. При замѣткѣ Французскаго автора, что Уложеніе Алексѣя Михайловича даетъ тиранскую власть мужу надъ женой, Болтинъ описываетъ современный бытъ въ Россіи и доказываетъ, что, благодаря новому образу жизни, мужъ сталъ рабомъ жены. Невыгодный отзывъ о русскомъ языкѣ, будто бы недостаточномъ для выраженія мыслей, потому что сами Рускіе употребляютъ въ разговорѣ иностранныя слова, Болтинъ объясняетъ истиннымъ толкованіемъ факта, подмѣченнаго, но непонятаго Леклеркомъ: «Въ царствованіе Елисаветы введено было въ языкъ русскій множество словъ Французскихъ, не по нуждѣ, а по буйственному пристрастію ко всему, что называется Французскимъ, но лѣтъ съ двадцать странный сей вкусъ началъ выходить изъ употребленія. Не взирая, однакожъ, на всеобщее осмѣяніе и укоризну, довольно еще осталося такихъ, кои, будучи воспитаны въ рукахъ Французскихъ и научась отъ нихъ отъ юности все русское презирать, не стараются или не хотятъ узнать природнаго своего языка, и по необходимости, не умѣя на немъ объясняться, мѣшаютъ въ разговорѣ своемъ половину словъ иностранныхъ... Можетъ быть, г. Леклерку случилося такихъ французо-русскихъ петиметровъ слышать разговаривающихъ между собою, а по ихъ разговорамъ заключилъ, что и всѣ такимъ же страннымъ языкомъ говорятъ, какъ они»... Главная мысль, проводимая Болтинымъ, видна и въ примѣчаніяхъ его ко 2-му изд. «Историческаго представленія изъ жизни Рюрика» (§ 213). По поводу словъ одного изъ дѣйствующихъ

лицъ: «прилично въ семъ случаѣ начать дѣло приношеніемъ жертвы богамъ». Болтинъ хвалитъ обычай нашихъ предковъ—призывать Бога на помощь въ каждомъ случаѣ, а затѣмъ переходитъ къ новому времени: «недавно сей обычай, посредствомъ Французскаго воспитанія, между благородныхъ людей началъ истребляться, или, лучше сказать, истребился, но между невѣжественныя черни и поднесь существуетъ: они всякое дѣло начинаютъ молитвою и возложеніемъ на себя знаменія крестнаго; а просвѣщенные люди, видя ихъ то дѣлающихъ, съ презрѣніемъ надъ ними смѣются, для того что у Французовъ то не въ обычаѣ».

«Мысли о Россіи» написаны около 1791 или 1792 г., въ чужихъ краяхъ, на Французскомъ языкѣ, для нѣкоторыхъ знатныхъ особъ, которыя часто спрашивали автора объ его отечествѣ. Имя его неизвѣстно. Статья, къ сожалѣнію не конченная, содержитъ въ себѣ немногія о немъ извѣстія: онъ занималъ должности, оставлявшія ему мало свободнаго времени; жилъ за границей для излеченія болѣзни; надѣялся получить отсрочку своему отпуску и въ Вѣнѣ снова заняться воспоминаніями о Россіи; наставникомъ его былъ Иннокентій, архіепископъ рижскій и псковскій. Цѣль статьи—сравненіе древней Россіи съ новою. Авторъ открыто выражаетъ сочувствіе къ до-петровскому быту, основанное на томъ, что «до Петра русскій народъ былъ единообразенъ въ своихъ обычаяхъ, твердъ въ правилахъ, благоразуменъ, прозорливъ и осмотрителенъ въ своихъ дѣйствіяхъ; наслажденія его состояли въ простыхъ произведеніяхъ здраваго смысла; незнакомы были ему изступленія и мечты распаленнаго воображенія, равно какъ и его очарованія; никто не выказывалъ себя знающимъ то, чего не вѣдалъ, и всѣ довольны были тѣмъ, что знали; промышленность ограничивалась предѣлами родной страны, и Рускіе не желали наслажденій искуственныхъ и удовольствій иноземныхъ; народъ имѣлъ собственный свой характеръ, суровый, можетъ быть, для нашего вѣка, но характеръ прямой и честный, умѣвшій чувствовать свое достоинство». Въ Алексѣѣ Михайловичѣ статья видитъ идеалъ государя мудраго, кроткаго, благочестиваго и бодраго въ трудахъ. Онъ управлялъ царствомъ безъ шуму и тщеславія и «первый въ Россіи созвалъ государственныхъ чиновъ». Его Уложеніе, написанное кратко, просто и общепонятно, доказываетъ «доброту» всего общественнаго состава. Во всѣхъ идеяхъ узаконеній онъ совѣтовался чрезъ мудрыхъ своихъ бояръ на Красной московской площади съ духомъ народа. Каждый день доносили ему, что̀ замѣчательное было говорено на площади и какъ народъ о томъ думаетъ. Онъ умѣлъ направлять умы къ полезнымъ цѣлямъ, одобрять добрыхъ и возвращать заблудшихъ къ духу общественному, котораго зналъ цѣну и важность. Сынъ его Ѳеодоръ наслѣдовалъ тѣже чувства, тоже вниманіе къ единообразности обычаевъ, тоже раченіе образовать, поощрять, исправлять, совершенствовать духъ народа и возвышать моральную его натуру чрезъ добросовѣстное поведеніе вельможъ и свое собственное. До конца его царствованія Россія была спокойна и счастлива. Съ реформы начался, по мнѣнію автора, совершенно другой порядокъ. Хотя онъ и признаетъ въ дѣлахъ Петра «творческое подражаніе», но думаетъ, что еслибы всѣ его преемники были подражателями, то Рускіе стали бы обезьянами. Направлять умъ народа къ иноземнымъ нуждамъ значитъ засѣвать въ немъ сѣмена порока, портить его, дѣлать несчастнымъ. Охотники до преувеличеній, часто говорящіе о томъ, что имъ вовсе неизвѣстно, Французскіе писатели назвали Петра творцемъ Россіи, а между тѣмъ забыли

древнюю пословицу: «ex nihilo nihil»; одинъ только всемогущій Творецъ могъ все произвести единымъ словомъ. Таково свойство ума человѣческаго! замѣчаетъ авторъ: быстрое движеніе и смѣлые порывы болѣе поражаютъ его, нежели ходъ спокойный и ровный; государи, которые съ кроткимъ благоразуміемъ управляютъ ходомъ великихъ и маловажныхъ случаевъ, нечувствительно предуготовляютъ событія, доставляющія намъ тихія, но продолжительныя наслажденія, —такіе государи дѣлаютъ менѣе впечатлѣнія на историковъ, нежели грозные исполины судорожными движеніями вводимыхъ новостей,—исполины, двигающіе вдругъ цѣлыми массами. И въ сочувствіи своемъ, и въ недовольствѣ авторъ, одинаково съ кн. Щербатовымъ, руководствуется началомъ естественнаго и нравственнаго развитія народа: онъ видитъ, какъ это начало постоянно дѣйствовало въ жизни предковъ нашихъ, и не видитъ его дѣйствія въ жизни современной, изъ чего и заключаетъ о превосходствѣ до-петровской Руси надъ петровскою. Идиллическая похвала правленію, нравамъ, обычаямъ, воспитанію при царѣ Алексѣѣ противополагается темной картинѣ тѣхъ же предметовъ въ современной эпохѣ. Разность между нравами просвѣщенныхъ людей нынѣшняго времени и нравами тогдашнихъ Россіянъ, которыхъ господа умники называютъ варварами, убѣдительно показываетъ, до чего довели современнаго человѣка понятія французскихъ философовъ вообще, парижскихъ вольнодумцевъ въ частности. Въ этой философіи скрывается, по словамъ автора, корень зла. Какой же выводъ даютъ всѣ его разсужденія? Если реформа есть важная историческая ошибка, то необходимо ее исправить. Екатерина II то и дѣлала и дѣлаетъ: она знала, что всякое существо, физическое и политическое, цѣнно и долговѣчно по собственной своей натурѣ; что отношенія случайныя, чуждыя этой натурѣ, иногда ослѣпляютъ простой народъ, но никогда не составляютъ сущности общества: напротивъ, они непримѣтно разстроиваютъ натуру и мало по малу вовсе ее разрушаютъ. Собственными только силами растутъ всѣ существа: и Екатерина II обратила націю къ свойственному ей бытію и природнымъ ея силамъ посредствомъ разныхъ установленій и перемѣнъ въ обширной своей имперіи.

Но почти въ то самое время, какъ неизвѣстный авторъ «Мыслей о Россіи» неблагосклонно смотрѣлъ на реформу Петра, возвысился умный голосъ въ защиту преобразованія. Путешествуя по Европѣ, Карамзинъ встрѣтилъ въ парижской академіи надписей и словесности члена ея Левека, семь лѣтъ жившаго въ Петербургѣ (1773—1780), куда онъ былъ вызванъ Екатериною II, по рекомендаціи Дидро, и преподавалъ кадетамъ словесныя науки. Воротясь на родину, Левекъ написалъ Русскую Исторію (8 т., 1782—1783), въ которой не признаетъ за Петромъ геніальности государственнаго дѣятеля на томъ основаніи, что Петръ, желая образовать свою націю, умѣлъ только подражать другимъ народамъ. Карамзинъ опровергаетъ это мнѣніе, которое часто слышалось и отъ Русскихъ. Въ путевыхъ запискахъ своихъ (мая 1790) онъ, какъ мы замѣтили, доводитъ до крайности свой взглядъ на реформу, совершенно несогласный съ предъидущими на нее взглядами: «Путь образованія или просвѣщенія одинъ для народовъ; всѣ они идутъ имъ въ-слѣдъ другъ за другомъ. Иностранцы были умнѣе Рускихъ: и такъ надлежало отъ нихъ заимствовать, учиться, пользоваться ихъ опытами.... Избирать во всемъ лучшее есть дѣйствіе ума просвѣщеннаго; а Петръ Великій хотѣлъ просвѣтить умъ во всѣхъ отношеніяхъ... Всѣ жалкія іере-

міады объ измѣненіи русскаго характера, о потерѣ русской нравственной физіогноміи или не что иное какъ шутки, или происходятъ отъ недостатка въ основательномъ размышленіи. Мы не таковы, какъ брадатые предки наши: тѣмъ лучше! Грубость наружная и внутренняя, невѣжество, праздность, скука были ихъ долею и въ самомъ высшемъ состояніи: для насъ открыты всѣ пути къ утонченію разума и къ благороднымъ душевнымъ удовольствіямъ. Все народное ничто предъ человѣческимъ. Главное дѣло быть людьми, а не Славянами. Что хорошо для людей, то не можетъ быть дурно для Рускихъ; и что Англичане или Нѣмцы изобрѣли для пользы, выгоды человѣка, то мое, ибо я человѣкъ». Ниже увидимъ, что Карамзинъ отступилъ отъ этого взгляда, какъ такого, въ которомъ забыты и коренныя отличія народности, и ея историческое развитіе.

Рѣчь Миллера была приготовлена по случаю тезоименитства императрицы Елисаветы (въ 1749 г.), для торжественнаго собранія въ академическомъ университетѣ, котораго онъ былъ тогда ректоромъ. Она причинила автору много непріятностей (см. проф. Соловьева: «Миллеръ», въ 10 № Соврем. 1854 г.). Гриммъ и Дидро удивлялись чисто-французской способности аббата Шаппа все знать, не учась, все видѣть не смотря, все отгадывать, не бывъ колдуномъ, все изслѣдовать, скача на почтовыхъ отъ Парижа до Тобольска, и разсѣкать всевозможные гордіевы узлы, не бывши Александромъ Великимъ. «Трудно (говорятъ они) соединить въ одномъ сочиненіи и въ такой степени столько невѣжества, дерзости, пошлости, поверхностности, пристрастія къ мелочамъ и безстрастія къ истинѣ» (Correspondance de Grimm et de Diderot, 1-ère partie, t. 6). Сопоставленіе петровскаго времени съ вѣкомъ Екатерины II, выраженное отзывомъ Неплюева, указано въ § 186. О значеніи взглядовъ Болтина см. С. Соловьева: «Рус. историки 18-го в.» (Калачова «Архивъ историко—юридич. свѣдѣній о Россіи», т. 2). О Левекѣ и Леклеркѣ въ 1 т. моей Истор. Христ., стр. 553—554. Разговоръ Екатерины съ Густавомъ III о преобразованіяхъ народа изложенъ въ соч. Павла Сумарокова: «Черты Екатерины В.» (1819). Письмо Екатерины къ Мордвинову въ моей Истор. Христ. (т. I, стр. 303). Разговоръ кн. Дашковой съ Кауницемъ сокращенно переданъ въ отрывкѣ изъ ея записокъ, нап. во 2 № Москов. 1842. Сочиненіе кн. Щербатова «О поврежденіи нравовъ въ Россіи», разобрано проф. Ешевскимъ (Атеней, 1858, № 3). «Мысли о Россіи» нап. въ 1 и 2 №№ Вѣст. Евр. 1807 г. Сужденіе Карамзина о Петрѣ въ «Письмахъ рус. путешественника» (Соч. Кар., изд. Смирдина, 1848, т. 2, стр. 511—516).

§ 230. Философія энциклопедистовъ, возбуждая косвенное недовольство людей, порицавшихъ недостатокъ самостоятельнаго развитія Россіи, встрѣтила прямое и рѣшительное противодѣйствіе въ мистико-масонскомъ ученіи, которое развилось у насъ преимущественно въ послѣднемъ двадцатилѣтіи прошлаго вѣка.

Неизвѣстно, въ какую именно эпоху явилось у насъ масонство. Нѣкоторыя иностранныя сочиненія относятъ его начало къ 1731 г. Первымъ о немъ свидѣтельствомъ служатъ два допроса гр. Николаю Головину, по возращеніи его изъ за границы (1746). Подозрѣваемый въ сношеніяхъ съ прусскимъ королемъ, гр. Головинъ долженъ былъ отвѣчать на три вопроса, предложенные ему гр. Александромъ Ивановичемъ Шуваловымъ въ 1747 г.: состоялъ ли онъ въ масонскомъ орденѣ? есть ли въ Петербургѣ его члены? какіе уставы или законы въ немъ соблюдаются? Головинъ объявилъ, что онъ «жилъ въ этомъ орденѣ», что къ нему принадлежатъ также графы Чернышевы (Захаръ и Иванъ), но что ему неизвѣстны другія его тайны, кромѣ тѣхъ, которыя изложены въ печатной книгѣ о франмасонахъ. Какая именно это книга,— допросъ не показываетъ. Въ одномъ дѣлѣ съ допросомъ находится записка Михайлы Олсуфьева, которому императрица Елисавета повелѣла, чрезъ того же гр. Шувалова, дознать основанія масонской секты и открыть ея членовъ. Масонство, по донесенію Олсуфьева, есть не что иное, какъ «ключъ дружелюбія и братства»; между

членами его состоятъ лица всякаго званія; гранметръ, или гроссмейстеръ (великій мастеръ), признается ими за совершеннаго законодателя и защитника Соломонова храма. Въ приложенномъ къ дознанію спискѣ гранметровъ и простыхъ масоновъ, рядомъ съ знатными фамиліями видимъ музыкантовъ, танцовальнаго учителя и купца. Большую часть членовъ дало военное сословіе; въ числѣ ихъ находимъ бригадира Александра Сумарокова, семеновскаго полку кн. Михайлу Щербатова и конной гвардіи Ивана Болтина. За капитаномъ кадетскаго корпуса Мелиссино слѣдуетъ нѣсколько воспитанниковъ. Графъ Романъ Иларіоновичъ Воронцовъ, отецъ кн. Дашковой, занималъ гроссмейстерскій стулъ. Такъ какъ Сумароковъ произведенъ въ бригадиры въ 1755 г., то дознаніе Олсуфьева не раньше этого времени и не позднѣе года смерти императрицы (1761). На сочиненіи Екатерины II, написанномъ на франц. языкѣ: «Тайна противо-нелѣпаго общества», выставленъ 1759 г. Хотя теперь извѣстно, что и подлинникъ, и русскій переводъ его, сдѣланный статсъ-секретаремъ Храповицкимъ, относятся къ 1780 г.; однакожъ подложное число даетъ знать, что къ этому времени были уже заведены у насъ масонскія ложи: иначе, за чѣмъ бы сатирѣ осмѣивать небывалую и несуществующую нелѣпость, подъ которой разумѣется масонство? Нѣсколько анти-масонскихъ стихотвореній помѣщено въ рукописномъ сборникѣ, составленномъ между 1765 и 1775 г.г. Въ Запискахъ Храповицкаго говорится, что онъ принадлежалъ къ ложѣ Александра Ильича Бибикова, который умеръ въ 1774 г. Слѣдующимъ годомъ (1775) «Великая провинціальная ложа», обыкновенно называвшаяся «обществомъ елагинской системы», по имени ея «великаго мастера», И. П. Елагина, приняла въ свои члены Новикова (см. ниже). Секретаремъ этой ложи былъ стихотворецъ В. Майковъ (§ 222). Изъ другихъ провинціальныхъ ложъ, извѣстны ярославская и казанская: первая находилась подъ покровительствомъ губернатора А. П. Мельгунова; вторая (Восходящаго солнца) была основана въ 1776 г. Москва имѣла въ восьмидесятыхъ годахъ слѣдующія ложи: Латоны, Свѣтоноснаго треугольника, св. Моисея, Девкаліона и Блистающей звѣзды. Если вѣрить цыфрѣ, выставляемой иностранными источниками, то число масонскихъ ложъ въ Россіи простиралось въ 1787 г. до ста сорока пяти. Тѣ же источники почитаютъ царствованіе Екатерины цвѣтущимъ періодомъ русскаго франмасонтва.

Сильнѣйшее развитіе масонской дѣятельности относится къ періоду времени, съ 1779 г. по 1792. Во главѣ ея стояли Новиковъ (1744—1816) и профессоръ московскаго университета Шварцъ († 1784). До переѣзда своего изъ Петербурга въ Москву, Новиковъ уже пріобрѣлъ себѣ почтенную извѣстность, какъ издатель лушаго сатирическаго журнала «Живописецъ» и весьма важнаго для русской исторіи сборника, подъ названіемъ «Древней Россійской Вивліоѳики» (10 ч., 1773—1775). Въ 1779 г. онъ поселился въ Москвѣ, взявъ на десятилѣтній откупъ университетскую типографію. Это десятилѣтіе (1779—1789) принадлежитъ къ важнѣйшимъ фактамъ въ исторіи нашего просвѣщенія и литературы. Примѣръ Новикова показываетъ, что̀ можетъ совершить умный и талантливый человѣкъ, когда онъ дѣйствуетъ отъ имени твердыхъ началъ, имѣя въ виду высшія потребности согражданъ и подкрѣпляя свое слово нравственымъ достоинствомъ своей жизни. Безъ надлежащаго воспитанія и ученія, не знавшій ни одного иностраннаго языка, «не читавшій никакихъ школьныхъ философовъ»,

Новиковъ привлекъ къ себѣ любовь и уваженіе всѣхъ людей, для которыхъ нравственное возвышеніе общества составляло главную задачу цивилизаціи. Его книжное дѣло было гражданскимъ подвигомъ, заслужившимъ общественную благодарность. Важность этихъ заслугъ указывалъ еще Карамзинъ, въ Запискѣ о Новиковѣ, представленной императору Александру 1-му (1818). Новооткрытые документы пролили на нихъ новый свѣтъ, выставивъ во всей чистотѣ благородство намѣреній Новикова. Къ счастію для его дѣла, онъ дружески сошелся съ профессоромъ Шварцемъ, пріѣхавшимъ въ Россію въ 1776 г. Труды того и другаго служили взаимнымъ дополненіемъ, какъ внѣшняя, практическая сторона дѣятельности дополняетъ ея сторону внутреннюю, или теоретическую. Въ кругу людей, заинтересованныхъ русскимъ просвѣщеніемъ, Шварцъ имѣлъ значеніе учителя и наставника, а Новиковъ, вмѣстѣ съ другими, распространялъ его воспитательно-образовательныя мысли въ обществѣ посредствомъ изданія книгъ. Основательный педагогъ, проникнутый глубоко-религіозными убѣжденіями, Шварцъ дѣйствовалъ какъ профессоръ: онъ преподавалъ исторію философіи студентамъ педагогической семинаріи, которой былъ ректоромъ, и кромѣ того у себя на дому, по воскресеньямъ, читалъ «для людей всякаго рода и званія» лекціи о трехъ родахъ познанія: любопытномъ, пріятномъ и полезномъ. Подъ любопытнымъ познаніемъ разумѣется такое, которое питаетъ разумъ и приноситъ пользу въ жизни, но не есть необходимо для будущаго блаженства; познаніе пріятное, къ которому относятся изящныя искуства, удовлетворяетъ зрѣнію и слуху, и воображеніемъ занимаетъ нашу познавательную способность; познаніе полезное научаетъ насъ истинной любви, молитвѣ, стремленію духа къ высшимъ понятіямъ: его-то человѣкъ долженъ достигать по преимуществу, такъ какъ онъ въ земной своей жизни только путешественникъ, а въ будущей гражданинъ. Мистико-религіозное направленіе лекцій Шварца благотворно дѣйствовало на молодыхъ людей, предохраняя ихъ отъ невѣрія, ставя на мѣсто современнаго легкомыслія твердыя, строгія начала жизни и мышленія. Слушатели съ благодарностію воспоминали своего наставника. «Главное и для тогдашняго времени поразительное явленіе было то (говоритъ одинъ изъ нихъ), съ какою силою простое слово профессора исторгло изъ рукъ многихъ соблазнительныя и безбожныя книги, въ которыхъ, казалось, тогда весь умъ заключался, замѣнивъ ихъ Библіею. Шварцъ учредилъ «Собраніе университетскихъ питомцевъ» (1781), гдѣ они читали и обсуживали свои собственные литературные опыты. Собраніе имѣло двѣ цѣли: одна «относилась къ просвѣщенію», другая—«къ исправленію порочныхъ склонностей». Для достиженія первой, воспитанники упражнялись въ сочиненіяхъ разнаго рода и переводахъ лучшихъ мѣстъ изъ древнихъ и новыхъ писателей; для достиженія второй, при началѣ каждаго собранія произносились членами рѣчи о какихъ-либо нравственныхъ предметахъ. Въ 1782 г., на деньги, пожертвованныя П. А. Татищевымъ, открыта, при университетѣ, филологическая, или переводческая семинарія, для переложенія лучшихъ авторовъ и нравоучительныхъ сочиненій на русскій языкъ. Ею также завѣдывалъ Шварцъ. Труды воспитанниковъ университета и двухъ семинарій поступали, какъ увидимъ, въ журналы, изданіе которыхъ предназначалось въ пользу бѣдныхъ.

Изъ круга людей, близкихъ къ Новикову и Шварцу, образовалось «Дружеское ученое общество», открытое въ 1782 г. и поставившее своею обязанностью облагороженіе нра-

вовъ и распространеніе полезныхъ знаній. Занятія его изложены въ пригласительной запискѣ къ членамъ, написанной Шварцемъ. Записка предлагаетъ обществу найти полезное занятіе въ свободные отъ гражданскихъ обязанностей часы, по примѣру Сципіона Африканскаго, «мудрѣйшаго и счастливѣйшаго человѣка, который всего менѣе былъ празденъ въ то время, когда освобождался отъ государственныхъ дѣлъ; а умѣть пользоваться досугомъ есть самая трудная вещь, по словамъ одного изъ греческихъ мудрецовъ». Задачею общества должно быть нравственное, взаимною помощью членовъ—друзей производимое возбужденіе къ труду. Особенному вниманію его указаны три предмета: а) печатаніе разнаго рода книгъ, особенно ученыхъ, и разсылка ихъ по училищамъ; б) содѣйствіе къ успѣхамъ тѣхъ наукъ, въ которыхъ Рускіе мало упражнялись: греческаго и латинскаго языковъ, знанія древностей, знанія качествъ и свойствъ вещей въ природѣ, химіи; в) занятія филологическою, или переводческою семинаріей, основанной въ томъ же 1782 г., для приготовленія молодыхъ людей, преимущественно воспитанниковъ духовныхъ академій и семинарій, къ учительскому званію. На открытіи общества присутствовалъ главнокомандующій въ Москвѣ графъ З. Г. Чернышевъ, принадлежавшій къ масонскому ордену, какъ мы видѣли изъ допроса гр. Головину. Архіепископъ Платонъ принялъ его подъ свое покровительство, какъ такое учрежденіе, котораго программа была согласна съ духомъ христіанства. Между членами общества, кромѣ Новикова и Шварца, находимъ нѣсколько лицъ, игравшихъ самую дѣятельную роль въ мистико-масонскомъ движеніи: И. В. Лопухина, князей Ю. Н. и Н. Н. Трубецкихъ, В. И. Баженова (знаменитаго архитектора), А. М. Кутузова (переводчика Мессіады), И. П. Тургенева и С. И. Гамалею. Послѣдніе двое обезпечивали судьбу общества во мнѣніи ближайшаго начальства: одинъ, какъ адъютантъ гр. Чернышева; другой, какъ правитель его канцеляріи.

Но прежде, чѣмъ было открыто общество, Новиковъ уже приводилъ въ исполненіе его не оглашенные еще планы. Университетская типографія стала наравнѣ съ лучшими европейскими типографіями. Въ три года (1779—82) она выпустила больше книгъ, нежели сколько изъ нея вышло за всѣ прежніе двадцать четыре года ея существованія. Семинаріямъ и другимъ училищамъ было подарено книгъ на 3000 руб. Открыто было нѣсколько книжныхъ лавокъ въ Москвѣ и по губернскимъ и уѣзднымъ городамъ. Стараясь всячески пріохотить публику къ чтенію, Новиковъ первый завелъ вольную (публичную) библіотеку для безденежнаго пользованія книгами. Чтобы знакомить читающій классъ съ мистико-масонскимъ ученіемъ, онъ прибѣгнулъ къ пособію періодическихъ изданій, дѣйствіе которыхъ было извѣдано имъ на опытѣ. Мы знаемъ, что до поступленія въ масонство, Новиковъ служилъ общественной мысли двоякимъ способомъ: сатирой и обнародованіемъ матеріаловъ, касательно русской археологіи, исторіи и географіи. При всей видимой разнородности занятій журналиста и собирателя историческихъ памятниковъ, они имѣли между собою внутреннюю связь. Какъ въ сатирическихъ журналахъ на ряду съ темными сторонами древней Руси выставлялись безнравственныя явленія Руси новой, такъ и «Вивліоѳика» должна была обличать современную вольность нравовъ свидѣтельствами о почтенныхъ качествахъ старины. Посвященный въ масоны, Новиковъ принялся за изданіе журналовъ мистическаго направленія Первымъ изъ нихъ былъ «Утренній свѣтъ», начатый еще въ Петербургѣ (1777), но конченный въ Москвѣ (1780). Изданіе выбрало сво-

имъ предметомъ искоренять вкравшееся вольномысліе, дѣйствовать на «духъ» и «душу», какъ главные элементы тройственнаго человѣческаго состава, предоставивъ «тѣло» портнымъ, которые его украшаютъ, и медикамъ, которые его врачуютъ. Путемъ кроткихъ наставленій оно обязалось вести публику къ самопознанію. Поэтому наставительныя статьи образуютъ преимущественное содержаніе журнала. Почти всѣ онѣ переводныя изъ древнихъ и новыхъ писателей: Платона, Плутарха, Сенеки, Геллерта, Геснера, Юнга, Паскаля и другихъ. Сколько полезно нравоученіе—наука настоящаго и будущаго блаженства, столько же безполезны теоріи и схоластика. Въ числѣ умозрительныхъ предметовъ на первомъ планѣ стоитъ безсмертіе души; съ цѣлію доказать эту истину, напечатаны двѣ статьи: «Жизнь Сократа», побѣдившаго страхъ смерти вѣрою въ безсмертіе, и «Федонъ, или разговоры о безсмертіи души». Программа «Утренняго свѣта», изложенная въ предисловіи, раскрыта еще стихотвореніемъ В. Майкова (§ 222, прим.) и правилами мудраго искателя истины, въ «Сновидѣніи Іакова Всегдатута». Благонамѣренность правилъ видна, между прочимъ, изъ ихъ понятія о гражданскихъ обязанностяхъ: «если не можешь быть стражемъ кедровъ ливанскихъ, то будь доволенъ стереженіемъ мха, на стѣнахъ растущаго, ибо не на порученную людямъ должность смотрятъ, но паче на исполненіе оныя». На деньги, собранные за подписку, основаны были въ Петербургѣ Екатерининское и Александровское училища для бѣдныхъ дѣтей. За «Утреннимъ Свѣтомъ» слѣдовало «Московское изданіе» (1781). Почувствовавъ, что постоянно-серьезное направленіе перваго журнала пугало публику, новый журналъ вознамѣрился удовлетворить какъ тѣхъ, которые скучали высокими матеріями, такъ и тѣхъ, которые ощущаютъ сладость и пользу въ «нравоученіи и высокомысліи». Изъ предисловія къ нему видно, что онъ явился въ свѣтъ съ цѣлію противодѣйствовать ученію энциклопедистовъ: «Причиною предпріятія было состраданіе, которое всякій мыслящій чувствуетъ, слыша, что люди умные, просвѣщенные и почтенные говорятъ надменно и вооружась остроуміемъ о законѣ, ко спасенію рода человѣческаго первыми людьми полученномъ, и взирая на простодушныхъ людей, прилежно внимающихъ умствованію вольномысленныхъ мудрецовъ». Съ особеннымъ вниманіемъ слѣдило изданіе за понятіями матеріалистовъ о нравственности. Оно сторожило русскую публику «отъ тѣхъ высокихъ и вмѣстѣ низкихъ любомудровъ нынѣшняго вѣка, которые прославляютъ истину, состоящую въ послѣдованіи склонностямъ нашимъ, каковы бы они ни были и куда бы ни стремились, говоря, что природа къ тому насъ побуждаетъ, и что безумно возлагать оковы на виновницу толикихъ удовольствій и сладости». Борьба съ французской философіей, составлявшая одинъ изъ главныхъ предметовъ масонской дѣятельности, ясно здѣсь выступаетъ. Средства для борьбы—въ распространеніи истиннаго свѣта знаній, такъ какъ невѣріе или безбожіе происходятъ не отъ ученія, а отъ невѣжества. Но ученіе должно идти объ руку съ нравственностью: «если у ученаго злое сердце, то онъ со всею своею ученостью будетъ сущимъ невѣждой, вреднымъ себѣ и обществу. Отъ такихъ-то ученыхъ и возникла вся мерзость на земномъ шарѣ. Чистосердечный мужикъ можетъ лучше воспринимать истину, нежели развращенный звѣздочетъ. Развратъ въ наукахъ происходитъ отъ незнанія источника, изъ котораго онѣ проистекли, и отъ незнанія предмета, куда онѣ текутъ. Науки суть плодъ созрѣвшаго безсмертнаго человѣческаго духа. Если человѣкъ цѣлую жизнь упраж-

няется въ томъ, въ чемъ и животныя, то наука разума не только ему безполезна, но и погубна. Когда же человѣкъ имѣетъ главною своею цѣлью—совершенство духа, состоящее въ познаніи безсмертныхъ истинъ, то наука разума приноситъ ему пользу». «Вечерняя заря» (1782) служила продолженіемъ «Утреннему свѣту», связанная съ нимъ не одною послѣдовательностью времени, но и послѣдовательностію смысла, на которую указываютъ самыя названія. Вечерняя заря—это слабый свѣтъ нашего разума въ сравненіи съ полдневнымъ свѣтомъ мудрости, которымъ блисталъ праотецъ человѣковъ. Потемненный паденіемъ Адама, человѣческій разумъ достигнетъ прежняго своего состоянія, когда воля въ дѣйствіяхъ, а разумъ въ познаніяхъ, подобно вечерней зарѣ, слѣдующей за солнцемъ, будетъ направлять свое теченіе за великимъ солнцемъ вселенной—Божествомъ. Тремя степенями вечерняя заря души нашей восходитъ до лучезарнаго полдневнаго свѣта: самопознаніемъ, познаніемъ природы и чтеніемъ Священнаго Писанія. Цѣль изданія—выбрать изъ древнихъ и новыхъ писателей лучшія сочиненія по этимъ тремъ сферамъ вѣдѣнія. Такъ какъ во всѣхъ дѣйствіяхъ разумъ предшествуетъ и свѣтитъ, а воля послѣдуетъ и сопровождаетъ, то въ первомъ отдѣлѣ журнала помѣщались «открытія, касающіяся до просвѣщенія разума»; во второмъ — нравоученія для исправленія воли; въ третьемъ—примѣры или исторіи, вмѣстѣ съ другими статьями, между которыми любопытны сатирическія выходки противъ любви русскихъ къ иноземному. Издателями «Вечерней Зари» были студенты московскаго университета и воспитанники педагогической семинаріи. Чуждаясь духа французскаго просвѣщенія, они обращались къ нѣмцамъ и наполняли журналъ переводными статьями о душѣ, разсудкѣ, волѣ, совѣсти, безсмертіи, самопознаніи, бытіи Бога. Имена ихъ указаны въ журналѣ: Пельскій, Лабзинъ, Гавриловъ (въ послѣдствіи профессоръ), А. Малиновскій, П. П. Тургеневъ, и др. Въ изданіи послѣдняго журнала: «Покоящійся Трудолюбецъ» (1784), также принимали главное участіе питомцы университета и двухъ семинарій; между ними встрѣчаемъ имена Подшивалова и Сохацкаго. Если названіе «Вечерней Зари», сверхъ нравственнаго смысла, означало и время занятій; то новому журналу, какъ ея продолженію, всего приличнѣе имя «Покоящагося Трудолюбца». Сама природа указала это имя, научая насъ, что въ то время, когда съ дневнымъ шумомъ престанутъ волненія души, утихнутъ бури страстей и прекратится суета мірская, подъ кровомъ тишины человѣкъ становится наиболѣе способенъ къ духовнымъ упражненіямъ. Тогда умъ скорѣе постигаетъ божественныя свойства, удобнѣе проникаетъ въ связь вещей, открытѣе устремляетъ взоры въ малый міръ и приближается къ самопознанію и нравственному совершенству. Такимъ образомъ соединяются два, видимо-противоположные, предмета: покой и трудъ. Покой есть лучшая пора умственныхъ трудовъ. Важнѣйшія статьи журнала проникнуты мистицизмомъ. Таковы: «письмо съ того свѣта къ сыну малыя земли муравью, живущему въ муравейникѣ»; «бесѣда съ самимъ собою», разсуждающая объ устройствѣ внутренняго человѣка; «о любленіи истинной христіанской философіи», которая, какъ всѣмъ доступная, противополагается мудрствованіямъ и изслѣдованіямъ, понятнымъ только гордой учености. Между сатирическими пьесами, особенно замѣчательна «Новая логика», по меткой правдѣ и рѣзкому тону напоминающая лучшія страницы «Живописца»: она исчисляетъ различные аргументы, которыми пользуются люди на перекоръ высшей правдѣ и здравому разуму.

Черезъ два года по открытіи «Дружескаго ученаго общества», оно было

преобразовано въ «Типографическую компанію» (1784), вѣроятно устроенную по примѣру нѣмецкихъ заведеній того же рода. Думаемъ такъ, основываясь на одной замѣткѣ «Утренняго свѣта»: при статьѣ изъ Плутарха (Размышленіе о суевѣріи) сказано, что она переведена съ французскаго перевода, напечатаннаго въ Берлинѣ 1767 г., «иждивеніемъ типографическаго сообщества». Впрочемъ Новиковъ могъ имѣть передъ собою и русскіе планы подобныхъ товариществъ, въ родѣ плана петербургской публичной библіотеки, который еще въ 1766 г. былъ начертанъ Б. М. Салтыковымъ, но почему-то не приведенъ въ исполненіе. Типографическая компанія была основана съ тѣмъ, чтобы издавать полезныя книги, большею частію учебныя и мистическія, и продавать ихъ по возможно-дешевой цѣнѣ. «Цѣлое море душеспасительныхъ книгъ было противопоставлено адской водѣ вольнодумческихъ и безбожныхъ сочиненій», говоритъ Невзоровъ, излагая въ одномъ письмѣ благотворныя дѣйствія Новиковскаго общества, къ которому принадлежалъ и самъ. Книжная торговля, построенная на разумныхъ и широкихъ основаніяхъ, постоянно занимала Новикова. Онъ справедливо ожидалъ отъ нея двоякой выгоды: распространенія истинъ въ массѣ народа, которыя очистили бы его отъ вредныхъ предразсудковъ и заблужденій, и кромѣ того примѣра нашему купечеству, какъ вести правильно свои дѣла. Указъ о вольныхъ типографіяхъ далъ усиленный ходъ компаніи: она учредила типографію; другія двѣ заведены были Новиковымъ и Лопухинымъ. Московскія Вѣдомости, поступившія въ завѣдываніе Новикова, приняли новый видъ; содержаніе ихъ сдѣлалось интереснѣе и разнообразнѣе, такъ что число подписчиковъ съ шести сотъ возрасло черезъ десять лѣтъ до четырехъ тысячъ. При нихъ безденежно выдавалось «Дѣтское Чтеніе» (1785—1788), единственный тогда журналъ для дѣтей, бывшій долгое время настольною ихъ книгою, благодаря прекрасному выбору статей. Здѣсь помѣщено нѣсколько переводовъ А. Петрова и его друга, Карамзина, введеннаго въ Новиковскій кругъ И. П. Тургеневымъ. Дѣйствія компаніи не ограничивались тѣмъ предметомъ, который означается словомъ «типографическій». Ея просвѣщенная благотворительность была разнообразная и широкая, благодаря средствамъ, доставленнымъ ей нѣкоторыми ея членами: она заводила училища, больницы и аптеки для бѣдныхъ; покровительствовала молодымъ талантамъ, которые были одолжены ей своимъ образованіемъ и нравственнымъ возвышеніемъ; раздавала, во время неурожая, хлѣбъ бѣднымъ земледѣльцамъ, и т. п.

Внѣшняя, или практическая дѣятельность Новиковскаго общества вытекала изъ основныхъ началъ мистико-масонскаго ученія. Разъясненіе этихъ началъ составляетъ, какъ мы замѣтили, внутреннюю, или теоретическую дѣятельность того же самого общества. Она обнимаетъ оригинальную и переводную литературу масонства, наибольшее движеніе которой относится къ восьмидесятымъ годамъ. Главное мѣсто принадлежало здѣсь Шварцу, который «былъ истиннымъ орудіемъ Божіимъ исправленія въ Россіи ордена каменьщиковъ». Такъ опредѣляетъ его заслугу Невзоровъ, получившій образованіе въ филологической семинаріи. За Шварцемъ слѣдовали Лопухинъ, И. Тургеневъ и Гамалея—наиболѣе вліятельныя лица, управлявшія, вмѣстѣ съ Новиковымъ, дѣйствіями русскаго масонства. Лопухинъ (1756—1816), намѣстный мастеръ (предсѣдатель) въ ложѣ «Блистающей звѣзды», имѣлъ «большую дирекцію и переписку по обществу», какъ онъ самъ говоритъ въ своихъ «Запискахъ». Невзоровъ называетъ его однимъ изъ первыхъ драгоцѣнныхъ камней въ коронѣ масонскаго братства: «когда онъ сидѣлъ на стулѣ великаго мастера и говорилъ,

тогда истинно сама воплощенная любовь, самъ духъ Христовъ и христіанское откровеніе евангельское устами его исходили». Желая ознакомить публику съ истиннымъ духомъ братства, о которомъ она имѣла превратныя понятія, Лопухинъ сочинилъ «Нравоучительный катихизисъ истинныхъ франмасоновъ», гдѣ въ краткихъ и общихъ чертахъ представлены начала масонской науки и морали. Французскій переводъ этой книжки, принадлежащій перу самого автора, нап. въ Москвѣ 1790 г., а русскій подлинникъ явился послѣ, при другомъ сочиненіи Лопухина: «Духовный рыцарь, или ищущій премудрости» (1791). Для одной и той же цѣли съ Катихизисомъ, была написана И. Тургеневымъ брошюра на франц. языкѣ: «Кто можетъ быть добрымъ гражданиномъ и подданнымъ вѣрнымъ» (русскій переводъ ея нап. 1796). Одно изъ главныхъ обвиненій, падавшихъ на масонскій союзъ состояло въ томъ, что онъ образуетъ какъ бы государство въ государствѣ, управляемое своими особенными законами и держащее своихъ членовъ подъ особою властію. Тургеневъ, рядомъ послѣдовательныхъ выводовъ, доказываетъ, что истинно-добрымъ гражданиномъ, вѣрнымъ государю и отечеству, можетъ быть только истинный христіанинъ, каковъ и есть каждый масонъ. Третья, наиболѣе извѣстная, книга Лопухина: «Нѣкоторыя черты о внутренней церкви о единомъ пути истины и о различныхъ путяхъ заблужденія и гибели» (соч. 1789, нап. 1798), достигла трехъ изданій и переведена на латинскій, французскій и нѣмецкій языки. Знаменитый мистикъ Эккартсгаузенъ называлъ ее драгоцѣннымъ, истинною мудростью наполненнымъ твореніемъ. Третьимъ лицемъ, стоявшимъ у кормила московскаго масонства, былъ Гамалея, предсѣдатель ложи «Девкаліона». Его рѣчи, которыя онъ произносилъ, какъ великій мастеръ стула, и въ особенности его «Письма» (3 книги: первая и вторая 1832, третья 1839), имѣли для масоновъ значеніе какъ бы пастырскихъ посланій.

Оригинальныя сочиненія русскихъ масоновъ составляютъ меньшую часть ихъ библіотеки, сравнительно съ переводами, изданными стараніемъ лицъ, которые находились во главѣ союза. Цѣль изданій, какъ мы знаемъ,—сообщить хотя легкія понятія публикѣ объ истинномъ свободномъ каменьщичествѣ, и чрезъ то разсѣять ложныя, смѣшныя и постыдныя о немъ мнѣнія. Наибольшее число ихъ явилось въ восьмидесятыхъ годахъ, начиная съ 1783 г., т. е. съ указа о вольныхъ типографіяхъ. Въ это время напечатаны слѣдующіе переводы съ нѣмецкаго, продажа которыхъ потомъ была запрещена: «Карманная книжка для вольныхъ каменьщиковъ и для тѣхъ, которые не принадлежатъ къ числу оныхъ» (1783); «Хризомандеръ, аллегорическая и сатирическая повѣсть различнаго, весьма важнаго содержанія» (1783); «Братскія увѣщенія къ нѣкоторымъ братьямъ Св. К.» (1784); «Апологія или защищеніе В. К». (1784); «Химическая псалтирь, Парацельса» (1784). По распоряженію Лопухина, общество задумало, въ довольно большомъ размѣрѣ, изданіе «Магазина свободно-каменьщическаго, содержащаго въ себѣ рѣчи, говоренныя въ собраніяхъ, пѣсни, письма, разговоры и другія разныя краткія писанія, стихами и прозою». Всѣхъ томовъ предназначалось семь, и каждый томъ долженъ былъ состоять изъ трехъ частей; но вышло только двѣ части перваго тома (1784). Мистики: Бемъ, Пордечъ и Сенъ-Мартенъ пользовались особеннымъ сочувствіемъ нашихъ масоновъ, которые смотрѣли на ихъ творенія какъ на догматико-нравственные уставы. Первые переводы Бема, прозваннаго «тевтоническимъ философомъ» († 1625), явились еще въ концѣ XVII в. на славяно-русскомъ

языкѣ. По основательной догадкѣ нѣкоторыхъ, они были сдѣланы послѣдователями Кульмана, сожженнаго въ Москвѣ (1689) по приговору особой коммиссіи. «Предки наши», говоритъ одинъ изъ русскихъ мистиковъ первой четверти нынѣшняго вѣка, «отнюдь не были чужды тѣхъ понятій, кои нынѣ называются новизнами». Замѣчательно, что мистическое ученіе стало переходить къ намъ съ запада почти одновременно съ другимъ, противоположнымъ ему ученіемъ—западнымъ раціонализмомъ, въ томъ видѣ, какъ онъ возникъ въ XVII в. у англичанъ на почвѣ естествознанія. Славяно-русскій переводъ Бема относится къ одной эпохѣ съ такимъ же переводомъ одной книги Бюрнета (§ 192). Молитвы, выбранныя изъ сочиненій Бема и ходившія въ рукописяхъ, были, по преданію, напечатаны Новиковымъ для практическаго употребленія въ масонскомъ обществѣ. Идеи того же мистика лежатъ въ основѣ лекцій Шварца. Письма Гамалеи рекомендуютъ читать рукописные переводы трехъ Бемовыхъ сочиненій: «О тройственной жизни», «О благодатномъ избраніи», Mysterium magnum». При содѣйствіи Новикова и подъ руководствомъ Гамалеи цѣлымъ обществомъ друзей составленъ былъ «Серафимскій цвѣтникъ, или духовный экстрактъ изъ всѣхъ писаній Іакова Бема» (1794), обращавшійся также въ рукописяхъ. Послѣдователи Сенъ-Мартена, «неизвѣстнаго философа» († 1803), получили названіе «мартинистовъ» отъ Мерсье, автора сочиненія «Картина Парижа». Русскій переводъ его знаменитой книги: «О заблужденіяхъ и истинѣ», напечатанъ въ 1785 г. и вошелъ въ списокъ запрещенныхъ книгъ, на ряду съ пятью преждеуказанными. Ученіе его состоитъ въ близкомъ родствѣ съ ученіемъ Бема, главнѣйшія сочиненія котораго: «Аврора», «Начала божественной сущности» и «Тройственная жизнь», были имъ переведены на франц. языкъ. Англійскій докторъ и мистикъ Пордечъ († 1698) былъ также бемистъ, изложившій въ «Божественной и истинной метафизикѣ» систему идей своего учителя. Книга эта, переведенная съ нѣмецкаго, нап. у насъ около 1787 г. Чтобы пополнить перечисленіе важнѣйшихъ, такъ сказать «уставныхъ», книгъ масонства, упомянемъ о «Паетырскомъ посланіи къ истиннымъ и справедливымъ свободнымъ каменьщикамъ древней системы», которое напечатано въ 90-хъ годахъ, но котораго рукописи появляются съ 1785 г. Эпитеты: «истинные» и «справедливые», показываютъ, что между членами масонскаго союза могли быть и дѣйствительно были «неистинные» и «несправедливые».

Дѣйствія Новиковскаго общества, одобряемые одними, возбуждали недовольство въ другихъ. Ученіе и практика масоновъ казались частію подозрительными, частію странными. Большинство публики не могло мириться съ таинственностью внутренняго учрежденія ордена, съ его символической обрядностью, съ его особеннымъ языкомъ. «Мы учились», говоритъ Лопухинъ, «стремясь къ познанію самихъ себя, творенія и Творца. Многимъ это казалось смѣшно; но простолюдинская пословица: «вѣкъ живи, вѣкъ учись», гораздо умнѣе такого смѣха». Правительства имѣли иные поводы недовѣрчиво смотрѣть на масоновъ. Не зная въ точности ни причины, ни цѣли, ни предмета тайныхъ собраній, въ которыхъ молчаніе почиталось самонужнѣйшею добродѣтелью, они естественно могли придти къ мысли, что масонское общество не безопасно для спокойствія гражданъ, что оно образуетъ какъ бы государство въ государствѣ. Когда по повелѣнію Маріи Терезіи была закрыта вѣнская ложа и нѣкоторые масоны жаловались на то Фридриху Великому, послѣдній сказалъ имъ: «императрица совершенно права; она не знаетъ, что происходитъ

въ ложахъ, и потому не обязана терпѣть ихъ. Я, напротивъ, знаю ложи очень хорошо, и потому не только дозволяю ихъ, но и обязанъ оказывать имъ покровительство и защиту». Отзывъ прусскаго короля объясняетъ нѣкоторымъ образомъ отношеніе императрицы Екатерины къ обществу Новикова. Книги, издаваемыя этимъ обществомъ, казались ей странными по содержанію и формѣ изложенія; она могла думать, что въ нихъ скрывается какой-либо «новый расколъ», что онѣ наполнены «умствованіями, несходными съ простыми и чистыми правилами православія и гражданской должности», и потому повелѣла (1785) главнокомандующему въ Москвѣ, гр. Брюсу (преемнику гр. Чернышева), составить списокъ означенныхъ книгъ, а митрополиту Платону разсмотрѣть ихъ и вмѣстѣ испытать самого Новикова относительно вѣры. Платонъ далъ самый одобрительный о немъ отзывъ, назвавъ его истиннымъ, рѣдкимъ христіаниномъ. Книги же были раздѣлены имъ на три разряда: а) собственно-литературныя, большее и большее распространеніе которыхъ весьма желательно, такъ какъ онѣ содѣйствуютъ образованію; б) мистическія, о которыхъ пастырь не взялся судить, потому что, какъ говоритъ, не понималъ ихъ; в) сочиненія энциклопедистовъ—самыя зловредныя, орудіе разврата добрыхъ нравовъ, подкопъ подъ твердыни святой вѣры. На донесеніе митрополита послѣдовалъ приказъ запретить продажу вышеуказанныхъ шести книгъ, которые, однакожъ, принадлежали не къ сочиненіямъ энциклопедистовъ, а къ масонской литературѣ. Содержателямъ вольныхъ типографій было строжайше подтверждено, чтобы они остерегались издавать книги, «исполненныя странныхъ мудрованій или, лучше сказать, сущихъ заблужденій». Оправданный отзывомъ Платона, Новиковъ принялся съ усиленнымъ рвеніемъ за свою дѣятельность; но въ будущемъ ему суждено было потерпѣть болѣе чувствительныя неудачи и несчастія. Особенныя обстоятельства умножили подозрѣніе къ нему правительства. Они изложены въ запискѣ Карамзина: а) одинъ изъ мартинистовъ, архитекторъ Баженовъ, писалъ изъ Петербурга къ своимъ московскимъ друзьямъ, что онъ, говоря о масонахъ съ наслѣдникомъ престола (в. к. Павломъ Петровичемъ), удостовѣрился въ его добромъ объ нихъ мнѣніи. Государынѣ вручили это письмо. Она могла думать, что масоны желаютъ преклонить къ себѣ великаго князя. 2) Новиковъ, во время неурожая, роздалъ много хлѣба бѣднымъ земледѣльцамъ: удивлялись его богатству, не зная, что деньги на покупку хлѣба давалъ Новикову Походяшинъ, масонъ, который имѣлъ тысячь шестьдесятъ дохода и по любви къ благодѣяніямъ въ этотъ годъ разорился. 3) Новиковъ велъ переписку съ прусскими масонами, хотя и не политическую, въ то время, когда нашъ дворъ былъ въ явной непріязни съ берлинскимъ. Четвертое обстоятельство, бывшее неизвѣстнымъ Карамзину, состояло въ томъ, что одинъ изъ членовъ «Дружескаго общества», не поладивъ съ Новиковымъ, умышленно писалъ къ нему изъ за-границы письма, которыя должны были утвердить правительство въ основательности его подозрѣній. Ко всему этому, говоритъ Карамзинъ, присоединились французская революція и излишія опасенія московскаго градоначальника (кн. Прозоровскаго). Они рѣшили судьбу Новикова. Сильно подозрѣваемый въ намѣреніяхъ, вредныхъ для благоустройства гражданскихъ обществъ, онъ былъ арестованъ и заключенъ въ крѣпость, имѣніе его конфисковано, мистическія книги сожжены. Главные его товарищи подверглись допросу: двое изъ нихъ (И. П. Тургеневъ и кн. Н. Н. Трубецкой) сосланы на жительство въ деревни, а третій (Лопухинъ) оставленъ въ Москвѣ, ради дряхлаго и больнаго отца своего. Такимъ образомъ кончился первый періодъ

мистико-масонскаго движенія, которому, какъ увидимъ дальше, готовилось новое поприще въ слѣдующемъ столѣтіи. Съ восшествіемъ на престолъ Павла I судьба пострадавшихъ лицъ измѣнилась. Въ первый же день своего царствованія, онъ освободилъ Новикова изъ четырехлѣтняго заключенія. Трубецкіе и Лопухинъ были пожалованы сенаторами; кромѣ того послѣдній назначенъ статсъ-секретаремъ. Кн. Н. В. Репнинъ, Н. С. Плещеевъ сдѣлались самыми близкими ко двору особами. Всѣ эти назначенія оправдали предположенія Екатерины и ея недовольство масонами. О Новиковѣ носились слухи, какъ о будущемъ директорѣ университета; но они оказались ложными. Главный дѣятель «типографическаго общества» провелъ послѣдніе годы съ другомъ своимъ Гамалеей въ родовомъ имѣніи подъ Москвой. При его дѣтяхъ, во время его заключенія, находилась вдова Шварца, не имѣвшая никакого состоянія.

Въ основѣ масонства лежитъ деизмъ (§ 205). Но деизмъ былъ однимъ изъ первыхъ произведеній того умственнаго движенія, на пути котораго развилась и французская философія XVIII в. Такимъ образомъ два ученія, выросшія на одномъ и томъ же корнѣ, оказались потомъ враждебными другъ другу. Значитъ, или масонство, при дальнѣйшемъ своемъ развитіи, отступило отъ нѣкоторыхъ деистическихъ воззрѣній, или деизмъ, по своей сущности, отвергалъ дальнѣйшія явленія философіи XVIII в., именно: матеріализмъ и атеизмъ. То и другое должно быть допущено при объясненіи означенной вражды. Будучи системою естественной религіи, деизмъ становился въ рѣшительный контрастъ съ тѣми философскими школами, которыя не признавали никакой религіи. Масонъ, выходя изъ начала всемірныхъ, каждому народу присущихъ религіозныхъ вѣрованій, могъ еще находить кой-какія точки соприкосновенія съ Вольтеромъ, какъ деистомъ; но не могъ имѣть ничего общаго съ Гельвеціемъ, Гольбахомъ и имъ подобными. Существованіе атеистовъ казалось ему дѣломъ непостижимымъ. Ихъ нѣтъ и быть не можетъ, говорилъ онъ: встрѣчаются софисты, но не льзя встрѣтить богоотступниковъ. Атеизмъ есть слово безпредметное: слово найдешь въ любомъ лексиконѣ, а предмета, означаемаго этимъ словомъ, не сыщешь нигдѣ. Противодѣйствуя французской философіи XVIII в., масоны естественно находили себѣ союзниковъ въ духовенствѣ: матеріализмъ и атеизмъ были общими ихъ врагами. Но, съ другой стороны, церковь не могла признать и масонства, которое держалось на ученіи деистовъ. Правда, она сильнѣе ратовала противъ энциклопедическихъ книгъ, какъ самыхъ зловредныхъ, которыя «развращаютъ добрые нравы и ухищряются подкапывать твердыни православія»; однакожъ и книги масонскія, во многомъ несогласныя съ христіанской догматикой, должны были возбуждать ея негодованіе. Ученые, съ своей стороны, возвышали голосъ противъ масонства, которое мало цѣнило «школьную мудрость», находя ее одностороннею и признавая истинными лишь тѣ открытія разума, которыя можно было согласовать съ началами и требованіями мистицизма. Такимъ образомъ въ анти-масонской литературѣ принимали участіе философія XVIII в., православная догматика и наука, въ собственномъ смыслѣ этого слова.

Масонское общество не могло возбуждать сочувствія въ послѣдователяхъ той философіи, которая, во имя разума, какъ своего краеугольнаго камня, отвергала все, несовмѣстимое съ его положеніями, которая стремилась къ положительному и естественному, разумѣя подъ «тайною» единственно явленія, еще не поддавшіяся

изслѣдованію науки или сужденію здраваго смысла. Мистицизмъ требовалъ цѣльнаго настроенія духа; онъ призывалъ, для преслѣдованія истины, совокупное дѣйствіе мысли и внутренняго чувства, иногда предоставляя послѣднему больше значенія и силы, тогда какъ энциклопедисты руководствовались исключительно разсудкомъ, устраняя чувство отъ всякаго участія въ сферѣ знанія и еще болѣе устраняя возможность какихъ-либо таинственныхъ, недоступныхъ разсудку откровеній. Прочитавъ книгу «о заблужденіяхъ и истинѣ», Вольтеръ писалъ Даламберу (1776): «Je ne crois pas qu'on ait jamais rien imprimé de plus absurde, de plus obscur, de plus fou et de plus sot». Отзывъ совершенно согласный съ духомъ его ученія. Подъ вліяніемъ разсудочно-философскаго образованія, опираясь на общечеловѣческій смыслъ, Екатерина II написала упомянутую брошюру: «Тайна противо-нелѣпаго общества, открытая непричастнымъ оному» (1780). Брошюра осмѣиваетъ масонство, называя его «нелѣпымъ»; почему противоположное ему общество должно было получить имя «противо-нелѣпаго». Основаніе послѣдняго—здравый умъ, прямое разсужденіе и строгая точность выраженій, которыя въ масонскихъ ложахъ замѣняются химерами, привидѣніями и изступленіями, пустыми, неясными и двузнаменательными рѣчами, своего рода обезьянствомъ, состоящимъ въ необычайныхъ и странныхъ тѣлодвиженіяхъ. «Не забывайте никогда», говоритъ предсѣдатель ложи противо-нелѣпаго общества желающему поступить въ число его членовъ, «что здравый разсудокъ препятствуетъ видѣть мечтанія и вдаваться въ небылицы». Комедіи императрицы: «Обманщикъ» (1785), «Обольщенный» (1785) и «Шаманъ сибирскій» (1786), имѣютъ предметомъ мартинизмъ, иллюминатизмъ и другія «новыя заблужденія», какъ она ихъ назвала въ письмѣ къ Циммерману. Общество иллюминатовъ было основано Вейсгауптомъ, профессоромъ каноническаго права въ Ингольштадтѣ (въ Баваріи). Начальная цѣль его состояла во взаимной помощи членовъ, безъ различія вѣроисповѣданій; но потомъ оно впало въ мистицизмъ и покушалось пріобрѣсти вліяніе на дѣла общественныя и политическія, чѣмъ и возбудило опасенія баварскаго правительства. Вейсгауптъ долженъ былъ удалиться къ одному изъ послѣдователей своего ученія, герцогу готскому, во владѣніи котораго и кончилъ жизнь (1822). Иллюминаты и мартинисты быстро распространились по Франціи и Германіи. «Говорятъ», писала императрица Циммерману (1786), что Германія наполнена иллюминатами, и это, я думаю, по модѣ, потому что французы восхищаются такими бреднями». Другое письмо ея къ тому же лицу (1787) замѣчаетъ: «нелѣпости стойки; содержащіяся же въ сей пьесѣ (Шаманъ сибирскій) сдѣлались модными. Большая часть нѣмецкихъ принцевъ думаютъ, что слѣпо предаваться всѣмъ симъ фиглярствамъ принадлежитъ къ искуству жить въ свѣтѣ; они ужъ наскучили здравою философіею. Помню, что въ 1740 г. головы, менѣе всего философскія, хотѣли быть философами; по крайней мѣрѣ въ такомъ случаѣ разсудокъ и общій смыслъ не теряли своей силы. Но сіи новыя заблужденія принудили у насъ сдурачиться такимъ людямъ, которые прежде сего не были дураками».

Разсмотримъ содержаніе комедій Екатерины. На что обращена ихъ сатира? Конечно, не на нравственную сторону масонства, которое, съ этой стороны, стояло внѣ насмѣшекъ, такъ какъ его стремленія, одушевленныя высокой филантропіей, достойны были полнаго уваженія, а на обряды, знаки и способъ выраженія. Комедіи имѣютъ въ виду злоупотребленія масонства, крайность его увлеченій или

шарлатанизмъ. Онѣ преслѣдуютъ алхимиковъ, теозофовъ и духовидцевъ, которые примыкали къ союзу вольныхъ каменьщиковъ, какъ его особые виды, но которые осуждались разсудительными братьями, видѣвшими въ нихъ вредныя уклоненія отъ чистой сущности и цѣли братства. Пьеса «Обманщикъ», осмѣиваетъ вообще мартинистовъ. Въ лицѣ Калифалкжерстона выведенъ Каліостро, оставившій у насъ много адептовъ, послѣ пребыванія своего въ Россіи (1777). Калифалкжерстонъ дѣлаетъ золото, бесѣдуетъ съ духами и имѣетъ свиданіе съ умершими, въ томъ числѣ съ Александромъ Македонскимъ. Мартинисты, за свои кривлянія, названы мартышками. Въ «Тайнѣ противо-нелѣпаго общества», на вопросъ: «что такое есть, которое въ просторѣчіи называется обезьянствомъ?» данъ такой отвѣтъ: «необычайныя и странныя тѣлодвиженія». Стихъ Державина: «мартышки въ воздухѣ явились» (На счастіе), относится также къ мартинистамъ, увѣрявшимъ, что они могутъ видѣть духовъ и бесѣдовать съ ними. Комедія смѣется еще надъ таинственными рѣчами мистиковъ. Разсказывая о людяхъ, съ которыми знается ея господинъ, служанка удивляется ихъ разговору: «когда заговорятъ они между собою, право, мы ничего не разумѣемъ; еслибъ нашъ братъ такъ говорилъ, а не бары, то бы подумать можно было, что бредитъ». Тотъ же предметъ и комедіи «Обольщенный»: въ ней выставлено смѣшное положеніе людей, увлеченныхъ бреднями Каліостро. Отецъ семейства Радотовъ (отъ слова radoter —говорить вздоръ) познакомился съ обществомъ лицъ, которые варятъ золото и алмазы, добываютъ изъ росы металлы, вызываютъ духовъ. Ему свернули голову кабалистическія бредни; для распознанія таинственнаго смысла цыфръ, онъ пригласилъ къ себѣ учителя-еврея. Дочь его также заражена духовидѣніемъ. Вотъ слова матери Радотова: «Что здѣсь ежедневно происходитъ, того глаза мои болѣе терпѣть не могутъ. Иной, ходя, явно бредитъ и вздоръ несетъ; другой шепчетъ, говоритъ будто съ духами; даже и ребятамъ нелѣпую сажаютъ въ голову. Пришла ко мнѣ въ горницу внучка моя, увидѣла—на столѣ передо мною стоитъ стаканъ воды съ цвѣтами; она начала цѣловать листики. Я спросила: на что? Она на то сказала, что на каждомъ листикѣ душокъ обитаетъ! и будто на булавочномъ концѣ нѣсколько тысячъ умѣщается!... Я отъ страха обмерла.... Развращеніе вѣдь это сущее!» О такихъ-то чудодѣяхъ сказалъ Державинъ: «изъ камней золото варишь» (На счастіе). Въ примѣчаніи къ этому стиху говорится, что онъ касается тѣхъ, которые вдались въ алхимію и что одинъ изъ современныхъ царедворцевъ впалъ въ это заблужденіе. Авторъ комедіи не могъ допустить, чтобы дѣла истины и человѣколюбія должно было совершать подъ кровомъ тайны, помимо правительственнаго вѣдома; чтобы честный человѣкъ, желающій добра согражданамъ, шелъ извилистыми и темными путями, а не прямою дорогой, говорилъ и дѣйствовалъ загадочнымъ образомъ, а не открыто. Когда одно изъ дѣйствующихъ лицъ комедіи выставляетъ намѣреніе членовъ общества заводить разныя благотворительныя заведенія, какъ то: школы, больницы и т. п., для чего они стараются привлекать къ себѣ людей богатыхъ,—другое лице возражаетъ на это: «дѣла такого рода на что производить сокровенно, когда благимъ узаконеніемъ открыты всевозможныя у насъ къ такимъ установленіямъ удобства? Всякій изъ нихъ, по своевольному хотѣнію выдумывая, прибавляетъ правила и словечушки, но почему оныя предпочтительны суть издревле принятымъ и славнымъ законодатель-

ствамъ, утвержденнымъ для общей и частной пользы, сего никто мнѣ не докажетъ». Обманутый духовидцами, Радотовъ признается, что онъ былъ обольщенъ наружностью тѣхъ, которые непрестанно твердили ему о необходимости быть добродѣтельнымъ. По этому поводу его спрашиваютъ: «не ужъ-то есть добродѣтели болѣе числомъ и выше тѣхъ, коихъ отъ насъ требуетъ издревле установленный у насъ законъ, и не ужъ-то развращенный какой ни есть толкъ замыкаетъ въ себѣ иныя и лучшія добродѣтели?» Заключеніе піесы отдаетъ преимущество здравомыслію передъ разстроеннымъ воображеніемъ: «похвалы приписываютъ однимъ тѣмъ столѣтіямъ, кои не бредомъ, но здравымъ разсудкомъ отъ прочихъ отличались». Основаніемъ третьей комедіи (Шаманъ сибирскій) послужила статья французской энциклопедіи: «теозофы». Это особая школа философовъ-мистиковъ, которые, смотря съ презрѣніемъ на разумъ, внимаютъ голосу внутренняго и сверхъестественнаго начала. Въ доктринѣ ихъ соединяются наблюденіе природы съ непосредственнымъ вдохновеніемъ, философія съ восторженнымъ чувствомъ, богословія съ алхиміей, метафизика съ медициной. Ихъ два рода: въ одномъ мистицизмъ беретъ перевѣсъ надъ наукой, въ другомъ философія надъ богословіемъ. Къ первому роду относятъ Бема, Сведенборга, Сенъ-Мартена; ко второму—Парацельса, Корнелія Агриппу, Флюда, Ванъ-Гельмонта и пр. Комедія изображаетъ простака, поддавшагося шарлатану, подобному Каліостро. Сибирскій Шаманъ владѣлъ необычайнымъ знаніемъ: онъ по лицу узнавалъ характеръ; по степенямъ, изъ которыхъ каждая подлежала особымъ условіямъ, приходилъ въ искренній восторгъ; молчаніемъ достигалъ небытія. Одни величали его мудрецомъ, другіе колдуномъ, потому что «глупость и невѣжество видятъ колдовство тамъ, гдѣ смылъ обыкновенный ихъ кратокъ находится». На дѣлѣ же оказывается, что онъ великій шарлатанъ: его сажаютъ подъ караулъ за разныя плутовскія продѣлки. Описывая Циммерману путешествіе свое по Тавридѣ, императрица касается и своей комедіи: «Между имавами (въ Бахчисараѣ) есть такіе, кои вертятся до тѣхъ поръ, пока не упадутъ въ обморокъ, и все кричатъ: Алла гюе! Такіе очень близки получить вдохновеніе, а слѣдовательно не очень далеки отъ шамановъ сибирскихъ и нѣмецкихъ». «Но въ свѣтѣ», прибавляетъ тоже письмо, «не одинъ родъ вѣтряныхъ мельницъ въ модѣ, и не одинъ Донъ Кихотъ любитъ ихъ строить, чтобы послѣ сражаться съ ними». Этотъ новый родъ вѣтряныхъ мельницъ—животный магнетизмъ. Поэтому комедіи императрицы, осмѣивая мистиковъ вообще, имѣютъ въ виду и ученіе Месмера; поэтому же статья Циммермана, въ гамбургской газетѣ, противъ страсбургскихъ магнетизеровъ, упоминаетъ о шаманахъ сибирскихъ; потому же самому и Екатерина обратилась къ автору статьи съ такими словами: «ласкаюсь надеждою, что не замедлятъ выписать изъ Страсбурга занимающихся магнетизмомъ и въ тѣ земли, гдѣ показывается столь постоянная склонность къ подобнымъ шарлатанамъ; могу увѣрить напередъ, что они будутъ подешевле и удобнѣе обманутъ, нежели Каліостро съ товарищи». Въ то самое время, какъ написаны комедіи: «Обманщикъ» и «Шаманъ сибирскій», магнетизмъ былъ въ употребленіи въ Петербургѣ: примѣчаніе къ одѣ «на счастіе» свидѣтельствуетъ, что новымъ открытіемъ занималась какая-то г-жа К. и предъ всѣми въ магнетическомъ снѣ говорила разныя прорицанія.

Въ одномъ году съ «Шаманомъ сибирскимъ» явилась ком. «Мнимый мудрецъ» (1786). Неизвѣстный авторъ ея также вывелъ на сцену обманщика Хитроума,

который забралъ въ свои руки Легковѣра и жену его, учитъ ихъ «самопознанію», вызываетъ духовъ и вставляетъ въ свой разговоръ цѣлыя тирады изъ книги «о заблужденіяхъ и истинѣ». Для отличія отъ другихъ рѣчей, тирады напечатаны курсивомъ. Въ этомъ собственно цѣль и главный интересъ піесы, не имѣющей никакого драматическаго достоинства. Мнимый мудрецъ, т. е. Хитроумъ, съ помощью друга своего Плутцова, хочетъ жениться на племянницѣ Легковѣра, Прелестѣ; но замыселъ ихъ разрушенъ Правомысломъ, который и заканчиваетъ дѣйствіе нравоученіемъ: «Потщимся обуздывать свое воображеніе и не искать проникнуть непроницаемое. Служеніе отечеству, помощь ближнему: вотъ предметы достойные и возвышающіе человѣка. Здравый разсудокъ предпочтителенъ сбролу разженнаго воображенія, какъ бы ни облекался онъ въ высокопарныя изреченія». Совѣтъ вполнѣ справедливый, но разумному зрителю не могло, конечно, нравиться доказательство, употребленное авторомъ: какъ будто послѣдователь ложнаго ученія непремѣнно долженъ быть негодяемъ и плутомъ. Сочиненіе Сенъ-Мартена встрѣтило болѣе серьезную критику со стороны общества провинціальныхъ любителей наукъ. Въ Тулѣ, 1790 г., напечатано было «Изслѣдованіе книги о заблужденіяхъ и истинѣ», сочиненное двумя годами раньше (1788). Оно становится на сторонѣ истинъ, добытыхъ наукой, и обличаетъ безплодныя мечтанія Сенъ-Мартена, какъ противныя раціонализму. Точка зрѣнія авторовъ (или автора) указана въ предувѣдомленіи: «Никогда благоразумный и чтущій справедливость примѣчатель не будетъ вмѣсто дѣяній натуры, многократными испытаніями утвержденныхъ, предлагать свои увѣренія, не получившія, такъ сказать, клейма истины, неопровержимыми доказательствами на нихъ наложеннаго... Обладающій справедливымъ ученіемъ ничего безъ вѣрнѣйшихъ объясненій, учинившихся долговременными наблюденіями несомнѣнными и ощутительными, не предлагаетъ: но мечтающій умствователь, гордясь вымышленными своими мудроположеніями, повелѣваетъ читателямъ принимать ихъ за истинныя пружины всего естества, не смотря на то, что существо онаго и текущее обращеніе его не воображеніемъ познаемо быть можетъ, но вопрошеніемъ рачительнѣйшаго испытанія натуры, которая отрицаетъ всякое откровеніе въ себѣ пустомысленности, изображающейся суесловіемъ, но обнаруживаетъ себя только тѣмъ, кои прилежаніемъ и трудолюбіемъ тщатся проникнуть въ творенія ея». Степень образованности изслѣдователей доказывается ссылками на мнѣнія ученыхъ по разнымъ предметамъ: они цитуютъ Беля, Локка, Шталя, Невтона, Коперника, Мопертюи, Бюффона и многихъ другихъ. Радищевъ служитъ новымъ доказательствомъ того, что французско-философское образованіе не имѣло возможности мириться съ мистицизмомъ. Онъ не приступилъ къ масонству, хотя былъ дружески связанъ съ нѣкоторыми членами Новиковскаго общества. «Бумага семинариста», вмѣстѣ съ выпиской изъ Белева Словаря, помѣщенныя въ его «Путешествіи», осмѣиваетъ мистическую литературу. Она содержитъ въ себѣ, между прочимъ, слѣдующія строки: «Открой новѣйшія таинственныя творенія,—возмнишь быти во времена схоластики и словопренія, когда разумъ человѣческій заботился объ изреченіяхъ, не мысля о томъ, былъ ли въ реченіи смыслъ; когда задачею любомудрія почитали и на рѣшеніе изслѣдователей истины отдавали вопросъ, сколько на игольномъ остреѣ можетъ умѣститься душъ». Упомянемъ еще о двухъ книжкахъ: «Масонъ безъ маски» (1784) и «Мопсъ безъ ошейника» (1784). Обѣ онѣ ничего не говорятъ противъ существенныхъ осно-

ванiй масонства, а касаются только его злоупотребленiй или слабостей, которыя могутъ имѣть мѣсто въ наилучшихъ учрежденiяхъ. Первая книжка обличаетъ сластолюбiе, корысть и обманы, вкравшiяся въ ложи, вопреки истинному духу масонства. Авторъ ея называетъ себя бѣглецомъ, покинувшимъ союзъ и снова обратившимся въ профана. Онъ признаетъ добродѣтели масоновъ, но подъ условiемъ, что онѣ не составляютъ исключительнаго ихъ права и достоянiя. Въ то же время онъ раскрываетъ и пороки ихъ, которые произведены злоупотребленiемъ таинствъ. Приговоръ его очень строгъ. За исключенiемъ тайныхъ обрядовъ и корыстолюбiя предсѣдателей, онъ видитъ въ ложахъ своего рода клубы, въ которые собираются люди всякаго рода и состоянiя пить хорошiй портеръ и толковать о торговлѣ, вѣрѣ, правительствѣ, наукахъ, художествахъ, словомъ обо всемъ, о чемъ говорить можно. Если вѣрить его словамъ, то союзъ вольныхъ каменьщиковъ поддерживается легкомыслiемъ молодыхъ его членовъ и апологiями старыхъ, хотя въ этихъ апологiяхъ столь же много словъ, сколь мало правды. Описавъ, по обѣщанiю, «подлинныя таинства» масонскiя, экс–масонъ въ заключенiе книги обращается съ просьбой къ бывшимъ своимъ братьямъ—трудиться по прежнему въ созиданiи храма, т. е. проводить ночи въ питьѣ. «Что же касается до меня, видѣвшаго ихъ работы (говоритъ онъ), то я отстаю отъ нихъ съ великимъ удовольствiемъ и доволенъ буду, если они возвратятъ мнѣ мои деньги, такъ какъ я имъ возвращаю ихъ тайны». «Мопсъ безъ ошейника» описываетъ причины основанiя ордена Мопсовъ и церемонiи, наблюдаемыя въ ихъ ложахъ. Послѣ анаѳемы, произнесенной папою Климентомъ XII на Фран–масонство, многiе нѣмецкiе католики, бывшiе его члены, принуждены были сложить съ себя это званiе. Не зная что̀ дѣлать и вздыхая по увеселенiямъ, которыя находили въ своихъ собранiяхъ, они задумали учредить особое братство. Установлены были обряды, изобрѣтены знаки и слова. Оставалось выбрать символъ и имя. Такъ какъ вѣрность и любовь служатъ главными принадлежностями масонскаго союза, то члены новаго общества взяли себѣ символомъ собаку и стали называться мопсами. Чтобы усыпить ревнивый надзоръ римскаго двора, положено было въ отличiе отъ Фран–масоновъ не требовать присяги отъ поступающихъ и допускать въ ложу женщинъ. Затѣмъ книжка переходитъ къ церемонiямъ общества Мопсовъ и предлагаетъ нѣсколько вопросовъ изъ его катихизиса. Больше объ ней говорить нечего, какъ о произведенiи пошломъ и бездарномъ.

Если бы московскiе масоны ограничили свое ученiе нравственными началами, они не могли бы встрѣтить серьезнаго антагонизма. Но по временамъ они выступали изъ того круга, въ которомъ хранилась истинная сила масонства, и переходили къ догматизму: здѣсь-то обнаруживалась ихъ слабая сторона и вмѣстѣ непослѣдовательность тому, что было ими высказано еще въ Утреннемъ свѣтѣ: «сколько полезно нравоученiе—наука настоящаго и будущаго блаженства, столько безполезны теорiи». Нападая на школьную ученость, за ея одностороннiя стремленiя и выводы, предпочитая простодушныхъ людей любомудрамъ, они сами пускались въ мудрованiя и умствованiя, не представлявшiя никакого научнаго достоинства, и потому возбудили противъ себя справедливое негодованiе людей науки. Не признавая авторитетовъ въ мiрѣ современнаго знанiя, они преклонялись предъ авторитетами средневѣковыми. Отвергая астрономiю и химiю, вѣрили въ таинства алхимiи и астрологiи. Паральцесъ былъ для нихъ выше Лавуазье, Бемъ или Пордечъ выше

Кеплера или Коперника. Притомъ же притязанія главныхъ двигателей масонства на догматизмъ, умозрѣніе и теоріи были крайне неосновательны по недостатку научной подготовки. Профессоръ Шварцъ составляетъ въ этомъ случаѣ почти единственное исключеніе. Что касается до Новикова и Лопухина, то намъ извѣстенъ отзывъ перваго о самомъ себѣ: «я невѣжда», писалъ онъ Карамзину, «не знающій никакихъ языковъ, не читавшій никакихъ школьныхъ философовъ»; второй называлъ себя «прямымъ самоучкой». Понятно, съ какою недовѣрчивостью и даже гордостью должны были смотрѣть на нихъ люди, понимавшіе цѣну основательнаго, систематическаго ученія. Профессорамъ Шадену и Барсову, независимо отъ ихъ личныхъ побужденій, если и были таковыя, трудно было сойтись съ мистиками, не потому, чтобы они стояли за Вольтера, а потому, что они представляли университетъ и его высшую образованность. Шаденъ не хуже масоновъ ратовалъ противъ энциклопедистовъ, но онъ, конечно, ратовалъ и противъ мистико-масонской догматики, какъ профессоръ философіи, которую читалъ по Вольфу. Мы приводили высокое мнѣніе Невзорова объ одномъ изъ самыхъ энергическихъ членовъ Дружескаго общества, Лопухинѣ, отъ котораго онъ «получилъ все свое наружное состояніе, какъ отъ свободнаго каменьщичества получилъ онъ состояніе внутреннее». Невзоровъ называетъ своего благодѣтеля не только главнымъ, но даже единственнымъ орудіемъ союза. Но кто просматривалъ сочиненія Лопухина, тотъ ясно видитъ, на сколько ихъ уровень ниже высоты такого отзыва. Нѣкоторыя изъ нихъ явились случайно, другія написаны спѣшно, и во всѣхъ очевидно какое-то броженіе смутныхъ, неопредѣленныхъ, плохо между собою связанныхъ мыслей. Случайность и спѣшность авторства могутъ говорить въ пользу воспріимчивой, впечатлительной, подвижной натуры автора, но въ тоже время даютъ знать о нетвердости его ума, о внутреннемъ малосиліи работы. Самъ Лопухинъ любилъ отмѣчать быстроту своего пера. Въ восемь дней написалъ онъ пятиактную драму: «Торжество правосудія и добродѣтели, или добрый судья» (1794). Прибавимъ къ тому, что его понятія о театрѣ и драматическомъ искуствѣ были не просто странны, но дики. Сначала принадлежалъ онъ къ любителямъ Вольтера и Руссо, и охотно читывалъ сочиненія, легкомысленно относившіяся къ религіи; но «случай» отклонилъ его отъ опаснаго пути вольнодумства. Ему попалась въ руки «Система природы», Гольбаха: онъ перевелъ извлеченіе изъ этой книги и рѣшился распространить его въ рукописяхъ; однакожъ, почувствовавъ раскаяніе, сжегъ переводъ и, въ очищеніе своей совѣсти, написалъ «Разсужденіе о злоупотребленіи разума нѣкоторыми новыми писателями и опроверженіе ихъ вредныхъ правилъ» (1780). Отдавая справедливость достойному поступку Лопухина, мы не можемъ иначе объяснить горячность его работы, какъ допустивъ одно изъ двухъ предположеній: или онъ видѣлъ въ своей брошюрѣ особенную силу доводовъ, или думалъ, что система Гольбаха можетъ быть низвергнута такимъ ученическимъ литературнымъ опытомъ, каково «Разсужденіе». Мысль о «Нравоучительномъ катихизисѣ истинныхъ франъ-масоновъ» родилась у Лопухина при его разговорѣ съ Платономъ, возстававшимъ противъ общества, и книжка написана въ одинъ вечеръ. «Духовный Рыцарь» потребовалъ не больше времени—часовъ шесть; планъ его былъ составленъ въ прогулкѣ. Цѣлыя книги, вызванныя важными цѣлями, занятыя существенными предметами масонства, являются какъ бы сами собою или подъ наитіемъ какой-то особенной силы. Другимъ онѣ стоили бы долгихъ размышленій, усидчивой работы; Лопухину онѣ обходились въ

нѣсколько дней или часовъ. А между тѣмъ содержаніе «Духовнаго Рыцаря» не шуточное: хотя и въ краткихъ чертахъ, здѣсь представлены «главные пункты герметической науки, образъ ея святилища, ходъ внутренняго обновленія человѣка и начала самопознанія и глубокой морали». Что такое герметическая наука? Это часть химіи, или точнѣе алхимія, занимавшаяся претвореніемъ однихъ металловъ въ другіе и объяснявшая всѣ естественныя дѣйствія тремя главными факторами—солью, сѣрой и ртутью. Изобрѣтеніе ея приписываютъ Гермесу Трисмегисту, египетскому Меркурію, отъ котораго она и получила свое названіе. Слово, оброненное, такъ сказать, Лопухинымъ, показываетъ, что онъ и нѣкоторые другіе члены Новиковскаго общества, кромѣ нравственныхъ тенденцій, въ которыхъ заключалась главная сила и заслуга масоновъ, кромѣ умозрительныхъ предметовъ, въ которыхъ они оказались несостоятельными, устремляли также свою любознательность на природу, хотѣли пытать ее въ духѣ среднихъ вѣковъ и выпытывать изъ нея двухъ чудесныхъ откровеній: всеобщаго лекарства и философскаго камня, посредствомъ котораго всѣ металлы обращаются въ золото. Не даромъ пригласительная записка Шварца рекомендовала особливому вниманію «Дружескаго ученаго общества», между прочими предметами его занятій, «знаніе качествъ и свойствъ вещей въ природѣ и употребленіе химіи». Не даромъ также, по распоряженію главныхъ дѣятелей общества, явилась въ русскомъ переводѣ Парацельсова «Химическая псалтирь». Цѣлый отдѣлъ естествознанія былъ захваченъ въ сферу масонскаго искуства. Если не ошибаемся, этотъ захватъ и поселилъ неудовольствіе между братьями, какъ видно изъ слѣдующихъ строкъ письма Невзорова къ члену «Дружескаго общества», Поздѣеву: «мы прежде были члены одного и тогоже каменьщическаго ордена, хотя по наружности разныхъ степеней, но послѣ и сей союзъ между вами и Иваномъ Владиміровичемъ (Лопухинымъ) пошатнулся». Отъ чего жъ онъ пошатнулся? отъ того, безъ сомнѣнія, что одни братья плѣнялись «герметическою философіей», ожидая отъ нея неимовѣрныхъ благъ для человѣческой жизни, тогда какъ другіе почитали ее несвойственною высокой цѣли масонства, ограничивая его нравоученіемъ и филантропіей. Невзоровъ принадлежалъ къ послѣднимъ. Въ издававшемся имъ журналѣ «Другъ юношества» (1810 г., ноябрь), онъ перевелъ «Разговоръ Натуры, Меркурія и Алхимиста», имѣющій цѣлію осмѣять искателей философскаго камня. Въ предисловіи къ разговору, переводчикъ изложилъ свой взглядъ на всеобщую медицину и химію. Онъ даетъ имъ нравственный толкъ. По мнѣнію его, «истинная всеобщая медицина есть школа христіанская, гдѣ учатъ людей съ помощіею Божіею исправлять дурную свою природу, побѣждать страсти, не поддаваться самовольно чувственности, питающейся всякими развратами, и тѣмъ самымъ становящейся источникомъ всѣхъ болѣзней, самими нами добываемыхъ, сносить всякія противности и оскорбленія, какимъ-либо образомъ наносимыя нашей тѣлесной природѣ, просить о подкрѣпленіи въ томъ помощи верховнаго врача и владыки, и умѣть при ней употреблять и пользоваться врачествомъ простымъ, которое можно сыскать и въ большихъ городахъ, и въ малыхъ деревняхъ». Что касается до авторовъ, писавшихъ о химіи, то лучшіе между ними, для извѣстныхъ имъ причинъ, въ сочиненіяхъ своихъ «скрыли аллегорію нравственности человѣческой и подъ видомъ химическихъ операцій разумѣли ходъ и обороты исправленія и совершенствованія человѣческаго духа». Невзоровъ не отвергаетъ естествовѣдѣнія. «Нѣтъ спору», говоритъ онъ, «что натуру должно испытывать

и познавать для двухъ особливо причинъ: во-первыхъ, чтобы познаніемъ ея открывать и доставлять себѣ способы жить въ мірѣ, въ которомъ мы находимся, и таковымъ образомъ взаимно другъ другу помогать; во-вторыхъ, для созерцанія славы Божія и таинствъ его творенія. Что касается до перваго, то въ публичныхъ школахъ и университетахъ болѣе гораздо стараются знать, нежели то нужно для общежительнаго состоянія. Что касается до втораго, то прежде знать и непрестанно памятовать должно, что въ злохудожную душу не входитъ премудрость; что въ таковомъ случаѣ неоспоримое правило и законъ, Богомъ уставленный, есть тотъ, чтобы познать себя, исправить себя въ духѣ и очистить себя отъ страстей; иначе, плавая въ морѣ таинствъ, мы будемъ слѣпы. Чтобы созерцать славу Божію и видѣть таинства Его творенія, для сего не нужны великихъ издержекъ стоящія лабораторіи и пышные химическіе снаряды. Иди безъ всего смотрѣть, какъ сѣмя, брошенное въ землю, гніетъ, возраждается, растетъ и дѣлается новымъ сѣменемъ; поди всякій бѣдный съ пастушьимъ посохомъ къ муравью, пчелѣ, бобру и другимъ животнымъ, и смотри, какъ всеобщій промыслительный отецъ всякой твари далъ свой смыслъ и способность свойственнымъ себѣ образомъ пещись о своемъ благосостояніи и пропитаніи; поди ко всякому насѣкомому и смотри, какъ оно родится въ яйцѣ, дѣлается червячкомъ, личиною, получаетъ крылья и въ прекрасномъ видѣ и нарядѣ летаетъ по воздуху. Исправь себя, откинь всѣ злыя склонности, брось гордость, самолюбіе, алчность къ пріобрѣтеніямъ и грубую чувственность и изъ злохудожной души сдѣлай добрую: тогда вся природа явится тебѣ въ новомъ видѣ, и милліоны откроются таинствъ ея, которыя ты, въ противномъ случаѣ, ногами топчешь и не видишь». Вѣрный своей масонской системѣ, Невзоровъ съ неудовольствіемъ встрѣтилъ книгу Плуменека: «Вліяніе истиннаго свободнаго каменьщичества на всеобщее благо государствъ», написанную въ концѣ XVIII в. Русскій переводъ ея нап. 1816 г. Она явилась по поводу сочиненія нѣмецкаго публициста Мозера: «О терпимости свободно-каменьщическихъ сообществъ». Плуменекъ доказываетъ, что масонское братство не только не научаетъ ничему противному религіи, государству, любви къ ближнему и вообще добрымъ нравамъ, но еще много способствуетъ ко всеобщему благоденствію. Онъ разсматриваетъ достохвальную цѣль союза и три существенные предмета его занятій: первый—достигать премудрости, искуства и добродѣтели, второй—угождать Богу, третій—служить ближнему. Первый, обще-масонскій предметъ воспѣвается одною пѣснію при открытіи ложи, помѣщенною во 2-й ч. «Свободно-каменьщическаго магазина». Хоръ заканчиваетъ куплеты пѣсни словами: премудрость, искуство и добродѣтель. Что же разумѣетъ подъ ними Плуменекъ? Премудрость изображена словами царя Соломона, взятыми изъ книги Премудрости (гл. VII и VIII) и Притчъ (гл. III). На тотъ же священный авторитетъ ссылается и Лопухинъ въ своихъ Запискахъ: «Члены нашего общества упражнялись въ познаніи самого себя, творенія и Творца, по правиламъ той науки, о которой говоритъ Соломонъ въ книгѣ Премудрости (гл. VII, ст. 17—22), содержащимся въ Библіи и въ писаніяхъ мужей, непосредственнымъ откровеніемъ просвѣщенныхъ отъ Бога,—науки, открывающей начала всѣхъ вещей, безъ познанія коихъ натура вещей истинно извѣстна быть не можетъ». Искуство, которому учатъ масоны, состоитъ въ томъ, чтобы по лѣстницѣ тварей восходить къ строителю міра и про-

должать безпрерывно идти по пути добродѣтели. А на добродѣтель масоны смотрятъ подобно всѣмъ христіанскимъ мудрецамъ, именно какъ на способность располагать своими дѣйствіями по закону природы. Плуменекъ выразился бы точнѣе, еслибы «христіанскихъ мудрецовъ» замѣстилъ «деистами»; но дѣло здѣсь не въ точности опредѣленія, а въ понятіи автора о масонскомъ искуствѣ. Наибольшая часть его сочиненія посвящена этому предмету. Хотя онъ осуждаетъ златолюбцевъ, но вѣра его въ алхимическія и теургическія таинства высказывается съ достаточной ясностью. Онъ допускаетъ возможность превращать металлы въ золото и признаетъ его величайшую врачебную силу, видя въ немъ коренное основаніе всеобщаго лѣкарства. Онъ положительно говоритъ: «мы (масоны) вовсе не полагаемъ златодѣланія главнымъ предметомъ нашимъ, но взираемъ на него токмо какъ на слѣдствіе ближайшаго познанія натуры, которое бываетъ удѣломъ весьма немногихъ счастливцевъ». Такъ какъ эти неимовѣрныя чаянія совершенно расходились со взглядомъ Невзорова на масонство, то послѣдній представилъ опровerженія на книгу Плуменека въ упомянутомъ письмѣ къ Поздѣеву (1817).

Новиковъ съ большею силою, чѣмъ Лопухинъ и другіе, увлекался противонаучнымъ стремленіемъ, или вѣрнѣе, наклонностью къ средневѣковой наукѣ. Онъ отвергалъ новыя открытія въ астрономіи и химіи, называя ихъ бредомъ, какъ это видно изъ двухъ его писемъ къ Карамзину (1814). «Съ позволенія нашихъ почтенныхъ астрономовъ», говоритъ онъ въ первомъ письмѣ, «они изволятъ бредить, находя болѣе семи планетъ, находя и видя неподвижныя звѣзды и жалуя ихъ въ солнцы. Ни больше, ни меньше семи планетъ быть не можетъ, понеже Богъ ихъ сотворилъ только семь и наполнилъ ихъ силами, каждой приличными. Неподвижныхъ звѣздъ быть не можетъ, ибо неоспоримая истина: что не имѣетъ движенія, то мертво, понеже жизнь есть движеніе. Они пожаловали и самое солнце въ наилѣнивѣйшую планету бездѣйственную, ибо что не имѣетъ движенія, то не не имѣетъ и дѣйствія... Нынѣшніе физики, не довольствуясь четырьмя стихіями, которыхъ Богъ сотворилъ четыре только, а не болѣе, совсѣмъ ихъ разжаловали изъ стихій, за то только, что, по ихъ высокой наукѣ, что̀ можетъ дѣлиться, то не есть стихія. Какая слѣпота и какое нищенское понятіе о стихіяхъ! Однако они наградили насъ почти сотнею стихій. Химики все прежнее отбросили и надѣлили насъ какими-то газами, т. е. пустыми словами, не имѣющими ни значенія, ни силы. И кто можетъ всѣ ихъ бредни исчислить? не письмами, но фоліантами развѣ можно описать оныя». Понятно, какъ долженъ былъ Новиковъ смотрѣть на Лавуазье, доказавшаго, что вода есть тѣло сложное. Открытія знаменитаго химика подрывали прежнее ученіе о стихіяхъ. Понятно также, почему Карамзинъ, при всемъ уваженіи къ Новикову, не могъ одобрять его герметической философіи. Свѣтлый умъ Карамзина не любилъ ни въ чемъ тумана. Временная преданность одному направленію мысли не закрыла отъ него другихъ, болѣе трезвыхъ направленій. Успѣхи истинной науки были для него дороже всякихъ таинственныхъ знаній.

Духовенство имѣло свои, вполнѣ законныя причины отвергать масонскій орденъ, основанный на деизмѣ. Ученіе о естественной религіи, иначе религіи разума, какъ бы ни измѣнился его первоначальный характеръ, не могло быть согласовано съ ученіемъ православной церкви. Поэтому митрополитъ Платонъ, одинъ изъ просвѣщеннѣйшихъ нашихъ пастырей, возставалъ противъ Новиковскаго общества, хотя и имѣлъ доброе мнѣніе о многихъ его членахъ, особенно о самомъ

Новиковѣ и Лопухинѣ. Неизвѣстный авторъ «Отвѣта масонамъ» (ркп. Царскаго, № 708), опровергая какія-то двѣ рукописи: «Бѣлый масонъ» и «Защитникъ масонскія секты», жалуется, что послѣ Гедеона Криновскаго, писавшаго о франъ-масонахъ, не слышится болѣе пастырскихъ обличеній этой секты. Гедеонъ, по словамъ «Отвѣта», обличалъ ее въ поученіи на третью недѣлю поста. Между словами бывшаго архіепископа псковскаго находится нѣсколько такихъ поученій, но, кажется, ни одно изъ нихъ не можетъ быть истолковано въ томъ смыслѣ, какой разумѣла рукопись. «Второе поученіе въ третью недѣлю поста» осуждаетъ тѣхъ противниковъ церкви, которые, не понявъ значенія словъ апостола Петра, называютъ неудобоносимымъ игомъ волю Божію, намъ въ священномъ писаніи откровенную, и говорятъ, что человѣкъ не въ силахъ исполнить законъ Божій, по его чрезвычайной трудности. Но такъ думала философія XVIII в. Не смѣшалъ ли авторъ «Отвѣта» энциклопедистовъ съ масонами?. На это смѣшеніе указываютъ слова самого отвѣта, что, по недостатку обличеній, «секта оныхъ масоновъ умножается и философы Вольтеръ и Руссо величаются».

Представляемъ списокъ сочиненій и статей, относящихся къ содержанію § 230:

Современникъ 1853, № XI: «Н. М. Карамзинъ», А. Галахова, ст. 2. Здѣсь изложено содержаніе мистическихъ журналовъ Новикова.

О комедіяхъ Екатерины II противъ масоновъ см. въ моей ст. «Были и Небылицы» (Отеч. Зап. 1856, № 10).

Соврем. 1857, № 4: «Мартинисты и ихъ противники», въ Библ. Зап. М. Лонгинова, который сообщаетъ свѣдѣнія о рѣдкомъ сочиненіи: «Изслѣдованіе книги о заблужденіяхъ и истинѣ».

Сборникъ студентовъ петерб. университета, 1857, вып. 1: «Матеріалы для біографіи Новикова», г. Лазаревскаго.

Рус. Вѣстникъ, 1857, № 19: «Новиковъ и Шварцъ. Матеріалы для исторіи рус. литературы въ концѣ XVIII в»., М. Лонгинова (издано также отдѣльной брошюрой). Ib., № 21: «Нѣсколько дополнительныхъ замѣчаній» къ предидущей статьѣ, проф. Ешевскаго. Ib. 1858, № 4 и 15-й; 1859, № 15: «Матеріалы для исторіи рус. просвѣщенія и литературы въ концѣ XVIII в»., М. Лонгинова. Ib., 1862, № 4: Четыре года изъ жизни Карамзина (1785—1788)», Н. Тихонравова.

Библ. Зап., період. изданіе, 1858, № 5: «Руские переводы Якова Бема», С. П—ва. Ib., № 6: «Н. И. Новиковъ, біограф. очеркъ», А. Аѳанасьева. Ib. № 21: «Отрывокъ изъ посланія (1817) М. И. Невзорова къ О. А. Поздѣеву». Ib., 1861, № 3: «Псалма на обличеніе франкъ-масоновъ» (другое обличительное стихотвореніе въ «Дополн. замѣчаніяхъ», проф. Ешевскаго).

Лѣт. рус. лит., Тихонравова: 1859, кн. 1: «Вопросные пункты, предложенные Новикову митр. Платономъ». Ib., кн. 4: «Письмо Новикова» (1806). Ib., 1862, т. IV: «Донесеніе о масонахъ»; «Отрывокъ изъ письма племянника Новикова къ А. И. Тургеневу» (1818); «Выписка изъ письма дочери Новикова, Вѣры Николаевны, къ А. И. Тургеневу»; «Записка той же дочери, исправленная рукою Карамзина и поданная императору Александру I».

Русскій Архивъ, издаваемый при Чертковской библіотекѣ въ Москвѣ, 1863, вып. 3: «Матеріалы для исторіи Новиковскаго Дружескаго Общества 1782 г., съ примѣчаніями М. Полуденскаго (здѣсь напеч.: русскій переводъ пригласительной записки, написанной на лат. яз. Шварцемъ, и ода Ключарева).

Біограф. словарь профессоровъ и преподавателей москов. университета, т. 2: «Иванъ Григорьевичъ Шварцъ», Н. Тихонравова. Отрывки изъ лекцій Шварца о тройственномъ познаніи нап. въ журналѣ Невзорова: «Другъ юношества» (1813, январь). Записки И. Дмитріева называютъ ихъ лекціями о богопознаніи и высокомъ предназначеніи человѣка, говоря, что онѣ были слушаны А. Петровымъ и Карамзинымъ; но послѣдній, пріѣхавшій въ Москву въ 1785 г., не могъ посѣщать ихъ, такъ какъ Шварцъ ум. 1784 г.

Два письма Новикова къ Карамзину (1814) нап. во 2 ч. Писемъ С. И. Г. (Гамалеи).

Записка Карамзина о Новиковѣ, писанная для императора Александра I въ 1818 г. (Неиздан. сочиненія и переписка Н. М. Карамзина, 1862, ч. 1).

О Лопухинѣ см. въ 1 т. моей Истор. Хрест. (стр. 569—571). Неизвѣстно, на какомъ основаніи Смирдинская роспись (№ 313) приписываетъ «Разсужденіе о злоупотребленіи разума нѣкоторыми новыми писателями» архимандриту Аполлосу. «Нравоучительный Катихизисъ фран-масоновъ» нап. въ Опытѣ библіографіи Сопикова (II, 3507). Въ томъ же «Опытѣ» сообщено оглавленіе первой части «Божественной и истинной метафизики» (III, 6211).

Ком. Клушина: «Алхимистъ» (предст. 1793 г.) изображаетъ одного богатаго, но ограниченнаго человѣка, который до сумасшествія пристрастился къ алхиміи, желая найти философскій камень.

§ 231. Новиковское общество, одностороннее по своему направленію, тѣмъ не меньше имѣло обширный кругъ дѣйствія и выказывало въ немъ большую силу. Будучи собраніемъ частныхъ лицъ, одушевленныхъ одинаковыми стремленіями, оно брало перевѣсъ надъ многими оффиціальными учрежденіями, которыя также предполагали себѣ образовательныя и филантропическія цѣли, хотя въ другомъ духѣ и съ другимъ характеромъ. Литература служила не главнымъ предметомъ его занятій, а только средствомъ для распространенія мистико-масонскихъ идей. Но во второй половинѣ XVIII в. существовали у насъ и собственно-литературныя общества. Любовь къ родному слову побуждала просвѣщенныхъ русскихъ людей учреждать собранія, которыя должны были трудиться для его успѣховъ. На этой любви дружно сходились воспитанники учебныхъ заведеній съ ихъ воспитателями, молодежь съ опытными литераторами. Намъ уже извѣстно, что, вскорѣ по основаніи кадетскаго корпуса, кадеты устроили въ немъ «общество любителей русской словесности», куда они являлись съ опытами своихъ сочиненій и переводовъ, и гдѣ были прочитаны первыя стихотворенія Сумарокова. Было также говорено о «собраніи университетскихъ питомцевъ», которое основалъ Шварцъ въ видахъ просвѣщенія и нравственнаго совершенствованія. По примѣру его Подшиваловъ открылъ собраніе въ университетскомъ благородномъ пансіонѣ: здѣсь воспитанники, подъ руководствомъ своего наставника, занимались практикой словеснаго искуства, т. е. разбирали произведенія классическихъ писателей. Польза подобныхъ собраній не можетъ назваться маловажною: молодое поколѣніе находило въ нихъ пищу для умственнаго труда, привыкало уважать литературу и науку, имѣло средство воздѣлывать свои дарованія и цѣнить ихъ, какъ благородныя наклонности человѣческой природы.

Въ слѣдъ за учрежденіемъ Вольнаго экономическаго общества (1765) нѣкоторые любители науки задумали основать въ Петербургѣ, «для распространенія и процвѣтанія россійскаго языка», публичную россійскую библіотеку. Планъ ея, составленный Б. М. Салтыковымъ, былъ слушанъ и апробованъ въ домѣ гр. А. С. Строгонова (1766). За умѣренную плату (5 руб. въ годъ) каждый могъ пользоваться всѣми русскими книгами. При библіотекѣ предполагалось устроить безплатную школу для нѣсколькихъ сотъ всякаго званія «соучастниковъ, дѣтей ихъ и служителей». Неизвѣстно, по какой причинѣ не состоялось предпріятіе петербургскаго общества, въ которомъ, кромѣ двухъ упомянутыхъ лицъ, видимъ Ивана Мелиссино, двухъ князей Хованскихъ (Василья и Петра), Степана Лопухина, гр. Николая Головина, кн. Петра Голицина и пр. Другой проэктъ, или «начертаніе къ заведенію и установленію общества россійскихъ писателей», относится къ 1792 или 1793 г. Онъ былъ написанъ И. (Иваномъ?) Ѳ. Богдановичемъ и поданъ Державину, для представленія императрицѣ, при которой послѣдній состоялъ статсъ-секретаремъ. Императрица одобрила мысль о предполагавшемся обществѣ, которое должно было «способами

словесности распространять пользу и славу отечества, содѣйствовать общему и частному благоденствію». Глава: «о предметахъ писателей», постановляла не допускать въ общество никакихъ грамматическихъ сочиненій и критикъ, «ибо первыя имѣють свое мѣсто въ училищахъ, а вторыя, по правиламъ чести, должны быть сообщаемы писателямъ прежде изданія въ свѣтъ ихъ сочиненій, а не тогда уже, когда правительство теринтъ ихъ печатаніе». Проэктъ не осуществился и дальнѣйшая судьба его неизвѣстна.

Въ 1771 г., при московскомъ университетѣ, кураторомъ его И. И. Мелиссино, основано учено-литературное общество, подъ названіемъ «Вольнаго россійскаго собранія». Цѣль его учрежденія состояла въ «исправленіи и совершеніи россійскаго языка, почему оно и поставило первымъ своимъ занятіемъ сочиненіе алфавитнаго русскаго словаря. «Опыты трудовъ» его (1774—1783) содержатъ въ себѣ много любопытныхъ историческихъ актовъ и статей, рѣчи профессоровъ Барсова и Зыбелина, стихотворенія М. Н. Муравьева, отрывки изъ путешествія княгини Е. Р. Дашковой и другія сочиненія въ стихахъ и прозѣ. Сверхъ того имъ изданъ «Церковный Словарь», протоіерея Алексѣева (1773—76). Общество прекратилось въ 1787 г. Причиною тому было съ одной стороны возвышеніе типографической компаніи, имѣвшей болѣе обширный кругъ дѣятельности и владѣвшей болѣе богатыми средствами, а съ другой—учрежденіе Россійской Академіи, которая задала себѣ главною задачею составленіе русскаго словаря.

Планъ публичной библіотеки (Библ. Зап., 1863, № 3); «Начертаніе» (Ib. № 7); о Вольномъ Россійскомъ Собраніи см. въ Исторіи моск. универ. (стр. 182—184, 201—204, 241—242).

§ 232. Въ предъидущихъ параграфахъ были разсмотрѣны нѣкоторыя явленія періодической литературы. Дополнимъ обзоръ ея свѣдѣніями о другихъ болѣе замѣчательныхъ журналахъ, къ которымъ относимъ: «С. п. бургскій Вѣстникъ», «Собесѣдникъ», «Московскій журналъ», «Чтеніе для вкуса, разума и чувствованія», «Пріятное и полезное препровожденіе времени», «С. п. бургскій журналъ», «Иппокрена». Всѣ они по преимуществу литературные, хотя, при общемъ направленіи, и различаются нѣкоторыми особенностями. Издателемъ С.п.бургскаго Вѣстника (1778—1781), основаннаго обществомъ любителей наукъ, какъ объявлено въ предувѣдомленіи, былъ Брайко. По принятому плану, каждая книжка журнала дѣлилась на два отдѣла: ученый, въ который входили и статьи «для увеселительнаго чтенія», т. е. собственно-литературныя, и политическій, подъ которымъ разумѣлись и внѣшнія и внутреннія извѣстія. Въ первомъ отдѣлѣ помѣщены стихотворенія Державина, стоящія на переходѣ отъ подражательнаго направленія его лирики къ направленію самобытному (§ 225). Лучшія ученыя статьи касаются наукъ естественныхъ и географіи; изъ другихъ достойны замѣчанія: «о театральныхъ въ Россіи представленіяхъ», Штелина, и «исторія учрежденія патріаршества въ Россіи». Особеннаго вниманія заслуживаетъ критика «Вѣстника». Онъ справедливо оцѣнилъ «Историческое изображеніе Россіи», Богдановича, похваливъ эту компиляцію единственно «за изрядный слогъ и за исправность печатанія», осуждая автора за цвѣты краснорѣчія, которыми онъ исказилъ простыя рѣчи нашихъ предковъ, и выражая ту мысль, что историческія личности должны говоритъ языкомъ, соотвѣтствующимъ ихъ времени. «Повѣсть о жизни и сочиненіяхъ Сумарокова» чужда односторонности и пристрастія, которыми

страдали всѣ почти тогдашніе отзывы о русскомъ Расинѣ и Лафонтенѣ. «Вѣстникъ» указалъ также на достоинства Хемницеровыхъ басенъ, при первомъ ихъ изданіи.

«Собесѣдникъ» (1783—1784) имѣетъ характеръ болѣе сборника, нежели журнала, и его книжки выходили не въ опредѣленные сроки, а по мѣрѣ накопленія статей. Онъ издавался по желанію и подъ надзоромъ директора Академіи Наукъ, Е. Р. Дашковой. Въ объявленіи редакція высказала намѣреніе наполнять сборникъ только оригинальными русскими сочиненіями или подражаніями иностраннымъ авторамъ. Подъ первыми видимъ имена всѣхъ литературныхъ знаменитостей Екатеринина времени: Фонъ-Визина, Княжнина, Богдановича, Капниста, Козодавлева, Державина. Послѣдній украсилъ сборникъ самыми блестящими произведеніями своей лиры. Императрица Екатерина печатала здѣсь «Были и небылицы» и «Записки касательно Россійской Исторіи». Она была главною сотрудницею этого изданія, такъ что изъ всего, въ немъ напечатаннаго, ей принадлежитъ болѣе половины.

«Московскій журналъ» (1791—1792) возвышается въ періодической литературѣ этой эпохи какъ талантомъ своего издателя, Карамзина, такъ интересомъ и разнообразіемъ содержанія. Послѣ «Ежемѣсячныхъ сочиненій» Миллера, онъ, первый, представилъ русской публикѣ опытъ повременнаго изданія по примѣру тѣхъ, какіе издатель видѣлъ въ своемъ путешествіи по Европѣ. Впрочемъ Карамзинъ былъ далекъ отъ мысли безусловно подражать имъ въ составѣ или въ направленіи: «множество иностранныхъ журналовъ лежатъ у меня передъ глазами», говоритъ онъ въ предисловіи; «ни одного изъ нихъ не возьму я за точный образецъ, но всѣми буду пользоваться». И онъ пользовался ими съ умомъ и вкусомъ, выбирая лишь то, что, по тогдашнимъ понятіямъ, могло нравиться наиболѣе образованнымъ читателямъ. Переводныя статьи доказываютъ основательное его знакомство съ нѣмецкою, французскою и англійскою словесностью. Въ разборахъ піесъ, игранныхъ на московской сценѣ, видны критическій талантъ и вѣрное понятіе о драмѣ. Изъ отечественныхъ писателей встрѣчаемъ здѣсь имена Хераскова, Подшивалова, Державина, И. Дмитріева, Нелединскаго-Мелецкаго. Но главный фондъ Московскаго журнала составляли сочиненія самого Карамзина: его заграничныя письма и повѣсти (Бѣдная Лиза, Прекрасная царевна и счастливый карла, Наталья боярская дочь). Съ нихъ, какъ увидимъ, начинается новый періодъ въ устройствѣ нашего литературнаго языка.

Сохацкій, профессоръ эстетики и древней словесности, издавалъ журналы: «Чтеніе для вкуса, разума и чувствованія» (1791—1793), «Пріятное и полезное препровожденіе времени» (1794—1798) и «Иппокрену или утѣхи любословія» (1799—1801). Соредакторомъ его по второму журналу былъ Подшиваловъ. Особенности этихъ изданій опредѣлялись характеромъ образованія и родомъ занятій ихъ издателей. И Сохацкій, воспитанникъ филологической семинаріи, и Подшиваловъ, кончившій курсъ въ университетской гимназіи, находились подъ вліяніемъ Шварца и участвовали въ Покоящемся Трудолюбцѣ (§ 230). Оба они были хорошо знакомы съ нѣмецкою литературой; оба преподавали словесность: одинъ, какъ профессоръ; другой, какъ учитель въ университетскомъ благородномъ пансіонѣ. Поэтому означенные журналы содержатъ въ себѣ дѣльныя сочиненія по исторіи и теоріи изящныхъ произведеній. Въ «Чтеніи для вкуса» напечатаны: «опытъ о стихотворствѣ», «о турецкомъ и испанскомъ театрахъ», «о прелести въ произве-

деніяхъ искуства», по руководству Винкельмана; въ «Пріятномъ и полезномъ препровожденіи времени»: «письмо о россійскомъ стопосложеніи», «греческая поэзія», «исторія римской поэзіи»; въ Иппокренѣ: «о характерѣ эпической поэмы», «о высокости мыслей у священныхъ пѣснопѣвцевъ». Отдѣлъ изящной прозы наполнялся переводами преимущественно изъ нѣмецкихъ авторовъ: Мейснера, Глейма, Морица, Клейста, Виланда, Геллерта, Козегартена, Рамлера, Гагедорна, Галлера, Вейсе, Гедике, Эбергарда, Энгеля и пр. Большая часть этой работы лежала на Подшиваловѣ. Онъ перевелъ Біанку Капелло и другія повѣсти Мейснера. Кромѣ того въ журналахъ Сохацкаго напечатаны переводы Сенъ-Пьеровыхъ романовъ: «Павелъ и Виргинія» и «Индѣйская хижина», сдѣланные супругою Подшивалова. Въ нихъ же помѣщались сочиненія лучшихъ нашихъ писателей того времени: Державина, И. Дмитріева, Нелединскаго-Мелецкаго, кн. И. Долгорукаго, В. Пушкина, Мерзлякова, равно и первые юношескіе опыты Нарѣжнаго и Жуковскаго.

Въ 1798 г., Пнинъ, соединясь съ А. Бестужевымъ, издавалъ «С.-п.бургскій журналъ». Употребляя современныя названія, первый былъ редакторомъ, а второй издателемъ. Въ журналѣ помѣщено много серьезныхъ статей по законовѣдѣнію, государственному хозяйству и воспитанію; таковы: переводы изъ Духа законовъ, Монтескье, и изъ Разсужденій о политической экономіи, Пьера Верри, современника Беккаріи, и Трактатъ о воспитаніи, преимущественно военномъ, составленный по Филіанжери и дополненный примѣчаніями Бестужева. Здѣсь также явились впервые: двѣ книги (вторая не вполнѣ) «Исповѣданія» Фонъ-Визина и его же «Письмо къ гр. П. И. Панину изъ Парижа». Журналъ отличался благороднымъ образомъ мыслей, уваженіемъ къ наукѣ и слову; одна критическая статья его (Письмо къ издателю) умно защищаетъ книгопечатаніе отъ нападковъ тогдашняго обскурантизма, который былъ выраженъ въ книгѣ, переведенной Михаиломъ Антоновскимъ: «Вѣрное лѣкарство отъ предубѣжденія умовъ» (1798).

Къ журналистикѣ должны быть отнесены и литературные сборники, иначе альманахи. Мы укажемъ на два, изданные Карамзинымъ: «Аглая» (2 книжки, 1794) и «Аониды» (3 книжки, 1796—1799). Отличительный характеръ ихъ — сентиментальность, о развитіи которой въ нашей литературѣ будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ. «Аглая» состоитъ изъ однихъ русскихъ сочиненій; переводовъ нѣтъ вовсе. Здѣсь, кромѣ нѣкоторыхъ стихотворныхъ піесъ издателя, напечатаны его прозаическія статьи: «Цвѣтокъ на гробѣ Агатона», «Нѣчто о наукахъ и искуствахъ», «Островъ Борнгольмъ», «Аѳинская жизнь», «Письма Мелодора къ Филалету и Филалета къ Мелодору», и др. «Аониды (Музы), или собраніе разныхъ новыхъ стихотвореній», — тоже самое, что въ другихъ европейскихъ литературахъ называлось календаремъ или альманахомъ музъ. Стихотворные альманахи ежегодно издавались во Франціи и пользовались большимъ успѣхомъ. Въ Аонидахъ участвовали почти всѣ извѣстные въ то время стихотворцы: самъ Карамзинъ, И. Дмитріевъ, Нелединскій-Мелецкій, В. Пушкинъ, Капнистъ, кн. Д. Горчаковъ, В. Измайловъ, Херасковъ, кн. Г. Хованскій.

§ 233. Литературная критика этого времени обращала почти исключительное вниманіе на языкъ и слогъ. Характеръ ея, за весьма немногими исключеніями, чисто стилистическій. Разборъ сочиненій ограничивается указаніемъ ихъ достоинствъ или недостатковъ только по отношенію къ грамматикѣ и риторикѣ. Онъ имѣетъ въ виду замѣтки объ отдѣльныхъ словахъ и выраженіяхъ, въ которыхъ

разсматриваетъ правильность, точность, благозвучіе, живописность или противоположныя тому свойства. Другихъ, болѣе серьезныхъ требованій критика не предъявляла: всецѣло занятая стилемъ, она не касалась ни эстетической оцѣнки поэтическихъ твореній, ни историческаго метода при ихъ изученіи. Образцомъ ея служили Буало и Лагарпъ: французская теорія искусства вообще, поэзіи въ частности питала чрезвычайное уваженіе ко внѣшней формѣ. Но такъ какъ въ понятіе о красотѣ этой формы входило много условнаго, то критика, независимо отъ ея односторонности, страдала еще невѣрностью приговоровъ. Примѣры подобныхъ критическихъ сужденій рельефно выдаются у Сумарокова, въ разборѣ одъ Ломоносова. Выписавъ два стиха оды въ день вступленія на престолъ Елисаветы (1747):

Возлюбленная тишина,
Блаженство селъ, градовъ ограда,

онъ начинаетъ перебирать отдѣльныя слова и выраженія: «Градовъ ограда» сказать не можно. Можно молвить: «селенія ограда», а не «ограда града»; «градъ» отъ того и имя свое имѣетъ, что онъ «огражденъ».—Я не знаю сверхъ того, что за «ограда града» тишина. Я думаю, что «ограда града»—войско и оружіе, а не тишина. - «Городъ» имѣетъ въ родительномъ падежѣ множественнаго числа «городо̀въ», а «градъ» —«гра̀довъ», а не «градо̀въ», для того, что въ именительномъ падежѣ множественнаго числа «городъ» имѣетъ «города̀», а градъ—гра̀ды, а не града̀ и неграды̀.—Стихъ: «межъ льдистыми горами» вызвалъ такое замѣчаніе: «межъ льдистыми» дѣлаетъ выговору великую трудность. Ясно, что критикъ интересуется не художественною техникой стихотворенія во всемъ его составѣ, а подробностями и мелочами. Другая статейка того же критика, подъ громкимъ титуломъ: «Разсмотрѣніе одъ Ломоносова», дѣлитъ ихъ строфы на прекраснѣйшія, прекрасныя, весьма хорошія, хорошія, изрядныя, и т. д., не приводя никакихъ причинъ такому дѣленію, напоминающему отмѣтки учителей чистописанія на школьныхъ тетрадкахъ. Въ иныхъ журналахъ, критика стиля замѣнялась библіографіей, т. е извѣстіями о вновь выходящихъ книгахъ, съ болѣе или менѣе подробнымъ изложеніемъ ихъ содержанія, или съ голословнымъ восхваленіемъ ихъ красотъ: такъ статья о Россіадѣ, написанная Каницомъ, директоромъ казанской гимназіи, и переведенная въ С.п.бургскомъ Вѣстникѣ, излагаетъ содержаніе всѣхъ пѣсенъ поэмы; такъ въ «Академическихъ извѣстіяхъ» (1779—1781), издававшихся П. Богдановичемъ, сказано о той же поэмѣ, что она должна составить въ письменахъ нашихъ славную эпоху, представляя красоты, дотолѣ невѣдомыя; что въ ней есть всѣ роды живописанія: страшное, пріятное, свирѣпое, нѣжное; что авторъ изобразилъ страсти и ихъ противоборство, и наполнилъ свое твореніе превосходными картинами природы. Редакція Собесѣдника почитала критику наилучшимъ средствомъ «къ вычищенію россійскаго слова», почему и просила всѣхъ любителей литературы и публику присылать въ журналъ критическія статьи, обѣщая печатать ихъ безъ малѣйшей перемѣны. На этотъ вызовъ явился «Любословъ» съ замѣтками на первую книжку Собесѣдника и съ «начертаніемъ о россійскихъ сочиненіяхъ и россійскомъ языкѣ»; кромѣ того какой-то корреспондентъ доставилъ въ редакцію «сумнительныя предложенія отъ одного невѣжды», содержащія въ себѣ замѣтки на оду къ Фелицѣ, съ подстрочными возраженіями самого Державина, и на стихотворенія Богдановича, также съ его возраженіями. Во всѣхъ этихъ статьяхъ критика исключительно

вращается вокругъ словъ, оборотовъ и грамматическихъ формъ. Ея сужденія не только не тверды, но и произвольны, потому что произносятся на основаніи личнаго вкуса, случайнаго впечатлѣнія и выдуманныхъ, не подкрѣпленныхъ наукою соображеній судящаго. Тоже самое должно сказать и о полемикѣ Фонъ-Визина съ критикомъ, доставившимъ примѣчанія на его «Опытъ россійскаго сословника». Многія повременныя изданія вовсе обходились безъ критики, которая въ то время не составляла существенной ихъ принадлежности. Поэтому «С.п.бургскій Меркурій» замѣчаетъ о русскихъ журналахъ, что въ нихъ мало или и совсѣмъ нѣтъ того, что свойственно журналистикѣ. «Для чего», говоритъ онъ, «не сказать публикѣ о новыхъ произведеніяхъ россійской словесности? для чего не возвѣстить о театрѣ, что̀ на немъ играно и какъ играно?» Критика «С.п.бургскаго Меркурія» служила, по словамъ его издателей, отличительнымъ нововведеніемъ, восполнявшимъ недостатокъ другихъ журналовъ. Впрочемъ, обѣщаніе предисловія знакомить читателей съ произведеніями русской словесности, въ особенности драматической, не было исполнено въ надлежащей мѣрѣ: Меркурій бѣденъ критическими статьями. Лучшая между ними принадлежитъ Крылову: это— разборъ комедіи Клушина «Смѣхъ и горе», заключающій въ себѣ нѣсколько здравыхъ мыслей объ условіяхъ драмы. Осуждая резонерство одного изъ дѣйствующихъ лицъ, Крыловъ проводитъ вѣрное различіе между моралистомъ и драматургомъ: «На театрѣ должно нравоученіе извлекаться изъ дѣйствія. Пусть говоритъ философъ, сколь недостойно питать въ сердцѣ зависть къ счастью ближняго, сколь вредна страсть сія въ общежитіи, сколь пагубна въ сильныхъ людяхъ; пусть истощаетъ всѣ риторическія украшенія, дабы сдѣлать отвратительное изображеніе сей страсти; я буду восхищенъ и тронутъ его краснорѣчіемъ. Но драматическій писатель долженъ мнѣ показать завидливаго, коего риторъ сдѣлалъ описаніе; онъ долженъ придать ему такое дѣйствіе и оттѣнки, которыя бы, безъ помощи его слова, заставили меня ненавидѣть это лице, а съ нимъ вмѣстѣ и пагубную страсть, въ немъ изображенную. Мольеръ въ своей комедіи, не говоря длинныхъ нравоученій противъ скупости, заставляетъ ненавидѣть Гарпагона и дѣлаетъ его смѣшнымъ; но въ нѣкоторыхъ нашихъ комедіяхъ старики говорятъ преизрядныя и предлинныя нравоученія, охлаждаютъ ими жаръ дѣйствія, и весь успѣхъ производимый ими,— это тотъ, что слушатели желаютъ только скорѣе дождаться счастливой минуты, когда опустятъ занавѣсъ». Что касается до Клушина, то ни въ талантѣ его, ни въ образованіи не было данныхъ, нужныхъ критику. Принадлежащій ему разборъ «Вадима» (Княжнина) есть не что иное, какъ выписка нѣкоторыхъ, особенно эффектныхъ тирадъ; а замѣтки его на стихотвореніе И. Мартынова: «Къ бардамъ», вертятся около отдѣльныхъ словъ и выраженій, какъ бы воскрешая манеру Сумарокова; наприм.: «небосклонъ»—слово вновь произведенное, прекрасное и музыкальное; «хитрый живописецъ»—«хитрый» здѣсь не у мѣста: надобно «искусный», «превосходный», и т. п. Впрочемъ тотъ составилъ бы неточное понятіе о значеніи критики, кто сталъ бы судить о ней только по журналамъ, въ которыхъ она, какъ мы видѣли, иногда и не имѣла мѣста. Для оцѣнки литературныхъ произведеній необходимы природный вкусъ, способность къ анализу, многостороннее образованіе, въ особенности знакомство съ теоріей и исторіей словесности. Рѣдкое соединеніе всѣхъ этихъ данныхъ могло встрѣчаться въ литераторѣ-нежурналистѣ; и на-оборотъ, издатель журнала могъ обходиться и безъ

ихъ помощи. Болтинъ и Фонъ-Визинъ выказали сильный критическій талантъ, хотя не заправляли никакимъ періодическимъ изданіемъ: «Письмо о планѣ россійскаго словаря», «Примѣчанія на исторію Леклерка», по основательности сужденій и остроумію, сохраняютъ до сихъ поръ извѣстное достоинство. Рядомъ съ ними стоитъ Карамзинъ, отличавшійся вѣрнымъ взглядомъ на произведенія литературы, способностью опредѣлять достоинства и недостатки авторской дѣятельности. Въ своемъ мѣстѣ мы приводили его сужденія о Шекспирѣ, объ англійской и нѣмецкой драмѣ сравнительно съ драмой французской,—сужденія, которыми онъ становился впереди своего времени. Прибавимъ къ нимъ его взглядъ на поэзію вообще, выраженный въ предисловіи ко второй книжкѣ «Аонидъ» (1797). Онъ затрогиваетъ два недостатка юныхъ поклонниковъ музъ—высокопарность и слезливость:«Поэзія состоитъ не въ надутомъ описаніи ужасныхъ сценъ натуры, но въ живости мыслей и чувствъ. Если стихотворецъ пишетъ не о томъ, что̀ подлинно занимаетъ его душу; если онъ не рабъ, а тиранъ своего воображенія, заставляя его гоняться за чуждыми, отдаленными, несвойственными ему идеями; если онъ описываетъ не тѣ предметы, которые къ нему близки и собственною силою влекутъ къ себѣ его воображеніе; если онъ принуждаетъ себя или только подражаетъ другому (что все одно): то въ произведеніяхъ его не будетъ никогда живости, истины или той сообразности въ частяхъ, которая составляетъ цѣлое и безъ которой всякое стихотвореніе похоже на странное существо, описанное Гораціемъ въ началѣ Эпистолы къ Пизонамъ. Молодому питомцу музъ лучше изображать въ стихахъ первыя впечатлѣнія любви, дружбы, нѣжныхъ красотъ природы, нежели разрушеніе міра, всеобщій пожаръ натуры и прочее въ семъ родѣ. Не надобно думать, что одни великіе предметы могутъ воспламенять стихотворца и служить доказательствомъ дарованій его: напротивъ, истинный поэтъ находитъ въ самыхъ обыкновенныхъ вещахъ піитическую сторону; его дѣло наводить на все живыя краски, ко всему привязывать остроумную мысль, нѣжное чувство, или обыкновенную мысль, обыкновенное чувство украшать выраженіемъ, показывать оттѣнки, которые укрываются отъ глазъ другихъ людей, находить непримѣтныя аналогіи, сходства, играть идеями и, подобно Юпитеру (какъ сказалъ объ немъ мудрецъ Езопъ), иногда «малое дѣлать великимъ», иногда «великое дѣлать малымъ».

§ 234. Время Екатерины благопріятствовало успѣхамъ русской исторіи, которая была предметомъ, дорогимъ ея сердцу. Она сама занималась изученіемъ отечественной старины, и въ «Запискахъ касательно россійской исторіи» представила опытъ такого историческаго изложенія, которое служитъ извѣстному взгляду, рѣшаетъ опредѣленную задачу. Эта задача объявлена словами самого автора, въ письмѣ къ Мордвинову (§ 229): «Исторія, или записки россійской исторіи, предпринимаемыя по моему согласію и утвержденію, не могутъ имѣть другаго вида и цѣли, кромѣ прославленія государства и дабы служить потомству предметомъ соревнованій и зерцаломъ: всякое другое, менѣе блистательное направленіе, было бы вредно».

Историческіе труды этого времени сводятся къ тремъ отдѣламъ: изданію памятниковъ, критикѣ событій и прагматическому о нихъ повѣствованію. Исторія словесности имѣетъ дѣло только съ послѣднимъ, да и въ немъ разсматриваетъ только одну сторону—художественную. Возсозданіе прошлаго должно удовлетворять

и требованіямъ науки и требованіямъ искуства. Оно выполняетъ свою обязанность передъ наукой, когда, на твердой критической основѣ, излагаетъ событія въ ихъ внутренней, причинной связи; оно выполняетъ свою обязанность передъ искуствомъ, когда, стройно группируя событія, являетъ ихъ ясный, полный, живой образъ, и посредствомъ него обнаруживаетъ ихъ истинный смыслъ, ихъ отличительный характеръ. Поэтому въ произведеніяхъ исторіи научный интересъ соединяется съ интересомъ эстетическимъ: опредѣлить значеніе перваго есть дѣло историка; второй же подчиняется вѣдѣнію исторіи словесности. Разумѣется, мѣрка художественныхъ качествъ исторіи неприложима къ русскимъ писателямъ XVIII в.: и по таланту и по образованію они стояли ниже той задачи, отъ рѣшенія которой трудъ ученаго представляетъ вмѣстѣ и созданіе искуства. Нельзя было и требовать отъ нихъ сочиненій, подобныхъ «Разсужденію Боссюэта о всемірной исторіи», или Вольтерову «Опыту о нравахъ и духѣ народовъ». Въ трудахъ нашихъ историковъ художественная форма не имѣетъ мѣста, а есть только литературный интересъ; но и этотъ послѣдній выказывается въ одномъ только его элементѣ, именно въ слогѣ. Самъ геніальный Ломоносовъ заботился въ своей «Древней россійской исторіи» о краснорѣчивомъ пересказѣ лѣтописи. Къ тому же стремились многіе его послѣдователи. Риторическое направленіе исторіи съ одной стороны ошибочно принималось за истинную красоту формы, а съ другой весьма часто состояло въ обратномъ отношеніи къ научному достоинству. Стилисты были большею частію плохіе историки, что и видимъ на «Россійской исторіи», Ѳедора Эмина († 1770), издателя Адской почты, и на «Опытѣ повѣтствованія о Россіи», Елагина († 1796). Украшенію разсказа Эминъ жертвуетъ фактической истиной: онъ выдумываетъ событія и сочиняетъ рѣчи дѣйствующихъ лицъ, въ чемъ самъ открыто признается. Такъ, на примѣръ, онъ выдумалъ рѣчь Гостомысла къ возмутившемуся народу. «Если Гостомыслъ оной не говорилъ (разсуждаетъ Эминъ), то по малой мѣрѣ долженъ былъ говорить что-нибудь тому подобное, чтобы взволновавшійся, гордый и ничего не разсуждающій народъ могъ усмирить и привести къ здравому разсужденію». Риторическая школа исторіи доведена до крайности Елагинымъ, который обвиняетъ предшествовавшихъ ему писателей именно за недостатокъ украшеннаго языка: нѣтъ въ нихъ, говоритъ онъ, ни слога приличнаго, ни описанія важности, ни верви (verve), повѣствованію свойственной; слабое въ лѣтописяхъ изображеніе лицъ дѣйствующихъ весьма недостаточно къ возбужденію страстей, правилами витійства отъ писателей требуемаго». Противоположнымъ тому недостаткомъ страдаетъ «Исторія Россійская отъ древнѣйшихъ времянъ» (1770—1791), кн. Щербатова (§ 229). Какъ «Опытъ повѣствованія о Россіи» настроенъ на тонъ условной риторики, на «протяженный и пухлый штиль», такъ «Исторія» Щербатова отличается тяжелымъ, неустроеннымъ слогомъ, который даже затрудняетъ чтеніе книги, занимающей, по научнымъ достоинствамъ, почетное мѣсто въ нашей исторической литературѣ.

Историческій трудъ, независимо отъ своего прямаго назначенія, иногда служитъ постороннимъ цѣлямъ, важность которыхъ опредѣляется тѣми или другими современными обстоятельствами. Въ такомъ случаѣ писатель излагаетъ событія съ извѣстной точки зрѣнія, и достоинство изложенія должно быть измѣряемо цѣлесообразностью послѣдняго, т. е. чѣмъ убѣдительнѣе изложеніе оправдываетъ вѣрность взгляда, чѣмъ яснѣе проводитъ его по всѣмъ эпохамъ народной жизни и чѣмъ настойчивѣе

выдерживаетъ, тѣмъ сильнѣе обнаруживается искуство повѣствователя. Примѣры подобныхъ преднамѣренныхъ повѣствованій видѣли мы въ «Запискахъ касательно россійской исторіи» и въ «Примѣчаніяхъ Болтина на исторію Леклерка» (§ 229).

Какъ при описаніи минувшихъ событій имѣютъ мѣсто разнообразныя воззрѣнія, зависящія или отъ требованій науки, или отъ другихъ, временныхъ и мѣстныхъ условій, которыя иногда отодвигаютъ науку на второй планъ, такъ въ «Запискахъ» (мемуарахъ) съ большею или меньшею силою выступаетъ личность писателя. Интересъ «мемуаровъ» зависитъ преимущественно отъ трехъ данныхъ: отъ естественной величины самого субъекта, отъ его общественнаго положенія и отъ подробнаго раскрытія его образа мыслей, чувствъ и дѣятельности. Не всегда лице можетъ имѣть историческое значеніе, но всегда оно имѣетъ значеніе психическое. Индивидуальная жизнь привлекаетъ вниманіе мыслящаго читателя на столько, на сколько въ ея событіяхъ и случаяхъ высказывается исповѣдь духа, на сколько внѣшній человѣкъ даетъ знать о человѣкѣ внутреннемъ. Русская литература бѣдна произведеніями такого рода. Образцами ихъ, конечно несовершенными, служатъ «Чистосердечное признаніе въ дѣлахъ моихъ и помышленіяхъ», Фонъ-Визина, и частію «Записки Лопухина» (§ 230). Всѣ прочія, представляя историку любопытный матеріалъ, неудовлетворительны въ отношеніи психологическомъ. Записки Державина содержатъ въ себѣ разсказъ о внѣшнемъ ходѣ его служебной карьеры (§ 225). Записки А. В. Храповицкаго († 1801), бывшаго десять лѣтъ секретаремъ при императрицѣ Екатеринѣ II, коротки и сухи, какъ лѣтописныя замѣтки. «Записки о Екатеринѣ Великой», другаго статсъ-секретаря ея, Грибовскаго († 1833), живѣе предъидущихъ, но составляютъ небольшую книжку и могутъ быть названы скорѣе очеркомъ того, какъ она распредѣляла свои занятія въ теченіе цѣлаго дня, нежели мемуарами. Сочиненію своему: «о поврежденіи нравовъ въ Россіи» (§ 229), кн. Щербатовъ далъ также форму записокъ. По единству мысли, въ нихъ проведенной, по строго-нравственному ихъ характеру онѣ берутъ преимущество надъ голымъ разсказомъ о фактахъ, не знакомящимъ съ личностью автора и не подчиненнымъ какому-либо убѣжденію. Кромѣ исторіи и записокъ, кн. Щербатовъ писалъ другія сочиненія, въ которыхъ является публицистомъ, занятымъ современными политическими и политико-экономическими вопросами. Вездѣ онъ былъ постоянно себѣ вѣренъ: вездѣ читатель видитъ въ немъ честнаго человѣка, ревностнаго патріота и благонамѣреннаго гражданина, но въ то же время видитъ, что съ этими прекрасными качествами не въ силахъ идти вровень ни умъ, надѣленный отъ природы маловѣскою сообразительностью, ни литературная способность, тяжелая на ходу и безцвѣтная. Для исторіи нравовъ въ царствованія Анны и Елисаветы очень важны «Записки артиллеріи маіора Данилова» († 1790), писанныя имъ въ 1771 г. (§ 209). Записки Болотова большею частію относятся ко времени послѣдняго царствованія: онѣ подробно разсказываютъ о семилѣтней войнѣ, въ которой авторъ участвовалъ. Порошинъ († 1769), состоявшій кавалеромъ или дядькою при великомъ князѣ Павлѣ Петровичѣ, намѣревался сочинить біографію этого государя и для того велъ краткій дневникъ, въ которомъ заключается много любопытныхъ, характеристическихъ указаній на воспитаніе наслѣдника престола и на придворную жизнь. Между сочиненіями княгини Дашковой, неважными въ смыслѣ литературномъ, замѣчательны по многимъ другимъ отношеніямъ ея «Записки о своей собственной

жизни» (на англійскомъ языкѣ), такъ какъ она по своему характеру, образованію и по участію въ политическихъ дѣлахъ принадлежала къ самымъ оригинальнымъ личностямъ прошлаго вѣка. Цѣня ея умъ и познанія, императрица Екатерина назначила ее директоромъ Академіи Наукъ (1782) и президентомъ Россійской Академіи (1783). Переводныя статьи и сочиненія кн. Дашковой помѣщались въ журналахъ: «Невинное упражненіе» (1762—63), «Опытъ трудовъ Вольнаго россійскаго собранія», «Собесѣдникъ», и др.

«Писатели Рус. исторіи XVIII в.», С. Соловьева (Архивъ историко-юрид. свѣдѣній, Калачова, книги 2-ой половина 1-ая). «Записки Лопухина», въ Чтеніяхъ 1860 г., кн. 2 и 3; Державина (см. стр. 528); Храповицкаго, съ примѣчаніями г. Геннади (Чтенія 1862, кн. 2 и 3); Болотова (Отеч. Зап. 1850—1851 г.г.; особые ихъ оттиски изданы въ 4 т., 1854; кромѣ того въ Библ. для Чтенія, 1857—60). Два отрывка изъ записокъ Дашковой на русскомъ языкѣ въ Москвит. 1842 г., кн. 1 и 2; третій отрывокъ въ Совр. 1845, № 1. О Даниловѣ, Порошинѣ, Щербатовѣ и Грибовскомъ см. въ 1 т. моей Истор. Христ.

Г. Иловайскій въ статьѣ своей: «Екатерина Романовна Дашкова» (Отеч. Зап. 1859, №№ 9—12) познакомилъ публику съ содержаніемъ ея мемуаровъ. Объ авторской ея дѣятельности см. статью А. Аѳанасьева: «Литературные труды кн. Е. Р. Дашковой» (Отеч. Зап. 1860, № 3). Записки о жизни митрополита московскаго Платона нап. въ его «Жизни», описанной И. Снегиревымъ (новое изд., въ 2 ч., 1856). Библіографическій указатель «Записокъ рус. людей», г. Геннади, помѣщенъ въ 4-ой кн. «Чтеній» на 1861 г.

§ 235. О двухъ главныхъ проповѣдникахъ царствованія Екатерины: Платонѣ, митрополитѣ московскомъ (1737—1812), и Анастасіи Братановскомъ, архіепископѣ астраханскомъ (1761—1806), мы имѣли уже поводъ упоминать выше. Нѣкоторыя ссылки на ихъ поученія были сдѣланы въ доказательство того, что эти пастыри даромъ своего краснорѣчія подкрѣпляли просвѣщенные виды правительства (§ 209) и дѣйствовали противъ ученій, отвергаемыхъ православною церковью (стр. 519 и 534). Ихъ проповѣдное слово обращалось и на предметы гражданскаго благоустройства, и на предметы общественной мысли, соединяя такимъ образомъ извѣстныя ораторскія достоинства съ достоинствомъ современности. Платонъ славился своими катихизическими бесѣдами еще въ то время, когда былъ учителемъ піитики въ Московской Академіи. Люди всякаго состоянія стекались слушать молодаго катихизатора, пишетъ онъ въ своихъ Запискахъ: нѣкоторые изъ нихъ повергали своихъ дѣтей къ ногамъ учителя, повторяя имъ, чтобъ они его слушали и помнили. Въ проповѣдяхъ его различаютъ два рода: къ одному относятся слова, произнесенныя по поводу важныхъ событій или торжественныхъ дней; къ другому бесѣды и поученія, въ которыхъ предложены правила христіанской жизни или толкованіе православныхъ догматовъ. Въ торжественныхъ словахъ Платона замѣтно стремленіе къ искуственному краснорѣчію; большею частію онѣ настроены на возвышенный тонъ; лучшее между ними, по развитію мысли и красотѣ формы,—рѣчь на коронованіе императора Александра I (1801). Напротивъ, слова поучительныя отличаются простотою. Это качество явилось не безсознательно, а въ слѣдствіе точныхъ понятій проповѣдника о своемъ дѣлѣ. «Признаюсь», говоритъ онъ, «что о витійственномъ и испещренномъ слогѣ я никогда много не заботился. Таковый словами играющій и надменный слогъ можетъ быть для свѣтскихъ сочиненій когда-либо пристоенъ и нуженъ; но на священномъ мѣстѣ, гдѣ устами проповѣдника бесѣдуетъ вѣчная истина, почиталъ я, что оный излишенъ. Проповѣдникъ долженъ бесѣдовать къ

людямъ различнаго состоянія и понятія: а потому необходимость требуетъ, дабы духовная бесѣда была всякому удобопонятна, удаляя отъ себя, сколько возможно, то подозрѣніе, что будто проповѣдникъ болѣе ищетъ хвалы слушателей за свое краснорѣчивое слово, нежели ревнуетъ о насажденіи добродѣтели и страха Божія въ сердцахъ слушателевыхъ». Особенно находилъ Платонъ неумѣстнымъ краснорѣчіе, какъ знакъ суетнаго славолюбія, въ изложеніи спорныхъ догматовъ, въ уясненіи истины ея противникамъ: «Витійство полезно, чтобъ истину, всѣми признаваемую, въ краснѣйшемъ и лестнѣйшемъ представить видѣ; но гдѣ надобно оную, ложью побораемую, защитить и доказать, тамъ оно не только есть излишно, но и вредно. Излишно: ибо правды лице само по себѣ прекрасно, безъ всякихъ притворныхъ красокъ. Вредно: ибо даетъ подозрѣніе, что защитникъ истины побѣждаетъ, можетъ быть, не тѣмъ, что истина на его сторонѣ, но что онъ преимуществуетъ только токомъ своихъ словъ и чародѣйствомъ краснорѣчія». Духовныя бесѣды Платона большею частію имѣютъ предметомъ ученіе нравственное. Особенно въ послѣдніе годы своей жизни онъ мало занимался вопросами догматическими. Разсмотрѣвъ поученія одного проповѣдника, онъ далъ о немъ такой отзывъ: «я ничего въ проповѣдяхъ его противнаго не нахожу; только скажите, чтобъ онъ отъ ѳеоретическихъ и догматическихъ мыслей подалѣе себя велъ, чтобъ не заблудить, а болѣе держался нравоученія». Потому-то западные проповѣдники не удовлетворяли Платона: онъ находилъ ихъ краснорѣчіе искуственнымъ, «чешущимъ только слухъ, а не назидающимъ въ христіанской жизни». Образцами его служили святители греческой церкви, особенно Златоустъ. Кромѣ того подражалъ онъ русскимъ проповѣдникамъ: Гедеону Криновскому и Ѳеофану Прокоповичу. Слово послѣдняго въ день коронаціи Анны Іоанновны оказало вліяніе на упомянутую рѣчь Александру I.

По внѣшней отдѣлкѣ, церковное слово Анастасія Братановскаго выше проповѣдей Платона. Оно представляетъ въ замѣтной степени художественный элементъ; воображеніе и чувство оратора высказываются къ немъ многими мѣстами; слогъ его вообще пріятенъ; въ языкѣ меньше пестрой смѣси церковно-славянскихъ оборотовъ и реченій съ реченіями и оборотами русскими. Но и по содержанію своихъ словъ, Анастасій стоитъ на ряду съ замѣчательными русскими проповѣдниками. Онъ говорилъ о предметахъ, близкихъ современной ему паствѣ; въ особенности же дѣйствовалъ противъ невѣрія, выясняя, доказывая тѣ истины, несомнѣнность которыхъ была колеблема энциклопедистами. Отсюда догматико-полемическій характеръ многихъ его словъ, не исключая даже написанныхъ на извѣстные случаи Таковы, напримѣръ, лучшія его слова: «на погребеніе Бецкаго» (1795) и «на погребеніе Шувалова» (1797). Оба они имѣютъ много общаго, по содержанію и по формѣ. Темою ихъ служитъ безсмертіе души, которое въ первомъ словѣ доказывается самою смертію добродѣтельнаго, не получающаго достойной награды на землѣ, а во второмъ тою мыслію, что счастіе, иногда сопутствуя добродѣтели въ ея земномъ бытіи, далеко отъ должнаго, совершеннаго воздаянія, предоставленнаго ей Богомъ на небеси.

«Жизнь Платона», И. Снегирева (1856); «Исторія Моск. слав.-греко-лат. Академіи», С. Смирнова (1855); Словарь дух. писателей, Евгенія.

§ 236. Переходя къ устной народной словесности и народнымъ книгамъ, составлявшимъ любимое чтеніе средняго и низшаго общественныхъ классовъ, ука-

жемъ, какъ относилась къ нимъ образованная публика. Если въ древней Руси народная словесность возбуждала недовольство духовныхъ лицъ, которыя не могли примирить ея двоевѣрія съ догматами вѣры и церковными требованіями, то въ Россіи новой она долгое время оставалася въ загонѣ у литераторовъ и ученыхъ, потому что своимъ содержаніемъ разногласила съ началами науки и цивилизаціи, а своею формой не подходила подъ условія литературной теоріи. До Тредьяковскаго осужденіе народной поэзіи произносилось отъ имени религіозныхъ истинъ; начиная съ Тредьяковскаго, она осуждается съ высоты научныхъ и нравственныхъ интересовъ. Народныя книги, народныя пѣсни и сказки заключали въ себѣ предразсудки и ложныя понятія или съ сочувствіемъ изображали обычаи старины: просвѣщенные люди Екатерининa времени, почитая ихъ съ этой стороны опасными для разумныхъ идей, для началъ новой гражданственности, и будучи не въ состояніи оцѣнить ихъ поэтическое, самостоятельное, нераздѣльно связанное съ исторіей и духомъ народа значеніе, часто относились къ нимъ съ пренебреженіемъ и сатирой. Сумароковъ, не ставившій ничего выше своего риѳмичества, нападалъ на нихъ съ точки зрѣнія стилистической. Бова Королевичъ, Петръ Златые-Ключи заслужили его гнѣвъ тѣмъ, что написаны «неисправнымъ слогомъ» (эпистола о русскомъ языкѣ). Журналъ «И то и се» иронически называетъ произведенія лубочной литературы «весьма славными сочиненіями, подъ которыми господа авторы для вѣчной и безсмертной себѣ славы не ставили своихъ именъ». Впрочемъ, не всѣ раздѣляли такое гордое мнѣніе о народной словесности. Нѣкоторые наши писатели даже прибѣгали къ ней за матеріалами для оживленія своей собственной дѣятельности, для сообщенія ей національнаго цвѣта, какъ это мы видѣли на В. Майковѣ, Аблесимовѣ, Н. Львовѣ, Державинѣ. Императрица Екатерина любила русскія пословицы и сдѣлала изъ нихъ выборъ съ педагогическою цѣлью (§ 208). Нѣсколько ея драмъ написано на пословицы, которыя и служатъ заглавіями піесъ и заканчиваютъ ихъ, какъ моральные выводы. По ея порученію, Богдановичъ составилъ сборникъ русскихъ пословицъ, распредѣливъ ихъ на отдѣлы по нравственному смыслу и, кромѣ того, дозволивъ себѣ своевольное съ ними обращеніе. Взглядъ собирателя на пословицы изложенъ въ предисловіи: «до введенія письменъ, онѣ служили изустнымъ преданіемъ законовъ; въ послѣдствіи, народный разумъ распространилъ ихъ на всѣ части благонравія и благоповеденія». По этой причинѣ, Богдановичъ расположилъ пословицы по различію пороковъ и добродѣтелей, по статьямъ хорошаго и дурнаго поведенія, точно руководство къ нравственной философіи, не замѣчая, что понятіе объ одномъ моральномъ направленіи чрезвычайно сузило кругъ народной мудрости, выражаемой въ пословицахъ. Но важнѣйшая ошибка Богдановича—измѣненіе ихъ текста. Онъ переложилъ ихъ въ стихи, увѣренный, что поступаетъ разсудительно, что будто въ первобытномъ своемъ реченіи «всѣ пословицы составлены были правильными стихами: ямбомъ, хореемъ или дактилемъ, хотя не вездѣ снабжены богатыми риѳмами; въ послѣдствіи, переходя изъ устъ въ уста, чрезъ долгое теченіе временъ онѣ долженствовали естественнымъ образомъ претерпѣтъ много измѣненій и поврежденій». И подъ вліяніемъ такого взгляда, Богдановичъ измѣнялъ почти каждую пословицу, чтобы облечь ее въ стихотворную форму, а стихи надѣлить богатою риѳмой. Приводимъ примѣры подобныхъ измѣненій. Вмѣсто пословицъ: «Богъ не выдастъ, свинья не съѣстъ»,

«живой живое и думаетъ», «сытый голоднаго не разумѣетъ», «въ семьѣ не безъ урода», «и на старуху бываетъ проруха», читаемъ:

Какъ Богъ не дастъ,
Свинья не съястъ.

Живой живое размышляетъ
И вѣкъ, какъ лучше, пробавляетъ.

Сытый голоднаго не разумѣетъ,
Когда, какъ безъ хлѣба, голодный колѣетъ.

Отъ рыцарскаго рода
Въ роднѣ не безъ урода.

Бываетъ грѣхъ и на старуху;
Впадаетъ-скать и дѣдъ въ проруху.

Не нужно говорить, что подобныя перемѣны тождественны искаженію. Обстоятельствомъ, облегчающимъ проступокъ Богдановича, можетъ служить то, что въ его время даже первоклассные умы не понимали сущности и силы народной поэзіи. Фонъ-Визинъ, въ «Письмѣ къ Козодавлеву о планѣ россійскаго словаря», всѣ пословицы, гдѣ есть Сенюшки и Фили, называетъ весьма низкими умомъ и выраженіемъ, и желаетъ, чтобъ онѣ вовсе были забыты. Мудрено ли, что и Богдановичъ долженъ былъ извиняться передъ публикой за имена Ѳомы, Кузьмы, Вавилы и тому подобныя, подъ которыми «осмѣяны пороки и которыя могутъ показаться досадительны» своимъ тезкамъ? Съ бо́льшимъ знаніемь дѣла отнеся къ творческой фантазіи народа Н. Львовъ (§ 226) въ предисловіи къ сборнику русскихъ пѣсенъ, положенныхъ на музыку Прачемъ. Вмѣсто того, чтобы въ безъискусственной поэзіи видѣть «лепетъ младенца» (какъ тогда любили выражаться), недостойный занимать человѣка образованнаго, онъ, напротивъ, ставитъ ее предметомъ серьезнаго изученія и ожидаетъ отъ него полезныхъ результатовъ. Львовъ понималъ, что народъ-младенецъ не одно и тоже съ младенцемъ-человѣкомъ; что въ жизни перваго, какъ бы она ни была молода, уже существуютъ преданія, вѣрованія, убѣжденія, находящія свое полное отраженіе въ поэзіи. Онъ справедливо хвалитъ мелодію нашихъ пѣсенъ, надѣясь, что композиторы воспользуются ихъ мотивами для оперъ и тѣмъ доставятъ любителямъ музыки новыя пріятности. Собраніе пѣсенъ будетъ весьма пригодно и для философа: по характеру народнаго пѣнія онъ можетъ заключать о характерѣ самого народа. Русскій человѣкъ не имѣетъ причины бояться этихъ заключеній, подтверждаемыхъ исторіей: минорные тоны протяжныхъ пѣсенъ доказываютъ нѣжность, чувствительность и то расположеніе духа къ меланхоліи, которое производитъ великихъ людей во всѣхъ родахъ дѣятельности. Столько же выгоднымъ окажется для насъ и содержаніе пѣсенъ; онѣ обнаружатъ доблестныя качества: привязанность и почтеніе къ родителямъ, тѣсный союзъ родства между братьями и сестрами, неутѣшную горесть дѣвицы о потерѣ милаго друга. Авторъ предисловія отдаетъ преимущество русскимъ пѣснямъ и относительно ихъ стопосложенія, такъ какъ онѣ представляютъ многоразличные по роду и мѣрѣ стихи. Львовъ замѣчаетъ въ этихъ стихахъ правильность просодіи, согласіе ея съ музыкой, пріятную для слуха плавность, частыя, но естественныя отдохновенія для голоса. Конечно, въ этомъ лестномъ для русскихъ пѣсенъ мнѣніи нѣтъ еще истинно-научнаго взгляда, который и не могъ

имѣть мѣста при маломъ знакомствѣ съ памятниками народнаго творчества и ихъ существенными отличіями, но по крайней мѣрѣ оно выказываетъ сочувствіе образованнаго литератора къ поэтической старинѣ. Надобно было запастись извѣстнымъ мужествомъ, чтобы сбить съ своего мѣста равнодушіе, а подъ часъ и презрѣніе цивилизованнаго общества къ простонародной поэзіи и дать примѣръ другаго, совершенно противоположнаго къ ней отношенія.

Памятники повѣствовательной литературы XVII-го и первой половины XVIII в (§§ 165 и 179) не были забыты и въ царствованіе Екатерины. Составляя прежде достояніе не одного простонародья, но и высшаго класса общества, они, съ теченіемъ времени, спустились въ низшій и средній слои, которыхъ понятія приходились въ уровень съ ихъ содержаніемъ и формой. О нихъ-то сказалъ Новиковъ, что они не заслуживаютъ никакого уваженія просвѣщенныхъ людей и читаются одними только мѣщанами. Новыя изданія этихъ «мѣщанскихъ» повѣстей доказывали живую въ нихъ потребность и значительную массу ихъ читателей. Кромѣ печатныхъ книгъ, ходили по рукамъ ихъ списки. Въ журналѣ «И то, и сё» говорится о подъячемъ, который, по прекращеніи приказной службы, кормился переписываніемъ «Бовы-Королевича, Петра златыхъ-ключей, Еруслана Лазаревича, Франца Венеціанина, Геріона, Евдона и Берѳы, Арсаса и Размѣра, Россійскаго дворянина Александра, Фрола Скобѣева и прочихъ полезныхъ исторій, продававшихся на рынкѣ».

Между новыми народными книгами этого времени особенною популярностью пользовались переведенныя съ польскаго «Похожденія новаго увеселительнаго шута и великаго въ дѣлахъ любовныхъ плута Совѣстдрала, большаго носа» (3 ч., 1788). Въ искаженномъ словѣ «Совѣстдралъ» трудно открыть первоначальный его видъ: «совино зеркало» (Eulenspiegel), сокращенно «сове зрцадло». Названіе это объясняется пословицей: «человѣку такъ же трудно замѣчать свои собственные недостатки, какъ совѣ видѣть въ зеркалѣ свое безобразіе». Книга одолжена своимъ происхожденіемъ Германіи, гдѣ была напечатана въ XV в. и съ того времени сдѣлалась характеристическимъ образцомъ народнаго остроумія. Впрочемъ, важнѣйшія проказы и шутки Совѣстдрала принадлежали собственно не ему, а героямъ другихъ народныхъ повѣстей, откуда и перенесены на его личность. Кромѣ того многія его забавныя выходки и рѣчи составляли наслѣдственное достояніе сословій и ремесленныхъ цеховъ. Возникшая съ самимъ ремесломъ, повторявшаяся въ многоразличныхъ видахъ, прошедшая черезъ нѣсколько поколѣній, вся эта игра народнаго остроумія и юмора дала книгѣ о Совѣстдралѣ свою сущность, свою несомнѣнную комическую силу, свою почтенную долговѣчность, какими рѣдко могутъ хвалиться остроумныя произведенія отдѣльныхъ лицъ. Ко 2-ой части похожденій Совѣстдрала, въ слѣдъ за описаніемъ его притворной смерти, приложено нѣсколько смѣхотворныхъ исторій и повѣстей, въ родѣ тѣхъ сборниковъ, о которыхъ было сказано выше (§ 165).

Къ народнымъ книгамъ относится также «Письмовникъ», Николая Курганова, содержащій въ себѣ науку россійскаго языка со многимъ присовокупленіемъ разнаго учебнаго и полезнаго вещесловія» (1769). Это своего рода энциклопедическій сборникъ, основнымъ фондомъ котораго служитъ грамматика, такъ какъ прежде-изданное руководство къ этой наукѣ не удовлетворяло составителя, желавшаго преподавать ее своимъ дѣтямъ; все же остальное содержаніе, какъ учебное

(научное), такъ и полезно-забавное, размѣщено въ восьми особыхъ «присовокупленіяхъ». Сюда входятъ пословицы, загадки, краткія замысловатыя повѣсти, достопамятныя рѣчи, хорошія мнѣнія, поучительные разговоры, стихотворенія, разноязычный словарь, всеобщій чертежъ наукъ и художествъ (исторія священная и свѣтская, исторія естественная, размышленія о физикѣ, о системѣ міра и многое другое). «Письмовникъ» соотвѣтствуетъ древне-русскому сборнику «Пчела», съ тѣмъ различіемъ, что содержаніе его многостороннѣе и объемъ обширнѣе. Апоѳегмы, замѣнившія въ XVII вѣкѣ «Пчелу», составляютъ въ сборникѣ Курганова только половину одного (третьяго) присовокупленія; другая половина заключаетъ въ себѣ правила Эпиктетовой морали съ толкованіемъ. Вѣдая, что различность веселитъ, обогащаетъ мысли и просвѣщаетъ разумъ, Кургановъ наполнилъ свою книгу множествомъ «благопристойныхъ вещей», пріятныхъ и полезныхъ людямъ всѣхъ званій:

Духовный ли, мірской ли ты? прилежно се читай:
Все найдешь здѣсь — тотъ и другой, но разумѣть смекай.

Въ умѣньѣ смекать читатель подражаетъ хитрости пчелъ, которыя и съ ядовитыхъ цвѣтовъ берутъ медъ. Это классическое уподобленіе разумно-любознательнаго человѣка пчелѣ даетъ знать о соотвѣтствіи «Письмовника» стариннымъ нашимъ сборникамъ.

Произведенія повѣствовательной литературы XVII в. не только сохраняли свою роль для низшихъ классовъ народа, но и возбуждали къ себѣ сочувствіе нѣкоторыхъ писателей. Старый литературный запасъ обновлялся подъ перомъ ихъ, принимая въ свое содержаніе новыя подробности и получая иную, болѣе облагороженную форму. Ихъ полезная дѣятельность приходилась, по выраженію Новикова, на вкусъ простосердечныхъ людей средняго класса. Такъ, напримѣръ, исторія о Фролѣ Скобѣевѣ передѣлана была Иваномъ Новиковымъ въ изданной имъ книгѣ: «Похожденіе Ивана Гостинаго сына и другія повѣсти и сказки» (2 ч., 1785 - 86). Исторія получила здѣсь другое названіе: «Новгородскихъ дѣвушекъ святочной вечеръ сыгранный въ Москвѣ свадебнымъ». Кромѣ того она разсказана съ нѣкоторыми перемѣнами и бо́льшими подробностями, и въ новомъ своемъ видѣ представляетъ любопытныя черты стараго московскаго быта. Изложеніе въ иныхъ мѣстахъ гораздо рѣзче, нежели въ оригиналѣ. Дѣйствующимъ лицамъ даны другія имена; характеры ихъ болѣе развиты. Изъ ловкаго приказнаго, какимъ былъ Фролъ Скобѣевъ, вышелъ плутъ Селуянъ Сальниковъ. Издатели сатирическихъ журналовъ (1769—74) также имѣли въ виду народное чтеніе. Мы знаемъ, чему Новиковъ приписывалъ успѣхъ своего Живописца (§ 211). Особенное трудолюбіе выказано по этому поводу Михаиломъ Чулковымъ († 1793), издателемъ журналовъ: «И то и се» и «Парнасскаго Щепетильника». Во многихъ сочиненіяхъ своихъ онъ описываетъ старину, или собираетъ памятники народной поэзіи, или самъ ихъ пересказываетъ. Таковы: «Собраніе разныхъ пѣсенъ» (4 ч., 1780); «Русскія сказки о славныхъ богатыряхъ» (10 ч., 1780); «Абевега русскихъ суевѣрій» (1782); «Пересмѣшникъ, или славенскія сказки» (5 ч., 1783); «Вечерніе часы или древнія сказки славянъ древлянскихъ» (3 ч., 1787—88). Въ изданіи русскихъ пѣсенъ Чулкову помогалъ Михайла Поповъ, переводчикъ Освобожденнаго Іерусалима (§ 221).

О Русскихъ пословицахъ, собранныхъ и переложенныхъ въ стихи Богдановичемъ, см. въ моей ст. о сочиненіяхъ Богдановича (От. Зап. 1849, № 4). «Похожденія Совѣстдрала» имѣли нѣсколько изданій. «Письмовникъ» Курганова неоднократно печатался въ Москвѣ и Петербургѣ. Кургановъ Николай (1726—96), воспитанникъ морскаго корпуса, а потомъ преподаватель въ немъ навигаціи, астрономіи и физики, извѣстенъ сочиненіями и переводами математическими, которыя долгое время служили учебными руководствами для кадетъ (Словарь Евгенія, Исторія Морскаго корпуса Веселаго). Литературные труды М. Чулкова исчислены въ Словарѣ Евгенія и въ Біограф. замѣткахъ о рус. писателяхъ XVIII в. (Лѣт. Тихонравова, 1859, кн. 2). О романѣ «Пригожая повариха» (1770), сочиненномъ Чулковымъ, см. въ Библ. Зап. Лонгинова (Совр. 1856, № 7).

ДОПОЛНЕНІЯ.

Къ § 19 (стр. 17).

Мы не могли воспользоваться въ своемъ мѣстѣ классическимъ трудомъ г. Буслаева о русскомъ богатырскомъ эпосѣ (Рус. Вѣст. 1862, №№ 3, 9 и 10). Предлагаемъ теперь результаты его изслѣдованій.

Русскій народный эпосъ различаетъ двѣ эпохи въ развитіи богатырскихъ типовъ: эпоху богатырей старшихъ и эпоху богатырей младшихъ.

Въ богатыряхъ старшихъ, или титаническихъ, сверхъестественная сила, получая человѣческій образъ, еще остается силою міровою, существомъ стихійнымъ. Названіе «старшихъ» дано имъ по отношенію къ позднѣйшей эпохѣ, т. е. къ богатырямъ цикла Владимірова, которымъ они предшествуютъ и которые поэтому суть богатыри младшіе, или человѣкоподобные.

Въ послѣдовательномъ развитіи старшихъ богатырей надобно также различать нѣсколько эпохъ, соотвѣтствующихъ переходу отъ древнѣйшихъ миѳологическихъ представленій къ темнымъ въ народѣ преданіямъ объ его раннихъ историческихъ судьбахъ, и потомъ къ установившимся національнымъ типамъ богатырскаго Владимірова эпоса. Преданія о нихъ сохраняютъ память о древнѣйшихъ божествахъ русской миѳологіи. Собственныя имена, данныя этимъ богатырямъ въ разное время и подъ вліяніемъ разныхъ обстоятельствъ, не всѣ въ одинаковой мѣрѣ отвѣчаютъ своему назначенію. Нѣкоторыя имена, можетъ быть, имѣютъ смыслъ миѳологическій, каковы: Сухманъ, Святогоръ, Волхъ или Вольга, Тугаринъ Зміевичъ, Дунай, Донъ; другія составились подъ вліяніемъ книжнымъ, какъ на прим. Самсонъ, Полканъ, или вообще подъ вліяніемъ позднѣйшей, церковной обстановки, какъ на прим. Идолище Поганое, Старчище Пилигримище; другія заимствованы отъ названій городовъ (Волотъ Волотовичъ); иныя подъ своею новѣйшею формаціей скрываютъ древнѣйшія преданія о первобытныхъ судьбахъ Славянъ (Микула Селяниновичъ); наконецъ цѣлый рядъ вѣрованій и миѳическихъ представленій, какъ древнѣйшій слой, вошелъ въ формацію героевъ даже младшей эпохи, такъ что въ самомъ Владимірѣ и Ильѣ Муромцѣ замѣчаются остатки древнѣйшей миѳической примѣси къ позднѣйшимъ чертамъ богатырскаго типа.

Какъ существа стараго порядка вещей, старшіе богатыри должны быть вытѣснены своими потомками, которые заступаютъ ихъ мѣсто или по наслѣдству, или въ-слѣдствіе побѣды надъ ними. Борьба съ дикими силами природы, съ звѣрями и вражескими народами, въ народномъ эпосѣ естественно перенесена была на борьбу съ миѳическими представителями стараго порядка вещей. Такимъ образомъ первобытное божество, воплощаемое въ типѣ старшаго богатыря, нисходитъ до враждебнаго чудовища, или потому, что божество стараго порядка вещей уже не годилось въ позднѣйшей обстановкѣ народнаго быта, или потому,

что стихійныя существа древнѣйшей миѳологіи естественно казались въ послѣдствіи чудовищами.

Переходъ отъ стихійнаго божества къ чудовищу въ типѣ старшаго богатыря выражается сербскимъ миѳомъ о дивахъ, сохранившимъ память о первобытномъ поклоненіи индо-европейскихъ народовъ божеству неба и свѣта, потому что слово «диво» происходитъ отъ санскритскаго «дивъ» (свѣтить). Слѣдъ преданія о первобытныхъ миѳическихъ существахъ свѣта (дивахъ) можно видѣть въ свидѣтельствѣ Слова о полку Игоревомъ, которое также знаетъ дива, какъ сверхъестественное существо, и которое русскихъ витязей называетъ внуками Дажь-бога (т. е. бога солнца и огня). А Дажь-богъ въ нашихъ лѣтописяхъ признается сыномъ Сварога (бога неба), т. е. Сварожичемъ. Слѣдов. русскій эпосъ ведетъ родъ нашихъ витязей отъ божества свѣта и огня; другими словами: старшіе богатыри суть дивы; младшіе—ихъ потомки, внуки Дажь-бога, или Сварожича. Первые (старшіе) соотвѣтствуютъ кочевому и пастушескому быту славянъ; вторые (младшіе)—быту осѣдлому и земледѣльческому.

Если въ русскихъ былинахъ мало оставили слѣдовъ стихійныя существа свѣта и огня, то миѳическія представленія воды, особенно рѣкъ, сохранились во всей свѣжести. Русскій эпосъ помнитъ морскаго царя (бога водъ), котораго называетъ Водяникомъ, а супругу его Водяницею. Имъ приносятъ жертвы, опуская въ воду хлѣбъ съ солью, или бросая въ нее живаго человѣка. Въ этомъ отношеніи замѣчательна новогородская былина о Садкѣ. Народныя пѣсни воспѣваютъ знаменитыя рѣки (Дунай, Донъ, Днѣпръ и Днѣпру или Нѣпру, Волховъ, Смородину), олицетворяя ихъ въ видѣ богатырей старшей эпохи. Такъ рѣки Донъ и Днѣпръ будто бы произошли отъ богатыря Дона и его вѣщей супруги Нѣпры (или Днѣпры) Королевичны, которая отличалась воинственнымъ характеромъ. Дунай также женатъ на воинственной Настасьѣ Королевичнѣ (сестрѣ Апраксѣевны, супруги князя Владиміра). Отъ крови изъ ранъ богатыря Сухмана протекла Сухманъ-рѣка. Сказаніе о происхожденіи рѣки Волхова имѣетъ всѣ признаки древняго миѳа, въ которомъ языческое чествованіе какого-то божества, называемаго въ преданіи Перуномъ, воплощается въ богатырской личности Волхва Всеславича, существа вѣщаго, оборотня. Причины, почему изъ всѣхъ миѳологическихъ преданій о стихійныхъ божествахъ могли удержаться на Руси и даже получить мѣстное развитіе только преданія о рѣкахъ, заключаются въ географическихъ особенностяхъ страны. Эта страна—степная и лѣсистая, не имѣющая значительныхъ горъ, которыя могли бы поразить воображеніе; вѣтры, Стрибоговы внуки проносятся по ней свободно, не встрѣчая на пути своемъ преградъ, въ борьбѣ съ которыми предстояло бы имъ выказать исполинскую мощь. Напротивъ, рѣки были для Славянъ не только путями переселенія и сообщенія, но и границами, гдѣ они основывали свои становища. Въ непроходимыхъ лѣсахъ и дебряхъ, онѣ предлагали дорогу для кочевниковъ, а свои берега для осѣдлыхъ пастуховъ и земледѣльцевъ. Естественно было народу поклоняться имъ, олицетворять ихъ въ видѣ старшихъ богатырей. Понятно также, почему русскій народъ сохраняетъ доселѣ во всей свѣжести преданія и сказанія о стихійныхъ существахъ, живущихъ въ рѣкахъ, т. е. о русалкахъ.

Впрочемъ, на Руси были зачатки представленій о великанахъ горъ, вынесенные изъ общей индо-европейскимъ народамъ арійской родины. Одинъ изъ эпизодовъ эпоса объ Ильѣ Муромцѣ повѣствуетъ о страшномъ колоссѣ, котораго земля не держитъ и который во всемъ мірѣ нашелъ только одну гору, могущую выдержать его силу и тяжесть. Остатокъ великановъ горной породы сохранился въ типѣ Святогора, живущаго на «святыхъ горахъ». Его земля черезъ силу на себѣ носитъ. Онъ и погибаетъ какъ существо стихійное: хотѣлъ поднять тягу земную, но не смогъ—угрязъ въ землю; гдѣ угрязъ, тамъ и встать не могъ, тутъ ему было и кончаніе. Нѣкоторыя миѳическія существа ранней титанической породы происходятъ, по русскому эпосу, отъ горъ, какъ видно изъ отечественнаго прозвища Горыничъ. Горынчище, Горынинка, т. е.

рожденный или рожденная отъ горы или Горыни. Такъ миѳическій змѣй русскаго эпоса прозывается Змій Горынычъ: исполинская чародѣйка—Баба-Горынинка. Огненный, летучій змѣй Горыничъ, или Горынчище, живетъ въ пещерахъ и хранитъ драгоцѣнные металлы. Добрыня, убивъ змія и дѣтей его, нашелъ у него въ пещерахъ бѣлокаменныхъ много злата, серебра.

Важный моментъ въ исторіи русскаго эпоса, основанный на миѳѣ о великанахъ горныхъ и перенесенный на младшихъ богатырей, обозначился въ былинѣ о томъ, «отчего перевелись витязи на святой Руси». Въ этой миѳической катастрофѣ, вѣроятно, смѣшиваются двѣ эпохи: а) первобытная—низверженіе великановъ древней хаотической эпохи подъ ударами богатырей и божествъ эпохи новой, и б) позднѣйшая—гибель новыхъ божествъ и младшихъ богатырей, вытѣсняемыхъ изъ народнаго сознанія уже новѣйшими, историческими переворотами. Впрочемъ, первая эпоха сильнѣе наложила свою печать на судьбу нашихъ богатырей. По былинѣ, они превращаются въ камни, горы и утесы, а превращеніе на эпическомъ языкѣ часто имѣетъ смыслъ и уподобленія, тожества: слѣд. это просто великаны горъ, миѳическое олицетвореніе самыхъ горъ и утесовъ.

Существеннымъ дополненіемъ къ народной космогоніи служитъ эпосъ о животныхъ. Змій-богатырь, соединяющій въ себѣ свойства змія и великана, воспѣвается въ нашемъ эпосѣ подъ именемъ Тугарина Зміевича (т. е. сынъ змія). Онъ страшно-прожорливъ, какъ и другое чудовище русскаго эпоса, Идолъ или Идолище Поганое, который появился въ Кіевѣ къ великому бѣдствію князя и жителей: «голова у него съ пивной котелъ, въ плечахъ-то коса сажень, промежъ бровей-то борозда со три пяди, промежъ ушей-то пройдетъ калена стрѣла: а ѣстъ-то онъ Идолище по цѣлу быку, а пьетъ-то онъ по пивному котлу». Мѣсто этого чудовища иногда замѣняетъ Полканъ Полкановичъ, который съѣдалъ заразъ цѣлаго быка, а брагу пилъ изъ котла, какъ изъ стопочки. Третій великанъ, Соловей Разбойникъ, изображается различно: то онъ разбойникъ и залегаетъ дорогу; то, какъ чудовище, шипитъ по змѣиному и зрявкаетъ по звѣриному: то, какъ птица, гнѣздится на гнѣздѣ на семи дубахъ, а семья его живетъ въ палатахъ на широкомъ дворѣ. Какъ онъ, такъ и Идолище были уничтожены Ильей Муромцемъ.

Миѳическія и эпическія преданія повѣствуютъ о временахъ, предшествовавшихъ осѣдлому и земледѣльческому быту. Эпоха пробужденнаго сознанія въ исторіи вѣрованій и поэтическихъ сказаній обозначается побѣдою новыхъ, человѣкообразныхъ боговъ надъ чудовищами и стихійными силами стараго времени.

Идеалъ миѳическаго пахаря русскій народный эпосъ знаетъ подъ именемъ Микулы Селяниновича, т. е. сына Селянина; что же касается до имени Микулы, то оно, равно какъ и Илья, принадлежитъ позднѣйшей эпохѣ. Селяниновичъ состоитъ въ сношеніяхъ съ Святогоромъ и Волхомъ, т. е. съ богатырями старшими. Эти сношенія наглядно показываютъ переходъ отъ эпохи кочевой къ осѣдлой земледѣльческой, и послѣдней отдается предпочтеніе передъ первою. Вѣщій пахарь господствуетъ своимъ могуществомъ надъ Вольгою и всею его дружиной, и сильнѣе самого Святогора; калики перехожіе, давшіе Ильѣ Муромцу силу, запрещаютъ ему вступать въ бой съ старшими богатырями и въ томъ числѣ съ родомъ Микуловымъ, котораго «любитъ матушка сыра земля». Поэтому Селяниновичъ имѣетъ два вида: онъ не только представитель быта земледѣльцевъ и поселянъ, но и титаническій богатырь. Въ томъ и другомъ видѣ онъ является съ особыми аттрибутами. Какъ пахарь, съ своею золотою сохою, онъ существенно отличается отъ кочеваго, перехожаго Селяниновича, съ своею сумкою переметною, признакомъ бездомнаго кочевья.

Какъ высшій герой русскаго богатырскаго эпоса, Илья Муромецъ сосредоточиваетъ въ себѣ всѣ главные его интересы. О зарожденіи въ немъ силы сохранилось двоякое преданіе: по одному онъ получилъ ее отъ дыханія Святогора, который кромѣ того передалъ ему свой мечъ-кладенецъ; по другому—отъ питья,

вышитаго имъ по повелѣнію перехожихъ каликъ. Первоначальный миѳическій источникъ роднитъ Илью съ старшими богатырями. Въ качествѣ крестьянина-земледѣльца, муромскій герой выноситъ въ своемъ идеалѣ всѣ древнѣйшія воспоминанія славянъ при переходѣ ихъ въ бытъ земледѣльческій. Онъ продолжаетъ въ себѣ развитіе миѳическаго Селяниновича, но уже при вступленіи Руси на историческій путь. Его влечетъ къ себѣ ласковый князь Владиміръ. Къ Кіеву отовсюду устремились русскія силы, воплощенныя въ богатыряхъ Владимірова цикла. Это значитъ, что основаніе центровъ княжеской власти на Руси дало новый, рѣшительный толчекъ въ развитіи народнаго эпоса. Богатыри перестаютъ быть непосредственными потомками боговъ и полубоговъ и, вмѣстѣ съ самостоятельностью, теряютъ и свое высшее миѳическое значеніе; изъ старшихъ богатырей титановъ, переходятъ въ младшихъ, въ обыкновенныхъ смертныхъ, и группируются около историческаго лица,—около князя, въ его дружинѣ. Этотъ новый историческій моментъ въ развитіи народнаго эпоса обозначился въ собраніи разрозненныхъ, кочевыхъ сихъ и мѣстныхъ, областныхъ интересовъ къ одному центру, который исторія указала въ политической власти князя.

Богатырская дружина князя Владиміра была въ полномъ составѣ еще до появленія Ильи Муромца. Въ ней находились Добрыня Никитичъ изъ Рязани, Алеша Поповичъ изъ Ростова, Суровецъ богатырь изъ Суздаля, Дюкъ Степановичъ изъ Волынца Красна Галича, и пр. Попавши въ ряды ея, муромскій богатырь долженъ былъ утратить свою прежнюю самостоятельность Онъ уже не идеалъ мужика-пахаря, не великанъ-Селяниновичъ, а представитель сельскаго, крестьянскаго сословія при княжемъ дворѣ, какъ Добрыня-представитель княжескаго званія, Гришка боярскій сынъ—представитель бояръ, Алеша Поповичъ—представитель церковнаго сословія, Иванъ Гостинный сынъ—представитель купечества, и т. д. Окруженіе князя Владиміра богатырями—представителями областей и разныхъ мѣстностей входитъ въ древнѣйшій слой эпическаго содержанія, имѣющаго предметомъ собираніе Русской земли около кіевскаго центра; что же касается до окруженія того же князя богатырями, представителями сословій, то это уже слой позднѣйшій, который долженъ относиться къ той эпохѣ, когда, вслѣдствіе государственнаго и церковнаго развитія Руси, изъ общей массы населенія выдѣлились сословія: княжеское, боярское, купеческое, крестьянское, церковное. Сословное различіе богатырей съ особенною рѣзкостью выступаетъ въ былинѣ о томъ, какъ они, стоя на заставѣ, въ сторожахъ, должны были по-очереди вступать въ бой съ однимъ великаномъ Жидовиномъ.

Къ младшимъ богатырямъ принадлежатъ всѣ тѣ, которые при князѣ Владимірѣ являются представителями мѣстныхъ, провинціальныхъ силъ и сословныхъ интересовъ древней Руси. Это—герои новой, исторической эпохи; они уже не помнятъ своихъ родственныхъ связей съ миѳическими предками; съ ними вступаетъ на поле дѣятельности молодое поколѣніе, имѣющее мало общаго съ своими отцами. Всѣ эти спутники Владиміра стекаются къ нему въ Кіевъ изъ разныхъ мѣстъ, безъ сожалѣнія покидая свою родину и отца съ матерью. Прерывая связь съ родною стариною, они становятся даже ея врагами, поражая и сокрушая ея остатки въ чудовищахъ и великанахъ, съ которыми ведутъ постоянную борьбу: кто истребляетъ Змія Горынича, кто полонитъ Соловья Разбойника, кто побиваетъ Тугарина, кто великана Шарка, кто Кощея. Только Илья Муромецъ относится къ старинѣ не съ одною враждою: онъ наслѣдовалъ силу отъ Святогора, былъ ему меньшой братъ и учился отъ него богатырству. Второе отличіе его отъ другихъ богатырей состоитъ въ томъ, что эти—народъ молодой, безбородый, а онъ сѣдой, матерой богатырь, съ сѣдою бородою. У него уже есть взрослый сынъ (Збудь Борисъ Королевичъ), съ которымъ онъ вступаетъ въ смертный бой, какъ въ персидской поэмѣ Рустемъ сражается съ своимъ сыномъ Зорабомъ. Онъ благоразумнѣе своихъ товарищей, потому что больше ихъ жилъ на свѣтѣ: отъ этого онъ надъ ними начальствуетъ, какъ атаманъ и называетъ ихъ своими ребятушками. Вѣрный историческому теченію жизни,

эпосъ даетъ въ руководство молодой рьяности и отвагѣ благоразуміе и опытность старины, представителемъ которой при дворѣ Владиміра является муромскій крестьянинъ.

Хотя молодые витязи, окружающіе Владиміра, слывутъ богатырями, но, безъ сомнѣнія, это названіе перенесено на нихъ отъ лицъ древнѣйшихъ, титаническихъ; потому что «богатырь» происходитъ отъ слова «богъ», чрезъ прилагательное «богатъ» и собственно значитъ существо, одаренное высшими, божескими преимуществами, какъ герой происшедшій отъ «бога». Только миѳическіе великаны въ родѣ Святогора и Микулы Селяниновича, въ собственномъ смыслѣ, могли назваться «божественными», т. е. «богатырями». Младшее поколѣніе наслѣдовало отъ нихъ это имя уже по преданію и называлось имъ въ эпосѣ по старой привычкѣ. Точнѣе выражаетъ мысль о русскомъ героѣ самой ранней исторической эпохи слово «поленица», которымъ называется и воинъ, и героиня, промышляющая богатырскими подвигами. «Поленица» значитъ не только разъѣзжающій по полямъ, но и охраняющій ихъ. Слово это образовалось въ быту осѣдломъ, когда племена, усѣвшись на постоянныхъ мѣстахъ, почувствовали потребность охранять свою собственность вооруженною рукой отъ сосѣднихъ хищниковъ. Такъ наши богатыри, подъ предводительствомъ Ильи Муромца, стоятъ стражею на поляхъ цыцарскихъ, охраняя границу отъ великана. Впрочемъ идею о юномъ героѣ, представителѣ новаго лучшаго порядка вещей, полнѣе всего выражаетъ слово юнакъ (юный, молодой), которымъ болгары и сербы называютъ собственно героя: отсюда «юнацкія», т. е. богатырскія пѣсни.

Въ этихъ юнацкихъ пѣсняхъ русскій народъ прославляетъ воинскіе подвиги и доблести своихъ героевъ, младшихъ богатырей, выступившихъ на разсвѣтѣ новой исторической жизни. Богатыри совершаютъ отдаленныя поѣздки, завоевываютъ цѣлыя страны и собираютъ съ нихъ дань, защищаютъ русскую землю отъ сосѣднихъ хищниковъ, борятся съ чудовищами. Они бросаютъ родныя мѣста и тянутся къ Кіеву, потому что движеніе историческое сосредоточивается для нихъ въ этомъ городѣ, въ лицѣ князя Владиміра: имъ уже нечего дѣлать дома, въ тѣсной обстановкѣ доисторическаго быта: новыя силы ищутъ простора для своей дѣятельности и находятъ въ княжеской дружинѣ достойную для себя задачу въ заложеніи первыхъ основъ исторической на Руси жизни.

Что же такое самъ Владиміръ, собирающій вокругъ себя младшихъ богатырей? Русская былина не помнитъ обращенія Руси въ христіанство; она изображаетъ Владиміра скорѣе язычникомъ, нежели равноапостольнымъ княземъ: отсюда можно заключить, что идеалъ этого эпическаго представителя верховной власти составился въ фантазіи народной еще въ эпоху языческую, или по крайней мѣрѣ независимо отъ христіанскихъ идей. Изъ историческихъ преданій о Владимірѣ, богатырскій эпосъ помнитъ только пиры его, о которыхъ повѣствуетъ лѣтописецъ Несторъ. Въ его поэтическомъ типѣ заслуживаютъ вниманія двѣ черты: во первыхъ, въ стихѣ и Голубиной книгѣ, князь Владиміръ является замѣною великана Волота Волотовича; во вторыхъ, онъ постоянно въ былинахъ прозывается Краснымъ Солнышкомъ: а постоянный эпитетъ въ народной поэзіи, кромѣ внѣшней прикрасы, очень часто имѣетъ внутренній смыслъ, опредѣляемый народнымъ вѣрованьемъ. Не смѣнилъ ли собою князь Владиміръ Дажь-бога, или Сварога, божество солнца, по крайней мѣрѣ въ самыхъ раннихъ былинахъ, въ которыхъ еще живо чувствовался переходъ отъ древнихъ миѳическихъ воззрѣній къ новому историческому порядку вещей? Это предположеніе тѣмъ вѣроятнѣе, что эпитетъ «красное солнце» до того сросся въ былинахъ съ именемъ любимаго князя, что иногда замѣняетъ его, какъ напримѣръ:

Завелся у солнышка почестенъ пиръ
На всѣхъ на князей, на бояръ.

Авторъ Слова о полку Игоревомъ называетъ героя «внукомъ бога солнца», какъ бы тѣмъ давая знать, что нѣкогда само это божество было признаваемо

за представителя богатырскихъ доблестей, за источникъ и центръ всякой на землѣ власти. Въ свѣтской власти, какъ новой исторической силѣ, народной фантазіи чуялось еще обаяніе стараго вѣрованія въ красно солнышко и потому тѣмъ охотнѣе около этого, нѣкогда миѳическаго, центра собрала она богатырей русской земли. Историческій идеалъ князя въ народномъ эпосѣ мало выработался, не развился разнообразіемъ подвиговъ и очертаній характера. Князь только пируетъ съ своими богатырями да посылаетъ ихъ на разные подвиги, а самъ не принимаетъ участія ни въ какой опасности и сидитъ дома съ супругою Апраксѣевной. Эпосъ указываетъ въ особенности на двѣ отличительныя черты въ его характерѣ: на его необыкновенную красоту и рѣдкое счастіе, такъ что «уродиться красотою и счастьемъ въ князя Владиміра» вошло въ поговорку между богатырями.

Наравнѣ съ богатырями кіевскими народный эпосъ прославляетъ двухъ новогородскихъ: Садку богатаго гостя и Василья Буслаева. Оба они не имѣютъ ничего общаго ни съ Кіевомъ, ни съ княземъ Владиміромъ. Былины о нихъ отмѣчены мѣстнымъ цвѣтомъ новгородскаго быта. Онѣ представляютъ образецъ мѣстнаго развитія эпической поэзіи, безъ малѣйшей примѣси вліянія чужихъ мѣстностей. До настоящаго времени сберeглись онѣ въ устахъ народа тамъ, гдѣ была новгородская область; записаны тамъ, гдѣ онѣ возникли, процвѣтали и видоизмѣнялись: между тѣмъ какъ пѣсни о кіевской мѣстности или возникли не въ Кіевѣ, а въ той же новгородской области, или въ Муромѣ, Рязани, Суздали, а если и въ южной кіевской Руси, то уже рано перешли въ новгородскую область и тамъ видоизмѣнялись, и преимущественно въ этой новгородской редакціи дошли до насъ въ сборникахъ Кирши Данилова, Кирѣевскаго и Рыбникова.

Кромѣ миѳической основы, былины о Садкѣ имѣютъ и бытовое историческое содержаніе. Онѣ воспѣваютъ славу великаго и богатаго Новагорода. Былины о Васильѣ Буслаевѣ еще ярче рисуютъ древній новогородскій бытъ. Онѣ видятъ въ немъ представителя новгородской вольницы: съ его именемъ эпосъ связываетъ воспоминанія о борьбѣ двухъ партій—двухъ сторонъ Новгорода, раздѣляемыхъ рѣкою Волховымъ, а также о борьбѣ съ княжескою властью партіи народной и городской, во главѣ которой стоялъ Василій Буслаевъ. Сверхъ того былина, какъ бы желая загладить юношескія увлеченія новгородскаго героя, заставила его раскаяваться въ нихъ и искупать ихъ хожденьемъ къ гробу Господню.

Женскіе типы древнѣйшаго народнаго эпоса отличаются величавымъ характеромъ. Это героини воинственныя; какъ богатыри, ѣздятъ онѣ на коняхъ и раскидываютъ себѣ въ полѣ палатку для отдыха отъ воинскихъ подвиговъ. Онѣ отлично владѣютъ оружіемъ и особенно метко стрѣляютъ изъ лука. Многія изъ нихъ отличаются непомѣрною силою. Съ физическими качествами старшихъ богатырей соединяютъ онѣ вѣщую силу слова, даръ предвидѣнья и мудрости. Впрочемъ эпическая поэзія придаетъ имъ краски народнаго быта, изображая въ нихъ то суровые нравы эпохи, то нѣжныя качества женственной натуры: потому съ страшною физическою силою и вѣщею мудростью, соединяютъ онѣ въ себѣ женскую красоту, любящее сердце, преданность супружеской любви.

Русскій эпосъ сохранилъ нѣсколько образцевъ этой высшей, идеальной натуры женской. Таковы, во-первыхъ, три вѣщихъ дочери Микулы Селяниновича—Василиса, Настасья и Марья. Старшая изъ сестеръ, Василиса, по прозванію Грозная, была за мужемъ за Ставромъ бояриномъ, который изображается при дворѣ Владиміра лицемъ самостоятельнымъ, къ княжей дружинѣ не принадлежащимъ. Превзошедши воинственными подвигами самихъ богатырей, она спасаетъ своего мужа изъ неволи. Настасья Микулишна также воинственная дѣва, была за мужемъ за Добрынею, который трое сутокъ сидѣлъ у ней въ карманѣ. Жена Ильи Муромца, Савишна, заставила Тугарина, обложившаго Кіевъ грозною ратью, убѣжать въ свои улусы. Кромѣ того Муромецъ имѣлъ сына (Збута Бориса, иначе Сокольника) отъ Авдотьи Горынчанки, храброй поляницы,

которою овладѣлъ съ бою. Другой видъ той же демонической женщины русскій эпосъ изображаетъ въ прекрасной королевичнѣ, державшей, подобно Цирцеѣ, своихъ любовниковъ въ плѣну. Къ роду вѣщихъ женщинъ принадлежитъ и Святогорова жена, убитая своимъ мужемъ за невѣрность. Двуличневый характеръ героинь, то грозный и величавый, то нѣжный и обольстительный, часто является въ одномъ и томъ же лицѣ. Такъ жена Добрыни—то воительница Настасья, существо героическое, то еретница Марина, которую мужъ терзаетъ за преступную связь съ зміемъ Горынчищемъ. Одинаковаго свойства Авдотья Лебедь Бѣлая, казненная смертью своимъ мужемъ Иваномъ Годиновичемъ за ея любовь къ Идолищу поганому. Языческое чествованье воды и миѳы о рѣкахъ наложили свой отпечатокъ на характеръ вѣщихъ дѣвъ и титаническихъ героинь. Выше было сказано о супругѣ Дуная, королевнѣ Днѣпрѣ. Признакъ водяной стихіи отразился въ сверхъестественной породѣ тѣмъ, что онѣ оборачиваются въ водяную птицу, преимущественно въ Бѣлую Лебедь. Въ этомъ отношеніи замѣчательна былина о Потокѣ Михайлѣ-Ивановичѣ. Кромѣ того, въ русскихъ сказкахъ оборотень Лебедь-дѣвица часто играетъ первую роль.

Нѣкоторыя былевыя пѣсни, говоритъ г. Безсоновъ (Пѣсни, собранныя П. Н. Рыбниковымъ, ч. 1), изображаютъ лица, не имѣющія отношенія ни къ Кіеву, ни къ Новгороду, ни къ Москвѣ. Такова, на прим., былина о двухъ королевичахъ изъ Крякова (ib.), обрусѣвшихъ, но весьма еще неопредѣленныхъ. Можно полагать, что эти два брата Петровичи суть лица, извѣстныя въ нашихъ пѣсняхъ подъ именемъ братьевъ Збродовичей, на сестрѣ которыхъ женился Алеша Поповичъ (Пѣсни, собранныя П. В. Кирѣевскимъ, вып. 2). Такова еще былина о двухъ братьяхъ Ливикахъ, племянникахъ литовскаго короля, и кн. Романѣ Дмитріевичѣ, у котораго они взяли въ полонъ жену, за что и получили достойное возмездіе (Пѣсни, собр. Рыбниковымъ, ч. 1). Въ лицѣ Романа узнается Романъ Волынскій съ его отношеніями къ Литвѣ. Его свойства оборачиваться въ животныхъ, владѣть ихъ силами и голосами, воспѣтыя въ былинахъ, вошли и въ Волынскую лѣтопись, хотя на языкѣ, ей свойственномъ: «ума мудростью ходяща, устремилъ бо ся бяше на поганыя яко и левъ, сердитъ же бысть яко и рысь, и губяше яко и коркодилъ, и прехожаше землю ихъ яко и орелъ, храборъ бо бѣ яко и туръ». Пѣсни о Романѣ замѣчательны еще въ томъ отношеніи, что своими выраженіями напоминаютъ Слово о полку Игоревомъ. Пѣсни эти—княжескія, молодецкія, безъимянныя—происхожденія весьма древняго (особенно княжескія), а по содержанію, языку и пріемамъ значительны не менѣе многихъ кіевскихъ и новгородскихъ (Ib. Замѣтка г. Безсонова).

Къ § 90 (стр. 87).

Въ 16 № «Дня», 1863, помѣщена народная пѣсня «о нашествіи татаръ», которая войдетъ въ 3-ью ч. Сборника Рыбникова.

Къ § 139 (стр. 166).

Пѣсня о смерти Ивана Грознаго (Рус. народ. пѣсни, собранныя А. Н. Мордовцевой и Н. И. Костомаровымъ, въ 4-мъ т. Лѣтописей г. Тихонравова) показываетъ, что народъ одну и туже пѣсню, съ нѣкоторыми измѣненіями, относитъ къ разнымъ лицамъ и эпохамъ. Замѣнивъ Москву Петербургомъ, Ивана Васильевича Петромъ Алексѣевичемъ, онъ оплакивалъ смерть перваго императора тѣми же эпическими мотивами, какъ и смерть грознаго царя. Впрочемъ, при сходствѣ склада, есть существенная разница въ погребальной обстановкѣ: тамъ, въ головахъ покойнаго стоитъ серебряный крестъ, въ ногахъ царская корона, вокругъ гроба свѣчи восковыя, передъ гробомъ попы и патріархи, которые служатъ и читаютъ, память отпѣваютъ; здѣсь, вмѣсто церковнаго синклита, гвардія и армія, съ полковниками, подполковниками, маіорами и другими степенями

военной власти. Отсюда ясно, что первая пѣсня-народная, а вторая-сословная, т. е. солдатская.

Богатые варіанты къ пѣснямъ о Кастрюкѣ и бояринѣ Никитѣ Романовичѣ предлагаетъ Сборникъ Рыбникова (ч. I, стр. 381—406, и ч. II, стр. 211—229). Вторая пѣсня дополняется прозаическимъ разсказомъ, или такъ называемой стариной, о томъ, отчего на Руси завелась измѣна (ib. II, 232). На половину разсказъ въ прозѣ и на половину пѣсня о Ермакѣ даетъ ему въ современники Ваньку Каина. Они вмѣстѣ явились къ Грозному съ повинной головой, принеся ему въ даръ куницъ-соболей.

Къ § 163 (стр. 268).

Въ числѣ историческихъ пѣсенъ XVII в. одна говоритъ о Тушинскомъ ворѣ (Пѣсни, собран. г. Костомаровымъ). Между нѣсколькими пѣснями, имѣющими предметомъ Скопина Шуйскаго, одна заставляетъ его осматривать Азовскую крѣпость и донесть царю о возможности ея взятія (ib).

Варіантъ пѣсни, сложеніе которой приписывается самому Стенькѣ Разину (Ист. Лит., 271), см. во 2-й ч. Сборника Рыбникова (стр. 239). Многія казацкія пѣсни собраны г. Костомаровымъ (Лѣт. Тихонравова, т. IV).

Отзываясь въ своихъ произведеніяхъ на всякое замѣчательное событіе, русскій народъ сложилъ былину о земскомъ соборѣ, бывшемъ при Алексѣѣ Михайловичѣ (Сборн. Рыбн., 236). Царь созвалъ князей и бояръ на думу—отдавать ли Смоленскъ шведскому королю, который въ замѣну его предлагаетъ Химскую землю. Князья астраханскій и бухарскій совѣтуютъ исполнить прошеніе короля, что не понравилось Алексѣю Михайловичу. Князь же Милославскій выражаетъ противное мнѣніе, потому что Смоленскъ есть «строенье московское, а не литовское». Эта рѣчь полюбилась царю: онъ посадилъ Милославскаго воеводою въ Смоленскъ, а князей астраханскаго и бухарскаго казнилъ смертію: одного велѣлъ повѣсить, а другому срубить голову.

Къ § 172 (стр. 300).

См. «Дѣло о Ѳеофанѣ Прокоповичѣ» (Чтенія, 1862, кн. 1). Оно содержитъ въ себѣ доносъ Маркелла Радышевскаго и отвѣтъ Ѳеофана на обвиненія его въ церковныхъ противностяхъ и смѣлыхъ словахъ.

Къ § 182 (стр. 317).

Въ вышеуказанныхъ сборникахъ помѣщены слѣдующія пѣсни изъ эпохи Петра: Взятіе Азова, Побѣда Шереметева надъ Шлиппенбахомъ (въ Сборникѣ Кирши: Борисъ Шереметевъ), Шлиссельбургъ, Полтава (гдѣ снова на сценѣ Шереметевъ), Запорожцы послѣ полтавской битвы, Выборгъ, Колывань, нѣсколько варіантовъ пѣсни о кончинѣ Петра (Лѣт. Тих—ва, т. IV), объ удаломъ добромъ молодцѣ и казнѣ сорока тысячей (Сборн. Рыбникова, ч. 2). Въ этомъ сборникѣ и въ Чтеніяхъ, 1864, кн. 4, напечатаны два анекдотическіе разсказа о Петрѣ. Первый разсказъ сводитъ царя съ мужикомъ, рубившимъ въ лѣсу дрова. Умныя рѣчи мужика заинтересовали Петра, который проситъ показать ему дорогу въ степи.

Сѣли они въ одноколку и поѣхали. Дорогой сталъ царь мужика выспрашивать: «Далечель, мужичекъ, бывалъ»?—Кое-гдѣ бывалъ, сударь.—«А видалъ ли царя»?—Царя не видалъ, а надобъ посмотрѣть: согласился бы и помереть.—«Такъ смотри: въ степяхъ царь будетъ».—А какъ я царя узнаю?—«Всѣ будутъ безъ шапокъ бѣгать: одинъ царь въ шапкѣ».—Какъ пріѣхали въ степь, увидѣли люди царя, всѣ шапки подъ пазухи, бѣгомъ бѣгаютъ. А мужикъ ширитъ глаза: двое стоятъ въ шапкахъ, и спрашиваетъ: кто же царь?—Говоритъ ему Петръ Алексѣевичъ: «Видно, кто нибудь изъ насъ царь!»

По второму разсказу, царь Петръ былъ въ Стекольномъ (Штокгольмѣ), и королева-дѣвица ругалась надъ нимъ, ставила его на горячую сковороду и потомъ бросила въ темницу. Въ именины королевы князья и бояре просили ее выпустить русскаго государя. Получивъ ея дозволеніе, бояре сдѣлали бочку, набили въ ней гвозди и хотѣли положить туда Петра. Стрѣлецъ донесъ ему объ этомъ. Царь, измученный темничнымъ заключеніемъ, чрезъ силу всталъ съ постели, а стрѣлецъ занялъ его мѣсто. Бояре, ничего не подозрѣвая, положили стрѣльца въ бочку и бросили ее въ море.

Изъ народныхъ, или вѣрнѣе солдатскихъ, пѣсенъ царствованія Елисаветы одна воспоминаетъ участіе гр. Захара Григорьевича Чернышева (Сборн. Рыбн. II, 245) въ семилѣтней войнѣ, разсказывая, что онъ будто бы сидѣлъ въ темницѣ подъ Кистринскими воротами.

Къ § 229 (стр. 538).

По свидѣтельству Керара, «Antidote» написанъ кн. Е. Р. Дашковой, при содѣйствіи скульптора Фальконе (см. ст. А. Ѳеанасьева, въ Отеч. Зап. 1860, № 3. «Литературные труды кн. Дашковой).

Къ § 256 (стр. 582).

Въ 1770 г. издано было «Собраніе 4291 древнихъ русскихъ пословицъ» (сличи съ § 27, на стр. 27).

Во 2 ч. Сборника Рыбникова есть небольшая пѣсня о графѣ Румянцовѣ (какомъ именно—неизвѣстно), къ которому привели плѣнную дѣвицу и который, любуясь ея красотою, требовалъ, чтобъ она вышла за мужъ за его любимаго сына Ивана. Дѣвица сначала отказывается, но потомъ въ страхѣ отъ гнѣва и угрозъ графскихъ даетъ свое согласіе.

КОНЕЦЪ ПЕРВАГО ТОМА.